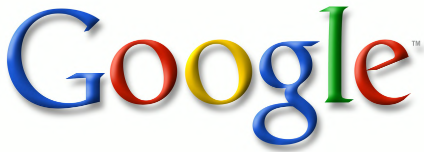

ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG· SIGILLUM
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

Jeremiah Curtin.
Moscow, Russia.
1896.

ГУСЪ и ЛЮТЕРЪ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Евгенія Новикова.

Graeci Bullis non crederent.... Graeci scandalizantur in illo capite.... Non recurrunt ad Papam Graeci, de quibus absit credere, quod singuli sint damnandi.

J. Hus.

Hist. et monum. Hus I, f. 293, 279, 285.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
Въ типографіи Александра Семена.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Декабря 20-го дня, 1858 года.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

(*Изъ Р. Б. 1858 года.*)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе это первоначально писано по каѳедрѣ исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій въ Московскомъ Университетѣ, именно, первая часть его, т. е., о Гусѣ. Доставивъ слушателю своему всевозможные источники и пособія для удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи и увѣнчавъ ее по заслугѣ золотою медалью, я раздвинулъ рамку вопроса, присоединивъ къ нему еще вопросъ о Лютерѣ, разумѣю, отношеніе послѣдняго къ Гусу и движенію, произведенному имъ въ мірѣ вѣроисповѣдномъ, государственномъ и т. д., равно какъ вліяніе преобразованія Славянина на преобразованія Нѣмца. Само собою разумѣется, изученіе этой части задачи совершено точно такимъ же образомъ, какъ и первой, по источникамъ, съ обращеніемъ вниманія и на мнѣнія занимавшихся прежде тѣмъ же самимъ. Плодомъ такимъ образомъ распредѣленной работы явилось критическое изслѣдованіе о Гусѣ и Лютерѣ, представленное, въ 1848-мъ году, сочинителемъ на ученую степень Магистра Славянской Словесности въ Историко-Филологическій Факультетъ того же Московскаго Университета. Факультетъ единогласно одобрилъ трудъ этотъ, но при печатаніи отыскались таки причины, во вниманіи къ которымъ, вопреки всѣмъ представленіямъ людей благомыслящихъ, пришлось отложить на время появленіе сочиненія. Авторъ потому вынужденъ былъ представить другое сочиненіе для полученія искомой степени, что и было имъ исполнено

къ концу 1849-го года. По удаленіи препоны, сочинитель еще разъ пересмотрѣлъ свое произведеніе, пополнилъ его, гдѣ нужно, и передалъ въ полное мое распоряженіе касательно выпуска его въ свѣтъ. Въ половинѣ 1856 года я вручилъ издателю «Русской Бесѣды» это сочиненіе, для помѣщенія на страницахъ его журнала, и въ концѣ 1857 начато было печатаніе въ ономъ, кончившееся ровно черезъ годъ: вышелъ 1-й отдѣлъ, заключающій въ себѣ «Жизнеописаніе Гуса и Лютера», и образовавшій собою первую часть всего сочиненія; слѣдующіе за тѣмъ отдѣлы являлись уже, одинъ за другимъ, въ возобновленномъ повременномъ изданіи Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, «Чтеніяхъ», книгахъ 4-ой 1858 года и 1-й и 2 ой текущаго 1859-го. Нынѣ все это соединено вмѣстѣ и выпущено, какъ особое цѣлое, въ двухъ частяхъ. Полагаю, занимающіеся судьбами Славянскаго міра, оцѣнятъ, какъ слѣдуетъ, это, въ высшей степени добросовѣстное и замѣчательное даровитаго молодаго писателя, изслѣдованіе двухъ личностей, столько важныхъ въ бытописаніи Европейскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что оно, повторяю, съ начала до конца основано на непосредственномъ и всестороннемъ знакомствѣ съ самыми источниками и литературою вопроса,—особенность у насъ, пока, еще довольно рѣдкая. «Испытаите книгы... и ты сѫть свѣдѣтельствоуѭщѧ о мнѣ», т. е., о моемъ изученіи, можетъ сказать сочинитель безбоязненно, предлагая теперь сдѣсь на судъ общій произведеніе свое.

О. Бодянскій.

Іюня 17 дня,
1859 года.
Москва.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ I.

Жизнеописаніе Гуса и Лютера.

ГЛАВА I.

Стр.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ОПЕЧАТКА

ВЪ I-Й ЧАСТИ:

Стр.	Строк.	*Напечатано:*	*Надобно:*
3	4 снизу	1851	1831. Его же: (Vaughan) John de Wycliffe, a Monography by Rob. Vaughan. Lond. 1853.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ.

Въ Чехіи, въ концѣ XIV столѣтія, современно началу великаго раскола на Западѣ, обнаружилось сильное вѣроисповѣдное движеніе, вызванное прошедшимъ ея, и въ свою очередь вызвавшее появленіе Гуса. Подготовленное вѣковымъ натискомъ Латинства, раздвоеніе между поклонниками Рима и защитниками Грекославянскихъ преданій, принимаетъ формы настоящей борьбы. Латинская Церковь, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было на Западѣ, въ соблазнительной жизни своего духовенства, въ шаткомъ авторитетѣ своихъ новыхъ преданій, возбуждаетъ противодѣйствіе и ненависть огромной половины Чешскаго народа. Цѣлый рядъ проповѣдниковъ, возвѣщающихъ Слово Божіе на родномъ языкѣ, возстаетъ на обличеніе Латинской іерархіи и суемудрія Западнаго. Въ буряхъ гоненій, воздвигнутыхъ Римскимъ престоломъ, умолкли послѣдніе, торжественные возгласы Матѳія Парижскаго. Въ грозномъ затишіи, предшествующемъ великимъ потрясеніямъ XV столѣтія, впервые раздается въ Пражской Виѳлеемской часовнѣ могучее, но безстрастное, слово благочестиваго проповѣдника, исполненнаго пламеннаго сочувствія къ истинѣ. Рано возвысилъ онъ обличительный голосъ противъ нечестія міранъ и духовныхъ, за что и былъ обвиненъ предъ судомъ архіепископа Вольфрама, умершаго въ 1402 году. Но умный владыка объявилъ, что проповѣдникъ исполняетъ только святую обязанность нелицепріятія, и велѣлъ оставить его въ покоѣ. Этотъ священникъ былъ Іоаннъ Гусъ.

ГЛАВА I.

НАЧАТКИ ГУСА.—ЖИЗНЬ ЕГО ДО СМЕРТИ АРХІЕПИСКОПА СБИНКА. 1373—1411 (1).

Янъ или Іоаннъ Гусъ родился 6 Іюля, 1373 года или, по словамъ Палацкаго, 1369, въ мѣстечкѣ Гусинцѣ

(1) Источники для жизни Гуса: 1) Его собственныя сочиненія: Historia et monumenta J. Hus atque Hieronymi Pragensis. Norimbergæ 1558, ed. sec. 1583, ed. tert. 1715, 2 voll., всѣ въ листъ, съ приложеніемъ біографіи Гуса: Historia Sanctissimi Martyris; сколько извѣстно, это послѣднее есть сокращеніе донесенія *Петра Младеновица*, и другихъ отрывковъ, относящихся къ отдѣльнымъ частямъ Гусовой жизни. 2) Epistolæ quaedam piissimæ et eruditissimæ Johannis Hus, cum M. Lutheri præfatione. Vitemb. 1537, 12; переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на Нѣмецкій въ «Briefe des Joh. Hus, nach dem boehm. Urtext und mit Anmerkungen von Ferd. *Mikowec*. Leipz. 1849, 12. 3) Geschichtschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, въ «Fontes rerum Austriacarum,» 1-the Abth. Scriptores. 2 Band, Theil 1. Wein, 1856.— Нѣкоторыя изъ сочиненій Гуса на Чешскомъ исчислены Юнгманомъ въ его Historie literatury, české, 2 vyd. v Praze, 1849, на прим.: O šesti bludech, Dcerka, и др. 4) *Aeneæ Sylvii* de Bohemorum origine ac gestis historia, cap. 35—36. Bas. 1575, fol. 5) *Joh. Cochlæi* Historia Hussitarum, libri 12, Mogunt. 1549, fol. 6) *M. Z. Theobaldi* Bellum Hussiticum. Frf. 1621, fol; Hussitenkrieg, darin begriffen das Leben, die Lehre, der Tod M. Johannis Hussi. Nürnberg, 1624, 4. 7) *Balbini* Epitome Hist. Bohem. Prag. 1677, 2 voll., fol., и Miscellanea, Prag. 1679—87, VII voll., fol. 8) *Wawřince z Březowé* letopisowé wálky Husitské, рукопись, доселѣ не изданная и извѣстная только отчасти въ неправильномъ Латинскомъ переложеніи, въ *Людвиговомъ* Collectio reliqu. manuscript. ac monumentor., tom. VI, p. 124 squ. 9) Stařj letopisowé češtj od r. 1378 do 1527, w Praze, 1829., 4. 10) Hystoria o těžkých protjwenstwjch cýrkwé české. Hirschw. 1844, 12. Далѣе сочиненія, относящіяся къ Исторіи Констанцкаго Собора. 1) Великій сборникъ *V. der Hardt*, Magnum œcumenicum Constantiense Concilium. Francof. 1699 sq., fol., IV. 2) Сочиненія современниковъ: *Штумпфа* Des grossen gemeinen Conciliums zu Costentz kurtze Beschreibung u. s. w. (sine loco et anno), и *Рейхенталя* Das Concilium zu Constantz. 1486; 2-е изд. 1536 г. 3) Позднѣйшія сочиненія, какъ пособія: 1) *Lenfant* Histoire du Concile de Constance. Amsterdam, 1727, 2 voll. 4. 2) *Royko* Geschichte der grossen Kirchenversammlung zu Kostnitz. Prag, 1784—1796, 4 Bde, 8. 3) *Pelzel*, Lebensgeschichte des römischen und böhmischen Königs Wenzeslaus, und Urkundenbuch zur Lebensgesch. Prag. 1788—90, 2 Bde, 8. 4) *Palacky*, Archiv český. W Praze, 1840 и слѣд. 5) *Zeyfridi* (Wilh.) Commentatio de Johannis Hussi martyris vita, fatis et scriptis, etc. Jenæ, 1729, Helperhusæ 1743, 4. 6) *Pelzel*, Kurzgefasste Geschichte der Böhmen. Prag. 1782, 2 Bde, 8. 7) *Schroeck* Christl. Kirchengeschichte, tom. 33—34. 8) *Flaccii* Catalogus testium veritatis, an. 1562, ed. sec. Frfr. 1666, 4; 9) *Palacky*. Geschichte v. Böhmen, T. III, 1 Abthl. Prag 1845.— *Его же*, Dějiny národu českého, díl III, č. 1. W Praze, 1850. 8. 10) *Aschbach* Geschichte Kaiser Sigmunds. Hamb. 1838—39, 2 Bde, 8. 11) *Krasinski* Sketsch

(принадлежавшемъ частію Королевскому замку Гусъ, частію же непосредственно Королевской камерѣ), въ Прахинскомъ округѣ, на южной сторонѣ Чехіи. Отъ этого зáмка или мѣстечка Янъ получилъ свое имя. Обычай называться по имени мѣсторожденій былъ общимъ въ средніе вѣки. ([1]) Гусъ родился, какъ Лютеръ, отъ бѣдныхъ поселянъ ([2]), но людей свободнаго происхожденія. Писатели прошлаго столѣтія считали его крѣпостнымъ Николая, владѣльца Гусинца, который послѣ явился во главѣ Таборитовъ: Варильясъ, въ Исторіи ереси Виклефа, намекаетъ, кромѣ того, на его незаконное происхожденіе ([3]). Не первому Гусу пришлось защищать свою личную свободу отъ нападеній неблагонамѣренной критики.— О первыхъ двадцати годахъ жизни его въ источникахъ не сохранилось почти никакого извѣстія. Знаемъ только, что первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ, а приготовительное ученіе окончилъ въ Прахатицахъ, уѣздномъ городѣ своего округа. Въ чемъ состояло это ученіе? Конечно въ трехъ первоначальныхъ наукахъ, входившихъ въ составъ извѣстнаго *trivium*, находившагося тогда въ каждомъ значительномъ городѣ. Онъ учился еще Латинскому пѣнію, какъ самъ говоритъ: cantum

---

of the reformation in Poland. Lond. 1838—40, 2 voll. 8. 12) *Gieseler*, Lehrbuch der Kirchengeschichte, въ своихъ мѣстахъ. 13) *L. Flathe*, Geschichte der Vorläufer der Reformation, 2 Bde, 8, Lpz. 1835. 14) *E. Bonnechose*, Les réformateurs avant la réforme, 2 voll. Paris. 1845. 8. 15) *Holzhausen*, Der Protestantismus nach seiner geschichtlichen Entstehung, Begründung und Fortbildung. 2 Bde. Lpz. 1846—49. 8. 16) Johann Huss, v. *N. Hadermann*, небольшая монографія, въ популярномъ сборникѣ: Die Männer des Volks, издаваемомъ *Дуллеромъ*, III. B. 1. Lief., 1847. 17) *Cappenberg*, Utrum Hussi doctrina fuerit hæretica? Monaster. 1834, 12. 18) *Zürn*, Johann Huss auf dem Concile zu Costnitz. Leipz. 1836, 12; 19) *Neander*, Züge aus dem Leben Joh. Hus, въ «Kleine Gelegenheitsschriften.» Berl. 1824, 12; 20) *Helfert*, Hus und Hieronymus. Prag, 1853, 8. На Чешскомъ тамъ же, 1857. 21) *Boehringer*, Die Vorreformatoren des XIV и XV Jahrh. 1-the Hlf. Johannes von Wykliff. Zürich, 1856. 8; въ слѣд. отдѣлѣ обѣщано жизнеописаніе Гуса. 22) Joh. *Wiclefi* Dialogorum libri quatuor. Fraef. et Lps. 1753; предпослана жизнь Виклефа, L. Ph. *Wirth*. Bayereuth und. Hof. 1754. 4. 23) *Vaughan* Life of Wycliffe. 2 voll. Lond. 1851. 8. 24) *Le Bas*, Life of Wiclef, 2 ed. Lond. 1846. 12.

(1) Lenfant, Hist. du Conc. de Const. 24, § 20.

(2) Aen. Sylv. Hist. bohem. § 35; obscuro loco natus.

(3) Lenfant, Hist. du Conc. de Const. 23, § 20.

approbatum ab ecclesia, quo cœpi cantum discere, cantavi in scholis et in ecclesiis ([1]). Стало быть, онъ не только присутствовалъ, но и принималъ участіе въ Латинскомъ богослуженіи въ молодости. Все воспитаніе совершалось тогда исключительно подъ надзоромъ и подъ руководствомъ Латинскаго духовенства. Но слова: cantum *approbatum ab ecclesia* показываютъ также, съ какою бдительностію это послѣднее оберегало молодые умы отъ вліянія Православныхъ преданій, несомнѣнно существовавшихъ. Можетъ быть, Гусъ, умѣвшій различать, что одобрено Западною Церковію и что ею отвергнуто, не разъ покушался отвѣдать запрещеннаго плода. Наблюдательный умъ его рано познакомился съ порочною жизнію Латинскихъ церковниковъ. Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній его молодости были злоупотребленія Завиши, священника и ректора Прахатицкой церкви. Въ 1410 или 1411 году онъ писалъ къ Завишѣ посланіе, гдѣ упрекалъ его въ томъ, что онъ 30 лѣтъ или около стрижетъ свою паству въ Прахатицахъ, обираетъ деньги овечекъ, не заботясь объ ихъ душевномъ спасеніи ([2]). Другое впечатлѣніе, непріятно поразившее 17-лѣтняго юношу, было торжество юбилея, назначеннаго буллой Бонифація IX въ Вышеградской церкви подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ, желающіе имѣть отпущеніе грѣховъ, объявили по совѣсти, на сколько простираются издержки ихъ путешествія въ Римъ, сообща съ семействомъ, туда и обратно; обязываясь взнести эту сумму въ папскую казну, они получали право совершать юбилей въ Вышеградѣ ([3]).

Гусъ былъ свидѣтелемъ послѣдняго происшествія уже въ столицѣ, куда переѣхалъ неизвѣстно въ которомъ году. Отца его уже не было въ живыхъ; а мать сама повезла его въ Прагу. Преданіе говоритъ, что она взяла съ собой пирогъ и гуся, дабы вручить ихъ въ видѣ подарка ректору

(1) Historia et Monumenta Joh. Hus, de Sacramento Corporis et Sanguinis Domini, 40, cap. 3.

(2) Monum. Hus. I, 93.

(3) Bonifacius meis temporibus annum Jubilaeum in Ecclesia Vissegradensi per bullas statuerat, etc. Adversus Scripta 8 Doctorum: Monum. Hus, I, 293, 6.

Пражскаго университета; но гусь улетѣлъ на пути, и бѣдная вдова, принимая то за печальное предзнаменованіе, въ пламенной молитвѣ поручала сына благословенію Божію ([1]). Варильясъ говоритъ, что Гусъ въ Прагѣ, лишенный всѣхъ средствъ, нанялся къ одному дворянину, посѣщавшему лекціи университета, подрядившись носить ему туда книги. Вѣроятнѣе другое извѣстіе, что одинъ изъ профессоровъ изъ милости принялъ его на свое содержаніе, и что Гусъ исправлялъ при немъ служебныя должности ([2]). Сюда относится единственное преданіе, сохраненное намъ современниками объ его юношествѣ. Рано обнаружилъ онъ религіозный восторгъ, утвердившій въ послѣдствіи выборъ его на богословскомъ факультетѣ, а въ лѣтахъ мужества доведшій его до костра. Однажды, истопивъ коллегію Карлову для лекцій профессора, онъ сталъ на досугѣ прочитывать Житія Святыхъ. Дошедъ до того мѣста, когда діаконъ Лаврентій, испеченный въ Римѣ на желѣзной рѣшеткѣ при императорѣ Валеріанѣ, говоритъ исполнителямъ казни: «Испеклось! поворотите», Гусъ, въ порывѣ восторга, вложилъ руку въ горящую печку. Товарищи спасли его отъ неминуемой гибели, и молодой Гусъ признался, что онъ хотѣлъ испытать, до какой степени духъ можетъ быть нечувствителенъ къ страданіямъ плоти. «Жизнь суровая, лишенная всѣхъ наслажденій, даже невинныхъ потѣхъ его возраста; поведеніе строгое и безукоризненное, по свидѣтельству самыхъ завистниковъ славы его; чудная гибкость характера; кротость и привѣтливость ко всѣмъ, безъ различія званій; лице блѣдное, покрытое невыразимою грустію, истощенное бдѣніемъ», — такова была личность этого дивнаго юноши, который рано обратилъ на себя вниманіе современниковъ ([3]). Вся его молодость сливается съ Пражскимъ университетомъ: ему по-

---

(1) Lenfant, Hist. du Conc. de Const., 24.

(2) Этими подробностями опровергается мнѣніе Палацкаго въ его Чешской Исторіи (Dějiny národu českého, III, č. I, str. 40), что Гусъ родился «отъ людей, хотя простаго сословія, но все же нѣсколько болѣе зажиточныхъ: «z rodičůw stawů obecného sice, a wšak wždy poněkud zámožnějšich.»

(3) Balbini, Epit. rer. Boh. p. 431.

святилъ онъ труды свои; ему безъ раздѣла принадлежитъ честь воспитанія Гуса, подъ руководствомъ такихъ учителей, каковы были: Христаннъ Прахатицкій, Николай Лютомышльскій и нѣкоторые другіе. Онъ прошелъ одну за другою всѣ ученыя степени университета: въ Сентябрѣ 1393 года сдѣланъ былъ баккалавромъ свободныхъ наукъ; въ 1394 баккалавромъ богословія; въ Январѣ 1396 магистромъ свободныхъ наукъ, потомъ богословія; въ 1398 профессоромъ университета; въ 1399, на диспутѣ у Св. Михаила въ Старомъ городѣ Пражскомъ, открыто защищалъ уже нѣсколько положеній Виклефа противъ университетскихъ товарищей. Не смотря на то, 15 Октября, 1401, онъ выбранъ въ деканы богословскаго факультета ([1]); въ 1402 году (14 Марта) въ священники и проповѣдники при Виѳлеемской часовнѣ ([2]); наконецъ съ Октября, 1402 до Апрѣля 1403 носилъ знаменитое званіе ректора.

Первоначально проповѣдь Гуса обращена была на пороки мірянъ и, пока продолжалась она въ этомъ духѣ, Чешское духовенство считало Гуса вдохновеннымъ свыше учителемъ. Извѣстіе это, сохранившееся въ надписи на старинномъ пергаментѣ, согласно вполнѣ съ государственнымъ состояніемъ Чехіи, раздираемой крамолами сильныхъ вельможъ. Когда же проповѣдникъ возсталъ обличителемъ роскоши и святокупства духовныхъ, архіепископъ Вольфрамъ просилъ короля наложить на него запрещеніе. Онъ получилъ тотъ же самый отвѣтъ, которымъ нѣкогда встрѣтилъ притязанія пановъ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ ([3]). Съ нравственною проповѣдію Гусъ соединяетъ

(1) Какъ еще Вальбинъ видѣлъ о томъ собственноручную записку его въ университетскомъ Архивѣ. Epit. 403.

(2) Starj letopisowé češtj, str. 7, и Палацкій. Но какъ согласить съ этимъ показаніемъ свидѣтельство Гуса, который называетъ 1401-й годъ первымъ своей проповѣди (Mon. I, 39, 6), и въ 1413 писалъ къ Пражанамъ: «plusquam 12 annis in verbo Dei apud vos laboravi»? 13 Ep. Monum. I, 99, 6.— Какъ согласить съ высокими университетскими степенями Гуса догадку Палацкаго, что, вѣроятно, въ университетѣ его не считали особенно умною головою, потому что въ спискахъ получавшихъ ученыя степени онъ занимаетъ почти вездѣ только среднее мѣсто. Palacky, Dějiny národu českého, III, č. I, str. 40.

(3) Hist. Hus. 1.—Starj letopisowé подъ год. 1402, str. 7.—Hist. o těžkých prot., str. 22.

уже и догматическую, которой смыслъ оставался тайною для современниковъ. Пизскій Соборъ считалъ излишнимъ самое упоминовеніе объ немъ; но Констанцкій призналъ 1401 годъ за начало антирелигіознаго движенія въ Чехіи. Это согласно и съ собственнымъ показаніемъ Гуса, который выступилъ въ этомъ году съ своимъ первымъ сочиненіемъ: «De corpore Christi.» Онъ тогда уже пользовался общею извѣстностію; какъ духовникъ прекрасной и набожной королевы, Софіи, имѣлъ вѣсъ при дворѣ (1); былъ въ мирѣ и отношеніяхъ дружбы и съ новымъ архіепископомъ, Сбинкомъ, который въ 1402 году, тотчасъ по принятіи архіепископскаго сана, поручилъ ему лично доносить о всѣхъ отступленіяхъ отъ церковнаго правила, какія замѣтитъ онъ въ Чешской епархіи (2). Къ этому году и относится сочиненіе Гуса: «De omni sanguine Domini glorificato,» одобренное Сбинкомъ и направленное противъ грубаго суевѣрія и ложнаго пониманія чудесъ въ Латинской половинѣ народа. Во имя Христово и подъ видомъ Животворящей Крови, въ сосѣднемъ Вильснакѣ, городкѣ Бранибора (Бранденбурга), совершались мнимыя чудеса, привлекавшія изъ Чехіи многочисленныхъ посѣтителей. Гусъ былъ въ числѣ трехъ выборныхъ, наряженныхъ архіепископомъ для ихъ изслѣдованія, и обнаружилъ обманъ (3). Въ слѣдствіе этого Сбинекъ приказалъ всѣмъ священникамъ и проповѣдникамъ Пражской епархіи провозглащать въ слухъ народа по Воскресеніямъ, чтобы никто, подъ опасеніемъ отлученія отъ Церкви, не смѣлъ ходить къ нареченной крови въ Вильснакѣ. Но уже въ 1403 году замѣтно разъединеніе между Гусомъ и архіепископомъ, когда, вопреки выгодамъ послѣдняго, Гусъ на собраніи членовъ университета и Пражской капитулы, 28 Марта 1403 года, отстаивалъ чистоту ученія Виклефа и обличалъ обвинителей въ подлогѣ небывалыхъ статей (4).

(1) Когда онъ сдѣлалъ ея духовнымъ отцемъ, не извѣстно. Лапфанъ, неправильно толкуя мѣсто Бальбина (Epit. 402), приводитъ 1400-й годъ.

(2) Palacky, Dějiny nár. česk. III. I., str. 67, pozn. 105.

(3) De Sangu. Dom. Monum. Hus. I, 161, 6.

(4) Подробности у Палацкаго, III, 44.

Въ томъ же году, съ дозволенія Сигизмунда и Вячеслава, онъ сдѣлалъ и первый опытъ проповѣди противъ индульгенцій (1). Въ 1404 году, 9 Іюля, Гусъ напутствовалъ къ смерти извѣстнаго разбойника-рыцаря, Николая Зуля изъ Остредка, взятаго въ плѣнъ архіепископомъ Сбинкомъ, и такъ подѣйствовалъ на него словомъ своимъ, что онъ съ искреннимъ раскаяніемъ просилъ окружающихъ молиться о прощеніи грѣховъ его (2). Въ 1405 году, проповѣди, говоренныя Гусомъ на Чешскомъ языкѣ въ Виѳлеемской часовнѣ, навлекли на него ненависть высшаго духовенства. Въ одной изъ нихъ, относящейся къ 1404 или 1405 году, онъ съ необыкновенною свободою и смѣлостію выражается противъ порочной жизни Латинскихъ духовныхъ и побуждаетъ архіепископа къ строгости (3). Есть другая рѣчь, говоренная Гусомъ въ палатахъ архіепископскихъ и наполненная сильными возгласами противъ безнравственной жизни нищенствующихъ монаховъ. Отъ 1407 года сохранилась проповѣдь одного содержанія съ прежними, на Ефес. VI, 16, и рѣчь въ церкви Св. Климента въ Прагѣ, на Іоанн. V, 8, въ похвалу императора Карла IV, котораго онъ называетъ покровителемъ Церкви, другомъ духовенства, питателемъ нищихъ, основателемъ храмовъ и университета. Въ этомъ послѣднемъ Гусъ все еще продолжалъ свои чтенія. Въ 1409 году, когда папа Александръ V выбранъ былъ Пизскимъ Соборомъ, онъ объяснялъ, въ своихъ лекціяхъ, Петра Ломбарда, магистра Sententiarum, настольную книгу западныхъ богослововъ (4).

Смѣлыя рѣчи Гуса обратили наконецъ вниманіе Сбинка. Общая молва въ духовенствѣ уже обвиняла его въ ереси Виклефа; увидимъ ниже, на сколько обвиненіе это заслуживаетъ вѣры. Правда, прямыхъ уликъ еще не было; но послѣдовавшее осужденіе 45 статей Виклефа въ 1408 и 1409 годахъ было косвеннымъ нападеніемъ на ученіе Гуса. По этому случаю произошло первое явное неудовольствіе

(1) Balb. Epit., 412.
(2) Starj letopisowé, str. 9—10.
(3) Monum. Hus, II, 25, 27.
(4) Mon. Hus, I, 39, 6.

между Гусомъ и Сбинкомъ. Іоаннъ Кбель, архіепископскій викарій, издалъ приказъ, чтобы всѣ Чехи, подозрѣваемые въ ереси, явились къ отвѣту. Священникъ Святодуховской церкви, Николай изъ Веленовицъ, прозванный Авраамомъ, обнаружилъ при допросѣ еретическія мнѣнія и былъ заключенъ. Напрасно Гусъ ходатайствовалъ о свободѣ его, опираясь на прежнія связи съ архіепископомъ, и громко протестовалъ, когда Сбинекъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, удалилъ его изъ епархіи ([1]). Дѣла принимали уже такой оборотъ, что возбудили вниманіе правительства. Въ отношеніи къ новому ученію король Чешскій постоянно придерживается образа дѣйствій Эдуарда III и Ричарда II, предоставляетъ его собственной судьбѣ, принимая мѣры только страдательныя; но желаетъ ему въ тайнѣ успѣха, по тому что видитъ въ немъ лучшее средство избавиться отъ тяжелой опеки Латинской Церкви. Вячеславъ созываетъ въ Прагу вельможъ королевства, для примиренія враждующихъ сторонъ ([2]). Въ слѣдствіе рѣшенія этого сейма Сбинекъ, въ торжественномъ собраніи прелатовъ, магистровъ, докторовъ, студентовъ, приходскихъ священниковъ и другихъ христіанъ правовѣрныхъ, въ палатахъ архіепископскихъ, 17 Іюля 1408, объявилъ, что, по тщательномъ изслѣдованіи, сдѣланномъ по приказанію короля имъ самимъ и его намѣстниками, во всей Пражской епархіи не оказалось ни одного человѣка, зараженнаго ересью ([3]). На это важное свидѣтельство ссылаются въ послѣдствіи приверженцы Гуса, когда противники обвиняютъ ихъ въ ереси. Между тѣмъ это дѣйствіе Сбинка находится въ такой знаменательной противоположности съ предшествующимъ осужденіемъ 45 статей Виклефа и со всѣмъ послѣдующимъ образомъ дѣйствій архіепископа, что вмѣшатель-

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhm. III. 223.—Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 74. «Праздные и порочные священники живутъ на свободѣ; а смиренные, неиздоимные, трудолюбивые пастыри терпятъ изгнаніе и заключеніе темничное», говорилъ Гусъ.

(2) Pelzel, Urkundenbuch, N 216.—Lebensgeschichte, 1, 124—125.

(3) Tenor appellationis J. Hus a sententia archiepiscopi Pragensis ad sedem apostolicam. Mon. I, 90, 6, 91.

ство королевской власти здѣсь очевидно. Вячеславъ хочетъ увѣрить всю Латинскую Европу, что Чехія образецъ правовѣрія, и Сбинекъ, вѣроятно по принужденію, исполнилъ королевскую волю. Чтобы исправить невольную ошибку, онъ ищетъ уже повода къ распрѣ съ самимъ королемъ, и находитъ ее въ спорѣ двухъ папъ: Бенедикта XIII и Григорія XII. Кардиналы писали къ Вячеславу съ легатомъ Ландульфомъ, чтобы онъ отказалъ въ повиновеніи Григорію XII, лаская его надеждою, что новый папа признаетъ его императоромъ. И дѣйствительно, король Чешскій объявилъ кардиналамъ (24 Ноября), что онъ, согласно съ желаніемъ ихъ, откажется отъ духовнаго владычества папы Григорія, и вышлетъ посольство на Пизскій Соборъ, если только оно будетъ тамъ принято, какъ уполномоченное отъ истиннаго короля Римскаго. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ объявилъ свое королевство невмѣшивающимся ни во что, до рѣшенія Собора, и приказалъ духовенству, по примѣру Французскаго, отказать въ повиновеніи обоимъ папамъ-совмѣстникамъ; требовалъ того же и отъ университета. Но Сбинекъ и все духовенство отозвались невозможностію нарушить данный ими обѣтъ послушанія; университетъ съ своей стороны отказался исполнить королевскую волю; одинъ только Чешскій народъ изъявилъ готовность приступить къ желанію своего короля, и Гусъ съ своими приверженцами убѣждалъ всю Чехію объявить себя также невмѣшивающеюся. Сбинекъ воспользовался случаемъ, чтобы наложить запрещеніе на проповѣдь Гуса, какъ непослушнаго сына Церкви (1). «Во время отпаденія Чехіи отъ Григорія XII,» (писалъ Гусъ къ кардиналамъ въ 1411 году), «я совѣтовалъ усердно вельможамъ, князьямъ и дворянамъ, духовенству и народу, всѣми силами искать соединенія съ Коллегіею. Но Пражскій архіепископъ, противникъ коллегіи, всѣмъ магистрамъ университета, передавшимся на ея сторону, и особенно мнѣ, прибитыми ко дверямъ всѣхъ церквей объявленіями, запретилъ исправлять священнослуженіе

(1) См. ниже, въ подробностяхъ слушанія Гуса на Конст. Соборѣ.— Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 76—77.

въ своей епархіи, за то, что магистры университета, будто бы безъ всякаго права, нарушили повиновеніе святѣйшему папѣ. Но такъ какъ папа дѣйствительно низложенъ былъ приговоромъ Пизскаго Собора, то отпаденіе магистровъ нашло въ этомъ рѣшеніи законное свое оправданіе» ([1]).

Запрещеніе Сбинка осталось безъ слѣдствій; но споръ завязывался болѣе и болѣе, и наконецъ увлекъ за собою и Пражскій университетъ. Вся послѣдняя половина 1408 и первая 1409-го года прошли въ неистовомъ спорѣ между Славянской стороной докторовъ и студентовъ и представителями Нѣмецкихъ народовъ о правѣ большинства голосовъ во всѣхъ дѣлахъ университетскихъ. Подробности этого спора не входятъ въ объемъ моего изслѣдованія: упомяну только объ участіи Гуса. Отношеніе Чеховъ къ прочимъ народамъ въ правѣ подавать голоса при Карлѣ IV было какъ три къ одному, при сынѣ его перемѣнилось въ обратное. Всѣ представители Чеховъ въ университетѣ, не смотря на личную вражду многихъ между собою, сообща принесли покорную просьбу королю о возстановленіи первоначальнаго отношенія между голосами народовъ. 10 Мая 1408, когда университетъ собрался для выбора ректора, Гусъ съ 8 или 9 магистрами: Іеронимомъ, Якубкомъ изъ Стрибра, Прибрамомъ, Яномъ изъ Звиковицъ и другими, изложилъ свои требованія въ полномъ собраніи университета, и былъ поддержанъ славною рѣчью друга своего, Іеронима. Вячеславъ, предубѣжденный въ пользу противниковъ, сдѣлалъ Гусу ([2]) строгій выговоръ за подозрѣніе въ ереси, которою онъ, вмѣстѣ съ Іеронимомъ, возбудилъ безпокойство въ народѣ, и даже напомнилъ ему объ огненной казни, подтвержденной Карломъ IV для ере-

---

(1) Mon. Hus I, Ep. 1, p. 93.—Въ другомъ рукописномъ посланіи Гуса къ архіепископу читаемъ: «Я не хочу выступать изъ послушанія папѣ и Церкви; я готовъ повиноваться и Григорію XII и архіепископу во всемъ законномъ; но въ спорѣ обоихъ папъ сохраняю невмѣшательство, какъ добрый сынъ обязанъ быть постороннимъ свидѣтелемъ въ спорѣ отца съ матерью.» Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 77.

(2) Когда онъ явился къ нему на Кутныя Горы, гдѣ король тогда находился, въ числѣ прочихъ выборныхъ просить о возстановленіи законнаго отношенія между Нѣмцами и Чехами.

тиковъ. Душевная тревога повергла Гуса въ тяжкую болѣзнь. Не ранѣе какъ 18 Января 1409, вышелъ указъ Вячеслава, утверждавшій за Чехами право трехъ голосовъ. Успѣхомъ они обязаны были Николаю изъ Лобковицъ, приближенному короля Вячеслава, и доброжелателю Чеховъ. Гусъ величалъ короля и убѣждалъ слушателей изъявить благодарность и Николаю изъ Лобковицъ. Долго еще длились переговоры по этому дѣлу. Нѣмцы продолжали упорствовать, пока Лобковицъ не снялъ насильно съ стараго ректора знаковъ власти его. Это событіе подало знакъ къ окончательному разрыву. Нѣмецкіе магистры и студенты толпами стали выходить изъ Праги пѣшкомъ и верхомъ. Общее число Нѣмцевъ, оставившихъ Прагу, приводится различно писателями. Остановимся на показаніи Энея Сильвія, который приводитъ 5000 (1).

Удаленіе Нѣмцевъ изъ Праги устранило сильнѣйшую преграду свободному развитію преобразовательныхъ идей въ Чехіи. Число проповѣдниковъ увеличилось. Латинскіе священники явно стали переходить на ихъ сторону. Послѣдователи ученія Гусова впервыя отдѣляются отъ общей массы Латинскаго народонаселенія и слагаются въ особую, сильную общину, которую Гусъ въ первый разъ называетъ своею (pars nostra) и противополагаетъ Западному духовенству (2).

Образованіе цѣлой стороны приверженцевъ новаго ученія, *открыто* оторвавшейся отъ общаго единства Западной Церкви, было явленіемъ новымъ. Между тѣмъ Соборъ въ Пизѣ, въ лицѣ своихъ кардиналовъ, объявилъ себя на сторонѣ Вячеслава, противъ короля Рупрехта, друга Григорія XII. 26-го Іюля 1409 года, выбранъ папой Миланскій епископъ, Піетро Филарго Кандія, подъ именемъ Александра V, на мѣсто низложенныхъ, Григорія и Бенедикта. Не ранѣе какъ 2 Сентября Сбинекъ призналъ его первосвя-

---

(1) Подробности въ Исторіи Палацкаго III, 229—334.—Его же, Dějiny národu českeho, III, č. 1. str., 78—83, а равно и въ донесеніи Младеновица о слушаніи Гуса на Констанцкомъ Соборѣ.

(2) Cochlæi, Hist. Hussit. I, p. 16.

щенникомъ ([1]). Но духовенство воспользовалось примиреніемъ съ папой, чтобы возвести на Гуса обвиненія предъ архіепископомъ: въ возбужденіи народа противъ духовныхъ властей Латинскаго Запада, природныхъ Чеховъ противъ иноземцевъ; въ томъ, что онъ проповѣдуетъ презрѣніе къ Церкви, Римъ называетъ престоломъ Антихриста, каждаго священника, принимающаго плату за Таинство, поноситъ еретикомъ, всенародно хвалитъ ученіе Виклефа, и даже нѣсколько разъ въ проповѣдяхъ своихъ изъявлялъ желаніе быть нѣкогда тамъ, гдѣ находится душа ересіарха. Архіепископъ поручилъ своему инквизитору, профессору богословія, Маврикію Пражскому, изслѣдовать, по какому праву въ Виѳлеемской часовнѣ отправляется торжественное богослуженіе съ пѣніемъ ([2]). Гусъ письменно отвѣчалъ на всѣ обвиненія. Но еще до признанія новаго папы, Сбинекъ, побуждаемый совѣтами Андрея изъ Брода ([3]), приказывалъ собственной властью, чтобы всѣ доктора, магистры и баккалавры, дворяне и граждане, въ продолженіе шести дней, слагали во дворѣ архіепископа всѣ, принадлежащія имъ, сочиненія Виклефа. Но какъ повелѣніе это противорѣчило привиллегіямъ университета, то Гусъ и друзья его тогда же взвесли аппелляцію къ папѣ Григорію XII, чрезъ посредство своего адвоката или повѣреннаго, Генриха ([4]). Слѣдствіемъ этого былъ вызовъ самаго Сбинка на судъ предъ папскимъ престоломъ чрезъ аудитора папскаго (8 Декабря 1409) ([5]).

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhmen, III, 245; Dějiny nár. česk. III, č. I, str. 93.

(2) Тамъ же, 246.—Dějin. n. č., str. 94.—Подобныя жалобы духовенства на Гуса поданы были Сбинку еще въ 1408 году.

(3) Письмо его къ Сбинку у Кохлея, I, p. 17.—Другіе наушники были: Юрій изъ Бору, Геліасъ, каноникъ Адамъ изъ Нежетицъ; см. Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 74.

(4) Ordo procedendi in causa Hus per ipsummet signatus, I, 86.—Tenor appellationis Hus, I. 89, 6.—Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 75. 5 Августа, 1408.

(5) Генриха Крумгарта изъ Вестергольца, декана у Св. Андрея въ Кельнѣ. Ibid. 89, 6.—Палацкій (Dějiny nár. českého, III, č. 1, str. 75 и 95) говоритъ о двукратной жалобѣ Гуса на Сбинка, сначала Григорію XII, потомъ

Дѣла могли бы принять дурной оборотъ для архіепископа, если бы онъ въ тоже время, съ своей стороны, не отправилъ тайкомъ къ Александру V донесенія о религіозномъ состояніи Чехіи. Сбинекъ доносилъ папѣ, что во всей Чехіи и Моравіи проповѣдь въ народныхъ часовняхъ и чтеніе книгъ Виклефа производитъ многочисленныя ереси, особенно въ отношеніи къ Таинству Евхаристіи, и что дѣятельное вмѣшательство власти первосвященника необходимо для искорененія ереси. Тогда-то прислана была папой Александромъ V знаменитая булла 20 Декабря 1409 года (1). Папа запрещалъ проповѣдь во всѣхъ часовняхъ, даже получившихъ особыя преимущества отъ престола апостольскаго, и позволялъ ее только въ соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ церквахъ, подтверждая запрещеніе распространять ученіе Виклефа и давая право архіепископу сжечь его книги (2). Эта булла испытала въ Чехіи странную участь. Сбинекъ надѣялся, что повелѣніе папы, до избранія на папскій престолъ находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ къ королю, будетъ принята въ Чехіи съ величайшею покорностію. Онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: Гусъ не переставалъ проповѣдывать, говоря, что Слово Божіе свободно и всемогуще; что никто не вправѣ связывать его благовѣстіе. Не только придворные, но и высшіе сановники Чехіи, считавшіе дѣло Гуса своимъ, описали архіепископа какимъ-то измѣнникомъ государству, самовластно распространяющимъ слухи о небывалой ереси; и Вячеславъ, котораго вся политика стремилась къ тому, чтобы новое ученіе распространялось, не дѣлаясь гласнымъ, строго потребовалъ указанія, гдѣ эта ересь, и кто въ ней участникъ? Къ довершенію соблазна, нашлись люди, которые утверждали, что булла подложна и куплена дорогою цѣною у монаха Оливета, чиновника папской канцеляріи (3). Но Сбинекъ не оробѣлъ: опираясь на могуще-

---

Александру V. Кажется, это одно и тоже событіе, и вызовъ Сбинка на судъ могъ послѣдовать по прежнимъ на него доносамъ.

(1) Тамъ же, 90.

(2) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 248.—Dějiny nár. česk. III, č. I, str. 96.

(3) Tenor appellationis J. Hus. I, 90.

ство папы, онъ созываетъ мѣстный Соборъ въ палатахъ архіепископскихъ, 16 Іюня 1410 года. По приговору, произнесенному шестью докторами богословія и законовѣдцами надъ книгами Виклефа, какъ еретическими, 16 его сочиненій присуждаются окончательно къ сожженію; четыре магистра: Михаилъ изъ Дерновицъ, Петръ изъ Валенціи, Янъ изъ Лайнштейна и магистръ Маркъ Градецкій, прокураторъ Пражскаго университета, которые одни не выдали книгъ, вызываются трижды къ исполненію воли архіепископа; запрещеніе проповѣдывать въ часовняхъ подтверждается подъ опасеніемъ анаѳемы и заточенія. Гусъ успѣлъ уже выдать сочиненія Виклефа, но съ условіемъ, чтобы архіепископъ разсмотрѣлъ прежде, дѣйствительно ли въ нихъ заключаются ереси (1)? Но за два дня до рѣшенія Собора (14 Іюня 1410), университетъ, собравшись подъ предсѣдательствомъ ректора, единогласно протестовалъ противъ исполненія незаконнаго приговора. Доктора, магистры и студенты объявляли, что, по императорскимъ и папскимъ привиллегіямъ, дарованнымъ университету, архіепископъ не имѣетъ надъ нимъ никакой судебной власти; что обладаніе книгами есть дѣло вообще не церковнаго, а гражданскаго права, и что они не отдадутъ своей собственности, добытой съ великимъ трудомъ и издержками; что обвиненіе въ ереси ложно, по собственному торжественному сознанію Сбинка; что повелѣніе папы лишилось исполнительной силы, въ слѣдствіе смерти Александра V (послѣдовавшей 3-го Мая); что противно здравому разуму сожигать сочиненія о логикѣ, философіи и математикѣ, не имѣющія ничего общаго съ религіею; что, даже при справедливомъ предположеніи, будто въ нихъ заключается ересь, истреблять ихъ не нужно; ибо по той же посылкѣ должно бы уничтожить всѣ сочиненія языческихъ философовъ, Аристотеля и комментатора его, Аверроеса, магистра Sententiarum и Оригена, въ которыхъ много уклоненій отъ истины Вѣры; между тѣмъ какъ Церковь предписываетъ изучать и ереси, чтобы тѣмъ успѣшнѣе бороться за исти-

---

(1) V. d. Hardt, IV, 310.—Tenor appellationis: Mon. I, 90.

ну ([1]). Они обращаются къ королю съ просьбою остановить исполненіе приговора, и Вячеславъ дѣйствительно велѣлъ архіепископу дождаться Іодока, маркграфа Моравскаго, на котораго перенесли рѣшеніе дѣла, какъ на извѣстнаго въ то время двигателя книжнаго просвѣщенія ([2]).

Тогда университетъ, въ лицѣ своихъ членовъ, Яна Гуса, магистра Здислава изъ Звиржетицъ, Яна изъ Брандиса, Яна изъ Лайнштейна, Бенеша изъ Лыска, Петра изъ Сопекова, Петра изъ Валенціи, Михаила изъ Дерновицъ, собравшись 25 Іюня, въ Виѳлеемской часовнѣ ([3]), издалъ объявленіе по всей Чехіи и Моравіи о несогласіи своемъ на сожженіе книгъ, и вмѣстѣ перенесъ дѣло отъ рѣшенія архіепископа къ новому папѣ, Іоанну XXIII. Между тѣмъ Іодокъ медлилъ пріѣздомъ; и Сбинекъ, боясь, чтобы папа на первыхъ порахъ не отмѣнилъ приказанія своего предшественника, рѣшился немедленно предать книги огню. 16 Іюля сочиненія Виклефа сожжены были во дворѣ архіерейскомъ въ присутствіи Пражской капитулы, въ многочисленномъ, собраніи высшаго духовенства, съ торжественнымъ славословіемъ: «Тебе Бога хвалимъ», и съ колокольнымъ звономъ, — всего 200 книгъ, въ великолѣпныхъ переплетахъ ([4]). Лѣтопись Пражскаго университета прибавляетъ извѣстіе, что книги погибли не всѣ, и что, вмѣстѣ съ сочиненіями Виклефа, преданы пламени и древнія рукописи (registra ab antiquo reservata igni subjecerunt). По другимъ свидѣтельствамъ сожжено еще и нѣсколько сочиненій Милича, Матѳія Парижскаго, самого Гуса и Іеронима ([5]).

---

(1) Tenor appellat. J. Hus, I, 89, 6; 90, 91.

(2) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 251.—Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 98.

(3) Въ присутствіи свидѣтелей: Пресвитера Матѳія de Tuczap, Петра изъ Быстрицъ, Яна Тушкова, студентовъ, Пражскихъ духовныхъ, рыцаря de Kin, и публичнаго нотарія университета, Михаила Прахатицкаго. Tenor appell. J. Hus. I, 89—92.

(4) Chron. Univ. Prag. Palacky, Gesch. v. Böhmen, III, 252, A. 335.—Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 99.—Aen. Silv. Hist. Boh. c. 35.—Cochlaei Hist. Hussit. 17—18.—Dubravii Hist. Bohem. lib. XXIII, p. 616.

(5) У Гайка въ Чешской Исторіи, p. 659, у Прокопія Лупача Calend. Hist. ad d. 16. Jul., и Theobald, Hussitenkrieg, s. 21. Но въ аппелляціяхъ Гуса и въ приговорѣ архіепископа говорится только о сочиненіяхъ Виклефа; а потому преданіе, явившееся чрезъ 150 лѣтъ, не имѣетъ правдоподобія.

Торопливость архіепископа и предосторожности, употребленныя имъ при сожженіи книгъ ([1]), показываютъ, какъ онъ боялся враждебнаго вмѣшательства короля Вячеслава.

И въ самомъ дѣлѣ, торжество его было минутное. Глухая непріязнь между Сбинкомъ и Гусомъ переродилась въ открытую вражду по поводу сожженія книгъ. Вѣроятно, и другія причины ускоряли окончательную размолвку. Теобальдъ говоритъ, что Гусъ именно въ продолженіе зимы 1409 года проповѣдывалъ съ особеннымъ успѣхомъ, такъ что не только народъ, но и рыцари, и даже нѣкоторые вельможи, присоединились къ нему и приняли его ученіе. Около того же времени Іеронимъ Пражскій начиналъ разносить свою пламенную рѣчь по всѣмъ сосѣднимъ Славянскимъ державамъ. За два дня до сожженія книгъ (такъ разсказываетъ сочинитель исторіи Гуситской войны), Сбинекъ созываетъ капитулъ, для совѣщанія объ успѣхахъ ереси Виклефа. Гусъ также призванъ на это собраніе, и архіепископъ, изливая горькія жалобы на распространеніе ереси, проситъ его отступить отъ ложнаго ученія, которое устами его совращаетъ измѣнчивый народъ съ пути истины. «Ученіе мое не отступаетъ ни въ чемъ отъ Каѳолической христіанской вѣры,» отвѣчаетъ Гусъ; «ни въ чемъ другомъ я не могу быть уличенъ.»—«А я слышалъ,—возражаетъ архіепископъ,—» будто ты въ прошедшее Воскресенье говорилъ съ каѳедры, что всякій имѣетъ право назначить себѣ мѣсто погребенія не только внѣ храма, но и на полѣ, и въ зеленой рощѣ, безъ разрѣшенія Святѣйшаго. А ты знаешь, любезное чадо, что св. Войтѣхъ всѣми силами отвращалъ Чешскій народъ отъ этихъ погребеній на поляхъ; что Чехія не разъ несла на себѣ наказаніе небеснаго мщенія; что, по молитвѣ Святаго, Всевышній казнилъ ее неоднократно то заключеніемъ дождя, то отнятіемъ солнца, за то, что жители не хотѣли хоронить другъ друга въ мѣстахъ освященныхъ, пока, въ 1039 году, во дни князя Брачислава, они не обязались клятвенно за себя и за потомковъ своихъ

(1) Энеѣ Сильвіи: «Clam convocatis suis, curia undique clausa et armatis militibus munita».

хранить нерушимо христіанскую вѣру и погребать своихъ мертвыхъ въ освященныхъ кладбищахъ.» На это Гусъ отвѣчалъ: «Если я, святый отецъ, паче чаянія, по неразумію, или забвенію, впалъ въ погрѣшность, то я охотно исправлю свое заблужденіе.» — «Да поможетъ тебѣ Господь Богъ это сдѣлать,»—отвѣчалъ епископъ. «Иди, и впередъ такъ не согрѣшай!» (¹).

Теобальдъ относитъ это событіе къ 13 Іюля, стало быть, ко времени, ближайшему къ сожженію книгъ. Оно показываетъ, независимо отъ сущности обвиненія, въ немъ заключающагося, какъ сильно было въ то время воздѣйствіе народнаго начала, котораго Гусъ былъ главнымъ руководителемъ. Сожженіе же книгъ окончательно взволновало умы. Когда 18 Іюля обнародовано по всѣмъ церквамъ Пражской епархіи запрещеніе, наложенное на Гуса и его приверженцевъ, произошло великое смятеніе между Латинскимъ духовенствомъ и стороною Гуса, которая тайную поддержку имѣла въ лицѣ короля. «Говорили, что сожжены не одни сочиненія Виклефа; бушевали особенно дворяне королевскіе на канониковъ и на все духовенство; за ними и вся народная масса. Обѣ стороны слагали другъ противъ друга ругательныя пѣсни,» которыхъ главное содержаніе, со стороны Гуситовъ, сходилось въ той мысли, что Сбинекъ сжегъ книги, не понимая ихъ смысла. «Zajíc biskup abeceda, spálil knihy, a ne wěda, co jest w nich napsáno.» Чернь бѣгала по площадямъ и окружнымъ селеніямъ, увлекая за собой и дѣтей, которыя въ неистовствѣ распѣвали: Zbyněk knihy spálil, Zbyněk je podpálil, učinil hanbu Čechům», и т. д. Явное возмущеніе во храмѣ помѣшало архіепископу повторить всенародно приговоръ о запрещеніи Гуса, въ торжественномъ собраніи 40 священниковъ. Проповѣдникъ у св. Стефана въ Новомъ городѣ по той же причинѣ едва не былъ убитъ осьмью вооруженными мужами, такъ что священники замолкли отъ страха, и не было уже рѣчи объ отлученіи. Въ свою очередь Гуситы, подходившіе къ соборной церкви св. Вита, терпѣли неми-

(1) Theobald, Hussitenkrieg, S. 20.

лосердые побои метлами отъ причетниковъ, которыхъ число было тогда велико ([1]). Король, хотя и разгнѣванъ былъ на архіепископа, но долженъ былъ запретить пѣсни подъ смертною казнію, подтвердивъ, впрочемъ, чтобы отлученіе осталося безъ исполненія, и осудивъ архіепископа съ сообщниками на заплату того, чего стоили книги, подъ страхомъ лишенія доходовъ. Гусъ во все это время велъ себя съ большимъ достоинствомъ. Спокойно, безъ страсти, протестовалъ онъ противъ самовольнаго дѣйствія архіепископа. Въ Воскресенье, послѣ праздника св. Іакова, онъ говорилъ въ проповѣди, что Сбинекъ не очистилъ тѣмъ отъ грѣховъ сердца человѣческія, а истребилъ много истинъ, возбудилъ въ народѣ негодованіе, а королевство Чешское подвергъ безславію ([2]). «Въ цѣломъ городѣ,»—говоритъ современникъ,—«только и было рѣчи, что о проповѣдяхъ Яна Гуса» ([3]).

Когда утихло волненіе, Гусъ, съ своими приверженцами, снова переноситъ жалобу къ папѣ Іоанну XXIII. Онъ жалуется: 1) на запрещеніе проповѣди, которое наложено было на часовни архіепископомъ на основаніи буллы, хитростію выманенной у предшественника его, Александра. «Слово Божіе, говоритъ онъ, не можетъ быть связано; въ Чехіи много часовень, основанныхъ и навсегда утвержденныхъ апостольскимъ престоломъ для благовѣстія Евангелія народу на его языкѣ.» 2) Онъ жалуется лично на архіепископа, что онъ осмѣлился безъ суда и разбора подвергнуть сожженію сочиненія Виклефа ([4]). Король пишетъ къ папѣ и кардиналамъ посланія, въ которыхъ жалуется на притѣсненія архіепископа и успокоиваетъ Римскій престолъ увѣреніями, что въ Чехіи ереси не бывало; требуетъ настоятельно, чтобы снова позволена была проповѣдь въ Пражскихъ соборныхъ церквахъ и часовняхъ; чтобы все государство очищено было отъ подозрѣнія въ ереси, а клеветники присуждены къ наказанію. Королева Софія

(1) Stařj letopisowé češtj, str. 12, 13, 469. Palackého,—Dějiny národu českeho III, č. 1, str. 99—100.—Cochlæi, Hist. Hussit. p. 15.

(2) Actus pro defensione libri J. Vuicleff de Trinitate. Mon. Hus, I, 106.

(3) Stařj létopisowé češtj, str. 13,

(4) Ordo procedendi in causa J. Hus, per ipsummet signatus. I, 86.

заступается также за любимаго Гуса; она проситъ первосвященника дозволить навсегда проповѣдь въ Виѳлеемской часовнѣ, какъ весьма полезную для душевнаго спасенія Чеховъ. Къ этой просьбѣ присоединяются и многіе паны и весь городовой магистратъ (1). Архіепископъ, съ своей стороны, отправляетъ къ папѣ посольство, слагая вину на противниковъ.

Папа Іоаннъ XXIII поставленъ въ затруднительное положеніе: онъ боится оскорбить короля; но не можетъ произнести осужденія и на архіепископа. Наряженная имъ коммиссія изъ четырехъ кардиналовъ сзываетъ всѣхъ докторовъ Болонскаго университета и снова подвергаетъ книги Виклефа ихъ разсмотрѣнію. Доктора объявляютъ, что, по дружественнымъ отношеніямъ между Оксфордскимъ и Пражскимъ университетами, не слѣдовало предавать книги огню. Рѣшеніе это послано въ Чехію, и, разумѣется, не могло утишить волненія.

До сихъ поръ дѣло шло только о сочиненіяхъ Виклефа и запрещеніи проповѣди. Теперь личные враги проповѣдника доносятъ Іоанну XXIII объ ереси самаго Гуса и совѣтуютъ папѣ вызвать его въ Римъ, какъ оподозрѣннаго въ ереси. По поводу этихъ жалобъ папа поручаетъ кардиналу Колоннѣ изслѣдовать ученіе Гуса (25 Августа 1410 года) (2). Между тѣмъ Сбинекъ налагаетъ запрещеніе на Виѳлеемскую часовню, и король, вѣроятно. въ слѣдствіе усилившагося волненія въ столицѣ, для приличія и избѣжанія соблазна, высылаетъ Гуса изъ Праги, осенью 1410 года (3).

Изгнаніемъ Гуса оканчивается и первый періодъ его

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhmen, III, 255—256.—Dějiny nár. česk. III, 1, str. 102—103. Между прочимъ верховный бургграфъ Лачекъ изъ Краварж даетъ разумѣть папѣ, какъ вредно было бы, если бы въ силу буллы ни въ одной крѣпости и ни въ одномъ военномъ станѣ не льзя было проповѣдывать.

(2) Ordo procedendi in causa J. Hus, per ipsummet signatus, I, 86, 6.

(3) 28 Августа 1410 Гусъ говорилъ еще проповѣдь въ Прагѣ на Матѳ. V, 13. См. Lenfant, Hist. du Conc. de Const. 34—35. Прямое участіе короля въ этомъ первомъ удаленіи Гуса, впрочемъ, не доказано: Гусъ пишетъ къ ректору, Христанну Прахатицкому (въ 4-мъ письмѣ по счету): «*ad voluntatem regis* prædicationem dimittens». Но это письмо, по всей вѣроятности, относится скорѣе къ 1413 году.

жизни, эпоха приготовительная, когда его религіозная мысль, воспитанная въ одинокомъ сознаніи, созрѣла для великой борьбы съ Латинскою Церковію. Съ тѣхъ поръ начинается собственно періодъ его положительной дѣятельности, выразившейся въ цѣломъ рядѣ лучшихъ его твореній, отъ 1410 до 1414 года. Съ удаленіемъ его Сбинекъ сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе, и видя, что проповѣдь не прекращается, наложилъ запрещеніе на цѣлую Прагу. Противники Рима стали также смѣлѣе. Король открыто принялъ ихъ сторону. Онъ принудилъ священниковъ продолжать богослуженіе и проповѣдь, не смотря на запрещеніе архіепископа, и Гусъ въ словѣ, говоренномъ въ исходѣ 1410 года (Sermo Dominicæ secundæ), хвалитъ его за эту твердость. Между тѣмъ кардиналъ Колонна произноситъ осужденіе на Гуса и вызываетъ его въ Болонію къ папскому суду. Такой рѣшительной мѣры не ожидалъ ни король, ни Софія, ни Пражскій университетъ. Но теперь уже дѣло Гуса стало дѣломъ народнымъ и государственнымъ: не только король, но и паны и университетъ, 30 Сентября, отряжаютъ посольство въ Римъ объявить о совершенной невозможности его лично явиться въ Римскую курію по причинѣ опасностей, угрожающихъ ему на пути. Глубоко оскорбленный самовластіемъ папы, король собственноручно пишетъ къ нему большое посланіе, въ которомъ снова и съ бо́льшею силою выражается его главная мысль—не допускать оскорбленія чести народной подозрѣніемъ въ ереси. «Я хочу,—писалъ Вячеславъ,—чтобы приговоръ былъ уничтоженъ, и молчаніе наложено на тяжущіяся стороны. Я хочу, чтобы распря о книгахъ утихла навсегда; чтобы Виѳлеемская часовня сохранила свои преимущества, и магистръ Янъ Гусъ, *нашъ любезный и вѣрный проповѣдникъ*, мирно продолжалъ свою проповѣдь. Я хочу, чтобы личный вызовъ его былъ отмѣненъ; кто не доволенъ имъ, пусть обвиняетъ его въ предѣлахъ нашего царства, предъ Пражскимъ университетомъ». Словесно онъ велѣлъ объявить Іоанну, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, Д. Наса и кардинала М. Рейнштейна, что одно только уваженіе къ папѣ удерживаетъ его отъ праведной казни

клеветниковъ государства и нарушителей общественнаго спокойствія; кардинала Колонну, будущаго папу Мартина V, судью пристрастнаго, онъ лично приглашаетъ въ Чехію, чтобъ убѣдиться въ отсутствіи ереси (¹).

Гусъ также, съ своей стороны, чрезъ доктора изъ Есеницы извиняется передъ папою и кардиналами въ невозможности явки. «Позванный лично къ суду Римской куріи, я хотѣлъ исполнить ея повелѣніе; но узнавши, что гибель готовится мнѣ, какъ въ моемъ государствѣ, такъ и внѣ предѣловъ его, отъ враговъ моихъ, Нѣмцевъ, я послушался совѣта моихъ покровителей, и не явился; потому что не хотѣлъ искушать Бога, идя на явную смерть, безъ пользы для Церкви. Твердо надѣясь на милосердіе верховнаго намѣстника Іисуса Христа, и будучи силенъ сознаніемъ своей невинности, преклоняю колѣна и прошу Ваши священства избавить меня отъ личной явки. Я готовъ предъ цѣлымъ университетомъ, предъ всѣми прелатами и всею моею паствою исповѣдать словомъ и писаніемъ вѣру мою и отдать въ ней полный отчетъ при огнѣ инквизиціи.» (²). Вмѣсто себя Гусъ немедленно отправилъ въ Римъ трехъ прокураторовъ, которые въ продолженіи всего срока неявки, нѣсколько разъ обращались къ кардиналу Колоннѣ, съ адвокатами и прокураторами папскаго двора: Ардициномъ, Маркомъ Каникульскимъ, Августиномъ, Петромъ Анкоранскимъ и магистромъ Іоанномъ Scribanis, вызываясь отвѣчать на всѣ обвиненія, возводимыя судьями на Гуса. Но какъ кардиналъ не обращалъ никакого вниманія на законныя ихъ оправданія, то прокураторы снова аппеллировали къ папѣ, который, съ своей стороны, поручилъ разсмотрѣніе дѣла аудитору Sacri Palatii, Іоанну de Thomariis. При всемъ томъ, не смотря на новое распоряженіе папы, Колонна, по истеченіи срока, объявилъ Гуса отлученнымъ отъ Церкви и обнародовалъ его отлученіе (³).

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhmen, III, 258—259.—Dějiny nár. česk, III, 1, str. 106.

(2) Hist. et Mon. Hus. I, 93.—Ordo procedendi, I, 87, 6.—Ad scripta Stephani Paletz, I, 256.—Прокураторы Гуса: Д. Янъ изъ Есеницы и еще два богослова.

(3) Ordo procedendi in causa Hus, I, 86, 6. Въ Февралѣ 1411 года. Palackého Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 110.

Около этого времени, когда Гусъ уже пораженъ былъ анаѳемой, послы Чешскіе отъ короля Вячеслава, вельможъ и университета прибыли въ Римъ. Неожиданное ихъ появленіе изумило Римскую курію. Давно уже не слыхала она такихъ рѣчей; но она знала, что обстоятельства перемѣнились. Дѣйствительно, въ Чехіи явное гоненіе воздвигнуто было на Латинское духовенство озлобленнымъ народомъ. Когда проклятіе Гуса обнародовано было въ Пражскихъ церквахъ 15 Марта 1411 года, священники у св. Михаила и св. Бенедикта, въ старомъ городѣ Пражскомъ, оказали рѣшительное сопротивленіе; другіе (у св. Эгидія и Николая), по личному распоряженію короля, лишены своихъ бенефицій, или высланы вонъ изъ столицы ([1]). 6 Мая 1411 года Вячеславъ неожиданно явился въ соборную церковь, и велѣлъ настоятелямъ выдать всѣ сокровища оной для перевоза въ королевской замокъ, Карлштейнъ; а 5-го Іюня въ засѣданіи верховнаго земскаго суда издалъ законъ въ присутствіи пановъ, чтобы никто не смѣлъ вызывать никого къ суду духовному въ дѣлахъ свѣтскихъ, подъ опасеніемъ потери бенефицій или церковныхъ доходовъ ([2]).

Папа Іоаннъ XXIII уступилъ еще разъ необходимости; онъ воротился къ своей хитрой политикѣ, имѣя болѣе нежели когда либо нужду въ помощи короля Чешскаго. Великій споръ о наслѣдствѣ королевскаго престола въ Германіи приходилъ къ концу. Когда съ смертію Рупрехта въ 1410 году, три лица объявили свои притязанія на упраздненный престолъ, и всѣ трое Люксембургскаго дома: старый Нѣмецкій король, Вячеславъ, Іодокъ Моравскій и Сигизмундъ Угорскій,—послѣдовавшая 17 Января 1411 года кончина Іодока открыла путь ко взаимному примиренію братьевъ. Они раздѣлили между собою владѣнія умершаго родственника, и Вячеславъ отрекся отъ императорскаго престола въ пользу младшаго брата. За эту услугу онъ получилъ великія права на признательность

---

(1) Palacky, Geschichte von Böhmen, III, 264—265, Anm. 353 и 355.—Послѣ 24-го Апрѣля 1411 года.—Palackého Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 111.

(2) Ibid. pag. 265—266.

Сигизмунда, и Іоаннъ XXIII теперь могъ надѣяться, что послѣдній, до сихъ поръ упорно державшійся Григорія XII, въ угодность королю Чешскому, признаетъ его законнымъ первосвященникомъ, и утвердитъ окончательно единовластіе его въ христіанскомъ Западѣ. Въ слѣдствіе этого онъ нарядилъ другую коммиссію изъ четырехъ кардиналовъ: Аквилейскаго, Людовика Бранкаса, Венеціянскаго и Флорентинскаго, Франциска Забареллы. По смерти кардинала Аквилейскаго, по взаимному согласію всѣхъ коммиссаровъ, Флорентинскій принялъ на себя рѣшеніе дѣла и старался поправить ошибку Колонны; онъ допустилъ прокураторовъ Гуса къ законнымъ допросамъ, выслушалъ снова свидѣтелей и оправдалъ обвиненнаго. Слѣдствіе внесено было въ журналъ и, по приказанію папы, предложено на разсмотрѣніе кардинала Бранкаса, который съ намѣреніемъ и, вѣроятно, по тайному повелѣнію куріи, протягивалъ дѣло полтора года, не принимая никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Отдѣльныя статьи подвергнуты новому сужденію; а между тѣмъ приговоръ Оттона Колонны о личной явкѣ и отлученіи Гуса оставался все еще въ силѣ (1). Впрочемъ, въ этой проволочкѣ коммиссія участвовала не одна только хитрая политика Рима, а также и подкупы личныхъ враговъ и противниковъ Гуса: священника Зденка (Злеслава) и доктора Кунца (2).

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Чешскій король достойно поддержалъ свою ролю посредника. Сбинекъ, поставленный въ критическое положеніе, тѣснимый съ одной стороны королемъ, а съ другой, видя снова наступившую нерѣшительность папы, принужденъ положить оружіе передъ Вячеславомъ. По повелѣнію короля, нарядженъ былъ судъ примирительный изъ 12 членовъ: самаго короля, архіепископа Сбинка, Вячеслава, Антіохійскаго патріарха, Конрада, епископа Голомуцкаго, Рудольфа Саксонскаго курфирста, Стибора, Седмиградскаго князя, въ то время исправлявшаго должность посланника Сигизмундова

(1) Ordo procedendi, I, 87.

(2) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 264.—Déjiny nár. česk. III, č. 1, str. 110

при дворѣ Вячеслава, верховнаго бургграфа Лацка изъ Краваржъ, Сулька, пробста изъ Хотѣшова, Вячеслава изъ Донина, Богуслава изъ Маветина, Петра Змерзлика изъ Своиишина и Николая изъ Окора на Вожицѣ, королевскихъ совѣтниковъ. Здѣсь, съ общаго согласія, въ полномъ собраніи 12 членовъ, 6 Іюля 1411 года, составлено было посланіе отъ лица Пражскаго архіепископа къ папѣ Іоанну, и, по прочтеніи его, приложены печати присутствующихъ, по желанію Сбинка. Самый актъ примирительный сохранился на Чешскомъ языкѣ (¹). Въ письмѣ архіепископъ доносилъ папѣ, что въ Чехіи ереси нѣтъ; ходатайствовалъ о снятіи папской анаѳемы со всѣхъ отлученныхъ, объ избавленіи Гуса отъ явки и полномъ обезпеченіи правъ университета; наконецъ, извѣщалъ о полюбовномъ прекращеніи споровъ, происходившихъ по этому случаю между Гусомъ и духовнымъ начальствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Сбинекъ не иначе, какъ съ принужденіемъ и по крайней необходимости взялся написать такое донесеніе къ папѣ. Гусъ ссылается на него послѣ, какъ на важный документъ въ свою пользу; но Вальпургеръ утверждаетъ, что письмо не дошло до папы, перехваченное на дорогѣ лазутчиками (²). Терпѣніе архіепископа истощилось. Брошенный судьбою, какъ игралище между королемъ, покровителемъ ереси, и папой, который изъ глубокаго себялюбія разыгрывалъ роль посторонняго свидѣтеля, Сбинекъ удалился изъ Праги. 5-го Сентября 1411 года онъ писалъ къ Вячеславу изъ Лютомышля, излагая справедливыя причины неудовольствія, и оправдывая неожиданное и самовольное удаленіе. «Пять недѣль,»—говорилъ онъ,—«пять недѣль находился я близъ дворца королевскаго, и тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобы получить хотя одинъ доступъ къ королю, который такъ щедро даетъ его противникамъ.»

---

(1) Pelzel, Urkundenbuch, 221, II, S. 121.—Ordo procedendi, I, 87, 6.

(2) Lenfant, Hist. du Conc. de Const. p. 33. Палацкій говоритъ, что Сбинекъ удержалъ письмо у себя, ожидая, что̀ будетъ; но видя, что покорность его ничего не перемѣнила въ отношеніяхъ къ нему короля, тѣмъ самымъ счелъ себя избавленнымъ отъ исполненія договора, и письмо осталось непосланнымъ. Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 115—116.

Онъ обвинялъ самаго короля въ несоблюденіи договора; указывалъ снова на священниковъ, проповѣдывающихъ, въ его смыслѣ, очевидныя ереси, между тѣмъ какъ ему, духовному пастырю, верховною королевскою властію связаны руки. «Къ тому же совѣсть претитъ мнѣ,» продолжаетъ архіепископъ, «писать къ папѣ, что тѣ духовные, которые нарушили его запрещеніе, ни въ чемъ не виновны. Я рѣшился, въ безпомощномъ моемъ состояніи, отправиться ко двору Сигизмунда и просить посредничества короля Угорскаго между мною и королемъ Чешскимъ.» Въ заключеніе онъ проситъ милостей короля къ духовнымъ, какія нѣкогда оказывалъ имъ отецъ его, Карлъ, дабы они тѣмъ усерднѣе служили и молились за него Богу. Сбинекъ не достигъ своей цѣли; на дорогѣ въ Угрію онъ сдѣлался боленъ, и умеръ въ Бретиславѣ (Пресбургѣ), 28-го Сентября 1411 года, въ день памяти св. Вячеслава, покровителя Чешской земли. Онъ былъ правъ, какъ представитель Западной Церкви; но народное начало говорило выше его, и король былъ мудрымъ, хотя и не всегда безпристрастнымъ руководителемъ юной вѣроисповѣдной мысли (1).

---

(1) Есть преданіе, что Сбинекъ отравилъ себя ядомъ; и замѣчательно, что оно сохранилось болѣе у писателей Гусовой стороны, нежели Католиковъ: Theobald, Hussitenkrieg, Прокопъ Лупачъ въ Starj letopisowé, str. 14; изъ католиковъ только Дубравскій, Голомуцкій епископъ, писатель позднѣйшій и весьма недостовѣрный, говоритъ объ ядѣ: l. XXIII, p. 617. У Сильвія (c. 35.) и Кохлея (l. I, p. 20) ни слова объ отравѣ. Гуситскіе писатели, говоритъ Палацкій, смѣшали, кажется, смерть Сбинка съ смертію Іодока Моравскаго.

ГЛАВА II.

Вѣроисповѣдныя событія Чехіи въ 1412, 1413 и 1414 годахъ.— Жизнь Гуса отъ возвращенія въ Прагу до начала Констанцкаго Собора.

Немедленно по отбытіи архіепископа, Гусъ и Іеронимъ Пражскій снова вступили въ столицу ([1]). Первымъ дѣйствіемъ Гуса было — изложить въ собраніи университета свое исповѣданіе вѣры. Это случилось 1-го Сентября 1411 года. Здѣсь онъ оправдывается во многихъ еретическихъ мнѣніяхъ, ложно на него возводимыхъ, и свидѣтельствуетъ готовность свою повиноваться Апостольскому престолу. Около году провелъ онъ въ изгнаніи, вѣроятно, на родинѣ, вдали отъ любимой Праги, которая стала его новымъ отечествомъ. Къ этому времени относится первый рядъ его писемъ, хотя не означенныхъ годами; но по другимъ внутреннимъ признакамъ заключить можно, что они писаны именно въ 1411 году ([2]). Они важны какъ первое свободное изліяніе сердца великаго мужа. Каждое изъ нихъ можно бы назвать образцемъ духовнаго краснорѣчія. Въ нихъ рѣзко выражаются личныя отношенія Гуса къ народу, какъ проповѣдника; къ духовенству, какъ учителя; къ университету, какъ богослова и представителя народнаго начала. Гусъ, по обстоятельствамъ удалившись изъ Праги, тѣмъ не менѣе оставался жизненнымъ средоточіемъ современныхъ событій. Во время споровъ съ Римскою куріею за вызовъ его къ папскому суду, его, по всей вѣроятности, не было въ Прагѣ; но онъ находился съ нею въ

---

(1) «Audacter Hus Prägam ad nidum revolat.» Dubravius, l. XXIII, p. 618.

(2) Изъ 13 писемъ его, писанныхъ «tempore anathematis et interdicti Pontificii» (Hist. et Mon. Hus, I, 93—101) принадлежатъ, кажется, къ 1411 году: 1-е, 2-е къ Завишѣ, 3-е къ Николаю Миличинскому, 11-е къ Пражанамъ, потому что они очевидно писаны подъ одними условіями, и въ нихъ отражаются событія того времени: говорится о запрещеніи проповѣди въ церквахъ и часовняхъ, о сопротивленіи папѣ и архіепископу, о сожженіи книгъ Виклефа; 10-е и 12-е къ Пражанамъ суть просто проповѣди въ формѣ писемъ. Остальныя относятся къ 1413 и 1414 годамъ.

постоянныхъ сношеніяхъ. Особенно важны его посланія къ Пражской общинѣ, читавшіяся при всенародныхъ собраніяхъ въ Виѳлеемской часовнѣ; здѣсь онъ уже явно выступаетъ въ сознаніи высокаго назначенія своего, какъ общаго проповѣдника всей Чешской земли. Историческій элементъ входитъ въ письма его, по скольку личность его участвуетъ въ современной исторіи, въ невидимой, но могущественной, связи ея съ нераздѣльною личностію цѣлаго народа, управляемаго духовною силою одного человѣка. Такъ посланія Гуса, драгоцѣнныя какъ лѣтопись сердца его, служатъ, кромѣ того, прекраснымъ толкованіемъ на событія этого времени. Гусъ и въ отсутствіи двигаетъ народными толпами, имѣетъ сильное вліяніе на все духовенство и на Славянскую сторону университета; участвуетъ косвенно и въ дѣйствіяхъ короля (1). Есть даже преданіе, что онъ и во время изгнанія наѣзжалъ въ Прагу и проповѣдывалъ предъ лицемъ народа. Многія рѣчи его къ духовенству относятся, кажется, къ этому времени, хотя ничего не льзя сказать о томъ достовѣрнаго (2). Изъ перваго письма его видно, что удаленіе его изъ Праги произвело сильный соблазнъ въ народѣ. «Священники спрашивали другъ у друга въ недоумѣніи: куда дѣвался Янъ Гусъ?» Онъ считаетъ долгомъ очистить себя отъ обвиненія враговъ, внушавшихъ народу, что удаленіе его есть слѣдствіе страха; не скрываетъ, однако, что жизнь его въ Прагѣ подвергалась опасности, и что онъ уклонился, подобно Апостоламъ, отъ неблагодарнаго народа. Но есть другая, важнѣйшая, причина, побудившая его удалиться. Онъ покинулъ Прагу тайкомъ, незадолго до Рождества Христова (3), для того, чтобы присутствіе его не было камнемъ преткновенія въ предстоящемъ праздникѣ, чтобы проповѣдь на языкѣ родномъ не прекращалась. Но Гусъ и тутъ не

(1) «Wenceslaus coepit agere ex informatione et praedicatione Hus.» Palacky, Gesch. v. Böhm. III, Anm. 355. Dějiny nár. česk. III, č. I, str. 111.

(2) Flathe, Die Vorläufer der Reformation, II, S. 333. На пр. Sermo dominicæ secundæ. См. выше.

(3) «Carissimi, dies natalitiorum filii Dei appropinquat.» Ep. 11, Mon. I, 198, 6.

оставляетъ паствы безъ утѣшенія духовной бесѣды, и на день Рождества привѣтствуетъ ее въ видѣ посланія съ всемірною радостію, посѣтившею въ этомъ событіи весь родъ христіанскій ([1]). Спокойное величіе духа, восторженное пареніе къ Богу, глубокое понятіе о тайнѣ воплощенія Богочеловѣка, вотъ отличительные признаки этого посланія, во многомъ напоминающаго проповѣдь нашихъ пастырей Церкви. Во все время отсутствія его, желаніе соединиться съ возлюбленной паствой ростетъ постепенно, и доходитъ до послѣдней степени напряженнаго чувства ([2]). Наконецъ, присутствіе его сдѣлалось необходимымъ въ столицѣ: онъ явился къ народу какъ сильный воитель, въ то время, когда грозная туча папскихъ разрѣшеній отъ грѣховъ висѣла надъ Прагой.

Къ концу 1411 и къ началу 1412 года относятся первыя спорныя сочиненія Гуса. Вообще неутомимая письменная дѣятельность отличаетъ послѣдніе годы его жизни. Въ Сентябрѣ 1411 онъ защищаетъ Виклефа отъ нападеній Англичанина, Стокеса, лиценціата Кембриджскаго университета. Въ концѣ 1411 года онъ вступаетъ въ борьбу съ какимъ-то безвѣстнымъ противникомъ, и въ большомъ сочиненіи утверждаетъ за свѣтскою властію право судить и наказывать пороки и явныя нарушенія закона во всемъ духовенствѣ. Въ городѣ Пьлзнѣ, который во все продолженіе Гуситскихъ войнъ явился неизмѣннымъ поборникомъ Латинской Церкви, священники, къ великому соблазну народа, позволяли себѣ нелѣпыя выходки о власти духовной. Въ особомъ сочиненіи «contra praedicatorem Plznensem» (въ началѣ 1412 года), Гусъ всѣми силами возстаетъ на одного проповѣдника, который вздумалъ доказывать съ каѳедры, что худшій членъ духовенства угоднѣе Богу достойнѣйшаго мірянина, и что каждый священникъ имѣетъ высокое преимущество за всякой обѣдней *творить* Тѣло Христово.

(1) Ep. 12, Mon. Hus, I, 90.

(2) «Me urget conscientia, ne sim absens in scandalum. Ex alia parte timor occurrit, ne mea praesentia per interdictum.... sit occasio subtractionis alimenti, sciliret. communionis sacramenti venerabilis, et aliorum pertinentium ad salutem.» Mon. Hus, I, 94.

Гусъ, опровергая такое ложное понимание благодати священства, общее въ то время въ Западной Церкви (1), въ особомъ сочиненіи («De arguendo clero pro concione») утверждаетъ за всякимъ міряниномъ несомнѣнное право обличать грѣхи духовенства. Вся первая половина 1412 года посвящена была въ Прагѣ замѣчательнымъ преніямъ о 45 статьяхъ Виклефа, происходившимъ въ Коллегіи Карла, въ присутствіи Гуса и подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Вопросъ объ ученіи Виклефа, по видимому, окончательно рѣшенный въ 1408 году осужденіемъ, а въ 1410 сожженіемъ книгъ его, поднимается теперь съ новою силою. Гусъ открыто объявляетъ себя защитникомъ многихъ положеній Англійскаго преобразователя, которыя всѣ направлены противъ Латинской іерархіи («Defensio quorundam articulorum J. Vuicleff in lectorio theologorum collegii Caroli,—de decimis»). Весь этотъ кругъ сочиненій его заключается знаменитымъ разсужденіемъ объ отнятіи церковныхъ имуществъ у духовенства, которымъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ Латинской Церкви.

Важное предпріятіе готовилось тогда во всей Западной Европѣ. Глухая вражда между папою и Ладиславомъ, королемъ обѣихъ Сицилій, готова была разразиться войною. Ладиславъ издавна навлекъ на себя ненависть папы, оставаясь вѣрнымъ Григорію XII; съ своей стороны Іоаннъ XXIII не могъ простить королю смерти двухъ братьевъ, казненныхъ за морскіе разбои, и вѣчныхъ его притязаній на Римъ и на папскую область. 9 Сентября 1411 года явилась знаменитая Крестовая Булла: папа приказывалъ всѣмъ патріархамъ, архіепископамъ, епископамъ и прочимъ духовнымъ начальникамъ, подъ опасеніемъ анаѳемы, каждому въ своей церкви, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, при многочисленномъ стеченіи народа, провозглашать короля Ладислава и всѣхъ его приверженцевъ отлученными отъ Церкви, какъ измѣнниковъ, еретиковъ и покровителей ереси, съ соблюденіемъ обыкновенныхъ об-

(1) Въ толкованіи на чинъ Литургіи Биля, софиста XIV столѣтія, настольной книгѣ Латинскихъ богослововъ, оно выражается ясно.

рядовъ: колокольнаго звона, гашенія свѣчей и повержения на землю. Если бы кто-либо изъ нихъ на смертномъ одрѣ получилъ разрѣшеніе не отъ самаго папы, или преемника его, а отъ другаго лица, то онъ все же лишается христіанскаго погребенія. Поэтому кто осмѣлится, вопреки волѣ папской, похоронить Ладислава, или кого либо изъ отлученныхъ, тотъ и самъ подвергается анаѳемѣ и не прежде получаетъ разрѣшеніе, какъ собственноручно вырывши похороненные трупы; но и тогда это мѣсто, какъ оскверненное, навсегда лишается права христіанскаго кладбища. Всѣ потомки короля Ладислава до четвертаго колѣна подвергаются одинаковой участи. Папа вызываетъ истинно вѣрующихъ, всѣхъ, какого бы возраста и званія ни были: императора, королей и владыкъ Христіанства, начальниковъ церквей и монастырей, университеты и частныя лица, принять участіе въ Крестовомъ походѣ для истребленія всѣхъ отлученныхъ, во славу матери-Церкви. Подъ святымъ знаменемъ креста обѣщается полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ, милосердіемъ Всемогущаго Бога и властію верховныхъ Апостоловъ, всѣмъ христіанамъ, которые съ чистымъ покаяніемъ или лично примутъ участіе въ священной брани, или выставятъ бойцевъ за себя, или даже по возможности будутъ содѣйствовать деньгами великому предпріятію (1). Крестовый походъ проповѣдуется во всѣхъ Латинскихъ государствахъ, признающихъ духовную власть тѣснимаго первосвященника: во Франціи, Англіи, Италіи, Германіи, Угріи, Польшѣ, Чехіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и Кипрѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1412 года явились въ Прагу двое монаховъ, продавцевъ отпущеній грѣховъ, а папскую буллу принесъ Пассавскій деканъ, легатъ Апостольскаго престола, Вячеславъ Тимъ, съ архіепископскимъ палліемъ для преемника Сбинка, Альбика. По всѣмъ городамъ и областямъ начался соблазнительный торгъ. Продавцы отпущеній грѣховъ выходили на площади и барабаннымъ боемъ сзывали желающихъ приносить подаянія. Въ Прагѣ сдѣланы были

(1) Bulla Cruciata. Hist. et Mon. Hus, I, 171—172.

Гусъ, опровергая
щевства, общее в
особомъ сочинені
верждаетъ за вся
чать грѣхи дух
посвящена был
статьяхъ Викл
присутствіи Г
ствомъ. Вопро
тельно рѣшен
сожженіемъ
лою. Гусъ о
положеній
правлены п
articulorum
roli,—de
чается зна
имуществ
шительн
Важн
Европѣ.
ролемъ
Ладис
ваясь
XXII
казн
на
яви
вс
ду
д
л

рѣе пожертвуетъ жизнію, чѣмъ осквернитъ уста
кою проповѣдію. Но когда первый пылъ охладѣлъ,
ъ Палечъ и Станиславъ изъ Зноима разочли всю
гъ своего положенія и рѣшились измѣнить истинѣ.
очіе доктора, хотя втайнѣ роптали на злоупо-
ія буллы, и побуждали священниковъ мужествен-
тиводѣйствовать нарушенію церковнаго права, въ
от власти прямаго начальства, но открыто не
противорѣчить: ни въ школахъ, ни съ каѳедры, ни-
е рѣшился оспаривать Крестовой буллы. Тогда Гусъ,
могими магистрами, баккалаврами и студентами уни-
итета, настоятельно требовалъ у докторовъ рѣшенія
роса: обязываетъ ли Крестовая булла всякаго студента,
ъ опасеніемъ смертнаго грѣха, къ вспоможенію Рим-
скому первосвященнику, и должно ли ее проповѣдывать
наравнѣ съ догматами вѣры (¹)? Доктора издали нерѣши-
тельный приговоръ; Стефанъ Палечъ сообщилъ свое мнѣ-
письменно, что никто не имѣетъ права противорѣчить,
чемъ бы то ни было, Апостольской буллѣ, ни даже
подвергать ее сужденію и произвольнымъ толкованіямъ (²).
гда-то, при общемъ молчаніи даже самыхъ благонамѣ-
ренныхъ лицъ, одинъ Гусъ безстрашно возвысилъ обличи-
тельный голосъ противъ продажи отпущенія грѣховъ, откры-
о проповѣдуя въ школахъ объ его незаконности (³). Рим-
скіе легаты стали опасаться за успѣхъ своего предпріятія
въ Чехахъ. Напрасно архіепископъ Альбикъ старался поло-
жить конецъ слишкомъ явнымъ соблазнамъ. «Призванный
къ суду архіепископа, Гусъ, въ присутствіи его, спрошенъ
былъ легатами папскими, хочетъ ли онъ повиноваться
повелѣніямъ Апостольскимъ? Онъ отвѣчалъ, что желаетъ
всѣмъ сердцемъ исполнять предписанія Апостоловъ. Лега-
ты, смѣшивая правила Апостольскія съ повелѣніями Рим-

(1) Adv. scr. 8 Doctorum, cap. 1 et 2. Mon. Hus, I, 294. — Adv. indulg. papales, I, 178, 6.—De Ecclesia, I, 227, 6.

(2) Adv. indulgentias papales. Mon. Hus, I, 175.

(3) «Ego non subterfugi cum dictis meis, cum publice in scholis ea dixi. Nec volui simplices decipere, sed a deceptione me et simplicem populum praemunire». Adv. scr. 8 Doct. I, 294.

три крѣпко окованные ящика или кружки для сбора денегъ, и выставлены были: 1) въ крѣпости, въ церкви св. Вячеслава, за олтаремъ св. Вита, куда больше всего ходило народу; 2) на Вышеградѣ, и 3) у Тынской Божіей Матери (1). Священники перекупали у коммиссаровъ завидное право продавать отпущенія грѣховъ отъ своего имени и въ свою пользу (2). Пассавскій деканъ уступалъ ихъ архидіаконамъ, деканамъ и настоятелямъ церквей, «точно такъ,» говоритъ Гусъ, «какъ домовладѣлецъ уступаетъ домы и лавки трактирщикамъ и цѣловальникамъ»; и уступалъ ихъ недостойнымъ членамъ духовенства, которые сотворили много соблазновъ, «дѣлая съ особеннымъ искусствомъ расцѣнку грѣхамъ исповѣдниковъ» (3). Король Вячеславъ, личный врагъ Ладислава Неапольскаго, далъ письменное полномочіе продавцамъ отпущеній грѣховъ дѣйствовать по своему произволу (4). Даже Пражскій университетъ измѣнилъ своему прямодушію. Вся Славянская сторона докторовъ и магистровъ сгоряча приняла папскую буллу съ негодованіемъ. Легаты, какъ первые коммиссары, по личному распоряженію папы, роздали ея экземпляры профессорамъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдниками, для ихъ обнародованія. Гусъ слышалъ отъ самаго Стефана Палеча, своего друга, въ то время декана философскаго отдѣленія, что въ ней заключаются грубыя и осязательныя заблужденія (5), Другой проповѣдникъ, магистръ Брикцій, объявилъ, въ собраніи университета, что

(1) Staŕj letopisowé, str. 15.

(2) «Numquid sacerdotes a commissariis non emunt potestatem, qui sub certa pensa ex pacto indulgentias secundum parochias et provincias conveniunt?»—Adversus indulgentias papales. Hist. et Mon. Hus, I, 186.

(3) «M. Wenceslaus conveniebat sub certis pecuniis archidiaconatus, decanatus et ecclesias, sicut solet convenire paterfamilias domos vel tabernas tabernariis vel pincernis; et conveniebat sacerdotibus ignaris, discolis, concubinariis et lusoribus, qui multa commiserunt scandala et populum taxarunt mirabiliter in confessionibus.»—Изъ рукописнаго сочиненія Гуса, у Палацкаго: Dějiny národu českého, III, č. I, str. 120.

(4) «Terruerant eos (докторовъ) D. regis literæ, quas legati in subsidium habuerunt.» De Ecclesia. Hist. et Mon. Hus, I, 227, 6.

(5) Ad scripta Stephani Paletz. Mon. Hus, I, 264, 6. — De Ecclesia, Mon. Hus, I, 227, 6.

онъ скорѣе пожертвуетъ жизнію, нѣмъ осквернитъ уста свои такою проповѣдію. Но когда первый пылъ охладѣлъ, Стефанъ Палечъ и Станиславъ изъ Знойма разочли всю опасность своего положенія и рѣшились измѣнить истинѣ. Всѣ прочіе доктора, хотя втайнѣ роптали на злоупотребленія буллы, и побуждали священниковъ мужественно противодѣйствовать нарушенію церковнаго права, въ изъятіи отъ власти прямаго начальства, но открыто не смѣли противорѣчить: ни въ школахъ, ни съ каѳедры, никто не рѣшался оспаривать Крестовой буллы. Тогда Гусъ, со многими магистрами, баккалаврами и студентами университета, настоятельно требовалъ у докторовъ рѣшенія вопроса: обязываетъ ли Крестовая булла всякаго студента, подъ опасеніемъ смертнаго грѣха, къ вспоможенію Римскому первосвященнику, и должно ли ее проповѣдывать наровнѣ съ догматами вѣры (1)? Доктора издали нерѣшительный приговоръ; Стефанъ Палечъ сообщилъ свое мнѣніе письменно, что никто не имѣетъ права противорѣчить, въ чемъ бы то ни было, Апостольской буллѣ, ни даже подвергать ее сужденію и произвольнымъ толкованіямъ (2). Тогда-то, при общемъ молчаніи даже самыхъ благонамѣренныхъ лицъ, одинъ Гусъ безстрашно возвысилъ обличительный голосъ противъ продажи отпущенія грѣховъ, открыто проповѣдуя въ школахъ объ его незаконности (3). Римскіе легаты стали опасаться за успѣхъ своего предпріятія въ Чехахъ. Напрасно архіепископъ Альбикъ старался положить конецъ слишкомъ явнымъ соблазнамъ. «Призванный къ суду архіепископа, Гусъ, въ присутствіи его, спрошенъ былъ легатами папскими, хочетъ ли онъ повиноваться повелѣніямъ Апостольскимъ? Онъ отвѣчалъ, что желаетъ всѣмъ сердцемъ исполнять предписанія Апостоловъ. Легаты, смѣшивая правила Апостольскія съ повелѣніями Рим-

(1) Adv. scr. 8 Doctorum, cap. 1 et 2. Mon. Hus, I, 294. — Adv. indulg. papales, I, 178, 6.—De Ecclesia, I, 227, 6.

(2) Adv. indulgentias papales. Mon. Hus, I, 175.

(3) «Ego non subterfugi cum dictis meis, cum publice in scholis ea dixi. Nec volui simplices decipere, sed a deceptione me et simplicem populum praemunire». Adv. scr. 8 Doct. I, 294.

скаго первосвященника, думали, что Гусъ хочетъ проповѣдывать народу о принятіи креста противъ Ладислава, короля Апуліи, противъ всѣхъ его подданныхъ и папы Григорія XII. Они обратились къ архіепископу съ такими словами: «Вотъ, владыко-архіепископъ, онъ хочетъ повиноваться повелѣніямъ нашего господина!»—«Нѣтъ,—отвѣчалъ Гусъ,—вникните въ настоящее значеніе словъ моихъ. Я говорю, что сердечно желаю исполнять предписанія Апостоловъ и во всемъ повиноваться имъ; но я разумѣю подъ этимъ словомъ ученіе Апостоловъ Христовыхъ; и по скольку повелѣнія папы согласны съ этимъ ученіемъ, согласны съ закономъ Іисуса Христа, по стольку и я совершенно готовъ повиноваться папѣ. Но если будутъ меня принуждать поступить противъ совѣсти, я повиноваться не стану, хотя бы угрожали огненной смертію.» Гусъ сдѣлалъ церковному начальству одну небольшую уступку; не возставая открыто на продавцевъ отпущенія грѣховъ, онъ назначилъ ученое преніе о томъ, «согласно ли съ славою Божіею, съ благомъ народа и съ пользою государства принятіе креста противъ короля Ладислава (1)?» Въ воскресенье, 6 Іюня, говоритъ Теобальдъ, онъ, въ Виѳлеемской часовнѣ, подробно опровергалъ индульгенціи, и пламенно настроилъ умы народа къ предстоящему состязанію. На другой день онъ велѣлъ прибить свое положеніе ко всѣмъ дверямъ церковнымъ и монастырскимъ, къ колокольнямъ, къ церкви св. Петра въ Вышеградѣ, и въ городѣ у св. Вячеслава, на мостахъ и вездѣ, куда наиболѣе сходилось народу, вызывая всѣхъ докторовъ, лиценціатовъ, магистровъ, баккалавровъ, студентовъ, священниковъ и монаховъ, и всякаго, кто бы захотѣлъ ему возражать, сойтись на богословское прѣніе въ Коллегію Карла, *на великую сѣнь*, въ lectorium ordinarium disputationum, подъ предсѣдательствомъ ректора, Марка Граденцкаго (2). Рѣчь, произнесенная имъ по этому случаю, вошла въ составъ его сочиненій подъ названіемъ: «Disputatio adversus indulgentias papales». Не предаваясь справедливому

(1) Adv. scripta 8 Doctorum, Mon. Hus, I, 203.
(2) Theobald, Hussitenkrieg, I, 28.—Staří letopisowé, str. 15.

негодованію, принужденный систематически доказывать безчинство продажи, Гусъ осязательными доводами, заимствованными изъ Св. Писанія и Св. Отцевъ, опровергаетъ Крестовую буллу по частямъ, только изрѣдка примѣшивая къ доводамъ Славянскую иронію, которою при случаѣ владѣетъ мастерски. Это достопамятное состязаніе составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ города Праги: оно заранѣе волновало умы, возбуждало сочувствіе народа. Одна возможность такого явленія въ 1412 году въ Чехіи показывала, какой огромный шагъ ступило народное сознаніе въ области Вѣры. Германія не ранѣе, какъ черезъ 105 лѣтъ, съ любопытствомъ внимала начаткамъ такого же пренія Лютера; можно сказать съ достовѣрностію, что голосъ, впервыя раздавшійся на почвѣ Славянской, началъ первый дѣло очищенія въ вѣроисповѣдныхъ понятіяхъ Нѣмецкой Европы, дотолѣ коснѣвшей въ невѣжествѣ и фанатизмѣ. Не даромъ Лютеръ, незадолго до вступленія въ права Евангельскаго ратника, познакомился въ Эрфуртѣ съ сочиненіями Гуса; не даромъ подробности завѣтнаго дня сохранились въ преданіяхъ Нѣмецкихъ, собранныхъ Теобальдомъ въ полуславянскомъ народонаселеніи Нюремберга, который, вѣроятно, и въ 1412 году выслалъ многихъ любопытныхъ на преніе въ Прагѣ (1).

Не смотря на то, что богословскій факультетъ чрезъ двухъ выборныхъ вызывалъ архіепископа, какъ канцлера университета, не допускать пренія, оно состоялось въ назначенный день. Въ воскресенье, послѣ Витова дня, т. е. послѣ 15 Іюня, граждане и студенты толпами стекались въ Коллегію Карлову. Маркъ изъ Краловеградца, ректоръ университета, боясь возмущенія, старался удалить ихъ, говоря по чешски: «Разойдитесь, друзья мои; что здѣсь происходитъ, до васъ не касается; немногіе изъ васъ понимаютъ и въ чемъ дѣло, и что будутъ говорить». Народъ зашумѣлъ, но Гусъ однимъ знакомъ руки намежилъ на него

(1) Подробности, сообщаемыя Теобальдомъ, совершенно не зависимы отъ такихъ же подробностей, разсказанныхъ очевидцемъ въ «Staré letopisowé.» Онѣ носятъ характеръ совершенно самостоятельный.

молчаніе, объясняя собранію, что онъ для того заблаговременно возвѣстилъ преніе, чтобы всѣ знали, на что отвѣчать. На рѣчь его послѣдовали возраженія доктора Волка, который защищалъ папу изъ каноническаго права, доктора Кбеля, оспоривавшаго его на основаніи императорскаго гражданскаго права, и другихъ учителей, которые, сидя по старѣйшинству на своихъ мѣстахъ, отвѣчали ему, каждый особенно (¹). Многіе другіе магистры безъ возраженій соглашались на мнѣнія Гуса. Актъ заключился замѣчательною рѣчью доктора Льва (Leo). «Весь Пражскій университетъ дивится»—говорилъ онъ,—«какъ ты, молодой человѣкъ, берешь на себя такую отвѣтственность. Или считаешь себя всѣхъ ученѣе, магистръ? Воистинну, здѣсь есть многіе, которые превзойдутъ тебя въ учености; но ты, конечно, пытливѣе всѣхъ. Положись на рѣшеніе докторовъ, магистровъ и всей академіи; кромѣ клеветы, кромѣ желанія произвести возмущеніе и кровопролитіе, ни одинъ изъ нихъ ничего не откроетъ въ твоихъ замыслахъ. Хочешь ли прекословить папѣ? поди въ Римъ, и выскажи ему всю правду въ лицо. Несправедливо поносить человѣка, который защищаться не можетъ. Да и кромѣ того ты священникъ; отъ кого получилъ ты даръ священства, какъ не отъ епископа, а епископъ отъ папы; стало быть, и ты отъ папы, который и есть твой духовный отецъ. Однѣ только нечистыя птицы мараютъ собственныя гнѣзда, и проклятъ былъ Хамъ, обнажившій стыдъ отца своего». Такъ поборники Католицизма насильственно отвлекали Гуса отъ широкаго пути преданія Апостольскаго, стараясь подавить начатки его въ тѣсныхъ оковахъ Латинскаго авторитета. Не смотря на то, въ этой рѣчи доктора Льва одинъ Нѣмецкій писатель отыскиваетъ черту правдивости Чешской, которая, отдавая справедливость побужденіямъ Гуса, не скрываетъ и слабой стороны его проповѣди. Въ словахъ его будто бы заключалась главная причи-

---

(1) Всѣ подробности заимствованы изъ разсказа очевидца въ «Starj letopisowé» str. 15, и дополнены характеристическими чертами изъ повѣствованія Теобальда. Палацкій замѣчаетъ, что доктора Волка (Blasius Lupus), упоминаемаго въ обоихъ источникахъ въ числѣ возражателей, тогда уже не было въ живыхъ. Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 121.

на отпаденія отъ Гуса большой половины Чешскаго народа. Не говоря уже о томъ, что это мнѣніе Гольцгаузена противоположно точному смыслу возраженія доктора, замѣчательно, что это послѣднее еще два раза повторялось въ устахъ противниковъ Гуса, и оба раза въ знаменательныя эпохи Гусовой жизни, а именно: въ устахъ крестьянина Краковецкаго замка, и кардинала Камбрейскаго на Констанцкомъ Соборѣ. Оно было заученнымъ выраженіемъ католиковъ, которымъ они часто отдѣлывались и отъ Лютера. Народъ отвѣчалъ за Гуса отчаянными воплями и готовностію побить каменьями неосторожнаго возражателя. Гусъ успокоилъ волненіе. Послѣ бурнаго прѣнія, Іеронимъ Пражскій восходитъ на каѳедру, и въ продолжительной и изящной рѣчи оправдываетъ во всѣхъ отношеніяхъ своего друга. Одушевленный рѣчью, онъ всталъ съ своего мѣста, говоря: «Кто одного съ нами мнѣнія, тотъ пускай идетъ за нами; я и магистръ Іоаннъ собираемся въ Думу, и тамъ, въ полномъ Совѣтѣ, объявимъ ничтожность папскихъ индульгенцій.» За нимъ встало множество народу, готовясь слѣдовать ему въ Думу: движеніе это остановилъ превосходнею рѣчью ректоръ университета. «Слышишь ли, Марко?»—закричалъ ему Іеронимъ по чешски:—«ты за меня своего горла не дашь; я самъ за себя положу свою голову.» И въ слѣдъ за тѣмъ тотчас заговорилъ по латини: «Не Святый ли Павелъ сказалъ: Вѣмъ, ему же вѣровахъ и извѣстихся, яко силенъ есть преданіе мое сохранити въ день онъ» (2 Тим. I, 12). Собраніе разошлось съ торжествомъ, раздѣлясь на двѣ толпы: студенты шли болѣе за Іеронимомъ Пражскимъ, «потому что имъ полюбилась рѣчь его, сказанная на диспутѣ»; вся народная масса повалила за Гусомъ и проводила его до Виѳлеемской часовни, уговаривая его пребывать твердымъ.

Не смотря на диспутъ, продажа не прекращалась. Въ отвѣтъ на это безстыдство Гусъ уже прямо возсталъ на Крестовую буллу, и уже не въ Коллегіи Карла, а на скамьѣ проповѣдника, и не на Латинскомъ, а на Чешскомъ языкѣ обличалъ ея незаконность (1). Не далѣе какъ на другой

(1) Contra Bullam Papae Joannis XXIII replica M. J. Hus: «Jam publice

день послѣ пренія народъ, расходясь по всѣмъ храмамъ, сталъ опровергать проповѣдниковъ отпуска. Въ слѣдующую за тѣмъ субботу Маркъ Градецкій, старинный другъ Гуса, призываетъ его и Іеронима въ Коллегію Карлову. Здѣсь, въ присутствіи многихъ магистровъ, онъ умоляетъ ихъ употребить вліяніе свое къ успокоенію народа. Всѣ старые доктора присоединяютъ голосъ свой къ голосу ректора. «Изъ уваженія къ нашимъ сѣдинамъ,»—говорятъ они,—«изъ уваженія къ собственной юности, мы просимъ васъ, именемъ Бога и Святыхъ Его, отстать отъ предпріятія вашего, чтобы не подать повода къ кровопролитію, котораго вы будете первыми жертвами». Особенно магистръ Луна со слезами умолялъ ихъ оставить свои замыслы. «Вамъ легко говорить, почтенные магистры и отцы»,—возразилъ Іеронимъ, который начиналъ уже силою разгонять проповѣдниковъ отпуска;—«ню посудите вы сами, какъ трудно умалчивать истину. Однако, повинуясь вашимъ усильнымъ просьбамъ, постараюсь исполнить ваше желаніе.»—«Я и самъ, возлюбленные отцы,»—прибавилъ кроткій, охранительный Гусъ,—«я и самъ боюсь возмущенія; но я воздвигъ руку свою за истину и молчать не могу; сколько возможно, умѣрю себя и успокою народъ.»—«Не забудь,»—отвѣчалъ ему ректоръ,—«какъ усердно мы стояли за тебя противъ Нѣмцевъ. Но никто изъ насъ не возбудилъ противъ себя такого негодованія гражданъ, какъ ты; они громко жалуются, что съ изгнаніемъ Нѣмцевъ, котораго ты виною, они лишились средствъ существованія въ Прагѣ. Да и самые Нѣмцы не столько враждуютъ намъ, сколько ненавидятъ тебя; они поклялись всѣми средствами, какія только будутъ въ ихъ власти, искать твоей гибели. Ты подпалъ еще глубокому гнѣву короля Сигизмунда; и такъ, для избѣжанія большаго зла, спасенія собственной жизни, отступи

---

praedicavi et praedico contra literas Papae.» Mon. Hus., I, 189, 6. Она скоро послѣдовала за диспутомъ, ибо въ ней тоже указаніе времени: 1412 послѣ Св. Вита. Что она переведена съ Чешскаго, видно изъ Чешскихъ словъ, въ ней встрѣчающихся: «a kde rukoymie (ubi probatio)?» Весь послѣдующій разсказъ изъ Теобальда.

на сей разъ отъ своихъ предпріятій.»—Къ общей радости ихъ, Гусъ обѣщалъ имъ исполнять желаніе ихъ (1).

Первый поводъ къ открытой враждѣ былъ поданъ противниками. На другой день, въ воскресенье, Ярославъ, священникъ у Св. Вита, въ крѣпости, сталъ возражать Гусу во время его проповѣди, и, вѣроятно, въ присутствіи королевы Софіи, которая ежедневно посѣщала всенародныя бесѣды его въ Виолеемской часовнѣ (2). Тутъ одинъ изъ слушателей, Станиславъ Пашекъ, Полякъ родомъ, а званіемъ сапожникъ, противосталъ въ лицо возражателю, обвиняя его во лжи и заставляя отречься отъ сказаннаго. Начальникъ крѣпости, мужъ знатный, велѣлъ взять Станислава подъ стражу и передалъ его Думѣ стараго города Пражскаго. Въ церкви Тынской Божіей Матери священники защищали папскія буллы. Тогда выступилъ нѣкто Мартинъ Křidešek, съ такими словами: «Ясно, что папа, который воздвигаетъ крестъ противъ крови христіанской, есть не иное что, какъ Антихристъ.» Его также обложили цѣпями. Третій молодой человѣкъ, Янъ Všetecki (Hudecius), родомъ изъ Сланаго, сильно оспаривалъ монаха, проповѣдывавшаго въ монастырѣ Свят. Іакова. Онъ также заключенъ былъ въ темницу Староградской Думы. Попытки эти были новостію, дотолѣ неслыханною. Молодые воспитанники Гуса, соблазненные примѣромъ Іеронима, который давно уже дѣйствовалъ противъ продавцевъ отпусковъ насиліемъ и злою насмѣшкою, обгоняли кроткаго учителя, выходили за предѣлы позволеннаго въ необдуманной ревности. Совѣтъ Думы осудилъ ихъ на смерть, какъ нарушителей общественнаго спокойствія, и велѣно было бирючамъ прокричать, чтобы всѣ, богатые и бѣдные, собирались на слѣдующій день на площади, дабы присутствовать при казни трехъ возмутителей. Повѣстка сдѣлана

---

(1) Этого эпизода нѣтъ въ разсказѣ очевидца въ «Stařj letopisowé.» Повѣствованіе Теобальда тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вѣру, потому что носитъ ясные слѣды современности и наглядности очевидца.—См. еще Bonnechose, I, 125—126.

(2) Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, 123.

была въ городѣ, въ понедѣльникъ утромъ, а часу въ третьемъ печальная вѣсть уже разнеслась по городу и дошла до Гуса. «И шелъ Магистръ Гусъ (такъ разсказываетъ современникъ) со многими другими магистрами и студентами въ Думу, прося совѣтниковъ, чтобы допустили его къ себѣ, потому что ему нужно съ ними переговорить; и его съ нѣсколькими магистрами пустили къ совѣтникамъ; прочіе же магистры стояли передъ Думою съ остальнымъ народомъ, котораго было тысячь до двухъ. Между тѣмъ магистръ Янъ Гусъ говорилъ съ совѣтниками и просилъ, чтобы не дѣлали никакого зла тѣмъ троимъ юношамъ за отпуски; сказалъ, что если возражаютъ противъ отпусковъ, то виноватъ въ этомъ онъ, и если хотятъ чѣмъ нибудь наказать ихъ, то пусть прежде накажутъ его, потому что онъ первый всему виновникъ.» Волны народа, стоявшаго передъ Думою, внушили невольное почтеніе бургомистру: переговоривъ съ совѣтниками, онъ отвѣчалъ: «Любезный магистръ! Намъ всѣмъ удивительно, что ты рѣшаешься, для погашенія огня, который не жжетъ тебя, возбудить опасное возмущеніе. Мы думали, что ты насытился тѣмъ невозвратнымъ вредомъ, который ты причинилъ нашему славному городу разрушеніемъ университета и изгнаніемъ студентовъ. А ты и теперь опять просишь за людей, которые, по собственному сознанію, уличены въ заговорѣ противъ общественнаго спокойствія. Ты говоришь, чтобы мы не наказывали ихъ за индульгенціи. Но намъ до индульгенцій нѣтъ дѣла; а важно въ глазахъ нашихъ то, что, извергая хулы на проповѣдниковъ, они, безъ уваженія къ святости мѣста и званія, хотѣли возбудить возмущеніе, въ которомъ бы могли воспользоваться чужими имуществами, и проливать рѣки крови. Намъ больно оставлять это преступленіе безъ наказанія. Впрочемъ, воротись домой съ своими студентами, съ миромъ; преступники сего дня или завтра увидятъ, что мы не оставили просьбы твоей безъ уваженія». Гусъ благодарилъ, и, вышедши вонъ, распустилъ народъ по домамъ, объявляя, что заключенные помилованы. «Онъ самъ былъ такъ увѣренъ, что съ юношами ничего не будетъ, что спокойно пошелъ со всѣми своими въ Виѳлеемъ;

прочіе же, проводивъ его, разошлись по своимъ семействамъ ([1]).

«Но простой народъ ждалъ на площади, чѣмъ кончится дѣло; тогда стали кричать, чтобы всѣ ушли съ площади и разошлись по домамъ. Когда большая часть народу ушла, тогда совѣтники приказали исполнителямъ и палачу вывести юношей и отрубить имъ головы. И вышло изъ Думы множество латниковъ (а въ то время всѣ совѣтники были Нѣмцы, и позаботились объ томъ, чтобы всѣ латники были тоже Нѣмцы; и тутъ же находилось много другихъ обывателей—Нѣмцевъ); ихъ-то однихъ кликнули совѣтники и приказали казнить трехъ юношей, среди тѣсной толпы латниковъ. Однако, ихъ не довели и до лобнаго мѣста; а противъ дому, гдѣ послѣ вытесанъ и раскрашенъ единорогъ, тутъ и отрубили имъ головы; и въ ту же минуту одна благочестивая жена накинула на нихъ три бѣлыя покрывала, чтобы тѣла не оставались обнаженными» ([2]). Это случилось наканунѣ дня Верховныхъ Апостоловъ, 28 Іюня 1412 года ([3]). Въ ту пору отправился туда магистръ Ичинъ съ великимъ множествомъ магистровъ, баккалавровъ, студентовъ и съ простымъ народомъ, впрочемъ, мирно и безъ оружія; подняли тѣла и понесли въ Виѳлеемъ, не спросивши о томъ гг. совѣтниковъ, и даже не сказавши имъ, что хотятъ взять тѣла. И магистръ запѣлъ громкимъ голосомъ: «Isti sunt sancti», пѣснь, что̀ поютъ надъ Святыми мучениками, и несъ ихъ съ громкимъ и возвышеннымъ

(1) Рѣчь бургомистра изъ Теобальда.

(2) Stařj letopisowé češtj, str. 16—19, и дословный переводъ этого мѣста въ статьѣ В. А. Елагина: «Объ Исторіи Чехіи Ф. Палацкаго (Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. 1848, № 7, въ Отд. Смѣси, стр. 31—33).—Юношей вели изъ Думы черезъ площадь Св. Гавла ко рвамъ на лобное мѣсто въ новомъ городѣ, а казнили, тотчасъ перейдя мостъ. Palackého Dějiny národu českého III, č. 1, str. 124.—Теобальдъ находитъ это мнѣніе неправдоподобнымъ, по причинѣ вновь стѣснявшихся народныхъ массъ, и полагаетъ, что палачь, тайно позванный, отрубилъ имъ головы на дворѣ Думы, и кровь, вытекавшая изъ-подъ воротъ, открыла преступленіе. Мы держимся разсказа очевидца.

(3) А не 11-го Іюля, какъ у Палацкаго. 28 Іюня означено собственноручною подписью Гуса. De Ecclesia, 245, 6, и сходится съ предшествующими числами.

ценіемъ, съ смѣлостью великою и съ радостію до Виѳлеема... А всѣ совѣтники и латники на все это глядѣли.... Множество простаго народу, паны и паньи шли за тѣлами, съ плачемъ и рыданіемъ, съ великимъ благоговѣніемъ провожая ихъ до могилы, жалѣя о нихъ, какъ неповинныхъ смерти. Въ то время, какъ еще готовились ихъ казнить, и бирючь прокричалъ: «Каждый, кто дерзнетъ на такое дѣло, будетъ такъ же казненъ!» въ туже минуту, на томъ же мѣстѣ (еще прежде прибытія магистра Ичина), откликнулись ему люди и закричали, что надъ юношами совершается злая неправда, и что они готовы стать за то же дѣло. И сколько ни брали ихъ въ тюрьму, ни одному не осмѣлились ничего сдѣлать, видя великую смуту и ропотъ въ народѣ: оставляли ихъ на ночь въ тюрьмѣ, а поутру бирючи приказывали имъ итти къ панамъ, будто паны ихъ требуютъ; когда же они выходили изъ темницы, бирючи запирали темницу и Думу, а ихъ посылали домой, и кто домой не шелъ, тому грозили бичемъ и запрещали стоять у Думы. И инаго много случилось въ тѣ дни. Каждый день кричали бирючи, чтобы люди не собирались передъ Думою, и чѣмъ больше кричали, тѣмъ больше ихъ собиралось; а если разгоняли силою, то, немного спустя, опять сходились, и разсуждали между собою о томъ, что̀ въ тѣ дни случилось.»

Вотъ живой и подробный разсказъ очевидца. Во всѣхъ этихъ событіяхъ замѣчательна въ высокой степени мудрая терпимость народа, его ничѣмъ невозмутимое спокойствіе среди гоненій Латинства. Не смотря на огромный перевѣсъ матеріяльной силы, при тайной поддержкѣ Правительства, которое не принимаетъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ обузданію его порывовъ, этотъ великодушный народъ не замышляетъ кровопролитія, не ищетъ возмездія за казненныхъ братьевъ, а ищетъ, подобно имъ, смерти и страданій за Вѣру. Таковы были воспитанники Гуса. И здѣсь ярко рисуется охранительный характеръ проповѣди Гуса, и падаютъ вымыслы католиковъ о мнимомъ кровопролитіи, задуманномъ учениками его въ народѣ. Не силою оружія, а силою креста, училъ онъ свою паству побѣждать

гоненія враговъ. И эта жажда къ мученичеству, прямое наслѣдіе учителя, перешла въ разумное сознаніе массы, и въ Чешскомъ народѣ XV столѣтія воскресила высокій образъ христіанскихъ подвижниковъ. Она нашла себѣ пищу въ общемъ разгарѣ страстей, возбужденномъ въ Прагѣ продажею отпусковъ. По свидѣтельству Гуса, вопреки словамъ современника, многіе священники, міряне и даже женщины, обнаружившіе желаніе подвергнуться одной участи съ казненными юношами, взяты были подъ стражу, подвергнулись разнымъ мученіямъ, и въ пыткахъ не измѣнили своимъ убѣжденіямъ (1). Самому Гусу на Констанцкомъ Соборѣ судьи ставили въ вину это пышное погребеніе юношей, которыхъ онъ, вмѣстѣ съ народомъ, будто бы признавалъ мучениками. Но очевидецъ свидѣтельствуетъ, что Гусъ въ первое воскресенье на проповѣди не говорилъ ни слова объ юношахъ, потому именно, что въ Виѳлеемской часовнѣ собралось несмѣтное множество народа; «а когда нѣкоторые стали говорить, что ему заперъ уста бирючь, тогда, въ слѣдующее же воскресенье, говорилъ о томъ весьма пространно, восхвалялъ ихъ жизнь, прославлялъ невинную смерть и напоминалъ людямъ, чтобы никакими муками, страхомъ и угрозами не допускали отдалять себя отъ правды закона Божія». Напрасно Староградская Дума силилась принудить его къ молчанію. Самъ Гусъ увѣрялъ, что онъ даже не присутствовалъ при погребеніи юношей, нигдѣ не называлъ ихъ Святыми, а говорилъ только, что они пострадали за правду (2). Что совѣтники Стараго города дѣйствовали во всѣхъ этихъ происшествіяхъ произвольно, и не въ угоду королевской власти, объ этомъ заключить можно изъ страшной участи, постигшей вѣроломнаго бургомистра, Эртеля, не болѣе, какъ черезъ годъ: 2 Ноября ему отрубили голову, по повелѣнію короля, и большая часть Нѣмецкихъ совѣтниковъ замѣнена природными Чехами (3). Но первые признаки неудовольствія короля противъ гони-

(1) De Ecclesia. Mon. Hus. I, 243, 6.

(2) Tertium examen publicum V. d. Hardt, IV, I, p, 327.—Cochlaei, Hist. Hussit. l. 1, p. 39—40.

(3) Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 139.

телей Гуса послѣдовали тотчасъ послѣ описанныхъ нами событій.

А именно богословскій факультетъ Пражскаго университета, ставшій въ явное противодѣйствіе Гусу, просилъ короля, черезъ Пражскую Думу, запретить Гусу проповѣдь объ индульгенціяхъ: Вячеславъ осудилъ только, подъ опасеніемъ казни изгнанія, шесть новыхъ статей изъ ученія Гуситовъ, направленныхъ, бо́льшею частію, на папскую власть, но рѣшительно отказалъ въ запрещеніи проповѣди, на томъ основаніи, что ересь не терпитъ насилія, а требуетъ опровերженія (въ гор. Жебракѣ 10-го Іюля). Приговоръ этотъ обнародованъ въ Думѣ 16 Іюля, въ присутствіи докторовъ и магистровъ обѣихъ сторонъ. Не смотря на то, Гусъ продолжалъ проповѣдывать въ томъ же духѣ въ богословской аудиторіи Коллегіи Карла [1]. Для рѣшенія спора королевскій Совѣтъ изъ 12 членовъ собрался въ городѣ Жебракѣ, въ домѣ священника, и обѣ стороны предстали на судъ примирительный: доктора Латинскіе, противники Гуса или, такъ называемый, богословскій осьмичисленный факультетъ (facultas theologica octonaria) [2], съ одной стороны; съ другой доктора и магистры, оставшіеся вѣрными Гусу: Маркъ Градецкій, магистры: Фридрихъ Эпинге и Прокопій изъ Пльзны [3]. Здѣсь прочтены были Стефаномъ Палечомъ и Станиславомъ изъ Зноима обвиненія противу Гуса: 1) въ неповиновеніи церковнымъ властямъ, въ слѣдствіе котораго онъ отказался предложить на разсмотрѣніе докторовъ и декана богословскаго Отдѣленія свои догматическія положенія (dicta dogmatisata) и сочиненія о папскихъ буллахъ и индульгенціяхъ, не смотря на повелѣніе короля и Совѣта; 2) въ томъ, что Гусъ лично подвергнулся подозрѣнію въ ереси, и въ слѣд-

(1) Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 125—127.—Теобальдъ идетъ еще далѣе, говоря, что Гусъ сталъ сравнивать себя съ папою, и низводилъ его на степень простаго священника; что король на все это молчалъ, жилъ въ замкахъ, крѣпостяхъ, не заглядывая въ Прагу. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что король принялъ на себя роль посредника.

(2) Ad scr. Stanislai de Znoyma, I, 265.

(3) Ad scr. Stanislai de Znoyma, I, 266.

ствіе того, въ обольщеніи простаго народа, превратнымъ ученіемъ о догматахъ Вѣры. На первое обвиненіе онъ отвѣчалъ, что представитъ немедленно свои сочиненія и готовъ отдать отчетъ въ своихъ мнѣніяхъ, впрочемъ не иначе, какъ по взаимному обязательству съ докторами, чтобы сторона побѣжденная подверглась огненной казни по закону императора Карла. Устрашенные этимъ условіемъ, они просили отсрочки для совѣщанія между собою, и наконецъ объявили, что они готовы выставить одного изъ среды своей для состязанія съ Гусомъ, но всѣ не согласны принять на себя такое обязательство. Гусъ отвѣчалъ: «Вы всѣ соединенными силами дѣйствуете противъ одного человѣка. Я никого не призываю на помощь, ни съ кѣмъ не раздѣляю отвѣтственности: пускай же падетъ она или на меня одного, или на всѣхъ васъ вмѣстѣ». На это законное требованіе противники не нашлись отвѣчать. Для прекращенія тягостнаго молчанія, Совѣтъ короля пригласилъ обѣ стороны къ полюбовному соглашенію, и засѣданіе немедленно кончилось (1).

Наконецъ, самъ король возсталъ лично на продавцевъ отпусковъ, и писалъ о томъ къ папѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ проповѣдники отпусковъ, не находя себѣ безопасности въ Прагѣ, рѣшились уѣхать. Съ другой стороны Ладиславъ изъявилъ желаніе помириться съ Іоанномъ XXIII, на выгодныхъ для него условіяхъ. Папа не могъ желать лучшаго. Когда обѣ стороны сторговались о мирѣ, Ладиславъ созвалъ ученыхъ, которые рѣшили немедленно, что не Григорій XII, а Іоаннъ XXIII законный глава Христіанскаго міра. Въ смиренномъ посланіи, исполненномъ любовію къ истинѣ, онъ проситъ у папы прощенія и называетъ его первосвященникомъ. Когда, такимъ образомъ, прекратился поводъ къ продажѣ отпусковъ, прекратилась и самая продажа (2).

Съ половины 1412 года событія принимаютъ характеръ рѣшительный, быстро спѣшатъ къ развязкѣ. Папская тіара

(1) Adv. scr. 8 Doctorum. I, 292, 6.
(2) Flathe, Vorl. d. Reform. II, 347.

окрѣпла на головѣ Іоанна; почти вся Европа признала его первосвященникомъ. Давно отстраненныя положенія Виклефа снова выводятся на сцену, и въ концѣ 1412 года является папская булла, осуждающая не только 45 положеній, но и всѣ сочиненія Виклефа. Въ оффиціальномъ стилѣ Римской Куріи такое безусловное осужденіе выражалось въ проклятіи не только еретическихъ мнѣній, но и самой истины, въ нихъ заключающейся, какъ зараженной и напитанной ядомъ. Кто осмѣлится читать, или проповѣдывать Виклефа, либо защищать его память, немедленно вызывается въ Римъ къ суду Апостольскому. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ: прокураторы Гуса все еще находились въ Римѣ, полтора года тщетно ходатайствуя о снятіи съ него отлученія. Кардиналъ Бранкасъ, наскучивъ ихъ настойчивостію, отказалъ имъ въ аудіенціяхъ. Они не хотѣли отрекаться отъ своихъ правъ: съ ними поступили жестоко; безъ суда повергли нѣкоторыхъ въ темницу, и описали ихъ имущество; другихъ выслали изъ Рима; докторъ Янъ изъ Есеницы успѣлъ спастись бѣгствомъ и подвергся проклятію: тяжба противъ Гуса возобновилась съ большею противъ прежняго силою; обвиненія, уже порѣшенныя Флорентинскимъ кардиналомъ, становятся новыми обвинительными актами предъ мздоимнымъ судомъ Бранкаса. Отъ всѣхъ этихъ несправедливостей Гусъ перенесъ жалобу къ будущему Собору (1). Онѣ были условлены внутреннею потребностію Западной Церкви и успѣхами ереси; но внѣшній поводъ къ нимъ данъ былъ, по видимому, новымъ обвиненіемъ Гуса предъ Римскою Куріею. А именно: Михаилъ de Causis, въ послѣдствіи одинъ изъ главныхъ обвинителей Гуса на Констанцкомъ Соборѣ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ приносилъ жалобу папѣ, что Гусъ, слишкомъ два года находясь подъ грозой отлученія, презираетъ Церковную власть, не перестаетъ защищать ереси Виклефа и проповѣдывать противъ духовенства; еще недавно осмѣлился лаять (oblatrare) на Крестовый походъ и отпуски папскіе; что онъ распространяетъ свои

(1) Ordo procedendi. Mon. Hus. 1, 87.

пагубныя сочиненія во всѣхъ окрестныхъ странахъ: въ Моравіи, Чехіи, Польшѣ и Угріи, и успѣлъ уже заразить ими много душъ христіанскихъ (1). Тайные доносчики, чего не смѣли довѣрять письмамъ, то сами словесно передавали Куріи, и для того нарочно ѣздили въ Римъ (2). Папа поручаетъ Петру, кардиналу Св. Ангела, снова пере-слѣдовать дѣло. Тогда-то проклятіе Апостольское поражаетъ окончательно Гуса, его учениковъ и приверженцевъ. По повелѣнію кардинала, отлученіе Гуса обнародовано по всѣмъ Пражскимъ церквамъ; въ случаѣ его непослушанія и послѣ Церковнаго наказанія, священники должны предавать его анаѳемѣ во всѣхъ церквахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, при торжественномъ звонѣ и погашеніи свѣчей. Ему придается названіе ересіарха или начальника ереси. Въ присутствіи его отлученіе налагается не на одну только Прагу, но и на все королевство (3). Куда бы Гусъ ни явился, на все время его пребыванія, и цѣлыхъ три дня послѣ его удаленія, запрещеніе тяготѣетъ надъ всѣми мѣстами (будетъ ли то городъ, селеніе, или замокъ), которыя будутъ осквернены присутствіемъ еретика (4). Никто, подъ опасеніемъ анаѳемы, не долженъ предлагать ему пищи и крова; въ случаѣ смерти, лишить его христіанскаго прогребенія (5). Въ слѣдъ за этою буллою, папа Іоаннъ XXIII посылаетъ въ Чехію письмо къ королю, гдѣ онъ говоритъ языкомъ повелителя—Григорія VII или Иннокентія III. Онъ требуетъ отъ Вячеслава содѣйствія свѣтскою властію къ истребленію ереси; для безопасности своего Государства земные владыки не должны забывать, что они властвуютъ только подъ условіемъ

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 284—285. Dějiny nár. česk. III, č. 1. str. 128—129. De Ecclesia. Mon. Hus, 253, 6, ab in.

(2) Теобальдъ. Доносчики просили папу Іоанна XXIII вызвать на судъ ко Двору своему нѣсколько дворянъ королевскихъ, а именно: Вока изъ Вальдштейна, Генриха Лефля изъ Лажанъ, Яна Садла изъ Смилкова, и другихъ пановъ, извѣстныхъ наклонностію своею къ Гуситству.—Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 129.

(3) Ordo procedendi, I, 87.

(4) De Ecclesia, I, 253, 6.

(5) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 286, Anm. 383.—Dějiny nár. česk. III, č. 1, str. 130, pozn. 211.

безпрекословнаго повиновенія Церкви; они всегда должны имѣть предъ очами первосвященника, которому дана власть низлагать ихъ съ престоловъ (¹).

Гусъ, пораженный проклятіемъ, аппеллируетъ къ Іисусу Христу (²). Эта аппелляція, прочтенная на Констанцкомъ Соборѣ въ полной аудіенціи, возбудила громкій смѣхъ кардиналовъ. Между тѣмъ она исполнена глубокаго религіознаго смысла. «Въ надеждѣ на Господа Іисуса Христа (такъ говоритъ Гусъ), Который мудро и сильно защищаетъ исповѣдниковъ истины, я воспротивился буллѣ Александра V, вышедшей въ 1409 году; я аппеллировалъ отъ папы къ тому же папѣ, для перерѣшенія дѣла, и пока я вносилъ аппелляцію, папа въ скорости умеръ. Не получивши аудіенціи въ Куріи Римской, принужденный отвѣчать на новыя обвиненія архіепископа Сбинка, я аппеллировалъ, въ 1410 году, къ папѣ Іоанну XXIII, который цѣлыхъ два года не допустилъ къ аудіенціи моихъ адвокатовъ и прокураторовъ и возвелъ на меня еще болѣе обвинительныхъ актовъ. Когда, такимъ образомъ, аппелляція отъ одного папы къ его преемнику не принесла мнѣ никакой пользы, а аппелляція отъ папы къ Собору была бы лишнею проволочкою дѣла, то я окончательно аппеллировалъ къ Главѣ Церкви, Господу Іисусу Христу. Такъ какъ Богъ Всемогущій, Единый въ существѣ, Троичный въ лицахъ, есть первое и послѣднее прибѣжище утѣсненныхъ, и Господь, хранящій правду во вѣки, судящій сирому и обидимому, близъ сущій ко всѣмъ, въ истину Его призывающимъ, разрѣшающій окованныхъ, исполняющій волю боящихся Его, хранящій всѣхъ любящихъ Его и карающій всѣхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ, то Христосъ Іисусъ, истинный Богъ и истинный человѣкъ,—въ беззаконномъ сборищѣ первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, священниковъ, неправедныхъ судей и свидѣтелей,—хотя страшною и поносною смертію избавить отъ вѣчнаго осужденія чадъ Божіихъ, избранныхъ прежде сложенія міра, оставилъ сво-

(1) Іюня 1-го 1412 года. Cochlaei, Hist. Hussitarum, p. 23.

(2) Теобальдъ говоритъ, что аппелляція эта сдѣлана Гусомъ уже въ изгнаніи, въ деревнѣ Гусинцѣ, у владѣтеля ея, Николая изъ Гусинца.

имъ послѣдователямъ высокій примѣръ, дабы всѣ поручали прю свою всемогущему, всевѣдущему и всеблагому Господу, говоря такъ: «Виждь, Господи, смиреніе мое и трудъ мой, ибо возсталъ на меня врагъ мой, а ты мой помощникъ и заступникъ (Пс. 24, 18—19; 27, 7). Ты, Господи, открылъ мнѣ ихъ начинанія, и я, какъ агнецъ незлобивый, ведомый на заколеніе, не разумѣлъ, что они помыслили на меня помыслъ лукавый, говоря въ сердцѣ: Пріидите, вложимъ древо въ хлѣбъ его, исторгнемъ его изъ земли живыхъ и память его да потребится во вѣкъ. Ты же, Господи Боже мой, судящій праведно, испытующій сердца и утробы, суди прю твою, помяни поношеніе твое, ибо я открылъ Тебѣ оправданіе мое (Iерем. 11, 18—20). Ибо умножились стужающіе мнѣ (Пс. 3, 2), и стрегущіе душу мою совѣщались вкупѣ, говоря: Богъ оставилъ его; пожените и имите его (Пс. 70, 10—11). Боже! избави меня изъ руки грѣшнаго, ибо ты терпѣніе мое (Пс. 70, 5). Изми меня отъ врагъ моихъ (Пс. 58, 2). Богъ мой еси ты; не отступи отъ меня, ибо скорбь моя близъ есть, и нѣтъ помогающаго. Боже, Боже мой, отзовись мнѣ; зачѣмъ ты оставилъ меня? (Пс. 21, 17). Они говорили на меня языкомъ льстивымъ, и окружили меня словами ненависти, и боролись со мною туне. За добро заплатили мнѣ зломъ, за любовь ненавистію,—а я молился» (Пс. 108, 2—5).

«Опираясь на этомъ священномъ примѣрѣ Спасителя, я переношу дѣло къ Богу отъ тяжкаго притѣсненія, отъ приговора мздоимнаго и мнимаго отлученія первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, сидящихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ; поручая Ему свою защиту, какъ святый и великій патріархъ Константинопольскій, Іоаннъ Златоустый, осужденный двумя Соборами епископовъ и духовенства, и уснувшіе въ блаженную вѣчность, епископы, Андрей Пражскій и Робертъ Линкольнскій, неправедно угнетенные папой, съ смиреніемъ и твердой надеждой переносили дѣло къ верховному и праведному судіи, Который не доступенъ ни страху, ни лихвѣ, ни обольщеніямъ ложныхъ свидѣтелей. Я желаю еще, чтобы всѣ правовѣрные, въ особенности владыки, вельможи, воины, кліенты и прочіе жители на-

шего Чешскаго королевства, сострадали мнѣ, пораженному мнимой анаѳемой; чтобъ они знали, что она выправлена незаконно противникомъ и виновникомъ золъ моихъ, Михаиломъ de Causis, съ согласія и при содѣйствіи канониковъ Пражской Церкви, а наложена Петромъ, кардиналомъ Св. Ангела, діакономъ Римской Церкви, нареченнымъ судьею отъ Римскаго первосвященника, Іоанна XXIII; что послѣдній почти два года держалъ у себя моихъ адвокатовъ и прокураторовъ, не допуская ихъ къ допросу, въ которомъ нельзя отказать и Іудею, еретику и язычнику; что онъ не хотѣлъ снизойти ни къ какимъ законнымъ причинамъ моей личной неявки; не хотѣлъ принять съ отеческою благосклонностію свидѣтельство Пражскаго университета, съ привѣшенною печатію и удостовѣреніемъ публичныхъ нотаріевъ».

«Отсюда ясно, что меня несправедливо обвиняютъ въ упорствѣ, когда я, не отъ презрѣнія къ власти Церковной, а по законнымъ причинамъ, не явился на вызовъ въ Римскую Курію: 1) отъ того, что сѣти враговъ моихъ были разставлены мнѣ по всей дорогѣ; 2) отъ того, что чужія несчастія сдѣлали и меня осторожнымъ; 3) отъ того, что мои прокураторы изъявили готовность, при огнѣ инквизиціи, защищать невинность мою противъ всѣхъ обвиненій; 4) отъ того, наконецъ, что законный заступникъ мой, безъ всякой вины, заточенъ былъ въ вышеозначенной Куріи».

«А такъ какъ общее правило всякаго слѣдствія, какъ въ Св. Писаніи ветхаго и новаго завѣта, такъ и въ канонахъ положенное, требуетъ отъ судей, чтобы они производили слѣдствіе на мѣстѣ, гдѣ совершилось преступленіе и отобрали напередъ показанія свидѣтелей, которые, по какимъ бы то ни было сношеніямъ съ подсудимымъ, имѣютъ объ немъ вѣрныя свѣдѣнія, притомъ не изъ числа людей предубѣжденныхъ противъ него, или личныхъ враговъ его, а люди благонамѣренные, не оскверняющіе устъ своихъ клеветою, а пламенные защитники закона Христова; наконецъ, какъ послѣдняго условія, требуетъ, чтобы личная безопасность подсудимаго была обезпечена, и чтобы судья не былъ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ его личнымъ

врагомъ; то ясно, что при недостаткѣ этихъ условій, необходимыхъ для сохраненія жизни при явленіи на судъ, я предъ Богомъ не причастенъ ни грѣху упорства, ни мнимому отлученію папскому».

«Сію аппелляцію возношу я, Янъ Гусъ, къ престолу Господа нашего Іисуса Христа, судіи всеправеднаго, который знаетъ, защищаетъ и судитъ правое дѣло всякаго человѣка» ([1]).

Такимъ образомъ споръ Гуса съ Римскою Церковію, не болѣе какъ черезъ пять лѣтъ послѣ своего начала, принимаетъ грозный, величавый характеръ, становится вопросомъ жизни и смерти. Папская булла встрѣчена язвительными насмѣшками въ Чехіи; Гуситы пародируютъ каждое слово ея;—гдѣ сказано въ буллѣ: на вселенскомъ Соборѣ («in generali Concilio»), они ставятъ: «in angulari» (на Соборѣ въ углу), куда собираются для совѣщаній не представители Католической Церкви со всѣхъ христіанскихъ державъ, а немногіе святокупцы, гдѣ властвуютъ неограниченно декреталіи, а законъ Божій повержевъ въ углу. Гдѣ булла гласитъ объ еретическихъ мнѣніяхъ, они вставляютъ вопросъ: «а гдѣ эти ереси, папа? Назови ихъ по имени; не то, самъ произносишь на себя осужденіе.» Когда гордое посланіе папы къ королю сдѣлалось извѣстнымъ въ столицѣ, снова раздается устами ихъ эта злая иронія. Гуситы смѣются надъ судебною властію папъ. «Трое папъ въ Христіанскомъ мірѣ,» говорятъ они, «Бальтазаръ Косса въ Римѣ, подъ именемъ Іоанна XXIII; Анджело Кораріо (Григорій XII) въ Ариминѣ; Петръ де Луна (Бенедиктъ XIII) въ Аррагоніи. Отъ чего же ни одинъ изъ нихъ, величаемый Святѣйшимъ отцемъ, не уговоритъ прочихъ съ своими приверженцами подчиниться его судебной власти ([2])?» Насмѣшливыми толкованіями Гуситы наиболѣе привлекали народъ, дѣйствуя ими на здравый, дѣловой смыслъ его; они поняли слабую сторону Католицизма, и хорошо умѣли ею воспользоваться.

---

(1) De Ecclesia, I, 235, 6.—Hist. sanct. Martyris, I, 17—18.
(2) Cochlaei, Hist. Hussitarum, 21—24.—De Ecclesia, I, 254.

Изрекая проклятіе на Гуса, Римская Церковь подкрѣпляла свой приговоръ дополнительными распоряженіями, которыя имѣли цѣлію лишить его свободы и выдать архіепископу Пражскому, или епископу Лютомышльскому, а Виѳлеемскую часовню разрушить до основанія. По наущенію Староградскихъ совѣтниковъ, собралось, еще прежде обнародованія отлученія, большое количество вооруженныхъ Нѣмецкихъ гражданъ подъ начальствомъ Чеха, Бернарда Хотька, и напали на Виѳлеемскую церковь, въ то время, когда Гусъ проповѣдывалъ въ ней, съ намѣреніемъ разогнать слушателей и схватить проповѣдника. Но, встрѣченные сильнымъ отпоромъ, и не смѣя производить кровопролитія въ храмѣ, они воротились съ пустыми руками. За тѣмъ постановлено въ Думѣ привести въ исполненіе, по крайней мѣрѣ, повелѣніе Куріи о разореніи Виѳлеемской часовни, и опять нашлись Чехи, которые одобряли это намѣреніе; но когда оно разгласилось въ народѣ, то произвело такое смятеніе въ Прагѣ, что оставлено безъ исполненія. Гусъ жестоко казнилъ самоуправство городской Думы замѣчаніемъ острымъ, именно, «что Нѣмцы не смѣли бы разломать у сосѣда ни печи, ни хлѣва, безъ воли на то короля, а не побоялись посягнуть самольно на храмъ Божій.» (1) При всемъ томъ, обнародованіе отлученія въ Прагѣ не обошлось безъ явнаго соблазна. Священники немедленно прекратили богослуженіе и даже самонужнѣйшія требы: крещеніе младенцевъ, погребеніе мертвыхъ, пока Гусъ былъ въ Прагѣ, за исключеніемъ одного Вышеградскаго храма, какъ ясно говоритъ о томъ Теобальдъ. Не помогло проповѣднику и университетское прѣніе, 18 Декабря 1412, въ которомъ адвокатъ его, М. Янъ изъ Есеницы, оспаривалъ законность поразившаго его проклятія (2). Смятеніе дошло до того, что король изъявилъ Гусу желаніе свое, чтобы онъ на время оставилъ Прагу, обѣщая ему въ то же время посредничество свое для примиренія съ церковнымъ начальствомъ (3).

(1) Palackého, Dějiny národu českeho, III, č 1, str. 130—131.

(2) См ниже.

(3) Въ 4-мъ письмѣ изъ изгнанія къ ректору университета, Христанну

Вѣроисповѣдный вопросъ въ Чехіи дошелъ до такой степени, что сдѣлался предметомъ изслѣдованія верховнаго правительственнаго мѣста въ государствѣ, Коллегіи 12 земскихъ кметовъ. Въ послѣднихъ числахъ Декабря 1412 года, на засѣданіяхъ этихъ сановниковъ, начались совѣщанія о средствахъ остановить успѣхи ереси въ Чехахъ, положить конецъ худой молвѣ о славѣ народа и возстановить давножеланную тишину внутри государства. Епископы, Конрадъ Голомуцкій, администраторъ Пражской епархіи, по удаленіи Альбика, и Іоаннъ Лютомышльскій, присутствовали лично на совѣщаніяхъ, а обѣ тяжущіяся стороны представили свои мнѣнія письменно. Коллегія постановила, чтобы, подъ предсѣдательствомъ обоихъ епископовъ, былъ созванъ областной Соборъ, для окончательнаго рѣшенія дѣла по Гусовой ереси. Одобривъ это заключеніе, король Вячеславъ разослалъ, 3 Января 1413 года, извѣстительное приглашеніе ко всему духовенству Чешскаго королевства о созваніи собора въ Чешскомъ Бродѣ, ко 2-му Февраля; подобное же извѣщеніе вышло отъ Конрада, администратора Пражскаго. Назначеніе Собора въ одномъ изъ маленькихъ городовъ Чехіи послѣдовало для того, вѣроятно,—говоритъ Палацкій,—чтобы Гусъ, не смотря на таготѣвшее на немъ отлученіе, могъ лично присутствовать на Соборѣ, не возбуждая соблазна (¹).

На этомъ Соборѣ представителемъ Латинской стороны уже явно выступаетъ союзъ 8 докторовъ богословскаго факультета, противниковъ новаго ученія. Членами союза были, по старшинству: деканъ богословскаго факультета, Стефанъ Палечъ, Станиславъ изъ Зноима, Петръ изъ Зноима, Янъ Геліе, Янъ изъ Гильдисена, Андрей изъ Чешскаго Брода, Германъ, frater Eremita, Матѳей, монахъ изъ Збраслава (de Aula regia). Къ нимъ присоединились въ послѣдствіи Георгій изъ Бора и Симонъ изъ Венды (²).

Прахатицкому, Гусъ говоритъ: «Aestimo, quod peccavi, ad voluntatem regis prædicationem dimittens; et ergo jam nolo sic peccare. — Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 132.

(1) Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 133—134.

(2) Ad Scripta Stanislai de Znoyma, Hist et Mon. Hus, I, 265.—De Ecclesia, I, 218, 6.

Душею союза были два первые члена, распоряжавшіе дѣйствіями прочихъ товарищей. Оба они принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ друзей и защитниковъ Гуса въ началѣ его богословскаго поприща. Воспоминаніе этой старинной дружбы сохранилось въ извѣстной пародіи, сдѣланной Нѣмцами, въ которой книга родства начиналась такими словами: « Станиславъ изъ Зноима родилъ Петра изъ Зноима, Петръ изъ Зноима родилъ Палеча, а Палечъ родилъ Гуса» ([1]). Старѣйшій лѣтами въ этомъ тріумвиратѣ былъ Станиславъ, уступавшій, впрочемъ, въ значеніи Палечу; онъ былъ уже профессоромъ въ Пражскомъ университетѣ, когда Гусъ сидѣлъ еще на студенческой лавкѣ ([2]). Всѣ они изстари отличались свободомысліемъ и смѣлымъ противодѣйствіемъ Западной Церкви. Дѣятельное участіе ихъ, какъ вождей народной стороны, въ осужденіи 45 статей Виклефа, засвидѣтельствовано Гусомъ и современными актами. «Помнишь ли твердость товарища твоего, Станислава,»—говоритъ Гусъ въ сочиненіи противъ Стефана, въ видѣ урока,—«когда онъ грудью стоялъ за положенія Виклефа? Помнишь ли собственное слово свое, когда ты, въ полномъ собраніи университета, поднялъ сочиненія Виклефа, говоря: Пусть встанетъ, кому эта книга не нравится! Я берусь ее защищать? Помнишь ли и то, что старшіе доктора вышли всѣ изъ собранія; такъ возраженія твои казались имъ рѣзки? ([3]).» Такую же стойкость выказали доктора Станиславъ и Петръ изъ Зноима, Янъ Геліе съ другими товарищами въ охраненіи правъ университетскихъ. Когда папа Иннокентій VII, подъ страхомъ анаѳемы, лишенія правъ и имущества, приказалъ имъ принять въ число докторовъ Маврикія Пражскаго, въ послѣдствіи одного изъ сильнѣйшихъ противниковъ Евхаристіи подъ обоими видами, они оказали рѣшительное сопротивленіе. Станиславъ выступилъ даже на поприще богословско-лит-

---

(1) Ad Scripta Stephani Paletz, Monum. Hus, I, 255, 6.

(2) «Et quamvis ipse Stanislaus magister meus extiterit.» Ad Scr. Stan. I. 263.

(3) Ad Scr. Steph. Paletz. Mon. I. 260. — Ad Scr. Stan. de Znoyma, I, 265, 6.

тературномъ, какъ ученый поборникъ ученія Виклефа (1). За все это Станиславъ изъ Зноима и Стефанъ Палечъ вынесли жестокое гоненіе отъ Римскаго Двора. Въ концѣ Октября 1408 года они схвачены въ Болоніи, по приказанію кардинала-легата, Бальтазара Коссы, и выпущены на свободу только въ слѣдующемъ году, по настоятельному требованію самихъ кардиналовъ, короля и университета, особенно магистровъ: Гуса, Яна изъ Есеницы и Христіана Прахатицкаго. Эта невзгода охладила значительно ревность ихъ къ общему дѣлу (2). Тогда-то, по случаю продажи отпусковъ въ Прагѣ, они отступили отъ Гуса, и, ставъ подъ знамена Латинской стороны, осыпаны милостями первосвященника, и поклялись въ вѣчной враждѣ товарищу дѣтства. «Продажа отпусковъ и поднятіе креста противъ Христіанъ были первой причиной размолвки моей съ докторомъ Палечомъ,»—говоритъ Гусъ.—«Послѣднее слово, ему мною сказанное, послѣ котораго мы разстались на вѣки, было слѣдующее: «Мнѣ Палечъ другъ, мнѣ другъ и истина: при одинаковыхъ правахъ ихъ на мою дружбу, достойно и праведно предпочесть истину» (3).

Соборъ, назначенный королевскимъ Совѣтомъ, для прекращенія ереси, съѣхался, не въ Чешскомъ Бродѣ, а въ Прагѣ, въ палатахъ архіепископскихъ, 6 Февраля 1413 года. На немъ не присутствовали ни Іоаннъ Лютомышльскій, ни Гусъ: послѣдняго замѣнялъ на Соборѣ защитникъ и прокураторъ его, Янъ изъ Есеницы. О совѣщаніяхъ соборныхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; у Кохлея сохранились только полемическія сочиненія на спорныя статьи, изъ которыхъ явствуетъ, что въ полныхъ собраніяхъ не позволено было вести состязанія устно, вѣроятно, для избѣжанія гласности соблазнительныхъ распрей (4). По

(1) De Ecclesia, I, 241.—Ad Ser. Paletz, I, 263, 6.—Ad Ser. Stan. de Znoyma, I, 267, 288.

(2) Ad Ser. Steph. Paletz, I, 256.—Ad Ser. Stan. de Znoyma, I, 288, 289.—Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 75.

(3) Ad Ser. Paletz, I, 264, 6.

(4) «Alibi dictum et scriptum est et datum D. Episcopo Olomucensi, et adhuc deduceretur et ostenderetur, si audientia in publico daretur coram om-

повелѣнію короля, обѣ тяжущіяся стороны подали письменно мнѣнія свои о томъ, какими путями достигнуть умиренія государства. Доктора католическіе, и во главѣ ихъ Палечъ и Станиславъ, выставили три положенія, подъ именемъ общихъ истинъ (veritates generales), изложенныхъ у Кохлея и подробно опровергнутыхъ Гусомъ въ его сочиненіи о Церкви. Это было не что иное, какъ крайнее выраженіе схоластическаго ученія о папской теоріи. Первая истина относилась къ догматамъ Римскимъ о значеніи папы и кардиналовъ, и дробилась на 8 положеній: что папа видимая глава св. Римской Церкви, а Коллегія кардиналовъ—тѣло ея; что папа—видимый и истинный преемникъ верховнаго Апостола Петра, а кардиналы—преемники прочихъ Апостоловъ; что для управленія Церковію по всей вселенной необходимо сохранить навсегда однообразный порядокъ устройства церковнаго, съ папой и кардиналами; что другихъ непосредственныхъ преемниковъ верховнаго и прочихъ Апостоловъ не возможно найти на всемъ земномъ шарѣ; что Римская Церковь есть мѣсто, самимъ Господомъ избранное, за которымъ Богъ утвердилъ первенство въ Церкви вселенской, въ которомъ папа—намѣстникъ св. Петра, верховный первосвященникъ, а кардиналы—священники изъ рода Левитовъ. Вторая общая истина относится къ правительственной власти Латинской іерархіи, и заключается въ томъ, что всѣ изреченія представителей Церкви не погрѣшительны; что Апостольскому престолу Римской Церкви и вообще духовнымъ начальникамъ низшіе должны повиноваться во всемъ, когда они или не запрещаютъ безусловно хорошаго, или не предписываютъ безусловно дурнаго,—во всемъ безразличномъ, что̀ можетъ быть и добрымъ и злымъ, смотря по лицу, мѣсту, времени, или обстоятельствамъ дѣйствія. Третья общая истина признаетъ за Латинской іерархіей законодательную власть, утверждая, что въ дѣлахъ Церкви вѣрующіе должны относиться исключительно къ папѣ и кардиналамъ, какъ къ истинной Церкви, вопреки мнѣнію Чешскихъ измѣнниковъ, которые

nibus doctoribus,» сказано въ отвѣтѣ Гуситовъ. Cochl., Hist. Huss. p. 52.— Dějiny národu českého, III, č. 1, str. 134.

Св. Писаніе считаютъ единственнымъ мѣриломъ въ догматахъ Вѣры, давая ему произвольное толкованіе. На основаніи этого, доктора Католической стороны совѣтовали, для умиренія Церкви, издать повелѣніе, чтобы всѣ Чехи въ отношеніи къ тремъ означеннымъ статьямъ приложились къ ученію Церкви, а, въ случаѣ неповиновенія, изгонялись изъ отечества. Буде Гусъ согласится принять ученіе Латинское о папѣ, о таинствахъ, о силѣ церковныхъ ключей, о безусловномъ повиновеніи прелатамъ; буде подтвердитъ согласіемъ своимъ осужденіе Виклефа, доктора готовы засвидѣтельствовать его правовѣріе и написать объ немъ къ папѣ самый лестный отзывъ (¹). Съ своей стороны, прокураторы Гуса выставили свои предложенія. Они требовали: 1) возвращенія въ законную силу примирительной сдѣлки между Гусомъ и архіепископомъ Сбинкомъ 1411 года; 2) уравненія Чехіи съ другими державами въ правахъ и льготахъ въ церковномъ управленіи; 3) созванія такого Собора духовенства, на которомъ Гусъ могъ бы присутствовать лично, предоставляя всякому право обвинить его въ ереси, съ условіемъ подвергнуться денежному взысканію въ случаѣ ложнаго обвиненія. «Пусть будетъ объявлено по всѣмъ городамъ, что Маг. Янъ Гусъ желаетъ дать отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ; и всѣ, готовящіе ему возраженіе, пусть запишутся въ канцеляріи епископа.» Если не будетъ подписчиковъ, приверженцы требовали вызова къ суду и наказанія ложныхъ свидѣтелей, распускающихъ при дворѣ папы злую молву объ ереси въ Чехіи и Моравіи. Король Чешскій и архіепископъ обязываются запретить, подъ самой строгой отвѣтственностью, распространеніе ложныхъ слуховъ, а въ заключеніе должно быть отправлено къ папѣ посольство, для оправданія людей, оподозрѣнныхъ въ ереси. Объ отлученіи Гуса и запрещеніи ему проповѣдывать, котораго требовали противники, не должно быть и рѣчи (²).

---

(1) Cochlaei, Hist. Hussitarum, p. 29—32; 44—49.—De Ecclesia. Hist. et Mon. Hus, I, cap. 12—23.—Palacky, Gesch v. Böhm. III, 291 — 292. — Dějiny, III, č. 1, str. 135—136.

(2) Подробности у Кохлея: Hist. Hussit. p. 32—33.

Но Латинское духовенство отвергло предложенія Гуситовъ. Конрадъ, администраторъ Пражской епархіи, памятный послѣдующимъ отреченіемъ въ пользу ихъ отъ Церкви Латинской, послалъ ихъ немедленно къ Іоанну Желѣзному, епископу Лютомышльскому, который (10 Февраля) написалъ на нихъ возраженіе, требуя, съ своей стороны, избранія вицеканцлера университета, облеченнаго распорядительною властію въ наказаніи ересей, запрещенія проповѣдывать народу о такихъ предметахъ, которые относятся только къ университетскому преподаванію, вообще запрещенія проповѣдывать Гусу съ сообщниками, осужденія и истребленія всѣхъ Чешскихъ его сочиненій (¹).

Пока Соборъ тянулся въ безконечномъ обмѣнѣ политическихъ статей съ обѣихъ сторонъ, вся Латинская Европа возстаетъ на Гуситскую ересь. Іоаннъ XXIII извѣщаетъ объ ней короля Французскаго и Парижскій университетъ. По этому случаю славный канцлеръ его, Іоаннъ Герсонъ, пишетъ къ администратору Пражской епархіи извѣстное посланіе, въ которомъ дикія страсти среднихъ вѣковъ рисуются величавыми образами. «Доселѣ», — говоритъ онъ, — «Церковь употребляла различныя средства для искорененія ересей. Во времена Апостольскія Богъ всемогущій смирялъ лжеучителей силою чудесъ своихъ. Въ послѣдствіи учители Церкви истребляли злыя сѣмена ересей силою разумныхъ доводовъ и сѣкирою вселенскихъ соборовъ. Наконецъ, когда немощь стала неисцѣлимою, Церковь прибѣгла къ содѣйствію свѣтскаго меча для посѣченія ересей и истребленія огнемъ ихъ виновниковъ. Эта любовная казнь предотвращала гибельное распространеніе ложныхъ ученій. Руководствуйтесь этими правилами. Если лжеучители ваши требуютъ чудесъ для своего убѣжденія, да вѣдаютъ они, что время чудесъ прошло невозвратно. Не позволено испытывать Бога для утвержденія Вѣры, уже не младенческой. У нихъ не Моисей и пророки только; у нихъ Апостолы, древніе учители, св. Соборы, учители новые, сіявшіе въ университетахъ, особенно Парижскомъ, матери прочихъ, ко-

(1) Cochlæi, Hist. Hussit. p. 34—36.

торую Богъ охранялъ постоянно отъ смертнаго дыханія ересей. Не вѣрятъ имъ, не повѣрятъ и мертвому, если воскреснетъ ([1]). Гордая ересь не терпитъ обличенія разума. Безполезное прѣніе соблазняетъ народъ, оскорбляетъ любовь ([2]). Застарѣлая болѣзнь бѣжитъ врачевства. И такъ, если недовольно оружія слова и разума для истребленія ереси, вамъ остается только приложить остріе свѣтскаго меча къ корнямъ безплоднаго и проклятаго дерева. Вамъ подобаетъ призвать на помощь гражданскую власть; ибо вы отвѣчаете вѣчнымъ спасеніемъ за каждую душу, ввѣренную попеченіямъ вашимъ» ([3]).

Посланіе Герсона имѣло сильное вліяніе на дѣйствія Латинской стороны университета, ибо голосъ его уважался во всей современной Европѣ. По крайней мѣрѣ, представители Латинской Церкви на Пражскомъ соборѣ смѣлѣе подняли голову, и обвиненія всякаго рода устремились на Гуса. Ему ставили въ вину покровительство ученію Виклефа, ограбленіе церквей и монастырей, начинавшееся уже въ разныхъ областяхъ королевства, незаконное присвоеніе себѣ и приверженцамъ бенефицій и вмѣстѣ доходовъ противниковъ, и, наконецъ, презрѣніе церковной власти въ томъ, что и въ отлученіи папскомъ онъ не думалъ отказываться отъ богослуженія ([4]). Важнѣе всего было то обстоятельство, что большинство духовенства перешло на сторону защитниковъ Рима, не въ слѣдствіе перемѣнившихся убѣжденій, а изъ страха лишиться своихъ бенефицій незаконнымъ дѣйствіемъ церковной власти ([5]). А потому отлученіе Гуса и всѣхъ его приверженцевъ признается законнымъ и подтвердается снова приговоромъ боль-

(1) Замѣчательно, что въ состязательныхъ сочиненіяхъ Гуса этого времени часто возвращается тонкая иронія въ вызовѣ папы, если онъ переноситъ на себя всѣ отношенія Апостоловъ, доказать свое посланничество такими же, какъ они, чудесами. На пр. Ad Scr. Stan. c. 6, p. 280, 6. Ad Scr. 8 Dct. c. 7, p. 305, 6; c. 8, p. 307. См. ниже.

(2) Новый намекъ на дѣятельность Гуса.

(3) Cochlæi, Hist. Hussit. 21—22. 27 Мая, въ наутріи Пятидесятницы 1415 года.

(4) Письмо Андрея изъ Брода у Кохлея. Hist. Hussitar. 42—43.

(5) De Ecclesia, c. 21, p. 247, 6.—248.

шинства духовенства, приставшаго къ сторонѣ Латинской (1). Впрочемъ, и это послѣднее вовсе излишне, ибо доктора объявляютъ, что Пражское духовенство не имѣетъ права изслѣдовать, справедливы ли, или нѣтъ наказанія, наложенныя на Гуса и его послѣдователей. Можно ли еще сомнѣваться въ ихъ справедливости, когда Римскій престолъ и его представители въ Чехіи, т. е., высшее духовенство, прелаты давно уже рѣшили вопросъ утвердительно? (2) Такъ Римская Церковь въ послѣдній разъ одержала побѣду, и самъ Вячеславъ принужденъ преклониться предъ ея рѣшеніемъ. Только по крайней необходимости, и, можетъ быть, не безъ вліянія со стороны брата, Сигизмунда, ревностнаго католика по убѣжденію, онъ изъявилъ согласіе на обнародованіе общихъ истинъ въ видѣ королевскаго указа. Его подтвердили согласіемъ своимъ и мѣстоблюститель Пражской епархіи, и Пражская Капитула, и доктора юридическаго факультета (3), безъ которыхъ не состоялось бы большинства рѣшенія въ университетѣ. Но, сверхъ того, были приняты сильныя мѣры для приведенія упорствующихъ въ повиновеніе. Доктора объявили, что кто изъ Чешскихъ священниковъ возстанетъ на это рѣшеніе, тотъ долженъ подвергнуться духовному наказанію; если же Церковь преслушаетъ, то предается суду гражданскому; а этотъ судъ въ дѣлахъ Вѣры кончался всегда инквизиціей (4). Такимъ образомъ, Соборъ прекратилъ свою дѣятельность, и дѣло перешло въ гражданское вѣдомство. «Въ назначенный день (скажемъ словами Гуса) союзные доктора повели въ судъ (Praetorium) огромную толпу, за которой по неволѣ должны были слѣдовать и священники стороны Гусовой, для того, чтобы страхомъ принудить къ согласію тѣхъ, которыхъ не могли убѣдить Св. Писаніемъ и разумомъ. Первосвященники, книжники и фарисеи, не смѣли войти въ преторъ въ слѣдъ за обвиненнымъ Іисусомъ, а наши доктора вошли въ торжественномъ собраніи книжниковъ, фарисеевъ и ста-

---

(1) Cochlaei, Hist. Huss. 44—49.
(2) De Ecclesia, Hist. et Mon. Hus, I, c. 22.
(3) Cochlaei, Hist. Hussit. p. 47.
(4) De Ecclesia, I. 228. 6.

рѣйшинъ народныхъ, и одинъ изъ нихъ, называемый Палечомъ, прочелъ вслухъ королевскій указъ, и произнесъ смертный приговоръ на ослушниковъ волѣ верховнаго первосвященника. Ряды вооруженныхъ воиновъ подкрѣпляли рѣшеніе и придавали бодрость чтецу. О конечно, если бы Палечъ явился въ числѣ обвинителей нашего Господа, и онъ не побоялся бы взывать съ Іудеями: «Кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ; мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети (1)!» Не смотря на то, сторона Гусова оказала геройское сопротивленіе приговору подкупленныхъ судей. «Какъ нѣкогда праведный Іосифъ въ лицо противусталъ беззаконному сборищу, осудившему на смерть Іисуса: дерзнувъ, вниде къ Пилату, и проси тѣлесе Іисусова: такъ точно (говоритъ Гусъ) и магистры нашей стороны: Маркъ Градецкій, въ то время ректоръ Пражскаго университета, Фридрихъ Эпинге, Прокопій изъ Пльзны, со многими другими протестовали въ судѣ противъ осужденія истины. Сильные сознаніемъ правды, эти великодушные мужи, презирая смертныя угрозы, безстрашно противустали въ лицо законовѣдцамъ, докторамъ, каноникамъ и старѣйшинамъ народнымъ» (2). Такъ всѣ усилія Западной Церкви рушились о непреклонное противодѣйствіе горсти магистровъ, разумно сознавшихъ истину ученія Гусова и готовыхъ жертвовать жизнію для ея исповѣданія. Въ этихъ рѣдкихъ явленіяхъ высказывалась сила народнаго духа и внутренняя слабость Католицизма. Въ отсутствіе Гуса защитники поддержали свою великую роль: онъ съ восторгомъ говоритъ объ ихъ мужествѣ; съ презрѣніемъ отзывается о служителяхъ лести, навлекшихъ на себя заслуженную ненависть всего народа. Хитрое зданіе, подготовленное подкупами Стефана Палеча, главы противниковъ, немедленно рушилось. Все низшее духовенство, оскорбленное приговоромъ, безусловно подчинившимъ его высшему, исключительно Латинскому въ Чехіи (3), возстало съ но-

(1) De Ecclesia, I, 227, 6.—Ad Scr. Steph. Paletz, I, 255, 6.
(2) Ad Scr. Stanislai de Znoyma, I, 266.
(3) Ad Scr. Paletz, I, 259, 6.

выми требованіями. Одушевленіе сдѣлалось общимъ. Не смотря на то, что указъ прочтенъ всенародно, разосланъ по всѣмъ областямъ королевства (1), и даже переведенъ на Чешскій языкъ, по свидѣтельству Кохлея, который видѣлъ его въ переводѣ, онъ нигдѣ не нашелъ исполнителей. Противная сторона, говоритъ Кохлей, оказала такое упорство, что не только въ частныхъ собраніяхъ вопіяла противъ незаконности изгнанія Гусова и поносила Римскую Курію, согласившуюся на его отлученіе, въ слѣдствіе подкуповъ высшаго духовенства, но даже оспоривала указъ королевскій въ разныхъ книгахъ и сочиненіяхъ (2). Все это дѣлалось, кажется, не безъ вѣдома и одобренія короля, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Такъ изгнаніе Гуса не принесло приверженцамъ Латинской Церкви никакой существенной пользы. Оно не только осталось мѣрой ничтожной, но еще болѣе послужило ко славѣ его. Гусъ удалился въ предѣлы города Усти (Austí), и тамъ, по прежнему, продолжалъ проповѣдывать подъ охраною владѣльца Козьяго замка, Яна старшаго, изъ Усти, который пригласилъ его къ себѣ. По смерти этого пана, онъ принялъ новое приглашеніе королевскаго любимца, Генриха Лефля изъ Лажанъ, и гостилъ въ его замкѣ, Краковцѣ, въ Раковницкомъ округѣ. Отсюда выѣзжалъ онъ въ окрестныя мѣстечка; въ особенности посѣщалъ онъ тѣ селенія, гдѣ бывали народныя сходбища по случаю храмовыхъ праздниковъ, или свадебъ; и гдѣ онъ ни казался, толпы народа стекались къ нему и пріѣзжали слушать его на возахъ (3). Но сколь велика была народность его, столь велика и зависть враговъ, обреченныхъ отнынѣ на низкое ремесло клеветы и наушничества. «Случилось ему разъ въ одну изъ обычныхъ проповѣдей его сильно нападать на папу и кардиналовъ. По окончаніи рѣчи его, — такъ разсказываетъ Теобальдъ, — одинъ крестьянинъ, притворяясь

(1) «Doctores de facultate theologica in Synodo praetorii exposuerunt se publice et scripta sui Consilii etiam ad exteras provincias direxerunt.» Ad Scr. Stan. de Znoyma, 1, 265.

(2) Cochlæi, Hist. Hussit. p. 49.

(3) Starj letopisowé, str. 29.

простымъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «Скажи намъ, пожалуйста, господинъ магистръ, что значитъ по Чешски папа и кардиналъ? Видѣлъ ли ты хоть одного изъ тѣхъ, о которыхъ такъ много говоришь?» — «Никого не видалъ, мой другъ, да и видѣть не хочу,»—отвѣчалъ Гусъ.—«Зачѣмъ же ты такъ жестоко отзываешься о тѣхъ, которыхъ никогда не видалъ и не изучалъ вблизи? Я когда-то съ отцемъ моимъ ѣздилъ въ Римъ, и видѣлъ тамъ папу и нѣсколькихъ кардиналовъ. Они показались мнѣ исполненными благочестія, какъ я никогда никого не видалъ.»—«Если они тебѣ, старичокъ, такъ понравились,»—отвѣчалъ Гусъ,—«то воротись къ нимъ, и оставайся при нихъ до конца жизни.»—Крестьянинъ отвѣчалъ и на это, покачавъ головою: «Я ужъ состарѣлся, магистръ, и не могу бодро справиться въ путь; а ты молодъ; поди за меня, и что̀ говоришь намъ пространно, то скажи имъ въ лицо; они у тебя въ долгу не останутся.» Присутствующіе паны наложили молчаніе на крестьянина; но Гусъ взялъ его съ собою въ замокъ и угостилъ его съ честію» (1). Въ этой рѣчи, можетъ быть и не выдуманной, слышимъ опять отголосокъ возраженія доктора Льва и всей католической стороны, которая старается развѣнчать любимца народнаго, наложить пятно безславія и отверженія на его чистую дѣятельность. Но приближалась уже великая минута возмездія, когда, при заревѣ Констанцкаго пепелища, и на эти мелочныя придирки послѣдовалъ торжественный отвѣтъ.

Ко времени изгнанія Гуса въ 1413 и 1414 годахъ принадлежатъ письменныя сношенія его съ дворомъ Ягойловцевъ (2) и цѣлый рядъ спорныхъ сочиненій, вызванныхъ дѣйствіями его противниковъ на Пражскомъ Соборѣ. Сюда же относится нѣсколько писемъ его къ Пражскимъ друзьямъ, имѣющихъ примѣненіе къ современнымъ событіямъ (3). Еще прежде своего удаленія изъ Праги, въ

---

(1) Theobald, Hussitenkrieg, s. 41—42.

(2) O kościołach braci czeskich w dawnéj Wielkiéj Polsce, przez J. Lukaszewicza, str. 9—11.—Palackého, Dějiny národu ceského, III, Č. 1, str. [illegible].

(3) Изъ 13 писемъ его, вошедшихъ въ составъ Hist. et Mon. Hus, подъ названіемъ: «Epistolæ, tempore anathematis et interdicti pontificii scriptæ,»

1411 году имъ была написана на Чешскомъ языкѣ небольшая книга «О шести заблужденіяхъ» (противъ Латинскаго духовенства), и росписана на стѣнахъ Виѳлеемской часовни. Когда онъ удалился изъ Праги, и побѣда на первыхъ порахъ осталась за врагами его, Виѳлеемская часовня подверглась опасностямъ за безвременное свое украшеніе. Гоненія на отсутствующаго Гуса ознаменованы въ Прагѣ удвоеннымъ напоромъ на это безвинное орудіе его славной дѣятельности. По случаю этихъ гоненій, о которыхъ говорено было выше, Гусъ изъ изгнанія посылаетъ Пражанамъ слова утѣшенія и мира. «Не бойтесь угрозы гонителей, хотящихъ разрушить Виѳлеемскую церковь. Богъ не попуститъ имъ совершить свое злое намѣреніе; но берегитесь забыть благодѣянія Божіи; тогда Господь Самъ разоритъ Виѳлеемъ, какъ въ другомъ Виѳлеемѣ, гдѣ онъ родился, и въ Іерусалимѣ, гдѣ совершилъ искупленіе наше, не осталось камня на камнѣ. Прошу васъ, возлюбленные, не скорбите объ отсутствіи моемъ, не ужасайтесь проклятій, которыми преслѣдуютъ меня враги Господни.... Пускай воздвигаютъ на меня крестъ; пускай распѣваютъ, какъ на Іуду предателя, пѣсни поруганія, и прибиваютъ ихъ публично на площадяхъ; пускай, по обычаю Іудеевъ, бросаютъ камнями въ двери храма, пока руки ихъ не онѣмѣютъ и на нихъ самихъ не обрушатся эти камни» (1). Гусъ утѣшается мыслію, что отсутствіе

несомнѣнно принадлежатъ этому времени: 6-е, 7-е, 9-е и 13-е. Всѣ они носятъ ясный отпечатокъ современныхъ отношеній. Въ нихъ говорится объ усиленныхъ гоненіяхъ Антихриста, начавшихся не ранѣе, какъ послѣ 1412 года. Есть ясныя указанія на отступниковъ, Палеча и пр., на гоненія противъ Виѳлеемской часовни. Въ 13-мъ письмѣ Гусъ сверхъ того самъ указываетъ на время его сочиненія, говоря, что онъ болѣе 12 лѣтъ проповѣдывалъ слово Божіе въ Прагѣ, а начало его проповѣди относится къ 1401 году.— Къ 1413 году, по всѣмъ вѣроятностямъ, отнести должно и 4-е письмо Гуса къ ректору Пражскаго университета, Христіану Прахатицкому, которое я считаю первымъ въ ряду помянутыхъ, писаннымъ вскорѣ послѣ изгнанія, ибо въ немъ говорится о прекращеніи проповѣди его по волѣ короля, — и 14-е письмо къ жителямъ Лунъ. Только по внутреннему характеру тѣхъ писемъ, и по отраженію современныхъ событій, можно опредѣлять ихъ послѣдовательность.

(1) Epist. 6, 7, 9. Hist. et Monum. Hus, I, 96, 6; 97—98.

его изъ Праги не прекратило Евангельской проповѣди, и что вѣрные ученики его достойно продолжаютъ начатое имъ дѣло. Духовная радость объ успѣхахъ Евангелія не въ одной только Прагѣ, но и во всемъ государствѣ—вотъ главное чувство, преисполняющее всѣ его письма. Въ отвѣтъ на беззаконныя дѣйствія послѣдняго Собора, онъ пишетъ знаменитѣйшее свое сочиненіе «О Церкви»; въ возраженіяхъ на общія истины заключается въ стройной системѣ вся полнота ученія Гусова о значеніи папы въ Церкви вселенской, и о мѣстѣ, занимаемомъ въ ней Римскою Церковію. Драгоцѣнная рукопись была послана въ Прагу, прочтена всенародно въ Виѳлеемской часовнѣ, во множествѣ списковъ ходила по рукамъ гражданъ, и дошла до самаго короля. Вскорѣ вся Чехія раздѣляла восторгъ, порожденный явленіемъ великаго труда, который легъ въ основаніе догматическимъ мнѣніямъ Гуса и всей его стороны. Отселѣ сторона Гуса дѣлается стороной народной; огромное большинство духовенства и мірянъ приступаетъ открыто къ духовному единству, внезапно обнявшему всю цѣльность народа. Названіе секты неожиданно переходитъ къ приверженцамъ Рима; послѣдователи ученія Гуса принимаютъ названіе «Евангельскаго клира» (1). Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Палечъ и Станиславъ изъ Зноима сдѣлали послѣднюю попытку въ пользу Западной Церкви, но пали подъ тяжестію этой задачи. Въ своихъ возраженіяхъ на книгу «О Церкви» они окончательно уронили достоинство Рима; и Римская Церковь, падая съ шумомъ въ Чешскомъ народѣ, увлекла ихъ въ своемъ паденіи. Сочиненіе Палеча носитъ ясные признаки усилій своего порожденія. Безнадежность читается въ каждомъ словѣ магистра; въ безотвѣтномъ благоговѣніи къ папѣ, которое проповѣдуетъ Палечъ, не предлагая доказательствъ разумной пытливости народа, мы видимъ собственное, глубокое разувѣреніе и чувство гнетущей скорби, провожающее его до могилы. Отнынѣ жажда мщенія съ одной стороны, угрызенія совѣсти съ другой, попеременно волнуютъ эту страждущую душу. Открытая

(1) Ad Scr. Paletz, I, 260.

сила, которой онъ дѣйствовалъ за нѣсколько мѣсяцевъ, смѣняется хитростію. Онъ не смѣетъ называть Гуситовъ по имени, но подъ вымышленнымъ названіемъ «Quidamistæ,» прилагаетъ имъ позорное прозвище «Смертоноснаго духовенства» (clerus pestiferus). Онъ старается выманить Гуса за предѣлы Чехіи: предлагая ему открытую борьбу, даетъ разумѣть, что она должна совершиться съ равными силами, а потому не возможна въ народѣ, предубѣжденномъ въ пользу противника. «Вы не боитесь называться по имени»,— говоритъ Палечъ,—«безстрашно подъемлете грозу отлученія тамъ, гдѣ нѣтъ для васъ страха; вы требуете обличенія въ ереси тамъ, гдѣ обвинителямъ пришлось бы поплатиться имуществомъ и головою; отъ чего не отправляетесь въ Римскую Курію (1)?» Здѣсь устами его снова говоритъ лукавая Римская политика, которая съ намѣреніемъ покрывается личиною правды, чтобы тѣмъ вѣрнѣе нанести ударъ. Въ возраженіяхъ на сочиненія Палеча и Станислава, служащихъ прекраснымъ дополненіемъ къ догматической части книги «О Церкви,» Гусъ превосходно разоблачаетъ коварные замыслы враговъ: онъ бьетъ ихъ на голову собственнымъ ихъ оружіемъ; принимаетъ предложенный вызовъ, но даетъ разумѣть, что онъ проникъ ихъ обманы, и если отдаетъ себя въ руки враговъ, то не иначе, какъ по собственной волѣ. «Не такъ говорилъ Палечъ во время оно, когда онъ громче всѣхъ требовалъ указанія хотя на одного человѣка, зараженнаго ересью; когда онъ вызвалъ къ отвѣту магистра Рудольфа, который, въ полномъ собраніи университета, обронилъ неосторожное слово, что на нѣкоторыхъ Чеховъ должно воздвигнуть Крестовой походъ, и что сочиненія Станислава изъ Зноима отзываются ересью. Отъ чего же онъ теперь обращается вспять, говоря, что въ Чехіи не мѣсто обличать ересь, когда прежде самъ съ такимъ жаромъ и съ такою настойчивостью требовалъ здѣсь ея указанія? Когда Палечъ подписывается богословскимъ учителемъ, то зачѣмъ же боится онъ сказать правду? Не побоялся въ судѣ, подъ прикрытіемъ вооруженной стражи

---

(1) Ad Scr. Paletz, I, 255, 6, 256.

произнести приговоръ: кто ослушается воли первосвященника, повиненъ смерти! Теперь, когда счастіе ему измѣнило, и онъ говоритъ, что здѣсь не мѣсто обличенія ереси; а прежде обвинялъ меня, какъ еретика» (1). При перемѣнившихся обстоятельствахъ, противники Гуса старались скрыть имена свои, дабы не навлечь на себя мщенія народнаго: Станиславъ изъ Зноима даетъ себѣ и товарищамъ общее названіе «Богословскаго факультета.»—«Не весь богословскій факультетъ,»—отвѣчаетъ Гусъ,—«а только восемь докторовъ произнесли на меня приговоръ отлученія. Зачѣмъ скрываютъ они имена свои? На собраніи въ судебной палатѣ они всенародно явились моими обвинителями, и акты собора своего разослали по всѣмъ областямъ. Если они хорошо дѣлали въ то время, то къ чему теперь эта скромность? Пусть обнародуютъ имена свои; они могутъ ожидать отъ народа благодарности, а отъ Праведнаго Судіи награды вѣчною жизнію» (2). Такъ кончилась полемика Гуса съ докторами преторіи. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого спора было отчужденіе имуществъ отъ духовенства, согласно съ ученіемъ Гуса. Замѣчательно, что и въ самое благопріятное для себя время доктора не смѣли возстать на это послѣднее намѣреніе, которое выставлено Гусомъ еще въ 1412 году и съ тѣхъ поръ уже исподволь переводило богатыя имѣнія Церкви въ руки свѣтскихъ владѣльцевъ. Въ сочиненіи «О Церкви» Гусъ удивляется этому странному молчанію. Онъ догадывается, что свѣтская власть уже приняла свои мѣры, что началось уже отнятіе имуществъ у духовенства. Въ самомъ дѣлѣ, король Вячеславъ, подъ предлогомъ преобразованія причта, въ силу новаго указа, сталъ отбирать церковныя имущества (3). Спасались отъ преслѣдованія только тѣ изъ духовныхъ, которые переходили на сторону Гуса. «Пусть лишатся огромныхъ доходовъ,»—писалъ Гусъ въ концѣ сочиненія «О Церкви»,—«по крайней мѣрѣ душу спасутъ отъ вѣчной погибели. Осудивъ 45 статей Виклефа, доктора говорили,

(1) Ad Scr. Paletz, I, 255, 6.
(2) Ad Scr. Stan. de Znoyma, I, 265.
(3) Cochlæi, Hist. Hussit, p. 62.

что теперь возстановится миръ и единство. Не сбылось ихъ пророчество. Они радовались, когда осуждали; теперь сѣтуютъ, когда стали отбирать церковныя имѣнія. Они просятъ сохраненія имуществъ какъ милостыни. Но свѣтскіе владѣльцы смѣются надъ ними, и говорятъ: не сами ли вы осудили статью, что десятины суть чистыя милостыни» (1)?

Великій споръ Гуса съ Римскою Церковію приближался къ развязкѣ. Не смотря на послѣднія событія, приговоръ объ удаленіи Гуса все еще оставался въ силѣ. Правда, по свидѣтельству Латинскихъ историковъ, онъ часто наѣзжалъ въ Прагу и проповѣдывалъ въ Виѳлеемской часовнѣ. Но Кохлей смѣшалъ первое изгнаніе Гуса изъ Праги съ послѣднимъ. Посему Вячеславъ, который въ послѣднее время такъ явно поддерживалъ Гуса, сдѣлалъ новую попытку примирить обѣ стороны. Онъ нарядилъ коммиссію изъ четырехъ членовъ: Пражскаго владыки, Альбика, Христанна Прахатицкаго, ректора университета, М. Здѣслава изъ Лабуня, пробста у всѣхъ Святыхъ, и Іакова, Вышеградскаго декана, уполномочивъ ихъ всѣми возможными средствами совершить примиреніе. Коммиссія настояла на томъ, что обѣ стороны обѣщали подчиниться безусловно ея приговору, подъ опасеніемъ денежной пени и изгнанія изъ Государства. Члены коммиссіи совѣщались нѣсколько дней въ домѣ магистра Христанна, въ приходѣ Св. Михаила, въ Старомъ городѣ Пражскомъ, подъ предсѣдательствомъ М. Здѣслава. Но уже при изложеніи основнаго положенія протокола ихъ засѣданій, «что обѣ стороны сходятся съ ученіемъ Церкви въ исповѣданіи догмата о Таинствахъ и о власти церковной,» встрѣтились неодолимыя трудности. Палечъ въ послѣдній разъ отказался за себя и своихъ отъ названія «стороны», которое противники съ мудрою умѣренностію прилагали обѣимъ враждующимъ сторонамъ; къ слову: «Церковь» онъ прибавлялъ точнѣйшее обозначеніе: «Святая Римская Церковь, имѣющая нынѣ главою папу Іоанна XXIII, а тѣломъ кардиналовъ.» Эта прибавка исключала возможность взаимнаго

(1) De Ecclesia, I, 255.

примиренія. Послѣ долгихъ преній, магистръ Янъ изъ Есеницы соглашался и на нее, но съ оговоркою, ограждавшею цѣльность вѣрованій Гуситской стороны: «Подчиняемся рѣшеніямъ и приговорамъ этой Церкви такъ, какъ прилично каждому истинному и вѣрному Христіанину.» Коммиссія согласилась и на это ограниченіе, какъ на законное, но Палечъ и Станиславъ изъ Знойма рѣшительно отвергли его. Съ другой стороны Гуситы не могли выносить оскорбительнаго для нихъ названія «самозванцевъ Евангельскихъ,» которое все еще прилагали имъ противники (1). Два дня прошли въ безполезныхъ спорахъ; на третій ни Палечъ, ни союзные доктора не явились на совѣщаніе, обвиняя коммиссію въ пристрастіи и слабости. Это былъ явный намекъ на короля Вячеслава, который самъ наряжалъ ее, самъ назначалъ ея членовъ. Глубоко разгнѣванный, онъ отставилъ отъ университета четырехъ докторовъ: Станислава и Петра изъ Знойма, Стефана Палеча и Іоанна Геліе, какъ «ослушниковъ волѣ его, виновниковъ всѣхъ неустройствъ и лукавыхъ секгаторовъ,» и присудилъ ихъ къ изгнанію, безъ надежды когда либо возвратиться (2). Станиславъ умеръ, не переѣхавъ границы (3); Палечъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, оставилъ отечество, и отправился въ Констанцъ увеличивать число противниковъ Гуса. Странно было видѣть этого папскаго любимца, оставлявшаго родину со стыдомъ и отчаяніемъ, когда изгнанникъ, уже цѣлыхъ два года пораженный перунами папскими, возвращался съ радостію въ Прагу, и народъ встрѣчалъ его съ отверстыми объятіями. Въ этихъ превратностяхъ счастія Гусъ чуялъ что-то недоброе: видѣлъ страшную разгадку собственной участи. Онъ сдѣлалъ послѣднее воззваніе къ дружбѣ: писалъ къ Андрею изъ Брода, напоминая ему прежнія связи. Тотъ отвѣчалъ ему обличительной грамотой, въ которой обвинялъ Гуса въ нарушеніи духа любви. «Ты пишешь,»—такъ говорилъ Андрей изъ

(1) Ad Scr. 8 Doct. I. 293, 6, 1. 1—3.
(2) Palackého, Dějiny národu českého, III, č. 1., str. 137—138.
(3) Historia Sanctissimi Martyris. Hist. et Mon. Hus, I, 4, 6.

Брода,»—что я по прежнему сообществу долженъ и отлученъ быть вмѣстѣ съ тобою. Правда, что я раздѣлялъ когда-то съ тобою трапезу, что мы въ дому Божіемъ ходили единомышленіемъ; но, съ тѣхъ поръ, какъ пало на тебя проклятіе церковное, мы уже не видались съ тобою. Ты пишешь, что желаешь вѣнца мученическаго. Какъ же хочешь быть мученикомъ, когда отвергаешь ту Церковь, которая служитъ истинѣ? Ты расписываешь стѣны библейскими текстами: лучше бы носилъ ихъ въ сердцѣ своемъ» (1). Еще оскорбительнѣе было посланіе Палеча, который обвинялъ его въ непомѣрной гордости, приписывалъ ему бѣдственное состояніе духовенства и смерть архіепископа Сбинка, низведеннаго въ могилу будто бы горестію объ его расколѣ. Такъ доживалъ онъ послѣдніе дни пребыванія въ Прагѣ,—когда разнесся по всей Европѣ слухъ о предстоящемъ Констанцкомъ Соборѣ.

---

(1) Cochlæi, Hist. Hussit. p. 66.

ГЛАВА III.

Констанцкій Соборъ. — Путешествіе Гуса. — Три темницы и три аудіенціи Гуса. — Послѣднія минуты Гуса.

Положеніе Римской Церкви было ужасно. Опасность грозила ей со всѣхъ сторонъ въ одно время. Вальденцы на западѣ, Лолларды въ Англіи, Бичующіеся въ Германіи сокрушали оплоты ея извнѣ. Чехія оторвалась окончательно отъ единства католицизма. Трое папъ все еще оспаривали другъ у друга владычество надъ вселенной. Почти единогласное признаніе всей Европы утвердило первенство за Іоанномъ; но личность этого папы не могла ручаться за благоденствіе Западнаго христіанства. Съ ранней молодости отличаясь безстыдствомъ и развратомъ, онъ, послѣ того, промышлялъ, вмѣстѣ съ братьями, морскими разбоями; по словамъ Ѳеодорика Нимскаго, жилъ долго студентомъ въ Болоніи; но, вмѣсто ученія, проводилъ дни и ночи въ необузданномъ развратѣ. Возведенный Бонифаціемъ IX въ достоинство кубикулярія и архидіакона, продавалъ его именемъ церковныя должности, и еще безстыдно насмѣхался надъ своими кліентами, называя ихъ варварами, а награбленныя деньги отдавалъ въ ростъ. Въ послѣдствіи у того же папы купилъ кардинальскую шапку; назначенный легатомъ въ Болонію, возмутившуюся противъ папы, взялъ ее приступомъ, казнилъ столько жителей, что ими можно бы было наполнить цѣлый городъ, присвоилъ себѣ ихъ имущества; методически грабилъ всѣ городскія сословія, не исключая и самыхъ нищихъ поденщиковъ; обезчестилъ болѣе двухъ сотъ женщинъ и дѣвушекъ; въ Римѣ жилъ въ грѣховномъ союзѣ съ невѣсткой, отравилъ своего предшественника и благодѣтеля, Александра V; подкупомъ восшелъ на папскій престолъ, раздавалъ церковныя должности побочнымъ дѣтямъ, мірянамъ и малолѣтнымъ; безжалостно грабилъ всю Церковь, обращая въ деньги все, что только

можно было похитить. Отъявленный безбожникъ, онъ отвергалъ безсмертіе души, воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ, увѣряя, что нѣтъ болѣе ничего за предѣлами гроба. Такова была личность этого папы, котораго признала вся западная Европа главой христіанства, какъ лучшаго изъ совмѣстниковъ (1).

Соборъ представителей Церкви, хотя и не Вселенской, оставался на Западѣ *единственной*, великой развалиной древняго порядка вещей, и въ вѣрованіяхъ современной Европы все еще стоялъ верховнымъ судилищемъ, на который *Вселенская* Церковь могла возносить свои великія тяжбы. Папы вообще не любили Соборовъ; Іоаннъ XXIII заранѣе видѣлъ въ Констанцкомъ обличительный судъ, которому назначено, предъ лицомъ цѣлаго Запада, раскрыть соблазнительныя тайны его жизни. Но къ концу XIV и началу XV столѣтія необходимость Собора сильнѣе, нежели когда либо становилась ощутительною: общій голосъ всего христіанства на Западѣ требовалъ преобразованія Церкви, ниспавшей на степень гражданскаго чиноначалія. XV столѣтіе явилось роковою эпохою для Западной Церкви: три великихъ Собора, по внѣшности, болѣе прочихъ подходящихъ къ характеру Вселенскаго, наполняютъ собою всю первую половину этого вѣка, во всѣхъ отношеніяхъ поворотнаго въ духовной жизни Европейскаго человѣчества. Потребность такого явленія условлена внутреннимъ состояніемъ Западной Церкви; но немедленное исполненіе вызвано сильнымъ воздѣйствіемъ *Восточнаго Православія*, которому Чехія, безспорно, служила главнымъ проводникомъ. Отсюда Реформація Лютера оказалась только послѣднимъ и вовсе не столь рѣшительнымъ актомъ великой драмы, которая уже цѣлое столѣтіе и болѣе приводила въ движеніе весь жизненный застой Европейскаго Запада.

Преобразованіе Церкви «во главѣ и во членахъ», прекращеніе великаго раскола — вотъ, по мнѣнію Католиковъ, важнѣйшіе вопросы, которыхъ рѣшенія ожидала Европа отъ

---

(1) Flathe, Vorläufer der Reformation, II, 364—366.

Констанцкаго Собора. Но въ числѣ вопросовъ, Гусова ересь была не послѣднимъ, хотя близорукіе писатели Католической стороны и стараются уменьшить ея важность ([1]). Впрочемъ, не въ этомъ, ограниченномъ, смыслѣ разумѣла Соборъ лучшая половина Латинской Церкви, которая чаяла видѣть въ Гусѣ живое средоточіе религіозной жизни современнаго Запада. Безъ Гуса не было бы Констанцкаго Собора: сожженіе Гуса — одно памятное дѣло его представителей: всѣ прочія, въ свое время, возбуждали только соблазнъ Западнаго христіанства. Послѣ казни Іеронима, Соборъ впалъ въ бездѣйствіе: оказалъ малодушную слабость въ отношеніи къ кровожадной сектѣ Бичевниковъ, въ пышномъ панегирикѣ прославилъ христіанскую ревность Нѣмецкаго Ордена, систематически губившаго цѣлое племя подъ знаменемъ Креста, публично оправдалъ большинствомъ своихъ членовъ убіеніе Герцога Орлеанскаго. Но въ осужденіи Гуса и Іеронима всѣ члены Собора сошлись въ одномъ чувствѣ ненависти и единодушно подписали приговоръ о сожженіи. Это можетъ объясниться только особенностію вѣроисповѣднаго развитія Чешскаго народа. Что Западная Церковь на Констанцкомъ Соборѣ видѣла въ Гусѣ и Іеронимѣ провозвѣстниковъ Греко-восточнаго начала, это не есть простое предположеніе, а событіе неоспоримое. Въ числѣ 24-хъ обвиненій, возведенныхъ Соборомъ на Іеронима (а мы знаемъ, что Іеронимъ исповѣдалъ совершенное равенство съ Гусомъ въ догматическихъ мнѣніяхъ, и что Гусъ развивалъ въ теоріи, то Іеронимъ приводилъ въ дѣло), послѣднія, самыя важныя (ибо они расположены въ постепенномъ порядкѣ), состоятъ въ томъ, что онъ въ Псковѣ и Витебскѣ открыто перешелъ отъ Католиковъ къ Православнымъ, присутствовалъ при нашемъ богослуженіи, кланялся Русскимъ мощамъ и иконамъ, принималъ таинства по обряду Греко-Восточному, старался и самого Витовта обратить къ Православію. Стало быть, въ лицѣ двухъ подвижниковъ, Соборъ казнилъ Православныя воспоминанія Чеховъ.

---

(1) Такъ думалъ Кохлей и самъ король Сигизмундъ.

По многочисленности членовъ своихъ Соборъ Констанцкій могъ бы служить классическимъ первообразомъ вселенскаго, если бы сущность послѣдняго заключалась только въ числѣ присутствующихъ на немъ. Подробное описаніе наружнаго великолѣпія можно видѣть въ Дневникѣ Рейхенталя. Современная Вратиславская (Бреславская) рукопись насчитываетъ на Соборѣ 3 патріарха, 23 кардинала, 27 архіепископовъ, 239 епископовъ, 200 аббатовъ, 444 доктора Богословія и Правъ, всего 2300 человѣкъ, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, духовенства; 27 посольствъ отъ иностранныхъ державъ, 4 курфирста, 19 герцоговъ, 128 графовъ, 2000 рыцарей и дворянъ, вообще около 80,000 мірянъ. Король Сигизмундъ не пропустилъ почти ни одного засѣданія. Одинъ папа открылъ, другой закрылъ совѣщанія. Представителями ученаго и литературнаго міра на Соборъ явились: Поджіо, Флорентинецъ, который въ XV столѣтіи писалъ языкомъ Квинтиліана; Өеодорикъ Нимскій, секретарь многихъ папъ, оставившій драгоцѣнное сочиненіе о своемъ времени; Эней Сильвій Пикколомини, будущій папа; Мануилъ Хризолоръ, посланникъ Греческій; Жерсонъ и Петръ Алльяко (d'Ailly), Камбрейскій кардиналъ, Французскій Орелъ. Въ то же время Констанцкій Соборъ представлялъ и черную сторону духовенства. Къ дѣлу Божію рыцари навезли съ собою огромное количество музыкантовъ, шутовъ и балясниковъ; духовенство около 1500 свидѣтельницъ цѣломудрія кардиналовъ и прочихъ духовныхъ особъ. Объ образѣ жизни духовенства въ Констанцѣ свидѣтельствуютъ очевидцы: «Вмѣсто того, чтобы назидать народъ добрымъ примѣромъ, мы скоро дойдемъ до того, что народъ будетъ служить намъ образцемъ цѣломудрія,» говоритъ въ публичномъ засѣданіи Собора одинъ изъ уважаемыхъ его представителей, епископъ города Лоди. Другія свидѣтельства называютъ прелатовъ сборищемъ фарисеевъ и лицемѣровъ, между которыми нѣтъ ни одного истиннаго христіанина. «Господи! что не поразишь ихъ Своимъ праведнымъ гнѣвомъ? Они погрязли во грѣхахъ: кто изъ нихъ можетъ надѣяться на вѣчное спасеніе? Не соблюдаютъ даже наружныхъ приличій: навезли съ собою любовницъ, и позоръ ихъ не можетъ укрыться отъ

свѣта, потому что любовницы ихъ всенародно хвастаютъ своими побѣдами. Всѣ понятія извращены: добродѣтель слыветъ порокомъ, порокъ добродѣтелью» (1). Такъ раздавались на Соборѣ голоса ревнителей Вѣры. «Если бъ вы были въ Констанцѣ,» — писалъ заключенный Гусъ къ друзьямъ своимъ въ Прагу, — «вы увидѣли бы самый странный соблазнъ на Соборѣ, который самъ себя величаетъ святѣйшимъ и непогрѣшительнымъ. Я слышалъ отъ Швейцарцевъ, что ихъ городъ Констанцъ никакими искупительными жертвами (expiationibus), въ продолженіи тридцати лѣтъ, не можетъ быть очищенъ отъ тѣхъ преступленій, которыя совершены на Соборѣ. Однимъ словомъ, Констанцкое скопище есть предметъ соблазна для всѣхъ благочестивыхъ мужей.»

Іоаннъ XXIII съ стѣсненымъ сердцемъ согласился на созваніе Собора внѣ предѣловъ Италіи. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, расположить его такъ въ свою пользу, чтобы на немъ не было рѣчи объ его нравственности: для этой цѣли служили сокровища, навезенныя имъ въ Констанцъ, и назначенныя для подкупа свѣтскихъ властителей. — Въ 1414 году, 12 Августа, начало Собора открыто прибытіемъ старшаго кардинала, Остійскаго епископа, Іоанна Броньи. За нимъ изъ Болоніи послѣдовалъ папа. На дорогѣ съ нимъ приключилось несчастіе, утвердившее его въ печальномъ предчувствіи, что Констанцкій Соборъ будетъ паденіемъ его величія. На Тирольской горѣ, Арибергѣ, колесница его опрокинулась. На вопросъ одного изъ служителей: не ушибся ли онъ? — «Jaceo hic, in nomine diaboli»,—отвѣчалъ папа; «жаль Болоніи,» и, взглянувши на городъ Констанцъ, раскинувшійся вдали, въ живописной долинѣ, прибавилъ: «Вижу, вижу, вотъ здѣсь мышеловка». Въ сопровожденіи девяти кардиналовъ, въ торжественномъ поѣздѣ, папа вступилъ въ Констанцъ, 28 Октября, 1414 года. Все духовенство вышло ему на встрѣчу съ мощами святыхъ. При безчисленномъ стеченіи народа, онъ въѣхалъ во дворъ епископа. Старшіе сановники города вели лошадь его подъ уздцы; онъ ѣхалъ

(1) Flathe, Vorläufer der Reformation, с. 361—362.

подъ золотымъ балдахиномъ, съ преднесеніемъ даровъ; за нимъ шли кардиналы въ мантіяхъ и шапкахъ.

Въ тоже время изъ Праги выѣзжалъ на Соборъ смиренный проповѣдникъ Евангелія, сильный сознаніемъ невинности, готовый положить голову за правду Божію. — Виновникомъ призванія Гуса на Констанцкій Соборъ Латинскіе писатели считаютъ короля Сигизмунда ([1]). Здѣсь видна снова уловка Римской политики, отклонявшей себя отъ участія въ осужденіи Гуса. Между тѣмъ послѣствія доказали несомнѣнно, что онъ заранѣе обреченъ былъ на жертву отцами Собора; что это былъ великій заговоръ всего духовенства, для котораго Гусова ересь была страшнѣе великаго раскола. Посланіе за посланіемъ приходило въ Прагу, приглашая его на Соборъ. Его увѣряли, что тамъ готовится настоящее прѣніе, основанное на доводахъ Евангельскихъ. Гусъ положился на это торжественное обѣщаніе. Въ порывѣ благородной ревности, съ истиннымъ желаніемъ сказать истину міру, онъ обѣщалъ явиться на Соборъ свободно и непринужденно, безъ формальнаго вызова и даже безъ охраненія личной своей безопасности. Между тѣмъ враги его, Стефанъ Палечъ, Михаилъ de Causis, Андрей изъ Брода, спѣшатъ на Соборъ съ готовымъ запасомъ ложныхъ свидѣтельствъ. Другіе посылаютъ золото кардиналамъ, подкупая ихъ на еретика. Въ эту роковую минуту въ Чехіи нашлось много людей, которые предостерегали Гуса и внушали сомнѣніе въ искренности Сигизмунда, обѣщавшаго ему опасную грамоту. «Иные говорили мнѣ: король собственными руками выдаетъ тебя непріятелямъ. И Микешъ (Divoký) сказалъ мнѣ, въ присутствіи доктора изъ Есеницы: «Магистръ! знай навѣрное, что ты не избѣжишь осужденія» ([2]). А Андрей Полякъ, ремесленникъ, говорилъ, провожая меня со слезами: «Господь да направитъ стопы твои, любезный учитель! Едва ли ты уцѣлѣешь въ Констанцѣ. Да наградитъ тебя Царь, не Угорскій, а Царь небесный, за то прекрасное ученіе, въ которомъ

---

(1) Cochlaei, Hist. Hussit. 68.
(2) Hist. et Mon. Hus, I, 34, Ep. f. 68.

ты всегда наставлялъ меня» ([1]).—Опасная грамота Сигизмунда дѣйствительно изготовлена была въ Шпейерѣ, 18 Октября 1414 года, но Гусу вручена не ранѣе, какъ по пріѣздѣ въ Констанцъ. «Король Сигизмундъ (такъ гласитъ эта грамота) принимаетъ уважаемаго Яна Гуса подъ особенное, непосредственное, свое покровительство. Всѣ подданные Римской Имперіи, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго, званія, герцоги, маркграфы, графы, бароны, дворяне, военачальники, воины, правители, градоначальники, города, деревни и общины вызываются Королемъ принимать его гостепріимно, обходиться съ нимъ ласково, всѣми мѣрами содѣйствовать безопасности и поспѣшности его путешествія, на сушѣ и водою; не задерживать его ни на какихъ заставахъ, мостахъ, пристаняхъ, ни въ какихъ замкахъ, крѣпостяхъ или городахъ; не требовать ни съ него, ни съ служителей и лошадей его, никакой пошлины; дозволить ему безъ всякой помѣхи, свободно совершить свое путешествіе, *оставаться на мѣстѣ и возвратиться;* въ случаѣ же нужды, снабжать его отъ себя особыми на то пропускными грамотами» ([2]). Сверхъ того, Сигизмундъ лично поручаетъ тремъ Чешскимъ вельможамъ, провожать и защищать Гуса на пути и по пріѣздѣ въ Констанцъ. Первый былъ Янъ изъ Хлума, прозваніемъ Кепка, рода знаменитыхъ въ послѣдствіи графовъ Славатъ; второй—Вячеславъ изъ Дубы на Лештнѣ, племянникъ Андрея изъ Дубы, верховнаго земскаго судьи; третій Генрихъ изъ Хлума на Лацембокѣ ([3]). Не смотря на все это, Гусъ зналъ хорошо, что идетъ на явную смерть. Въ письмѣ къ ученику своему, магистру Мартину, писанномъ предъ самымъ отъѣздомъ, онъ дѣлаетъ уже формальное завѣщаніе, распоряжается своимъ маленькимъ имуществомъ. На письмѣ была надпись, что оно должно быть открыто не раньше, какъ

---

(1) Ibid, 33 Ep. f. 68, 6.

(2) Hist. Sanct. Mart., p. 1 на об. «Quatenus ipsum transire, stare, morari et redire libere permittatis». Какъ же Гольцгаузенъ говоритъ, что опасная грамота не простиралась на пребываніе въ Констанцѣ, а только на путешествіе туда и обратно?

(3) Palacky, G. v. Böhm. III, 313, Anm. 424 —Dějiny nár. česk. III, 1, str. 134, pozn. 255.

по полученіи вѣсти о смерти писавшаго. Другое письмо писано къ жителямъ Праги, за день до отъѣзда. Оно отзывается глубокою грустію, навѣянной предчувствіями мучительной смерти. « Братья возлюбенные! »—говоритъ проповѣдникъ,—« пребывайте въ истинѣ, уповайте на милосердіе Божіе. Я отправляюсь въ путь, безъ охранной грамоты, въ среду многочисленныхъ и злѣйшихъ враговъ моихъ (1). Свѣтлѣе солнца окажется правда, когда они возстанутъ на меня обвинителями. Число ихъ превзойдетъ число лжесвидѣтельствовавшихъ на Іисуса. Они выдутъ изъ среды епископовъ и магистровъ, князей міра сего и фарисеевъ. Но я твердо уповаю на всемогущаго Бога, что Онъ, въ силу Своего обѣтованія и ради пламенной вашей молитвы, дастъ мнѣ уста и премудрость, которымъ не возмогутъ они противиться, и Духа Святаго, да пребываю во истинѣ, дабы адскіе врата не могли разлучить насъ. Онъ дастъ мнѣ силу противъ всѣхъ искушеній темницы и мучительной смерти. Если казнь моя должна прославить Бога, да ниспошлетъ Онъ мнѣ ее скорѣе и да укрѣпитъ меня противъ ужасовъ смерти. Если же нужно для моего спасенія, чтобъ я возвратился, то помолимся Богу, да сподобитъ Онъ мнѣ возвратиться, не осквернившись неправдой, не преступивши іоты Евангельской, чтобъ мы могли постепенно возрастать въ чистотѣ разумѣнія истины, искоренять ученіе антихриста и оставлять нашимъ братьямъ достойный примѣръ подражанія. Можетъ быть, вы меня больше не увидите въ Прагѣ; если же Богъ судилъ мнѣ возвратиться, то тѣмъ радостнѣе будемъ поучаться въ законѣ Господнемъ. Въ особенности же, когда соединимся въ вѣчной славѣ, Богъ милосердый и праведный дастъ вѣрнымъ своимъ покой и по смерти. Да сохранитъ васъ Тотъ, Кто омылъ васъ святою и драгоцѣнною кровію, вѣчнымъ залогомъ нашего спасенія; и да научитъ васъ творить волю Свою, да достигнете мира и вѣчной славы Господомъ нашимъ

---

(1) «Wyprawil se na cestu bez Kleitu». Въ Латинскомъ переводѣ совершенно на оборотъ: «Ego proficiscar nunc cum literis publicæ fidei». Эта поправка, очевидно, сдѣлана Католиками, которые хотѣли уменьшить достоинство вольной рѣшимости Гуса итти на Соборъ.

I. Христомъ со всѣми, пребывающими въ истинѣ» (¹). И такъ не гордость и не желаніе похвалиться ученостію, какъ хотятъ того католическіе писатели (²), а святая ревность въ дѣлѣ Божіемъ повлекла Гуса на Констанцкій Соборъ. Темное предчувствіе смерти носилось предъ нимъ непрестанно; но онъ повиновался призыву, ибо въ немъ любовь къ истинѣ была сильнѣе животолюбія.

Гусъ жилъ еще въ замкѣ Краковцѣ, когда пришелъ къ нему вызовъ па Соборъ. Прежде, чѣмъ отправиться въ путь, онъ хотѣлъ запастись въ Прагѣ документами, которые, въ случаѣ нужды, могли бы свидѣльствовать о невинности его предъ отцами Собора. Онъ началъ съ того, что прибилъ къ дверямъ церквей и монастырей, въ коллегіяхъ Университета и на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, объявленія по Латинѣ, Нѣмецки и Чешски, что магистръ Янъ изъ Гусинца, баккалавръ богословія, желаетъ явиться на общій Соборъ прелатовъ и всего духовенства, въ присутствіи Конрада архіепископа, чтобъ дать отчетъ въ своей Вѣрѣ и выслушать всѣ обвиненія, съ условіемъ полнаго вознагражденія за нанесенную ему обиду, если обвинителямъ не удастся обличить его въ ереси. Онъ обязывается всѣмъ таковымъ отвѣчать на мѣстномъ Пражскомъ Соборѣ и на вселенскомъ Констанцкомъ, и доказать невинность свою согласно съ правилами Св. Отцевъ. Это было въ послѣднихъ числахъ мѣсяца Августа. Никто не явился на вызовъ. Тогда Гусъ сдѣлалъ воззваніе къ королю, королевѣ и всѣмъ сановникамъ Двора императорскаго, въ которомъ снова оправдывалъ себя въ обвиненіи въ ереси и вызывался къ публичному отвѣту. Вообще видно въ немъ не просто желаніе отдѣлаться словами отъ опасной отвѣтственности, а глубокое чувство человѣка, убѣжденнаго въ своей невинности, старающагося и другимъ передать это убѣжденіе. Гусъ повторялъ готовность изложить исповѣданіе Вѣры своей и на Констанцкомъ Соборѣ, а потому приглашалъ всѣхъ Чеховъ

---

(1) Ep. 2. Hist. et Mon. Hus, I, 57, на обор.
(2) Cochlaei, Hist. Hussit. 76.

отправиться въ Констанцъ, и тамъ, въ присутствіи папы, богослововъ и докторовъ всего христіанства, предложить ему сомнѣнія на счетъ его правовѣрія. На всѣ эти попытки примириться съ нимъ духовенство Латинское отвѣчало холодно. На собраніе вельможъ государства, съѣхавшееся въ исходѣ Августа, въ монастырь Свят. Іакова, явилось посольство отъ Гуса съ смиренной просьбой къ панамъ, узнать о расположеніи къ нему архіепископа. Если и онъ подозрѣваетъ его въ какой нибудь ереси, то Гусъ готовъ подвергнуться его наставленію. Если нѣтъ, то проситъ его не отказывать ему въ своемъ лестномъ одобреніи, какъ могущемъ пригодиться ему на Соборѣ. Конрадъ, столь славный въ послѣдствіи отреченіемъ въ пользу Гуситовъ, остался нечувствителенъ къ вниманію Гуса. Онъ объявилъ, въ полномъ собраніи пановъ, что хотя не знаетъ за нимъ никакой ереси, но даетъ ему добрый совѣтъ—позаботиться о снятіи съ себя отлученія. На собраніи высшаго духовенства въ архіепископскомъ домѣ, 27 Августа, онъ обошелся съ нимъ еще круче. По обычаю того времени, прокураторъ Гуса, Янъ изъ Есеницы, постучавшись въ дверь залы аудіенціи, отъ имени Гуса, просилъ позволенія присутствовать на Соборѣ, чтобы дать отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Тогда Ольдрихъ Швабъ изъ Швабеницъ, маршалокъ архіепископа, вышелъ къ просителю и воспретилъ ему доступъ къ собранію, отзываясь важнымъ государственнымъ дѣломъ, не допускающимъ присутствія постороннихъ свидѣтелей; но просилъ его переждать конецъ совѣщанія въ боковыхъ комнатахъ. Тщетны были всѣ просьбы Яна изъ Есеницы; получивши формальный отказъ, онъ принужденъ былъ удалиться; но протестовалъ отъ имени Гуса противъ незаконнаго дѣйствія архіепископа. Въ присутствіи Симона изъ Тишновицъ, баккалавра богословія, Симона изъ Рокицаны, Прокопія Пьлзенскаго, Яна изъ Прибрамы, Іеронима изъ Уѣзда, протестъ внесенъ въ протоколъ и подписанъ Яковомъ Молемъ, нотаріемъ Пражскаго Университета (1). Другія попытки Гуса были счастливѣе. Отверженный отъ Собора, обратился къ верховному инкви-

(1) Hist Sanct. Mart. 3 на обор.

зитору Чехіи, Николаю, епископу Назаретскому, съ просьбой, объявить во всеобщее свѣдѣніе, не находитъ ли онъ въ немъ какой либо ереси? Противъ всякаго чаянія, епископъ безъ замедленія выдалъ ему свидѣтельство въ правовѣріи, по тому, вѣроятно, что, по обыкновенію всѣхъ инквизиторовъ, не ладилъ съ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ. Въ удостовѣреніе этого Гусу выдана грамота за печатію епископа. Въ жизнеописаніи Гуса сохранился любопытный актъ засѣданія, на которомъ дана эта грамота. 29 Августа 1414 года, въ четвергъ, въ девятомъ часу дня, въ пятый годъ первосвященства Іоанна XXIII-го, въ домѣ Петра Змеральика изъ Свойшина, начальника монетнаго двора королевскаго, въ старомъ Пражскомъ городѣ, не вдали отъ монастыря Св. Іакова, магистръ Янъ изъ Есеницы, публично, въ присутствіи свидѣтелей, спросилъ инквизитора: «Святѣйшій отецъ! Не знаешь ли какой нибудь ереси въ магистрѣ Янѣ изъ Гусинца, иначе Гусѣ? Тогда епископъ, безъ принужденія, свободно и по собственной волѣ, произнесъ во всеуслышаніе слѣдующую рѣчь на языкѣ Чешскомъ: «Я много и часто бесѣдовалъ съ Гусомъ, раздѣляя съ нимъ трапезу; присутствовалъ много разъ при его проповѣдяхъ, и, заводя съ нимъ разговоръ о Св. Писаніи и разныхъ предметахъ Вѣры, никогда не открылъ въ немъ ни малѣйшаго заблужденія, а всѣ его рѣчи и дѣйствія нашелъ совершенно согласными съ Католической Вѣрой». Тогда магистръ Янъ изъ Есеницы снова спросилъ инквизитора: «Не обвинялъ ли кто нибудь Гуса предъ судомъ его въ ереси?» И на этотъ вопросъ отвѣчалъ инквизиторъ отрицательно; свидѣтельствовалъ, кромѣ того, о всегдашней готовности Гуса отвѣчать на всякое обвиненіе, предложенное ему въ полномъ собраніи Чешскаго духовенства и далѣе на Констанцкомъ Соборѣ. Въ заключеніе прокураторъ просилъ публичнаго нотарія составить протоколъ засѣданія, что и было сдѣлано въ присутствіи свидѣтелей Чешскихъ пановъ, Вильгельма изъ Вартемберга и Звиржетицъ, его сына Петра, Главача изъ Ронова, Вячеслава изъ Лнаржа, Онеша изъ Мѣковицъ, бурграфа замка Лихтембурга, Цтибора изъ Богданеча, Вильгельма изъ Дупова, и многихъ дру-

гихъ (1). Снабженный такимъ документомъ, Гусъ надѣялся вполнѣ оправдать себя предъ лицемъ представителей Церкви. Эта надежда обличала въ немъ благородную откровенность души, недовѣрчивой ко злу, но ни сколько не обольщала его на счетъ его будущей участи. Человѣку съ такою глубокою Вѣрою во всеобъемлющее дѣйствіе Промысла нельзя было полагаться на эти мертвыя буквы, въ которыхъ человѣчество средняго вѣка изживало религію плоти. Онъ приносилъ послѣднюю дань человѣческой немощи, предваряющей непреложныя судьбы Провидѣнія безвременной предусмотрительностію. Принявши всѣ нужныя предосторожности, Гусъ писалъ два письма къ Сигизмунду, одно чрезъ Стефана Гарнемейстера, другое отъ 1 Сентября, въ которомъ благодарилъ короля за благосклонное вниманіе, и просилъ употребить вліяніе свое на духовенство въ томъ, чтобы заставить Соборъ судить его не частнымъ судомъ, а въ публичныхъ аудіенціяхъ. «Я въ тайнѣ не училъ ничего,»—говорилъ онъ;—«публично, свободно, съ помощію Духа Святаго, хочу отвѣчать на Соборѣ» (2). Это было отвѣтомъ на письмо Сигизмунда, извѣщавшаго его чрезъ Лефля изъ Лажанъ, что онъ устроилъ ему публичную аудіенцію; и буде онъ останется недоволенъ рѣшеніемъ Собора, то въ безопасности препроводитъ его на родину (3). Между тѣмъ враги его ревностно собирали все нужное для его обвиненія. Дѣйствительно, всѣ улики, послужившія къ его осужденію, исходили отъ Чешскихъ измѣнниковъ, которыхъ ненависть народа изгнала изъ Чехіи. Всѣ свидѣтели противъ Гуса, еще въ Прагѣ, до отъѣзда на Соборъ, внесли показанія свои въ протоколъ. Съ помощію друзей своихъ, Гусъ досталъ списокъ съ этого акта, извѣстнаго подъ именемъ «Depositiones testium», и успѣлъ, еще во время пребыванія въ Краковцѣ, сдѣлать на него замѣчаніе. Въ Прагѣ онъ намѣренъ былъ подѣлиться съ паствой своей Евангельскимъ словомъ, сказать ей прощальную проповѣдь и вмѣстѣ обличить лжесвидѣтелей;

(1) Hist. Sanct. Mart. 2 на об.

(2) Palacky, G. v. Bœm. III, 312, Anm. 423. Dějiny nár. česk. III, 1, str. 133, pozn. 254.

(3) Ep. 34, 1, 66 на об.

ю въ сношеніяхъ съ архіепископомъ и инквизиторомъ потерялъ драгоцѣнное время, и во все пребываніе въ столицѣ не могъ уже бесѣдовать съ народомъ въ Виѳлеемской часовнѣ. Онъ успѣлъ только оставить письмо къ магистру Мартину, прощальное къ паствѣ, и на другой же день, 11-го Октября 1414 года, отправился въ путь.

Путешествіе Гуса, отъ Праги до Констанца, было рядомъ торжествъ. Его сопровождало нѣсколько Чешскихъ вельможъ, Вячеславъ изъ Дубы, Янъ изъ Хлума, Генрихъ Лацембокъ, Іоаннъ Кардиналъ изъ Рейнштейна, Петръ изъ Младеновицъ, и не малое число друзей и приверженцевъ, привлеченныхъ сколько желаніемъ видѣть Соборъ, столько и любовію къ Магистру. Гусъ боялся Германіи, которой не щадилъ ни словомъ, ни дѣломъ, которая еще не выплатила ему стараго долга, изгнанія Нѣмецкихъ студентовъ. Во всѣхъ, хотя нѣсколько значительныхъ, городахъ, попадавшихся ему на дорогѣ, онъ тотчасъ объявлялъ о прибытіи своемъ чрезъ публичныя вывѣски слѣдующаго содержанія: «Магистръ Янъ Гусъ отправляется въ Констанцъ для исповѣданія Вѣры, которую хранилъ до сихъ поръ и будетъ хранить до смерти, при помощи Господа І. Христа. Извѣстивъ всѣхъ и каждаго въ королевствѣ Чешскомъ о готовности своей предстать на собраніе духовенства въ архіепископской Куріи, дать отчетъ въ своей вѣрѣ и удовлетворительно отвѣчать на всѣ обвиненія, онъ въ этомъ имперскомъ городѣ извѣщаетъ желающихъ, что готовъ принимать обвиненія ихъ на великомъ Соборѣ» (1). Но, противъ всякаго чаянія, Германія осталась покойною. Нигдѣ Католики Нѣмцы не дѣлали попытокъ затруднить его путешествіе. Послушаемъ Гуса, который изъ Нюремберга, на девятый день послѣ выѣзда, сообщаетъ друзьямъ лыбопытныя путевыя подробности. «Знайте,»—писалъ онъ,»—что съ того самаго дня, какъ выѣхалъ я изъ Чехіи, я уже не имѣлъ нужды скрывать лица своего подъ широкимъ забраломъ. Въ городѣ Пернавѣ священникъ ждалъ меня съ своими викаріями; когда я вошелъ въ его домъ, онъ тотчасъ поднесъ мнѣ большую чашу вина и выпилъ

(1) Hist. Sanct Mart. f. 4.

за мое здоровье. Онъ и товарищи его съ большою привѣтливостію выслушали мое ученіе; они говорили, что всегда были моими друзьями. Въ Новомъ Городѣ всѣ Нѣмецкіе жители приняли меня весьма благосклонно. Вейденъ проѣхали мы при великомъ стеченіи народа, провожавшаго насъ съ благоговѣніемъ (habentes magnum populum in admiratione). Пріѣхавши въ Зульцбахъ, мы остановились въ томъ домѣ, гдѣ въ этотъ день собирался областной судъ, извѣстный подъ именемъ Landsgericht. Окруженный консулами и старѣйшинами, я сказалъ имъ: «Я тотъ самый магистръ Янъ Гусъ, о которомъ вы, конечно, слышали много дурнаго? Испытайте сами!» Предложивши мнѣ много вопросовъ, они приняли всѣ отвѣты мои безъ отговорокъ. За тѣмъ мы проѣхали Гершпрухъ и ночевали въ городѣ Лауффѣ. И здѣсь посѣтилъ меня приходскій священникъ, великій законовѣдецъ, съ своими помощниками. Я съ нимъ бесѣдовалъ и благотворно подѣйствовалъ на его убѣжденія. Теперь мы пріѣхали въ Нюрембергъ, гдѣ прибытіе наше возвѣщено было заранѣе купцами, опередившими насъ. Народъ стоялъ на площадяхъ, озираясь и спрашивая: «Кто Іоаннъ Гусъ?» Передъ обѣдомъ я получилъ письмо отъ священника у Св. Лаврентія, магистра Іоанна Гельвеля, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что давно желаетъ со мною бесѣдовать. Я на томъ же письмѣ просилъ его пріѣхать, и онъ явился. Панъ Вячеславъ сказалъ, что на дворѣ собрались ко мнѣ многіе граждане и магистры, желавшіе видѣть меня и говорить со мною. Я тотчасъ, вставъ изъ-за стола, вышелъ къ нимъ. Магистры хотѣли бесѣдовать со мною на единѣ, но я отвѣчалъ имъ: «Я проповѣдую всенародно, и хочу, чтобъ всѣ желающіе слышали мое ученіе.» И отъ самаго обѣда до поздней ночи мы говорили въ присутствіи думн. совѣтниковъ и множества гражданъ. Между ними былъ одинъ Картезіанскій докторъ, который выѣзжалъ на софизмахъ (qui arguebat fabulose). Я замѣтилъ также, что магистръ Альбертъ, священникъ у Св. Себальда, былъ недоволенъ одобреніемъ, даннымъ мнѣ гражданами. Въ заключеніе всѣ магистры и граждане остались мною совершенно довольны. «Все, что мы слышали отъ тебя, магистръ,» — сказали они, — «совершенно согласно съ истинной

Вѣрой. И мы много лѣтъ проповѣдывали и хранили тоже ученіе. Если не будетъ противъ тебя другихъ уликъ, то ты, безъ сомнѣнія, съ честію воротишься съ Собора.» «Такъ мы дружно разстались.» Во всѣхъ гостинницахъ по дорогѣ хозяева принимали его радушно. Гусъ вездѣ за гостепріимство платилъ проповѣдію слова Божія. Не было и рѣчи объ отлученіи, которое все еще надъ нимъ тяготѣло. Его публичныя извѣщенія, на языкѣ Нѣмецкомъ, производили вездѣ сильное движеніе въ народѣ ([1]). Во всѣхъ городахъ любопытные выходили на встрѣчу; на площадяхъ и на улицахъ толпились безчисленные зрители ([2]). Каждый день Гусъ совершалъ литургію; во всѣхъ городахъ проповѣдывалъ ([3]). Онъ не ожидалъ въ Германіи такого торжественнаго пріема; съ удивленіемъ пишетъ онъ въ Прагу, что онъ въ ней не находитъ враговъ, что онъ нигдѣ не испытывалъ больше непріязни и ненависти, какъ на собственной родинѣ ([4]). Изъ Нюремберга Вячеславъ изъ Дубы поѣхалъ догонять на Рейнѣ короля Сигизмунда, отъ котораго долженъ былъ получить опасную грамоту, а Гусъ съ рыцаремъ Хлумомъ продолжалъ путешествіе. Это послѣднее — одинъ изъ самыхъ занимательныхъ и поучительныхъ эпизодовъ его драматической жизни. Въ послѣдствіи увидимъ всю важность его для исторіи Нѣмецкаго развитія, предшествовавшаго Лютеру. Прежняя историческая школа, соблазненная громкими похвалами, которыя Нѣмцы расточали такъ безкорыстно врагу своей народности, обвиняла его въ хвастовствѣ, старалась выставить въ каррикатурѣ подробности его путешествія. Чешскій исторіографъ, Палацкій, въ очарованіи Гуса находитъ слабую сторону его характера, воспріимчиваго къ одобреніямъ черни. Напротивъ, то было естественное, весьма простодушное, изъявленіе радости въ человѣкѣ, который истину ставилъ выше всего и, сверхъ ожиданія, находилъ Нѣмцевъ столь доступными къ ней. Здѣсь

(1) Ep. 3, I, 57 на об., 58.
(2) Ep. 6, I, 58 на об.
(3) Ep. 4, I, 58.
(4) Ep. 3, I, 58.

не слабость, а сила характера Гусова. Флате въ этомъ рядѣ побѣдъ, встрѣчавшихъ Гуса въ Германіи, видитъ новую хитрость Католическаго духовенства, которое старалось внушить ему, какъ можно болѣе довѣренности къ гостепріимству страны, ему не знакомой, разсѣять, сколько возможно, его мрачныя предчувствія, и тѣмъ вѣрнѣе заманить его въ сѣти. Это объясненіе было бы весьма остроумно, если бы не шло на перекоръ исторической истинѣ. Мы знаемъ изъ Гусовой переписки, что Латинское духовенство, по одной съ нимъ дорогѣ отправлявшееся въ Констанцъ, старалось чернить его въ глазахъ народа и распускать объ немъ самые нелѣпые слухи. Любушскій епископъ, обогнавшій его одной ночевкой, навастривалъ любопытство народа, говоря, что его везутъ на колесницѣ, привязаннаго къ цѣпи, и совѣтовалъ остерегаться его, какъ нечистаго духа, потому что онъ вѣдаетъ помышленія человѣческія. Притомъ, сочувствіе цѣлаго народа не могло быть подготовленнымъ. «Ложь врага обличалась,»—говоритъ Гусъ,—«и народъ съ восхищеніемъ принималъ истину.» Гораздо удачнѣе выраженіе Гольцгаузена, что Нѣмцы знаменательно прислушивались (hoch aufhorchten) къ Евангельской проповѣди Гуса на ихъ родномъ языкѣ. Но, какъ бы то ни было, то была тишина, предшествующая непогодѣ. Когда онъ приближался къ цѣли своего путешествія, любопытные во множествѣ вышли на встрѣчу знаменитому мужу и проводили его до жилища, ему назначеннаго ([1]). 3 Ноября, въ субботу, послѣ праздника всѣхъ святыхъ, на 20 день путешествія, Гусъ прибылъ съ своими сопутниками въ Констанцъ и остановился на площади Св. Павла, невдали отъ папскаго дома, у вдовы Фиды ([2]). «Таково»,—говоритъ Кохлей,—«было путешествіе Гуса, который вездѣ на пути проповѣдывалъ народамъ, что современное духовенство должно возвратиться къ Евангельской нищетѣ Апостоловъ ([3]).

Гусъ не нашелъ въ Констанцѣ ни одного земляка; противники его пріѣхали позже. 4 Ноября онъ писалъ письмо

(1) Ep. 5, 6, 1, 58 на об.
(2) Ep. 5, 1, 53 Hist. Sanct. Mart. 4, на об.
(3) Cochlaei, Hist. Hussit. 84.

въ Прагу со времени отъѣзда 4-е, въ которомъ съ большой похвалой отзывается о рыцарѣ изъ Хлума, говоря, что онъ, какъ истинный воинъ, охранялъ его на дорогѣ и всюду разглашалъ его невинность. «На Соборѣ,»— писалъ онъ,— «много Парижанъ и Итальянцевъ, но еще мало епископовъ и архіепископовъ. Кардиналовъ много: они пышно разъѣзжаютъ на мулахъ.»—День пріѣзда посвященъ былъ хозяйственнымъ распоряженіямъ. Деньги, взятыя имъ на дорогу, почти всѣ истощились и спутники его начинали терпѣть великую нужду. Они продали въ Равенсбургѣ, въ 4 миляхъ отъ города, своихъ лошадей, которыя, по случаю Собора, были очень цѣнны въ Констанцѣ. «Коня Прибиславова,»— такъ пишетъ Гусъ,—«взялъ Лацембокъ; у меня остается только лошадь Рабштейна, которая менѣе прочихъ боится труда; случится, можетъ быть, выѣхать на ней за городъ, на встрѣчу Королю» (1). На другой день, Янъ Кепка изъ Хлума и Генрихъ Лацембокъ, его дядя, представились папѣ, находившемуся въ палатахъ епископскихъ, и, извѣщая его о прибытіи Гуса, подъ опасною грамотою короля Чешскаго и Угорскаго, просили его хранить ее ненарушимо. «Если бы Гусъ убилъ моего роднаго брата,»— отвѣчалъ папа,— «я и тогда бы не позволилъ никому причинить ему ни малѣйшей обиды» (2). Въ тотъ же день (4 Ноября) Генрихъ Лацембокъ поѣхалъ къ Сигизмунду, по слухамъ, находившемуся въ Ахенѣ, оставляя Гусу добрый совѣтъ не вступаться ни въ какія дѣла до прибытія Короля (3); а 5 Ноября пріѣхалъ въ Констанцъ Вячеславъ изъ Дубы. Онъ привезъ съ собою изготовленную грамоту, и донесъ Гусу, что Сигизмундъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ извѣстіе о рѣшимости Гуса ѣхать, не дождавшись грамоты, какъ признака личной къ нему довѣренности (4). Между тѣмъ городъ напоянялся мало по малу противниками Гуса, изъ которыхъ прославились на Соборѣ преимущественно три чело-

(1) Ep. 5, I, 58 на об.

(2) Hist. Sanct. Mart. 4, на об.—Von d. Hardt, IV, 11.—Stumph, 13.—Ep. 5. I, 58.

(3) Ep. 5, I, 58 на об.

(4) Ep. 5, 6, I, 58 на об.

вѣка: Палечъ, Андрей изъ Брода и Михаилъ de Causis. Андрей изъ Чешскаго Брода находился къ Гусу въ одинаковыхъ отношеніяхъ съ Палечомъ, впрочемъ, раньше его измѣнилъ дружбѣ и былъ уже въ числѣ противниковъ Гуса во время знаменитаго Университетскаго спора. Михаилъ изъ Нѣмецкаго Брода, бывшій священникъ у Св. Войтѣха въ Новой Прагѣ, человѣкъ скупой и корыстолюбивый, пользовался сначала довѣренностію короля Вячеслава. Онъ обѣщалъ ему привести снова въ движеніе истощенные золотые рудники въ Иловомъ, и получилъ на то значительную сумму денегъ; но какъ первые опыты не удались, онъ испугался послѣдствій своего обмана и бѣжалъ отъ королевскаго гнѣва. Въ Констанцѣ присоединился къ противникамъ Гуса и, назначенный отъ папы procurator de causis, сохранилъ это названіе навсегда. Причина его ненависти къ Гусу неизвѣстна; вѣроятно, зависть человѣка недостойнаго къ славѣ и народности великаго мужа, сильно возставшаго на любостяжаніе духовныхъ (1). Еще прежде прибытія Палеча, на другой же день по пріѣздѣ Гуса, Михаилъ сталъ открыто преслѣдовать его, и въ церкви большими буквами прибилъ объявленіе, въ которомъ называлъ его отлученнымъ, упорнымъ еретикомъ и разглашалъ объ немъ разныя небылицы. Гусъ зоветъ его своимъ искусителемъ, посланнымъ на него Богомъ въ наказаніе грѣховъ его и въ испытаніе Вѣры. Палечъ съ епископомъ Лютомышльскимъ пріѣхалъ 4 Ноября, и оба привезли съ собою послѣднія сочиненія Гуса, писанныя имъ по случаю преній на Пражскомъ Соборѣ 1413 года, именно: «De Ecclesia», «Adv. Stephanum Paletz,» «Adversus Stanislaum de Znoyma». Чрезъ два дня Гусъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: «Молитесь Богу, чтобъ Онъ дароваль мнѣ терпѣніе, ибо сильные враги возстаютъ на меня по наущенію продавца прощъ (индульгенцій), прежде Пассавскаго декана, а теперь пробста (Вячеслава Тима), и Михаила de causis, который не перестаетъ меня гнать. Но я не боюсь ихъ козней, а надѣюсь, что, за великой борьбой, послѣдуетъ великая побѣда, а побѣда увѣнчается тѣмъ большей наградой и посрамленіемъ гонителей».

(1) Hist. Sanct. Mart. 4.—Palacky, G. v. Böhm. III, 284, Anm. 383.—Dějiny nár. česk, III, 1, str. 128, pozn. 212.

Рыцарь изъ Хлума тотчасъ вступился за честь своего друга, и жаловался папѣ на публичныя вывѣски Михаила de Causis. Папа не хотѣлъ вступаться въ дѣла постороннія. «Что же мнѣ дѣлать?»—говорилъ онъ заступнику Гуса.—«Не твои ли собственные соотечественники поносятъ его?» ([1]) Между тѣмъ на Соборѣ начались уже прѣнія по дѣлу Гуса. Два епископа и одинъ докторъ явились къ Яну изъ Хлума и просили его уговорить Гуса къ полюбовному соглашенію съ будущимъ приговоромъ Собора; они боялись соблазна публичнаго допроса, въ которомъ личность Гуса могла бы явиться въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ. Гусъ проникъ ихъ намѣреніе; онъ отказался ([2]). Тогда Палечъ соединился съ Михаиломъ de Causis для того, чтобы положить на письмѣ обвинительныя статьи противъ Гуса и довести ихъ до свѣдѣнія кардиналовъ. А Гусъ спокойно жилъ въ Констанцѣ, не входя ни въ какія сношенія съ Соборомъ, тѣмъ болѣе, что Король и курфирсты еще не пріѣзжали, а равно и посольства отъ Европейскихъ Державъ и папъ, Григорія и Бенедикта, необходимыя для открытія Собора. Онъ крѣпко надѣялся на Сигизмунда, и былъ совершенно покоенъ. «Сегодня узнали мы,»—писалъ онъ 4 Ноября,—«что Король находится въ Ахенѣ, гдѣ готовится къ коронованію. Папа ждетъ его для открытія Собора; а такъ какъ Ахенъ въ 70 миляхъ отъ Констанца, то Король будетъ не ранѣе Рождества. *Я думаю, что къ этому времени заключится Соборъ, а можетъ быть, протянется и до Пасхи*» ([3]). Благоразуміе Гуса не спасло его отъ клеветы. 9 Ноября епископъ Констанцкій, графъ Оттонъ Гохбергъ, съ своимъ оффиціяломъ и аудиторомъ папскаго Двора, пріѣхали къ Гусу, и объявили ему, что, въ слѣдствіе жаркаго спора между папой и кардиналами, папа согласился на снятіе съ него отлученія, съ условіемъ не являться на торжественныя собранія и литургіи, для избѣжанія соблазна и волненій народныхъ; впрочемъ, давалъ ему позволеніе посѣщать церкви и безпрепятственно ходить по цѣлому городу. Враги его распустили слухъ, что Гусъ,

(1) Ep. 5, I, 58 на об.
(2) Ep. 6, I, 58 на об.
(3) Ep. 5, I, 58 на об.

употребляя во зло позволеніе папское, являлся въ городѣ среди многочисленныхъ собраній народныхъ, распространяя ученіе Виклефа; служилъ обѣдню каждый день у себя на дому, и, наконецъ, къ великому соблазну духовенства, хотѣлъ говорить всенародную проповѣдь, и къ назначенному дню приготовилъ три слова, вошедшія въ составъ его сочиненій: «De pace; De fidei suæ elucidatione; De sufficientia legis Christi ad regendam Ecclesiam.» Объявленіе это, прибитое къ воротамъ церквей рукой неизвѣстнаго, обѣщало проповѣдь Гуса къ будущему Воскресенью, т. е., 17 Ноября, въ Соборной церкви Констанца, и каждому, кто явится на нее, сулило червонецъ отъ имени Гуса. Носились слухи, еще болѣе нелѣпые, что Гусъ хитро успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ города. Разсказывали подробности бѣгства: будто рабочіе, выѣзжавшіе за городъ на телѣгахъ за сѣномъ, тщательно покрывали воза, а по третьему или четвертому разу сняли покрышку. Заключали отсюда, что Гуса успѣли уже вывезти за городъ въ сѣнѣ. Эта нелѣпая молва, послужившая канвою, позднѣе раскрашенной, Рейхенталевой баснѣ о мнимомъ бѣгствѣ Гуса, смутила его друзей и приверженцевъ. Они громко порицали его за неосторожность; между прочимъ Іоаннъ Кардиналъ изъ Рейнштейна писалъ о томъ въ Прагу, изъявляя свои опасенія (1). Многіе новѣйшіе писатели повѣрили этѣмъ обвиненіямъ; но Палацкій справедливо опровергаетъ ихъ (2). Въ самомъ дѣлѣ, когда враги Гуса неутомимо трудились, извлекая изъ сочиненій статьи, послужившія къ его осужденію, ему некогда было праздно прогуливаться по улицамъ Констанца; когда акты Соборные говорятъ прямо, что онъ не переступалъ порога своего дома, *отъ самаго пріѣзда до заточенія*, то въ этомъ самомъ свидѣтельствѣ конецъ прекословія. Палацкій говоритъ справедливо, что онъ въ это время готовился къ великому оправданію своему на Соборѣ; задача не шуточная, ибо ставила его лицемъ къ лицу съ представителями всего Западнаго

(1) Ep. 4, I, 58, отъ 10-то Ноября, а не 4 или 5, какъ говоритъ Ланфанъ, p. 42.

(2) Aschbach, Gesch. Sigmunds, 302.—Palacky, Gesch. v. Boem. III, 1, S. 321, Anm. 434. Dějiny nár. česk. III, 1, str. 161, pozn. 265.

Христіанства (1). 25 дней жилъ онъ въ Констанцѣ, на свободѣ, проводя время въ бесѣдахъ съ друзьями, въ чтеніи и занятіяхъ письменныхъ. Онъ успѣлъ написать, безъ пособія книгъ, знаменитое сочиненіе о необходимости Причащенія Чаши и для мірянъ («De sanguine Christi, sub specie vini a laicis sumendo»), и препроводилъ его въ Чехію, гдѣ оно немедленно вызвало проповѣдь М. Якубка изъ Стржибра, и всенародное совершеніе Таинства подъ обоими видами (2). Это новое движеніе въ Чехіи имѣло въ Констанцѣ непріятный отголосокъ для Гуса. Письмо его въ Прагу, 16 Ноября, исполнено мрачныхъ предчувствій. Въ увѣщаніи паствѣ охранять Вѣру свою отъ лжеучителей, памятовать о послѣднемъ судѣ и царствѣ небесномъ, благодушно терпѣть поруганіе и смерть, читаемъ глубокое сочувствіе Гуса къ болѣзнямъ, грядущимъ на его родину. Потомъ возвратъ къ его собственной судьбѣ: кроткія жалобы на козни отступниковъ Чешскихъ, надежда на милосердіе Божіе и молитвы друзей въ ожидаемой развязкѣ. Его тревожитъ и странная снисходительность папы; по видимому, въ ней кроется что-то недоброе. «Всѣхъ засадили за дѣло, меня одного оставляютъ въ покоѣ; *папа самъ такъ распорядился*» (3). И въ самомъ дѣлѣ, Палечъ и Михаилъ, во всякое время имѣвшіе доступъ къ Коллегіи, умѣли настроить большинство духовенства противъ опаснаго нововводителя. Выбравъ нѣсколько положеній изъ сочиненія «О Церкви,» они показали ихъ кардиналамъ, и хвалились, что, въ случаѣ нужды, будутъ имѣть на готовѣ еще важнѣйшія улики—намекъ на Евхаристію подъ обоими видами, въ послѣднее время защищенную Гусомъ (4).—Jacta est alea. 28 Ноября, совершенно неожиданно, наѣхали къ

---

(1) Palacky, G. v Böhm, III, 320.—Dějiny nár. česk. III, 1, str. 160.—Ep. 4, I, 58. «Michael de Causis rhytmisat acta sua,» по замѣчанію Палацкаго, вмѣсто, ručně facit acta sua,» т. е., съ шумомъ и всенародно.

(2) См. статью мою: «Православіе у Чеховъ,» помѣщ. въ 9 кн. «Чтеній въ Императорскомъ Общ. Ист. и Древн. Росс.» за 1847 г., въ отд. Смѣси, стр. 75—78.

(3) Ep. 7, 1, 58 на об., 59.

(4) Hist. Sanct. Mart. f. 4, 6.—Всѣ послѣдующія подробности изъ печатной біографіи Гуса: «Hist Sanct. Mart.,» дополненной изъ рукописнаго доклада Петра изъ Младеновицъ.

Гусу послы отъ Собора: епископы Аугсбургскій и Тріентскій, вмѣстѣ съ бургомистромъ города Констанца и госп. Гансомъ фонъ Баденъ, (1) въ самый полдень, съ требованіемъ, чтобъ онъ явился немедленно къ папѣ и кардиналамъ, дать свидѣтельство въ своей Вѣрѣ. «Ты столько разъ самъ изъявлялъ желаніе высказать мнѣнія свои»,—сказали послы отъ лица кардиналовъ;—«теперь время настало. Мы готовы выслушать твои оправданія.» Хлумъ, угадывая настоящую цѣль посѣщенія, пришелъ въ сильное негодованіе. «Не такъ,»—сказалъ онъ,—«поступать должно съ человѣкомъ, находящимся подъ непосредственнымъ покровительствомъ Короля и Священной Имперіи. Сверхъ того, ему, рыцарю Хлуму, поручено Королемъ охраненіе личной безопасности Гуса; Сигизмунду угодно, чтобы, до прибытія его на Соборъ, дѣло Гуса оставалось нетронутымъ; а потому онъ, именемъ Короля, протестуетъ противъ всѣхъ незаконныхъ мѣръ кардиналовъ, и требуетъ, чтобы они хранили во всей неприкосновенности честь Римской Имперіи. Епископъ Тріентскій, въ отвѣтъ на выходку неустрашимаго рыцаря объявилъ, что порученія, данныя имъ, самыя миролюбивыя. Тогда Гусъ вступилъ съ своей стороны въ разговоръ: «Я пріѣхалъ не для того, чтобы отвѣчать наединѣ папѣ и кардиналамъ,»—сказалъ онъ;—«мнѣ хотѣлось явиться въ полномъ засѣданіи Собора, и тамъ, безъ замедленія, отвѣчать на всѣ, предложенные мнѣ, вопросы съ помощію Божіею. Но я не отказываюсь и отъ частнаго допроса предъ лицемъ кардиналовъ, и хотя бы они готовили мнѣ не совсѣмъ радушный пріемъ, но все же надѣюсь скорѣе умереть во славу Христову, нежели отречься отъ истины.» Во всякомъ случаѣ, судьба Гуса была рѣшена и всѣ предосторожности приняты. Весь городъ наполненъ былъ сильными отрядами войска, готовыми употребить силу, если бы хитрость не удалась. Выходя изъ дому, Гусъ встрѣтилъ хозяйку, которая простилась съ нимъ со слезами. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло; благословивъ ее, сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи Хлума и пословъ кардинальскихъ, поѣхалъ въ палаты епископскія.

---

(1) Palacky, G. v. Boem., III, 1, S. 322 Dějiny nár. česk. III 1, str. 162.

Какъ скоро онъ явился къ допросу и поклонился кардиналамъ, председатель сказалъ ему, что до нихъ дошло много важныхъ обвиненій, которыя не могутъ быть терпимы, если они основательны. «Со всѣхъ сторонъ,»—говорилъ онъ,—«раздаются жалобы, что ты по всей Чехіи распространяешь великія ереси, противныя Св. Римской Церкви, и мы призвали тебя, чтобы судить тебя отъ собственныхъ устъ.» Гусъ отвѣчалъ, что онъ боится ереси пуще смерти, а потому и явился на Соборъ по собственной волѣ, чтобы смиренно принять наставленіе отцевъ, если бы дѣйствительно оказались у него заблужденія. Кардиналамъ, по видимому, понравился этотъ отвѣтъ. Они удалились изъ залы, а Гусъ остался съ рыцаремъ Хлумомъ, окруженный военною стражею.

Тогда какой-то монахъ, Францисканскаго Ордена, подкупленный Соборомъ, является въ залу и, приступивъ къ Гусу: «Почтенный магистръ!»—сказалъ онъ,—«я простой, неученый монахъ, и желалъ бы воспользоваться твоею бесѣдой. Тебѣ приписываютъ много ученій, несогласныхъ съ истинной Вѣрой, и это сильно смущаетъ мое правдолюбивое сердце. Прошу тебя, изъ любви къ самой истинѣ и ко всѣмъ благочестивымъ мужамъ, разрѣши мое недоумѣніе. Во первыхъ, говорятъ о тебѣ, будто ты отвергаешь пресуществленіе въ Евхаристіи.» Гусъ отвѣчалъ отрицательно.—«Такъ это неправда?»—«Нѣтъ,»—сказалъ Гусъ. Когда же монахъ во второй и третій разъ повторилъ тотъ же самый вопросъ, Янъ изъ Хлума съ досадой сказалъ ему: «Къ чему такая навязчивость? Если бы кто разъ отвѣчалъ мнѣ да, или нѣтъ, на вопросъ, я не сталъ бы его переспрашивать; а ты, послѣ стольких ъ отвѣтовъ, все приступаешь къ учителю.»—«Извините, вельможный господинъ,»—отвѣчалъ монахъ;—«я человѣкъ простой и худоумный, и сдѣлалъ это съ добрымъ намѣреніемъ.»

За тѣмъ, обращаясь къ Гусу, онъ предложилъ ему другое сомнѣніе о томъ, какъ соединяется Божество съ человѣчествомъ въ лицѣ Іисуса Христа?—«Мнѣ сдается,»—сказалъ Гусъ по Чешски рыцарю Хлуму,»—что этотъ монахъ совсѣмъ не такъ простъ, какъ притворяется, потому что тре-

буетъ у меня рѣшенія на самые трудные вопросы.» — Потомъ, обращаясь къ монаху: «Ты, почтенный, называешь себя человѣкомъ простымъ; но, судя по твоимъ разговорамъ, я считаю тебя не простымъ, а двуличнымъ.» — «Сохрани меня, Боже,» — отвѣчалъ ему собесѣдникъ. — «Хорошо,» — сказалъ Гусъ, — «я постараюсь доказать тебѣ, что я правъ. Простодушіе требуетъ, какъ въ государственныхъ, такъ и въ нравственныхъ вопросахъ, совершеннаго соотвѣтствія сердца и устъ, полной соразмѣрности между умомъ и рѣчами, а этого именно я и не вижу въ тебѣ. Уста свидѣтельствуютъ о невинности, а сущность вопросовъ твоихъ обличаетъ въ тебѣ проницательность и силу ума непослѣднюю, ибо ты выбралъ именно самый трудный богословскій вопросъ. Но, какъ бы то ни было, я не боюсь высказать тебѣ мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Соединеніе Божества съ человѣчествомъ есть ипостасное, нераздѣльное и сверхъестественное.» Монахъ поклонился въ знакъ благодарности и вышелъ изъ залы.

Тогда воины первосвященника, окружавшіе Гуса, объявили ему, что этотъ монахъ ни болѣе, ни менѣе, какъ магистръ Дидакъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ Ломбардіи и начальникъ Ордена Миноритовъ. «Жаль,» — сказалъ Гусъ, — «что я не зналъ этого прежде; я бы иначе сталъ говорить съ нимъ. Ну, да коли всѣ таковы, то, съ Божіею помощью, нечего бояться ихъ.»

Въ четыре часа по полудни кардиналы опять съѣхались въ палаты епископскія. На это собраніе явились, съ одной стороны, Палечъ, Михаилъ de Causis и Петръ, проповѣдникъ у Св. Климента у Пражскаго моста, съ другой—защитники Гуса: Янъ Кардиналъ изъ Рейнштейна и Петръ изъ Младеновицъ. Жаркіе споры происходили между противниками. Умѣренная сторона требовала, чтобы его обратно пустили въ отечество; она боялась соблазна, неизбѣжнаго въ случаѣ публичной аудіенціи. Но враги Гуса, съ дикою радостію и неистовыми воплями, требовали его заключенія, «Га! га!» ревѣлъ Михаилъ: «Теперь ты въ нашихъ рукахъ; мы не выпустимъ тебя, пока не воздашь намъ послѣдняго кодранта.» Къ ругательствамъ присоединяли насмѣшки. Палечъ обратился къ Яну

Кардиналу изъ Рейнштейна съ такими словами: «Жалѣю о простодушіи вашемъ, любезный магистръ. Какъ грустно видѣть людей, которые нѣкогда пользовались такимъ уваженіемъ и въ Куріи Папской, и въ Чехіи, а теперь, по милости ереси, подпали общему презрѣнію.» — «Я больше жалѣю объ васъ, магистръ Стефанъ,»—съ достоинствомъ отвѣчалъ Рейнштейнъ. «Не къ состраданію ли должна бы подвигнуть тебя любовь христіанская, если ты замѣчаешь во мнѣ недостатки?» Палечь задумался и прекратилъ разговоръ (¹). Между тѣмъ Гусъ находился еще подъ прикрытіемъ стражи на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ утромъ оставили его кардиналы. Къ вечеру входитъ начальникъ папскаго двора и объявляетъ рыцарю, что онъ можетъ воротиться домой, а относительно Гуса уже сдѣлано кардиналами распоряженіе. Рыцарь въ сильномъ негодованіи немедленно отправляется къ папѣ и застаетъ его въ собраніи. «Не то,»—говоритъ онъ,—«святѣйшій отецъ, обѣщалъ ты мнѣ, не то обѣщалъ и тестю моему, Лацембоку. Ты сказалъ мнѣ, что «если бы и роднаго брата?... «Братья мои, здѣсь предстоящіе,»—перебилъ его папа, указывая на кардиналовъ,—«они могутъ свидѣтельствовать, что я лично не подавалъ голоса на заключеніе Гуса;» и, отведя его въ сторону, сказалъ ему, съ видомъ откровенности: «Развѣ не знаешь моихъ отношеній къ нимъ? Они навязали мнѣ заключеннаго; я долженъ былъ принять его на свое попеченіе.» Справедливо замѣчаетъ Ланфанъ, что, по всему ходу дѣла, непосредственнаго участія папы въ заточеніи Гуса не видно. Онъ не присутствовалъ въ Коллегіи, когда послѣдовало ея рѣшеніе. «По моему мнѣнію,»—говоритъ сочинитель жизнеописанія Гусова, — «папа Іоаннъ, справедливо опасаясь лишенія сана, хотѣлъ предательствомъ праведника подслужиться къ предателямъ епископамъ и кардиналамъ» (²). Тщетно Хлумъ еще нѣсколько дней протестовалъ противъ дѣйствія папы и публично и частно; наконецъ, прибѣгая къ послѣднему средству, писалъ къ Королю,

---

(1) Изъ донесенія Петра изъ Младеновицъ; у Палацкаго III, 324—325, Anm. 436—437. Dějiny nár. česk. III, 1, str. 165—166, pozn. 267—268.

(2) Hist. Sanct. Mart. 5 на об.

находившемуся уже на дорогѣ въ Констанцъ. Сигизмундъ, негодуя на личное свое оскорбленіе, немедленно послалъ повелѣніе, представителямъ своимъ на Соборѣ, освободить Гуса, и, въ случаѣ сопротивленія, разломать двери темницы (1). Хотя папа и отказывался отъ всякаго участія въ заключеніи Гуса, однако жаловался на приказъ Сигизмунда (2). Впрочемъ, на указъ Короля не обратили никакого вниманія. Хлумъ въ отчаяніи написалъ объявленіе по Латини и по Нѣмецки, и собственноручно, за своею печатію, прибилъ его къ дверямъ Соборнаго храма. Здѣсь онъ доводитъ до общаго свѣдѣнія, что баккалавръ Богословія, магистръ Іоаннъ Гусъ, пріѣхалъ въ Констанцъ съ опасною грамотою Короля Нѣмецкаго и Угорскаго, Сигизмунда, и подъ священнымъ покровительствомъ Римской Имперіи, дабы всѣмъ желающимъ дать отчетъ въ своей Вѣрѣ на публичной аудіенціи, и, не смотря на то, задержанъ въ темницѣ. И хотя папа и кардиналы получили рѣшительное повелѣніе отъ пословъ Короля освободить его, однако упорно отказываются отъ его исполненія. «По этому я, рыцарь Янъ Кепка изъ Хлума, объявляю, именемъ Короля, что заточеніе Гуса сдѣлано противъ воли его, ибо находится въ явномъ противорѣчіи съ его опасною грамотою. Это могло случиться потому только, что самого Короля въ то время не было въ городѣ. Надѣюсь, что прибытіе его положитъ конецъ безпорядкамъ» (3).

24 Декабря 1414 года Гусъ, лишенный свободы (съ 28-го Ноября), былъ отданъ на храненіе епископу Лозаннскому, и въ ту же ночь отведенъ въ домъ соборнаго пѣвчаго; восемь дней находился тамъ подъ стражею вооруженныхъ, и, наконецъ, 6 Декабря, какъ нѣсколько разъ повторяетъ Петръ изъ Младеновицъ, а не 3 Генваря 1415 года, какъ говоритъ Теобальдъ (p. 59), переведенъ въ Доминиканскій монастырь, на берегу Рейна, и брошенъ въ холодную, сырую

(1) V. d. Hardt, IV, 26

(2) Ibid. II, 255.—Lenfant, H. du C. de Const. 73.

(3) V. d. Hardt. IV. 27 —Hist. et Mon. J. Hus. I, 73, на об.—Lenfant 74. Palacky, III, 327. Dějiny nár. česk. III, 1, str. 167.

темницу, подлѣ самыхъ отхожихъ мѣстъ монастырскихъ. Враги его немедленно приступили къ его обвиненію. Михаилъ de Causis представилъ папѣ 8 статей и требовалъ начала тяжбы. «Первое заблужденіе его»,—такъ сказано было въ обвинительномъ актѣ, — «касается таинства Евхаристіи. Онъ проповѣдывалъ народу о необходимости преподаванія и принятія онаго подъ обоими видами. Это явствуетъ изъ того, что ученики его въ Прагѣ уже приводятъ въ ходъ этотъ догматъ учителя. По увѣреніямъ свидѣтелей, онъ во храмѣ и школахъ училъ еще, что, по освященіи хлѣба на алтарѣ, все же остается только вещественный хлѣбъ. 2) Онъ утверждаетъ еще, что служители Церкви не могутъ совершать Таинствъ и низводить благодать, когда обрѣтаются въ смертномъ грѣхѣ; что лица не освященныя могутъ такъ же хорошо совершать Таинства, какъ и священники, и этому правилу уже слѣдуютъ ученики его въ Прагѣ, которые собственными руками снимаютъ съ престола животворящіе Дары и причащаютъ самихъ себя, когда находятся подъ запрещеніемъ. Отсюда слѣдуетъ заключеніе, что любой міранинъ, если только не имѣетъ смертныхъ грѣховъ, обладаетъ благодатію священства и можетъ по произволу вязать и рѣшить. 3) Онъ отвергаетъ значеніе Церкви въ смыслѣ папы, кардиналовъ, епископовъ и духовенства, имъ подчиненнаго, называя это опредѣленіе Церкви вымысломъ софистовъ; утверждаетъ, что Церковь не должна владѣть временными имуществами, и что свѣтскіе владѣльцы безнаказанно могутъ отнимать ихъ у церквей и духовныхъ. Въ Чехіи это хищеніе уже началось; по наущенію Гуса, многія церкви лишены своей собственности. Сюда же относится положеніе, что Константинъ и другіе свѣтскіе владѣльцы поступили неправильно, снабжая церкви и монастыри недвижимой собственностію. 4) Заблуждается въ ученіи о Церкви, уничтожая различіе власти между всѣми пресвитерами, обличая, какъ вымыселъ гордости и корыстолюбія старшихъ, изъятія въ пользу первосвященника и посвященіе духовныхъ. 5) Отрицаетъ у Церкви власть ключей, когда всѣ ея представители, папы, кардиналы и все духовенство находятся въ смертномъ грѣхѣ. 6) Презираетъ отлученіе Церкви, и

это доказалъ собственнымъ примѣромъ, столько разъ преступая папскія буллы, не прекращая богослуженія отъ самаго начала запрещенія до пріѣзда въ Констанцъ. 7) Не соблюдаетъ постановленія Церкви объ инвеститурахъ, приписывая всякому право облекать во священство для спасенія душъ. Доказательство на лицѣ: по его покровительству многіе Пражане получили приходскія церкви, и долго правили ими безъ утвержденія престола Апостольскаго и даже мѣстнаго начальства. 8) Заблуждается, говоря, что разъ посвященный въ діаконы или пресвитеры никакимъ дѣйствіемъ церковной власти не можетъ быть удаленъ отъ проповѣди. Собственный примѣръ его служитъ тому порукой.» Далѣе слѣдуетъ изчисленіе главныхъ подвиговъ Гуса: изгнаніе Нѣмецкихъ студентовъ, оправданіе 45 положеній, ослушаніе волѣ архіепископа, гоненіе, воздвигнутое будто бы Гусомъ на Латинскихъ священниковъ въ Чехіи, обличеніе грѣховъ духовенства, коварные совѣты, данные свѣтскимъ властелямъ объ отнятіи церковныхъ имуществъ и десятинъ. Палечъ не устыдился отречься передъ цѣлымъ Соборомъ отъ участія въ оправданіи Виклефа, слагая всю отвѣтственность на прежняго друга. Извлекая эти статьи, въ которыхъ ложь страннымъ образомъ перемѣшана съ истиною, противники Гуса нашли самый надежный путь къ его осужденію. Они поражали самую чувствительную сторону Западной Церкви; описавъ бѣдствія, ей угрожающія, имѣли право сказать, что со времени Константина Великаго не возставалъ еретикъ опаснѣе Гуса. Съ другой стороны, они очень искусно растравляли свѣжія раны Нѣмцевъ, имѣвшихъ на Соборѣ самыхъ многочисленныхъ представителей. Въ заключеніе de Causis предлагалъ нарядить коммиссаровъ для допроса и изслѣдованія справедливости обвиненій, и поручить извѣстному числу докторовъ и магистровъ разсмотрѣніе книгъ его, нарочно для того привезенныхъ въ Констанцъ (¹). Внушенія его возъимѣли желанное дѣйствіе. По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, приводимымъ Петромъ изъ Младеновицъ и Райнальдомъ подъ 1414 годомъ (²),

(1) Hist. Sanct. Mart. 6, 7.

(2) Palacky, Gesch. v. B., III, 1. S. 330. Anm. 441. Dějiny nár. česk. III, 1, str. 170, pozn. 272.

наряжена была коммиссія изъ трехъ лицъ: Іоанна, патріарха Константинопольскаго, и епископовъ: Іоанна Любушскаго и Бернарда Кастельскаго. Весь Декабрь мѣсяцъ прошелъ въ ожиданіи Короля, безъ котораго члены Собора не смѣли начинать тяжбы. Наканунѣ Рождества Христова, въ самую заутреню, онъ прибылъ въ имперскій городъ Уберлингенъ, на разстояніи мили отъ Констанца, и тотчасъ послалъ приказаніе папѣ ожидать его къ литургіи въ Соборную церковь. Въ 4 часа утра, въ сопровожденіи 1000 всадниковъ, при свѣтѣ факеловъ, переѣхалъ онъ на судахъ черезъ Боденское озеро, съ супругою, Саксонскимъ курфирстомъ, Рудольфомъ, и другими знатными лицами. Отдохнувъ, отправился въ великолѣпно освѣщенный Соборъ, гдѣ папа служилъ обѣдню. Во время обѣдни, въ облаченіи діаконскомъ, громогласно читалъ Евангеліе: «Изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа (1).» При чтеніи этихъ словъ, Іоаннъ XXIII, по свидѣтельству очевидцевъ, содрогнулся, въ тайномъ предчувствіи своей будущей участи. По окончаніи служенія, папа вручилъ императору мечь, уговаривая его употребить этотъ мечь на защиту Церкви. Императоръ далъ ему торжественное обѣщаніе, и сдержалъ свое слово.

Сгоряча король Сигизмундъ настойчиво требовалъ отъ членовъ Собора немедленнаго освобожденія Гуса. Онъ чувствовалъ, что, въ противномъ случаѣ, его королевское слово покроется безславіемъ; онъ боялся и гнѣва Вячеслава и ненависти Чеховъ, своихъ наслѣдственныхъ подданныхъ, давно уже порицавшихъ слѣпое уваженіе его къ властямъ Римской Церкви. Всѣ послѣднія засѣданія 1414 года исключительно посвящены были Гусу. Черезъ полтора года, когда мщеніе Чеховъ уже постигло его за Гусову казнь, онъ писалъ оправдательное посланіе къ панамъ. «Я былъ еще около Рейна,»—говорилъ онъ,—«когда Гусъ пріѣхалъ въ Констанцъ и тамъ заключенъ. О, зачѣмъ онъ прежде не присоединился ко мнѣ, и мнѣ не сопутствовалъ! Тогда, конечно, дѣла его приняли бы

---

(1) Это былъ общій обычай. См. Бенеша изъ Вейтмиля, IV книг. Scr. rer. Bohem., p. 369, 421. «Imperator legit Euangelium: Exiit edictum a Casare Augusto (Luc. II, 1).»—Ipso anno D. Imperator celebrauit festum Natiuitatis Domini in Praga, sed quia in pedibus patiebatur, Euangelium: Exiit edictum etc. in apparatu imperiali, ut moris est, ipso die legere non potuit.»

другой оборотъ. Богъ видитъ, какъ терзала меня его участь, но иначе быть не могло. Всѣ присутствовавшіе Чехи — свидѣтели, какъ ходатайствовалъ я за него, какъ я неоднократно во гнѣвѣ выходилъ изъ Собора, и даже выѣхалъ изъ города, пока не внушили мнѣ, что если я не хочу допустить исполненія правды, то на что и Соборъ? И я разсудилъ, что мнѣ нечего дѣлать; скажи я въ пользу его еще одно слово, Соборъ разошелся бы немедленно (1). Такъ суевѣрный фанатизмъ въ Сигизмундѣ постоянно бралъ верхъ надъ благородными внушеніями сердца. Послѣ многихъ сомнѣній, онъ успокоилъ слабодушную совѣсть на той утѣшительной мысли, что онъ не обязанъ сдержать слова, даннаго еретику; что онъ не имѣлъ даже права, безъ согласія Собора, обѣщать ему опасную грамоту. 29 Декабря Король созвалъ общее собраніе, на которомъ присутствовали всѣ кардиналы и все духовенство. Тутъ коммиссары, наряженные для суда надъ Гусомъ, упросили его предоставить имъ полную свободу дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Отвѣтъ Сигизмунда былъ совершенно удовлетворителенъ. Онъ объявилъ, что Соборъ имѣетъ полное право поступать по установленнымъ правиламъ противъ людей, уличенныхъ въ ереси, и что прежнія угрозы его въ пользу обвиненнаго не будутъ имѣть послѣдствій. Онъ сдѣлалъ лишь одно ограниченіе, объявилъ непремѣнную волю свою, чтобы Гусъ былъ выслушанъ въ полномъ засѣданіи Собора на публичной аудіенціи. Рыцарь Янъ изъ Хлума писалъ по этому случаю трогательное письмо къ заключенному, который все еще томился въ ужасной Доминиканской темницѣ. Онъ старается скрыть отъ него тайну предательства Сигизмунда. «Возлюбленный другъ! Король былъ ныньче въ полномъ собраніи представителей всѣхъ народовъ, и говорилъ о дѣлахъ твоихъ, особенно о публичной аудіенціи. На это послѣдовалъ подъ конецъ единодушный отвѣтъ, что ты получишь ее. Между тѣмъ друзья твои настоятельно просятъ о перемѣщеніи тебя въ болѣе здоровое и опрятное мѣсто,

(1) Archiv Český, I, 6. Palacky, G. v. Boem. III, 1, S. 329, Anm. 439. Dějiny nár. česk. str. 169, pozn. 170.

гдѣ бъ ты могъ отдохнуть и собраться съ силами, чтобы отвѣчать коммиссарамъ. Но, ради Бога, ради святой истины и вѣчнаго спасенія твоего, не отрекайся отъ правды изъ страха лишиться ничтожной, временной жизни. Конечно, Господь съ благою и премудрою цѣлію посѣтилъ тебя искушеніемъ тяжкимъ» ([1]). Гусъ въ это время былъ опасно боленъ отъ сыраго и смраднаго подземелья, омываемаго со всѣхъ сторонъ волнами Рейна; сильная горячка поставила его на краю гроба. Въ бреду своемъ онъ видѣлъ знаменательные сны и просилъ у друзей объясненія ихъ. «Я видѣлъ»,—писалъ онъ послѣ 20-го Декабря ([2]),—«что въ Виѳлеемѣ хотѣли разрушить всѣ иконы Христовы, и разрушили. Утромъ встаю, и вижу множество живописцевъ, которые написали другія иконы, гораздо больше и прекраснѣе прежнихъ; я радовался, глядя на нихъ; а живописцы со всѣмъ множествомъ народнымъ говорили: «Пусть придутъ епископы и священники и разрушатъ опять!» «И всѣ народы радовались въ Виѳлеемѣ, и я съ ними. Пробудившись, я очнулся съ улыбкою на устахъ.»—Хлумъ, по просьбѣ своего друга, сообщаетъ ему руками Петра изъ Младеновицъ толкованіе этого сна. «Изображеніе Христово, во образѣ хлѣба начертанное на стѣнахъ Виѳлеема, есть жизнь Христова, достойная подражанія; равно и тексты Евангельскіе, тамъ же начертанные. Вечеромъ, когда солнце правды уклонило лучи свои отъ беззаконій міра, враги Христовы стараются разрушить и икону, и слово, и потребить память ихъ отъ земли. Но въ радостное утро, когда солнце правды снова покажетъ лучи свои, проповѣдники возстановятъ ихъ въ прежнемъ величіи и блескѣ; и слово Евангельское, прозвучавъ въ воздухѣ, извлечется изъ мрака забвенія и повѣдается на кровляхъ, и *гусь*, закланный на алтарѣ, хотя и совлечетъ въ страданіяхъ свою бренную плоть, но тамъ, на землѣ живыхъ, воспрянувъ отъ сна этой бѣдственной жизни, возсмѣется съ Живу-

---

(1) Ep. 47, I, 72.

(2) Ep. 44, I, 71. Оно не означено числомъ; но отвѣтъ на него, Ep. 45, долженъ быть писанъ между 20 и 25 Декабря; ибо въ немъ говорится о прибытіи Франц. пословъ, въ самый день сочиненія письма, хотя еще не упоминается объ Императорѣ.

щимъ на небесахъ; а разрушители иконъ и писанія восплачутъ.»—Такъ, въ иносказательныхъ образахъ, Хлумъ старается приготовить своего друга къ идеѣ о смерти, и Гусъ въ отвѣтѣ своемъ даетъ разумѣть, что эта мысль не новая, что онъ сроднился съ нею давно. «Много утѣшило меня посланіе рыцаря Яна изъ Хлума. Его объясненіе понравилось мнѣ; оно сходится съ моимъ собственнымъ. Хотя Богъ и сказалъ, что не должно довѣрять снамъ, однако, я твердо надѣюсь, что жизнь Христова, которую я словомъ насаждалъ въ сердцахъ вѣрующихъ въ Виѳлеемской часовнѣ, со временемъ найдетъ себѣ лучшихъ художниковъ, нежели я, и Христолюбивый народъ станетъ радоваться; я буду ликовать вмѣстѣ съ нимъ, когда воспряну отъ мертвыхъ» ([1]). Болѣзнь его постоянно усиливалась и дошла до того, что побудила папу прислать собственныхъ врачей для лѣченія его, и перевести его въ темницу, болѣе покойную и здоровую (8-го Генваря 1415-го года ([2]). Между тѣмъ коммиссары, получившіе полномочіе отъ Короля, приготовляли все нужное къ частнымъ допросамъ. Друзья Гуса боялись, и боялись справедливо, чтобы страданія тѣла не поколебали въ немъ бодрости духа, при новыхъ истязаніяхъ враговъ, которые, въ случаѣ нужды, не отказались бы прибѣгнуть и къ пыткѣ. «Amici præcipue tristantur de *ergastulari responsione*, et specialiter Jessenitz,»—писалъ рыцарь изъ Хлума, въ исходѣ Декабря мѣсяца, еще до начала частныхъ допросовъ ([3]). «Не безпокойся о публичной аудіенціи, возлюбленный другъ,»—писалъ Петръ изъ Младеновицъ, послѣ 20-го Декабря. «Объ ней много толковали и толкуютъ въ засѣданіяхъ Собора, но конца совѣщаніямъ мы всѣ ожидаемъ благопріятнаго. Теперь, отложивъ въ сторону болѣзненныя грезы и страшилища воображенія, соберись съ силами и подумай объ отвѣтахъ на частныхъ допросахъ» ([4]). Послѣдніе начались еще прежде перемѣщенія Гуса, въ первыхъ числахъ Генваря

(1) Ep. 44, 43. 46, I, 71.
(2) Hist. et Monum. Hus. II, 6.
(3) Ep. 47 I, 72.
(4) Ep. 45, I, 71.

1415-го года. Акты Собора не говорятъ объ нихъ: они относятся къ темной сторонѣ Инквизиціи Римской, не засвидѣтельствованной письменными памятниками, ибо она не сдѣлала бы чести Собору. Тайная переписка Гуса съ друзьями служитъ единственнымъ матеріаломъ; но трудно ею воспользоваться: писанныя безъ означенія чиселъ, въ сильномъ волненіи духа, и подъ такими условіями, которыя Гусъ предполагаетъ извѣстными, письма его во многомъ остаются для насъ совершенно загадочными (1). Всѣ усилія враговъ

(1) Сюда относится 14 писемъ, писанныхъ «de carceribus apud fratres Prædicatores in stagno Constantiensi extra muros civitatis.» Писатели до сихъ поръ пользовались ими безъ критики, переставляя ихъ по желанію. Весьма важно правильное соблюденіе порядка, въ которомъ онѣ были написаны. Есть нѣсколько указаній, въ слѣдствіе которыхъ можно опредѣлить этотъ порядокъ съ приблизительной точностью. Время написанія ихъ есть промежутокъ отъ 6-го Декабря 1414-го до 24-го Марта 1415-го года. Гусъ былъ переведенъ 8-го Генваря 1415-го изъ этой темницы Доминиканскаго монастыря въ другую, болѣе здоровую, въ томъ же монастырѣ. Къ первой темницѣ относятся слѣдующія письма въ хронологическомъ порядкѣ: 1) 44-е Гуса, гдѣ онъ разсказываетъ сонъ о Виѳлеемской часовнѣ; 2) 45-е Петра изъ Младеновицъ отъ лица Doctoralis de Pipracih или Хлума съ объясненіемъ этого сна. Оно писано между 20 и 25 Декабря; 3) 47-е Хлума, писанное 29-го Декабря, ибо въ немъ говорится о засѣданіи Собора этого дня въ присутствіи представителей всѣхъ народовъ, а не 1-е Іюня 1413-го, какъ у Ланфана, который перемѣшалъ порядокъ писемъ изъ Доминиканской и Готлибенской темницъ; 4) 49-е, ибо въ немъ предлагаются подробности перваго частнаго допроса Гусова въ концѣ Декабря, или началѣ Генваря мѣсяца; 5) 46-е, какъ продолженіе предшествующаго по содержанію и отвѣтъ на 2 (45-е); 6) 52-е, съ подробностями послѣдующихъ частныхъ допросовъ, и 7) 53-е; ибо какъ въ предыдущемъ, такъ и въ этомъ, повторяется одна просьба—достать ему Библію; 8) 54-е, какъ непосредственное продолженіе 6-го (52-го) по содержанію. Всѣ онѣ писаны до 8-го Генваря. Ко второй темницѣ Доминиканскаго монастыря относятся слѣдующія: 9) 48-е отвѣтное на 3-е (47-е) Хлума, отъ котораго оно раздѣлено не болѣе какъ десятью днями—*первое изъ новой темницы*, и 10) 43-е второе. а) Содержаніе обоихъ этихъ писемъ показываетъ, что онѣ писаны позднѣе прежнихъ; ибо переговоры, веденные Гусомъ втайнѣ съ Сигизмундомъ въ 52-мъ и 54-мъ, здѣсь, въ 48-мъ, уже возбудили подозрѣніе коммиссаровъ; б) точнѣйшее указаніе заключается въ 10-мъ (43-мъ) письмѣ: «de captivitate ista adhuc nullam scripti literam, nisi illam, ut orent pro me.» А это послѣднее читается именно въ 9-мъ (48-мъ) письмѣ, гдѣ сказано: «Oretis Deum, ut me conservet,» слѣдовательно, 48-е есть первое, а 43-е второе письмо изъ новой темницы. Что здѣсь дѣло идетъ о второй темницѣ Доминиканскаго монастыря, куда онъ былъ переведенъ 8 Генваря, а не о первой (съ 6-го Декабря), это видно какъ изъ смысла словъ: «de captivitate ista,» такъ и изъ многихъ обстоятельствъ. Въ письмѣ 46-мъ, помѣщенномъ въ Hist. et Monum. Hus, на третьемъ мѣстѣ отъ 43-го, говорится о

его клонились къ тому, чтобы затруднить его память множествомъ обвиненій, большею частію, двусмысленныхъ, заставить его проговориться; въ такомъ случаѣ каждое неосторожное слово его становилось уликою противъ него. Они боялись пуще всего публичной аудіенціи, въ которой гласность отнимала возможность дѣйствовать неправдой и хитростью; боялись всенароднаго отреченія Гуса; не выпуская изъ рукъ своей жертвы, хотѣли судить ее отъ собственныхъ устъ. Но Гусъ сохранилъ во все это время необыкновенное присутствіе духа; обманывая бдительность своихъ гонителей, успѣвалъ тайкомъ переписываться съ друзьями, и пользовался ихъ умными совѣтами, которымъ дѣйствія Собора давали направленіе, согласное съ обстоятельствами. Коммиссары, назначенные для допросовъ: патріархъ Константинопольскій (почетный) Іоаннъ, и епископы: Любушскій, Іоаннъ же, Нѣмецъ, и Кастельскій, Бернардъ, Итальянецъ, прибыли въ монастырь Доминиканскій, въ темницу, гдѣ Гусъ лежалъ въ сильной горячкѣ, и въ присутствіи его привели къ присягѣ свидѣтелей, большею частію, выгнанныхъ Пражскихъ священниковъ и монаховъ, личныхъ враговъ проповѣдника. Петръ изъ Младеновицъ называетъ по имени этихъ свидѣтелей; это были профессоры, прежде Пражскаго, потомъ Лейпцигскаго, универ-

---

страшномъ привѣтствіи Палеча, и Гусъ обѣщаетъ разсказать его послѣ. Между тѣмъ въ 43-мъ это же привѣтствіе предполагается извѣстнымъ и вызывается какъ старинное воспоминаніе. Стало быть, изъ Доминиканскаго монастыря были писаны Гусомъ письма и до 43-го; между тѣмъ это послѣднее называется первымъ; ясно, что «ista captivitas» обозначаетъ именно вторую темницу. 11) 51-е, писанное 30-го Генваря 1415-го года, ибо въ немъ сказано: «Cras octo hebdomadæ erunt, quod Hus posita est ad refectorium.» Отъ 30 Генваря отсчитывая 57 дней, получаемъ 6 Декабря, т. е., первый день заключенія Гуса въ Доминиканскомъ монастырѣ. Этѣ 11 писемъ писаны, большею частію, въ продолженіе Генваря мѣсяца. Далѣе слѣдуетъ значительный пробѣлъ до половины Марта. Въ Мартѣ мѣсяцѣ писаны послѣднія письма Гуса изъ Доминиканскаго монастыря:—12) 50-е, ибо Гусъ убѣждаетъ друзей достойно приготовиться къ причащенію животворящихъ Таинъ, въ праздникъ Пасхи, который былъ, въ 1145-мъ году, 1-го Апрѣля. Впрочемъ, письмо это могло быть писано и до начала поста, въ Февралѣ; 13) 55-е, писанное уже послѣ бѣгства папы, 20 Марта, о которомъ письмо говоритъ, какъ уже о совершившемся: «Concilium turbatur propter papæ recessum.» 14) 56-е, писанное 25-го Марта, «Dominico die sero,» въ Вербное Воскресенье. Сюда отнести должно еще 10-е письмо, отъ 19-го Генваря 1415 года, къ жителямъ Праги, не вошедшее въ составъ 14-ти.

ситета: Іоаннъ Мюнстербергъ и Петръ Шторхъ изъ Звикова (Zwickau); далѣе Пражане: Палечъ, бывшій оффиціялъ Пражскаго архіепископства, докторъ Николай Цейсльмистръ, Петръ, проповѣдникъ у Свят. Климента въ Прагѣ, Петръ, аббатъ у Свят. Амвросія въ Прагѣ, и другіе, менѣе важные. 8 обвинительныхъ статей прочтены были умирающему. «Свидѣтельства, которыми подкрѣплялись показанія, были такъ ничтожны, и самые свидѣтели люди такіе презрѣнные,» — говоритъ сочинитель жизнеописанія Гуса, — «что опроверженія на нихъ были бы вовсе излишни, если бы дѣйствующія лица не были вмѣстѣ и судьями» (1). Въ отвѣтъ на чтеніе статей и показанія свидѣтелей, Гусъ просилъ адвоката на томъ основаніи, что самъ онъ, больной и лишенный свободы, не въ силахъ защищаться. Коммиссары обѣщали исполнить его желаніе; но потомъ отказались, подъ тѣмъ предлогомъ, что Церковное право не дозволяетъ оподозрѣннымъ въ ереси имѣть заступниковъ (2). Тогда Гусъ снова перенесъ дѣло (аппеллировалъ) на судъ самаго Іисуса Христа и, въ присутствіи коммиссаровъ, сказалъ громогласно: «Да будетъ же Господь Іисусъ моимъ адвокатомъ, прокураторомъ и судьею! Онъ скоро самихъ васъ призоветъ на судъ. Ему поручилъ я свое правое дѣло, какъ Самъ Онъ предалъ защиту Свою въ руки Отцу. Не Онъ ли сказалъ Апостоламъ: Положите убо въ сердцахъ вашихъ не прежде поучатися отвѣщавати; Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, ей же не возмогутъ противитися или отвѣщати вси противляющіися вамъ (Луки XXI, 14—15) (3)?» Этотъ возгласъ, разумѣется, не могъ пробудить чувства въ жестокихъ сердцахъ коммиссаровъ. Они, въ обличеніе ему, прочитали вслухъ и прежнюю аппелляцію, и Гусъ, съ радостію въ сердцѣ и улыбкою на устахъ, призналъ ее своею (4). Прочитали и сочиненіе его противъ Крестовой буллы, и новую буллу, изданную коммиссарами, въ которой называли его ересіархомъ

(1) Hist. Sanct. Mart. 7.
(2) Ibib. 7.—Ep. 49, I, 73.
(3) Ep. 46, I, 71 на об.
(4) Ep. 49, I, 73.

и обольстителемъ народа. «Я надѣюсь»,—отвѣчалъ Гусъ,—«что придетъ когда нибудь время, когда сказанное мною во храмѣ повѣдается народу на кровляхъ». На всѣ обвиненія онъ довольствовался однимъ отвѣтомъ—аппелляціей къ Собору (1). На второмъ частномъ допросѣ коммиссары предложили Гусу уже 47 обвинительныхъ статей, извлеченныхъ будто бы изъ сочиненія его «О Церкви» Стефаномъ Палечомъ. По прочтеніи, потребовали отвѣта на каждую отдѣльно. Онъ отвѣчалъ на словахъ въ выраженіяхъ общихъ, съ оговоркою, что такое-то положеніе справедливо въ такомъ-то смыслѣ; а на вопросъ: «Не хочешь ли защищать его?» у него всегда готовъ былъ отвѣтъ: «Упорно не хочу защищать ничего, а ожидаю наставленія Собора» (2). Эта умѣренность Гуса, не дававшаго на себя никакихъ обязательствъ, приводила въ отчаяніе его гонителей. Наскучивъ его молчаніемъ, они велѣли ему составить письменные отвѣты, какъ на предложенныя статьи, такъ и на 45 положеній Виклефа. Гусъ трудился цѣлую ночь (3), и собственноручно, безъ пособія книгъ (4), написалъ отвѣты въ такомъ же духѣ, какъ прежде, и снова, въ присутствіи нотаріевъ и коммиссаровъ, объявилъ, что желаетъ предстать въ полное засѣданіе Собора и дать всенародно отчетъ въ своей Вѣрѣ. Отъ частнаго суда 12 или 13 магистровъ, предложеннаго коммиссарами, отказался рѣшительно. А такъ какъ обвиненія, на которыя онъ отвѣчалъ письменно, должны были составить предметъ разсужденія публичной аудіенціи, то онъ вручилъ патріарху письменное прошеніе къ Собору о томъ, чтобы ему позволено было на публичномъ допросѣ отвѣчать отдѣльно на каждую статью, какъ прежде сдѣлано было на частномъ (5); но, сомнѣваясь въ честности коммиссаровъ, просилъ друзей своихъ, присмотрѣть на будущемъ засѣданіи, не утаитъ ли патріархъ его письменнаго прошенія? Вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ его раждается мысль отважная, и Гусъ

(1) Ep. 48, I, 72 на об.
(2) Ibid.
(3) Ep. 54, I, 74 на об.
(4) Ep. 52, I, 74.—Отвѣты см. въ Hist. Sanct. Mart. 15—23.
(5) Ep. 48, I, 72.

съ необыкновенной силой стремится къ ея исполненію. Сигизмундъ съ каждымъ днемъ становился равнодушнѣе къ судьбѣ заключеннаго. Не смотря на обѣщаніе публичной аудіенціи, онъ колебался, и если бъ не ходатайство Чешскихъ вельможъ, имѣвшихъ къ нему свободный доступъ, уступилъ бы охотно внушеніямъ Католиковъ. «Удивляюсь»,— писалъ Гусъ въ началѣ Генваря,—«что Король какъ будто вовсе забылъ обо мнѣ и ни слова не говоритъ въ мою пользу. Можетъ быть я буду приговоренъ прежде, чѣмъ успѣю сказать слово въ свое оправданіе. Любезные и великодушные мои покровители! Попросите его, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не отказалъ мнѣ въ свиданіи съ нимъ до осужденія. Не ужели не дорога ему собственная честь? Вѣдь я по его приказанію явился на Соборъ, положившись на торжественное обѣщаніе, что безопасно ворочусь въ Чехію.» Этотъ обличительной голосъ устами Чешскихъ вельможъ, постоянно шептавшій на ухо малодушному государю, парализировалъ дѣйствіе противной, многочисленной стороны. «Dobrý muže ne blaubaj!»—сказалъ Генрихъ Лацембокъ, обращаясь мысленно къ несчастному плѣннику, и Гусъ съ утѣшеніемъ повторяетъ это слово великодушнаго друга, проникнувшее черезъ крѣпкіе затворы темницы (1). Но такія отношенія не могли продолжаться долго. Убѣдившись, что совѣсть и честь Короля находятся въ рукахъ хитрыхъ Католиковъ, Гусъ нашелъ надежнѣйшее средство подѣйствовать на его убѣжденія и втайнѣ готовилъ ударъ. Орудіемъ назначены были письменные отвѣты на положенія Виклефа. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Гусъ постоянно защищалъ три положенія Виклефа: 1) объ отнятіи церковныхъ имуществъ у духовенства; 2) о незаконности дарованія ему свѣтской власти, и 3) о томъ, что десятины, платимыя Церкви, суть чистая милостыня, въ которой податели, т. е., свѣтскіе владѣльцы, могутъ отказать духовенству. Свѣтская власть духовенства, огромныя имѣнія (принадлежавшія даже приходскимъ церквамъ) и тягостныя подати, переводившія деньги всего Хри-

---

(1) Ep. 34, f. 74. на об.

стіанства во всепоглощающій Римъ—вотъ три великія опоры Латинской Церкви, утвердившія ея могущество на развалинахъ власти гражданской. Нигдѣ отношенія эти не развивались такъ рѣзко, какъ въ народѣ Нѣмецкомъ, гдѣ борьба ѳеократическаго начала Римской Церкви съ теоріею Императорской власти, утверждавшею за Императоромъ всю поземельную собственность древней Римской Монархіи, даетъ содержаніе самой исторіи. Сокрушая три основные столпа могущества Католицизма, Гусъ навлекъ на себя ненависть всего духовенства, но дѣйствовалъ въ духѣ Императорской власти. Защищая себя, онъ рѣшился обратить вниманіе Короля на это важное обстоятельство, и этимъ путемъ пріобрѣсти въ немъ тѣмъ вѣрнѣйшаго союзника, чѣмъ больше Сигизмундъ самъ нуждался въ посторонней опорѣ. Съ этою цѣлію онъ проситъ своихъ покровителей, Хлума, Дубу, и пр. достать письменные отвѣты, врученные имъ коммиссарамъ на положенія Виклефа, снять съ нихъ самую вѣрную копію, соблюдая съ строгою правильностію раздѣленіе и порядокъ статей, но отнюдь никому не показывать, а довести ихъ, если можно, до свѣдѣнія Короля, впрочемъ, такъ, чтобы онъ получилъ ихъ изъ рукъ не приверженцевъ Гуса, а людей безпристрастныхъ, дабы отвратить подозрѣніе. Копія должна существовать для повѣрки, а Королю не худо бы предложить ихъ въ самомъ подлинникѣ (1). «Внушите Королю, что если положеніе мое объ отнятіи церковныхъ имуществъ будетъ осуждено, то и онъ, отнявшій имѣнія у многихъ епископовъ, и отецъ его, Императоръ и Король Чешскій, подпадутъ осужденію, какъ еретики. Ахъ! если бъ Богъ внушилъ ему благую мысль стать грудью за истину вмѣстѣ съ князьями! Если бъ онъ съ помощію Божіею рѣшился уничтожить приговоръ Пражскихъ докторовъ во всемъ, что касается отчужденія церковныхъ имуществъ, дарственной грамоты (dotatio) Константина и милостынь! Будь я свободенъ, я умѣлъ бы уговорить его. Берегись, Государь, чтобы не лишили тебя твоего права законнымъ порядкомъ; догадаешься, когда будетъ поздно. Дорого бы я далъ, чтобъ онъ потребовалъ

(1) Ep. 54, I. 74. на об., 75.

мои отвѣты на положенія Виклефа» ([1]). Эти внушенія не остались безъ слѣдствій: повелительный тонъ, принимаемый внезапно Сигизмундомъ въ отношеніи къ Собору и дѣятельное участіе его въ низложеніи папы и его наказаніи, были, можетъ быть, непосредственнымъ плодомъ тайныхъ намековъ стороны Гусовой. Кажется, и перемѣщеніе Гуса въ темницу, болѣе здоровую и теплую, совершилось около этого времени, но тѣмъ и ограничилось вниманіе къ нему Сигизмунда ([2]). Такимъ образомъ усилія Гуса не принесли ему пользы, а возбудили подозрѣніе враговъ его и навлекли на него новыя гоненія. Нашлись измѣнники, которые донесли коммиссарамъ, что онъ объявилъ Королю готовность свою защищать три, или четыре, статьи. Они спросили Гуса, не велъ ли онъ какихъ либо переговоровъ съ Сигизмундомъ? Вопросъ былъ предложенъ въ такомъ видѣ, что Гусъ безъ зазрѣнія совѣсти могъ отвѣчать отрицательно ([3]). Тѣмъ не менѣе надзоръ надъ нимъ сдѣлался строже. До сихъ поръ онъ имѣлъ возможность вести переписку съ друзьями безъ вѣдома коммиссаровъ; темничные стражи, служители папы, полюбили кроткаго узника и оставляли ему много свободы. Это подняло упавшій духъ его и оживляло надежды. «Господь избавилъ Іону отъ чрева китова,» — говорилъ онъ, — «Даніила отъ львинаго рва, трехъ отроковъ изъ огненной пещи, Сусанну отъ ложныхъ свидѣтелей, и меня можетъ избавить, если Ему будетъ угодно, во славу святаго имени Своего, для Евангельской проповѣди» ([4]). Теперь же онъ узнаетъ съ ужасомъ, что перехвачено одно изъ писемъ, въ которомъ онъ папѣ давалъ названіе Антихриста. «Помните ли письмо мое къ Якубку (изъ Стржибра), въ которомъ я говорилъ: « Враги угрожаютъ мнѣ, что я не получу публичной аудіенціи, если не заплачу напередъ 2000 червонцевъ служителямъ антихриста за издержки.» «Копію съ этого письма и отвѣтъ магистра Якубка, какъ кажется, продолжительный

(1) Ep. 51, I, 74.—Ep. 54, I, 74 на об., 75.

(2) 8 Генваря 1415 года.

(3) «Unde quæsierunt: Nunquid intimassem sibi? Et dixi, quod non, quia nunquam intimavi sic Regi, sed, sicut scitis.» Ep. 48, I, 72 на об.

(4) Ep. 52, I, 74.

и суровый, досталъ Михаилъ и, пришедши въ темницу съ патріархомъ, нотаріями и свидѣтелями, въ присутствіи магистра Николая, сталъ противъ меня. Одинъ изъ коммиссаровъ спросилъ меня подъ присягой, вручивши мнѣ копію:» «Твое ли это письмо?» «Я отвѣчалъ утвердительно. Исключая, можетъ быть, страшнаго привѣтствія Палеча, ничто не поразило меня такъ жестоко, какъ письмо это въ рукахъ противниковъ, перехваченное хитростію Михаила и его лазутчиковъ. Досадно было мнѣ и на магистра Іакова, который безпрестанно толкуетъ, что должно остерегаться лицемѣровъ, а самъ больше всѣхъ попадается въ сѣти ихъ и довѣряетъ имъ. Я полагаю, что письмо его должно быть грозно; я не читалъ его; оно не дошло до меня» ([1]). Съ этихъ поръ гонители Гуса не давали ему ни на мгновеніе покоя. Они такъ много возводили на него ложныхъ обвиненій, что онъ едва успѣвалъ отвѣчать на нихъ. Частные допросы возобновились, но, по прежнему, безъ всякой пользы. Гусъ стоялъ на томъ, что онъ упорно не защищаетъ ни одного положенія, а ожидаетъ наставленія Собора. «Богъ мнѣ свидѣтель, что я другаго отвѣта не позволялъ себѣ и считалъ его самымъ приличнымъ,»—писалъ онъ къ друзьямъ своимъ послѣ 8 Генваря,—«потому что я письменно засвидѣтельствовалъ предъ Соборомъ готовность отъ всякаго принять наставленіе.» Въ письмѣ отъ 30 Генваря, онъ извѣщаетъ друзей своихъ, что коммиссары предложили ему еще множество новыхъ статей изъ кошеля неправды (de sacco mendacii) ([2]). «Михаилъ стоялъ тутъ и держалъ бумагу въ рукахъ, сказывая патріарху вопросы и принуждая меня отвѣчать на нихъ. Онъ безпрестанно выдумываетъ новыя козни. Богъ за грѣхи мои воздвигъ на меня Михаила и Палеча; одинъ сторожитъ мои письма и разбираетъ бумаги, другой же не стыдится обличать все, что мы за нѣсколько лѣтъ говорили друзьями. Патріархъ разглашаетъ всюду, что у меня множество денегъ; въ слѣдствіе этого одинъ архіепископъ сказалъ мнѣ на допросѣ:» «У тебя 70,000 флориновъ,» «и Ми-

---

(1) Ep. 43, I, 71.
(2) Ep 10, I, 60.—Ep. 48, I, 72 на об.—Ep 51, I, 73 на об.

халъ со смѣхомъ спросилъ меня: «Куда же дѣвался мѣшокъ, набитый флоринами? Сколько денегъ должны тебѣ Чешскіе папы?» «Тогда всѣ приступили ко мнѣ. Одинъ епископъ сказалъ:» «Ты ввелъ новый законъ!» «другой:» «Ты защищалъ всѣ эти положенія!» «А я, съ помощію Божіею, отвѣчалъ имъ довольно сурово:» «За чѣмъ вы меня обижаете?» «Видитъ Богъ, я вынесъ въ этотъ день ужасное истязаніе» (1) Но ничто не огорчало такъ сильно его любящей души, какъ недостойные поступки Стефана Палеча. Грустно слѣдить въ его письмахъ страданія души его, въ болѣзненной борьбѣ стариннаго чувства дружбы со всѣми новыми ужасными впечатлѣніями ненависти и мстительности измѣнника. Проникнутый глубокимъ человѣческимъ сочувствіемъ, Гусъ проливаетъ слезы надъ Палечомъ, призываетъ милосердіе Божіе на грѣшника, промѣнявшаго душу свою на мірское величіе, и съ содроганіемъ отступаетъ отъ страшнаго его цѣлованія, подобнаго лобзанію Іуды. Мысль о Богѣ укрѣпляла его въ немощахъ духа и тѣла. «Богъ милосердый,» — писалъ онъ къ друзьямъ, — «то утѣшаетъ меня, то насылаетъ на меня спасительную скорбь; но я твердо увѣренъ, что Онъ всегда пребываетъ со мною въ печали» (2). Приближаясь къ празднику Пасхи, онъ убѣждаетъ друзей своихъ достойно приготовиться къ принятію Пречистыхъ Таинъ. Съ глубокою грустію воспоминаетъ о себѣ, что онъ давно уже лишенъ благодатнаго вкушенія Тѣла и Крови Христовыхъ; но утѣшается мыслію, что и Апостолы и мученики въ темницахъ и пустыняхъ также долго лишены были онаго (3). Все время своего заточенія въ монастырѣ онъ не переставалъ ласкать себя отрадной надеждой, что увидитъ своихъ Чешскихъ друзей, что Янъ изъ Хлума и Вячеславъ изъ Дубы выпросятъ позволеніе у вицекамерарія епископа повидаться

(1) «Graviorem consolatorem diebus vitæ meæ non reperi in infirmitate, quam Paletz.» — «Patet dolor meus ex parte Paletz» — «Nullus mihi plus nocet, quam Paletz; parcat sibi omnipotens Deus.» — «Paletz me jacentem in infirmitate coram multis salutavit salutatione horribilissima, quam postea dicam vobis. Ep. 52, 46, 54, 46.

(2) Ep. 51, 1, 73 на об.

(3) Ep. 50, 1, 73 на об.

съ нимъ въ темницѣ и поговорить хотя по Латини, въ присутствіи сторожей ([1]). Это чувство нелицемѣрной дружбы и святой благодарности провожаетъ его до гроба. Когда послѣдняя, роковая минута приближалась медленно, но неотразимо; когда въ сердцѣ его изсякла земная надежда: онъ жилъ только воспоминаніями, и онѣ имѣли для него невыразимую сладость. Съ какою заботливостію поручаетъ онъ попеченіямъ магистра Христанна изъ Прахатицъ Сарептскую вдовицу, Фиду, не побоявшуюся принять въ домъ свой безкровнаго и всѣми отверженнаго ([2])! Опасность друзей его смущаетъ его больше собственной участи. «Любезный магистръ!»—писалъ онъ къ Яну Кардиналу изъ Рейнштейна,—«будь осторожнѣе; ибо всѣ старинные друзья измѣнили. Я слышалъ отъ моихъ искусителей: «Есть нѣкто Іоаннъ Кардиналъ, который ставитъ папу съ кардиналами на одну доску, всѣхъ безъ различія зоветъ святокупцами.» Ради Бога! держись, какъ можно болѣе двора королевскаго, чтобы и тебя не постигла одинаковая участь со мною. Никто такъ не заботится о моей гибели, какъ Палечъ; онъ виновникъ всѣхъ моихъ бѣдствій. Онъ говоритъ, что всѣ, посѣщавшіе проповѣди мои, не вѣрятъ въ пресуществленіе, и настоятельно требуетъ, чтобъ всѣ наши приверженцы были вызваны для отреченія. Господинъ Янъ! попроси Короля отмѣнить этотъ вызовъ, хоть изъ состраданія къ наслѣдственной Державѣ своей, носимой розно иноплеменниками ([3]). Доктора изъ Есеницы, магистра Іеронима и другихъ Чеховъ удержите отъ пріѣзда сюда» ([4]). Долго не получая извѣстій отъ рыцаря Хлума, приходитъ въ сильное безпокойство. «Я слышалъ о тебѣ, другъ великодушный, что ты со всѣмъ своимъ семействомъ уѣхалъ надолго; но теперь снова утѣшилась душа моя. Благодарю за труды, которые безстрашно подъемлешь за несчастнаго узника. Кто знаетъ, можетъ быть, для того и дана тебѣ духовная сила больше другихъ; можетъ быть,

---

(1) Ep. 51, I, 74.
(2) Ep. 50, I, 73.
(3) Ep. 54, I, 75.
(4) Ep. 54, I. 74 на об.

для блага и временной и вѣчной жизни твоей, Богъ послалъ мнѣ тебя Ангеломъ хранителемъ.— Не сѣтуйте, друзья мои, что я вамъ дорого стою. Если Богъ выведетъ изъ темницы бѣднаго Гуса, вы не пожалѣете объ издержкахъ своихъ. Мужайся, благородный мой покровитель! Съ терпѣніемъ ожидай конца, какъ истинный воинъ Христовъ. Можетъ быть скоро!»—Не забываетъ и прочихъ: посылаетъ поклонъ Вячеславу изъ Дубы, Генриху изъ Хлума, Генриху изъ Плумлова, Цтибору Бочку и другимъ вѣрнымъ Чехамъ, которые крѣпко стоятъ за правду Божію на Констанцкомъ Соборѣ. «Кланяйтесь друзьямъ, но кланяйтесь осторожно, чтобъ враги не спросили: ««по чемъ вы знаете, что онъ посылаетъ вамъ поклонъ»» (1)? Въ ожиданіи присныхъ своихъ, бѣдный плѣнникъ, безъ книжныхъ занятій, тѣшился отъ скуки стихами, имъ сочиненными, стихами, которые дышатъ тою же вѣрою, тѣмъ же терпѣніемъ, какимъ проникнуты и письма его. Что касается этихъ послѣднихъ, то съ половины Генваря онъ писалъ ихъ гораздо рѣже; однако, писалъ, при содѣйствіи своихъ сторожей, которые за рюмку вина готовы были достать ему и перо и бумагу (2). Тутъ друзья его получали вымышленныя имена: Янъ изъ Хлума назывался Биберахскимъ докторомъ; Фида Сарептской вдовицей, Янъ Брадашка Желѣзной Бородой и т. п. Онъ сдружился съ темничнымъ стражемъ, Робертомъ, и, въ разныя времена своего заточенія, написалъ для него разсужденія о 10 заповѣдяхъ, о молитвѣ Господней, о любви и познаніи Бога, о бракѣ, о покаяніи, о трехъ врагахъ человѣка, о таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ (3). Вѣроятно, молитва была главною спутницею Гусовою въ его скорбномъ одиночествѣ; разумѣется, исповѣдь эта должна была остаться тайною сердца его. Долговременное заточеніе истощило и тѣлесныя силы; въ концѣ Генваря онъ снова сдѣлался боленъ: первые признаки каменной болѣзни, которой онъ никогда прежде не чувствовалъ, сильная рвота и лихорадка, довели его до

---

(1) Ep. 31, I, 73 на об., 74. Ep. 46, I. 72.

(2) «Custodibus in recessu pater vester dabit bibales pro honore vestro.»

(3) Ep. 51, I, 74.—Hist. Sanct. Mart. 7.

послѣдней степени изнеможенія. Сторожа ожидали смерти его и вывели его изъ темницы. Но Богъ снова воздвигъ страдальца съ одра болѣзни. Въ это время друзья, выдумывавшіе всѣ возможныя средства облегчить его участь, обѣщали прислать ему Библію. Онъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе и въ двухъ письмахъ сряду, напоминая имъ обѣщаніе, просилъ, какъ благодѣянія, пера и бумаги (1). Напрасно навѣдывался онъ о товарищахъ, объ Янѣ изъ Рейнштейна, Христаннѣ Прахатицкомъ. Поляки посѣщали темницу его; изъ Чеховъ почти ни одинъ человѣкъ не являлся. Наконецъ, онъ утѣшенъ былъ посѣщеніемъ многихъ друзей изъ своихъ соотечественниковъ. Увидавъ магистра Христанна, онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Это было свиданіе тайное, устроенное, вѣроятно, по милости стражей, безъ позволенія и вѣдома коммиссаровъ (въ концѣ Генваря) (2). Но въ исходѣ Марта, послѣ бѣгства папы, когда самому Собору угрожала опасность, и ему нѣкогда было слишкомъ много думать объ Гусѣ, Чешскіе вельможи воспользовались случаемъ, чтобъ видѣться съ плѣнникомъ. Христаннъ, Янъ изъ Есеницы, Генрихъ изъ Плумлова, Мошка, Вилемъ Заяцъ, Вячеславъ изъ Дубы, всѣ вмѣстѣ посѣтили его. Это свиданіе было трогательно; Вячеславъ зарыдалъ.... для полноты счастія Гусова недоставало только Яна изъ Хлума (3).

Недостойные поступки Собора съ знаменитымъ плѣнникомъ не могли остаться безъ возгласовъ со стороны его соотечественниковъ. Общее негодованіе огласило всю Чехію, какъ скоро она узнала о заточеніи Гуса. Три посланія, одно сильнѣе другаго, приходили къ Собору, и всякій разъ заставляли задумываться и Короля и епископовъ. Первое написано еще тономъ совершенной покорности, означено именами немногихъ, хотя и важнѣйшихъ, вельможъ государства и обращено къ Императору. «Мы, Ченекъ изъ Вартемберга, верховный Бургграфъ королевства, Бочекъ изъ

(1) Ep. 51, I, 73 на об.—Ep. 52, I, 74 —Ep. 53, I, 74 на об.

(2) Ep. 51, I, 73 на об.

(3) Ep. 55, I, 75. О мнимомъ бѣгствѣ Гуса, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1415 года, См. Lenfant, Hist. du C. de Const, p. 88—91, который критически опровергаетъ это нелѣпое обвиненіе Католиковъ.

Куништата и Подѣбрада, Вильгельмъ изъ Вартемберга, объявляемъ, что магистръ Янъ Гусъ, въ бытность нашу на общемъ Сеймѣ для разсужденія о важнѣйшихъ дѣлахъ королевства, посылалъ къ намъ письмо, въ которомъ просилъ насъ узнать у Конрада, архіепископа Пражскаго, находитъ ли онъ въ ученіи его что-либо несогласное съ истинной Вѣрой, обѣщая добровольно подвергнуться наказанію, если найдется; въ противномъ же случаѣ просилъ выдать ему свидѣтельство въ правовѣріи за своею печатію. Владыка объявилъ намъ на Сеймѣ, что онъ не знаетъ никакихъ заблужденій за Гусомъ. Къ чему многословить? Архіепископъ его оправдалъ; онъ и не думалъ никогда обвинять его. Иное дѣло: если папа находитъ магистра виновнымъ, то пусть же и отвѣчаетъ онъ папѣ.... И такъ мы просимъ тебя, Государь, велѣть вывести его изъ темницы на публичное засѣданіе Собора, позволить ему свободно говорить и защищать истину, прекращая разомъ всѣ ложныя обвиненія, наносящія только безславіе народу Чешскому. Надѣемся на тебя одного. Дано въ Прагѣ 1414 года, 8 Декабря.» Эта грамота была прямымъ отвѣтомъ на рѣшеніе кардиналовъ 28 Ноября, въ слѣдствіе котораго Гусъ заточенъ, какъ оподозрѣнный въ ереси внутри самой Чехіи. Въ этомъ дѣйствіи Собора вельможи подмѣтили тотчасъ туже самую несообразность, которая не ускользнула и отъ Гуса. «Кто же будетъ моимъ судьею,»—спрашивалъ Гусъ,«—когда ни Соборъ никогда не вызывалъ меня на судъ, ни я никогда не былъ обвиненъ предъ Соборомъ; а между тѣмъ Соборъ меня заточилъ, Соборъ назначилъ противъ меня своего прокуратора» (¹)? Выгораживая себя изъ участія въ осужденіи Гуса, отцы Собора достаточно обличали благородство своихъ побужденій, когда ссылались на свидѣтельство не лучшей половины народа, а горсти измѣнниковъ, изгнанныхъ изъ отечества. Черезъ два мѣсяца, передъ началомъ поста, около 10 Февраля 1415 года, является второе посланіе, въ которомъ громче раздаются требованія Чеховъ, хотя нѣтъ еще подозрѣнія въ нарушеніи даннаго слова самимъ Сигиз-

(1) Hist. et Mon. Hus, 75 на об., 76.—Ep. 49, I, 72 на об.

мундомъ. «Ты знаешь, Государь, говорятъ 9 вельможъ, подписавшихся подъ этою грамотою (Лачекъ изъ Краваржъ, Бочекъ изъ Подѣбрада, Эргардъ изъ Куништата или изъ Скалы, Вильгельмъ изъ Бернштейна, Янъ изъ Ломницы, Гамиша изъ Липы, Петръ изъ Краваржъ, Іодокъ изъ Позицы, Ольдрихъ изъ Главатца и прочіе паны Чехіи и Моравіи, собранные нынѣ въ Межирѣчьи); ты знаешь, что ученый нашъ богословъ, магистръ Янъ Гусъ, поѣхалъ на Констанцкій Соборъ оправдаться въ клеветѣ, возведенной на него и на весь Чешскій народъ. Онъ готовъ, отвѣчая свободно на всѣ возраженія, защитить и очистить себя и народъ свой отъ ложныхъ подозрѣній; онъ желаетъ оправдать ученіе свое предъ истинно вѣрующими, и всякое уклоненіе отъ чистоты Вѣры, въ немъ справедливо замѣченное, готовъ исправить согласно съ Св. Писаніемъ. Съ этою цѣлію онъ получилъ отъ тебя, Государь, опасную грамоту, обнародованную по всей Чехіи и Моравіи; не смотря на то, взятъ подъ стражу противъ всякихъ законовъ, и, невыслушанный, неуличенный, брошенъ въ темницу. Князья и вельможи, богатые и бѣдные, всѣ удивились, какъ святѣйшій отецъ осмѣлился обойти такъ постыдно точный смыслъ закона и нарушить королевскую грамоту, заточивъ безъ причины человѣка невиннаго и праведнаго. А потому, какъ царь справедливый и будущій властитель Чехіи, употреби свою власть на освобожденіе Гуса; дай ему возможность предстать на публичную аудіенцію Собора, и тамъ свободно защищать свою правду, какъ Богъ ему на сердце положитъ. Если же и послѣ того онъ будетъ уличенъ въ заблужденіяхъ, то да будетъ поступлено съ нимъ по закону. Но великія бѣдствія угрожаютъ всей Чехіи, если, сверхъ чаянія, нанесется вредъ человѣку невинному, охраняемому твоею опасною грамотою. Мы не хотимъ и думать, чтобы ты могъ допустить такое униженіе собственной власти. Это послужило бы для другихъ опаснымъ примѣромъ, какъ и теперь уже многіе соблазняются слухами. Но тебѣ стоитъ только захотѣть, и все будетъ къ лучшему, и получишь отъ людей безсмертную славу и отъ Бога великую награду (1).

(1) Hist. et Mon. Hus, I, 76.

Эта грамота нисколько не облегчила участи Гуса. 20 Марта совершилось событіе, имѣвшее сильное, хотя и не прямое, вліяніе на судьбу заключеннаго. Угрожаемый лишеніемъ престола и личной свободы на Констанцкомъ Соборѣ, который смѣло началъ разоблачать всѣ страшныя подробности его предшествующей жизни, Іоаннъ XXIII бѣжалъ въ городъ Шафгаузенъ, принадлежавшій Австрійскому герцогу, Фридриху, его покровителю; за нимъ послѣдовало большинство кардиналовъ Италіи. Изъ Шафгаузена онъ вызвалъ своихъ служителей, которымъ поручено было храненіе Гуса. Удаляясь, 24 Марта, въ Вербное Воскресенье, темничные стражи передали ключи отъ темницы Королю Сигизмунду и оставили городъ. Не смотря на то, Сигизмундъ не воспользовался удобнымъ случаемъ освободить заключеннаго, который находился теперь въ полной власти его, тѣмъ болѣе, что кардиналы и епископъ Констанцкій письменно отказались отъ всякаго участія въ дѣлѣ его. Была одна минута страшной неизвѣстности, когда Гусъ оставался одинъ въ тюрьмѣ своей, забытый всѣми, въ опасности умереть съ голоду. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній написано письмо его къ Чешскимъ вельможамъ, гдѣ онъ живо порицаетъ малодушіе и безчувственность Сигизмунда, и проситъ его или тотчасъ приставить къ нему собственную стражу, или въ тотъ же вечеръ выпустить его изъ темницы. Всего больше боялся онъ, чтобы начальникъ папскаго двора, проведшій этотъ день въ Доминиканскомъ монастырѣ, не захватилъ его ночью съ собою, и не повлекъ въ слѣдъ за развѣнчаннымъ Бальтазаромъ де Косса (2). Все послѣдующее налагаетъ пятно безславія на память Сигизмунда. Холодное, разсчитанное себялюбіе управляетъ каждымъ дѣйствіемъ міролюбца. По предварительномъ совѣщаніи съ отцами Собора, онъ отдаетъ плѣнника во власть Констанцкаго епископа, Оттона Гохберга, который потому уже былъ непріятелемъ Гуса, что онъ въ письмахъ своихъ такъ смѣло обличалъ его святокупство. Послѣдствія были ужасны для

(2) Ep. 56, I, 75.

Гуса. 28 Марта, въ середу, на Страстной недѣлѣ (1), ровно черезъ 4 мѣсяца послѣ своего заточенія, онъ, ночью, въ сопровожденіи 170 сторожей, на лодкѣ, перевезенъ въ близъ лежащій замокъ, Готлибенъ, на берегу Боденскаго Озера, и заключенъ въ высокую одинокую башню, днемъ закованный въ кандалы по ногамъ, ночью прикованный даже руками къ стѣнѣ. Въ этой ужасной темницѣ томился несчастный до послѣдняго мѣсяца жизни, отдѣленный отъ сообщества съ друзьями, лишенный послѣдняго утѣшенія христіанина—причащенія Пречистому Тѣлу и Крови Христовымъ, не имѣя даже насущнаго хлѣба (2).

Во весь Мартъ и Апрѣль дѣло Гуса не двигалось; Соборъ былъ исключительно занятъ низложеніемъ Папы. Только 6 Апрѣля Соборомъ назначена, для суда надъ Гусомъ, новая коммиссія изъ четырехъ членовъ: двухъ кардиналовъ, Петра Алльяко Камбрейскаго и Вильгельма Кордіанскаго, епископа Дольскаго и аббата Цистерціанскаго. 4 Мая, на осьмомъ засѣданіи, осуждены были статьи Виклефа. Это было приготовленіе къ осужденію самого Гуса, ибо признаны еретическими преимущественно тѣ положенія, въ которыхъ Гусъ сходился наиболѣе съ Виклефомъ: ученіе о духовенствѣ, о папѣ, о десятинахъ, о церковныхъ имѣніяхъ, объ отпускахъ или процахъ. Осужденіе ученія о причащеніи подъ обоими видами было еще болѣе прямымъ указаніемъ на Чехію. При этомъ случаѣ Лютомышльскій епископъ приписалъ Гусу сильное участіе въ распространеніи этого ученія. Въ отвѣтъ на это обвиненіе Чешскіе и Польскіе вельможи прислали въ третій разъ нѣсколько посланій, подписанныхъ членами, собранными въ Прагѣ, Бьрнѣ, и другихъ мѣстахъ. 13 Мая оно представлено было Собору отъ имени Чешскихъ и Польскихъ пановъ, случившихся тамъ, т. е., Поляками: Ганушемъ изъ Тулискова, Калишскимъ кастелляномъ, Завишей

---

(1) Hist Sanct. Mart. 7.... «usque ad diem Mercurii proximum ante festum Palmarum»... Конечно, должно быть: «post festum Palmarum,» ибо въ саму о недѣлю Вайй Гусъ еще находился въ прежней темницѣ.

(2) «Fame et siti angustiatus.... diæta levissima attenuatus..» Hist. Sanct. Mart. 7 на об.—P a l a c k y, G. v. Böhm. III, 1, Anm. 448.—Dějiny nár česk. III. 1, str. 177, pozn. 279.

Боротой, Довинымъ, Балицкимъ и проч., Чехами и Моравцами: Вячеславомъ изъ Дубы, Яномъ, Генрихомъ и Кунешомъ изъ Хлума, Потой изъ Ильбурга, Вячеславомъ Мышкой изъ Градка, Богуславомъ изъ Дупова, Скалой изъ Либеча и др. Переведенное по Латини, оно прочтено было въ полномъ засѣданіи Собора, въ Францисканскомъ монастырѣ, въ присутствіи депутатовъ всѣхъ четырехъ народовъ: Нѣмецкаго, Италіянскаго, Французскаго и Англійскаго, нотаріемъ Петромъ изъ Младеновицъ. «Въ прежнихъ письмахъ,»—говорили вельможи,—«изъявляли сожалѣніе наше о Гусѣ, мужѣ славномъ благочестіемъ и праведной жизнію, засвидѣтельствованной всею Чехіею и Моравіею. Обнесенный злыми клеветниками, онъ поѣхалъ въ Констанцъ и хотѣлъ предъ всѣми дать отчетъ въ своей Вѣрѣ. Но, вопреки всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, въ противность, всенародно данному, слову («contra fidem publicam»), онъ безъ суда поверженъ въ темницу. Не говоря уже о другихъ оскорбленіяхъ, не уже ли не видишь ты, Государь, до какой степени унижено твое достоинство, когда, предъ всѣми народами и племенами, нарушена неприкосновенность царскаго слова? Да и мы, Чехи, не мало сѣтуемъ объ униженіи твоей славы и нашей, какъ неразрывно связанныхъ; ибо тебѣ суждено наслѣдовать Чешскій престолъ. Мы надѣялись, что Гусу дозволено будетъ доказать невинность свою предъ лицемъ Собора, оградить себя отъ зависти и клеветы людей злонамѣренныхъ и оправдаться во всѣхъ ложныхъ обвиненіяхъ, или, по крайней мѣрѣ, что онъ всенародно подвергнется наставленію, а не будетъ жертвою скрытаго злодѣянія. Но, къ крайнему прискорбію, мы узнали противное. Сначала насъ поразила негодованіемъ вѣсть, что онъ, связанный, брошенъ въ темницу прежде, нежели выслушано было его оправданіе. Теперь же, послѣ бѣгства первосвященника, до насъ дошли слухи, еще болѣе возмутительные, что онъ Констанцкимъ епископомъ переведенъ въ другую темницу, и тамъ, подъ суровою и невыносимою стражею, изнемогая отъ голода, терпитъ недостойныя оскорбленія. Что можетъ быть выдумано ужаснѣе и противъ язычника?... Умоляемъ тебя, Государь, во славу Божію, во спасеніе твоей собственной чести и всего государства, не

допускай такого неслыханнаго насилія. Мы увѣрены, что ты, подвигнутый нашими просьбами, издашь повелѣніе, согласное съ правдою, достойное Государя благочестиваго и наслѣдника Чешскаго королевства» (1). Въ другомъ посланіи, отправленномъ къ Собору, повторяются тѣже смѣлыя истины, но съ значительными прибавленіями. «Во время Пизскаго Собора 1410 года,»—говорили вельможи,—«*еретики осужденные* проживали въ городѣ въ полной свободѣ и безопасно возвращались домой; а магистръ Янъ Гусъ, не уличенный, не осужденный, даже не выслушанный, заключенъ въ темницу, именно въ то время, когда еще не было въ Констанцѣ ни Короля, ни кого либо изъ курфирстовъ, ни даже представителей университетовъ. *И, не смотря на настойчивыя просьбы короля Сигизмунда*, чтобъ, въ силу выданной имъ опасной грамоты, изъ уваженія къ его собственной чести, Гусъ допущенъ былъ къ публичному допросу, Соборъ и не думаетъ удовлетворить его требованіямъ. Изнемогая въ тяжкой неволѣ, подверженный самымъ строгимъ лишеніямъ, что мудренаго, что онъ можетъ погибнуть голодною смертію? И вельможи Чешскіе, присутствующіе на Соборѣ, хотя не разъ подвергались суровымъ обвиненіямъ своихъ земляковъ, что они виною всему приключившемуся своею безпечностію, но доселѣ молчали, чтобы не производить на Соборѣ волненій. Наконецъ, дошло еще до нашего свѣдѣнія, что нѣкоторые доносители, враги и завистники чести нашей державы, объявили Собору, что Св. Дары разносятся по всей Чехіи въ сосудахъ неосвященныхъ, и что ремесленники принимаютъ исповѣдь и преподаютъ Евхаристію. Мы просимъ Соборъ и Королевское Величество не вѣрить ложнымъ доносамъ, а стараться изобличить клеветниковъ и строго призвать ихъ къ отвѣту».

Немедленно, по прочтеніи втораго посланія, встаетъ Лютомышльскій епископъ. «Святые отцы,»—говоритъ онъ,—«я понимаю: послѣдняя половина письма этого относится лично ко мнѣ и къ моимъ приближеннымъ. Меня обвиняютъ въ распространеніи худой молвы о Чешской державѣ. Я беру

(1) Hist. et Mon. Hus, I, 76 на об., 77.

на себя всю отвѣтственность, и только прошу извѣстнаго срока, чтобы принести предъ Соборомъ мое оправданіе». Этотъ срокъ для отвѣта какъ цѣлаго Собора, такъ въ особенности Іоанна Желѣзнаго на обвиненія Чеховъ, назначенъ къ 16 Мая. Епископъ дѣйствительно представилъ отвѣтъ, словесный ли, письменный ли, трудно рѣшить по разногласію источниковъ (1). Онъ прямо призналъ себя виновникомъ слуховъ, но отклонялъ отъ себя подозрѣніе въ посягательствѣ на славу народа, а выставлялъ себя, наоборотъ, ея ревностнымъ поборникомъ. «Всѣмъ извѣстно,»—говоритъ онъ,—«что въ недавнее время послѣдователи Виклефа ввели въ Чехію новый соблазнъ; что во всѣхъ городахъ и селеніяхъ міряне обоего пола принимаютъ Евхаристію подъ видами хлѣба и вина, и, проповѣдывая необходимость такого принятія, настаиваютъ на наказаніе священниковъ, оставшихся при древнемъ обычаѣ. Если такъ, то не имѣлъ ли я полнаго права сказать, что въ Чехіи, по слухамъ и частнымъ извѣстіямъ, до меня доходившимъ, Животворящая Кровь разносится въ неосвященныхъ сосудахъ? Ибо, если для спасенія, какъ они говорятъ, совершенно необходимо принятіе Евхаристіи подъ раздѣльными видами хлѣба и вина, то что же дивнаго, что Кровь Христова разносится съ мѣста на мѣсто въ сосудахъ, или другой какой либо утвари, такъ точно, какъ Тѣло Христово, въ особенности для причащенія болящихъ, хранится въ ковчежцахъ?» Отъ втораго обвиненія, будто ремесленники принимаютъ исповѣдь и продаютъ Таинство, Лютомышльскій епископъ отказался рѣшительно за себя и товарищей, прибавляя, однако же, что онъ не ручается за послѣдствія, если не будутъ приняты дѣятельныя мѣры для прекращенія ереси (2). На первую половину посланія Чеховъ отъ лица Собора отвѣчалъ Каркассонскій епископъ: 1) что честное слово Императора не нарушено заточеніемъ Гуса, потому что Собору извѣстно, что онъ

(1) По Палацкому, епископъ Лютомышльскій предложилъ свой отвѣтъ письменно, а епископъ Каркассонскій за Соборъ отвѣчалъ на словахъ. Gesch. v. Bœm. III, 1, S. 344. Dějiny nár. česk. str. 181.

(2) Hist. Sanct. Mart. 8. Этотъ отвѣтъ Петръ изъ Младеновицъ списалъ самъ со словъ епископа.

получилъ опасную грамоту не раньше, какъ черезъ 15 дней послѣ своего заключенія; 2) что Соборъ весьма удивляется дерзости Чеховъ, обвиняющихъ его въ заточеніи Гуса безъ суда и расправы, тогда какъ всему міру извѣстно, что, вызванный въ Римъ, онъ выслалъ только своихъ прокураторовъ, а по тому заочно отлученъ и преданъ проклятію. Далѣе, что онъ, будучи связанъ отлученіемъ папскимъ, осмѣлился проповѣдывать въ самомъ Констанцѣ, и по тому не есть уже простой еретикъ, а отходитъ въ число начальниковъ ересей (« princeps haereticorum »). 3) Относительно еретиковъ, будто бы пользовавшихся полной свободой на Пизскомъ Соборѣ, епископъ отзывался незнаніемъ, кого разумѣютъ подъ этимъ именемъ Чешскіе послы? Если папскихъ легатовъ, то въ этомъ видна только высокая терпимость Собора, который старался этой уступчивостію содѣйствовать умиренію Церкви; но исключеніе не можетъ быть общимъ закономъ. Во всякомъ случаѣ, для удовлетворенія ихъ требованіямъ, назначится Гусу публичный допросъ. Чехи потребовали двухдневнаго срока для отвѣта (1). На засѣданіи 18 Мая, на канунѣ Троицына дня, они, въ присутствіи представителей всѣхъ четырехъ народовъ, опровергаютъ по статьямъ отвѣты Собора. 1) Относительно грамоты, будто бы выданной Гусу уже послѣ его заточенія, отвѣчалъ Янъ изъ Хлума, какъ очевидецъ и главное дѣйствующее лице, что Соборъ оскорбляетъ честь канцеляріи Королевской, предполагая возможность умышленной подписи заднимъ числомъ; что въ самый первый день заточенія Гуса папа спрашивалъ у него (Хлума), въ присутствіи почти всѣхъ кардиналовъ: имѣетъ ли Гусъ охранную грамоту отъ Короля? и два раза получилъ отвѣтъ удовлетворительный; но что никто изъ нихъ не изъявилъ тогда желанія видѣть этого важнаго акта, не смотря на то, что онъ самъ, на другой и на третій день, протестуя противъ незаконности дѣйствія папы, показывалъ его многимъ лицамъ, чему свидѣтели — графы, епископы, дворяне, вое-

(1) Von der Hardt, IV, 209—210. — Lenfant, Hist. du Conc. de Const. II, p. 284.

начальники и именитые граждане города Констанца, которые всѣ видѣли его собственными глазами и знаютъ его содержаніе, — свидѣтели многіе курфирсты Нѣмецкіе и свѣтскіе владѣльцы, епископы и другія лица, присутствовавшія при выдачѣ грамоты самимъ Королемъ, которые знаютъ навѣрное время и мѣсто ея написанія. Что касается до втораго обвиненія въ томъ, что Гусъ проповѣдывалъ публично въ Констанцѣ, то онъ, рыцарь изъ Хлума, во все время гостившій у друга, вызывается, подъ любымъ наказаніемъ, доказать противное всякому, кто осмѣлился бы утверждать, что Янъ Гусъ ступилъ хотя шагъ изъ дому съ самаго пріѣзда до заточенія, а и подавно, что говорилъ всенародныя проповѣди. На счетъ личной неявки, по вызову Куріи при Александрѣ V, послы отвѣчали, что вызовъ въ Римъ извѣстенъ имъ только по слухамъ, что они часто слыхали отъ Короля Чешскаго и отъ самаго Гуса, что онъ непремѣнно повиновался бы вызову, если бы жизнь его не подвергалась опасности при переѣздѣ; что прокураторы, выставлявшіе законныя причины неявки, подверглись разнымъ обидамъ и даже темничному заключенію; что же касается отлученія папскаго, то упорное ослушаніе Гуса еще требуетъ доказательствъ, и онъ самъ постоянно аппеллировалъ отъ рѣшенія папы. Наконецъ, послы требовали, чтобы, въ отношеніи къ Гусу, Соборъ оказалъ ту же самую терпимость и благосклонность, какъ Пизскій Соборъ въ отношеніи къ папскимъ легатамъ, тѣмъ болѣе, что рѣшимость Гуса, непринужденно явиться предъ лицемъ представителей христіанства, имѣла цѣлію только благословенное единеніе Церкви и принятіе въ лоно церковное какъ его самого, такъ и всѣхъ его послѣдователей, составляющихъ большинство Чешскаго народа. За готовность допустить Гуса къ публичному допросу, послы изъявляли живѣйшую благодарность отъ имени вельможъ подписавшихся и всего королевства (¹).

Изъ всѣхъ этихъ актовъ не трудно понять, какую жалкую ролю игралъ здѣсь король Сигизмундъ, которому члены Собора не оставляли даже права протестовать противъ оскорб-

(1) Hist. Sanct. Mart. 8 на об., 9.

ленія, лично ему нанесеннаго, — отвѣчать отъ своего лица будущимъ подданнымъ. — По окончаніи продолжительнаго процесса Бальтазара де Косса, Соборъ занялся исключительно Гусомъ. Прибытіе, удаленіе и возвращеніе Іеронима Пражскаго, его первый допросъ 23 Мая, не мало содѣйствовали къ усиленію невыгоднаго мнѣнія о Гусѣ. Лютомышльскій епископъ, въ дѣлѣ о причащеніи подъ обоими видами, воспользовался удобнымъ случаемъ для увеличенія ненависти къ Гусу, а враги его, коммиссары, безсовѣстно искажали его сочиненія, извлекая еретическія статьи для публичной аудіенціи. Гусъ часто жалуется въ письмахъ, что они, безъ зазрѣнія совѣсти, уродовали не только слова, но и смыслъ его рѣчи; что онъ часто не могъ узнать своей собственной мысли, извращенной до непонятности въ устахъ противниковъ. Между тѣмъ послы Чешскіе, тщетно ожидая отвѣта на послѣднія свои замѣчанія, рѣшились представить Собору свидѣтельство Гуса, данное предъ цѣлою Чехіею, какъ въ Виѳлеемской часовнѣ, такъ преимущественно въ торжественномъ собраніи университета, 1 Сентября 1411 года, въ коллегіи Карла, въ присутствіи Симона изъ Тишновицъ, въ то время ректора, и всей коллегіи докторовъ и магистровъ, и засвидѣтельствованное публичнымъ нотаріемъ Михаиломъ изъ Прахатицъ и другими свидѣтелями. Здѣсь Гусъ утверждаетъ, что, желая выше всего славы Божіей и пользы Церкви, онъ ничего не защищаетъ упорно, что заведомо противно Евангельской истинѣ; что онъ готовъ положить свою голову за ученіе Іисуса Христа, получившее начало въ предвѣчномъ совѣтѣ Троичнаго Единства и благовѣщенное святыми людьми для спасенія рода человѣческаго; что онъ вѣритъ каждой буквѣ этого закона, въ томъ смыслѣ, въ какомъ повелѣла сама благословенная Троица. «Отсюда ясно, »—продолжали защитники Гуса,—«что онъ ничего не утверждаетъ противнаго Римской Церкви и Католической Вѣрѣ. Тѣмъ не менѣе его непріятели, для удовлетворенія своей ненависти, посадили его въ темницу, вымышляя противъ него статьи небывалыя, сокращая, или искажая, его сочиненія, не обращая вниманія на отвѣты и обвиненія Гуса, которыхъ, большею частію, они не хотятъ и слушать.»

Они умоляли отцевъ приложить стараніе къ освобожденію его, дать ему возможность оправдать себя и все Королевство, и доказать ложь и безстыдство своихъ обвиненій. Въ заключеніе, просили поручить его дѣло не личнымъ врагамъ его, а добросовѣстнымъ коммиссарамъ, или епископамъ, чтобы онъ, отдохнувъ хорошенько послѣ ужасовъ заточенія, могъ свободно отвѣчать на судѣ, и самихъ себя ставили порукамн въ томъ, что Гусъ, живя на свободѣ до окончанія дѣла, не сдѣлаетъ ни одной попытки бѣжать. Чтобы выставить въ полномъ свѣтѣ невинность и правовѣріе Гуса, они прибѣгли къ послѣднему средству, приводя свидѣтельство инквизитора Пражскаго, 1414 года.

По прочтеніи этого протеста, въ присутствіи депутатовъ четырехъ націй, 31 Мая 1415 года, патріархъ Антіохійскій, отъ лица всего Собора, отвѣчалъ немедленно на всѣ его статьи въ короткихъ словахъ: что правовѣріе Гуса достаточно объяснится изъ самаго дѣла его; что касается до поддѣльныхъ извлеченій, будто бы сдѣланныхъ изъ его сочиненій, то истина откроется также при допросѣ его, къ посрамленію клеветниковъ, если онъ окажется невиннымъ; наконецъ, что Соборъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять поручительствъ даже и тысячи лицъ, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, лишившемся всякой довѣренности. Въ заключеніе патріархъ объявилъ, что Гусъ приведется къ допросу 5 Іюня, и ему дадутъ позволеніе говорить съ полной свободой, а выслушаютъ его съ любовію и кротостію. А такъ какъ Король не присутствовалъ при этомъ собраніи и не слыхалъ чтенія доклада Чешскихъ вельможъ, то они въ тотъ же день и представили его съ просьбою употребить свое посредничество въ дѣлѣ освобожденія Гуса (¹). Отвѣтъ Сигизмунда остался тайною; конечно, нечистая совѣсть налагала молчаніе на уста его.

---

(1) Hist. Sanct. Mart. 9 на об.—12. Двѣ протестаціи Гуса, довольно сходныя содержаніемъ, сведены въ одну, для избѣжанія лишнихъ повтореній.—Lenfant ошибочно приводитъ при этомъ случаѣ письмо Хлума, 47-е, которое уже по тому не относится къ этому засѣданію Собора, что Король на немъ не присутствовалъ, между тѣмъ какъ письмо начинается тѣмъ, что Король былъ вычера въ полномъ засѣданіи Собора. Въ ту же ошибку впадаетъ и Ашбахъ, Gesch. Sigmunds, II, 108, прим. 24.

5 Іюня Гусъ переведенъ изъ Готлибена въ Констанцъ, въ монастырь Францисканскій, гдѣ и оставался до самой смерти. Два мѣсяца съ половиной, проведенные имъ въ Готлибенскомъ замкѣ, покрыты для насъ непроницаемой завѣсой. Нѣтъ ни одного письма Гусова отъ 25 Марта до начала Іюня. Одно воспоминаніе сохранилось отъ этого времени: заточеніе бывшаго папы рядомъ съ Гусомъ въ одной съ нимъ темницѣ. Провидѣніе, въ Своихъ неисповѣдимыхъ судьбахъ, равняло двухъ человѣкъ, вѣчнаго гонителя — и постоянную жертву; и изъ той же темницы невинный долженъ былъ выйти на смерть, а преступникъ возвыситься снова къ мірскому величію. Судьба Іоанна XXIII, безъ сомнѣнія, была назидательна для Гуса, и укрѣпила его чистую Вѣру. «Учитесь, друзья мои,»—писалъ онъ изъ темницы, вѣроятно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого событія,—«учитесь изъ примѣра духовныхъ, называющихъ себя истинными намѣстниками Іисуса Христа и Апостоловъ, величающихъ себя Соборомъ непогрѣшительнымъ, и, однако, такъ сильно погрѣшившихъ, когда они кланялись Іоанну XXIII, преклоняя колѣна, цѣловали ноги его, называли святѣйшимъ отцемъ, его, отъявленнаго еретика и убійцу, развратника и святокупца. Отвѣчайте на это вы, Станиславъ Зноимскій, Палечъ и другіе магистры, разглашавшіе нѣкогда, что папа— богъ земной; что онъ имѣетъ право продавать святыню, какъ увѣряли законники; что онъ глава св. Церкви, управляющій ею безгрѣшно; что онъ сердце ея, животворящее ее духовно; источникъ присно текущій, откуда вскипаетъ всякая добродѣтель и правда; что онъ солнце Церкви святой; что онъ самое надежное прибѣжище всякой души христіанской. И вотъ — глава посѣчена мечемъ, богъ земной связанъ, грѣхи его разглашены, источникъ изсякъ, солнце затмилось, сердце извлечено и повержено! И стоитъ всемірное христіанство безъ папы, человѣка плотскаго, управляемое одной Главою Церкви, Іисусомъ Христомъ, Кормчимъ премудрымъ, направляющимъ ее ко благу; животворящимъ сердцемъ, дарующимъ жизнь благодати; источникомъ неизсякаемымъ, орошающимъ ее семью дарами Духа Святаго; ложемъ, въ которомъ текутъ ручьи благодати; прибѣжищемъ

неоскуднымъ, къ которому обращаюсь и я, недостойный, въ твердой надеждѣ, что Онъ управитъ, оживотворитъ и упасетъ душу мою; что, избавивъ меня отъ грѣховъ и отъ бремени временной жизни, воздастъ мнѣ безконечную радость» ([1]).

5 Іюня кардиналы, прелаты и все духовенство, какое только было въ Констанцѣ, собравшись въ монастырь Францисканцевъ, разсудили за благо, не допуская еще Гуса къ собранію, разсмотрѣть, въ отсутствіи его, показанія свидѣтелей и прочесть положенія, извлеченныя изъ книгъ его. Одинъ Чехъ, котораго имя, къ сожалѣнію, не дошло до насъ, стоявшій за чтецомъ, увидѣлъ на той же бумагѣ готовый и подписанный приговоръ Гуса. Онъ тотчасъ сообщилъ это Гусову другу, присутствовавшему на засѣданіи, нотарію Петру изъ Младеновицъ, который немедленно донесъ о томъ Яну изъ Хлума и Вячеславу изъ Дубы, а они Сигизмунду ([2]). Король, чрезъ пфальцграфа Баварскаго, курфирста Людовика, и бургграфа Нюренбергскаго, запретилъ кардиналамъ произносить какой бы то ни было приговоръ, не выслушавъ обвиненнаго совершенно безстрастно, и приказывалъ, кромѣ того, всѣ статьи, найденныя ими еретическими, переслать къ нему, ибо онъ намѣренъ сдать ихъ на разсмотрѣніе людей знающихъ и благонамѣренныхъ. Это послѣднее требованіе, по свидѣтельству Теобальда, было единогласно отвергнуто. Только Чешскіе паны Дуба и Хлумъ, представили посламъ королевскимъ, палатину и бургграфу, списки сочиненій Гуса, откуда извлечены были обвинительныя статьи, для врученія ихъ начальникамъ Собора, съ тѣмъ, чтобы они возвращены были по требованію подателей. Эта оговорка имѣла цѣлію обличеніе противниковъ, извлекавшихъ положенія въ смыслѣ превратномъ. Князья вручили книги Собору и удалились по прибытіи Гуса.

Когда Гусъ приведенъ былъ къ допросу, ему представили сочиненія его: онъ предъ всѣмъ Соборомъ епископовъ призналъ ихъ своими и изъявилъ готовность исправить ихъ,

---

(1) Ep. 13, I, 61 на об.—Ep. 19, 73 на об.

(2) Изъ донесенія Петра изъ Младеновицъ у Палацкаго, III, 347, прим. 457. Dějiny nár. česk. str. 184, pozn. 288.

если въ нихъ заключаются какія либо ереси. Началось чтеніе статей и свидѣтельствъ. Гусъ собирался отвѣчать на первую; оглушительные вопли, раздавшіеся по всему собранію, покрыли голосъ его. «Смятеніе и безпорядокъ были такъ велики,»—говоритъ Петръ изъ Младеновицъ,—«что по неволѣ сказалъ бы: «Это дикіе звѣри, а не ученые мужи, сошедшіеся для разсужденія о великихъ и важныхъ предметахъ.» Всѣ доказательства, приводимыя Гусомъ изъ Св. Писанія и учителей Церкви, отвергались какъ недостаточныя; со всѣхъ сторонъ раздавались ругательства и насмѣшки. Побѣжденный неистовствомъ криковъ, и видя, что отвѣтами не много выиграешь, онъ рѣшился молчать. Тогда все собраніе заревѣло въ одинъ голосъ: «Видите ли, онъ молчитъ: вѣрный знакъ, что онъ самъ сознается въ своихъ заблужденіяхъ!» Наконецъ, умѣренные члены рѣшились прекратить безпорядокъ; они потребовали закрытія засѣданія. Совѣщаніе отложено до 7 Іюня и Гусъ отпущенъ въ темницу. «И этотъ-то Соборъ,»—взываетъ онъ съ глубокимъ презрѣніемъ,—«этотъ Соборъ произнесъ осужденіе на папу Іоанна XXIII! Что было бы, если бъ Богъ внезапно явился на немъ, и сказалъ бы: «Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть броситъ камень въ папу Іоанна, не всѣ ли вышли бы одинъ за другимъ? Отъ чего же, до паденія папы, они обнимали колѣна его, цѣловали ноги его, величали святѣйшимъ? Отъ чего выбрали его въ первосвященники, зная, что онъ отравилъ своего благодѣтеля? Отъ чего позволили ему торговать духовными должностями, когда онъ былъ уже папой? Отъ чего прежде бѣгства его изъ Констанца никто не осмѣлился сдѣлать ему ни малѣйшаго упрека? И только, когда гражданская власть, попущеніемъ, или особеннымъ Промысломъ Божіимъ, наложила на него руки, тогда только они сговорились и предали его осужденію смерти. О всеконечно, нечестіе и неправда Антихриста открываются въ папѣ и другихъ беззаконныхъ членахъ Собора! Теперь-то вѣрные рабы Божіи могутъ понять, что значатъ слова Спасителя: «Егда убо узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ (Матѳ. XXIV, 15.) (1).

(1) Hist. Sanct. Mart. 12.—Ep. 13, 61 на об.

Сигизмунда не было на первой аудіенціи. Она закрылась подъ громомъ ругательствъ и шумными криками присутствующаго духовенства. Друзья Гуса, упрашивая Короля присутствовать лично на второмъ засѣданіи, поступили согласно съ желаніемъ Гуса, который, еще изъ Доминиканской темницы, писалъ имъ: « Если дадутъ мнѣ аудіенцію, то постарайтесь, чтобы Король присутствовалъ и чтобы мнѣ назначено было мѣсто подлѣ него, чтобъ онъ могъ хорошо слышать и понимать меня. Постарайтесь и сами быть и послушать, что Господь Іисусъ Христосъ, мой заступникъ и милосердый Судья, вложитъ въ уста мои.» — 7 Іюня, въ четвергъ, въ осьмомъ часу утра, послѣ захожденія солнца, духовенство собралось опять въ монастырь Францисканскій, и Гусъ приведенъ для слушанія подъ прикрытіемъ многочисленной стражи. Сигизмундъ явился въ сопровожденіи Чешскихъ вельможъ и нотарія Петра изъ Младеновицъ. Михаилъ de Causis немедленно прочелъ обвиненіе: « Янъ Гусъ въ Виѳлеемской часовнѣ и въ другихъ мѣстахъ Праги проповѣдывалъ народу множество заблужденій, какъ собственныхъ, такъ и Виклефовыхъ, и защищаетъ ихъ съ величайшимъ упорствомъ. Во первыхъ: онъ учитъ, что, по освященіи хлѣба и произнесеніи таинственныхъ словъ на трапезѣ Господней, остается вещественный хлѣбъ, чему свидѣтелями Янъ Протива, священникъ у Свят. Климента въ Прагѣ; Янъ Пекло, Пражскій проповѣдникъ у Свят. Эгидія; Бенешъ, проповѣдникъ въ Пражской крѣпости; Андрей изъ Брода, Пражскій каноникъ и другіе духовные.» Гусъ отвѣчалъ: «Призываю Бога въ свидѣтели, что я никогда не училъ этого; сознаюсь въ одномъ только: когда Пражскій архіепископъ запретилъ называть хлѣбомъ Животворящія Тайны Христовы, я не могъ одобрить его повелѣнія, ибо Самъ Христосъ въ Евангеліи отъ Іоанна (VI гл.) 11 разъ называетъ Себя хлѣбомъ ангельскимъ, сошедшимъ съ неба для того, чтобы дать животъ міру; но я никогда не разумѣлъ подъ этимъ названіемъ хлѣба вещественнаго.»

Тогда кардиналъ Камбрейскій, держа въ рукахъ бумагу, полученную имъ на канунѣ отъ какого-то магистра, спросилъ: « Янъ Гусъ! допускаешь ли «universalia a parte rei,»

другими словами: признаешь ли одинаковость отвлеченныхъ понятій по сущности съ вещественнымъ знакомъ ихъ въ мірѣ явленій?» Гусъ отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на Ансельма и другихъ учителей Церкви. Это была главная аксіома школы реалистовъ, къ которой принадлежалъ реформаторъ. «Если такъ,»—возразилъ кардиналъ,—«то ясно, что, по освященіи хлѣба, онъ все же остается вещественнымъ, и я берусь доказать это. Когда освященіе совершилось, и хлѣбъ, какъ ты говоришь, преложился и пресуществился въ тѣло Христово, то необходимо одно изъ двухъ: или онъ сохраняетъ сущность хлѣба вещественнаго, или теряетъ ее. Если первое, то положеніе твое справедливо; если второе, то, съ уничтоженіемъ символа, уничтожается и самая сущность.» Гусъ съ достоинствамъ отвѣчалъ на этотъ софизмъ: «Пресуществленіе есть чудо,»—сказалъ онъ;—«оно не подводится подъ законы естественные.» Кардиналъ замолчалъ; славный «malleus haereticorum» устыдился своего возраженія (¹).

Какой-то Англійскій докторъ повторилъ доказательство, настаивая на его справедливость. Гусъ не удостоилъ его отвѣта: «Возраженіе ребяческое,»— сказалъ онъ съ презрѣніемъ;—«всякой школьникъ въ состояніи на него отвѣчать».

Другой Англичанинъ доказывалъ, что сущность хлѣба вещественнаго должна оставаться, потому что образъ хлѣба не исчезаетъ.—«Разумѣется, не исчезаетъ,»—отвѣчалъ Гусъ;—«но самый хлѣбъ, въ силу таинственнаго пресуществленія, перестаетъ быть вещественнымъ.»

Третій Англійскій докторъ, одинъ изъ 50 коммиссаровъ и заклятыхъ враговъ Виклефа, предложилъ Гусу другое сомнѣніе относительно преложенія хлѣба:—«Какимъ образомъ, при дробленіи его на многія частицы, онъ можетъ сохранить сущность тѣла Христова? Или тѣло Христово вмѣстѣ съ хлѣбомъ дробится на части?»—«Истинно, дѣйствительно и всецѣло (vere, realiter et totaliter),»—отвѣчалъ Гусъ,—«присутствуетъ въ таинствѣ Евхаристіи то самое тѣло Хри-

(1) «Quamvis reputaretur doctor Theologiæ valentissimus.... tamen notabiliter ad metam nescientiæ argumenti reductus, obmutuit.» Ep. 15, 62 на обор.

стово, которое родилось отъ Дѣвы Маріи, страдало, распято, воскресло и сѣдитъ одесную Бога Отца Всемогущаго.» — «Хитрая увертка,» — сказалъ возражатель; — «на словахъ и Виклефъ дѣлалъ тѣ же уступки, а на дѣлѣ отвергалъ пресуществленіе и даже толковалъ въ свою пользу постановленіе Латеранскаго Собора, утвердившее этотъ догматъ. Берегитесь, святые отцы, онъ васъ обманываетъ; помните ли, какъ хитро Беренгаръ провелъ нѣкогда цѣлый Соборъ?» — «Я говорю откровенно и отъ чистаго сердца,» — отвѣчалъ Гусъ. — Въ это время въ толпѣ раздался новый голосъ, повторявшій возраженіе кардинала Алльяко; но неистовые крики толпы покрывали его. Гусъ, обращаясь къ собранію, просилъ его замолчать, и, обернувшись въ ту сторону, откуда слышался голосъ: «Возражай громче!» — сказалъ онъ. — «Я готовъ отвѣчать тебѣ.» Такой неожиданный вызовъ смутилъ до крайности возражателя. Онъ отвѣчалъ только съ видомъ неудовольствія: «Что и говорить! Это ересь.» — Безпорядокъ сдѣлался общимъ: повторились подробности перваго слушанія. «Какіе вопли, какія ругательства, какія хулы и насмѣшки раздавались противъ меня на всѣхъ концахъ этого собранія,» — писалъ Гусъ, — «то знаютъ Вячеславъ изъ Дубы, Янъ изъ Хлума и Петръ, его нотарій, постоянные поборники истины Божіей.» — Наконецъ Императоръ наложилъ молчаніе знакомъ. Когда дикіе вопли смѣнились торжественной тишиной, Янъ Гусъ, окинувъ величественнымъ взглядомъ собраніе, произнесъ громко достопамятное слово: «Я надѣялся на этомъ Соборѣ найти болѣе порядка, благочестія и благоговѣнія.» — «Такъ ли ты говоришь теперь?» — возразилъ ему съ гнѣвомъ униженный кардиналъ-предсѣдатель, Петръ Алльяко. — «Въ Готлибенскомъ замкѣ рѣчи твои были скромнѣе.» — «По тому,» — отвѣчалъ Гусъ, — «что въ темницѣ я не слыхалъ такихъ отчаянныхъ воплей.» — «И въ самомъ дѣлѣ,» — воскликнулъ второй возражатель; — «къ чему это праздное разглагольствіе объ общихъ идеяхъ («de universalibus), которое вовсе не относится къ Вѣрѣ? Мнѣ кажется, мнѣніе Гуса о пресуществленіи совершенно согласно съ истинной Вѣрой» (1).

---

(1) Всѣ подробности этой драматической сцены заимствованы изъ собствен-

«Пусть такъ,»—возразилъ Англичанинъ Іоаннъ Стокесъ;—«но я видѣлъ въ Прагѣ разсужденіе Гуса, въ которомъ онъ именно говоритъ, что хлѣбъ по освященіи остается вещественнымъ.»—«Съ позволенія вашего («salva reverentia»), это неправда,»—отвѣчалъ Гусъ.

Обратились къ показаніямъ частныхъ свидѣтелей. Между прочимъ Протива, Пражскій священникъ, свидѣтельствовалъ подъ клятвою, что Гусъ непочтительно отзывался о Свят. Григоріи. «Недостойная ложь,»—возразилъ Гусъ съ негодованіемъ.—«Я всегда считалъ Свят. Григорія однимъ изъ великихъ учителей Церкви».

Когда пренія нѣсколько утихли, кардиналъ Флорентійскій, Францискъ Забарелла, обратился къ Гусу съ такими словами: «Магистръ, ты знаешь слово Евангельское, что въ устахъ двухъ или трехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Ты видишь, около 20 человѣкъ докторовъ и другихъ людей уважительныхъ свидѣтельствуютъ противъ тебя. Изъ нихъ одни по наслышкѣ, другіе по собственному опыту, слагаютъ свои показанія. Свидѣтельства же свои они подкрѣпляютъ такими несомнѣнными доводами, что мы, по неволѣ, должны имъ вѣрить. Какимъ образомъ опровергнешь такихъ непорочныхъ и праведныхъ мужей? я не знаю».

Гусъ отвѣчалъ. «Когда Богъ мнѣ свидѣтель и совѣсть, что я возводимымъ на меня обвиненіямъ ни въ чемъ не причастенъ; когда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову, гдѣ найду я праведный судъ, что скажу въ свое оправданіе? Не каждое ли слово мое послужитъ мнѣ въ осужденіе? Но живъ Богъ и душа моя; если бы еще столько возстало на меня лжесвидѣтелей, я все же свидѣтельство

наго показанія Гуса. Ep. 12, 60 на об.—Ep. 15, 62 на об. Палацкій, Флате и Бонишовъ ошибочно относятъ это послѣднее къ первой аудіенціи. Ихъ ввели въ заблужденіе слова Гуса: «*cum primum* coram Concilio stetissem.» Но это относится не къ числовому означенію порядка аудіенцій, а, вѣроятно, обозначаетъ *начало* допроса. Притомъ Гусъ могъ смѣшать и числа, потому что вовсе не имѣлъ въ виду хронологической точности, а только подробности самаго допроса. Свидѣтельство Петра изъ Младеновицъ не подвержено никакому сомнѣнію. 15 письмо Гуса, заключающее въ себѣ эти подробности, есть очевидно дополненіе къ біографіи Гуса Младеновицемъ. Hist. Sanct. Mart. 12 на об.

Господа и моей совѣсти поставилъ бы выше обвиненій враговъ моихъ».

«Твоя совѣсть не мѣрило правды,»—возразилъ кардиналъ.— «Мы должны полагаться на твердые и осязательные доводы свидѣтелей. Они не клевещутъ изъ личной вражды, или ненависти, а приводятъ несомнѣнныя доказательства въ подкрѣпленіе своихъ показаній. Ты имѣешь подозрѣніе на Стефана Палеча, что онъ въ смыслѣ превратномъ извлекалъ положенія изъ книгъ твоихъ; а мнѣ кажется, что онъ еще очень милостиво и благосклонно поступилъ съ тобой, умѣряя рѣзкія выраженія, извлекая ихъ съ большими ограниченіями противъ подлинника. Подозрѣнія твои простираются и на прочихъ свидѣтелей. Ты не пощадилъ даже Парижскаго канцлера; между тѣмъ всему міру извѣстно, что другаго Жерсона нѣтъ во всемъ Христіанствѣ.»

Отвѣтъ Гуса не приведенъ въ Соборныхъ Дѣяніяхъ; но въ письмахъ его мы читаемъ: «Мнѣ бы очень хотѣлось написать возраженіе на ложь Парижскаго канцлера, который не устыдился, противъ правды и совѣсти, въ присутствіи столькихъ свидѣтелей, наложить на брата осужденіе ложное. Но пусть лучше Самъ Богъ предупредитъ эту прю моею, или его, смертію. Онъ лучше разсудитъ насъ на страшномъ судѣ, и желѣзными буквами напишетъ свой приговоръ» (1).

За тѣмъ прочтена была другая обвинительная статья— что Гусъ проповѣдывалъ и упорно защищалъ въ Чехіи ложныя положенія Виклефа. Гусъ отвѣчалъ, что онъ «не распространялъ ни чьихъ заблужденій, ни Виклефа, ни другаго кого либо. А проповѣдывалъ ли Виклефъ какія нибудь ереси въ Англіи,—это мѣстный вопросъ, и рѣшеніе его предоставимъ его землякамъ». Ему возразили на это, что онъ противился осужденію 45 статей, сдѣланному предварительно на Римскомъ Соборѣ, потомъ въ Прагѣ, на совѣщаніи архіепископа Сбинка съ учеными богословами, объявилъ, что совѣсть претитъ ему согласиться на осужденіе преимущественно двухъ положеніи: 1) что папа Сильверстъ и царь Константинъ поступили неправильно, утверждая за Церковію свѣт-

(1) Ep. 50, 73 на об.—Ep. 51, 73 на об., 74.

скую власть, и 2) что папа и всякій священникъ, обрѣтаясь въ смертномъ грѣхѣ, не можетъ ни освящать, ни крестить.—«Послѣднюю статью,»—прервалъ Гусъ,—«я защищалъ съ ограниченіемъ. Я говорилъ только, что такой священникъ недостойно крещаетъ и освящаетъ, какъ недостойный служитель таинъ Божіихъ».

«Нѣтъ,»—возразили свидѣтели,—«положеніе Виклефа безъ всякаго ограниченія читается въ твоей книгѣ, противъ Стефана Палеча.»—«Я сказалъ правду,»—отвѣчалъ Гусъ,—«и готовъ поручиться за нее головой.»—Разскрыли книгу, и нашли по словамъ его.—«Потому-то,»—прибавилъ онъ,—«я и не могъ согласиться на осужденіе статьи, что десятины суть чистая милостыня.»

«Кстати о десятинахъ,»—сказалъ Забарелла.—«Милостыня предполагаетъ, какъ необходимое условіе, подаяніе свободное, безъ обязательства и принужденія. Десятины не даются свободно, а по обязанности; слѣдственно, онѣ не могутъ быть милостыня.»—«Отрицаю большую посылку,»—отвѣчалъ Гусъ;—«богатые, подъ опасеніемъ вѣчнаго осужденія, обязываются къ исполненію шести дѣлъ Христіанскаго милосердія. Эти дѣла суть милостыни. Слѣдовательно, и милостыни даются по долгу и обязанности.»—«А какъ же,»—прервалъ его Англійскій архіепископъ,—«если мы обязываемся къ шести дѣламъ милосердія, то слѣдуетъ, что бѣдные, лишенные средствъ подаянія, подпадутъ осужденію.»—«Я говорилъ не о всѣхъ, а только о богатыхъ и имѣющихъ средства совершать дѣла милосердія,»—отвѣчалъ Гусъ, и, снова обращаясь къ кардиналу: «Постараюсь,»—сказалъ онъ,—«опровергнуть и меньшую посылку. Извѣстно, что десятины сперва давались свободно, потомъ получили законную силу...... Кардиналы не дали ему докончить; продолженіе могло быть опаснымъ.—Въ дальнѣйшемъ своемъ оправданіи Гусъ изложилъ въ подробности исторію сожженія книгъ Виклефовыхъ, со всѣми предшествующими обстоятельствами и ближайшими послѣдствіями. Когда дѣло дошло до его аппелляціи, кардиналы спросили: имѣлъ ли онъ разрѣшеніе отъ Римскаго первосвященника? Гусъ отвѣчалъ отрицательно. На второй вопросъ: позволено ли отдавать себя на судъ (аппеллировать) Іисусу Христу?

отвѣчалъ: конечно. Я, съ своей стороны, утверждаю всенародно и во всеуслышаніе, что нѣтъ справедливѣе, нѣтъ и дѣйствительнѣе, жалобы на неправедный судъ (аппелляціи), какъ къ судищу Христову. Сущность аппелляціи состоитъ въ томъ, чтобы отъ пристрастнаго рѣшенія низшаго просить заступничества высшаго судьи. А кто же выше Христа? Кто совершеннѣе обсудитъ справедливость тяжбы, какъ не верховный Судья, недоступный ни обольщенію, ни лукавству? Кому легче протянуть руку помощи гонимому и страждущему, какъ не Богу Всемогущему?» При этихъ словахъ громкій смѣхъ огласилъ собраніе: смѣхъ отрицательный, смѣхъ гнѣва и смущенія пробудившейся совѣсти.

За тѣмъ предложено другое обвиненіе: будто бы Гусъ, для обольщенія простаго народа, придумалъ басню, что въ Англіи, во время торжественнаго съѣзда въ какую-то церковь докторовъ и монаховъ для пренія съ Виклефомъ, громъ ударилъ внезапно въ двери храма, и гонители его съ трудомъ спаслись отъ смерти. По этому случаю онъ будто сказалъ, что желаетъ быть нѣкогда тамъ, гдѣ находится душа Виклефа. Гусъ отвѣчалъ, что, за 12 лѣтъ, когда богословскія сочиненія Виклефа еще не были извѣстны въ Чехіи, онъ съ наслажденіемъ читалъ его философскія творенія; что, зная его безукоризненную жизнь, онъ выразился объ немъ такимъ образомъ: «Я надѣюсь, что Виклефъ спасется. И хотя я не могу поручиться за его спасеніе, однако, желалъ бы, чтобы душа моя была тамъ, гдѣ находится Виклефъ.» И этѣ слова покрыты были смѣхомъ всего собранія.

Прочтено было еще обвиненіе: будто Гусъ совѣтовалъ народу, по примѣру Моисея, силою оружія смирять противниковъ его ученія, и что на другой день найдены были въ Прагѣ публичныя вывѣски, въ которыхъ всякому вмѣнялось въ обязанность опоясаться мечемъ и не щадить братней крови.—Гусъ отрекся отъ этихъ словъ. «Правда,»—сказалъ онъ,— «что, объясняя посланіе св. Павла къ Ефесеямъ, я убѣждалъ своихъ слушателей вооружиться мечемъ духовнымъ и шлемомъ спасенія для защиты Евангельской истины; но, предвидя ложное толкованіе словъ моихъ, я нарочно

прибавилъ, что говорю не о вещественномъ оружіи, а о мечѣ духовномъ, иже есть глаголъ Божій. Что касается до публичныхъ вывѣсокъ и меча Моисеева, то я не имѣю объ этомъ никакого понятія.

Послѣднее обвиненіе заключалось въ томъ, что ученіе Гуса произвело много соблазновъ въ народѣ: 1) посѣяло вражду между свѣтскимъ и духовнымъ сословіемъ, и подвергло епископовъ и все духовенство гоненію и неправедному похищенію собственности; 2) было главной причиной распаденія университета.

«Я не виноватъ ни въ томъ, ни въ другомъ,»—отвѣчалъ Гусъ,—«ибо первое разъединеніе обоихъ сословій въ нашемъ отечествѣ началось такимъ образомъ: папа Григорій XII-й, при избраніи своемъ, обѣщалъ кардиналамъ, что онъ отречется отъ престола епископскаго по первому ихъ требованію. Онъ противъ Чешскаго короля, Вячеслава, который былъ въ то время и Нѣмецкимъ, даровалъ императорскій титулъ Людовику, Баварскому герцогу. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда Григорій XII-й отказался исполнить свое обязательство, коллегія кардиналовъ просила письменно короля Чешскаго вмѣстѣ съ нею отказать ему въ повиновеніи, лаская его надеждою, что, при содѣйствіи новаго папы, онъ можетъ возвратить себѣ санъ императорскій. Подвигнутый этимъ совѣтомъ, Король объявилъ себя невмѣшивающимся, обѣщая не признавать ни Григорія, ни Авиньонскаго папы, Бенедикта XII-го. Архіепископъ Сбинекъ со всѣмъ духовенствомъ противился Королю, и многіе священники, отказываясь отъ богослуженія, оставили городъ. Когда же самъ Сбинекъ ограбилъ раку св. Вячеслава и сжегъ сочиненія Виклефа, противъ воли Короля, то послѣдній безъ затрудненія допустилъ похищеніе собственности у непокорныхъ священниковъ. Въ этихъ отношеніяхъ я не участвовалъ.»

«Это было не такъ,»—возразилъ какой-то Назонъ.—«Отнятіе имуществъ было не слѣдствіемъ, а причиной удаленія священниковъ и началомъ гоненія.»—«И то правда,»—прибавилъ Камбрейскій.—«Я былъ въ это время въ числѣ коммиссаровъ; выѣзжая изъ Рима, я встрѣчаю нежданно нѣсколько Чешскихъ прелатовъ. Что новаго въ вашемъ отечествѣ?»—спросилъ я.

—«Самое страшное злоупотребленіе,» — отвѣчали они съ негодованіемъ.—«Все духовенство лишено своей собственности и терпитъ недостойныя оскорбленія.»—«Я не оспариваю истины этого событія,»—возразилъ обвиненный,—«но еще разъ отрекаюсь отъ всякаго участія въономъ, а также и въ удаленіи народа Нѣмецкаго изъ университета. Король Вячеславъ поступилъ совершенно по завѣщанію его основателя, когда утвердилъ за Чехами право трехъ голосовъ, а Нѣмцамъ оставилъ четвертый. Это было законно, и не сами ли Нѣмцы обязались, подъ клятвой и тяжелой денежной пеней, никогда не возвращаться въ Пражскую школу? Съ своей стороны я не могъ не одобрить распоряженія моего Государя, которому я обязанъ былъ повиновеніемъ, притомъ согласнаго съ честію моего народа. Что я не лгу, на это вотъ вамъ свидѣтель, Албертъ Варентрапъ, тогда бывшій деканомъ отдѣленія свободныхъ паукъ, вмѣстѣ съ другими Нѣмцами удалившійся изъ Праги. Если правда ему дорога, онъ легко можетъ очистить меня отъ подозрѣнія.»

Албертъ хотѣлъ отвѣчать, но Назонъ перебилъ его. «Мнѣ это дѣло извѣстно лучше другаго,»—сказалъ онъ.—«Я былъ при дворѣ Короля, явилось посольство отъ трехъ народовъ Нѣмецкихъ: Баварцевъ, Саксонцевъ и Силезцевъ, и умоляло его о сохраненіи своихъ привиллегій. Король обѣщалъ имъ свое содѣйствіе, и долго крѣпился; грозилъ даже Іерониму огненной казнію, но уступилъ усильнымъ просьбамъ Славянской стороны университета. Увѣряю васъ, святые отцы, что король Чешскій никогда не лежалъ сердцемъ къ этимъ людямъ, которые до того простираютъ свою дерзость, что не сомнѣвались въ возможности лишить и меня королевскихъ милостей.»—«Да не только чужіе народы, святые отцы,»—прибавилъ Палечъ,—«но и природные Чехи, мужи ученые, по проискамъ Яна Гуса, должны были удалиться изъ Чехіи и многіе до сихъ поръ еще проживаютъ въ Моравіи.»—«Какъ это можетъ быть, Палечъ,»—сказалъ Гусъ печально, обратившись къ измѣннику?—«Вѣдь меня еще не было въ Прагѣ, когда удалились тѣ мужи, о которыхъ ты говоришь.» Этотъ знаменательный отвѣтъ, въ которомъ съ новою силою

выражалась кротость и умѣренность Гуса, заключилъ второй допросъ. Обвиненный отданъ подъ стражу епископа Рижскаго, Конрада Валленрода, хранителя церковныхъ печатей. Но прежде чѣмъ его увели, кардиналъ Камбрейскій обратился къ нему съ вопросомъ: «Янъ Гусъ! Когда ты впервые приведенъ былъ сюда, не объявилъ ли ты намъ, что если бы ты не захотѣлъ самъ явиться въ Констанцъ, то ни Чешскій король, ни императоръ не могли бы принудить тебя къ путешествію?»—«Св. отецъ,»—отвѣчалъ Гусъ,—«дѣйствительно я пріѣхалъ на Соборъ по собственой волѣ. Въ противномъ случаѣ, въ Чешскомъ королевствѣ у меня столько друзей и приверженцевъ между вельможами, что я легко могъ бы найти убѣжище въ любомъ замкѣ и оградиться отъ всякихъ посягательствъ на свободу мою отъ короля Чешскаго и императора.»—Кардиналъ измѣнился въ лицѣ. «Смотрите, пожалуйста, какое безстыдство!» — «Ни сколько,»—возразилъ Янъ изъ Хлума, отвѣчая на ропотъ негодованія, раздавшійся со всѣхъ сторонъ:—«Магистръ Янъ Гусъ сказалъ сущую правду. Я, съ своей стороны, бѣдный дворянинъ, и, однако, берусь, безъ труда, въ продолженіи цѣлаго года, охранять его отъ всякаго насилія; теперь что же сказать о другихъ вельможахъ, ему преданныхъ, которые имѣютъ множество укрѣпленныхъ замковъ, и могутъ свободно защищать его на неопредѣленное время, даже противъ соединенныхъ силъ обоихъ государей?»—«Но какъ бы то ни было,»—отвѣчалъ кардиналъ,—«я совѣтую тебѣ, Янъ Гусъ, для спасенія чести и жизни, исполнить обѣщаніе, данное тобою въ темницѣ, и подвергнуть себя наставленію Собора.»

Дошла очередь до Сигизмунда, ибо король, по обычаю, долженъ былъ закрывать засѣданіе. Онъ прибавилъ нѣсколько словъ о личныхъ своихъ отношеніяхъ къ Гусу. «Есть нѣкоторые люди,»—сказалъ онъ,—«которые говорятъ, что ты не раньше, какъ черезъ 15 дней, послѣ заключенія, получилъ отъ меня опасную грамоту; но я могу доказать свидѣтельствами многихъ князей и вельможъ, что я переслалъ ее къ тебѣ, руками Вячеслава изъ Дубы и Яна изъ Хлума, еще прежде твоего отъѣзда изъ Праги. Я обѣщалъ тебѣ мое покровительство на время путешествія и по пріѣздѣ,

чтобы тебѣ не сдѣлано было ни малѣйшей обиды, и чтобъ ты могъ свободно передъ цѣлымъ Соборомъ изложить свои мнѣнія и дать отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Ты видишь самъ, какъ добросовѣстно и снисходительно кардиналы и епископы исполнили мое обѣщаніе, за что я обязанъ имъ благодарностію, потому что есть люди, которые и вовсе отвергаютъ законность покровительства отъявленному, или оподозрѣнному, еретику.»—«S'il ne s'agissait pas d'une affaire très sérieuse,»—замѣчаетъ при этомъ случаѣ Ланфанъ,—«ne dirait-on pas que l'Empereur se moquait des cardinaux et qu'en même temps il insultait à la misère de Jean Hus?»—«Теперь,»—продолжалъ Сигизмундъ,—«и я повторяю тебѣ умный совѣтъ кардинала: упорно не защищай ничего, а смиренно подчинись рѣшенію Собора, касательно всѣхъ обвиненій, которыхъ истина несомнѣнно доказана. Въ такомъ только случаѣ мы постараемся, изъ уваженія къ брату моему и королевству Чешскому, чтобы Соборъ отпустилъ тебя, послѣ легкаго покаянія. Если нѣтъ,—не прогнѣвайся: дѣло Собора поступить съ тобой по закону; я не могу потворствовать твоимъ заблужденіямъ, и защищать нераскаяннаго еретика не намѣренъ; скорѣе собственными руками предамъ тебя огненной смерти. Такъ вотъ же тебѣ мой добрый совѣтъ: подчинись рѣшенію Собора!»—«Великій Государь!»—отвѣчалъ Гусъ, обращаясь къ Королю:—«Прежде всего, позволь мнѣ принести тебѣ живѣйшую мою благодарность за охраненіе моей безопасности.».... Ты забываешь,»—прервалъ его рыцарь изъ Хлума, который справедливо боялся продолженія такой знаменательной рѣчи,—«ты забываешь нареканіе въ упорствѣ.»—«Призываю Бога въ свидѣтели, Государь Всемилостивѣйшій,»—продолжалъ съ кротостію Гусъ, повинуясь желанію друга,—«что я не имѣлъ никогда въ помышленіи отстаивать ересь; я для того по доброй волѣ и явился на этотъ Соборъ, чтобъ тотчасъ перемѣнить свое мнѣніе, если бы кто-либо научилъ меня лучшему» (¹).

—«Въ послѣдній разъ, хочешь ли подчиниться наставленію Собора?»—спросилъ Петръ Алльяко.—«Отъ всего сердца,»—

(1) Hist. Sanct. Mart. 12—13. Lenfant, Hist. du C. de Const. 309—313.

отвѣчалъ Гусъ.—«Я недаромъ засвидѣтельствовалъ нѣсколько разъ мою готовность принять наставленіе.»—«Если такъ, то ты долженъ, прежде всего, отказаться отъ тѣхъ заблужденій, которыя извлечены 50 магистрами изъ твоихъ книгъ, и признать справедливость показаній свидѣтелей.»—«О чудное наставленіе!»—пишетъ Гусъ къ друзьямъ своимъ, возвратившись въ темницу. — «По этой посылкѣ и свят. Екатеринѣ должно было отречься отъ истины Божіей и отъ Вѣры въ Іисуса Христа; ибо и ей противорѣчило 50 учителей, чего, однако же, не сдѣлала свят. дѣвица, а пребывала въ Вѣрѣ до самой кончины. По крайней мѣрѣ, она обратила къ Христу своихъ беззаконныхъ судей, чего мнѣ, конечно, не удастся сдѣлать съ моими магистрами!»

—«Ну, хорошо,»—возразилъ Сигизмундъ въ порывѣ великодушія.—«Тебѣ предложатъ краткіе письменные вопросы, и ты будешь на нихъ отвѣчать.»—«Такъ будетъ въ слѣдующее слушаніе»,—прибавилъ кардиналъ,—и тотчасъ встало собраніе (1).

Такъ кончилась вторая аудіенція. Усталый, измученный, Гусъ воротился въ темницу, и тотчасъ начертилъ къ друзьямъ своимъ нѣсколько строкъ. «Какія я терпѣлъ искушенія, одинъ Богъ знаетъ. Но Онъ же даровалъ мнѣ сегодня сердце доброе и неустрашимое; ибо всѣ они вопили, какъ Іудеи на І. Христа. Хорошо сдѣлали, что потребовали мою книгу для справокъ, потому что иные кричали уже: «Сжечь еретика!» и особенно Михаилъ de Causis, котораго голосъ я различилъ. Во всемъ собраніи у меня не было ни одного защитника изъ духовенства, кромѣ отца (2) и, знакомаго мнѣ, Польскаго доктора (3). Слава Богу, двѣ статьи съ меня сняты; надѣюсь побѣдить больше». Такимъ образомъ весь допросъ ограничился двумя положеніями изъ 47 или 50, извлеченными изъ книгъ Гуса 50-ю коммиссарами и рѣшенными имъ письменно въ Доминиканской темницѣ. Это

(1) Ep. 12, 61.—Ep. 15, 62 на об.
(2) См. ниже.
(3) Ep. 36, 69.

было несогласно съ желаніемъ Гуса, который ожидалъ настоящаго допроса, съ цѣлію повѣрить добросовѣстность коммиссаровъ и обсудить безпристрастно, какъ показанія свидѣтелей, такъ и отвѣты обвиненнаго. «Я, и на частныхъ, и на публичныхъ допросахъ, свидѣтельствовалъ много разъ готовность принять наставленіе (informationem) и наказаніе (pœnam) въ случаѣ, если я или письменно, или словесно, говорилъ что-либо противное истинѣ.» — Такъ писалъ Гусъ, въ оправданіе свое передъ потомствомъ. И хотя я часто выговаривалъ 50 докторамъ, нарочно для того наряженнымъ Соборомъ, за неправильное извлеченіе изъ книгъ моихъ, даже на публичномъ слушаніи, но все же никогда не получалъ законнаго удовлетворенія. Они не хотѣли со мной объясняться, а только принуждали безусловно подчиниться рѣшенію (decisioni) Собора. А этотъ Соборъ, когда я въ публичномъ слушаніи приводилъ св. Писаніе, или учителей Церкви, либо смѣялся надо мной, либо обвинялъ въ неправильномъ толкованіи и въ ложномъ свидѣтельствѣ» ([1]). Иначе и быть не могло. На первомъ публичномъ допросѣ сдѣланъ былъ опытъ ученаго словопренія, и шумъ изступленныхъ голосовъ заглушилъ эту первую попытку. Разбора отдѣльныхъ статей прелаты боялись по прежнему, потому что для людей безпристрастныхъ и умныхъ, присутствовавшихъ на Соборѣ, недовольно было то, или другое, мнѣніе безусловно провозгласить ересью; надобно было доказывать. Отъ того-то, послѣ блестящей побѣды, одержанной Гусомъ, въ ученіи о пресуществленіи, кардиналы потеряли охоту доставлять ему случай къ новымъ побѣдамъ. Они своротили на прежнюю дорогу: спокойно выслушивали и оправдывали лжесвидѣтелей. Второе слушаніе было послѣдней попыткой, нельзя ли, избѣгая формальнаго допроса по статьямъ, убѣдить Гуса къ отреченію отъ ересей, которымъ онъ никогда не былъ причастенъ; не проливая безполезно крови его, заключить его въ четырехъ стѣнахъ монастырскихъ, откуда опасное слово его не будетъ болѣе гремѣть съ каѳедры проповѣдника.

---

(1) Ep. 15, 62.

Послѣднее слово Сигизмунда утѣшило Гуса; онъ надѣялся, что на третьемъ слушаніи невинность его будетъ признана всѣми. Но именно на этой-то аудіенціи хитрое духовенство умѣло искусно избѣжать сѣтей, разставленныхъ ему Королемъ, и, можно сказать, что здѣсь неправда гонителей отпраздновала блестящее торжество. Наружная форма допроса совершенно законная; читаются мнимыя еретическія положенія Гуса, читаются и его оправданія; но убійственное равнодушіе кардиналовъ и епископовъ ясно показываетъ намѣреніе ихъ: лишить его жизни безъ суда и расправы. Вмѣсто того, чтобъ перевѣрить обвинительныя статьи, завѣдомо ложныя, прелаты не измѣняютъ ихъ почти ни въ одномъ словѣ, а предлагаютъ разсмотрѣнію Собора въ томъ видѣ, въ какомъ существовали онѣ и прежде, когда Гусъ составлялъ на нихъ письменные отвѣты. Чтобы хотя наружно исполнить обѣщаніе, данное Королемъ и подтвержденное кардиналомъ на послѣднемъ слушаніи, они изрѣдка предлагаютъ Гусу вопросы, выслушиваютъ отвѣты его съ величайшимъ вниманіемъ, почти не находятъ на нихъ возраженія, и этимъ самымъ какъ бы признаютъ ихъ законность: тѣмъ не менѣе, на концѣ засѣданія, объявлено Гусу, что онъ уличенъ, и только отреченіемъ можетъ спастись отъ заслуженной казни.

8-го Іюня сошлись тѣже самыя лица въ монастырь Францисканскій. Прочтены 39 статей, большею частію тѣ самыя, которыя прежде предложены были Гусу на частныхъ допросахъ, расположенныя, впрочемъ, въ другомъ порядкѣ, отчасти сокращенныя, отчасти прибавленныя по распоряженію Собора. Выборъ статей былъ сдѣлалъ не безъ особеннаго искусства. Однѣ и тѣже мнимыя ереси повторялись нѣсколько разъ, въ разныхъ выраженіяхъ и оборотахъ. Собору нѣтъ дѣла до настоящихъ ересей, или только до ересей въ католическомъ смыслѣ; тѣ и другія равно подлежатъ осужденію; — Соборъ заботится только о множествѣ.

Сперва прочтены были 26 статей, извлеченныхъ изъ сочиненій о Церкви. Между ними на первомъ мѣстѣ стояло: «Есть единая святая Каѳолическая или Вселенская Церковь.» Первые 8 статей относятся къ ученію Гуса о «предопредѣленіи (prædestinatio)» и о соединенномъ съ нимъ понятіи

о Церкви. Сущность ихъ заключается въ томъ, что, по нему, «Церковь есть великая совокупность всѣхъ лицъ, предназначенныхъ къ вѣчному блаженству, и число ихъ предопредѣлено отъ вѣка въ промыслѣ Божіемъ.» Есть другой родъ людей, отъ вѣка предуставленныхъ на осужденіе, и они не имѣютъ никакого участія въ тѣлѣ церковномъ. Впрочемъ, благодать предопредѣленія не познается тѣлесными очами: нѣтъ ни видимаго знака, ни избранія человѣческаго, которое могло бы служить его символомъ; это предвѣчная тайна премудрости Божіей. Эти 8 статей проходятъ безъ возраженія. Отъ 9 й до 16-й слѣдуютъ ереси, относящіяся къ власти апостольской и папской теоріи. Главная мысль этихъ семи положеній въ томъ, что «папа не есть глава Церкви Вселенской; что онъ безъ особеннаго откровенія не имѣетъ возможности знать, принадлежитъ ли онъ даже къ числу истинныхъ членовъ Каѳолической Церкви; что онъ въ такомъ только случаѣ намѣстникъ Христовъ и преемникъ Апостола, когда онъ шествуетъ по закону Христову.» При чтеніи этой послѣдней статьи, по счету десятой, старшіе кардиналы насмѣшливо взглянули одинъ на другаго, кивая головами. Это было въ нихъ первое изъявленіе чувства на этомъ допросѣ: до тѣхъ поръ они сидѣли безмолвно. Какъ объяснить этотъ смѣхъ, столь неумѣстный при чтеніи статьи, какъ будто прямо направленной на предстоящее духовенство? Флате говоритъ справедливо, что «Чешскіе измѣнники, извлекавшіе эти статьи, съ своей стороны, были рады случаю выпустить горькій намекъ на отцевъ Собора.» Послѣдніе поняли остроумную выдумку Чеховъ, и отвѣчали улыбкой. Но кардиналъ Камбрейскій боится непріятнаго дѣйствія этого смѣха на умы благонамѣренныхъ міряпъ, присутствующихъ на Соборѣ, а потому, при чтеніи 12 статьи: «папская власть ведетъ свое начало отъ императоровъ Римскихъ,» вступаетъ въ настоящее состязаніе съ Гусомъ. «А какъ же Никейскій Вселенскій Соборъ,»—говоритъ онъ,—«во дни Константина Великаго утвердилъ первенство въ Церкви за Римскимъ епископомъ? Почему же ты, Янъ Гусъ, не Собору Церковному, а свѣтской власти императора, приписываешь начало могу-

щества первосвященника?»—«Я говорилъ о могуществѣ папы только по отношенію къ его свѣтскому владычеству,»—отвѣчалъ Гусъ.

При чтеніи 15 статьи: «власть папы, какъ намѣстника Іисуса Христа, не существуетъ, если жизнь его не сообразна съ ученіемъ Христовымъ.» Гусъ прибавилъ оговорку, что подъ именемъ власти онъ разумѣетъ заслугу, или достоинство первосвященника, а не дѣйственность его служенія, которая ни въ какомъ случаѣ уничтожаться не можетъ. «А гдѣ же такое ограниченіе въ твоихъ сочиненіяхъ,»—спросили его кардиналы?»—«Вы найдете его въ сочиненіи противъ магистра Стефана.»—Кардиналы снова перемигнулись со смѣхомъ.

При чтеніи 17 статьи: «кардиналы, не живущіе жизнію Апостоловъ, не суть ихъ преемники,» — Камбрейскій не могъ удержаться отъ замѣчанія, что дѣлавшіе выборъ статей еще очень милостиво поступили съ ихъ сочинителемъ; что въ его книгахъ можно найти гораздо болѣе рѣзкіе и неприличные возгласы. «Воистину, Гусъ,»—прибавилъ Алльяко, обращаясь къ нему,—«ты вышелъ изъ предѣловъ умѣренности, какъ въ разсужденіяхъ, такъ и въ проповѣдяхъ своихъ. Не подобало ли тебѣ приноравливать рѣчи свои къ подробностямъ и степени пониманія слушателей? Къ чему было, передъ неразумными мірянами, порицать кардиналовъ, когда отсутствующій противникъ защищаться не можетъ?»—«Святой отецъ!»—съ покорностію отвѣчалъ Гусъ;—«при моихъ проповѣдяхъ присутствовали часто священники и мужи ученые; я говорилъ имъ это въ предостереженіе.»—«Очень дурно,»—возразилъ кардиналъ,—«что такими рѣчами возмущаешь порядокъ Церковный.» Но можно возразить самому кардиналу, что въ это самое время, когда онъ давалъ отеческія наставленія Гусу, тутъ была цѣлая коллегія 29 кардиналовъ, и ни одинъ не воспользовался случаемъ отстоять честь своего сословія и опровергнуть обвиненіе Гуса (1).

(1) Flathe, Vorl. der Reform. II, 403.

18 статья гласила такъ: «еретиковъ не должно подвергать огненной казни.» При чтеніи Гусова отвѣта, одинъ изъ судей нечаянно открылъ то мѣсто его сочиненія, гдѣ онъ предающихъ гражданскому суду неуличенныхъ еретиковъ сравниваетъ съ первосвященниками, книжниками и фарисеями, которые предали Спасителя Пилату, говоря: «намъ не достоитъ убити никого же.»—«Пораженные близкимъ намекомъ, въ которомъ Гусъ, какъ будто предсказывалъ собственную участь, епископы и кардиналы закричали всѣ въ одинъ голосъ: «Кого онъ разумѣетъ подъ именемъ фарисеевъ?» — «Всѣхъ утѣснителей невинности,» — отвѣчалъ Гусъ.—«Нѣтъ! нѣтъ!»—вскричали они въ порывѣ чистосердечія:—«Онъ разумѣетъ докторовъ!»

Въ послѣднихъ статьяхъ (19—26) дѣло шло «о свободѣ проповѣди,» безусловно принадлежащей всякому лицу освященному, вопреки всѣмъ распоряженіямъ духовнаго начальства; «о недѣйствительности отлученія Церковнаго, налагаемаго на цѣлый народъ.» При чтеніи 21 статьи о томъ, что «позволено отъ неправеднаго приговора первосвященника переносить судъ къ Іисусу Христу,» Алльяко спросилъ его: «Хочешь ли быть выше Апостола Павла, который перенесъ дѣло на судъ не къ Іисусу Христу, а къ императору?»—«И если бъ я первый подалъ примѣръ перенесенія дѣла на судъ къ Христу,»—отвѣчалъ Гусъ,—«не уже ли это могло бы вмѣниться мнѣ въ осужденіе? Впрочемъ, Апостолъ не по собственному влеченію, а по волѣ Самого Господа, переносилъ судъ къ кесарю, потому что Христосъ въ видѣніи сказалъ ему: «Мужайся, ибо тебѣ подобаетъ итти въ Римъ.»— Тутъ прочтена была аппелляція Гуса, и снова покрыта неистовымъ смѣхомъ.

22 статья одна изъ самыхъ замѣчательныхъ во всемъ ученіи Гуса. Въ ней выражается «ученіе о благодати,» по видимому, совершенно одинаковое съ позднѣйшими мыслями Лютера. Всѣ дѣла человѣческія разлагаются на два отдѣла: на благія и злыя. Человѣкъ добродѣтельный во всемъ, что ни дѣлаетъ, угоденъ Богу; человѣкъ порочный во всемъ, что ни дѣлаетъ, навлекаетъ на себя осужденіе. Эти замѣчательныя слова Гуса, встрѣчающіяся въ сочинені

«О Церкви» (23. Op. et Mon. Hus. 1, 238 на об.), подали поводъ и Лютеру провозгласить ученіе свое о благодати, совершенно тожественнымъ съ ученіемъ Гуса, и ввели въ заблужденіе многихъ позднѣйшихъ писателей (¹). Когда прочтена была эта статья, кардиналъ Камбрейскій возразилъ Апостольскимъ словомъ: «Всѣ мы грѣшимъ, и кто говоритъ, что грѣха не имѣетъ въ себѣ, тотъ обольщается. Отсюда,»—сказалъ онъ,—«согласно съ твоимъ положеніемъ, всѣ люди обречены на вѣчныя согрѣшенія, и у человѣка отнята возможность творить благое.»—«Св. Писаніе говоритъ здѣсь о грѣхопаденіяхъ легкихъ (venialibus), не несовмѣстныхъ съ состояніемъ благодати,»—отвѣчалъ Гусъ.—«А мнѣ кажется, что они несовмѣстны,»—возразилъ Англичанинъ Вильгельмъ.—Гусъ сослался на Августиново толкованіе псалма 146, но свидѣтельство его отвергнуто, какъ не идущее къ дѣлу.

При чтеніи 23 статьи о томъ, что «священникъ, ревнующій о душевномъ спасеніи паствы, не обязанъ прекращать проповѣди, не смотря на запрещенія папскія,» Гусъ объявилъ, что здѣсь дѣло идетъ объ отлученіи мнимомъ, противозаконномъ, о которомъ сказали Апостолы: «Васъ послушати паче, нежели Бога, судите.»—Ему возразили, что онъ такое отлученіе называлъ благословеніемъ. «И теперь повторяю,»—отвѣчалъ Гусъ,—«что неправедное проклятіе есть благословеніе предъ Богомъ, по слову Малахіи пророка: «Проклену благословеніе ваше» (II, 2).—«Однако же,»—возразилъ кардиналъ Флорентинскій,—«по церковному праву и незаконное отлученіе не теряетъ своей дѣйствительности.»—«Знаю,»—отвѣчалъ Гусъ;—«помнится, восемь случаевъ, за которые назначено отлученіе.»—«Не больше ли?»—спросилъ кардиналъ.—«Можетъ быть, и больше,»—отвѣчалъ Гусъ,—«не ручаюсь.»—Тутъ-то, конечно, случилось одно обстоятельство, которое не означено ни въ актахъ Собора, ни въ жизнеописаніи Гуса, Младеновицемъ, а сохранилось въ Нѣмецкихъ преданіяхъ и отмѣчено печатію истины. Іоаннъ Захарія,

---

(1) См. ниже.

Нѣмецкій докторъ, началъ доказывать необходимость безусловнаго повиновенія папѣ, на основаніи слова пророческаго:» — Visitabo ego ipse pastores, et non populus meus: Се Азъ взыщу пастырей моихъ, а не народъ мой (Іезек. XXXIV, 11, 12.),» Янъ Гусъ утверждалъ, что послѣдняя половина стиха «et non populus meus,» произвольно прибавлена докторомъ. Іоаннъ Захарія ссылается на библію самого Гуса, привезенную имъ изъ Чехіи, которую онъ имѣлъ случай видѣть у него на дому и, разсматривая ее, нечаянно раскрылъ это мѣсто. Библія принесена и слова: «а не народъ мой,» въ самомъ дѣлѣ нашлись въ ней, къ великому посрамленію Гуса. Не смотря на это открытіе, Гусъ громогласно возставалъ противъ искаженія текста, говоря, что въ другихъ библіяхъ эта прибавка не существуетъ; но всѣ усилія его убѣдить въ этомъ ученое собраніе великихъ представителей Церкви Латинской остались тщетными: такъ мало они были знакомы съ свящ. Писаніемъ. Іоанну Захаріи, какъ побѣдителю, дана была роза, въ уваженіе его великихъ заслугъ и учености. «Теперь истина открылась,»—возглашаетъ съ негодованіемъ Лютеръ, воспоминающій три раза объ этомъ событіи;—«теперь, во всѣхъ библіяхъ Нѣмецкихъ, Латинскихъ, Греческихъ и Еврейскихъ, слово Божіе воздаетъ свидѣтельство правотѣ Гуса и осуждаетъ клеветника (1).

За тѣмъ прочтены семь статей, извлеченныхъ изъ сочиненія противъ Палеча. При чтеніи 1-й: «папа, епископъ и всякій прелатъ передъ Богомъ теряютъ свой санъ, когда находятся въ смертномъ грѣхѣ; но тѣмъ не менѣе Богъ посредствомъ ихъ, какъ недостойныхъ орудіи, не перестаетъ изливать благодати,» Гусъ защищалъ ее изъ св. Писанія и св. Отцевъ. Пока читалось его объясненіе, король Сигизмундъ у окошка занятъ былъ жаркимъ разговоромъ съ палатиномъ Баварскимъ и бургграфомъ Нюренбергскимъ объ ереси Гуса. Кардиналы тотчасъ подозвали его и обратили вниманіе его на эту статью, какъ прямо направлен—

(1) См. Предисловіе Лютера къ сочин. Гуса. — Аппелляція Лютера противъ папской буллы, 1520 г., изд. Вальха. XV, § 33, 1686, 1687.

ную противъ власти гражданской. Это было жестокой отплатой за переговоры, веденные Гусомъ изъ Доминиканской темницы съ королемъ Сигизмундомъ, съ цѣлію преклонить его на свою сторону общностью интересовъ. Гусъ безстрашно повторилъ свое положеніе предъ властителемъ, отъ котораго зависѣла его участь, и Сигизмундъ, не смотря на лаконическій отвѣтъ: «Кто безъ грѣха?» не на шутку испугался смѣлости нововводителя, и въ откровенной бесѣдѣ съ Людовикомъ, курфирстомъ Баварскимъ, назвалъ его опаснѣйшимъ еретикомъ, какіе когда либо существовали на свѣтѣ. Духовенство умѣло воспользоваться этимъ расположеніемъ. «Мало того, что ты презираешь духовную власть,»—сказалъ Гусу кардиналъ Камбрейскій съ притворнымъ гнѣвомъ.—«Не хочешь ли и царей низложить съ престоловъ?»—Палечъ, изъ желанія подслужиться къ королю, также началъ доказывать, что Саулъ не переставалъ быть царемъ и послѣ Самуиловыхъ словъ; а потому Давидъ запретилъ его убивать, изъ уваженія не къ святости жизни, которой онъ не имѣлъ, а къ святости помазанія царскаго. Въ желаніи мести, возражатели Гуса не замѣчали, что они защищаютъ одну истину съ нимъ. Гусъ отвѣчалъ словами Кипріана, что тотъ напрасно называетъ себя христіаниномъ, кто не подражаетъ жизни Спасителя.—«Какое безуміе!»—съ жаромъ воскликнулъ Палечъ. «Что ты говоришь, вовсе не идетъ къ дѣлу: папа, епископъ и царь, не что иное, какъ званія, а имя христіанина—заслуга.»—«А если такъ,»—возразилъ Гусъ,—«то кто вамъ далъ право низлагать Іоанна XXIII, законнаго папу?»—«Никто на Соборѣ и не сомнѣвался,»—подхватилъ императоръ, снова задѣтый за живое, «что Іоаннъ XXIII былъ папа законный; онъ низложенъ съ престола за явныя оскорбленія величія Церкви и разграбленіе ея собственности.»

При чтеніи 4-ой статьи, что «папа и всякій духовный начальникъ, когда принадлежитъ къ числу предосужденныхъ, не истинный пастырь,» Гусъ снова прибавилъ свою оговорку: что онъ не лишаетъ ихъ власти, а только достоинства ея исправленія передъ Богомъ.—«Не вѣрьте ему, Св. отцы,»—прибавилъ какой-то безвѣстный монахъ, вста-

вая изъ-за самого Гуса.—«Я на этихъ дняхъ, въ спорѣ съ нимъ объ этомъ предметѣ, возразилъ ему тѣмъ же самымъ ограниченіемъ, которое онъ употребляетъ теперь въ свою пользу; онъ слышалъ его отъ меня, а въ сочиненіяхъ его этого нѣтъ.»—Гусъ съ презрѣніемъ обратился къ возражателю: «Да гдѣ же ты былъ, когда читали эту оговорку изъ книги моей? Впрочемъ,»—прибавилъ онъ энергически,—«въ Іоаннѣ XXIII оказалось достаточно, былъ ли онъ истинный папа, или тать и разбойникъ.»—Епископы и кардиналы перемигнулись со смѣхомъ.

Казалось, къ концу засѣданія, по мѣрѣ упадка физическихъ силъ обвиненнаго, постепенно росла въ немъ духовная сила. При чтеніи 6-ой статьи: «если папа живетъ противно закону Христову, хотя бы человѣческое избраніе его было законно, онъ все же не дверью вошелъ во дворъ овчій, а прелазилъ инуду, что оправдано примѣромъ Іуды предателя,» Палечъ воскликнулъ: «Каково безуміе человѣка, который допускаетъ избраніе Іуды Іисусомъ Христомъ, а между тѣмъ говоритъ, что онъ не Христомъ вошелъ во дворъ овчій!»—«И то, и другое справедливо,»—возразилъ Гусъ.—«Онъ избранъ Іисусомъ Христомъ, но не вошелъ дверью, а какъ тать, діаволъ и сынъ погибели.»—«Да развѣ кто ни будь не можетъ быть законно и правильно избранъ въ епископы, и дверью войти во дворъ овчій, а потомъ уклониться?»—спросилъ Палечъ.—«А я утверждаю,»—отвѣчалъ Гусъ съ возрастающимъ жаромъ,—«что, кто вступаетъ въ епископскій санъ святокупствомъ, не съ тѣмъ, чтобы трудиться для блага Церкви, а чтобы жить во всякой нѣгѣ и роскоши, тотъ входитъ не дверью и, по Евангелію, тать и разбойникъ.»

Шесть статей изъ книги противъ Станислава изъ Зноима, направленныя преимущественно противъ папской теоріи, прошли безъ возраженія. Только четвертая, гдѣ Гусъ говорилъ, что и «безъ папы и кардиналовъ Христосъ, истинная Глава, можетъ лучше управлять Своимъ тѣломъ, чрезъ посредство вѣрныхъ учениковъ, разсѣянныхъ въ мірѣ,» эта статья, говорю я, вызвала новыя насмѣшки прелатовъ. «Еда и Гусъ во пророцѣхъ?»—спросили, пересмѣиваясь кар-

диналы?—«Да, именно,»—сказалъ Гусъ, съ достоинствомъ, не обращая вниманія на эти насмѣшки,—«я еще повторяю, что Церковь во времена Апостоловъ управлялась несравненно лучше теперешняго; что и нынѣ мѣшаетъ Іисусу Христу управлять ею чрезъ вѣрныхъ учениковъ своихъ?— Да и теперь, Глава эта повержена, а Церковь тѣмъ не менѣе пребываетъ во славѣ.» При чтеніи шестой статьи, почти одинаковой по содержанію съ четвертой, повторились тѣже насмѣшки и тоже возраженіе Гуса. Только одинъ Англичанинъ упрекнулъ его въ томъ, что это ученіе Виклефа, и что онъ напрасно гордится имъ, какъ своимъ собственнымъ. Отвѣтъ Гуса не приведенъ въ донесеніи Петра изъ Младеновицъ; увидимъ въ послѣдствіи, на сколько справедливо обвиненіе доктора (1).

Когда кончилось чтеніе 39 положеній, кардиналъ Камбрейскій, обращаясь къ Гусу, сказалъ ему: «Ты слышалъ, сколько страшныхъ обвиненій возведено на тебя. Тебѣ предлежатъ двѣ дороги, выбирай любую: или поручи себя совершенно суду и рѣшенію Собора, и признай съ покорностью его приговоръ, и тогда мы, изъ уваженія къ королю Римскому и брату его, королю Чешскому, поступимъ съ тобою кротко и милостиво. Или, если желаешь еще новаго слушанія для защиты мнѣній своихъ, ты получишь его; но знай, что здѣсь много просвѣщенныхъ мужей, которые готовятъ на тебя сильныя возраженія: берегись запутаться болѣе прежняго въ своихъ заблужденіяхъ. Я говорю съ тобой не какъ судья, а какъ добрый совѣтникъ.»

Всѣ присутствующіе кардиналы присоединили просьбы свои къ убѣжденіямъ Камбрейскаго. «Святые отцы,»—отвѣчалъ Гусъ, смиренно преклонивъ голову,—«я прошу позволенія подробнѣе изъяснить свои мнѣнія. Если доводы мои окажутся несостоятельными, я охотно исполню ваше желаніе и подвергнусь наставленію (informationi) Собора.»—«Слышите ли,»—закричалъ кто-то громко,—«слышите ли хитрость

---

(1) «Ad articulos neque id ad omnes, breviter cum permittebatur respondit,» сказано въ біографіи Петра изъ Младеновицъ. Hist. Sanct. Mart. 21.

его? Онъ требуетъ только наставленія, а не наказанія (correctionem), или рѣшенія (definitionem) Собора.»—«Ну какъ хотите,»—отвѣчалъ Гусъ, выведенный изъ терпѣнія мелочными придирками Католиковъ; «наставленіе ли, наказаніе, или приговоръ — все равно. Я беру Бога въ свидѣтели истины словъ моихъ.»

«Если ты въ самомъ дѣлѣ поручаешь себя милости Собора,»—продолжалъ Камбрейскій,—«то дѣло твое уже рѣшено 50 докторами, изъ коихъ многіе уѣхали, и замѣнены на Соборѣ новоприбывшими докторами Парижскими, — и весь Соборъ единогласно подтвердилъ ихъ рѣшеніе: 1) чтобъ ты смиренно сознался во всѣхъ твоихъ заблужденіяхъ; 2) чтобы ты обязался клятвенно впередъ никогда не учить ихъ (abjurare); 3) чтобы ты всенародно отрекся (revoces) отъ всѣхъ прочитанныхъ положеній.»

«Повторяю,»—отвѣчалъ Гусъ,—«что я готовъ принять наставленіе Собора. Но заклинаю васъ Богомъ живымъ не принуждать меня поступить противъ совѣсти, и отреченіемъ правды подвергать себя вѣчному осужденію. Отрекаться (abjurare), какъ я читалъ когда-то въ «Catholicon,» значитъ отказываться отъ заблужденія, въ которомъ дѣйствительно сознаешь себя виновнымъ. Теперь, когда приписываютъ мнѣ положенія, которыхъ защищать мнѣ и въ голову не приходило, какъ могу я клятвенно отрекаться отъ нихъ? Что касается до тѣхъ положеній, которыя дѣйствительно принадлежатъ мнѣ, то пусть мнѣ докажутъ, что онѣ ложны.»

«Да почему тебѣ не отречься отъ всѣхъ заблужденій,»—возразилъ Сигизмундъ,—«хотя бы они и были тебѣ ложно приписаны? Я, съ своей стороны, охотно отказываюсь отъ всякаго рода заблужденій.»—«Государь!»—отвѣчалъ Гусъ;—«подъ словомъ отречься разумѣется совершенно другое.»—«Но мы предложимъ тебѣ законную форму отреченія, которою ты будешь доволенъ, магистръ,»—прервалъ рѣчь его кардиналъ Флорентинскій.—«Ну, какъ онъ хочетъ,»—сказалъ Сигизмундъ, наскучивъ долгими преніями.—«Если будетъ упорствовать въ своихъ ересяхъ, то Соборъ имѣетъ права великія, и ему придется раздѣлываться съ нимъ по законамъ.»—«Государь!» отвѣчалъ Гусъ;—«я не отказываюсь ни отъ какихъ предло-

женій Собора. Но измѣнить правдѣ и совѣсти, сознаться въ заблужденіяхъ, о которыхъ не имѣю понятія, я не могу. Прошу о послѣдней милости: чтобы мнѣ позволено было въ подробности изложить мои мнѣнія о спорныхъ предметахъ, преимущественно о Церковной Іерархіи.»—На эту просьбу, говоритъ сочинитель біографіи Гуса, и кардиналы и Король запѣли старую пѣсню. — «Ты самъ въ совершенныхъ лѣтахъ,»—повторилъ Сигизмундъ;—«ты могъ на свободѣ подумать о томъ, что говорилъ я тебѣ и вчера и сегодня. Если хочешь, то съ сокрушеннымъ сердцемъ принеси покаяніе предъ Соборомъ, и отрекись отъ явныхъ своихъ заблужденій. Не хочешь,—будешь судимъ по законамъ.»

—«Законы извѣстны,»— сказалъ простодушно какой-то Польскій епископъ;—«мы всѣ знаемъ казнь, назначенную еретикамъ.»

Гусъ остался непреклоненъ; Соборъ единогласно произнесъ на него обвиненіе въ упорствѣ.

Тогда какой-то священникъ, презрѣнной наружности, воскликнулъ, обращаясь къ первенствующимъ членамъ Собора: «Берегитесь, святые отцы, не допускайте къ отреченію этого упорнаго еретика. Онъ писалъ къ друзьямъ своимъ въ Прагу, что хотя бы языкъ его и произнесъ отреченіе, но сердце все же останется далекимъ отъ истины. Ему ни въ чемъ нельзя вѣрить.»— Гусъ отвѣчалъ съ кротостію, обличая его въ клеветѣ, и тихо прибавилъ: «Совѣсть моя чиста передъ Богомъ.»

«Что за странное противорѣчіе?»—возразилъ Палечъ, въ отвѣтъ на это послѣднее слово:—«человѣкъ не сознаетъ въ себѣ заблужденій, а защищаетъ заблужденія Виклефа.» И въ доказательство, прочелъ девять ересей Виклефа, осужденныхъ на прежнихъ засѣданіяхъ Собора. «Вотъ эти ереси,»—прибавилъ онъ,—«и когда я, съ Станиславомъ Зноимскимъ, публично проповѣдывалъ противъ нихъ, въ присутствіи Эрнеста, Австрійскаго герцога, въ Прагѣ, онъ постоянно защищалъ ихъ и словесно и письменно. Янъ Гусъ, покажи свои сочиненія объ этомъ предметѣ! Если не хочешь, мы предъявимъ ихъ сами.»—«Я не боюсь испытаній,»—отвѣчалъ Гусъ;—«и не эти одни можете предъявить, а и всѣ прочія, когда либо мною написанныя.»

Потомъ, развернувъ передъ нимъ бумагу, судьи обвинили его въ злобномъ толкованіи какого-то папскаго узаконенія. Гусъ рѣшительно отказался отъ него, и на вопросъ, не знаетъ ли его сочинителя, отвѣчалъ отрицательно, впрочемъ, прибавилъ, что общая молва приписываетъ его доктору изъ Есеницы. — «А какого ты мнѣнія объ этомъ предметѣ?» — спросили судьи. — «Ради Бога, пощадите меня,» — отвѣчалъ несчастный, которому силы начинали уже измѣнять; — «я сказалъ вамъ, что не имѣю объ немъ никакого понятія.»

Но этимъ не кончились его истязанія. Ему прочли другую бумагу о трехъ юношахъ, казненныхъ Городской Думой, гдѣ называли его первымъ виновникомъ смутъ по случаю продажи отпусковъ и обвиняли въ умышленно торжественномъ погребеніи юношей въ Виѳлеемской часовнѣ, и въ провозглашеніи убитыхъ Святыми мучениками. Назонъ объявилъ, что король Вячеславъ въ присутствіи его отдалъ приказъ о казни трехъ возмутителей. — «И то и другое ложно,» — отвѣчалъ Гусъ: — «Король не осуждалъ ихъ на смерть, а равно и тѣла убитыхъ не были перенесены мною въ Виѳлеемскую церковь; я даже не присутствовалъ при ихъ погребеніи. Вы клевещете и на короля Чешскаго, и на меня.» — Палечъ подкрѣплялъ свидѣтельство Назона на томъ основаніи, что Король съ самаго начала принялъ продавцевъ отпусковъ подъ особенное свое покровительство и запретилъ противиться имъ въ чемъ бы то ни было. А потому ослушники королевской воли лишены жизни не иначе, какъ въ силу королевскаго указа. Среди глубокой тишины, Палечъ прочелъ на Соборѣ то мѣсто изъ сочиненія Гуса о Церкви, гдѣ онъ отзывается съ великой похвалой о казненныхъ. Смѣлые возгласы его противъ антихриста, дающіе содержаніе этому мѣсту, погрузили собраніе въ ужасъ. Въ заключеніе представлены были два документа: подложныя письма, изданныя отъ имени Оксфордскаго университета, которыя будто бы Гусъ читалъ на проповѣдяхъ своихъ въ прославленіе Виклефа.

Когда истощили запасъ обвиненій, Палечъ призвалъ Бога въ свидѣтели, что онъ ничего не сказалъ на Св. Соборѣ изъ личной ненависти къ Гусу, а единственно изъ святой

ревности ко благу Церкви. Когда же Михаилъ de Causis осмѣлился повторить оправданіе Палеча, Гусъ отвѣчалъ ему съ достоинствомъ, что между ними разсудитъ нѣкогда праведный Богъ. Кардиналъ Камбрейскій заключилъ допросъ любимой своей поговоркой: «Не могу надивиться незлобію Палеча, который съ такою умѣренностію выбиралъ обвинительныя статьи.»—Епископу Рижскому велѣно отвести Гуса въ темницу. Утомленный продолжительнымъ допросомъ, онъ едва стоялъ на ногахъ: еще въ ночь, предшествовавшую засѣданію, онъ страдалъ зубами и сильною рвотою. Благородный Хлумъ послѣдовалъ за нимъ въ темницу, утѣшая несчастнаго друга. «О какъ утѣшилась душа моя,»—писалъ онъ въ темницѣ, когда рыцарь изъ Хлума протянулъ мнѣ съ участіемъ руку, мнѣ, презрѣнному еретику, заключенному въ узы, всѣми отверженному.»

Когда Гуса увели, Сигизмундъ обратился къ отцамъ Собора съ такими словами: «Мы всѣ слышали здѣсь обвиненія на Гуса, подтвержденныя несомнѣнными доводами и показаніями свидѣтелей; изъ нихъ достаточно было бы и одного для его осужденія. А потому, если онъ будетъ упорствовать въ ереси, я первый подаю голосъ въ пользу сожженія. Впрочемъ, будьте увѣрены, что хотя бы онъ принесъ покаяніе предъ Св. Соборомъ, но отреченіе вѣчно останется у него только на языкѣ. Воротившись въ Чехію къ своимъ друзьямъ и покровителямъ, онъ будетъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, еще болѣе уклонится отъ чистоты Вѣры, и послѣдняя будутъ горша первыхъ. И такъ прежде всего запретите ему проповѣдывать и возвращаться на родину; статьи же, осужденныя вами, перешлите къ брату моему, королю Чешскому, также въ Польшу и другія мѣста, куда проникло ученіе еретика и гдѣ скрываются тайные его послѣдователи, съ повелѣніемъ, чтобы всѣ, зараженные ересью Гуса, подверглись Церковному наказанію, по распоряженію мѣстныхъ епископовъ. Пусть также Соборъ напишетъ къ королямъ и властителямъ, чтобы они были особенно милостивы къ своимъ духовнымъ начальникамъ, которые на этомъ священномъ Соборѣ трудились надъ искорененіемъ ереси. Я скоро уѣду, а потому не

теряйте времени и старайтесь покончить дѣло и съ учениками его, особенно съ тѣмъ, который вмѣстѣ съ нимъ находится во власти Собора.»—«Съ Іеронимомъ!»—повторило нѣсколько голосовъ.—«Онъ нисколько не затруднитъ насъ; лишь бы достойно вознаградить учителя, а тамъ ужь не трудно справиться съ ученикомъ.»—Послѣ дружескаго совѣщанія, члены разошлись по домамъ. Нельзя не замѣтить, вмѣстѣ съ Палацкимъ, какой-то особенной насмѣшки, разлитой на все это явленіе. Сигизмундъ какъ будто смѣется надъ бѣдствіями Гуса, какъ будто самъ вызываетъ Соборъ къ тому смѣлому шагу, къ которому члены его приступали со страхомъ.—Между тѣмъ, Петръ изъ Младеновицъ, ожидавшій Короля вмѣстѣ съ Хлумомъ и Дубой, незамѣченный, подслушалъ весь разговоръ и сообщилъ его Гусу. Вельможи Чешскіе, доселѣ еще ласкавшіе себя надеждой, что Сигизмундъ заступится за угнетеннаго, убѣдились въ его равнодушіи къ ихъ общему дѣлу. «Что случилось со мною нынѣшнею ночью, того я не въ состояніи высказать,»—пишетъ Гусъ изъ темницы. «Король Сигизмундъ поступилъ со мною коварно. Вы сами слышали приговоръ, произнесенный имъ надо мною. Да проститъ ему Богъ Всемогущій!...» (¹). И дѣйствительно, слова, неосторожно высказанныя въ монастырской трапезѣ,—говоритъ Палацкій,—огласили вскорѣ всѣ концы Чехіи и стоили Сигизмунду не менѣе какъ Чешской короны (²).»

Такъ кончились три слушанія или аудіенціи Гуса, изъ коихъ каждая осталась памятною особенно ярко въ ней выразившеюся стороною Латинскаго духовенства. Отъ послѣдней аудіенціи до смерти Гуса слѣдуетъ длинный промежутокъ, въ продолженіи котораго совершается дѣло очищенія. Въ первые дни онъ еще не теряетъ надежды на спасеніе жизни, хотя и пишетъ къ Пражанамъ прощальную грамоту, въ видѣ предсмертнаго завѣщанія, 10 Іюня, тѣмъ не менѣе ожидаетъ отъ Собора и Императора согласія на просьбу

---

(1) Ep. 21, I, 64 на об.—См. Hist. Sanct. Mart. 13, 26.—Lenfant. H. du C. de Const. 319—341.

(2) Palacky, G. v. Böhm. III, 357. Dějiny nár. česk. str. 193.

свою, изложенную на послѣднемъ слушаніи. — «Прошу васъ, Чешскіе паны, Бога ради, упросите короля Сигизмунда дать мнѣ окончательную аудіенцію. Вѣдь онъ самъ объявилъ на Соборѣ, что меня въ скоромъ времени допустятъ къ допросу и позволятъ представить письменные отвѣты. Ему будетъ стыдно, если онъ нарушитъ свое царское слово. Но видно, и это обѣщаніе его также непреложно и твердо, какъ обѣщаніе опасной грамоты. Я думалъ, что онъ устыдится закона Господня и правды; теперь вижу, что и то и другое для него праздные звуки. Онъ осудилъ меня раньше самихъ враговъ моихъ. О! зачѣмъ, онъ по крайней мѣрѣ, не подражалъ Пилату язычнику, который на обвиненія книжниковъ отвѣчалъ торжественной исповѣдью: «Азъ ни единыя вины не обрѣтаю въ человѣкѣ семъ.» Или зачѣмъ не сказалъ откровенно: «Я обманулъ его опасной грамотою; и такъ, если онъ не хочетъ признать рѣшенія Соборнаго, я отошлю его къ королю Чешскому съ приговоромъ и мнѣніями епископовъ, дабы самъ Король разсудилъ его съ своимъ духовенствомъ» ([1]). Въ другомъ письмѣ: «Друзья мои, попытайтесь въ послѣдній разъ, обратитесь къ Королю и Собору, и напомните имъ обѣщаніе о письменномъ преніи на публичномъ допросѣ. Тамъ, на Соборѣ, я, съ помощію Божіею, однажды навсегда, выскажу правду, да вѣдаетъ все Христіанство мое окончательное рѣшеніе. Я прошу васъ, мои великодушные покровители, Бога ради, сослужите мнѣ послѣднюю службу. О! дай Богъ, чтобъ вы увидѣли меня идущимъ на огненную смерть, но не издыхающимъ здѣсь жертвою коварства епископовъ. Я до сихъ поръ сохраняю надежду, что Богъ Всемогущій заслугами праведныхъ можетъ исхитить меня изъ рукъ беззаконныхъ» ([2]). Этотъ голосъ страждущей невинности сильно возмущалъ тревожную душу короля Сигизмунда. Въ послѣдній разъ замѣчаемъ въ немъ сильный поворотъ къ Гусу. Примирить вѣроисповѣдныя свои убѣжденія съ чувствомъ долга и чести онъ видитъ самое легкое

(1) Ep. 33, 68 на об.
(2) Ep. 33, 69.

средство въ вынужденномъ отреченіи Гуса. «Что стоитъ тебѣ отречься отъ ересей, хотя бы и ложно тебѣ приписываемыхъ?»—сказалъ онъ ему на Соборѣ, и въ этихъ словахъ обнаружилась вся ограниченность религіознаго пониманія въ средневѣковомъ человѣчествѣ. Король съ намѣреніемъ медлилъ произнесеніемъ приговора, но не могъ отложить его на неопредѣленное время. Все должно было кончиться до путешествія его къ Бенедикту XIII, назначеннаго къ исходу Іюня. 25-го Іюня онъ поѣхалъ въ Юберлингенъ съ супругою, и великолѣпно угощенъ Рейхенталемъ; можно думать, что эта поѣздка, предпринятая безъ особенной необходимости, имѣла цѣлію туже отсрочку затруднительнаго рѣшенія (1).

Между тѣмъ Соборъ началъ съ Гусомъ послѣдніе переговоры. Ему предложена была формула отреченія, о которой говорилъ Забарелла. Въ ней дѣйствительно сдѣлана уступка, но уступка не истинѣ, а самолюбію Гуса, являющаяся новой преградой, противоставленной его совѣсти. «Хотя мнѣ приписываютъ многое, что никогда мнѣ и въ голову не приходило,»—такъ гласитъ эта формула,—«тѣмъ не менѣе подчиняюсь смиренно повелѣнію, приговору и наказанію Собора, во всѣхъ справедливыхъ, или ложныхъ, обвиненіяхъ, возведенныхъ на меня свидѣтелями и извлеченныхъ изъ книгъ моихъ, отдаю себя въ полное распоряженіе Собора, готовъ принести отреченіе полное и съ покорностію принять наказаніе, которое онъ разсудитъ за благо наложить на меня» (2). Гусъ долго готовился къ отвѣту, предлагалъ себѣ всѣ возможныя сомнѣнія и въ безпристрастномъ судѣ своей совѣсти рѣшился подписать себѣ приговоръ. «Завтра, въ шестомъ часу вечера,»—пишетъ Гусъ,—«20-го Іюня, я долженъ стать къ отвѣту предъ судьями. О! если бъ Богъ привелъ Сигизмунда послушать, какія слова Спаситель вложитъ въ уста мои; еще бы лучше, если бъ дали мнѣ перо и бумагу; я, съ помощію Божіею, отвѣчалъ бы имъ на письмѣ.»—Отвѣтъ его ясный, полный, системати-

(1) Aschbach G. Sigmunds II, cap. 7, 120.
(2) Ep. 38, 70.

ческій. Онъ торжественно отказывается отъ всякаго отреченія: 1) чтобъ не измѣнить Богу и совѣсти, отступая отъ истинъ хранимыхъ; 2) чтобъ не сдѣлаться клятвопреступникомъ, принимая на себя обвиненія ложныя; 3) наконецъ, чтобъ не соблазнить народа, который столько лѣтъ внималъ его проповѣди. «Пусть лучше повѣсится мнѣ на шею жерновъ осельскій и потону въ пучинѣ морской. Я люблю истину и ненавижу неправду, и твердо надѣюсь на Бога, что ни одно изъ моихъ положеній не противно ни закону Христову, ни ученію Св. Отцевъ. Я съ дѣтской покорностію поручаю себя наставленію Всемогущаго и Всеблагаго Учителя, Который испытуетъ сердца и, по безконечному Своему милосердію, очиститъ меня отъ тайныхъ грѣхопаденій» ([1]). Этотъ отвѣтъ облегчилъ его душу; онъ отложилъ всякое земное попеченіе и спокойно сталъ готовиться къ смерти.

Письма Гуса озаряютъ послѣдними яркими лучами тихій спокойный вечеръ жизни его, жизни страданій и скорбей, жизни высокаго самоотверженія. Съ приближеніемъ минуты покоя, ростетъ высота его духа въ спокойномъ созерцаніи вѣчности. Каждое изъ этихъ посланій писано въ ожиданіи смерти, въ видѣ послѣдняго завѣта умирающаго, въ блаженномъ предвкушеніи рая. Это въ полномъ смыслѣ Христіанская исповѣдь, торжественная отходная человѣка, котораго душа отрѣшилась отъ міра и переселилась на небо. Здѣсь умолкаетъ внезапно языкъ страстей человѣческихъ; душа безсмертная тоскуетъ въ тѣсной своей оболочкѣ и свободно бесѣдуетъ съ Богомъ. «Я много боролся съ сновидѣніями,» — писалъ онъ немедленно послѣ третьяго допроса;—«я видѣлъ во снѣ бѣгство папы и заточеніе друга моего, Іеронима; всѣ темницы, черезъ которыя суждено мнѣ было пройти, въ неопредѣленныхъ образахъ, но ясно, раскрывались передъ моими глазами. Я видѣлъ змѣй съ головами на хвостахъ и ужасъ обнималъ меня, но ни одна

(3) Эта протестація повторяется во многихъ письмахъ; въ 18-мъ къ Университету, стр. 63; въ 20-мъ къ друзьямъ, 64; въ 27-мъ къ Хлуму, 65 на об; 66; въ 39-мъ и 41-мъ къ кардиналу Остійскому, 70.

изъ нихъ не смѣла ко мнѣ прикоснуться. О, сколько искушеній терпѣлъ я и тѣломъ и духомъ! О какъ боялся я изнемочь въ исполненіи заповѣди Господа Іисуса Христа!» (1) Теперь прекращаются видѣнія символовъ; начинаются откровенія Вѣры. Такъ, въ день верховныхъ Апостоловъ, онъ исполняется радости, созерцая ихъ въ славѣ. «Христосъ, Царь славы, увѣнчалъ сегодня Петра и Павла, Петра распятіемъ, Павла усѣкновеніемъ, и ввелъ ихъ въ обители небесной отчизны, гдѣ служеніе Богу есть величіе царственное. Въ трудѣ и подвигѣ, во алчбѣ и жаждѣ, въ темницѣ и ранахъ, они выстрадали соединеніе съ Богомъ. Они прошли путемъ страданій въ безконечную радость, въ спокойную жизнь безстрастія. И Петръ и Павелъ соцарствуютъ Царю вѣковъ, предстоятъ хорамъ Ангельскимъ, созерцаютъ Бога своего во славѣ, не чувствуютъ горести смертной, исполнены неизреченнаго торжества. О вы, преславные мученики, побѣдившіе ужасы смерти, молитесь за насъ, да укрѣпимся вашимъ ходатайствомъ, да будемъ причастниками славы вашей, пріобщившись страданіямъ» (2). Въ другомъ письмѣ: «Богъ Всемогущій утвердитъ сердца своихъ вѣрныхъ, избранныхъ прежде сложенія міра, и сподобитъ ихъ вѣнцовъ славы неувядаемыхъ. Пусть свирѣпствуетъ на всей волѣ своей антихристъ: онъ не одолѣетъ Христа, а Христосъ умертвитъ его дыханіемъ устъ Своихъ. И тогда свободится тварь отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ. «Блажени вы, когда возненавидятъ васъ человѣки, и когда разлучатъ васъ, и изгонятъ, и пронесутъ имя ваше какъ злое, Сына человѣческаго ради. Радуйтеся и веселитеся, ибо награда ваша велика на небесахъ.» О чудное утѣшеніе, о слово Божіе, невмѣстимое для немощи человѣческой! Не самъ ли доблестный воинъ, Христосъ, предвидѣвшій тридневное Свое воскресеніе, славную побѣду надъ смертію и искупленіе падшихъ, послѣ Тайной Вечери, возмутился духомъ и сказалъ Апостоламъ: «Прискорбна есть душа Моя до смерти.» И, восшедъ на

(1) Ep. 33, 68 на об.
(2) Ep. 22, 65.

молитву, началъ скорбѣть и тужить, и въ подвигѣ укрѣпляемъ былъ ангеломъ, и былъ потъ Его какъ капли крови, каплющія на землю. И Онъ же, возмутившійся духомъ, говорилъ вѣрнымъ: «Да не смущается сердце ваше, ибо Я вѣчно съ вами, и побѣдите злобу свирѣпствующихъ.» Отсюда, взирая на Начальника и Совершителя славы, воины Христовы прошли сквозь огонь и воду, и пріяли вѣнцы нетлѣнные отъ Господа Бога. Онъ пострадалъ за насъ, оставивъ примѣръ, да послѣдуемъ стопамъ Его. Ему подобало пострадать, какъ Самъ Онъ сказалъ: «И намъ подобаетъ, дабы члены сострадали главѣ.» О Боже крѣпкій! Повлеки насъ немощныхъ за Собою. Если Ты не привлечешь насъ, мы не можемъ послѣдовать. Дай намъ силу духовную: плоть немощна, но пусть благодать Твоя предварить и посредствуетъ, и послѣдуетъ. Дай намъ духъ бодрый, сердце безстрашное, вѣру истинную, упованіе твердое, любовь совершенную, да съ терпѣніемъ и радостію положимъ за Тебя душу свою» ([1]). Каждое мгновеніе Гусъ ожидалъ приговора, и каждое посланіе оканчиваетъ опасеніемъ, что оно будетъ послѣднимъ, что оно писано на канунѣ его осужденія. Гусъ удивляется, и вмѣстѣ радуется, проволочкѣ Собора: онъ видитъ въ ней особенное смотрѣніе Божіе. «Богъ знаетъ, почему Онъ откладываетъ смерть мою и возлюбленнаго брата моего, Іеронима. Онъ даетъ намъ время привести себѣ на память грѣхи юности и принести сердечное покаяніе. Онъ даетъ намъ время продолжительнымъ и тяжкимъ искушеніемъ омыть грѣхи тяжкіе и стяжать утѣшеніе. Онъ даетъ время обдумать страданія нашего Господа, сродниться съ мыслію о смерти, потому что вѣчная жизнь не тотчасъ дается за благами жизни земной, потому что многими скорбьми святые вошли въ Царствіе Божіе» ([2]).

Между тѣмъ какъ Гусъ предавался уже всѣмъ восторженнымъ чувствамъ души, заранѣе переселившейся въ вѣчность, Соборъ откладывалъ свое рѣшеніе, старался дѣйствовать на убѣжденія Гуса. По словамъ Кохлея, когда Іеронимъ былъ

(1) Ep. 30, 67: 23-го Іюня.
(2) Ep. 14, 62: 28-го Іюня.—Ep. 23, 65; 29-го Іюня.

также задержанъ на Констанцкомъ Соборѣ, и оба великіе двигателя мысли и дѣла въ государствѣ Чешскомъ находились во власти Собора, тогда уже возникла мысль о томъ наказаніи, какому нужно было подвергнуть ихъ. Изъ словъ Рейхенталя видно, что и тогда духовенство считало костеръ только крайнею мѣрою; что оно согласно было помириться и на вѣчномъ заточеніи того и другаго, лишь бы только отнять у нихъ средства проповѣдывать въ Чехіи и въ другихъ государствахъ Славянскихъ (¹); и на общемъ Соборѣ положено было, чтобы оба были задержаны въ одномъ изъ Швейцарскихъ монастырей по собственному выбору, съ приличнымъ содержаніемъ, съ условіемъ никогда не возвращаться въ отечество, и собственноручно, за своими печатями, засвидѣтельствовать свои заблужденія. 12 Іюня прочтено на Соборѣ 4-е посланіе Чеховъ, подписанное уже 250 панами, которые грозно требуютъ освобожденія Гуса. 15 Іюня публично осуждено на Соборѣ причащеніе подъ обоими видами, въ такихъ выраженіяхъ: «Конечно, должно сознаться, что оно установлено Іисусомъ Христомъ и оправдано примѣромъ Апостоловъ и всей первоначальной Церкви; но послѣ вышло изъ употребленія въ отношеніи къ мірянамъ и, такимъ образомъ, въ Церковь вошелъ похвальный обычай, котораго никто преступать не смѣетъ безъ позволенія духовенства. Еретики въ Моравіи и Чехіи,»—гласитъ далѣе рѣшеніе Соборное,—«называютъ ересью изъятіе Чаши для мірянъ. Они, какъ противники обычаевъ Римской Церкви, должны вынести на себѣ всю строгость инквизиціоннаго суда». Это первый шагъ, сдѣланный на Констанцкомъ Соборѣ къ дальнѣйшему истребленію ереси. Заботливые прелаты имѣютъ въ виду не одно настоящее; они стараются устранить все, что можетъ положить преграды ихъ будущему безопасному владычеству въ Чехіи; они думаютъ, что достаточно ввести инквизицію въ эту страну, чтобы подавить въ ней вѣроисповѣдное броженіе. Гусъ смѣется надъ ухищреніями близорукихъ, непреложно вѣруя въ духовную силу своего народа; онъ, въ свѣтлую минуту предвѣдѣнія, созер-

---

(3) Lenfant, Hist. du C. de Const. 347.

цаетъ съ восторгомъ будущую славу Чехіи, приготовленную его многотрудною дѣятельностію. «Еще живъ Господь,» — пишетъ онъ въ одномъ изъ предсмерныхъ своихъ посланій, — «Который можетъ сохранить васъ Своею благодатію и ввергнуть въ геенну огненную враговъ Своей истины. Я твердо надѣюсь на Его милосердіе; не пройдетъ еще тридцати лѣтъ, когда вы всѣ вмѣстѣ возрадуетесь (1); они разлетятся въ разныя стороны какъ мотыльки, и совѣты ихъ какъ паутина (2). Когда нибудь школа антихриста оставитъ васъ въ покоѣ и будетъ смотрѣть на васъ съ уваженіемъ. Констанцкій Соборъ не перешагнетъ за предѣлы Чехіи. Когда всѣ члены Собора будутъ разсѣяны въ мірѣ, какъ журавли, они узнаютъ зимой, что сдѣлали лѣтомъ» (3).

Послѣдній мѣсяцъ Гусовой жизни былъ временемъ тяжкаго искушенія для его терпѣнія и вѣры. Множество лицъ шло на перекоръ его твердой рѣшимости умереть за правду. Первое мѣсто между этими искусителями занимаетъ опять Стефанъ Палечъ, эта странная личность, имѣющая такое роковое вліяніе на судьбу Яна Гуса. Палечъ приходилъ часто въ темницу въ послѣднихъ числахъ Іюня. Но можно заключить изъ Гусовой переписки, что онъ приходилъ уже не грознымъ судьею, а болѣе утѣшителемъ. Еще 16-го Іюня Гусъ отзывался объ немъ, какъ о гонителѣ правды; но послѣ одумался, и, до смерти Гуса, онъ уже чувствовалъ первые начатки мучительныхъ угрызеній совѣсти, которые преждевременно свели его въ могилу. Гусъ проложилъ дорогу примиренію съ Палечемъ, пожелавъ исповѣдаться ему, какъ духовному отцу. «Я просилъ своихъ коммиссаровъ прислать мнѣ Палеча для принятія исповѣди. Я сказалъ имъ: «Палечъ мой главный гонитель, я хочу ему исповѣдаться; либо дайте мнѣ другаго способнаго мужа.» Палечъ явился по требованію Гуса, но отказался отъ исповѣди. Торжественность настоящей минуты, воспо-

(1) Ep. 28, 66, 66 на об. 16-го Іюня.
(2) Ep. 12, 60 на об. 25 или 26 Іюня.
(3) Ep. 13, 61 на об. 24 Іюня.

минаніе прошедшаго и мрачный взглядъ на грядущее, ожывили старинную дружбу, которая въ одномъ являлась продолженіемъ неизмѣннаго чувства, въ другомъ обнаруживалась въ обличительномъ судѣ совѣсти. «Палечъ пришелъ ко мнѣ,»—пишетъ Гусъ,—«и мы плакали вмѣстѣ. Я просилъ у него прощенія, если когда либо мнѣ случалось опорочить его какимъ нибудь словомъ, въ особенности за то, что я называлъ его въ своемъ сочиненіи выдумщикомъ (fictor) и виновникомъ всѣхъ моихъ золъ. Но когда я напомнилъ ему, что на публичномъ допросѣ, при чтеніи статей лжесвидѣтелей, онъ сказалъ обо мнѣ: «Человѣкъ этотъ не боится Бога!» онъ отрекся отъ своего слова, но сознался въ томъ страшномъ привѣтствіи, какимъ онъ встрѣтилъ меня въ темницѣ, въ присутствіи коммиссаровъ, во время тяжкой болѣзни моей, что съ самаго Рождества Христова не возставало еретиковъ опаснѣе Виклефа и меня для Католической Церкви. Я еще напомнилъ ему его слово, что «всѣ, слушавшіе мои проповѣди, заражены ересью въ ученіи объ Евхаристіи.»—«Я не дѣлалъ общаго заключенія,»—отвѣчалъ Палечъ,—«а сказалъ только: «многіе.» Но я знаю вѣрно, что онъ говорилъ такъ. И когда я укорялъ его, говоря: «О магистръ! какой грѣхъ ты берешь себѣ на душу. Я умру, или буду сожженъ. Скажи, какая участь ожидаетъ тебя въ Чехіи?» Онъ не сказалъ мнѣ ни слова (1).» Палечъ старался поправить свою ошибку, и всѣми мѣрами побуждалъ къ отреченію непреклоннаго Гуса. «Онъ сказалъ мнѣ, въ видѣ совѣта, что мнѣ не должно смотрѣть на отреченіе, какъ на безславіе, а думать только о благихъ слѣдствіяхъ онаго. Я отвѣчалъ ему: «Но, вѣдь, гораздо больше позора въ осужденіи и огненной казни, чѣмъ въ отреченьи? Послѣ этого самъ разсуди: стыда ли я боюсь? Но скажи мнѣ откровенно: что бы ты рѣшился сдѣлать на моемъ мѣстѣ, убѣжденный въ лживости обвиненій, на тебя возводимыхъ? Захотѣлъ ли бы ты отречься отъ мнимыхъ ересей?»—«Конечно, нѣтъ (grave est),» — отвѣчалъ Палечъ. И онъ тотчасъ заплакалъ, и я долго бесѣдовалъ съ нимъ, укоряя его съ кротостію (2).»

(1) Ep. 31, 68.—Ep. 33, I, 68 на об.
(2) Ep. 30, 66 на об., 67.

Кромѣ Палеча, по настоянію Сигизмунда, Соборъ безпрестанно отряжалъ къ Гусу навязчивыхъ совѣтниковъ, которые тщетно старались уговорить его къ отреченію. Вотъ его собственныя слова: «Было у меня много совѣтниковъ, много учителей, но мало мнѣ въ нихъ утѣшенія. Они выбивались изъ силъ, желая доказать, что мнѣ можно и должно отречься законно, подчиняясь опредѣленію Св. Церкви и, представителя ея, Вселенскаго Собора. Но никто изъ нихъ не умѣетъ найти надлежащей уловки, какъ скоро я поставлю его въ свое положеніе, т. е., въ полной увѣренности, что онъ никогда не проповѣдывалъ, ни защищалъ, ни утверждалъ такой-то ереси, можетъ ли онъ, безъ зазрѣнія совѣсти, дать на себя ложное свидѣтельство? Другіе толковали это иначе.—«Дѣло не въ отреченіи,»—говорили они; «отъ тебя требуютъ лишь вообще отказаться отъ ересей, хотя бы ты никогда не держался ихъ.»—Другіе говорили напротивъ, что «самое отреченіе не что иное, какъ отрицаніе, чего бы то ни было засвидѣтельствованнаго: все равно, будетъ ли то ложь, или истина.»—«Хорошо,» говорю я совѣтникамъ:—«я согласенъ утвердить клятвенно, что я никогда не проповѣдывалъ, ни утверждалъ, ни защищалъ, ни впредь не буду защищать этихъ ересей, засвидѣтельствованныхъ Соборомъ.» И предложеніе мое имъ не по сердцу. Иные говорили еще, что «человѣкъ истинно невинный и праведный, который созналъ бы себя грѣшникомъ по смиренію, сдѣлалъ бы угодное Богу.» Въ подкрѣпленіе послѣднимъ словамъ одинъ и привелъ примѣръ изъ Житій святыхъ, что одному святому подложилъ кто-то подъ изголовье книгу: обвиненный въ ея похищеніи, святой сначала отрекся; но какъ скоро повторили ему: «Ты унесъ эту книгу и положилъ ее на постелю,» онъ, увидавъ книгу, самъ сознался въ винѣ небывалой. Другой примѣръ привели мнѣ изъ житія свят. Марины, долго жившей въ монастырѣ въ мужскомъ одѣяніи. Когда обвиняли ее въ преступной связи съ женщиною, отъ которой родился мальчикъ, она приняла грѣхъ на себя, взяла къ себѣ мальчика на воспитаніе и ужь по смерти доказала свою непорочность. И множество другихъ примѣровъ приводили они. Особенно отличился одинъ Англичанинъ: «Я бы на твоемъ

мѣстѣ, магистръ, по чистой совѣсти, непремѣнно отрекся. У насъ, въ Англіи, всѣ магистры—послушные сыны Церкви: подпавшіе подозрѣнію во мнѣніяхъ Виклефа, всѣ по ряду отреклись, по повелѣнію архіепископа.»—Вчера кончили тѣмъ, что мнѣ должно безусловно поручить себя милости Собора (¹).» Совѣтники Гуса не хотѣли понять, что въ исповѣданіи истины Божіей и древніе мученики не подавались на льстивыя предложенія тирановъ, поклониться богамъ только для вида, и что приведенные примѣры святыхъ были здѣсь вовсе не кстати. Гусъ отвѣчалъ превосходно: «Спаситель, воскресившій изъ гроба смердящаго—четверодневнаго Лазаря, руками ангела изведшій святаго Петра изъ темницы, развѣ не могъ бы, въ славу свою, и для пользы вѣрныхъ своихъ, избавить и меня, недостойнаго, отъ темницы и смерти? Или укоротилась десница Его? Но да будетъ воля Господня всегда и во всемъ (²)!» Онъ часто этихъ лжеумствователей приводилъ къ заключеніямъ нелѣпымъ. «Одинъ докторъ сказалъ мнѣ: «Что бы ты ни сдѣлалъ изъ повиновенія власти Собора, все это законно и праведно. На примѣръ: если бъ вздумалось Собору сказать, что у тебя одинъ только глазъ, тогда какъ ихъ два, то ты долженъ непремѣнно согласиться съ Соборомъ.»—«Нѣтъ,»—отвѣчалъ я,»—если бъ міръ весь сталъ утверждать такую нелѣпость, мнѣ здравый разсудокъ не дозволитъ допустить ее безъ зазрѣнія совѣсти.»—Послѣ долгихъ споровъ, докторъ самъ отказался отъ словъ своихъ. «Справедливо,»—сказалъ онъ;—«я привелъ не совсѣмъ удачный примѣръ (²).» Михаилъ de Causis дѣйствовалъ въ прежнемъ духѣ. Гусъ разсказываетъ, что онъ нѣсколько разъ подходилъ къ темницѣ и говорилъ сторожамъ: «Мы, по милости Божіей, въ скоромъ времени сожжемъ этого еретика, за котораго переплатилъ я много флориновъ. Онъ запретилъ впускать въ темницу кого бы то ни было, даже женъ сторожей. «Я ему зла не желаю,»—отвѣчалъ благородный узникъ;—«я давно ужъ передалъ отмщеніе Богу, и по силамъ молюсь за гонителя.» Въ ожиданіи мучительной смерти, Гусъ

---

(1) Ep. 31, 67 на об.
(2) Ep. 32, 68.

съ тѣхъ поръ, какъ сложилъ съ себя свидѣтельство совѣсти, оставался покоенъ и утѣшаясь молитвой: «Господь со мною, какъ крѣпкій воитель. Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой. Кого убоюся? Господь защитникъ души моей. Кого устрашуся. Боже! взываю я въ антифонѣ. Я терплю поношеніе, говори за меня. Я не знаю, какъ отвѣтить врагамъ моимъ (1).» Готовясь къ смерти, онъ исповѣдался у какого-то монаха-доктора, который выслушалъ его кротко и милостиво, разрѣшилъ и утѣшилъ и, къ удивленію Гуса, не побуждалъ его къ отреченію, подобно прочимъ (2). Также мало тронулъ его приговоръ о сожженіи книгъ его, произнесенный Соборомъ 24 Іюня. Онъ писалъ только друзьямъ своимъ, что онъ удивляется гордости и неразумію Собора, осудившаго его Чешскія книги, которыхъ онъ никогда не видалъ и понять не можетъ, исключая одного Лютомышльскаго епископа и Чешскихъ измѣнниковъ. «Не ужасайтесь, друзья мои, рѣшенію Собора о сожженіи книгъ моихъ. Вспомните, что народъ Израильскій жегъ также книги Іереміи пророка; но не избавился тѣмъ отъ прещеній, въ нихъ заключавшихся.» Послѣднее искушеніе, которое онъ долженъ былъ вынести, были тайныя увѣщанія предсѣдателя Собора, кардинала Остійскаго, Іоанна Брогньи, подчиниться рѣшенію Собора (3). Такъ самые высшіе

---

(1) Объ отреченіи Гуса говоритъ Рейхенталь и Кохлей. Опроверженіе см. у Lenfant, H. du C. de Const. l. III. § 16, pag. 346—349. Теперь, кажется, лишнее доказывать неосновательность этого показанія Католиковъ.

(2) Ep. 31, 67 на об.—Hist. Sanct. Mart. 28 на об.

(3) Лютеръ, издавшій письма Гусовы 1537-го г., выставилъ въ заглавіи писемъ 38—41 названіе кардинала Bubbe. Ланфанъ опровергаетъ это, какъ догадку неосновательную, и считаетъ тайнаго покровителя Гусова простымъ монахомъ. Но доказательства его не выдерживаютъ критики. 1) Онъ говоритъ, что Гусъ въ письмѣ къ кардиналу назвалъ бы его не «reverende,» а «reverendissime,» какъ онъ называетъ Камбрейскаго и Флорентинскаго. Между тѣмъ въ Hist. Sanct. Mart. видно, что Гусъ, когда обращался ко всѣмъ кардиналамъ, называлъ ихъ «reverendissimi patres,» а кардиналу Камбрейскому говорилъ всегда только «reverende (14 на об. 17-я,» статья 3-й аудіенціи 16 на об.) Также и кардиналъ, продолжаетъ Ланфанъ, не назвалъ бы Гуса братомъ, а скорѣе сыномъ. Но самъ же Ланфанъ, переводя письмо кардинала, не могъ не замѣтить обращенія: «*fili mi*, audi legem matris tuae.» 2) Кардиналъ, предсѣдательствовавшій на Соборѣ и сказавшій Гусу, на второй (а не первой) аудіенціи: «Въ темницѣ рѣчи твои были скромнѣе;» былъ вовсе не Остійскій, а Камбрейскій,

представители Церкви давали блестящее свидѣтельство его правовѣрію. Два раза кардиналъ повторялъ ему свое предложеніе, и два раза Гусъ отрекался, желая умереть, подобно Елеазару и Маккавеямъ, подвергнуться временной казни, чтобы тѣмъ вѣрнѣе избѣжать вѣчной. «Имѣя предъ глазами (такъ пишетъ онъ къ кардиналу) сонмъ св. мучениковъ и мученицъ Новаго Завѣта, которые вручили себя страданіямъ, не желая согласиться на беззаконіе, могу ли я, столько лѣтъ учившій народъ терпѣнію и твердости духа, измѣнить совѣсти и соблазнить многихъ вѣрныхъ сыновъ Божіихъ? Да не будетъ такъ, потому что Христосъ Богъ съ избыткомъ вознаградитъ меня, ниспосылая оружіе терпѣнія въ предстоящихъ страданіяхъ.»

5-го Іюля 1415-го года, Сигизмундъ въ послѣдній разъ отправилъ къ Гусу въ темницу четырехъ епископовъ и съ ними Вячеслава изъ Дубы и Яна изъ Хлума, спросить его, объ окончательномъ рѣшеніи. Гусъ вышелъ на встрѣчу посольству, и рыцарь изъ Хлума первый обратился къ нему съ такими словами: «Мнѣ, магистръ, какъ человѣку некнижному, не подобаетъ давать совѣты такому ученому мужу, какъ ты. Но прошу тебя, если ты дѣйствительно сознаешь себя виновнымъ въ какомъ либо заблужденіи изъ приписываемыхъ тебѣ Соборомъ, не затрудняйся своимъ отреченіемъ. Если нѣтъ, то я не смѣю совѣтовать тебѣ говорить противъ

фана ввело въ заблужденіе, что во все время безначалія въ Церкви Латинской на Соборѣ предсѣдательствовалъ дѣйствительно Іоаннъ Броньи, какъ старшій кардиналъ-епископъ. Но самъ Гусъ въ письмѣ говоритъ только о кардиналѣ: «Supremus Concilii *et a Concilio deputatus in publica audientia*;» а извѣстно, что начальникъ второй коммиссіи, наряженной для суда надъ Гусомъ, былъ именно кардиналъ Камбрейскій. Янъ кардиналъ изъ Рейнштейна, ректоръ Пражскаго университета, вовсе не былъ монахомъ, а потому названіе отца въ донесеніи Гуса о второй аудіенціи, относится именно къ кардиналу. 1) Свидѣтельство Лютера во всякомъ случаѣ стоитъ вниманія, ибо онъ могъ взять его изъ источниковъ, намъ недоступныхъ, или даже изъ преданія, въ то время еще свѣжаго. 2) Въ пользу того же говоритъ самый тонъ письма безвѣстнаго покровителя Гуса, когда онъ пишетъ ему: «Не ты осуждаешь истину, а они (кардиналы и епископы), qui sunt majores vestri et etiam nostri de præsenti.» Такъ могъ говорить только одинъ изъ старшихъ представителей Церкви, въ отношеніи къ цѣлому Собору; простой монахъ ниже не только цѣлаго Собора Церковнаго, а и всякаго кардинала въ особенности.

совѣсти, но, съ своей стороны, убѣждаю тебя пожертвовать жизнію для сознанной истины.» Гусъ отвѣчалъ со слезами: «Еще разъ призываю въ свидѣтели Всевышняго Бога, что я готовъ немедленно отъ полноты сердца перемѣнить свое мнѣніе и засвидѣтельствовать ересь свою всенароднымъ отреченіемъ, если только Соборъ докажетъ мнѣ противное на основаніи Слова Божія.» Тутъ одинъ изъ епископовъ съ досадой спросилъ его: «Хочешь ли быть умнѣе всего Собора?» Гусъ отвѣчалъ съ тою же твердостью и достоинствомъ, что онъ не только не дѣлаетъ себя умнѣе Собора, но готовъ подчиниться опредѣленію малѣйшаго изъ членовъ его, впрочемъ не иначе, какъ на основаніи Библіи.—«Какое упорство!» возразили епископы и, приказавши отвести его въ темницу, возвратились съ отвѣтомъ его къ Королю (1).

На другой день, 6-го Іюля 1415 года, въ субботу, Гусъ выведенъ изъ темницы епископомъ Рижскимъ и приведенъ въ Соборную Констанцкую церковь, куда собралось все великое множество духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ подъ предсѣдательствомъ кардинала Остійскаго. Сигизмундъ присутствовалъ самъ, въ императорской мантіи и царской коронѣ; его окружали курфирсты, занимая мѣста по старшинству и порядку; за ними другіе владѣтельные князья и вельможи имперіи. Пфальцграфъ, курфирстъ Людовикъ Баварскій, держалъ золотую державу; Фридрихъ, бургграфъ Нюренбергскій,—скипертъ; Генрихъ, герцогъ Баварскій,—корону; одинъ изъ Угорскихъ вельможъ,—мечь императора. Во время литургіи, которую служилъ Гнѣзненскій архіепископъ, Гусъ, окруженный воинами, сталъ у церковныхъ дверей для того, чтобы присутствіе еретика не осквернило храма; по окончаніи же службы введенъ былъ въ собраніе. Среди храма, на высокомъ амвонѣ, нарочно для того приготовленномъ, поставленъ былъ Гусъ, чтобъ быть на виду у всѣхъ; а возлѣ него, на деревянномъ столѣ, лежало священническое его облаченіе. Но прежде, нежели взойти на амвонъ, онъ

---

(1) Hist. Sanct. Mart. 23-е на об. Увѣщанія двухъ епископовъ 1-го Іюля, у Von der Hardt (IV, 345), кажется, не что иное, какъ его посольство отъ 5-го Іюля.

бросился передъ нимъ на колѣна и долго молился. Между тѣмъ епископъ города Лоди произнесъ Собору проповѣдь на слово апостола Павла: «Да упразднится тѣло грѣховное» (Рим. VI, 6.). Здѣсь описывалъ онъ всѣ ужасныя слѣдствія разъединенія Церкви и гибельное вліяніе его на все Христіанство. Потомъ обратился къ королю Сигизмунду и объявилъ ему, что его Богъ избралъ преимущественно для совершенія святаго дѣла, умиренія Церкви смертію еретиковъ; что ему предоставлено искоренить ересь, и въ особенности упорнаго еретика и начальника ересей, заразившаго своими заблужденіями большую часть вселенной. По окончаніи этой заказной проповѣди, четверо епископовъ, выборные отъ четырехъ народовъ, возвели Гуса на приготовленный амвонъ, и прокураторъ Собора, Генрихъ de Piro, потребовалъ окончанія тяжбы его и заключительнаго рѣшенія. Предварительно прочтено было однимъ изъ епископовъ Соборное узаконеніе, въ которомъ всѣ предстоящіе, не исключая особы императора, вызывались, подъ опасеніемъ анаѳемы и двухмѣсячнаго заключенія въ темницѣ, не нарушать тишины никакимъ изъявленіемъ чувства, ни словомъ, ни рукоплесканіемъ, ни всякимъ тѣлодвиженіемъ. Среди торжественной тишины, прочтены снова 30 статей, выбранныхъ изъ 260 заблужденій Виклефа, и снова преданы проклятію на вѣки вѣковъ. Потомъ прочтена была слѣдственная бумага виновнаго папскимъ аудиторомъ, Бертольдомъ фонъ Вильдунгенъ,—30 обвинительныхъ статей, повтореніе старыхъ съ небольшими измѣненіями, и показанія свидѣтелей, признанныя за достовѣрныя отцами Собора. Между прочимъ въ число обвиненій включено было новое ученіе, что въ Христѣ несліянно и нераздѣльно соединяются два естества, Божеское и человѣческое. При чтеніи отдѣльныхъ статей, Гусъ нѣсколько разъ пытался на нихъ отвѣчать. «Молчи!»—сказалъ ему строго Камбрейскій.—«Если хочешь, то послѣ можешь отвѣчать на всѣ вдругъ.»—«Помилуйте!»—воскликнулъ несчастный.—«Какъ могу я отвѣчать на всѣ разомъ, когда нѣтъ возможности удержать ихъ въ памяти?—«Замолчишь ли ты?»—прибавилъ кардиналъ Флорентинскій, и когда Гусъ громко продолжалъ протестовать, то кардиналъ Забарелла

приказалъ стражѣ принудить его къ молчанію. — «Ради Бога,» — воскликнулъ Гусъ, поднимая руки къ небу, — «дайте мнѣ свободу, по мѣрѣ чтенія обвинительныхъ статей, отвѣчать отдѣльно на каждую, чтобы предстоящій народъ могъ слышать мои оправданія; потомъ располагайте мною, какъ хотите.» — Но тщетны были всѣ просьбы. Тогда Гусъ снова палъ на колѣна и, поднявъ руки и глаза къ небу, громкимъ голосомъ поручилъ свое дѣло Богу и Господу своему, Іисусу Христу. «Отъ Тебя, Господи,» — такъ взывалъ онъ въ пламенной молитвѣ, — «отъ Тебя я надѣюсь безъ труда получить исполненіе просьбы моей.» — Изрѣдка между свидѣтельствами вырывались нелѣпыя обвиненія и страшныя небылицы. Такъ, не смотря на то, что на второмъ слушаніи, ученіе Гуса о пресуществленіи признано было вполнѣ правильнымъ, оно снова явилось въ числѣ обвиненій, и когда Гусъ, въ послѣдній разъ отрекся отъ него громогласно, никто на Соборѣ не обратилъ вниманія на законное заявленіе несогласія его (протестацію), и чтеніе продолжалось по прежнему. Но когда прочтено было обвиненіе, засвидѣльствованное общей молвой, а преимущественно показаніями какого-то доктора богословія, и другихъ, которые слышали его отъ самого Гуса, что въ Таинствѣ Существа Божественнаго больше трехъ лицъ, и что Гусъ самъ есть четвертое лице св. Троицы, онъ не могъ выдержать и потребовалъ съ негодованіемъ указанія и имени безсовѣстнаго свидѣтеля. — «Это лишнее,» — отвѣчали епископы. — «О, я несчастный,» — воскликнулъ онъ, въ сильномъ движеніи, — «что уши мои принуждены слышать такую безумную хулу!» И пока чтеніе статьи продолжалось, онъ съ своей стороны, въ слухъ Собора читалъ Аѳанасіевъ Символъ. При чтеніи статьи объ перенесеніи дѣла своего (аппелляціи) на судъ къ Іисусу Христу, когда его провозглашали еретикомъ, онъ съ восторгомъ поднялъ руки къ небу. — «О! внемли, сладчайшій Іисусе!» — сказалъ онъ, — «какъ Соборъ Твой заклеймилъ всенародно названіемъ ереси Твое собственное слово и дѣло, когда, озлобляемый свидѣтельствомъ враговъ Твоихъ, Ты предалъ Свое правое дѣло въ руки Бога Отца, Судіи Всеправеднаго, вызывая и учениковъ Твоихъ къ подражанію Твоему благому примѣру!» Наконецъ обвинили его еще разъ въ презрѣніи

къ отлученію папскому, въ продолженіе котораго онъ не прекращалъ ни проповѣди, ни богослуженія. « Я не презиралъ отлученія,»—возразилъ Гусъ,—«но, считая его незаконнымъ, обличалъ его въ проповѣдяхъ и продолжалъ богослуженіе. Причины, по которымъ я не могъ лично явиться по вызову папы, извѣстны. Прокураторы, мною выставленные, подверглись личнымъ обидамъ. Всѣ подробности тяжбы доказываютъ незаконность моего отлученія. Чтобъ избавиться отъ обвиненія въ упорствѣ, я, по доброй волѣ, явился на Соборъ, подъ опасною грамотою Императора.» При этихъ словахъ онъ пристально взглянулъ на Сигизмунда. Императоръ не вынесъ обличительнаго взора: сильный румянецъ покрылъ его блѣдныя щеки. Когда кончилось чтеніе статей, аудиторъ Собора прибавилъ, что въ Готлибенскомъ замкѣ Гусъ изъявилъ готовность подчиниться рѣшенію Собора; но, въ третій разъ спрошенный, письменно отрекся отъ своего обѣщанія и подвердилъ это 5 Іюля 10 уполномоченнымъ отъ Собора, которые тщетно истощали всѣ средства направить его на путь истины.

Послѣ чтенія слѣдственной бумаги, епископъ Конкордіи, соборный судья («senex calvitio insignis») произнесъ два приговора. Въ первомъ, направленномъ на сочиненія его, сказано было, что Гусъ, ученикъ не Іисуса Христа, а ересіарха Іоанна Виклефа, осмѣлился публично проповѣдывать и защищать въ университетѣ и школахъ многія страшныя ереси, которыя и прочтены ему вслухъ, на полномъ засѣданіи Собора, признаны имъ за свои и собственноручно подписаны. Эти статьи Соборъ осудилъ, допуская между ними, однако же, различіе ложныхъ (erronei), соблазнительныхъ (scandalosi), дерзкихъ и возмутительныхъ (temerarii et seditiosi) и вполнѣ еретическихъ (notorie hæretici). Всѣ книги, въ которыхъ онѣ высказаны, какъ на Латинскомъ, такъ и на Чешскомъ языкѣ, присуждаются къ сожженію, и надъ исполненіемъ приговора въ точности мѣстные инквизиторы обязаны имѣть самое строгое наблюденіе. Здѣсь Гусъ позволилъ себѣ вопросъ: какъ могутъ они осуждать сочиненія, которыхъ, большею частію, не понимаютъ, по незнанію Чешскаго языка? и, не получая отвѣта, началъ снова молиться.

За тѣмъ прочтенъ приговоръ, который самого Гуса за ученіе, осужденное церковнымъ Соборомъ, и за упорство въ его защищеніи, приговаривалъ къ лишенію священства и церковнаго сана. Гусъ хранилъ принужденное молчаніе. Когда же дѣло дошло до упорства: «Вотъ это,» — вскричалъ онъ, — «передъ Богомъ неправда. Я теперь, какъ и прежде, прошу доказательствъ изъ св. Писанія, и до того ненавижу неправду, что, если бъ могъ однимъ словомъ ниспровергнуть всѣ ереси, меня не устрашила бы никакая опасность.» Когда стали читать его осужденіе, онъ преклонилъ колѣна и молился: «Господи, Іисусе Христе! Прости врагамъ моимъ, неправедно меня осудившимъ. Прости имъ, молю Тебя, по великой Твоей милости!» А тѣ самые, за которыхъ онъ молился, безумнымъ смѣхомъ нарушали торжественный покой его молитвы.

Началось разстриженіе. Для этого обряда, совершавшагося, обыкновенно, съ великою пышностію, предварительно выбранъ былъ архіепископъ Миланскій съ шестью епископами городовъ Фельтры, Аста, Александріи, Бангора и Лавора. Его одѣли въ облаченіе священника и вручили ему св. чашу. Надѣвая ризу, Гусъ возгласилъ:—«Спасителя облекли въ бѣлую одежду невинности и поруганія, когда Иродъ отсылалъ Его къ Пилату.» Въ полномъ облаченіи, со всѣми признаками священнаго сана, какъ будто готовясь къ служенію литургіи, стоялъ осужденный на высокомъ амвонѣ, выставленный на показъ любопытнымъ, которые стекались во множествѣ на это зрѣлище. Тогда епископы въ послѣдній разъ уговаривали его къ отреченію. Онъ, со слезами, раздирающимъ голосомъ, сказалъ присутствующимъ: «Вотъ эти епископы убѣждаютъ меня къ всенародному отреченію. Если бъ дѣло шло только о человѣческой славѣ, они не тратили бы словъ по пустому. Но теперь я стою предъ лицемъ Господа Бога, готовлюсь предстать на судъ неумытный, и не могу измѣнить своей совѣсти и посрамить Его исповѣданіе; ибо я не сознаю въ себѣ заблужденій, отъ которыхъ принуждаютъ меня отрекаться. Я всегда думалъ, писалъ и утверждалъ противное. Какими глазами взгляну на небо, какъ подниму чело свое на все народное множество, когда

не винѣ моей поколеблются многолѣтнія его убѣжденія? Соблазнить ли мнѣ столько душъ, столько совѣстей, напитанныхъ чистѣйшимъ ученіемъ Евангельскимъ, огражденныхъ отъ козней сатаны, своимъ пагубнымъ примѣромъ? О! никогда не воздамъ чести тлѣнной храминѣ тѣла моего паче многихъ душъ христіанскихъ!» Епископы повторили обвиненіе въ упорствѣ. Они свели его съ амвона и начали его растриженіе. Сначала взяли изъ рукъ его чашу, приговаривая: «О Іудо проклятый! Зачѣмъ отринулъ ты совѣтъ мира и вступилъ въ союзъ съ беззаконнымъ сборищемъ Іудеевъ? Мы отнимаемъ у тебя чашу, напоенную кровію искупленія.» Гусъ громко отвѣчалъ: «Я твердо уповаю на милосердіе Бога отца Всемогущаго, и Господа моего, Іисуса Христа, что я въ этотъ самый день буду пить изъ чаши жизни въ царствіи Божіемъ.» Епископы совлекали съ него всѣ одежды, одну за другой, произнося, при каждомъ дѣйствіи, грозныя заклинанія, положенныя обыкновеніемъ. Когда же приступлено было къ разстриженію, между ними завязался сильный споръ о томъ, какимъ орудіемъ совершить его, бритвою, или ножницами? Гусъ, обращаясь къ Сигизмунду, съ улыбкой сказалъ ему: «Помири ихъ, Государь: они не знаютъ, какъ лучше довершить мое поруганіе.» Наконецъ, ножницы одержали верхъ; ему вымыли голову и провели крестообразные слѣды, приговаривая: «Церковь уже лишила его всѣхъ украшеній и преимуществъ; остается только вручить его свѣтской власти.» Послѣ всего ему надѣли на голову остроконечную бумажную шапку, вышиною въ локоть, формы пирамидальной, на которой написаны были три діавола страшной наружности, съ подписью: — «Се ересіархъ!» — «Господь мой Іисусъ Христосъ,» — воскликнулъ Гусъ, — «понесъ, меня ради, терновый вѣнецъ; изъ любви къ нему, я съ радостію надѣваю на себя эту шапку поруганія.» Когда послѣдній обрядъ былъ оконченъ, епископы возгласили: «Мы поручаемъ душу твою діаволамъ адскимъ.» — «А я,» — сказалъ Гусъ, бросая свѣтлый взоръ къ небу: — «Господи Іисусе Христе! въ руцѣ Твои предаю душу мою, Тобою искупленную.»

По окончаніи всѣхъ обрядовъ, епископы сказали, обращаясь къ Императору: «Св. Констанцкій Соборъ вручаетъ суду и власти гражданской растригу Яна Гуса, исключеннаго изъ Церковнаго вѣдомства.» Рейхенталь прибавляетъ, что духовенство ходатайствовало за него предъ Сигизмундомъ, прося о перемѣнѣ смертной казни на вѣчное заточеніе. Но это была только пустая обрядность, въ слѣдствіе которой представители Церкви, произнесшіе кровавый приговоръ, не могли сами привести его въ исполненіе, а умывали себѣ руки отъ крови праведнаго. Императоръ, дотолѣ безгласный свидѣтель печально торжественнаго происшествія, сказалъ курфирсту Баварскому, пфальцграфу Людовику, державшему передъ нимъ золотую державу: «Любезный герцогъ, ты, который держишь мечъ свѣтской власти не тщетно, а для наказанія злыхъ, возьми этого человѣка, Яна Гуса, и, именемъ моимъ, соверши надъ нимъ казнь, подобающую еретикамъ!» Людовикъ, съ своей стороны, вручилъ его исполнителямъ казни съ такими словами: «Возьмите Яна Гуса, который, по рѣшенію Всемилостивѣйшаго Государя нашего, Короля Римскаго, и по собственному моему повелѣнію, долженъ быть сожженъ, какъ еретикъ,» — строго наказывая сжечь его съ платьемъ и со всей его собственностью, съ поясомъ, ножемъ, кошелькомъ, не пользуясь ни одной денежкой, обреченной діаволамъ ада. Это былъ обыкновенный обрядъ, по которому, въ силу Швабскаго Зеркала, еретики нераскаянные предавались гражданской власти и ею присуждаемы были къ огненной казни.

Гусъ шелъ между двумя сотниками пфальцграфа Людовика, безъ цѣпей, окруженный четырьмя сторожами, по два съ каждой стороны. Князья, назначенные исполнителями казни, слѣдовали за нимъ въ сопровожденіи 800 вооруженныхъ. Огромная толпа народа валила за поѣздомъ; весьма многіе были подъ оружіемъ и внушали опасенія герцогу. Шествіе остановилось у какого-то моста: Гусова стража пошла впередъ; народу велѣно было проходить небольшими отрядами, а не всѣмъ вдругъ, чтобъ мостъ не проломился подъ ними отъ давки. Между тѣмъ Гусъ, проходя мимо двора епископскаго, увидалъ сожженіе книгъ своихъ, устроенное съ намѣреніемъ, для того, чтобъ предварить его казнь, и въ

послѣдній разъ поколебать его твердую волю. Это зрѣлище вызвало только на уста его улыбку презрѣнія. На пути онъ обращался ко всѣмъ проходящимъ, смиренно прося ихъ молитвъ и свидѣтельствуясь Богомъ въ своей невинности. Эти рѣчи, говоренныя съ пламеннымъ убѣжденіемъ на Нѣмецкомъ языкѣ, возъимѣли свое дѣйствіе, потому что князья сочли нужнымъ поставить сторожей подъ воротами города, для удержанія безпрестанно притекавшихъ волнъ народа.

Мѣстомъ казни назначено было чистое поле, между Готлибенской слободой и садами замка. Дошедши до этого мѣста, гдѣ уже воздвигнуты были костры, Гусъ палъ ницъ и, поднимая глаза и руки къ небу, среди торжественной тишины, произнесъ молитвенно нѣсколько псальмовъ покаянныхъ: «Помилуй мя, Боже,» и «На Тя, Господи, уповахъ.» Успокоенный молитвой, онъ нѣсколько разъ, съ просвѣтлѣвшимъ отъ умиленія взоромъ, говорилъ въ слухъ окружавшимъ: «Господи! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой.» Потомъ, обращаясь въ послѣдній разъ къ предстоящимъ, просилъ ихъ убѣдительно не считать его еретикомъ, не вѣрить его обвинителямъ.

Народъ волновался. «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виновенъ,»— раздавались голоса;—«знаемъ только, что онъ молится, что онъ говоритъ, какъ истинный праведникъ.» Иные предложили ему исповѣдаться, въ надеждѣ, что убѣжденія духовника понудятъ его къ отреченію и спасутъ отъ мучительной смерти. Только одинъ какой-то священникъ, верхомъ, въ зеленомъ плащѣ, съ краснымъ подбоемъ, упорно противился исповѣди, къ которой, по словамъ его, еретики не должны быть допускаемы. Гусъ съ радостію согласился на предложеніе народа, и Рейхенталь позвалъ знакомаго священника, Ульриха Шоранду. Но когда тотъ объявилъ ему, что онъ не иначе согласенъ исповѣдывать его и причастить свят. Таинъ, какъ съ условіемъ его отреченія, Гусъ сказалъ, что онъ не имѣетъ особенной нужды въ исповѣди, ибо не знаетъ за собой ни одного смертнаго грѣха. Онъ уже готовился по этому случаю говорить по Нѣмецки съ народомъ, но рѣчи этѣ казались опасны Католикамъ, и пфальцграфъ немедленно отдалъ приказъ о казни. Палачи

подняли Гуса, все еще стоявшаго на колѣняхъ. «Господи Іисусе Христе,»—воскликнулъ онъ, вставая,—«я смиренно переношу за Тебя страшную смерть; молюся Тебѣ, отпусти врагамъ моимъ согрѣшенія ихъ!» Пока онъ на молитвѣ поднималъ глаза къ небу, бумажная шапка слетѣла у него съ головы. Онъ улыбнулся, но воины снова надѣли ее, приговаривая: «Пусть сгоритъ она вмѣстѣ съ діаволами, которымъ онъ служилъ такъ усердно!» Получивши позволеніе говорить съ стражею, онъ благодарилъ ее по Нѣмецки за ласковое съ нимъ обхожденіе, и объявилъ, что надѣется царствовать съ Іисусомъ Христомъ, пострадавъ за Евангеліе. По окончаніи этой рѣчи, палачъ снялъ съ него платье и, скрутивъ руки назадъ, привязалъ мокрыми веревками къ столбу, глубоко вбитому въ землю. Замѣтивъ, что лице его обращено на Востокъ, служители казни нашли это неприличнымъ для еретика и поворотили его на Западъ. Шея была привязана къ столбу засаленой черной веревкой. Гусъ, замѣтивъ ее, улыбнулся: «Съ радостію принимаю это послѣднее униженіе,»—воскликнулъ онъ,—«во имя Господа моего, Іисуса Христа, понесшаго за меня еще болѣе тяжкія узы.» Ноги его стояли на двухъ вязанкахъ дровъ, перемѣшанныхъ съ соломой, все тѣло отъ ногъ до головы обложено дровами. Сохранилось преданіе, отвергаемое Палацкимъ, что какая-то старая женщина, передъ самымъ зажженіемъ дровъ, подложила съ благоговѣніемъ послѣднюю вязанку, и Гусъ, пораженный этимъ зрѣлищемъ, воскликнулъ: «Святая простота!»

Когда всѣ приготовленія кончились, въ послѣдній разъ подскакалъ къ нему имперскій маршалъ, Паппенгеймъ, посланный великодушнымъ Сигизмундомъ, уговорить его, для спасенія жизни, отречься отъ своихъ заблужденій. «Отъ какихъ заблужденій?» — воскликнулъ вдохновенный страдалецъ. «Я не сознаю въ себѣ заблужденій!» Зачѣмъ возмущаете торжественный покой души моей? Но да вѣдаетъ міръ, что я проповѣдывалъ людямъ покаяніе и оставленіе грѣховъ, согласно съ истиной Евангельской и писаніями св. Отцевъ. Я съ радостію иду на смерть.» Курфирстъ Баварскій и Паппенгеймъ пожали плечами и отъѣхали назадъ.

Когда зажгли костеръ, Гусъ запѣлъ громкимъ голосомъ: «Христе, Сыне Бога живаго! Помилуй мя грѣшнаго!» Когда онъ въ третій разъ началъ туже молитву, огонь, задуваемый вѣтромъ въ лице ему, заглушилъ его голосъ; но онъ еще двигался въ облакахъ дыма и пламени столько времени, сколько нужно для троекратнаго чтенія молитвы Господней. Историки-очевидцы сообщаютъ еще нѣсколько отвратительныхъ подробностей. Когда догорѣли дрова, открылась верхняя часть его тѣла, полуобгорѣлая, но не совсѣмъ еще сдѣлавшаяся жертвою пламени. Палачи повалили ее вмѣстѣ съ столбомъ, разрубили голову на мелкіе куски и подложили подъ нихъ новый огонь, чтобъ скорѣе горѣли. Сердце его нашлось невредимымъ; они бичевали его палками, наткнули на острую трость и изжарили особо. Они хотѣли воспользоваться и платьемъ покойника; но курфирстъ велѣлъ бросить его въ огонь, обѣщая имъ вознагражденіе. Когда тѣло сгорѣло до тла, собрали остатки костра, наложили ихъ въ телѣгу, вмѣстѣ съ золою и пепломъ, и бросили въ близъ протекающій Рейнъ, чтобы вѣрные ученики его не воздали имъ суевѣрнаго поклоненія. На мѣстѣ казни поднялся смрадный запахъ отъ вьючнаго животнаго кого-то изъ присутствующихъ кардиналовъ, зарытаго съ намѣреніемъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Но вѣрные Чехи, сгребли священную для нихъ землю, напоенную кровію мученика, и съ благоговѣніемъ отвезли ее въ Прагу, въ Виѳлеемскую церковь.

Такъ погибъ, на 42 году отъ рожденія, великій проповѣдникъ Чешскаго народа въ XV вѣкѣ! «Онъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ,»—говоритъ объ немъ суровый католикъ, Эней Сильвій; — «ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени, онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Отцу...»

ГЛАВА IV.

Происхожденіе Лютера и его дѣтскіе и юношескіе годы.—Вступленіе въ монашество.—Воздѣйствіе на него Студица.

1483—1508.

Окончивъ жизнь Гуса, согласно принятому расположенію представить въ параллели явленія Гуса и Лютера, перехожу къ послѣднему. Это обозрѣніе будетъ тѣмъ полезнѣе, что развитіе Гуса представляетъ намъ совершенную противоположность съ воспитаніемъ Лютера. Жизнь перваго я обозрѣлъ въ подробности; жизнь втораго представлю въ общихъ чертахъ, ограничиваясь болѣе внутреннею, такъ сказать, личною стороною, которая собственно не входитъ въ исторію. Біографія Гуса мало извѣстна; на личность его до сихъ поръ не обращали вниманія, по скольку она является дѣйственною въ современныхъ событіяхъ. Біографія Лютера есть вывѣска современной исторіи. Но жизнеописателю его предстоитъ важная задача обозрѣть въ подробности всѣ зародыши его юношескаго развитія, изъ которыхъ въ лѣта его зрѣлаго мужества такъ внезапно выросло великое зданіе Реформаціи. Любопытно прослѣдить тѣ пути, по которымъ этотъ дивный человѣкъ вышелъ изъ тѣсной колеи строго Католическаго пониманія на безпредѣльную дорогу реформаторскихъ уклоненій. Эта задача въ новѣйшее время превосходно рѣшена Юргенсомъ. Мнѣ остается представить въ возможно короткомъ обзорѣ итоги его изслѣдованій, касающихся не одной только жизни, но и всѣхъ впечатлѣній, заимствованныхъ имъ изъ окружающаго Латинскаго міра, не рѣдко выписывать, кой-гдѣ уклоняясь отъ него, тамъ, гдѣ противорѣчитъ ему мое собственное убѣжденіе.

Источниковъ много. Самый главный—это собственныя сочиненія Лютера, послѣ Августина, конечно, самаго обильнаго писателя-богослова, критически изданныя въ продолженіе 17 лѣтъ (1736—1753) Вальхомъ, профессоромъ Іенскаго Университета, въ 24 книгахъ, по 3000 страницъ и болѣе

каждая. Упомяну еще о біографіяхъ Лютера, принадлежащихъ его современникамъ: Меланхтону, которому Лютеръ «по порядку разсказалъ всю свою жизнь, какъ одно за другимъ слѣдовало» (1), Матезію (17 проповѣдей о жизни Лютера); изъ Латинскихъ писателей—Кохлею (О дѣяніяхъ и сочиненіяхъ М. Лютера. De actis et scriptis Lutheri. Mog. 1549, fol.; ibid. 1565. 8.)—Опускаю новѣйшія сочиненія, относящіяся къ исторіи Лютера и Реформаціи, и безчисленныя объ немъ монографіи. Какъ вспомогательныя пособія, приведу сочиненіе Ульманна: О Реформаторахъ до Реформаціи (Ullman, Reformatoren vor der Reformation. 2 Bde. Hamb. 1841—42, 8.); остроумное, но слишкомъ пристрастное, изслѣдованіе Гагена: Литературныя и религіозныя отношенія Германіи въ реформаціонную эпоху (Hagen, Deutchlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformations Zeitalter. Erlang. 3 Bde. 1841—44, 8.);—Исторію Реформаціи, Ранке, (Deutsche Geschiechte im Zeitalter der Reformation. Berl. 1839 u. folg.), и, наконецъ, сочиненіе К. Юргенса: Жизнь Лютера (Luther's Leben. Leipzig 1846). До сихъ поръ вышло только первое отдѣленіе, отъ рожденія Лютера до начала спора его объ отпускахъ (индульгенціяхъ), 1483—1517, въ трехъ большихъ томахъ, сочиненіе, неподражамое по богатству данныхъ, по добросовѣстности изученія и глубокой начитанности. Оно оставляетъ далеко назади все, что до сихъ поръ писано было объ Лютерѣ. Сочинитель, хотя не вездѣ строго безпристрастный, при всемъ томъ отличается благородной умѣренностію, разсматриваетъ явленіе Лютера, безъ односторонности народнаго воззрѣнія. Одинъ упрекъ, который можно бы ему сдѣлать, заключается въ излишней заботливости, съ какою разсматриваетъ онъ современныя обстоятельства, условившія развитіе Лютера. Болѣе сжатое изложеніе яснѣе бы выказало и личность, и значеніе Лютера въ современной исторіи. Но и этотъ недостатокъ объясняется особенной важностію разбираемой эпохи. Необыкновенное обиліе ссылокъ украшаетъ сочиненіе Юргенса. Конечно, цѣлая половина труда его ими наполнена, и неподражаемая особенность языка

(1) Walch, XXII, c. 70, p. 2264.

Лютерова пришла на помощь его Нѣмецкому жизнеописателю. Отсюда понятно, что въ сужденіяхъ своихъ о Церкви, враждебной Лютеру, Юргенсъ иногда слишкомъ много увлекается воззрѣніемъ самаго преобразователя.

«Есть благородное, знаменитое графство и епископство въ Гальберштатѣ, въ княжествѣ Саксонскомъ, по имени Мансфельдъ. Отца моего и меня лично знаютъ всѣ тамошніе владѣльцы: графы Гюнтеръ, Эрнестъ Гойеръ, Гебгардъ и Албрехтъ. Никто не можетъ дать вѣрнѣйшаго извѣстія о семействѣ моемъ, какъ графы Мансфельды».—Такими словами отвѣчаетъ Лютеръ на слухи, распущенные Эккомъ объ его Славянскомъ происхожденіи ([1]). Онъ родился 10-го Ноября, 1483, въ годъ смерти Савонароды, черезъ 68 лѣтъ послѣ Гусовой смерти, ночью, въ 12 часу въ наутріи дня, посвященнаго памяти Св. Мартина Турскаго, отъ котораго и получилъ свое имя ([2]). О мѣстѣ происхожденія родителей его разногласятъ писатели ([3]). Юргенсъ держится общаго мнѣнія, что родина ихъ въ окрестностяхъ Эйслебена, въ деревнѣ Möhra, между Эйзенахомъ и Зальцунгеномъ, въ древней Тюрингіи ([4]). О самомъ себѣ Лютеръ говоритъ въ письмѣ къ Спалатину: «Я родился въ Эйслебенѣ, и тамъ же крещенъ въ церкви Св. Петра. Хотя самъ не помню того, но вѣрю родителямъ и другимъ близкимъ мнѣ лицамъ на родинѣ; родители мои переѣхали въ Эйзенахъ изъ мѣстечка, не вдалекѣ оттуда лежащаго. Въ Эйзенахѣ вся моя родня; у меня до сихъ поръ тамъ много знакомыхъ, потому что я тамъ цѣлыхъ четыре года занимался наукой. Ни одинъ городъ не знаетъ меня такъ коротко, какъ Эйзенахъ.» — Кто

---

(1) Меланхтонъ говоритъ въ жизни Лютера: Hæc (mater Margaretha) mihi aliquoties interroganti de tempore, quo filius natus est, respondit, diem et horam se certe meminisse, sed de anno dubitare. Adfirmabat autem natum esse d. 10 Nov. nocti post horam 11, ac nomen Martini attributum infanti, quod dies proximus, quo infans per baptismum Ecclesiae Dei incertus est, Martino dicatus fuisset. Sed frater ejus, Jacobus, vir honestus et integer, opinionem familiæ de ætate fratris hanc fuisse dicebat natum esse a natali Christi 1483. Mathes. Das Leben des theuren Mannes Gottes D. M. Luthers, 1 Pred. S. 2.

(2) Walch, XIX. c. 115. §. 17, p. 359;—XIX, Пис. къ Спалатину стр. 2215. Сравн. Walch II, объясн. 49-й гл. кн. Бытія, §. 333, p. 2988.

(3) Seckendorf, Comm. de Luther. p. 25.

(4) Walch, XIX, Пис. къ Спалатину §. 3, p. 2216.

были его родители? Отецъ назывался Гансъ Лютеръ, мать— Маргаритой. «Родители мои,»—говоритъ опять Лютеръ,— «были очень бѣдны. Отецъ былъ нищій каменосѣчецъ, а мать на спинѣ носила дрова; въ такой нищетѣ они воспитали насъ, въ потѣ лица своего добывая свой хлѣбъ. Я—сынъ крестьянскій: отецъ мой, дѣдъ и прадѣдъ были истинно крестьянской породы» ([1]). Мало по малу, трудами и строгою бережливостію, они обезпечили свое состояніе и даже оставили по себѣ довольно значительное имущество. Гансъ Лютеръ представляетъ типъ настоящаго Нѣмца: прямота, откровенность, суровость, упрямство его имѣли великое вліяніе на судьбу молодаго Мартина; зравый, практическій умъ его чуждался суевѣріи его соотечественниковъ: онъ не жаловалъ духовенства и ненавидѣлъ монаховъ. Мать Лютера, по свидѣтельству современниковъ, обладала всѣми качествами хорошей хозяйки и доброй матери семейства, впрочемъ, женщина крутаго характера ([2]).

Мартину было шесть мѣсяцевъ, когда родители его изъ Эйслебена переселились въ городокъ Мансфельдъ. Здѣсь провелъ онъ 14 лѣтъ своей жизни, эпоху самыхъ живыхъ впечатлѣній, извѣстную намъ только изъ отрывочныхъ свидѣтельствъ самаго реформатора. Родители его, при всей ограниченности средствъ своихъ, не смотря на многочисленное семейство (3 сына и четыре дочери), старались дать ему приличное воспитаніе, обращенное преимущественно на нравственную сторону жизни. Онъ учился дома и въ Мансфельдской школѣ; впечатлѣнія дѣтства живо врѣзывались въ его воспріимчивый умъ. Рано воспитанъ былъ въ немъ духъ религіозный, который хранился въ семействѣ его, какъ бы по преданію. При объясненіи 90-го Псалма, онъ сообщаетъ извѣстіе, что въ ребячествѣ ему разсказали повѣсть о патріархѣ, который, получивъ откровеніе отъ Бога, что жизнь его продолжится 1500 лѣтъ, не захотѣлъ строить дома, а все время провелъ въ хижинѣ, въ доказательство суеты и

(1) Walch, XXII, c. 70, p. 2261.
(2) Меланхтонъ въ жизни Лютера.

кратковременности бытія человѣческаго. «Я слыхалъ отъ отца моего, а онъ отъ своихъ родителей,»—говоритъ Лютеръ въ проповѣди 1544 и 1545 года о воскресеніи мертвыхъ,—«что гораздо болѣе живетъ на землѣ людей, которые требуютъ пищи, чѣмъ со всѣхъ полей собрать можно сноповъ, и, однако же, промыслъ Божій съ избыткомъ питаетъ алчущихъ.» Онъ рано отличился своими способностями, такъ что отецъ его изъ всѣхъ сыновей назначилъ его преимущественно къ ученому званію, громко и горячо молился на ложѣ о духовномъ его усовершенствованіи, и старался поддерживать дружественныя связи съ духовенствомъ Мансфельдскимъ, подъ руководствомъ котораго началось образованіе молодаго Мартина. Должно думать, что этотъ послѣдній, при всемъ религіозномъ характерѣ, отъ времени до времени обнаруживалъ дурныя наклонности, которыя родители его старались искоренять мѣрами строгости. Онъ разсказываетъ въ застольныхъ рѣчахъ, что мать избила его до крови за покражу орѣха (1). Въ другой разъ отецъ наказалъ его такъ строго, что сынъ бѣжалъ отъ него и получилъ къ нему отвращеніе («und ward ihm gram»), пока отецъ снова не пріучилъ его къ себѣ (2). «Родители мои,»—говорилъ Лютеръ,—«держали меня сурово, отъ чего я и сдѣлался робкимъ; ихъ строгое обращеніе было причиною того, что я послѣ бѣжалъ отъ нихъ въ монастырь и сдѣлался монахомъ. Побужденія ихъ были прекрасны; но они не умѣли различать врожденныхъ характеровъ (ingenia), съ которыми всегда должны быть соразмѣряемы и наказанія» (3). Эта излишняя строгость въ исправительныхъ мѣрахъ отвела сердце Лютера отъ отца и матери и посѣяла ту холодность въ отношеніи къ родителямъ, которая непріятно поражаетъ насъ во все продолженіе жизни его. Всѣ послѣдующія дѣйствія, въ которыхъ замѣчаемъ со стороны его сближеніе съ отцомъ, были слѣдствіемъ болѣе разсчитаннаго убѣжденія, нежели чувства. Сохраняя благодарность къ

(1) Walch. XXII. cap. 43, §. 155, p. 1785.
(2) Ibid. §. 69, p. 1728.
(3) Ibid. p. 1785.

отцу и матери за труды, подъятые при его воспитаніи, онъ не побоялся произнести надъ ними собственный судъ, который перешелъ въ потомство, преданный письму его обожателями наравнѣ съ другими, незабвенными изреченіями великаго мужа. Но несомнѣнно, что раздражительность, въ послѣдствіи типическая черта реформатора, во многомъ участвовала и въ дѣтскихъ отношеніяхъ его къ родителямъ. Робость нерѣдко дружится съ строптивостію, и въ біографіи Лютера есть указанія, что послѣдняя начала развиваться въ немъ уже рано. За два года до смерти, онъ вписываетъ въ Библію шурина своего 24-й стихъ XIV-й главы Евангелія отъ Іоанна съ такою припискою: «Любезному другу моему Николаю Эмлеру, который такъ часто въ ребячествѣ нашивалъ меня на рукахъ въ училище и выносилъ, когда мы еще не знали, что будемъ когда-то шурьями.» Многіе писатели считали это намекомъ на упрямство, на отвращеніе отъ науки, когда неразвившееся сознаніе еще не показывало ему благихъ плодовъ умственнаго образованія. Юргенсъ видитъ въ объясненіи этомъ только пристрастіе предубѣжденныхъ завистниковъ и враговъ реформатора; но мы тотчасъ увидимъ, что при самыхъ счастливыхъ способностяхъ, Лютеръ долго не умѣлъ ими пользоваться и учился лѣниво (1).

Школьная жизнь его была продолженіемъ домашней. Учители его вступили въ колею, проложенную родителями, и также неумѣренною строгостію раздражали его впечатлительность. Въ наставленіи Нѣмецкимъ городамъ объ учрежденіи школъ, онъ сильно бичуетъ неискусныхъ наставниковъ, сравниваетъ ихъ съ палачами, которые, не принося пользы дѣтямъ, лишь отвращаютъ ихъ отъ науки. «Я видалъ въ жизни учителей, для которыхъ наказаніе ребенка составляло наслажденіе» (2). «Учениковъ держали такъ строго, что имъ давали названіе мучениковъ» (3). «Склоненія и спряженія: legor, legeris, legere, legitur, cujus partis

(1) Jürgens, I, 148—159.
(2) Walch, II Объясн. 32 гл. Быт. §. 212, p. 1182.
(3) Walch, XXII, cap. 67, §. I, p. 2228.

orationis, экзамены были настоящею пыткою для учащейся малодежи.» Это сказано, конечно, въ примѣненіи къ собственному опыту, ибо Лютеръ тотчасъ послѣ того прибавляетъ извѣстіе, что онъ самъ въ одно утро 15 разъ сряду терпѣлъ тѣлесное наказаніе ([1]). Запуганные мальчики не могли выносить обличительнаго взора. Во время вакацій, на святкахъ, Лютеръ, еще мальчишкой, съ своими товарищами обхаживалъ дворы деревенскіе и, припѣвая въ четыре голоса обыкновенные псалмы о младенцѣ Іисусѣ, въ Виѳлеемѣ родившемся, просилъ на бѣдность. Этимъ способомъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе. За грошъ нанимался онъ провожать похороны. Чѣмъ занимался онъ въ Мансфельдской школѣ? Средства воспитанія были слишкомъ недостаточны; наставники неопытны и невѣжественны. Матезій называетъ ее школой Латинской, а такихъ было немного въ Германіи въ XV-мъ вѣкѣ. По Меланхтону, читать и писать онъ выучился еще въ родительскомъ домѣ, а въ школѣ, по собственному свидѣтельству,—10-ти заповѣдямъ, Символу вѣры, Молитвѣ Господней, Донату, Грамматикѣ, Cisio Janus (родъ средневѣковаго Латинскаго календаря) и духовному пѣнію ([2]). Можетъ быть, это былъ, такъ называемый, trivium, или еще одной степенью ниже. Здѣсь оставался онъ до 14 лѣтъ. Но послѣдующія усилія его наверстать пропущенное въ молодости свидѣтельствуютъ, какъ мало вынесъ онъ познаній изъ Мансфельдской школы. Впечатлѣнія религіозныя даютъ, конечно, главное содержаніе этому первому періоду его младенческой жизни. Нищета и лишенія рано посѣтили его скорбное одиночество. Они были христіанскою школою, закалившею его къ великому подвигу мысли, къ которому обаянія веселой молодости не могли бы служить достойнымъ приготовленіемъ. Жизнь безотрадная въ угрюмомъ родительскомъ домѣ и безпривѣтномъ училищѣ, холодность всего окружающаго своимъ мрачнымъ прикосновеніемъ рано вгоняютъ его во внутренній міръ, заставляютъ бесѣдовать съ Богомъ и совѣстію. Первое пробужденіе само-

(1) Walch, c. 43. §. 155, p. 1786.
(2) Jürg. I, 163.

сознанія ставитъ робкаго юношу лицемъ къ лицу со всѣми мрачными представленіями Латинства; скорби жизни земной порождаютъ въ немъ рано стремленіе къ вѣчности, но оно отражается не въ свѣтломъ чувствѣ спокойнаго, постояннаго восторга, а производитъ еще въ младенчествѣ его продолжительное потрясеніе мыслію о Богѣ, Судіи всеправедномъ, испытующемъ сердца и утробы, истязующемъ совѣсти вѣчной грозою Своего гнѣва. Чтобы умилостивить Бога карающаго, онъ заранѣе обрекаетъ себя на всѣ лишенія монашеской жизни. И здѣсь религія свѣтлою стороною своею приходила на помощь его жаждущей душѣ, его запуганному воображенію: призывала его отъ волненій житейскихъ на свое успокоительное лоно.

Въ 1497 году онъ отправленъ въ Магдебургъ, безъ особенныхъ средствъ для существованія, предоставленный собственной судьбѣ. Онъ пробылъ не болѣе года въ тамошней Францисканской школѣ. Воспитаніе подъ надзоромъ монашескимъ, разумѣется, не могло развить въ немъ болѣе свѣтлаго міросозерцанія; представленія о Богѣ и религіи должны были сохранить свой мрачный оттѣнокъ, развернуться еще съ большею силою. Нищенствующіе монахи, искусно пользуясь выгодами своего положенія, отдававшаго во власть ихъ воспитаніе юношей, словомъ и примѣромъ распространяли уваженіе къ иноческому житью, не только убѣжденіемъ, но и насиліемъ, привлекали въ свой орденъ самыхъ избранныхъ учениковъ. Магдебургъ, архіепископскій городъ подъ вѣдомствомъ Майнцскаго митрополита, представлялъ типъ самаго строгаго церковнаго управленія и крайняго развитія ѳеократическихъ началъ средневѣковой Германіи. Сильно потрясло душу Лютера одно впечатлѣніе живое, которое и въ счастливѣйшіе дни его жизни не изгладилось изъ его памяти, а въ то время вполнѣ приходилось къ его мрачному воззрѣнію на жизнь: «Я видѣлъ своими глазами,»—говоритъ онъ въ застольныхъ рѣчахъ,—«Ангальтскаго князя, блѣднаго, какъ смерть, изможденнаго тѣло свое суровымъ постомъ и бдѣніемъ. Онъ ходилъ въ монашеской шапкѣ, сгибаясь до земли подъ тяжестію нищенской сумы, и просилъ хлѣба Христа ради; между тѣмъ какъ впереди его ходилъ крѣпкій

здоровый монахъ, которому въ десять разъ легче было бы снести его бремя, но благочестивый князь не давалъ ему онаго ([1]). Кто смотрѣлъ на него, невольно приходилъ въ умиленіе и учился стыдиться своего свѣтскаго состоянія» ([2]).

Когда средства существованія истощились въ Магдебургѣ, онъ, по волѣ родителей, перешелъ въ Эйзенахъ, гдѣ отъ многочисленныхъ родственниковъ его ожидали ему поддержки. Въ этомъ городѣ было хорошеее Латинское училище, нѣчто среднее между тривіяльными, т. е., низшими, и высокими ([3]). Здѣсь 16-лѣтній Мартинъ, прошедши черезъ школу несчастія, съ необыкновеннымъ усердіемъ предается наукѣ, подъ руководствомъ соразмѣрно хорошихъ наставниковъ, изучаетъ успѣшно Латинскую грамоту; отсюда выноситъ онъ жажду къ познаніямъ, эту истинно безпримѣрную дѣятельность, которая сдѣлала его достойнымъ представителемъ Реформаціи. Какъ бы предчувствуя высокое свое назначеніе, онъ всею душою стремится въ Университетъ, въ которомъ, по выраженію Меланхтона, онъ видѣлъ источникъ и таинницу всѣхъ познаній. Между тѣмъ ожиданное для него содѣйствіе родственниковъ обмануло надежды его. Доведенный до крайности, онъ жилъ подаяніемъ, по прежнему продолжалъ ремесло, которое теперь, при развившемся сознаніи, могло быть оскорбительнымъ для его самолюбія. Проникнутый воспоминаніемъ этихъ трудныхъ годинъ, онъ послѣ говорилъ въ обличеніе папѣ: «Не презирай голодной братіи, которая поетъ у воротъ и проситъ хлѣба ради Христа; и я былъ такимъ же крохоборникомъ (Partekenhengst), особенно въ отечественномъ городѣ, Эйзенахѣ; и я нищенствовалъ по домамъ изъ хлѣба» ([4]). Въ безнадежномъ своемъ состояніи, онъ думалъ уже возвратиться въ родительской домъ, покинувъ золотыя мечты своей молодости.

---

(1) Walch, XXII, cap. 30, §. 38, p. 1473.

(2) Jürg, I, 266, 267.

(3) Объ ней самъ Лютеръ говоритъ: Seind auch viel feiner Partikularschulen, die sich wohl anlassen, als Eisenach.... schien zleich den Universitäten. Walch. XXII, cap. 67, §. 5, p. 2232.

(4) Walch, X, 524.

Тутъ снова Провидѣнье пришло ему на помощь и воздвигло благодѣтельную руку на возставленіе несчастнаго. Разъ, въ одно изъ печальныхъ странствованій, поддерживавшихъ его скудное существованіе, онъ тщетно стучался въ три двери: не было желаннаго отзыва. Силы начинали измѣнять ему. Онъ подошелъ къ дому богатаго гражданина, Конрада Котты, котораго жена, Урсула, давно уже обратила вниманіе на молодаго школьника и, видя его усердную молитву въ храмѣ, почувствовала къ нему сердечное влеченіе. Изъ сострадапія къ юношѣ, она щедро одарила его, а чрезъ нѣсколько дней приняла его въ домъ свой. Эта нѣжная благотворительность дала судьбѣ его другой оборотъ и въ сердцѣ его оставила впечатлѣніе неизгладимое. Питомецъ Промысла, онъ не могъ не видать въ пути своей жизни, хотя и усѣянной терніями, всеправящей руки Божіей, и, съ новымъ усердіемъ предаваясь наукѣ, вскорѣ отличился между всѣми товарищами. Пребываніе его у Котты имѣло великое вліяніе на нравственное и общественное воспитаніе его, какъ человѣка практическаго и семьянина. Отсюда онъ вынесъ привычки внѣшняго образованія, воспитанныя довольствомъ и обращеніемъ свѣтскимъ; здѣсь окончательно утвердилось въ немъ уваженіе къ священному праву личной свободы, къ достоинству собственной личности, которое робкаго крестьянскаго сына равняло въ послѣдствіи съ земными владыками, и крутой неуступчивостію помогло ему побѣдить всѣ препятствія въ достиженіи цѣли. Здѣсь же впервые возращено въ немъ чувство изящнаго, которое послѣ спасительнымъ воздѣйствіемъ умѣряло буйныя выходки его невоздѣланной, дѣвственно-грубой, природы. Чувство благодарности къ виновницѣ этого счастія не оставляло его никогда; сына ея онъ принялъ въ нахлѣбники, когда онъ учился въ Виттенбергѣ (въ 1540 и 1541 г.). Эйзенахъ, гдѣ впервые посвѣтило его счастіе, онъ всегда называлъ своимъ любезнымъ городомъ. Наконецъ, послѣ 3-лѣтняго тамъ пребыванія, 17 Іюля, 1501-го года, онъ переселился въ Эрфуртъ и вступилъ въ тамошній Университетъ.

Съ Университетскою жизнію Лютера начинается для него новое поприще успѣховъ и возрастающей извѣстности. Онъ

принятъ въ философскій факультетъ, подъ названіемъ Martinus Ludher ex Mansfeld, подъ ректорствомъ магистра Іодока Трутфеттера. Гансъ Лютеръ готовилъ сына къ званію ученаго законовѣдца, вообще къ занятію выгоднаго мѣста въ гражданской службѣ; онъ считалъ себя въ правѣ располагать судьбою своего сына, ибо, по собственному свидѣтельству его (1), «со всею любовію и вѣрностію содержалъ его въ Университетѣ, и тяжелыми трудами, въ потѣ лица своего, помогъ ему сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ мы видимъ его въ послѣдствіи.»—Въ 1503-мъ году Мартинъ получаетъ степень баккалавра и съ нею право читать философскія лекціи; въ началѣ 1504-го степень магистра подъ ректорствомъ Іоанна Вернера. Занявъ второе мѣсто между 17-ю кандидатами послѣ экзамена, онъ сталъ читать лекціи объ Аристотелевой Физикѣ и Ѳикѣ; а чтобъ исполнить желаніе родителя, принужденно занимался правами, хотя отъ природы питалъ отвращеніе къ законовѣдѣнію, и послѣ не пропускалъ ни одного случая задѣть за живое юристовъ, противополагая все ничтожество человѣческой мудрости величію Евангельской истины. Богословскія науки тогда по самому роду занятій поглощали досугъ; къ тому же онъ страстно любилъ ихъ, и молодой умъ, познавая свое назначеніе, уже прокладывалъ себѣ собственный широкій путь развитія. Вмѣстѣ съ годами, усиливалось въ немъ религіозное стремленіе, мужали представленія дѣтства; онъ росъ ревнивымъ поклонникомъ Римской Церкви, которая доставила ему и средства образованія и не переставала манить его подъ благодатный покровъ свой. Два раза въ Эрфуртѣ повторялъ онъ обѣтъ — *сдѣлаться благочестивымъ* и идти на богомолье въ Римъ. 1503-го года, на Святой Недѣлѣ, онъ вышелъ изъ Эрфурта въ сопровожденіи одного товарища, для посѣщенія родителей, вооруженный, по обычаю странствующихъ студентовъ. На разстояніи одной мили отъ города, нечаянно выскочившая изъ ноженъ шпага порѣзала ему главную жилу ноги. Кровь съ трудомъ остановлена, пока выписывали городскаго врача; но эта насильственная остановка крови причинила

(1) Walch. X. 521.

ему невыносимую боль. — Maria hilf! взывалъ больной, въ ожиданіи смерти. Цѣлую ночь имя Богородицы не сходило у него съ языка ([1]). Онъ отчаявался въ жизни и боялся смерти; его тревожили помышленія о будущей судьбѣ его за гробомъ. Тогда какой-то священникъ успокоилъ его знаменательной рѣчью. «Будь покоенъ,»—сказалъ онъ ему;—«это ложе болѣзни не будетъ твоимъ смертнымъ одромъ; Богъ еще сдѣлаетъ изъ тебя великаго мужа, и ты, въ свою очередь, станешь утѣшать многихъ; ибо кого Богъ любитъ и кому хочетъ доставить блаженство, на того рано налагаетъ святой крестъ Свой въ испытаніе терпѣнія». «Въ Эрфуртѣ,»—говаривалъ Лютеръ,—«былъ другъ у меня, который, на опасенія мои о слабомъ здоровьѣ, отвѣчалъ мнѣ:» «Не безпокойся, любезный баккалавръ! Ты еще будешь нѣкогда великимъ мужемъ.» «Слова его были пророчествомъ» ([2]). Видно, что они тогда уже залегли въ его сердцѣ, что онъ имъ вѣрилъ, какъ предопредѣленію Божію. Въ предчувствіи чего-то великаго, онъ работалъ неутомимо. Достигнувъ степени магистра, сказалъ: «Съ этихъ поръ я не перестану трудиться, чтобы не уронить чести Нѣмецкихъ магистровъ» ([3]),—слово великое, признакъ глубоко развитаго народнаго и личнаго самосознанія; а этими двумя всемогущими орудіями совершена имъ побѣда надъ Западной Церковію.

Въ началѣ XVI-го столѣтія, Латинская Церковь на всѣхъ концахъ Германіи стояла на незыблемомъ основаніи, исключая немногихъ отдѣльныхъ взрывовъ патріотизма въ благороднѣйшихъ сынахъ Нѣмецкой земли. Глубоко невѣжественная толпа еще благоговѣла въ безмолвіи передъ истуканомъ, покрывавшимъ себя личиною патріотизма, выставлявшимъ въ папѣ попечительнаго отца Нѣмецкой народности, и въ Римѣ христіанскій оплотъ противъ дикой Турецкой силы. Не смотря на частныя противодѣйствія во многихъ мѣстахъ Германіи, формы іерархіи и папскаго абсолютизма сохраняли вездѣ еще огромный перевѣсъ силы.

---

(1) Jürg. I. 316.
(2) Mathes 1 Pred. S. 9.—Jürg. I. 317.
(3) Ibid. I. 325.

Эрфуртъ, гнѣздо гуманистовъ и оппозиціонныхъ ученій, въ то же время былъ городомъ монашескимъ по преимуществу. Самые отъявленные противники Рима, не только въ политическихъ, но и въ религіозныхъ стремленіяхъ, не смѣли еще доходить до отрицанія монашества, такъ сильно тянувшаго къ себѣ и Лютера въ стѣнахъ этого города, и послѣдніе дни свои посвящали служенію Богу въ монастырскомъ уединеніи. Духовенство крѣпко властвовало въ іерархическомъ городѣ, вѣрномъ чадѣ митрополіи Майнцкой, и подавляло всякое противодѣйствіе всемогущимъ вліяніемъ на убѣжденія народа (1). Исполненный мрачныхъ представленій католика, Лютеръ съ намѣреніемъ удалялъ себя отъ общенія съ веселою и отчасти развращенною школою гуманистовъ, собиравшихся въ Эрфуртѣ при веселомъ звонѣ стакана въ особыхъ кружкахъ вольнодумцевъ; онъ отыскивалъ и находилъ съ избыткомъ страшныя сцены монастырскихъ лишеній. Онъ видѣлъ Картезіянскихъ монаховъ, больныхъ, истощенныхъ, опиравшихъ на клюкѣ свое дряхлое тѣло; онъ спрашивалъ: «Не освобождаютъ ли ихъ ради немощи отъ службы и бдѣній?» Они жалобно отвѣчали: «Нѣтъ.» Онъ спрашивалъ ихъ съ удивленіемъ: «Отъ чего дошли они до такой преждевременной старости?» Они отвѣчали: «Отъ лишенія сна.» Онъ спрашивалъ далѣе: «Отъ чего же вы не спите?» и снова внималъ отвѣту, что «уставъ не разрѣшаетъ имъ сна и въ мѣру.» Мартинъ испытующимъ взоромъ обходилъ всѣ окрестные монастыри, и вездѣ представлялись ему однообразно печальныя сцены, раздражая его пламенное воображеніе.

Между тѣмъ, какъ впечатлѣнія монашества развивали созерцательное воззрѣніе Лютера, успѣхи земные и обаянія временной славы сильно привязывали его къ жизни. Борьба этихъ двухъ противоположныхъ стремленій продолжается до самаго вступленія его въ монастырь. Онъ еще въ старости сохранилъ усладительныя воспоминанія о пышныхъ и торжественныхъ актахъ, сопровождавшихъ возведеніе въ магистерскій санъ, о томъ, какъ съ преднесеніемъ факеловъ но-

(1) Jürg. I, 322, sqq.

вые члены Университета разъѣзжали по городу великолѣпными поѣздами. Значеніе Университетовъ въ средніе вѣка условливалось ихъ іерархической важностію; ученыя степени давали право на участіе въ привиллегіяхъ духовнаго сана, на всеобщее уваженіе простаго народа, на короткое общеніе съ верховною властію. Ученое званіе въ то время не было однимъ только средствомъ къ достиженію другихъ общественныхъ цѣлей, или же отвлеченнымъ стремленіемъ къ высшему духовному образованію. Надменные magistri nostri составляли почетное сословіе въ настоящемъ значеніи, и это сословіе входило органической частію въ развитіе средневѣковой жизни, потому что авторитетъ его считался непогрѣшительнымъ; а въ средніе вѣка вопросы науки непосредственно связаны были съ вопросами Церкви и государства. Права властей и сословій и самыя уклоненія отъ нихъ развивались въ строгой законности юридическихъ формъ; на все создались теоріи; самыя беззаконія оправдывались наукообразно; иначе и быть не могло при сильномъ развитіи личности, отличающемъ средневѣковую жизнь. Лютеръ находился на перепутьи къ соблазнамъ мірскаго величія: онъ не былъ нечувствителенъ къ внушеніямъ славы; описавъ торжественный церемоніалъ посвященія въ магистры, онъ прибавляетъ (въ то время, когда былъ уже пресыщенъ суетою величія): «Я полагаю, что ни одна временная свѣтская радость не можетъ сравниться съ этою почестію» (1). Здѣсь говоритъ его собственный опытъ. Въ его время Эрфуртскій Университетъ стоялъ на высшей степени славы (2); въ позднѣйшее время онъ говоритъ объ ней, какъ объ отжившей, укоряетъ архіепископа Майнцкаго въ небреженіи къ высокимъ школамъ Майнца и Эрфурта (3). Въ послѣдней давно уже господствовало броженіе религіозныхъ идей, враждебныхъ католицизму; здѣсь, въ половинѣ XV-го вѣка, дѣйствовалъ Вейсель, но самое преподаваніе не выходило изъ тѣсныхъ предѣловъ ученія, которое узаконено было Римскою іерархіею.

---

(1) Walch, XXII, cap. 67, §. 3, p. 2229.

(2) О тогдашнемъ ректорѣ графѣ Геннебергѣ самозванцѣ-ткачѣ см. Walch, XVII, §. 40, p. 147, 148.

(3) Walch, XXII, cap. 67, §. 4, p. 2230.

Предметы преподаванія: богословіе, въ сухой схоластической формѣ; каноническое и Римское право въ ближайшемъ ихъ отношеніи къ великому спору императора съ папой; философія въ примѣненіи ея къ богословію въ изуродованномъ Аристотелѣ; изученіе Латинской словесности, даже Римскихъ классиковъ, съ которыми Лютеръ впервые познакомился здѣсь коротко. Объ исторіи, наукахъ естественныхъ не имѣли понятія. Церковная исторія доходила до Нѣмцевъ только въ Италіянскихъ источникахъ, писанныхъ въ духѣ папскаго самовластія. Наставники Лютера были монахи, напитанные господствующимъ ученіемъ Рима: Трутфеттеръ, Узингенъ, Штаффельштейнъ (1); о второмъ сохранилось извѣстіе, что онъ, видя Лютера, прилежно читавшаго библію въ монастырѣ, предостерегалъ его отъ этихъ занятій, обращая вниманіе его исключительно на чтеніе учителей Церкви. «Они извлекли изъ Св. Писанія сокъ истинной мудрости»,— такъ говорилъ онъ;—«сама же библія производитъ соблазны всякого рода» (2). Когда Лютеръ началъ свою реформацію, Узингенъ сдѣлался сильнѣйшимъ врагомъ его; Трутфеттера онъ тщетно старался умилостивить, напоминая ему собственное его изреченіе, что должно вѣрить однимъ только каноническимъ книгамъ. По смерти его, 1519-го года, Лютеръ считалъ себя невольнымъ орудіемъ, ускорившимъ конецъ его глубокою горестію о паденіи схоластическаго богословія. Начало изученія схоластиковъ положено Лютеромъ въ Эрфуртскомъ Университетѣ. Это черствое изученіе науки, почти необъятной въ своихъ размѣрахъ, неуловимой и вѣчно загадочной въ своихъ положеніяхъ, съ своей стороны не мало содѣйствовало рѣшимости Лютера идти въ монастырь. Оно не могло удовлетворить души его, стремившейся къ познанію истины; вопросъ объ отношеніяхъ человѣка къ Творцу суждено было рѣшить ему не умозрѣніемъ, а собственнымъ опытомъ пережитыхъ впечатлѣній.

Въ 1505 году онъ оставляетъ свѣтъ и вступаетъ въ обитель. Прежніе писатели удивлялись этому дѣйствію, считая

---

(1) Jörg. I. 430—443.
(2) Walch, XXII. cap 1 §. 27; p. 35.

его внезапной рѣшимостію, плодомъ минутнаго увлеченія, неразсчитаннымъ дѣломъ его суевѣрія; но мы уже знаемъ, что вся совокупность религіозныхъ впечатлѣній, на него дѣйствовавшихъ, одной стороною незамѣтно влекла его въ монастырь. Ближайшій поводъ къ его отреченію отъ міра такъ передается въ источникахъ: Одинъ изъ друзей его, или Университетскихъ товарищей, по имени Алексѣй, убитъ былъ неожиданно возлѣ него, либо громомъ, либо рукою измѣнника. По мнѣнію Юргенса, послѣднее вѣроятнѣе, и первое преданіе произошло, очевидно, отъ смѣшенія съ событіемъ того же года, не подверженнымъ никакому сомнѣнію. Голцгаузенъ напротивъ соединяетъ оба событія остроумной, но не совсѣмъ правдоподобной, догадкой, что Лютеръ былъ самъ виновникомъ убійства, въ слѣдствіе поединка, и что внезапное пробужденіе совѣсти, въ минуту отчаянія, повлекло его въ монастырь (1). Какъ бы то ни было, но кровавое явленіе сильно потрясло душу Лютера. Вскорѣ послѣ того, въ душный лѣтній день онъ шелъ по одинокой тропинкѣ, въ мрачномъ предчувствіи будущаго, въ размышленіяхъ о страшныхъ примѣрахъ гнѣва Божія и о необходимости стяжать заранѣе спасеніе души. Моровое повѣтріе,

---

(1) Holzhausen II, §. 10, 11. Доказательства слѣдующія: 1) внезапное отчаяніе и страхъ суда Божія, овладѣвшій имъ въ эту минуту, который не могъ быть слѣдствіемъ ни горести о потерѣ друга, ни громоваго удара; 2) собственное свидѣтельство Лютера въ объясненіи 1 Кор. XV, ст. 8 — 10: Богъ съ намѣреніемъ призываетъ къ проповѣди Евангелія такихъ бѣдныхъ грѣшниковъ, какъ Св. Павелъ и *я*; ему нужны такіе люди, которые прошли чрезъ искушенія и пали подъ гнетомъ ихъ, которые должны сознаться, что они были злодѣи, отягченные грѣхами, которымъ Онъ можетъ сказать, если они вздумаютъ возгордиться: «Иль вы не знаете, что вы были за люди, что вы сдѣлали противъ Меня и Христіанства, *проливши кровь столькихъ невинныхъ людей?*» (Walch, VIII, 1191). 3) Намѣренное вступленіе въ монастырь именно въ самый день Алексія. Болѣе прямыхъ свидѣтельствъ не имѣется. Кромѣ шаткости доказательствъ, самый разсказъ о поединкѣ противорѣчитъ источникамъ, которые всѣ говорятъ о смерти внезапной, неожиданной. Da ihm sein guter Gesell erstochen (Math. S. 10). Interitu sodalis sui contristatus (Cochl. f. 1). Subita cujusdam e sociis morte contremefactus (Maimb.). Меланхтонъ говоритъ, что причины вступленія его въ монастырь онъ передавалъ и самъ, и многіе знали ихъ (p. 7). Если бы то было убійство друга, враги его не замедлили бы обвинить его въ томъ. Срав. и свидѣтельство Лютера объ исповѣди Ступица: «Du musst nicht aus jedem Bombart eine Sünde machen» (см. ниже).

опустошавшее въ то время Эрфуртъ, нагоняло на него черныя думы. Въ такомъ болѣзненномъ расположенiи и духа и тѣла, его настигла страшная гроза между Эрфуртомъ и деревней Штоттергеймъ. Оглушительный ударъ раздался вблизи, молнiя ударила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Въ ужасѣ Мартинъ возопилъ: «Св. Анна! Помоги мнѣ! Я буду монахомъ.» Это была минута духовнаго изнеможенiя, минута сильнаго, всеобъемлющаго стремленiя посвятить себя служенiю Богу, Который самъ какъ будто взывалъ къ нему въ небесномъ видѣнiи.

Давши обѣтъ, онъ взялъ себѣ двѣ недѣли на размышленiе. Первымъ повѣреннымъ тайны своей онъ выбралъ наставника своего, магистра Штаффельштейна, какъ главнаго начальника школъ. Онъ одобрилъ рѣшенiе Лютера, совѣтовалъ ему вступить въ монастырь Францисканскiй, самъ повелъ его къ монахамъ, выхвалялъ способности молодаго подвижника, называлъ его единственнымъ ученикомъ, къ которому онъ чувствуетъ довѣренность неограниченную. Мартинъ хотѣлъ испросить только согласiя родителей; но ректоръ и монахи всѣми силами воспротивились этому замыслу. Они предложили ему слова Iеронима, что должно оставить отца и матерь и прилѣпиться къ Кресту; напомнили ему и Слово Христово, что, кто приложилъ руку къ ралу и оглянулся назадъ, недостоинъ царствiя Божiя. Мартинъ обѣщался торжественно возвратиться въ непродолжительномъ времени, сдѣлаться благочестивымъ, богобоязненнымъ и набожнымъ инокомъ (1).

День Алексiя назначенъ былъ Лютеромъ для вступленiя въ обитель. Наканунѣ этого дня онъ въ послѣднiй разъ созвалъ друзей своихъ, въ послѣднiй разъ потѣшался съ ними пѣнiемъ и музыкой, и, при самомъ прощанiи, поразилъ ихъ неожиданной вѣстiю. Они тщетно упрашивали его отказаться: «Сегодня въ послѣднiй разъ меня видите»,— было прощальное слово его:—«я твердо пребываю въ намѣренiи заключиться на вѣки въ монастырскiя стѣны». Вечерняя пирушка была послѣднею данiю мiру, юности,

(1) Jürg. I, 316—318.

дружбѣ. Еще въ туже ночь, или на другое утро, онъ поспѣшилъ въ монастырь Августинскій и принятъ съ отверстыми объятіями. Оставивъ все имущество, онъ взялъ съ собою изъ книгъ Виргилія и Плавта; всѣ прочія возвратилъ книгопродавцамъ. Родителей и отсутствующихъ друзей своихъ увѣдомилъ обо всемъ письменно, благодаря всѣхъ усердно за оказанную любовь и ласку; въ заключеніе отослалъ магистерскій перстень и свѣтское платье.

Въ 1522 году Лютеръ посвящаетъ отцу своему сочиненіе о духовныхъ и монашескихъ обѣтахъ, и здѣсь, въ откровенной бесѣдѣ съ родителемъ, сознается, что онъ не охотно и не по доброй волѣ принималъ постриженіе, но въ минуту отчаянія, среди ужасовъ смерти, принесъ насильственный, принужденный обѣтъ, что онъ шелъ въ монастырь безъ вѣдома и противъ воли родителей въ то самое время, когда отецъ уже готовилъ ему богатую и честную невѣсту, когда самъ онъ чувствовалъ всю немощь плоти 22 лѣтняго юноши, въ которомъ, по словамъ Августина, играла молодая горячая кровь ([1]). Восторженный юноша разставался съ міромъ не безъ сожалѣнія, не съ холоднымъ чувствомъ старческаго разочарованія, а приносилъ дѣйствительно великую жертву своимъ убѣжденіямъ. Онъ бѣжалъ въ монастырь отъ мірской суеты и соблазновъ, чтобы тяжкими подвигами умерщвленія плоти и духовнаго самоотверженія искупить спасеніе души своей у гнѣвнаго Бога. Таково было общее мнѣніе Западнаго человѣчества; таково было собственное мнѣніе Лютера. Въ немъ вся сила его характера; въ немъ вся шаткость его убѣжденій. О монашествѣ его можно сказать, что онъ самъ говорилъ о цѣломудріи, что ему не данъ былъ даръ спокойнаго созерцанія вѣчности, что онъ естественно привязанъ былъ къ міру, отъ котораго отрѣшался насиліемъ. Одиночество развиваетъ духовную силу только тогда, когда накопились матеріялы жизненной опытности, когда есть что переработать одинокимъ сознаніемъ. Въ такомъ случаѣ равновѣсіе душевныхъ силъ не можетъ обратиться въ болѣзненное настройство вообра-

---

(1) Walch, XIX, §. 3—5, p. 1808—1809.

женія, которое бѣжитъ отъ тѣни, не чая присутствія въ себѣ того тѣла, которое бросаетъ ее. По этому въ высшей степени односторонно сужденіе тѣхъ писателей, которые личныя отношенія Лютера переносятъ на всю жизнь монашескую. Лютеру не слѣдовало вступать въ монастырь по тому, что онъ былъ сотворенъ къ практической дѣятельности. Не призваніе къ монашеству, какое видимъ въ великихъ его первообразахъ и въ общемъ стремленіи Русскаго люда къ пустынному житію въ XIII вѣкѣ, а тяжелая необходимость влекла его въ монастырь. Лютеръ искалъ въ немъ успокоенія совѣсти, притупленія огня страстей, между тѣмъ какъ монастырь уже требуетъ предварительнаго безстрастія. 15 лѣтъ, проведенныхъ въ монастырѣ, условили всю послѣдующую дѣятельность Лютера, всю будущую судьбу Европейскихъ событій; жизнь его, по отдѣленіи отъ Римской Церкви, есть жизнь поворотная, обратное шествіе по тому же пути: всѣ позднѣйшія выходки противъ монашества суть рядъ ощущеній, пережитыхъ имъ самимъ и слѣдствіе ложнаго взгляда на пустынножительство, за которымъ слѣдовала горесть разувѣренія и досада обманутыхъ ожиданій. Но съ другой стороны нельзя не видать и въ его отреченіи отъ міра дѣла промысла Божія, который какъ будто съ намѣреніемъ воспитывалъ въ немъ орудіе казни для Западной Церкви, извратившей благіе начатки христіянскаго подвижничества временъ Апостольскихъ. Ему нужно было погрузиться до дна во всѣ крайности религіознаго представленія Запада, чтобъ возъимѣть къ нему отвращеніе, чтобъ побороть его собственнымъ оружіемъ. Такъ именно смотрѣлъ онъ на отцвѣтшую молодость свою, вымещая въ ненависти къ Западной Церкви всю горесть своей невозвратной потери.

По совершеніи обыкновеннаго церемоніяла, Лютеръ поселился въ монастырѣ, подъ надзоромъ старшаго брата, съ обѣтомъ не имѣть частной собственности, жить цѣломудренно, по уставу Бл. Августина, до самой смерти. Друзья его, подошедшіе къ монастырской оградѣ въ послѣдній разъ уговаривать юношу, не были впущены. Но ничто не можетъ сравниться съ негодованіемъ стараго Ганса, когда онъ получилъ извѣщеніе сына. Онъ на цѣлыхъ два года

прекратилъ съ нимъ сношенія. Пронесшаяся молва о смерти Мартина нашла въ немъ глубокое равнодушіе и нисколько не смягчила его гнѣва. Всѣ увѣщанія родственниковъ, возражавшихъ, что, если онъ хочетъ принести жертву, угодную Богу, то долженъ рѣшиться пожертвовать сыномъ [1], лишь только раздражали упрямаго старика. Онъ считалъ его отжившимъ членомъ семейства, хотя, кромѣ его, не имѣлъ уже сыновей. Правила Августинскаго ордена, приведенныя въ порядокъ Андреемъ Пролесомъ и Іоанномъ Ступицкимъ (Стаупицемъ), отличались соразмѣрно большей свободой противъ всѣхъ прочихъ уставовъ. Постриженникъ вручался надзору старшаго брата, испытаннаго въ вѣрѣ и нравственности. Всякій шагъ келейной и общемонастырской жизни его былъ размѣренъ и опредѣленъ цѣлымъ рядомъ мелочныхъ узаконеній, и не могъ совершаться безъ особеннаго разрѣшенія настоятеля, или этого брата. Малѣйшее отступленіе считалось грѣхомъ, а грѣхи въ свою очередь дѣлились на три разряда, смотря по важности преступленій. Безропотно подчиняясь всей тяжести монастырскихъ законовъ, Мартинъ скоро сдѣлался жертвою зависти цѣлаго конвента. Члены его всѣми мѣрами старались отвратить его отъ чтенія библіи, въ которой не могли отказать ему, какъ лицу духовному; старались за то отнимать у него время на книжныя занятія. Кроя всѣхъ на одну мѣрку, они не дѣлали различія между способностями и дарованіями иноковъ. Сами отличаясь невѣжествомъ, боялись умственнаго преобладанія тѣхъ изъ монаховъ, которые обнаруживали любовь къ просвѣщенію. По опредѣленію конвента, Лютеръ, противъ всякого права, подвергся усиленной строгости: принужденъ исполнять караулы, заводить часы монастырскіе, выметать церкви, чистить отхожія мѣста, а пуще всего—ходить по улицамъ города съ нищенской сумой, въ униженномъ образѣ являться жителямъ, которые помнили такъ хорошо его Университетскую славу. Здѣсь начинается превратное обхожденіе Латинской іерархіи съ своимъ питомцемъ, готовымъ пожертвовать ей всѣми силами души своей, всѣми

---

(1) Walch, XIX, Von den Geistlichen und Klostergelübden, §. 4, p. 1809.

дарами природы,—начинается и внутреннее, глухое противодѣйствіе въ пламенной природѣ Мартина. Наконецъ Университетъ, великодушнымъ ходатайствомъ за бывшаго сочлена, избавилъ его отъ унизительныхъ обязанностей [1].

Жизнь Лютера въ монастырѣ представляетъ примѣръ высокаго самоотверженія, строжайшаго исполненія самыхъ суровыхъ обязанностей поста и воздержности. Меланхтонъ свидѣтельствуетъ, что онъ по нѣскольку сутокъ не ѣлъ хлѣба и не пилъ воды. Всѣ роды тѣлесныхъ лишеній выносилъ онъ съ стоической твердостію. Усиленныя молитвословія, бдѣнія, посты, голодъ и холодъ, жесткое ложе подтачивали его жизненныя силы, изъ цвѣтущаго здоровьемъ юноши сдѣлали блѣдный, безжизненный остовъ (eine todte Leiche). Въ позднѣйшихъ отзывахъ его читаемъ подробную келейную лѣтопись его тѣлесныхъ и душевныхъ страданій. Этой ревности въ исполненіи внѣшнихъ подвиговъ иночества соотвѣтствовали строгія убѣжденія послушнаго сына Западной Церкви. «Папу боготворилъ я (den Pabst betete ich rechtes Anbetens) отъ чистаго сердца и глубины души, не ради тучныхъ пребендъ, прелатуръ и духовныхъ имѣній; но все, что я дѣлалъ, то дѣлалъ отъ простоты сердца, съ усердіемъ искреннимъ, нелицемѣрнымъ» [2]. «Я такъ высоко уважалъ папу, что былъ увѣренъ, что, кто отступаетъ отъ него въ малѣйшей чертѣ закона, тотъ осужденъ на вѣки и становится добычею діявола» [3]. Не смотря на все это, измученная совѣсть его не находила покоя. «О грѣхъ мой, грѣхъ мой, грѣхъ мой!» взывалъ онъ въ отчаяніи, не достигая желаннаго примиренія съ Богомъ, чувствуя вѣчныя, нескончаемыя угрызенія совѣсти. Если по временамъ и вырывались отрадныя минуты успокоенія, онѣ были непродолжительны, смѣняясь страшными картинами гнѣва Божія, предвѣстниками вѣчнаго огня въ его внутреннемъ адѣ. Лишенія и скорби лишь только сильнѣе рождали въ немъ безпредѣльное чувство внутренняго неудовлетворенія.

---

(1) Jürg. I, p. 558—575. Подробности изъ Матезія и изъ исторіи М. Лютера, Матө. Раусберга, врача Іоанна Фридр. Сакс.

(2) Walch, VIII. Толков. на посл. къ Галат. 1. §. 188, p. 1684.

(3) Ibid. §. 192, p. 1688.

И днемъ и ночью смущалъ его задушевный, таинственный голосъ, какъ вѣщаніе высшей силы: «Кто знаетъ, угодны ли Господу твои подвиги?»

Здѣсь естественно рождается любопытный вопросъ объ источникѣ душевныхъ страданій Мартина, о томъ, какого рода искушенія терпѣлъ онъ, о какомъ грѣхѣ взывалъ къ Богу. Юргенсъ приводитъ множество разныхъ предположеній: невѣріе и сомнѣніе въ бытіи Божіемъ и истинѣ Христіянства, страхъ передъ Богомъ, какъ судьей неумытнымъ, мечтанія бѣсовскія, вожделѣнія плотскія, а болѣе всего гнетущее сознаніе грѣховности не отдѣльныхъ поступковъ, а всего существа человѣческаго, ниспавшаго въ глубокую бездну паденіемъ Адама, и еще не просвѣщеннаго вѣрою въ благодать Іисуса Христа. Здѣсь нельзя не замѣтить анахронизма, смѣшенія двухъ противоположныхъ періодовъ развитія Лютера. Юргенсъ полагаетъ неправильно, что искушенія маловѣрія, разрѣшавшіяся послѣ для Лютера въ слѣдующемъ страшномъ силлогизмѣ: Богъ враждуетъ грѣшникамъ;—ты грѣшникъ, слѣдовательно, Богъ враждуетъ тебѣ—во всей силѣ обнимали его уже въ это время и составляли предметъ его первыхъ исповѣдей Ступицу. Это не могло имѣть мѣста при строго-Латинскомъ воззрѣніи Лютера. Служа Господу добрыми дѣлами безъ вѣры, въ мрачную эпоху ослѣпленія, когда онъ самъ называлъ себя софистомъ (1), онъ былъ совершенно увѣренъ, что творитъ волю Божію; его смущало не сознаніе грѣховности дѣлъ, не истекавшихъ изъ вѣры въ благодать Божію, а сознаніе ихъ недостаточности для совершеннаго безстрастія, котораго тщетно онъ домогался. Сознаніе же грѣховности всего существа человѣческаго, соединенное съ живою вѣрою во всеобъемлющую силу благодати, ее очищающей, имѣетъ прямое отношеніе къ началу проповѣди его о безусловной достаточности вѣры для спасенія, въ 1520 и слѣдующихъ годахъ. Оно было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ возобновленнаго и доведеннаго имъ до крайности ученія о благодати и о соединенномъ съ нимъ покаяніи.—Что же должно разумѣть

(1) Ibid. §. 12, p. 2087.

подъ именемъ *грѣха*, смутившаго Лютера? Разумѣется, отдѣльное грѣховное дѣйствіе, возвращавшееся не одинъ разъ. Все ведетъ къ заключенію, что первыя страданія его происходили отъ борьбы съ вожделѣніями плоти, которыя не могли не сказаться съ особенною силою въ его страстной натурѣ. Враги его засвидѣтельствовали чистоту его жизни во время монашества, но это не доказываетъ чистоты помышленій. Онъ находился на низшей степени иноческаго искуса, на которомъ помышленія плотскія безпрестанно останавливали ходъ его богомыслія, и борьба съ ними была для него самымъ тяжкимъ подвигомъ. Позднѣе, одной изъ любимыхъ его поговорокъ было та, что молодаго человѣка преимущественно искушаетъ похоть плотская; въ 30 и 40 лѣтъ всего сильнѣе искушенія честолюбія, и т. д. Здѣсь сказалась постепенность его собственныхъ ощущеній (¹). Въ то время онъ хотѣлъ достигнуть совершеннаго безстрастія въ мысляхъ и чувствованіяхъ, и невозможность привести въ исполненіе это желаніе считалъ величайшимъ грѣхомъ. Въ послѣдствіи онъ смѣялся надъ гордостію человѣческою, которая ищетъ совершенной безгрѣшности, не оставляя ничего на долю милосердія Божія; онъ ссылался на 10-ю заповѣдь, запрещающую дурныя желанія и мысли, всегда обличающую во грѣхѣ человѣка, хотя бы исполнившаго всѣ прочія заповѣди.

И такъ вся монашеская жизнь Лютера до начала общественнаго служенія проповѣдію есть рядъ искушеній, настоящій внутренній адъ, въ которомъ онъ возненавидѣлъ религіозныя представленія Латинства, отнимавшаго у человѣка послѣднее утѣшеніе вѣры. Такое раздвоеніе его внутренняго бытія должно было выражаться рѣзкими чертами въ самой внѣшности Лютера. Она представляется въ нѣсколько позднѣйшихъ источникахъ въ видѣ боренія съ силой бѣсовской. Не даромъ Кохлей говоритъ, что онъ въ монастырѣ находился въ союзѣ съ діяволомъ, что такъ думали объ немъ всѣ товарищи, судя по его странной наружности, на которой отпечатлѣвались внутреннія страданія; что разъ

(1) Walch, XXII, cap. 26, §. 25, p. 1232.

за обѣдней, во время чтенія Евангелія объ изгнаніи бѣса изъ глухо-нѣмаго, онъ палъ на землю съ восклицаніемъ «Не я! не я!» (1), и позднѣе Лютеръ не рѣдко бесѣдовалъ съ діяволомъ цѣлыя ночи, препирался съ нимъ и выходилъ побѣдителемъ, иногда падалъ подъ гнетомъ борьбы, не на шутку чувствовалъ его тѣлесное присутствіе. При такой неравной борьбѣ утѣшенія исповѣди не существовали для него. По правиламъ Августинскаго ордена, каждый братъ былъ обязанъ не менѣе одного раза въ недѣлю приступать къ исповѣди; но эта исповѣдь, безъ утѣшенія вѣры, становилась новою пыткою. Одно только чтеніе Библіи утѣшало страдальца, но и оно окрашивалось черными тѣнями его помышленій; оно не представлялось ему въ утѣшительныхъ образахъ жизни Христовой, а являло только страшные примѣры гнѣва Божія, поражало его казнію Содома и Гоморры, уже послѣ обновленія лица земли всемірнымъ потопомъ. Въ стѣсненномъ своемъ положеніи онъ искалъ взора друга, который вошелъ бы въ его состояніе, оцѣнилъ бы его благородныя усилія и изрекъ бы ему слово мира о Господѣ.

Когда кончился первый годъ послушанія, онъ принялъ формальное постриженіе подъ именемъ Августина. Уже прежде члены конвента съ неудовольствіемъ смотрѣли на библейскія занятія Лютера. По принесеніи же обѣта монашескаго, «отняли у него Библію и дали ему въ руки книги схоластиковъ. Но онъ по возможности скрывался въ библіотекѣ и читалъ украдкой Св. Писаніе» (2). Весь 1507 годъ, второй его иночества, прошелъ въ занятіяхъ схоластикою, въ добросовѣстномъ изученіи всѣхъ учителей Западной Церкви. Это было самымъ сильнымъ противодѣйствіемъ благимъ внушеніямъ каноническихъ книгъ, о которыхъ близорукіе учители его, и въ главѣ ихъ черствый схоластикъ Узингенъ, не переставали нашептывать ему, что ихъ чтеніе опасно, что Библія книга еретиковъ, издавна ссылавшихся на ея исключительный авторитетъ. Меланхтонъ говоритъ, что онъ ежедневно читалъ сборники мнѣній или сентенцій, въ особен-

(1) Cochl. Hist. de act et scr. M. Lutheri. f. 1.
(2) Mathes. 1 Pred. S. 12.—Jürg. I. 671.

кости Алльяка (d'Ailly) и Биля, съ такимъ прилежаніемъ, что выучилъ ихъ наизусть почти отъ слова до слова. Часы досуга раздѣлялъ онъ между Герсономъ, Ѳомой Аквинскимъ, и Скотомъ. Діалектика Оккама плѣняла его несказанно: чѣмъ болѣе вчитывался онъ въ сочиненія схоластиковъ, тѣмъ болѣе рождалась въ немъ страсть къ академическимъ преніямъ. Врожденный даръ слова и острый діалектическій умъ доставляли ему побѣды на диспутахъ. Самыя трудныя мѣста (labyrinthos inextricabiles) объяснялъ онъ искусно, къ удивленію товарищей; охотно диспутовалъ о любомъ богословскомъ предметѣ по выбору противниковъ ([1]). Въ 1507 году онъ получилъ санъ священства. Приготовленія къ оному совершались въ монастыряхъ по знаменитому творенію Биля, который въ XIV вѣкѣ составилъ подробное толкованіе на чинъ литургіи. При всѣхъ уклоненіяхъ отъ крайняго воззрѣнія софистовъ, онъ питаетъ глубокое уваженіе къ кореннымъ вѣрованіямъ католицизма, ставитъ высоко личность священника, какъ посредника между землею и небомъ, какъ имѣющаго власть принесеніемъ безкровной жертвы спасать отъ погибели живыхъ и мертвыхъ.—У него-то Лютеръ прочелъ столь ненавистное ему положеніе, что священникъ выше самой Богородицы, которая не имѣла никогда власти въ литургисаніи *творить* тѣло Христово. Это было частнымъ вѣрованіемъ Западной Церкви, противъ котораго смѣло вооружался и Гусъ. Но Лютеръ въ то время съ младенческой вѣрой погружался во всѣ эти тайны готовившагося для него священнослуженія. При чтеніи Биля сердце его обливалось кровію ([2]), конечно, отъ сознанія высокихъ преимуществъ, но вмѣстѣ высокой отвѣтственности, сопряженной съ благодатію священства. Онъ до конца своей жизни сохранялъ эту книгу, которая задавала ему такія мученія. Дѣйствительно, Латинская Церковь всю внѣшность Богослуженія подчинила множеству обрядовъ, и всѣмъ имъ придала внутренній роковой смыслъ. Малѣйшее уклоненіе отъ установленныхъ поклоновъ, крестныхъ знаменій, тѣло-

(1) Melancht. Vita Luth. p. 7.—Jürg. I, 674.
(2) Walch, XXII, c. 88, §. 3, p. 2067.

движеній, ошибка въ произнесеніи таинственныхъ словъ: «Hoc est corpus meum» (1), опущеніе словъ: «Hoc enim», даже слова и буквы въ положенной молитвѣ (2), считались смертными грѣхами, которые должны помянуться на Страшномъ судѣ (3). Съ трепетомъ помышлялъ Лютеръ о первой литургіи, которая совершалась съ великой торжественностію, и въ которой новый священнослужитель высоко возносился надъ видимой тварію. Это было высшею радостію для матери, если она оставалась въ живыхъ; если нѣтъ, то жертва сына несомнѣнно искупала ее отъ чистилища (4). 2 Мая, 1507 года, Мартинъ въ первый разъ служилъ литургію. По этому случаю старикъ Лютеръ изъявилъ согласіе на примиреніе съ сыномъ и пріѣхалъ на торжество. Подробности очень характеристичны. Онъ явился въ сопровожденіи 20 всадниковъ и, по обычаю того времени, подарилъ сыну 20 гульденовъ. «Въ первую обѣдню»,—говоритъ Лютеръ,—«деньги лились рѣкою; это было настоящее торжище подарками и приношеніями». Съ трепетомъ приступилъ онъ къ алтарю: онъ чуть чуть не умеръ, ибо: «тутъ вѣры не было; онъ только и думалъ о томъ, какъ бы сдѣлать себя лично достойнымъ высокаго служенія и чтобъ ничего не опустить во время службы во внѣшнихъ обрядахъ (5).» Когда епископъ вручилъ ему чашу при посвященіи и раздались завѣтныя слова: «Пріими власть приносить жертвы за живыхъ и усопшихъ!» «Удивляюсь долготерпѣнію Господа,»—говорилъ онъ въ послѣдствіи,—«какъ земля не поглотила обоихъ насъ.» Когда въ порядкѣ Богослуженія Лютеръ дошелъ до извѣстныхъ словъ: «Приношу Тебѣ, Богу вѣчному и живому, сію жертву,» то затрясся всѣми членами и отступилъ бы отъ алтаря, если бъ не удержали его присутствующіе; ибо,» — думалъ онъ, — «кто постоитъ предъ величіемъ Божіимъ безъ посредника? Какъ могу я лично

(1) Walch, XXII, c. 19. §. 14, p. 897—898.
(2) Walch, XIX, противъ литургіи §. 77—78, p. 1348.
(3) Walch, XXII, c. 27, §. 104, p. 1380.
(4) Walch, XXII, c. 33, §. 9, p. 1517.
(5) Ibid.

бесѣдовать съ Богомъ, когда люди боятся приступить къ земному царю ([1])?» Такъ сильно было развито въ немъ религіозное чувство, и вмѣстѣ такъ живо говорилъ въ глубинѣ его сердца внутренній голосъ, который требовалъ оправданія вѣрою.

На общей трапезѣ, окончившей торжество, произошла новая сцена между Мартиномъ и Гансомъ. Первый обратился съ вопросомъ къ отцу, отъ чего онъ такъ долго противорѣчилъ рѣшимости его вступить въ монастырь на стезю покойной богобоязненной жизни? прибавляя, что самъ Богъ небеснымъ, страшнымъ видѣніемъ воззвалъ его къ служенію Себѣ. Присутствующіе говорили въ духѣ Мартина. «Дай Богъ,»—воскликнулъ старикъ,—«чтобы это не было навожденіемъ діявольскимъ. А этого ты никогда не слыхалъ, что Богъ велѣлъ повиноваться родителямъ? Господа ученые!»—прибавилъ онъ, окинувъ собраніе испытующимъ взоромъ,—«не ужели вы не читали въ Св. Писаніи: ««Чти отца твоего и матерь твою?»»—«Я не понималъ тогда этой рѣчи,»—писалъ Лютеръ въ посвященіи отцу своему;—«я ожесточалъ свое сердце въ мнимой набожности, я презиралъ тебя, какъ человѣка. Но слово твое проникло до глубины души моей, какъ будто самъ Богъ говорилъ твоими устами» ([2]).

Слѣдующій 1508 годъ протекъ для Лютера въ занятіяхъ священнослуженія и, по временамъ, хожденія за милостыней по окрестнымъ селеніямъ, Крестьяне платили за заказныя обѣдни деньгами, хлѣбомъ, виномъ и другими естественными произведеніями ([3]). Эта продажа даровъ благодати служила новымъ источникомъ душевныхъ волненій для Лютера. Онъ принималъ священство, какъ увѣрительный знакъ милосердія Божія, какъ высокій даръ посредничества между Богомъ и человѣкомъ, и оно обращалось въ наемничество, въ продажу и куплю, въ торговую сдѣлку. Отсюда родилось сомнѣніе въ дѣйствительности священнослуженія,

---

(1) Walch, II, объясн. 28 гл. Быт. §. 67. p. 43,

(2) Walch, II, объясн. 48, гл. Быт. §. 120, p. 2782.—XIX, §. 5, 6, p. 1809—1810.—Пис. къ Меланхт. Aurif. I, Ep. 242, f. 354. Jürg, I, 696—698.

(3) Walch, c. 35, §. 7, p. 1316.—II объясн. 49 гл. Быт. §. 248, p. 2948.

Онъ не былъ покоенъ, если день не служилъ литургіи, а отслуживъ—не достигалъ желаннаго мира. «Въ минуты сильнѣйшаго благоговѣнія, въ сомнѣніи приступалъ къ алтарю, въ сомнѣніи отходилъ отъ него.» При такомъ положеніи нашелся человѣкъ, который посланъ былъ Провидѣніемъ сказать ему слово утѣшенія о Господѣ. Это былъ Ступицъ.

Ступицъ, генералъ-викарій Августинскаго ордена во всей Нѣмецкой землѣ, происходилъ изъ древняго Славянскаго рода (1) Ступицкихъ, издавна поселившагося въ Мышенской (Мейссенской) области, которая нѣкогда была коренною Славянскою и во времена Лютера еще хранила значительные остатки преобладающаго народнаго начала. Нельзя не замѣтить этого страннаго вліянія Славянской стихіи на Нѣмецкаго преобразователя, котораго самого заподозривали (какъ уже сказано) въ Славянскомъ происхожденіи. Случайность ли это? Нисколько. Въ племенахъ Славянскихъ хранилась темная память объ нѣкогда преобладавшемъ въ нихъ Православіи, и эта память воздѣйствовала на ихъ позднѣйшее Латинство. Прошедъ чрезъ всѣ ученыя степени въ разныхъ Университетахъ Европы, онъ не сочувствовалъ схоластикѣ; умѣряя практическимъ смысломъ отвлеченный характеръ Августинова вѣроученія, проповѣдывалъ теплую вѣру въ заслугу Спасителя, приведенную въ дѣйствіе дѣлами христіянской любви. Къ Свящ. Писанію питалъ уваженіе глубокое и старался возвратить силу его изученію въ монастыряхъ, ему подчиненныхъ. Объѣзжая монастыри Августинскаго ордена въ Германіи, онъ явился и въ Эрфуртѣ, неизвѣстно, въ которомъ году. Какъ попечительный отецъ, какъ опытный знатокъ человѣческаго сердца, обратилъ онъ вниманіе на личность молодаго монаха, которая ярко выдавалась наружу въ безцвѣтномъ однообразіи его окружавшаго. Тайное сочувствіе связало питомца Августиновой догматики съ будущимъ преобразователемъ, который изъ сѣтей схоластическаго міра просился на свободу, взывалъ объ умиреніи вѣрою. Въ исповѣди прежде всего узналъ онъ, хотя и не вполнѣ, страданія Мартина и забро-

(1) Kollára Cestopis do Horné Italie, str. 101.

силъ въ горячее сердце его первую искру лучшаго Боговѣдѣнія, возвѣстилъ ему первый проповѣдь мира, слово Спасителя, не хотящаго смерти грѣшника, любовно пріемлющаго труждающіяся и обремененныя совѣсти. Его занятія библіею поразили удивленіемъ Ступица. Онъ предписалъ даровать ему больше свободы, не велѣлъ вынимать изъ рукъ его библіи; ангеломъ утѣшителемъ явился Лютеру человѣкъ этотъ, облеченный властію, говорившій во имя Христово. Съ тѣхъ поръ завязались между обоими короткія сношенія и лично, и письменно, и, не смотря на позднѣйшее разъединеніе, не прекратились до смерти одного изъ нихъ въ 1524 году. Ступицъ немедленно вошелъ въ положеніе молодаго монаха; онъ старался утѣшить его запуганную совѣсть, обратить вниманіе отъ утонченнаго помышленія о мнимыхъ грѣхахъ на настоящіе, еще не сознанные собственнымъ опытомъ, «потому что Богъ не играетъ грѣхами вымышленными; Онъ не шутитъ, отдавая Сына Своего въ жертву за насъ. Составь себѣ списокъ настоящихъ грѣховъ, если хочешь получить право на искупленіе, и не дѣлай грѣха изъ всякой бездѣлицы (aus jedem Bombart) (1)». Лютеръ послѣ говаривалъ, что Ступицъ первый возжегъ въ его мрачномъ сердцѣ Евангельскій свѣтъ. И дѣйствительно, онъ прежде всѣхъ нанесъ ударъ его темному Іудейскому представленію о Богѣ, вѣчно карающемъ, изсчитывающемъ смертные грѣхи человѣка, взыскующемъ грѣхъ родителей до четвертаго рода. Первыя внушенія Ступица врѣзались въ благодарномъ воспоминаніи Мартина. Позднѣе, въ тяжкіе часы искушеній, представлялись уму его, округленныя въ формѣ притчей, переходили въ любимыя его поговорки. Видно, что онъ передумалъ и перечувствовалъ ихъ, что онъ подъ конецъ обратилъ ихъ въ свою духовную собственность. Они часто попадаются намъ въ сочиненіяхъ его, въ видѣ завѣтныхъ пословицъ; онъ съ любовію повторяетъ ихъ, какъ простыя формулы вѣры, какъ прекрасныя начала христіянской жизни. Два раза (2) приводитъ онъ слово

(1) Walch, XXII, c. 9 §. 24, p. 553. Jürg. II, 25.
(2) Walch, XXII, c. 7, §. 120, p. 489.

Ступица, сказанное ему на исповѣди, когда онъ признавался ему во впечатлѣніи ужаса, произведенномъ на него видѣніемъ Животворящихъ Даровъ, при крестномъ ходѣ въ Эйслебенѣ: «Помышленія твои не отъ Христа; Христосъ никого не ужасаетъ, а только даетъ утѣшеніе.» Сколько разъ вспоминаетъ онъ съ духовною радостію мудрое слово викарія. «Я тысячу разъ обѣщалъ Господу хранить благочестіе, и всегда преступалъ обѣтъ; теперь конецъ обѣщаніямъ, я не хочу болѣе обманывать Бога, потому что знаю свою немощь. А потому, если Богъ Христа ради не помилуетъ меня, когда я буду разставаться съ юдолію плача, всѣ обѣты и добрыя дѣла мои разлетятся, какъ прахъ.» «Это тонкое, святое отчаяніе»,—прибавляетъ отъ себя Лютеръ,—«которое исповѣдаютъ устами и сердцемъ всѣ, хотящіе достигнуть блаженства. Они полагаются на Христа, какъ праведнаго и спасающаго, но въ тоже время не предаются безпечности и борятся съ плотію; если и падаютъ въ грѣхъ, не отчаяваются, а снова возстаютъ молитвой и вѣрой» ([1]).—Въ ученіи о двоякомъ дѣйствіи закона, приводящаго (безъ соотвѣтствующей Евангельской проповѣди) либо къ отчаянію, либо къ ложному успокоенію въ содѣянной правдѣ, видимъ также отголосокъ той притчи, которую разсказалъ ему Ступицъ: «Законъ говоритъ человѣку: вотъ высокая гора; ты долженъ взойти на нее. Плоть и надменность отвѣчаютъ, не запинаясь: Взойдемъ. Но совѣсть имъ шепчетъ на ухо: Нельзя. Такъ лучше вовсе отступить отъ нея, заключаетъ отчаяніе ([2]).—Въ другой разъ Лютеръ говорилъ Ступицу: «Господь Богъ такъ грозно посѣкаетъ людей; у кого станетъ духу служить Ему, когда Онъ поражаетъ всѣхъ Своимъ гнѣвомъ?» Докторъ отвѣчалъ ему: «Учись познавать Бога въ дѣлахъ Его; если бъ Онъ дѣйствовалъ иначе, какъ бы усмирялъ Онъ буйныя головы? Ему нужно рубить высокія деревья, а не то, пожалуй, вростутъ прямо въ небо» ([3]). Отзвукъ наставленій этихъ мы слышимъ

(1) Walch, VIII, объясн. 5 гл. Галат. §. 223—224, p. 2723; XXII, c. 18, §. 5, p. 881.

(2) Walch, XXII, c. 10, §. 2, p. 898.

(3) Jbid, c. 2, §. 166, p. 212—213.

позднѣе, когда Лютеръ папистамъ грозитъ вѣчною смертiю; когда онъ слабымъ, запуганнымъ совѣстямъ предписываетъ Евангельское врачевство, а гордыхъ, самонадѣянныхъ грѣшниковъ ставитъ вовсе подъ иго закона. Мысль Лютера, что въ язвахъ Христовыхъ читаемъ предопредѣленiе; что Христосъ есть единственный путь, которымъ можно дойти до познанiя Бога, сидящаго высоко на небесныхъ; что величiе Божiе постигается не безполезными глумленiями, а въ одномъ только человѣчествѣ Iисуса Христа, есть также наслѣдiе Ступица (1). Его же устами впервые заговорилъ Лютеру дотолѣ незнакомый голосъ, что истинное покаянiе начинается съ любви къ оправданiю и съ ненавистiю ко грѣху, что дѣла удовлетворенiя суть только первый шагъ къ покаянiю, далеко не исчерпывая его полноты, ибо не истребляютъ корня грѣха. Уловленный въ сѣти схоластики, онъ въ то время не понималъ этихъ словъ; но въ 1518 году, въ письмѣ къ другу и наставнику, напоминаетъ ему его изреченiе, говоритъ, что нашелъ его согласнымъ со всѣми учителями Церкви, что ему стало отрадно самое слово: покаянiе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ его не въ книгахъ, а въ язвахъ Спасителя.

Трудно рѣшить, сколько времени продолжались внушенiя Ступица, и когда собственно начинается поворотъ въ убѣжденiяхъ Лютера. По всему вѣроятно, что борьба была продолжительна, разрѣшалась медленно; что новый свѣтъ постепенно просвѣщалъ всѣ темные закоулки Мартинова сердца и разума. Чтобы сломить религiозныя убѣжденiя закоренѣлаго схоластика, необходимо было постоянное напоминовенiе одного и тогоже, нужна была цѣлая система богословскаго ученiя, которая не могла быть приведена въ дѣйствiе, не возбуждая подозрѣнiя папистовъ. Такое непрерывное влiянiе не возможно было и по отсутствiю Ступица; еще труднѣе было бы подвергать задушевныя тайны опасностямъ отдаленной переписки въ эпоху, когда сильна была инквизицiя. Но сильнѣйшее противодѣйствiе исходило

---

(1) Walch, XXII, с. 7, §. 120, р. 489.– Объясн. 26 гл. Быт., ст. 9. §. 152, р. 264.

все же изъ продолжаемыхъ Лютеромъ занятій схоластикой, въ которой все было такъ стройно, между тѣмъ какъ въ ученіи Ступица все было отрывисто и не всегда вразумительно. Вообще можно сказать съ достовѣрностію, что наставленія его были только указаніемъ пути, по которому долженъ былъ слѣдовать Лютеръ; что они только усилили въ немъ противорѣчія внутреннія; остальное предоставлено было собственной работѣ ума его, при содѣйствіи библіи и учителей Церкви.

Такимъ образомъ, съ 1508 года начинается мало по малу поворотъ въ богословскихъ представленіяхъ Лютера, который правильно можно назвать второю эпохою его религіозной дѣятельности. До сихъ поръ онъ былъ увлеченъ во всѣ крайности воззрѣнія софистовъ; а такъ какъ схоластика въ лицѣ большинства своихъ представителей пришла къ заключенію, что человѣкъ, при помощи естественныхъ силъ, безъ предварительнаго посредствующаго дѣйствія благодати, можетъ достигнуть соединенія съ Богомъ въ совершенствѣ духовномъ, то Лютеръ во всей полнотѣ раздѣлялъ это мнѣніе, не имѣя никакого понятія о спасительномъ дѣйствіи вѣры. Теперь онъ, кромѣ Ступица, нашелъ другихъ наставниковъ, которые, можетъ быть, безсознательно, но тѣмъ не менѣе благотворно, подѣйствовали на его разумъ. Съ плачемъ исповѣдуя мученія совѣсти старшему брату, у котораго онъ былъ подъ началомъ, онъ съ неизъяснимою радостію внималъ отвѣту: «Что дѣлаешь, чадо? Развѣ не знаешь что самъ Богъ повелѣлъ намъ надѣяться и вѣровать (1)?» Не менѣе утѣшительно было наставленіе другаго благочестиваго старца, указавшаго ему на членъ Апостольскаго символа: «Вѣрую во оставленіе грѣховъ.» Важнѣе всего въ этомъ случаѣ было то объясненіе, что сила обѣтованія касается не только избранниковъ, Давида, или св. Петра, но равномѣрно относится къ грѣховному состоянію каждаго. «Оставленіе грѣховъ,» —такъ говорилъ ему старецъ,—«совершается по волѣ милосердаго Бога въ силу Сыновней жертвы и возвѣщается Духомъ Святымъ въ Апостольской Церкви

(1) Walch, V, объясн. 51, Пс. p. 831.

словами разрѣшительной исповѣди. Въ доказательство указывалъ на слово Бернарда: «Ты долженъ воистинну вѣрить, что грѣхи твои отпущены Богомъ, ибо такъ говоритъ Апостолъ: человѣкъ безъ заслуги получаетъ оправданіе вѣрою ([1]). «O beata culpa, quae talem meruisti redemtorem»— взывалъ утѣшенный инокъ. Въ другой разъ, распростертый на одрѣ, онъ прерывалъ стенанія и вздохи отраднымъ обѣтованіемъ: «Conclusit omnes sub peccatum, ut omnium misereatur.» Теперь онъ вступаетъ на новую стезю, и здѣсь постепенно яснѣетъ предъ нимъ откровеніе. Побѣда надъ мрачнымъ воззрѣніемъ схоластиковъ, въ которомъ человѣкъ невольно падаетъ жертвою сверхъ естественныхъ усилій вынудить спасеніе у Бога дѣлами, безъ посредства Искупителя, должна была начаться съ внимательнаго изученія Библіи. Тутъ яснѣе и яснѣе становились ему тѣ реченія Ветхаго и Новаго Завѣта, въ которыхъ Христосъ называется всемірнымъ Ходатаемъ, а вѣра единственнымъ средствомъ примиренія съ Богомъ. Онъ вчитывается въ Библію съ лучшимъ противъ прежняго разумѣніемъ и завѣса, по выраженію Меланхтона, мало по малу спадаетъ съ его изумленныхъ очей. Отселѣ все вниманіе его устремлено на истинное разумѣніе посланія къ Римлянамъ. «Когда я въ папствѣ читалъ: «Спаси меня, Господи, въ правдѣ Твоей!» я разумѣлъ подъ правдою гнѣвное правосудіе Божіе, наказывающее грѣхъ. Я враждовалъ отъ сердца Апостолу Павлу, когда читалъ у него, что «правда Божія является въ Евангеліи» (Рим. I, 17.) ([2]). Я долго искалъ и ломалъ себѣ голову; дни и ночи проводилъ въ безпрестанномъ размышленіи объ этомъ текстѣ, ибо всѣ учители Церкви, исключая одного Августина, толковали слово Апостола: Justitia Dei въ буквальномъ значеніи, по которому правдой называется справедливое возмездіе за содѣянный грѣхъ. А потому я вовсе не любилъ праведнаго и гнѣвнаго Бога, и втайнѣ враждовалъ и Ему, потому что умствовалъ такъ: ««Неужели не довольно для Бога, что мы уже въ слѣдствіе

(1) Меланхтонъ и Матезій. Jürg. II, 61.
(2) Walch, XXII, c. 12, §. 85, p. 704.

грѣха первороднаго осуждены на вѣчную гибель и въ земномъ нашемъ странствованіи преисполнены страданій и скорбей? Неужели и Евангеліе Христово гласитъ намъ страшное прещеніе Его правосудія? Если такъ, то не лучше ли было бы Евангелію вовсе не выходить на свѣтъ Божій? Ибо кто могъ бы любить Бога вѣчно гнѣвнаго, судію и исполнителя правосудія?»» Стѣсненная совѣсть моя, измученная противорѣчіями, приходила въ свирѣпое негодованіе. Но когда обозрѣлъ я послѣдовательность изреченій Апостола, когда, озареніемъ Духа Святаго, я обсудилъ со всѣмъ возможнымъ прилежаніемъ пророческій текстъ Аввакума (II, 4): «Праведникъ отъ вѣры живъ будетъ;» когда прочелъ и Августиново объясненіе этого текста, тутъ я возрадовался и, прилагая отвлеченное понятіе къ именованному, объяснилъ себѣ слово Justitia послѣдующимъ понятіемъ: праведный, т. е., оправданный вѣрою; я понялъ, что правда Божія не что иное, какъ Его милосердіе, посредствомъ котораго Онъ вмѣняетъ намъ оправданіе. И я почувствовалъ себя какъ бы снова родившимся; мнѣ стало такъ легко на сердцѣ, какъ будто бы во всю ширину растворились предо мною райскія двери; тогда-то раскрылся мнѣ смыслъ Писаній, и небо разверзлось. Я совсѣмъ другимъ окомъ сталъ смотрѣть на Св. Писаніе, пробѣгая по возможности все его содержаніе, сличеніемъ всѣхъ его текстовъ убѣдился въ истинѣ новооткрытаго смысла. И слово Апостола, прежде такъ сильно смущавшее меня, стало лучшимъ моимъ утѣшеніемъ,— настоящею райскою дверью» (1). Во всей этой тяжкой борьбѣ Лютера, безъ сомнѣнія, всего поразительнѣе его совершенное незнаніе Церковныхъ мыслителей Православнаго міра, которые такъ легко разрѣшили бы его сомнѣнія. Неисповѣдимы судьбы Божіи!

Впрочемъ, не смотря на это свидѣтельство, весь ходъ развитія Лютеровыхъ мыслей объ отношеніи благодати къ дѣламъ человѣка показываетъ, что первые выводы, извлеченные имъ изъ чтенія Библіи, существенно различествовали

---

(1) Walch, II, объясн. 27 гл. Быт. §, 183, p. 468.—XIV, 460, p. 99.—XXII, p. 704.

отъ позднѣйшихъ реформаторскихъ его убѣжденій, которыя установились вполнѣ не ранѣе, какъ въ самомъ концѣ 1518 года, послѣ Аугсбургскихъ допросовъ кардинала Ѳомы де Віо. Первый лучь утѣшенія, заброшенный въ ветхозавѣтную подзаконную мглу Христіянскаго Запада, которая со всѣхъ сторонъ облегала и Лютера, онъ могъ называть по всей справедливости вдохновеніемъ свыше; его очи отверзлись къ разумѣнію Писанія, но къ разумѣнію не въ позднѣйшемъ смыслѣ его реформаціи, а въ смыслѣ перваго внезапнаго воздѣйствія мысли о благодати оправдывающей. Всѣ понятія Лютера должны были совершить еще третій крутой оборотъ, и съ тѣхъ поръ, т. е., съ 1518 года, начинается третья эпоха его богословской дѣятельности, собственно преобразовательная (реформаціонная), которая вноситъ новое начало въ Западное вѣроученіе.

Между всѣми тремя эпохами проведены глубокія раздѣльныя черты, лежатъ цѣлыя бездны, измѣряемыя каждая совершеннымъ переломомъ въ его догматическихъ мнѣніяхъ. Первый періодъ мы обозрѣли; онъ простирается до начала воздѣйствія Ступица въ 1508 году. Дабы яснѣе понять различіе между двумя остальными, необходимо обратить вниманіе на ученіе о вѣрѣ, какъ оно выражалось на Западѣ, какимъ подвергалось въ немъ измѣненіямъ. Латинская Церковь издавна развивалась въ борьбѣ двухъ крайнихъ противоположныхъ другъ другу теорій. Первая, завѣщанная раціонализмомъ языческой философіи древнихъ, ставила нравственную чистоту человѣка въ зависимость отъ человѣческихъ усилій безгранично свободной воли; отсюда, согласно съ влеченіемъ послѣдней къ добру, или злу, истекала возможность, или невозможность нравственнаго совершенства. Ученіе это, возникшее изъ Аристотелизма, облечено въ христіянскую форму Пелагіемъ, систематически развито и въ связи съ философіей средняго вѣка приведено въ научную форму схоластиками. Въ противоположность этому естественному познанію и рядомъ съ нимъ развивалось откровенное, начинавшееся съ библейской повѣсти о паденіи человѣка въ раю. Въ паденіи твари исказилось совершенство ея духовныхъ и естественныхъ силъ; разумъ и воля человѣка пред-

ставляютъ развалины, болѣе или менѣе величественныя, но все же развалины и грустныя уклоненія отъ первоначальной правоты сотворенія ихъ; дѣла человѣка, какъ нечистыя струи, текущія изъ мутнаго источника, не въ силахъ возвести его на высоту, утраченную первымъ Адамомъ; оправданіе его совершается однимъ возрожденіемъ всего его существа благодатію Божіею, видимо сообщаемой въ таинствѣ крещенія и принимаемой вѣрою. Въ первомъ Пелагіянскомъ воззрѣніи достоинство каждаго дѣла опредѣлялось внутреннимъ его отношеніемъ къ идеалу безусловнаго блага, взятаго въ его отвлеченномъ значеніи; во второмъ только внутреннимъ отношеніемъ лица совершающаго къ живому началу высочайшаго блага. Служителемъ этой идеи противъ Пелагія въ 4 и 5 столѣтіи возсталъ Августинъ; она дѣйствовала послѣ въ весьма ограниченномъ кругу писателей средняго вѣка; въ новѣйшее время и послѣ Лютера нашла горячихъ защитниковъ. Но съ другой стороны отъ той же Августиновой школы отложилось огромное большинство такъ называемыхъ Семи-пелагіянскихъ писателей (и въ главѣ ихъ является въ XIII вѣкѣ знаменитый Ѳома изъ Аквина), которые, хотя и признавали во всей безусловности ученіе Августина о благодати, не только оправдывающей, но и дѣятельной въ человѣкѣ , однако въ дальнѣйшемъ развитіи мыслей впадали во всѣ необузданныя крайности воззрѣнія Пелагія, приписывая великую силу упражненіямъ свободной воли, обращенной ко благу ex opere operato. На распутіи между Пелагіемъ и Августиномъ, въ благодатной неподвижной срединѣ, стоитъ Православная Церковь, воззывая человѣка грѣховнаго къ обновленію благодатію Христовою, но не отрицая въ немъ достоинства образа Божія уничтоженіемъ личной свободы: ибо всякое дѣло благое и всякая мысль благая отъ благодати Божіей: свободное же непротивленіе человѣка спасительному дѣйствію Бога есть его доля въ подвигѣ. Третья эпоха Лютерова воззрѣнія (съ 1518 года) уже представляетъ почти полное отрицаніе участія самого человѣка въ дѣлѣ спасенія и зародышъ Кальвинова фатализма.

Вотъ постепенность трехъ періодовъ религіознаго развитія Лютера, о которой умалчиваютъ ближайшіе его біографы, которой въ новѣйшее время не принимаетъ и Юргенсъ. Онъ

признаетъ постепенность въ развитіи, но не видитъ второй переходной ступени, которая столь же существенно отлична отъ третьей, сколько и отъ первой эпохи.

ГЛАВА V.

Переходъ въ новооснованный Виттембергскій Университетъ и начало личной богословской дѣятельности на каѳедрахъ Академической и Церковной — Споръ объ отпускахъ и его послѣдствія

1508—1518.

Въ концѣ 1508 года совершилась значительная перемѣна во внѣшнемъ положеніи Мартина. Черезъ посредство Ступица, онъ вызванъ курфирстомъ Саксонскимъ, Фридрихомъ Мудрымъ въ новооснованный Виттенбергскій университетъ, на 26 году отъ рожденія, для богословскаго преподаванія. Ближайшій поводъ перемѣщенія его неизвѣстенъ. Маймбуръ (Maimbourg) говоритъ, что онъ въ Эрфуртскомъ Университетѣ до того преуспѣлъ въ занятіяхъ высшими науками, что прослылъ однимъ изъ ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ членовъ своего ордена въ цѣлой Германіи. Меланхтонъ приводитъ причиной ingenium et eruditionem Lutheri и ожидаемую отъ него пользу для преподаванія богословскихъ наукъ. Въ письмѣ къ Іоанну Брауну, бывшему покровителю его въ Эйзенахѣ, Мартинъ извиняется въ томъ, что удалился изъ Эрфурта безъ его вѣдома и не простившись съ друзьями; говоритъ, что отъѣздъ его былъ слишкомъ внезапенъ, указываетъ на высшую волю, принудившую его къ перемѣнѣ жительства (1). Во всякомъ случаѣ перемѣщеніе изъ древняго, знаменитаго Эрфурта въ новый, безвѣстный Виттенбергъ, лежавшій на самой границѣ просвѣщеннаго міра (in termino civilitatis), не могло совершиться по доброй волѣ, когда Лютеръ еще не предвидѣлъ своей будущей всемірно исторической дѣятельности въ этомъ городѣ. Но, можетъ быть, страсть его къ диспутамъ и любовь къ просвѣщенію, возбудившая зависть невѣжественнаго монастыря, желаніе обширнѣйшаго круга дѣйствія и ослабленіе натянутаго созерцанія монашескаго, при посредствѣ Ступица, готоваго на всякія услуги для улучшенія судьбы его, вызвали

(1) Ep. Aurifabr. I, 3, 4.

его изъ скучнаго уединенія, не безъ согласія съ его стороны. Во всякомъ случаѣ, Лютеръ самъ въ перемѣщеніи своемъ видѣлъ снова распоряженіе промысла Божія, творящаго дивная. «Gott schickte es wunderbarlich wider aller Menschen Gedanken, dass ich von Erfurth gen Wittemberg musste (1).

Впечатлѣнія поѣздки были нерадостны. Онъ въѣзжалъ въ Виттембергъ въ самую позднюю осень. Сличая его съ покинутымъ Эрфуртомъ, отдавалъ послѣднему первенство во всѣхъ отношеніяхъ. «Эрфуртъ имѣетъ самое выгодное положеніе для Университета; здѣсь долженъ быть выстроенъ городъ, хотя бы теперешній выгорѣлъ весь. Но въ Виттембергѣ я удивился съ перваго разу, какъ могла быть устроена тутъ высокая школа» (1), въ безпривѣтномъ и грубомъ Саксонскомъ народѣ, исполненномъ элементовъ Славянскихъ, враждебныхъ Нѣмецкой плоти и крови, въ угрюмой сторонѣ, хотя и не лишенной поэтическихъ красотъ дикой природы. Оставаясь въ орденѣ, Лютеръ поступилъ на жительство въ тамошній Августинскій конвентъ, гдѣ, какъ святилище, до новѣйшихъ временъ сохранялась его келлія. При Университетѣ онъ началъ безъ жалованья чтеніе объ Аристотелевой діалектикѣ и физикѣ, но занимался философіей по принужденію, увлекаемый страстію къ чисто богословскимъ наукамъ. Письмо Лютера къ Брауну, по его выраженію, писано съ величайшимъ трудомъ и поспѣшностію въ одну изъ драгоцѣнныхъ минутъ, выкраденныхъ имъ изъ разнообразныхъ и трудныхъ занятій (2). Наконецъ 9 Марта, 1509 года, подъ деканствомъ Ступица, онъ утвержденъ библейскимъ баккалавромъ, т. е., получилъ первую учено-богословскую степень. Здѣсь собственно начинается всестороннее изученіе имъ Библіи и толкованій Св. Отцевъ. Съ тѣхъ поръ схоластика оставалась второстепеннымъ предметомъ; онъ обращалъ на нее вниманіе не для того, чтобы самому поучаться изъ ея положеній, а исподоволь готовить имъ опроверженіе по мѣрѣ знакомства съ Св. Писаніемъ и Св. Отцами. Не смотря на позднѣйшіе неблагодарные отзывы о безплодности изученія послѣднихъ, можно сказать утвердительно, что онъ

(1) Walch, XXII, c. II, §. 7, p. 612.
(2) Ibid. c. 67, §. 2, p. 2229. (2) Ep. Luth. J. Aurifabr., I, 3.

имъ болѣе, чѣмъ кому либо, обязанъ избавленіемъ отъ темной области схоластицизма, которая и въ Виттембергѣ грозила покрыть его своими широкими отраслями. По Меланхтону, онъ вникалъ въ смыслъ библейскій при помощи учителей Церкви, читалъ и то и другое единовременно, одно въ поясненіе другому. Извѣстіе это вполнѣ подтверждается собственнымъ свидѣтельствомъ Лютера. Въ сочиненіи о Соборахъ и Церкви ([1]), писанномъ въ 1539 году, онъ такъ говоритъ: «И я читалъ Св. Отцевъ еще прежде борьбы моей съ папою, и читалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, нежели тѣ, которые хотятъ учить меня ихъ авторитетомъ; ибо я знаю, что никто изъ нихъ не пытался посвятить исключительное изученіе одной какой либо книгѣ Св. Писанія, и отыскивать ей толкованіе во всѣхъ Отцахъ, какъ дѣлалъ я, когда я посланіе къ Евреямъ читалъ съ толкованіями Іоанна Златоустаго, Тита, и посланіе къ Галатамъ съ помощію Бл. Іеронима, книгу Бытія съ помощію Амвросія и Августина, Псалтырь, со всѣми учителями, какіе только есть, и такъ далѣе. Я больше читалъ, нежели они воображаютъ себѣ, не оставилъ ни одной книги библейской безъ такого сравнительнаго изученія» ([2]). Историческій путь изученія Св. Отцевъ, пройденный Лютеромъ, всего лучше видѣнъ изъ письма его къ Спалатину 1518 года, въ отвѣтъ на вопросъ его: «Подъ какимъ руководствомъ изучать Библію?»—«Вы имѣете Эразма, который пишетъ открыто, что Св. Іеронимъ единственный, ни съ кѣмъ не сравнимый Церковный учитель. Если бы я противоставилъ ему Августина, меня стали бы упрекать въ пристрастіи къ родоначальнику моего ордена, тѣмъ болѣе, что мнѣніе Эразма получило уже право гражданства. И я по своему худоумію не желалъ бы произносить приговора послѣ такихъ знаменитыхъ судей. Прежде всего, нѣтъ сомнѣнія, что Св. Писаніе не можетъ быть понято разумомъ; изученіе его должно начинаться съ молитвы, чтобы Богъ Самъ вразумилъ насъ наитіемъ Духа Святаго. Потомъ прочесть всю Библію отъ доски до доски, и въ уразумѣніи историческаго смысла ея много поможетъ

(1) Тутъ опять должно замѣтить несчастную ошибку Лютера, не отдѣлявшаго Вселенскихъ Соборовъ отъ мнимыхъ Соборовъ Запада.

(2) Walch, XVI, докум. 1247, §. 11, p. 2629.

тебѣ Іеронимъ своими посланіями и толкованіями. Но для познанія Христа и Божественной Его благодати, для таинственнаго постиженія смысла, гораздо болѣе послужатъ Св. Августинъ и Амвросій. Здѣсь лучше всего начать съ книги перваго *о духѣ и буквѣ*; потомъ можно прочесть его книгу противъ Юліяна, потомъ противъ двухъ посланій Пелагіянъ. Можно присоединить и книгу Амвросія о призваніи всѣхъ языковъ». Въ томъ же 1518 году, въ предисловіи къ книгѣ о духѣ и буквѣ, Лютеръ писалъ, что, «послѣ Св. Писанія, нѣтъ учителя Церкви, котораго бы можно было сравнить съ Августиномъ въ Христіянскомъ Богопознаніи. Не отнимаю и у другихъ заслуженной славы: краснорѣчія у Златоуста, учености мірской у Іеронима; но, собравши всѣхъ воедино, не найдешь въ нихъ и половины того, что читаемъ въ одномъ Августинѣ. По этому, если кто можетъ послѣ чтенія Библіи, тотъ пусть себѣ выберетъ главнымъ руководителемъ Бл. Августина, особенно тамъ, гдѣ онъ препирается съ Пелагіянами, Донатистами и Манихеями. Это мужъ, искушенный въ познаніи Христа. Есть и у него сочиненія, писанныя въ началѣ его обращенія; но тѣ я совѣтую прочесть, когда будетъ досужее время, такъ какъ и я не мало часовъ потерялъ, читая Іеронима, Златоуста и прочихъ» (1). Отсюда понятно, что начало изученія Отцевъ положено имъ съ Іеронима и Златоуста; отъ нихъ перешелъ онъ къ Амвросію и Августину. Онъ давно ужъ ломалъ себѣ голову надъ истиннымъ смысломъ посланія къ Римлянамъ, когда Августиновы толкованія пришли ему на помощь. Меланхтонъ говоритъ, что, «начавши читать творенія Августина, онъ нашелъ въ объясненіи псалмовъ и въ книгѣ о духѣ и буквѣ много свѣтлыхъ реченій, которыя утверждали его въ ученіи вѣры и упрочивали утѣшеніе, возженное въ сердцѣ его этимъ послѣднимъ. Августиновы книги читалъ онъ всѣхъ больше, слагая ихъ въ сердцѣ своемъ.» При всемъ томъ заблужденія схоластики разрѣшились въ немъ еще не скоро; они отразились и въ первыхъ его, намъ доступныхъ, проповѣдяхъ, относящихся къ 1515 году. Содержаніе лекцій

(1) Ep. Aurif, I, 56.

его неизвѣстно; не смотря на общественное преподаваніе, монашеское содержаніе все еще было въ немъ преобладающимъ. Когда занятія ученыя отнимали у него время на благочестивыя упражненія иноческія, онъ запирался въ келлію по субботамъ, проводилъ цѣлый день безъ пищи и питія, вычитывая въ одинъ день положенныя въ уставѣ молитвословія за цѣлую недѣлю ([1]). Сохранилось преданіе, передаваемое Меланхтономъ и Матезіемъ, что Поллихъ изъ Мелрихштадта, главный виновникъ основанія Виттембергскаго Университета и первый ректоръ его, замѣтилъ въ молодомъ человѣкѣ «такую высоту духа, что онъ, безъ сомнѣнія, введетъ когда нибудь въ школы новый способъ преподаванія, что онъ опровергнетъ всѣхъ учителей вѣры, создастъ новое ученіе и преобразуетъ всю Римскую Церковь; ибо онъ опирается на словѣ Пророковъ и Апостоловъ и твердо стоитъ на почвѣ Евангельской; что онъ имѣетъ глубокія очи и чудныя *фантазіи*». Юргенсъ принимаетъ это преданіе за достовѣрное ([2]); но нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно входитъ въ разрядъ тѣхъ пророчествъ, которыми преданіе любитъ украшать героевъ народныхъ по позднѣйшимъ историческимъ даннымъ. Въ бытность Лютера въ Римѣ, тамъ носилось преданіе, привезенное въ Германію докторомъ Ступицемъ, что при Львѣ X возстанетъ eremita, пустынникъ, который сокрушитъ папство. Лютеръ не на шутку относилъ это преданіе лично къ себѣ, говоря въ старости: «Я не воображалъ себѣ въ то время, что пустынникъ этотъ я самъ, потому что и Августинцы слывутъ еремитами» ([3]). Въ нашемъ преданіи, кромѣ внутренней несообразности съ схоластическимъ духомъ первыхъ чтеній и проповѣдей Лютера, съ глубокимъ уваженіемъ къ папству, засвидѣтельствованнымъ письменнымъ откровеннымъ признаніемъ спустя 9 лѣтъ, нельзя не замѣтить очевиднаго смѣшенія съ событіемъ позднѣйшихъ временъ, — съ достопамятнымъ словомъ кардинала Каетана послѣ Аугсбургскихъ допросовъ.

---

(1) Walch, XXII, c. 15, §. 12, p. 814; §. 24, p. 824.
(2) Walch, XXII, c. 77, §. 1, p. 2375.
(3) См. ниже.

Въ 1510 году однообразныя занятія Лютера прерываются занимательнымъ эпизодомъ: путешествіемъ въ Римъ. Подробности мало извѣстны: единственный матеріалъ—его собственныя свидѣтельства, разсѣянныя по разнымъ сочиненіямъ, въ особенности въ застольныхъ рѣчахъ, гдѣ цѣлая глава (77-я) посвящена описанію путевыхъ впечатлѣній и городу Риму. Что было ближайшимъ поводомъ къ путешествію Лютера? Свидѣтельства разногласны ([1]). Враги реформатора приводили большею частію причины нелѣпыя. Laing говоритъ, что онъ ѣздилъ въ Римъ за кардинальскою шапкою. Всего вѣроятнѣе извѣстіе, что въ спорѣ, происшедшемъ по случаю какого-то нововведенія, предполагаемаго Ступицемъ между конвентами Августинскихъ Нѣмецкихъ монастырей, онъ былъ выбранъ посредникомъ для принятія повелѣній отъ высшихъ властей. Но эта причина только второстепенная. Онъ ходилъ въ Римъ, согласно съ обѣтомъ, два раза повтореннымъ въ Эрфуртѣ, ходилъ, какъ покорный сынъ Церкви, поклониться святынѣ великаго города, освятиться прикосновеніемъ его исторической почвы. Ему нужно было пройти чрезъ всѣ впечатлѣнія вѣка, пережить на собственномъ опытѣ все великое и гнилое въ вѣковомъ зданіи Римской Церкви.

Онъ путешествовалъ въ сопровожденіи одного брата, пѣшкомъ, отъ монастыря до другаго, по обычаю странствующихъ богомольцевъ, гостепріимно призрѣваемый по всей дорогѣ; кое-гдѣ проповѣдывалъ и даже заводилъ диспуты. Путь лежалъ ему чрезъ Швабію, Баварію и Тироль. Преданіе народное до сихъ поръ указываетъ съ благоговѣніемъ на мѣста, ознаменованныя его пребываніемъ, и къ каждому изъ нихъ привязываетъ какое нибудь мѣстное воспоминаніе, въ которомъ трудно отличить истину отъ позднѣйшихъ наростовъ, большею частію съ примѣсью чудеснаго. При первомъ вступленіи на почву Италіи ему тотчасъ открылась глубокая бездна между Нѣмецкою добросовѣстностію и Италіянскимъ невѣріемъ. Его поразило кощунство, съ которымъ монахи Италіи нарушали церковную заповѣдь о постѣ. Онъ

---

(1) Jürg. II, 268—271.

принялъ на себя роль обличителя и едва не сдѣлался жертвою лукавства монаховъ, которые хотѣли сбыть съ рукъ незваннаго гостя. Наблюденія надъ внутреннимъ состояніемъ монастырей, надъ народнымъ характеромъ Италіянскаго племени, замѣчанія метеорологическія принадлежатъ къ числу первыхъ и самыхъ значительныхъ путевыхъ впечатлѣній, взглядъ еще чисто монашескій; вопросамъ политическимъ, сильно занимавшимъ всю современную Европу, онъ, повидимому, мало сочувствуетъ. Когда открылись ему священные верхи державнаго города, онъ палъ ницъ, поднялъ руки къ небу, и сказалъ съ умиленіемъ: «Кланяюсь тебѣ, священный Римъ! Да, священный воистинну,»—прибавилъ онъ позднѣе,—«отъ крови мучениковъ въ немъ пролитоій, но нынѣ растерзанный, ибо діаволъ окалилъ его папой, своимъ изверженіемъ.»

Извѣстія, сообщаемыя Лютеромъ о состояніи Рима, не могутъ служить мѣрой первоначальныхъ его впечатлѣній, когда натянутое ожиданіе разрѣшилось для него внезапнымъ зрѣлищемъ великаго города. Они всѣ окрашены мрачнымъ оттѣнкомъ позднѣйшихъ пристрастныхъ сужденій. Для спокойнаго созерцателя Римъ, какъ безгласный свидѣтель многовѣковаго прошедшаго, и теперь еще составляетъ предметъ особеннаго благоговѣнія: что же сказать о тогдашнемъ настроійствѣ путешественника, въ минуту сильнѣйшаго прозелитизма? По этому исторически вѣрнымъ объ его пребываніи въ Римѣ останется только часть описательная, и она чрезвычайно скудна.

Лютеру въ Римѣ предстояло два дѣла: 1) исполнить цѣль своего посольства, 2) насмотрѣться на достопримѣчательности города. По первому дѣлу ему нужно было войти въ сношенія съ членами своего ордена; онъ исполнилъ свое порученіе при всеобщемъ одобреніи начальниковъ.

При въѣздѣ въ Римъ воротами: porta del popolo, на лѣвой рукѣ стоитъ маленькая церковь, въ которой Мартинъ, по преданію, немедленно отслужилъ литургію. Вообще онъ въ полной мѣрѣ пользовался правомъ священнослуженія въ Римѣ во всѣхъ мѣстахъ, и въ особенности въ Августинскомъ монастырѣ. Онъ такъ усердно служилъ обѣдню, что «ему

почти приходилось жалѣть, что отецъ и мать его оставались въ живыхъ, потому что онъ охотно избавилъ бы ихъ отъ чистилища своими молитвами» ([1]). Въ посвященіи толкованія на 117-й псаломъ рыцарю Штернбергу, Мартинъ говоритъ, что и онъ въ Римѣ обходилъ всѣ церкви и обѣгалъ всѣ пещеры, вѣрилъ на слово всѣмъ баснословнымъ преданіямъ. 14 дней посвятилъ онъ обзору древнихъ Римскихъ святынь ([2]). Въ Римѣ у Св. Каликста, говоритъ онъ въ застольныхъ рѣчахъ, погребено 176,000 мучениковъ, и 45 замученныхъ папъ лежатъ въ подземельяхъ. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о множествѣ исповѣдниковъ, обагрившихъ кровію своею Римскую почву, указываетъ съ благоговѣніемъ на одно кладбище, на которомъ погребено 80,000 мучениковъ и 46 епископовъ ([3]). Съ умиленіемъ кланялся всѣмъ Римскимъ мощамъ: Петру и Павлу, главѣ Іоанна Крестителя. Но самое величавое впечатлѣніе произвела на него базилика Св. Петра, какъ живое олицетвореніе великаго зданія Церкви Христовой, воздвигнутой смертію ея Основателя, но все еще созидаемой въ продолженіе многихъ столѣтій ([4]). На колѣняхъ поднялся онъ по лѣствицѣ, ведущей къ державному храму верховнаго Апостола, для полученія назначеннаго за этотъ подвигъ всесовершеннаго отпуска. Но пока онъ былъ занятъ его совершеніемъ, говоритъ Секендорфъ, ему слышалось громовое слово: «Праведникъ живъ будетъ отъ вѣры,»—обращавшее въ ничто его прежніе подвиги. Ясно, какъ сильно уже дѣйствовало въ немъ въ это время ученіе объ вѣрѣ, противное Латинской теоріи отпуска.

Религіозный характеръ путешествія Лютера не мѣшалъ ему съ любопытствомъ обращаться къ языческимъ памятникамъ. Онъ съ грустью вспоминаетъ о славѣ и величіи древняго Рима, разрушеннаго Готами, но возводитъ это грустное чувство къ Христіанскому началу вѣры. «Римъ, какимъ я

---

(1) Walch, V, объясн. 117 Пс., 1530 года, р. 1646.

(2) Walch, XXII, c. 74, §. 37, p. 2317.

(3) Ibid. c. 27, §. 19, p. 1319, §. 74, p. 1356. Онъ и въ позднѣйшее время считалъ въ Римѣ 2,000,000 мучениковъ.—Walch, XXII, c. 7, §. 26, p. 411.

(4) Ibid, c. 77, §. 1, p. 2374.

его видѣлъ, великъ съ добрую милю пути, на разстояніи отъ Виттенберга до Поэтесберга. Отсюда легко заключить, какое огромное пространство занималъ нѣкогда старый Римъ. Въ лѣтописяхъ о народонаселеніи его пишется, что за 100 лѣтъ до Р. Х. было въ немъ 4,100,000, а вскорѣ потомъ 9,000,000 жителей. Вотъ народецъ, если это не басня! Слѣды древняго города еще распознаешь; виденъ театръ и Діоклитіановы термы, Діоклитіановы бани, проведенныя на пространство 25 Нѣмецкихъ миль, изъ Неаполя въ прекрасный загородный домъ. Ахъ! тутъ-то были сокровища и богатства вселенной! Тутъ-то дѣлали они все, что хотѣлось имъ. Римъ теперешній — мертвый трупъ въ сравненіи съ прежнимъ. Ибо гдѣ теперь стоятъ дома, тамъ прежде были крыши: такъ великъ слой развалинъ, какъ видно еще на берегахъ Тибра, гдѣ онъ простирается на два копья вышины» (¹). Особенно сильно поражаетъ его Христіанская одежда, навязанная на древніе памятники; онъ видитъ въ нихъ съ одной стороны торжество Христіанской идеи надъ Римскимъ язычествомъ, но насильственное ихъ сочетаніе поражаетъ его непріятно. Ему, какъ ревнивому служителю Церкви, хотѣлось бы сгладить и слѣды пребыванія идоловъ въ Апостольскомъ городѣ. Такъ говоритъ онъ, что на мѣстѣ языческаго Капитолія построенъ монастырь Францисканскій, и снова съ любовію возвращается къ историческому кладбищу св. Каликста (²). Особенное вниманіе обращаетъ на Пантеонъ. «Въ Римѣ (³) есть круглый храмъ, въ которомъ Римляне поставили изображенія всѣхъ боговъ вселенной, кромѣ І. Христа. Этотъ Пантеонъ уже въ 606 году императоръ Фока, убійца благочестиваго царя Маврикія и виновникъ папскаго первенства, отдалъ въ полную собственность Бонифацію III; тотъ окрестилъ его церковію Всѣхъ Святыхъ, но въ число ихъ не включилъ Іисуса Христа, хотя отъ Него-то святые всѣ получили утвержденіе своей святости. Въ бытность мою въ Римѣ я видѣлъ эту церковь;

(1) Walch, XXII, c. 77, §. 1.
(2) Ibid. p. 1317.
(3 Ibid. c. 7, §. 28, p. 413; §. 97, p. 468

въ ней не было оконъ, но только сверху круглое отверстіе, пропускавшее свѣтъ, съ огромными сводами; окружена же она такими толстыми столбами изъ мрамора, что каждый изъ нихъ трудно обхватить двумъ человѣкамъ. Вверху, въ сводахъ, написаны изображенія всѣхъ языческихъ идоловъ: Юпитера, Нептуна, Марса, Венеры и прочихъ по ряду.» Потомъ говоритъ о театрѣ, кругломъ по виду, отъ земли въ 13 уступовъ, въ которомъ когда-то помѣщалось не менѣе 200,000 зрителей, а теперь остались только основаніе да стѣны (1).— Исторія папии Іоанны, вѣроятно, при помощи путеводителей, также представлялась ему въ лицахъ. «Въ Римѣ (2) я видѣлъ на большой улицѣ, ведущей къ соборному храму Св. Петра, высѣченное изъ камня изображеніе папы,—а именно: женщина со скипетромъ и мантіей папской держитъ на рукахъ младенца; этой улицей ни одинъ папа не проѣзжаетъ, чтобы не видать статуи, ибо женщина, именемъ Агнеса, родомъ изъ Майнца, въ видѣ мальчика отведена въ Англію какимъ-то кардиналомъ, а потомъ переведена въ Римъ. Она выбрана въ папы, но подвергнулась позору и публично, при всѣхъ, на той самой улицѣ, разрѣшилась отъ бремени. Удивительно, какъ папы еще могутъ терпѣть такое изображеніе; но Богъ самъ наводитъ на нихъ ослѣпленіе, чтобы выказать всю гнусность ихъ обмановъ.» При всѣхъ поразительныхъ явленіяхъ отжившей славы міра, религіозное созерцаніе Лютера утверждалось мыслію о непреложности Божіей. Конечно, тогда уже сдѣлано имъ наблюденіе, сообщаемое въ позднѣйшую эпоху жизни. «Я часто дивился, какъ могла имперія Римская возвыситься на такую степень величія *безъ познанія Бога*, въ такихъ великихъ бояхъ и въ борьбѣ съ такими народами, какъ Карѳагеняне, которые въ могуществѣ далеко превосходили противниковъ.» Рѣшеніе этого вопроса тогда еще не удавалось ему; но самый вопросъ показываетъ всю ограниченность ветхозавѣтнаго взгляда Западнаго человѣчества. Здѣсь ясно выступаетъ въ воззрѣніи Лютера идея судьбы, какъ силы предвѣчной, про-

---

(1) Ibid. p. 1317.
(2) Ibid. c. 27, §. 19, p. 1320.

тивоборствующей благодати, не совмѣстимой съ Божественнымъ предопредѣленіемъ, которую Лютеръ тщетно старается согласить съ идеей о праведномъ воздаяніи Божіемъ, въ которую вѣритъ, при всемъ желаніи сокрушить въ себѣ эту вѣру, воспитанную религіозными впечатлѣніями дѣтства. Здѣсь, повторяю, начало раздвоенія Божественной силы на двѣ идеи,—правосудія неумолимаго и милосердія всесовершеннаго, которыя въ душѣ Лютера никогда не достигаютъ желаннаго примиренія, а расходятся въ безконечномъ междоусобіи, то наводя на человѣка ужасъ отчаянія, то погружая его въ сладостное самозабвеніе.

Сверхъ историческихъ памятниковъ, языческихъ и христіанскихъ, кромѣ чудныхъ mirabilia Romæ, въ которыхъ человѣкъ Запада видѣлъ лѣствицу, ведущую къ Небу,—и полицейская сторона Рима, строгій распорядокъ хозяйственной дисциплины, нашли отголосокъ въ коренной чертѣ Нѣмецкаго характера Лютера. Искусствамъ Италіи онъ мало сочувствовалъ. Двѣ стороны его развитія: монашеская и экономическая преимущественно проводятся чрезъ всѣ его наблюденія въ Римѣ. Онъ явился въ столицѣ Христіанскаго міра со всею правдивостію религіознаго представленія Нѣмца, съ глубокою вѣрою въ святость служителей Западной Церкви; его ожидало совершенное разочарованіе. «Когда я шелъ въ Римъ, его называли fontem justitiæ, источникомъ правды; но я увидѣлъ, что Римъ не иное что, какъ только блудница или домъ непотребный» (1). Онъ съ ужасомъ отзывается о видѣнномъ имъ нечестіи Римскомъ, о скупости, породившей пословицу: versus amoR (Roma) mundi caput est et bestia terræ (2), о томъ, какимъ образомъ кардиналы Римскіе не довольствуются сожитіемъ съ женщинами, которое вообще считается честнымъ провожденіемъ времени, какъ Картезіанскіе монахи первые привезли изъ Италіи въ Германію грѣхъ Содомскій (3). Онъ утверждаетъ, что изъ Рима онъ вывезъ такія тайны, которыми до конца своей

(1) Walch, XXII, c. 27, §. 75, p. 1357.
(2) Ibid. c. 4, §. 93, p. 322.
(3) Walch, I, Объясн. Быт. 19. гл., §. 61.

жизни боялся осквернить дѣвственныя уши своихъ соотечественниковъ; передаетъ пословицу, бывшую тамъ въ общемъ ходу, что если гдѣ нибудь адъ подъ землею, то Римъ построенъ на его сводахъ; пишетъ,—что трудно повѣрить, что надобно видѣть все собственными глазами, чтобъ убѣдиться. Въ позднѣйшемъ негодованіи его противъ Латинской обѣдни много участвовало страшное впечатлѣніе, произведенное надъ нимъ Италіянскимъ безбожіемъ. Собственный опытъ показалъ ему Италіянскихъ священниковъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, т. е., гораздо невѣжественнѣе Нѣмецкихъ. Въ сочиненіи о глухой (stille oder Winkelmesse) обѣднѣ онъ сообщаетъ извѣстіе, что, въ бытность свою въ Римѣ, онъ былъ свидѣтелемъ многихъ богослуженій, отъ которыхъ при одномъ воспоминаніи волосы становятся у него дыбомъ (1).

И такъ въ Римѣ набрасывается первая тѣнь на пламенныя убѣжденія католика. Злоупотребленія заражаютъ сомнѣніе, охлаждаютъ его къ самой истинѣ. Но не должно, подобно Юргенсу, преувеличивать слишкомъ реакціонное дѣйствіе этой поѣздки на богословскія его убѣжденія. Правда, онъ сталъ разсудительнѣе, онъ вынесъ изъ Рима зародышъ ненависти, если не къ самой Римской Церкви, то, по крайней мѣрѣ, къ ея служителямъ; онъ такъ преисполненъ былъ негодованія, что, по возвращеніи во свояси, немедленно открылъ душу свою Ступицу. Все, видѣнное и слышанное имъ въ Римѣ, могло и должно было сильно потрясти его сердце; но враждебныя чувства, зародившіяся на этой поѣздкѣ, до времени оставались безъ дѣйствія; они слагались только въ общую массу издавна накоплявшихся огорченій, которымъ, уже послѣ отпаденія его отъ папства, суждено было выступить съ удвоенной силой. Теперь же, пока не оскудѣлъ въ немъ источникъ любви незаслуженной къ вѣрѣ отцевъ своихъ, людская злоба возбуждала его состраданіе къ сиротствующей Церкви, предоставленной произволу недостойныхъ служителей. Послѣдующая перемѣна его убѣжденій произошла не отъ лицъ, а, направленная на самыя коренныя начала религіи, извлечена изъ глубины его сознанія

(1) Walch, XIX, §. 39—40, p. 1509.

всемогущею силою благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ. За то путешествіе обогатило его опытность и незамѣтно подвинуло его къ развязкѣ, а потому въ историческомъ отношеніи оно знаменательно для біографа Лютера. Все же прочее въ сочиненіи Юргенса сюда не относится, а производитъ настоящій хаосъ въ понятіяхъ смѣшеніемъ двухъ воззрѣній, которыя въ то время и въ Лютерѣ не начинали еще бороться. На примѣръ, онъ не могъ имѣть тогда и тѣни сомнѣнія въ тѣлесномъ присутствіи верховныхъ Апостоловъ въ городѣ Римѣ. Онъ слыхалъ много въ Римѣ о типическихъ злодѣяніяхъ Александра VI и Юлія II, но они были ему не безъизвѣстны и прежде въ собственномъ отечествѣ. Личность Льва X до послѣдней размолвки всегда являлась ему въ выгодномъ свѣтѣ. Вообще младенческое послушаніе Церкви и вѣра въ непреложность ея догматовъ еще вполнѣ обозначаютъ эту пору его жизни. Его, конечно, ослѣпляли великолѣпныя церемоніи Римскія, обрядъ анаѳемы на еретиковъ и ослушниковъ Церкви въ Великій Четвергъ въ присутствіи папы и кардиналовъ, при колокольномъ звонѣ и съ погашеніемъ свѣчей ([1]), обрядъ разношенія Даровъ по улицамъ города папою на прекрасномъ бѣломъ конѣ ([2]); понятна робость бѣднаго инока при взглядѣ на того же Юлія II, окруженнаго сугубымъ величіемъ главы Христіянства и царственнаго вождя, облеченнаго въ папскую тіару и въ ратные доспѣхи, непобѣдимаго. Не могли на него произвести непріятнаго впечатлѣнія и другіе обряды, о которыхъ онъ въ послѣдствіи отзывается такъ: «Не прилично христіанскому характеру папы, даже вовсе противно Христу, что человѣкъ грѣшный протягиваетъ для цѣлованія ноги тому, кто во сто разъ лучше его. Какъ согласить эту гордость съ смиреніемъ Христа, омывшаго ноги ученикамъ, и Апостоловъ, пѣшкомъ обходившихъ города и веси? Какой свѣтскій властитель сравнится великолѣпіемъ поѣзда съ тѣмъ, который хочетъ быть главою христіанъ, презирающихъ земную роскошь? Какая душа христіанская не увидитъ съ

(1) Walch, XXII, c. 22, §. 49, p. 1007.
(2) Ibid. c. 77. §. 1, p. 2376.

прискорбіемъ, что папа, когда его причащаютъ, сидитъ неподвижно, wie ein Gnadenjunker, и принимаетъ Св. Дары отъ кардинала, стоящаго передъ нимъ на колѣнахъ, изъ золотой трости? Какъ будто Св. Дары недостойны, чтобы папа, бѣдный грѣшникъ, поднялся съ сѣдалища и воздалъ честь своему Богу, когда прочіе христіане принимаютъ ихъ съ благоговѣніемъ» (1). Еще слишкомъ живы были въ то время представленія Лютера о величіи папы, какъ намѣстника Божія. Притомъ, если онъ видѣлъ много дурнаго, то не могъ не видать и назидательныхъ примѣровъ хорошаго, а самыя стѣны, запечатлѣнныя воспоминаніями, безчисленные залоги спасенія, навсегда освятившіе Римскую почву, съ избыткомъ вознаграждали его за людскіе соблазны. Но если допустимъ неприкосновенность религіозныхъ убѣжденій Мартина, среди окружающаго нечестія, то должны согласиться, что онъ вынесъ изъ Рима глубокое чувство народнаго негодованія. Въ Римѣ онъ слышалъ хвастливыя рѣчи монаховъ, разглашавшихъ чудеса о папской коронѣ, которой вся Германія со всѣми своими князьями не въ состояніи выкупить, о могуществѣ папы, который весьма равнодушно принимаетъ поклоненіе отъ Нѣмцевъ, какъ почесть, ему подобающую, о томъ, что папскій мизинецъ сильнѣе Нѣмецкихъ властителей, взятыхъ въ совокупности. Онъ изучилъ хорошо Италіянцевъ на всѣхъ пунктахъ соприкосновенія съ ними; его наблюдательность схватила и сложила въ сердцѣ разныя черты различія съ Нѣмецкой народностію и начертала въ послѣдствіи поразительно вѣрныя картины ихъ народнаго быта. Въ Италіи онъ выучился ненавидѣть Италію. Отнынѣ начинается брань его съ Италіянскими софистами, съ элементомъ Романскимъ. Въ глубокой противоположности съ окружающими явленіями жизни окрѣпли въ немъ черты племеннаго характера; онъ возъимѣлъ уваженіе къ своему и возчувствовалъ глубокое презрѣніе къ чужому. Но,—повторяемъ,—въ послѣдствіи все то, что теперь представлялось ему въ величавыхъ образахъ, ниспало на степень

(1) Walch, XXII, p. 1310.

смѣшной комедіи; всѣ злыя сѣмена, посѣянныя въ сердцѣ его, выросли потомъ въ огромные размѣры. Онъ радовался, что былъ самъ свидѣтелемъ и очевидцемъ нечестія Римскаго, дабы имѣть право не щадить его словомъ; онъ оправдывалъ этими впечатлѣніями позднѣйшія неприличныя выходки противъ папы и Западной Церкви.

Съ Римской поѣздки до 1512 года не сохранилось объ немъ ни одного свидѣтельства; знаемъ только, что онъ продолжалъ проповѣдывать въ монастырѣ, и что проповѣдь его болѣе и болѣе привлекала вниманіе курфирста. Противъ всѣхъ искушеній, обуявшихъ его въ Римѣ, Ступицъ присовѣтовалъ ему укрѣпляться въ чтеніи слова Божія, и поручилъ ему объяснять въ своихъ лекціяхъ посланіе къ Римлянамъ.

Въ 1512 году совершилось событіе знаменательное, составляющее эпоху поворотную въ личности Лютера, по вліянію на его дѣятельность. Весьма важно совпаденіе двухъ происшествій: распоряженіе Ступица, чтобы во всѣхъ Нѣмецкихъ монастыряхъ Августинскаго ордена чтеніе книгъ Бл. Августина за трапезой монаховъ замѣнено было чтеніемъ книгъ Св. Писанія, — и возвышеніе Мартина на степень богословскаго доктора съ правомъ толкованія Библіи. Званіе доктора онъ принималъ не охотно по великой отвѣтственности, съ нимъ сопряженной. Ступицъ долго его уговаривалъ. Наконецъ, подъ грушевымъ деревомъ въ монастырскомъ саду, онъ приступилъ къ нему окончательно. Лютеръ отказывался, приводя 15 предлоговъ. «Г. докторъ,»—сказалъ онъ ему:—«вы хотите лишить меня жизни. Я не проживу такъ и четверти года.»—«Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ непреклонный викарій. Съ Богомъ! У Господа Бога много важныхъ занятій. Онъ нуждается въ мудрыхъ служителяхъ» (1).—Лютеръ все отрекался упорно. Наконецъ Ступицъ принужденъ былъ напомнить ему заповѣдь монашескаго послушанія. Онъ былъ въ этомъ случаѣ только орудіемъ воли курфирста Саксонскаго, котораго Лютеръ постоянно называетъ виновникомъ своего возвышенія. Самыя деньги на производство выставлены были Фридрихомъ Мудрымъ; но Лютеръ принужденъ

(1) Walch, XXII, c. 22, §. p, 983.—Обълсн. 30 гл. Быт. ст. 9—11, §. 77, стр. 816.

былъ пѣшкомъ отправиться въ Лейпцигъ для полученія ихъ, и на дорогѣ терпѣлъ непріятности отъ княжескихъ откупщиковъ, которые всѣми мѣрами старались его задерживать. 22 Сентября онъ писалъ къ Лангу, пріору Эрфуртскаго монастыря, что онъ, изъ повиновенія власти викарія, по волѣ Божіей, принимаетъ степень богословскаго доктора (1). 18 Октября, въ день Свят. Луки, подъ деканствомъ Карлштадта, защищалъ онъ диступъ на степень библейскаго лиценціата, 19-го на степень доктора, и Карлштадтъ торжественно, при колокольномъ звонѣ и обычныхъ церемоніяхъ, возложилъ на него знакъ отличія — докторскій барегъ. Въ противность уставамъ старинныхъ Университетовъ, гдѣ присяга на доктора состояла въ обѣщаніи неизмѣнной покорности Западной Церкви и папѣ, въ новомъ Виттембергскомъ лиценціатъ обязывался клятвою: 1) къ *оборонѣ по силамъ Евангельской истины*; 2) къ послушанію Римской Церкви; 3) къ отвращенію отъ всякихъ суетныхъ и чуждыхъ ученій (vanæ et peregrinæ), осужденныхъ Церковію и оскорбляющихъ уши благочестивыхъ. Первая статья, вновь прибавленная, была воздѣйствіемъ библейскаго характера Университетскаго преподаванія, продолженіемъ идеи, вложенной въ него основателемъ Поллихомъ, посвятившимъ Университетъ Апостолу Павлу и Бл. Августину (2).

Значительность этого акта, по весьма справедливому замѣчанію Юргенса, состоитъ въ томъ, что докторская степень положила начало великой дѣятельности Лютера, какъ проповѣдника, и его общенію съ народомъ въ духовной бесѣдѣ; что она заключала въ себѣ первый зародышъ и условіе истинной реформаціи, совершенной на почвѣ Нѣмецкой, съ помощью народа Нѣмецкаго, который принялъ и въ лицѣ лучшихъ членовъ своихъ обратилъ ее въ свою духовную собственность. Германія и до сихъ поръ считала многихъ просвѣщенныхъ мужей, которые въ частныхъ опроверженіяхъ Римской догматики дошли до удовлетворительныхъ итоговъ; но, боясь наказанія Церкви, не дѣлились ими

(1) Ep. Aurifabr. I, 4, 5.
(2) Jürg. II, 397—403.

съ народомъ. Ихъ свѣтлыя идеи не расходились въ воспріимчивыхъ массахъ, а умирали вмѣстѣ съ творцами. Лютеръ, принимая вмѣстѣ съ присягой докторскія права и обязанности, считалъ долгомъ не скрывать даннаго ему таланта, въ постепенномъ своемъ удаленіи отъ Западной Церкви всѣ оттѣнки измѣненія своихъ убѣжденій передавать въ живомъ словѣ народу. Получивъ призваніе отъ верховной власти, онъ изъ робкаго и охраняющаго сдѣлался бодрымъ и воинственнымъ, отъ обороны перешелъ къ нападенію, созналъ совершенно значеніе собственной личности. Но тщетны всѣ усилія оправдать уклоненія его отъ Католичества высокимъ значеніемъ докторской присяги, въ слѣдствіе которой онъ будто бы самою Римскою Церковію поставленъ въ необходимость начать съ нею борьбу. Присягнувъ въ неизмѣнной вѣрности Евангельской истинѣ и въ тоже время и общепринятому ученію Римской Церкви, онъ давалъ клятву единственно въ томъ увѣреніи, что ученіе этой Церкви согласно съ Евангеліемъ. Какъ скоро открылось противорѣчіе, присяга тѣмъ самымъ лишалась законности, обращалась въ пустую формулу. Лютеръ имѣлъ право вооружиться на папу, потому только, что папская Церковь во внутреннемъ его убѣжденіи уклонилась отъ истины; но эта увѣренность, какъ плодъ самостоятельной работы ума, родилась независимо отъ присяги его; она выходила изъ глубины религіозной потребности, которая сама по себѣ заключала въ себѣ оправданіе всякому дѣйствію Лютера, совершенному съ цѣлію очистить Евангеліе отъ ложныхъ нововведеній (1). Но въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ уже права ссылаться на присягу, ибо въ томъ видѣ, въ какомъ совершалъ ее, она исключала возможность борьбы съ установленою властію Церковною. Она имѣла значеніе только въ совершенной гармоніи отдѣльныхъ частей своихъ. Какъ скоро нарушено равновѣсіе, нарушена сила самой присяги. Лютеру оставалось только жалѣть о печальной необходимости, которая заставляла его давать на себя нелѣпыя обязательства, и при перемѣнившемся сознаніи, для успокоенія совѣсти, нѣсколько разъ въ жизни нарушать прежнія клятвы.

(1) Ibid. 423—428.

Итакъ, повторяемъ, если будетъ допущено право Лютеру измѣнить своей клятвѣ, какъ противной христіанскому его убѣжденію, а всяко, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть, то ни въ какомъ случаѣ нельзя извинить черты, такъ сказать, двуличности, проявившейся въ желаніи его оправдать строптивость своихъ нападеній на папу и возмущеніе Церковнаго мира силой присяги, которую самъ объявилъ не дѣйствительною. Если Юргенсъ въ этомъ послѣднемъ дѣйствіи Лютера отыскиваетъ коренную черту народнаго характера Нѣмца, который при сознаніи истины, при внутреннемъ убѣжденіи въ справедливости того или другаго поступка, тѣмъ не менѣе ищетъ и внѣшней опоры въ непосредственномъ распоряженіи существующей власти: то намъ съ другой стороны позволено сдѣлать свое замѣчаніе, что онъ отступилъ отъ другой, еще болѣе похвальной, черты Нѣмецкой правдивости и добросовѣстности, играя клятвами произвольно и употребляя во зло отношенія свои къ Западной Церкви, смѣло нарушая присягу, когда она ставила преграды свободному стремленію его религіознаго духа, и снова прибѣгая къ ея мнимому авторитету, когда онъ не видалъ другаго средства объяснить недостатокъ послѣдовательности въ собственныхъ дѣйствіяхъ (1). Эта послѣдняя мысль не досказана Юргенсомъ въ подробномъ обсужденіи того же вопроса.

Я сказалъ, что возвышеніе Лютера на степень богословскаго доктора имѣло великое вліяніе на его религіозное настроеніе. Здѣсь вспомнимъ сказанное о перемѣнѣ въ его убѣжденіяхъ, о томъ, какъ онъ изъ тѣснаго взгляда софиста вступилъ на библейскую стезю, на которой ученіе Ап. Павла и Августина о благодати служило ему путеводною звѣздою. Послѣ внутренней тяжелой борьбы, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, постепенно восходя отъ силы въ силу, шагъ за шагомъ съ трудомъ отрѣшаясь отъ прежнихъ любимыхъ идей, онъ становится твердой ногой на вторую ступень религіозныхъ своихъ представленій, а именно, что оправданіе дается благодатію, силою вѣры во Искупителя, но усвоивается человѣку не иначе, какъ при содѣйствіи собственныхъ подвиговъ.

(1) См. ниже.

Съ этихъ поръ начинается словесная и литературная дѣятельность Лютера. Краеугольнымъ камнемъ его занятій, по свидѣтельству Матезія, болѣе нежели когда либо, является Библія; дополнительными пособіями Августинъ, Амвросій, Бернардъ и другіе учители Церкви. Этимъ занятіямъ соотвѣтствуетъ со дня на день усиливающееся презрѣніе къ средневѣковымъ схоластикамъ и Аристотелю.

Первые богословскіе труды его состояли въ академическихъ чтеніяхъ на посланіе къ Римлянамъ, на псалмы, на посланіе къ Евреямъ и къ Титу. Изъ всѣхъ четырехъ сочиненій дошло до насъ только второе; о первомъ свидѣтельствуетъ Меланхтонъ; о двухъ послѣднихъ не имѣемъ никакого понятія. Замѣчательно, что посланіе къ Римлянамъ, самое трудное и богословское, вмѣщающее въ себѣ полноту христіанской жизни относительно вѣры и нравственности, составляло предметъ первоначальныхъ давнишнихъ занятій Мартина. Въ толкованіи на Іоанна (1) онъ говоритъ, что онъ сначала не зналъ, какъ объяснить первыя четыре главы посланія къ Римлянамъ, въ которыхъ содержится ученіе объ оправданіи вѣрою; что онъ удивлялся, для чего Апостолъ предпослалъ ихъ ученію о добрыхъ дѣлахъ; что лучше бы выпустить ихъ, какъ безполезныя. Но когда первые выводы изученія Бл. Августина приложены имъ къ объясненію Апостола, тогда получило начало и это утраченное толкованіе, въ которомъ Мартинъ, по словамъ Меланхтона, указываетъ ясно различіе между Евангеліемъ и закономъ, и старается побороть ученіе школы, что человѣкъ достигаетъ оправданія дѣлами наружнаго благочестія. Это было явленіе, дотолѣ невиданное, отъ котораго, по словамъ того же Меланхтона, новый свѣтъ возсіялъ удивленнымъ слушателямъ. Другое сочиненіе, до насъ дошедшее, и, по свидѣтельству Лютера, начало его богословскихъ трудовъ, initium studii theologici M. Lutheri, т. е., первый опытъ литературный, явилось печатно въ продолженіи времени отъ 1514 до 1516 года. Въ теперешнемъ видѣ толкованіе на псалмы представляетъ единство и цѣльность;

(1) Walch, IX, c. 5, §. 17, p. 1054.

его можно назвать учено-богословскимъ трудомъ, хотя въ основаніи его лежатъ также отдѣльныя чтенія въ Университетѣ. Не входя въ подробности, замѣтимъ вообще, что въ этомъ трудѣ выражается чисто правовѣрующій, т. е., еще вполнѣ Католическій взглядъ сочинителя. Уваженіе къ первенству папы надъ всѣми епископами и Западной Церкви надъ всѣми прочими, къ чистилищу, къ Св. Отцамъ и даже отчасти къ средневѣковымъ учителямъ, особенная ревность по славѣ матери Церкви въ суровыхъ прещеніяхъ на такъ называемыхъ еретиковъ, а важнѣе всего—мысль объ оправдывающемъ или заслуживающемъ (meritorium verdienstlich) дѣйствіи страданія вѣрующаго ([1]). Путь жизни рисуется ему путемъ страданій, подражаніемъ подвигу Божественнаго Мученика, преходящей стезею къ блаженной вѣчности. Здѣсь отражаются монашескія воспоминанія и самое здравое понятіе о христіанскомъ самоотверженіи, въ которомъ скорбная жизнь есть лучшій проводникъ къ вѣчности, и смерть—торжество для души, ея жаждущей. Вообще всѣ толкованія обращены преимущественно на практическую сторону жизни; о догматахъ—мимоходомъ; о поклоненіи Святымъ—ни слова. Замѣчательно истинное понятіе о литургіи важной и дѣйственной для человѣка, не въ силу совершенія таинственныхъ дѣйствій ex opere operato, а въ силу внутренняго расположенія приносящаго всего себя въ жертву чистую и совершенную, въ жертву исповѣданія и хваленія Богу. Прямой отвѣтъ на позднѣйшіе возгласы тогоже Лютера противъ названія жертвы, прилагаемаго литургіи. Вообще въ этихъ двухъ сочиненіяхъ напрасно стали бы искать, вмѣстѣ съ Юргенсомъ, явнаго противорѣчія съ общепринятымъ ученіемъ Западной Церкви. Единовременное состояніе вѣроученія въ то или другое время существованія Церкви, подчинившей себя началу развитія (а таковъ, безспорно, характеръ папскаго исповѣданія), не можетъ служить неподвижнымъ правиломъ при обсужденіи религіозныхъ понятій Лютера. Въ Западномъ христіанствѣ издавна существовали двѣ огромныя стороны, изъ которыхъ одна возводила ученіе вѣры и устрой-

(1) Walch, IX, см. предисловіе издателя въ толков. на пс. и самое толкованіе во второй половинѣ IX тома.

ства Церковнаго къ коренной, неизмѣнной теоріи; другая, отправляясь отъ точки исхода этой послѣдней, въ безконечномъ развѣтвленіи существующихъ догматовъ, отходила отъ первобытной ея простоты, создавала оттѣнки понятій и различенія, которыя съ временемъ входили въ законную силу, становились новыми догматами (articulum fidei). Первую Нѣмецкіе писатели называютъ представительною, вторую іерархическою, или собственно папскою. Представительная имѣла въ основѣ своей понятіе о Церкви вселенской, и видимымъ ея представителемъ считала единственно соборъ Церковныхъ іерарховъ. Церковь называлась всеобщимъ собраніемъ вѣрующихъ въ цѣлой вселенной, главой признавала одного Іисуса Христа, верховнымъ законодательнымъ судомъ только Вселенскій соборъ, правильно созванный и управляемый невидимою и непогрѣшительною благодатію Духа Святаго. Только Вселенскій соборъ (concilium generale) имѣетъ право творить новые догматы въ области вѣры, какъ облеченный силою свыше, какъ видимое вмѣстилище Духа Святаго и Церкви воинствующей. Но это ученіе имѣетъ то существенное различіе отъ Православнаго, что оно въ предѣлахъ вселенской Церкви, или всемірнаго общенія вѣрующихъ, признаетъ еще частную Церковь, состоящую изъ Римскаго папы, кардиналовъ, — и въ ней олицетворяетъ верховную распорядительную или служебную (ministerialis) власть, простирающуюся равномѣрно на всѣ прочія части всемірной христіанской общины. Еще болѣе существенное различіе заключается въ униженіи мірянъ (лаиковъ). Чтобы понять всю рѣзкость и важность этого различія, стоитъ только сравнить писаніе Латинскихъ богослововъ съ окружнымъ посланіемъ патріарховъ Восточныхъ въ отвѣтъ посланію Пія IX. Такимъ образомъ Римская церковь все же возносится надъ всѣми другими, Римскій епископъ, въ отсутствіи собора, облекается временной властію главы христіанства и, какъ намѣстникъ собора, поставляетъ мѣстныхъ епископовъ, управляетъ vicarie всею совокупностію частныхъ Церквей, является главнымъ судьею въ спорныхъ дѣлахъ и общимъ распорядителемъ Церковныхъ имуществъ, имѣетъ несомнѣнное право толковать самые догматы вѣры. Но какъ всякая личность

подвержена заблужденіямъ, и папа, какъ первый членъ Церкви Соборной, имѣетъ болѣе прочихъ поползновеній и средствъ употребить во зло высокое служеніе Церкви, то, для предупрежденія могущихъ произойти безпорядковъ, назначается время отъ времени повтореніе Вселенскихъ соборовъ, которые могутъ и должны повѣрять дѣйствія папъ, смотря по нуждѣ и низлагать ихъ, возстанавливать частныя нарушенія Церковнаго порядка и общее равновѣсіе составныхъэлементовъ. Таково ученіе Алльяко, Герсона, Николая Кузанскаго и прочихъ представителей той стороны, которая въ XV и XVI вѣкахъ такъ настоятельно требовала преобразованія Церкви во главѣ и въ членахъ, т. е., возвращенія современной дѣйствительности къ столь же мечтательному идеалу предложеннаго управленія Церкви. Таково и ученіе *всей* Западной половины христіанскаго міра до перваго сильнаго проявленія личности папской въ Григоріѣ VII. Съ тѣхъ поръ, какъ первенство Римскаго епископа утвердилось на Западѣ оффиціальнымъ признаніемъ императора Фоки, въ продолженіе четырехъ столѣтій и болѣе, притязанія папъ, за немногими исключеніями, держались въ означенныхъ предѣлахъ представительной системы; они и не думали, или, по крайней мѣрѣ, не смѣли еще отрицать идеи Вселенской Церкви и власти соборовъ. Григорій VII ступилъ огромный шагъ впередъ; онъ виновникъ и творецъ достопамятнаго узаконенія, признавшаго непогрѣшительность папы. За нимъ, начиная съ XII столѣтія, потянулся длинный рядъ богослововъ, защитниковъ папской системы. Эта послѣдняя признавала папу не первымъ членомъ, а видимой главою всей Церкви; въ его личности и въ неразрывно связанной принадлежности съ нимъ—кардинальской коллегіи, воплощала верховную законодательную, правительственную и судебную власть, возвышала его надъ всѣми соборами, надъ всею видимою тварію, подвигала его къ Божеству, оставляла Спасителя,—невидимую, таинственную Главу христіанства,—какимъ-то празднымъ зрителемъ его полновластія, отнимала у Бога возможность казнить его праведнымъ судомъ, потому что смѣло переступила послѣдній камень преткновенія, въ которомъ всѣ величавыя ея представленія, доселѣ еще неопровержимыя

для естественной логики, вдругъ ниспадали на степень кощуннаго, смѣшнаго богохуленія—очевиднымъ противорѣчіемъ здравому разуму, то есть, признала безгрѣшность личности папы, не какъ человѣка, а какъ главы христіанства. Какъ скоро допущено было послѣднее ласкателямъ папскихъ, не трудно было разбить и остальныя грани, отдѣляющія человѣка отъ Божества. Папа присвоилъ себѣ и получилъ право давать индульгенціи, т. е., разрѣшать отъ грѣховъ настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ, освобождать отъ временныхъ казней чистилища и вѣчнаго мученія ада, стало быть, право, за которое Сынъ Божій долженъ былъ заплатить не менѣе какъ крестнымъ страданіемъ; однимъ мановеніемъ возводить отшедшія души въ обители рая, повелѣвать самымъ Ангеламъ неба, живить и мертвить по личной прихоти и произволу; недоставало только видимаго утвержденія этого права въ тѣлесномъ безсмертіи твари, уже вознесенной, если возможно такъ выразиться, надъ самымъ Божествомъ. Но и эту послѣднюю преграду человѣческой гордости, указанную Апостоломъ Павломъ въ сличеніи ветхозавѣтныхъ и новозавѣтнаго первосвященника, иронически выставляемую и Гусомъ, софистамъ удалось обойти; они протянули папскую личность черезъ всю преемственность Римскихъ епископовъ, предположили существованіе живительной силы, которая не прекращаетъ своего дѣйствія и по отшествіи папы, а возрождается въ его преемникѣ. Опроверженіе этой теоріи не могло быть успѣшнымъ; она не допускала простаго анализа разума, а между тѣмъ, въ продолженіи многихъ столѣтій, держала весь Западъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, останавливала свободное стремленіе духа къ христіанскому Богу, по той очевидной причинѣ, что идея Евангельская не можетъ вмѣститься въ нечистомъ сосудѣ безбожной гордости съ одной, и подзаконнаго, противнаго христіанской свободѣ, раболѣпства съ другой стороны.

Тоже самое раздѣленіе партій ясно приводится и въ одномъ изъ существенныхъ догматовъ христіанской религіи, въ ученіи о вѣчномъ спасеніи, о будущей жизни за гробомъ. Здѣсь, какъ указано выше, Западная Церковь дробится на два отдѣла: Пелагіанскій съ его измѣненіями

и Августинскій, и борьба проходитъ чрезъ всю церковную исторію Запада. При этомъ случаѣ нельзя не замѣтить особенности въ религіозномъ развитіи Запада. Между тѣмъ какъ учители истинной Церкви занимаются высшими тайнами вѣры, догматомъ Пресвятой Троицы, божествомъ и человѣчествомъ Іисуса Христа, вообще сосредоточиваютъ всѣ свои силы въ возможномъ постиженіи вездѣсущія и личности Божіей, въ созерцаніи Бога во плоти и въ предвѣчной тайнѣ Его троичнаго существа, учители Запада вступаютъ въ совершенно иной путь. У нихъ возникаетъ одинъ только вопросъ, и тотъ юридическій. Это вопросъ о правѣ человѣка на спасеніе и объ участіи Бога и самого человѣка въ дѣлѣ спасенія. Православная Церковь никогда не дѣлала этого вопроса предметомъ особеннаго (спеціальнаго) изученія; она считала рѣшеніе его слишкомъ не сложнымъ, не впадала ни въ крайности надменнаго Пелагіанизма, ни въ односторонность самодовольнаго Августіанизма, рѣшала его въ простотѣ сердца безпристрастнымъ судомъ просвѣщеннаго разума, а тамъ, гдѣ кончалось владычество мысли и притуплялось усиліе дѣйствія, смиренно прибѣгала подъ кровъ Откровеннаго ученія о благодати. На Западѣ, со временъ Пелагія, Целестія и Августина, внутреннее развитіе христіанскаго ученія не отходитъ отъ догмата о благодати. Между нимъ и постепеннымъ развитіемъ папской теоріи нѣтъ ничего общаго; но борьба воплощается въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, и нельзя не замѣтить разумнаго совпаденія Пелагіанскаго взгляда съ обороною папской системы, а благодатнаго—съ отрицаніемъ папскаго самодержавія. По этому неразрывному соединенію философіи средняго вѣка съ интересами папскими, Латинская Церковь въ XV и XVI вѣкахъ строго наказывала малѣйшее посягательство на неприкосновенность ученія схоластиковъ, и Лютеръ имѣлъ полное право замѣтить, что написты, когда читаютъ Бл. Августина, все приписывающаго благодати Христовой, говорятъ, что онъ въ рѣчахъ своихъ зашелъ слишкомъ далеко, такъ что Августинъ и до сихъ поръ дѣйствительно отвергается Римскою Церковію (1),

(1) Walch, IX Объясн. 1 Посл. Іоаннова 4 гл. §. 32, p. 1033 (1524 года)

хотя оффиціально издавна называется свѣтиломъ христіанства на Западѣ: Doctor praecipuus, по выраженію всѣхъ канонистовъ. Около него, какъ родоначальника средневѣковой догматики, какъ обильнѣйшаго писателя Церкви, какъ питомца Ап. Павла, если не плотію, то духомъ, вмѣстившаго въ себѣ окончательные выводы самой высшей философіи, до которой только могъ достигнуть древній язычникъ, — около него собираются другіе второстепенныя свѣтила: Амвросій, Бернардъ, Іеронимъ, Григорій Великій. На немъ, какъ на незыблемомъ авторитетѣ, построена вся система Ѳомы Аквинскаго, хотя въ сущности въ разрѣзъ противоположная его воззрѣнію; изъ Августинскаго ордена, по словамъ Сильвестра Пріерія, вышли многіе изъ 266 учителей, обожателей Св. Ѳомы и крайнихъ представителей папской теоріи; на него ссылались и Тецель, и Эккъ, особенно на Лейпцигскомъ состязаніи (диспутѣ), въ доказательство необходимости для спасенія добрыхъ дѣлъ, соотвѣтствующихъ благодати. И въ самомъ дѣлѣ, Августиново ученіе о благодати нигдѣ не исключаетъ необходимости внѣшняго упражненія воли въ страданіи и дѣйствіи, хотя часто ставитъ дѣла въ неестественную, натянутую зависимость отъ предшествующей благодати. Уничтоженіе свободной воли въ Западной Церкви никогда, въ самомъ крайнемъ выраженіи стороны антипелагіанской, не доходило до ужасающихъ итоговъ ученія Кальвина и Лютера; но теперь, и до самаго исхода 1518 года, Лютеръ былъ несравненно умѣреннѣе самого Августина. Теперь намъ яснѣе становится перемѣна въ его убѣжденіяхъ и глубокое различіе между первою и второю эпохою его вѣроисповѣдной дѣятельности. Отъ тѣснаго взгляда *обожателя папскаго* и свирѣпаго Пелагіанца-монаха онъ перешелъ на широкій обычный путь Западной Церкви въ состояніи возможной ея чистоты. Онъ сталъ въ противодѣйствіе современному положенію Римской Церкви, умышленно отходившей отъ великихъ своихъ первообразовъ, но все же не выходилъ изъ законныхъ предѣловъ ея, по скольку дѣйствительность связывалась съ лучшимъ прошедшимъ узами хотя только внѣшняго признанія и уваженія. Да и самъ онъ до 1519 года не замѣчалъ внутренняго противорѣчія между собою

и Латинствомъ; онъ твердо вѣрилъ, что оно, въ лицѣ высшаго своего представителя, папы, съ любовію приметъ и достойно оцѣнитъ всякое благородное усиліе возвести Церковь къ первоначальной чистотѣ, утраченной въ большинствѣ членовъ ея. Ему тогда еще и не приходило на мысль, что давно замышляемое и вѣчно откладываемое преобразованіе во главѣ и въ членахъ—есть только комедія, разыгранная съ бо́льшимъ или меньшимъ искусствомъ въ продолженіе цѣлаго вѣка. Онъ вѣрилъ нелицемѣрно, что всѣ неудачи въ совершеніи этого дѣла происходили отъ обстоятельствъ, независимыхъ отъ воли кардиналовъ и папы; вѣрилъ этому и въ спорѣ съ Тецелемъ, въ которомъ вступался за честь папскаго имени и мечталъ услужить интересамъ Западной Церкви. Здѣсь нѣтъ и зародыша позднѣйшаго взгляда, въ которомъ онъ смѣло выступилъ изъ предѣловъ ея и проложилъ себѣ дорогу внѣ ея, поклявшись ей въ вѣчной ненависти, какъ чистому отрицанію Евангельской истины. Теперь же въ немъ выражается только усиленная ревность дѣятельнаго католика, проявляющаяся не въ слѣпомъ подражаніи слѣпымъ образцамъ, а въ разумномъ усиліи просвѣщеннаго служителя Церкви—исцѣлить ея язвы. Вотъ сущность втораго періода религіозныхъ его представленій, не переходнаго, а самостоятельнаго, хотя въ немъ, разумѣется, безсознательно подготовлялись матеріалы къ будущему преобразованію. Этою разумною ревностію вполнѣ объясняются тѣ рѣзкіе возгласы противъ самого папы и церковныхъ прелатовъ, которыхъ встрѣчаемъ не мало и въ сочиненіяхъ, предшествовавшихъ полемикѣ съ Тецелемъ. Они основаны на коренномъ началѣ Католицизма, служившемъ ему на всякую потребу, что личность независима отъ сана и власти; а что личность представителей Церкви не соотвѣтствовала высокому ихъ назначенію, въ томъ сознавался и Римъ, въ томъ на собственномъ опытѣ убѣдился и Лютеръ.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ обозрѣнію событій, предшествовавшихъ непосредственно спору Лютера съ Тецелемъ, оглянемся назадъ на личность монаха въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ въ началѣ 1516 года. Живыя страницы Писанія и учителей Церкви: Августина, Амвросія,

Бернарда возжгли въ немъ духовное начало вѣры во всей его рѣзкой противоположности съ неподвижной односторонностію монашескаго міра на Западѣ. Его страстная природа, утомленная безполезной борьбой съ физической стороной человѣка, рѣшается искать оправданія въ смиреніи вѣры. Всѣ тягостныя обязанности келейнаго житія отмѣняетъ онъ, сперва по недостатку времени, потомъ по совѣту друзей своихъ, при слабомъ здоровьѣ. Во внѣшнихъ отношеніяхъ къ міру исчезаетъ робость запуганнаго дѣтства и забитой нищетой и лишеніями молодости. Хотя онъ лично и не участвуетъ въ великомъ современномъ вопросѣ, по случаю спора Рейхлина съ Доминиканцами, но очи Германіи уже устремлены на молодаго борца, вооруженнаго опытомъ многотрудной жизни и обширными познаніями глубокой, многообъемлющей учености. Изъ монастырскаго уединенія онъ, по востребованію своего князя, чрезъ посредство Георгія Спалатина, придворнаго секретаря и проповѣдника, въ двухъ письмахъ подаетъ свой голосъ въ пользу невиннаго Рейхлина, удивляется лукавству Кельнскихъ богослововъ, невѣжественныхъ грамматистовъ, которые затрудняются пуще Гордіева узла рѣшеніемъ дѣла, по видимому, такого простаго, потому что оно не касается существенныхъ догматовъ вѣры; поражаетъ насмѣшкой его личнаго врага, поэта Ортуина, писавшаго неудачное опроверженіе на Рейхлиновъ Encomion, говоритъ: «что, въ желаніи сбросить съ себя ослиную шкуру и облечься въ величіе львиное, онъ истощилъ свои силы на пол-дорогѣ, и до льва не доросъ, а очутился въ образѣ волка и крокодила.» Вездѣ видно насмѣшливое, бранное расположеніе, но онъ благоговѣетъ еще передъ папою, радуется перенесенію тяжбы Рейхлиновой на верховное рѣшеніе Рима и престола Апостольскаго, «потому что между кардиналами есть люди высокой учености,» передъ судомъ которыхъ невинность скорѣе найдетъ себѣ оправданіе, чѣмъ въ боязливой и предубѣжденной Германіи (1). Такъ велико еще уваженіе его къ священному Риму, не смотря на знаменательное путешествіе; такъ мало знакомы ему конкордаты

(1) Ep. Aurifabr., I, 5, b. 6, 8.

народа Нѣмецкаго, по которымъ ни одно спорное дѣло, при взнесеніи аппеляціи къ папѣ, не могло переходить на судъ чужеземный, а должно было порѣшиться уполномоченными судьями на мѣстѣ происхожденія спора (¹).

Утвердившись въ познаніи истины, Лютеръ рѣшился защищать ее противъ всѣхъ нападеній противниковъ. Страсть его къ преніямъ вовлекла его въ продолжительную борьбу съ богословами школы Ѳомы Аквинскаго. Жаркіе споры съ великимъ Ѳомистомъ, Карлштадтомъ, съ прежними наставниками въ Эрфуртскомъ Университетѣ, начинаютъ рядъ его великихъ бореній. Мартинъ утверждалъ, что въ дѣлѣ вѣры нужно доказывать, а не просто предполагать. Отъ мнимаго авторитета безчисленныхъ учителей Ѳомистовъ и Скотистовъ онъ уже прямо и безстрашно переносилъ дѣло къ единственному авторитету Христа, Пророковъ и Апостоловъ (²). Въ этихъ преніяхъ воспитывался его бранный характеръ, росло сознаніе истины и упорство въ защищеніи сознаннаго; изощрялся діалектическій умъ его, приправленный оружіемъ ироніи. Они имѣли еще ту несравненную пользу, что извлекали его изъ одиночества, заставляли мѣряться силами съ противниками, лицемъ къ лицу, противорѣчіемъ открывали слабыя стороны его убѣжденій и вызывали къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. «Не препирайся Лютеръ,» — правильно говоритъ Юргенсъ (³), — «онъ никогда бы не сдѣлался реформаторомъ, а съ врожденною робостью заглохъ бы въ своемъ Виттембергѣ, предаваясь въ уединеніи любимымъ занятіямъ.» Между тѣмъ извѣстность его росла ежедневно. Онъ смѣло шелъ на перекоръ вѣковому владычеству Университетовъ, изъ которыхъ Кёльнъ предходилъ прочимъ примѣромъ строжайшаго повиновенія Церкви. Въ 1514 и 1515 годахъ Эрфуртскій Университетъ началъ съ Лютеромъ распрю за нарушеніе своихъ привилегій въ томъ, что обязанный, Эрфурту умственнымъ образованіемъ и магистерской степенью онъ не отрекся отъ степени доктора, предложенной новымъ Университетомъ, который ни въ чемъ не содѣйствовалъ успѣхамъ

(1) Jürg. II, 530.
(2) Math. Pr. I, p. 21—23.
(3) Jürg. II, 486.

его воспитанія. Подробности спора не совсѣмъ ясны; видно одно только, что возраставшая значительность Лютера внушала зависть и опасенія бывшимъ его наставникамъ и сотоварищамъ. По этому случаю онъ долго переписывался съ членами Университета, ссылался на полученіе первой богословской степени уже въ Виттембергѣ (1), но въ 1515 году принужденъ былъ отправиться въ Эрфуртъ, для личныхъ переговоровъ и объясненій. Прямыхъ свидѣтельствъ объ его дѣятельности въ этомъ году мы почти не имѣемъ; знаемъ только, безъ точнѣйшихъ указаній дѣйствій и времени, что онъ съ успѣхомъ продолжалъ свои занятія, проповѣдывалъ, читалъ толкованія на посланіе къ Римлянамъ и по прежнему любилъ богословскія пренія. Въ продолженіе одного полугодія носилъ званіе декана богословскаго факультета. Три проповѣди, довольно незначительныя по содержанію—единственный скудный остатокъ занятій цѣлаго года. Но въ слѣдующемъ 1516 году начинаются первыя сильныя нападенія на философію схоластиковъ и Аристотеля.

Со временъ Карла Великаго началось на Западѣ изученіе схоластическаго богословія. Оно было, съ одной стороны, непосредственнымъ слѣдствіемъ занятій языческой древностію, съ другой—безполезной попыткой объяснить разумно Откровенное ученіе вѣры. Схоластики стремились къ тому, чтобы всѣ истины Откровенной религіи оправдать при посредствѣ разума (раціонально). Не говоря о несообразности такого стремленія, оно по тому уже не могло быть достигнуто, что мѣрой соглашенія сущности вѣры съ свидѣтельствомъ разума приняты были не предвѣчныя начала человѣческаго мышленія, какъ отраженіе Божества, а философія Аристотеля, философія природы и опыта, пресмыкающаяся по землѣ, нигдѣ не возвышающаяся до познанія Промысла, Который дѣйствуетъ въ событіяхъ міра и человѣческой жизни, разлагающая самую душу на матеріальные атомы. Скептическій характеръ философіи матеріализма не могъ приходиться къ таинственному содержанію религіи, гдѣ вѣра и таинства образуютъ невидимый союзъ съ Божествомъ. Но въ XIII вѣкѣ Ѳомѣ Аквинскому

(1) Ep. Aurifabr., I. 7.

и Скоту удалось, по видимому, помирить ихъ, и тогда совершилось систематическое устроеніе богословскаго ученія (доктрины) и обоготвореніе Аристотеля, какъ непогрѣшительнаго наставника вѣры и нравственности. Это ученіе немедленно нашло себѣ сильную опору въ папствѣ, ибо истина папской теоріи ни чѣмъ лучше не могла быть доказана, какъ натяжкою разума, который стремится къ сосредоточенію понятій въ единствѣ, и этимъ стремленіемъ, по преимуществу въ средніе вѣка, объяснялъ необходимость видимой главы христіанства въ лицѣ одного человѣка. Съ теченіемъ времени въ сектѣ схоластиковъ произошло раздвоеніе на школы реалистовъ и номиналистовъ. Основныя начала обѣихъ системъ, смотря по обстоятельствамъ, одинаково могли быть примѣнены къ развалившейся догматикѣ Западной Церкви, а потому несправедливо допускать либо въ той, либо въ другой постоянное глухое ей противодѣйствіе. Изъ школы реалистовъ вышелъ Янъ Гусъ; изъ секты номиналистовъ въ XIII вѣкѣ Оккамъ, въ XV Весель, въ XVI Лютеръ. Но нельзя не согласиться, что первая секта издавна пользовалась покровительствомъ Западной Церкви, ибо защищала въ большинствѣ своихъ членовъ притязанія папы на высокое положеніе ихъ въ христіанствѣ. Между тѣмъ какъ послѣдователи Ѳомы и Скота всѣ силы свои напрягали къ тому, чтобы поддерживать шаткое зданіе папскаго единовластія, другая просвѣщенная половина схоластиковъ, преимущественно номиналисты, отвергала безумныя выходки папскихъ панегиристовъ. Во главѣ ихъ явился въ XIII вѣкѣ Оккамъ. Самостоятельное направленіе, сообщенное имъ схоластикѣ, перешло въ Парижскій Университетъ, и въ XV вѣкѣ принесло прекрасные плоды въ лицѣ Алльяко и Герсона. Развратъ самаго Римскаго ученія ни чѣмъ, можетъ быть, не выразился такъ ясно, какъ участіемъ этихъ истинно почтенныхъ людей въ казни Гуса. Противъ нихъ, если не ошибаемся, протестовалъ только одинъ—Робертъ Галламъ, Англичанинъ. Въ такомъ раздвоеніи схоластика стала клониться къ упадку. Она отошла отъ первоначальнаго своего назначенія—прилагать доказательства разума къ авторитету Писанія. Софизмъ, управлявшій этимъ стремленіемъ, рано или поздно долженъ былъ

выйти наружу. Еще Ансельмъ и за нимъ Абелардъ утверждали, что, кто достигъ вѣры, долженъ мыслію убѣдиться въ ея справедливости; что ни чему нельзя вѣрить, что̀ напередъ разумно не сознано; что смѣшно другимъ проповѣдывать то, чего самъ не понимаешь. Философія не хотѣла обречь себя на страдательное служеніе вѣрѣ; объявляя права на самобытное существованіе, она проложила новый путь человѣческой мысли, сама себя разъединила съ религіей. Послѣ продолжительной борьбы, Евангеліе отложено въ сторону, какъ книга не нужная, какъ ученіе старое и слишкомъ извѣстное. Это явленіе всего болѣе повредило христіанскому характеру Западной Церкви, поневолѣ принявшей въ въ себя элементы языческіе.

На что же преимущественно долженъ былъ обратить вниманіе Лютеръ, выступая обличителемъ противъ схоластики? Разумѣется, на упадокъ Евангелія и незыблемый авторитетъ Аристотеля, на отрицаніе вѣры въ ложно понятомъ Пелагіанскомъ подвижничествѣ, въ которомъ разумъ давалъ на себя гордыя обязательства, которыя немощь плоти оставляла безъ выполненія. А потому весьма естественно, что содержаніе всѣхъ проповѣдей и ученая дѣятельность Лютера, до самаго спора объ прощахъ (индульгенціяхъ), всѣ носятъ на себѣ однообразный характеръ защищенія благодати, какъ дѣйствующей причины оправданія внутренняго.

8 Февраля, 1516 года, Лютеръ пишетъ къ Іоанну Лангу, пріору въ Эрфуртскомъ Августинскомъ монастырѣ, письмо такого содержанія:

«Пересылаю, черезъ тебя, почтенному доктору Іодоку Эйзенахскому письмо это, исполненное положеній (quaestionum) противъ логики, философіи и богословія, т. е., хуленій и проклятій противъ Аристотеля, Порфирія, собирателей сентенцій, вообще противъ всѣхъ испорченныхъ ученій нашего вѣка. Такъ именно перетолкуютъ ихъ тѣ люди, которые рѣшились хранить молчаніе, не пятилѣтнее съ Пиѳагорейцами, а вѣчное съ живущими въ гробахъ, всему вѣрить, все слушать съ благоговѣніемъ, никогда ни малѣйшимъ намекомъ, или противорѣчіемъ, не возмущать блаженнаго покоя Аристотеля и сентенцій. Ибо чему не повѣрятъ

тѣ, которые повѣрили безсовѣстному клеветнику, Аристотелю, въ такихъ нелѣпостяхъ, что, услышавъ ихъ, и камни бы заговорили?»

«А ты передай ихъ почтенному доктору и постарайся узнать, какъ будутъ судить объ нихъ онъ и всѣ прочіе, и мнѣ сообщи. Сердце мое горитъ желаніемъ разоблачить предъ всѣми этого комедіанта, обезобразившаго Церковь истинно Греческой маской, открыть предъ всѣми его наготу, если будетъ досугъ. Я имѣю подъ руками толкованія (комментаріи) на первую книгу физики его, въ которыхъ я рѣшился разыграть Аристееву роль, противъ этого новаго Протея, хитраго обольстителя самыхъ лучшихъ умовъ, такъ что, если бы Аристотель не былъ человѣкомъ плотскимъ, я бы право не усомнился приложить ему названіе діявола. Самая тяжкая половина креста моего заключается въ томъ, что я принужденъ быть свидѣтелемъ, какимъ образомъ лучшія головы между монашеской братіею, рожденныя для полезныхъ занятій, не перестаютъ заниматься этою мерзостію и теряютъ надъ нею драгоцѣнное время; что Университеты не перестаютъ осуждать и жечь добрыя книги, а пишутъ дурныя и праздныя грезы воображенія.»

«Я желалъ бы, чтобъ и магистръ Узингенъ и докторъ Трутфеттеръ нѣсколько поудержались, или бы и вовсе отстали отъ этихъ занятій. У меня всѣ шкапы наполнены возраженіями на книги ихъ, признанныя мною вполнѣ безполезными; и мнѣніе мое раздѣлили бы и всѣ прочіе, если бы не были обязаны къ строгому молчанію» (1).

Письмо это, какъ первое косвенное нападеніе на господствующее ученіе школы, предначинаетъ всю будущую дѣятельность преобразователя; это первый вызовъ, брошенный на непріятельскую почву; борьба съ огромною половиною Западной Церкви становится тѣмъ неизбѣжнѣе, что исходитъ непосредственно изъ глубины религіозной потребности Лютера. Знаменательно молчаніе, хранимое имъ до сихъ поръ; спокойный и разсудительный, онъ медлитъ нападеніемъ, дабы лучше приготовиться къ бою и вѣрнѣе

(1) Ep. 8 Aurifabr., 1, f. 10.

нанести ударъ; онъ щадитъ свои силы, чуждается борьбы гуманистовъ съ темною областію инквизиціи; не выступая на поприще общественной жизни, тѣмъ успѣшнѣе дѣйствуетъ словомъ и мыслію. Званіе проповѣдника въ монастырѣ Августинскомъ и преподавателя давно уже давали ему средства незамѣтно и исподоволь дѣйствовать въ живомъ словѣ на умы своихъ слушателей; а что онъ пользовался выгодами своего положенія, доказательствомъ тому служитъ Виттемберскій Университетъ, въ которомъ религіозное его направленіе въ началѣ 1516 года сдѣлалось господствующимъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1516 года (1) онъ писалъ къ Лангу: «Богословіе наше и Бл. Августинъ благополучно успѣваютъ и царствуютъ въ нашемъ Университетѣ съ помощію Божіею; Аристотель мало по малу приходитъ въ упадокъ и клонится къ гибели, почти неминуемой; къ толкованіямъ сборниковъ сентенцій замѣтно всеобщее отвращеніе; никто не можетъ разсчитывать на множество слушателей, если въ преподаваніи не опирается либо на Библіи, либо на Бл. Августинѣ, или на другомъ какомъ либо уважаемомъ учителѣ Церкви.» Лѣтомъ того же года, онъ, какъ кажется, занимался вопросомъ о покаяніи, въ которомъ Западное ученіе признавало три части: сокрушеніе, исповѣдь и удовлетвореніе. Схоластики въ этой теоріи опирались преимущественно на Августинову книгу: «Объ истинномъ и и ложномъ покаяніи»; но третья часть таинства, такъ называемыя удовлетворенія, казалась Лютеру не совсѣмъ совмѣстною съ ученіемъ о благодати, убѣляющей грѣхъ человѣка безъ придачи собственныхъ дѣлъ его. Тогда-то онъ нечаянно сдѣлалъ открытіе, что выше названная книга вовсе не принадлежитъ Августину, а ложно приписана ему схоластиками, которые хотѣли собственное мнѣніе подтвердить свидѣтельствомъ патріярха Церковной литературы на Западѣ (2); открытіе это, разглашенное въ Университетѣ,

---

(1) По изданію Аврифабра, Ep. 27, I, f. 33. Вальхъ принимаетъ также 1516, а не 1517 годъ. Юргенсъ, по новому изданію Лютеровыхъ писемъ Де Веттомъ, принимаетъ 1517 годъ.

(2) Walch, XIX, Von der Beichte, ob die der Pabst Macht habe zu gebieten. 1521 года. §. 51, p. 1043.

произвело необыкновенное волненіе во всѣхъ его членахъ. Противники Лютера, и во главѣ ихъ Карлштадтъ, обнаружили свирѣпое негодованіе. Но сторона, державшая сторону Лютера, вооружилась въ свою очередь, и нѣкто Бартоломей Бернгарди, молодой человѣкъ, плѣненый ученіемъ Лютера, подъ его руководствомъ, выставилъ нѣсколько положеій (тезисовъ), направленныхъ на самые рѣзкіе пункты ученія схоластиковъ о степени участія свободной воли и дѣлъ человѣка въ его оправданіи. Подробности сообщаетъ самъ Лютеръ въ письмѣ, безъ числа, писанномъ къ Лангу. «Положенія выставлены были не мною лично, а магистромъ Бартоломеемъ Фелдкирхенскимъ, задѣтымъ за живое болтовней людей, не одобрявшихъ моихъ лекцій (motus oblatratorum lectionum mearum garitu); онъ устроилъ все дѣло такъ, чтобы подъ моимъ предсѣдательствомъ, вопреки узаконенному порядку (ибо право первенства принадлежало декану), назначено было академическое прѣніе, для того, чтобы зажать глотку болтунамъ и выслушать чужія мнѣнія. Свѣжа еще была память оскорбленія, нанесеннаго мною всему Университету, а именно, что я отвергнулъ всякое участіе Блаж. Августина въ сочиненіи книги объ истинномъ и ложномъ покаяніи. Я зналъ, что Граціянъ и Петръ Ломбардъ, magister sententiarum, много пользовались этой книгой и сдѣлали изъ нея не врачевство, а пытку духовную. А противники мои, особенно докторъ Карлштадтъ, несказанно разгнѣвались за то, что я, знавши подлогъ, не разсудилъ за благо утаить его» (1). Обстоятельства самаго спора (диспута) намъ неизвѣстны. Но то достовѣрно, что онъ произвелъ необыкновенное потрясеніе въ умахъ не только въ Виттембергѣ, но и въ отдаленномъ Эрфуртѣ. Иначе и быть не могло. Это былъ первый жестокій натискъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ, направленный не на какое либо частное мнѣніе, того или другаго схоластика, а на всю сущность Пелагіанскаго ученія. Защитники старины встрепенулись; они не ожидали такого прямаго нападенія. Между тѣмъ нельзя было

(1) Ep. 18 Aurifabr., I, 23, 24,

оспаривать силою разума доказательствъ противниковъ; истина была слишкомъ явно на ихъ сторонѣ. Глубокое паденіе и внутренняя порча схоластическаго богословія особенно наглядно выражались въ третьемъ положеніи (тезисѣ) Бернгарди: «Любовь, которая приходитъ на помощь ближнему не ранѣе, какъ при послѣднемъ его издыханіи, есть любовь не дѣятельная, т. е., вовсе не любовь.» Читавшие и слышавшие такое положеніе не понимали его смысла; они спрашивали съ изумленіемъ: «Да развѣ это новость? Къ чему доказывать такую старую истину?» Черезъ это недоумѣніе прошли равномѣрно всѣ профессоры какъ Виттемберга, такъ и Эрфурта; самъ докторъ Лангъ отнесся письменно къ Лютеру, требуя отъ него объясненія. И здѣсь-то ожидало ихъ сильнѣйшее пораженіе. Люди, которые по привычкѣ, безъ всякого ближайшаго знакомства съ господствующимъ ученіемъ схоластиковъ, принимали его безотчетно, не могли и вообразить себѣ, какіе ужасы выдавались послѣдними за чистое ученіе Евангелія. Между тѣмъ Скотъ и Габріель, родоначальники сектъ въ великой семьѣ схоластиковъ, выставили именно такое положеніе, что покупать прощу (индульгенцію) лучше, чѣмъ подавать милостыню нищему, не дошедшему до послѣдней степени крайности. Это сказано было въ оправданіе беззаконной продажи отпуска, въ отвѣтъ на размышленіе, которое, конечно, часто повторялось въ устахъ и самаго невѣжественнаго крестьянина, когда онъ выкладывалъ послѣднюю копѣйку въ сокровищницу папскую. Бернгарди, по тайному внушенію Лютера, съ намѣреніемъ указалъ на это положеніе (тезисъ), которое, стоя особнякомъ, въ своей отвлеченности, еще сильнѣе оскорбляло нравственное чувство, чѣмъ въ наукообразномъ примѣненіи къ запутанной теоріи индульгенцій. Лютеръ вѣрно разсчиталъ впередъ внезапность впечатлѣнія отъ этого положенія и заключилъ имъ прѣніе, чтобъ поразить насмѣшкой и презрѣніемъ ненавистное ему ученіе. Съ торжествомъ отвѣчаетъ онъ Лангу: «Не мудрено, что ваши Габріелисты дивятся положеніямъ магистра; и наши собственные до сихъ поръ не въ состояніи опомниться отъ изумленія. Скажи же изумленнымъ или вѣрнѣе изумительнымъ богословамъ вашимъ, что со мной

имъ нечего состязаться объ томъ, что сказалъ Гавріилъ, что Рафаилъ, или Михаилъ. Знаю, что Габріель правъ вездѣ, исключая тамъ, гдѣ онъ толкуетъ о благодати, о вѣрѣ, надеждѣ, любви и добродѣтеляхъ. Знаю также, что эти утонченные богословы словà Евангелиста Іоанна: «Иже убо имать богатство міра сего, и видитъ брата своего *требующа*, и затворитъ утробу свою отъ него, како любы Божія пребываетъ въ немъ? (Іоан. III, 17)—перетолковали такъ, что подъ словомъ требующа разумѣется человѣкъ при послѣднемъ издыханіи, и смертнымъ грѣхомъ называется то, когда умирающему съ голоду откажешь въ кускѣ хлѣба. Вотъ это-то языческое разумѣніе, уничтожающее законъ христіанской любви, магистръ Бартоломей и называетъ бездѣйственной любовію. Его положеніе заимствовано прямо изъ того учителя, который говоритъ: «Аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ» (Матѳ. VII, 12). Гдѣ же начнется обязанность исполненія любви? Кто возмется опредѣлить, когда настанетъ часъ предсмертной туги? Вотъ ужасы (portenta), которые подвигнули магистра, потому что онъ слышалъ ихъ изъ моихъ чтеній (лекцій)» (1).

Диспутъ Бернгарди происходилъ въ Сентябрѣ 1516 года. Въ Октябрѣ Николай Амсдорфъ уже сложилъ оружіе передъ побѣдоноснымъ противникомъ и присоединился къ его направленію. Такая же, или еще болѣе чудная, перемѣна ожидала Карлштадта, свирѣпаго Ѳомиста, упрямаго соперника Лютерова. Виттембергскій Университетъ окончательно, въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ, завоеванъ духовною силою одного человѣка. Отсюда Лютеръ обратилъ свою дѣятельность на ближайшія мѣста: Эрфуртъ и Нюрнбергъ. Въ его поступательномъ шествіи заключалась необходимость перевести свои частныя начинанія во всю современную жизнь. Потребность преобразованія дѣятельнаго, всеобъемлющаго, впрочемъ, пока еще на строго Католической почвѣ, лежала въ сущности глубоко сознанныхъ имъ религіозныхъ понятій о неизбѣжности для вѣчнаго спасенія сильнаго воздѣйствія благодати Христовой. Собственный опытъ достаточно

(1) Ibid.

показалъ ему необходимость утѣшенія Евангельскаго для измученной совѣсти: но не всякому дается духовная сила въ соразмѣрности съ трудной борьбою, предлежащею каждому на земномъ перепутьи къ вѣчному блаженству. Лютеру въ полной мѣрѣ удѣлена была эта сила, и она, въ свою очередь, налагала на него, какъ крѣпчайшаго, святую обязанность облегчить воспріятіе ея немощнымъ, какъ нѣкогда Ступицъ понесъ его бремя и дѣятельно участвовалъ въ его перемѣнившемся сознаніи. Онъ съ ужасомъ помышлялъ до конца своей жизни о вѣчной гибели многихъ тысячъ душъ, напрасно взывавшихъ о помощи изъ глубокаго мрака подзаконнаго Латинскаго міра, отлетѣвшихъ отъ жизни въ безнадежности примиренія съ Богомъ, во враждѣ съ благодатію. Онъ глубоко вѣрилъ въ призваніе свыше возстановить Евангельское ученіе о примиряющей благодати, безъ которой нѣтъ спасенія для человѣка, опутаннаго сознаніемъ грѣха и невозможностію удовлетворить правосудію Божію. Эта мысль укрѣпляла его на всемъ неуклонномъ, хотя и бурномъ, шествіи его реформаціи. Не будь онъ проникнутъ сознаніемъ, что въ живомъ чувствѣ вѣры, съ любовію объемлющей крестныя язвы Спасителя, лежитъ основное начало христіянской жизни, неизбѣжная опора въ достиженіи конечной цѣли бытія, онъ никогда не приступилъ бы къ своей реформаціи, въ безкорыстномъ устраненіи разсчетовъ животолюбія, въ смиренномъ, вполнѣ христіянскомъ, презрѣніи смерти. Въ теперешнемъ его положеніи, когда онъ еще искренно вѣрилъ *и старался передать эту вѣру и слушателямъ*, что добрыя дѣла для спасенія столь же необходимы, какъ и присно возставляющая рука благодати, сила Божія видимо благословляла его начинанія. Чтобы произвести желанное всѣми преобразованіе Церкви, ему вовсе не нужно было прибавлять оговорку,— подрывшую собственное, съ трудомъ воздвигнутое имъ, зданіе,—оговорку о безполезности добрыхъ дѣлъ для спасенія. Его дѣйствіе было бы гораздо обширнѣе, побѣда рѣшительнѣе и прочнѣе; противодѣйствіе не могло бы развиться съ такою силою, облекаясь въ благовидную личину законности, если бы онъ къ своей проповѣди о безсиліи

воли, не присоединилъ какого-то умышленнаго отрицанія нравственно благаго, у котораго онъ никогда не могъ оспорить самобытности существованія и дѣйствія, независимо отъ благодати, а между тѣмъ высказалъ неосторожное слово, возмутившее миръ его собственной души. Мудрено доказать, какъ хотятъ того писатели Запада, что реформація никогда не могла бы быть приведена въ дѣйствіе, если бы Лютеръ не выставилъ ученія о благодати во всей его рѣзкой противоположности съ господствовавшимъ Пелагіанизмомъ. Лютеръ былъ хорошъ какъ онъ былъ, когда въ продолженіе цѣлаго года кипѣла неутомимая дѣятельность его въ Виттембергѣ, когда подъ знаменами вождя цѣлый сонмъ и старыхъ и молодыхъ богослововъ ратовали на прочищенномъ имъ полѣ благодати, когда онъ и въ Эрфуртъ, къ доктору Лангу, и въ Нюренбергъ, къ доктору Шейрлу, посылалъ списки академическихъ прѣній Карлштадта и собственныхъ, дабы довести ихъ до общаго свѣдѣнія (1);—когда онъ, въ Сентябрѣ 1517 года, передъ самымъ началомъ великаго спора, лично защищалъ прѣніе противъ «собственной воли», упрямо настаивая на главныя положенія этого диспута, въ которыхъ разумъ и воля человѣка естественнаго, вмѣстѣ съ защитникомъ ихъ, Аристотелемъ, называются злѣйшими врагами благодати Христовой, а философія повергается въ безусловномъ повиновеніи къ стопамъ богословія, какъ христіянской науки, какъ единственно важнаго и полезнаго знанія. Онъ великъ, когда въ благородномъ усиліи расширить кругъ дѣйствія своихъ убѣжденій, умножить число послѣдователей Евангельскихъ, отправляетъ письмо за письмомъ, сначала въ родной городъ Эрфуртъ, чтобы, если возможно, поколебать убѣжденія своихъ прежнихъ наставниковъ, закоренѣлыхъ софистовъ, а если нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ и больше всего, обратить къ Христу молодое поколѣніе, надежду будущаго преобразованія; когда соревнованіемъ славы съ собственнымъ младшимъ Университетомъ старается возбудить благородную зависть въ его старшихъ собра-

(1) Ep. Aurif. 30, p. 37.

тіяхъ. Онъ великъ, когда, по приглашенію Ступица, лѣтомъ 1517 года, отправляется въ Дрезденъ, для того только, чтобы, въ одной проповѣди, излить, предъ цѣлымъ Дворомъ, пламенное чувство вѣры, его озаряющей, и могуществомъ слова приводитъ въ религіозный восторгъ чувствительное сердце Варвары Сальской, навлекая на себя ненависть *темныхъ Доминиканцевъ* (Dunkelmänner) и мстительность Георга Саксонскаго; когда, наконецъ, для пользы религіи и спасенія братьевъ, въ лице противостоитъ царю гуманистовъ, распорядителю общественнаго мнѣнія, знаменитому Эразму Роттердамскому, за предпочтеніе Іеронима питомцу промысла, Блаж. Августину ([1]). Довольно было и этой многообразной дѣятельности, чтобы поднять на ноги всѣ дремлющія силы Католицизма, чтобъ подѣйствовать глубоко на современниковъ и, съ помощію цѣлой толпы боготворившихъ его друзей, приступить къ преобразованію Церкви, начиная съ главы ея. Не нужно было переполнять чашу, налагать печать отверженія на благородное усиліе человѣка—приложить отъ себя нѣчто дѣйственное, т. е., дѣйственную покорность, къ соединенію съ Богомъ, дабы въ чистый сосудъ благодарнаго сердца воспринять хотя каплю божественной крови Искупителя, источенной на крестѣ его ради.

Частная переписка Лютера носитъ тотъ же характеръ распространенія истинъ Евангельскихъ. Мы имѣемъ письма его къ двумъ Августинскимъ монахамъ, писанныя въ промежуткѣ времени отъ начала 1516 года до принятія на себя должности намѣстника, въ отсутствіе Ступица. Первое, отъ 7 Апрѣля, къ Георгу Спенлейну въ Меммингенѣ, есть вѣрная картина душевнаго состоянія Лютера. Оно начинается съ хозяйственныхъ увѣдомленій и вдругъ переходитъ къ любимой мысли его объ оправданіи вѣрою. «Я желалъ бы знать, въ какомъ положеніи душа твоя? Не начинаетъ ли она, въ пресыщеніи отъ собственной правды, вздыхать по правдѣ Христовой? Ибо въ наше время господствуетъ во многихъ искушеніе гордости, и преимущественно въ тѣхъ, которые

1) Aurif. ep. 20, I, 27, 28; ep. 25, I, 33, 34.

всѣми силами стараются достигнуть правды и жить благочестиво. Они, не зная правды Божіей, явленной намъ во Христѣ, стараются въ самихъ себѣ до тѣхъ поръ перерабатывать злое, пока возмогутъ стать предъ Богомъ въ полномъ самоуслажденіи, украшенные собственными добродѣтелями и заслугами! Ты въ нашей обители раздѣлялъ это заблужденіе со мною; *но я теперь еще борюсь противъ него, и борьба еще не кончена.* А ты, любезный братъ, учись же познавать Христа, и Сего распята, учись хвалить Его и отчаяваться въ самомъ себѣ, взывая: ««Ты, Господи Іисусе, мое оправданіе, а я твой грѣхъ; Ты взялъ себѣ мое, а меня сдѣлалъ причастникомъ своего; Ты принялъ на Себя, чѣмъ Ты не былъ, и далъ мнѣ то, чѣмъ не былъ и я.»» Страшись стремиться къ той чистотѣ, которая въ себѣ не признаетъ грѣха. Христосъ живетъ въ однихъ только грѣшникахъ. Онъ сошелъ съ неба, изъ обителей праведныхъ, дабы вселиться между грѣшными. Размышляй объ этомъ подвигѣ любви Его, и узришь сладостное Его утѣшеніе» (1).

Бывшему товарищу въ Эрфуртскомъ конвентѣ, Георгу Лейфферу, волнуемому искушеніями разнаго рода, онъ также указываетъ на крестъ Христовъ, какъ на единственный путь утѣшенія. «Крестъ Христовъ раздробленъ по всей вселенной; каждому, несомнѣнно, достается въ удѣлъ частица его. Не отрекайся отъ своей, а воспріими ее, какъ святѣйшіе мощи, не въ золотую, или серебряную, оправу, а въ золотое, т. е., кроткое, любовію напитанное, сердце, ибо если Крестное древо прикосновеніемъ плоти и крови Христовой освящено такъ, что считается драгоцѣннѣйшимъ залогомъ, то тѣмъ болѣе обиды, гоненія, страданія и ненависть людей и праведныхъ и нечестивыхъ становятся святѣйшими мощами, ибо освящены прикосновеніемъ не плоти, а любвеобильнаго сердца и боготворящей воли Христовой, когда пріемлются съ лобзаніемъ и благословеніемъ. Ибо клятва преложилась въ благословеніе, неправда—въ

(1) Ep. 9, Aurif. I, f. 11, 12.

правду, страданіе въ славу, крестъ въ нескончаемую радость» (15 Апр., 1516 года) (¹).

Въ общественной дѣятельности Лютера, какъ проповѣдника, повторяется тоже развитіе мыслей, но съ значительнымъ оттѣнкомъ понятій. Здѣсь представлялся ему случай дѣйствовать не въ ограниченномъ кругу монастырской братіи и учащейся молодежи, а на массы народныя, ибо въ 1516 году онъ назначенъ проповѣдникомъ въ соборной Виттембергской церкви, сначала въ качествѣ помощника священника, Симона Гейнса, а потомъ и начальствомъ утвержденъ въ этомъ званіи съ согласія курфирста, по неспособности предшественника. Здѣсь-то суждено было начаться всеобъемлющей дѣятельности реформатора, какъ духовнаго пастыря цѣлаго города, управителя совѣстей и повѣреннаго тайной исповѣди многихъ тысячъ народа. Обязанности, налагаемыя этимъ служеніемъ, онъ считалъ величайшими. Не смотря на занятія трудныя и многообразныя, сопряженныя съ Университетскимъ преподаваніемъ и новою должностію временнаго викарія Августинскаго ордена, онъ проповѣдывалъ, когда только время ему позволяло, потомъ каждое Воскресенье, а съ осени 1516 года почти ежедневно. Остатки проповѣдей его дошли до насъ; онѣ большею частію имѣютъ характеръ практическій; приспособленныя къ степени пониманія слушателей, заключаютъ въ себѣ простыя рѣшенія многихъ частныхъ вопросовъ нравственной жизни. Но всѣ онѣ связываются въ одно неразрывное цѣлое внутреннимъ единствомъ идеи о благодати, оправдывающей со стороны Искупителя, о дѣлахъ, усвоивающихъ оправданіе со стороны человѣка. Онъ столько же вооружается словомъ на горделивую мечту подзаконниковъ достигнуть спасенія собственными силами, сколько и на безпечность ложнаго упованія на милосердіе Божіе съ этой послѣдней точки зрѣнія. Особенно важны нападенія на прощи (индульгенціи), не какъ на законное установленіе Церкви первоначальной, а какъ на злоупотребленіе ея настоящаго смысла, какъ на мѣру денежную (финансовую), гибельную ослабленіемъ нравственности и

(2) Ep. 10, Aurif. I, f. 19.

разрѣшительную проповѣдь для всѣхъ беззаконій. Весьма знаменательно, что вся послѣдняя половина 1516-го и первая 1517 года посвящены были Лютеромъ Воскреснымъ объясненіямъ 10 заповѣдей (1). Онъ понималъ необходимость благоразумнаго сочетанія проповѣди о благодати съ понужденіемъ къ богоугодной жизни. Въ словѣ на день Св. Варѳоломея онъ особенно сильно нападаетъ на тѣхъ, для которыхъ проповѣдь объ оправданіи вѣрою служила предлогомъ къ опущенію добрыхъ дѣлъ и развращенію нравственности. «Я опираюсь на словѣ Апостола, когда говорю, что Адамъ есть прообразованіе Христа, и что какъ въ Адамѣ безъ вины согрѣшили всѣ люди, такъ во Христѣ безъ заслуги становятся причастными правды. Вы говорите: ««Если такъ, то мы станемъ грѣшить.»» Отъ чего же не скажете на оборотъ: ««Если мы безъ вины стали грѣшниками, то полно грѣшить, станемъ преуспѣвать во благомъ?»» Отъ чего умножаете грѣхъ, а не благо? Какъ Адамъ умножаетъ злое въ потомкахъ своихъ, такъ Христосъ въ Своихъ чадахъ умножаетъ благое. Изъ того, что мы получили оправданіе безъ нашей заслуги, вовсе не слѣдуетъ дѣлаться грѣшниками. Это значило бы еще глубже ниспадать въ бездну. Мы должны облекаться во образъ небеснаго, какъ носили образъ земнаго» (1 Кор. XV, 49). Противъ такой односторонности пониманія вѣры, неизбѣжнаго въ грубомъ народѣ, направлена проповѣдь о 10 заповѣдяхъ. Это первое, по возможности полное, изложеніе догматическихъ мнѣній просвѣщеннаго Католика, еще строго исполняющаго заповѣдь послушанія Церкви. Любопытно сличить сочиненіе это, по порядку времени первое, съ послѣднимъ твореніемъ Лютера, итогомъ всѣхъ прежнихъ богословскихъ трудовъ его, — подробнымъ объясненіемъ книги Бытія. Это альфа и омега его постепеннаго развитія. Въ объясненіи заповѣдей во сто кратъ болѣе чувства и теплоты сердечной, взглядъ несравненно живѣе дѣловымъ приложеніемъ къ жизни; болѣе простодушія и искренности, между тѣмъ

(1) Эти проповѣди, собранныя вмѣстѣ, напечатаны въ видѣ особаго разсужденія въ III томѣ собранія Вальха, стр. 1693—1994.

изложенie гораздо достойнѣе въ примѣненiи къ ограниченному пониманiю народа, нежели превратная логика, однообразно утомительный поучительный тонъ, надутость педанта, изложенie большею частiю плоское, нигдѣ не возвышающее духа, а только индѣ затрогивающее воображенie, и иногда неприличныя выходки въ послѣднемъ его сочиненiи, назначенномъ для ученаго круга, любимомъ чадѣ десятилѣтнихъ трудовъ его. Догматическая часть сочиненiя о 10 заповѣдяхъ не выходитъ изъ законныхъ предѣловъ ученiя Западной Церкви. Онъ признаетъ необходимость и святость литургiи, поклоненie святымъ, одухотворенное мыслiю о присутствiи въ нихъ силы Божiей, призыванie ихъ на помощь, какъ посредниковъ въ испрошенiи благъ, но отнюдь не тѣлесныхъ, служенie имъ не бездѣйственнымъ провожденiемъ праздниковъ, а подражанiемъ ихъ вѣрѣ и жизни; признаетъ даже законность монашескихъ нищенствующихъ орденовъ; позволяетъ имъ, какъ доброе дѣло, ходить по праздникамъ для сбора милостыни. Въ послѣдствiи Лютеръ возставалъ на рукотворенные храмы, поскольку человѣкъ привязываетъ къ видимому мѣсту присутствiе Божie, и требовалъ поклоненiя исключительно духомъ и истиною. Здѣсь онъ защищаетъ усердно права приходскихъ церквей, осуждаетъ народъ за произвольное отлученie на вымышленныя богомолья и оставленie службы освященныхъ молитвою храмовъ, строго предписанной въ законѣ Евангелiя (¹); позднѣе, онъ допускалъ произволъ, и даже требовалъ полной свободы, въ совершенiи наружныхъ подвиговъ благочестiя; здѣсь, что весьма замѣчательно (²), требуетъ безпрекословнаго повиновенiя церковнымъ уставамъ, плѣненiя разума въ послушанie вѣры. Отдѣльные члены Церковнаго тѣла: пророки, патрiархи, святые цари заблуждались; но Церковь не погрѣшительна. Проповѣдь нравственная еще не носитъ ни малѣйшихъ слѣдовъ соблазнительнаго мягкосердечiя позднѣйшихъ его наставленiй. Онъ проникнутъ сознанiемъ трудныхъ обязан-

(1) Walch, III, объясн. 3 й запов. §. 40, p. 1803.
(2) Ibid, §. 41.

ностей христіянина; въ примѣненіи Евангелія къ Ветхозавѣтнымъ заповѣдямъ не извращаетъ ихъ смысла, не уменьшаетъ строгости ихъ исполненія. Грѣхъ требовать предъ судомъ удовлетворенія даже за справедливую жалобу. Ударяющему въ ланиту должно подставить другую. Не должно осквернять своихъ устъ ниже самой невинной неправдой. Человѣкъ больше всего ищетъ истины, и отпадающій отъ нея становится подобенъ діяволу. Мщеніе и справедливое оставляетъ Господу. Христіянинъ не долженъ отыскивать даже своего права, какъ оскорбляющаго любовь къ ближнему. Похваляются постъ и воздержность, страданія и болѣзни. Роскошь въ одеждѣ, пляска и всякая игра считаются несовмѣстными съ высокимъ служеніемъ христіянина (1).

По окончаніи 10 заповѣдей, Лютеръ, постомъ 1517 года, объяснялъ народу молитву Господню. Это небольшое сочиненіе замѣчательно, какъ доказательство, до какой степени простиралась въ то время его преданность Церкви. Онъ вѣритъ несомнѣнно въ силу и дѣйственность литургіи, отзывается съ благоговѣніемъ о древнихъ епископахъ Церкви первоначальной, въ священникѣ видитъ живаго представителя Божія; паствѣ предписываетъ безусловное повиновеніе даже беззаконнымъ прелатамъ, запрещаетъ мірянамъ говорить объ нихъ иначе, какъ съ уваженіемъ. Какая необъятная разница съ позднѣйшими наставленіями Лютера!

Кромѣ практическаго отдѣла проповѣдей, есть другія, которыя занимаются ученіемъ о благодати. Онѣ относятся къ 1516 году и представляютъ замѣчательную постепенность мысли сравнительно съ явленіемъ, нѣсколько позднѣйшимъ, академическимъ прѣніемъ противъ свободной воли, въ Сентябрѣ 1517 года. Онѣ показываютъ, что Лютеръ въ 1516 не вполнѣ еще усвоилъ себѣ взглядъ Августина. Въ одной изъ нихъ подъ названіемъ: «О грѣхѣ людей, хвалящихся достоинствомъ дѣлъ своихъ и мнимою святостію,» читаемъ слѣдующія слова: «Человѣку, при самомъ вступленіи на христіан-

(1) Walch, III. §. 33. 1973—1998. Послѣднее высказано въ сокращенномъ объясненіи 10 заповѣдей, редакціи 1522 года. Walch, III, 1994—2056.

ское поприще, подобаетъ подвизаться во многихъ дѣлахъ и обуздывать плотскую природу свою бдѣніемъ, постомъ, молитвой, страданіями, служеніемъ и послушаніемъ. Но при совершеніи дѣлъ, онъ долженъ итти все впередъ и смотрѣть на нихъ, какъ на предуготовленіе къ чему-то высшему. Здѣсь ему болѣе, нежели гдѣ либо, нуженъ учитель; уклоненія вправо и влѣво равно опасны; до этого распутія истинные и ложные поклонники Бога идутъ вмѣстѣ и рядомъ такъ точно, какъ фарисей и мытарь одними ступенями вошли во внутренность храма. Надменные святые останавливаются въ созерцаніи дѣлъ своихъ; *истинно вѣрующіе отъ дѣлъ восходятъ къ созерцанію Благодати»* ([1]). Другое слово на Новый 1517 годъ, объ обрѣзаніи и оправданіи вѣрою, заключаетъ въ себѣ тотъ же самый оттѣнокъ мысли, что вѣра нѣкоторымъ образомъ подготовляется добрыми дѣлами, т. е., упражненіемъ въ благочестіи. «Allein die Gnade macht uns gerecht, obwohl die Gnade in der Ordnung guter Werke gesucht werden muss.... Zur Gnade können wir uns durch die Werke einigermassen zubereiten»... Стало быть, въ самомъ началѣ этого года, Лютеръ еще невполнѣ усвоилъ себѣ мысли Августина, что благодать посылается свыше въ сердце человѣка, или, какъ самъ онъ выражается черезъ два года въ посланіи къ Ступицу, что она извлекается прямо изъ созерцанія Божественныхъ язвъ Спасителя.

Оставляя подробности его частной жизни, отъ назначенія временнаго викарія Августинскаго ордена въ отсутствіе Ступица въ Апрѣлѣ 1516 года, въ продолженіи болѣе года, до Сентября 1517, переходимъ прямо къ великому спору о прощахъ (индульгенціяхъ), и здѣсь изложимъ событія, непосредственно предшествовавшія этому спору. Но прежде— нѣсколько словъ о самой теоріи прощъ или отпусковъ и о судьбахъ ихъ въ отечествѣ Лютера.

Индульгенція состояла первоначально въ отпущеніи Церковной эпитимьи, съ согласія всѣхъ членовъ общины, по мѣрѣ усилій, употребленныхъ кающимся оплакать грѣхъ и

---

(1) Walch, X, §. 4, p. 1333.

принести достойные плоды покаянія. Она была символомъ примиренія съ Церковію и слѣдствіемъ вполнѣ дознаннаго предъ лицемъ цѣлой общины внутренняго сокрушенія сердца, которое дѣлало излишними дѣла покаяннаго удовлетворенія или наказанія эпитимьею, какъ служившія собственно для испытанія искренности кающагося и навыка къ добру. Стало быть, отпуски въ старину касались только внѣшней части покаянія и вовсе не относились къ таинству, въ которомъ вѣрующій разрѣшался отъ самаго грѣха невидимо Богомъ. А потому первоначально индульгенція была чѣмъ-то совершено отдѣльнымъ и независимымъ отъ разрѣшенія грѣшника въ таинствѣ. Съ теченіемъ времени въ Западной Церкви она перешла на разрѣшеніе грѣховъ (Indulgentia a poena et culpa), и въ томъ смыслѣ должна была слиться съ значеніемъ таинства. А такъ какъ духовенство хотѣло обратить ее въ особенную для себя привилегію, то, въ слѣдствіе искусственной теоріи, созданной Александромъ Алесскимъ, Альбертомъ и великимъ систематикомъ Западной Церкви, Ѳомой Аквинскимъ, совершенно другое понятіе положено ей въ основаніе. Какъ въ таинствѣ покаянія разрѣшеніе давалось даромъ, безъ всякихъ дѣлъ удовлетворенія, но только съ условіемъ искренняго сокрушенія сердца и исправленія жизни и, слѣдовательно, отпущеніе грѣха зависѣло единственно отъ милосердія Божія и соразмѣрной искренности кающагося, священникъ же имѣлъ въ этомъ случаѣ только посредствующую роль, то софисты и придумали теорію о преизобилующей заслугѣ Христа и Святыхъ Его, которой раздача и усвоеніе другимъ уже исключительно зависѣла отъ произвола дателя отпуска. «Христосъ,» —говорили они,— «принесъ жертву преизбыточествующую правосудію Божію: одной капли Его пречистой крови достаточно было бы для очищенія всѣхъ грѣховъ всего рода человѣческаго; что превышаетъ необходимое, вмѣстѣ съ заслугами праведниковъ, также совершившихъ болѣе требуемаго, откладывается верховнымъ распорядителемъ отпуска въ видѣ особеннаго капитала или запаса, который, въ случаѣ нужды, обращается на частную пользу немощнаго члена Церкви, восполняя недостатки его добрыхъ дѣлъ и сглаживая грѣхи его сораз-

мѣрнымъ количествомъ чужихъ добродѣтелей. Но такъ какъ уже въ крови Христовой запасъ безконечно великъ, то ни количество, ни срокъ раздаваемыхъ отпусковъ, на какое бы то ни было безграничное время, никогда не можетъ его истощить. Папа одинъ имѣетъ право распоряжаться *этимъ сокровищемъ*, какъ полною собственностію Церкви, находящейся къ нему въ отношеніи служебномъ. Со стороны получающаго не требуется вѣры въ дѣйствительность отпуска, потому что благодать разрѣшительная сообщается ему независимо отъ личнаго достоинства; требуется только, и то для приличія, сокрушеніе сердца, т. е., желаніе получить индульгенцію. «Въ послѣдствіи внутреннее сокрушеніе замѣнено, преимущественно со временъ юбилеевъ, исполненіемъ чисто наружныхъ подвиговъ благочестія, а наконецъ и эта послѣдняя обязанность откупалась деньгами.

Такъ въ Западной Церкви, съ теченіемъ времени, образовались двѣ теоріи отпуска: одна выводила его отъ власти священства (claves ordinis) и считала тождественнымъ съ таинствомъ покаянія; другая, исходя отъ понятія о Церкви, какъ таинственномъ тѣлѣ Христовомъ, въ которомъ всѣ члены помогаютъ другъ другу и богатство одного восполняетъ нищету другаго, ставило его въ зависимость отъ власти внѣшняго управленія, или такъ называемыхъ claves jurisdictionis. Первая теорія, хотя совершенное уклоненіе отъ первоначальной идеи индульгенціи, все же подчинялась нѣкоторымъ образомъ господствующему понятію таинства, и, признавая за служителемъ Церкви несоразмѣрную власть отпускать грѣхи, независимо отъ расположенія духа лица, принимающаго отпущеніе, умѣряла, однако же, полновластіе папы непосредственной связію съ обѣтованіемъ Божіимъ. Во второмъ случаѣ, посредствомъ вымышленнаго ученія, папа безусловно ставитъ себя владыкою надъ всѣми грѣхами, признаетъ за собой право, силою одной своей воли, безъ высшаго уполномоченія въ обѣтованіи таинства, отпускать грѣхи, очищать человѣка отъ всѣхъ его тайныхъ. Въ первомъ случаѣ отпускъ сохраняетъ неприкосновенность понятія таинства, во второмъ—подрываетъ его благодатную силу. Это истое порожденіе средневѣковаго духа, который

не обращаетъ вниманія на внутреннее просвѣтленіе сердца, а только стремится къ уравновѣшенію строго математическаго отношенія между благодатію Божіею и человѣческой правдой, между совокупностію отдѣльныхъ случаевъ исполненія съ одной и нарушенія закона съ другой стороны. Вся теорія основана на количественномъ счисленіи церковныхъ заслугъ; заслуга Святыхъ измѣряется не высотою религіознаго духа ихъ, а большимъ или меньшимъ числомъ единичныхъ дѣйствій, которыя въ свою очередь разсматриваются не въ связи съ личностію ихъ совершившихъ, а какъ чистый капиталъ на потребу Церковную, какъ нѣчто осязаемое, сохраняющее силу и въ отрѣшеніи отъ живаго двигателя вѣры. Отъ того-то всѣ, нѣсколько просвѣщенные мужи Западной Церкви, держались первой теоріи, какъ самой умѣренной; таковъ Іяковъ изъ Ютробока, который признаетъ за однимъ папой и за легатами его право давать полныя прощи (индульгенціи), а частный отпускъ, прибавляетъ онъ, всякій священникъ имѣетъ право давать при исповѣди. Въ такой формѣ опровергаютъ его Гусъ и Весель; такъ смотритъ на него и Лютеръ въ началѣ спора. Вторая, принадлежащая въ послѣдней переработкѣ (редакціи) Ѳомѣ Аквинскому въ XIII столѣтіи, охотно принята въ Декреталіи властолюбивыми папами, и получила законную силу непреложнаго догмата Церкви (1).

Съ XIV столѣтія начинаются особенныя злоупотребленія отпусковъ, впрочемъ, еще прикрытыя величавою тѣнію всемірныхъ юбилеевъ. Бонифацій VIII, открывая юбилей въ 1300 году, назначилъ совершенное отпущеніе грѣховъ всѣмъ христіянамъ, которые въ этомъ году посѣтятъ всемірную столицу, съ обязанностію совершить въ ней разные подвиги благочестія. Срокомъ юбилею назначено столѣтіе. Дѣла, необходимыя для полученія прощи, состояли въ исповѣди и ежедневномъ посѣщеніи двухъ важнѣйшихъ храмовъ верховныхъ Апостоловъ, туземцамъ въ продолженіе 30 дней, пришлецамъ это время поста и молитвы сокращалось до половины. Мысль, лежащая въ основаніи буллы, —необходимость

(1) Ullman, Reformatoren vor der Reformation, I, 273—280. Ranke, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, I, 313.

почтить особеннымъ отличіемъ великія заслуги ап. Петра и Павла и открыть источникъ особенной благодати для всѣхъ христіянъ, притекающихъ съ вѣрою къ ихъ священнымъ остаткамъ. Конечно, богатыя подаянія стекались этимъ путемъ въ сокровище папское; но они предоставлены были личному усердію поклонниковъ. Міръ не поражался еще отвратительнымъ зрѣлищемъ грѣховъ человѣка, предложенныхъ на торжище и взвѣшиваемыхъ цѣною золота алчными прислужниками папы. Къ тому же всемірное отпущеніе грѣховъ, при всей странности этого новаго источника благодати, носило на себѣ печать особеннаго величія, проявлявшагося торжественно въ религіозномъ единствѣ всего христіянства, которое при гробѣ верховныхъ Апостоловъ слагало на время всѣ свои страсти и ненависти. Въ 1350 году папа Климентъ VI, разсудивъ, что предшественникъ его слишкомъ мало позаботился о потомствѣ, сократилъ срокъ юбилея для Римскихъ поклонниковъ на цѣлыхъ 50 лѣтъ. Булла опиралась на кратковременность человѣческой жизни, лишавшую нѣсколько поколѣній высокаго права участвовать въ всемірномъ примиреніи. Число 50 объявлено однимъ изъ самыхъ таинственныхъ въ исторіи Церкви: юбилей Іудейскій и всеосвящающее сошествіе Духа Святаго предложены въ оправданіе перевороту. Вся булла дышетъ религіознымъ чувствомъ, исполнена самой нѣжной заботливости матери-Церкви о чадахъ, жаждущихъ исцѣленія душевнаго; но въ каждомъ словѣ просвѣчиваютъ низкія, торговыя выгоды униженныхъ Авиньонскихъ первосвященниковъ. Святое обращается въ насмѣшку; дабы ни одна душа христіянская, ввѣренная попеченіямъ папы, не оставалась въ безъизвѣстности о готовящемся великомъ событіи, строгія предписанія разсылаются ко всѣмъ начальникамъ частныхъ Церквей. Преемники Климента уже съ большею смѣлостію шли по пути, имъ проложенному. Григорій XI прибавилъ къ храмамъ Петра и Павла церкви Св. Маріи Minoris, дабы еще болѣе упражнять благочестіе вѣрующихъ. Урбанъ VI сократилъ юбилейные сроки на 33 года, Павелъ на четверть столѣтія, и тотъ и другой изъ любви къ Христіянству (1).

(1) См. содержаніе этихъ буллъ въ Сборникѣ Вальха, XV, p. 2—16.

Этого мало: огромныя суммы, стекавшіяся этимъ путемъ въ Римскую курію, съ удивительною скоростію поглощались безумною расточительностію намѣстниковъ св. Петра. Всемірная проща не удовлетворяла ихъ прихоти: отъ лица папы, за собственною печатію его, исходили буллы, утверждавшія за храмами и монастырями право частной продажи отпусковъ. Эти отдѣльныя средоточія со временемъ становились накладными для царственнаго Рима; потому Сикстъ IV, однимъ почеркомъ пера, объявилъ недѣйствительными всѣ привилегіи частныхъ Церквей, которыя, или близостію пути, или другими удобствами отвлекали богомольцевъ отъ Рима и восхищали у нихъ благословеніе отъ тамошней святыни (въ 1473 году). Это мудрое постановленіе не могло удержаться въ силѣ по самой сущности вольной продажи отпусковъ, которая щедро награждала Римскую курію своими избытками. Вообще въ XV вѣкѣ отпуски вошли во вседневное обыкновеніе Западной Церкви. Стоитъ заглянуть только въ Римскіе юбилейные календари, въ которыхъ каждому дню, смотря по важности святаго, или праздника, назначено особенное число лѣтъ, на которыя дается проща. Здѣсь десятки и сотни тысячь лѣтъ ни почемъ; одна индульгенція обнимаетъ 1,000,000 лѣтъ и дана Іоанномъ XXII. Логическое развитіе неразумныхъ началъ должно было вызвать рѣшительное противодѣйствіе.

Въ началѣ XV вѣка Германія сдѣлалась главною цѣлію корыстныхъ стремленій Римской политики. Уже на Констанскомъ соборѣ правовѣрные Нѣмцы (въ смыслѣ Западной Церкви), осудившіе Гуса, говорили съ отвращеніемъ о папахъ, продающихъ отпущеніе грѣховъ за звонкую монету, какъ торговый товаръ. По ихъ востребованію, Мартинъ V обѣщалъ ограничить продажу отпусковъ, а ни одинъ папа не пользовался въ такой полной мѣрѣ соблазнительнымъ правомъ раздавать прощи. Эта раздача для Нѣмецкой земли началась преимущественно подъ формою, такъ называемыхъ, масляныхъ писемъ, въ которыхъ за деньги позволялось по Великимъ постамъ ѣсть масло и яицы, и подъ формою исповѣдныхъ разрѣшительныхъ грамотъ на выборъ, вмѣсто настоятелей приходскихъ церквей, особенныхъ духовни-

ковъ, облеченныхъ властію отъ собственнаго лица, безъ отношенія къ папѣ, освобождать отъ обѣтовъ и давать такія разрѣшенія, которыя, въ законномъ порядкѣ управленія, подпадали обычному ходу папскаго судопроизводства. Съ половины XV столѣтія кардиналы Римскіе сдѣлались главными орудіями папскихъ поборовъ. Папы отдавали на откупъ сокровище Церкви за извѣстную часть получаемаго сбора; коммиссарами выбирались высшіе сановники Церкви, которые снова за тѣ же условія нанимали субкоммиссаровъ, большею частію купцовъ, торговавшихъ грѣхами человѣческими. Иннокентій VIII возобновилъ съ ужасною силою ученіе Ѳомы Аквинскаго о безусловномъ правѣ первосвященника выводить души изъ чистилища приговоромъ суда своего, а во время юбилея 1500 года Александръ VI торжественно подтвердилъ эту теорію (1). Изо всѣхъ народовъ Европы, по причинамъ, которыя будутъ показаны ниже, Нѣмцы отличались особенной терпѣливостію въ платежѣ этихъ денегъ, называвшихся въ Римѣ «грѣшками Нѣмецкими.» Не смотря на правительственныя противодѣйствія примѣненію индульгенціонной теоріи къ періодическому разоренію народа и государства, не смотря на частныя опроверженія самой теоріи цѣлымъ сонмомъ проповѣдниковъ, она дѣйствовала съ безпрерывно возрастающей силой, потому что верховная власть служила ей лучшимъ оплотомъ въ лицѣ курфирстовъ, епископовъ и самого императора, извлекая изъ нея личную пользу, жертвуя благосостояніемъ простаго народа корыстному союзу съ главнымъ врагомъ Нѣмецкой народности. Первыя лица, назначенныя для завоеванія страны еще дѣвственной, были мужи высокаго духа, Европейской извѣстности, во всѣхъ отношеніяхъ способные разыграть, подъ личиною вѣры, такъ называемый *благочестивый обманъ* (frommer Betrug) продажею отпусковъ. Въ 1451 году Николай Кузанскій, памятный въ исторіи Церкви постыднымъ отступничествомъ въ пользу папскаго самодержавія, первый обошелъ большую часть средней Германіи съ проповѣдію объ индульгенціяхъ. Черезъ три года въ

---

(1) Jürg. II, 683.

тѣхъ же предѣлахъ дѣйствовалъ извѣстный монахъ Іоаннъ Капистранскій, въ качествѣ Апостольскаго нунція. 69 лѣтній старикъ, мужъ испытанной святости, обладавшій изумительнымъ краснорѣчіемъ, облеченный въ славу чудотворенія въ вѣрованіяхъ современнаго человѣчества, онъ проповѣдывалъ съ успѣхомъ неслыханнымъ. Народъ, по словамъ одного историка, изображающаго силу его вліянія, внималъ болѣе непонятнымъ рѣчамъ проповѣдника, который говорилъ по-Латыни, чѣмъ его переводчику. Тогда какъ въ сосѣдственной Чехіи, утвердившейся въ то время въ полномъ равновѣсіи вѣроисповѣдныхъ началъ, его ожидало безславіе, въ Германіи его принимали, какъ Ангела Божія, выходили ему на встрѣчу съ мощами Святыхъ, кланялись ему до земли (1). Черезъ три года посланъ былъ въ сѣверные предѣлы Нѣмецкой земли и въ государства Скандинавскія первый генералъ-коммиссарій, Марино де Фрегено, папой Каликстомъ. Послѣ Марина, совершившаго посольство свое съ завиднымъ успѣхомъ, въ послѣднемъ десятилѣтіи XV вѣка, дѣйствовалъ со славою въ Германіи и Швеціи кардиналъ-легатъ, Раймундъ Пейральдъ, съ товарищемъ Пальцемъ, Августинскимъ монахомъ, сочинителемъ, извѣстной сплетеніемъ басней и суевѣрій, настольной книги современнаго Латинскаго міра, «Coelifodina». Чины государственные въ 1500 году изъявили согласіе на возвѣщеніе въ Германіи юбилея, въ то же время торжественно отпразднованнаго въ Италіянской столицѣ. Тщетно императоръ Максимиліянъ старался остановить успѣхи этой продажи, протянувшейся на нѣсколько ближайшихъ лѣтъ къ юбилейному (въ 1502 году). Отселѣ торгъ индульгенціями подъ всѣми возможными формами не прекращался въ продолженіе перваго двадцатилѣтія XVI вѣка. Сердце Максимиліяна обливалось кровію при видѣ ужаснаго разоренія, къ которому Нѣмцы добровольно прилагали руки. Въ 1515 году мы видимъ со стороны его новую попытку запретить продажу, совершавшуюся въ Аусгбургѣ съ неслыханнымъ

(1) Cochlaei, Hist. Huss. p. 364—365.—Lenfant, Hist. du Conc. de Basle, p. 284.

безстыдствомъ; но въ томъ же году онъ самъ отмѣнилъ свое запрещеніе. «Императоръ Максимиліянъ»,—говоритъ выразительно Лютеръ въ проповѣди, произнесенной въ Межиборѣ въ 1545 году,—«еще за 45 лѣтъ негодовалъ на индульгенціи, когда папа разомъ извлекъ изъ Германіи 500,000 гульденовъ; тогда продавцы разохотились: черезъ три года снова пришли за нашими грѣхами и хотѣли разыгрывать туже комедію.» Всего безотраднѣе въ этомъ случаѣ было равнодушіе народа, который не могъ и не хотѣлъ заступиться за свою свободу, и глубокая бездна, въ которую ниспала религія.

Въ 1508 году Юлій II открылъ для Римскаго престола новый источникъ доходовъ извѣстною буллою, обѣщавшею полную прощу (индульгенцію) за пожертвованіе чего либо для построенія базилики Св. Петра. Левъ X продолжалъ дѣло предшественника тѣмъ усерднѣе, что, кромѣ строенія храма, ему предстояла еще семейная обязанность, собирать приданое для сестры, принцессы Цибо, и христіянская— доставить монастырямъ средства воспитывать священническихъ дѣтей, прижитыхъ въ грѣховномъ союзѣ. Поощрять безнравственность Итальянскаго духовенства, по распоряженію папы, предоставлено было Рейнскимъ провинціямъ. Здѣсь, въ 1516 году, почти цѣлый годъ, дѣйствовалъ Францисканскій монахъ, Трипонтанъ, собиравшій деньги на поддержаніе больницы in Saxea de Urbe, назначенной для воспринятія незаконныхъ іерейскихъ дѣтей. Здѣсь же, съ особенною славою, является Тецель, человѣкъ хитрый, пронырливый, одинъ изъ лучшихъ дѣятелей Римской политики. Безстыдство и наглая самонадѣянность, вотъ главное оружіе, которымъ Тецель совершилъ завоеваніе большей части Нѣмецкой земли, когда, на возвратномъ пути, увѣнчанный доспѣхами покореннаго народа, нечаянно столкнулся съ Лютеромъ. Онъ родился въ Лейпцигѣ между 1450 и 1460 года. Рано сталъ упражняться въ поученіяхъ простому народу, и болѣе другихъ обладалъ несравненнымъ искусствомъ поражать воображеніе черни, и чудною гибкостію ума дѣлать страсть ея послушнымъ себѣ орудіемъ. Впрочемъ,

чемъ, онъ имѣлъ и достаточное ученое образованіе, соединенное съ званіемъ философскаго баккалавра подъ рясою доминиканца. Съ 1502 года постоянно занимался ремесломъ индульгенціоннаго торга по разнымъ областямъ Германіи. Безнравственность и безсовѣстность Тецеля, игравшія именемъ Божіимъ и пародировавшія все святое въ религіи, давно уже были извѣстны. Два раза почти чудесно избѣгалъ онъ приговоровъ, произнесенныхъ надъ нимъ Максимиліяномъ, разъ къ потопленію въ морѣ въ мѣшкѣ, а въ другой разъ къ вѣчному заточенію въ темницу, за гнусное поведеніе въ Лейпцигѣ. Какъ субкоммиссарій Арцимбольда, папскаго легата, онъ началъ свои подвиги въ пограничныхъ Нѣмецкихъ провинціяхъ, гдѣ безстыдство его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Товарищъ его, Бернардинъ Самсонъ de Milano, которому выпала на долю Швейцарія, встрѣтилъ сильный отпоръ въ великодушномъ народѣ. Кантоны дружно вооружились за нравственную свободу угнетенныхъ собратьевъ и выгнали продавца индульгенцій. Въ тоже время простодушные Нѣмцы съ любопытствомъ внимали разсказамъ своего проповѣдника о перѣ Михаила Архангела, вырванномъ діяволомъ во время единоборства съ Архистратигомъ, о сѣнѣ, на которомъ въ ясляхъ лежалъ младенецъ Іисусъ Христосъ, объ угольяхъ, на которыхъ испеченъ Св. Лаврентій и т. д.

Въ 1517 году Арцимбольдъ устраненъ отъ продажи отпусковъ. Курфирстъ и архіепископъ Майнцкій и Магдебургскій, примасъ Германіи, Альбрехтъ, не имѣвшій средства выплатить за епископскій паллій 30,000 гульденовъ, слѣдовавшихъ Апостольскому престолу, принужденъ былъ сдѣлать заемъ у богатаго дома Фуггеровъ въ Аугсбургѣ; а для уплаты суммы, предложилъ Льву X назначить его однимъ изъ начальниковъ трехъ главныхъ коммиссій отпуска, учрежденныхъ въ то время въ Германіи, обязуясь выплатить папѣ половину набранныхъ денегъ. «Въ Майнцѣ,»—говоритъ Лютеръ въ сочиненіи противъ Ганса Вурста,—«одинъ за однимъ умерло три архіепископа: Бертольдъ, Іяковъ и Уріилъ! Тутъ-то епископъ (Альбрехтъ) поднялся на уловку и вздумалъ выплатить Фуггерамъ долгъ на счетъ простаго

народа ([1]). Левъ согласился, и кардиналъ принялъ званіе коммиссара въ собственныхъ епископскихъ владѣніяхъ, Майнцѣ и Магдебургѣ ([2]); но папа не довѣрялъ ему, и назначилъ въ помощники ему францисканскаго гвардіана въ Майнцѣ. Первыя дѣйствія проповѣдниковъ отпуска до того были дерзки, что гвардіанъ рѣшился отстать отъ союза съ надменнымъ прелатомъ. Современный историкъ реформаціи, Фридрихъ Миконій, говоритъ, что по этому случаю францисканскій орденъ сошелся на частномъ собраніи въ Веймарѣ и здѣсь разсуждалъ о своихъ отношеніяхъ къ папѣ. Монахи жаловались, что имъ и безъ того трудно содержать свои монастыри нищенствомъ и еще тяжеле нищенствовать за папу; что недавно еще они выплатили ему 300,000 гульденовъ за возведеніе генерала своего ордена, Христофора Форливіо, въ санъ кардинала. Гвардіанъ предложилъ свое мнѣніе—отказаться отъ опаснаго братства, а Альбрехтъ, съ своей стороны, былъ очень радъ случаю избавиться отъ соглядатая.» ([3]).

Когда онъ вступилъ въ свое новое званіе, ему тотчасъ вызвался въ помощники Тецель, уже извѣстный по всей Германіи крикунъ (clamant) и проповѣдникъ отпуска. Два года Саксонія была поприщемъ его замѣчательной дѣятельности. Мы посвящены въ грустныя тайны религіознаго униженія тогдашней Германіи протестантомъ Миконіемъ. Народъ съ наслажденіемъ подчинялся страшному духовному игу, потому что цѣною этого рабства покупалась дорогая свобода грѣшить невозбранно въ силу всесовершеннаго отпуска. Никогда имя Божіе не подвергалось такому страшному поруганію, какъ въ этой продажѣ. Здѣсь ежедневно выносились на торжище грѣхи человѣческіе; легковѣрная совѣсть обезпечивалась папскою печатію противъ страха суда Божія; то, что искуплено было кровію Крестнаго Страдальца, здѣсь снова покупалось за деньги. Весьма знаменательна, какъ вѣрное мѣрило религіозныхъ и

(1) Walch, XVII, p. 1705, §. 104, 105.
(2) Ranke, I, 309—310.
(3) Walch, XV, 371, b.

нравственныхъ понятій съ обѣихъ сторонъ, подробная инструкція, вышедшая подъ именемъ курфирста Альбрехта, для уполномоченныхъ субкоммиссаріевъ. Всѣ, платившіе деньги для построенія храма св. Петра, получали прощу полную, то есть, отпущеніе всѣхъ грѣховъ и вмѣстѣ высшую благодать, состоящую въ освобожденіи отъ казней чистилища. Но кромѣ благодати великой, сообщались за особую плату три меньшія: 1) право выбирать духовника по желанію; 2) участіе во всѣхъ молитвословіяхъ, постахъ, богомольяхъ и вообще во всѣхъ заслугахъ отдѣльныхъ членовъ Церкви; 3) искупленіе изъ чистилища душъ умершихъ сродниковъ. Для великой индульгенціи требовались раскаяніе и исповѣдь; для полученія трехъ меньшихъ благодатей— ни того, ни другаго, а однѣ только деньги (1). «Папа,»—говорилъ Тецель,—«имѣетъ болѣе власти, нежели всѣ Апостолы, Ангелы и сама Богоматерь. Всѣ они ниже Христа, а онъ Ему во всемъ равенъ. По вознесеніи Христосъ отказался отъ управленія міромъ и Церковію до самаго преставленія свѣта; до тѣхъ же поръ, поручивъ полномочіе управленія Своему намѣстнику, папѣ, праздно сидитъ на небѣ.» Тецель увѣрялъ всѣхъ, что «имѣетъ болѣе власти, нежели Апостолъ Петръ; что онъ не промѣнялся бы съ нимъ на небѣ, потому что онъ продажею отпусковъ несравненно болѣе душъ обратилъ ко блаженству; что онъ болѣе Матери Божіей имѣетъ власти вязать и рѣшить грѣхи.» Онъ говорилъ еще, что «отпускъ возводитъ покупщиковъ въ состояніе чистоты высшее, нежели само крещеніе, высшее Адамовой правоты до паденія; что крестъ, водружаемый въ церкви, у завѣтнаго ящика, принимающаго залоги спасенія, съ привѣшенной папскою печатію, имѣетъ равную силу съ животворящимъ крестомъ Іисуса Христа» (2). Не довольствуясь этимъ, онъ подъ своимъ именемъ издалъ сокращеніе наказа Альбрехтова, какъ частное наставленіе священникамъ и проповѣдникамъ. Тамъ, между прочимъ, предложена такса для искупленія грѣховъ, смотря по ихъ важности: 12 червонцевъ для

---

(1) Walch, 371—412.

(2) Wider Hans Wurst. Walch, XVII, p. 1704—1703, §. 98—103.

грѣха Содомскаго, девять для святотатства, семь для убійства, шесть для колдовства, четыре для убійства родителей и ближайшихъ сродниковъ (1). Въ иной разъ онъ дѣйствовалъ ужасомъ на запуганныя совѣсти. «Смотрите»,— говорилъ онъ народу,—«теперь небо отверсто и двери рая готовы принять васъ; скоро онѣ замкнутся на вѣки; спѣшите воспользоваться благодатію! О люди жестокосердые! развѣ не слышите воплей умершихъ родителей: ««Смилуйтесь, дѣти! Рука Божія отяготѣла надъ нами! Мы мучимся страшными казнями; десяти грошей вашихъ довольно, чтобъ спасти насъ отъ муки, и вы не хотите. Дѣти! Долго ли вамъ насыщаться нашею кровію?»»... И суевѣрные Нѣмцы содрогались; имъ чудились стоны родителей; они падали ницъ, ожидая, по словамъ современниковъ, что небо разразится надъ ними, а земля подъ ними разверзетъ свою утробу. Тецеля принимали съ великою честію во всѣхъ городахъ, которые онъ самъ удостоивалъ своего посѣщенія. Буллу несли впереди на бархатномъ, златотканномъ, покровѣ; всѣ власти города, священники съ крестами, юноши и дѣвы съ хоругвями и свѣчами, торжественно выходили на встрѣчу грядущему спасенію. При звонѣ колоколовъ, при звукѣ органовъ, водружали красный крестъ среди церкви у главнаго престола; возлѣ креста становили ящикъ; возлѣ ящика становились вдохновенные проповѣдники и набрасывали чары свои на народъ. Иной разъ приносились въ церковь другіе таинственные ящики съ потомъ или съ перомъ Михаила, или съ угольями св. Лаврентія, одаренные чудотворною силою не допускать къ себѣ прелюбодѣевъ. Присутствующіе занимали другъ у друга деньги, дабы имѣть право прикоснуться къ чудотворному ящику и не быть уличеннымъ въ прелюбодѣйствѣ. Предъ отъѣздомъ изъ каждаго города, Тецель назначалъ еще торжественную обѣдню, въ которой всѣ жители должны были участвовать молитвой и вкладами. Несмѣтныя суммы стекались въ походный ковчегъ; ремесленники, даже женщины, вдовы и нищіе приносили послѣднюю лепту. «Если бы продолжилось это позорище,»—

(1) Jürg. III, 134.

говоритъ Миконій,—«въ Германіи не осталось бы ни одного пфеннинга».—Вооруженный полномочіемъ папы и грозою Ватиканскихъ перуновъ, Тецель прошелъ побѣдителемъ города Саксоніи и сосѣднихъ земель. Ни одного протеста не раздавалось въ пользу христіянства, такъ страшно униженнаго этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ папскаго лихоимства въ Германіи. Она хранила гробовое молчаніе. Ужасны были навязчивость и насилія служителей беззаконія въ продажѣ отпусковъ. Кто отказывался отъ покупки, тому Тецель грозилъ отрубить голову и окровавленнаго низринуть въ бездну безъ покаянія. Среди всеобщаго оцѣпенѣнія, невѣжества и раболѣпства, одинъ только молодой человѣкъ посрамилъ непреклонною твердостію свирѣпаго доминиканца. Миконій съ младенческихъ лѣтъ слыхалъ отъ отца своего, что кровь Спасителя есть искупленіе всѣхъ грѣховъ міра; что папскіе отпуски не что иное, какъ сѣти, въ которыя ловятся деньги простыхъ, потому что прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчная не даются за деньги. Онъ не зналъ, кому вѣрить, родителю, или священникамъ; склонялся, правда, на сторону послѣднихъ, впрочемъ, такъ, что никогда не рѣшался повѣрить, будто отпущеніе грѣховъ покупается золотомъ и бѣдные вовсе исключены изъ царствія Божія. Когда Тецель раздавалъ отпуски въ Аннабергѣ, Миконій увидалъ на церковныхъ стѣнахъ прибитыя объявленія о количествѣ денегъ, взимаемыхъ за прощи, а внизу оговорку, что бѣднымъ онѣ, Бога ради, могутъ даваться и даромъ. Подвигнутый духомъ, молодой школьникъ является къ Тецелю и требуетъ безденежно отпускной грамоты, на основаніи папскаго разрѣшенія. За отказомъ послѣдовало новое требованіе и уступчивость продавцевъ, боявшихся соблазна народнаго. Постепенно уменьшая просимую сумму, Тецель дошелъ до того, что предложилъ ему собственныя деньги на куплю; но Миконій упорно отказывался. Онъ требовалъ даромъ разрѣшенія грѣховъ своихъ; въ противномъ случаѣ грозилъ предать суду Божію лукавство проповѣдниковъ. Желаніе его не исполнилось, но продавцы отпусковъ (die heiligen Diebe) задумались ([1]). Впрочемъ,

---

(1) Walch. Разсказъ о томъ Миконія въ 1546 г. XV, 447—455.

такихъ примѣровъ глубокаго самосознанія и неустрашимости было слишкомъ мало. Благочестивый священникъ, присовѣтовавшій богатой вдовѣ въ Магдебургѣ не платить 100 золотыхъ за прощу Тецеля, потому что Богъ даромъ даетъ отпущеніе, умолялъ ее не открывать имени его коммиссару. Самъ императоръ, нѣкогда бодрый защитникъ народныхъ правъ, нарочно закрывалъ глаза на всѣ безпорядки; курфирсты и сильные Нѣмецкіе владѣтели давали строжайшія предписанія подданнымъ принимать съ уваженіемъ папскаго уполномоченнаго. Въ одинъ годъ Тецель набралъ на долю курфирста Майнцкаго 100,000 золотыхъ гульденовъ ([1]). Онъ бросилъ интердикты на бѣдные монастыри, которые жили доходами съ скудной продажи своихъ индульгенцій. Князья и дворяне ходатайствовали у него о позволеніи обителямъ подбирать эти крохи, падавшія съ богатой трапезы его. Правда, дворяне Нѣмецкіе и отчасти простолюдины позволяли себѣ насмѣхаться надъ Тецелемъ. Разгульнымъ дворянамъ не было дѣла до славы народной; имъ нравилась отчаянная отвага и изумительное присутствіе духа, съ которымъ Тецель надувалъ Нѣмецкую чернь. Если бы они могли имѣть съ нимъ общія выгоды, они охотно бы предложили ему свои услуги, чтобы вмѣстѣ ругаться надъ своимъ Богомъ и разорять до конца своихъ нищихъ соотчичей. Въ XV вѣкѣ Мекленбургскій герцогъ воспользовался очень охотно деньгами, награбленными у его же подданыхъ папскимъ легатомъ, Мариномъ, который выронилъ на дорогѣ нѣсколько тысячь гульденовъ, не умѣстившихся въ передовомъ караванѣ. Здѣсь невольно приходитъ на мысль благородное негодованіе, вызванное въ Чешскомъ дворянствѣ сожженіемъ Гуса. Оно плачетъ о Гусѣ, какъ о другѣ и любезномъ учителѣ, но еще болѣе жалѣетъ о безславіи, въ лицѣ его нанесенномъ отечеству нарушеніемъ опасной грамоты. Не то было въ Германіи; Нѣмцы продолжали сами комедію, которая ихъ забавляла, пока очередь не доходила до нихъ. Университеты, духовныя власти, городовыя общины и униженная власть

(1) Walch, XV, 111, a.

императорская на ту пору хранили роковое молчаніе. Это равнодушіе къ дѣлу религіи поражаетъ невольнымъ ужасомъ и отвращеніемъ; а разъединеніе государственныхъ интересовъ, разложеніе стихій народнаго быта доходили до высшей степени крайности. Съ начала XVI столѣтія на всѣхъ сеймахъ чины государственные какъ будто любуются изображеніемъ бѣдственнаго положенія Германіи, не предлагая никакихъ исправительныхъ мѣръ. Чувство народной гордости до того забито вѣковымъ рабствомъ, что Нѣмцы подучаютъ Французовъ къ завоеванію коренныхъ Нѣмецкихъ областей, равнодушно взираютъ на замыселъ папы передать корону имперскую государю Французскому; по словамъ Вимфелинга, охотнѣе склоняются подъ иго Романское, нежели подъ кроткое бремя своего государя. Въ такомъ униженіи находилась Германія, когда святой ужасъ негодованія огласился въ полуразвалившейся церкви небольшаго Нѣмецкаго города, и промчался обличительнымъ голосомъ Римскому папѣ.

Лютеръ, въ іерархическомъ своемъ ослѣпленіи, долго не вѣрилъ обману. Онъ старался не понимать настоящаго смысла приготовленій курфирста Альбрехта; отъ него, просвѣщеннаго покровителя Гуттена и Гуманистовъ, онъ не ожидалъ такого торгашества (1). Между тѣмъ беззаконныя дѣйствія продавцевъ индульгенцій давно уже были ему извѣстны. Первое столкновеніе съ ними случилось у него еще въ 1516 году. Когда онъ въ послѣднихъ числахъ Апрѣля, назначенный исправляющимъ должность Августинскаго викарія въ Саксоніи и Тюрингіи, осматривалъ монастыри своего ордена въ сопровожденіи Ступица и пріора Виттембергскаго конвента, Вячеслава Линка, въ Гриммѣ случилось ему быть на довольно близкомъ разстояніи отъ городка Вурцена, гдѣ Тецель въ то время совершалъ свои подвиги. При послѣднемъ совѣщаніи визитаторовъ съ братьями Гриммскаго монастыря, Ступицъ получилъ неожиданно письмо изъ Вурцена съ извѣщеніемъ о тамошнихъ происшествіяхъ. Онъ сообщилъ ихъ всей братіи, и ее возмутило особенно то обстоя-

(1) Сочиненіе противъ Ганса Вурста, Walch, XVII, 1705, §. 104.

тельство, что Тецель, ученый богословъ, дерзаетъ публично утверждать, что какъ скоро грошъ, или гульденъ, зазвенитъ въ ящикѣ, такъ тотчасъ душа вылетаетъ изъ чистилища. Въ порывѣ негодованія Лютеръ воскликнулъ: «Nun will ich der Pauke ein Loch machen, ob Gott will.» Съ тѣхъ поръ онъ крѣпко задумалъ возстать на соблазнительный торгъ. Еще въ тотъ же вечеръ, въ Гриммскомъ монастырѣ, онъ взялся за перо, но впору остановился. До насъ не дошло ничего отъ этихъ Гриммскимъ отрывковъ. Но важнѣе всего то обстоятельство, что Лютеръ вступаетъ на колею состязателя въ 1516 году. Онъ самъ говоритъ: «Д. Ступицъ возбудилъ меня противъ папы;» а въ другомъ мѣстѣ: «Въ 1516 году я началъ писать противъ папы» ([1]).

Содержаніе первыхъ начатковъ этихъ антипапистическихъ проповѣдей Лютера необычайно важно, какъ единственный матеріялъ для опредѣленія истинной степени его религіознаго развитія, непосредственно предъ началомъ великаго спора объ индульгенціяхъ. Внимательное ихъ разсмотрѣніе, сличенное съ его перепискою, приводитъ къ значительному выводу, именно, что Лютеръ, во все продолженіе времени отъ 1516 г. до начала препиранія съ Тецелемъ, исключительно занятъ былъ важнымъ вопросомъ о покаяніи, о нравственномъ значеніи его для человѣка и богословскомъ составѣ этого таинства. Вспомнимъ его прежнія изслѣдованія о книгѣ Августина: «Объ истинномъ и ложномъ покаяніи», и радость при неожиданномъ открытіи смущавшаго его подлога. Онъ шелъ далѣе по пути критическихъ изысканій въ темной области схоластическихъ опредѣленій, призывая на помощь первоначальное изложеніе (текстъ) Библіи и Церковныхъ учителей. Мы имѣемъ ясное на то указаніе въ письмѣ его, писанномъ къ Ступицу въ Троицынъ день 1518 года: «Помню я между многими отрадными и полезными твоими реченіями одно, относившееся къ покаянію, когда совѣсть моя, измученная безчисленными и невыносимыми предписаніями палачей, учившихъ насъ исповѣди, внимала словамъ твоимъ, какъ вѣщанію съ неба; истинное покаяніе должно начинаться съ

(1) Jürg. II, 642—646.

любви къ правдѣ и къ Богу, и въ чемъ они полагаютъ конецъ и довершеніе таинства, то собственно только начало его. Это слово остановилось во мнѣ, какъ острая стрѣла, брошенная рукою сильнаго; я сталъ сличать его съ Св. Писаніемъ и, къ крайнему моему услажденію, тексты Библейскіе во всѣхъ отношеніяхъ сходились съ твоими словами, улыбались и вторили этому смыслу такъ, что, когда прежде почти во всей Библіи не было для меня слова безотраднѣе покаянія, теперь ничто такъ не услаждаетъ моего слуха. Такъ-то заповѣди Божіи становятся для насъ усладительными, когда читаются не въ однѣхъ только книгахъ, а въ язвахъ сладчайшаго Спаса.»

«Къ тому же трудами ученыхъ мужей, предлагающихъ намъ толкованія Греческихъ и Еврейскихъ писаній, я узналъ, что Греческое слово покаяніе (*μετάνοια*) происходитъ отъ *μετά* (послѣ) и *νοεῖν* (мыслить, думать, размышлять), и обозначаетъ перемѣну, происшедшую во мнѣніи, мысляхъ, въ умѣ (mutatio consilii), умудреніе (resipiscentia) сердца и сознаніе своего бѣдствія по понесеніи вреда отъ познаннаго заблужденія; а это совершиться не можетъ безъ перемѣны духа и безъ любви къ оправданію. И все это такъ вполнѣ соотвѣтствуетъ богословію Павлову, что едва ли можно найти какое либо лучшее толкованіе (комментарій) къ его посланіямъ.»

«Потомъ я пошелъ еще далѣе и увидалъ, что *μετάνοια* можетъ обозначать не только перерожденіе духа и сердца, но образъ перерожденія, совершаемаго благодатію Божіею; ибо сущность покаянія, перерожденіе духа, играетъ великую ролю въ Св. Писаніи; его-то древле прообразовалъ Авраамъ, когда сталъ называться Евреемъ, т. е., переходящимъ (transitor); отъ него заглавіе псалма: Идиѳунъ, т. е., поворотный (transiliens) пѣвецъ, и всѣ эти символы осуществлены Христомъ.»

«На этомъ основаніи я убѣдился во лживости тѣхъ, которые приписывали такую великую силу дѣламъ покаянія, что почти ничего не оставили намъ отъ этого таинства, кромѣ холодныхъ удовлетвореній и многотрудной исповѣди; ихъ ввело въ заблужденіе Латинское слово, потому что pœnitentiam agere означаетъ скорѣе поступокъ, нежели воз-

рожденіе духа и вовсе не исчерпываетъ понятія Греческаго *μετανοεῖν*.»

«Пока сердце мое горѣло такими святыми помыслами, вокругъ меня раздались новыя трубы индульгенцій и свирѣли отпусковъ, которыя однако же не возбуждали насъ къ настоящей духовной борьбѣ; словомъ, оставивъ въ сторонѣ настоящее ученіе о покаяніи, они дерзнули восхвалять не раскаяніе, ниже меньшую часть таинства, называемую удовлетвореніемъ, а отпущеніе этой послѣдней, какъ никогда она восхваляема не бывала» (1).

Изъ этихъ словъ видно, на какой точкѣ религіознаго пониманія остановился Лютеръ предъ началомъ спора. Онъ слѣдуетъ еще общему мнѣнію въ Западной Церкви о трехъ составныхъ частяхъ таинства: 1) сокрушеніи сердца; 2) исповѣди и 3) удовлетвореніи; но уже позволяетъ себѣ дѣлать различіе между ихъ относительной важностію. Дѣла удовлетворенія, какъ существенную часть покаянія, дополняющую дѣйственность разрѣшенія священника, не отвергаетъ еще безусловно, но принимаетъ ее не по убѣжденію, а только изъ повиновенія Церкви. Главное для него—возрожденіе духа, возбужденіе любви къ правдѣ благодатію Божіею, потомъ отпущеніе грѣха и вины въ силу обѣтованія Божія разрѣшительнымъ словомъ іерея. Отпущеніе же казни навязано на истинное понятіе таинства невѣжественными софистами и вовсе къ нему не относится.

Проповѣди Лютера служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ выводамъ, извлеченнымъ изъ его переписки. Тамъ онъ возстановляетъ духовное значеніе таинства, опровергаетъ языкомъ ученаго богослова произвольныя теоріи софистовъ; здѣсь, предъ народомъ, опредѣляетъ практическое его приложеніе къ жизни, нравственныя обязанности, налагаемыя имъ на человѣка. А потому изложеніе ихъ гораздо простѣе и удобопонятнѣе. Въ одной изъ нихъ, говоренной на Евангельскій текстъ о Закхеѣ, въ 1517 году, въ концѣ Октября, Лютеръ различаетъ два понятія въ таинствѣ: «Символъ и сущность. Покаяніе сущности есть внутреннее покаяніе сердца

(1) Ep. Aurif. 30, p. 66—68.

и единое истинное; объ немъ и Христосъ и апостолъ Петръ сказали: «Покайтеся!» Покаяніе символа (знаменія) есть покаяніе внѣшнее, не предполагающее необходимо предшествующаго внутренняго. Оно состоитъ изъ двухъ частей : исповѣди и удовлетворенія. О послѣднемъ сказалъ Іоаннъ Креститель : «Сотворите убо плоды, достойны покаянія.» (Лук. III, 8.) Исповѣдь двоякая: всенародная или особенная. О первой пишетъ Іяковъ: «Исповѣдуйте убо другъ другу согрѣшенія.» (V. 16.) О второй не нахожу ни одного свидѣтельства въ Св. Писаніи. А потому и прошу канонистовъ доказать, гдѣ именно узаконеніемъ Божіимъ удовлетвореніе и исповѣдь уставлены въ *томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ*; *потому что удовлетвореніе, предписанное Іоанномъ Крестителемъ* (Лук. III), *есть обязанность, простирающаяся на всю Христіанскую жизнь*, и есть общая, наложенная на всѣхъ, а равно и общественная. А гдѣ предписываются тайныя удовлетворенія и исповѣдь, не знаю» (1). Здѣсь разбирается таинство само по себѣ, какъ благодатное и обрядовое дѣйствіе, и указываются обязанности Христіянскія, имъ налагаемыя, стало быть, разрѣшеніе грѣха благодатію и жизнь богоугодная, какъ необходимое дополненіе таинства.

Въ проповѣди на день Апостола Матѳія, 21 Сентября 1517 года, въ сильныхъ выраженіяхъ доказывается важность и необходимость праведной жизни для спасенія. «Отецъ, по Своему милосердію, вмѣняетъ намъ правду Сыновнюю. Въ этой вѣрѣ заключается познаніе Бога; но это познаніе сокрыто отъ мудрыхъ, которые отвѣчаютъ: ««Если мы оправданы исключительно милосердіемъ Божіимъ и чужимъ оправданіемъ, то предадимся праздности; потому что дѣла наши и мудрость наша ничто предъ Богомъ.»»—Такъ говорятъ премудрые и разумные, забывая, что Христосъ, Который живетъ съ своихъ чадахъ, никогда не остается въ бездѣйствіи» (2).

Отъ таинства покаянія къ теоріи отпуска переходъ прямой и естественный; а потому предложенныя проповѣди не-

(1) Walch, XIX, 941—942.
(2) Walch, XIX, 948—949.

замѣтно склоняются къ вопросу объ индульгенціяхъ. Здѣсь Лютеръ откровенно бесѣдуетъ съ своими слушателями, предлагаетъ имъ свои недоумѣнія, какъ бы приглашаетъ ихъ къ рѣшенію труднаго соединенными силами. Здѣсь нѣтъ ни притворства, ни желанія подслужиться представителямъ Церкви безмолвнымъ принятіемъ такого ученія, которому сердце его давно не сочувствуетъ. Вообще теорія индульгенцій всѣхъ болѣе смущала Мартина завлекательной послѣдовательностію своихъ положеній, прикрытыхъ личиною правды. Напрасно Юргенсъ отыскиваетъ въ немъ, по примѣру Миконія, какое-то старое отвращеніе отъ индульгенцій. Всякое сомнѣніе на этотъ счетъ окончательно рѣшается Лютеромъ, когда онъ, въ оправдательной грамотѣ, по вызовѣ въ Римъ, сознается, что превозносилъ до небесъ индульгенціи, убѣждая народъ покупать ихъ и совершать тѣмъ дѣло богоугодное (1), да и въ наставленіи Аугсбургскому духовенству онъ говоритъ, что въ то время, когда Тецель начиналъ свои дѣйствія, не было ни епископа, ни монастыря, ни университетскаго доктора, который имѣлъ бы ясное понятіе о теоріи отпуска, что самъ онъ не могъ объяснить себѣ оной, еще менѣе оспорить, или остановить ея практику. Въ первый разъ передъ народомъ заговорилъ онъ объ отпускахъ въ 1517 году, въ 10 Воскресенье послѣ Троицына дня. Здѣсь настоящій хаосъ въ понятіяхъ его, цѣлая бездна противорѣчій; но видно, что въ немъ уже выработалось нѣсколько положительныхъ истинъ, которыя онъ силится приложить къ обсужденію темной половины вопроса, допуская по нѣскольку частныхъ рѣшеній; а когда здравая логика разума становится въ пень, все же не беретъ на себя обязанности посредника между дѣйствительностію и идеаломъ, а смиренно подвергаетъ себя непогрѣшительному рѣшенію Церкви. Онъ признаетъ ученіе схоластиковъ о заслугѣ Христа и Святыхъ, и на этомъ основаніи требуетъ полнаго уваженія къ индульгенціи; но отвергаетъ старинное мнѣніе, что отпускъ разрѣшаетъ отъ грѣха и сообщаетъ благодать.

(1) Walch, XV. §. 5, p. 662.

Онъ умствуетъ правильно, что покупкою отпуска никто не становится благочестивѣе, ни злая похоть не уменьшается, ни любовь не умножается его полученіемъ; отпускъ не что иное, какъ ослабленіе церковной епитимьи, а отсюда не слѣдуетъ, что получающій его немедленно возлетаетъ на небо, между тѣмъ какъ обманутый народъ обольщаетъ себя надеждой, что полнымъ отпускомъ снимается грѣхъ, и получивъ его, продолжаетъ грѣшить еще съ большею дерзостію, безъ страха наказанія. Задавая себѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ папа имѣетъ власть искупать изъ чистилища души, держится мнѣнія умѣреннаго, что онъ имѣетъ это право не въ силу судебнаго приговора, или рѣшенія, законодательнаго, а только присвоеніемъ умершимъ церковныхъ молитвословій, и то избавлять не отъ казней, наложенныхъ Богомъ, а единственно отъ канонической епитимьи. Противное мнѣніе Ѳомы Аквинскаго, что папа избавляетъ души отшедшихъ отъ вѣчнаго наказанія ада, считаетъ безсмысленнымъ; ибо, повторяя поговорку общую въ то время въ простомъ народѣ: «Жестоко было бы со стороны папы не сдѣлать того даромъ для души неимущей, что онъ дѣлаетъ прочимъ за деньги, употребленныя на строеніе церкви Св. Петра,» съ особенною силою настаиваетъ на то, что изліяніе благодати есть внутреннее озареніе духа и воспламененіе воли, нѣчто въ родѣ постояннаго изліянія въ душу какъ будто солнечныхъ лучей, не прекращающееся никогда до совершеннаго искорененія грѣха въ человѣкѣ. А такъ какъ злая похоть не истребляется до самой смерти, то и благодать изливается въ душу, пока человѣкъ, пресыщенный жизнію, не начнетъ вздыхать о разрѣшеніи отъ тѣла и соединеніи съ Богомъ, и не получитъ желаннаго. А это послѣднее въ самой сущности противорѣчитъ желанію получить совершенную индульгенцію. Отпущеніе грѣховъ не достается въ удѣлъ никому, кто не явилъ сокрушеннаго сердца и не исповѣдалъ грѣховъ своихъ чистосердечно. Индульгенція ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы не достигшему совершенной чистоты сердца и любви къ Богу, спасеніе дается за одно покаяніе.—За тѣмъ слѣдуетъ естественное возраженіе, что, при данныхъ условіяхъ,

индульгенція остается вещію почти безполезною, потому что не доставляетъ блаженства безъ сокрушенаго сердца, а грѣшникъ, измученный совѣстію и готовый принести покаяніе, и безъ покупнаго отпуска разрѣшается отъ грѣховъ? Отвѣтъ: Сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ. Кому же собственно отпускъ можетъ приносить пользу? На нѣсколько частныхъ случаевъ въ послѣднемъ итогѣ получается снова отвѣтъ отрицательный; но индульгенція изъ уваженія къ Церкви остается непоколебимой. Подъ конецъ, какъ бы испугавшись смѣлости своихъ заключеній, возвращается къ точкѣ исхода съ такой оговоркой: «Достовѣрно, что Богъ не отвергаетъ молитвы Церковной въ силу Своего обѣтованія: ««Просите и дастся вамъ.»» (Мат. VII, 7.) А если такъ, то очень полезно покупать отпускъ, не смотря на могущія произойти злоупотребленія отъ скупости, сребролюбія и ростовщичества» ( ).

Въ словѣ на день Св. Матѳія Лютеръ разсуждаетъ не о теоріи отпуска, а доказываетъ практическую его безполезность. Вторая половина этого слова направлена на людей, при ложномъ уповаціи на милосердіе Божіе, ищущихъ избавленія не отъ грѣха и вины, а отъ наказанія за грѣхъ, и съ этою цѣлію покупающихъ отпускъ. Отсюда нападеніе на индульгенцію, способствующую такому стремленію, порождающую нравственную лѣнь и ложную самонадѣянность. Проповѣдники должны наставлять свою паству—любить наказаніе, добровольно поднимать крестъ Христовъ. «*Дай Богъ, чтобъ я заблуждался, когда говорю*, что индульгенція отъ того по праву получила свое названіе, что indulgere значитъ тоже, что и permittere, т. е., свобода грѣшить безнаказанно и слагать съ себя крестъ.» ( )

Если вникнемъ въ содержаніе этихъ проповѣдей и сличимъ ихъ съ послѣдующею литературною дѣятельностію Лютера въ 1517 и 1518 годахъ, увидимъ совершенное тождество въ расположеніи мыслей. Оправданіе дается туне благодатію Божіею, но вмѣняется человѣку не иначе, какъ при содѣйствіи собственныхъ дѣлъ, или, лучше, при помощи

(1) Walch, XIX, p. 917—929.
(2) Ibid. p. 944—932.—XII, p. 2267, §. 9.

жизни, постоянно направленной на исполненіе заповѣдей. Въ ученіи объ индульгенціи видимъ тонкій діалектическій умъ, который подмѣтилъ искусно всѣ промахи въ этой теоріи, неоспоримо доказалъ ихъ софистику, довелъ противниковъ до заключеній нелѣпыхъ, *но, изъ уваженія къ іерархіи*, охотно отрекается отъ блестящей побѣды и требуетъ наставленія. Это высшая точка втораго періода религіозныхъ его представленій. Ученіе о благодати и добрыхъ дѣлахъ установилось въ немъ окончательно.

Но пока сердце Мартина горѣло такими святыми помыслами, плуты (die Beuteldrescher) кардинала Альбрехта продолжали свое ремесло. Тецелю воспрещенъ былъ доступъ во владѣнія курфирста Саксонскаго, но онъ подошелъ къ самой границѣ и проповѣдывалъ въ Сербиштѣ (Zerbst) и Ютробокѣ. Между тѣмъ къ Лютеру приходили одна за другой возмутительныя вѣсти объ ужасахъ, которые позволялъ онъ себѣ и словомъ и дѣломъ. Слишкомъ явный соблазнъ возбуждалъ уже общій ропотъ негодованія. По корчмамъ раздавались обличительные голоса противъ алчности духовенства, грозившіе чести самаго папскаго имени. Лютеръ находился въ недоумѣніи. Пока не затрогивалась цѣльность его прихода, онъ не имѣлъ права вступаться въ дѣла постороннія. Молодая горячая кровь кипѣла въ немъ; онъ крѣпился въ ожиданіи будущаго (1). Но когда собственные прихожане его стали стекаться во множествѣ къ лжепроповѣднику, за покупкою прощъ или отпусковъ, терпѣніе его лопнуло. Онъ началъ проповѣдывать, что покупка индульгенцій есть вещь безполезная, что есть болѣе приличныя занятія для христіянина (2); но видно, что онъ поступалъ осторожно въ сознаніи роковаго значенія настоящей минуты, не скрывая отъ себя опасностей неравнаго единоборства съ папскимъ уполномоченнымъ. Когда первые опыты оказались безуспѣшными, онъ рѣшился довести все дѣло до свѣдѣнія непосредственныхъ духовныхъ начальниковъ. Ему нельзя было не знать, что Альбрехтъ—глава и душа экспедиціи;

(1) Письмо къ Льву X, Aurif. I, 69 на об.
(2) Wider Hans Wurst. Walch, XVII, 1703, §. 96; 1704, §. 97.

наказы проповѣдникамъ отпуска вышли подъ его именемъ, съ печатію и гербомъ Бранибоpскаго дома; но онъ умствовалъ такъ: «Ни одинъ земной властитель не можетъ все знать; только Богу подобаетъ слава всевѣдѣнія и непогрѣшимости. Онъ самъ и гражданское право повелѣваютъ намъ обличать предъ высшею властію преступленія явныя; ибо какъ верховная власть грѣшитъ иногда по невѣдѣнію, такъ грѣшатъ и низшіе, не обличая грѣховъ, имъ завѣдомыхъ; это долгъ христіянской любви» (1). Съ такими мыслями онъ письменно обратился ко всѣмъ окружнымъ епархіяльнымъ начальникамъ: къ митрополиту Майнцкому, епископу Бранибоpскому, Іерониму Шульцу (Scultetus), инспектору церкви и Университета Виттембергскаго, человѣку весьма хорошо къ нему расположенному; епископу Мышенскому, ученому Іоанну Сальгаузену; Межиборскому князю, Адольфу Ангальтскому и Наумбургскому; герцогу Филиппу Баварскому. Онъ извѣстилъ ихъ въ подробности о дѣйствіяхъ Тецеля, очень скромно напоминая имъ священную обязанность заступиться за честь поруганной святыни, остеречь паству Христову отъ хищныхъ волковъ; въ противномъ случаѣ грозилъ выступить лично обличителемъ Тецеля предъ цѣлою Церковію (2). Альбрехтъ и двое епископовъ не отвѣчали ему ничего; четвертый отказался отъ всякого участія въ опасномъ соперничествѣ; одинъ только Бранибоpскій, изъ состраданія къ нему, совѣтовалъ предать все дѣло забвенію, не возбуждать противъ себя сильныхъ ненавистей, предсказывая ему, что онъ можетъ нажить себѣ много опасностей. Лютеръ продолжалъ со всевозможною скромностію проповѣдывать въ церкви, что «лучше давать нищимъ милостыню по повелѣнію Христову, чѣмъ покупать за деньги невѣрную благодать. Кто въ продолженіе всей своей жизни приноситъ покаяніе и всѣмъ сердцемъ обратится къ Богу, тотъ получаетъ небесную благодать и отпущеніе всѣхъ грѣховъ, пріобрѣтенное Іисусомъ Христомъ, въ силу крестной жертвы, и предлагаемое всѣмъ человѣкамъ по Его милосердію

(1) Jürg. III, p. 465.
(2) Письмо къ Примасу. См. у Аврифабра I, ep. 31, p. 38—39.

денежно, какъ сказано прямо въ пророкѣ Исаіи.» Не довольствуясь проповѣдію, онъ сталъ заводить и въ монастырѣ и въ Университетѣ частные диспуты объ этомъ вопросѣ и, какъ докторъ Св. Писанія, основывался постоянно на авторитетѣ одинхъ Пророковъ и Апостоловъ (1). Между тѣмъ, многіе Виттембергскіе прихожане возвращались назадъ съ отпускными грамотами и, къ великому соблазну Мартина, объявляли ему на исповѣди, что они не хотятъ отставать ни отъ блуда и прелюбодѣянія, ни отъ ростовщичества и незаконнаго пріобрѣтенія собственности. Онъ отослалъ ихъ безъ разрѣшенія. Духовныя дѣти его ссылались на папскія грамоты и отпуски Тецеля. Въ отвѣтъ на это, Мартинъ указывалъ на Евангельскій текстъ: «Аще не покаетеся, вси такожде погибнете» (Луки XIII, 5.). Отринутые отъ исповѣди принесли жалобу Тецелю; иные требовали возвращенія денегъ. Ярость доминиканца не знала границъ. Онъ осыпалъ Лютера ругательствами съ каѳедры, грозилъ ему отлученіемъ и, будучи инквизиторомъ, велѣлъ, для внушенія страха, какъ ему, такъ и всѣмъ Виттембергцамъ, разводить по нѣскольку разъ въ недѣлю огромные огни на площади, въ ознаменованіе того, что папа уполномочилъ его жечь еретиковъ, презирающихъ его индульгенцію (2). До сихъ поръ Лютеръ держался оборонительно, въ личныя распри съ Тецелемъ не пускался, проповѣдь его была дѣломъ домашнимъ; но теперь дѣла приняли такой оборотъ, что множество знакомыхъ и незнакомыхъ, затронутыхъ современною важностію разбираемаго вопроса, словесно и письменно понуждали его высказать свое мнѣніе рѣшительнѣе. Онъ долго отказывался; но проповѣдники прощъ съ своей стороны такъ сильно стѣснили его своими доводами, что даже величію папскаго имени грозила опасность. «Что мнѣ было дѣлать»?—спрашиваетъ Лютеръ въ письмѣ къ Іерониму;—«Мнѣ не подобало произносить въ этомъ дѣлѣ окончательнаго приговора; я боялся противорѣчить противникамъ, но они такъ упорно приводили доказательства въ защиту своихъ обмановъ, что, по правдѣ

(1) Matthesius, Walch, XV, 471—472.
(2) Myconis, Walch, XV, 471.

сказать, поставили меня вовсе въ тупикъ (me omnino captivarent atque concluderent). Дабы разомъ удовлетворить и тѣмъ и другимъ, я рѣшился не склоняться ни на чью сторону, а предварительно учредить богословское прѣніе о такомъ важномъ предметѣ, въ ожиданіи приговора Св. Церкви. Я издалъ свои положенія, приглашая и прося—публично всѣхъ, а частнымъ образомъ мнѣ лично знакомыхъ ученыхъ,—сообщить мнѣ свои мнѣнія, хотя письменно» (1). 31 Октября, 1517 года, въ самый полдень, онъ прибилъ 95 положеній, *для объясненія дѣйственности отпуска*, къ главнымъ воротамъ Виттембергскаго дворцоваго храма во имя Всѣхъ Святыхъ.

Объ этомъ дѣйствіи Лютера въ разныя времена разсуждали различно. Современные писатели о реформаціи, имѣя въ виду всеобщую извѣстность и всемірно-историческія послѣдствія этого дѣйствія, считали его истиннымъ началомъ преобразованія Лютера. Мысль эта преемственно переходила во всѣ учебники. Послушаемъ Миконія, который первыя проповѣди Лютера противъ Тецеля и индульгенцій выдаетъ за новость неслыханную. «Пока Тецель продолжалъ дѣйствовать въ Ютробокѣ,»—такъ говоритъ онъ,—«въ старинной деревянной церкви августинскаго монастыря въ Виттембергѣ, докторъ Мартинъ Лютеръ проповѣдывалъ вещи, дотолѣ неслыханныя. Почти развалившаяся со всѣхъ сторонъ, подпертая часовня, вмѣщала не болѣе 20 человѣкъ. Едва возвышавшаяся отъ земли скамеечка служила каѳедрой проповѣднику. Въ этой бѣдной, незавидной часовнѣ Богъ явилъ намъ въ послѣднее время свое святое Евангеліе; здѣсь впервые снята пелена съ Божественнаго младенца, и всему міру указанъ любезный и утѣшительный образъ Его. Не Мюнстеръ, не великолѣпные храмы и монастыри Богъ избралъ для этой проповѣди; нѣтъ! изъ бѣдной часовни исшелъ духъ Его устъ и поразилъ антихриста. Отсюда возсіялъ святый гробъ, т. е., слово Божіе, запечатанный папой и его кустодіей. Здѣсь-то докторъ Мартинъ произнесъ свое первое слово противъ отпуска и другое подъ названіемъ: «Свобода проповѣди.» То были

(1) Aurif., I, Ep. 49, p. 64.

первыя рѣчи противъ прощъ, рѣчи новыя, раздавшіяся вскорѣ по всей вселенной. Часовня стала слишкомъ тѣсна для народа, и доктору приказано было проповѣдывать въ приходской церкви. Тогда-то младенецъ Христосъ вторично принесенъ былъ въ Храмъ» (1). Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, начало реформаціи изстари положено праздновать 31 Октября, въ тотъ самый день, когда 95 положеній прибиты къ воротамъ собора. Изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ подошли ближе къ настоящему значенію спора, рѣшивши, что Лютеръ, начиная его, и не думалъ еще объявлять открытой войны первосвященнику. Сличивъ его съ предшествовавшими явленіями жизни преобразователя, Нѣмецкіе писатели пришли къ заключенію, что обнародованіе 95 положеній было дѣйствіемъ вовсе не новымъ, а естественнымъ слѣдствіемъ его давнишнихъ занятій; другіе зашли еще далѣе: они выставили мнѣніе, привлекательное новостію и не совсѣмъ лишенное основанія, что реформація зародилась и созрѣла въ цѣломъ рядѣ непрерывающихся прѣній (диспутовъ), и первое прѣніе Бернгарди принимали за исходную точку, за истинное начало преобразованія Лютера. Но это справедливо только отчасти. Матеріалы для будущаго зданія подготовлялись медленно и незамѣтно; а самое зданіе выстроилось внезапно, потому что всѣ данныя были на лицо, а подкопы подъ дряхлое тѣло Католической Церкви давно уже были ведены. При всемъ томъ, 95 положеній, 31 Октября 1517 года, до сихъ поръ еще пользуются славой всеміpно историческаго начала великаго вѣроисповѣднаго переворота. Они доселѣ считаются скорѣе начальнымъ звеномъ въ великой цѣпи преобразовательныхъ событій, нежели заключительнымъ актомъ умѣренной дѣятельности Лютера на строго Католической почвѣ. Между тѣмъ они содержаніемъ и цѣлію принадлежатъ еще вполнѣ области Западной Римской Церкви, но въ преемственности событій, конечно, открываютъ новую эпоху и религіозныхъ убѣжденій и системы дѣйствія Лютера въ отношеніи къ Риму.

Новѣйшій біографъ Лютера, разлагая 95 положеніи и

(1) Walch, XV, 468—470.

дополнительныя къ нимъ объясненія, на составныя начала, находитъ въ нихъ странную смѣсь умѣренности и монашеской робости съ стремительностію и дерзостью нападеній, особенную шаткость понятій съ неподкупною твердостію въ защищеніи сознанной истины; искреннее послушаніе установленной власти іерархіи съ умышленной, ѣдкой ироніей на всѣ лица и отрасли церковнаго управленія; трепетную нерѣшительность, бросающую сомнительный взоръ въ будущее, съ торжествующимъ предчувствіемъ и свѣтлыми соображеніями. По мнѣнію Юргенса, Лютеръ, при всемъ пламенномъ желаніи преобразованія Церкви въ ея собственныхъ нѣдрахъ, отъ лица папы и высшихъ духовныхъ сановниковъ, тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ невозможности такого преобразованія, и, въ темномъ чаяніи своей будущей всемірной значительности, уже сознаетъ себя могучимъ орудіемъ этой задачи. Онъ признаетъ Католическую Церковь и всѣ ея догматы, но признаетъ въ такомъ видѣ, что возвращеніе къ предложенному первообразу церковнаго устройства и управленія есть чистое отрицаніе современной дѣйствительности, огромный шагъ назадъ чрезъ средніе вѣка къ первобытной чистотѣ Апостольскаго Рима. 95 тезисовъ, съ ихъ толкованіемъ, объемлющія не одно какое либо частное злоупотребленіе, а всю совокупность догматовъ и цѣльность ученія Церкви, значеніе папы, чистилище, прощи, ученіе о покаяніи и благодати— правдивое зеркало, въ которомъ правительствующій папа съ трудомъ узнаетъ свой униженный образъ въ вѣковомъ искаженіи іерархическаго начала. Словомъ—это первое прямое, хотя не вполнѣ раціональное, и болѣе отрицательное, нежели положительное, нападеніе не на схоластику, а на самую Римскую Церковь.

Мнѣ кажется, что препираніе Лютера съ Тецелемъ и его сообщниками въ продолженіи 1517 и 1518 не представляетъ намъ рѣшительно ничего новаго противъ всей предшествующей его дѣятельности въ отношеніи къ мыслямъ и направленію. Главная идея—совершить преобразованія Церкви, не отрѣшаясь отъ законныхъ предѣловъ послушанія ей и главѣ ея папѣ; цѣль — хотя сколько нибудь приложить отъ себя къ совершенію этого дѣла, возбудить жизненные застои и

дремлющія силы Католицизма; противорѣчіемъ вызвать труды и изслѣдованія его лучшихъ поборниковъ, утвердить его догматы на основѣ библейской, въ посрамленіе еретикамъ; въ итогѣ—послужить интересамъ матери Церкви, возстановить ея славу и честь папскаго имени, сильно затронутаго послѣдними дѣйствіями продавцовъ прощъ.

Прежде всего, нѣтъ сомнѣнія, что Лютеръ начиналъ борьбу, безъ сознанія ея важныхъ послѣдствій. Онъ робѣлъ въ ожиданіи чего-то недобраго; но эта робость весьма естественно объясняется разнообразными внушеніями посторонихъ лицъ: Браниборскаго епископа, доктора Іеронима Шульца и цѣлой депутаціи августинскихъ монаховъ, которые описывали его смѣлое дѣйствіе прямымъ нападеніемъ на Римскаго исполина; онъ боялся весьма натурально опасностей, угрожавшихъ со стороны Рима; изъявлялъ (въ объясненіи на тезисы) свои опасенія, что можетъ подвергнуться огненной смерти, если добрыя его побужденія будутъ превратно перетолкованы въ Римской куріи. А потому, когда охладѣлъ первый пылъ благороднаго негодованія, онъ почти раскаявался въ своей поспѣшности, и самъ сознавался, съ какой нерѣшительностію, съ какимъ малодушіемъ и робостью приступалъ къ опроверженію Тецеля. «Я былъ одинъ,» — говоритъ онъ,—«и неосторожностію вовлеченъ въ это дѣло; по невозможности обратиться назадъ, я не только уступалъ папѣ во многихъ и важныхъ догматахъ, но и чистосердечно обожалъ его (ultro adorabam), ибо кто былъ я тогда?— Ничтожный монахъ, походившій скорѣе на трупъ, чѣмъ на живое тѣло, передъ величіемъ первосвященника, отъ лица котораго не только содрогались цари земные и вся вселенная, но самое небо и три стихіи природы послушны были его мановенію» ([1]). Въ отвѣтѣ на возраженіе Сильвестра Пріерія говоритъ, что «онъ не вызывался на всесвѣтныя прѣнія, случайно вовлеченный въ такое дѣло, отъ котораго молчаніемъ не могъ отдѣлаться; что, конечно, такова была о немъ воля Божія» ([2]). Въ письмѣ къ Іерониму Шульцу

(1) Walch, XVIII, Предисловіе, стр. 34.
(2) Replica adv. Silv. Prier. Walch, XVIII, §. 123, p. 188.

сознается также, что только наглость и невѣжество враговъ его вызвали его на поприще дѣйствія; въ противномъ случаѣ, *никто, кромѣ собственнаго уголка его, не зналъ бы обо его существованіи* ([1]). Эта мысль, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, повторяется въ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ, когда ему не было причины лукавить. Притомъ же начала 95 тезисовъ и ихъ объясненій не слѣдуетъ искать въ желаніи Лютера высказать мнѣніе новое, самостоятельное, безъ всякого посторонняго вызова. Онъ вовсе не хотѣлъ засвидѣтельствовать своего образа мыслей предъ лицемъ всей Германіи, какъ сдѣлалъ Гусъ въ началѣ своего поприща, и Лютеръ торжественно, на Аугсбургскомъ Сеймѣ, по прошествіи 12 лѣтъ. Прибивая 95 положеній, онъ только учреждалъ ученое прѣніе, подвергалъ вопросъ объ индульгенціяхъ совѣщанію Университетскому, не имѣя никакого намѣренія дѣйствовать на убѣжденія народа. Мысль, что положенія его разойдутся въ народѣ, получатъ важное общественное значеніе, не приходила ему въ голову. Вотъ доказательства: Въ письмѣ къ Льву X онъ говоритъ: «Можетъ быть, мнѣ одному, наравнѣ съ другими Апостольскою властію твоего Святѣйшества, удостоенному степени магистра богословія, можетъ быть, мнѣ одному не позволено въ публичной высокой школѣ, по обыкновенію всѣхъ Университетовъ и всей Церкви, препираться, и притомъ не объ однихъ только отпускахъ, а о гораздо высшихъ догматахъ вѣры, о Божественной власти, милосердіи и благодати» ([2]). Внѣшняя форма положеній есть исключительная принадлежность сочиненій ученыхъ. Прибивать ихъ къ стѣнамъ собора, на воротахъ ратуши, или на другихъ открытыхъ мѣстахъ, было общимъ обыкновеніемъ, посредствомъ котораго извѣстіе о приготовлявшемся прѣніи обнародывалось во всеобщее свѣдѣніе. Лютеръ имѣлъ полное право писать къ Льву X: «Я удивляюсь, какими судьбами одни мои положенія, мимо всѣхъ прочихъ, когда либо выставленныхъ, разошлись по вселенной, между тѣмъ какъ они были назначены только для нашей братіи,

(1) Aurif., I, Ep. 49, f. 63.
(2) Aurif., I, Ep. 51, f. 70.

и притомъ писаны такимъ языкомъ, что дивно, какъ всѣ люди могли ихъ понять. Вѣдь это не наставленіе, не догматы, а не что иное, какъ диспутъ; положенія же, какъ водится, обозначены довольно темно и загадочно. О, если бы могъ я предвидѣть, что они разыграютъ такую важную роль, я выразилъ бы ихъ гораздо яснѣе, чтобы сдѣлать ихъ для всѣхъ удобопонятными» (1). Тѣ же мысли повторяются въ письмѣ къ Іодоку Трутфеттеру 1518 года. «О положеніяхъ моихъ я и прежде писалъ тебѣ, что распространеніе ихъ по народу мнѣ вовсе не нравится. Это явленіе неслыханное» (2). Въ письмѣ къ Іерониму: «Я долженъ былъ ограничиться диспутомъ, потому что не нашелъ ни въ Св. Писаніи, ни въ учителяхъ Церкви, ни въ самомъ Каноническомъ правѣ, никакихъ точныхъ указаній на теорію отпуска. Теперь нѣтъ нелѣпости выше той, когда въ церкви предлагается людямъ ученіе, котораго невозможно оправдать противъ мнѣній еретиковъ, по недостатку доводовъ изъ слова Божія. Словомъ, я имѣлъ полное право и обязанность подвергнуть публичному прѣнію сомнительный вопросъ объ отпускахъ, по давнишней привилегіи схоластиковъ препираться о наисвятѣйшихъ истинахъ вѣры, въ которыхъ столько вѣковъ не сомнѣвалась ни одна душа христіянская» (3). И такъ 95 положеній по формѣ были не иное что, какъ вызовъ къ ученому прѣнію, какихъ было много съ начала богословскаго поприща Лютера; но здѣсь естественно рождается вопросъ: если они были назначены исключительно къ ученому спору, то по какому случаю сдѣлались достояніемъ цѣлой Германіи? Простодушный Миконій приписываетъ это явленіе непосредственному участію высшей силы: «Мартинъ, напечатавъ свои положенія, готовился препираться объ отпускахъ съ одними учеными Виттембергскаго Университета; но не прошло 14 дней, какъ они обошли всю Германію, а въ три недѣли ни болѣе, ни менѣе какъ все Христіянство, какъ будто Ангелы сами

(1) Ibid.
(2) Aurif., I, Ep. 47, f. 60, б.
(3) Aurif., I, Ep. 49, f. 64.

разносили ихъ по всѣмъ концамъ Европы» ([1]). Но это быстрое распространенiе объясняется гораздо проще: день, когда Лютеръ вывѣсилъ положенiя на воротахъ дворцовой церкви, случился тотъ самый, когда привилегiи отпуска, присвоенныя древнему и знаменитому храму съ 1398 года, привлекали къ нему многочисленныя толпы богомольцевъ. Народъ съ любопытствомъ читалъ статьи, назначенныя для публичнаго прѣнiя и, расходясь по домамъ, разносилъ ихъ съ собою. Черезъ 2 недѣли вся Германiя знала ихъ наизусть.

Убѣдившись въ тождествѣ знаменитаго прѣнiя, какъ продолженiя прежней борьбы Лютера съ сектой Өомистовъ, по формѣ и цѣли со всѣми предшествовавшими явленiями того же рода, тѣмъ болѣе, что три главныхъ его возражателя: Тецель, Сильвестръ Прiерiй и Эккъ принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ поклонниковъ Өомы Аквинскаго, представимъ въ возможно короткомъ очеркѣ содержанiе всѣхъ состязательныхъ сочиненiй, написанныхъ по этому случаю Лютеромъ, а для этого познакомимся прежде всего съ хронологическою ихъ послѣдовательностiю.

31 Октября прибиты 95 положенiй подъ заглавiемъ: «Disputatio D. M. Lutheri, pro declaratione virtutis indulgentiarum.» Тецель не успѣлъ еще письменно отвѣчать Лютеру, какъ въ концѣ 1517 года, неизвѣстно какого числа, вышло возраженiе Сильвестра Мазолини de Prierio, писанное съ крайней поспѣшностiю, по собственному признанiю автора, не болѣе какъ въ три дня, подъ заглавiемъ: «In praesumtuosas M. Lutheri conclusiones de potestate papae dialogus,» въ видѣ разговора между обѣими сторонами. Оно дышетъ ученiемъ софистовъ о высокой власти Римскаго первосвященника. По свидѣтельству самихъ Католиковъ, это сочиненiе слабое. Эразмъ говоритъ, что у заклятыхъ враговъ Лютера оно не нашло одобренiя (Walch, XVIII, 81—119). Въ слѣдъ за тѣмъ вышли два разсужденiя Тецеля. При появленiи диспута Лютерова, онъ, не будучи докторомъ, не имѣлъ права опровергать положенiй его. Для этого онъ отправился въ Франкфуртъ

(1) Walch, XV, p. 473.—Walch, XVII, p. 1706, §. 107.

на Одрѣ, и тамъ издалъ два диспута на полученіе степени доктора въ 1517 году, подъ руководствомъ профессора богословія, Конрада Вимпфена. Въ его антитезисахъ, сожженныхъ студентами Виттембергскаго Университета, сила отпуска возносится до небесъ; всѣ нелѣпости, высказанныя въ наказѣ священникамъ, повторяются съ новою силою (XVIII, 266—290). Изъ двухъ противниковъ, напавшихъ на него почти въ одно время, Лютеръ намѣренъ былъ прежде отвѣчать Пріерію, писалъ о томъ къ Спалатину въ началѣ 1518 года, но друзья его уговорили отсрочить отвѣтъ свой, дабы не раздражить папы. Вальхъ полагаетъ, что первымъ сочиненіемъ Лютера, послѣ изданія диспутовъ Тецеля, была Нѣмецкая проповѣдь, напечатанная въ концѣ 1517 года, подъ заглавіемъ: «Sermon von Ablass und Gnade» (XVIII, 533—539). Тецель немедленно отвѣчалъ ему опроверженіемъ: «Verlegung wider einen vermessenen Sermon von 20 irrigen Artikeln» (XVIII, 539—564), вышедшимъ, безъ сомнѣнія, въ началѣ 1518 года. Оно, вмѣстѣ съ опроверженіемъ Лютера въ другой Нѣмецкой проповѣди: «Eine Freiheit des Sermons päpstlichen Ablass und Gnade belangend. D. M. Luther wider die Verlegung» (XVIII, 564—581), составляетъ весьма важный памятникъ и лучшее толкованіе 95 положеній. Лютеръ, давно уже занимавшійся приготовленіемъ подробнаго объясненія тезисовъ, по окончаніи его, не отдавая въ печать, разослалъ три писанныхъ его экземпляра къ папѣ, епископу Бранибορскому и доктору Ступицу. Это случилось въ Маѣ 1518 года, ибо письма, приложенныя къ этой посылкѣ, означены 30 числомъ этого мѣсяца; но въ печати объясненіе вышло не раньше, какъ въ Августѣ 1518 года, подъ заглавіемъ: «Resolutiones» (XVIII, 290—533). Между тѣмъ въ то время, какъ оканчивались споры Лютера съ Тецелемъ его послѣднею проповѣдію, а «Resolutiones» еще не вышли изъ-подъ пера августинца, третій непріятель, Іоаннъ Эккъ, вооружился противъ положеній. Замѣчанія его, подъ названіемъ «*Обелисковъ*», до того ѣдки и дерзки, что Лютеръ называетъ ихъ василисками, и въ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ жалуется на неприличіе и грубость языка Эккова: они тотчасъ же вызвали знамени-

тое возраженіе Андрея Карлштадта. Когда слухи о готовившемся отвѣтѣ Карлштадта дошли до Экка, онъ просилъ его письменно помянуть ихъ старую дружбу и отложить всякіе споры, добровольно отрекаясь отъ своихъ Обелисковъ. Письмо Экка пришло слишкомъ поздно; 9 Мая, 1518 года Карлштадтъ уже издалъ 406 положеній подъ заглавіемъ: «Andreæ Carolostadini doctoris 406 apologeticæ conclusiones pro sacris literis,» въ которыхъ сильно бичуетъ всю огромную секту схоластиковъ (XVIII, 657—704). Эккъ отвѣчалъ сочиненіемъ: «Monomachia» 1518 года (XVIII, 704), въ отвѣтъ на которое Карлштадтъ издалъ пространное и мѣткое опроверженіе: «Defensio adversus Monomachiam» (XVIII, 704—796). Наконецъ Лютеръ и самъ заступился за честь своихъ положеній и, 10 Августа, 1518 года, напечаталъ небольшое сочиненіе Латинское: «Asterisci Lutheri adversus obeliscos Eccii» (XVIII, 796—858). Послѣднее сочиненіе, предшествовавшее допросу его въ Аугсбургѣ кардиналомъ Каетаномъ, было давно отлагаемый и давно ожиданный отвѣтъ на возраженіе Сильвестра Пріерія: «D. M. Lutheri responsio adversus Silv. Pr. dialogum.» Оно, какъ видно изъ двухъ писемъ Лютера, вышло не ранѣе, какъ въ самомъ концѣ Августа мѣсяца (XVIII, 120—200). Этимъ оканчивается споръ объ индульгенціяхъ, продолжавшійся съ небольшимъ годъ. Весьма замѣчательно, что всѣ, относящіяся къ нему, сочиненія удобно вставляются въ ту часть дѣятельности Лютера, гдѣ онъ писалъ и дѣйствовалъ еще совершеннымъ католикомъ. Разрѣшеніе спора на преніи съ Каетаномъ было первымъ началомъ его отдѣленія отъ Западной Церкви.

Положенія Лютера, которыя при первомъ взглядѣ могутъ показаться набросанными безъ всякого порядка, согласно съ взволнованнымъ расположеніемъ духа писавшаго, если вглядѣться въ нихъ пристальнѣе, являютъ стройную систематическую послѣдовательность, въ которой легко разгадать господствующую идею творца ихъ. Нападеніе направлено на продажу прощъ; казалось бы, Лютеру слѣдовало начать съ опроверженія этихъ послѣднихъ; напротивъ, начальныя положенія (отъ 1-го до 4-го) обращены прямо на

истинное опредѣленіе таинства покаянія. Между прежними его занятіями и началомъ спора съ доминиканцемъ не было промежуточнаго событія, которое могло бы охладить «его горѣвшіе помыслы,» отвлечь вниманіе его отъ любимаго предмета его помышленій. Да и всѣ послѣдующія положенія, имѣющія цѣлію возстановить настоящее понятіе объ индульгенціи (отъ 5-го до 91-го), не столько имѣютъ въ виду отрицаніе ложной теоріи единичнаго злоупотребленія, сколько внутреннюю связь его съ ученіемъ объ оправданіи. Послѣднія 4 положенія заключаютъ въ себѣ новый, быстрый поворотъ къ покаянію, какъ къ точкѣ исхода цѣлаго прѣнія. Это стройный анализъ и синтезисъ ученія, глубоко передуманнаго, приведеннаго въ умѣ преобразователя къ строгому сознанію, а въ письменномъ изложеніи для ученаго свѣта къ положительнымъ выводамъ. Какіе же это выводы?

«Таинство покаянія,»—говоритъ Лютеръ,—«по словамъ новѣйшихъ учителей, дѣлится на три части: сокрушеніе, исповѣдь и удовлетвореніе.» Изъ уваженія къ Церкви, онъ допускаетъ это дѣленіе, хотя и сознается, что оно съ трудомъ находитъ подтвержденіе въ Св. Писаніи и въ древнихъ учителяхъ Церкви (1). Эта оговорка подала поводъ Пріерію обвинить его въ отрицаніи третьей части таинства, «чистилища и всѣхъ покаянныхъ каноновъ.»—«Такъ прибавь же и небо и землю,»—отвѣчалъ ему Лютеръ,—«чтобы все было вмѣстѣ» (2), то есть, положеніе, вопреки обвиненію, свидѣтельствуетъ о противномъ. «Богъ не прощаетъ вины кающемуся, пока онъ не подвергнется рѣшенію священника, намѣстника Божія.» Здѣсь оправдывается законность и исповѣди, и эпитимьи, налагаемой по распоряженію служителя таинства.

Эпитимья въ первоначальной Церкви заключалась въ опредѣленномъ количествѣ и времени совершенія покаянныхъ подвиговъ, налагаемыхъ на человѣка. Лютеръ не опровергаетъ ея, а только доказываетъ, что постъ, молитва и

---

(1) Sermon v. Ablass und Gnade, Walch, XVIII, § 1, p. 533.
(2) Replica, XVIII, § 91, p. 169.

милостыня не должны быть налагаемы на кающагося, въ видѣ удовлетворенія, т. е., какъ нѣчто, восполняющее силу разрѣшенія священника. Оно свято, хотя бы священникъ давалъ его изъ разсчетовъ человѣческихъ, по легкомыслію, или даже съ нечистыми побужденіями сердца, лишь бы кающійся принималъ его съ сокрушеніемъ сердца и съ вѣрою въ разрѣшительное обѣтованіе. Богъ даромъ даетъ отпущеніе, и нѣтъ нужды, даже въ высшей степени богопротивно, налагать уже послѣ разрѣшенія благочестивыя упражненія, помогающія дѣйствовать благодати ([1]). «Отъ того въ старину такъ называемыя «paenæ canonicæ,» или эпитимьи за грѣхи совершенные налагались не по разрѣшеніи, а прежде, для испытанія искренности покаянія» ([2]). «Онѣ оканчивались вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ. Такъ Іеронимъ разрѣшилъ свою Фабіолу, Св. Амвросій императора Ѳеодосія. Такой порядокъ въ дѣйствіяхъ таинства подробно предписывается въ 3-й книгѣ посланій Священномученика Кипріана и въ Діонисіевой книгѣ церковной іерархіи. Самъ Христосъ разрѣшилъ Магдалину и жену блудницу не прежде, какъ когда онѣ пролили обильныя слезы, помазали мνромъ Св. ноги Его, и явили глубокое и смиренное раскаяніе. Іосифъ подвергъ своихъ братьевъ многократному тяжелому испытанію, чтобы узнать ихъ раскаяніе и оцѣнить искренность примиренія съ нимъ и младшимъ братомъ» ([3]). И въ Астерискахъ: «Церковь не требуетъ послѣдующей, удовлетворяющей эпитимьи по разрѣшеніи (см. 12-й тезисъ), ибо, хотя и существуетъ въ настоящее время обычай нести наказаніе по разрѣшеніи, но въ старину такъ не дѣлалось. Развалина древняго порядка вещей еще осталась у насъ, въ сохранившемся доселѣ обычаѣ—не получать разрѣшенія, не принявши напередъ обязательства подвергнуться назначенной эпитимьѣ, въ доказательство, что отпущеніе грѣховъ дается Церковію по наказаніи. Мнѣ кажется, лучше отказать себѣ во вкушеніи Евхаристіи въ самый день Пасхи, если

(1) Resolutiones, XVIII, p. 321—324.—Replica, XVIII, §. 139, p. 193.
(2) 12-е положеніе.
(3) Resolutiones, XVIII, p. 344—345.

великому таинству не предшествовала предварительная эпитимья» ([1]).

Это отрицаніе необходимости *удовлетворенія въ таинствѣ* и мысль, что отпущеніе грѣховъ совершается даромъ, могло бы навести подозрѣніе (въ чемъ дѣйствительно противники обвиняли Мартина), что Лютеръ тогда уже отвергалъ необходимость добрыхъ дѣлъ для спасенія, приписывая его одному всемогущему дѣйствію вѣры. Но противъ этого возраженія, которое Лютеръ какъ бы предвидѣлъ, направлено почти исключительно все его препираніе; онъ именно защищаетъ коренное начало вѣры: вѣра безъ дѣлъ мертва есть, потому что продавцы прощъ обѣщали вѣчное блаженство за деньги безъ соотвѣтствующихъ добродѣтелей. Позднѣе роли перемѣнились: тогда преобразователь явился нововводителемъ, а прежніе нововводители стали твердой ногой на оставленную имъ стезю единственно здраваго пониманія вѣры.

Кромѣ таинства покаянія, оставляемаго Лютеромъ въ его схоластической формѣ, кромѣ таинства покаянія, какъ дѣйствія частнаго, «никто не можетъ отрицать,» — говоритъ онъ, — «необходимости другаго покаянія, внутренняго, которое должно продолжаться во всю жизнь человѣка, повторяться каждую минуту его бытія, выражаться въ постоянныхъ внѣшнихъ дѣлахъ благочестія.» Лютеръ такъ переполненъ этою мыслію, что начинаетъ съ нея свое прѣніе. «Господь и учитель нашъ Іисусъ Христосъ, сказавши: ««Покайтеся!»» хотѣлъ, чтобы вся жизнь человѣка была непрерывнымъ подвигомъ покаянія. Это слово не можетъ относиться къ таинству покаянія, т. е., къ исповѣди и удовлетворенію, совершаемымъ служеніемъ священника» ([2]). Причина и объясненіе приводятся въ «Resolutiones,» потому что таинственное (сакраментальное) покаяніе (sacramentliche Busse) совершается только въ опредѣленныя времена и не можетъ повторяться ежеминутно. Въ противномъ случаѣ, кающемуся пришлось бы говорить безпрестанно съ духов-

---

(1) Asterisci, XVIII, p. 804.
(2) Первыя два положенія.

нымъ отцомъ, и вся жизнь его проходила бы въ одной исповѣди и въ исполненіи наложенной эпитимьи. Не въ томъ заключается умерщвленіе плотскихъ похотей и крестъ постоянный, налагаемый на насъ Іисусомъ Христомъ. Удовлетвореніе сакраментальное, какъ установленное Церковію, можетъ быть и измѣнено, по распоряженію Церкви, а удовлетвореніе Евангельское есть законъ непреложный, ни въ какое время не допускающій измѣненія, какъ вѣчная, постоянная жертва смиреннаго и сокрушеннаго сердца» (1).

И такъ *удовлетворенію сакраментальному*, т. е., Церковной эпитимьѣ, противополагается прямо обязанность внутренняго пожизненнаго покаянія, состоящаго въ умерщвленіи плоти, и ему-то Лютеръ, въ отличіе, даетъ характеристическое названіе *удовлетворенія Евангельскаго* (die Evangelische Busse oder Genugthuung, von Gott aufgesetzt) (2).

«Но подъ словомъ: покайтеся! Христосъ разумѣетъ не одно только внутреннее покаяніе. Оно ничтожно и не дѣйствительно, когда не дѣйствуетъ въ разнообразныхъ внѣшнихъ подвигахъ умерщвленія плоти» (3).

«Евангельское удовлетвореніе имѣетъ два главные вида: страданіе и дѣйствіе, потому что покаяніе состоитъ болѣе въ терпѣніи, нежели дѣйствіи; самое дѣйствіе все же основано на лишеніи или самопожертвованіи, и отъ него, какъ источника, заимствуетъ свою силу.» Стало быть, главные виды удовлетворенія Евангельскаго—милосердіе къ ближнему и самоотверженіе въ отношеніи къ самому себѣ. Отсюда и выраженіе казни, прилагаемое Карлштадтомъ и Лютеромъ Евангельскому удовлетворенію. «Упованіе лучшей жизни исходитъ отъ Бога Его благодатію, а благодать дѣйствуетъ не въ опущеніи, а преимущественно въ наложеніи казней, по слову Апостола» (1 Кор. XII, 9.).

(1) Resolutiones, XVIII, p. 293—294.
(2) Resolut., p., 391.—Freiheit des Sermons, XVIII, §. 19, p. 570.
(3) 3-е положеніе.

Частные виды умерщвленія плоти суть тѣ же, давно извѣстные, подвиги благочестиваго упражненія: постъ, молитва и милостыня.

Но эти самые виды предписываются и въ Церковной эпитимьѣ или сакраментальномъ удовлетвореніи. Какая же разница между тѣмъ и другимъ?

Лютеръ отвѣчаетъ съ необыкновенной ясностію: «Три вида удовлетворенія: постъ, молитва и милостыня, что касается сущности каждаго изъ нихъ, не относятся къ сакраментальному покаянію, потому что они заповѣданы Іисусомъ Христомъ; они принадлежатъ ему, по скольку опредѣляется извѣстная мѣра и срокъ совершенія ихъ, по установленію Церкви, а именно: сколько должно молиться, поститься и давать милостыни; какія произносить молитвы, какую употреблять пищу и какія творить дѣла милосердія. Въ Евангельскомъ же удовлетвореніи постъ заключаетъ въ себѣ всѣ возможные виды умерщвленія плоти, безъ различія въ качествѣ пищи, или одежды; молитва объемлетъ всѣ упражненія духа, благочестивыя размышленія, чтенія и молитвы; милостыня—всѣ дѣла милосердія къ ближнему (1). Различіе въ объемѣ и времени даетъ совершенную разницу и во внутреннемъ характерѣ того и другаго удовлетворенія. Первое, какъ дѣйствіе, имѣющее начало и конецъ, основано на количественномъ исчисленіи дѣлъ, совершаемыхъ только наружно, безъ внутренняго исправленія сердца; второе, сопутствующее человѣку отъ колыбели до гроба, предполагаетъ необходимо предварительное очищеніе вѣрою и есть слѣдствіе благодати. Отсюда гармоническое соотношеніе благодати и собственныхъ дѣлъ человѣка въ дѣлѣ спасенія; одно безъ другаго не существуетъ; полнота духовнаго совершенства заключается въ ихъ соразмѣрности. Правосудіе Божіе не требуетъ казни или удовлетворенія отъ грѣшника, а только сердечнаго и искренняго раскаянія, съ намѣреніемъ впередъ нести крестъ Христовъ и, по собственному побужденію, творить вышесказанныя дѣла: постъ, молитву и милостыню. Начало всему—вѣра во Христа,

(1) Resolutiones, XVIII, p. 293.

Который даромъ даетъ отпущеніе и старается возбудить въ человѣкѣ безнадежность въ спасительное дѣйствіе произвольныхъ удовлетвореній, дабы онъ возчувствовалъ ненависть ко грѣху, и этимъ путемъ пришелъ къ истинному сокрушенію и удовлетворенію; *лучшее же удовлетвореніе есть исправленіе жизни»* ([1]).

Отразивъ такимъ здравымъ сужденіемъ козни противниковъ, обвинявшихъ его въ уничтоженіи добрыхъ дѣлъ, составляющихъ сущность покаяннаго удовлетворенія, Лютеръ увидѣлъ себя принужденнымъ защищать свое мнѣніе съ противоположной стороны, какъ придающее слишкомъ много заслуги человѣческому дѣланію, и тѣмъ отрицающее силу заслуги Христовой. Этотъ нежданный оборотъ мысли принадлежитъ послѣднему возражателю, Экку. Странно видѣть, что Эккъ, который не далѣе, какъ черезъ годъ, на Лейпцигскомъ прѣніи отстаивалъ противъ Карлштадта и Лютера достоинство свободной воли и дѣлъ человѣка, теперь обвиняетъ ихъ въ томъ, что они ничего не оставляютъ на долю милосердію Божію. Это было воздѣйствіемъ самого Лютера, котораго ученіе о благодати, продолжаемое неутомимо съ 1512 года, уже нашло отголосокъ въ черствой доктринѣ схоластиковъ. Они обратили въ свою пользу его же изслѣдованія и теперь хотятъ поразить его собственнымъ оружіемъ. Но эта система дѣйствія слишкомъ знакома ему, какъ прошедшему собственнымъ опытомъ всѣ ухищренія софистической діалектики. Онъ радъ случаю съ своей стороны засвидѣтельствовать пользу и совершенную необходимость добрыхъ дѣлъ человѣка, безъ которыхъ вѣра мертва, и такимъ образомъ обезопасить себя противъ будущихъ нападеній. Онъ успѣшно рѣшилъ эту задачу въ своихъ Астерискахъ: «Я утверждаю, что третья часть таинства не имѣетъ основанія въ Библіи; но всею силою отстаиваю добрыя дѣла, заповѣданныя Богомъ, или страданія и казни, Имъ налагаемыя» ([2]). «Эти послѣднія, вопреки

---

(1) Resolutiones. p. 534.—p. 322.—p. 309. Freiheit des Sermons, §. 15, p. 568—569.

(2) Freiheit des Sermons, XVIII, §. 17, p. 569.

Экку, *не удовлетвореніе только, а заслуга,* по слову Апостола, что избраннымъ все *служитъ* въ пользу. Да и самые схоластики сознаются, что удовлетвореніе есть вмѣстѣ заслуга. Отсюда слѣдуетъ, что индульгенція ниже удовлетвореній; потому что лучше и удовлетворять и *заслуживать* разомъ, чѣмъ наслаждаться празднымъ удовлетвореніемъ. Я отрицаю только двойное наказаніе, потому что Креститель, посланный для того, чтобъ научить насъ истинному покаянію, не налагалъ никакого удовлетворенія, а давалъ только правила жизни». ([1])

Эккъ возражаетъ: «Горькое страданіе Христово должно восполнять недостаточность дѣлъ человѣка; ибо, если бы нужно было человѣку терпѣть на землѣ всякое зло, наказаніе и крестъ, то значило бы, что Христосъ безполезно побѣдилъ смерть, безполезно искупилъ родъ человѣческій.— «Противникъ же мой»,—говоритъ Эккъ,—«отъ всеміpнаго общенія заслуги Христовой обращается къ частнымъ заслугамъ каждаго человѣка. Отсюда великое заблужденіе, что заслуга Христова не есть безконечное сокровище». ([2])

Отвѣтъ Лютера весьма замѣчателенъ:

«Я желалъ бы, чтобъ заслуга Христова считалась не столько избавленіемъ отъ смерти, креста и ада, сколько побужденіемъ къ тому, чтобъ Христіанинъ, истинно любящій своего Искупителя, искалъ не избавленія отъ этихъ казней, а, по примѣру Его и изъ любви ко Христу, стремился къ нимъ всей полнотою желанія.» ([3])

«Христіанинъ»,—гласитъ Эккъ въ свою очередь,—«долженъ скорѣе возложить упованіе на заслугу Христову, чѣмъ опираться на собственное достоинство при отпущеніи казней и муки. Ибо исполнившій и весь законъ все же долженъ признавать себя неключимымъ рабомъ.»

Отвѣтъ Лютера отзывается ироніею опытнаго учителя, принимающаго наставленія отъ недозрѣлаго ученика.— «Если бъ Эккъ говорилъ здѣсь объ отпущеніи вины, его,

---

(1) Asterisci, XVIII, p. 838—839.

(2) Ibid. 844—845.

(3) Ibid.

слово было бы золотое, и я охотно облобызалъ бы ноги его. Да будетъ проклятъ, кто всѣмъ сердцемъ не уповаетъ на сокровище заслуги Христовой! Не о томъ ли и самъ я учу, пишу, думаю, умоляю и вопію, что есть силы: оно служитъ не къ опроверженію, а къ лучшему доказательству моего мнѣнія. Но такъ какъ бѣдный нашъ богословъ прилагаетъ слова эти къ отпущенію казни, то прямо противорѣчитъ слову Христову. Онъ хочетъ, чтобъ человѣкъ полагался на отпущеніе казни, употребляя заслугу Христову во зло, для ложнаго успокоенія.... Я утверждаю, что заслуга Христова и благороднѣе и драгоцѣннѣе, когда производитъ крестъ и страданія, чѣмъ когда опускаетъ ихъ. И такъ она можетъ вмѣняться намъ въ пользу: 1) какъ главное основаніе нашей надежды и оправданія, по слову Апостола, т. е., Усвоившій намъ Свою праведность понесеніемъ грѣховъ нашихъ; 2) какъ побудительная причина къ подражанію Христу, чтобы и мы тоже дѣлали *и за себя и за другихъ*. Объ этихъ-то двухъ отношеніяхъ говоритъ Августинъ, называя жизнь Спасителя таинствомъ и примѣромъ: таинствомъ, оправдывающимъ насъ въ духѣ, безъ участія собственныхъ силъ;—примѣромъ, какъ побуждающую къ подражанію Христу во плоти» ([1]).

Что касается теоріи индульгенцій, то Лютеръ разсматриваетъ ее въ современномъ значеніи и возводитъ къ первоначальному. Онъ рѣшительно отвергаетъ систему Ѳомы Аквинскаго о преизобилующей заслугѣ Христа и Святыхъ, какъ капиталѣ, находящемся въ полномъ распоряженіи папы. Онъ указываетъ заслугѣ Христовой настоящее мѣсто въ ученіи объ оправданіи: «сокровище отпуска не можетъ быть заслуга Христа и Святыхъ Его; ибо эта послѣдняя безъ участія папы производитъ благодать во внутреннемъ, и крестъ, смерть и адъ во внѣшнемъ человѣкѣ» ([2]). Другую, болѣе умѣренную, теорію, въ слѣд-

---

(1) Asterisci, XVIII, p. 847—849. Слѣдовательно, Лютеръ вѣритъ въ заслуживающее (meritorium) свойство добрыхъ дѣлъ. Въ письмѣ къ Спалатину 14 Янв. 1518 г. говоритъ, что всякое доброе дѣло приноситъ пользу сперва совершающему, а потомъ цѣлой Церкви, и на этомъ основаніи совѣтуетъ за души усопшихъ совершать дѣла милосердія. Aurif., I. Ep. 36, f. 46.

(2) 60-е положеніе

ствіе которой индульгенція папы освобождаетъ отъ грѣха и вины по волѣ его, въ силу данной ему власти вязать и рѣшить, онъ также считаетъ противною слову Евангельскому. За то съ уваженіемъ принимаетъ отпускъ, какъ одно изъ древнѣйшихъ постановленій Церковныхъ, въ смыслѣ отпущенія эпитимьи, съ тою разницею, что въ Апостольской Церкви для этого дѣйствія требовалось согласіе общины, а въ Церкви папистовъ—начальническое распоряженіе папы. Изъ пяти наказаній: 1) мученій ада; 2) чистилища; 3) Евангельскаго свободнаго удовлетворенія; 4) особыхъ примѣровъ исправительныхъ казней, налагаемыхъ Богомъ, и 5) наказаній, наложенныхъ папскими узаконеніями, только послѣднее можетъ составить предметъ индульгенціи (1). Прочія могутъ по волѣ Божіей предотвращаться Церковной молитвой, но не властію папскаго судопроизводства. Первое мѣсто между этими казнями занимаетъ чистилище. Лютеръ повторяетъ здѣсь прежнее мнѣніе, что оно независимо отъ судебнаго вѣдомства папы, а потому: «Духъ Святый правильно дѣйствуетъ въ папѣ, когда онъ въ канонахъ своихъ исключаетъ послѣднія минуты и загробную жизнь человѣка, когда онъ даетъ отпущеніе душамъ усопшихъ не въ силу власти ключей, которая въ этомъ случаѣ ему не дана, а въ видѣ заступника, или ходатая (2), потому что, если бы власть ключей простиралась и на чистилище, они могли бы избавить всѣ души, и папа поступилъ бы жестоко, не упраздняя чистилища». (3)

Стало быть, Лютеръ и здѣсь не отвергаетъ отпуска, но принимаетъ его въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. «Я уважаю индульгенцію, принимаю ее, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ софисты» (4). Эти послѣдніе, продавцы индульгенцій и общее мнѣніе признавали за нею несравненно высшую силу. Они простирали ее, говоря языкомъ Лютеровымъ, не на одно сакраментальное, но и на Евангельское удовлетвореніе, на чистилище и самый адъ. Тройная корона

(1) 5 е и 20 положенія.
(2) 9-е и 26 положенія.
(3) Resolutiones, XVIII, p. 401.
(4) Ibid. p. 336

первосвященника служила величавымъ символомъ его верховнаго владычества надъ всею Церковію, воинствующею на землѣ, страдающею въ аду и чистилищѣ, и торжествующею на небесахъ. Лютеръ, опровергая эти представленія о папскомъ величіи, указываетъ причины историческія, въ слѣдствіе которыхъ простая теорія подверглась такому многосложному искаженію: «Плевелы, состоящіе въ томъ, что дѣла удовлетворенія, положенныя папскими узаконеніями, перенесены на казни чистилища, посѣяны были въ то время, когда дремали епископы (1). Безконечное празднаглаголаніе проповѣдниковъ отпуска, по моему мнѣнію, произошло отъ безпечности, утратившей его первобытное значеніе. Во время оно, когда Церковныя наказанія были явленіемъ новымъ, прощеніе 4-хъ дней покаянія уже считалось значительнымъ; въ послѣдствіи стали давать индульгенціи на сотни и тысячи дней, на сотни и тысячи лѣтъ. Щедрая раздача росла съ каждымъ днемъ безъ соразмѣрности; потомъ стали давать отпущеніе извѣстной части грѣховъ, и наконецъ и всесовершенное разрѣшеніе всѣхъ грѣховъ. Теперь, отъ одного слова папы, мы даемъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ; разрѣшенный преступникъ по смерти немедленно восходитъ на небо, и папа имѣетъ право дарить вѣчное блаженство, кому пожелаетъ. О безразсудность!» (2).

При всей точности этого историческаго обзора нельзя не замѣтить, что Лютеръ не обращаетъ надлежащаго вниманія на главную идею, лежащую въ основаніи выродившейс теоріи, а именно: вставку понятія объ отпущеніи грѣха и вины въ индульгенцію, первоначально имѣвшую предметомъ только отпущеніе казни. Этотъ важный поворотъ мысли Лютеръ нигдѣ не выставляетъ впередъ; касается его мимоходомъ (отъ 62 до 68 и 76 тезисъ), поставляя въ параллель безплодную силу отпуска, который только внѣшнему человѣку доставляетъ ослабу, не истребляя корня грѣха, съ преизобилующею благодатію Евангелія, убѣляющаго самый грѣхъ. Разсуждая правильно объ истинномъ значеніи

(1) 11-е положеніе.

(2) Resolutiones. 406. 407. 494, 403. 404.

отпуска, онъ нигдѣ не смотритъ на его современное употребленіе, какъ на чистое отрицаніе таинственной силы 4-го таинства, отчисленіемъ къ ней существенной силы послѣдняго—разрѣшать человѣка отъ *грѣха и вины*. Напротивъ, законную власть индульгенціи—отпускать Церковныя эпитимьи, считаетъ значительной привилегіей іерархической власти, выводя ее изъ того же обѣтованія Христова, на которомъ основана власть отпускать грѣхи въ покаяніи.—Еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ (Матѳ. XVI, 19.). Другими словами: онъ не ставитъ индульгенціи въ зависимость отъ таинства, какъ чисто внѣшнее дополненіе къ порядку его совершенія, а соподчиняетъ и то и другое, какъ два независимыя другъ отъ друга преимущества священнаго сана, одному и тому же обѣтованію Христову. Здѣсь еще видно вліяніе іерархическихъ представленій Мартина, отъ которыхъ онъ не можетъ вполнѣ отрѣшиться; какая-то смѣсь самыхъ здравыхъ понятій объ индульгенціи съ глубоко укоренившимся къ ней уваженіемъ,—конечно, болѣе мнимымъ, нежели дѣйствительнымъ, потому что онъ въ сущности лишаетъ ее всѣхъ великихъ преимуществъ, которыми украсили ее ласкатели папскіе. Вообще на богословское значеніе отпуска во всемъ спорѣ съ Тецелемъ мало обращаетъ вниманія, а болѣе смотритъ на индульгенцію съ ея нравственной стороны, которою она собственно дѣйствовала на массы народныя. Это практическое направленіе полемики Лютера объясняется вполнѣ современными обстоятельствами. Проповѣдники отпуска, Тецель и всѣ его единомышленники не только не давали народу наставленій о вѣрѣ и нравственности, но, обѣщаніемъ царства небеснаго за безплодное дѣло покупки индульгенціи, освобождали его отъ всякихъ обязанностей нравственной жизни. Такая разрѣшительная проповѣдь на всѣ грѣхи плоти пришлась совершенно къ чувственному характеру грубаго Нѣмца. Не обѣщаніе царства небеснаго, не благодать отпущенія грѣховъ, но свобода грѣшить безнаказанно сильнѣе всего поразила его воображеніе, и онъ простодушно ссылался на эту свободу, когда требовалъ разрѣшенія Лютера. Здѣсь

впервые открывалась послѣднему великая бездна между собственнымъ глубоко религіознымъ характеромъ и лукавствомъ умышленно грубаго пониманія народа. Онъ увѣрился собственнымъ опытомъ, какъ безполезны для такихъ слушателей его прежнія проповѣди, и рѣшился заговорить для нихъ языкомъ болѣе понятнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ двухъ Нѣмецкихъ проповѣдяхъ, назначенныхъ исключительно для невѣжественныхъ мірянъ, онъ съ особенною силою настаиваетъ на безполезность и вредное вліяніе отпуска, избавляющаго отъ обязанности—совершать хотя скудные подвиги умерщвленія плоти въ налагаемой Церковью эпитимьѣ. Здѣсь, въ практическомъ примѣненіи отпуска къ человѣческой жизни, онъ унижаетъ его по достоинству. Между тѣмъ какъ 71-е положеніе Лютера: «кто говоритъ противъ истины папской индульгенціи, да будетъ проклятъ!» содержитъ въ себѣ краснорѣчивое оправданіе самой теоріи, возведенной къ состоянію первобытной ея чистоты; выразительная оговорка въ 72-мъ положеніи: «но кого соблазняютъ дерзкія и самовластныя рѣчи продавцевъ индульгенцій, на того да не сойдетъ благословеніе Божіе!» открываетъ его намѣреніе всѣми силами вооружиться на беззаконность практическаго ея исполненія. Эта послѣдняя мысль развивается почти исключительно во всѣхъ сочиненіяхъ этого цикла для народа, въ самомъ простомъ изложеніи, безъ всякой, по возможности, примѣси ученыхъ понятій, отчасти въ замысловатыхъ аллегоріяхъ, подобныхъ той, что какой-то покойникъ, вооруженный индульгенціей, явился ко вратамъ ада и, ссылаясь на ея силу, просилъ избавленія отъ адскихъ мукъ. Діаволъ выходитъ на встрѣчу и начинаетъ читать отпускную грамоту, но, во время этого чтенія, отъ сильнаго пекла таетъ воскъ папской печати и загорается бумага; по истребленіи же документа, діаволъ повлекъ за собою грѣшника въ адскую бездну. Для ученыхъ защитниковъ отпуска и продажи его, Лютеръ говоритъ языкомъ убѣжденія, старается разшевелить ихъ уснувшую совѣсть, побороть ихъ учеными доказательствами. «Сердце мое»,— говоритъ онъ,—«обливается кровію, когда вижу, съ какимъ усердіемъ стараются натолковать простому народу величіе

и дѣйственность прощъ, тогда какъ чернь и безъ того уже слишкомъ склонна къ злоупотребленію свободы.... Я не мѣшаю покупать прощи, кто пожелаетъ, лишь бы только продажѣ ея сопутствовало наставленіе къ посту, молитвѣ и милостынѣ, какъ къ лучшимъ дѣламъ удовлетворенія. Старайтесь найти такихъ скромныхъ проповѣдниковъ прощъ, которые умѣли бы отдѣлять сѣмя отъ плевелъ, и мы первые благословимъ ихъ усилія ([1]). Братья! будемъ говорить въ разумѣ и въ духѣ христіанской свободы! Вѣдь вы отрицать не можете, что проща не иное что, какъ опущенное удовлетвореніе, а удовлетвореніе не иное что, какъ добрыя дѣла, посты, молитва и милостыня» ([2]). Въ 43 положеніи Лютеръ, по старымъ воспоминаніямъ о прѣніи Бернгарди, утверждалъ, что несравненно полезнѣе дать нищему милостыню, чѣмъ купить прощу. Возражатели его не устыдились повторить дѣловое выраженіе что это не относится къ бѣднымъ, не дошедшимъ до послѣдней степени крайности. «Слушайте и поучайтесь»,—возглашаетъ Мартинъ съ презрѣніемъ и досадой: «Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!» Вотъ какія рѣчи ведутъ христіанскіе учители! Благодаритъ васъ, какъ лучшихъ поборниковъ своихъ, прекрасный звѣрь *филаргирисъ* (сребролюбіе). Впередъ не такъ страшно будетъ намъ слышать, какъ Турки оскверняютъ наши храмы и крестъ; среди насъ живутъ во сто разъ худшіе Турки, попирающіе ногами слово Божіе, единственную нашу святыню.—Вотъ плоды благословеннаго схоластическаго богословія! О вы! не богословы, а вѣрнѣе плутословы, взвѣшивающіе на вѣсахъ неправды нищету требующихъ! Какой Ангелъ позволилъ себѣ когда такія мелочныя ограниченія? Стало быть, не нужно помогать неимущимъ, одѣвать нагихъ, посѣщать больныхъ, не нужно совершать ни одного дѣла милосердія и любви, пока не убѣдимся, что жизнь бл. жняго виситъ на волоскѣ? Или не видите, какъ ваши схоластики извращаютъ Писаніе?» ([3]).

(1) Replica, XVIII, p. 173—174.
(2) Ibid. §. 104, 176—177.
(3) Replica, XVIII, §. 107, p. 179; Freiheit des Sermons, §. 22—25, p. 571—572; Asterisci, p. 840.

Какое же послѣднее слово Лютера объ индульгенціи? «Она дѣйствительно хороша и полезна, но только для ветхаго человѣка, для христіянъ лѣнивыхъ и несовершенныхъ; потому что лучше получить разрѣшеніе отъ наказанія, чѣмъ стропотно переносить его (1); но она никого не вызываетъ къ усовершенствованію, а терпитъ и допускаетъ всѣ недостатки (2). Она не содѣйствуетъ блаженству, а только освобождаетъ отъ казней, постановленныхъ въ каноническомъ правѣ. Какая же отъ нея польза? Ни раскаянія, ни сокрушенія сердца, ни вѣры, ни благодати, а просто отпущеніе казней внѣшняго человѣка (3). Между тѣмъ, какъ истинное раскаяніе и сокрушеніе любитъ наказаніе и ищетъ его, индульгенція отрѣшаетъ отъ казни и внушаетъ къ ней отвращеніе. А потому чрезвычайно трудно, даже ученѣйшему богослову, въ одно время и выхвалять предъ народомъ высокое сокровище отпуска, и побуждать къ раскаянію и истинному сожалѣнію о грѣхахъ. Отсюда видно, съ какою осторожностію слѣдуетъ проповѣдывать папскую прощу, не обольщая простой народъ мыслію, что ее должно предпочитать другимъ дѣламъ христіянской любви. Послѣднія возвращаютъ любовь и дѣлаютъ человѣка богобоязненнымъ, а первая не исправляетъ, а только дѣлаетъ его самонадѣяннымъ и безнаказаннымъ» (4).

Въ этомъ панегирикѣ прощи, который трудно различить отъ пародіи, сказалась невозможность помирить очевидныя противорѣчія теоріи, близкой къ паденію, съ тѣхъ поръ преимущественно, какъ критическій разумъ христіанина рѣшился ее защищать.

Я изложилъ, въ возможно короткихъ чертахъ, содержаніе всѣхъ спорныхъ сочиненій Лютера, относящихся къ послѣдней половинѣ 1517 и первой 1518 года. Общій выводъ, извлеченный изъ этого очерка въ отношеніи къ догмату объ оправданіи, будетъ слѣдующій: Вѣра безъ дѣлъ—

(1) Resolutiones, XVIII, 469.
(2) Sermon von Ablass. XVIII, §. 14, p. 336.
(3) Resolutiones, p. 433.
(4) 39-е, 40-е, 41-е и 44-е полож.

мертва, благодать безъ участія личной воли не усвоиваетъ человѣку спасенія; стало быть, мы тутъ видимъ еще торжество мысли разумной, хотя и неясно сознанной, протягивающееся чрезъ всю первую половину 1518 года. Въ сравненіи же съ прежними сочиненіями Лютера, этотъ кругъ ихъ не только не представляетъ развитія реформаторскихъ убѣжденій, но, если возможно, заключаетъ даже возвратъ къ Католичеству и сильнѣе всего обнаруживаетъ охранительное направленіе Лютера.

Прослѣдимъ и другія догматическія его убѣжденія, чтобы правильнѣе опредѣлить его отношенія къ Западной Церкви.

Лютера въ настоящую эпоху развитія приличнѣе всего назвать послѣдователемъ представительной системы Католической Церкви. Онъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ знаменитаго канцлера Парижскаго Университета, котораго и считаетъ своимъ идеаломъ, и въ перебранкѣ съ Сильвестромъ Пріеріемъ причисляетъ къ высшимъ учителямъ Церкви, наравнѣ съ Таулеромъ и Панормитаномъ; его мысли о папѣ носятъ характеръ не рабской угодливости, а свободнаго чувства просвѣщеннаго Католика (въ смыслѣ Западномъ), признающаго безъ раболѣпства всемірное первенство главы христіанства. Онъ дѣлаетъ строгое различіе между папскою личностію и папскою властію. Самое полное и удовлетворительное исповѣданіе вѣры его читаемъ въ отвѣтѣ Сильвестру, утверждавшему, какъ нѣкогда Палечъ и Станиславъ изъ Зноима, что Церковь по сущности (virtualiter) олицетворяется въ папѣ, а представительно (repræsentative) въ коллегіи кардиналовъ. «Я не признаю другой Церкви по сущности, какъ во Христѣ, а по представленію во Вселенскомъ Соборѣ; въ противномъ случаѣ, если бы все, что дѣлаетъ папская личность Ecclesia virtualis, приписывать Церкви,—пришлось бы оправдывать отвратительныя жестокости Бонифація VIII, породившія извѣстную пословицу: «Онъ воцарился, какъ лисица, носилъ тіару, какъ левъ, и умеръ, какъ собака.» А если папа—Церковь существенная, кардиналы—представительная, а общеніе вѣрующихъ—

единая истинная, то что же остается на долю Вселенскаго Собора?» (1).

«Верховная законодательная власть въ дѣлахъ вѣры, по мнѣнію Лютера, принадлежитъ Вселенскому Собору; папа только первый членъ Церкви, лице служебное. «Я не признаю закономъ папскую волю. Папа человѣкъ, какъ и всѣ мы. Было много первосвященниковъ, оправдывавшихъ не только заблужденія и пороки, но и вещи неслыханныя. Я слушаю папу, какъ папу, по скольку онъ говоритъ въ канонахъ и согласно съ канонами, или когда приговоръ его совпадаетъ съ рѣшеніемъ Собора; иначе придется кровопролитіе, учиненное Юліемъ II между христіанами, признать благодѣяніемъ благочестиваго пастыря овцамъ Христовымъ (2). Папа одинъ не имѣетъ власти устанавливать новые догматы вѣры, а только обсуживать и рѣшать вѣроисповѣдные вопросы по догматамъ, уже существующимъ. Введеніе же новыхъ догматовъ принадлежитъ Вселенскому Собору. Въ противномъ случаѣ, завися отъ папы, который, какъ частное лице, подверженъ заблужденіямъ и въ вѣрѣ и въ правилахъ жизни, вѣра всей Церкви находилась бы въ вѣчной опасности, если бы Церковь по необходимости должна была принимать за безусловно истинное всѣ вымыслы папы. Даже если бы папа, согласно съ большинствомъ Церкви, держался того или другаго мнѣнія, не грѣхъ и не ересь противорѣчить ему, пока Вселенскій Соборъ не произнесетъ окончательнаго приговора» (3).

«При всемъ томъ верховная, распорядительная и судебная власть принадлежатъ папѣ и, кромѣ его, ни одному члену Церкви, по крайней мѣрѣ, въ такой полнотѣ. Она подчиняется въ послѣдней инстанціи опять только Собору, къ которому переносится жалоба на неправильное рѣшеніе первосвященника.» Въ письменныхъ отвѣтахъ къ кардиналу легату Ѳомѣ de Bio, Лютеръ говоритъ, что хотѣлъ оставаться безмолвнымъ, «ибо мнѣ не подобаетъ объяснять

---

(1) Replica, XVIII. §. 35, p. 135.
(2) Resolutiones, p. 421.
(3) Resolut., p. 422—425.—Asterisci, p. 840.

папскихъ законовъ; я ожидалъ отъ самого папы рѣшенія моихъ сомнѣній» (1). Глубокое, искреннее уваженіе выражается въ извѣстныхъ словахъ посланія Лютера къ Льву X. «Повергаюсь къ стопамъ твоимъ, святѣйшій отецъ, и всего себя предаю твоей святости. Твоя воля—живить и мертвить, призвать и отринуть, оправдать, или осудить меня. Я вѣрю, что голосъ твой — голосъ самого Христа, въ тебѣ живущаго и говорящаго твоими устами. Если я заслужилъ смерть, возьми мою голову» (2). Въ посланіи къ Ступицу повторяется тоже самое рѣзкое опредѣленіе: « Христосъ Богъ разсудитъ—Его ли, или свои рѣчи, произношу я: безъ Его мановенія и языкъ папскій говорить не можетъ; въ рукахъ Его и сердце царево. Я жду, чтобъ высшій Судья произнесъ приговоръ устами Римскаго первосвященника» (3). Не въ частныхъ дѣйствіяхъ, гдѣ проявляется слабость и естества и сужденія человѣческаго, а въ важныхъ изреченіяхъ, касательно вѣры, выражается священный характеръ верховнаго пастыря Церкви; здѣсь, какъ устами оракула, *орудіемъ Римскаго престола*, несомнѣнно и непреложно самъ Богъ изрекаетъ Свои опредѣленія. Но когда папа упорно защищаетъ неправду, онъ лишается званія намѣстника Божія, и Лютеръ переноситъ отъ него дѣло (аппеллируетъ) къ Вселенскому собору.

Лютеръ крѣпко заступается и за первенство Римской Церкви надъ прочими, и папы надъ всѣми епископами. «Положимъ,»—говоритъ онъ,—«что Римская Церковь находилась бы и теперь въ такомъ положеніи, въ какомъ видимъ ее при папѣ Григоріѣ Великомъ, когда она еще не первенствовала надъ всѣми другими, по крайней мѣрѣ, надъ Греческими, то Греки не были бы связаны Римскими постановленіями, наравнѣ съ прочими Христіянами, не подчиненными папѣ, въ Турціи. Татаріи, Ливоніи» (4). Стало быть, Христіане Церкви Восточной причисляются Лютеромъ, если не de facto, то de jure, къ каѳедрѣ Римской. Увидимъ позднѣе,

(1) Aurif., I, Ep. 65, f. 89.
(2) Aurif., I, Ep. 51, f. 71.
(3) «Hunc (Christum) enim expecto judicem e *Romana sede* pronunciantem.» Aurif., I, Ep. 50, f. 68.
(4) Resolutiones, p. 393.

когда въ первый разъ пробудилось въ немъ сомнѣніе въ первенствѣ Рима, и кто первый навелъ его на великую мысль о равенствѣ всѣхъ частей Церкви. Первенство папы между епископами и вообще признаніе іерархіи Латинской Церкви явствуетъ изъ постепенности, признаваемой имъ въ объемѣ духовной Апостольской власти, какая присвоена разнымъ членамъ іерархіи. Епископъ имѣетъ право отпускать 40, кардиналъ 100 дней, а папа весь срокъ покаянной эпитимьи (1). Одна и таже духовная власть, состоящая въ приношеніи умилостивительныхъ жертвъ за Церковь, въ молитвѣ за души усопшихъ и въ славословіи Божіемъ, принадлежитъ папѣ во всей воинствующей Церкви, а епископамъ въ ихъ епархіяхъ.

Лютеръ признавалъ и чистилище, какъ мѣсто казни или истязаній по смерти и переходъ къ вѣчной жизни. Души, перешедшія уже за предѣлы гроба, не въ состояніи приносить за себя удовлетворенія; отъ того священники поступаютъ неблагоразумно, налагая на умирающихъ pœnitentias canonicas, съ обязаниостію совершать ихъ по смерти. Душа человѣка умершаго не подлежитъ уже вѣдомству воинствующей Церкви. Но предстательствующей молитвѣ за мертвыхъ онъ приписываетъ великую, благодатную силу. Въ отвѣтѣ Сильвестру: «Кто не знаетъ, что душа, по принесеніи за нее достаточнаго удовлетворенія, въ тоже мгновеніе освобождается отъ казни чистилища. Развѣ я отвергалъ эту истину?» (2). «Признаюсь, я не знаю, гдѣ мѣсто чистилища, хотя Ѳома полагаетъ его подъ землею. Несомнѣнно остаюсь при свидѣтельствѣ Августина, что вмѣстилища душъ сокрыты отъ насъ и такъ отдалены, что мы ихъ не знаемъ. Но да не думаютъ еретики, Пикарды, что я отвергаю чистилище, или что Римская Церковь погрѣшаетъ, не отвергая мнѣнія *Св. Ѳомы*. Я убѣжденъ въ существованіи чистилища и не обращаю вниманія на бредни еретиковъ, потому что болѣе, чѣмъ за 1100 лѣтъ, Бл. Августинъ, въ 9-й книгѣ своихъ исповѣданій, молился за своихъ родителей и просилъ за нихъ молитвы Церковной. Далѣе, потому что праведная

(1) Ibid. p. 403.
(2) Replica, XVIII, §. 72, p. 161.

мать его передъ смертію изъявила желаніе, чтобы память ея сохранялась при алтарѣ Христовомъ. То же самое свидѣтельствуетъ Августинъ и о Св. Амвросіи. Положимъ, во время Апостоловъ чистилища не было, на что ссылаются преимущественно безстыдные Пикарды, но должно ли на этомъ одномъ основаніи вѣрить еретику, котораго лѣтъ за 50 еще не было на свѣтѣ, и отвергать вѣрованія тысячелѣтій?» (1).

Каноны (постановленія) папскіе и наказанія, налагаемыя согласно съ канонами, пользуются также глубокимъ уваженіемъ Лютера. Вообще каноническое церковное право онъ считаетъ несомнѣннымъ источникомъ истины, наравнѣ съ Св. Отцами. Признаетъ и декреталіи папскія, исключая немногихъ, другъ другу противорѣчащихъ; не отвергаетъ монашества; принимаетъ семь таинствъ и Вселенскіе Соборы по Латинскому счету, потому что при разсужденіи объ одномъ догматѣ ссылается на рѣшеніе Базельскаго. Признаетъ литургію безъ всякого ограниченія. Съ покорностію подчиняется всѣмъ мелкимъ преимуществамъ папы, относящимся къ его исполнительной и судебной власти (2).

Но самое сильное доказательство его Латинскаго образа мыслей лежитъ въ стремленіи его достигнуть умиренія Церкви преобразованіемъ во главѣ и въ членахъ,— мысль, давно уже получившая право гражданства на Западѣ, предметъ постоянныхъ, но доселѣ безплодныхъ, усилій знаменитыхъ мужей, Соборовъ и Университетовъ; мысль, которая, еще за 100 лѣтъ до этого времени, достигла наибольшаго напряженія, казалась близкой къ развязкѣ и снова отбросила человѣчество во всю безнадежность загадочнаго осуществленія. Она-то постоянно работала и въ головѣ Лютера. Его боренія съ Ѳомистами были первымъ началомъ нѣсколько очищеннаго ученія вѣры, безъ чего не могла совершиться сама реформація. «Вотъ уже 300 лѣтъ,»—говорилъ онъ,— «какъ знаменитые Университеты и множество великихъ умовъ

(1) Resolut., p. 354—355.

(2) Aurif., I. Ep. 49, f. 64, a.—Ibib. Ep. 51. f. 69. a I. 10,11.— Resolut., p. 334.—Asterisci, p. 844.—Resolut., p. 423.—Ibid. p. 418.— Asterisci, p. 853.

теряютъ исполинскія усилія на сухой почвѣ Аристотелевой философіи, и до сихъ поръ не могутъ сладить съ этимъ празднымъ діалектикомъ, какъ справедливо назвалъ его Св. Григорій Назіанзинъ». Въ продолженіи спора онъ нѣсколько разъ возвращается къ любимой идеѣ о преобразованіи Церкви, и въ сильныхъ словахъ выражаетъ всю тугу ея современнаго состоянія. «Вода промыла плотину, и ничто не въ силахъ остановить ея бѣшеныхъ потоковъ. Церковь имѣетъ крайнюю нужду въ преобразованіи, а это дѣло не одного человѣка, ни даже папы, или нѣсколькихъ кардиналовъ, но дѣло совокупныхъ усилій всего христіянства, скажу лучше, дѣло одного всемогущества Божія. Когда совершится оно, вѣдаетъ только Тотъ, Кто положилъ времена и лѣта во власти своей» (1). Несчастные попытки благочестивыхъ мужей на Пизанскомъ соборѣ, при Юліѣ II, на Латеранскомъ, при Львѣ X, по свѣжимъ воспоминаніямъ, убѣдили его въ невозможности совершить преобразованіе доселѣ употребленными средствами, путемъ, такъ называемыхъ, общихъ соборовъ въ Романскомъ значеніи этого слова. Здѣсь, обыкновенно въ Италіи, подъ непосредственнымъ всемогущимъ вліяніемъ папы, сходилось по нѣскольку кардиналовъ и высшихъ сановниковъ Церкви, неотторгаемо прикованныхъ къ настоящему положенію дѣлъ единствомъ своихъ интересовъ. Здѣсь непринужденность соборныхъ совѣщаній, которая въ древнихъ собраніяхъ Церкви равняла свѣтила іерархіи съ безвѣстнымъ міряниномъ, и на Іерусалимскомъ Соборѣ дала право монаху Пелагію съ горькой насмѣшкой противоставить авторитету личности великое слово Евангельской свободы: «Et quis est mihi Augustinus?» (2) подчинялась строгимъ формуламъ напередъ заданной темы; совѣщатели уклонялись умышленно отъ важныхъ вопросовъ предстоящаго улучшенія, разсуждали подъ страхомъ отлученія папы; соборъ закрывался по его мановенію, въ раболѣпной покорности его произволу. На глазахъ у Лютера

---

(1) Resolutiones, p. 329.

(2) Allgemeine Geschichte der Christlichen Religion und Kirche, v. A. Neander, B. II, 3 te Abthl., p. 820—821.

кончилось такимъ неожиданнымъ образомъ послѣднее Латеранское сходбище, на которое возлагалъ онъ надежды, что оно лучше прежнихъ исполнитъ свое назначеніе. Свидѣтельствомъ служитъ извѣстная рѣчь, приготовленная имъ для одного изъ друзей своихъ, назначаемаго уполномоченнымъ отъ лица цѣлой общины, den Prior von Leitzkau, рѣчь, которую слѣдовало произнести ему на соборѣ, по обычаю древней Апостольской Церкви, гдѣ всякій свободно излагалъ свои мнѣнія. Здѣсь Лютеръ выразилъ опредѣленно свои ожиданія и коренныя понятія о томъ, какимъ образомъ лучше достигать рѣшенія вопроса, столько лѣтъ занимавшаго все христіанство на Западѣ. «Преобразованіе должно начинаться съ очищенія вѣры, уничтоженіемъ всѣхъ произвольныхъ человѣческихъ вымысловъ, съ незапамятныхъ временъ пришедшихъ въ христіанскую Церковь. Чистое ученіе вѣры *есть сущность и золотая предшественница истиннаго преобразованія* (*реформаціи*), *ибо Церковь пребываетъ въ своемъ существѣ только силою слова Божія.* Исправленіе нравственности и внѣшній распорядокъ благочинія Церковнаго есть дѣло уже второстепенное. Вѣра побѣждаетъ всѣ трудности; она достигаетъ *того*, чего законъ *требуетъ*. Но духовная брань не можетъ совершаться собственными силами; побѣда исходитъ отъ Бога. *На пастыряхъ Церкви* лежитъ священная обязанность познать корень развращенія народнаго, недостатокъ въ истинномъ ученіи вѣры. Они обязаны нѣкогда отдать отчетъ въ душахъ христіанскихъ, ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ» ([1]).

Но папа и прелаты церковные были не въ состояніи выполнить этой задачи. Сохраненіе человѣческихъ вымысловъ, соблюденіе страдательнаго мира, въ которомъ столько вѣковъ убаюкивалось Западное человѣчество, а машина папскаго управленія продолжала итти заведеннымъ порядкомъ, не смотря на частные взрывы, — оно было жизненнымъ условіемъ цѣльности Латинской іерархіи. Лютеръ былъ посвященъ въ эти тайны хозяйственной спекуляціи папы. Онъ и не думалъ призывать его къ участію въ дѣлѣ преобразо-

(1) Jürg., III, 42—46.

ванія, которое требовало съ его стороны полнаго самоотверженія, но не могло обойтись и безъ готовыхъ данныхъ, во всей совокупности членовъ сиротствующей Церкви. «Было много ученыхъ и благонамѣренныхъ папъ, но голосъ ихъ терялся въ толпѣ. Въ наше время Церковь имѣетъ въ лицѣ Льва X превосходнаго папу; но что можетъ сдѣлать одинъ просвѣщенный и достойный всякого уваженія пастырь, при настоящемъ жалкомъ положеніи Церкви? Онъ, конечно, достоинъ носить тіару въ лучшія времена, а мы стòимъ того, чтобъ правили нами только такіе изверги, какъ Александръ VI и Юлій II, которые превзошли ужасами Мезенція, вошедшаго въ пословицу у поэтовъ; надъ добрыми папами въ настоящее время смѣется самый Римъ болѣе всѣхъ.» Но, съ другой стороны, изъ этого безсилія высшихъ іерарховъ не слѣдуетъ выводить заключенія, къ которому въ новѣйшее время пришло нѣсколько Нѣмецкихъ писателей, что оно побудило преобразователя пригласить къ участію въ преобразованіи церкви Нѣмецкій народъ, отвергнувъ все духовенство Латинское, по его неспособности, какъ дѣйствительно сдѣлано имъ было въ послѣдствіи, когда онъ за всякимъ міряниномъ признавалъ право толкованія Евангельскаго и обличенія пастырей, и когда подъ названіемъ *общаго свободнаго собора въ Нѣмецкой землѣ* (allgemeines, freies Concil in Deutschen Landen) разумѣлъ нѣчто въ родѣ собранія чиновъ государственныхъ, въ которомъ всѣ сословія имѣютъ неотъемлемое право подавать голоса, чрезъ своихъ представителей. По его теперешнимъ, еще строго іерархическимъ понятіямъ, это дѣло не должно выходить изъ круга духовнаго вѣдомства; но въ самомъ соборѣ надлежитъ измѣнить составные элементы. Все низшее духовенство, «всѣ буіи младенцы», исполняющіе лучше высокихъ прелатовъ обязанности священнаго сана, должны занять мѣсто въ рядахъ представителей Церкви, когда идетъ дѣло объ общихъ интересахъ всего Христіанства. Такъ нѣкогда Гусъ заступался за нищихъ священниковъ (pauperes sacerdotes, infimus Clerus), въ которыхъ, по близости къ народу и постояннымъ сношеніямъ съ нимъ, имѣли болѣе случаевъ

сродниться съ его духовными нуждами и благотворно дѣйствовать на его убѣжденія. Къ числу ихъ, одной стороной своихъ занятій, принадлежалъ и Лютеръ, какъ проповѣдникъ; и онъ говоритъ, что «ему, по примѣру ученѣйшихъ высшихъ іерарховъ, слѣдовало бы въ молчаніи переносить бѣдствія, постигающія Церковь; но да не исполнится слово Евангельское: если эти умолкнутъ, то камни начнутъ вопіять,—и онъ неученый, худоумный (indoctus, stupidus ingenio, vacuus eruditione), противъ воли обязанъ выйти на свѣтъ Божій въ такое время, которое такъ сильно цвѣтетъ обиліемъ ученыхъ мужей и великихъ умовъ, что оно могло бы забить и самаго Цицерона, — но нужда заставляетъ гуся щебетать между лебедями.»

Это преобразованіе вѣры, предпринятое, или, по крайней мѣрѣ, замышляемое Лютеромъ, опиралось, какъ сказано выше, на возобновленномъ изученіи Библіи и *Св. Отцевъ* Церкви. Что начала этого дѣятельнаго изученія и борьбы съ послѣдователями Аристотеля должно искать не въ желаніи отрѣшиться отъ оковъ Латинской Церкви и построить другую всемірную, на болѣе широкой основѣ, исключительно Библейской, а въ ревнивой привязанности къ величію Западной, заключить можно преимущественно изъ свирѣпой нетерпимости Лютера, исконномъ наслѣдіи Церкви, его возраставшей, противъ, такъ называемыхъ, еретиковъ, въ самомъ же дѣлѣ единственныхъ въ то время на Западѣ служителей христіанской идеи, Пикардовъ, т. е., Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ. Во все продолженіе спора, онъ питаетъ къ нимъ непримиримую ненависть, не смотря на близость вѣроученія ихъ къ позднѣйшей его реформаціи, ставитъ ихъ наравнѣ съ Жидами и Турками. Эккъ не находитъ лучшаго средства задѣть его за живое, какъ обвинить его въ томъ, что положенія его отзываются *Чешскимъ вкусомъ*, и на оборотъ, Лютеръ сознается, что безчестнѣе названія для христіанина не можетъ выдумать зависть, какъ названія Чешской ереси, и что если бы Эккъ находился въ числѣ серафимовъ и ангеловъ, то все же остался бы заклятымъ врагомъ милосердія и обольстителемъ простаго

народа, называя Чешскою ересью проповѣдь христіанской любви. Чѣмъ объяснить эту ненависть? Конечно, не безотчетнымъ пристрастіемъ къ преданіямъ отцевъ, которое Лютеръ умѣрялъ всегда безкорыстнымъ чувствомъ правдиваго христіанина, а разумнымъ сознаніемъ ихъ превосходства. Превосходная же сила еретиковъ въ Латинскомъ значеніи ереси, въ борьбѣ съ Римскою Церковію, всегда выигрывавшею огромнымъ перевѣсомъ физической, заключалась въ короткомъ знакомствѣ ихъ съ Библіею, въ устройствѣ христіанской общины ихъ на чисто Библейской основѣ, между тѣмъ какъ Церковь избранниковъ и народа Божія неправдой восхищала названіе Католической, давно уже исказивши свой образъ Апостольской чистоты. Лютеръ чувствовалъ и сознавалъ противъ воли высоту религіознаго духа Евангельской общины Пикардовъ; онъ помнилъ весьма хорошо, что они въ отрицаніи чистилища упорно стояли за Библію, и однимъ словомъ развѣвали, какъ прахъ, съ трудомъ собираемыя имъ доказательства изъ древнихъ Церковныхъ преданій. Его сердце оправдывало ихъ внутренно и бросало камень отверженія на служителей собственной Церкви. Эта вражда съ Гуситами, разрѣшившаяся черезъ нѣсколько лѣтъ глубокимъ уваженіемъ къ родоначальнику ихъ гонимой общины, великодушіемъ своимъ побѣдившей его мелочныя придирки, явилась какъ бы знаменательнымъ продолженіемъ роковой ненависти Герсона къ великому Гусу, а въ настоящее время служила лучшимъ доказательствомъ исключительной преданности Лютера Западной Церкви. Облекаясь во всеоружіе Евангельское, для борьбы съ мнимыми еретиками, онъ хотѣлъ поставить на ту же бранную ногу и всю Латинскую Церковь, потому что видѣлъ необходимость бороться съ ними равнымъ оружіемъ. Отсюда любимая его поговорка: «Богослову безъ текста говорить также стыдно, какъ юристу доказывать безъ закона» (1). Отсюда другая справедливая мысль, не разъ повторяемая въ состязательныхъ его сочиненіяхъ, что, основывая то, или

(1) Replica, XVIII, § 5, p. 121.

другое обыкновеніе Церкви на праздныхъ мнѣніяхъ схоластиковъ и канонистовъ, нельзя наложить молчанія на еретиковъ, низлагаемыхъ только оружіемъ Евангелія. Въ письмѣ къ Браниборскому епископу онъ отзывается съ презрѣніемъ о невѣжественныхъ ласкателяхъ папскихъ, «которые считаютъ грѣхомъ разсуждать о духовной власти верховнаго первосвященника, ограничиваясь безотвѣтнымъ молчаніемъ и низкимъ славословіемъ, страха ради людскаго, но въ то же время разсуждаютъ свободно о могуществѣ, мудрости и благости того существа, отъ котораго исходитъ полновластіе Церкви, оскверняютъ своими шутками таинство величія Божества и всеосвящающаго человѣчества» ([1]). Онъ краснѣетъ передъ Славянскими сосѣдями за эту сволочь, всѣми силами оттягивающую Римскую Церковь отъ широкаго пути всемірно христіанскаго взгляда, на которомъ она могла бы еще съ успѣхомъ ратовать противъ новыхъ еретиковъ, выставляя для борьбы съ ними свѣтило свое, Августина, со славою поборовшаго Пелагіанскую ересь не огнемъ инквизиціи, не мечемъ гражданской расправы, а силой богословскихъ доводовъ. Опровергая безумный парадоксъ Теделя, что индульгенція есть высшій даръ благодати, примиряющей съ Богомъ, онъ говоритъ: «Я стыжусь за противника, что онъ осмѣлился издать свою книгу въ виду 4-хъ знаменитыхъ Университетовъ; но особенно жалѣю объ томъ, что сосѣдямъ нашимъ, еретикамъ Пикардамъ, представился, наконецъ, удобный случай по всей справедливости хулить Римскую Церковь, когда они слышатъ, что въ ней раздаются такія странныя ученія» ([2]). Въ немъ просвѣтлѣло сознаніе, что для всѣхъ членовъ Церкви, отъ мала до велика, въ высшей степени настала пора спохватиться и великодушнымъ актомъ христіанскаго самопожертвованія спасти честь ея самобытности. Намъ, воспитаннымъ подъ кровомъ смиреннаго Православія, спокойнымъ, если не совсѣмъ равнодушнымъ, созерцателямъ отчаянной борьбы, подкапывающей въ средніе вѣка внутреннія силы Католицизма, намъ

(1) Aurif., I, Ep. 49, f. 64—65.
(2) Resolutiones, p. 439.

становится жалко за Католика Лютера, который бьется въ безполезныхъ усиліяхъ возстановить жизненныя силы Латинскаго міра и въ бранномъ станѣ своей же Церкви неутомимо ведетъ междоусобную распрю съ ея внутренними врагами, находя еще время мѣряться силами съ побѣдоносными противниками, а эти послѣдніе все ближе и ближе стѣсняютъ кругъ его дѣятельности и, наконецъ, переманиваютъ его въ свои собственные ряды.

Совершенно согласны съ сказаннымъ его собственныя позднѣйшія свидѣтельства. У Юргенса (въ III кн. 8 отд. 626—637) приводится цѣлый рядъ показаній, въ которыхъ Лютеръ объясняетъ подробно побудительныя причины къ началу борьбы и степень религіознаго развитія во время полемики. Приведемъ главныя. Въ Застольныхъ рѣчахъ: «Я началъ писать противъ индульгенціи не съ самонадѣянностію, а хотѣлъ сказать только первое слово въ увѣренности, что найдутся другіе ученые, которые лучше меня порѣшатъ вопросъ» (1). Въ сочиненіи о Вавилонскомъ плѣненіи Церкви: «Я въ то время отъ излишняго суевѣрія находился въ недоумѣніи и думалъ, что индульгенціи не должно отвергать безусловно, потому что всѣ единодушно признавали ея дѣйствительность» (2). О повиновеніи Церкви онъ говоритъ весьма выразительно въ объясненіи Пророка Исаіи, что «въ то время у него не было надежды на избавленіе подъ властію папы, который все обуздывалъ безбожнымъ ученіемъ и тиранствомъ своимъ; что ему и въ голову не приходило нападать на него.» Въ объясненіи Даніила Пророка, что и «онъ возставалъ только на злоупотребленія индульгенціи, а не наиндульгенцію, еще менѣе задѣвалъ папу или хотя волосокъ его головы, не понимая въ то время ни Христа, ни папы.» Въ Застольныхъ рѣчахъ, что «за 25 лѣтъ Богъ, безъ вѣдома его и противъ воли, вовлекъ его въ распрю; что онъ въ началѣ писалъ только противъ безбожныхъ коммиссаровъ, которымъ противорѣчили самые папскіе каноны; что онъ надѣялся даже на покровительство папы,

(1) Walch, XXII, cap. 22, §. 110, p. 1042; cap. 37, §. 4, p. 1528.
(2) Walch, XIX, §. 2, p. 5.

и только тогда, когда папа, вопреки собственнымъ постановленіямъ, заступился за продавцевъ, онъ вызвалъ Лютера къ дальнѣйшимъ успѣхамъ; наконецъ, что въ *этотъ и въ ближайшій за нимъ періодъ* онъ принималъ папскую Церковь за единую истинную, съ глубокимъ уваженіемъ и отъ чистаго сердца. Если бъ я презиралъ папу, какъ теперь презираютъ его тѣ самые, которые чтутъ его устами, я не поручился бы, что земля немедленно разверзетъ подо мною утробу и пожжетъ меня живаго, какъ Корея съ сообщниками» ([1]).

Когда Лютеръ писалъ приведенныя свидѣтельства, ему не было причины скрадывать истину. Они могутъ ручаться за откровенность и современныхъ его показаній, которыхъ также довольно у насъ подъ руками. Такъ, онъ неоднократно свидѣтельствовался предъ папой, что началъ писать противъ Тецеля, чтобы отстоять *славу Римской Церкви*, *достоинство власти ключей* и честь, *подобающую Апостольскому престолу*, потому что онъ видѣлъ, какимъ поруганіямъ они подвергаются отъ невѣжественныхъ коммиссаровъ. Послѣ этого понятно, какъ прискорбно было ему обвиненіе въ ереси, возведенное на него Тецелемъ, Пріеріемъ и Эккомъ. Онъ отвѣчалъ имъ, что слово ересь можетъ быть понято двоякимъ образомъ: 1) когда говорится что либо противъ мнѣній Ѳомистовъ, тогда положенія его еретическія, или 2) когда сказано что либо противно ученію вѣры и Церкви, тогда положенія его вполнѣ Католическія ([2]). Въ протестаціи, предпосланной объясненіямъ (resolutiones), онъ называетъ непреложными источниками истины только Св. Писаніе и *Святыхъ Отцевъ, принятыхъ и доселѣ храненныхъ Римскою Церковію*, а папскіе каноны и декреталіи съ оговоркою, если они будутъ согласны съ Св. Писаніемъ. Все письмо къ Льву X есть полное выраженіе откровенныхъ чувствованій глубоко растроганнаго и оскорбленнаго сердца. «Я слышу, Св. отецъ, » — говоритъ онъ въ сильномъ волненіи, безъ предисловія,—«что злая молва пронеслась обо мнѣ отъ враговъ моихъ, будто я осмѣлился опровергать власть ключей

---

(1) Jürg., III, 627, 628, 631. Wider Hans Worst, Walch, XVI §. 109, 1708.

(2) Replica, XVIII, §. 88, p. 167

и верховнаго первосвященника, что я еретикъ, отступникъ, и, Богъ знаетъ, какихъ ужасовъ они не возводятъ на мою голову! Страшное слышу и вижу (horrent aures et stupent oculi), но одно утвержденіе моей радости—чистая, спокойная совѣсть. Прими, Св. отецъ, откровенную исповѣдь младенца.... Посылаю тебѣ бездѣлки мои, объясненія на тезисы, чтобы подъ кровомъ святѣйшаго твоего имени вкусить безопасность» (1). Если бъ сочиненія Лютера не были во всемъ согласны съ Католической вѣрой, его аппелляція къ папѣ не имѣла бы здраваго смысла. Давая епископу Браниборскому право истребить произвольно всѣ его тезисы, диспутуя, по собственному сознанію, со страхомъ и трепетомъ, ничего не утверждая, а подвергая все сужденію Римской Церкви, онъ дѣлалъ, что могъ, для доказательства своей невинности. А потому не удивительно, что когда Сильвестръ Пріерій, Magister sacri Palatii, указалъ Льву X нѣсколько еретическихъ положеній между тезисами Лютера, папа, къ великому неудовольствію Римской аристократіи, воздалъ блестящее свидѣтельство правовѣрію его въ смыслѣ Латинскомъ: «Я считаю Мартина превосходнымъ умомъ и свидѣтельствую, что все это праздные споры монаховъ» (2).

Окончивъ вопросъ догматическій, предложимъ, въ короткомъ обзорѣ, послѣднія событія 1518 года.

95 положеній разсыпались по всей Германіи и возбудили всеобщее сочувствіе къ молодому ихъ виновнику. Торжество его, признанное цѣлымъ народомъ, уваженіе ученыхъ, оказанное ему единогласно на открытомъ преніи въ Гейдельбергѣ, наконецъ ласки и покровительство двухъ сильныхъ владѣтелей, Фридриха Мудраго и Вольфганга, пфальцграфа Рейнскаго, все это противъ воли увлекало Лютера въ великое движеніе Европейскихъ событій. Изъ Университетовъ, особенно Эрфуртъ и Лейпцигъ недовѣрчиво смотрѣли на его дѣйствія; но молодое поколѣніе всюду безъ исключенія стояло за Лютера. Въ Виттембергѣ студенты торжественно сожгли 800 экземпляровъ анти-тезисовъ Тецеля. Нѣтъ сомнѣ-

(1) Aurif., I, Ep. 51.
(2) Walch, XVIII, предисл., стр. 21.

нія, что, если бы папа оправдалъ его довѣренность, дѣло не дошло бы никогда до разрыва съ Западной Церковію. Первые слѣды его разъединенія съ нею замѣчаемъ послѣ вызова въ Римскую курію. 7 Августа онъ вызванъ въ Римъ. передъ свѣтлое лице Іеронима, епископа Аскуланскаго, начальника Римской инквизиціонной камеры. Непослушаніе вовлекало его въ явную распрю съ первосвященникомъ; повиновеніе угрожало участію Гуса. Лютеръ черезъ Спалатина просилъ курфирста Саксонскаго о заступленіи, дабы ходатайствомъ самого императора отмѣнено было предписаніе папы. Одно его желаніе—избѣжать Римской западни; но онъ готовъ подчиниться рѣшенію слѣдственной коммиссіи внутри самой Германіи. Для того, чтобы имѣть законный предлогъ отклонить отъ себя путешествіе, совѣтуетъ Фридриху Мудрому подъ рукой, отказать ему въ свободномъ пропускѣ чрезъ свои владѣнія. Если же приказъ курфирста не успѣетъ быть выправленъ до истеченія срока неявки (16 дней), то не будетъ грѣха отмѣтить его заднимъ числомъ, чтобъ всѣ законныя формулы были соблюдены ([1]). Среди этихъ приготовленій, онъ, какъ громомъ, пораженъ неожиданной вѣстію о приговорѣ папы. 25 Августа послѣдовала пространная инструкція папскому легату въ Германіи, кардиналу Гаеты (Ѳомѣ де Віо), овладѣть особой еретика и, въ случаѣ упорства, переслать его въ Римъ, въ случаѣ же отреченія, освободить. Въ первомъ случаѣ, проклятіе папы поражало не только Мартина, но и сообщниковъ его, какого бы званія ни были, исключая одного лица императорскаго, и всѣ мѣста его укрывательства на все время пребыванія его тамъ, и на три дня по его удаленіи. Лютеръ счелъ себя обязаннымъ снова очистить свою совѣсть предъ всею Германіею, или, лучше, передъ всею христіанской вселенной. «То правда,»—говоритъ онъ,—«что отлученіе мое послѣдовало ровно черезъ 16 дней послѣ вызова. Но, Бога ради, подумай, христіанскій читатель, что я еще не зналъ ничего о призывѣ, когда въ Римѣ уже осуждали меня, какъ непокорнаго еретика. Куда же дѣвались 60 дней , назначенныхъ въ

(1) Aurif., I, Ep. 56, f. 76—77.

вызовѣ (отъ 7 Авг. до 7 Окт.), въ продолженіе которыхъ это извѣстіе должно было дойти до Германіи, а самъ я приготовиться въ путь? Таковъ ли обычай Римскаго двора, что онъ въ одинъ день и вызываетъ, и осуждаетъ, и провозглашаетъ еретикомъ человѣка, спокойно сидящаго въ отдаленной Германіи?» Но и здѣсь, въ минуту сильнаго возбужденія страсти, онъ не погрѣшилъ противъ вѣры своей, превосходно отстаивая славу папскаго имени. «Кто нибудь изъ черныхъ вороновъ Германіи, въ досадѣ на мою твердость, прокаркалъ въ Италіи мое осужденіе. Истина моихъ оправданій колола глаза какому нибудь Римскому челядинцу; онъ, видя мою неуступчивость, сочинилъ для меня папу, которому приснилось мое упорство и ересь, будто бы огласившія вселенную.» Такъ искусно выгораживая Льва X изъ участія въ темномъ дѣлѣ его осужденія, онъ даетъ разумѣть, что не верховный намѣстникъ Іисуса Христа, а предубѣжденный и обманутый папа произнесъ приговоръ. Въ то же время слагаетъ съ сердца новую, утѣшительную исповѣдь вѣры, во всемъ согласную съ прежними, и прямо противорѣчащую позднѣйшему протестантскому взгляду. «И я прежде думалъ,» — говоритъ онъ, въ видѣ спасительнаго предостереженія народу, — «что продажею прощъ дѣйствительно преподается заслуга Христова, и я уговаривалъ слушателей не опускать драгоцѣнной сокровищницы. Я не вѣдалъ, безумный, что проповѣдію своею еще болѣе отягощаю бремя совѣсти и изъ произвола желающихъ дѣлаю спасительную заповѣдь опускать добрыя дѣла. Но когда отверзлись очи моего разума, когда я во всѣхъ учителяхъ Церкви прочелъ единогласно, что лучше приносить удовлетвореніе дѣлами, чѣмъ откупать грѣхи свои деньгами, что отпускъ не что иное, какъ опущеніе добрыхъ дѣлъ, составляющихъ сущность удовлетворенія, я понялъ, что лучшій совѣтъ христіанину—не прибѣгать къ индульгенціямъ.... Страшно подумать, что святая заслуга Христова, несравнимая ни съ какимъ благомъ, служила покровомъ корысти продавцамъ индульгенцій, что она, по манію сребролюбцевъ, отвращала насъ отъ добрыхъ дѣлъ» (1).

(1) Ibid. §. 5—10, p. 662—664.

Съ тѣхъ поръ, до свиданія въ Аугсбургѣ съ Ѳомой де Віо, начинается въ Лютерѣ эпоха переходная, продолжавшаяся три мѣсяца. Въ письмахъ, къ ней относящихся, исчезаетъ младенческое повиновеніе, проявляется рѣзкій характеръ презрѣнія къ толпѣ царедворцевъ, окружающихъ первосвященника; робость монаха уступаетъ мѣсто независимому воззрѣнію наблюдательнаго современника. Кардиналовъ называетъ онъ легатами алчности, считаетъ лишнимъ бременемъ въ Церкви; папскимъ царедворцамъ даетъ сильный отпоръ: «Если Римскіе софисты и лисьи хвосты не укоротятъ языка, и я перестану шутить, и я дамъ свободный полетъ головѣ и перу, и докажу, что въ Германіи есть еще варвары, умѣющіе понимать Италіянскія козни.» Во всемъ этомъ Лютеръ еще ни слова не обронилъ противъ папы и Церкви; но языкъ уже близко подходитъ къ позднѣйшему способу его выраженія. Онъ знаменательно прислушивается къ голосамъ представителей народа, которые на Аугсбургскомъ сеймѣ съ неожиданной энергіей оспариваютъ притязанія папы, повторяютъ съ удвоенной силой прежнія, справедливыя жалобы и, къ великому изумленію легата, отрекаются въ первый разъ отъ платежа пособій для предполагаемой войны съ Турками. До какой степени возрасло и въ Мартинѣ чувство народной гордости, свидѣтельствуетъ первое патріотическое его сочиненіе, приложенное къ его репликѣ Сильвестру,—отвѣтъ на диссертацію Іоанна Аннія изъ Витерба (XVIII, p. 247—254), гдѣ онъ показываетъ обширныя познанія въ отечественной исторіи, особенно въ старомъ вопросѣ объ отношеніяхъ императора къ папѣ.

По условію, заключенному Фридрихомъ Мудрымъ съ Римскимъ дворомъ, кардиналу легату и Сильвестру Пріерію поручено изслѣдовать дѣло Лютера въ самой Германіи, а курфирстъ обязался представить обвиненнаго въ Аугсбургѣ на судъ Каетана. Но Лютеръ ошибся въ желаніи доказывать свою невинность предъ лицемъ представителей народа и Церкви. Отправившись изъ Виттемберга въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, въ то время, когда шумныя засѣданія сейма уже приходили къ концу, онъ 7 Октября прибылъ въ Аугсбургъ, 10 и 11 извѣстилъ о себѣ Спалатина и Меланхтона. «Во

всемъ городѣ,»—писалъ онъ,—«только и говорятъ о докторѣ Лютерѣ; всѣ жаждутъ видѣть новаго Эрострата, раздувшаго такое огромное пламя» ([1]). Кажется, Лютеръ ошибся, толкуя произвольно расположеніе народа.

Вопросъ вѣроисповѣдный, которымъ онъ противъ воли подѣлился съ Германіей, при изданіи положеній, послѣ перваго впечатлѣнія, уступилъ гораздо важнѣйшимъ государственнымъ интересамъ на Аугсбургскомъ сеймѣ. Продолженіе ученаго спора отъ 1517 до Августа 1518 года, какъ частное дѣло между Лютеромъ и Западною Церковію, мало возбуждало сочувствіе народа, курфирстовъ и императора. Во все продолженіе сейма, никто не заикнулся о Лютерѣ, и въ Аугсбургѣ еще живо хранились воспоминанія едва только распущеннаго собранія, когда онъ пріѣздомъ своимъ въ этотъ городъ напомнилъ о своемъ существованіи. Торжественность очной ставки передъ лицемъ императора и многочисленныхъ князей Германіи, всенародная гласность его оправданій (Лютеръ разсчитывалъ на то и на другое), все это пожертвовано хитрымъ кардиналомъ безопасности скромнаго допроса съ глазу на глазъ съ уличеннымъ еретикомъ. Римская политика съ намѣреніемъ выбрала самое глухое время сейма, когда всѣ члены его были въ отсутствіи, когда разъѣхались всѣ доброжелатели Лютера, и онъ впалъ въ заблужденіе, котораго жертвою сдѣлался нѣкогда Гусъ: ожидалъ открытаго допроса, или, по крайней мѣрѣ, настоящаго прѣнія, а между тѣмъ столкнулся съ Италіянскимъ невѣжествомъ и коварствомъ, увидѣлъ передъ собой человѣка предубѣжденнаго, не внимающаго голосу здраваго разума, а буквально привязаннаго къ наказу папы. Онъ хотѣлъ быть героемъ романа, котораго сцена дѣйствія была бы Германія, а дѣйствующія лица князья и курфирсты; трогательно прощался съ Университетскими товарищами и студентами, готовясь положить за нихъ голову, какъ очистительная жертва, и напряженное ожиданіе его разрѣшилось смѣшной комедіей въъ трехъ дѣйствіяхъ, искусно подго-

(1) Aurif., I. ep. 63, f. 85.

товленной кардиналомъ и превосходнѣе еще разыгранной Лютеромъ. Между тѣмъ эта комедія довершила его разочарованіе и произвела великую перемѣну въ его убѣжденіяхъ. Здѣсь впервые онъ разгадалъ самого Льва X, и въ великой личности папы, разоблаченной безпристрастнымъ судомъ его, разгадалъ и характеръ Западной Церкви и сказалъ ей вѣчное: «Прощай!» Вопросы, затаенные прежде въ глубинѣ его сердца, мысли, дотолѣ отгоняемыя, какъ навожденіе дьявольское, теперь съ новою силою заговорили въ умѣ его и росли по мѣрѣ сравненія ихъ съ младенческими убѣжденіями Католицизма.

Замѣчательна разительное сходство между пребываніемъ Лютера въ Аугсбургѣ и первымъ мѣсяцемъ пребыванія Гуса въ Констанцѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, Римская курія дѣйствовала по одинакимъ правиламъ. Она поставила ихъ безъ друзей, безъ помощниковъ, въ странѣ непривѣтной и незнакомой; болѣе всего боясь гласности, держась мудраго правила, что лучше подавить возмущеніе въ самомъ зародышѣ мѣрами кроткаго насилія, она подсылала и къ тому и къ другому закаленныхъ шпіоновъ, чтобы хитростію вынудить у нихъ примиреніе. Съ отвращеніемъ писалъ Лютеръ къ Спалатину объ Италіянскихъ козняхъ, незнакомыхъ Германіи, странѣ благородной, прямой, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ Аппенинскимъ полуостровомъ. Когда охранная грамота была изготовлена, онъ явился къ легату. Совершенная противоположность въ мысляхъ, побужденіяхъ и интересахъ съ самаго начала произвела разрывъ между Лютеромъ и Каетаномъ. Первое слово Нѣмецкаго монаха было требованіе доказательствъ, почему то, или другое его положеніе ложно; первое слово кардинала—требованіе безусловнаго отреченія по волѣ папы, безъ доказательствъ. Первый опирался на непреложномъ свидѣтельствѣ Библіи, второй, во все прѣніе, къ удивленію и ужасу Лютера, не коснулся Евангелія, а приводилъ только мнѣнія Ѳомы и слова буллы: «Extravagans.» Легатъ ссылался на власть папы уничтожатъ рѣшенія собора; Лютеръ доказывалъ совершенно на оборотъ, что папа подлежитъ его приговору, и

что Парижскій Университетъ, по ученію славнаго Герсона, аппеллировалъ къ собору на рѣшеніе папы. Казалось, эти два человѣка сошлись для того только, чтобы дразнить другъ друга противорѣчіями и выразить другъ передъ другомъ всѣ чувствованія взаимнаго ожесточенія и непріязни. Провидѣніе, ставя Лютера лицемъ къ лицу съ представителемъ самаго крайняго воззрѣнія Папистической Церкви, хотѣло какъ будто бы разорвать ихъ послѣднія связи. Одаренный пылкою душой, онъ не могъ безъ досады смотрѣть на рабское идолослуженіе папѣ, въ которомъ равномѣрно сходились всѣ члены Западной іерархіи, начиная отъ простаго монаха до кардинала. Второе совѣщаніе, уже болѣе шумное, нежели первое, подбавило еще одну каплю къ негодованію Лютера. Шагъ за шагомъ, систематически, сокрушались его прежнія вѣрованія подъ ударами убійственной логики кардинала. Онъ успѣлъ только выпросить позволеніе представить письменно свои отвѣты, которые и вручены легату на третьей аудіенціи. Каетанъ сталъ читать ихъ, но тотчасъ же бросилъ съ досадой, съ лаконическимъ возгласомъ: «Revoca, revoca!» Лютеръ, выведенный изъ терпѣнія, началъ кричать въ свою очередь, объявляя готовность отречься, если изъ словъ самой буллы доказано будетъ его заблужденіе. Стали искать, и онъ по складу рѣчи доказалъ справедливость своего мнѣнія. Пораженный легатъ скрылъ свое смущеніе и съ истинно Италіянскою увертливостію замялъ предметъ разговора; но Лютеръ учтиво напомнилъ его, приговаривая насмѣшливо: «Ваше святѣйшество не должно думать, чтобы мы, Нѣмцы, не разумѣли грамматики.» Разгнѣванный Каетанъ приказалъ ему удалиться (1). Такъ кончилось послѣднее свиданіе Лютера съ кардиналомъ. Въ воспоминаніяхъ перваго оно отразилось презрѣніемъ; въ умѣ втораго оставило ненависть и инстинктивный страхъ предъ ученостію и дивною проницательностію Нѣмца, читавшаго въ сердцѣ его, какъ въ разогнутой книгѣ: «Nolo amplius cum hac bestia loqui, habet enim profundos oculos et

(1) Aurif., I, ep. 64, p. 85—87.

mirabiles speculationes in capite suo,»—сказалъ онъ Ступицу,—и отказался отъ новой аудіенціи.

Лютеръ вышелъ отъ Каетана съ умомъ перерожденнымъ, съ убѣжденіями новыми. Эти три совѣщанія въ нѣсколько дней опредѣлили задачу всей его будущей жизни. Не ранѣе, какъ предъ началомъ допросовъ, онъ свидѣтельствовался въ своей преданности Западной Церкви; не позже, какъ по возвращеніи въ Виттембергъ, 31 Октября, 1518 года, ровно чрезъ годъ по прибитіи тезисовъ, покаяніе и священство выключены имъ изъ числа положеній. Постараемся, сколько возможно, объяснить эту чудную, внезапную перемѣну.

Историческій ходъ полемики Лютера показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду только возстановленіе догмата о необходимости дѣлъ для спасенія. Когда начались его совѣщанія съ легатомъ, онъ все еще находился подъ вліяніемъ прежнихъ впечатлѣній. Суждено было самому Каетану сообщить неожиданный оборотъ его мысли. Въ самомъ дѣлѣ, изо всѣхъ 95 положеній онъ выбралъ 58-е, гдѣ Лютеръ опровергалъ господствующее мнѣніе Латинской Церкви о заслугѣ Христа и Святыхъ, а именно: онъ говорилъ, что сокровище Церкви, изъ котораго папа раздаетъ индульгенціи, не суть заслуги Христа и Святыхъ; ибо эти послѣднія постоянно, безъ участія папы, дѣйствуютъ благодатію во внутреннемъ, а крестомъ, смертію и адомъ во внѣшнемъ человѣкѣ; въ дальнѣйшемъ развитіи мысли доказывалъ, что индульгенція есть *слѣдствіе заслуги Христовой*, т. е., преимущество церковнаго сана, зависимое отъ власти ключей, дарованной Церкви заслугой Христовой.

Мы видѣли выше, что Эккъ прежде всѣхъ вооружился на это положеніе, какъ отрицавшее благодатную силу папскаго отпуска. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы сообщить индульгенціи безконечную силу отпускать грѣхи и живымъ и умершимъ, необходимо было придать ей названіе заслуги Христовой, потому что только эта послѣдняя имѣетъ безконечно великую силу. Лютеръ же, называя ее только слѣдствіемъ заслуги, не переносилъ на нее всемогущаго характера жертвы Христовой, который, по его убѣжденіямъ, весь перешелъ на таинство покаянія, оставляя индульгенціи, какъ младшей

сестрѣ, только скудное право отпускать наружныя казни покаянной эпитимьи. Эккъ возражалъ на это безъ доказательствъ, что Христосъ, умирая на крестѣ, избавлялъ человѣка отъ обязанности удовлетворять правосудію Божію понесеніемъ всей тягости казней, которыя ожидали бы его безъ этой жертвы, и, уставивъ своей безконечной заслугѣ быть всемірной сокровищницей Церкви, отдалъ ее въ законное управленіе папѣ. Слова эти были только голословнымъ повтореніемъ системы Ѳомы Аквинскаго ([1]). Лютеръ, привыкшій въ дѣлѣ религіи *не полагать, а доказывать*, не отвергалъ всемірнаго общенія заслуги Христовой, но требовалъ доказательства на послѣднюю половину рѣшенія Экка: что сокровище этой заслуги, въ видѣ индульгенціи, отдано въ полное распоряженіе папы. Доказательства нельзя было найти «ни въ Св. Писаніи, ни въ Св. Отцахъ, ни въ канонахъ, а только въ буллѣ Климента VI, подъ названіемъ: «Extravagans,» начинавшейся съ словъ «Unigenitus.» Тамъ сказано именно, что Христосъ Своею крестною смертію пріобрѣлъ Церкви сокровище, и это сокровище есть индульгенція. Но для Лютера недостаточно было такого свидѣтельства, тѣмъ болѣе, что оно допускало не одно толкованіе. Такимъ образомъ споръ между Эккомъ и Лютеромъ на сей разъ остался нерѣшеннымъ.

По слѣдамъ, проложеннымъ Эккомъ, пошелъ Каетанъ и, рѣшившись, во что бы то ни стало, спасти честь любимой теоріи и вынудить отреченіе Лютера, упорно ссылался на, буллу Климента VI. Чтобъ побѣдить кардинала, не принимавшаго въ разсчетъ авторитета Библейскаго, Лютеръ по неволѣ долженъ былъ обратиться къ тому же источнику, и имъ доказать справедливость своего мнѣнія. Сверхъ чаянія попытка его удалась совершенно. Ключемъ къ неожиданному открытію, посрамившему гордость невѣжественнаго Италіянца, послужило значеніе слова: «Christus sua passione *acquisivit* thesaurum.» «Если Христосъ,» — такъ правильно умствовалъ Лютеръ,» — своею заслугою пріобрѣлъ сокровище отпуска, то заслуга его не можетъ быть этимъ сокровищемъ,

---

(1) Asterisci, XVIII p. 844—846.

а скорѣе сокровище—то, что заслужено этой заслугой, т. е., власть ключей, присвоенная Церкви» ([1]). Пространно это открытіе сообщено было Лютеромъ въ его письменныхъ отвѣтахъ легату, и притомъ со всѣми возможными натяжками, въ угожденіе папѣ и его уполномоченному; но такъ какъ послѣднему скучно казалось читать его длинное разсужденіе, то Лютеру пришлось на прямикъ, со всею Нѣмецкою откровенностію, объяснить его на словахъ безграмотному кардиналу.

На этотъ разъ побѣда рѣшительная осталась за Лютеромъ; но она не могла уже пригодиться ему, потому что въ продолженіе спора, и именно въ письменныхъ отвѣтахъ, онъ высказалъ нѣсколько словъ, свидѣтельствовавшихъ о совершенномъ переворотѣ въ его образѣ мыслей. Лишаясь послѣдней мнимой защиты въ вышеназванной буллѣ, индульгенція въ глазахъ преобразователя окончательно утратила свое значеніе. Тогда-то онъ вспомнилъ состязаніе съ Эккомъ, въ которомъ, по видимому, неправда была на его сторонѣ, потому что противникъ защищалъ положеніе о *неизмѣримой* заслугѣ Христовой, а Лютеръ опровергалъ его. Правда, воззрѣніе его направлено было на ту часть положенія Экка, гдѣ онъ говорилъ объ отдачѣ индульгенціи, какъ заслуги Христовой, въ полное распоряженіе папы; но все же онъ бралъ на себя непривычную роль отстаивать достоинство свободной воли и дѣланія человѣческаго, приписывалъ ему и *удовлетворяющую* и *заслуживающую* силу, несовмѣстную съ исключительностію всемірной заслуги, пріобрѣтенной крестною смертію Спасителя. Пока онъ доказывалъ простому народу необходимость добродѣтельной жизни, *какъ заслуги* передъ Богомъ, онъ не измѣнялъ характеру Евангельскаго проповѣдника; побужденія и обстоятельства оправдывали это названіе. Теперь онъ въ первый разъ высказалъ его и въ ученомъ сочиненіи, и притомъ съ такою силою и съ такою исключительностію, которыя могли и должны были казаться ему нѣкотораго рода отступничествомъ. Какъ бы то ни было, но прежніе софисты, поклонники папы, теперь защищали

---

(1) Aurif., I. ep. 64., f. 86, 6.

противъ него величіе и дѣйственность жертвы Христовой, а онъ, какъ будто бы изъ угожденія сектѣ Ѳомистовъ, оспоривалъ ея всемогущую силу, чтобы унизить индульгенцію, и доказавъ ея практическую безполезность, какъ будто затрогивалъ права благодати. Да и въ сочиненіяхъ его были мелкія противорѣчія, происходившія отъ желанія сказать истину, покоряя свой разумъ послушанію Церкви; такъ въ объясненіи тезисовъ онъ утверждалъ, что Святые Христовы не могутъ имѣть преизбыточествующей заслуги, потому что ни одинъ изъ нихъ не удовлетворилъ вполнѣ и за себя правосудію Божію, а въ Астерискахъ отвѣчалъ Экку совершенно напротивъ, что каждый долженъ стараться дѣлать добро *за себя и другихъ*. Все это теперь должно было живо представляться уму его и, при перемѣнившихся отношеніяхъ въ Церкви, казаться ему низкой угодливостію. Онъ вспомнилъ мѣста изъ учителей Западной Церкви, въ которыхъ благодати и вѣрѣ приписывается, по видимому, исключительное участіе въ спасеніи человѣка, а въ этихъ свидѣтельствахъ, что особенно важно, отпущеніе грѣховъ называется именно индульгенціей Божіей. Таково слово Бернарда: «Необходимо прежде всего увѣровать, что отпущеніе грѣховъ ты не можешь имѣть иначе, какъ *per indulgentiam Dei*; но, сверхъ того, необходимо увѣровать, что имъ дѣйствительно прощаются тебѣ грѣхи (peccata tibi donantur).» Сличивъ это мѣсто, конечно, съ намѣреніемъ приведенное имъ, въ письменныхъ отвѣтахъ съ буллой Климента VI, ему было не трудно согласить всѣ взаимныя требованія, примирить съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ и систему Ѳомы Аквинскаго о заслугѣ Христовой, слагающейся въ общую сокровищницу Церкви, и усвоеніемъ немощнымъ ея членамъ восполняющую недостаточность ихъ добрыхъ дѣлъ; допустить, для сокровища Церкви, самое названіе индульгенціи, освященное употребленіемъ Церковныхъ учителей, съ тою существенною оговоркою, что раздача сокровища совершается непосредственно Іисусомъ Христомъ, безъ участія папы. Къ этому новому смыслу вполнѣ приходилось 60-е его положеніе, что сокровище Церкви есть сила ключей, дарованная ей заслугой Христовой. «*Въ этомъ смыслѣ* истинно,» — прибавляетъ

Лютеръ въ отвѣтѣ легату,—«и заслуга Христова есть сокровище отпуска». Сила ключей такъ велика, что допускаетъ оставленіе удовлетворенія (in virtute clavium est, ut remittatur satisfactio). Сокровище отпуска неисчерпаемо и неизмѣримо, ибо и сила ключей неисчерпаема, *опираясь* непосредственно на заслугѣ Христовой (Ille thesaurus est inexhaustus et infinitus; quia virtus clavium est inexhausta, quæ merito Christi immediate nititur). Но собственно эта послѣдняя, когда сообщаетъ вѣрующимъ положительный даръ, есть сокровище не отпуска, а сокровище жизненной благодати. Ибо тогда она сообщается безъ *власти* ключей и безъ индульгенцій непосредственно Духомъ Святымъ, и никогда папой. Ибо посредствомъ любви къ Богу человѣкъ становится однимъ духомъ съ Христомъ, и въ Немъ причастнымъ всѣхъ Его благъ. Здѣсь рѣзкое различіе проводится между понятіемъ о неисчерпаемомъ сокровищѣ небеснаго отпуска и о посредствующей индульгенціи папской, для спасенія человѣка излишней, между неисчерпаемой *силой ключей* (virtus clavium), исходящей непосредственно отъ Духа Святаго, и посредствующей *властію ключей* (potestas, или ministerium clavium), какъ чисто внѣшнимъ выраженіемъ первой. Здѣсь въ первый разъ имя отпуска переносится Лютеромъ изъ тѣснаго смысла отпущенія Церковной эпитимьи въ гораздо обширнѣйшій—отпущенія Евангельскаго удовлетворенія. Послѣднее совершается вѣрою въ благодать Божію, безъ земнаго ходатая; но признакомъ примиренія съ Богомъ служитъ сила ключей, въ которой устами священника, или даже любаго Христіянскаго брата, Богъ самъ отпускаетъ свое наказаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и заслуга человѣка переносится съ практической его стороны на духовную: «Заслуга Святыхъ, *черезъ вѣру* во Христа, становясь съ Нимъ одной плотію и однимъ духомъ, производитъ одинакое дѣйствіе съ заслугой Христовой, ибо жизнь праведника не принадлежитъ ему, а живущему въ немъ Христу» (Галат. II, 20) (1). Но такъ какъ главною цѣлію Лютера на совѣщаніяхъ съ легатомъ было оправдать свои положенія, то легко было, особенно нѣкоторымъ изъ нихъ,

(1) Aurif., I, Ep. 63, f. 89—90.

дать обширнѣйшее примѣненіе къ вѣрѣ, или къ той всемірной индульгенціи, которая всякому вѣрующему усвоена великою жертвою Сына Божія. И въ самомъ дѣлѣ есть много разительныхъ аналогій между папской индульгенціей и этой небесной, если не въ самомъ понятіи, то въ особенности,—въ дѣйствіи его на народъ. Послѣднюю можно назвать облагороженною, но и усиленною индульгенціею, когда мѣра ея спасительнаго дѣйствія не опредѣляется нравственнымъ смысломъ христіанина. Особенная черта сходства заключается въ томъ, что какъ индульгенція папы основана на его прихоти, такъ и небесная предполагаетъ, во мнѣніи Лютера, какой-то произволъ Божественнаго домостроительства, усвояющаго спасеніе изліяніемъ Духа Святаго не всѣмъ человѣкамъ, а *кому пожелаетъ* Животодавецъ (thesaurus vitæ spiritus et propriissime a Spiritu Sancto distributus, *cui voluerit*) (1), и въ этомъ словѣ опять видимъ отзвукъ Августинова вѣроученія (2). Сходство это не ускользнуло отъ Лютера, который, тотчасъ послѣ Аугсбургскихъ допросовъ, приложилъ названіе небесной индульгенціи отпущенію вины, или вѣчному прощенію грѣховъ человѣка, въ противоположность земной или папской (отпущенію казни). Теперь же онъ ограничивается указаніемъ на 58-е свое положеніе, что заслуга Христа постоянно, безъ участія папы, дѣйствуетъ благодатію во внутреннемъ человѣкѣ, но, конечно, не безъ намѣренія, опускаетъ послѣднюю его половину: «Крестомъ, смертію и адомъ во внѣшнемъ», нарушая такимъ образомъ равновѣсіе въ двухъ частяхъ покаянія, по двумъ сторонамъ человѣка, духовной и тѣлесной.

Вотъ истинное начало реформаціи. Еще не сокрушились въ немъ всѣ вѣрованія Католицизма; еще въ 1519 году, излагая, по настоянію Мильтица, свою апологію или краткое исповѣданіе вѣры на Нѣмецкомъ языкѣ, онъ благоговѣетъ передъ Святыми, признаетъ чудотворенія, совершаемыя живущею въ нихъ силою Божіею, признаетъ и чисти-

(1) Ibidem, f. 91.
(2) Neander Kirchengeschichte, II, p. 813.

лице (¹); но измѣнившееся ученіе о благодати, зародышъ всѣхъ будущихъ его уклоненій, немедленно, послѣ Аугсбурскихъ допросовъ, проводитъ строгую раздѣльную черту между вторымъ періодомъ его богословскаго поприща и началомъ преобразовательнаго ученія. Правда, въ то время ученіе это еще не достигло конечнаго развитія; ему суждено было въ будущемъ подвергнуться нѣсколькимъ частнымъ видоизмѣненіемъ; но идея, взятая имъ въ основаніе, уже развилась окончательно. Было время, когда вся Латинская Церковь не на шутку обвиняла Лютера въ прямомъ отрицаніи необходимости добрыхъ дѣлъ, какъ излишнихъ для христіанина, оправданнаго вѣрою въ Іисуса Христа, и этимъ угожденіемъ страстямъ человѣческимъ объясняла быстрое распространеніе его реформаціи на материкѣ Европейскомъ. Это мнѣніе утверждено было общимъ признаніемъ и у насъ, на Руси, тѣмъ удобнѣе, что его оправдывали, по видимому, и событія реформаціонныя, что его крѣпко держалось и большинство Нѣмецкаго народа, современнаго Лютеру, и въ особенности, безобразный выродокъ его ученія, секта Антиномовъ, которая исключила 10 заповѣдей изъ Евангельскаго ученія и вообще изъ христіанской жизни, ссылаясь на виновника преобразованія. Но въ безпристрастной исторіи Лютеръ не понесетъ никогда безумнаго упрека въ мнимомъ *законоборствѣ*. Его ученіе о благодати, конечно, заключаетъ въ себѣ несообразности, но сущность его протестантскаго взгляда въ короткихъ словахъ такова: Оправданіе человѣка совершается туне благодатію Божіею, безъ участія его собственныхъ дѣлъ. Соблюденіе 10 заповѣдей остается непремѣнною обязанностію христіанина, но не прилагаетъ отъ себя ничего къ его вѣчному спасенію. Добрыя дѣла необходимы, не какъ путь къ вѣчной жизни, а какъ средство испытанія вѣры, какъ признакъ очищеннаго и благодарнаго сердца. Удовлетвореніе правосудію Божію совершается не дѣлами, а единственно вѣрой въ милосердіе Божіе, которое усвояетъ человѣку заслугу Христову и Его праведность. Вѣра покрываетъ всякій грѣхъ,

(1) Walch. XV, p. 842—849.

какъ бы сильно ни оскорблялъ онъ величіе Божіе; но грѣхъ можетъ быть только минутнымъ паденіемъ, ибо, «нѣтъ возможности, чтобы вѣра могла пребывать безъ многихъ, великихъ, постоянныхъ дѣлъ благочестія; съ другой стороны, если бы можно было, сохраняя вѣру неприкосновенно, совершить какое бъ ни было дѣло преступное, оно бы не было грѣхомъ». ([1]) Здѣсь практическая сторона христіанства лишается самостоятельности; въ отношеніи къ вѣрѣ и благодати пребываетъ праздною и страдательною, какъ содержимое къ содержащему; свободная воля не содѣйствуетъ благодати въ дѣлѣ спасенія, и жизнь христіанина поглощается вѣрою, разрѣшаясь въ ея дѣятельной неподвижности. Лютеръ не перестаетъ побуждать христіанъ къ добродѣтельной жизни; ссылается на слово Пророка, что заслуга Спасителя вызываетъ къ духовной борьбѣ, не подкладываетъ возглавія подъ рамена и главу (Іезек. XIII, 11), а влагаетъ въ руки оружіе, указываетъ и на слово Апостола: Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его ([2]); но уже постоянно оспориваетъ *заслуживающее* дѣйствіе исполненія заповѣдей, воспрещаетъ имъ доступъ въ царство небесное, гдѣ на судъ Божій предстаетъ только вѣра.

Краеугольный камень этому новому воззрѣнію полагается въ письменныхъ отвѣтахъ легату; здѣсь, въ первый разъ, благодать Божія и вѣра въ Іисуса Христа поставлены девизомъ приверженцевъ Протестантскаго ученія. «Отвѣты мои кардиналу»,—писалъ Лютеръ знаменательно къ Карлштадту изъ Аугсбурга, 14 Октября 1518, года,—«покажи всѣмъ нашимъ богословамъ: Амсдорфу, Меланхтону и прочимъ; ибо въ нихъ защищается *наше общее дѣло: вѣра въ Іисуса Христа и благодать Божія»* ([3]). Отселѣ вся жизнь преобразователя посвящена исключительно изложенію этого основанія въ немъ все торжество его и вся его слабость; въ немъ источникъ духовной силы, которая постоянно струится во вдохновенномъ

(1) Walch, XIX, p. 1723—1724, 4-е и 10-е положенія.
(2) Aurif., I, Ep. 76, f. 114, b.
(3) Walch, XV, p. 687.

словѣ учителя и проповѣдника; но въ немъ и зародышъ тяжкихъ, дневныхъ и ночныхъ, искушеній его келейной жизни. Этимъ ученіемъ о безусловномъ спасеніи вѣрою совершилъ онъ завоеваніе огромной половины Латинскаго міра, и нигдѣ болѣе, какъ въ этомъ ученіи, не блуждала его шаткая мысль, никогда не установившаяся въ неподвижной точкѣ развитія, подверженная вѣчному колебанію новыхъ ученій, безпрестанно оспоривающихъ ея исключительное преобладаніе въ умѣ преобразователя.

Аугсбургскія совѣщанія, играющія такую важную роль въ перемѣнѣ догматическихъ мнѣній Мартина, опредѣлили и послѣдующія отношенія его къ Западной Церкви. Онъ въ послѣдній разъ бросался ей въ объятія, подвергаясь съ покорностію суду кардинала; но она сама отринула его отъ нѣдръ своихъ. Вопросъ былъ рѣшенъ невозвратно; и оскорбленная гордость и внутреннее убѣжденіе звали его на болѣе обширное поприще. Такъ разрѣшилась великая драма 20 лѣтнихъ трудовъ его въ мучительномъ сознаніи, что онъ лучшую половину жизни своей потерялъ на защиту неправаго дѣла. Если онъ въ послѣдствіи отъ души ненавидѣлъ Римскую Церковь, мы не въ правѣ винить его. Сама она возростила въ немъ эту ненависть; сама потрудилась воспитать въ немъ достойное орудіе казни своей. Мысль Лютера о преобразованіи Церкви остается все таже; но путь къ ея достиженію прокладывается отнынѣ на развалинахъ Западной Римской. По возвращеніи въ Виттембергъ, онъ, еще въ томъ же 1518 году, произнесъ двѣ проповѣди, въ которыхъ прямо отрицалъ покаяніе, какъ таинство, и духовную силу священства (1). Приведемъ здѣсь свидѣтельство Лютера изъ позднѣйшей эпохи, въ посланіи къ жителямъ Лейпцига, изгнаннымъ герцогомъ Георгомъ Саксонскимъ по религіознымъ причинамъ. «Я чувствую не малое утѣшеніе и радость, что не самъ отрѣшился отъ папства, ибо я крѣпко держался красной блудницы и служилъ убійцѣ со всякимъ смиреніемъ; но она сама не захотѣла терпѣть

---

(1) Walch, X, p. 1476—1493; 1463—1476; такъ по порядку ихъ произнесенія.

меня, отлучила меня и изгнала изъ своей среды. Спасибо ей за то, что она своимъ гнѣвомъ помогла мнѣ высвободиться изъ ея разбойническаго вертепа и избавила совѣсть мою отъ всѣхъ ея ужасовъ, пытокъ и богохуленій» (1). Въ его отношеніяхъ къ папѣ, еще въ томъ же 1518 году, видимъ ужасающую постепенность возрастающей ненависти. 1) Въ письменныхъ отвѣтахъ, конечно, не безъ отношенія къ первому посланію своему къ папѣ, гдѣ онъ его голосъ считаетъ голосомъ самого Христа, Лютеръ приводитъ слово Панормитана, что «не только Вселенскій Соборъ, но и всякій христіанинъ выше папы, когда рѣчи его согласнѣе съ вѣрою,» и отъ себя прибавляетъ: «но голосъ Господа несравненно выше всякого голоса человѣческаго» (2). 2) Немедленно послѣ Аугсбургскихъ допросовъ, онъ уже дѣлаетъ строгое различіе между Римскимъ дворомъ и Римскою Церковію (3). Въ заключительной рѣчи, приложенной Лютеромъ къ изданію его похожденій въ Аугсбургѣ (Acta Augustana), въ Октябрѣ 1518 года, онъ прямо оспориваетъ первенство Рима, разбираетъ довольно подробно извѣстныя изреченія, (тексты) на которыхъ Латиняне основываютъ свои притязанія, и въ первый разъ обращается къ Восточнымъ Церквамъ съ любовію и уваженіемъ (4). 25 Ноября того же года онъ писалъ къ Спалатину: «Каждый день ожидаю проклятія изъ города Рима; а потому все располагаю и устроиваю такъ, чтобы, при первомъ ихъ появленіи, препоясаться въ путь и итти съ Авраамомъ, неизвѣстно куда.... Нѣтъ,— по знакомой дорогѣ, потому что Богъ вездѣ. Впрочемъ, оставлю прощальное посланіе» (epistolam valedictionis)» (5). Въ исходѣ Декабря, въ письмѣ къ Вячеславу Линку, уже подозрѣваетъ господство антихриста въ Римской куріи, а, въ Мартѣ слѣдующаго года, въ письмѣ къ Спалатину, прямо прилагаетъ папѣ названіе антихриста, но съ просьбою

---

(1) Walch, X, §. 32, p. 2243.
(2) Aurif, I, Ep. 63, f. 88.
(3) Walch, XV, p. 710, Aurif., I, f., 136, a.
(4) Walch, XV, p. 730—731.
(5) Aurif., I, Ep. 72, f. 104, b.

не разглашать этой тайны ([1]). Въ 1519 году, особенно на Лейпцигскомъ состязаніи, онъ уже стройно излагаетъ свое ученіе о Церкви съ точки зрѣнія Вселенской. Это высшая точка настоящаго развитія его на полѣ Церковной исторіи; на пренiи съ Эккомъ онъ открыто *защищаетъ ученіе Гуса и Апостольскую чистоту Восточнаго православія.* 6 Апрѣля 1520 года ([2]), Лютеръ, по настоянію друзей и легата, писалъ къ Льву X большое посланіе, которое дѣйствительно можно назвать его прощальною грамотою. Оно важно, какъ свидѣтельство историческое, какъ краткая, но вѣрная, лѣтопись его пройденной жизни и будущихъ ожиданій; тонъ посланія этого особенно поразителенъ въ сравненіи съ первымъ посланіемъ, отъ 30 Мая 1518 года. Тамъ младенецъ, разумѣніемъ и простодушіемъ вѣры, бесѣдуетъ съ представителемъ Бога; здѣсь строптивый, но сильный сознаніемъ правды, служитель даетъ наставленіе униженному властителю. Безпрерывно возрастающая страсть двигаетъ смѣлымъ перомъ преобразователя, разоблачаетъ весь внутренній міръ этого дивнаго человѣка, все, что въ продолженіе двухъ роковыхъ лѣтъ попеременно волновало его душу. Изложеніе носитъ на себѣ величавый оттѣнокъ изступленнаго одушевленія. Какъ странникъ, покидающій отчизну, проникнутый сознаніемъ своего одиночества, на широкой дорогѣ Божіей, отнынѣ ему предлежащей, онъ, старикъ преждевременный, озирается съ негодованіемъ на отжитую молодость. Чувство это проливаетъ неизъяснимую грусть на его прощальныя строки. Въ послѣдній разъ обращается онъ къ Льву X, какъ къ человѣку; ставъ уже твердой ногой на поперечную черту, отдѣляющую древнюю Латинскую Церковь отъ новаго Протестантизма, посылаетъ ему послѣдній поцѣлуй примиренія до окончательнаго разрыва. «Я называлъ тебя Даніиломъ въ Вавилонѣ; я съ любовію (egregio studio) защищалъ твою невинность (innocentiam tuam insignem) противъ хулителя Сильвестра (adversum contaminatorem tuum Silvestrum), ибо слава твоей незапятнанной жизни

(1) Aurif. I, Ep. 80, f. 124, b; Ep. 100, f. 156, a.

(2) У Вальха, 6 Септ., XV, 346-й докум. стр. 934.

промчалась по всей вселенной. Но я смѣло бросилъ укоризну (detestatus sum) на твое сѣдалище, называемое Римскою куріею, о которой весь міръ говоритъ, что она превзошла неправдой Содомъ и Гоморру. Мнѣ было досадно, что подъ именемъ твоимъ и подъ личиной Римской Церкви обруганъ былъ народъ христіанскій; я противосталъ беззаконію, и буду стоять, пока духъ вѣры живитъ меня. Тебѣ и самому не безъизвѣстно, сколько лѣтъ изъ Рима исходитъ постоянно погибель душъ и тѣлесъ; свѣтлѣе солнца эта правда, и Римская Церковь, нѣкогда святѣйшая всѣхъ, теперь обратилась въ самый хищный вертепъ разбойниковъ, въ самое непотребное логовище, въ царство грѣха, смерти и ада; трудно приложить что либо новое къ его беззаконію;— трудно, даже антихристу».

«А ты, Левъ, сидишь, какъ агнецъ посреди волковъ, какъ Даніилъ во рвѣ львиномъ, какъ Іезекіиль посреди скорпіоновъ (Матѳ. X, 16; Дан. VI, 16; Іезек. II, 6.). Что можешь ты одинъ противъ этихъ чудовищъ? Прибавь ученѣйшихъ и лучшихъ кардиналовъ, трехъ, или четырехъ, то будетъ капля въ морѣ. Вы прежде погибнете отъ яда, чѣмъ успѣете подумать о врачевствѣ. Римская курія отжила свой вѣкъ (actum est de Romana curia); фіалъ ярости Божіей излился на нее до конца. Соборы она ненавидитъ, преобразованія боится; свирѣпство разврата своего обуздать не можетъ; она исполнила послѣднюю черту пророчества о матери своей: Врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ: оставимъ, его и отъидемъ кійждо въ землю свою (Іерем. LI, 9).

«Твое дѣло было и твоихъ кардиналовъ исцѣлить ея язвы; но болѣзнь бѣжитъ врачевства; кони не слушаютъ возницы. Вотъ отъ чего, благочестивый Левъ, я всегда жалѣлъ, что ты воцарился въ наше время. Ты былъ достоинъ лучшей участи; ибо Римская курія не тебя и подобныхъ тебѣ заслужила, а самого діавола, который давно уже на всей волѣ своей царствуетъ въ этомъ Вавилонѣ. О несчастный Левъ, сидящій на опаснѣйшемъ престолѣ! Истину реку тебѣ; ибо желаю тебѣ добра».

«Притекаю въ послѣдній разъ, Святѣйшій отецъ, и у

ногъ твоихъ снова молю тебя, приложи руку, если возможно обуздай враговъ міра, твоихъ ласкателей. Остерегайся льстивыхъ сиренъ, которыя шепчутъ тебѣ на ухо, что ты не просто человѣкъ, а полубогъ (mixtus Deus); что ты въ силахъ все повелѣть, всего требовать. Не вѣрь имъ, ты не осилишь; ты рабъ рабовъ; нѣтъ несчастнѣе тебя человѣка, нѣтъ опаснѣе твоего положенія. Не давай обольщать себя тѣмъ, которые величаютъ тебя владыкою міра, которые внѣ твоей власти не признаютъ христіанъ, которые суесловятъ о владычествѣ твоемъ надъ небомъ, чистилищемъ и адомъ. Они враги твои; они ищутъ погубить твою душу. Заблуждается, кто возноситъ тебя превыше Соборовъ и Вселенской Церкви; заблуждается, кто приписываетъ одному тебѣ право толковать Писаніе.

«Впрочемъ, отъ меня не жди отреченія (palinodiam ut canam non est, quod ullus praesumat). Слово Божіе не можетъ быть связано» (1).

Отвѣтомъ на это посланіе была знаменитая булла проклятія, подписанная въ Римѣ 24 Іюня 1520 года, и принесенная въ Германію докторомъ Эккомъ. «Теперь я покоенъ,»—писалъ Лютеръ къ Спалатину,—«съ тѣхъ поръ, какъ убѣдился, что папа антихристъ, и престолъ его—престолъ сатаны» (2). Онъ немедленно издалъ опровержевіе *буллы антихриста* и призвалъ на помощь Нѣмецкій народъ.

Лютеру было 37 лѣтъ, когда онъ пораженъ былъ проклятіемъ папы. Ровно 105 лѣтъ протекло отъ знаменитаго прѣнія Гуса противъ папскихъ индульгенцій до прѣнія Лютера противъ тѣхъ же индульгенцій и ровно 105 лѣтъ отъ сожженія Гуса до проклятія Лютера. Вотъ описаніе личности его, составленное современникомъ на Лейпцигскомъ диспутѣ: «Мартинъ—средняго роста, до того истощенъ заботами и занятіями, что можно бы перечесть его кости на сухощавомъ тѣлѣ; впрочемъ, въ полной свѣжести зрѣлаго возраста; голосъ имѣетъ звучный и громкій. Онъ исполненъ учености

---

(1) Aurif., I, Ep. 166, f., 255—262.
(2) Aurif., I, Ep. 196, f., 287, a.

и знаетъ въ совершенствѣ Св. Писаніе, которое можетъ отъ доски до доски перебрать по пальцамъ. По-Гречески и Еврейски разумѣетъ достаточно, чтобы судить о достоинствѣ толкованій. Онъ имѣетъ огромный запасъ фактическихъ свѣдѣній, и слово его льется свободно. Въ обхожденіи учтивъ и привѣтливъ, не имѣетъ ничего напыщеннаго и стоическаго; умѣетъ поддѣлаться подъ всѣ возможные нравы. Въ обществѣ веселъ, шутливъ и игривъ; наружности всегда ясной и свѣтлой, какъ бы сильно ни угрожали ему противники. Трудно подумать, чтобы онъ, безъ благословенія Божія, могъ предпринимать такія дивныя вещи. Одинъ справедливый упрекъ ему дѣлаютъ всѣ, а именно: что онъ въ обличеніи слишкомъ дерзокъ и ѣдокъ, особенно для богослова и учителя вѣры» (1).

---

(1) Посланіе Петра Мозеллана къ Мышенскому дворянину, Юлію Пфлугу; Walch. XV, §. 8, p. 1422.

ГЛАВА VI.

Характеристика Гуса и Лютера, взаимное отношеніе одного къ другому и къ своему племени участіе послѣдняго въ ихъ духовномъ развитіи, и на сколько каждый былъ представителемъ онаго.

Изложивъ біографію Гуса и Лютера, обратимся къ рѣшенію вопроса: къ какимъ итогамъ приводитъ насъ ихъ изученіе? Есть множество внѣшнихъ совпаденій между частными случаями жизни того и другаго. Нѣкоторыя изъ нихъ уже указаны мною при самомъ изложеніи. Семейная жизнь начала, Университетъ продолжалъ, трудные опыты жизни довершили воспитаніе обоихъ. Проповѣдь перваго началась въ Виѳлеемской часовнѣ, на убогой скамьѣ, которую видѣлъ и описалъ Теобальдъ; проповѣдь втораго началась въ ветхой деревянной часовнѣ, которой сходство съ Виѳлеемской поразило наблюдательнаго Миконія. Гусъ ослушался перваго вызова въ Римъ, ссылаясь на опасности отъ враговъ своихъ; Лютеръ, по тѣмъ же причинамъ, отклонилъ отъ себя путешествіе въ 1518 году. Гусъ, когда настала пора пострадать за свои убѣжденія, по собственной волѣ предсталъ на Соборъ, не дожидаясь опасной грамоты, врученной ему на дорогѣ; такая же торжественная минута настала для Лютера на Вормскомъ сеймѣ, когда, на предостереженіе Спалатина, не въѣзжать въ городъ, гдѣ погибель его рѣшена, онъ отвѣчалъ спокойно: «Если бы они между Виттембергомъ и Вормсомъ зажгли пламя, вышиною до небесъ, и если бъ въ Вормсѣ столько сидѣло діяволовъ, сколько кирпичей въ цѣломъ городѣ, я не поворотилъ бы назадъ.» Путешествіе Лютера во многомъ напоминаетъ такое же путешествіе Гуса; изъ всѣхъ

городовъ ему выходили на встрѣчу, заставляли его проповѣдывать въ Эрфуртѣ, Готѣ и Эйзенахѣ. Гусъ въѣхалъ въ Констанцъ, Лютеръ въ Вормсъ, при огромномъ стеченіи любопытныхъ. Гусъ жилъ въ Констанцѣ подъ охраною двухъ благородныхъ рыцарей, Дубы и Хлума; Лютеръ проживалъ въ Вормсѣ подъ охраною рыцарей: Фридриха Тунскаго и Фабіана Фейлича, которымъ онъ былъ порученъ курфирстомъ Саксонскимъ. Какъ нѣкогда соборъ въ Констанцѣ, такъ тайные совѣтники императора Карла совѣщались о нарушеніи охранной грамоты (de rescindenda fide publica), и можно сказать утвердительно, что воспоминанія Гуса, живо воскреснувшія при одинаковыхъ обстоятельствахъ въ Вормсѣ, чудесно избавили Мартина отъ смерти. Императоръ Карлъ объявилъ прямо, что онъ не хочетъ краснѣть, какъ предшественникъ его, Сигизмундъ; а герцогъ Баварскій и пфальцграфъ Рейнскій, конечно, не безъ отношенія къ предку, курфирсту Людовику, распорядителю Гусовой казни, требовалъ неприкосновенности даннаго слова, и имѣлъ, по этому случаю, кровавую распрю съ маркграфомъ Іоахимомъ, Бранибоpскимъ курфирстомъ. Самъ Лютеръ надѣялся на сильное предстательство Гуса, когда писалъ къ Спалатину: «Я желалъ бы погибнуть отъ руки Романистовъ, но безъ вмѣшательства императора въ это темное дѣло; ибо ты знаешь, сколько горестей вынесъ король Сигизмундъ, послѣ Гусовой казни; ни въ чемъ не имѣя успѣха, умирая безъ потомковъ, ты помнишь, какою жалкою смертію погибъ и внукъ его, Ладиславъ, а жена его, Варвара Цильская, покрылась величайшимъ позоромъ.» Допросы Лютера также напоминаютъ во многихъ чертахъ плачевные допросы Гусу. Тѣ же ковы предубѣжденныхъ судей, то же самое физическое истомленіе отвѣтчика, тѣ же ложныя извлеченія статей, и тотъ же геройскій отвѣтъ: «Помоги мнѣ, Господи, ибо я не могу принести отреченія прежде, нежели уличатъ меня библейскими доводами!» Та же навязчивость въ желаніи вынудить отреченіе, съ помощію частныхъ, утомительныхъ, но безполезныхъ, допросовъ. Добродушное желаніе курфирста и архіепископа Трирскаго спасти Лютера, мнимымъ согласіемъ на требованіе противниковъ, приводитъ на память

переговоры Чешскаго узника съ кардиналомъ Остiйскимъ. Докторъ Iеронимъ Шурфъ на первомъ допросѣ Вормскаго сейма вступаетъ совершенно въ отношенія рыцаря Хлума, ободряетъ Лютера своимъ присутствіемъ, предостерегаетъ отъ опасныхъ отвѣтовъ, играетъ ту же роль попечительнаго друга, приходящаго на помощь тѣлесной немощи истязуемаго. Относительно всей вообще дѣятельности Лютера, кроткій Филиппъ Меланхтонъ и необузданный Гуттенъ, мужъ слова и дѣла, живо напоминаютъ смиреннаго и вѣрнаго дружбѣ нотарія Младеновица и драматическое лице Iеронима Пражскаго, мужа по преимуществу дѣловаго, строптиваго врага духовенства. Бездарный Кохлей, противникъ Лютера, не столько по убѣжденіямъ, сколько по зависти къ славѣ его, живой сколокъ съ Михайла de Causis; ученый Эккъ, сначала другъ Лютера, потомъ измѣнникъ и виновникъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ его на первыхъ порахъ, поражаетъ необыкновеннымъ сходствомъ съ отступникомъ Палечомъ. Но при всѣхъ этихъ внѣшнихъ сближеніяхъ, глубокое, внутреннее различіе раздѣляетъ двѣ великія личности: одного, представителя коренной Славянской стихіи въ исторіи Запада; другаго, великаго дѣятеля Германіи въ крайнемъ развитіи ея народной гордости, положившей яркую печать на всю его дѣятельность. Если вспомнимъ, какъ далеко разошлись оба племени на пути всемірноі исторіи, то этимъ однимъ проводится неизгладимая черта разъединенія между ихъ представителями. Постараемся же въ короткихъ чертахъ извлечь изъ жизнеописанія Гуса и Лютера коренныя черты племеннаго характера.

Здѣсь на первомъ планѣ выступаетъ Славянское происхожденіе Гуса. Доказывать его теперь показалось бы страннымъ; но было время,—и еще очень недавно,—когда ученый профессоръ Пёлицъ возглашалъ съ каѳедры всемірной исторіи при Лейпцигскомъ Университетѣ, что великія имена Гуса и Лютера принадлежатъ Германіи, возглашалъ съ выразительнымъ намекомъ на Славянское племя, обреченное, по мнѣнію близорукихъ писателей, на низкую долю тѣлеснаго и духовнаго рабства. Славянская наука въ недавнее время, въ лицѣ Шафарика, отвѣчала съ незлобіемъ

истинной критики на эти мелочныя придирки, раскрывая правдивую картину всемірной значительности и великаго призванія Славянскаго племени въ духовномъ мірѣ. Теперь, когда со всѣхъ концовъ Европы раздаются голоса свирѣпыхъ демагоговъ, а также безжизненныя теоріи кабинетныхъ ученыхъ, начинающихъ съ Гуса великое обновленіе жизни всего Западнаго человѣчества, на насъ лежитъ священная обязанность спасти личность *роднаго* героя отъ странныхъ сужденій, указать въ немъ неизгладимый отпечатокъ народнаго духа, который мощно пробивается изъ-за ложной личины космополитизма, навязаннаго на него ревнивыми иноплеменниками. Дѣло науки признать поучительное событіе въ исторіи развитія Европейскихъ народовъ,—а именно: вѣковое совмѣстничество Востока съ Западомъ, соревнованіе силы тѣлесной и духовной между Нѣмецкимъ и Славянскимъ міромъ,—вопросъ, котораго рѣшеніе, по видимому, отдаляется со дня на день, по мѣрѣ приближенія къ желанной развязкѣ. Это соперничество двухъ народностей можетъ быть нигдѣ не выражается съ такою силою и въ такой опредѣленности, какъ въ личности Гуса и Лютера. Историческая почва ихъ столкновенія, если не въ пространствѣ, то во времени, Чехія олицетворяетъ въ своей исторіи эту роковую вражду, продолжающуюся съ равною силою съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Славяне поселились около истоковъ Лабы (Эльбы). Гусъ наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ преданіями предковъ, какое-то инстинктивное отвращеніе къ Нѣмцамъ, и въ этой отрицательной чертѣ его характера сильнѣе всего выражалось его родовое начало. Онъ родился и началъ дѣйствовать въ минуту сильнѣйшаго онѣмеченія Чешской земли. Это послѣднее начато было еще Премысловцами; при Янѣ Люксембургскомъ грозило поглощеніемъ Славянской народности; при императорѣ Карлѣ IV старалось сгладить различіе между Чехомъ и Нѣмцемъ, не въ однихъ государственныхъ выгодахъ, а въ языкѣ, обычаяхъ, образѣ жизни народа. Славянское оставалось развалиною; Нѣмцы считали Чехію своею *исконною* родиною, хозяйничали въ ней на всей волѣ своей. Особенное господство Нѣмцевъ было въ Университетѣ и въ городской Думѣ. «Отъ Нѣмцевъ»,—говоритъ одинъ совре-

менникъ,—«Пражане имѣли огромныя выгоды, и Прага была ими чрезвычайно сильна; ибо сыновья великихъ князей, пановъ и другихъ вельможныхъ людей учились въ Прагѣ и жили въ ней, а потомъ на родинѣ дѣлались великими епископами и владыками; богатые купцы возили разнаго рода товары къ сыновьямъ своимъ, учившимся въ Прагѣ, поручая имъ распродать навезенное и, накупивши другаго товару, разослать родителямъ въ чужіе краи. Такъ было много въ то время Нѣмецкихъ магистровъ, баккалавровъ и студентовъ разнаго ученія въ Прагѣ, что съ трудомъ вѣрится, кто самъ не видалъ того, какъ мнѣ еще пришлось застать ихъ, и какъ разсказывали намъ старые магистры: Янъ Прибрамъ, Шиндель, Боротинъ, Матѳій Луда изъ Хлумчанъ, Янъ Звиковецъ и другіе студенты, которые увѣряли насъ, что внесенныхъ въ списки и причисленныхъ къ Коллегіи было въ то время 36000 (34000,46000), кромѣ тѣхъ, которые изъ училищъ ходили на Университетскія лекціи» (1). О составѣ городской Думы говоритъ тотъ же лѣтописецъ, что «въ ней всѣ совѣтники (консулы) въ то время,» т. е., когда казнены были Янъ, Мартинъ и Станиславъ «были Нѣмцы и латниковъ выбрали только Нѣмецкихъ, а также много было тамъ и другихъ обывателей Нѣмцевъ» (2). Полезное въ промышленномъ отношеніи, Нѣмецкое народонаселеніе гибельно дѣйствовало на народное начало. Въ такомъ положеніи засталъ Прагу Гусъ, когда изъ глуши областной жизни переселился въ шумную разноцвѣтную столицу, испещренную приливомъ всѣхъ Европейскихъ народовъ. Замѣчательно, что первые преподаватели его въ Университетѣ были Славяне: Магистръ Парижскій, Станиславъ изъ Зноима и прочіе. Въ начаткахъ Университетскаго образованія, гдѣ преимущественно развивалось соперничество своего и чужаго, безъ сомнѣнія, воспитана и возрасла въ немъ ревнивая любовь къ отечественной славѣ и чувство народной гордости въ умственномъ преобладаніи Славянина надъ Нѣмцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не Чехи

(1) Staří. letopisowé, str. 12.
Тамъ же стр. 17.

обращались къ Западу за сокровищами науки, а Нѣмцы толпами стекались въ первопрестольную Прагу, когда, въ половинѣ XIV столѣтія, во всей Германіи еще не было ни одной высокой школы, и самый старшій Университетъ, Вѣнскій, былъ все же много моложе Пражскаго. Осужденіе 45 статей Виклефа вышло преимущественно отъ Нѣмецкихъ магистровъ; Славянская сторона: Станиславъ изъ Зноима, Стефанъ Палечъ, Андрей изъ Чешскаго Брода имѣли по этому случаю жестокія распри съ своими совмѣстниками. Имена противниковъ Виклефа, приводимыя современными памятниками, были чисто Нѣмецкія: мы знаемъ магистра Вальтера Гарассера, изъ Баварскаго народа, преемника Гуса въ званіи ректора, который созвалъ весь Пражскій Университетъ въ коллегію Карлову для осужденія 45 статей Виклефа, и магистра Іоанна Губнера или Гибнера, родомъ изъ Силезіи, тогда уже онѣмеченной, котораго Гусъ на соборѣ, 28 Мая, 1403 года, прямо обличалъ въ подлогѣ небывалыхъ статей и требовалъ его наказанія ([1]). Гусъ, въ домѣ родительскомъ, привыкшій къ чистому, безпримѣсному языку своихъ предковъ, конечно, не безъ удивленія засталъ въ Прагѣ Чешскую рѣчь, испещренную до непонятности словами Нѣмецкими. Въ его Чешскомъ объясненіи на молитву Господню, сочиненіи, извѣстномъ намъ только по этой единственной выпискѣ въ исторіи Палацкаго ([2]), мы читаемъ слѣдующее, драгоцѣнное свидѣтельство: «Князья, паны, рыцари, владыки, мѣщане должны бы приложить стараніе, чтобы Чешская рѣчь не гибла; случится ли Чеху жениться на Нѣмкѣ,—чтобы дѣти тотчасъ же учились по-Чешски, и *не двоили рѣчи*, потому что двоеніе рѣчи подаетъ первый поводъ къ взаимной зависти, раздорамъ, непріязни и сварамъ. А потому, блаженной памяти императоръ Карлъ, король Чешскій, издалъ Пражанамъ указъ, чтобы непремѣнно учили дѣтей своихъ языку Чешскому, и чтобы въ городской Думѣ (na radném domu), которая по Нѣмецки называется Ратушей (Rathhaus) производились судъ и расправа по-

(1) Palacky, G. v. Böhm. III.
(2) Ibid. III, 238.

Чешски. Воистину, какъ нѣкогда Неемія, услышавъ, что дѣти Жидовскія «отъ полу глаголаху Азотскимъ языкомъ, и не умѣяху глаголати Іудейски,» проклялъ и поразилъ ихъ (Неем. XIII, 24, 25); такъ и нынѣ достойны бичеванія (mrskanie) Пражане и другіе Чехи, которые говорятъ въ половину по Чешски, а въ половину по Нѣмецки. Кто бы могъ вычислить вредъ, нанесенный ими Чешской рѣчи этимъ смѣшеніемъ? Такъ что когда слышитъ настоящій Чехъ (prawý Čech), какъ они говорятъ по своему, онъ ничего не разумѣетъ.» Стало быть, не одно высшее сословіе Чешскихъ пановъ, издавна подражателей всему иностранному, а всѣ жители Праги и другихъ городовъ заражены были въ то время гибельной германоманіей, и противъ этой послѣдней вооружился Гусъ. Но чтобы имѣть возможность воздѣйствовать на всѣ сословія народныя, ему надобно было перевести въ свои руки всѣ главныя средства умственнаго и духовнаго образованія народа. А потому, жизнь Гуса посвящается отселѣ преподаванію Университетскому съ одной, всенародной проповѣди съ другой стороны; вся его дѣятельность направлена на возстановленіе роднаго начала, во всѣхъ отрасляхъ жизни, и на низложеніе враждебнаго Западнаго элемента, который вмѣстѣ съ языкомъ обуялъ и религію. Выборъ его въ проповѣдники Виѳлеемской часовни, въ то время единственнаго храма, въ которомъ богослуженіе и проповѣдь совершались на Чешскомъ языкѣ (in vulgari Bohemico, quod ibi naturale existit, jure patronatus ejusdem Capellæ) [1], показывалъ довѣріе къ нему народа и его собственное направленіе. Когда Гусъ уже могъ надѣяться на вѣрное ручательство своимъ успѣхамъ въ любви огромнаго большинства Чешскаго люда, онъ рѣшился очистить и Университетъ отъ незванныхъ гостей, стѣснявшихъ его собственную дѣятельность. Не даромъ Назонъ на Констанцкомъ соборѣ указывалъ на него, какъ главнаго виновника изгнанія Нѣмцевъ; какъ представителя Славянской стороны, который, силою своего вліянія, вынудилъ рѣшительную мѣру у Вячеслава; не иначе смотрѣли на изгнаніе Нѣмцевъ

(1) Tenor appellationis, I, 91 на об.

и современные Чехи, видѣвшіе въ этомъ дѣйствіи Гуса не корыстное желаніе достигнуть первенства, а глубоко развитое чувство народнаго самосознанія. «Такъ какъ Нѣмецкіе студенты слишкомъ величались надъ Чехами и притѣсняли языкъ Чешскій, то Чешскіе магистры и студенты не хотѣли терпѣть того. А тѣ всѣ, которые выѣхали и вышли изъ Праги, воистину долго тужили по ней. Потомъ, когда магистръ Янъ Гусъ пріѣхалъ въ Констанцъ, они ставили ему это въ вину, и то была одна изъ главныхъ причинъ его смерти» ([1]). Дѣйствительно, многіе изъ Нѣмецкихъ изгнанниковъ возстали обличителями Гуса на соборѣ. Одинъ изъ нихъ, Силезецъ, Іоаннъ Гофманъ, бывшій ректоръ Университета, присутствовалъ на соборѣ, и въ 1415 году написалъ апологію Гусовой казни ([2]).

Съ изгнанія Нѣмецкихъ студентовъ начинается отъявленная вражда между Гусомъ и Нѣмцами, обнаружившаяся въ разнаго рода насиліяхъ и въ постоянномъ глухомъ противодѣйствіи послѣднихъ всѣмъ начинаніямъ Гуса. Не смотря на многія тысячи удалившихся Нѣмцевъ, ихъ еще много осталось по всѣмъ областямъ королества, и они всячески старались вредить Гусу. Большинство высшаго духовенства все еще состояло изъ Нѣмцевъ. Подозрѣніе въ ереси, которому Сбинѣкъ подвергнулъ все королевство, и которое такъ сильно смущало короля Чешскаго, исходило, по ясному свидѣтельству Гуса, первоначально отъ Нѣмцевъ: «Omne malum hæresis.... Bohemis Teutonici nunc imponunt» ([3]). Они питали раздоры между слабодушнымъ архіепископомъ и мстительнымъ королемъ, отъ которыхъ столько приходилось страдать проповѣднику. Между лицами, заподозрѣнными въ подкупѣ, во время переговоровъ съ Римскою куріею, мы встрѣчаемъ рыцаря Кунца,—имя, кажется, чисто Нѣмецкое. Гусъ не явился по вызову въ Римъ, ссылаясь на опасности путешествія отъ враговъ, и именно Нѣмцевъ. «Въ томъ ли состоитъ обязанность повиновенія, чтобы вызванное лице,

(1) Stařj, letopisowé, str. 12.
(2) Lenfant, H. du C. de Const. p. 31.
(3 Contra Stokes, Hist, et Mon. Hus, I. 108 на об.

неизвѣстное панѣ, обнесенное врагами (ab inimicis delata), пустилось въ отдаленный и опасный путь, на 300 миль, посреди враговъ (anxie vadat per inimicos), чтобы явиться къ новымъ врагамъ, свидѣтелямъ и судьямъ? Разстояніе для меня слишкомъ велико, отвсюду оцѣпленное врагами Нѣмецкими (est mihi distantia longa, inimicis Teutonicis undique circumsepta) ([1]). Когда Палечъ предлагаетъ вопросъ: отчего не являетесь въ Римскую курію? то можно отвѣчать ему просто: Потому что по дорогѣ, ведущей въ курію, предстоитъ опасность для имущества и жизни» ([2]). Во время продажи индульгенцій обнаружилось особенно сильно недоброжелательство Нѣмцевъ. Совѣтники Думы поплатились жестоко за гоненіе, воздвигнутое на Славянскую половину Пражскаго народонаселенія. «Магистръ Іеронимъ и Янъ Гусъ»—такъ сказано въ современномъ памятникѣ—«съ помощію благородныхъ Чеховъ и другихъ, принесли по этому случаю жалобу (къ королевскому престолу), и, на мѣсто 16 Нѣмцевъ, осталось только двое въ городской Пражской Думѣ» ([3]). Изъ Теобальда мы знаемъ, что Маркъ Градецкій съ другими докторами предостерегалъ Гуса отъ ярости Нѣмцевъ, и на то же обстоятельство указываетъ лаконическій возгласъ Іеронима Пражскаго, приводимый въ Старыхъ лѣтописяхъ: «Слышишь ли, магистръ Маркъ! Вѣдь ты за меня своего горла не подставишь; я самъ за себя положу свою голову!» ([4]). Всѣ посягательства на цѣлость Виѳлеемскаго храма, въ отсутствіе Гуса изъ Праги, исходили отъ Нѣмцевъ. Магистръ Рудольфъ предложилъ въ полномъ собраніи Университета воздвигнуть крестъ *на нѣкоторыхъ Чеховъ*, намекая въ этомъ случаѣ на Гуса, Палеча и Станислава ([5]). Гусъ въ Латинскихъ письмахъ стороною намекаетъ на это желаніе Нѣмцевъ сравнять съ землею его любимую часовню; но въ Чешской перепискѣ объясняется гораздо смѣлѣе и откровеннѣе. «Смотри, пожалуйста, Нѣмец-

(1) De Ecclesia, f. 244—245.
(2) Ad scr. Paletz, f. 256.
(3) Palacky. G. v. Böhm III, 296.
(4) Theob. Hussitenkr.—Stařj letopisowé, str. 16.
(5) Ad. scr. Pal. I, 255 на об.

кую наглость! Не смѣли бы разломать у сосѣда печь или хлѣвъ безъ королевской воли, а между тѣмъ дерзнули посягнуть на храмъ Божій» ([1]). Это относится къ нечаянному нападенію, учиненному нѣсколькими Нѣмецкими гражданами, съ согласія старомѣстскихъ Думныхъ совѣтниковъ, на Виѳлеемскую Церковь, во время Гусовой проповѣди, съ намѣреніемъ не оставить камня на камнѣ и схватить проповѣдника; но вдохновенные слушатели безъ оружія обрушились на вооруженную толпу и съ дикими возгласами патріотической пѣсни: «Отчаянные Нѣмцы, собравшіеся на Христа, и т. д.» разогнали злоумышленниковъ. Когда образовался союзъ 8 докторовъ — противниковъ Гуса, всѣ Нѣмцы, жившіе въ Чехіи, охотно приступили къ нему ([2]). Во время продолжительныхъ прѣній въ Пражскомъ Университетѣ объ ереси Виклефа, Нѣмцы являются снова въ рядахъ противниковъ Гуса. По этому случаю онъ косвенно нападаетъ на нихъ, остроумно выговаривая имъ за слѣпую ихъ преданность къ Западной Церкви. Въ 1411 году, по свидѣтельству Гуса, нѣкоторые магистры, баккалавры и студенты Пражскаго Университета, узнавши, что какіе-то магистры и доктора изъ королевства Англійскаго проживаютъ въ Прагѣ, отправились къ нимъ, и нашли между ними ревностнаго противника Виклефа, Іоанна Стокеса, лиценціата Кембриджскаго Университета. Не успѣвъ переговорить съ нимъ на свободѣ, при первомъ свиданіи пригласили его къ себѣ. Послѣ торжественнаго пира, учрежденнаго ректоромъ Университета, *съ истинно Славянскимъ гостепріимствомъ* ([3]), Стокесъ былъ еще приглашенъ для взаимнаго совѣщанія въ коллегію Карлову. Онъ согласился, но потомъ, отклоненный совѣтами своего товарища, какого-то Hartung Glux, не явился на вызовъ. Тогда магистры Университета, формально, въ присутствіи публичнаго нота-

(1) Palacky. G. v. Böhm III, S. 287, Anm. 387.

(2) «Paletz habens quasi omnium prælatorum regni Bohemiæ et Teutonicorum adhærentiam.» Ad. Scr. Paletz, I, 236.

(3) «Novit vestra sapientia quod studiosorum est, sapientes quærere, advenientes grate suscipere, ac ipsis honorativis existentibus honorificentiam exhibere,» говоритъ Гусъ въ началѣ диспута. Hist. Hus, I, 108.

рія, потребовали его къ отвѣту, тѣмъ болѣе, что разносилась молва о какихъ-то отзывахъ Стокеса, оскорбительныхъ для чести Университета и Чешской державы. Англичанинъ повторилъ безстрашно свое положеніе, что кто читаетъ или изучаетъ сочиненія Виклефа, какъ бы ни былъ отъ природы расположенъ къ сохраненію истинной вѣры, и какъ бы твердо ни пребывалъ въ ней, но съ теченіемъ времени непремѣнно впадетъ въ его ереси. А такъ какъ сочиненія Виклефа читались и съ уваженіемъ хранились всѣми членами Университета, то Гусъ принялъ это за личное себѣ оскорбленіе и вызвалъ его на публичный диспутъ, для доказательства своего мнѣнія, или отреченія, въ случаѣ, если бы доказана была неосновательность онаго. Нѣмцы заступились за Стокеса; Славянская сторона стояла за Гуса.

«Я постораюсь доказать,»—говорилъ Гусъ въ торжественномъ собраніи Университета,—«что г. Англичанинъ, желая избѣгнуть Харибды, сдѣлался жертвою Сциллы. Онъ утверждаетъ (чтобъ отстоять честь своихъ соотечественниковъ, которые въ Оксфордскомъ Университетѣ болѣе 30 лѣтъ изучаютъ сочиненія Виклефа), что М. Іоаннъ Виклефъ еретикъ, и что онъ родомъ не Англичанинъ, а Нѣмецъ; и такъ, если первая посылка объ ереси Виклефа справедлива, а родина его Германія, то слѣдуетъ прямо, что коренное начало ереси должно быть приписано Нѣмцамъ. Умозаключеніе правильно, потому что, по мнѣнію Стокеса, источникъ и начало всей ереси есть именно Іоаннъ Виклефъ. Возрадуйтесь, Нѣмцы, услышавъ пріятную новость, а вѣстникамъ поднесите богатые подарки!»

За тѣмъ слѣдуютъ доказательства, что Виклефъ былъ дѣйствительно природнымъ Англичаниномъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи мыслей Гусъ снова обращается къ Нѣмцамъ и, косвенно порицая смѣшныя притязанія ихъ на исключительное господство ихъ языка, защищаетъ священное право собственности въ религіи и словѣ народномъ, и вмѣняетъ Чехамъ въ обязанность защищать свой языкъ.

«Виклефъ всю Библію перевелъ съ Латинскаго языка на Англійскій. А такъ какъ нѣкоторые, неразумные священники въ Англіи, называли переводъ его еретическимъ, то

онъ обнаружилъ нелѣпость ихъ притязаній въ книгѣ о тройномъ союзѣ любви. Ибо возможно, что благородная королева Англійская, сестра Императора (Анна, дочь Карла IV) захотѣла бы имѣть Евангеліе на трехъ языкахъ, а именно: *Чешскомъ, Нѣмецкомъ*, Латинскомъ, и обвинять ее въ ереси за то было бы Люциферовымъ безуміемъ: *ибо, какъ Нѣмцы въ этомъ случаѣ имѣютъ полное право защищать свой языкъ, такъ и Англичане обязаны по той же причинѣ отстаивать свой.* Здѣсь ясно доказываетъ Виклефъ: *что Англичане имѣютъ точно такую же обязанность охранять свой языкъ, противъ невѣжественныхъ членовъ своего духовенства, какую и Чехи и Нѣмцы въ отношеніи къ своимъ языкамъ»* (1).

Гусъ не опускалъ случая выставлять враговъ своей народности въ каррикатурномъ видѣ, повторяя извѣстныя притчи, которыя въ то время были въ общемъ ходу между Чехами. Такова повѣсть о Найтардѣ Германцѣ, въ которомъ поднимается на смѣхъ тяжелая неповоротливость Нѣмецкихъ селадоновъ, въ сравненіи съ хваленою ловкостію Чешскихъ рыцарей, временъ Яна Слѣпаго, заслужившихъ удивленіе Чернаго Принца.

Гусъ при концѣ своей жизни помирился съ Нѣмцами. Мы видѣли, какъ онъ въ Германіи неожиданно встрѣтилъ сочувствіе въ простомъ народѣ и даже въ ученомъ сословіи; на всемъ его путешествіи хозяева и въ особенности хозяйки принимали его радушно, провожали благословеніями. Особенная причина такого явленія будетъ указана ниже. Въ Констанцкой темницѣ онъ нашелъ сострадательное сердце въ лицѣ тюремщика Роберта; переписывался тайкомъ съ своими друзьями *черезъ добраго и вѣрнаго Нѣмца* (per bonum et fidum Germanum). Передъ смертію благодарилъ Нѣмецкую стражу на ея родномъ языкѣ за оказанныя ласки и благодѣянія. Но духовенство Нѣмецкое отплатило ему за всѣ поруганія; Германія привела въ исполненіе кровавый приговоръ Констанцкаго скопища.

---

(1) Все это заимствовано почти буквально изъ диспута Гусова contra I. Stokes. Hist. et Mon. Hus. I, f. 108.

Преслѣдуя враговъ своего народа, Гусъ явился горячимъ поборникомъ его славы и чести. Сливая свою личность съ его великою личностію, онъ считалъ себя живымъ членомъ народнаго тѣла или, вѣрнѣе сказать, его живымъ средоточіемъ. Съ гордостью называлъ себя *природнымъ туземцемъ* Христіанскаго Государства—Чехіи (natus incola regni Bohemiæ Christianissimi), *законнымъ подданнымъ* (legius) Вячеслава, короля Римскаго и Чешскаго, питомцемъ и ученикомъ знаменитаго Университета, studii Pragensis ([1]); постоянно заступался не за личную славу, а за честь своего государя, затронутую подозрѣніемъ въ ереси ([2]); не вмѣшивался въ политическіе интересы, но всею силою слова и дѣла ограждалъ цѣльность своей отчизны. Онъ рѣшился защищать книгу Виклефа о Пресвятой Троицѣ, 1) во славу Всемогущаго Бога; 2) въ оборону гонимой истины; 3) и въ вящшее утвержденіе достохвальной чести королевства Чешскаго (ad fulciendam famam laudabilem..... ut honor regni Bohemiæ defensus latius rutilet), которая постоянно во всѣ времена процвѣтала крѣпостію Православной вѣры въ Чешскихъ мужахъ, такъ что ни одинъ истинный Чехъ (verus Bohemus) никогда не былъ упорнымъ еретикомъ ([3]). Онъ проливалъ слезы горести объ отступникахъ: Палечѣ и сообщникахъ его, наложившихъ пятно безславія на чистую ризу своего народа. Въ сердечномъ изліяніи чувствъ, въ посланіи къ рыцарю Хлуму, знаменательно повторялъ слово Бл. Іеронима: «Менѣе горести причиняетъ намъ зло, наносимое иноплеменниками, нежели та душевная пытка, которую терпимъ отъ присныхъ. Потому что мы вѣрили глубоко въ ихъ преданность, и, кромѣ лишенія жизни, насъ мучитъ сознаніе утраченной любви», и тотчасъ прибавляетъ: «Палечъ, вотъ свѣжая рана моего сердца» ([4]). Мы

---

(1) Contra Stokes, I, 168.

(2) «Malom duo combustionem librorum quæ Christianissimum regem Bœmiæ in suspicionem malam regionibus aliis stulte et improride deputavit.» De Trinitate.—Hist. et Mon. Hus. I. 106.

(3) De Trinitate, I, 105.

(4) Ep. 46, f. 71, 72.

помнимъ два предсмертныхъ завѣта, оставленныхъ имъ: одинъ Сигизмунду, въ которомъ онъ проситъ его «*возъимѣть состраданіе къ своему наслѣдству, не позволять ни одному иноплеменнику притѣснять его даромъ*»; другой къ Университету и всему народу: «Заклинаю васъ именемъ Божіимъ, любите другъ друга, искореняйте расколы; прежде всего имѣйте въ виду славу Божію, присно храня воспоминаніе, *какъ я скорбѣлъ объ вашихъ раздорахъ и беззаконіяхъ, какъ я желалъ совокупить во едино нашъ славный народъ*» (1). Великій двигатель единства народнаго, онъ изъ темницы Констанцкой посылалъ вельможамъ завѣтъ умирающаго — блюсти единеніе и цѣльность своего государства.

Не смотря на то, въ немъ не было исключительности народнаго себялюбія, которая съ завистію смотритъ на чужое добро и старается чернить его клеветою. Онъ съ уваженіемъ отзывался о Грекахъ, хвалилъ преимущественно Французскій народъ за многократные опыты твердости, оказанные его государемъ въ отношеніи къ папѣ и вообще духовенству; великодушно признавалъ надъ собой незаслуженное первенство Виклефа, старался поставить себя къ нему въ отношенія ученика къ учителю, съ которыми собственныя его сочиненія находятся въ такой знаменательной противоположности. Онъ превосходно высказалъ коренной законъ житейской мудрости нашего племени,— законъ Славянскаго хлѣбосольства. «Наше дѣло, студенческое, отыскивать мудрыхъ, радушно принимать пріѣзжихъ и, пока они сами ведутъ себя съ честію, оказывать имъ всевозможное гостепріимство» (2). Посвятивши себя исключительно служенію своему народу, живя безвыѣздно въ Чехіи, до самаго отбытія въ Констанцъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ мудрымъ хозяиномъ и распорядителемъ великой семьи, къ которой принадлежали всѣ Чехи. Чего онъ не могъ

---

(1) «Instetis, quod rex compatiatur suæ hæreditati et non permittat eam per unum discolum vexari gratis.» Ep. 54, f. 75. «Dolebam super discordiis et excessibus vestris, nationem nostram praeclaram volebam congregare in unum.» Ep. 18. f. 63.

(2) См. прим.

сдѣлать лично, то дѣлалъ за него Іеронимъ. Въ лицѣ послѣдняго, въ началѣ XV вѣка, Чехія, Польша, Литва и Русь подаютъ одна другсй руку братскаго единенія, въ духовной области вѣры. Іеронимъ связываетъ Гуса съ отдаленной Русью, въ то время одиноко преслѣдовавшей свое развитіе подъ тяготѣвшимъ вліяніемъ Азіатскаго Востока.

Обращаемся къ Лютеру, и видимъ явленіе тождественное по отношенію къ племенному характеру. Онъ представляетъ изслѣдователю рѣзко отмѣченный типъ завистливаго Нѣмца, презирающаго все иноземное, ненасытнаго въ своихъ притязаніяхъ на всемірное господство своего народа, и въ немъ себя самаго, какъ *пророка Германіи* (1), какъ живое ея олицетвореніе. Услуги его родной странѣ, его пламенный патріотизмъ, не требуютъ доказательствъ. Всѣ лучшія произведенія его патріотическія. Ими онъ началъ, ими и кончилъ свое поприще. Окружное посланіе къ императору Карлу и всѣмъ дворянамъ Нѣмецкой земли, въ 1520 году, есть первый значительный шагъ въ политическую область современной дѣствительности. При всѣхъ усиленныхъ занятіяхъ богословской наукой, онъ находилъ еще время слѣдить за событіями въ странѣ отечественной, заниматься исторіей Нѣмецкаго народа и государства. Онъ положилъ основной камень Нѣмецкому дѣеписанію, превосходно опредѣливъ путемъ исторической критики настоящія отношенія императора къ папѣ. Отъ того преобразованіе дѣлится ясно на два отдѣла: вѣроисповѣдный и государственный, отъ того реформаціи суждено было произвести такой неожиданный переворотъ въ государственной жизни Нѣмецкаго племени. Любовь къ родному вынесена Лютеромъ изъ родительскаго дома, возращена въ Университетѣ, окрѣпла въ борьбѣ съ Италіянскими софистами; она вызвала занятія его богословіемъ, она предварила въ немъ развитіе ѳеократическаго начала, столь много повредившаго его реформаціи. Изъ этой ревности ко славѣ и благу Германіи, исходили до конца

(1) «Wolan, lieben Deutschen, ich habs euch genug gesagt; ihr habt euren Propheten gehöret.»

его жизни самыя чистыя начинанія. Она сократила его земное поприще безвременными заботами, тяжелыми трудами, подъятыми словомъ и дѣломъ, чтобъ пробудить въ Германцахъ чувство славолюбія народнаго ([1]). Въ политическихъ своихъ наставленіяхъ онъ обнимаетъ всѣ отрасли государственной жизни, касается даже торговли и финансовъ, но болѣе всего обращаетъ вниманіе на христіянское воспитаніе дѣтей, и на расторженіе гибельныхъ связей съ Италіей. Въ сочиненіяхъ, сюда относящихся, читаются самые восторженные возгласы патріотизма. На примѣръ, говоря въ сотый разъ о необходимости обученія дѣтей, прибавляетъ: «Сколько разъ подвергался я опасности жизни за эти внушенія; но глубокое сожалѣніе о Германіи понуждаетъ меня служить ей противъ воли ея. Если продолжится наша адская неблагодарность, если крестная смерть Христова окажется у насъ тщетною, то я буду жалѣть о томъ, что родился Нѣмцемъ, что когда либо говорилъ и писалъ по Нѣмецки. Молю Бога объ одной милости, при послѣднемъ концѣ, чтобъ Онъ выключилъ меня изъ списка живыхъ, чтобы мнѣ не видать Его страшныхъ казней, которыя нѣкогда должны разразиться надъ Германіею. Думаю, что еслибы 10 Моисеевъ молились за насъ, молитва ихъ не была бы услышана. Чувствую и самъ, когда хочу молиться за возлюбленную Германію, что молитва отходитъ и не хочетъ подняться на небо» ([2]). Заслуги Лютера, какъ государственнаго преобразователя, разобраны уже выше. Борьба его съ папой за гражданскую свободу Германіи началась немедленно послѣ отлученія отъ Церкви, когда онъ пригласилъ на помощь Нѣмецкій народъ. «Не стану писать частнымъ образомъ къ Нѣмецкимъ князьямъ,»—говоритъ онъ въ письмѣ къ Спалатину отъ 4 Ноября 1520 году,—«но обновлю аппелляцію, публично вызывая на помощь *всѣхъ Нѣмцевъ, отъ мала до велика* (publica schedula invocaturus ad adhœsionem quoslibet Germanos magnos et parvos)» ([3]).

---

(1) «Lasset uns aufwachen, lieben Deutschen»—начало окруж. послан.

(2) Walch X, p. 529—531. См. еще Walch VII объясн. 1-й гл. Іоанна §. 490, p. 1712 —Walch, V. Объясн. 110 Пс. §. 272, p. 1516.

(3) Aurif. 1, Ep. 197, f. 288, Б.

26 лѣтъ служилъ онъ вѣрой и правдой Нѣмецкому народу; превосходно постигъ его натуру, господствующія черты и пороки, и оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ правдивое изображеніе Нѣмца. «Нѣмцы—прекрасный народъ»,—говоритъ онъ, въ дружеской бесѣдѣ съ Филиппомъ Меланхтономъ.— «Страна ихъ обильна, имѣетъ въ достаткѣ все, что нужно для поддержанія жизни. Въ ней много всякого рода плодовъ: хлѣба, вина, пшеницы, соли, металловъ; въ одномъ недостатокъ: что мы не умѣемъ цѣнить даровъ Божіихъ, не умѣемъ употреблять ихъ во славу Божію и въ пользу ближняго (1). Хваленая добродѣтель Нѣмецкаго племени есть прямота неизмѣнная, вѣрность данному слову. Клятвопреступничество Грековъ вошло въ пословицу; они получили свое наказаніе отъ Турокъ. Отъ нихъ вѣроломство пришло къ Италіанцамъ, которые давно привыкли смѣяться надъ клятвами. Папа Юлій II раздѣлилъ клятву на три части, вступилъ въ вѣчный союзъ съ императоромъ Максимиліяномъ и королемъ Французскимъ. Союзъ этотъ долженъ былъ пребывать неизмѣннымъ, какъ нераздѣльно Божество ипостасное. Такъ говорилъ папа, но грамота клятвенная скоро оказалась запечатана грязью, потому что святѣйшій отецъ разсорился съ тѣми, съ которыми ставилъ себя, богохульствуя, въ ипостасное единство. ««Я желалъ бы,»»—говорилъ на это какой-то Швейцарецъ,—««чтобы мы разъ навсегда поклялись никогда не соблюдать ни одной клятвы; авось послѣднее преступленіе клятвы положило бы конецъ вѣроломству.»» Но мы, Нѣмцы, ни одной добродѣтелію такъ не прославились и, какъ думаю я, доселѣ не возвеличились, какъ тѣмъ, что до сихъ поръ насъ принимали за честныхъ, прямыхъ, благородныхъ людей, которымъ дорого было данное слово: ей, ей, ни, ни. Мы, Нѣмцы, сохранили еще искру (Господь да соблюдетъ и возраститъ ее!) нашей старинной доблести; мы не разучились краснѣть; мы не любимъ слыть обманщиками; это имя въ ушахъ нашихъ звучитъ непріятно, и хотя и къ намъ проникаетъ этотъ порокъ Италіанцевъ и Грековъ, но мы еще держимся стариннаго

---

(1) Walch, XXII, c. 76, §. 1—2, p. 2346.

правила, что нѣтъ оскорбительнѣе браннаго слова, какъ названіе лжеца. Христосъ Богъ да поможетъ намъ Нѣмцамъ!» ([1]) Три главные порока находитъ онъ постоянно въ своихъ соплеменникахъ: 1) неумѣніе распорядиться, управиться съ самимъ собою, недостатокъ единства и цѣльности; 2) скупость; 3) объяденіе и пьянство. «Германія походитъ на прекраснаго молодаго коня, который въ волю ѣстъ кормъ и ни въ чемъ не нуждается, кромѣ опытнаго наѣздника. Она сильна народомъ и внутренней крѣпостію, но блуждаетъ во мракѣ безъ хорошаго кормчаго и главы государства. Чего хочешь, того просишь: нѣтъ разсудка, прилежанія и умѣнія употреблять во благо все, данное Богомъ ([2]). У насъ одинъ князь мѣшаетъ другому, одинъ городъ другому, и всѣ другъ другу такъ, что Германія правильно слыветъ: «Populus sine lege.» Здѣсь нѣтъ различія между сословіями: всякій князь императоръ, равно купецъ и торговецъ. Графъ тянется за княземъ, дворянинъ за графомъ, мѣщанинъ за благороднымъ, крестьянинъ за мѣщаниномъ, слуга за господиномъ: всякій дѣлаетъ что хочетъ ([3]). Италіанцы хвастливы; мы, Нѣмцы, похожи на несмысленныхъ Галатовъ, и чуть ли не правда, что мы отъ нихъ происходимъ. Очень желалъ бы я, чтобъ мои любезные Нѣмцы имѣли болѣе мужества и постоянства. Мы всегда съ жадностью и любопытствомъ бросаемся на новизну, какъ слѣпая лошадь въ огонь и въ воду; но дай только охладѣть первому пылу, и что прежде было намъ мило, то уже стало постылымъ ([4]). Отъ того нѣтъ презрѣннѣе народа въ Европѣ, какъ Нѣмцы; Италіянцы называютъ насъ бестіями; Французы, Англичане и другіе народы смѣются надъ нами ([5]); Турки называютъ насъ бабами, и несовсѣмъ несправедливъ укоръ, что мы, Нѣмцы, забыли нашу преж-

---

(1) Walch, V, Объясн. 101 Пс. §. 194, 195, 198, p. 1284 folg.
(2) Walch XXII, c. 76, §. 9—13, p. 2331, 32.
(3) Walch V. Объясн. 82 Пс. §. 50, p. 1054.
(4) Walch, VIII, Объясн. на посл. къ Галат. гл, 1 §. 119, p. 1639, гл. 3, §. 10, p. 1934
(5) Walch, XXII, 2332.

нюю доблесть и выродились» ([1]). О непомѣрной скупости и алчности къ деньгамъ неоднократно свидѣтельствуетъ Лютеръ, особенно въ обличеніи ростовъ. «Эпикурейцы, отъявленные безбожники, освобождающіе себя отъ всѣхъ религіозныхъ оковъ, начинаютъ проникать и въ Германію; Италія пересылаетъ къ намъ свои добродѣтели незамѣтно, негаданно. Вотъ что приносятъ съ собой придворные и ландскнехты, побывавши въ Римѣ и научившись тамъ кой-чему. У Италіанцевъ пословица: «Uno Tedesco Italiano e uno diabolo incarnato.» Вмѣстѣ съ правленіемъ переносятся къ намъ Италіанскія язвы; скоро и Германіи можно будетъ поставить надгробный памятникъ съ надписью: «Fui.» Какой-то дворянинъ, разговаривая со мной о жалованьѣ войску, упомянулъ, между прочимъ, о великомъ ростѣ, который называется «Umschlag»; я прежде никогда и не слыхивалъ такого названія. Какъ? спросилъ я съ ужасомъ, неужели нѣтъ у людей ни совѣсти, ни страха суда Божія?—«Вотъ что говорятъ они», было отвѣтомъ его: «Meinest du, dass noch ein Kerl in diesem Kerle stecke?» Это слово, какъ острый ножъ, вонзилось въ мое сердце, потому что я не подозрѣвалъ возможности такихъ дерзкихъ рѣчей въ Нѣмецкой землѣ!» ([2]) Лютеръ постоянно преслѣдовалъ Нѣмцевъ за страсть къ денежному прибытку, за хищность, которая у бѣдныхъ сельскихъ священниковъ отнимала и безъ того скудныя средства существованія. «Если найдетъ когда либо казнь на Германію, а это должно быть скоро,»—говаривалъ онъ,—«то скупость и ростовщичество будетъ главнымъ смертнымъ грѣхомъ, за который дадимъ отвѣтъ Богу» ([3]). «Послѣдняя язва—неумѣренность въ пищѣ и питьѣ (der Missbrauch Fressens und Saufens), отъ которой страдаетъ въ чужихъ странахъ наше доброе имя, какъ отъ порока, собственно принадлежащаго намъ» ([4]). Лютеру больно было слышать отъ иностранцевъ,

---

(1) Walch, VII Объясн. I. гл. Іоанна, §. 185, p. 1812.—Walch, V Объясн. 2-й Пс. §. 126, p. 164.

(2) Walch, V Объясн. 101-го Пс. §. 123—124, p. 1244, §. 205.—Walch, XXII, 2362.—Walch, VIII. Объясн. 15-й гл. Іоанна, §. 143, p. 399.

(3) Walch, X, §. 98, p. 1087.

(4) Walch, X—27-я статья окруж. послан. къ дворянамъ.

что Французы живутъ гораздо умѣреннѣе, ведутъ себя порядочнѣе, нежели Нѣмцы; что даже въ плясках у нихъ больше порядка, танцуютъ попарно, а не гурьбою, какъ Нѣмцы; что Нѣмцы учатся воровству у Испанцевъ, точно такъ, какъ Испанцы у Нѣмцевъ объяденію и пьянству (1). «Каждый народъ,»—говорилъ онъ,—«имѣетъ своего діявола; бѣсъ Италіянскій есть бѣсъ надменности; надъ Греціей властвуетъ духъ лживости и легкомыслія; надъ Франціей духъ разврата и вѣроломства; надъ Германіей собственно духъ объяденія и пьянства (2). Отсюда пословица: «Italorum devotio et Germanorum jejunia fabam valent omnia (3). Нѣмецкій діяволъ предстаетъ намъ въ образѣ хорошаго виннаго мѣха, называемаго пьянствомъ. Онъ до того ненасытенъ, что все множество пива и вина не можетъ утолить его жажды. Эта вѣчная жажда, боюсь, останется язвой Германіи до Страшнаго Суда. Италіанцы имѣютъ право называть насъ раздутыми Нѣмцами (die vollen Deutschen), и Турки, въ сравненіи съ нами, настоящіе монахи. Духъ пьянства обуялъ Германію; постыднымъ образомъ пропиваетъ она свою честь и имѣніе, и проводитъ жизнь истинно свинскую; трудно изобразить ее на картинѣ иначе, какъ въ образѣ свиньи. Во всей Германіи немногіе чисты отъ грѣха; мальчики, дѣвы и женщины еще совѣстятся; еще на столько осталось приличія, что не исчезла пословица: Пьяную бабу стоило бы раздавить на улицѣ. Проповѣдники словомъ, дворяне запретами и взаимными между собой обязательствами, удерживали и доселѣ удерживаютъ, сколько возможно, отъ ужасныхъ послѣдствій этой заразы, возрастающей у насъ на глазахъ. И все таки пьянство остается всемогущимъ идоломъ Нѣмцевъ; оно похоже на море и на водяную: океанъ не насыщается водами, въ него втекающими; въ водяной отъ питья прибываетъ жажда. У насъ вино затемняетъ разсудокъ, вливаетъ отраву и смерть» (4).

(1) Walch, XXII, 2363—2332.
(2) Walch, VII Объясн. 17-й гл. Матѳ. §. 35. p. 802.
(3) Walch, XII, §. p. 1668.
(4) Walch, V. Объясн. 101-го Пс. §. 190, p. 1281, s. q. q. — Walch, XII, §. 7—11, p. 789—791.

Не смотря на безстрашное обличеніе пороковъ народныхъ, Лютеръ во всемъ отдаетъ первенство Нѣмцамъ, ставитъ личность своего народа надъ всѣми другими. У него часто составлялись кружки патріотовъ, которые долго бесѣдовали «о народахъ Нѣмецкаго племени, имѣющихъ болѣе прямодушія, болѣе привязанности къ истинѣ, нежели Французы, Италіанцы, Испанцы, Англичане» и пр. Здѣсь чинились нападенія на всѣ иностранные языки, и Лютеръ платилъ дань общей слабости своего племени, которая, безъ дальняго разбора и знанія дѣла, отдаетъ своей рѣчи ничѣмъ не доказанное первенство. «Что Нѣмцы правдолюбивѣе прочихъ народовъ,»—говоритъ Лютеръ,—«это доказываютъ языки и произношеніе послѣднихъ: «weil sie läppisch und zischend die Worte pronuncieren und reden.» Ничего не могло быть выразительнѣе въ устахъ его, какъ внутренняя связь между словомъ и мыслію въ слѣдующемъ отзывѣ о Французахъ: «Они пишутъ иначе, чѣмъ говорятъ, и говорятъ иначе, нежели думаютъ. Нѣмецкій же языкъ есть совершеннѣйшій, превосходитъ правильностію Латинскій и много имѣетъ сродства съ Греческимъ» ([1]). Между тѣмъ, какъ мало права имѣлъ Лютеръ дѣлать заключеніе такого рода, видно изъ того обстоятельства, что вся великая отрасль Славянскихъ нарѣчій всегда оставалась ему чуждою. Такъ онъ говорилъ о Чешскомъ нарѣчіи, что оно *больше всего принадлежитъ къ рѣчи Вендской:* «Die Böhmische Sprache ist das mehrertheil Wendisch» ([2]). Гусъ зналъ въ совершенствѣ Нѣмецкій языкъ, говорилъ и писалъ по Нѣмецки; Лютеръ довольствовался плохими переводами Гусовыхъ писемъ на Латинскій и Нѣмецкій языкъ; но Гусъ не осмѣлился произнести опрометчиваго сужденія о чужихъ языкахъ, считая слово неприкосновенною собственностію каждаго народа.

Всего же болѣе ревнивое чувство реформатора выражается въ его личныхъ отношеніяхъ къ народу. Въ Евангельской проповѣди, возсіявшей Германіи въ новѣйшее время, онъ видѣлъ признакъ особеннаго благословенія свыше избран-

---

(1) Walch, XXII, c. 76, §. 24, p. 2361.
(2) Ibid. c. 69, §. 1, p. 2254.

никамъ Божіимъ. «Слышишь ли, папа?»—такъ заключаетъ онъ знаменитое Окружное посланіе къ Нѣмецкимъ дворянамъ,—«да разразитъ Господь съ неба твой Римскій престолъ и да погрузитъ его въ преисподнюю! Кто далъ тебѣ право учить христіанъ, и *въ особенности благородное Нѣмецкое племя*, (sonderlich Deutsche Nation, die von edler Natur), *хваленое во всѣхъ исторіяхъ за свое постоянство и вѣрность*, измѣнять своимъ клятвамъ? О Господи! Призри на его беззаконіе! Яви страшный Твой судъ и раскопай гнѣздо діявола въ Римѣ!» По мнѣнію Лютера, всѣ другіе народы давно уже истощили запасъ жизненной силы, отжили вѣкъ свой, и царство Христово въ нихъ воплотиться не можетъ. «Что сталось съ прекрасной Азіей, Египтомъ и Греціею? Что такое знаменитый городъ Аѳины, нѣкогда звѣзда и жемчужина Греціи, какъ не пустынная пристань, гдѣ едва живетъ одинъ, или два рыбака, и развалины, по которымъ трудно узнать, что стоялъ тутъ нѣкогда городъ? Что древній Римъ, какъ не кладбище, гдѣ легли властители вселенной, а домы ихъ и величавыя зданія наброшены на ихъ трупы? Во время Апостоловъ, христіанство процвѣтало въ Азіи, Греціи и во всѣхъ областяхъ, покоренныхъ Турками; но когда люди ослабѣли въ вѣрѣ, Богъ отнялъ у нихъ Свое слово, и наслалъ на нихъ Магомета, Италіанцамъ далъ папу и съ нимъ всѣ возможные ужасы, отрицаніе вѣры и все царство антихриста (1). Возстановить ученіе вѣры, стать во главѣ всей Европы юнымъ, свѣжимъ сосудомъ христіанской идеи—предоставлено Нѣмцамъ. Греція, Римъ, Іерусалимъ и другія страны отреклись отъ Христа; Онъ *приходитъ къ намъ*, посѣщаетъ насъ милостиво словомъ мира, спасенія и жизни» (2).

Но Лютеръ, отдавая религію Христову въ монополію своимъ землякамъ, не могъ скрыть отъ себя глубокаго внутренняго противорѣчія, которое снова исходило изъ Славянскаго міра. Онъ благоговѣлъ передъ памятію Гуса, который

(1) Walch, V, Объясн. 110 Пс. § 281, p. 1521.—Walch, XII, Объясн. I-го Петр. Гл. V, ст. 5—11, § 50, p. 922.—Walch, XXII, p. 21, 83, 141, 172.

(2) Walch, V, объясн. 110 Пс., §. 233—234.—Walch, VII, обья. 1 Гл. Іоанна, §. 185, p. 1512.

за 100 лѣтъ до него исповѣдалъ гонимую истину, называлъ себя ученикомъ его, дѣйствительно заимствовалъ у него многія части вѣроученія; а Гусъ былъ Славянинъ душою и плотію, не жаловалъ Нѣмцевъ и умеръ за Славянскую родину. Лютеръ не долго ломалъ себѣ голову надъ этой задачей. Онъ первый, безъ дальняго разбора, окрестилъ Гуса Нѣмцемъ, причисливъ народъ его къ Нѣмецкому племени. «Wir Deutschen, Böhmen, Pohlen», etc., говорилъ онъ свободно, и въ его родинѣ некому было остановить его. Впрочемъ, это не было никогда его убѣжденіемъ. Долго и пламенно оспоривалъ онъ, въ 1519 году, обличеніе Экка, который приписывалъ ему Славянское происхожденіе. До конца своей жизни чуждался Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ, не смотря на то, что признавалъ превосходство устройства ихъ Евангельской общины. Вообще о Славянахъ отзывался всегда съ какою-то ненавистію, съ изумительнымъ предубѣжденіемъ, хотя мало входилъ съ ними въ личное прикосновеніе и заимствовалъ у нихъ только доброе. Вотъ безумный приговоръ его, произнесенный надъ нашими братьями: «Изо всѣхъ народовъ почти нѣтъ хуже Вендскаго (Славянскаго), среди котораго Богъ велѣлъ жить намъ, потому что Онъ обращается всегда къ худшему народу. Какъ Онъ пророковъ и Христа посылалъ къ Іудеямъ, роду лукавому, избившему посланныхъ, такъ и Христосъ приходитъ сюда разрушить дѣла діявола и изгнать бѣсовъ, живущихъ здѣсь въ городахъ и селеніяхъ. Если бъ былъ народъ еще злѣе Вендовъ, Евангеліе возсіяло бы первоначально въ его предѣлахъ» (1). Въ другомъ мѣстѣ Лютеръ говоритъ о Саксоніи, «что въ ней живетъ народъ безпривѣтный и неучтивый, гдѣ никто не угощаетъ ни краснымъ словцомъ, ни лакомымъ кускомъ, гдѣ не найдешь радушнаго пріема, гдѣ говорятъ какимъ-то

---

(1) «Von allen die ärgste ist fast die Nation der Wenden, da uns Gott eingeworfen hat. Denn Gott wendet sich zum schlimmsten Volke, wie er die Propheten und Christum zu den Juden schickte, dem schlimmen Volke, das sie tödtete. So kommt auch Christus hieher unter die Wenden, das er des Teufels Werke erstöre und die Teufel austreibe, die hier in Dörfern und Städten wohnen. Wenn ein böser Volk wäre denn die Wenden, so musste das Evangelium daselbst aufgegangen sein». См. Jurg. II, 109.

ломанымъ Нѣмецкимъ нарѣчіемъ, и грубые жители не знаютъ приличія. Потому-то и дивлюсь я, почему Богъ такому неотесанному, грубому и дикому народу, впервые явилъ свѣтъ Евангельскій. Нисколько не сомнѣваюсь, что въ этой странѣ, кругомъ Виттемберга, встарину жило самое злое племя» ([1]). И здѣсь онъ имѣетъ въ виду нашихъ Западныхъ братьевъ, и именно сильную отрасль Сербскаго племени, Лужичанъ, удержавшихся тамъ до позднѣйшихъ временъ. Его отвращеніе къ народу, истерзанному, забитому гоненіемъ Нѣмцевъ, объясняется только наслѣдственнымъ недоброжелательствомъ ко всему, что носило печать Славянства. Точно въ такихъ выраженіяхъ отзывался онъ объ Южныхъ Славянахъ и объ нашей Россіи. Онъ не щадилъ Хорутанцевъ, не смотря на то, что они явились доступными его ученію, и своею уклончивостію вовсе не оправдывали его строгаго приговора надъ Сѣверными ихъ соплеменниками. Когда доносили ему, что въ Угріи, гдѣ властвуютъ Турки, распространяется Евангеліе, и люди, способные къ служенію проповѣди, посылаются оттуда на постановленіе въ Виттембергъ, *что показываетъ преобразованіе церквей въ Хорутаніи*, онъ отвѣчалъ: «Слава Богу, что Богъ хочетъ властвовать и между врагами, и являть Свое имя и въ гоненіи крестномъ!» Здѣсь названіе враговъ можетъ быть настолько же приписано Туркамъ, сколько и Славянамъ ([2]). По крайней мѣрѣ и Рускихъ онъ ставилъ на одну доску съ Татарами и Турками, когда, разбирая дѣйствія Аугсбургскаго сейма, возглашалъ, въ порывѣ негодованія: «Что станутъ говорить объ насъ Турки, Татары и Москвитяне? Кто въ цѣломъ мірѣ будетъ бояться Германіи и уважать прямодущіе Нѣмцевъ?» ([3]). Или, приводя текстъ псаломскій: «Увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися, вселихся съ селеніи Кидарскими» (119, 5), объясняетъ послѣднюю его половину наивнымъ сравненіемъ: «Я странникъ между Москвитянами и

---

(1) Walch, XXII, c. 76, §. 22, p. 2359, s. q. q.—Walch, I, объясн. 9 и 23. Гл. Быт. р 898, 2441.
(2) Walch, XXII, c. 1, §. 19, p. 26.
(3) Walch, XVI, §. 28, p. 1975.

Татарами» ([1]). Или, наконецъ, въ застольныхъ рѣчахъ: «Я не жалую нашей внутренней стражи (Landsknechte); я согласился бы скорѣе жить между *Турками или Татарами и Москвитянами*, нежели подъ ихъ покровительствомъ. Потому что хотя бы тѣ и погубили и казнили меня, но все же я зналъ бы, кто мой убійца, а именно Турки» и пр. ([2]) Стало быть, Лютеръ о Русскихъ XVI вѣка (вѣка Ивана Васильевича Грознаго, который такъ охотно и милостиво бесѣдовалъ съ Лютеранскими пасторами,) держался такого мнѣнія, что ему стоитъ только показаться въ Россію, чтобы жители ея съ наслажденіемъ упились его кровію?

Другая черта племеннаго характера Гусова заключается въ его воспитаніи. Семейная жизнь доводитъ его до юношескаго возраста, приготовляетъ къ общественной дѣятельности. Но она же начала воспитаніе Лютера. Семейство, даръ Божій, не составляетъ исключительной собственности того, или другого, народа; но въ образѣ его проявленія у разныхъ народовъ едва ли не ярче всего выдаются ихъ коренныя черты. У Славянъ она выражалась въ естественномъ соподчиненіи отдѣльныхъ членовъ главѣ или родоначальнику. Отсюда главный законъ нераздѣльности семьи и общности поземельной собственности, находящейся въ ея владѣніи. Эта крѣпость семейнаго союза освятилась высшимъ значеніемъ, по введеніи христіянства, и обратилася въ неизмѣнную заповѣдь благоговѣнія ко власти родительской. Отсюда у Славянъ уваженіе къ преданію предковъ, любовныя связи между членами семьи въ самомъ обширномъ смыслѣ, неподражаемое ни въ какихъ языкахъ богатство названій для всѣхъ возможныхъ степеней родства. Отсюда, еще въ глубокой древности, заступничество сестеръ за братьевъ и на оборотъ, побратимство и посестримство до сихъ поръ у Южныхъ Славянъ. У древняго Нѣмца сладость семейнаго чувства сосредоточивалась по преимуществу въ супружеской жизни. Еще Тацитъ восхвалялъ древнихъ Германцевъ за супружескую вѣрность, въ которой превосходили

(1) Walch, II, объясн 23 гл. Быт. §. 38, p. 26
(2) Walch, XXII, с. 2, §. 73, p. 152.—См. еще XII, p 108.

они всѣ народы, извѣстные Римлянамъ. Лютеръ говоритъ также о старинныхъ пѣсняхъ Нѣмецкихъ, воспѣвающихъ супружескую вѣрность и чистоту; ихъ любимая мысль, что ничего нѣтъ изящнѣе, ничего лучше жены, которая любитъ своего мужа. Христіянство подвинуло одною ступенью выше эту плотскую привязанность. Жизнь наѣздническая, подвижная, рано выгоняла стариннаго Нѣмца изъ-подъ крова родительскаго, пріучала смотрѣть на себя, какъ на полнаго властелина судьбы своей, какъ на безусловнаго двигателя всей своей дѣятельности, развивала понятіе личности, а тоска одиночества заставляла искать утѣшенія въ брачномъ союзѣ. Эти два коренныя начала повторились и въ Гусѣ и въ Лютерѣ.

Домашнее воспитаніе Гуса совершилось на рукахъ у матери; отца его уже не было въ живыхъ. Вотъ рѣзкая особенность его Славянскаго развитія. Многіе славные дѣятели нашей древней исторіи обязаны духовнымъ образованіемъ женщинѣ. Препод. Ѳеодосій воспитанъ матерью, женщиною крутаго характера, но также, какъ онъ, религіознаго духа. Сербскій богатырь, Марко Королевичъ, также изъ рукъ матери, Евфросиніи, вышелъ на служеніе отечеству. Женщины когда-то у насъ, особенно въ глубокой старинѣ, имѣли значеніе великое. Во всѣхъ государствахъ Славянскихъ христіянская вѣра посѣяна и возращена рукою женщины. Преп. Ольга у насъ; Людмила, жена Боривоя, и Млада, сестра Болеслава, у Чеховъ; Дубравка, жена Мечислава, въ Польшѣ; сестра Болгарскаго князя Бориса— являются первыми вѣропроповѣдницами въ своемъ отечествѣ. Вообще въ нашей древней исторіи женщинѣ предоставлена великая доля: отъ нея преимущественно исходитъ духовное воспитаніе народа; она часто стоитъ во главѣ государства, обладаетъ всею древнею письменностію, отличается познаніями въ высшихъ отрасляхъ человѣческаго вѣдѣнія. Укажу на Любушу, Тетку и Касу, дочерей Крока; на двухъ *вѣгласныхъ* дѣвъ въ судѣ Любушиномъ. Въ домашнемъ быту Славянская женщина пользуется свободой и независимостію, предоставленной лучшей половинѣ человѣческаго рода. Не какъ страдательное орудіе, а какъ дѣятельная помошница мужа, нерѣдко какъ мудрая совѣтница и распорядитель-

ница его дѣйствій, выступаетъ она въ самыя драматическія мгновенія нашей исторіи. Вспомнимъ участіе жены Тимоѳея окольничаго въ его примиреніи съ Кирилломъ. Милица, супруга Сербскаго Лазаря, является повѣренной всѣхъ его тайнъ, раздѣляетъ съ нимъ царственныя заботы. Въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ женщина свободно объясняется въ чувствованіяхъ, не стѣсняясь ложнымъ приличіемъ, огражденная отъ подозрѣній стыда высокимъ уваженіемъ, ей подобающимъ. Ей предоставлено великое право помогать страждущему человѣчеству. Косовская дѣвица выходитъ на поле сраженія, умываетъ раненыхъ холодной водой, поитъ виномъ червленымъ, кормитъ хлѣбомъ бѣлымъ. Въ особенности у Чеховъ женщина облекается въ строгій характеръ христіанской подвижницы, приготовляетъ достойныхъ служителей религіозной идеи, нерѣдко является въ рядахъ проповѣдниковъ, подъемлетъ безстрашно мученія и смерть за свои убѣжденія. Въ ея дѣвственной, неискаженной природѣ нѣтъ ложнаго мягкосердечія и малодушной изнѣженности, воспитанной на Западѣ избыткомъ тѣлесной силы ея спутника и властелина; она живетъ полною жизнію, не чуждаясь сокровищъ духовнаго и умственнаго образованія, съ жаждою предается наукѣ. Но это могущество воли и дѣйствія не препятствуетъ въ ней свободному развитію чувства. Она способна любить всею силою и неизмѣнностію любви, дарованной ей Богомъ; способна предаваться восторгу, не той заученной игрѣ натянутаго воображенія, а постоянному чувству безстрастнаго одушевленія, которое дружится съ смиреніемъ вѣры, потому что черпаетъ въ ней свою силу.

Такою христіанскою школою послужило для Гуса воспитаніе подъ рукою матери. Преданіе не сохранило ни одного оттѣнка его младенческаго развитія; но онъ изъ крова родительскаго вынесъ глубоко религіозное чувство и неутолимую жажду къ вѣчности, которая ставила его выше земныхъ искушеній. 17 лѣтъ или болѣе провелъ онъ, конечно, въ строгомъ исполненіи заповѣди, которой сущность ставилъ въ послѣдствіи въ полномъ повиновеніи родителямъ, въ почтительномъ обхожденіи съ ними, въ доставленіи имъ

средствъ пропитанія, если они въ нихъ нуждаются, въ *смиренномъ служеніи имъ и молитвѣ за нихъ къ Богу* ([1]). Мать Гуса достойно замѣнила ему отца: вскормивши его, *сама* повезла его въ Прагу и сдала съ рукъ на руки ректору Университета. За тѣмъ исчезаютъ всякіе слѣды его личныхъ сношеній съ родительскимъ домомъ; онъ самъ ни разу не упоминаетъ о матери. Но семейныя связи всегда оставались дороги его любящему сердцу. Въ письмахъ изъ Констанцкой темницы онъ три раза упоминаетъ о какомъ-то Іоаннѣ Брадатомъ, называя его своимъ братомъ ([2]), тревожно разспрашиваетъ объ его здоровьѣ, боится за его безопасность. Изъявляя благодарность Нотарію изъ Младеновицъ за его нѣжную дружбу, говоритъ, что, если бъ ему пришлось воротиться въ Прагу, онъ не иначе сталъ бы жить съ нимъ, *какъ съ роднымъ братомъ,* раздѣляя съ нимъ всю свою собственность ([3]). Любезному ученику, Мартину, поручаетъ *всѣхъ своихъ братьевъ* (fratres meos carissimos), проситъ его устроить судьбу ихъ, какъ Богъ ему на сердце положитъ. Не забываетъ племянниковъ: «Сыновей брата моего опредѣли въ какое ни будь ремесло по своему выбору; я боюсь, что, входя въ духовное состояніе, они не будутъ исполнять, какъ слѣдуетъ, обязанностей своего сана»; наконецъ поручаетъ ему и *святую дѣвицу Катерину, по прозвищу Гусъ* (Catharinam dictam Hus, spero virginem sanctam), вѣроятно, одну изъ ближайшихъ своихъ родственницъ ([4]).

Не смотря на глубоко развитое семейное чувство, Гусъ не былъ женатъ. Безбрачная жизнь его объясняется особеннымъ настройствомъ его религіознаго духа и величіемъ общественнаго служенія, несовмѣстнаго съ житейскими попеченіями брака. По крайней мѣрѣ онъ весьма выразительно намекаетъ на Латинскій догматъ безбрачія духовенства въ сочиненіи: De Ecclesia: «Римская церковь, воспрещая (всѣмъ

---

(1) De mandatis Domini. Hist. et Mon. Hus. I. f. 30.

(2) «Libenter scirem, quomodo valeret Barbatus.—Quo die vidi fratrem meum, Joannem Barbatum.—Laetus sum, quod Zelisna Brada cum omnibus bene valet.» Mon. Hus 1, Ep. 37, 48, 50; f. 69, 72, 73 на об.

(3) Ep. 29, f. 66 на об.

(4) Ep. 28, f. 66.

духовнымъ) вступленіе въ бракъ, погрѣшаетъ противъ слова Христова; *ибо соблюденіе дѣвственнаго цѣломудрія до смерти* есть третій Евангельской совѣтъ Спасителя, о которомъ сказано Матѳ. XIX, 12: «Суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго.»—Здѣсь Христосъ не предписываетъ, а только приглашаетъ желающихъ: «Могій вмѣстити, да вмѣститъ.» *А потому велико высокомѣріе со стороны Римской церкви принуждать кого либо*, подъ опасеніемъ смертнаго грѣха, выше власти, дарованной Богомъ. Это значитъ возлагать на плеща человѣческая бремена тяжка и бѣднѣ носима. А потому Апостолъ Христовъ, видѣвшій неизреченныя тайны, которыхъ не видала Римская Церковь, не осмѣливался предписывать брачную, или безбрачную, жизнь, ибо Евангельскій совѣтъ, составляющій заповѣдь для одного, не имѣетъ для другаго обязательной силы, по немощи, или невѣдѣнію. Иной безъ грѣха посягаетъ о Господѣ, хотя бы лучше было сохранить дѣву чистою и цѣломудренною, но онъ грѣшитъ по невѣдѣнію. А потому Апостолъ и говоритъ, что «каждый имѣетъ свой даръ отъ Бога» ([1]). Въ этихъ словахъ заключается, съ одной стороны, оправданіе брака духовныхъ, съ другой—оправданіе иноческихъ обѣтовъ, приносимыхъ по собственной волѣ. О монашествѣ Гусъ не сказалъ ничего, или сказалъ очень мало, въ проповѣдяхъ къ духовенству обличалъ только гордость богатыхъ орденовъ, основанныхъ на ложномъ понятіи братства, покрывающихъ личиной подвижничества нравственную безпечность, обуявшую Латинскіе монастыри. Вопреки Флате, онъ нигдѣ не выразилъ мысли о необходимости уничтоженія чернаго духовенства, нигдѣ не требовалъ его соединенія съ бѣлымъ ([2]).

И такъ, вотъ два отношенія внутренней жизни Гуса, въ которыхъ нельзя не видать отпечатка народнаго духа:

(1) De Ecclesia, f. 241.

(2) Приводимое имъ мѣсто изъ книги: «De Mysterio iniquitatis Antichristi,» сюда не относится, потому что сочиненіе это принадлежитъ Матѳію Парижскому. См. Flathe, II.—Сочиненіе Гуса: «De Matrimonio,» писанное для Роберта, темничнаго стража, не относится къ браку духовныхъ, вопреки Флате. (II, 304—305).

1) вдали отъ семейства, въ трудахъ общественной дѣятельности, въ гоненіяхъ враговъ, въ ожиданіи смерти, онъ свято блюдетъ семейныя обязанности, не чуждается и недостойныхъ членовъ своего рода, старается обезпечить судьбу ихъ; 2) не будучи связанъ монашескимъ обѣтомъ, остается дѣвственникомъ, обрекаетъ себя на подвигъ воздержанія. Въ послѣднемъ особенно рѣзко выдается различіе между Гусомъ и Лютеромъ. Въ рѣшимости перваго отречься отъ всего мірскаго, не отрекаясь отъ міра, несравненно больше духовной свободы настоящаго инока, нежели въ вынужденномъ обѣтѣ и въ вольномъ его нарушеніи Лютеромъ (1). Видно, что Гусъ не сочувствовалъ монашеской жизни въ томъ видѣ совершеннаго искаженія, въ какомъ представлялись ему современныя Латинскія обители. Но общественное служеніе проповѣди не исключало въ немъ возможности разумнаго постиженія и воспріятія идеи монашества въ его настоящемъ смыслѣ, въ какомъ существовало оно, особенно въ древнемъ періодѣ церковной Исторіи. И у насъ были свои проповѣдники, высылаемые Печерскимъ монастыремъ въ отдаленныя области Сѣвера, на подвигъ Евангельскаго благовѣстія. Даже пустынножительство всегда почти соединялось съ служеніемъ слова въ назиданіе требующимъ, притекавшимъ во множествѣ насладиться духовной бесѣдой Илларіона, Сергія, Кирилла. Вообще практическая дѣятельность нашихъ монастырей даже въ XIII и XIV вѣкахъ, когда пустынная жизнь возобладала у насъ надъ общежитіемъ, постоянно беретъ верхъ надъ созерцаніемъ, которое, съ своей стороны, имѣло въ древней Русской жизни своихъ представителей, хотя въ несравненно меньшемъ количествѣ. Въ религіозномъ настройствѣ Гуса лежало стремленіе къ одиночеству; въ немъ сильнѣе развито отшельническое начало созерцательной жизни, чѣмъ потребность дѣлиться съ народомъ духовной бесѣдой. «Увѣщеваю тебя,»—писалъ онъ къ одному проповѣднику въ Прагу,—«не переступать порога гостинницъ съ знакомыми, не общиться съ людьми. Ибо чѣмъ болѣе проповѣдникъ чуждается

(1) Ep. 9, 59 на об.

общества человѣческаго, тѣмъ полезнѣе его дѣятельность. Впрочемъ, никому не отказывай въ помощи, если можешь принести пользу» (¹). Въ самомъ дѣлѣ, вѣчное пареніе къ небу, тоска по небесной отчизнѣ, стремленіе къ мученичеству, воспитанное чтеніемъ древнихъ житій, непрестанное помышленіе о смерти, вотъ сущность созерцанія Гусова въ области вѣры и главное содержаніе его нравственныхъ наставленій. «12 лѣтъ или болѣе,»—говорилъ онъ народу,«—какъ, Богъ мнѣ свидѣтель, трудился между вами въ благовѣстіи слова, чтобы вы были чисты отъ грѣха Іисусомъ Христомъ, чтобы вы побѣждали плоть, міръ и діявола; чтобы вы, *презирая суету міра*, пребывали въ скорбяхъ до самой смерти. Бдите, возлюбленные, послѣдній судъ не далекъ; смерть поглотитъ многихъ, но избранныхъ Божіихъ ожидаетъ царство небесное. Имѣйте всегда предъ очами страшный и грозный день судища Христова, да не грѣшите, а потомъ и блаженство безконечной жизни. Поминайте страсти Спасителя, размышляйте о Божественномъ Его истощаніи, и подвигъ самъ облегчится, и вы съ радостію дадите мѣсто скорбямъ, поношеніямъ, темницѣ и ранамъ, а когда нужно будетъ, пожертвуете жизнію Его святой истинѣ. Что бы вы ни дѣлали, Бога бойтесь, храните Его заповѣди, и не погибнете; воздержите плоть, возъимѣете презрѣніе къ міру, обрящете жизнь, и праведный Судья увѣнчаетъ васъ славой. Смотрите, какъ вращается коло мірской суеты, возвышая одного, унижая другого, превознесеннымъ давая минутную усладу, за которою слѣдуетъ вѣчная мука въ огнѣ и въ мракѣ. Благодѣтели и защитники правды! Молю васъ именемъ Божіимъ, отложивъ суету настоящаго вѣка, воинствовать вѣчному Царю Христу Богу. Онъ каждаго раба становитъ владыкою надъ всѣмъ наслѣдіемъ, давая Себя Самого и все съ собою, чтобы намъ наслаждаться со всѣми святыми безконечною радостію; служеніе Богу есть царственное. Кто здѣсь служилъ ему вѣрно, тому въ небесной

---

(1) Ibid. «Te moneo ne cauponas cum hospitibus, ingrediaris, ne sis communis hominibus. Nam quo prædicator a sodalitate hominum remotior, eo est acceptior.

отчизнѣ будетъ служить самъ Христосъ» ([1]). Это презрѣніе къ міру особенно сильно выступаетъ въ посланіяхъ Гуса, т. е., въ минуты его одиночества, безмолвнаго богомыслія, въ которомъ мужаетъ его религіозная мысль, откуда выноситъ онъ «*желаніе разрѣшиться отъ тѣла и быть со Христомъ*». Тутъ забываетъ онъ минутно свои отношенія къ міру и чаетъ пришествія великаго дня. Тутъ, въ одинокомъ созерцаніи, въ оправданіяхъ Божіихъ, созрѣваютъ плоды краснорѣчія,—посланія, въ которыхъ такъ превосходно постигнута тайна воплощенія Бога: «Приходитъ врачъ небесный изцѣлить неизцѣлимыя язвы; приходитъ дивный купецъ не поглотить богатство міра, а выкупить смертныхъ, проданныхъ въ рабство діяволу; приходитъ Богъ безсмертный обожить человѣка смертнаго. Мужайтесь, возлюбленные, въ добродѣтели и озлобленіи, потому что близокъ судъ страшнаго и грознаго Судьи, котораго не обольстятъ премудрые и книжники вѣка.» Чистое выраженіе идеи пустынножительства, какимъ видимъ его въ Руси XIII столѣтія. Сопоставимъ посланія Гуса, особенно писанныя во время изгнанія изъ Праги, съ Духовными Стихами нашего Русскаго народа, съ разговоромъ Іоасафія Царевича съ пустынею, и увидимъ изумительное сходство, не случайное, а условленное тождествомъ религіознаго развитія. И тамъ и здѣсь господствующій помыслъ—*научиться творить волю Божію, избавиться отъ злыя муки, отъ превѣчныя перейти въ небесное царство*. Путь къ достиженію вѣчности одинаковый: скорбѣть, *работать до своего смертнаго часу, отречься отъ міра прелестнаго*. И тамъ и здѣсь непрестанное чаяніе близости послѣдняго дня предваряетъ въ человѣкѣ живущемъ память о смерти: «Apprоpinquat judicium horrendi et severi judicis—*уже нашему житію, братья, конецъ идетъ; приходитъ къ намъ время послѣднее*. Тѣми же грозными картинами рисуется второе пришествіе Христово, гдѣ милосердіе уступаетъ карающей правдѣ, такъ сильно тревожившей помышленіе Лютера и такъ превратно перетол-

---

(1) Изъ его переписки.

кованной имъ. «Scitis, quod Christus jam semel venerit: secundus adventus ad judicium jam instat.» Христосъ не можетъ распяться въ другой разъ *«все ради ихъ проклятыихъ.»* Таже борьба Христа съ антихристомъ, лживыхъ пророковъ съ пророками Божіими (1). И какъ нѣкогда Русское человѣчество, спасаясь въ пустыню отъ Татарскихъ погромовъ, набиралось духовной силы въ ея суровой красотѣ, и возвращалось съ жизненнымъ запасомъ въ безотрадную дѣйствительность къ медленной, неблагодарной работѣ столѣтій, такъ и Гусъ, удаляясь изъ Праги, всякій разъ возвращается въ нее съ свѣжими силами для борьбы со врагами, хотя чувствуетъ, что ему суждено положить только основный камень къ великому зданію. И такъ, въ Гусѣ практическое направленіе общественной дѣятельности и начало одинокаго созерцанія пустынножительства уравновѣшиваются въ продолженіе жизни: одно опредѣляется его отношеніями къ народу, другое составляетъ любимую мечту его внутренней жизни, не покидаетъ его ни въ безмолвіи изгнанія, ни въ шумной столицѣ (2). И то и другое — наслѣдіе народа и Церкви, призвавшей этотъ народъ ко Христу. Они мирятся въ послѣднемъ дѣйствіи его жизни, гдѣ увѣнчалось побѣдой его служеніе Чешскому народу и удовлетворилось нетерпѣливое чувство ожиданія смерти, *за вѣру и правду Божію*—вѣнцомъ мученическимъ (3),

Такому воззрѣнію Гуса на жизнь человѣческую, *какъ на скорбный путь отъ колыбели до гроба, какъ на смерть*; и на оборотъ, на смерть, *какъ на желанное начало истинной жизни* (4),

---

(1) См. Русскіе народные стихи, собр. Кирѣевскимъ, въ «Чтеніяхъ Имп. Общ. ист. и древ. Россійск. при Моск. Унив. 1848 г. № 9.»

(2) «Dico vobis carissimi, quod licet in carcere non sim, tamen, libenter, propter Christum velim mori, et esse cum illo, et rursus libenter vobis verbum Dei propter vestram salutem prædicare cuperem, verum nescio, quid mihi elegendum.» Ep. 7. f. 97.—«Hoc persuasum habete, quod quicquid Deus mecum statuit, hoc fiet. Et si dignus fuero propter nomen illius mori, vocabit ad passionem. Quod si voluerit propter prædicationem verbi sui protrahere, hoc in voluntate illius situm est.» Ep. II, f. 99.

(3) Corpus miserum exponam, si misericordia præstiterit quia non opto in hoc nequam sæculo vivere, nisi ad pœnitentiam me et alios possim provocare. Ep. 4, f. 94 на об.

(4) Ep. 4, f. 94 на об.

соотвѣтствовало собственное его поприще, до того чистое и безукоризненное, что самые заклятые враги его не могли навести на него и тѣни сомнѣнія. Эней Сильвій называетъ его мужемъ необыкновенной чистоты жизни («amundioris vitæ opinione clarus») ([1]). Судъ Бальбина мы уже слышали («avita horrida et sane deliciis omnibus abrupta, *quam nullus accusare potest*, tristis et exhausta facies, languens corpus»). Любопытно и свидѣтельство Пражскаго Университета: «Мужъ уважаемый, покрытый сіяніемъ святости; презирая богатства, онъ помогалъ бѣднымъ до обнищанія собственнаго; охотно преклонялъ колѣна у одра неимущаго; слезами призывалъ къ покаянію жестокосердыхъ; строптивыя сердца умѣлъ смирять невыразимою кротостію; грѣхи всего народа, но особенно гордаго, хищнаго и роскошнаго духовенства, отъ избытка любвеобильнаго сердца, сожигалъ стариннымъ и давно забытымъ врачевствомъ писаній, какъ новымъ и неслыханнымъ огнемъ; шествуя по стопамъ Апостольскимъ, прилагалъ возможное стараніе къ возстановленію въ духовенствѣ и народѣ обычаевъ первоначальной Церкви. Въ силѣ и мудрости слова превосходилъ всѣхъ прочихъ, исполняя въ отношеніи ко всѣмъ дѣла любви, чистой вѣры и нерушимой истины. Особенная благодать Божественнаго посланничества такъ обильно излила на него дары свои, что онъ во всемъ явился несравненнымъ наставникомъ жизни. Природа сдѣлала изъ него, что могла, а щедрость благодати Божественной до того украсила его, что его можно бы назвать не добродѣтельнымъ, а самой добродѣтелью» ([2]). Короче знакомимся мы съ личностію Гуса изъ его писемъ. Отличительный признакъ ея—какая-то недоступность страстямъ человѣческимъ, какой-то постоянный, ровный полетъ надъ землею, «*не гуся, птицы домашней, ручной*, а *орла, парящаго въ поднебесьѣ*». Какая-то дѣвственность души, недовѣрчивой къ злому, находившей порочность въ самыхъ невинныхъ наслажденіяхъ. Человѣку съ такими высокими правилами жизни и нравственности надлежало родиться во времена Апостольскія, когда

---

(1) Hist. Boh. c. 35.
(2) Hist. et Mon. Hus. 1, 81.

вѣра и любовь не изсякли еще между людьми. По суровой воздержности, его можно поставить на ряду съ нашими Русскими пустынножителями. Вотъ исповѣдь его, сохранившаяся въ прощальномъ посланіи къ магистру Мартину: «Знай, что я преслѣдовалъ алчность и безнравственную жизнь духовенства, за что, по милости Божіей, и терплю гоненіе, которое скоро довершится на мнѣ. Но я не боюсь пострадать за имя Христово. Прошу тебя слезно не гоняться за бенефиціями. Если будешь призванъ къ служенію приходу, имѣй въ виду славу Божію, спасеніе душъ и честный трудъ, а не пріобрѣтеніе стадъ и имѣній. Старайся быть духовнымъ зиждителемъ зданія, кроткимъ для бѣдныхъ и смиреннымъ. Не расточай имущества на пиры. Я боюсь, если ты не исправишь своей жизни, не отстанешь отъ лишнихъ дорогихъ платьевъ, чтобъ и тебѣ не пришлось дать строгаго отвѣта, какъ мнѣ, несчастному, который *любилъ наряды, завлеченный примѣромъ нечестивыхъ людей*, а равно и отъ шума одобреній народныхъ, *въ которыхъ я погрѣшилъ предъ Богомъ духомъ высокомѣрія*. А такъ какъ ты отъ младенчества знакомъ коротко съ моею проповѣдію и общественной дѣятельностію, то я не вхожу въ подробности, а молю тебя, ради милосердія Іисуса Христа, не подражай мнѣ ни въ одномъ легкомысленномъ поступкѣ, какіе когда либо пришлось тебѣ видѣть съ моей стороны. Тебѣ извѣстно, что я, къ сожалѣнію, прежде священства моего охотно и много игралъ въ шашки (schacos lusi), терялъ на то время и этимъ несчастнымъ занятіемъ не рѣдко и другихъ и *себя самого вызывалъ на движенія гнѣва*. Опуская всѣ прочія *безчисленныя мои прегрѣшенія*, притекаю къ сладчайшему Господу, моля о прощеніи, и поручаю себя твоимъ молитвамъ, въ увѣренности, что ты не облѣнишься призвать на меня Его милосердіе, да сподобитъ Онъ направить жизнь мою ко благу и, побѣдивъ нечестія настоящаго вѣка: плоть, міръ и діявола, да водворитъ меня въ небесной отчизнѣ, по крайней мѣрѣ въ день судный» ([1]). Въ другомъ письмѣ, отъ 17 Іюня, 1415 года, онъ дѣлаетъ послѣднія распоряженія

(1) Ep. I, 1, f. 57.

и повторяетъ отдѣльныя наставленія: «Добро, которому ты научился отъ меня, блюди свято. Безпорядкамъ не слѣдуй, а молись Богу, да пощадитъ Онъ меня благоутробіемъ Своимъ. Непрестанно помышляй о томъ, что ты есть, чѣмъ ты былъ, и чѣмъ будешь. Оплакивай прошедшее, исправляй настоящее, остерегайся будущаго, т. е., грѣховъ. Молю тебя, ради Христа, не прилагай сердца къ пышной одеждѣ, которую я, къ несчастію, любилъ и носилъ, не показывая никакого примѣра смиренія народу, которому я проповѣдывалъ». Не смотря на это признаніе, онъ чувствуетъ свое достоинство, прибавляя немедленно: «Если обличать тебя въ общеніи со мною, скажи смѣло: Я увѣренъ, *что магистръ былъ добрый христіянинъ;* а что писалъ онъ и что проповѣдывалъ въ школахъ, свидѣтельствуясь въ готовности принять наставленіе, я не все выразумѣлъ и не все прочелъ» (1).

И такъ, искушенія гордости, преходящія движенія гнѣва, роскошь въ одеждѣ, вотъ все, что самъ Гусъ могъ найти зазорнаго въ своемъ протекшемъ поприщѣ, разлагая его судомъ своей совѣсти въ торжественное мгновеніе приготовленія къ смерти. Между тѣмъ обстоятельства жизни его, вся переписка его показываютъ, что онъ и въ этомъ признаніи возносилъ на себя клевету. Его незлобіе и незаносчивость засвидѣтельствованы актами собора, его осудившаго. Только молчаніемъ и слезами отмаливался онъ отъ гонителей. Передъ смертію призывалъ благословеніе Божіе на виновниковъ казни своей. Не такъ поступилъ Іеронимъ, удивившій надменностію своею цѣлый соборъ, призывавшій враговъ своихъ судиться съ нимъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Черта благородной умѣренности проходитъ чрезъ всю жизнь страдальца, который отвѣтъ свой навязчивымъ коммиссарамъ: «За чѣмъ вы меня обижаете?» считалъ слишкомъ суровымъ, и въ тайной перепискѣ съ друзьями каялся въ излишней запальчивости въ своихъ отношеніяхъ къ измѣннику Палечу. Христіанское самоотверженіе доходило въ немъ *до желанія положить душу свою за ближнихъ*, тѣхъ самыхъ, которые воздвигали

(2) Ep. 28, I, f. 66. Ср. еще Ep. 26, I, 65 на об.

ему Констанцкій костеръ. Оканчивая свои разсчеты съ міромъ, чтобы не остаться въ долгу передъ смертію, отъ глубины сердца благодарилъ Вячеслава и любимую королеву, Софію, за участіе, довольно холодное, принятое въ судьбѣ его; благодарилъ и Сигизмунда не въ насмѣшку, а простодушно, не подозрѣвая, какимъ тяжкимъ грузомъ благодарность его ляжетъ на совѣсти двоедушнаго короля. Ничѣмъ не обязанный міру, онъ уносилъ съ собою во гробъ спокойствіе добраго подвижника, который дѣлалъ добро, сколько могъ, и за злобу гонителей платилъ правосудію Божію благодѣяніями страждущему человѣчеству. Только тамъ, гдѣ дѣло шло о религіи, или гдѣ затрогивалась народная честь, онъ облекался въ оружіе слова; за личныя обиды не заступался, а можно сказать, что самъ Богъ, по смерти его, взыскалъ неправду его гонителей. Онъ говорилъ: «Учитесь, возлюбленные, не мстить за личное къ себѣ озлобленіе. Къ несчастію, міръ весь грѣшитъ себялюбіемъ, которое обиду себѣ ставитъ выше безумія Богу». Мы помнимъ отвѣтъ его на соборѣ, когда обвиняли его въ отрицаніи христіанскаго Бога и въ поставленіи себя четвертымъ лицемъ Св. Троицы. Его первая мысль не себя оправдать, а заступиться за святость имени Божія. Тутъ святая ревность заставляла говорить его языкомъ выдержаннаго негодованія, потому что служеніе истинѣ онъ не считалъ своей собственностію, а возвращалъ къ Богу, его даровавшему. Ревнивый ко славѣ Божіей, онъ, какъ новый Илія, оскорбляется нечестіемъ міра. «Молю васъ, возлюбленные, будьте готовы къ борьбѣ! Начались уже козни антихриста, за которыми вскорѣ послѣдуетъ брань.—Гусю нужно воздвигнуть крылья противъ крыльевъ бегемота и противъ хвоста, который вѣчно закрываетъ нечестіе звѣря антихриста. Еще сильнѣе нечестіе звѣря, который готовъ принимать поклоненіе отъ всѣхъ приходящихъ, сидя на царственномъ мѣстѣ, какъ Богъ, и желающимъ покупать дары Духа Святаго продаетъ, чего самъ не имѣетъ! Горе мнѣ, если я, при видѣ такого нечестія, не стану плакать и проповѣдывать устно и письменно. Горе, горе, горе! глашаетъ орелъ на высокихъ людямъ, пресмыкающимся по землѣ.» Отъ того кроткій благовѣстникъ

мира Евангельскаго обращается къ папѣ съ вѣчнымъ укоромъ, не боится приложить ему названіе антихриста, не въ смыслѣ предтечи будущаго конца міра, какъ Лютеръ, а въ смыслѣ посланія Іоаннова, какъ человѣка, противодѣйственнаго Христу. Эта ревность древнихъ столповъ правовѣрія, или Русскихъ Святителей, въ борьбѣ съ еретиками и возмутителями церковнаго мира. Въ ней выражаются не личныя отношенія гонимаго проповѣдника къ торжествующему гонителю, а слышится голосъ сиротствующаго народа и Церкви, чадъ Божіихъ, *которыхъ міръ ненавидитъ, потому что они не отъ міра, а Богъ избралъ ихъ отъ міра* ([1]).

Если Гусъ обвинялъ себя въ непозволенной роскоши, то это было, конечно, по старымъ воспоминаніямъ, потому что, судя по его завѣщанію предъ отъѣздомъ въ Констанцъ, богатства его были незавидны. «Сѣрую рясу (tunicam griseam)»,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ къ магистру Мартину,—«если хочешь, возьми себѣ на память. Но ты, конечно, будешь стыдиться ея сѣраго цвѣта, а потому отдай ее, кому тебѣ вздумается. Бѣлую рясу отдай священнику, ученику моему. Георгію выдай 60 грошей (sexagenam grossorum) или туже сѣрую рясу, потому что онъ вѣрно служилъ мнѣ.» Вотъ, по видимому, вся его собственность, и нечѣмъ больше распорядиться. Онъ умеръ неоплатнымъ должникомъ, хотя и вытерпѣлъ отъ коммиссаровъ много истязаній за мнимыя сокровища, будто бы отданныя имъ въ ростъ дворянамъ Чешскаго королевства. Въ письмѣ отъ 6 Ноября говоритъ между прочимъ, что, если протянется соборъ, у него истощатся средства существованія ([2]). 17 Іюня 1415, проситъ Мартина расплатиться, какъ знаетъ, съ его должниками, а въ другомъ письмѣ прибавляетъ: «Кто ссужалъ меня деньгами, тѣмъ заплатитъ развѣ Господь Іисусъ Христосъ, во имя Котораго они ихъ давали. Я желалъ бы, впрочемъ, чтобъ богатые сложились и выплатили мои долги бѣднѣйшимъ.» ([3])—Писалъ онъ Нотарію изъ Младеновичцу: «Знай, что нѣтъ такихъ денегъ, которыхъ я не согласился бы

(1) Ep. 6, 1, f. 96.
(2) Ep. 6, 1, f. 58 на об.
(3) Ep. 28, 1, 66.—Ep. 33, 1, 69.

отдать за пламенное твое стремленіе къ истинѣ, за службу твою и за всѣ утѣшенія, которыми ты щедро одарилъ меня въ скорби. Богъ да воздастъ тебѣ, а мнѣ нечѣмъ тебѣ заплатить». Нищета его была такъ велика, что онъ просилъ рубашки въ темницѣ. Между тѣмъ извѣстно, что имущества его не коснулись при заточеніи, потому что и по смерти его остался кошелекъ съ деньгами, который вмѣстѣ съ нимъ сдѣлался жертвою пламени.

Въ понятіяхъ Гуса о женщинѣ, о цѣломудріи и брачномъ союзѣ наиболѣе отражается народный характеръ и различіе съ Лютеромъ. Онъ чуждъ односторонности Западной Церкви, которая въ униженіи брака передъ орденскимъ монашествомъ доходила до ужасающихъ крайностей. Гусъ признаетъ супружество состояніемъ богоугоднымъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, считаетъ его совершенно необходимымъ для христіанской жизни человѣка мірскаго. По мнѣнію Гуса, семейная жизнь въ супружескомъ согласіи и христіанское воспитаніе дѣтей, есть лучшее приготовленіе къ вѣчности, *настоящее служеніе Богу*, если оба супружника свято исполняютъ обязанности своего званія. Въ такомъ случаѣ брачная жизнь есть самое святое исполненіе заповѣди о цѣломудріи (1) и служитъ спасительнымъ противодѣйствіемъ суетѣ служенія міру, совершаемаго внѣ семейныхъ обязанностей, за порогомъ домашнимъ. Таковы понятія Гуса, извлеченныя изъ письма къ Вячеславу изъ Дубы, когда рыцарь, послѣ житейскихъ волненій бурно проведенной жизни, обнаружилъ намѣреніе вступить въ супружество. «Женившись,»—писалъ къ нему Гусъ,—«живи свято въ супружествѣ, отложивши суеты вѣка. Я очень радъ, что ты хочешь жениться и избѣжать тѣмъ мірскаго соблазна. Въ самомъ дѣлѣ, пора тебѣ воротиться; довольно изъѣздилъ ты государствъ, вдоволь наигрался стрѣлою, утомилъ свое тѣло, расточилъ много денегъ и душу подвергнулъ опасности. Пора отложить попеченія суетныя, въ мирѣ домашнемъ служить Богу съ женою супружницею (cum uxore conjuge) и имѣть собствен-

---

(1) «*Sanctum Petrum* cum uxore et familia.—*VirginemPetram* cum familia» Ep. 28, 1, 66.—Ep. 35, 1, 69.

ныхъ домочадцевъ (servos habere proprios.) Повѣрь мнѣ, лучше будетъ служить Богу дома, безъ грѣха, безъ заботъ и попеченій вѣка сего, въ мирѣ совѣсти и спокойствіи сердца (bona pace animoque quieto), чѣмъ, служа другимъ, развлекаясь заботами и попеченіями многими, находиться въ вѣчной опасности прогулять душевное спасеніе (in summo salutis discrimine versari.)»—«А ты, господинъ Янъ,»—обращается онъ къ рыцарю Хлуму:—«отложивъ служеніе смертныхъ царей, пребывай дома въ служеніи Богу съ женой и дѣтьми. Я узналъ съ радостію, что ты уже намѣренъ положить конецъ суетѣ и многотрудному служенію вѣку и дома подвизаться въ служеніи Іисусу Христу. Воистину, говорю тебѣ: блаженъ рабъ, его же господинъ пришедъ, обрящетъ, бдяща и тако творяща. Аминь, глаголю вамъ: яко препояшется и посадитъ его и послужитъ ему. Поклонись отъ меня своей супругѣ; молю тебя: люби ее во Христѣ Іисусѣ, ибо я вѣрю, что она истинное чадо Божіе исполненіемъ его заповѣдей» ([1]). Вотъ вѣрная картина Славянскаго быта, когда, кончивъ служеніе царю и отечеству, посвятивъ года юности и силы исполненію общественныхъ обязанностей, какъ подданнаго и гражданина, человѣкъ Русскій подъ старость помышлялъ объ отдыхѣ тѣлу и спасеніи души; не бѣжалъ въ монастырь, какъ человѣкъ Западный въ средніе вѣки, а проводилъ послѣдніе дни въ кругу семейства, въ любовныхъ отношеніяхъ къ домочадцамъ. У насъ есть сочиненіе Гуса о таинствѣ брака (De matrimonio), написанное въ Констанцкой темницѣ, по просьбѣ Роберта, послѣ осьминедѣльнаго заключенія ([2]). Тамъ довольно подробно излагается значеніе брака, его обязанности и причина установленія Богомъ. Въ отвѣтъ на просьбу Роберта, темничнаго стража,—написать ему нѣчто о бракѣ на пользу душевную, какъ имѣющему намѣреніе въ скоромъ времени вступить въ супружество,—Гусъ прежде всего извиняется

---

(1) Ep. 19, 1, 63 на об.—Ep 22, 1, 64 на об. 63.—Ep. 23, 1, 63.

(2) «*Cras* octo hebdomadae erunt, quod Hus posita, est ad refectorium. *Hodie* complevi unum, tractatulum de corpore Christi, et *heri* unum de Matrimonio.» Ep. 51, 1, 74.

трудностію при недостаткѣ книгъ, потомъ исполняетъ просимое. «Бракъ,»—говоритъ онъ,—«есть союзъ неразрѣшимый (Матѳ. XIV и 1 Кор. VII). Законность его состоитъ въ отсутствіи всякихъ препятствій *со стороны обѣта воздержанія*, родства по плоти или свойству и другихъ условій. Назначеніе брака: онъ установленъ въ раю самимъ Богомъ; 1) для размноженія рода человѣческаго: «Растите, множитеся и наполните землю», и 2) какъ средство предохраненія отъ незаконной любви (1 Кор. VII, 2, 9). Сущнось брака, по Августину, заключается въ трояко̀мъ понятіи: (proles, fides и sacramentum: 1) христіанское рожденіе дѣтей, имѣющихъ получить воспитаніе отъ родителей во славу Божію; 2) вѣрность обѣту, и 3) таинство, предметъ благоговѣйнаго смиреннаго почитанія вѣрующихъ. Мужъ долженъ любить жену въ прославленіе, какъ Христосъ возлюбилъ Свою Церковь, а не въ оскверненіе и любодѣяніе; любить въ размноженіе потомства, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь въ духовное рожденіе чадъ; любить, наконецъ, въ достиженіе всѣхъ добродѣтелей, посредствомъ которыхъ они *могли бы жить свято въ супружествѣ, надлежащимъ образомъ обезпечить семейство* (familiam procurare debite), а по смерти стяжать вѣчную жизнь во славѣ.»

«Впрочемъ, размысли прилежно»,—продолжаетъ Гусъ въ бесѣдѣ съ Робертомъ,—«не влечетъ ли тебя къ супружеству какое либо человѣческое побужденіе. На пр., красота, питающая грѣховную похоть, знатность—пища для гордости; богатство—для алчности. Пусть будетъ въ душѣ твоей прежде всего чистота побужденій (honesta probitas). Но, можетъ быть, скажешь: Гдѣ возьму я жену благочестивую? Это рѣдкая птица, и трудно узнать по полету»—Любезный! отвѣтъ наготовѣ: Всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ исходитъ свыше, отъ Отца свѣтовъ. Жена, какъ лучшее даяніе, посылается Богомъ. *Если хочешь доброй подруги, бойся Бога, исполняй Его заповѣди, моли Его со смиреніемъ*, и получишь желаемое. Онъ далъ Адаму Евву, Аврааму Сарру, Елканѣ Анну, Товію Сарру, Захарію Елисавету и благословилъ плоды чрева ихъ. Злый духъ умертвилъ семерыхъ мужей Сарры отъ того, что красота ея побуждала ихъ къ

нечистымъ движеніямъ; но бракъ Товіи Богъ благословилъ чрезъ Ангела, потому что тутъ не было блудодѣянія, а только святое желаніе размноженія потомства.»

Въ заключеніе предлагаются частныя правила брака: «Удаляйся отъ общенія съ другими женщинами, чтобы не внушить подозрѣнія собственной, не уменьшить въ ней любви, или не возжечь въ ней ненависти,—источника семейныхъ раздоровъ (et fiat toti familiae et tibi inquieta); избѣгай ревности, то есть, излишней страсти къ женѣ, ибо всякій ревнитель, по словамъ Іеронима, грѣшитъ противъ святости брака, *потому что любитъ жену выше Господа Іисуса, жениха душевнаго* (1)».

Не смотря на такое одухотвореніе брака, при которомъ невольно вспоминаешь хваленое Маврикіемъ цѣломудріе Славянскихъ женъ, *выше всякаго естества человѣческаго*, Гусъ допускалъ обѣтъ воздержанія (votum continentiae), строго хранилъ его самъ и требовалъ того же отъ проповѣдниковъ. Одобряя супружество Вячеслава изъ Дубы, совѣтуя жениться Есеницу, какъ магистру свѣтскаго званія (2), онъ даетъ наставленія другого рода ученикамъ своимъ, призваннымъ къ служенію слова. По мнѣнію его, проповѣднику не должно стѣсняться условіями житейскими. Онъ долженъ рождать дѣтей не по плоти, а только по духу. Когда въ начинающейся борьбѣ между царствомъ свѣта и тьмы ему представится необходимость пожертвовать жизнію, онъ можетъ свободно разрѣшиться отъ узъ, привязывающихъ его къ землѣ, чего онъ не могъ бы сдѣлать, закабаливъ себя міру тяжелыми обязательствами въ отношеніи къ женѣ и семейству. Священнику Гусъ вмѣняетъ въ обязанность рѣшительное удаленіе отъ общества женщинъ. Такъ магистру Мартину: «Увѣщеваю тебя во Христѣ, избѣгай общества женщинъ, будь остороженъ, принимая ихъ исповѣдь, чтобы ихъ лицемѣріемъ не обольстилъ тебя сатана. Берегись потерять ничѣмъ невознаградимое дѣвство, которое ты сохраняешь, надѣюсь; потому что я отъ юности училъ тебя служить одному Христу

(1) De Matrimonio Hist. et Mon. Hus 1, 33—34,
(2) Ep. 35, 1, 69.

Богу. Если сдѣлаютъ тебя приходскимъ священникомъ, не держи молодой услужницы (cave, ne juvenem cocam habeas), чтобы не впасть въ искушеніе служить болѣе чреву, нежели духу!» Еще выразительнѣе въ другомъ письмѣ: «Я надѣюсь, что ты сохранилъ себя предъ Богомъ цѣломудренной дѣвой (spero, te esse virginem castum Deo conservatum.)» Почти тоже самое повторяетъ магистру Христану. «Будь милостивъ къ нищимъ; цѣломудріе ты, конечно, хранишь; алчности избѣгалъ и продолжай избѣгать!» Къ другому безвѣстному священнику, по пріѣздѣ въ Констанцъ: «Проповѣдуй противъ разврата, какъ только можешь, заботливо; это звѣрь самый ярый, пожирающій людей, за которыхъ вознеслось на крестъ человѣчество Христово. А потому, умоляю тебя, возлюбленный, избѣгай блуда, ибо именно тамъ, гдѣ захочешь принести пользу, найдешь сокрытаго бѣса. Равно и въ домъ твой ни за какимъ дѣломъ не впускай женщинъ; не имѣй съ ними и продолжительныхъ разговоровъ, для избѣжанія соблазна!» (¹). Чтобъ понять всю заботливость Гуса въ сохраненіи дѣвства, особенно въ младшихъ ученикахъ, не совсѣмъ еще закалившихъ себя противъ соблазна, должно представить себѣ современное положеніе Западной Церкви, гдѣ монастыри обращались по большей части въ непотребные дома, гдѣ даже холостому священнику начальствомъ позволялось имѣть наложницу, ради немощи плоти (²). Кто хотѣлъ бы въ наставленіяхъ Гуса о безбрачной жизни священниковъ отыскивать противорѣчія Православному догмату и когда-то общему обыкновенію во всѣхъ Славянскихъ народахъ, тому слѣдовало бы допустить, что Лютеръ, который по той же причинѣ позволилъ и даже поощрялъ проповѣдниковъ—заводиться хозяйствомъ, подражалъ въ этомъ случаѣ Греческой Церкви, отъ чего, однако, послѣдователи его отрекались рѣшительно (³). И здѣсь, повторяемъ, ска-

(1) Ep. I, 1, 57. Ep. 28, 1, 66. Ep. 17, 1, 63. Ep. 9, 1, 59 на об.

(2) Handlung des Bischofs von Merseburg mit den Zweien Pfarrherrn von Schönbach und Buch, 1523, Walch XV. 736, p. 2821. Eist je leidlicher, dass ein Priester aus Gebrechen und Schwachheit fall mit einer armen Dirnen zu sündigen dann dass er frewenlich ein Eheweib nahme.» Слова епископа Адольфа Ангальтскаго.

(3) Ibid. p. 2823.

залось глубокое различіе въ религіозномъ развитіи Гуса и Лютера. Одинъ не изверился еще въ духовный характеръ своего народа и считаетъ возможнымъ изъ готовыхъ данныхъ въ XV вѣкѣ возсоздать христіанскую общину Апостольской чистоты жизни; другой осмѣиваетъ обѣтъ цѣломудрія, какъ нарушеніе закона природы, и въ отрицаніи монашества потворствуетъ слабости Нѣмецкой натуры. Что на Западѣ было необходимостію, то у насъ, на Востокѣ, въ Славянской плоти и крови, служило мудрой предохранительной мѣрой, облеченной въ неизмѣнную форму церковнаго постановленія.

Въ подробностяхъ домашняго развитія Лютера еще опредѣленнѣе рисуются господствующія черты племеннаго характера. Личность стараго Ганса играетъ великую роль въ воспитаніи сына; его Нѣмецкая физіономія рѣдко, но мѣтко, переступаетъ путь Лютеру въ самыя роковыя мгновенія жизни его. Отъ него, какъ наслѣдіе отцовское, привились къ Лютеру рѣзкія особенности Нѣмецкой натуры: практическое воззрѣніе на жизнь, трудолюбіе, хозяйственная распорядительность, простота и суровость, вообще направленіе ума и сердца, чуждое высшаго созерцанія въ области вѣры. Съ другой стороны неуклончивость Ганса и Маргариты рано вызываютъ въ Мартинѣ нравственное противодѣйствіе, которое сильнымъ вліяніемъ Романской стихіи на время останавливаетъ развитіе въ немъ народныхъ началъ и противъ воли и убѣжденія, изъ рабскаго страха, вгоняетъ его въ монастырь. 15 лѣтняя монашеская жизнь не загладила въ немъ слѣдовъ Нѣмецкаго происхожденія, но еще глубже утвердила бездну между нимъ и отцомъ въ религіозныхъ понятіяхъ и въ такомъ направленіи дѣятельности, которое вовсе не входило въ предначертанія послѣдняго. Когда же окончательно переработались въ сознаніи Лютера разнообразныя стихіи, вошедшія въ его воспитаніе, народное начало превозмогло окончательно; и оно-то, не смотря на множество частныхъ различій, производило сближеніе между Гансомъ и Мартиномъ, въ тѣ именно эпохи жизни послѣдняго, гдѣ сильнѣе всего выдавалось единство ихъ происхожденія и сила народнаго духа

Глубоко развитое понятіе личности—вотъ первое отно-

шеніе, характеризирующее Лютера, какъ вѣрное чадо Нѣмецкой природы. Въ самыя трудныя мгновенія, на переходѣ отъ одной ступени развитія къ другой, въ эпохи поворотныя, роковыя по вліянію на всю послѣдующую судьбу его, Лютеръ вѣчно стоитъ одинокій; силою воли и дѣйствія ломаетъ сопротивленіе. Презирая чуждую помощь, гордится своимъ одиночествомъ. Это чувство самоувѣренности вынесено имъ изъ дома родителей. Упрямство ихъ вызвало противорѣчіе. Оскорбленный притязаніями ихъ на неограниченное господство, онъ рано создалъ себѣ внутреній міръ помышленій и чувствованій, и здѣсь самодержавно рѣшалъ важные вопросы о призваніи человѣка въ земной жизни, объ его отношеніяхъ къ Божеству. Смѣшеніе отживающихъ понятій среднихъ вѣковъ съ врожденными чертами Нѣмецкой природы, еще медленно развивавшейся въ самомъ народѣ подъ гнетомъ Латинскимъ, производитъ въ немъ раздвоеніе; борьба продолжается нѣсколько лѣтъ, и развязка снова исходитъ отъ всемогущей личности Нѣмца, при слабомъ содѣйствіи посредствующихъ обстоятельствъ. Лютеръ почти въ младенчествѣ покинулъ семейство; еще до полнаго развитія умственныхъ силъ, обогатился опытомъ нищеты и лишеній; предоставленный собственной судьбѣ, или брошенный родителями на чужія руки, рано вступилъ въ независимое существованіе , которое по неволѣ упражняло его дѣловой смыслъ заботами о дневномъ пропитаніи. Этой особенности, по крайней мѣрѣ въ такой силѣ, не представляетъ намъ воспитаніе Гуса. Семейная жизнь соблюла его цѣлымъ, осѣнила благодатнымъ покровомъ попечительной матери; не ранѣе, какъ когда развернулась въ немъ духовная сила, поставила въ прикосновеніе съ міромъ. Что въ воспитаніи его свято исполнила мать его, то въ судьбѣ Лютера суждено было совершить другой женщинѣ, съ которой случайно свели его обстоятельства. Отъ того-то въ отношеніяхъ сына къ родителямъ замѣчаемъ не столько покорность, сколько равенство, условленное преждевременной зрѣлостію и внутреннимъ сознаніемъ сына, что онъ получилъ отъ отца только жизнь, но всѣмъ прочимъ обязанъ исключительно Промыслу собственнымъ силамъ. Онъ вездѣ, какъ будто съ намѣреніемъ,

шелъ на перекоръ знаемой волѣ родителей. Въ Университетѣ, гдѣ отецъ принималъ непосредственное участіе въ судьбѣ его, онъ не хотѣлъ заниматься правами, вступилъ въ монастырь неожиданно, безъ согласія и даже завѣдомо противъ желанія Ганса, питавшаго застарѣлую ненависть къ монашеской жизни; по видимому, не слишкомъ искалъ примиренія съ гнѣвнымъ отцомъ; послѣ первой обѣдни, упоенный величіемъ своего сана, смѣялся внутренно надъ слабостію сужденія предубѣжденнаго, ревниваго ко власти своей, старика, хотя внутренній голосъ безпрестанно убѣждалъ его въ противномъ (1). Даже въ 1522 году, когда въ посвященіи отцу онъ торжественно каялся предъ нимъ въ нарушеніи заповѣди о почитаніи родителей, онъ уже снова освобождалъ себя отъ обязанности подчиниться волѣ ихъ, ссылаясь на высокое служеніе Богу. «Теперь, любезный родитель, (слова его), упорствуешь ли ты въ желаніи извлечь меня изъ монастыря? Но чтобы тебѣ не хвалиться, предупредилъ тебя Богъ и самъ вывелъ меня изъ заключенія. Совѣсть моя искуплена отъ рабства обѣту, а это высшая и совершеннѣйшая свобода. Я теперь инокъ, и все же не инокъ, а новая тварь, не папская, а Христова. Смотри же! Отнимаю ли я у тебя законное право и власть надъ собою? Нѣтъ! власть твоя остается неприкосновенною, поскольку касается моего иночества; а я уже разбилъ оковы. Но тотъ, кто извлекъ меня изъ монашества, имѣетъ надо мною болѣе власти, нежели ты. Передъ нимъ исчезаетъ отцовская власть, по слову Христову: иже любитъ отца, или матерь, паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (Матѳ. X, 37). Посылаю тебѣ книгу мою, чтобы ты зналъ, какими чудными знаменіями Христосъ воззвалъ меня отъ обѣта монашескаго, и благословилъ такой высокой свободой, что, хотя и сдѣлалъ меня рабомъ всѣхъ человѣкъ, но никому не подчинилъ меня, кромѣ Себя самого. Онъ мой Епископъ, Игуменъ, Владыка, *Отецъ* и Учитель; другого не знаю. Я вѣрю, что Онъ для того лишилъ тебя сына, чтобы многимъ другимъ Своимъ чадамъ оказать мною помощь. Тебѣ же подобаетъ не только смириться,

---

(1) Von den Klostergelübden, Walch, XIX, § 228, p. 1930.

но и возрадоваться, и я вѣрю глубоко, что такъ и будетъ» ([1]). Пока живъ былъ Гансъ Лютеръ, сынъ его остался вѣренъ воззрѣнію, изложенному въ этомъ посланіи. Онъ никогда не искалъ сближенія съ отцомъ; они жили розно, даже тогда, когда Богъ и того и другого благословилъ достаткомъ. Только въ 1525 году видимъ новое и послѣднее вмѣшательство Ганса въ устроеніи сыновняго счастія. Вѣрный коренной чертѣ Нѣмецкаго характера, онъ настоятельно требуетъ у Мартина возставленія своего рода ([2]), и этимъ упрямый старикъ довершаетъ побѣду свою надъ монашествомъ. Супружество Лютера еще болѣе разъединило его съ родителями; послѣднее свиданіе съ ними было на свадьбѣ. Въ 1530 году умеръ Гансъ Лютеръ, въ 1531 жена его, Маргарита. Мартинъ не присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ ни одного изъ нихъ, хотя заблаговременно получилъ отъ брата Якова извѣщеніе о смертной болѣзни ихъ. Онъ извинялся не недосугомъ, а невозможностію предпринять путешествіе отъ Виттемберга до Мансфельда, по причинѣ опасностей, угрожающихъ ему на пути отъ враждебныхъ ему дворянъ и крестьянъ. Два письма его, писанныхъ по этому случаю, можно бы назвать увѣщаніемъ духовнаго отца умирающему духовному чаду съ упованіемъ и вѣрою подчиниться опредѣленію Божію. Въ нихъ не слышится голосъ встревоженнаго, пораженнаго горестію, сыновняго сердца. Умѣлъ же Лютеръ горячо и сильно изъявлять свои чувствованія, когда, по полученіи вѣстио болѣзни Миконія, молитъ Бога исключить его самого изъ списка живыхъ, но сохранить драгоцѣнную жизнь его друга.

Личность Лютера участвуетъ во всей его реформаціи. Онъ положилъ на созданіе свое живой отпечатокъ собственнаго духа, который остался за нимъ навсегда. Преобразованіе, имъ совершенное, окрѣпло въ тискахъ насильственнаго соединенія съ личностью преобразователя, въ которомъ субъективныя представленія его о религіи наложены неизмѣнною формулою на живое ученіе вѣры. Отсюда двухвѣковое

(1) Walch, XIX.

(2) «Hoc novissimum obsequium parenti meo postulanti nolui denegare spe prolis.» Письмо Лютера къ Амсдорфу. Aurif. Ep. 11, f. 295.

религіозное оцѣпенѣніе Германіи, извѣстное подъ именемъ *Лютеранскаго Православія*; отсюда духъ нетерпимости, въ которомъ повторились въ измѣнившейся формѣ всѣ ужасы духовнаго насилія, когда-то исходившаго изъ Латинской Церкви, а теперь обратившагося въ наслѣдіе Лютеровой, хотя въ основаніе ей положена свобода совѣсти въ дѣлѣ вѣры. Изъ того же источника, поскольку къ дѣлу Божію примѣшивались страсти человѣческія, объясняется странное противорѣчіе самого Лютера, который за всякимъ христіаниномъ признавалъ право толковать слово Божіе и повѣрять чужія толкованія, который съ мудрою предусмотрительностію отвергалъ предложеніе боготворившихъ его послѣдователей— канонизировать его сочиненія, но въ тоже время упорно настаивалъ на непреложность своихъ выводовъ въ ученіи вѣры, несказанно раздражаясь малѣйшимъ противорѣчіемъ, исходившимъ не только изъ стана противниковъ, но часто изъ нѣдръ его собственной общины. 20 лѣтъ своей жизни провелъ онъ въ непрерывной борьбѣ съ отступниками; по собственному сознанію, низложилъ болѣе 20 сектъ, отцепившихся отъ его же ученія: «изъ нихъ большая часть погибли, другіе,»—говоритъ онъ,—«копышатся, какъ черви, которые съ отсѣченной головой еще двигаютъ членами» (1); преслѣдовалъ вѣчною ненавистію Второкрещенцевъ, учениковъ Карлштадта, Цвинглія, Буцера, Эколампадія, Кальвина, но, по видимому, не замѣчалъ никогда исходной точки этой борьбы: начала личной свободы, внесеннаго въ ученіе вѣры самимъ Лютеромъ, оправданнаго его собственнымъ примѣромъ. Съ другой стороны, уничтоживъ Апостольское рукоположеніе, какъ видимое преемство даровъ благодати, поставивъ служеніе священства и проповѣди въ зависимость отъ гражданскаго распоряженія верховной власти, онъ снова сдѣлался жертвою плачевнаго противорѣчія, когда требовалъ безпрекословной вѣры въ ученіе, передаваемое проповѣдниками, а между тѣмъ самъ вложилъ въ руки паствы Евангеліе на родномъ языкѣ, и вмѣстѣ съ нимъ соблазнительное право обличать проповѣдника въ ложномъ толкованіи

(1) Walch, VIII, предис. къ Галат. § 17, р. 1535.

Слова Божія. Вообще система, имъ выставленная, управленія Церкви по отдѣльнымъ общинамъ полномочными проповѣдниками, призванными на то гражданскою властію, есть самое сильное олицетвореніе понятія личности, утвержденнаго имъ на развалинахъ прежняго церковнаго зданія. Не входя въ подробное доказательство этой истины, можно ее уже ясно уразумѣть изъ словъ самаго Лютера, духовнаго родоначальника всѣхъ проповѣдниковъ, прошедшихъ чрезъ его наставленія и большею частію выросшихъ у него на глазахъ. Вотъ гордое сознаніе великаго права, дарованнаго Богомъ проповѣднику Слова: «Они (т. е., Церковь папистовъ) не избѣгутъ моихъ рукъ, *меня, доктора Мартина Лютера.* Я имѣю власть разсудить, отъ Бога ли ученіе ихъ, или отъ человѣка, потому что творю волю Бога, пославшаго въ міръ Іисуса Христа. Я преклоняю ухо къ одному слову Божію и говорю: ««Господи І. Христе! я хочу быть Твоимъ ученикомъ и вѣрую словеси Твоему. Я, съ довѣріемъ слѣпца, предаю себя въ плѣнъ Твоему слову.»» И Христосъ поставляетъ меня въ свободные служители слова, и даетъ мнѣ право произносить приговоръ надъ вѣрою папы, Іудеевъ, Турокъ и еретиковъ; я низложу всѣхъ отступниковъ, повергну къ ногамъ своимъ; я хочу быть правымъ судьею. Пусть міръ порицаетъ насъ, пусть свирѣпствуетъ противъ насъ, какъ знаетъ; но праведный судъ ожидаетъ насъ на небѣ. Я, докторъ Лютеръ, увѣренъ, что проповѣди моей воздадутъ свидѣтельство птицы, камни и песокъ морской: тамъ, на небѣ, у меня больше союзниковъ, нежели здѣсь, на землѣ, супостатовъ» (1).... «Я и всѣ богобоязненные проповѣдники,—мы князья на небѣ. И это не гордость, потому что служитъ къ прославленію имени Божія. Если бъ гордость эта смѣнилась смиреніемъ, то было бы дьявольскимъ, проклятымъ смиреніемъ, когда бы оно отвращало насъ отъ слова Божія. Какъ Христосъ есть вѣчный, небесный царь славы, такъ и смиренные проповѣдники составляютъ совѣтъ великихъ князей на небѣ. Какъ императоръ Карлъ имѣетъ своихъ избирателей, Турокъ—пашей, папа—своихъ кардина-

---

(1) Walch, Обьясн. 7. гл. Іоанна, VII, §. 77, p. 2258; §. 98, p. 2271.

ловъ, такъ и Христосъ собираетъ вокругъ Себя дружину небесную. Бл. Августинъ курфирстомъ на небѣ; Кодратъ, Ириней и другіе князьями и графами; а за ними и мы, учители Евангелія. Я крещенъ и призванъ отъ Бога къ служенію слова, которое есть сила небесная, а потому и я причисленъ къ чинамъ небеснаго царствія. Гавріилъ и всѣ Ангелы смотрятъ на меня, какъ на драгоцѣнный перлъ, потому что я вѣрую во Христа и проповѣдую Его слово. Мало того, они хвалятъ, прославляютъ меня, удивляются мнѣ; съ меня довольно ихъ одобренія» (1).

Такъ говорилъ онъ, и при чтеніи этихъ словъ невольно вспомнишь Магомета. Подумаешь, что Лютеръ преклоняется передъ Христомъ, дабы, подъ именемъ Его, властвовать неограниченно надъ всѣми умами. Если, по собственному сознанію его, бѣдный приходскій священникъ трехъ деревень превосходитъ могуществомъ Турецкаго императора, то каково должно быть могущество Лютера, родоначальника великой семьи проповѣдниковъ, возстановителя ученія Апостольскаго послѣ 15 вѣковаго затмѣнія, основателя Церкви Евангельской, грознаго сокрушителя папства? Неподражаемый оттѣнокъ его горделиваго сознанія выражается въ слѣдующихъ немногихъ словахъ, въ которыхъ онъ ясно опредѣлилъ свои отношенія къ міру: «Wie ich mich vor Gott von Herzen bücke und demüthige, so bin ich wider den Teufel und Weltstolz trotzig und hoffärtig im Herrn, verwerfe und verdamme Kaiser, Könige, Fürsten, Herren, Pabst, Bischöffe, Kardinäle, samt der ganzen Welt, strafe ihre irrige Lehre und sündlich Leben» (2). «Книги, нами написанныя,» — говорилъ онъ, любуясь картиной своего божественнаго посланничества, — «исполнены мудрости и благочестія» (3). Недовольный признаніемъ цѣлой Германіи, онъ обращается къ двумъ великимъ Европейскимъ народностямъ: «Я, проповѣдникъ, могу

(1) Walch, V, Объясн. 45 Пс. стиха 17, §. 336, p. 669; §. 338.—Walch, VII Объясн. 2-й гл. Іоанна, §. 43, p. 1752.—Walch, V, §. 199, p. 578.

(2) Walch, V, Объясн. 51, Пс. §. 305, p. 860. — Объясн. 45, Пс. §. 204, p. 581.

(3) «Die Bucher, so wir schreiben, sind voller Weisheit und Gottseligkeit.» Walch, VII, Объясн. 8 гл. Іоанна, §. 161, p. 2487.

сказать гордое слово королю Чешскому, или властителю Франціи: ««Если не вѣришь, что я посланникъ Божій, то я произнесу надъ тобой приговоръ.»» Что Іерусалимъ, что всемірная имперія Римская предъ словомъ Божіимъ? Если проповѣдь наша отъ Бога, то предъ нами преклонятся Папство и Турки, какъ маковый листъ. Христосъ не боится сильныхъ земли; у него другіе воители—Ангелы» ([1]). Міръ называетъ онъ великимъ слѣпцомъ, который всуе мятется противъ слова Божія. Призирая съ высоты неприступной на явленія человѣческой жизни, Лютеръ обнимаетъ однимъ взоромъ всѣхъ сильныхъ земли, со всею ихъ властію и могуществомъ, и сравниваетъ съ зажженной соломенкой, которую Творецъ неба и земли можетъ потушить однимъ дуновеніемъ ([2]).

Но этого мало: отдѣливъ себя отъ цѣлаго міра въ видѣ избранной единицы, онъ оставлялъ далеко за собой всѣхъ учителей Церкви, любовался сближеніями съ Апостоломъ Павломъ, состязался съ нимъ въ силѣ и величіи искушеній, происходившихъ, по мнѣнію его, отъ маловѣрія, любилъ находить сходство между собственнымъ религіознымъ настройствомъ и духовнымъ состояніемъ Апостола. Служеніе свое онъ ставилъ если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ служеніемъ Павла. «Самъ Апостолъ языковъ, явившись въ настоящее время и видя множество ересей, возникающихъ между Евангельскими, а съ другой стороны ядовитую злобу Папистовъ, неблагодарность и глубокое равнодушіе народа, конечно, вышелъ бы изъ терпѣнія и сказалъ бы людямъ: ««Пусть діяволъ проповѣдуетъ міру вмѣсто меня!»» ([3]). «Какъ лжеучители, современники Павла, величали себя передъ нимъ, называя его гонителемъ вѣры, а себя истинными учениками; какъ они простирали насмѣшки свои на его маленькій ростъ и слабое тѣлосложеніе, упрекали его въ непріятномъ произношеніи и голосѣ, такъ поступаютъ и съ нами подобные имъ, недостойные разрѣшить ремень сапоговъ нашихъ. Какъ Павелъ называлъ себя гонителемъ Церкви Божіей, такъ и я, въ продолженіе 15 лѣтъ

---

(1) Ibid. §. 168, p. 2494.
(2) Walch, Объясн. 2-го Пс. §. 33—36, p. 123.
(3) Walch, VIII, Объясн. 14 гл. Іоанна, §. 337—338, p. 208.

монашеской жизни, преслѣдовалъ Церковь, оскверняя ее богохульнымъ служеніемъ. И какъ Павелъ, не смотря на это гоненіе и *личное свое недостоинство*, сподобился избранія Божія, паче всѣхъ потрудился, пронести съ Варнавой Евангеліе въ предѣлы язычниковъ, такъ и мы, проповѣдники» (¹). На жалобу одного новичка въ дѣлахъ вѣры, что ему трудно различить законъ отъ Евангелія, Мартинъ отвѣчалъ: «Да! если бъ ты могъ это сдѣлать, ты былъ бы настоящимъ учителемъ.» И, вставая съ мѣста, снялъ докторскій баретъ, повторяя: «Если бъ ты могъ это сдѣлать, я сказалъ бы тебѣ: ««Другъ! Тебѣ дана великая мудрость. *Ни Павелъ, ни я не дошли никогда до такой степени совершенства.*»» Ему было сказано, когда онъ просилъ избавленія отъ пакостника плоти: ««Довлѣетъ ти благодать Моя»» т. е., у тебя Мое слово, держись его и не требуй ничего болѣе» (²). Въ другомъ мѣстѣ Лютеръ выражается весьма замѣчательно такъ: «Если докторъ Мартинъ не умѣетъ писать такихъ писемъ, какъ Ап. Павла посланіе къ Римлянамъ, или Св. Августинъ, то ему много чести приноситъ и то, что онъ, открывая книги посланій Апостольскихъ, заимствуетъ изъ оныхъ мѣста. *Онъ долженъ сознаться, что не доросъ до высоты Апостола Павла и Августина, а смиренно плетется за ними*» (³). Такое же откровенное признаніе читаемъ въ толкованіи на псалмы: «Сознаюсь, что я, въ объясненіи псалмовъ, многое предпринималъ выше силъ и *никакъ не могу присвоивать себѣ одинаковой силы съ Апостоломъ Павломъ*, потому что я не способствовалъ чистотѣ разумѣнія праведной жизнію, хотя и знаю, что нужно ученіе свое оправдывать дѣлами. Что касается до моихъ свѣдѣній, то и они не много оказали мнѣ помощи, ибо я до сихъ поръ былъ только ученикомъ, не въ одномъ языковѣдѣніи, но и въ постиженіи пророческаго смысла писаній. Впрочемъ, я могу похвалиться, что заблужденія мои не опасны, потому что въ языковѣдѣніи погрѣшали и самые опытные въ разу-

---

(1) Walch, VIII Объясн. 15 гл. къ Кор. §. 66, p. 1189.
(2) Walch, XXII, e. 12, §. 52, p. 678.
(3) Walch, V. Объясн. 101, Пс. §. 44.

мѣнія смысла, и самые святые. Св. Писаніе хотя и понятно младенцамъ, *но для великихъ* часто остается непостижимымъ. Никто такъ много не заблуждался, какъ люди, увѣренные въ непогрѣшительности своихъ толкованій, и никто такъ удачно и назидательно не толковалъ смысла Писаній, *какъ тѣ, которые всюду боялись ошибокъ»* ([1]).

Восходя отъ Апостола Павла къ Самому основателю Новаго Завѣта, Лютеръ сливаетъ свое служеніе, какъ проповѣдника, съ служеніемъ Спасителя роду человѣческому. Вся VIII-я глава Евангелія отъ Іоанна объясняется имъ, какъ картина пророческая, въ которой каждая черта такъ же удобно прилагается къ Христу, лицу говорящему, какъ къ будущему преобразователю вѣры. Проводникомъ къ такому сравненію служатъ внѣшнія отношенія Церкви и міра во время явленія Богочеловѣка и при началѣ Евангельской проповѣди доктора Лютера. Вѣра Іудеевъ, основанная на преданіяхъ отцовъ, во мнѣніи Лютера представляетъ живое олицетвореніе обрядовой Католической Церкви, опирающейся на великомъ сонмѣ подвижниковъ. Ветхозавѣтные первосвященники, фарисеи и книжники, наслѣдники Моисеевыхъ обѣтованій, въ новой Христіанской Церкви оживаютъ въ лицѣ папы, кардиналовъ, епископовъ, преемниковъ не жизни, не служенія и преданій Апостольскихъ, а высокихъ преимуществъ, присвоенныхъ церковной іерархіи. Въ другой половинѣ пророчества Лютеръ видитъ сближеніе между собой и Христомъ, не по отношенію къ Его Божеству, а въ смиренномъ Его служеніи міру, какъ человѣка, посланнаго на благовѣстіе волей Отца. Христосъ-человѣкъ, въ отношеніи къ Богу Отцу, тоже самое, что Лютеръ-человѣкъ въ отношеніи къ Христу-Богу. Чтобъ сдѣлать сходство болѣе нагляднымъ, онъ отвлекаетъ личность Бого-человѣка отъ званія служителя слова. «Христосъ,»—говоритъ онъ,—«на вопросъ Іудеевъ: «Ты кто еси?» предложенный будто бы въ совершенномъ невѣдѣніи Его существа, отвѣчалъ: «Начатокъ, яко и глаголю вамъ» (Іоан. VIII, 25), т. е., прежде всего я вамъ проповѣдникъ, и вы не поймете Моего Божества, если

(1) Walch, IV, Объясн. 22 Пс. §. 1—4, p. 1620.

теперь не удовольствуетесь Моею проповѣдію, т. е., не увѣруете въ слово Мое. Вы не знаете кто Я, пока не примете Меня, какъ своего проповѣдника» (1). Въ этихъ словахъ: «Ich bin nur ein Prediger,» Христосъ, по мнѣнію Лютера, съ намѣреніемъ скрываетъ Свое Божество отъ Іудеевъ, чтобы явиться предъ ними исключительно въ званіи служителя слова, отвлеченномъ отъ Его личности. При такомъ объясненіи, Лютеру не трудно становится низвести проповѣдь Христову въ кругъ чисто человѣческихъ дѣйствій, а самому вступить во всѣ отношенія Его къ окружающему міру. Здѣсь начинается цѣлый рядъ подобій, въ которыхъ Лютеръ обращается къ папѣ словами Евангельскими; не рѣдко въ одной и той же рѣчи одно подлежащее относится вмѣстѣ къ Спасителю міра и къ пророку Нѣмецкому. Слово Христово: «Азъ есмь свѣтъ міру» Лютеръ, не обинуясь, относитъ къ себѣ и своимъ проповѣдникамъ. «И мы,»—говоритъ онъ,—«обязаны сказать Папистамъ еретическое слово: ««Любезный папа, епископы, кардиналы, попы и монахи, всѣ вы сидите въ мракѣ съ своимъ ученіемъ, пока не станете проповѣдывать, *какъ я и Христосъ*»».... «Будь Я только частнымъ лицомъ,»—продолжаетъ Спаситель,—«Я не могъ бы называть Себя свѣтомъ міру; но теперь, облеченный въ званіе благовѣстника истины, имѣю право хвалиться имъ».... «Такъ точно и я (докторъ Лютеръ) могу хвалиться призваніемъ предъ всѣми сектаторами, хотя бы послѣдніе были въ 24 раза ученѣе меня. Я горжусь призваніемъ, въ которомъ Духъ Святой поставилъ меня благовѣстникомъ, не какъ Мартина Лютера, или Іоанна Поморца, а какъ Виттембергскаго приходскаго священника (Pfarrherr).» «Какъ Христосъ судитъ міру и судъ Его истиненъ, такъ и намъ подобаетъ судить и съ радостію предавать анаѳемѣ папу съ епископами. *Я пришелъ на то, чтобы право судить.*» — «Христосъ говоритъ: ««Азъ иду, и взыщете Мене; если Меня отвергаете, Я дамъ вамъ другихъ проповѣдниковъ, которые будутъ вамъ не по нраву.»» Такъ и вы (Нѣмцы), когда насъ не будетъ, вы пойдете въ Римъ за однимъ хорошимъ проповѣд-

---

(1) W a l c h, VII, §. 143—144, p. 2474—2475.

..комъ, и не найдете его; вы захотите вынуть изъ сердца ..мли тѣхъ самыхъ, которыхъ гоните нынѣ, но будетъ ..здно».... «Много имамъ о васъ глаголати и судити,»—про..лжаетъ Христосъ. «И я тоже говорю папѣ: много имѣю говорить и судить, а именно: что папа съ тройною коро..ю, съ епископами, монахами и вѣрными ему князьями ..йдетъ неминуемо къ діаволу въ адскую бездну. Но «По..авый мя истиненъ есть.» Скажу смѣло: я пришелъ къ вамъ ..о имя Божіе и утѣшалъ васъ, но вы отвергли меня, а по..ому не ждите помилованія. Онъ, приказавшій мнѣ слово, ..не посрамитъ его истины. Онъ исполнитъ прещенія.»—«*Не ..разумѣша убо*,»—сказано далѣе въ Евангельской повѣсти,—..т. е., не хотѣли понять, что Онъ говорилъ имъ объ Отцѣ. Досада взяла Іудеевъ, что они не могли наложить молчанія на уста, говорившія имъ такія смѣлыя истины. Такъ точно папа не хочетъ понять моего обличенія; онъ желалъ бы, чтобъ я никогда не явился. Если бъ не было Лютера,—говоритъ онъ,—Папство стояло бы твердо, и миръ Церкви не ..ылъ бы нарушенъ. Что же мнѣ дѣлать? Призваніе мое ..овелительно требуетъ моей проповѣди міру. Я не выдумалъ ..лова, я получилъ его отъ Спасителя, какъ Онъ получилъ его отъ Отца» [1]. «Любезный міръ, папа, князья и епископы! За что враждуете мнѣ? Какое зло причинилъ я вамъ?»—«Ты еретикъ,»—отвѣчаетъ Латинская Церковь;—«ты низложилъ монашескіе ордена, индульгенціи и продажу обѣденъ; ты смѣшалъ съ грязью наше ученіе и заповѣди: тебѣ ли не враждовать?» Конецъ превосходенъ; въ нёмъ вылилось послѣднее слово самоуслажденія Лютера, возмутившаго миръ Европейскаго человѣчества. «Да, я хотѣлъ того, и пусть будетъ такъ! Если падаютъ позорные отпуски; если гаснетъ чистилище, что мнѣ за дѣло? Я проповѣдывалъ Евангеліе Христово во всей Его чистотѣ» [2].

Лютеръ, напитанный чтеніемъ Библіи, безпрестанно возводя къ ней частные случаи собственной жизни, до того

---

(1) Walch, VII, §. 26, p. 2402; §. 30—31, p. 2406—2407; §. 73, p. 2434; §. 113, p. 2457; §. 150—153, p. 2479—2481; §. 157, p. 2484.

(2) Walch, VIII, Объясн. 15-й гл. Іоанна, §. 204—205, p. 436—437.

срод..ся съ такими сравненіями, что они потеряли для ... всю свою странность, и уродливая маска навсегда при..сла къ его лицу. Въ самомъ дѣлѣ, въ предложенномъ сплетеніи довольно неуклюжихъ лжеумствованій, личность реформатора по желанію чередуется съ его служеніемъ; подъ личиною проповѣдника слова Божія не рѣдко самъ Лютеръ восходитъ на небо, или низводитъ къ себѣ Божество. Съ трудомъ переносясь въ современныя отношенія, мы охотно согласились бы принять эти рѣчи за дерзкую шутку какой нибудь разгульной Нѣмецкой бесѣды; но мы видимъ въ источникахъ всю откровенность самообольщенія Лютера, слышимъ отзывы учениковъ, величающихъ его *святымъ, великимъ отцомъ и пророкомъ*. Здѣсь начало сближенія Божества съ человѣкомъ и того униженія святыни, которое въ новѣйшее время вызвало чудовищныя порожденія Нѣмецкой науки. Апоѳеоза Лютера, начатая при жизни его пристрастными поклонниками, отъ общественнаго служенія Церкви перешла на частную жизнь его, отъ непогрѣшительности ученія привела его къ сознанію собственной святости. При объясненіи 127 псалма, давая дѣятельныя наставленія о жизни христіянина, направленной на занятія полезныя, онъ прибавляетъ: «Я въ этомъ дѣлѣ довольно опытенъ и могу служить наставникомъ; но и мнѣ не рѣдко случается терять время на пустыя заботы. Причина тому, *что и Святые не свободны отъ грѣха гордости*, бывшаго началомъ паденія прародителей въ раю» ([1]). Въ другомъ мѣстѣ такими чертами описываетъ благіе плоды возобновленнаго ученія Евангелія: «Пусть міръ называетъ насъ злыми еретиками, нарушителями покоя общественнаго, одержимыми духомъ нечистымъ. Противъ такого суда мы имѣемъ свѣдѣтельство совѣсти, что Богъ далъ намъ не только увѣровать, но и свободно исповѣдывать вѣру предъ цѣлой вселенной. Мы упражняемся, сколько возможно, въ богоугодной жизни, остерегаемся отъ грѣховъ; если падаемъ, то не съ намѣреніемъ, а по слабости и съ сожалѣніемъ о содѣянномъ грѣхѣ. Во внѣшней жизни мы еще грѣшники, хотя

(1) Walch, IV, Объясн. Пѣс. степ. §. 114, p. 2683.

получили уже Духа Святаго» ([1]). Даже въ вольномъ смиреніи Лютера просвѣчиваетъ какое-то внутреннее самодовольство. Такъ, на примѣръ, говоритъ онъ о своемъ обращеніи изъ Католичества: «Я теперь уже не хулитель имени Божія; я проповѣдью не обольщаю народа, не распинаю и не приношу въ жертву Христа въ литургіи, а хвалю и славлю милосердіе Божіе. Но все еще жизнь моя не совершенна; я долженъ взывать съ Давидомъ: ««Господи! Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ!»» Вѣра слаба, любовь *нѣсколько* холодна; я имѣю нужду въ ходатаѣ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Подъ Его покровомъ я долженъ пресмыкаться во прахѣ и молить Его о прощеніи грѣховъ. Господи! Не помяни мнѣ того, что еще остается во мнѣ грѣшнаго и немощнаго!» ([2]).

При такомъ исключительномъ развитіи личности, основной чертой характера Лютерова по отдѣленіи отъ Западной Церкви является раздражительность; она ростетъ съ каждымъ новымъ шагомъ на пути реформаціи, а подъ конецъ его жизни перерождается въ болѣзненное настройство ума, въ безпокойную дѣятельность мысли и слова, въ какую-то страшную логику, ужасающую дикимъ выраженіемъ страсти. Ни одно явленіе современной жизни, ни одна папская булла, ни одно сочиненіе противниковъ, не оставлено имъ безъ отвѣта. Вся жизнь его проходитъ въ вѣчной перебранкѣ съ врагами; онъ вездѣ удерживаетъ за собою послѣднее слово, не довѣряетъ никому въ выраженіи своего образа мыслей, и въ каждомъ оборотѣ его неподражаемой рѣчи видна широкая, размашистая рука изловченнаго бойца, который не щадитъ ни друга, ни недруга, наноситъ удары направо, налѣво, никогда не утомляясь, грозя вѣчнымъ гнѣвомъ. Неисчислимы его спорныя сочиненія. Онъ спорилъ: съ Эккомъ, Алевельдомъ, Латомомъ, Ютербокскими Минoритами, съ Университетами: Кельнскимъ, Парижскимъ и проч., съ Эмзеромъ, Амвросіемъ Катариномъ, Эразмомъ, съ Генрихомъ VIII, Георгомъ Саксонскимъ, Альбрехтомъ Майнцкимъ, Генрихомъ Брауншвейгскимъ, Кохлеемъ, съ Карл-

(1) Walch, VIII, Объясн. 4-й гл. Галат. §. 57—60, p. 2398.
(2) Walch, III, Объясн. 9 гл. Второзак. § 41, p. 2722.

штадтомъ, Цвинглiемъ, съ Цюрихскими богословами, съ Антиномiянами, Анабаптистами, Швенкфильдомъ, Мюнцеромъ, опровергалъ Алкоранъ и Талмудъ, при всемъ томъ находилъ еще время читать лекцiи въ Университетѣ, проповѣдывать всенародно два раза въ день, заниматься кабинетными трудами, посвящалъ свой досугъ перепискѣ съ друзьями, наполняющей обширные сборники Аврифабра и деВетте, совѣщанiямъ съ знакомыми, разговорамъ съ чужими. Со всѣхъ концевъ Германiи стекались къ нему люди безвѣстные просить разрѣшенiя на частные случаи жизни, и усталому, измученному Лютеру приходилось словесно и письменно распутывать сѣти совѣсти многихъ тысячъ народа, съ тяжелой отвѣтственостiю проповѣдника и основателя Церкви.—«Тяжкая ноша виситъ у меня на шеѣ»,—писалъ онъ къ одному изъ друзей своихъ,—«и тянетъ меня къ землѣ. Я не могу посвятить надлежащаго времени духовнымъ упражненiямъ: молитвѣ, ученiю, чтенiю, занятiямъ письменнымъ. Словомъ, вся моя жизнь тяжелый, суровый крестъ» (1). «Говорятъ нѣкоторые, что письменные труды не составляютъ работы и не входятъ въ сравненiе съ ѣздой на конѣ, въ тяжелыхъ доспѣхахъ, въ жару и въ пыли, на морозѣ и въ жаждѣ. Въ чужихъ рукахъ все легко. Конечно, мнѣ бы трудно было проѣхать въ латахъ; но посадилъ бы я всадника за письменный столъ, обложилъ бы его бумагами, приказалъ бы сидѣть цѣлый день, не разгибаясь, не спуская глазъ съ книги» (2). Эта, по истинѣ, необъятная дѣятельность давала безпрестанно новую пищу страстямъ его, поддерживая обширныя сношенiя со всей современностiю, вызывая на письменное изъявленiе своего мнѣнiя. Вся полемика Лютера преимущественно имѣетъ въ виду ненавистную ему Церковь Папистовъ. Всегда живо хранилъ онъ воспоминанiе понесенныхъ отъ нея неправедныхъ гоненiй; мстительность его тѣмъ ужаснѣе, что Лютеръ Евангельскiй въ своихъ нападенiяхъ на Латинскую Церковь преслѣдуетъ вѣчной враждой того же Лютера въ монашеской рясѣ,

(1) Walch, IV, Предисл. къ Объясн. 21 Пс. §. I, p. 1622.
(2) Walch, X, p. 521, 522.

оставшейся для него вѣчнымъ укоромъ. Съ дикою радостію разоблачаетъ онъ язвы Католиковъ, поливаетъ ихъ желчію Нѣмецкой ироніи; въ послѣднихъ его сочиненіяхъ, когда истощился запасъ бранныхъ словъ и ругательствъ, когда кончилась пѣснь, начинается припѣвокъ. Читая, не вѣришь глазамъ; это писалъ не проповѣдникъ Евангелія, а, и въ самомъ дѣлѣ, одержимый духомъ гордыни. Неистовые вопли нерѣдко переливаются въ горькія жалобы въ духѣ Иліиномъ; онъ молитъ Бога словами Давида и Исаіи призрѣть на погибающій виноградъ Свой, спасти градъ святилища Его, христіанскую Церковь. Потомъ опять радуется поруганію своего имени; но самому себѣ отчитываетъ пышныя похвалы, подобныя слѣдующимъ: «Я разорвалъ густую сѣть папскихъ законовъ; они назовутъ меня возмутителемъ Церкви; я поставилъ Евангеліе выше преданій ихъ; я подчинилъ власть папскую святой заповѣди братской любви; они назовутъ меня хулителемъ и еретикомъ. Но пусть буду я и отребьемъ рода человѣческаго; пусть наложатъ на меня печать отверженія духовнаго; пусть имя раскольника и ересіарха Лютера обречется мученіямъ ада. Но, ради Бога, молю васъ отставить ненавистное имя Мартина Лютера и поучиться истинѣ у Апостола Павла» ([1]). Въ этомъ самоотверженіи мало истины. Мы не входимъ въ его личныя отношенія къ папѣ; но нельзя не замѣтить въ немъ черты оскорбительной для нравственнаго чувства: глубокаго себялюбія, презрѣнія ко всему, что не склонялось передъ нимъ въ безотвѣтномъ созерцаніи. Жизнь, разсорившаяся со всѣмъ окружающимъ, изсушила сердце этого человѣка, достойнаго стать съ огненнымъ мечемъ на стражѣ Моисеева закона. Въ 1518 году, исполненный замысловъ о будущемъ преобразованіи Церкви, мечтая миромъ привести Латинскую Церковь къ сознанію истины, онъ въ такихъ выраженіяхъ описывалъ царство Христово, имѣющее воплотиться на землѣ во всемірномъ общеніи вѣры и любви христіанской: «Истинные братья Христа подражаютъ Его благосердію, любятъ злыхъ, благословляютъ, прощаютъ

---

(1) Walch, IX, Объясн. 6 гл. къ Галат. §. 71—73, p. 373—376.

ихъ, молятся за нихъ, хвалятъ и благодарятъ Бога о всемъ. Смотри на Чешскихъ Пикардовъ, die geistlichen, guten und elenden Ketzer, которые бѣгутъ отъ христіянъ нечестивыхъ и скрываются въ своемъ одиночествѣ. О богохулители и предатели Христовы! Если бъ Христосъ дѣлалъ то, что вы дѣлаете, кто получилъ бы блаженство? Онъ совлекъ съ Себя образъ и правду Божественную, уклонялся отъ общества благочестивыхъ, прилѣплялся къ грѣшнымъ и буіимъ, да всяческая исполнитъ благодати. «Нѣтъ,»—говорите вы,—и мы не похожи на Нѣмцевъ; изъ страха Божія не хотимъ имѣть ничего общаго съ Римскою Церковію. Или другими словами: Мы, во имя Господне, хотимъ идти къ отцу нашему, діяволу, а Нѣмцы, во имя діявола, войдутъ въ царство небесное. Ваше слово: ««Господи! погуби ихъ во гнѣвѣ Твоемъ; они согрѣшили Тебѣ; мы народъ Божій; они народъ діявола»». Такъ говорилъ миротворецъ, не подозрѣвая, что онъ чрезъ 20 лѣтъ, или ранѣе, дойдетъ до такого остервененія, какого никогда не позволяли себѣ Гуситы. Они отказались отъ общенія съ Римомъ, не какъ враги торжествующіе, а какъ люди гонимые, которые внѣ своей общины не находили нигдѣ безопасности. Лютеръ всю враждебную ему силу Католицизма воплощаетъ во образѣ темнаго царства антихриста, а себѣ и послѣдователямъ своимъ готовитъ обители въ царствѣ небесномъ (ein sonderlicher Ort im Himmel). «За безуміе міра, за гоненіе истины, за радостный пріемъ приходящему діяволу, Христосъ»,—говоритъ онъ,—«отступаетъ отъ управленія міромъ и вручаетъ его діяволу. Но на насъ, проповѣдниковъ, неблагодарность и нечестіе міра не должно наводить такой скорби, которая положила бы насъ во гробъ до завѣтнаго часа. И я скорбѣлъ до смерти о бѣдствіяхъ Церкви; стараясь залѣчить ея раны, я чувствовалъ, какъ сердце мое обливалось кровію, какъ самая вѣра моя подвергалась опасности. Но послѣ я догадался, что печали сердца моего происходили отъ невѣдѣнія царства Христова; я сказалъ себѣ: ««Въ этихъ бѣдствіяхъ ты не участникъ; пусть скорбятъ о нихъ виновники. Я готовъ приложить стараніе къ ихъ исцѣленію, но даромъ сокрушаться не стану.»» Сатана неистощимъ въ своихъ козняхъ;

мы должны побѣждать его равнодушіемъ. Что пользы тужить и скорбѣть? Міръ лучше не будетъ, сатана не отстанетъ отъ козней. Живый на небесѣхъ посмѣется имъ; Онъ велитъ намъ утѣшиться, презирать неистовство и жалкую надменность міра гордою вѣрою и радостно, на зло міру, воспѣть Ему пѣснь благодарности». Эта мудрая распорядительность Лютера покрывается полнымъ успокоеніемъ во Христѣ Іисусѣ, сказавшемъ Апостоламъ: «Дерзайте, ибо Я побѣдилъ міръ.» «Печаль неумѣстна, когда князь міра сего осужденъ, т. е., папа, Турки, епископы, короли и владыки со всѣмъ царствомъ діавола». — «Христосъ устрояетъ царство свое не Гавріиломъ съ легіонами Ангеловъ, а выбираетъ младенцевъ и ссущихъ, бѣдныхъ рыбарей, побѣдившихъ вселенную. И насъ папа превосходитъ въ умѣ и могуществѣ; мы неостримъ мечей, не мещемъ копій, а только отверзаемъ уста и дѣтскою вѣрою низлагаемъ его со всѣмъ его царствомъ». По крайней мѣрѣ въ тайной молитвѣ этотъ другъ человѣчества просилъ о разрѣшеніи душевной слѣпоты враговъ, его папистовъ? Нѣтъ! Онъ молился ежедневно объ истребленіи папы и всѣхъ сыновъ противленія. «Ich weiss»,—говорилъ онъ,—«das du, unser lieber Gott und Vater, bist, derhalben bin ich gewiss, du wirst die Verfolger deiner Kinder vertilgen». Вотъ содержаніе его трехчасовой ежедневной молитвы, какъ сообщаетъ о томъ Меланхтону свѣдѣтель, Витъ Дитрихъ, и какъ сознается самъ Лютеръ, когда говоритъ: «Я не могу молиться, не проклиная папы; не могу сказать: ««Да святится Имя Твое!»» чтобъ не прибавить: ««Да будетъ проклято имя папистовъ!»» Во истину, такъ молюсь я каждый день устно, а сердцемъ своимъ непрестанно (1).»

---

(1) Walch, V, Объясн. 110, Пс. §. 26 — 27.—V, Объясн. 45 Пс. §. 80, p. 512.—VIII, Объясн. 15-й гл. Іоанна, §. 200—201, p. 434—435.—V, Объясн. 2 Пс. §. 54, p. 130.—V, Объясн. 8-й Пс. §. 44. — X, p. 89. — XVI, §. 51, p. 2085. Вотъ послѣднее слово Лютера Папистамъ: «Lass sie fahren zum Teufel. Was hülfe es, dass wir um ihrentwillen uns zu Todte klagten und traureten. Sie wollen weder unsere Freude noch Trauren; so sprechen wir: Liebe Welt, thue ins Niederkleid uud hänge es an den Hals; du willst nicht hernach, so bleib dahinten. Wie du willst, Vögelein, willst du nicht essen, so stirb.» Walch. VII, Объясн. 11 гл. Мате. §. 22, p. 193.

Лютеръ не допускалъ сомнѣнія ни въ одномъ догматѣ своего исповѣданія, требовалъ вѣры безпрекословной, подъ опасеніемъ духовной смерти. Гусъ надѣялся, что ученіе его согласно съ Евангельскимъ, но просилъ паству принимать его осторожно, повѣряя свидѣтельствомъ Библіи. Лютеръ поставилъ свое толкованіе выше толкованій учителей Церкви, находя въ нихъ противорѣчія и недоразумѣнія; Гусъ предписывалъ проповѣднику избѣгать собственныхъ толкованій при чтеніи Библіи, а въ разрѣшеніи труднаго смысла писаній немедленно прибѣгать къ излагателямъ (statim recurrere ad expositores, 28-е письмо). Смиреніе Гуса засвѣдѣтельствовано не однимъ голословнымъ признаніемъ себя *меньшимъ священникомъ* (minimus sacerdos), но и тѣмъ преимущественно, что, въ пору самаго дѣятельнаго преобразованія Церкви, онъ сознавалъ свою немощь, свою невозможность содѣйствовать лично великому дѣлу. Онъ говаривалъ неоднократно, что высшею цѣлію желаній его было бы разоблачить со временемъ нечестіе міра, въ предостереженіе вѣрнымъ; но прибавлялъ: «Уповаю на Господа, что Онъ воздвигнетъ послѣ меня болѣе крѣпкихъ (magis strenuos), которые обнаружатъ нечестіе антихриста и положатъ душу свою за правду Христову ([1])».... «Гусъ — птица ручная, полета не высокаго; но другія птицы, которыя и въ словѣ Божіемъ, и въ жизни парятъ высоко, разорвутъ сѣти неправды». И нѣсколько ниже: «А потому вѣчная истина послала въ Прагу вмѣсто одного гуся, немощнаго и слабаго, много соколовъ и орловъ, которые зоркостію глаза превосходятъ другихъ птицъ; они, благодареніе Богу, летаютъ высоко, и приводятъ всѣхъ прочихъ птичекъ къ Іисусу Христу» ([2]). На этихъ свидѣтельствахъ основано преданіе, сочиненное послѣ событія, будто Гусъ говорилъ предъ смертію: «Вы сожигаете Гуся, но черезъ 100 лѣтъ запоетъ бѣлый лебедь, котораго вамъ сжечь не приходится» ([3]). Хотя онъ, очевидно, указывалъ частію на современниковъ, частію на буду-

(1) Ep. 13, I, 61 на об.

(2) Ep. 6, I, 96 на об.

(3) Theobald, Hussitenkrieg, p 25, Lenfant Hist. du Conc. de Const. 428—432.

щихъ исповѣдниковъ своей собственной вѣры, но Лютеръ всѣ указанія этого рода, не обинуясь, примѣнялъ къ себѣ лично. «Св. Іоаннъ Гусъ»,—писалъ онъ на Аугсбургскомъ сеймѣ, въ самое торжественное мгновеніе своей жизни,—«пророчествовалъ обо мнѣ, когда писалъ изъ темницы въ Чешскую землю: ««Вы изжарите гуся, но черезъ 100 лѣтъ не изжарите лебедя»» ([1]). «Члены Констанцкаго собора были увѣрены, что никто впередъ не осмѣлится говорить и писать противъ нихъ, еще менѣе ублажать и святить память Гуса, а ихъ обличать. Но Іоаннъ Гусъ предсказывалъ *иначе*, какъ и сдѣлано было отчасти мною, отчасти другими» ([2]). Непреклонный Лютеръ попиралъ ногами общественное мнѣніе; Гусъ, умирая въ Констанцѣ, старался увѣрить своихъ земляковъ, что онъ осуждается несправедливо, *дабы вѣрные не соблазнялись о немъ* (ne scandalisentur in me, tanquam sim hæreticus), *какъ объ еретикѣ*. Стоитъ только взглянуть на всю цѣльность ученія Лютерова, чтобъ убѣдиться, на сколько въ созданіи его участвовалъ его могучій образъ, который удобно вставляется въ рамку любаго событія его реформаціи. Какъ глубоко онъ вѣрилъ въ могущество своего слова; какъ понималъ значеніе своей личности, всего лучше видно изъ намѣренія писать свою біографію, изъ безчисленныхъ матеріяловъ, оставленныхъ имъ въ многотомныхъ своихъ сочиненіяхъ для критическаго жизнеописанія. Гусъ, напротивъ, вездѣ скрывается, или за великою тѣнью своего народа, или за христіянской оболочкой проповѣдника истины; безъ скудной переписки его мы не знали бы внутренняго міра его богатой души, не знали бы и самыхъ драматическихъ эпизодовъ жизни его, все же отрывочной, загадочной и безцвѣтной. Вообще, нѣтъ лучшаго мѣрила *безличности* Гуса и самоотверженія Славянскаго, какъ странная участь, постигшая его по смерти, и доселѣ еще не разрѣшившаяся въ послѣднемъ удовлетворительномъ итогѣ. При всѣхъ усиліяхъ исторической критики, мы не успѣли возвратить себѣ роднаго сокровища въ неотъемлемую собственность; его тѣнь продолжаетъ еще долгія

(1) Luthers Glossen auf das Kaiserliche Edict; Walch, XVI, §. 68. p. 2061.
(2) Walch, XVI, §. 14, 2565.

странствованія по всѣмъ Европейскимъ народамъ, испещренная разноплеменной костюмировкой, въ которой постепенно искажаются черты его личнаго и народнаго образа.

Другая сторона племеннаго характера, особенно ярко выдающаяся въ Лютерѣ, это—**брачная жизнь** во взаимномъ согласіи супружеской двоицы, въ добываніи хлѣба честнымъ трудомъ мужа, въ устроеніи хозяйства распорядительной женою, и въ соединенныхъ усиліяхъ того и другаго доставить приличное воспитаніе дѣтямъ. Вотъ идеалъ кореннаго Нѣмецкаго быта, и онъ вылился въ жизни Лютера въ полнотѣ самаго правильнаго очертанія. Мы уже видѣли выше, какъ необходимость супружества для стариннаго Нѣмца непосредственно истекала изъ его образа жизни, преимущественно же развивалась она на Западно-Европейскомъ материкѣ въ противоположность господствующей въ Восточныхъ народахъ наклонности къ созерцательной жизни. «Въ природѣ нѣтъ единичности,»—такъ умствовалъ Нѣмецъ устами Лютера,—«все стремится къ совокупленію; прекрасный первообразъ его представилъ намъ Богъ не въ однихъ только животныхъ, но и въ растительности, и даже въ камняхъ. Мужескій полъ во всемъ твореніи простираетъ вѣтви свои къ женскому, какъ будто стремится включить его въ объятія свои, и на оборотъ, тоже самое дѣлаетъ женщина. Небо и земля представляютъ благословенную чету, потому что земля оплодотворяется небомъ и износитъ живыя растенія (1). Мы зарождаемся въ женской утробѣ, заимствуемъ отъ нея свою плоть; отсюда естественное влеченіе къ женщинѣ, и удовлетвореніе его столько же необходимо, сколько пища, питье и сонъ (2). Но брачная жизнь, неизбѣжная, какъ удовлетвореніе частной потребности, имѣетъ несравненно высшее значеніе въ государственной жизни. Одна безъ другой существовать не можетъ. Домоправительство—первое условіе хорошо устроеннаго государства. Тамъ, гдѣ нѣтъ отцевъ и матерей, мужей и женъ, которые бы рождали и воспитывали дѣтей, тамъ не можетъ быть и городовъ. Города

---

(1) Walch, XXII, c. 43, §. 3. p. 1686.
(2) Ibid. §. 27, 44.

произошли отъ взаимныхъ отношеній между хозяиномъ дома и домочадцами. Изъ нихъ образуются княжества, изъ княжествъ государства. Начало имъ положено въ обѣтованіи Божіемъ: «Не добро быть человѣку единому; раститеся, множитеся и наполните землю (Быт. XII, 18; I, 28) (1).

Въ Лютерѣ рано развивается господствующее стремленіе Нѣмецкой природы. Но мы уже видѣли, что этой практической сторонѣ его характера противодѣйствовало враждебное ей начало, вынесенное изъ дѣтскихъ представленій Католицизма, и опредѣлившее мнимое призваніе его къ монашеской жизни. Вступая въ обитель, онъ отказывался отъ честнаго брака; въ монастырѣ, на молитвѣ, и въ кельѣ, и днемъ и ночью боролся съ подавленными желаніями; въ застольныхъ рѣчахъ посвятилъ своихъ близкихъ въ тайны искушенія, возвращавшагося ежедневно (2). Понятія его о монашествѣ, какъ сказано выше, развивались подъ гнетущимъ вліяніемъ такихъ ощущеній, которыя заставляли его ненавидѣть вынужденное послушаніе обѣту. Отсюда возмутительная односторонность сужденій его, на которыхъ легъ отпечатокъ его личныхъ отношеній. Впрочемъ, первый голосъ противъ монашеской жизни былъ поданъ не Лютеромъ. Между тѣмъ, какъ онъ въ Вартбургѣ, вдали отъ шума житейскаго, занимался переводомъ Библіи на Нѣмецкій языкъ, боролся съ діяволомъ, проводя ночи безъ сна *въ великомъ огнѣ необузданной плоти* (3), Меланхтонъ поднималъ знамя возмущенія въ Виттембергѣ. Изъ переписки Лютера видно, что весь этотъ городъ въ то время былъ въ сильномъ волненіи. Преимущественно занимались двумя вопросами: о бракѣ священниковъ, и значеніи обѣтовъ монашескихъ. Первый вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно, примѣромъ Бартоломея Бернгарди, того самаго, который въ 1516 году спорилъ

(1) Walch, Объясн, Пѣс. Степ. IV, 127. Пс. §. 54, p. 2652.

(2) Walch, XXII, c. 43, §. 130. p. 1771.

(3) «Sedem in otio, proh dolor, parum orans, nihil gemens pro Ecclesia Dei; quin carnis meæ indomitae uror magnis ignibus; summa qui fervere spiritu debeo ferveo carne, libidine pigritia, otio, somnolentia.» Письмо къ Меланх. Aurif. I, Ep. 234, f. 333, a.

въ Виттембергѣ противъ Томистовъ подъ руководствомъ Лютера. Но обѣты монашескіе оставались еще во всей своей силѣ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1521 года, Меланхтонъ писалъ къ Лютеру, съ намѣреніемъ доказать ему, что эти обѣты подходятъ совершено подъ реченіе Апостола, установившаго бракъ для іереевъ. Въ отвѣтѣ своемъ отъ 29 Іюня Лютеръ опровергалъ его мнѣніе, на томъ основаніи, что священническій санъ установленъ Богомъ, а монашество есть слѣдствіе свободнаго избранія самого человѣка. « Когда Ап. Павелъ запрещеніе брака духовнымъ называетъ прямо изобрѣтеніемъ діявола, мы не имѣемъ ни въ какомъ случаѣ права измѣнять устройство Божественной власти. Но о монашествѣ не могу сказать ничего утвердительнаго. Правда, юноши ниже 30 лѣтъ, вошедшіе въ монастырь по неопытности, могли бы оставить его безъ зазрѣнія совѣсти; но нельзя сдѣлать изъ этого общаго правила для людей, состарѣвшихся въ монашеской рясѣ ». Въ заключеніе обѣщаетъ подумать изъ любви къ бѣднымъ юношамъ и дѣвицамъ, которымъ онъ желалъ бы принести пользу, сострадая ихъ немощамъ. Во второмъ письмѣ, безъ числа, къ тому же Меланхтону онъ излагаетъ выводы своихъ размышленій. Его нерѣшительность продолжается; возраженія противниковъ не удовлетворяютъ желанію его достигнуть убѣжденія прочнаго. «Приводимыя вами свидѣтельства изъ Ветхаго Завѣта, въ которыхъ строго предписывается разрѣшеніе обѣтовъ, не идутъ вовсе къ дѣлу. Ихъ нельзя примѣнить къ обѣту цѣломудрія иноческаго; ибо всѣмъ извѣстно, что народу Еврейскому не только обѣтъ воздержанія, но и просто безбрачная жизнь воспрещена была подъ опасеніемъ проклятія и позора. Я вполнѣ убѣдился въ невозможности доказать изъ Св. Писанія ни закономъ, ни частнымъ примѣромъ, что цѣломудріе падаетъ подъ обѣтомъ монашескимъ. Впрочемъ, оно зависитъ отъ произвола самого человѣка, по слову Апостола (1 Кор. VII), и только одну уступку я въ состояніи сдѣлать, а именно: что стѣснять его законами и постановленіями человѣческими есть чистое внушеніе діявола. Значитъ, опасно приносить обѣтъ цѣломудрія; но отсюда

не слѣдуетъ, чтобъ онъ не имѣлъ обязательной силы. Вѣдь, то была наша добрая воля; отъ насъ же зависѣло жить цѣломудренно, не давая на себя никакихъ обязательствъ. Словомъ, мнѣ сдается, что рѣшеніе этого вопроса чрезвычайно просто, но отъ насъ еще сокрыто. Конечно, если бъ самъ Христосъ намъ явился, Онъ разрѣшилъ бы разомъ эти узы для совѣсти, потому что и по сю пору Онъ ни однимъ откровеніемъ, ни однимъ знакомъ благоволенія не засвидѣтельствовалъ угодности Ему нашихъ обѣтовъ. Къ тому же до 14 лѣтъ законъ естества не открываетъ возможности принести обѣтъ воздержанія, и кто порукою, что и за 14 лѣтъ возможность его исполненія простирается на цѣлую жизнь? Богъ молчитъ, — человѣкъ не знаетъ. Несчастные мы, блуждая во мракѣ, хватаясь за тѣнь, какъ за истину, и въ этомъ невѣдѣніи грѣшимъ еще больше, потому что Богъ есть Богъ свѣта и мудрости, а не тьмы и невѣдѣнія. Видишь, какъ сильно смущаютъ меня помышленія, и однако рѣшить вопросъ окончательно не разумѣю, а только желалъ бы содѣйствовать вашимъ усиліямъ. Я безъ зазрѣнія совѣсти могу разрѣшить обѣты до 20 лѣтняго возраста, какъ данные безъ знанія дѣла, и притомъ такихъ только юношей, которые не успѣли еще перемѣнить ни одежды, ни званія, а о получившихъ священство въ обителяхъ, хотя бы и ниже 20 лѣтъ, не смѣю подумать» [1]. 9 Сентябремъ, 1521 года, означено третье посланіе о томъ же предметѣ, съ повтореніемъ прежнихъ недоумѣній. Видно, что Лютеръ въ эти два мѣсяца не сдѣлалъ ни шагу впередъ, что его удерживало свидѣтельство совѣсти, обличавшее нарушителя обѣта клятвопреступникомъ. «Ты говоришь»,—писалъ Лютеръ,—«что допускаешь необходимость нарушенія обѣта въ случаѣ невозможности его соблюденія, съ грѣхомъ по-поламъ. Но этимъ путемъ мы дойдемъ, пожалуй, до отрицанія заповѣдей. Въ отвѣтъ на это, ты, можетъ быть, скажешь: «Одно заповѣдано; другое произвольно выбрано». Но потому-то оно и стало закономъ, по слову Писанія: «Храните обѣты!» Ты говоришь, что рабство обѣта противно свободѣ Евангельской; а я утверждаю,

---

(1) Aurif. I, Ep. 239, f. 346- 349.

Виттембергѣ противъ
ютера. Но обѣты мона
илъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ
Лютеру, съ намѣреніемъ
ходять совершено пол
бракъ для іереевъ. Въ
опровергалъ его мнѣніе
ческій санъ установлен
ствіе свободнаго избра
велъ запрещеніе брака
теніемъ діявола, мы
измѣнять устройство
не могу сказать ни
ниже 30 лѣтъ, во
могли бы оставить
сдѣлать изъ этого
шихся въ монаше
думать изъ любв
торымъ онъ жела
немощамъ. Во в
Меланхтону он
Его перѣшитель
ковъ не удовле
прочнаго. «Пр
вѣта, въ кото
товъ, не идут
обѣту цѣлому
народу Еврей
просто безбр
проклятія и
доказать изъ
мѣромъ, что
Впрочемъ, с
слову Апос
состояніи с
постановлен
Значитъ,

іомъ въ Вартбургѣ. окончательно приложился ко ь, засвидѣтельствовалъ перемѣну своихъ убѣжде- . откровеніе Божіе, въ письмѣ къ Меланхтону ([1]). .бря писалъ къ Спалатину о приготовляемомъ имъ ... мъ опроверженіи монашескаго житія и обѣтовъ. ... это, вышедшее еще въ томъ же 1521 году, съ ... ніемъ отцу отъ 21 Ноября, послужило началомъ но- ...ору, въ которомъ Лютеръ принималъ дѣятельное . Оно пришлось такъ по нраву Нѣмецкому народу, ...зъ три года въ протестантскихъ государствахъ Гер- ...пустѣли всѣ монастыри мужскіе и женскіе. Благо- ... дѣвицы, члены царственныхъ домовъ, оставляя оби- ...для избѣжанія соблазна, вручали себя покровительству ...каго преобразователя, который писалъ въ пользу ихъ ...ыя апологіи, спасая ихъ честь отъ навѣтовъ гонителей. ... числѣ монастырей упразднился дѣвическій Цистерціян- ... ордена, въ городѣ Нѣмцѣ, недалеко отъ Гриммы. Де- ... благородныхъ дѣвицъ, по взаимному согласію и съ по- ...ію Леонарда Коппе, гражданина и думнаго совѣтника ...ода Торгева, бѣжали изъ монастыря въ самую Великую ...бботу 1523 года. Имена ихъ памятны по отношенію къ судь- . реформатора: Магдалина Ступицъ, Елисавета Каницъ, Ве- ...оника (или Катерина) и Маргарита Цешау, Ланета Ф. Голисъ, ...вва Гросинъ, Евва и Маргарита Шёнфельдъ и Катерина изъ ...бора. Помѣщенныя въ монастырь безъ желанія, по волѣ роди- телей, онѣ объявили, что жизнь монашеская имъ невыносима, что онѣ терпятъ страданія не въ мѣру силъ. Лютеръ принялъ ихъ благосклонно и, пока онѣ не были пристроены прилично своему званію, старался доставить имъ всѣ нужныя средства существованія ([2]). Первый удачный опытъ соблазнилъ много новыхъ отступниковъ, особенно женщины воспламенялись ученіемъ Лютера и, украдкой читая его книги при дворахъ владѣтельныхъ князей, остававшихся вѣрными Католицизму, охотно подвергались изгнанію. Разстриженные монахи, люди безъ всякого имущества и образованія, стекались толпами

(1) Ibid. Ep. 251, f. 363, обор.

(2) Aurif., II, Пис. къ Линку и Спалат. f. 130—131; — Walch, XIX, Пис. къ Коппе, p. 2083—2093.

что вольное подчиненіе обѣту и законамъ есть также дѣло духовной свободы, ибо многіе не теряли ея, хотя жили подъ рабствомъ обѣта. Впрочемъ, мнѣ, какъ монаху, не подобаетъ произносить сужденія. Я догадываюсь, что ты хочешь разыграть при мнѣ роль искусителя и подвести мнѣ подругу, въ отмщеніе за то, что я и самъ съигралъ твою свадьбу. *Такъ знай же, что я, сколько можно, буду остерегаться соблазна* ([1])». При этомъ письмѣ приложено было первое сочиненіе Лютера объ обѣтахъ монашескихъ, съ просьбою прибить его къ воротамъ Виттембергскихъ церквей,—139 положеній, имѣющихъ полный, оконченный смыслъ. Содержаніе слѣдующее: «Всякое дѣло закона должно совершаться свободно, т. е., въ вѣрѣ въ Іисуса Христа и безъ ложной мечты въ его оправдывающее дѣйствіе. Жизнь монашеская принадлежитъ къ дѣламъ закона, а потому, кто приноситъ обѣтъ воздержанія и дѣвства безъ вѣры, въ надеждѣ угодить Богу, приноситъ безбожный, богохульный обѣтъ. *Тому слѣдуетъ покинуть обитель, не обращая вниманія на папскую власть и общественное мнѣніе,* ибо лучше стяжать свою душу, чѣмъ погубить ее. Но кто можетъ соблюсти свободу Евангельскую подъ игомъ закона, тому не опасно подчинить себя вѣчнымъ обѣтамъ и жить въ монастырѣ, какъ Бернардъ и прочіе благочестивые иноки, которые не искали спасенія въ стѣнахъ монастырскихъ, а пошли въ монастырь, уже бывши оправданы, на вольное житье иноковъ». Заключительная мысль, что «какъ жизнь монастырская повсемѣстно обратилась въ особенный подвигъ, ведущій, по общему мнѣнію, къ небесному блаженству, то достойно разрушить монастыри ([2])». Это косвенное нападеніе Лютера произвело внезапное дѣйствіе. 13 Августинскихъ монаховъ оставили Виттембергскій монастырь ([3]). Для произведенія слѣдствія по этому дѣлу, курфирстъ назначилъ 4 коммиссаровъ: Меланхтона, Амсдорфа, Юста Іону и Іоанна Фельдкирхенскаго, которые оправдали всѣ безпорядки ([4]). Лютеръ,

(1) Aurif, I, Ep, 242, f, 331—335.
(2) 139 положеній помѣщены у Вальха XIX, 1797—1807.
(3) Ranke, 11, 14,
(4) Повѣсть Аврифабра у Вальха, XV, док. 623, p. 2333.

узнавъ о томъ въ Вартбургѣ, окончательно приложился ко мнѣнію ихъ, засвидѣтельствовалъ перемѣну своихъ убѣжденій, какъ откровеніе Божіе, въ письмѣ къ Меланхтону ([1]), а 11 Ноября писалъ къ Спалатину о приготовляемомъ имъ подробномъ опроверженіи монашескаго житія и обѣтовъ. Сочиненіе это, вышедшее еще въ томъ же 1521 году, съ посвященіемъ отцу отъ 21 Ноября, послужило началомъ новому спору, въ которомъ Лютеръ принималъ дѣятельное участіе. Оно пришлось такъ по нраву Нѣмецкому народу, что чрезъ три года въ протестантскихъ государствахъ Германіи опустѣли всѣ монастыри мужскіе и женскіе. Благородныя дѣвицы, члены царственныхъ домовъ, оставляя обители, для избѣжанія соблазна, вручали себя покровительству Нѣмецкаго преобразователя, который писалъ въ пользу ихъ пышныя апологіи, спасая ихъ честь отъ навѣтовъ гонителей.

Въ числѣ монастырей упразднился дѣвическій Цистерціянскаго ордена, въ городѣ Нѣмцѣ, недалеко отъ Гриммы. Девять благородныхъ дѣвицъ, по взаимному согласію и съ помощію Леопарда Коппе, гражданина и думнаго совѣтника города Торгова, бѣжали изъ монастыря въ самую Великую Субботу 1523 года. Имена ихъ памятны по отношенію къ судьбѣ реформатора: Магдалина Ступицъ, Елисавета Каницъ, Вероника (или Катерина) и Маргарита Цешау, Ланета Ф. Голисъ, Евва Гросинъ, Евва и Маргарита Шёнфельдъ и Катерина изъ Бора. Помѣщенныя въ монастырь безъ желанія, по волѣ родителей, онѣ объявили, что жизнь монашеская имъ невыносима, что онѣ терпятъ страданія не въ мѣру силъ. Лютеръ принялъ ихъ благосклонно и, пока онѣ не были пристроены прилично своему званію, старался доставить имъ всѣ нужныя средства существованія ([2]). Первый удачный опытъ соблазнилъ много новыхъ отступниковъ, особенно женщины воспламенялись ученіемъ Лютера и, украдкой читая его книги при дворахъ владѣтельныхъ князей, остававшихся вѣрными Католицизму, охотно подвергались изгнанію. Разстриженные монахи, люди безъ всякого имущества и образованія, стекались толпами

(1) Ibid. Ep. 251, f. 365, обор.

(2) Aurif., II, Пис. къ Линку и Спалат. f. 130—131; — Walch, XIX, Пис. къ Коппе, p. 2085—2093.

къ Лютеру за деньгами и невѣстами; бѣглыя инокини блуждали по бѣлому свѣту въ безпріютной нищетѣ; онъ заступался за нихъ, сколько могъ, у курфирста и свѣтскихъ властей. Мёнбуръ говоритъ, и Протестантскіе писатели не отрицаютъ, что первымъ поводомъ ко всѣмъ безпорядкамъ послужило сочиненіе Лютера противъ монастырскихъ обѣтовъ, что оно настежъ растворило двери безнравственной жизни, дотолѣ скрывавшейся во station мракѣ обителей. Но послѣдователей его несказанно смущало то обстоятельство, что проповѣдникъ, низринувшій своимъ вліяніемъ иноческую жизнь и не перестававшій уговаривать кардинала Альбрехта сложить съ себя званіе духовнаго владѣльца Германіи и вступить въ бракъ, самъ проживалъ еще въ монастырѣ, доведенномъ до послѣдней степени крайности, не снималъ съ себя орденскаго облаченія и не посягалъ на супружество. Въ 1524 году, когда всѣ монахи оставили Августинскій монастырь въ Виттембергѣ, Лютеръ передалъ его курфирсту Саксонскому, сложилъ съ себя рясу, и въ 26-е Воскресенье послѣ Троицына дня, явился въ церковь въ свѣтскомъ платьѣ проповѣдника. ([1]) Когда въ 1525 году крестьяне въ Швабіи и Тюрингіи, ссылаясь на ученіе Лютера о свободѣ Евангельской, произвели возмущеніе, и Лютеръ издалъ противъ нихъ извѣстную книгу, въ которой порицалъ начинанія ихъ и объявлялъ ихъ достойными казни, все низшее сословіе поклялось ему вѣчной враждой. Среди этихъ опасностей, онъ нежданно вступаетъ въ супружество. Намѣреніе было давнишнее, но выборъ невѣсты и времени зависѣлъ отъ обстоятельствъ. Избѣгая нареканія въ соблазнѣ, онъ хотѣлъ жениться наканунѣ смерти, для того только, чтобы запечатлѣть истину вѣры, имъ проповѣданной, и утвердить ее въ ученикахъ своихъ. Тутъ не было бы уступки побужденіямъ вещественнымъ, и, слѣдовательно, повода къ нареканію; молодая вдова получала бы въ наслѣдство громкое имя и въ даръ два серебряныхъ ковша, заранѣе для того приготовленныхъ, не лишаясь въ тоже время свободы располагать своею судьбою ([2]). За нѣсколько дней до помолвки, Лютеръ еще не имѣлъ и понятія о

---

(1) Aurif, II, f. 133.—Ibid., f. 138—139.—Walch, XVI, предисл. 15.
(2) Walch, XXII, c. 43, § 3. p. 1683, §. 138, p. 1777.

готовившейся перемѣнѣ, писалъ къ доктору Рюгелю, канцлеру Майнцкаго Архіепископа (въ навечеріе Троицына дня), что если спроситъ курфирстъ, котораго онъ не перестаетъ уговаривать къ вступленію въ бракъ, почему Лютеръ самъ, всесвѣтный совѣтникъ, не покажетъ добраго примѣра, то отвѣтъ его слѣдующій: «Я всегда боялся не быть способнымъ къ супружеской жизни; но если бракъ мой можетъ быть утвержденіемъ и примѣромъ для курфирста, то я не отказываюсь, потому что и безъ того имѣю намѣреніе вступить въ состояніе, предписанное волею Божіею, хотя бы то было только обручальною свадьбою» (1). Между Троицынымъ днемъ и четвергомъ слѣдующей недѣли совершенъ былъ неожиданно бракъ между Лютеромъ и Катериной изъ Бора. По крайней мѣрѣ въ четвергъ онъ писалъ на родину къ доктору Рюгелю: «Я женился, по требованію родителя, и ради злыхъ языковъ поспѣшилъ сыграть свадьбу, чтобы не отыскались помѣхи». Эта поспѣшность объясняется тѣмъ, что обрученіе и свадьба произошли въ одно время, безъ промежутка, по правилу Лютера, что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ откладывать свадьбу, ибо тутъ-то діяволъ раскладываетъ сѣти свои, чрезъ посредство злоязычныхъ клеветниковъ и даже пріятелей съ обѣихъ сторонъ. «Если бъ я не тотчасъ послѣ помолвки, и притомъ въ тишинѣ, при немногихъ свидѣтеляхъ, устроилъ вѣнчаніе, они всѣ бы разстроили свадьбу, потому что кто и зналъ изъ лучшихъ друзей моихъ, тотъ кричалъ: «Не ее, а другую» (2). Свадьба произошла 13 Іюня 1525 года. Задушевный другъ реформатора, Поморецъ Іоаннъ Бугенгагенъ, привелъ къ вѣнцу жениха и невѣсту (3). Извѣстительныя посланія Лютера, писанныя по этому случаю, открываютъ душевное его состояніе и побудительныя причины къ заключенію брака. Къ Спалатину писалъ онъ, что онъ свадьбой замялъ злые слухи, разносившіеся на счетъ его и невѣсты; къ Николаю Амсдорфу, что онъ такъ внезапно и никому негаданно обвѣнчался на добродѣтельной дѣвицѣ Катеринѣ изъ

(1) Walch, X, p. 912.

(2) Walch, X, p. 860; XXII, c. 43, § 12, p 1691.

(3) Подробности см. у W. Beste, Gesch. Cathar. v. Bora, p. 32—39.

Бора; что поспѣшностію дѣйствія предупредилъ клеветы и злорѣчіе; что онъ женился на ней не отъ ревности и вожделѣнія, а изъ чистой любви, изъ повиновенія волѣ Божіей и волѣ родительской; что онъ хотѣлъ, наконецъ, засвидѣтельствовать свое ученіе хорошимъ примѣромъ, при видѣ такого множества малодушныхъ, не смотря на величіе Евангельскаго свѣта. Молва о супружествѣ Лютера съ неимовѣрною быстротою обошла всю Германію. Мартинъ самъ позаботился о приведеніи его въ извѣстность брачнымъ пиромъ, на который приглашены были родители и всѣ друзья его, близкіе и дальніе. Оно привело въ восторгъ всѣхъ приверженцевъ преобразователя, но произвело необыкновенный соблазнъ между Католиками. «Я, по милости свадьбы своей, впалъ въ такое глубокое презрѣніе,» —говоритъ онъ,—«что, конечно, Ангелы ликуютъ, а діяволы плачутъ. Впрочемъ, если она дѣло Божіе, то что же дивнаго, что міръ соблазняется ею? Его негодованіе и гнѣвъ утѣшаютъ меня, и я прихожу къ убѣжденію, что начинаніе это свято и богоугодно; я женился не въ надеждѣ на долгую жизнь, напротивъ, ожидая скораго конца, ибо вижу, какъ сильно раздражены противъ меня всѣ сословія, и хочу предъ смертію оставить собственный примѣръ въ утѣшеніе слабымъ» ([1]). При всемъ томъ, настоящая причина ускоренія свадьбы его до сихъ поръ остается совершенною тайною. Въ Застольныхъ рѣчахъ онъ говоритъ о себѣ, что онъ *смиловался* надъ Катериной, которой прежде не жаловалъ; а въ письмѣ къ Вячеславу Линку, что Богъ неожиданно, пока онъ былъ занятъ совершенно другими помышленіями, какимъ-то чудомъ *бросилъ его въ супружество* съ бывшей черницей ([2]). Уже 22 Іюля позволялъ себѣ довольно двусмысленные каламбуры на счетъ молодой жены, а въ слѣдующемъ году писалъ къ неизвѣстному, что онъ женился на инокинѣ, хотя бы могъ обойтись безъ жены, для того преимущественно, чтобъ сдѣлать это *на смѣхъ* князьямъ и епископамъ ([3]).

(1) Walch, X. 862, 864, 798—801.

(2) Walch, XXII, 1701.—Aurif., II, f. 295, 296.

(3) «Ich bin an Kethen gebunden und gefangen, und liege auf der Bore scilicet mortuus mundo». Aurif., II, f. 297, a; Walch, X, 963.—Beste, Gesch. Cathar. v. Bora, 39—48.

Нигдѣ такъ рѣзко не выступаетъ личное воззрѣніе Лютера, и нигдѣ это послѣднее не сошлось такъ вполнѣ съ народнымъ характеромъ, какъ въ понятіяхъ его о женщинѣ, любви, супружествѣ. Эти понятія установились не вдругъ въ своемъ окончательномъ видѣ; они развивались подъ вліяніемъ со дня на день возраставшаго отвращенія Лютера ко всему, что носило печать Католичества. Въ 1519 году онъ въ первый разъ предъ народомъ излагаетъ воззрѣніе свое на брачную жизнь, въ ту счастливую пору равновѣсія душевныхъ силъ, когда, отрѣшившись отъ узкаго пониманія Западной Церкви, но еще не раздраженный проклятіемъ папы, проповѣдникъ выступалъ на широкій путь всемірно христіянскаго развитія съ спокойствіемъ правдиваго взгляда на жизнь. Эта проповѣдь, произнесенная въ первый Воскресный день послѣ Богоявленія, отличается особенной чистотою христіянскаго дѣловаго взгляда, напоминающаго ученіе Гусово о томъ же предметѣ, близостію къ природѣ и соотвѣтствіемъ потребностямъ народа, которому она говорилась. Вотъ главныя мысли. «Всякая любовь человѣческая отравлена слѣдствіями паденія; когда любимъ изъ пріязни и дружбы, или женщину по красотѣ, это любовь не чистая, ибо носитъ печать себялюбія. Если бъ любовь сохранила свое чистое свойство, въ отношеніяхъ половъ существовало бы болѣе откровенности. Мужчина сказалъ бы невѣстѣ: «Я не спрашиваю, ни что ты имѣешь, ни какова ты собой; я хочу тебя, потому что люблю тебя.» Такую благословенную чету мы видимъ въ лицѣ Генриха IV и Кунигунды. Теперь уже нѣтъ настоящей любви. Природа утратила ее въ искаженіи своего образа; въ ней не найдешь ничего, исключая прельщенія и разжиганія. Дѣвица обидится, коли сказать ей, что она неравнодушна къ мужчинѣ; еще не приличнѣе самой объясняться въ любви. Откровенность невинности и чистота побужденій навсегда исчезли вмѣстѣ съ паденіемъ Адама.

Цѣломудріе достоинѣе брака. Хорошо человѣку сохранить дѣвство. Но никто не можетъ довѣрять своимъ силамъ; желающему сохранить цѣломудріе тяжело чувствовать немощь своего естества, тяжело чувствовать постыдное искушеніе.

О! я знаю его; я хорошо съ нимъ сроднился; и всѣ вы (слушатели), конечно, испытали его на себѣ; когда входитъ діяволъ въ человѣка и распаляетъ его вожделѣніемъ плоти, человѣкъ становится слѣпъ, не разбираетъ красоты и достоинства: «Ich habe von mir nicht so viel, dass ich mich enthalten kann».

Но таинство брака освящаетъ немощь природы: 1) какъ таинство, т. е., знаменіе святости, какъ знакъ воспріятія на себя Христомъ человѣчества. Оно сдѣлалось *пѣстуномъ* (Schanddeckel) брачнаго состоянія въ ознаменованіе того, что Богъ не хочетъ наказывать въ немъ грѣха, который безъ того былъ бы смертнымъ. Вотъ великое преимущество таинства, что въ немъ вещественное и грѣховное получило свое освященіе въ такомъ первообразѣ. Безъ этой завѣсы брачная жизнь смердѣла бы слишкомъ, и смрадъ ея стоило бы закуривать ладономъ. 2) Другое преимущество брака есть обрученіе вѣрности и любви. Вѣрность есть сущность супружеской жизни, которая состоитъ преимущественно въ неизмѣнной любви; въ противномъ случаѣ, прелюбодѣи были бы тѣже супружники. 3). Третья польза супружества есть благословеніе потомства. Это даръ высочайшій. Но никому бы не слѣдовало вступать въ священныя права родителя, не имѣя достаточныхъ познаній для наставленія дѣтей въ Евангельскомъ словѣ; а теперь многіе вступаютъ въ бракъ, не зная молитвы Господней. Если бы отецъ семейства во всю жизнь занимался только воспитаніемъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, онъ выполнилъ бы свое назначеніе и безъ путешествія въ Римъ и къ св. Іякову. И хотя бы ты по праздникамъ не ходилъ въ церковь, не слушалъ ни литургіи, ни проповѣди, занимаясь однимъ воспитаніемъ дѣтей, съ тебя бы болѣе этого и не потребовалось. Повѣрьте! Дѣти учатся срамословію прежде, чѣмъ начинаютъ понимать его смыслъ» ([1]).

Отъ 1522 года сохранилось другое разсужденіе Лютера: О брачной жизни ([2]). Въ три года въ понятіяхъ его совер-

---

(1) Walch, X, § 3—14, p. 746—953.
(2) Walch, X, § 1—30, p. 708—719.

шился необъятный переворотъ. Униженіе монашества привело его къ возвышенію брака. Состояніе дѣвственное еще удерживаетъ преимущество по отношенію къ духовной жизни, но ограничивается условіями, стѣснительными для христіянской свободы. Словомъ, начинается уже въ воззрѣніи Лютера неравная борьба между бракомъ и дѣвствомъ, и побѣда сильно склоняется на сторону перваго. Онъ признаетъ только три рода людей, имѣющихъ законныя причины къ безбрачію, по слову Спасителя въ Евангеліи отъ Матфея (XIX, 12): 1) Рожденные скопцами отъ чрева матерняго, impotentes, холодной слабой натуры; 2) Евнухи; 3) *Высокіе богатые духи, обузданные* (aufgezäumet) *благодатію Божіею,* по природѣ способные къ браку и, однако, хранящіе дѣвство. Они говорятъ: «Я могъ бы жить въ брачномъ союзѣ, но онъ не прельщаетъ меня; лучше буду трудиться надъ Евангеліемъ царствія Божія и рождать дѣтей по духу.» Такіе примѣры рѣдки, изъ тысячи едва ли одинъ. Это Божіи чудодѣйцы; они призываются, какъ Іеремія, особеннымъ избраніемъ Божіимъ. Въ послѣдствіи Лютеръ смѣшивалъ первый разрядъ съ третьимъ; теперь же въ гордыхъ высокихъ скопцахъ, исказившихъ себя царствія ради небеснаго, узнаемъ всѣ черты, прилагающіяся удобно къ современному положенію и личности самого Лютера.

Въ сравненіи съ такою исключительностію особеннаго призванія Божія, предѣлы брачнаго состоянія раздвигаются паденіемъ оплотовъ, служившихъ законнымъ препятствіемъ къ браку, по духовному праву Католической Церкви. Ихъ 18, и Лютеръ опровергаетъ ихъ по одиначкѣ. Въ статьѣ о родствѣ и свойствѣ, на основаніи Моисеева закона (Лев. XVIII, 7—18), разрѣшаетъ браки съ двоюродной сестрой и съ племянницей. Родство по духу—препятствіе мнимое. «Не гораздо ли выше креститься, чѣмъ быть воспріемникомъ при крещеніи другаго? По этой посылкѣ я бы вовсе лишенъ былъ права жениться, потому что всѣ крещенныя жены всѣхъ крещенныхъ мужей суть сестры духовныя единствомъ крещенія и таинствъ, общеніемъ вѣры, единаго Бога и наслѣдія вѣчной жизни, для всѣхъ одинакаго. Не Апостолъ ли Павелъ называетъ себя духовнымъ отцемъ

всѣхъ Коринѳянъ (1 Кор. IV, 15)? Стало быть, ни онъ, ни другіе Апостолы не могли бы жениться по тому, что они всѣмъ преподавали ученіе и таинства. Странно, отъ чего папа не велитъ развестись женѣ съ мужемъ, который рождаетъ ее о Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ». Столь же неосновательна, по мнѣнію Лютера, и пятая причина безбрачія: невѣріе одной половины четы, т. е., будто бы христіанинъ не имѣетъ права жениться на Турчанкѣ, Жидовкѣ или вообще еретичкѣ. «Удивляюсь, какъ папѣ не совѣстно говорить такъ прямо противъ слова Апостольскаго (1 Кор. VII, 13; 1. Петр. III, 1) и противъ церковнаго преданія о Моникѣ, Августиновой матери».

Разсужденіе это носитъ ясные слѣды современности. То было время буйнаго разгара въ Нѣмецкой землѣ, когда сокрушались монастыри, когда падало Богослуженіе, и женились священники. Внезапный переворотъ не могъ обойтись безъ сильныхъ злоупотребленій, и носилась молва, что самъ преобразователь оправдывалъ ихъ примѣромъ и ученіемъ. По крайней мѣрѣ весьма замѣчательно, что еще на Вормскомъ сеймѣ Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, знакомство свое съ Лютеромъ началъ вопросомъ: «Я слышу, докторъ, вы учите, что если мужчина выживаетъ изъ лѣтъ и не въ состояніи болѣе исполнять супружескихъ обязанностей, то жена имѣетъ право обратиться къ другому».—Тогда Лютеръ отрекся отъ обвиненія, называя его вымысломъ придворныхъ совѣтниковъ ([1]); но оно повторилось въ послѣдствіи пронесшимися по всему народу слухами, будто бы онъ позволяетъ двуженство и второй бракъ отъ живой жены, или мужа. Эти слухи опровергаетъ онъ снова въ сочиненіи, разбираемомъ нами; но опровергаетъ довольно неловко; изъ чего видно, что онъ не совсѣмъ былъ чистъ въ этомъ дѣлѣ. Вотъ слова его: «Я говорилъ только, что если жена здоровая, по несчастному случаю, получила безсильнаго мужа, а между тѣмъ открыто другаго брака заключить не можетъ, потому что папа требуетъ слишкомъ много свидѣтельствъ, то она должна сказать мужу: «Любезный! Ты обманулъ мое

(1) Walch, XV, док 878, p. 2247.

юное тѣло; ты подвергнулъ меня опасности потерять честь и спасеніе души; передъ Богомъ между нами нѣтъ брака; позволь мнѣ заключить тайный союзъ съ твоимъ братомъ, или близкимъ родственникомъ, подъ твоимъ именемъ, чтобъ имѣніе твое не перешло къ чужимъ наслѣдникамъ, и дай себя добровольно обмануть мною, какъ ты обманулъ меня противъ моей воли». Я говорилъ дальше, что мужъ обязанъ согласиться на ея требованіе; въ противномъ случаѣ, жена можетъ тайкомъ убѣжать отъ него въ другую землю и тамъ на всей волѣ своей вступить въ новый бракъ. Такіе совѣты давалъ я въ то время, когда былъ еще робокъ; но теперь я несравненно строже поступилъ бы съ такимъ обольстителемъ, который портитъ судьбу молодой женщины и дѣлаетъ ее на вѣкъ несчастною. Во всемъ, что касается чести, имѣнія, блаженства, шутить не позволено» ([1]). Такъ умствовалъ Лютеръ свободно, не подозрѣвая ни странности такого сужденія, ни вредныхъ послѣдствій его для нравственности народа, который каждое слово его принималъ *въ то время* за голосъ пророческій. Не говоря о превратности логики Лютеровой въ отношеніи къ вѣрѣ, замѣчу, что здѣсь положено начало ослабленію семейныхъ связей, поставленныхъ въ зависимость отъ тѣлесныхъ свойствъ сложенія. Здѣсь искажалось высокое значеніе брака, какъ дѣйствія нерасторгаемаго, основаннаго на чисто духовномъ союзѣ, изъ предѣловъ котораго не слѣдовало выходить проповѣднику, оставляя гражданскому праву рѣшеніе частныхъ, безчисленныхъ случаевъ семейнаго быта. Здѣсь зарождались глубокія язвы домашней и государственной жизни Германіи, которыя послѣ того не истребились вѣками, поддерживая семейныя свары и духъ безначалія привычкой, пущенной въ ходъ самимъ Лютеромъ, разсуждать легкомысленно о нравственномъ законѣ Евангелія и обходить настоящій смыслъ его произвольными толкованіями. Я говорю о *разводахъ* и *тайныхъ обрученіяхъ* (heimliche Verlöbnisse), которымъ Лютеръ враждовалъ отъ души ([2]). Въ самомъ

---

(1) Walch, X, § 9—10. p. 711.

(2) Walch, X, § 21—35, p. 778—786,—X, 822—835,—X, 892,—949; подробное разсужденіе объ этомъ предметѣ.—II, 28 гл § 19—24, p. 533—537.

дѣлѣ, потаенные браки, безъ воли родителей, и открытыя нарушенія законныхъ супружествъ, повторяясь въ народѣ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, могутъ служить довольно точной приблизительной мѣрой его нравственнаго развитія и степени духовнаго образованія. Лютеръ въ послѣднемъ знаменитомъ твореніи своемъ отвергаетъ разводъ, какъ слѣдствіе слабости, какъ прямое отрицаніе заповѣди: что Богъ совокупилъ, человѣкъ да не разлучаетъ (1). Но въ частныхъ исключеніяхъ изъ общаго правила дотого ограничиваетъ это послѣднее, что наскучившему брачными узами не нужно прибѣгать и къ разводу, чтобы развязать себѣ руки на всѣ произвольныя нарушенія супружеской заповѣди, и притомъ подъ личиной законности. А именно, Лютеръ (Walch, X, § 44, p. 725) въ числѣ трехъ законныхъ причинъ для развода приводитъ слѣдующую: « Когда одна половина четы уклоняется отъ выполненія супружескихъ обязанностей (2). Между тѣмъ въ этомъ правѣ, такъ ясно выраженномъ, что оно болѣе одного объясненія не допускаетъ, таится зародышъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій супружеской власти, противъ которыхъ тотъ же Лютеръ и самъ ополчался, какъ только могъ сильно, и приводилъ въ движеніе всю строгость гражданскаго права. Начало семейнаго быта, составлявшаго нѣкогда, въ пору свѣжаго развитія народной силы, основную черту Нѣмецкаго характера, во времена Лютера подверглось многосложному искаженію. Домоправительство падало отъ нерадѣнія хозяевъ; мужья и жены невозбранно оставляли семейства, вели жизнь кочующую по всѣмъ концамъ обитаемаго міра, оставляя дѣтей безъ насущнаго хлѣба. « Они дѣлаютъ съ бракомъ,» — такъ выражается Лютеръ — « что̀ Татары или Цыгане, которые по нѣскольку разъ женятся и крестятся, на каждомъ новомъ мѣстѣ по разу; иная дѣвушка въ десятый разъ стала невѣстой; иной ребенокъ въ десятый разъ принимаетъ крещеніе. Я знаю городокъ (умалчиваю имя

(1) Walch, I, Объясн. кн. быт. § 187, p. 250—18-я глава, § 118, flg. 1732.

(2) Walch, X, § 44, p. 725.

цѣлой страны изъ уваженія къ ея чести), невдали отъ нашихъ предѣловъ При началѣ Евангельской проповѣди, мы нашли въ немъ 32 незаконныя пары, въ которыхъ мужъ, или жена набирались изъ бѣглыхъ; а дворовъ въ этомъ городѣ немного болѣе 32 » (¹). До позднѣйшихъ лѣтъ жизни Лютеровой повторялись ежедневно многочисленные примѣры бродяжничества. Въ Застольныхъ рѣчахъ приводятся частные случаи, въ которыхъ онъ самъ, какъ настоятель Виттембергской общины, вызываетъ отсутствующихъ мужей, по требованію женъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности (²). И тогда говорилъ онъ, что если въ селѣ, или городѣ найдется негодяй, бѣжавшій отъ беременной жены, проповѣдникъ и правительство должны помогать ей въ отысканіи бѣглаго, вызывая его къ извѣстному сроку; въ случаѣ неявки, прибивать объявленія къ церкви, или ратушѣ, вызывать всенародно, съ угрозой, что его насильно разведутъ съ женой. Бывали примѣры, что бѣглецы возвращались послѣ 6 лѣтняго отсутствія и снова вступали въ права хозяина дома и главы семейства (³). Отсюда суровыя казни, назначаемыя Лютеромъ прелюбодѣямъ и нарушителямъ домашняго мира самовольнымъ удаленіемъ отъ семейнаго крова. « Супружеская невѣрность,»—говоритъ онъ, —«есть первая, самимъ Богомъ указанная, причина расторженія брака. Это законъ не совсѣмъ неизмѣнный: оскорбленный супругъ можетъ тайно и братски наказать преступницу и удержать при себѣ, если есть надежда на ея исправленіе, или пустить по примѣру древней Церкви.» Но, отдавая рѣшеніе подобныхъ случаевъ на произволъ супруговъ, Лютеръ, съ своей стороны, одобряетъ вмѣшательство правительственной власти въ частную жизнь семьянина. «Ветхій Завѣтъ предписывалъ побивать каменіемъ скверпителя брачнаго ложа; и теперь висѣлица—достойное ему наказаніе, которое только изъ милости можетъ быть измѣняемо въ ссылку. Aber es wäre

(1) Walch, X, § 59, p. 928.
(2) Walch, XXII, c. 43, § 119—123, p, 1763—1768.
(3) Walch, X, § 93, p. 952.

besser Todt, Todt mit ihm, um böses Exempels willen zu meiden.» ([1]) Этой суровости къ нарушителямъ Zuchtrecht, ограждающей цѣльность супружескихъ правъ и семейное счастіе, Лютеръ не измѣнялъ никогда. Въ 1525 году повторялъ: «Кто не хочетъ жить въ мирѣ съ женою и свято хранить обязательства брака, тому должно либо протянуть шею, либо покинуть отечество» ([2]). Проповѣдникъ народа, всегда готоваго употребить во зло христіянскую свободу, по неволѣ долженъ былъ измѣнять религіозному характеру, входя во всѣ мелочи хозяйственнаго быта и въ свѣтскія распоряженія; но не льзя не сознаться, что всѣ безпорядки преимущественно зарождались отъ его собственной проповѣди, исполненной грубыхъ противорѣій и поощрявшей увлеченія чувственности. Вмѣсто того, чтобъ обуздывать страсти народныя, она вторила ихъ грубому голосу, а потомъ поражала ихъ неумѣренной строгостію, обнаружившею внутреннюю слабость народнаго духа и безсиліе проповѣдника, который бросался изъ стороны въ сторону безъ прочныхъ убѣжденій.

Чрезъ три года (въ 1525) является новое сочиненіе Лютера: «Проповѣдь о бракѣ», въ которой понятія его, не достигнувъ послѣдней степени развитія, значительно къ ней приближаются. Все начало этого слова есть пышная похвала супружеской жизни. 8 великихъ преимуществъ присвоено благословенному состоянію брака: «1) установленіе Божіе (Быт. I, 27), въ которомъ участвовала вся полнота Божественной Троичности: «Adduxit *Elohim* ad Adam;» 2) установленіе брака не въ Аѳинахъ, не въ Вавилонѣ, не въ Римѣ, не у Св. Іякова, а въ священномъ Раю, въ Едемѣ, насажденномъ рукою Божіею, въ саду, гдѣ росло древо жизни; 3) въ состояніи брака жили патріархи, священники и пророки: Адамъ, Енохъ, Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іяковъ, Іосифъ, Моисей, Ааронъ, Елеазаръ, Исаія, Осія, Захарія, Іезекіиль, и только четыре пророка не вкусили его: Илія,

(1) Walch, X, §. 37 sq. p. 722 sq.

(2) Walch, X, p. 910.—См. еще X, § 34, p. 923. Вспомнимъ строгія наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности у Тацита (о нравахъ Германцевъ).

Елиссей, Іеремія (Іерем. XVI, 1, 2) и Даніилъ. Великая честь — имѣть право сказать: «Я живу въ состояніи не новомъ, котораго за 1000 лѣтъ еще не было, каково монашеское; мое состояніе существовало за шесть тысячелѣтій; въ немъ жили святые, великіе мужи.» 5) Богъ самъ избавляетъ новобрачныхъ супруговъ отъ общественныхъ тягостей и радуется веселію ихъ (Второз. XXIV, 5). 6) Самъ Господь Іисусъ Христосъ родился не просто отъ Дѣвы (von einer schlechten, freien Jungfrauen), а отъ Маріи, которая все же (по Матѳ. I, 18, и Лукѣ I, 27) обручена была *Іосифу, мужу ея*, какъ его настоящая жена, и такъ называлъ ее Ангелъ въ видѣніи Іосифу. И законъ Моисеевъ обрученныхъ невѣстъ, порученныхъ храненію жениховъ, уже называетъ женами (Второз. XXII, 23). Христосъ по закону родился отъ Матери Своей, Дѣвы Маріи, порученной Іосифу, мужу Ея, въ состояніи брака, и возвеличилъ его Своимъ Рождествомъ (§. 14, s. 775). 7) Не менѣе великая слава, что Онъ почтилъ присутствіемъ Своимъ бракъ поселянъ въ Галилейской деревнѣ, 30-ти лѣтъ, уже послѣ Крещенія, вступая въ служеніе міру. Мать Его распоряжается свадьбой, ученики прислуживаютъ. Не больше ли чести отъ посѣщенія такихъ гостей, чѣмъ отъ присутствія императоровъ и королей? 8) Осьмая великая честь, что Господь не только присутствіемъ освящаетъ бракъ, но и въ первый разъ являетъ на немъ Свою славу, свидѣтельствующую о Его Божествѣ. Неоцѣненное преимущество супруговъ, что Сынъ Божій Самъ заботится объ нихъ, не даетъ имъ умереть съ голоду и жажды, ограждаетъ ихъ отъ посрамленія, поитъ ихъ виномъ, чудесно изъ воды претвореннымъ, т. е., изъ скорбей источаетъ веселіе и наслажденіе» ([1]).

Нельзя сказать утвердительно, къ какому собственно времени относится полное образованіе теоріи Лютера о супружеской жизни. Но одно сочиненіе, писанное въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія: «Толкованіе 7-й главы 1-го посланія Ап. Павла къ Коринѳяномъ,» можно принять за истинное ея выраженіе, на которомъ онъ остановился, по невозможности

(1) Walch, X, §. 1—20, p. 770—778.

чтти дольшю. Здѣсь брачная жизнь вступаетъ въ одно изъ трехъ христіянскихъ состояній, внѣ которыхъ Лютеръ не допускаетъ возможности вѣчнаго спасенія. Сочиненіе это особенно замѣчательно въ частностяхъ, въ которыхъ съ новою силою отражается личность преобразователя сквозь двойную призму самообольщенія и чувственности.

«Есть два особенныхъ дара, ниспосланныхъ Богомъ человѣку: одинъ—болѣе рѣдкій, когда цѣломудріе сохраняется при дѣвственной жизни безъ усилія и ропота, съ веселіемъ и наслажденіемъ. Кто не въ силахъ сохранить чистоту въ этомъ видѣ, не имѣетъ перваго дара и обязанъ посягнуть на брачную жизнь.» Но мнимое цѣломудріе, состоящее въ нескончаемомъ бореніи съ чувственностію, по мнѣнію Лютера, есть искаженіе человѣческаго образа, желаніе взять насильно у Бога, въ чемъ угодно было Ему отказать намъ. Само собой разумѣется, что цѣломудріе, какого требуетъ Лютеръ, т. е., совершенная безгрѣшность въ мысляхъ и чувствованіяхъ, едва ли дается въ удѣлъ человѣку земному. А потому онъ и самъ говоритъ, что изъ трехъ родовъ цѣломудрія: дѣвственниковъ, вдовыхъ и супружниковъ, первое есть только мнимое, ибо нѣтъ такой непорочности, которая не ощущала бы движеній плоти. Правда, оно было бы самымъ высокимъ, если бъ было возможно для человѣка; но оно принадлежитъ одному человѣчеству Іисуса Христа, рожденному безъ грѣха отъ сѣмени Авраамова (1). «Это чудный даръ благодати, которая могла бы освободить человѣка и отъ потребности въ пищѣ и питіи; она выше и здраваго естества, и подавно испорченной, грѣшной природы (2). Богъ не продлилъ вѣку святымъ дѣвамъ: Цециліи, Агнесѣ, Луціи, Агаѳіи, а рано переселилъ ихъ и подобныхъ имъ въ обители неба. Ему извѣстно, какъ безцѣнно это сокровище, и какъ трудно сохранить его долго. Скажу смѣло: «Если бъ теперь въ каждомъ городѣ нашлось по 5 юношей и

---

(1) Walch, I, Объясн. 24 гл. Быт., 2-й отдѣлъ. — Walch, I, §. 176—178, p. 243—245.

(2) «Keuschheit soll eine Tugend sein, die daher fährt in Gottes Wunderwerken, als wenn ein Mensch nicht esse oder trinke; sie ist über die gesunde Natur, schweige über die sündliche, verderbte Natur.» Walch, XIX, p. 2083.

по 5 дѣвицъ, которыя дожили бы до 20 лѣтняго возраста въ совершенной чистотѣ [1], христіянство стояло бы тверже, чѣмъ во времена Апостоловъ и Мучениковъ.» Нигдѣ болѣе, какъ въ этомъ ученіи Лютера, которое всѣхъ земнородныхъ, безъ исключенія, подчиняетъ закону супружеской жизни, не выразилось уничтоженіе нравственной свободы, въ отрицаніи внутренней борьбы, какъ усилія одержать побѣду, и въ безусловности предопредѣленія Божія, какъ препятствія свободному развитію личности. «Слова Апостола *хощу* и *добро есть* относятся не къ внутреннему достоинству дѣвственной жизни, а къ большей свободѣ ея заниматься молитвой и проповѣдію, тогда какъ Мароины заботы отвлекають супруговъ отъ служенія Богу. Апостолъ желалъ бы, чтобы всѣ получили легкій даръ цѣломудрія естественнаго, и сострадаетъ огромной половинѣ человѣческаго рода, обреченной на брачную жизнь. Превосходство дѣвственнаго дара предъ супружескимъ есть только мнимое, ибо онъ ничего не стоитъ людямъ, его получившимъ, а между тѣмъ избавляетъ ихъ отъ безчисленныхъ заботъ и лишеній. Заблуждаются юродивыя дѣвы Евангельскія, которыя считаютъ состояніе свое выше супружескаго, создаютъ себѣ особенные вѣнцы, называютъ себя невѣстами Христовыми. Онѣ кичатся своимъ цѣломудріемъ, тогда какъ Апостолъ больше находитъ лишеній въ состояніи брака.»

Пропускаемъ подробности Лютерова изложенія, но замѣтимъ, что разительная противоположность съ наставленіями Гуса поражаетъ именно въ исчисленіи этихъ частностей. И Лютеръ не остановился на этомъ. Онъ доказывалъ, что супружество есть высшая духовная жизнь, возможная для человѣка. Этотъ взглядъ замѣчателенъ не столько самобытностью, сколько пристрастіемъ. Доводы натянуты; изложеніе отзывается грубостію. «Всѣ упражненія монашескія,»—говоритъ Лютеръ,—«точно также тѣлесны, наружны и временны, какъ дѣла супружескія, ибо совершаются тѣми же членами тѣла. Помышленія объ нихъ должны быть такъ же тѣлесны. Стало быть, для освященія монашества нужно

(1) Walch, XIX, §. 90—91, p. 2083—2084.... «Die 20 Jahr alt, ganz rein, nichts von Naturflüssen empfunden hatten»....

нѣчто болѣе наружнаго упражненія тѣла, а именно—вѣра съ ея одухотворяющею силою. Теперь взгляни на монаховъ. У нихъ нѣтъ обличенія вещей невидимыхъ, а напротивъ увѣренность въ вещахъ уготованныхъ. Но при первомъ вступленіи въ бракъ рождается тотчасъ забота: откуда достать пропитаніе семейству? И эта забота продолжается равномѣрно цѣлую жизнь. Бракъ есть лучшій проводникъ къ вѣрѣ; онъ есть дѣло Божіе, которое освящается вѣрой и съ своей стороны упражняетъ ее; а человѣческій вымыселъ всегда успѣваетъ тамъ, гдѣ нѣтъ вѣры. Бракъ насильно втѣсняетъ человѣка во внутреннюю высшую духовную жизнь. Есть исключенія съ обѣихъ сторонъ; но мы говоримъ здѣсь о сущности и основной мысли самихъ состояній.»

Изъ постепенности мыслей: 1) что бракъ установленъ въ Раю Самимъ Богомъ, а вольное дѣвство и обѣтъ воздержанія—произвольный вымыселъ человѣческой гордости, 2) что семейныя обязанности мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ суть лучшее упражненіе вѣры, любви и самопожертвованія, выводится мысль заключительная, что бракъ—совершеннѣйшее служеніе Богу, что въ немъ заключается полнота христіянской жизни. Не смотря на то, Лютеръ исключилъ его изъ числа таинствъ, вопреки ясному опредѣленію Апостола Павла. И это тѣмъ болѣе странно, что онъ, при всей исключительности понятій о благодати оправдывающей, всегда признавалъ за нимъ великую освящающую силу. Изъ словъ Апостола, что блудникамъ судитъ Богъ, онъ выводилъ заключеніе, что Богъ на страшномъ судѣ не будетъ судить супруговъ; что ихъ состояніе вмѣнится имъ въ великую славу, какъ угодное Богу; что внѣ его трудно, почти невозможно, достигнуть блаженства; что если день Господень застанетъ супруговъ на брачномъ ложѣ, они должны умирать съ утѣшеніемъ о Господѣ ([1]).

Я сказалъ выше, что въ понятіяхъ Лютера о брачной жизни отразилась коренная черта народнаго характера. Представитель лучшей половины народа, Лютеръ выноситъ изъ древней Нѣмецкой жизни исключительное пристрастіе

(1) Walch, X, §. 21, 23; p. 704—703.

къ семейному быту; въ независимой жизни хозяина дома сохраняетъ неприкосновенность этого наслѣдія въ враждебномъ столкновеніи съ разрушительнымъ Романскимъ элементомъ и, укрѣпившись въ немъ одинокимъ сознаніемъ, старается возвести его къ утраченному идеалу. Цѣльность ученія его объ этомъ предметѣ опредѣляется двоякими отношеніями: 1) къ стихіи монашеской, обуявшей Германію въ искаженной формѣ орденскаго духовенства, пересажденнаго съ почвы Италіи; и 2) къ выродку народной жизни, въ которой чувственность начинала осиливать чистое понятіе о бракѣ. По этимъ двумъ отношеніямъ и самая дѣятельность Лютера распадается на полемику, обнимающую всѣ сужденія его о монашествѣ, цѣломудріи и дѣвствѣ, и на самостоятельное возсозданіе первообраза стариннаго Нѣмецкаго быта, какимъ онъ въ то время являлся лишь въ отдаленныхъ воспоминаніяхъ. Въ первой Лютеръ увлекается часто пристрастіемъ; во второй съ особеннымъ чистосердечіемъ раскрываетъ картину хозяйственной жизни Нѣмецкаго семьянина. Семейное начало было забито въ Германіи двумя всемогущими орудіями Римской политики: узаконеніемъ Григорія VII о безбрачіи священниковъ и размноженіемъ Латинскихъ обителей. Нѣмецкое духовенство въ XII вѣкѣ съ негодованіемъ и ропотомъ подчинилось запрету, навсегда разрушавшему его семейное счастіе. Но гораздо обширнѣе было дѣйствіе монастырей, простиравшееся равномѣрно на всѣ сословія народныя. Монашество на Западѣ не было свободнымъ влеченіемъ человѣка духовнаго къ уединенному богомыслію; оно входило въ прикосновеніе со всѣми отраслями государственной и общенародной жизни, особенно враждебно вторгалось въ семейство, обольщеніемъ и насиліемъ отрывало дѣтей отъ родителей. Вліяніе ученыхъ Доминиканцевъ на общественное мнѣніе было такъ сильно, что родители сами, по выраженію Лютера, охотно отдавали дѣтей своихъ въ отверстыя пропасти адовы (aufgesperrte Höllenrachen, des Teufels Hurenhäuser) на огненную жертву Молоху, считая себя счастливыми, если сынъ удостоивался высокаго дара. Большинство духовенства открыто предавалось разврату; на честномъ бракѣ, предоставленномъ пре-

зрѣннымъ мірянамъ, лежала печать отверженія. Его называли состояніемъ свѣтскимъ; учили супруговъ на исповѣди, между прочими грѣхами, приносить покаяніе и въ брачныхъ сношеніяхъ. «Когда я былъ ребенкомъ,»—говорилъ Лютеръ,—«то помню, что безнравственная жизнь духовенства такъ унизила бракъ въ общественномъ мнѣніи, что я безъ грѣха не могъ объ немъ и подумать. Монахи до того соблазнили насъ своимъ увѣреніемъ, что, кто хочетъ жить въ состояніи богоугодномъ, не долженъ жениться, а принести обѣтъ безбрачной жизни, что многіе, жившіе въ бракѣ, по смерти жены, пошли въ монастырь, или вообще въ духовное званіе» (1). «Помнится мнѣ, до начала Евангельской проповѣди, безбожный обычай Францисканскихъ монаховъ. Если случалось честной замужницѣ, или благочестивой дѣвицѣ, проходить по монастырскому кладбищу, монахи немедленно выметали и очищали огнемъ святую обитель. Самъ я, бывши монахомъ, считалъ брачное состояніе проклятымъ. Наша монастырская братья любила задавать себѣ вопросы въ родѣ слѣдующаго: «Прилично ли кому бы то ни было любить честную дѣвицу и предлагать ей замужство?» Я очень дивился въ то время реченію Бонавентуры, святѣйшаго изъ всѣхъ монаховъ: «Нѣтъ грѣха въ томъ, когда юноша сватается на дѣвицѣ; а потому не только спорить объ этомъ предметѣ, но и сомнѣваться въ немъ вовсе не слѣдуетъ» (2). «Въ слѣдствіе всего этого,»—заключаетъ Лютеръ,—«полезный переворотъ предприняли мужи, старавшіеся о возстановленіи брака въ его первобытную честь.» Во главѣ этихъ преобразователей стоитъ самъ говорящій: ему безъ раздѣла принадлежитъ возвращеніе семейнаго начала въ Германіи къ старинnымъ формамъ его проявленія. Разберемъ же черты народнаго характера въ картинѣ супружеской жизни, начертанной Лютеромъ.

1) Супружеская вѣрность, хваленая Тацитомъ, воспѣваемая въ старинныхъ пѣсняхъ Германцевъ. Лютеръ въ собственной жизни представилъ прекрасный примѣръ строгаго

(1) Walch, I, §. 176—178, p. 243—245.

(2) Walch, II. Объясн. 26 гл. Быт. ст. 8, §. 112—116, p. 240—243.— О развратной жизни духовенства см. Walch, XVI, §. 50, p. 2049.

исполненія этой заповѣди, проживши съ женою 20 лѣтъ слишкомъ, въ завидномъ согласіи. «Могу сказать по чистой совѣсти,»—говаривалъ онъ,—«что я никогда не нарушилъ супружеской вѣрности» ([1]). Онъ старался возстановить тѣже чистыя отношенія супружества въ испорченномъ вѣкѣ; отсюда незваное вмѣшательство въ семейныя дѣла людей, ему вовсе незнакомыхъ; отсюда безчисленныя понужденія къ браку, въ особенности духовныхъ владѣтелей Нѣмецкой земли, и произвольно принятая обязанность общей опеки надъ вдовами, дѣвицами и сиротами. Бѣжавшія инокини изъ монастыря въ городѣ Нѣмцѣ повыданы замужъ его попеченіями, подъ личнымъ его руководствомъ. Онъ пересваталъ всѣхъ старыхъ друзей своихъ, охотно гостилъ и веселился на свадьбахъ. Въ толкованіи 127 (128) псалма, онъ читаетъ супружеской жизни настоящее похвальное слово или, какъ самъ называлъ его, epithalamium. Здѣсь выставлено высокое преимущество брака, какъ освященіе немощи, какъ благословеніе въ проклятіи, цѣломудріе въ скверне. По наружному виду нѣтъ разницы между любодѣяніемъ и законнымъ супружествомъ, но послѣднее украшено благословеніемъ Божіимъ, и брачное ложе нескверно и угодно Богу, въ силу обѣтованія: «О сѣмени твоемъ благословятся всѣ народы земные» ([2]). Здѣсь Лютеръ значительно умѣряетъ односторонность своего взгляда, не ссоритъ супружеской жизни съ цѣломудріемъ дѣвства, признаетъ за каждымъ изъ нихъ отдѣльный кругъ дѣйствованія, не отвергаетъ въ бракѣ примѣси тѣлесной скверны, которая нуждается въ очищеніи и въ милосердіи Божіемъ, «was die fleischliche Lust belanget» ([3]). Достойнымъ приготовленіемъ къ честному браку считаетъ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ молодымъ человѣкомъ въ борьбѣ съ плотскими желаніями. Такого юношу называетъ истиннымъ мученикомъ, и мученіе это вмѣняетъ ему въ достоинство ([4]). Но искущеніе силъ не должно превосхо-

---

(1) Walch, I, гл. 20, §. 134, p. 2023.

(2) Walch, I, Объясн. 24 гл. Быт. 2-я часть.

(3) Walch, II, §. 74, p. 712

(4) Walch, II, §. 43—48, p. 32, У Тацита: «Sera juvenum venus, nec virgines festinantur»

дить надлежащей мѣры, по Нѣмецкой пословицѣ: «Frühe aufstehen, frühe freien, das soll niemand gereuen.» Раннее удовлетвореніе призыву природы сохраняетъ тѣлесное здоровье, соблюдаетъ чистую совѣсть, незапятнанную славу, незатронутое имущество, снабжаетъ добрымъ запасомъ друзей ([1]). Мужчина, по большей мѣрѣ, 20, дѣвица 15 или 16 лѣтъ должны покориться закону природы. Въ противномъ случаѣ не исполняется заповѣдь: «раститеся и множитеся,» и жизненные соки, поглощаясь самимъ тѣломъ, становятся ядомъ для плоти и крови ([2]). Въ бракъ вступать должно не иначе, какъ съ вѣрою, т. е., оглянуться на слово Божіе; только увѣрившись въ богоугодности брака, найдемъ удовольствіе въ немъ: безъ увѣрительнаго обѣтованія Божія онъ является адомъ. Для этого должно просить Бога о дарованіи добраго спутника жизни. Лютеръ, исполнившій всѣ эти требованія, получилъ благословеніе Божіе и, въ полной мѣрѣ наслаждаясь семейнымъ счастіемъ, говаривалъ, что «хозяйка его дороже ему Французской короны и богатства Венеціи; что она рѣдкое вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей; что она свободна отъ слабостей, общихъ ея состоянію и полу; что хранитъ вѣрность съ стыдливостію доброй жены, и одной этой причины достаточно, чтобы любить ее и уважать. Дерзаетъ на ню, по словамъ Соломона, сердце мужа ея (Притч. XXXI, 11); не лишится добрыхъ корыстей, ибо дѣлаетъ мужу благая во все житіе» ([3]). «И въ самомъ дѣлѣ, въ высокомъ свойствѣ женской любви, въ отеческой, матерней и дѣтской наклонности жены къ мужу,»—говорилъ Лютеръ,—«есть что-то прекрасное, какъ море, поглощающее нечистую каплю плотскаго вожделѣнія». Нѣжную любовь Катерины онъ оплачивалъ горячею взаимностію. Изо всѣхъ книгъ Апостольскихъ онъ больше всего восторгался посланіемъ къ Галатамъ, и его-то называлъ онъ своей Катериной ([4]). Латинскіе писатели свидѣтельствуютъ, что онъ вели-

(1) Walch, X, §. 66, p. 737,
(2) Ibid. §. 70—76, p. 739—742.
(3) Walch, XXII, c. 43, §. 61, 59, 28; p. 1725, 1724, 1701.
(4) Gesch. Catharina's v. Bora, v. W. Beste S. 53.

чалъ жену Виттембергскимъ свѣтильникомъ; въ письмахъ къ ней надписывалъ: «Моему любезному господину Catharina Lutherin, докторшѣ, проповѣдницѣ въ Виттембергѣ.» Отъ человѣка, закаленнаго въ себялюбіи души очерствѣлой, странно видѣть такія трогательныя изъявленія чувства, къ какимъ онъ, дѣйствительно, явился способнымъ. Въ домашнихъ его отношеніяхъ замѣтно большею частію какое-то элегическое настройство, простодушіе, ни съ чѣмъ несравнимое, что-то женоподобное въ разговорахъ и ласкахъ. Во время смертной болѣзни въ Смалькальденѣ (1527 года) онъ сильно тосковалъ по семействѣ, не чая и свидѣться съ женой и дѣтьми. За недѣлю до смерти, постигшей его въ Эйслебенѣ 18 Февраля, 1546 года, шутливо переписывался съ Катериною, смѣясь надъ ея заботливостію въ присылкѣ лѣкарствъ, стараясь до послѣдняго мгновенія скрывать отъ нея опасность [1]. Шестеро дѣтей скрѣпляли эту взаимную привязанность, раздѣляя съ матерью нѣжную заботливость Лютера. Печаль его о смерти любимой дочери, Магдалины, скончавшейся 13 лѣтъ, исторгаетъ невольныя слезы. Глубина вѣры достойно борется въ немъ съ истерзаннымъ чувствомъ родительскаго сердца. «Господи! Буди воля Твоя!» — говорилъ онъ.— «Возьми ее, ей будетъ хорошо у Тебя.» И, обращаясь къ умирающей, спрашивалъ: «Леночка! Не правда ли? Ты охотно останешься у меня, и также охотно пойдешь къ небесному Отцу?»—«Какъ Богу угодно,»—отвѣчала больная. По смерти ея, укрѣпленный молитвой, Мартинъ утѣшалъ жену, говоря ей: «Подумай, куда пошла она; вѣдь, ей тамъ хорошо!» И, взглянувши на мертвое дѣтище, воскликнулъ: «Благо тебѣ, милая Леночка! Ты воскреснешь и будешь сіять, какъ звѣзда, какъ самое солнце.» Передъ погребеніемъ говорилъ плачущимъ: «Друзья мои, радуйтесь! Я послалъ на небо живаго святаго (einen lebendigen Heiligen)» [2]. Подъ кровомъ семьи свирѣпый учитель Евангелія вздыхалъ свободно отъ тревогъ общественной жизни, предаваясь сладости

(1) Ibid. p. 1701.—W. Beste. S. 81 flg.
(2) Walch, XXII, c. 48, §. 9, p. 1933—1937.

человѣчески-прекраснаго чувства. Здѣсь преображалось существо его въ мирѣ и кротости; здѣсь забывался онъ въ мечтахъ объ укромной семейной жизни, вдали отъ общества человѣческаго, съ его дикими страстями, съ широкими картинами гнѣва и ненависти. «Что можетъ быть усладительнѣе въ жизни,»—говорилъ онъ,—«какъ безбѣдное хозяйство, съ благочестивой, вѣрной и услужливой женою, въ согласіи и мирѣ, въ довольствѣ немногимъ и въ славословіи Божіемъ?» ([1]).

Вторая существенная стихія супружеской жизни есть *трудъ*, выпадающій на долю мужчины. Мысли Лютера о трудѣ, какъ условіи жизни, приводятся къ слѣдующимъ положеніямъ. «Человѣкъ рожденъ трудиться, какъ птица летать (Іов. V, 7). Древніе язычники избѣгали супружества, какъ сопряженнаго со множествомъ трудовъ и заботъ. Но Богъ велѣлъ падшему Адаму трудиться въ потѣ лица своего и трудомъ убивать волненія страсти, и трудъ сопутствуетъ человѣку до смерти (Быт. III, 17). Слышишь ли? Тебѣ велѣно *поплевать на руки, трудиться до изнуренія силъ* (es dir sauer lassen werden), каждому въ своемъ призваніи, кому руками, кому головой. Если ты земледѣлецъ, или ремесленникъ, работай прилежно, не ходи на пиво, не валяйся на печкѣ, не пропивай послѣдняго платья бѣдной хозяйки! Проповѣдникъ имѣетъ свой крестъ, и едва ли не выше труда механическаго. Въ супружеской жизни много озлобленій. Не рѣдко случается, что, когда мужъ на работѣ, дитя занеможетъ, жена зашалится, челядь расхищаетъ имущество и домашнюю утварь. Но трудъ, одна изъ казней за грѣхъ первородный, чуднымъ образомъ услаждается въ бракѣ благословеніемъ Божіимъ (Сирах. VII, 16). Нѣтъ жертвы пріятнѣе Богу, какъ управленіе домомъ, когда хозяйка кормитъ грудью дѣтей своихъ, а мужъ работаетъ въ потѣ лица; это истинное богослуженіе, которое гораздо угоднѣе Богу, чѣмъ всѣ изнурительные подвиги иноковъ, потому что украшено обѣтованіемъ Божіимъ: «Благо ти будетъ.» Похвальное слово труду: «Тебѣ будетъ благо,» нужно бы выставить на всѣхъ

(1) Walch, §. 26, p. 1700.

орудіяхъ, на челѣ и всѣхъ членахъ трудящагося. Отъ того міръ и бѣгаетъ честнаго брака, что боится труда, предаваясь неистовой праздности. А добрый христіянинъ работаетъ съ сердцемъ веселымъ, исполняя заповѣдь Божію. Взгляни на крестьянина съ телѣгой и плугомъ, на сапожника съ кожей, на кузнеца и плотника со всѣми принадлежностями ихъ ремесла; на всѣхъ ихъ начертано: «Благо ти будетъ!» Вспомни, что работа въ потѣ лица, вмѣстѣ съ брачною жизнію установленная Богомъ въ раю, есть великое очищеніе грѣха первороднаго, и что Духъ Святый терпѣливо нося-щему крестъ свой облегчаетъ труды» ([1]).

Въ добавокъ къ труду Лютеръ требуетъ порядка въ хозяйствѣ, умѣнія распорядиться добытымъ: «Дѣло мужчины добывать, а жены сберегать. Жена можетъ обогатить мужа, потому что сбереженная копѣйка прочнѣе пріобрѣтенной. Лучшій доходъ есть хорошо устроенное хозяйство» ([2]). «Когда я былъ молодъ, я видалъ многихъ отцовъ семейства, которые цѣлые дни проводили въ тяжелой работѣ, и едва въ потѣ лица добывали свой хлѣбъ. Другіе, болѣе зажиточные, говорили имъ, что труда не довольно, что нужна еще особенная разсчетливость и сноровка. Ловкость нужнѣе труда и богатства. Она состоитъ въ умѣніи выбирать время, случай и лица для продажи и покупки всего нужнаго въ домѣ» ([3]). Черта хозяйственная является сильно развитою въ Нѣмецкомъ преобразователѣ. Въ Римѣ онъ обращалъ особенное вниманіе на строгія полицейскія учрежденія, которыя одни и заслужили его похвалу. Строгая разсчетливость, бережливость, иногда щепетильная, составляла основу его характера. По мнѣнію его, первое условіе благостоянія государственнаго заключается въ строгомъ распредѣленіи занятій между всѣми членами общества. Онъ съ особенной силой преслѣдовалъ роскошь въ нарядахъ, въ излишествахъ жизни, какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа. На примѣръ: «Красота женщины состоитъ не въ кудряхъ, перепле-

---

(1) Walch, X, §. 36—41; p. 786—789.—Walch. IV, Объясн. 128 Пс.
(2) Walch, XXII, §. 43, p. 1713.
(3) Walch, IV, П. Степен. 127-й Пс. §. 79 sq.

тенныхъ золотомъ и серебромъ. Оставимъ это язычникамъ. Я не знаю, кто больше виновенъ въ злоупотребленіяхъ роскоши: мужья или жены, или правительство, допускающее женщинъ повергать себя добровольно въ ужасную бѣдность? Что сказать о шелковыхъ платьяхъ, о пурпурѣ, о золотѣ и серебрѣ, которыя навѣшали на себя женщины? Несравненно меньше убытку отъ серебряныхъ пряжекъ, цѣпочекъ и колецъ (потому что серебро остается годнымъ для всякого употребленія), чѣмъ отъ златотканныхъ покрововъ, чепцовъ, снурковъ и другихъ бездѣлицъ, которыя портятся отъ времени. Что сказать о художникахъ, изобрѣтателяхъ особеннаго колеса для глаженія шелковыхъ тканей, такъ что женское покрывало стоитъ не меньше 20 гульденовъ, а самая машина отъ 40 до 50? О горе! Мы дожили снова до времени синагогъ, о которомъ говорилъ Пророкъ Исаія, вычисляющій 21 принадлежность женскаго прибора. Какъ раздумаешься объ этихъ излишествахъ, страшно станетъ жениться. Не даромъ и Греки и Римляне украшенія женскія называли вселенной (mundus)» ([1]). Этой мелочною разсчетливостію, исходившею вовсе не изъ глубины христіянскаго взгляда, а изъ особенной черты его Нѣмецкаго характера, объясняются рѣзкіе возгласы Лютера противъ великолѣпія храмовъ, безплоднаго украшенія иконъ и оправы креста въ серебро или золото ([2]). Черта бережливости отражается рѣзко и въ его наставленіяхъ объ общественной благотворительности. Сюда относятся замѣчанія его относительно нищихъ, промышляющихъ обманомъ и воровствомъ. Правительство, по мнѣнію Лютера, должно принять строгія мѣры для обузданія подозрительныхъ нищихъ. «Христосъ,»—говоритъ онъ,—«повелѣлъ давать милостыню только неимущимъ въ твоемъ собственномъ городѣ, или въ окрестностяхъ (Второзак. XXIV, 14), и притомъ тѣмъ изъ нихъ, которые сами не могутъ снискивать себѣ пропитаніе работой» ([3]). Всѣ наставленія Апостоловъ о дѣлахъ милосердія внѣшняго

---

(1) Walch, III, Объясн. 10 Запов. p. 1693—2005 въ 4-й запов.
(2) Walch, XII, §. 2, p. 2369.
(3) Пропов. противъ ростовъ 1540 г. Walch, X, p. 1024—1089.

Лютеръ обращалъ постоянно на общественную благотворительность ([1]). Какъ много участвовали въ томъ личныя его отношенія, видно изъ Застольныхъ рѣчей, гдѣ онъ выставляетъ себя жертвой людей злонамѣренныхъ, которые хотѣли обогатиться его щедростію въ раздаваніи милостынь. «Es wollte vorsweilen alles an mir reich werden, des Bettelns war kein Ende,»—повторялъ онъ съ досадою. Не имѣя возможности помогать всѣмъ, онъ сталъ разборчивѣе и говорилъ: «Въ нашемъ городѣ много нищеты истинной, но еще болѣе праздности. Я не имѣю возможности помогать неизвѣстнымъ, если бъ даже позволяло мнѣ мое состояніе, потому что, чѣмъ болѣе жертвуешь, тѣмъ сильнѣе становится нищенство. Я, съ своей стороны, не хочу отнимать достоянія у жены и дѣтей и приносить его другимъ въ безполезную жертву» ([2]). Нападенія Лютера на праздность и ростовство, кромѣ христіянскихъ побужденій, указываютъ на ту же черту бережливости въ его собственномъ, домашнемъ хозяйствѣ. «Ростовство (der Wucher) сидитъ въ Аугсбургѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ и другихъ городахъ, обращаясь въ огромныхъ денежныхъ суммахъ; но мы чувствуемъ его у себя, и на рынкѣ, и въ кухнѣ; у насъ не подержится ни копѣйка, ни денежка. Мы, проповѣдники, живущіе деньгами, не занимающіеся ремеслами, а потому не могущіе ни возвысить цѣнность нашей копѣйки, ни умножать капиталовъ, мы остаемся беззащитными жертвами ростовщиковъ. Они ѣдятъ съ нами изъ нашей поварни, осушаютъ нашъ погребъ, сдираютъ съ насъ кожу. Крестьяне, мѣщане, дворяне всегда могутъ усиливать цѣну своего хлѣба и труда, удвоивать, или утроивать пфеннигъ; за то вся тягость ростовъ обрушилась на наше сословіе» ([3]). Касательно государственной жизни, торговое направленіе Лютера замѣтно особенно тамъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о денежныхъ отношеніяхъ Германіи къ Риму. На примѣръ: «Прошу убѣдительно, чтобы все продажное въ Римѣ, преимущества, разрѣшенія, буллы присвоены были равномѣрно всѣмъ нашимъ церквамъ. Вѣдь,

---

(1) Walch, XII, §. 24, p. 434; §. 42, p. 808.
(2) Walch, XXII, c. 4, §. 724, p. 344, sq.
(3) Walch, X, §. 94, p. 1084.

папа обязанъ же тупе, ради Христа, источать христіянамъ дары благодати. Или проклятыя деньги въ глазахъ его дѣлаютъ различіе между мной и тобой? Пусть же онъ за твое золото подаритъ тебѣ воскъ и свинецъ своихъ папскихъ печатей. Если полетишь на небо на его пергаментныхъ листикахъ, смотри, чтобъ не разлетѣлась подъ тобой колесница! Держитесь, христіяне, мудраго правила: все, что папа даетъ вамъ за деньги, противно закону Божію, потому что благодать сообщается даромъ» ([1]). Къ нищенствующимъ монахамъ Лютеръ имѣлъ всегда особенное отвращеніе, по тѣмъ денежнымъ опустошеніямъ, которыя они совершали въ Германіи. «Пять, или шесть, нищенствующихъ орденовъ возвращаются на одно мѣсто больше *шести, или семи разъ въ годъ*, такъ, что съ каждаго города около 60 разъ взимается пошлина, не говоря о государственныхъ повинностяхъ и деньгахъ, платимыхъ въ папское казнохранилище» ([2]). Еще въ 1520 году, въ Окружномъ посланіи къ дворянству Нѣмецкой земли, онъ требовалъ всенароднаго узаконенія на ограниченіе роскоши въ привозныхъ товарахъ. «Богъ далъ намъ довольно шерсти, пеньки и льна для приличной одежды; къ чему еще золото, шелки и бархаты? На что корабли, которые отвозятъ Нѣмецкія деньги и привозятъ заморскія яства?» ([3]). Но въ 1524 году, въ сочиненіи о торговлѣ, онъ вдается въ подробности хозяйственныхъ соображеній, весьма замѣчательныя денежными выгодами, въ нихъ преобладающими. «Продажа и купля необходимы, когда употреблются на нужду и честное дѣло. И патріархи продавали и покупали скотъ, шерсть, хлѣбъ, масло, молоко и другіе предметы. Но иностранную торговлю, привозящую изъ Калькутты и Индіи драгоцѣнныя шелковыя золотыя ткани и пряности, служащую только для роскоши, а не для пользы, высасывающую деньги Нѣмецкія, не слѣдовало бы допускать, если бъ князья исполняли свои обязанности. Впрочемъ, я не стану писать противъ этой торговли, а думаю, что когда

(1) Walch, X, 20 стат. Окружн. послан. къ двор-намъ.
(2) Ibid. 21 статья.
(3) Walch, X, p. 1090—1123, §. 3, sq.

истощатся всѣ наши деньги, то и она прекратится сама собою. Видно, Богъ судилъ Нѣмцамъ отдавать въ чужія руки все свое золото и серебро, обогащать цѣлый міръ, а самимъ пребывать въ нищетѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Англіи не имѣть бы такого количества золота, если бъ Германія отказалась отъ ея сукна; король Португальскій не обогащался бы на нашъ счетъ, если бъ мы прикинули ему его пряности. Сочти, что вывозится денегъ отъ насъ на одной Франкфуртской ярмаркѣ, и удивишься, какъ еще можетъ держаться въ Германіи копѣйка.» Здѣсь слышимъ какъ бы отголосокъ стариннаго Нѣмца временъ Юлія Цезаря (De bello Gallico, l. IV, c. 2), который только сбывалъ иностраннымъ купцамъ добычу, похищенную имъ на войнѣ, но не терпѣлъ никакихъ привозныхъ товаровъ. Вездѣ видѣнъ распорядительный, мудрый хозяинъ, умѣющій согласить свои выгоды съ общественною пользою. Повторяемъ: черта себялюбія, скупой бережливости въ Лютерѣ есть прямое наслѣдіе народнаго духа, исконная принадлежность Нѣмецкаго племени, въ противоположность гостепріимству и благородной терпимости нашего, такъ охотно пересылавшаго на чужбину свои родныя сокровища, и, къ сожалѣнію, слишкомъ охотно принимавшаго и принимающаго все иноземное, къ великому ущербу своей народности.

Третья особенность семейной жизни въ Нѣмецкомъ ея проявленіи заключается въ отношеніяхъ *подданства*, безусловной покорности жены мужу, — начало христіянское, неизмѣнный законъ, изреченный Богомъ послѣ паденія Адама, повторенный Апостоломъ въ Новомъ Завѣтѣ, но въ примѣненіи къ жизни доведенный до крайности неразумнаго произвола на Западѣ. Значеніе женщины въ Нѣмецкомъ мірѣ представляетъ особенность племеннаго развитія, весьма замѣчательную. Ея назначеніе въ жизни — кругъ чисто хозяйственный, исправленіе служебныхъ должностей въ отношеніи къ мужу, безъ всякаго притязанія на равенство власти, рожденіе и физическое воспитаніе дѣтей, вообще исполненіе всѣхъ внѣшнихъ житейскихъ условій. Отъ того въ древней Нѣмецкой исторіи ни одна женщина не является на

поприщѣ общественной дѣятельности (1). Надъ нею тяготѣетъ ужасный физическій и нравственный произволъ, уничтожающій свободное упражненіе воли ея въ безотвѣтной покорности мужу. Примѣромъ могутъ служить знаменательныя отношенія императора Генриха IV къ супругѣ его, Кунигундѣ. Глубокое паденіе достоинства женщины видимъ преимущественно въ мечтательномъ служеніи прекрасному полу, въ которомъ владычица сердца прихотливаго рыцаря пользуется всѣми правами *помощницы мужа*, а собственная жена его нисходитъ на степень наложницы. Развитіе монашества и паденіе нравственности въ Нѣмецкомъ народѣ низвели женщину еще одною ступенью ниже. При такомъ только искаженіи ея идеала могло составиться грубое понятіе объ ея назначеніи въ мірѣ, какъ зла неизбѣжнаго, какъ безгласнаго орудія размноженія рода человѣческаго. Въ XVI вѣкѣ въ Германіи продолжались во всей силѣ безчеловѣчныя отношенія мужа къ женѣ. Лютеръ и здѣсь не измѣнилъ племенному свойству: казнивши презрѣніемъ домашнихъ тиранновъ, не уважающихъ въ женщинѣ подобія Божія, онъ не совсѣмъ остался свободнымъ отъ общей слабости народнаго характера, хотя и умѣрялъ его силою религіознаго чувства. «Говорятъ нѣкоторые (вотъ слова Лютера): неужели мнѣ по-дружески обходиться съ женою и выносить терпѣливо всѣ ея прихоти и странные вымыслы? Я хочу господствовать насиліемъ и страхомъ, чтобъ показать ей, что я мужчина. Великая честь,»—прибавляетъ отъ себя реформаторъ,—«сокрушить бѣдный, слабый сосудъ, отяготить совѣсть излишней суровостію въ отношеніи къ духовной сестрѣ и сонаслѣдницѣ царствія Божія! Мы видимъ примѣры мужей, до того свирѣпыхъ и безчеловѣчныхъ, что они не боятся бить беременныхъ женщинъ. Еще недавно слышали объ одномъ князѣ, который замахнулся мечемъ на больную жену, лежавшую на постелѣ.» «Я отъ сердца враждую такимъ храбрецамъ, которые смѣютъ хвалиться побѣдой, одержанной надъ бѣдной женщиною, по Латинской

(1) Религіозное значеніе женщины у древнихъ Германцевъ, о которомъ говоритъ Тацитъ, кончается вмѣстѣ съ язычествомъ. Это общая принадлежность всѣхъ Индо-Европейскихъ народовъ.

пословицѣ: «Domi leones, foris lepores». Мужчина родился не на озлобленіе слабаго женскаго рода, а на охраненіе и защиту его; ибо женщина имѣетъ слабое тѣло, назначенное къ чревоношенію, къ рожденію и воспитанію дѣтей, подверженное многимъ опасностямъ ([1]). Управлять женщинами надобно кротко, не дубинами, или обнаженными ножами, но дружественными, привѣтливыми рѣчами и ласками, чтобъ онѣ не сдѣлались робкими» ([2]).

Но, нападая на злоупотребленія власти, Лютеръ отстаиваетъ самую власть, ревниво защищаетъ свое собственное право въ домашнемъ быту. «Если бъ мнѣ пришлось свататься въ другой разъ, я бы высѣкъ себѣ изъ камня послушную жену, потому что я отчаялся въ послушаніи женщинъ» ([3]). «Жена,»—по словамъ его, «должна быть въ подданствѣ мужа (Быт. III, 16); она не имѣетъ собственной воли. Если бъ Евва не согрѣшила, то мужъ и жена властвовали бы нераздѣльно надъ цѣлой вселенной. Но паденіемъ своимъ она утратила владычество; куда хочетъ мужъ, туда слѣдуетъ жена; она должна преклоняться передъ нимъ, какъ передъ владыкой, бояться его, покорствовать ему во всемъ. Это высшее для нея наказаніе; она охотнѣе и съ большимъ терпѣніемъ подчинится первой казни болѣзненнаго дѣторожденія: такъ женщины отъ природы любятъ владычествовать по примѣру праматери Еввы. Отъ того-то Апостолъ такъ часто напоминаетъ имъ заповѣдь повиновенія (1 Петр. III, 1; Кол. III, 18; 1 Кор. XI, 10), и самое покрывало на головѣ ихъ есть признакъ подчиненія мужу» ([4]). Впрочемъ, жена Лютерова безропотно подчинялась кроткому супружескому насилію; она не подавала поводу къ семейнымъ раздорамъ и заслужила тѣмъ полную довѣренность мужа, который постоянно хвалилъ ее за послушаніе и вѣрность. Лютеръ негодовалъ на мужей, терпѣливо носившихъ женское

(1) Walch, II, Объясн. 26-й гл. Быт. ст. 8, §. 107—108, p. 237—238.—II, Объясн. 30 гл., ст. 37—39, §. 180—182, p. 881—883.

(2) Walch, X, §. 43—48, p. 790—793.

(3) Walch, XXII, §. 77, p. 1730.

(4) Walch, X, §. 50—52; p. 794—795.—Walch, XXII, c. 3, §. 86, p. 265.—Walch, XII, p. 25.

иго, приговаривая: «Посмотрѣлъ бы я, какъ бы смѣла противорѣчить мнѣ моя Катерина; едва ли бы она меня переспорила, а ужъ была бы ей оплеуха (ein Maulschellium), непремѣнно бы досталась» ([1]). Зная правила Лютера, она не доводила себя до такихъ наказаній, потому что вѣрой и правдой служила супругу. «Счастливъ человѣкъ,»—говаривалъ Лютеръ, съ примѣненіемъ къ собственному опыту, — «кому выпала на долю хорошая жена. Это рѣдкій даръ Божій. Бѣда тому жить, чья жена и служанка не разумѣютъ въ поваренномъ дѣлѣ. Hoc est prima calamitas, ex qua multa mala sequuntur» ([2]). Весьма интересное явленіе представляетъ Катерина изъ Бора ([3]), природная Лужичанка, до того сроднившаяся съ характеромъ и привычками Лютера, что отказалась отъ родины, лучше мужа умѣла говорить по-Нѣмецки ([4]), совершенно проникнулась его убѣжденіями, хорошо знала его душевныя немощи; по собственному сознанію его, нерѣдко утѣшала его въ искушеніяхъ словомъ Божіимъ ([5]). Въ болѣзняхъ, которымъ онъ часто подверженъ былъ въ послѣдніе годы жизни, не отходила отъ постели его, сама исправляя служебныя должности ([6]).— По понятіямъ Лютера, назначеніе женщины въ бракѣ есть жизнь домашняя; ей нечего дѣлать за порогомъ своего дома. «Женщины умно говорятъ объ хозяйствѣ; онѣ знатоки въ этомъ дѣлѣ, и превзойдутъ въ краснорѣчіи самаго Цицерона. Чего не могутъ взять краснымъ словцомъ, то добудутъ слезами. Онѣ отъ природы рѣчистѣе и къ хозяйственнымъ распоряженіямъ несравненно способнѣе насъ, достигаютъ такого искусства большими трудами и многолѣтнею опытностію; но какъ скоро заговорятъ онѣ о чемъ либо внѣ домоводства, слова ихъ безъ смысла; потому что по незнанію дѣла объясняются обо всемъ ребячески, оши-

(1) Walch, XXII, §. 23, p. 1699.
(2) Ibid, §. 32, p. 1704.
(3) Gesch. Cathar. v. Bora. v. W. Beste, S. 58—69.
(4) Walch, c. 3. §. 77. p. 261—262.
(5) Ibid. p. 24, 51.
(6) Ibid. §. 76, p 261. «Ipsa servivit mihi non solum ut uxor, séd etiam ut famula»,—говоритъ Лютеръ въ своемъ завѣщаніи.

бочно и нелѣпо. Отсюда ясно, что женщина рождена на хозяйство, мужчина на свѣтское управленіе, на службу военную и гражданскую ([1]). Сарра, жена Авраамова, не полюбопытствовала даже взглянуть на трехъ путниковъ, угощенныхъ мужемъ ея, тогда какъ большая часть женщинъ, по обыкновенію, бѣгаютъ взадъ и впередъ, провѣдываютъ новости, стоятъ у воротъ, смотрятъ въ окно на прохожихъ и ждутъ новыхъ сплетень. А потому отвѣтъ Авраама: ««Жена моя *въ сѣни*»»—должно бы прикрѣпить къ головному убору каждой дочери Еввиной. Обреченная въ понятіяхъ Лютера на такую страдательную роль, женщина не имѣетъ нужды въ особенномъ развитіи умственной силы. Лютеръ, ревнивый ко власти, называвшій уродомъ мужчину, который добровольно принимаетъ на себя женское иго ([2]), умъ, какъ признакъ господства, считалъ исключительнымъ достояніемъ мужа, а въ женщинѣ высшей аномаліей. « Краснобайство въ женщинѣ черта не похвальная; ей приличнѣе заикаться; ее краситъ молчаніе. Нѣтъ платья, которое бы хуже пристало дѣвицѣ, или замужней женщинѣ, какъ когда она хочетъ прикинуться умною. У женщины два недостатка: немощь тѣлесная и слабость ума. Первую мы должны выносить терпѣливо, потому что мы рождены на то, чтобъ охранять ея слабость и доставлять ей пропитаніе. Напротивъ, мы должны желать ей поменьше ума, какъ орудію слабому, которому Апостолъ предписываетъ воздавать честь (1 Петр. III, 7). Мужчина сотворенъ отъ природы съ широкою грудью—вмѣстилищемъ разума, и узкими лядвеями; въ немъ много ума, мало сору. У женщины на оборотъ: узкая грудь и широкое сѣдалище, въ ознаменованіе того, что ей должно сидѣть покойно на мѣстѣ, заниматься хозяйствомъ, сберегать пріобрѣтеніе мужа » ([3]). Она есть необходимое дополненіе къ мужу, какъ царю вселенной, любезный, веселый, очаровательный спутникъ. При всей своей немощи, она болѣе способна къ религіозному одушевленію.

(1) Walch, XXII, §. 141, p. 1778; §. 76, p. 1730.
(2) Walch, XXII, c. 3. §. 86, p. 265; verbum anomalum.
(3) Ibid. c. 3. §. 77, 78, 82; p. 262—263. §. 81, p. 263; c. 43, §. 78, p. 1729.

Магдалина превзошла Петра твердостію духа; Св. Мученицы безстрашно побѣдили мученія. «Ея сердце растворено къ состраданію; она создана отъ Бога быть услажденіемъ мужу и попечительнымъ промысломъ для своихъ чадъ» (1). Но высшее, ни съ чѣмъ не сравнимое ея преимущество заключается въ правѣ деторожденія. Въ старину безплодіе женщины считалось высшимъ позоромъ; жены Св. патріярховъ со слезами молили о благословеніи чадъ. «Въ наше время тяготятся потомствомъ, смотрятъ на бракъ только со стороны плотской; называютъ свиньями женъ, родившихъ много дѣтей» (2). Въ этомъ презрѣніи къ дѣтямъ Лютеръ видитъ извращеніе брака. «Что можетъ быть выше права давать бытіе существу разумному? Это право со стороны женщины искупается смертными болѣзнями; она нерѣдко душу свою полагаетъ за новорожденнаго младенца. Тутъ въ высшей степени необходимо предлагать ей духовное утѣшеніе вѣры, говоря ей: ««Благо тебѣ! ибо ты умираешь въ благородномъ призваніи своего пола и въ святомъ исполненіи заповѣди.»» Въ родахъ умерла Рахиль, и Св. патріярхъ похоронилъ ее на пути, а не за стѣною, внѣ кладбища, какъ дѣлали въ папствѣ, какъ будто шестинедѣльницы прокляты Богомъ и не достойны лежать на святой землѣ, наровнѣ съ прочими (3). Евва есть жизнь, и всѣ ея дщери даютъ также жизнь. Св. Мученикъ Кипріанъ воздавалъ честь новорожденному младенцу, какъ Ангелу, и говорилъ, что его и некрещенаго должно цѣловать во славу десницы Божіей, какъ только что вышедшаго изъ рукъ Творца (4). Смотри, какъ Духъ Святый украшаетъ женщину, устами Давида уподобляя ее плодоносному винограднику, и дѣтей ея новосажденіямъ масличнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себя существами безразличными, дошедшими до такой степени святости, что мы бы не знали различія половъ. Что сталось бы съ

(1) Walch, c. 3. § 76, p. 261; §. 83, p, 264.

(2) Walch, II, 30, Гл. Быт. ст. 1, §. 13, p. 778. Но древніе Нѣмцы, по свидѣтельству Тацита, дорожили многочисленнымъ потомствомъ: «nec ulla orbitatis pretia».

(3) Walch, X, §. 43 sqq, p. 790 sqq.

(4) Walch, §. 60, p. 733.

родомъ человѣческимъ чрезъ 20 лѣтъ? Къ чему служило бы прекрасное міроздание Божіе, свѣтила, разсѣянныя по тверди небесной, если бъ земля обратилась въ пустыню необитаемую? Къ чему служили бы высокія обѣтованія Божія, данныя Церкви, и самое пришествіе Спасителя? Зачѣмъ видишь только одну черную сторону брака и не хочешь замѣтить великихъ преимуществъ, дарованныхъ ему Богомъ? Презираешь ли ты виноградные соки, отъ того что корень обложенъ навозомъ? Неужели немощь естества, проявляющаяся въ дѣтяхъ, въ состояніи отвратить тебя отъ родительской любви? И женщина, слабый сосудъ, не въ тоже ли время вѣнецъ созданія Божія? Не участвуетъ ли и она въ заслугѣ Христовой, приводя ко спасенію душу живую, рожденную изъ собственнаго чрева» (1)?

Заключу Нѣмецкую характеристику Лютера опредѣленіемъ взгляда его на жизнь человѣческую, и здѣсь укажу на различіе съ Гусомъ. Подробное рѣшеніе этого вопроса, обнимающее все ученіе его о монашествѣ, о дѣятельной и созерцательной жизни, объ истинной святости, сосредоточивающееся въ трехъ христіянскихъ состояніяхъ: der Lehr-Wehr-und Nährstand, — управленія духовнаго, свѣтскаго и домашняго, находится въ тѣсной связи съ ученіемъ его о благодати, а потому не можетъ быть предложено здѣсь. Ограничусь только главными положеніями. Противоположно Гусу, Лютеръ, врагъ созерцанію, отрицаетъ возможность служенія Богу въ удаленіи отъ свѣта, въ одинокомъ упражненіи мысли и воли, безъ пользы для себя и для ближнихъ. Гусъ старался согласить и то и другое. Въ основѣ характера его лежалъ аскетизмъ; но онъ жертвовалъ личнымъ расположеніемъ для общественной пользы. Лютеръ въ началѣ своего поприща вступилъ на ту же дорогу; но чувственность превозмогла и оставила глубокіе слѣды въ пристрастномъ сужденіи о совершенствѣ, ему недоступномъ. Монашество родилось на Востокѣ первоначально въ видѣ

(1) Walch, IV, толков. 128 Пс. — Walch, X, §. 71, p. 739. — Лютеръ вмѣняетъ женщинѣ въ обязанность самой выкармливать дѣтей своихъ, не прибѣгая къ кормилицамъ. Вспомнимъ Тацита: Sua quemque mater uberibus alit, nec ancillis ac nutricibus delegantur.

пустынножительства, на священной библейской почвѣ, орошенной кровію Спасителя и безчисленныхъ мучениковъ. Тамъ, въ Палестинѣ, жилъ первый великій пустынникъ и первый великій мученикъ Новаго Завѣта. Во времена, ближайшія къ Апостольскому вѣку, Христіянство воплотилось въ двухъ видахъ: 1) Въ борьбѣ съ языческимъ полиѳеизмомъ и христіянской ересью, начатой и оконченной проповѣдію епископовъ и подвигомъ учениковъ; 2) въ одинокомъ развитіи пустынножительства, которое воспитывало духовную силу суровыми лишеніями плоти, безпрестанно высылая подвижниковъ на кровавыя пиршества, услаждавшія чувственность Римскаго язычника. Вмѣстѣ съ Православною вѣрою пустынножительство перешло къ Славянскимъ народамъ. Оно утвердилось и въ Чехіи, среди гоненій Латинства, выживавшаго Православіе изъ городовъ въ дремучіе лѣса и пустыни; въ XI вѣкѣ явилось въ лицѣ Прокопія, старшаго современника Преподобнаго Антонія Печерскаго. На Западѣ никогда не было пустынножительства въ собственномъ смыслѣ. Тамъ иноческое житіе, за немногими исключеніями, явилось первоначально въ видѣ монастырскаго общежитія; а въ Германіи сверхъ того первыя обители имѣли назначеніе чисто дѣятельное, какъ христіанскія школы съ цѣлію умственнаго и нравственнаго образованія юношей, отнюдь же не исключительнаго приготовленія ихъ къ духовному званію. Оба явленія условливались очень опредѣленно свойствомъ Европейскихъ народовъ, въ которыхъ распространялось монашество. Умъ Славянина, еще въ язычествѣ устремленный на разгадку высокихъ таинъ міроздания, охотно подчинился созерцательной жизни, хотя и не принялъ ее во всей исключительности ея развитія въ пустыняхъ Аравіи и Палестины. Нѣмецкое племя, вѣчно наѣздническое, по единогласному увѣренію древнихъ писателей, обращенное болѣе на матеріальные интересы, развиваясь почти исключительно практической стороною [1], не могло притти къ убѣжденію о

(1) Тацитъ приписываетъ Нѣмцамъ отвращеніе отъ земледѣлія: «Aestyi frumenta patientius, quam pro solita Germanorum inertia laborant».—Алчность и зависть къ чужому добру, потому что однимъ только Гермундурамъ Римляне «domos, villasque patefacimus, non concupiscentibus», а другимъ племе-

возможности угодить Богу добровольнымъ умерщвленіемъ плоти. Старинные Нѣмцы не были чужды религіозному мистицизму; но между суевѣріемъ ихъ мрачнаго богослуженія, приносившаго кровавыя жертвы для умилостивленія Божества, и самоотверженіемъ христіянскихъ подвижниковъ лежитъ безконечная бездна. Тацитъ считаетъ Германцевъ неспособными къ продолжительному напряженію силъ; отсюда отвращеніе ихъ къ земледѣлію, которое въ древнемъ Славянинѣ упражняло терпѣніе, заставляя безропотно подчиняться лишеніямъ. Согласно съ такимъ свойствамъ, Славяне восприняли пустынножительство и возвели его на степень высшаго духовнаго совершенства добровольнымъ принятіемъ его суровыхъ условій, и умерщвленіе плоти всегда считалось у насъ высшимъ путемъ къ самоотверженію духовному, къ одухотворенію человѣка тѣлеснаго. Отсюда, въ воззрѣніи Гуса, идеалъ нравственной жизни христіянина заключается въ полномъ безстрастіи, которое и въ самомъ невинномъ наслажденіи видитъ грѣховность и уклоненіе отъ узкаго пути Евангельскаго. Совершенно другое и въ жизни и въ воззрѣніи Лютера. Монашество возбуждало его ненависть не въ искаженномъ видѣ Латинскихъ монастырей, а въ великихъ его первообразахъ: Антоніѣ, Иларіонѣ, или Іеронимѣ. Съ презрѣніемъ отзывался онъ о подвижникахъ первыхъ временъ христіянскихъ и не только не признавалъ въ нихъ высоты религіознаго духа, но въ желаніи возвыситься надъ земною посредственностію видѣлъ просто недостатокъ христіянской любви, которая чуждается міра, услаждаясь гордымъ созерцаніемъ собственныхъ подвиговъ. Вообще, всякое усиліе человѣка духовнаго приблизиться хоть сколько нибудь къ идеалу нравственнаго совершенства считалъ безумнымъ посягательствомъ на силу и дѣйственность жертвы Спасителя. Съ особеннымъ тщаніемъ раскрашивалъ паденія святыхъ: Ноя, Моисея, Давида, Петра, для того,

---

намъ «arma modo castraque nostra ostendimus,» чтобъ не возбудить ихъ любостяжательности, и однимъ только Хавкамъ отдаетъ преимущество безкорыстія и справедливости: «populus inter Germanos nobilissimus. .. sine cupiditate, sine impotentia, quieti secretique, nulla provocant bella, nullis raptibus aut latrociniis populantur».

чтобы представить ихъ подобострастными намъ и казнить высокомѣріе пустынниковъ, стремившихся, сколько возможно, къ совершенной безгрѣшности. Религіозное созерцаніе казалось ему болѣзненной мечтой воображенія, искушеніемъ діявола, нарушеніемъ Евангельской заповѣди, которая въ одномъ Богочеловѣкѣ-Христѣ сосредоточиваетъ все исполненіе Божества тѣлеснѣ, Его ставитъ единственнымъ путемъ къ вѣчной жизни и истинѣ. Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ самого Лютера въ подкрѣпленіе сказанному: «Фантазія побуждаетъ насъ скрываться въ углу, предпринимать тотъ или другой подвигъ, ожидать особенныхъ откровеній Божіихъ, и всѣ мечты разстроеннаго воображенія выдавать за пророчества, внушенныя Духомъ Святымъ. Но Богъ не можетъ этого требовать, потому что Самъ назвалъ Себя сыномъ Божіимъ, Сидящимъ одесную Отца во вѣки вѣковъ» ([1]). Чего ясно не открыто въ словѣ Божіемъ, о томъ лучше не говорить. Адамъ, захотѣвъ узнать причину запрещенія Божія, сдѣлался добычею смерти. Изслѣдованіе дѣйствій, съ намѣреніемъ сокрытыхъ отъ насъ, всегда вовлекаетъ насъ въ преступленіе. Мы должны смирить свое остроуміе, строго держаться въ предѣлахъ, назначенныхъ Богомъ. Ему не угодно было, чтобы мы парили по воздуху, а ходили бы по землѣ (dass wir in Lüften schweben, sondern auf der Erde gehen sollten); Онъ повелѣлъ намъ прилежно поучаться въ словѣ Его, не пускаясь въ размышленія о вещахъ, превышающихъ наши понятія. Христосъ Ѳомѣ и Филиппу, летавшимъ (fladderten) помысломъ далеко отъ Спасителя и искавшимъ путей отдаленныхъ и сокрытыхъ для Боговѣдѣнія, сказалъ: «Азъ есмь путь и истина и животъ; видѣвый Мене, видѣ Отца.» Здѣсь вся христіанская мудрость, а понятія папистовъ и Іудеевъ о Богѣ всемогущемъ, Творцѣ неба и земли, не приводятъ къ Богопознанію ([2]). Нестерпимъ для нашего тѣлеснаго ока зракъ величія Божія; Онъ долженъ скрываться отъ насъ за густую завѣсу. Люди, проводившіе жизнь въ созерцаніи, или приходили въ отчая-

(1) Walch, VIII Объясн. 14 Гл. Іоанна, § 161, p. 98.
(2) Walch, V Объясн. 2 Пс. § 140, p. 173.

ніе, когда имъ не въ мочь становилось размышленіе о величіи Божіемъ, или поддавались обольщеніямъ діявола, воображая себя на лонѣ Отца небеснаго. Рѣшено, что, кто хочетъ обнять и созерцать Божество Сына Божія, уже прославленнаго и сидящаго высоко на небесныхъ, можетъ обнять Его только въ словѣ Его и въ тѣхъ дѣлахъ, которыя творитъ Онъ во всемъ христіянствѣ, посредствомъ служенія проповѣди и другихъ состояній (1). Постиженіе Христа вѣрою есть единое истинное созерцаніе, о которомъ такъ много толкуютъ софисты. Это не пустая мечта и чаяніе, а духовное и Божественное лицезрѣніе змія, вознесеннаго на крестъ за грѣхи всего міра; его можно бы различить отъ дѣйствительной жизни, назвавъ созерцаніемъ Евангеліе, а дѣйствительною жизнію законъ, т. е., созерцаніе состоитъ исключительно въ принятіи утѣшительныхъ обѣтованій (2). Единственныя знаменія, заслуживающія непреложную вѣру, суть знаменія благодати, указанныя въ Св. Писаніи. Мюнцеръ хвалится, что видѣлъ Бога и съ Нимъ бесѣдовалъ, но слѣдствія показали, что то былъ сатана воплощенный. Правда, Богъ особеннымъ образомъ явилъ Себя патріярхамъ и пророкамъ, но мы такихъ откровеній не ищемъ. Съ насъ довольно, что мы крещены, получили Евангеліе и силой ключей разрѣшаемся отъ грѣховъ. Если Богу угодно открыться мнѣ, или во снѣ, или въ другомъ какомъ либо особенномъ знакѣ, я доволенъ, но приму и эти явленія съ осмотрительностію; ибо часто духъ злобы облекается въ Ангела свѣтла (3). Лютеръ бѣжалъ одиночества, считая его состояніемъ самымъ опаснымъ для вѣры христіянина. Пагубныя слѣдствія его для духовнаго состоянія онъ испыталъ на себѣ въ монастырскихъ стѣнахъ и въ Вартбургскомъ замкѣ. Отсюда его наставленія: опасно и вредно для человѣка быть одному въ искушеніяхъ (Эккл. IV, 10). Если бы кто на одинъ, или на два дня отлучался для молитвы, по примѣру

(1) Walch, §. 166. p. 101. I, Объясн. 19. гл. Быт. §. 134 sqq., p. 1882, sqq.

(2) Walch, VIII, Объясн. 3 гл къ Галат. §. 362, p. 2189; §. 363, 2190.

(3) Walch, I Объясн 17 гл. Быт. §. 447, sqq., p. 1687.

Христову, это было было хорошо (Мате. XIV, 1); но вѣчное одиночество есть изобрѣтеніе діявола ([1]). Были философы считавшіе высшею мудростію удаленіе отъ общественной жизни; но вѣрнѣе сказалъ Аристотель, что только служеніе являетъ человѣка, каковъ онъ есть; вѣрна и пословица: одинокій человѣкъ или Богъ, или дикое животное. Первое невозможно; остается послѣднее ([2]). Настоящее умерщвленіе страстей не въ пустынѣ, вдали отъ общенія человѣческаго; оставаться въ мірѣ, перенося искушенія отъ людей и отъ діявола, побѣждать злобу міра—не только мужественный, но и христіянскій подвигъ ([3]).

Внѣшняя жизнь христіянина, по идеалу, начертанному Лютеромъ, отмѣчена яркой печатью посредственности; она не налагаетъ тяжкаго креста подражанія Христу, а требуетъ отъ каждаго только безропотнаго исполненія житейскихъ обязанностей того состоянія, въ которомъ онъ родился. Здѣсь нѣтъ ни обузданія плоти постомъ и молитвою, ни упражненія воли смиреніемъ сердца, ни жажды по вѣчности въ скорбной жизни человѣка земнаго. Въ сухомъ, логическомъ остовѣ его ученія о благодати оправдывающей таится зародышъ разъединенія религіи съ жизнію, раздруженія христіянской философіи съ откровенною вѣрою. «Предъ силою вѣры, преобразующей все существо человѣка, исчезаетъ различіе великихъ и ничтожныхъ подвиговъ. Все, выходящее изъ общаго уровня, проведеннаго вѣрой, всякое дѣло, совершаемое безъ прямаго отношенія къ житейскимъ условіямъ, есть мятежъ противъ благодати; если оно касается человѣка плотскаго, то—чистое самоубійство; если человѣка духовнаго,—то пагубное высокомѣріе. Христосъ и Моисей постились 40 дней; мы удивляемся имъ, но не подражаемъ. Христосъ ходилъ по водамъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, но мнѣ не приказалъ дѣлать тоже. Онъ не взялъ жены, ремеслами не занимался. Іоаннъ Креститель жилъ въ пустынѣ и мяса не ѣлъ. А намъ подобаетъ не

(1) Walch, VIII, Объясн. 3 гл. къ Галат. §. 477.
(2) Walch, I, §. 24, p. 1257.
(3) Walch, I. §. 47, p. 1476; Объясн. 22-й гл. Быт. §. 71. p. 2257.

подражать ихъ примѣру, а слѣдовать ихъ повелѣніямъ, указаннымъ въ Словѣ. Богъ, дабы явить силу и мудрость, многое дѣлаетъ вопреки естеству, чрезъ посредство людей, одаренныхъ особенною благодатію и имѣющихъ особенное призваніе; такихъ людей мало. Прочіе, не получившіе избранія, должны прилѣпляться къ одному Слову Божію ([1]). Особенная оригинальность взгляда замѣтна въ толкованіи на книгу Бытія. Въ исчисленіи житейскихъ занятій Авраама, Исаака, Іякова Лютеръ видитъ совершеннѣйшій идеалъ христіянской жизни; отвергаетъ подражаніе Христу, а навязываетъ на каждаго христіянина примѣръ патріярха, занятаго разведеніемъ овецъ, или Ревекки, наполняющей водоносъ водою, или жены Лотовой, задающей кормъ скотинѣ, ведущей ее на пойло, доящей коровы. Эти примѣры онъ постоянно ставитъ въ параллель съ житіями христіянскихъ подвижниковъ и отдаетъ преимущество первымъ. «Св. Писаніе отлично отъ житій Святыхъ. Здѣсь Іеронимъ лежитъ въ пустынѣ на голой землѣ, кладетъ камень подъ изголовье и камнями бьетъ себя въ грудь; тамъ патріярхъ Исаакъ играетъ съ женою. Когда я былъ молодъ, то дивился не мало, какъ слово Божіе описываетъ такія ничтожныя вещи. Не возмущается ли разсудокъ человѣка при мысли, что великій Святой не имѣлъ болѣе духовныхъ занятій? Отъ чего не училъ онъ народа упражняться въ добрыхъ дѣлахъ, ходить въ церковь, слушать обѣдни? Да и великій Павелъ ни о чемъ больше не пишетъ, какъ объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, родителя къ дѣтямъ, господина къ слугамъ. Если бы Апостоламъ пришлось проповѣдывать въ наше время, имъ слѣдовало бы напередъ поучиться въ Университетахъ, заплатить много денегъ, чтобы надѣть докторскіе бареты» ([2]). Можно сказать, что въ этомъ отношеніи Евангеліе какъ будто бы вовсе не подѣйствовало на Лютера, ибо онъ переноситъ свободно

(1) Walch, I Объясн. 19-й гл. Быт. §. 89—91. р. 1837.—III, Объясн. 8-й гл. Исхода, §. 6—7, р. 1193.

(2) Walch, III, Объясн. 26-й гл. Быт. §. 7, р. 612.—29-я гл. Быт. §. 3—4, р. 684.

историческую часть ветхозавѣтнаго повѣствованіи на современныя христіянскія отношенія. Въ примѣрахъ библейскихъ находитъ какъ бы оправданіе всѣмъ человѣческимъ слабостямъ; въ жизни патріярховъ—неизмѣнный образецъ христіянскаго подвига. Говоря о власти, данной Ною надъ всѣми животными, онъ тутъ же рисуетъ роскошную картину пиршества, уставленнаго разными яствами. « Мы—люди слабые; Богъ понималъ нашу слабость и позволилъ употребленіе въ пищу животныхъ. Слово Господне (Быт. IX, 2) устанавливаетъ бойню (bestellct die Fleischbank) и вздѣваетъ на вертелъ зайцевъ, цыплятъ и гусей, украшаетъ и наполняетъ трапезу различными блюдами. Наполнивъ поварню всякаго рода мясами, оно наполняетъ и погребъ, научая человѣка сажать и воздѣлывать виноградныя лозы (1). Главное правило въ жизни: пользоваться всѣми благами, данными Богомъ, но не употреблять ихъ во зло неумѣренностію. И золото, и серебро творенія Божія и, какъ такія, прекрасны. Авраамъ и Іовъ были очень богаты; неужели Францискъ, продавшій имѣніе, чтобы итти по міру за подаяніемъ, умнѣе и лучше ихъ (2)? Князь, съ золотою цѣпію и подъ горностаевымъ плащемъ, только исполняя обязанности своего сана, можетъ терпѣть въ 10 разъ больше нуждъ, чѣмъ Картезіянецъ на деревянныхъ сандаліяхъ и подъ власяницей (3). Нѣтъ грѣха смотрѣть и на женщину, прекрасное твореніе Божіе, но грѣшно возжелать жены, не принадлежащей тебѣ. Не избѣгая какой нибудь вещи, а дѣлая изъ нея хорошее употребленіе, мы притупляемъ жало грѣха (4). Хорошо вести жизнь духовную, но и плотской не слѣдуетъ отказывать въ ея наслажденіяхъ, особенно тѣмъ, которые занимаются важными трудами, страдаютъ сильными искушеніями; у которыхъ заботы отнимаютъ сонъ; такіе люди должны больше пить, для укрѣпленія силъ, потому что вино сотворено веселить сердце

(1) Walch, I, §. 9—12, p. 892, sqq.
(2) Ibid. §. 32. p. 1260.
(3) Walch, VII, Объясн. 7. гл. Матѳ. §. 116, p. 919.
(4) Walch, I. §. 20, p. 1255—I, 24-я гл. Быт. §. 201, p. 2556.

человѣка. Должно всегда хранить серединный путь, не отклоняясь ни вправо, ни влѣво. Свадьбѣ подобаетъ свое торжество; но съ другой стороны ночныя оргіи, изысканность въ платьѣ, игра неумѣренная запрещаются Св. Писаніемъ ([1]).»—Читая эти свидѣтельства, нельзя не привести себѣ на память предсмертной исповѣди Гуса, начертанной подъ вліяніемъ другихъ помышленій, въ смыслѣ житейской мудрости, можетъ быть, менѣе дѣловыхъ, но за то глубже постигающихъ высоту Христіянскаго духа. Лютеръ разрѣшилъ и одобрилъ пляску на свадьбахъ, какъ признакъ веселія, лишь бы только она не сопровождалась непристойными словами, или тѣлодвиженіями ([2]). Онъ любилъ развлеченія, считалъ ихъ необходимымъ дополненіемъ къ жизни и веселое сердце признакомъ спокойной совѣсти. «Должно плакать съ плачущими, но печаль противна Богу; откровенное и веселое сердце Ему угодно (Рим. XIII, 14). Богъ врагъ печали, и любитъ, чтобъ сердце отъ сытости возсылало къ нему хваленіе.» «Богъ въ мимошедшіе роды,»—говорилъ Ап. Павелъ въ Листрѣ народу, собравшемуся принести Ему жертву,—«исполнялъ пищею и веселіемъ сердца наша» (Дѣян. XIV, 17). Это сказано противъ лицемѣровъ, которые мучатъ тѣло свое постомъ до изнуренія силъ, такъ, что дѣлаютъ себя неспособными ко всякой работѣ. Каждый изъ насъ въ призваніи своемъ долженъ имѣть утѣшеніе и знать, что позволено ему заниматься и внѣшними житейскими дѣлами и не вѣчно же находиться въ духовномъ созерцаніи. За столомъ, ты воленъ выбрать груши, или яблоки, пить вино, или пиво, одѣваться въ черное, или бѣлое платье, ходить къ тому, или другому пріятелю. Въ подобныхъ вещахъ, человѣкъ имѣетъ произволъ выбора, и долженъ быть увѣренъ, что и дѣла свободной воли становятся богослуженіемъ, какъ скоро пребываетъ онъ въ вѣрѣ и имѣетъ спокойную совѣсть ([3]).»

---

(1) Walch, I, Объясн. 24-й гл. Быт. §. 223—229, p. 2368—2370.

(2) Walch, III, Объясн. 24-й гл. Быт. § 11. p. 368.

(3) Walch, I, Объясн. 24-й гл. Быт. §. 227 — 20 гл. § 151, p. 2033. 21 гл. часть 1.—1, §. 109, 111, p. 1294 sqq..—Walch, VIII, 5, гл. Галат. §. 279, p. 2760.—XII, §. 2, p. 2471; §. 13, p. 2479.

Таковы были правила, такова и нравственность Лютера. «Когда жилъ я въ монастырѣ,»—говоритъ онъ,—«я былъ по наружности несравненно святѣе теперешняго. Я больше молился, менѣе спалъ, постился и умерщвлялъ свою плоть; словомъ, вся жизнь моя въ глазахъ міра красовалась личиной особенной святости, хотя самъ я считалъ себя отчаяннымъ грѣшникомъ. Теперь же я ѣмъ и одѣваюсь, какъ всѣ, и въ жизни моей ничего особеннаго противъ прочихъ людей незамѣтно. Бывши монахомъ, я дурно проводилъ свое время, губилъ свое здоровье; мало того — я самую совѣсть отяготилъ святодѣйствомъ (Die Werkheiligheit) такъ, что она по сю пору не совсѣмъ еще исцѣлилась отъ немощи. Теперь же я знаю, что одна моя лекція, одинъ ««Отче нашъ»» угоднѣе Богу, нежели всѣ тѣ молитвы, которыя 15 лѣтъ бормоталъ я въ монастырѣ; потому что я знаю, что молитва моя несомнѣнно будетъ услышана; я не нуждаюсь ни въ бдѣніи, ни въ особенномъ постѣ и лишеніяхъ; потому что Богъ далъ мнѣ ангела сатанина со многими искушеніями и тяжкимъ крестомъ на землѣ, отъ которыхъ я больше страдаю, чѣмъ отъ всѣхъ монастырскихъ лишеній» ([1]). Писатели Католической Церкви, старающіеся сколько возможно очернить его нравственность и выказать чувственность его въ самомъ отвратительномъ видѣ, обвиняли его въ преступныхъ связяхъ съ Катериной изъ Бора, будто бы разрѣшившейся отъ бремени черезъ три недѣли по свадьбѣ 10 Іюля, 1525 года, старшимъ сыномъ, Андреемъ ([2]). Критическія изслѣдованія Вальха и

---

(1) Walch, II, Объясн. 29-е гл. Быт. ст. 1—3, §. 16, p. 677.

(2) Генрихъ VIII обвинялъ Лютера въ томъ, что онъ завѣдомо женился на непотребной женщинѣ. Изъ Латинскихъ писателей особенно Энгельгардтъ и за нимъ Даміани говорятъ о Катеринѣ, «quæ jam per duos annos inter studiosos Wittembergenses generis communis erat.» Опроверженіе заключается въ донесеніяхъ Виттембергскаго Совѣта, по которымъ Катерина, послѣ бѣгства изъ монастыря, жила «honeste et in silentio» въ домѣ Фил. Рейхенбаха, въ послѣдствіи Виттембергскаго Бургомистра. О преждевременномъ разрѣшеніи отъ бремени свидѣтельствуетъ Эразмъ въ двухъ письмахъ отъ 6-го Окт., 1525 года къ Мауxену: «pauculis diebus post decantatum hymenæum nova nupta peperist»; и отъ 24 Дек. къ Эверарду: «diebus a decantato hymenæo ferme 14 enixa est nova nupta»; и въ Латинскихъ Застольныхъ рѣчахъ Ребенштока упоминается старшій сынъ Лютера Андрей: «Ego si Andream filium meum virgis non punivissem....»

новѣйшихъ писателей достаточно доказали ложность обвиненія, основаннаго на низкой клеветѣ и недоброжелательствѣ; но нельзя не сознаться, что Лютеръ нерѣдко двусмысленными выраженіями подаетъ справедливый поводъ сомнѣваться въ чистотѣ побужденій, принудившихъ его ко вступленію въ бракъ. Въ Окружномъ посланіи къ Нѣмецкимъ дворянамъ 1520 года онъ писалъ такимъ образомъ: «Не рѣдко встрѣчаешь священника благочестиваго, во всемъ прочемъ безукоризненнаго, имѣвшаго только несчастіе заключить непозволенную связь съ какой нибудь женщиною; если оба они имѣютъ другъ къ другу такую привязанность, что охотно согласились бы навсегда жить вмѣстѣ въ супружеской вѣрности, то эта чета несомнѣнно благословляется Богомъ. Въ такомъ случаѣ, я разрѣшаю имъ совокупиться законнымъ бракомъ, вопреки запрещенію папы. Священникъ не можетъ же обойтись безъ жены, для хозяйства; если нужно ему держать прислужницу для завѣдыванія домомъ, а папа запрещаетъ ему вступленіе въ бракъ, это значитъ прямо подложить подъ солому огонь и запретить ей горѣть. Отъ того папа понесетъ всю отвѣтственность за всѣ грѣхи немощи, происшедшія отъ строгости его уставовъ, за всѣ погибшія души и измученныя совѣсти; впрочемъ, я твердо надѣюсь, что Богъ при послѣднемъ концѣ былъ милостивѣе къ этимъ несчастнымъ, чѣмъ папа при жизни ихъ». Не такъ разсуждалъ Гусъ о высокомъ служеніи священника; онъ считалъ

Но Эразмъ самъ опровергаетъ свое извѣстіе въ письмѣ къ Сильвію отъ 13 Марта 1526: «De conjugio Lutheri certum est de partu maturo sponsæ vanus erat rumor.» Что касается до Застольныхъ рѣчей Ребенштока, то: 1) уже Ф. Вальхъ въ жизни Катерины изъ Бора доказалъ неправильность и недостатокъ критики въ этомъ изданіи; 2) Гизелеръ, въ статьѣ, помѣщенной въ одномъ періодическомъ изданіи, замѣчаетъ правильно, что если бъ у Лютера дѣйствительно былъ сынъ Андрей, то, конечно, объ немъ было бы хотя разъ упомянуто въ многочисленныхъ письмахъ и сочиненіяхъ Лютера, его друзей, и враговъ-современниковъ; между тѣмъ его имя не встрѣчается нигдѣ, даже заклятые враги реформатора: Кохлей, Варильясъ и Боссюетъ, умалчиваютъ объ немъ. Къ тому же въ 1527 году, во время тяжкой болѣзни Лютера, когда онъ не чаялъ остаться живымъ, и онъ, и сама Катерина говорятъ только объ одномъ сынѣ, Іоаннѣ, родившемся 7 Іюня, 1526 года. Подробности см. въ: Die Gesch. Cath. v. Bora, W. Beste, S. 20—21; 45—52.

оскорбительнымъ и предположеніе возможности такого паденія; онъ твердо надѣялся, что его проповѣдники сохранили чистоту жизни во всей строгости исполненія заповѣди о цѣломудріи. Нельзя не замѣтить двусмысленности и въ самомъ поведеніи Лютера, который слишкомъ долго отлагалъ бракъ, хотя чувствовалъ его необходимость; выбиралъ два года невѣсту, а въ 1525 году окончательно рѣшился въ пользу своей нареченной. Въ строгомъ смыслѣ ему, изъ одного уваженія къ собственному доброму имени, не слѣдовало бы писать къ Спалатину (въ день Пасхи 1525 года) въ выраженіяхъ, хотя и шуточныхъ, но едва ли приличныхъ. «На счетъ предположеннаго мною супружества, не удивляйся, что я еще не посягнулъ, при всемъ томъ, что я такой отъявленный женолюбецъ (qui sic famosus sum amator). Еще удивительнѣе, что я, который столько пишу о супружествѣ и такъ часто обращаюсь между женщинами, давно уже самъ не сдѣлался женщиной. (Quod qui toties de conjugio scribo et misceor feminis, quod non jamdudum femina factus sum). Впрочемъ, если требуешь моего примѣра, то вотъ тебѣ самый убѣдительный. Трехъ женъ имѣлъ я въ одно время, и любилъ ихъ такъ сильно, что двухъ уже потерялъ и онѣ пошли за другими женихами. Третью едва придерживаю лѣвой рукой; но вѣроятно, и эту послѣднюю скоро отобьютъ у меня [1]. А ты, лѣнивый охотникъ (segnis amator), не смѣешь жениться и на одной. Берегись, впрочемъ, чтобы я, при всемъ нерасположеніи къ супружеству, не предупредилъ васъ, готовыхъ жениховъ, какъ часто Богъ творитъ негаданное». Латинскіе писатели находили сильное развитіе чувственности и въ выборѣ невѣсты, отличавшейся, по единогласному сказанію современниковъ, чудною красотою, хотя и не въ первой молодости. Лютеръ, противно Гусу, не исключалъ красоты изъ числа побудительныхъ причинъ къ тому или другому супружеству; онъ ссылался на примѣръ патріярха Іякова, который выбралъ Рахиль вмѣсто Ліи; говорилъ, что

---

(1) «Nam tres simul uxores habui, et tam fortiter amavi, ut duas amiserim, quæ alios sponsos accepturæ sunt. Tertiam vix sinistro brachio teneo, et ipsam mox forte mihi præripiendam.» Три жены, конечно, три обѣта: нищеты, послушанія и цѣломудрія.

прекрасное лице есть прекрасное творенiе Божiе, и что плоти позволено вкушать малую каплю чувственнаго наслажденiя ([1]). При объясненiи книги Бытiя, онъ до того вдается въ подробности естественныхъ законовъ организма, что теряетъ изъ виду высокiй характеръ проповѣдника Евангельскаго; подъ конецъ самъ стыдится своей откровенности, предполагающей либо совершенно безстрастiе въ лицѣ говорящемъ и въ слушателяхъ, либо совершенный упадокъ чувства изящнаго въ народѣ, для котораго все это писалось и говорилось ([2]). Соблазнамъ чревоугодiя Лютеръ былъ менѣе доступенъ; но съ особенною любовiю, раскрашивая описанiе пиршества Авраамова и исторiю паденiя Ноя, испытавшаго, какъ онъ говоритъ, не по невѣдѣнiю, а по немощи и съ сознанiемъ послѣдствiй, силу вина, не дѣлаетъ различiя въ качествѣ пищи, позволяетъ все, но съ умѣренностiю, не полагаетъ особенныхъ правилъ равномѣрнаго распредѣленiя поста, потому что самыя естественныя потребности не одинаковы. «Чистому все чисто,»—вотъ главное правило Лютера, а потому за столомъ его мы встрѣчаемъ почти всегда веселую круговину, угощенiе пышное, пищу простую и грубую, наровнѣ со всею изысканностiю лакомыхъ яствъ ([3]). Рожденный въ нищетѣ и лишенiяхъ, онъ отличался врожденной умѣренностiю горнаго жителя, ([4]) но столъ его красился гостепрiимствомъ. Дичь (ferina) была неизмѣнной принадлежностiю всѣхъ свадебныхъ пировъ, имъ устроенныхъ. Нерѣдко для того именно прибѣгалъ онъ къ излишествамъ, чтобы посмѣяться вдоволь надъ монашеской жизнiю ([5]). «Гостепрiимство,»—говорилъ онъ,—«есть дѣло простое, домашнее, но несравненно выше всѣхъ подвиговъ монаховъ и пустынножитiй, выше даже постовъ и суровой жизни Iоанна Крестителя» ([6]). Онъ любилъ вино, какъ истинный

---

(1) Walch, I Объясн. 24-й гл. Быт. §. 201, p. 2556.

(2) Ibid. I, § 155, p. 230 —§. 173, p. 242 —§. 86—87, p. 306.—Walch, XXII, p. 235—236, 262.

(3) Walch, XXII, p. 154—155, 169, 218, 225—230, 233—234, 207 etc.

(4) «Si non habeo carnes et vinum, potero ali pane et aqua. Itaque mea causa nihil volo cuiquam negotii fieri,» пишетъ онъ къ Спалатину. Aurif., Ep. 52, p. 36.

(5) Walch, I Объясн. 18-й гл. §. 96, p. 1745.

(6) Ibid. §. 106, p. 1749.

представитель своего племени, и признавался въ томъ со всею правдивостію настоящаго Нѣмца. Извѣстно двустишіе его, которое такъ понравилось Нѣмцамъ, что обратилось въ пословицу: « Wer nicht liebt Wein, Weib und Sang, bleib ein Narr sein Lebenlang » ([1]). Всегда за веселымъ стаканомъ рождались въ немъ помышленія о величіи Творца, Который всѣ блага міра и между прочимъ драгоцѣнное вино, даровалъ нечестивымъ, Который позволяетъ намъ ѣсть, пить, веселиться и употреблять въ нашу пользу всѣ творенія Божія, ибо на то они созданы, и только требуетъ отъ насъ благодарности ([2]). Набивая погребъ свой бочками вина, приготовленными къ свадьбѣ сестры своей, онъ обнаружилъ опытность знатока, запрещая разливать ихъ въ бутылки, и приговаривалъ: « Гостямъ должно предлагать хорошій напитокъ, чтобъ развеселить ихъ, потому что, какъ гласитъ и Писаніе: ««и вино веселитъ сердце человѣка, и хлѣбъ сердце человѣка укрѣпитъ,»» (Пс. 104, 15) ([3]). Онъ любилъ природу, созерцалъ въ ней премудрость Божію, вздыхалъ объ утраченномъ ею совершенствѣ, когда земля износила всю роскошь растительности на службу человѣка; когда онъ пилъ вино, не растворенное плачемъ, и ѣлъ хлѣбъ безъ труда въ веселіи сердца ([4]). Но видно, что воспоминанія монастырскаго уединенія были въ немъ живы; что они часто набрасывали черный оттѣнокъ на свѣтлыя мгновенія домашняго быта отщепенца, промѣнявшаго тѣсный путь Евангельскихъ заповѣдей на широкую дорогу поклонника міра ([5]). То были преходящія тѣни, налеты унынія, воспитаннаго его отношеніями къ міру и внутреннимъ раздвоеніемъ души его,

(1) Walch, XXII, p. 133, 137.

(2) Walch, XXII, p. 169, 170, 269. — Опускаю свидѣтельства Лютера въ письмахъ, посыланныхъ къ друзьямъ изъ Кобурга во время Аугсбургскаго сейма, въ которыхъ онъ жалуется на искушенія діявола отъ неумѣреннаго употребленія вина. — Walch, XVI, Anhang, Ep. 7, 10—11, p. 2833, 2836, 2838.—См. объ этомъ еще « Наставленіе священникамъ ». Walch, X, 1882—1883.

(3) Walch, XXII, 233—234.

(4) Walch, p. 226—228, 230, 267.

(5) Ibid. p. 269.

которое часто на цѣлые дни повергало его въ припадки отчаянія. Чтобъ разсѣять черную думу, приросшую къ мрачному челу, онъ любилъ веселиться ([1]), наслаждался музыкой, находя въ ней съ избыткомъ ту внутренюю гармонію, которая бѣгала бурной души его. Музыка чуднымъ образомъ усыпляла мятежныя думы этого новаго Саула, который мечталъ видѣть бѣса во плоти, препирался съ нимъ цѣлыя ночи, созерцалъ его тѣлесное присутствіе въ обольстительномъ видѣ Іисуса Распятаго и прогонялъ его только силой молитвы. Самое величавое явленіе ему нечистаго духа было въ Кобургскомъ уединеніи, когда все адское царство, собравшись на Аугсбургскій сеймъ отпраздновать блестящую побѣду надъ Протестантами, прислало и въ Кобургъ *посольство*, приведшее Лютера въ такое смущеніе, что онъ опрометью бѣжалъ изъ горницы, чтобъ только встрѣтиться съ лицемъ человѣческимъ. « Сатана одержалъ надо мной побѣду»,—писалъ онъ оттуда къ Меланхтону въ замѣтномъ разстройствѣ.—« Жду, не дождусь, того времени, когда увижу великую силу и, скажу еще болѣе, недоступное величіе этого духа » ([2]). Чтобъ успокоить встревоженный помыслъ, онъ перелагаетъ на духовную музыку псалмы Давида, и только гармоніей слова Божія отгоняетъ бѣсовскую силу.

Обратимся въ послѣдній разъ на путь, нами пройденный, и спросимъ самихъ себя: который изъ двухъ проповѣдниковъ наиболѣе приблизился къ идеалу служителя Евангельской истины? Въ каждомъ изъ нихъ, по возможности, вылились главныя черты народнаго духа; и тотъ и другой—совершеннѣйшіе представители своего племени. Произнося судъ надъ ними въ отдѣльности, нельзя не коснуться народовъ, участвовавшихъ въ ихъ духовномъ развитіи. Глубокое различіе проводится именно тамъ между Гусомъ и Лютеромъ, гдѣ народность вступаетъ въ права свои; до тѣхъ поръ они идутъ по одной дорогѣ, защищаютъ одну истину, одинакимъ оружіемъ, съ одинакими побужденіями. Но Гусъ,

---

(1) Маттезій говоритъ объ немъ: «Wie denn unser Doctor von Natur gerne zur Gelegenheit fröhlich war, und sahe nicht ungern, dass junge Leute bei ihm in ziemlicher und mässiger Leichtsinnigkeit fröhlich und lustig waren.»

(2) Walch, XVI, Anh. Ep. 7, p. 2832.

призванный на служеніе слову въ народѣ, который, во всѣхъ своихъ многочисленныхъ отрасляхъ, жилъ почти исключительно духовною жизнію и представилъ недосягаемые образцы терпѣнія и вѣры, долженъ былъ стать еще ступенью выше общаго уровня, чтобы вступить въ права патріярха и двигателя народной мысли. Отъ того-то въ XV вѣкѣ, въ исторіи Запада, одинакая личность его рисуется въ сумрачномъ величіи на безцвѣтной почвѣ современнаго міра; испорченное, одичалое человѣчество не могло понести такого величія: оно сгубило благородный цвѣтъ, занесенный на чужую землю, потому что онъ слишкомъ оттѣнялъ безобразіе окружавшихъ плевелъ, и продолжало итти по пробитой дорогѣ, не внимая голосу истины, величаясь побѣдой. И вотъ, черезъ 100 лѣтъ, явился человѣкъ, безспорно, одно изъ величавыхъ орудій Провидѣнія, человѣкъ крѣпости и необычайной, ума проницательнаго, полный любви къ истинѣ и горячаго стремленія къ ея осуществленію, но уже не созерцательный, а страстный, уже не чисто духовный, а плотскій; и міръ, казнившій Гуса, пошелъ въ слѣдъ за Лютеромъ: но мы, одноплеменники Гуса, можемъ болѣе гордиться его гибелью, чѣмъ Нѣмцы торжествомъ своего учителя (1).

(1) Walch, XXII, p. 249.

ГУСЪ и ЛЮТЕРЪ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Евгенія Новикова.

Graeci Bullis non crederent.... Graeci scandalizantur in illo capite.... Non recurrunt ad Papam Graeci, de quibus absit credere, quod singuli sint damnandi.

J. Hus.

Hist. et Monum. Hus. I, fol. 293, 279, 283.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 24-го дня, 1859 года.

Цензоръ А. Драшусовъ.

Изъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1858 — 1859 гг.»

ОТДѢЛЪ II.

ОТНОШЕНІЯ ГУСА И ЛЮТЕРА КЪ СОПЛЕМЕННИКАМЪ.

ГЛАВА I.

Дѣятельность Лютера по отношенію къ государству.

Отъ характеристики Гуса и Лютера прямой переходъ къ рѣшенію другаго вопроса: на сколько выразили они современныя потребности народовъ, среди которыхъ имъ суждено было дѣйствовать; въ какой мѣрѣ соплеменники ихъ отозвались на ихъ проповѣдь, и какіе произошли отъ того слѣдствія для совокупности духовной жизни Европейскаго человѣчества? Здѣсь прежде всего необходимо взглянуть на состояніе вѣры и вѣроисповѣдныя событія Германіи и Чехіи, предшествовавшія дѣятельности двухъ преобразователей. Начинаю съ Германіи, и потомъ уже перехожу къ Славянской половинѣ вопроса, чтобы тѣснѣе связать явленія вѣроисповѣдной жизни у Чеховъ съ ученіемъ Гуса, которое составитъ предметъ разсужденія новаго отдѣла, объ руку съ ученіемъ Лютера.

Реформація Лютера дѣлится на государственную и вѣроисповѣдную, по двоякимъ отношеніямъ Германіи къ папѣ, которыя условливались духовнымъ и свѣтскимъ значеніемъ Римскаго епископа. Весьма важно опредѣлить историческій ходъ тѣхъ событій и основныхъ началъ, которыя предуготовили упадокъ государственной и вѣроисповѣдной свободы Германіи до начала XVI столѣтія.

Римскій епископъ, со временъ Константина Великаго, пріобрѣлъ положеніе самостоятельное, несравнимое ни съ однимъ представителемъ Апостольской Церкви. Съ перенесеніемъ столицы на Востокъ, императоры рѣдко посѣщали Италію; когда же пало владычество цезарей, она осталась временною областію

Византійскихъ царей, заманчивой для Нѣмецкихъ дружинниковъ, стремившихся наперерывъ раздроблять по клочкамъ ея богатое наслѣдіе. Но во всѣхъ столкновеніяхъ Римскихъ туземцевъ съ Нѣмецкими варварами, Римскіе епископы облекались въ великія права спасителей вѣры и упадавшей императорской власти. По мѣрѣ того, какъ вліяніе ихъ утверждалось на Западѣ любовію и довѣріемъ Римскаго народонаселенія областей, покоренныхъ Нѣмцами, росло и государственное ихъ значеніе въ современномъ мірѣ. Оно-то побуждало вождей Нѣмецкихъ дружинъ какъ Клодвига и Ѳеодорика, искать прочнаго союза съ Латинскимъ духовенствомъ. Въ Римѣ, или вообще подъ непосредственнымъ вліяніемъ папы, дикіе куники учились уважать воспоминанія Римской имперіи,—титулы патриціевъ и консуловъ, которые, въ свою очередь, внушали къ нимъ уваженіе въ покоренныхъ Влахахъ, а между тѣмъ ставили ихъ въ зависимость отъ Византіи, обязывая къ личной службѣ императору Греческому. Папа, духовный начальникъ древняго Рима, сталъ связующимъ членомъ между свѣтскою властію новаго и сокрушителями Западной имперіи. Такимъ образомъ въ первые вѣка Христіянства, первенство папы на Западѣ опредѣлилось его двоякимъ характеромъ: духовнымъ и государственнымъ вліяніемъ на Нѣмецкихъ дружинниковъ, и система Константинова управленія, состоявшая въ соподчиненіи Церкви и Государства на одинакихъ правахъ священному лицу императорскому, не могла имѣть приложенія на Западѣ. Напротивъ въ 607 году, императоръ Фока, преемникъ и убійца Маврикія, утвердилъ за Бонифатіемъ III право первенства надъ всѣми епископами цѣлой вселенной. Отъ того Григорія Великаго (590—604 по Р. Х.) Лютеръ называетъ послѣднимъ Римскимъ епископомъ, а преемника его, Сабиніяна (604—606), прямаго предшественника Бонифація III, (606—607) первымъ истиннымъ папою, виновникомъ же возвышенія его — убійцу царя благочестиваго, котораго современники величали Святымъ. (1) Въ 710 году папа Константинъ (708—715) принимаетъ уже какъ почесть, ему подобающую, цѣлованіе ногъ отъ императора Юстиніяна II, но съ каждой новой уступкой росли притязанія папъ. Пришедши въ сознаніе силы своей, папа, почти независимая глава всемірной

(1) Von dem Papstthum zukom, vom Teufel gestiftet, 1545. Walch XVII, §. 50 — 51, S. 1312—1315.

столицы, отдѣлился отъ Византіи, олицетворившей въ себѣ идею царя-повелителя, съ сильнымъ воздѣйствіемъ Азіятскихъ началъ. Римляне и всѣ покоренные Влахи обожали его, какъ заступника; побѣдители Нѣмцы боялись его вліянія на этихъ послѣднихъ, и сами охотно подчинялись глаголу силы, исходившему изъ Рима во всѣ концы Скандинавскаго міра. Григорій II, преемникъ Константина (715—731) съ гордостію писалъ императору Льву Исаврійскому, иконоборцу, что всѣ народы Европейскаго Запада, возвели очи свои на смиреніе его и почитаютъ его Богомъ земнымъ. Въ половинѣ VIII столѣтія папа явился съ готовымъ значеніемъ верховнаго міродержителя всего Христіянскаго Запада. Пипинъ Короткій, отнявъ Экзархіятъ у Лонгобардовъ, на предложеніе возвратить его законному владѣтелю, императору Греческому, отвѣчалъ: «Я поднялъ оружіе не въ поддержаніе человѣческой власти, а во славу св. Петра и въ искупленіе грѣховъ моихъ.» Онъ велѣлъ сложить на алтарѣ верховнаго апостола ключи отъ покоренныхъ городовъ. Сынъ его, Карлъ, поднялся на колѣняхъ по ступенямъ храма въ притворѣ, гдѣ ожидалъ его папа, и утвердилъ за нимъ родительскій даръ. (1) Этотъ послѣдній не былъ слѣдствіемъ личнаго расположенія Каролингскаго дома, а государственною мѣрой, вынужденной великою духовною силою Римскаго епископа, котораго согласіе уже возводило и низводило королей въ государствахъ, основанныхъ на развалинахъ Рима. Не было мгновенія удобнѣе для приведенія въ исполненіе отважнаго замысла, вѣроятно, давно уже созрѣвшаго въ головѣ Римскихъ епископовъ — возстановить западную Римскую имперію. Недоставало только внѣшней законности, чтобы перенести на папу, какъ свѣтскаго владѣтеля Рима, право императорской власти. И вотъ, въ подпору его притязаній, явилось преданіе, неизвѣстно, когда именно составленное, что императоръ Неронъ вручилъ св. Петру верховную власть надъ Римской имперіей и, въ слѣдствіе этого, Константинъ Великій, не смотря на сопротивленіе сената, принужденъ уступить ее папѣ Сильвестру и перенести пребываніе свое на Востокъ, къ чужому народу, отказавшись отъ наслѣдства имперіи. (2)

Это, такъ называемое, вѣно Константина Великаго (dotatio Ecclesiae, или donatio Constantini)—краеугольный камень владычества

(1) Die Römischen Päpste, v. L. Ranke, 1838, I, 20.

(2) Op. et. Mon. Hus. I, f. 225. — Walch, XVIII, О папствѣ въ Римѣ, §. 121. S. 1366.

папы духовнаго и свѣтскаго. Оно дѣйствовало съ неизмѣнною силою во все продолженіе средняго вѣка, обманывая легковѣріе Западнаго человѣчества, принимавшаго его за вдохновеніе свыше. Дѣйствительно, Ѳеодорикъ Уріе, одинъ изъ современниковъ Констанскаго собора, влагаетъ его въ уста самому Спасителю, который будто бы въ небесномъ видѣніи провѣщалъ его Константину Великому. (1) Въ каноническое право оно вошло подъ заглавіемъ: «Dist. 96, c. Constantinus.» Приведу сокращенно его содержаніе, необыкновенно важное по слѣдствіямъ для всей исторіи Запада. Въ легендѣ св. Сильвестра, первосвященствовавшаго въ Римѣ отъ 314 до 336, сказано слѣдующее: «Императоръ Константинъ, на четвертый день по крещеніи, даровалъ епископу Римскому привилегію въ томъ, чтобы всѣ епископы и священники во всей Римской Церкви считали его своею главою, какъ судьи царя.» (2) Въ привилегіи говорится, между прочимъ, отъ лица императора: «Мы разсудили за благо, со всѣми нашими князьями и совѣтомъ, съ владыками и народомъ, подданными нашей имперіи, чтобы, какъ ап. Петръ считается на землѣ намѣстникомъ Сына Божія, такъ и преемники его имѣли бы на землѣ высшую власть и владычество, чѣмъ императорское. Верховнаго же апостола и его намѣстниковъ выбираемъ себѣ заступниками передъ Богомъ. Мы даемъ имъ императорскую власть, почесть, могущество и достоинство, и заповѣдуемъ быть верховными князьями не только надъ четырьмя каѳедрами: Александрійской, Антіохійской, Іерусалимской и Константинопольской, но и надъ всѣми Церквами Божіими во всей вселенной, на Востокъ и Западъ, на Полночь и Полдень, въ Іудеи, Греціи, Азіи, Ѳракіи, Африкѣ, Италіи и другихъ островахъ, св. Сильвестру и всѣмъ его преемникамъ, передаемъ нашъ Латеранскій дворецъ, діадиму и вѣнецъ съ главы нашей, царское ожерелье, червленную хламиду и алую ризу; скипетръ и всѣ знаки царскаго достоинства. Мы заповѣдуемъ ему и преемникамъ его носить императорскій вѣнецъ изъ чистѣйшаго золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, отдавая все таки первенство вѣнцу священническому, носимому во славу св. Петра. Но бѣлую митру, символъ воскресенія Христова, мы своими руками возложили на святѣйшую главу его и въ честь св. Петра

(1) V. d. Hardt, IV, 108—110. — Lenfant, Hist. du conc. de Const. I, 324.
(2) «Ut in toto orbe Pontifices ita hunc caput habeant, sicut judices regem.»

вели лошадь его подъ устцы и исправляли при немъ должность конюшаго. Повелѣваемъ, чтобъ всѣ преемники его употребляли такія же украшенія, когда выѣжжають верхомъ по обычаю царскому, чтобы величіе папскаго сана украсилось большимъ могуществомъ и славой, нежели земная имперія. Предоставляемъ святѣйшему епископу и папѣ дворецъ нашъ, городъ Римъ и всѣ страны, города и урочища въ Италіянской землѣ и далѣе къ Западу, и вручаемъ ихъ управленію его и преемниковъ его, отдавая ихъ въ полную собственность Св. Римской Церкви. Въ слѣдствіе этого мы разсудили за благо перенести на Востокъ имперію нашу и царскую власть, и въ странѣ Византійской, на лучшемъ мѣстѣ, построивъ городъ въ свое имя, основать тамъ свое владычество. Ибо не подобаетъ земному царю повелѣвать на томъ мѣстѣ, гдѣ находится высшій патріархъ и глава Христіянства, установленная небеснымъ царемъ. Въ увѣковѣченіе же повелѣннаго заклинаемъ Богомъ живымъ, приказавшимъ намъ Царство, всѣхъ нашихъ преемниковъ, всѣхъ князей и владыкъ и весь народъ по вселенной, отнынѣ и до вѣка хранить ненарушимо все заповѣданное нами. Нарушители подпадаютъ вѣчному осужденію, гнѣву верховныхъ апостоловъ, Петра и Павла, и будутъ горѣть въ преисподней съ дьяволомъ и ангелами его. Грамоту сію мы подтвердили собственноручною подписью и положили на цѣлебныя мощи св. Петра. Дано въ Римѣ, 30 Марта, 301 года.»

Неизвѣстно, когда внесена эта грамота въ духовное право, но до самой половины XV вѣка она пользовалась общею вѣрою и составляла одинъ изъ существенныхъ догматовъ Западной Церкви. Въ XIV вѣкѣ Дантъ, великій защитникъ императорской власти и противникъ папъ, вѣрилъ безпрекословно въ ея подлинность, хотя и не одобрялъ распоряженія императора. Въ пѣснѣ своей, «Божественной Комедіи», онъ обращается мысленно къ Константину Великому съ такими словами: «О Константинъ! Сколько золъ породило не обращеніе твое, а вѣно, которое получилъ отъ тебя первый богатый папа» (1). Виклефъ вооружался на законность Константинова дара, но не думалъ оспоривать достовѣрности самаго Акта, на которомъ основывались притязанія папы. Въ числѣ 45 статей, осужденныхъ Латинскою Церковію, 33-я: «Silvester Papa et Constantinus Imperator erraverunt, dotando Ecclesiam,» постоянно защи-

(1) «Ahi Constantin, di quanto mal fu matre,
Non la tua conversion, ma quella dote,
Che da te prese il primo ricco patre.»

щаема была Гусомъ. Два раза въ сочиненіи «О Церкви,» разъ въ сочиненіи «Противъ Станислава Зноимскаго,» онъ упоминаетъ о мнимой «dotatio Ecclesiae»; далѣе, на Констанскомъ Соборѣ доказываетъ, что императоръ не имѣлъ права dotare Церковь, и что первенство папы надъ всѣми епископами есть не божественное установленіе, а слѣдствіе распоряженія человѣческаго. (1) Онъ говоритъ преимущественно объ одной только церковной власти первосвященника, и хотя не нападаетъ на подлинность документа, однако подозрѣваетъ подлогъ, какъ видно изъ словъ его: «Папскій декретъ, котораго не отрицаемъ изъ уваженія (quod non possumus prae verecundia negare), впрочемъ, касается и свѣтской власти епископа, которую мнимая «dotatio Ecclesiae,» распространяетъ на всю Западную Римскую имперію.» Приводя слова 63 декреталіи: «Я, Людовикъ, императоръ Римскій, утверждаю за тобою, блаж. Петромъ, верховнымъ апостоломъ, и чрезъ тебя за намѣстникомъ твоимъ, Пасхаліемъ, первосвященникомъ, и всѣми преемниками его, на вѣки власть, дарованную нашими предшественниками надъ Римской державой,» Гусъ прибавляетъ: «Никогда не нуждался Петръ, бывшій тогда наслѣдникомъ царства небеснаго, въ свѣтскомъ владычествѣ Рима, или лучше сказать, никогда Людовикъ не былъ выше Петра, и никогда не имѣлъ больше права на это наслѣдіе, чѣмъ верховный апостолъ. Конечно, Петръ, если бъ была на то воля Божія, сказалъ бы Людовику: ««Я твоего дара не принимаю, потому что, пока я былъ Римскимъ епископомъ, я оставилъ все земное, и отъ Нерона не требовалъ владычества надъ Римомъ; я въ немъ не нуждаюсь, и вижу, что оно много вредитъ моимъ преемникамъ, потому что препятствуетъ имъ въ Евангельской проповѣди, въ молитвѣ и исполненіи заповѣдей, и возбуждаетъ въ нихъ духъ гордости.»» (2) Другой знаменитый современникъ, Герсонъ, разсуждаетъ о томъ же предметѣ довольно подробно. Онъ держится срединнаго мнѣнія между папскими ласкателями и двумя преобразователями, которыхъ ученіе было главнымъ вопросомъ современной жизни. Въ сочиненіи «О духовной власти,» прочтенномъ въ публичномъ засѣданіи Констанцкаго Собора, 6 Февраля, 1417 года, онъ признаетъ законность императорскаго дара, но отвергаетъ господствующее мнѣніе папскихъ софистовъ, что Константинъ въ этомъ случаѣ былъ

(1) Hist. et Mon. Hus. f, 220 на об., 224 на об., 270.
(2) De Ecclesia, I, 224—225.

только орудіемъ непосредственной воли самаго Іисуса Христа. Эта мысль выражается у него такимъ образомъ: «Вотъ что лесть на сладкорѣчивомъ и хитромъ своемъ языкѣ внушаетъ духовнымъ, и особенно папѣ: ««О какъ ваша духовная власть велика и возвышенна! О священный клиръ! Какъ ничтожна въ сравненіи съ нею гражданская! Потому что какъ всякая власть дадеся Христу на небеси и на земли, такъ Христосъ, въ свою очередь, отдалъ ее св. Петру и преемникамъ его, такъ что когда Константинъ принесъ даръ Сильвестру, онъ давалъ не свое, а возвращалъ только несправедливо удержанное. Какъ нѣтъ власти, аще не отъ Бога (Рим. XIII, 1), такъ нѣтъ ни гражданской, ни церковной, ни императорской, ни королевской власти, аще не отъ папы, на бедрѣ котораго самъ Христосъ начерталъ: ««Царь царствующихъ и Господь господствующихъ»» (1 Тим. VI, 15). Пусть назовутъ меня лжецомъ,» — продолжаетъ Герсонъ, — «если всѣ этѣ вещи не написаны, — ясно, людьми, имѣющими притязанія на ученость и мудрость, и нашлись папы, которые повѣрили имъ. Они не отрицаютъ, что свѣтская власть владѣетъ имуществами, собственно ей принадлежащими, которыми папа не можетъ распоряжаться по произволу, и признаютъ, что Константинъ и другіе государи дѣлали новыя приношенія Церкви; но въ тоже время утверждаютъ, что первосвященникъ — верховный властитель ихъ; что онъ получилъ эту власть непосредственно отъ Іисуса Христа, не только въ духовной, но и въ свѣтской области, и что земные цари и владыки получаютъ власть свою непосредственно отъ папы, и посредственно отъ Бога черезъ папу. Но вѣдь были же и прежде апостола Петра законныя правительства между невѣрными, а равно и послѣ него существуютъ теперь государства, ни сколько не получившія власти своей непосредственно отъ папы, какъ Христіанскій король Французскій, который не признаетъ надъ собой ни единой власти на землѣ.» (1) Въ знаменитѣйшемъ своемъ сочиненіи: «De auferibilitatè Papae ab Ecclesia,» Герсонъ отстаиваетъ священную власть императора противъ всѣхъ притязаній папъ, которые, въ своихъ Декреталіяхъ, и особенно въ Клементинахъ, позволили себѣ возмутительныя посягательства на власть императоровъ Римскихъ, (2) хотя въ дѣлахъ государственныхъ

(1) Lenfant, Hist. du conc. de Const. II, 27—28.

(2) «Imperatorum Romanorum injuriosam detractionem et eorum aliorumque potestatis periculosissimam suppressionem.»

не менѣе подобаетъ послушаніе земному владыкѣ, чѣмъ духовному въ дѣлахъ вѣры. «А потому,» — прибавляетъ онъ, — «всѣ ослушники Римскаго императора, нарушая права государственныя, подлежатъ вѣчному осужденію.» (1)

Наконецъ, въ 40-хъ годахъ XV столѣтія, Лаврентій Валла, благородный Римлянинъ, одинъ изъ лучшихъ филологовъ средняго вѣка, обличилъ подлогъ надѣленія (дотаціи) Церкви, въ знаменитомъ твореніи своемъ: «Declamatio de falso credita et emendita Constantini donatione,» изданномъ въ самомъ Римѣ, на зло папѣ и кардиналамъ. Сочиненіе это надѣлало много шуму, но подвергло неустрашимаго критика ужаснымъ гоненіямъ отъ духовенства и ученыхъ собратьевъ. Только покровительство Альфонса Неаполитанскаго, извѣстнаго двигателя просвѣщенія въ Италіи въ XV вѣкѣ, спасло его отъ огненной смерти. Но какъ во второй половинѣ этого вѣка папское начало одержало снова блестящую побѣду надъ стремленіями отдѣльныхъ народностей, то важное открытіе оставалось подъ спудомъ до явленія Лютера. Папы безъ дальняго ссылались на подложную грамоту, и даже Геймбургъ, въ своемъ: «Confutatio primatus Papae» (1446 году), еще раздѣлялъ общее заблужденіе, когда говорилъ, что со временъ папы Сильвестра началась смѣшанная Церковь (incoepit ecclesia mixta). Правда, около того же времени и Николай Кузанскій доказывалъ ложность перенесенія императорской власти съ Грековъ на Нѣмцевъ, но и онъ помрачилъ свою прежнюю дѣятельность постыднымъ отреченіемъ въ пользу папскаго самодержавія. По крайней мѣрѣ, въ Эрфуртскомъ Университетѣ, въ монастырѣ, и подавно Лютеръ смотрѣлъ еще глазами папскихъ историковъ на этотъ вопросъ, давнымъ давно порѣшенный критикой Валлы. Не раньше какъ въ 1516 году, или 1517, познакомился онъ съ сочиненіями противниковъ папства, и въ числѣ прочихъ упоминаетъ объ Валлѣ, хотя неизвѣстно, когда собственно рѣшились сомнѣнія его на счетъ достовѣрности Константинова вѣна. 21 Декабря, 1517 года, въ письмѣ къ Спалатину, онъ ссылается на филологическое толкованіе Эразма и Валлы (2), а въ объясненіи положеній (тезисовъ) называетъ Пико Мирандолу, Лаврентія Валлу, Петра Равенскаго, Веселя, Рейхлина и Іякова Этапльскаго, принужденныхъ отречься отъ мнѣній своихъ предъ

(1) «Et sic de multis contentis in Decretis et Decretalibus post donationem Constantini.» Lenfant, H. du c. de C. II, 287—288.

(2) Aurif. I, Ep. 35, f. 43 обор.

судомъ инквизиціи ([1]). Въ 1519 году, онъ уже рѣшительно отвергалъ вѣно Церкви, какъ видно изъ собственнаго его свидѣтельства въ позднѣйшемъ сочиненіи «О папствѣ въ Римѣ.» ([2]) Но уже въ 1517 или 1518 году (Гагенъ, кон. I тома), изданное Ульрихомъ Гуттеномъ сочиненіе Валлы: «О мнимомъ дарѣ царя Константина,» съ посвященіемъ папѣ Льву X, познакомило всю мыслящую Германію съ этимъ давнимъ открытіемъ. Въ концѣ того же 1519 года, въ отвѣтъ на ложныя статьи ученія, извлеченныя изъ книгъ его богословскими факультетами нѣкоторыхъ Университетовъ, Лютеръ уже выхваляетъ Валлу, какъ мужа необыкновенной учености и твердости духа. ([3]) Въ послѣдствіи, занимаясь и самъ вопросомъ объ отношеніяхъ императора къ папѣ, онъ, во время предположеннаго Павломъ III, но Протестантами отвергнутаго, собора въ Мантуѣ, 1537 года, издалъ Нѣмецкой переводъ Константиновой грамоты, съ опроверженіемъ, въ которомъ снова читаетъ пышную похвалу «dem gelehrten trefflichen Mann, Laurentius Valla.» ([4]) Вопросъ этотъ до самой смерти Лютера оставался предметомъ постоянныхъ занятій его; онъ понималъ всю важность его для отечественнаго дѣеписанія и посвятилъ ему подробное изученіе. — Возвратимся къ исторіи.

При такихъ обстоятельствахъ папа, какъ законный наслѣдникъ Римской имперіи, отданной будто бы Константиномъ Сильвестру, одинъ могъ дать законность притязаніямъ Карла Великаго на права императора. Позднѣе носилось преданіе, непосредственно вытекавшее изъ этого вѣна Церкви, что папа, отъ полноты своей власти, лишилъ Греческую царицу, Ирину, императорской власти и названія, и перевелъ его, по избранію, на короля Нѣмецкаго. Такъ, на примѣръ, говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, лѣтописецъ XII вѣка: «Власть императорская, процвѣтавшая съ великою славою, въ продолженіе многихъ столѣтій, по Константинѣ, въ Греческомъ городѣ Византіи, когда оскудѣло потомство царственной крови, упала такъ низко, что государство, которому, въ цвѣтущую пору, едва доставало трехъ консуловъ,

(1) Walch, XVIII, S. 401.

(2) Walch, XVIII, §. 41, 308. Тамъ Лютеръ говоритъ, (въ 1545 г.) что за 28 лѣтъ онъ принималъ «donationem Constantini» за празднословіе (vergebliche Worte).

(3) Walch, XV, §. 11, S. 1601.

(4) Walch, XVI, S. 2485—2515. — См. еще Walch, X Окружное посланіе къ Нѣм. Дворянамъ, S. 298—372, 10-я статья.

диктаторовъ, или цезарей разомъ, управлялось теперь женской рукою. Когда, въ слѣдствіе этого, со всѣхъ сторонъ возмутители стали нападать на имперію, и почти всѣ царства Европы отъ нея отложились, между тѣмъ окружныя рати подвигались къ столицѣ вселенной и защитника не было, угодно было престолу Апостольскому созвать торжественный соборъ и подвергнуть всеобщему совѣщанію общія нужды всего Христіянства. Тогда-то, единодушнымъ согласіемъ, вѣнецъ Римской имперіи возложенъ на Карла, державнаго короля Франковъ, потому что въ цѣломъ мірѣ не нашлось ему равнаго ни по ревности къ вѣрѣ, ни по славѣ оружія, ни по царственному величію. Такимъ-то образомъ императорскій титулъ перенесенъ отъ Грековъ на Франковъ.» (1)

Изъ этого событія какъ зародыша, развиваются всѣ послѣдующія отношенія Германіи къ папѣ, ведетъ свое начало великая распря Гибелиновъ и Гвельфовъ. Это споръ двухъ народностей, вопросъ жизни и смерти для цѣлаго Европейскаго Запада, потому что дружины Нѣмецкія легли въ основаніе всѣмъ государствамъ, воздвигнутымъ на развалинахъ Римской имперіи. Основываясь на завѣщаніи Константиновомъ, папы дѣйствительно считали всѣ державы Европы своимъ наслѣдіемъ, а всѣхъ государей своими подручниками. Такъ было въ отношеніи Италіи, Англіи, Франціи, Испаніи, особенно при Иннокентіи III. Символомъ личной зависимости королевства обѣихъ Сицилій служило ежегодное приношеніе бѣлаго коня съ серебряной уздою и упряжью. Изъ этихъ коней составлялся торжественный поѣздъ первосвященника въ торжественные дни. Деньга св. Петра или поголовная подать со всѣхъ Англичанъ въ пользу папской казны, составлявшая, по исчисленію современниковъ, ежегодно 9 бочекъ, наполненныхъ золотомъ, была признакомъ леннаго подчиненія Англіи папскому престолу. Лютеръ своими глазами видѣлъ письмо Павла III къ королю Римскому, Фердинанду, и прочимъ Нѣмецкимъ князьямъ, принесенное въ Германію легатомъ Павломъ Вергеріемъ, въ которомъ папа называлъ себя наслѣднымъ и леннымъ владѣтелемъ Англіи. (2) Только ленной зависимостію объясняются отношенія королей Англійскихъ, особенно дома Плантагенетовъ, къ Римскимъ епископамъ. Францію спасла твердость

---

(1) Helmold., Chron. Slavor., ed. Bang. c. III, p. 15—16.
(2) Walch, XVI, §. 17—20, S. 2499—250

Филиппа Красиваго отъ подобныхъ привязаній Бонифація VIII, который не удовольствовался низложеніемъ короля, а объявилъ королевство законною собственностію Римскаго престола и предлагалъ его Нѣмцамъ. Но нигдѣ этотъ споръ, входящій составнымъ элементомъ во всю многосложную исторію Новоевропейскихъ державъ, не могъ проявиться такъ ярко, какъ на Нѣмецкомъ материкѣ, колыбели Германскихъ дружинъ, и на Аппеннинскомъ полуостровѣ, исторической почвѣ Латинства. До сихъ поръ мало обращали вниманія на эту свѣтскую сторону значенія папъ. Вѣковая борьба императора съ папой считалась доселѣ борьбою свѣтскаго начала съ іерократическимъ. Послѣдствія ея несравненно упрощаются для изслѣдователя, когда взглянемъ на нее съ настоящей точки зрѣнія, какъ на борьбу, въ которой духовное значеніе папы участвовало только въ той мѣрѣ, въ какой оно могло подкрѣплять притязанія его, какъ свѣтскаго владыки. Боролись двѣ равныя силы, съ одинакими притязаніями, но не съ равнымъ успѣхомъ, потому что одна изъ нихъ постоянно опиралась на великомъ религіозномъ значеніи своего представителя. Отъ того побѣда рано, или поздно, должна была склониться на сторону папы и оставаться за нимъ до насильственнаго переворота, совершеннаго Лютеромъ. Съ своей стороны Римскіе епископы всевозможно старались войти въ отношенія древнихъ императоровъ и перевести въ убѣжденіе Европейскихъ народовъ великій обманъ, утвержденный на шаткой основѣ Константинова дара. Ученые софисты, Христіянское названіе папы, или «Summus Pontifex,» замѣняли языческой принадлежностью Римскихъ властителей: «Pontifex maximus.» Чтобы сходство было полнѣе, они не говорили: «Папа въ Римѣ,» а «Princeps ad urbem,» т. е., Императоръ въ своемъ царственномъ городѣ. Кардиналы, сначала помощники папы въ церковномъ управленіи, жившіе безвыѣздно въ Римѣ, въ послѣдствіи природные легаты (legati nati) и намѣстники папы въ чужихъ государствахъ, представали живое олицетвореніе Римскихъ проконсуловъ. (1) Крестовые походы несравненно усилили значеніе папы, ибо тутъ соединились въ немъ два величавыхъ характера: главы Христіянства и вмѣстѣ верховнаго вождя Германо-Романов-

---

(1) Walch, XVI, Предисловіе Лютера къ совѣщанію кардиналовъ о преобразованіи Церкви. §. 6, S. 2397, 1.—De Donatione Constantini Magni, §. 25—27, 2502—2503.—Ranke, Die röm. Päpste, II, 31.

скаго міра. Въ XIV столѣтіи всемирные юбилеи, установленные Бонифаціемъ VIII, были продолженіемъ той же идеи. Здѣсь всѣ народы Запада сходились въ державномъ городѣ Римской имперіи и, слагая личныя ненависти, кланялись св. Петру, привратнику царства небеснаго, и вмѣстѣ созерцали намѣстника его въ величіи земнаго царя. «По крайней мѣрѣ,» —говоритъ Лютеръ,— «въ золотой годъ юбилея, когда вся вселенная стекалась въ Римъ, когда отъ тѣсноты въ городѣ погибло много народу, Бонифацій одинъ день сидѣлъ въ тіарѣ и облаченіи папскомъ, другой въ коронѣ, порфирѣ и одѣяніи императорскомъ. Предъ нимъ держали два обнаженныхъ меча, возглашая: «Ecce duo gladii hic.» (1).

Но противъ папской теоріи, опиравшейся на Константиновомъ наслѣдіи, образовалась теорія императорская, защищавшая права Нѣмецкихъ королей, преемниковъ Карла Великаго. Главныя начала обоихъ въ средніе вѣки развиваются въ строгой юридической послѣдовательности, однѣ параллельно другимъ. Несообразность и той и другой заключается въ мнимой возможности воскресить призракъ всемірной монархіи, со властію, сосредоточенной въ лицѣ одного человѣка. Существенное же различіе между обѣими выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) По ученію папскихъ декреталій и законовѣдцевъ, Нѣмецкій король получалъ власть императорскую отъ личнаго произвола папы, какъ вассалъ или ленникъ, а юристы императорскіе признавали его прямымъ и законнымъ ея обладателемъ, по праву завоеванія. 2) Внѣшнимъ символомъ возстановленной имперіи была тройная корона (2), которую папа считалъ себя въ правѣ дарить за извѣстныя условія Нѣмецкимъ государямъ, а они,—возлагать на себя безъ согласія и вѣдома папы, какъ настоящіе дѣдичи Римской имперіи. 3) Папа считалъ неотъемлемымъ правомъ возводить и низлагать императоровъ безъ согласія Нѣмецкаго народа, а потомъ курфирстовъ; въ свою очередь короли старались перевести въ свои руки избраніе папъ, и ничѣмъ столько не гордились, какъ самовластнымъ низложеніемъ первосвященниковъ, законно избранныхъ кардинальской коллегіей. 4) Такъ какъ земли вассаловъ, по ленным законамъ, принадлежали феодальному господину, то папа Германію считалъ своею собственностью. Столь же странны были

(1) Walch, XVI, S. 2497, §. 12.
(2) Королевская Ахенская, желѣзная Ломбардская, золотая императорская въ Римѣ.

притязанія Нѣмецкаго короля на владычество надъ цѣлою Италіею, какъ старшею, коренною областію Римской имперіи.

Я сказалъ, что преданіе о мнимомъ перенесеніи царскаго титула съ Грековъ на Нѣмцевъ, есть первое звено въ великой цѣли обмановъ, которыми Италія въ средніе вѣки опутала Германію. Лютеръ подробно его разбираетъ; любопытно узнать мнѣніе преобразователя, тѣмъ болѣе, что его можно принять за общее выраженіе защитниковъ императорской теоріи; но въ сужденіяхъ должно различить двѣ поры; въ первой онъ еще признаетъ истину преданія, считаетъ императорскій титулъ короля Нѣмецкаго настоящимъ хищеніемъ; во второй — законнымъ пріобрѣтеніемъ по праву завоеванія: «Я знаю,» — писалъ онъ, — и въ окружномъ посланіи къ Карлу V и Нѣмецкимъ дворянамъ, что Римскій дворъ величаетъ услугу, сдѣланную Нѣмцамъ, отнятіемъ Св. Римской имперіи у царя Греческаго, въ пользу Германіи; за какую услугу онъ требуетъ отъ насъ полнаго повиновенія. Но настоящая Римская имперія давно уже разрушена и болѣе не существуетъ, по пророчеству Валаамову: «Изыдутъ изъ рукъ Китійскихъ, и озлобятъ Евреовъ, и сами вкупѣ погибнутъ» (Числ. XXIV, 24). Первый ударъ нанесенъ былъ ей Готами, послѣдній окончательно Турками. Отпали Азія и Африка; отложились Франція и Испанія, возникла Венеція, и ничего не осталось отъ прежняго владычества Рима. Но какъ папа не могъ подчинить своей власти царя Византійскаго, наслѣдственнаго императора Римскаго, то онъ вздумалъ отнять у него и имперію и титулъ, и перенести ихъ на Нѣмцевъ, въ то время воинственный славный народъ (1), чтобы сдѣлаться личнымъ владѣтелемъ завоеванной ими имперіи. Такъ и случилось. У царя Византійскаго отнята она съ титуломъ, который и приписанъ Германіи, и теперь ужь не древняя, а другая имперія, созданная папой на Нѣмцахъ. Римскій престолъ, согласно съ своею системою, занялъ потомственно Римъ, изгналъ Нѣмецкаго короля и обязалъ его клятвою не жить въ этомъ городѣ. Онъ Римскій императоръ, а Римъ не его; за нами титулъ, за папой владычество и города. Онъ употребилъ насъ въ зло, какъ орудіе собственной неправды, какъ исполнителей преступнаго замысла противъ законнаго своего государя; оставляя намъ думать только о себѣ, хотѣлъ сдѣлать насъ своими рабами, а черезъ насъ

(1) «Die zu der Zeit streitbar und gutes geschreireich waren.»

подчинить себѣ міръ весь; лишилъ насъ сокровища свободы и власти, оставляя титулъ и гербъ; самъ кушалъ зерно, а намъ позволялъ играть скорлупами. И такъ, если судьбами Божіими, безъ нашей воли, злыми происками дана намъ имперія, я совѣтую не выпускать ее изъ рукъ, а управлять ею въ страхѣ Божіемъ. Пусть же увидятъ Римляне на самомъ дѣлѣ, что мы ихъ владыки, что мы не даромъ красуемся гербомъ императорскимъ. Если хвалится папа, что онъ далъ намъ царство, то пусть возвратитъ и Римъ и всѣ заграбленныя наши владѣнія: Болонью, Виченцу, Равенну, Анкону, Романьолу, Урбино и др.; пусть откажется отъ титула короля Неаполя и Сициліи; пусть возвратитъ намъ свободу и возстановитъ наше царство, какъ Богъ велѣлъ ему быть. Съ него довольно властвовать въ области вѣры, въ ученіи проповѣди и преподаваніи таинствъ; пусть же императоръ Нѣмецкій останется главою имперіи, правымъ меченосцемъ гражданскимъ.» (1)

Въ послѣдствіи Лютеръ измѣняетъ нѣсколько взглядъ свой. Не оставляя притязаній на Италію, какъ законное наслѣдіе Нѣмецкаго императора, онъ отнимаетъ у папы послѣднее его преимумущество, доказываетъ законность этого титула, не перенесеніемъ съ Грековъ на Нѣмцевъ по волѣ епископа, а правомъ двукратнаго завоеванія до Карла Великаго и при немъ окончательно. «Первое завоеваніе Рима со всею Италіею совершено при Гоноріи Готами; потомъ явились Виниды (Лютеръ хотѣлъ, конечно, сказать Вандалы), за ними Лонгобарды, такъ что Римъ въ продолженіе 100 лѣтъ до четырехъ разъ былъ взятъ и разрушенъ, а Готы и Лонгобарды были народы Нѣмецкіе. Когда такимъ образомъ Римъ сталъ клониться къ упадку и цари Византійскіе не могли вступиться за владѣніе Италіею, занятые и сами безпрерывною бранью съ Готоми, Персами, Сарацинами; когда Германія, Франція и Испанія, отложились отъ Рима, а Италія повиновалась Лонгобардамъ, папа обратился къ могущественному королю Карлу, которому пришлось завоевывать мечемъ Италіянскія области. Какъ же хвалится папа перенесеніемъ имперіи съ Грековъ на Нѣмцевъ? Какъ могъ онъ отдавать, чего самъ не имѣлъ, когда онъ въ Римѣ едва укрывался отъ ярости Лонгобардовъ?

(1) Walch, X, Окр. посл. къ Нѣм. Двор. 11 и 26 ст., S. 298—372. — XVII, О папствѣ въ Римѣ, §. 79, S. 1332; §. 201, S. 1410.

Какъ бы пристало, на примѣръ, мнѣ, проповѣднику Виттембергской общины, подарить Саксонскому курфирсту королевство Чешское, или Польское? Точь въ точь какъ въ новѣйшее время папа Левъ X подарилъ королю Франциску имперію Византійскую. Не будь король себѣ на умѣ и прими неразумный даръ папы, какого соблазну и смѣху не надѣлали бы они съ этой новой имперіей? Карлъ Великій еще задолго до вѣнчанія владѣлъ уже Германіей, Франціей, Ломбардіей; онъ законно принялъ императорскій титулъ на Западѣ, точно такъ, какъ цари Византійскіе сохранили названіе императоровъ Римскихъ на Востокѣ, оставляя Западъ королю Франковъ, потому что потеряли его на войнѣ, и не въ силахъ были возвратить его. Такое дѣленіе имперіи было не новымъ; оно существовало и прежде, при сыновьяхъ Θеодосія, Константина Великаго, при Діоклитіянѣ и Максимиліянѣ, Антоніи и Августѣ, Помпеѣ и Юліи. Оно было утверждено договорами, между Карломъ и Ириной, Никифоромъ и Михаиломъ, какъ пишутъ самые папскіе историки, Платина и прочіе; утверждено и торжественными посольствами въ Византіи и Ахенѣ, съ изъятіемъ изъ договора Венеціи, какъ свободной области, какъ раздѣльной черты между двумя половинами той же имперіи. Къ тому же и Оттонъ III по матери имѣлъ право и на Восточное царство, и папа ни на волосъ не приложилъ къ законности титула императора Римскаго. (1)

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что папа Левъ III, возлагая вѣнецъ на Карла Великаго (въ 800 году по Р. X.), уже основывался на вымышленномъ правѣ лишить царей Греческихъ наслѣдственнаго титула и перевести его на короля Франковъ. Правда, тутъ же сказалось противодѣйствіе въ избираемомъ, который, конечно, не признавалъ за папой этого права, когда говорилъ, что возложеніе на него вѣнца императорскаго совершилось безъ его вѣдома, что онъ не пришелъ бы въ храмъ св. Петра, если бъ зналъ напередъ о намѣреніи папы. Но передъ Западной Европой уже то было велико, что Карлъ преклонилъ строптивое чело свое предъ Римскимъ епископомъ. И въ самомъ дѣлѣ, папы до позднѣйшихъ временъ не переставали напоминать Нѣмецкой землѣ о мнимомъ благодѣяніи своемъ и побуждать ее къ

---

(1) Walch, XVII, О папствѣ въ Римѣ, §. 210—213 S. 1416—1419.—XVIII, Возраженіе на Аннія Витербскаго, §. 7—10, S. 251—253.

благодарности. До вступленія на престолъ Франконскаго дома, императоры постоянно удерживаютъ первенство превосходствомъ матеріяльной силы. До Генриха IV они дѣйствуютъ наступательно, стараются о дѣйствительномъ утвержденіи власти своей надъ Италіею. «За 500 лѣтъ до нашихъ временъ,» — писалъ Лютеръ къ Мантуанскому собору,—«наши Нѣмецкіе императоры и Саксонскіе герцоги, Оттоны и Генрихи, владѣли Римомъ и Италіею, возводили и низлагали папъ, отдавали въ лены епископства, какъ свидѣтельствуютъ дѣеписанія, пока Бонифацій VIII, Іоаннъ XXII и Бенедиктъ XII, не заняли окончательно Рима и не отмѣнили совѣта (1). При сыновьяхъ Людовика Кроткаго Римляне присягали въ вѣрности императору и папѣ. (2) Карломанъ завоевалъ корону Италіи и возложилъ на себя безъ согласія папы. Генрихъ I отвергъ помазаніе папой, какъ обрядъ ненужный. Высшая степень величія императорской власти при Оттонѣ В, соотвѣтствуетъ глубокому паденію папства въ половинѣ X вѣка. Оттонъ I хотѣлъ утвердить свою власть на одинакихъ началахъ съ Византійскимъ самодержавіемъ, въ которомъ духовная власть, наравнѣ съ свѣтскою, служила лицу императорскому. Отсюда стремленіе Оттона II къ подражанію Греціи и родственныя связи его съ императорскимъ домомъ. Въ Оттонѣ III оживаетъ въ послѣдній разъ идеалъ императора въ классическомъ значеніи этого слова. Онъ до конца своей жизни мечталъ о возстановленіи старинной имперіи со всѣми формами ея древняго устройства; почти безвыѣздно живя въ Римѣ, хотѣлъ утвердить его снова столицей всемірной монархіи. Весьма замѣчательно привѣтствіе его королю Польскому, Болеславу Храброму, во время странствованія на богомолье къ мощамъ св. Войтѣха. Онъ назвалъ его, по свидѣтельству Мартина Галла, другомъ и союзникомъ Римскаго народа (populi Romani amicum et socium), прилагая старинныя воспоминанія Римской республики къ измѣнившимся формамъ феодальныхъ отношеній. Сильнѣйшее проявленіе личности императора, въ противоположность къ идеи папскаго единодержавія, видимъ въ Генрихѣ III, который смѣнялъ папъ по желанію, и въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ въ Германіи принималъ смиренныя посольства отъ Римскаго народа. Со временъ

(1) Walch, XVII, §. 8, S. 2495.
(2) Ullman I, S. 182.

Григорія VII, побѣда въ послѣднихъ своихъ итогахъ склоняется на сторону папы. Отселѣ во всѣхъ отношеніяхъ императора къ папѣ, либо прямо выходитъ на сцену идея ленности Нѣмецкой имперіи, либо повторяются основныя начала папской теоріи, приложенныя къ системѣ дѣйствія его относительно Нѣмцевъ. Мы помнимъ, что весь Нѣмецкій народъ приложился къ перунамъ Григорія VII, изрекшаго приговоръ отлученія на невѣрнаго вассала—лучшее доказательство, какъ сильно утвердилось въ немъ сознаніе истины папской теоріи, въ слѣдствіе которой, борьба императора съ папой, какъ ленника съ феодальнымъ владѣльцемъ, считалась незаконною. Коносская сцена была первымъ, унизительнымъ актомъ не столько іерархической, сколько феодальной, драмы, которая отселѣ разыгрывается между обоими. Другая, подобная ей, проходила черезъ сто лѣтъ послѣ первой, между Фридрихомъ I и Александромъ III. Барбароссу можно назвать послѣднимъ великимъ заступникомъ императорской власти въ Нѣмецкой землѣ. Но время безпокойствъ, произведенныхъ Арнольдомъ изъ Бресчіи, когда Римляне вздумали возстановить республику и отказали въ повиновеніи императору и папѣ, Фридрихъ, является въ Италію и, по обычаю древнихъ тріумфаторовъ, готовится къ торжественному въѣзду. Въ перепискѣ съ Адріяномъ IV онъ постоянно ставитъ имя свое впереди папскаго и касается стариннаго вопроса о первенствѣ императорской власти. «Во времена Константина,» — писалъ онъ, — «имѣлъ ли папа Сильвестръ царскія принадлежности? Не самъ ли императоръ, по доброй волѣ и милости, даровалъ Церкви всѣ преимущества, которыми она владѣетъ? — Но на свиданіи въ Венеціи, униженный старикъ, пораженный проклятіемъ, ложится на землю на площади св. Марка и молитъ о прощеніи, а папа, передъ цѣлымъ народомъ, наступаетъ ему на выю, приговаривая: «На аспида и василиска наступиши.» — «Non tibi, sed Petro,» — возглашаетъ Фридрихъ, поверженный во прахѣ; «Я смиряюсь не предъ тобою, а предъ св. Петромъ,» — и папа снова повторяетъ поруганіе, сказавши: «Et mihi et Petro.» Кровавыми чертами залегла эта сцена въ патріотическомъ сердцѣ Лютера; (1) онъ говоритъ объ ней съ омерзѣніемъ. Для насъ въ этомъ дѣйствіи важнѣе всего участіе ленной идеи; возложеніе ноги на выю

(1) Walch, Предисловіе Лютера на книгу подъ заглавіемъ: «Вѣроломство папъ, Адріана IV и Александра III, противъ императора Фридриха Барбароссы, S. 2445 — 2481.— Walch, XII, §. 21, S. 904.

было одной изъ узаконенныхъ формулъ дарованія лены вассалу. Еще горестнѣе была третья сцена — казнь Конрадина, послѣдней отрасли благородной, но несчастной, династіи Швабской. Она приготовлена была цѣлымъ рядомъ униженій, претерпѣнныхъ Германіею отъ двухъ Иннокентіевъ и Григорія IX. Лютеръ съ горестію воспоминаетъ о ней въ такихъ выраженіяхъ: «Климентъ IV дошелъ до того, что публичню казнилъ смертію благородную кровь Конрадина, послѣдняго Швабскаго герцога и наслѣдника короля Неаполитанскаго.» (1) Это было третьимъ, самымъ полновластнымъ, актомъ леннаго владѣльца, въ слѣдствіе котораго нарушеніе феодальныхъ обязательствъ наказывалось смертію.

Съ паденіемъ Гогенштауфеновъ затихла великая распря Гибелиновъ и Гвельфовъ; Германія надолго утратила благородное равновѣсіе въ отношеніи къ Риму. Еще въ 1246 году Иннокентій IV писалъ къ Нѣмецкимъ князьямъ, послѣ Монскаго собора, на которомъ низложенъ Фридрихъ II: «Повелѣваемъ немедленно выбрать единогласно въ короли Римскіе возлюбленнаго сына нашего, ландграфа Тюрингскаго» (2). Въ 1279 Николай III говорилъ прямо, что Римская Церковь украсила Германію, насаждая въ ней князей, какъ избранныя деревья (3). Въ XIII вѣкѣ папы не скрывали уже своихъ притязаній на право ленныхъ владѣльцевъ цѣлой Германіи, и сознаніе этого права выражается въ ихъ декреталіяхъ. Первымъ въ ряду этихъ папъ стоитъ Бонифацій, творецъ особеннаго разряда декреталій, подъ названіемъ «Sextus,» между прочимъ и буллы «Unam sanctam,» гдѣ онъ объясняетъ объемъ своей власти, сравнивая себя съ солнцемъ, а императора съ луной: «Во сколько разъ солнце больше луны, во столько разъ папа выше царя,» т. е, въ 47 разъ, по точному исчисленію буллы. (4) Климентъ V, достойный преемникъ Бонифація VIII, обнародовалъ на Віеннскомъ, по Латинскому счету, 15-мъ вселенскомъ соборѣ другой разрядъ декреталій, названныхъ, по имени его, Клементинами. Въ одной изъ нихъ: «Pastoralis,» онъ признаетъ себя настоящимъ владѣтелемъ Римской имперіи по власти, данной ему непосредственно І. Христомъ, и

---

(1) Walch, XVII, о Папствѣ въ Римѣ, §. 28, S. 1295.

(2) Ranke, D. Gesch. im Zeitalter der Reformation, I, 40.

(3) «Romana Ecclesia Germaniam decoravit, plantans in ea principes tanquam arbores electas.» Ranke, I, 42.

(4) О Папствѣ въ Римѣ, Walch, XVII, §. 74, S. 1329.

утверждаетъ за собой право отдавать, кому хочетъ ея упразднившійся престолъ (1). Этѣ начала, утвежденныя каноническимъ правомъ, приведены въ дѣйствіе преемникомъ Климента, Іоанномъ XVII, который, вмѣшательствомъ въ дѣла Нѣмецкой имперіи, оскорбилъ глубоко народную честь и вызвалъ первое противодѣйства Нѣмецкихъ князей. Въ 1319 году онъ писалъ въ Германію, что управленіе, судопроизводство, админисртація Римской имперіи, когда упразднится престолъ ея, принадлежитъ ему, а въ 1323 году объявилъ избраніе Людовика Баварскаго по тому недѣйствительнымъ, что оно не одобрено Апостольскимъ престоломъ, которому принадлежитъ, какъ извѣстно, испытаніе, одобреніе, допущеніе, а равно утвержденіе и отрицаніе выбора и лица выбраннаго. (2) Усилія, которыхъ преемники Рудольфа Габсбургскаго не щадили для полученія имперской короны, ничего существенно не прибавлявшей ко власти ихъ, унизительныя путешествія въ Римъ, между тѣмъ какъ папа пребывалъ въ Авиньонѣ, ясно показываютъ, что они молча признали себя вассалами папы. Ленныя отношенія ихъ выражались и во внѣшнихъ обрядахъ: императоръ сидѣлъ у ногъ папы, присягалъ ему въ вѣрности, подставлялъ ему стремя, пфальцграфъ Баварскій велъ мула за его за устцы. (3) Обычай цѣлованія ногъ есть скорѣе принадлежность его царственной власти, чѣмъ привилегія первосвященника: онъ имѣетъ отношеніе къ Восточному обряду поклоненія (adoratio), введенному впервые Діоклитіяномъ въ Римской церемоніалъ. — Такъ смотритъ на всѣ этѣ формулы Лютеръ, который прямо выводитъ ихъ отъ вымышленнаго вѣна Церкви, гдѣ Константинъ вмѣняетъ преемникамъ Сильвестра въ строгую обязанность соблюденіе всѣхъ принадлежностей императорской власти, важныхъ по мысли, въ нихъ выражаемой. (4) «Они (т. е., папы),»—

(1) О причинѣ сожженія каноническаго права. Walch, XV, ст. 20 и 21, S. 1934—1935;— X, Окр. посл. къ Двор. Нѣм. земли, ст. 10; XVI §. 32—33, S. 2376;—XVII, §. 11, S. 868.

(2) Ranke, ibid., S. 45.

(3) Walch, X, Окр. посл. къ Дворянамъ, 9 ст.—XVI, Басня о вѣнѣ Константина, §. 16, S. 2493.

(4) «Diadema et corona capitis nostri, simul Phrygium, nec non humerale, videlicet lorum, quod imperiale circumdare solet collum.... Chlamys purpurea, tunica coccinea et omnia imperialia indumenta.... et dignitas imperialium praesidentium equitum.... et omnis processio imperialis culminis.... diversa officia cubiculariorum et hostiriarum atque omnium concubitorum.... cuncta signa (знамена) et humeralia.» Священниковъ же Римской Церкви Константинъ возводитъ въ достоинство Римскихъ сенаторовъ и окружаетъ ихъ вооруженною свитою, повелѣвая имъ «in mappulis

говоритъ Лютеръ, — «охотно оставили бы Нѣмецкую имперію безъ государя, чтобы самимъ возсѣсть на престолъ ея. Нерѣдко старались перевести императорскій титулъ съ Германіи на Францію, чтобы и съ Французскимъ королемъ начать туже комедію. Потому что даръ Константина сперва опъянилъ ихъ, какъ сладкое вино, а потомъ лишилъ ихъ разсудка, какъ горькій ядъ; отсюда неистовое, безумное стремленіе къ Римской имперіи. Пустыми именами и титулами они впились, какъ когтями, въ наше отечество, утвердили права свои вѣнчаніемъ и помазаніемъ; похитители ленъ, убійцы царей, они, Нѣмецкой кровію и деньгами, старались привлечь къ себѣ власть и перевести въ свои руки избраніе. А то забыли наши властители, что они не нуждались въ помазаніи папскомъ, чтобъ быть императорами, что Людовикъ III, Конрадъ I, Генрихъ I, Конрадъ II, Рудольфъ, Максимиліянъ, обошлись безъ него и все же царствовали со славой. Когда папы находились въ опасности, они на собственный счетъ приходили на помощь имъ и Италіи, а папы, достойные наслѣдники цареубійцы Фоки, въ возмездіе за эти услуги, принуждали преклонять предъ ними колѣна, цѣловать ихъ ноги, попирали ихъ выи, преслѣдовали мечемъ и проклятіемъ, отнимали у нихъ города и земли, торговали помазаніемъ, губили отравой, наущали дѣтей на родителей, ругались надъ ними, какъ надъ безумными, смѣялись въ кулакъ, награбленное расточали съ блудницами и гермафродитами.» Эти горькіе упреки вызваны въ Лютерѣ цѣлымъ сонмомъ историческихъ воспоминаній, которыхъ безъименные дѣятели слишкомъ извѣстны своими страданіями. Считаютъ нѣкоторые, что съ тѣхъ поръ, какъ возвысились папы, за нихъ пролилась кровь 1,100,000 благородныхъ Нѣмцевъ, другіе считаютъ больше. «Хорошо! Если правда, что Константинъ отдалъ папѣ цѣлый Западъ, то есть, лучшую половину Римской имперіи, то отъ чего же онъ не потребовалъ ея оффиціально, почему не владѣлъ ею цѣлыхъ 12 столѣтій? Отъ чего и до сихъ поръ папа не пишется въ грамотахъ королемъ Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи, Угріи, Чехіи, Польши, Даніи, а за моремъ Африки, Нумидіи, а равно и Германіи, ибо всѣ эти земли

---

et linteaminibus equos equitare. Et sicut noster Senatus, calceamentis utitur, cum udonibus, candidissimo linteamine illustrent.» Все писано такимъ ломанымъ Латинскимъ языкомъ, что Лютеру стыдно переводить его по Нѣмецки.

принадлежали же къ древней Западной Римской имперіи? Не видать ли здѣсь осязательной лжи, обличаемой 12 вѣками протекшей жизни и теперь еще слишкомъ ярко бросающейся на глаза.» (1)

XV столѣтіе, во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ обратное шествіе Нѣмецкаго народа на пути гражданственности и образованія. Имперія повинуется тремъ государямъ, Церковь тремъ папамъ. Отдѣльныя стремленія и выгоды сословій берутъ верхъ надъ единствомъ народнымъ. Въ великихъ церковныхъ соборахъ этого вѣка Германія играетъ жалкую роль. Лютеръ, Гуттенъ и другіе патріоты заклеймили презрѣніемъ представителей Нѣмецкихъ на Констанцкомъ соборѣ, согласившихся быть палачами осужденнаго Гуса. Французскіе доктора изрекли приговоръ, — Сигизмундъ и Людовикъ Баварскій взялись исполнить его, а Нѣмецкіе воины съ неистовою ревностію жарили сердце Чешскаго мученика. Мартинъ V обманулъ довѣренность Нѣмецкаго народа, заключившаго съ нимъ конкордаты, въ ожиданіи обѣщаннаго черезъ пять лѣтъ преобразованія; онъ сулилъ уменьшеніе аннатовъ, ограниченіе индульгенціонной продажи и числа кардиналовъ, а съ него-то начинаются именно вопіющія злоупотребленія куріи. Крестовыми буллами Мартинъ воздвигаетъ цѣлыя народонаселенія въ Германіи противъ непобѣдимыхъ Таборитовъ; онѣ идутъ неохотно, предвидя постыдное бѣгство, но повинуются деспоту. «Папа,» — говоритъ Лютеръ, — «послѣ Констанцкаго собора, отплатилъ мастерски за столѣтнія усилія преобразованія Церкви. Тутъ-то началось его тиранство и симонія; онъ грабитъ церкви, монастыри и пребенды; продаетъ отпуски, благодать Христа, Духа Святаго; предаетъ, губитъ, смущаетъ императоровъ и королей, проливаетъ кровь, убиваетъ душу и тѣло. По дѣломъ намъ, Нѣмцамъ, за то, что мы вздумали преобразовать Церковь на этомъ соборѣ! Повторите игрушку, и вмѣсто семи діяволовъ, возсядутъ, если есть мѣсто, 77 легіоновъ.» (2) Когда Базельскій Соборъ, вступая въ отношеніе Констанцкаго, хотѣлъ продолжать его направленіе, открылась роковая минута освободить Германію отъ Римскаго вліянія, выместить на Италіи ея вѣковыя обиды. Но такъ узки

(1) Walch, XVII, О Папствѣ въ Римѣ, §. 123, S. 1365; §. 214 — 216, S. 1419 — 1421; — XVI, De donat. Const. §. 19, S. 2300; — XVII, §. 59—60, S. 1319; — XVI, Warnung an seine lieben Deutschen, §. 68, S. 1998; — XVI, §. 7, S. 2494.

(2) Walch, XXII, c. 4, §. 74, S. 309. — Walch, XVI, §. 199, S. 2749 — 2750.

и своекорыстны были виды Нѣмецкихъ властителей, такъ сильно разъединеніе выгодъ народныхъ съ правительственными, что Германія не воспользовалась своимъ положеніемъ: она объявила себя не вмѣшивающеюся. Тщетны были усилія Базельскаго собора вывести ее изъ пагубнаго невмѣшательства; къ довершенію соблазна Евгеній IV, въ стѣсненномъ своемъ положеніи, позволилъ себѣ неслыханное нарушеніе народнаго права: отставилъ курфирстовъ Майнца и Трира, о чемъ никогда не смѣлъ и подумать ни одинъ императоръ. Германія получила только скудное обезпеченіе народныхъ правъ, въ, такъ называемыхъ, Concordata nationis Germanicae; но еще во второй половинѣ XV вѣка возможенъ былъ для нея грубый подмѣнъ Ашаффенбургскаго договора. Унизительными условіями примиренія Фридриха III съ папой Николаемъ V, Каликстъ III объявилъ прямо, что папская власть не можетъ стѣсняться никакими условіями, что онъ только изъ милости оставляетъ Нѣмцамъ ихъ конкордаты. (1) Въ это время глубокаго паденія Нѣмецкой народности являются мужи, предтечи лучшаго будущаго, первые возвышающіе голосъ въ пользу угнетенной родины. Но попытки ихъ тщетны. Всѣ они падаютъ жертвами безвременныхъ усилій, которыхъ не въ состояніи постигнуть ослѣпленныя массы. Величайшій изъ нихъ, безспорно, Григорій Геймбургъ, Нюренбергскій великій синдикъ. Суровая прямота патріота столкнулась съ двуличностію Италіянскаго прелата, отступника на папскомъ престолѣ, Енея Сильвія. Въ спорѣ Геймбурга съ Піемъ II въ послѣдній разъ выразились опредѣленно коренныя начала враждебныхъ теорій, которыхъ борьба проходитъ черезъ средніе вѣки. На жалобу Майнцкаго канцлера, Мартина Мейера, что Римляне истощаютъ Германію сборомъ аннатовъ, Пій отвѣчалъ оффиціяльною фразою, что Нѣмцы обязаны безропотно переносить эту тягость въ возмездіе за великую услугу, оказанную имъ папами, присвоеніемъ императорской власти и титула; что они, по милости Римскаго престола, изъ варварскаго племени стали просвѣщеннымъ народомъ, и раздвинулись предѣлы ихъ царства. Мейеръ отвѣчалъ ему памятной рѣчью, въ которой говорилъ, что Нѣмецкій народъ, столь нѣкогда славный, что мужествомъ и кровію своею купилъ себѣ Римскую имперію и сталъ владыкой вселенной, теперь погруженъ въ нищету, обра

(1) Ullmann, I, 195—196.

щенъ въ служебность и данничество (dienend unt tributpflichtig worden) и уже много лѣтъ оплакиваетъ свою бѣдность и бѣдствіе. «Но теперь князья наши проснулись отъ глубокаго сна, и готовы «сбросить съ себя застарѣлое иго.» Лютеръ упоминаетъ два раза объ этой перепискѣ, въ отвѣтѣ на сочиненіе Аннія Витербскаго, и въ разсужденіи о Папствѣ. (1) Геймбургъ, мужъ Нѣмецкаго противодѣйствія (оппозиціи), по выраженію Ранке; Лютеръ до Лютера, по выраженію Ульмана, первый обозрѣлъ историческій вопросъ постепеннаго подчиненія Германіи папѣ, обозрѣлъ его съ точки зрѣнія Гибелина, коснулся и мнимаго первенства папы въ Апостольской Церкви, но только по личнымъ своимъ отношеніямъ, когда ему нужно было отстоять авторитетъ Вселенскаго собора. Самое торжественное мгновеніе въ жизни его послѣдовало въ Римѣ, когда, во главѣ посольства, отправленнаго къ папѣ Евгенію, по случаю низложенія курфирстовъ, онъ, у самаго подножія Ватикана, изливался въ тысячи проклятій на Римскую курію, въ худозрачной одеждѣ, съ обнаженной шеей, съ открытой и сѣдою головою, босыми ногами, шелъ одинъ на перекоръ лукавой куріи (2), и въ лице папы заступался съ неслыханною дерзостію за народную честь. Въ его опроверженіи первенства папы (3) почти слово въ слово повторяются мысли патріотическихъ сочиненій Лютера. Таже мощная насмѣшка надъ декреталіями, таже, или еще большая, послѣдовательность въ разборѣ событій отечественной исторіи. Но еще, незнакомый съ открытіемъ Валлы, Геймбургъ вѣритъ вѣну Константина. Если самый крѣпкій представитель народной славы не могъ отрѣшиться отъ общаго повѣрья средняго вѣка; если онъ оспоривалъ въ немъ не критическую достовѣрность, а только незаконность произвольнаго вымысла мнимаго завѣщателя, то видно, какъ сильно оно дѣйствовало въ массѣ народной въ половинѣ XV вѣка. Геймбургъ умеръ въ изгнаніи, брошенный всѣми, нашедши благосклонный пріемъ только на чужбинѣ, у Чешскаго короля, Подѣбрада, который лучше умѣлъ оцѣнить его, нежели собственные соплеменники. Пій II побѣдилъ; обманами, подлогами, подкупами онъ успѣлъ подавить начатки возрождавшейся Нѣмецкой свободы. Папство Иннокентія VIII вѣчно останется памятнымъ для Нѣмецкой земли, послѣднею

(1) Walch, XVIII, §. 9, S. 252;—XVII, §. 55, S. 131f. — Ullmann, I, 214.
(2) Ranke, D. Gesch. I, 48.
(3) См. объ немъ Ульманна, I, 215—229.

страшной побѣдой, введеніемъ въ нее инквизиціи безъ всякаго протеста со стороны народа, запуганнаго вѣковымъ рабствомъ. При Максимиліянѣ, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія, продолжается, большею частію, безъ перемѣны стѣсненное положеніе Германіи. Въ сравненіи съ Франціею, его сопротивленіе слабо и бездушно; онъ выдалъ Рейхлина, покрылся стыдомъ на Пизскомъ соборѣ, въ продажѣ отпусковъ Тецелемъ хранилъ упорное молчаніе. Но подросталъ уже въ то время великій дѣятель Нѣмецкой народности, который поднялъ и вынесъ на плечахъ тяжелую ношу Романскаго ига и, ставъ твердой ногой на Нѣмецкую почву, прогремѣлъ народу могучее слово освобожденія.

Любопытно знать, до какой степени простиралось владычество папы надъ Германіею, и въ какихъ главныхъ видахъ оно выражалось. Степень подданства опредѣляется вполнѣ духовнымъ характеромъ первосвященника и свѣтскимъ леннаго владѣльца; а потому не удивительно, что буллой Иннокентія VIII, по выраженію современнаго памятника, Римскій епископъ поставленъ верховнымъ законодателемъ не только надъ вѣрой, но и надъ имѣніемъ, честію и жизнію Нѣмецкаго народа, преданнаго въ беззащитную жертву ковчегу папскаго сердца, объявленнаго внѣ силы законовъ (vogelfrei), и подвергнутаго рабству болѣе тяжкому, нежели Турецкое иго.» Въ другомъ памятникѣ, относящемся къ 1521 году, читаемъ: «Германія въ старину была свободна; а теперь болѣе нежели во дни старыхъ Римлянъ записана въ крѣпость Италіи и платитъ ей дань.» (1) Лютеръ съ негодованіемъ отзывался объ этомъ странномъ порядкѣ вещей. Пародируя заказный стиль Римской куріи, въ которомъ часто текстамъ Евангельскимъ давалось произвольное значеніе, онъ пишетъ такъ: «Гдѣ писаніе гласитъ о вѣрѣ и словѣ Божіемъ, разумѣть должно владычество папы и нашу темницу. Слово (Рим. I, 17): «Праведникъ живъ будетъ отъ вѣры,» значитъ: Папа владыка надъ всѣми (Іоан. I, 14). «Слово плоть бысть»—Папа всѣмъ завладѣлъ, и «вселися въ ны,»—и мы стали рабами его душею и тѣломъ, со всѣмъ имуществомъ и честію.» Въ другомъ мѣстѣ, возвращаясь къ преданію о перенесеніи имперіи съ Востока на Западъ, замѣчаетъ: «Хотя мы дѣятельно и не участвовали въ похищеніи папъ, но все же пролитіемъ крови, притѣсненіемъ свободы, лишеніемъ

(1) Ullmann, I, 214.

собственности, къ сожалѣнію, слишкомъ дорого купили имперію. Мы имѣемъ названіе, а папа владѣетъ нашимъ имѣніемъ и честію, душею и тѣломъ и всѣмъ, что только можемъ назвать своимъ.» ([1]) Въ средніе вѣки, когда право собственности получило свое освященіе, только въ силу ленныхъ обязательствъ, сравненіе папы съ солнцемъ, а императора съ луною, вынесено было изъ самой дѣйствительности, ибо какъ мѣсяцъ заимствуетъ свѣтъ свой отъ солнца, такъ Нѣмецкій король, по теоріи папской, заимствовалъ право владѣнія отъ Римскаго первосвященника. «Папа,» — говоритъ Лютеръ, — «воскресивъ въ лицѣ своемъ Римскую имперію, подчинилъ себѣ дикое, неукротимое Нѣмецкое племя и сталъ повелителемъ надъ императоромъ. И вотъ Св. Церковь, вмѣсто ризы Христовой, облечена въ царскую багряницу, которая снова процвѣла на плечахъ первосвященника. Она опирается не на Евангеліи, а на власти гражданской, на воинственной бранной имперіи. До сихъ поръ раздается побѣдная пѣснь Папистовъ: ««Внѣ Церкви нѣтъ свѣтской власти.»» Отъ того имперія прослыла Святою, а Церковь, облеченная въ ложную славу искуственно созданной монархіи, обитаетъ въ сердцѣ ея въ страшномъ и униженномъ образѣ.» ([2]) За мнимое первенство въ ряду Христіянскихъ народовъ, за привилегію императоровъ называться природными заступниками (адвокатами) Церкви, Германія заплатила и государственной и вѣроисповѣдной свободой до явленія Лютера. Въ Италіи укоренился обычай считать ее исконною подручницею, младшей сестрою, поднимать на смѣхъ простодушіе Нѣмцевъ, называть ихъ безумными варварами (bestiae et barbari). Только чувство оскорбленнаго самолюбія могло внушить Лютеру нѣсколько дикихъ выраженій, вложенныхъ въ уста первосвященнику: «Кто не кланяется моимъ изверженіямъ, не цѣлуетъ ногъ моихъ, осуждается на вѣчную гибель.» Это слово понятно только въ устахъ раздраженнаго Нѣмца, понесшаго за народъ свой стыдъ и горе его униженія. ([3]) За то Италія смотрѣла тревожно на первыя искры пробуждавшагося въ Нѣмцахъ народнаго самосознанія. Когда Раймундъ Пейральдъ воротился въ Римъ, нагру-

(1) Walch, XVII, §. 162, S. 1282; — X, 26 сг. Окружн. посланіе къ Нѣм. дворянамъ.

(2) Walch, IV Объясн. 22 Пс. §. 264—265, S. 1774 flg.

(3) «Wer nicht meine Füsse küsset, wer nicht meinen Forz anbetet, und.... mich nicht im Hintern lecken wollte, das wäre eine Todsünde und tiefe Hölle. Walch, XVII О Папствѣ въ Римѣ, §. 137—138, S. 1371.

женный Нѣмецкими деньгами, кардиналы спросили его въ Консисторіи: «Что говорятъ объ насъ эти варвары, когда мы посылаемъ къ нимъ продавцевъ индульгенцій?»—«Весь міръ жалуется на расточительность кардиналовъ,»—отвѣчалъ умный легатъ, — «и если вы не одумаетесь, худо будетъ Республикѣ.» Кардиналы пожали плечами. «Ты самъ распускаешь худую славу объ нашей коллегіи,» — возразилъ одинъ голосъ, — «великолѣпіемъ твоей прислуги и поѣзда.» (3) Первый вызовъ брошенный Лютеромъ на почву Италіи, когда онъ еще благоговѣлъ предъ папой, относился къ софистамъ; онъ брался доказать имъ, что Нѣмецкіе варвары и сами уже навострились; что они готовы раскусить любой Италіянской орѣхъ; что не вѣкъ же Италіи смѣяться надъ Нѣмцами. «Германцевъ, великодушный народъ, называютъ они бестіями и варварами, недостойными пожирать изверженія папы, какъ говорятъ объ Италіянцѣ Кампанѣ, который на возвратномъ пути изъ Германіи остановился на границахъ отечества и раздѣвшись до нага, обернулся спиною къ Нѣмецкой землѣ, приговаривая: «Aspice me datas barbara terra nates!» Въ 1545 году Лютеръ ревнуетъ противъ козней папы, не допускавшаго созванія мѣстнаго собора въ Германіи. Въ комическомъ разговорѣ между обоими представляются снова измѣнившіяся отношенія между Нѣмецкой землей и Италіей. «Нѣтъ!»— говоритъ папа, выслушавъ объясненіе собесѣдника о смыслѣ евангельскихъ словъ: «Паси овцы моя,»—«я не такъ разумѣю эту обязанность.»—«А какъ же, liebes Jungfräulein Päbstlein?» — «Я разумѣю ее такъ,»—говоритъ Павелъ III, —«чтобы во имя св. Петра наводить ужасъ на царей и на міръ весь, наложить на нихъ служебное иго, чтобы мнѣ возстановить старинную имперію въ большемъ величіи, чѣмъ при Августѣ, или Тиверіи; чтобы мнѣ называться повелителемъ Римскимъ, какъ внушали мнѣ пророки мои.» — «Ha, ha, ha, bon profacit, miser porco,»—взываетъ Лютеръ съ негодованіемъ. — «Ужь не считаешь ли ты насъ до того глупыми, что мы станемъ вѣрить вашимъ обманамъ?» — «Ахъ братецъ,» — отвѣчаетъ папа, — «лучше править животными, нежели быть подъ ихъ властію.» — «Слыхалъ ли ты, что кто хочетъ ловить Христіянскія души, долженъ учиться говорить съ ними по Христіянски.» — «А васъ, бестій Нѣмецкихъ, мы держимъ на привязи легковѣріемъ вашимъ и

(1) Изъ безыменнаго сочинителя предисловія къ сочиненію Алльяко: «De emendatione Ecclesiae» у Вальха, XV, S. 243.

водимъ васъ за носъ, словно медвѣдей, продѣвши имъ въ ноздри кольцо, чтобы вы опять не переросли насъ головами и не вздумали потѣшаться надъ нами, какъ нѣкогда предки ваши, Лонгобарды и Готы, и нѣкоторые изъ императоровъ вашихъ.» — Здѣсь слышимъ дальніе отзвуки прошедшей славы Оттоновъ и Генриховъ, смѣнившейся мрачными картинами униженія народнаго. Но въ заключеніе раздается голосъ ревниваго Гибелина, ограждающаго цѣльность императорскихъ правъ исполненіемъ правосудія надъ строптивыми подданными. «Будь я императоромъ, я привязалъ бы на свору народъ, именуемый папой и кардиналами, со всею ихъ челядью; повелъ бы его къ Остіи, за три мили пути отъ города Рима, аможе не хощетъ; тамъ есть небольшая водица: Тиррейское море, цѣлебный источникъ противъ язвы и пагубы, и противъ святости папской; я погрузилъ бы ихъ въ эту баню.» (1).

Отношенія Германіи къ папѣ были двоякія: правительственныя и денежныя. Свѣтскимъ значеніемъ папы опредѣлялись: 1) переводъ ленъ государства Нѣмецкаго въ руки Италіянскихъ прелатовъ; 2) покупка епископской мантіи (pallium). Духовнымъ: 1) Аннаты; 2) продажа индульгенцій, молочныхъ и масляныхъ писемъ и пр.

«Для утвержденія власти своей надъ Германіей,» — говоритъ Лютеръ,—«папа включилъ духовныхъ своихъ, трехъ могущественнѣйшихъ Нѣмецкихъ епископовъ, въ число избирателей Римской имперіи.» (2) Это соединеніе духовной власти съ гражданскою, при всей внутренней несообразности, вытекаетъ естественно изъ главной мысли, лежащей въ основаніи великому подлогу Константинова дара. Въ самомъ дѣлѣ, Альбрехтъ, кардиналъ-пресвитеръ св. Римской имперіи, примасъ Германіи по Магдебургской епархіи, служащій обѣдню въ Аугсбургскомъ Соборѣ (Августа, 1518 года) подъ красною кардинальною шапкою, а потомъ засѣдающій въ собраніи курфирстовъ въ качествѣ Майнцкаго владѣтельнаго князя, представляетъ въ миньятюрѣ явленіе, тождественное съ Бонифаціемъ VIII, который на Римскомъ юбилеѣ попеременно являлся народу въ папской тіарѣ и императорской мантіи. Въ старину, когда папская теорія еще не утвердилась окончательно

---

(1) Walch, XVII, О Папствѣ въ Римѣ, §. 179—180, S. 1395—1397.
(2) Walch, IV, S. 1774 flg.

признаніемъ большинства Нѣмецкаго народа, король, какъ начальникъ дружины, какъ единственный владѣтель поземельной собственности, одинъ имѣлъ право облекать духовныя лица въ званіе свѣтскихъ владѣльцевъ, т. е., вводить того, или другаго епископа во владѣніе леной; это право называлось инвеститурою, и выражалось въ видимыхъ знакахъ сообщенія жезла, или перстня. Естественно, что король дорожилъ этимъ правомъ, ибо въ немъ выражалась полнота его власти, какъ леннаго владѣльца цѣлой Германіи. Инвеститура, переходя въ руки папы, утверждала за нимъ право распоряжаться земельной собственностію, раздавать лены, а это право принадлежало одному императору. Вынужденное согласіе короля служило осязательнымъ символомъ отреченія его отъ правъ императорскихъ, переходившихъ тѣмъ самымъ къ Римскому первосвященнику. Когда, съ теченіемъ времени, наслѣдственность свѣтскихъ владѣтелей ленъ, почти совершенно изгладила коренной законъ формальнаго быта и сохранились только внѣшнія формы ленной зависимости отъ императора, избирательность духовныхъ князей имперіи соблюдала неприкосновенность феодальнаго права, олицетворенннаго въ папѣ. Избраніе духовныхъ владѣтелей зависѣло исключительно отъ мѣстной капитулы подъ непосредственнымъ распоряженіемъ папы; между тѣмъ они управляли своими владѣніями со всѣмъ полномочіемъ свѣтскихъ; стало быть, огромная половина Германіи въ послѣдней инстанціи зависѣла отъ папы, который могъ одобрять, или отвергать рѣшеніе капитулы. Отсюда понятно, что кардиналъ, легатъ Ѳома де Віо, на Аугсбургскомъ сеймѣ, не обинуясь, называетъ Альбрехта папскимъ курфирстомъ [1]. Евгеній IV, отставляя курфирстовъ Кельна и Трира, Пій II, низлагая Дитера Изенбурга, избирателя Майнцкаго, не выступали изъ законныхъ предѣловъ своей власти. Утвержденіе новыхъ епископовъ по смерти предшественника совершалось присылкою палліума изъ Рима. «Палліумъ,» — говоритъ Лютеръ, — «не что иное, какъ пеньковая или полотняная лента, вытканная, или шитая, въ видѣ креста, длинными концами, спускающаяся спереди и сзади епископской ризы, шириною въ три пальца, цѣною въ 7 пфеннинговъ, вещь, кажется, не дорогая. Папа святитъ ее надъ

(1) Донесеніе Якова Маклія, императорскаго совѣтника, объ инвеститурѣ Майнцкаго кардинала, у Вальха, XV, 647.

гробомъ верховныхъ апостоловъ, а потомъ продаетъ епископамъ, одному дороже другаго, смотря по обширности и богатству епархій, отъ 3 до 30,000 гульденовъ. Папа Левъ II велѣлъ ставить епископовъ даромъ, и король Людовикъ, причтенный Римскою Церковію къ лику святыхъ, указомъ подтвердилъ его запрещеніе. Прежніе папы довольствовались безденежной присылкою паллія, какъ внѣшнимъ знакомъ первенства надъ всѣми епископами. Теперь листъ перевернутъ: омофоръ покупается за дорогую цѣну, и епископъ страшными клятвами кабалитъ себя папѣ въ вѣчное рабство. Майнцкая каѳедра платила въ старину только 10,000 гульденовъ за посвященіе епископа. Теперь платитъ отъ 26 до 30,000 гульд.; до такой степени вздорожала въ Римѣ пенька. Въ наше время архіепископъ Іяковъ не прежде получилъ омофоръ, какъ заплативши 27,000. Умирая по прошествіи четырехъ лѣтъ, онъ плакалъ не столько о себѣ, сколько о бѣдномъ народѣ, на котораго снова падетъ обязанность выручать преемника его, Уріила, кровными деньгами. Въ послѣднее время Майнцкіе митрополиты смѣнялись такъ быстро, что въ продолженіе 30 лѣтъ одна ихъ епархія внесла 175,000 гульденовъ. (1) Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи папы поступали законно въ смыслѣ средневѣковой теоріи; будь палліумъ только признакомъ священнаго сана, онъ бы не продавался такъ дорого, но въ настоящемъ положеніи вещей онъ былъ символомъ инвеституры; его цѣнность оплачивалась духовною леною, во владѣніе которой, по закону Григорія VII, нельзя было войти епископу, не получивши его, какъ видимаго знака утвержденія власти. Стало быть, папа, отдавая лену, ему лично принадлежавшую, имѣлъ полное право, по феодальнымъ законамъ, требовать должнаго вознагражденія, точно такъ, какъ ленныя обязательства, въ отношеніи къ свѣтскому владѣльцу, выплачивались узаконенной службой.

Но, кромѣ трехъ духовныхъ курфирстовъ, которыхъ власть исходила отъ папы непосредственно, Германія покрыта была множествомъ духовныхъ владѣній (со свѣтскою властію), болѣе, или менѣе значительныхъ епископствъ, аббатствъ, пріоратствъ, монастырей, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ пребендъ, прела-

(1) Walch, XVII, О Папствѣ въ Римѣ, §. 203—204, S. 1412—1413; XVI, Замѣч. М. Л. на мнимый эдиктъ императорскій, §. 62, S. 2057.—XVII, Wider Hans Worst, §. 104, S. 1705.—«Gravamina nationis Germanicae. На Аугсбургскомъ Сеймѣ 1518, Walch, XV, 551—552; — X, Окружн. послан. къ Нѣм. дворянамъ.

туръ и т. д. Всѣ онѣ, по старинному Нѣмецкому праву, числились ленами или непосредственно Римской имперіи, или, при меньшей значительности, мѣстныхъ курфиршествъ и княжествъ, въ предѣлахъ которыхъ лежали владѣнія ихъ. А такъ какъ избраніе лицъ, завѣдывавшихъ ими, зависѣло также отъ предварительнаго назначенія капитулы и верховнаго рѣшенія папы, то могло бы случиться, что и онѣ перешли бы въ полное распоряженіе куріи, и тогда Германія, въ буквальномъ значеніи этого слова, обратилась бы въ великое помѣстье Римскаго первосвященника. Но здѣсь имѣли мѣсто другія отношенія, которыя сдерживали вліяніе Рима. Выборъ капитулы зависѣлъ, нѣкоторымъ образомъ, отъ мѣстнаго князя; природнаго покровителя или патрона епископства (2); при опасеніи заговора со стороны избираемаго, или вообще при законномъ на него подозрѣніи, (3) онъ могъ протестовать противъ выбора, но не предлагать своего кандидата. Противодѣйствіе свѣтскихъ владѣльцевъ Германіи, при безгласной покорности папѣ Университетовъ, духовныхъ курфирстовъ, большею частію и самаго императора, было единственной преградой стремленію папы— наложить на Германію иго служебности. Глава имперіи по тому уже былъ природнымъ союзникомъ Рима, какъ доказывалъ Еней Сильвій Фридриху III, что только согласіемъ папы онъ могъ получить утвержденіе своего права. Въ самомъ дѣлѣ, при совершенномъ упадкѣ императорской власти, всякое сильное проявленіе личности во владыкѣ имперіи, основанное на фантастическомъ правѣ владѣть ея поземельною собственностію, тотчасъ обнаруживало всю несостоятельность его притязаній, въ сравненіи съ болѣе существенной властію первосвященника. Такъ Фридрихъ побѣдоносный, не получая отъ императора утвержденія въ санѣ курфирста, удовольствовался согласіемъ папы и мимо перваго присвоилъ себѣ всѣ преимущества этого сана. Совершенно въ другихъ отношеніяхъ находились къ папѣ курфирсты и прочіе князья имперіи. Они, настоящіе землевладѣльцы, переводили огромный перевѣсъ силы на его сторону, когда покорствовали его повелѣ-

---

(2) «Consuetudo est, ut principi terrae annuntiari debeat mors Praelati defuncti et ejus consensus requiri — quod electio aliter attentata est inefficax,» См. Churf Joh. Fr. zu Sachsen, Schrieft wider Julian Pflug, Walch, XVII, §. 62, S. 180.

(3) «Si princeps terrae vult excipere contra electum, quod timet de conjuratione seu reveratione secretorum vel de nocivis consiliis.... quod hoc facere possit. Hoc dictum bene notandum cum, saepe accidat in practica.»

ніямъ; съ другой стороны, поддерживая выгоды императорской власти, они все же уравновѣшивали вліяніе трехъ митрополій, за немногими исключеніями въ XV вѣкѣ (Бертольдъ Геннегаусскій, Дитеръ Изенбургскій), всегда послушныхъ чадъ Римской Церкви. Отсюда усилія папы постоянно направлены были на ослабленіе власти свѣтскихъ курфирстовъ. Освобожденіе духовныхъ имѣній отъ зависимости мѣстныхъ князей было лучшимъ средствомъ подорвать могущество этихъ послѣднихъ. Мало по малу владѣтели самыхъ незначительныхъ духовныхъ имѣній въ предѣлахъ обширныхъ владѣній свѣтскаго вѣдомства пріобрѣтали самостоятельность, выставляли подложныя грамоты въ доказательство правъ на званіе непосредственныхъ ленниковъ Римской имперіи. Ихъ власть простиралась на всѣ духовныя и свѣтскія отношенія подданныхъ, на города и замки, на сборъ податей и доходовъ, словомъ, на всѣ отрасли государственнаго управленія. Эти оазисы приносили неизчислимый во всѣхъ отношеніяхъ вредъ верховному, владѣтельному князю, который видѣлъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ опасными лазутчиками и агентами Рима, безъ всякой возможности избавиться отъ тягостной опеки. Духовное судопроизводство, перенесенное въ область гражданскую, наложенное на людей и ремесленниковъ, людей, чуждыхъ церковному вѣдомству, служило источникомъ соблазна, незаконныхъ поборовъ, проволочекъ при перенесеніи въ верховную инстанцію Рима, приводило въ презрѣніе туземное законодательство, ослабляло внутреннія связи подданства между народомъ и верховною властію враждебнымъ вмѣшательствомъ папы. — «Скажите,» — взываетъ Лютеръ, въ «Окружномъ посланіи къ дворянамъ», — «ужь не сдѣлались ли мы въ самомъ дѣлѣ Римлянами? Епископы проданы въ безгласную неволю Римскому папѣ, сидятъ на престолѣ своемъ, какъ голыя цифры; владѣнія ихъ управляются при дворѣ папскомъ. Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ 1520 году Страсбургскій епископъ задумалъ преобразовать богослуженіе въ своей епархіи. По доносу священниковъ, верховный пастырь овецъ Христовыхъ низлагаетъ его; въ силу законовъ Божественныхъ, оправдываетъ непослушаніе священниковъ ихъ собственному епископу. Довольны ли вы, друзья мои Нѣмцы? Папа пришелся вамъ по сердцу!» (1)

(1) Окружн. посл. къ дворянамъ.—Объясн. 8 Пс. въ проповѣди, говоренной 1545 г. въ Межиборѣ, V, §. 26—315, S. 56—368.

Въ такомъ положенiи находилась Германiя въ послѣдней половинѣ XV вѣка. Стѣсненiе гражданскаго права исключительностiю церковнаго управленiя было первымъ шагомъ къ расхищенiю духовныхъ имуществъ въ Нѣмецкой землѣ: 1) Содержанiе папскаго двора поглощало огромныя суммы, которыхъ не въ силахъ была выставлять истощенная Италiя. Лютеръ говорилъ, что если бы уменьшить его 99-ю частями, то и тутъ бы осталось довольно для рѣшенiя относительно вѣры; теперь же папскихъ пiявокъ развелось такъ много въ Римѣ, что едва ли и Вавилонъ представлялъ когда либо подобное зрѣлище. Однихъ писцовъ слишкомъ 3000; кому перечесть остальныхъ, когда количество самыхъ чиновъ становится накладнымъ для памяти. Весь этотъ народъ ждетъ уже ленъ Нѣмецкаго государства, какъ воронъ крови.» — Коллегiя кардиналовъ, поддерживавшихъ достоинство своего сана восточнымъ великолѣпiемъ, ложилась невыносимою тяжестiю на весь Христiянскiй Западъ. Лютеръ предлагаетъ себѣ вопросъ: «Какое положенiе въ Церкви занимаетъ народъ, называемый кардиналами?» Отвѣтъ его стоитъ вниманiя. «Италiя и Германiя имѣютъ много богатыхъ монастырей, приходовъ и ленъ; не нашли же лучшаго средства перевести доходы ихъ въ Римъ, какъ создать Коллегiю и вручить ей въ полную собственность епископства, монастыри, прелатуры. Италiя уже вся опустѣла, обители разорены, епископства поглощены, доходы съ церквей руками кардиналовъ перешли въ Римъ, города въ упадкѣ, богослуженiе и проповѣдь не существуютъ. Опустѣли базилики верховныхъ апостоловъ; монастырь св. Агнесы, въ которомъ прежде 150 инокинь получали дневное пропитанiе, теперь не имѣетъ ни одной. Опустѣли, какъ праздныя житницы, великолѣпныя церкви Панкратiя и Севастiана и страннопрiимницы не приглашающiя уже ни одного пришельца подъ кровъ свой. Теперь сидятъ тамъ по два бѣлыхъ монаха и за шесть червонцевъ исправляютъ ежедневно продажную службу. Доходитъ очередь до нашей Германiи, и она скоро сравняется съ старшей сестрою. И у насъ завелись кардиналы. Пьяные Нѣмцы не поймутъ притязанiй Римлянъ, пока не останется у нихъ ни одного епископства, храма и монастыря. Антихристъ, по слову Даниила Пророка (XI, 8, 39, 43), привлечетъ къ себѣ сокровища вселенной. Пробство Вюрцбургское платитъ въ годъ 1000 гульденовъ (черезъ 25 лѣтъ уже втрое), Бамбергское, Майнцкое, Трирское и того больше. При

такомъ хозяйствѣ можно собрать по 10,000 гульденовъ кардиналамъ на брата, и они будутъ жить въ Римѣ богатыми цариками. Дайте срокъ! Мы надѣлаемъ ихъ въ день по 30, по 40; въ одно прекрасное утро Майнцъ, Магдебургъ, Гальберштадтъ отойдутъ къ Риму. А тамъ, пожалуй, и на всѣхъ епископовъ своихъ надѣнемъ красныя шапки, чтобы взятки были съ нихъ гладки. Мой совѣтъ,»—продолжаетъ Лютеръ послѣ этой патріотической выходки,—«поменьше создавать кардиналовъ, или навязать содержаніе ихъ на папскую шею. 12 было бы слишкомъ довольно (и каждому по 1000 гульд.), а еще бы лучше ни одного.» (1)

На какихъ главныхъ основаніяхъ совершалось присвоеніе ленъ Нѣмецкой имперіи Италіянскимъ прелатамъ, о томъ вѣрныя свѣдѣнія даютъ намъ современные памятники, акты государственныхъ сеймовъ, а больше всего посланія Лютера къ императору Карлу и Нѣмецкимъ дворянамъ. Правительственныя отношенія между Германіей и Римомъ въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ ихъ Лютеръ, опредѣлены были Ашаффенбургскими, или Вѣнскими, конкордатами. Въ концѣ XV вѣка безчисленныя нарушенія ихъ со стороны папы вызвали сначала робкое, потомъ уже болѣе выдержанное, противодѣйствіе имперскихъ сеймовъ. Вотъ какъ говоритъ о томъ Эргардъ изъ Марки, Люттихскій епископъ и князь Нѣмецкой имперіи, въ посланіи къ Максимиліяну I и членамъ Аугсбургскаго сейма въ 1518 году: «Французское духовенство, немедленно послѣ Базельскаго Собора, внесло извѣстныя положенія, согласныя съ увѣреніями Св. Отцевъ, въ особую книгу, утвержденную Карломъ VII, подъ именемъ прагматической санкціи На основаніи этой послѣдней, она въ началѣ каждаго мѣсяца, раздаетъ упразднившіяся духовныя лены Французскаго королевства людямъ, законно избраннымъ на основаніи духовнаго права. Всѣмъ извѣстно, какъ раздаются тамъ бенефиціи и какой вѣсъ имѣетъ голосъ папы при этой раздачѣ. Если лучшіе Университеты Европы, между прочимъ Богословскій Факультетъ Парижскаго, утвердили согласіемъ своимъ этотъ способъ раздачи, то конечно и императоръ и князья имперіи могли безъ зазрѣнія перенять его у Французовъ. Папа и боялся, чтобы тогда же похвальный обычай не перешелъ и въ Германію; онъ поспѣшилъ

(1) Walch, X, Окр. посл. къ двор.—XVI Замѣч. на императ. эдиктъ, §. 58, S. 2054—2055.—XVII, О Папствѣ въ Римѣ, §. 37, S. 1302—1303.—II, Объясн. 25 гл. Быт., ст. 31—51, §. 241, S. 154.

отправить къ Фридриху III Іоанна Легата a latere и діякона св. Ангела, и тогда же положены были условія, клятвенно утвержденныя съ обѣихъ сторонъ, по которымъ Нѣмецкій народъ, хотя не менѣе Французскаго оказалъ услугъ Римской Церкви, но довольствовался поочередной раздачей духовныхъ имѣній. И хотя Нѣмцы свято хранили свои обязательства, но всѣмъ извѣстно, какъ вѣрна имъ осталась Римская курія. Выходцы ада, люди, называющіеся куртизанами папы, и днемъ и ночью заняты мыслію разстроить каноническое избраніе, грабить деньги у варваровъ Нѣмцевъ.» (1) Поочередная же раздача состояла въ томъ, что годъ раздѣленъ между папой и правительствующими епископами Нѣмецкой земли: шесть мѣсяцовъ въ году папа могъ раздавать по желанію упразднившіяся Нѣмецкія лены; а которыя однажды ввалились въ Италію, тѣ никогда не выходили изъ нея на свѣтъ Божій, хотя бы становились свободными и не въ папскіе мѣсяцы. (2)

«Но Римская жадность,» — продолжаетъ Лютеръ, — «не могла дождаться времени, когда папскими мѣсяцами всѣ лены, одна за другой, спокойно перешли бы въ собственность Рима; она придумала особыя уловки и случаи, когда лены по закону должны усвояться Римскому престолу.

1) Лена, которой владѣтель умираетъ въ Римѣ, или еще на дорогѣ, обращается въ вѣчную собственность папскаго престола. 2) Тоже бываетъ, когда владѣльцу свободной лены случится быть папскому, или кардинальскому, челядинцу. Ну кто жь теперь въ состояніи перечесть всю папскую челядь? Когда папа выѣзжаетъ прогуливаться, вокругъ его красуются три, или четыре, тысячи наѣздниковъ. 3) Третій способъ перехватывать лены — когда возникнетъ объ нихъ въ Римѣ малѣйшая распря. Гдѣ даже нѣтъ спору, отыщутся подлыя твари, которыя выроютъ его изъ земли.

Въ случаѣ болѣзни, или престарѣлости, свободнаго ленника, Римскій престолъ отъ себя, безъ согласія его, назначаетъ ему коадьютора, руками котораго лена переходитъ во владѣніе Рима, вопреки праву владѣльца избирать себѣ преемника. Есть другое словцо: «Commendae,» когда папа предписываетъ кардиналу блюсти богатый монастырь, или церковь. Это не значитъ отдавать его въ

(1) Изъ «Kappens Nachlese nützlicher Reformationsurkunden», II, 409, перепечатано у Вальха XV, S. 566 flg. Жалобы Нѣм. народа на Аусгбург. Сеймѣ.

(2) Лютеръ въ окружномъ посланіи.

лену, или на откупъ, а на храненіе; храненіе же состоитъ въ томъ, что лице, которому папа поручилъ монастырь, получаетъ съ него всѣ доходы мимо законныхъ владѣльцевъ, сажаетъ въ него бѣглыхъ монаховъ, которые днемъ сидятъ въ церкви и продаютъ образа богомольцамъ; за то служеніе въ храмѣ навсегда прекращается. Такихъ обителей въ годъ папа можетъ отнять четыре и больше; съ каждой изъ нихъ доходу по 6000 гульденовъ. Примѣры видимъ и въ Нѣмецкой землѣ, когда коммендами храбрые ловцы и плуты (Geldschneider), какъ истые потомки Нимрода, вылавливаютъ цѣлые монастыри, кананикаты, пребенды, простыя приходскія церкви, и оставляютъ овецъ безъ пастырей. Далѣе лены, которыя по духовному праву не могутъ сосредоточиться во власти одного человѣка, на пр., два прихода, двѣ епархіи, сплавляются, прихотію папы, и изъ несовмѣстимыхъ (incompatibilia) дѣлаются incorporati, т. е., привязываются на одну свору и считаются тогда за одну. 22 прихода, 8 аббатствъ, 44 лены, составляютъ не рѣдко скудную долю одного куртизана. Какой ни будь булочникъ, или поваръ, удостоившійся чести прислуживать въ папской поварнѣ; грубый, неотесанный челядинецъ, также способный къ чтенію или служенію, какъ дикій лотанъ, соединяетъ въ рукахъ своихъ больше приходовъ, чѣмъ настоящій ученый, испытанный въ вѣрѣ, священникъ. У папы въ запасѣ еще одно благородное средство: это мысленная оговорка (pastoralis reservatio) и собственная прихоть (proprius motus), по которой лены, запроданныя одному претенденту, отдаются другому, перекупившему ихъ въ Римѣ: на святаго отца жалобы нѣтъ. Въ слѣдствіе этого въ Римѣ происходятъ явленія, чуждыя остальной части міра. Продажа и купля, обманы, торги, грабежи и неправда кипятъ тамъ полною жизнію. Венеція, Альторфъ, Каиръ, блѣднѣютъ предъ Римскою вселенскою ярмаркою. Тамъ есть домъ Датарія, чиновника папскаго, вѣнецъ всѣхъ непотребныхъ домовъ, въ которомъ совершаются всѣ благородныя сдѣлки, покупается право на всѣ беззаконія. Тамъ нарушаются всякаго рода обѣты, разрѣшаются браки духовныхъ и т. п. Чего не могутъ земля и небо, то возможно для этого дома.»

На Аугсбургскомъ сеймѣ 1518 года видимъ первое дружное возстаніе чиновъ государственныхъ, утомленныхъ вѣковымъ рабствомъ, первое разумное противодѣйствіе, основанное на историческихъ воспоминаніяхъ. Въ основаніи 10 жалобъ Нѣмецкаго

народа, представленныхъ на этомъ сеймѣ, лежитъ мысль о совершенномъ отторженіи Германіи отъ Римскаго управленія съ удержаніемъ духовной зависимости. Чины требуютъ обезпеченія правъ туземныхъ епископовъ, уничтоженія привилегій въ пользу Римскаго Двора, выбора въ духовныя должности природныхъ Нѣмцевъ, права собственнаго суда и расправы въ дѣлахъ церковныхъ безъ переноса къ Римскому судилищу; уничтоженія аннатовъ при выборѣ новыхъ епископовъ; въ противномъ случаѣ грозятъ возмущеніемъ народнымъ, отпаденіемъ Германіи отъ Западной Церкви, по примѣру Славянскихъ сосѣдей. Въ докладѣ, врученномъ императору Максимиліяну, просятъ: объ огражденіи конкордатъ Нѣмецкаго народа отъ полномочія Римскихъ оффиціяловъ; объ ограниченіи папскаго права на полученіе ленъ, по образцу прагматической санкціи; о принятіи мѣръ, чтобы курфирсты и архіепископы не мѣшали ихъ благому намѣренію изъ страха отлученія папскаго, потому что народъ не намѣренъ терпѣть всеобщаго интердикта; чтобъ запрещено было нищенствующимъ монахамъ, какъ слѣпому орудію первосвященника, проповѣдывать противъ верховной власти; чтобы курфирсты не могли, по приказанію папы, приступить къ выбору антиимператора какъ нѣкогда ландграфа Тюрингскаго и Вильгельма Голландскаго; чтобы папа не могъ разрѣшать подданныхъ императора отъ присяги подданства и наущать на него сосѣднія племена, которыя охотно воспользуются для этого случая благословеніемъ пастыря; обратить особенное вниманіе на употребленіе суммъ, назначаемыхъ для войны съ Турками; наконецъ принять надлежащія мѣры для отраженія папской анаѳемы, которая при данныхъ условіяхъ, неминуемо должна разразиться. Въ такомъ же духѣ, но еще выразительнѣе, посланіе Эргарда. Описавъ безчисленныя денежныя и правительственныя притѣсненія куріи, представивъ крайнюю нищету Нѣмецкихъ священниковъ, лишаемыхъ ленъ по доносу папскихъ наушниковъ, онъ прибавляетъ: «Такъ опоражниваются наши сундуки; такъ летятъ за Альпы Нѣмецкія деньги, подъ тяжестію которыхъ погнулись бы и мощныя плеча Атласа, къ изумленію самой природы. Доносители, соединяющіе обладаніе нѣсколькими тучными пребендами, съ обязанностію священнослужителей, живя въ вѣчной отлучкѣ, приводятъ вѣру и богослуженіе въ презрѣніе у народа. Они, пастыри только по имени, оставляютъ обязанности своего званія бѣднымъ наемникамъ

за низкую плату. Они пожираютъ грѣхи народа, за которые не возносятъ ни молитвы, ни жертвы, а настоящіе пастыри нищенствуютъ, лишенные насущнаго хлѣба. Безкровныя и благодарственныя жертвы, установленныя нашими предками, большими издержками, прекращаются и блаженныя руки основателей вопіютъ о праведномъ мщеніи. Государь! (такъ кончается докладная записка чиновъ) Очи Германіи обращены на тебя; она молитъ тебя вырвать приходы Нѣмецкіе (которыхъ доходы по счету Енея Сильвія, равняются почти Италіянскимъ епископствамъ) изъ зіяющей пропасти куртизановъ: возвратить мірянамъ права покровительства (патроната) и свободной раздачи лицамъ духовнымъ по положеннымъ мѣсяцамъ (in ordinariis mensibus) для того, чтобы благочестивые Нѣмецкіе юноши изъ дворянъ и мѣщанъ, проведшіе молодость въ занятіи наукою, могли, мимо Римскаго Двора, избѣгая постыдныхъ и дорогихъ тяжбъ, свободно занимать духовныя должности и служить дѣломъ и словомъ Римской имперіи, а Церкви молитвой. Когда императоръ возвратитъ Германіи ея угнетенную свободу; когда откроетъ ученымъ и благочестивымъ мужамъ доступъ къ пребендамъ, тогда одного Максимиліяна ожидаетъ такая же слава, какою вмѣстѣ увѣнчаны всѣ его предшественники, переведшіе Римскую имперію отъ Грековъ къ Нѣмцамъ.»

Черезъ два года Лютеръ вступаетъ на путь, проложенный сеймомъ и издаетъ знаменитое «Посланіе къ императору Карлу и дворянамъ Нѣмецкой земли.» Ранке справедливо называетъ его содержаніе всемірно-историческимъ, предъуготовляющимъ и вмѣстѣ предсказывающимъ будущее развитіе. [1] Но не въ уничтоженіи различія между клиромъ и мірянами, отрицаніемъ благодати священства, заключается великое значеніе этого Окружнаго посланія, а въ самой личности писавшаго. Здѣсь въ первый разъ частное лице выступаетъ въ сознаніи великаго посланничества, говоритъ за народъ, не стѣсняясь приличіями дѣловаго образа выраженія сеймовъ, изливая всю тугу справедливаго негодованія, которое чувствовалъ каждый въ особенности, но чего представители цѣлаго народа не могли сдѣлать безъ явнаго нарушенія мира. Въ сущности посланіе Лютера ничѣмъ не разнится отъ предложеній чиновъ; тѣже мысли, таже обширность предполагаемаго преобразованія,

(1) Deutsche Geschichte im Zeitalter der Ref. I, 435.

тѣже смѣлыя предначертанія, тоже глубокое сопроникновеніе интересами народными; но больше искренности въ выраженіи, больше простодушія въ нелицепріятномъ разоблаченіи истины. Голосъ одного человѣка всегда слышнѣе въ толпѣ, особенно когда этотъ одинъ двигаетъ массами, когда онъ безстрашно подаетъ каммертонъ, и цѣлое племя дружнымъ хоромъ повторяетъ его вдохновенное слово. 9 сеймовъ, по собственному счету, пережилъ Лютеръ на своемъ вѣку, и съ каждымъ изъ нихъ съ возрастающимъ жаромъ обсуживались важные вопросы современной жизни; но ни одно сеймовое рѣшеніе не произвело такого электрическаго потрясенія въ цѣлой Германіи, какъ громовое слово Нѣмецкаго пророка: «Lasset uns aufwachen, lieben Deutschen!» Италія привыкла къ дипломаціи сеймовъ: она умѣла сладкорѣчіемъ легатовъ усыплять народное волненіе, успокоивать страсти лукавой уступкой общественному мнѣнію. Побѣда могла рѣшиться только единоборствомъ: съ одной стороны всепоглощающей личности папы, во главѣ Западной Церкви; съ другой, человѣка, который несъ впереди великое знамя народности, не страшась одиночества, готоваго принять на себя удары подвигнутаго колосса и отражать ихъ могуществомъ слова, закаленнаго въ безкорыстномъ чувствѣ любви къ отечеству. Такъ смотрѣлъ Лютеръ на свое патріотическое воззваніе, приписывая ему всегда особенную важность, какъ первому могучему двигателю послѣдующихъ событій; такъ глубоко обдумалъ онъ предметъ своего разсужденія; такъ добросовѣстно и съ такимъ всеобъемлющимъ взглядомъ изложилъ картину современной жизни, что и позднѣе не могъ приложить къ ней ни малѣйшей черты, и ссылался на нее, какъ на неподвижную мѣрку своихъ государственныхъ убѣжденій.

Главная мысль «Окружнаго посланія» — преобразованіе государства по средневѣковымъ началамъ императорской теоріи, и Церкви по древнимъ обычаямъ первобытной Апостольской. Цѣль— оторвать Германію отъ постыднаго ига, въ которомъ стирались одна за другой основныя черты ея народнаго облика, возбудить въ ней стремленіе къ самодѣятельной жизни, доказать, что зависимость ея отъ Италіи не есть слѣдствіе исторической необходимости, а добровольно подъятое иго; что она можетъ пробавляться собственными силами, лишь бы только сознать въ себѣ этѣ силы и возможность ихъ проявленія въ жизни. Здѣсь, до окончательнаго разрыва съ Западною Церковію, Лютеръ, въ видѣ уступки,

признаетъ еще Римъ учителемъ вѣры, позволяетъ папѣ властвовать въ преподаваніи таинствъ, въ служеніи проповѣди; но уже прямо отрицаетъ его свѣтское значеніе, подчиняя его императору, какъ природнаго подданнаго св. Римской имперіи. «Романисты,»—говоритъ онъ,—«окружили себя тремя стѣнами, дабы уничтожить возможность преобразованія—источникъ неисчислимыхъ бѣдствій для всего Христіянства: 1) Когда противоборствовала имъ свѣтская власть, они объявили, что она не имѣетъ надъ ними никакого права, и что, напротивъ, духовной власти подчинена гражданская. 2) Когда обличали ихъ Св. Писаніемъ, они приписали одному папѣ право толкованія Библіи. 3) Когда угрожали соборомъ, они утвердили за однимъ папою право созывать соборы. Опроверженіе этихъ трехъ положеній составляетъ только введеніе въ главной части посланія. Относительно перваго, Лютеръ доказываетъ, что всѣ члены Церкви, міряне и духовные, имѣютъ одинакія права Христіянскія; что всѣ равно духовны; что различіе между ними полагаетъ только служеніе (I Кор. XII, 12). «Мы всѣ равно вышли изъ купели крещенія, посвящающаго насъ въ царственное священство. Служеніе императора и гражданскихъ властей точно также духовно и полезно для Христіянской общины, какъ и служеніе Церкви. Какъ священники и епископы имѣютъ обязанность учить слово Божіе и совершать таинства во всей общинѣ, такъ свѣтская власть держитъ въ рукахъ своихъ мечь и жезлъ для защиты благочестивыхъ и наказанія злыхъ въ цѣлой общинѣ. А потому, по слову апостола, папа съ епископами не исключенъ изъ обязанности повиноваться свѣтскому начальству: ««Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.»» (Рим. III, 1.) Освобождать себя отъ этой обязанности значитъ лишать себя права пользоваться услугами другихъ членовъ общины» (всякихъ ремесленниковъ, портныхъ, сапожниковъ, каменщиковъ, плотниковъ, поваровъ). Это опроверженіе влагается Лютеромъ прямо въ уста императору, какъ единственному лицу въ цѣломъ мірѣ, которое можетъ служить представителемъ верховной гражданской власти.

Первое замѣчаніе, начинающее собственно содержаніе Окружнаго посланія, относится къ свѣтскому могуществу папы. «Страшно подумать,»—говоритъ Лютеръ,—«что глава Христіянства (этого титула онъ не оспориваетъ) окруженъ такимъ блескомъ, что затмѣваетъ собою всѣхъ императоровъ и королей; носитъ тройную корону, тогда какъ высшіе цари носятъ только одну. Если это похоже на

нищаго Іисуса и Петра, то это сравненіе новое. Мнѣ кажется, что служеніе его должно состоять въ вѣчномъ плачѣ за все Христіянство, въ высокомъ примѣрѣ смиренія. Корону гордости пусть лучше оставитъ антихристу, какъ за нѣсколько столѣтій дѣлали предки его. Онъ не владыка вселенной; царство его не отъ міра сего; онъ намѣстникъ Христа не вознесеннаго, а распятаго.»

Слѣдуетъ описаніе, предложенное выше, о притѣсненіи свободы Нѣмецкой притязаніями Италіи. Но главная и важнѣйшая часть посланія—третья, гдѣ Лютеръ предлагаетъ 28 совѣтовъ для ограниченія папской власти въ Германіи. Здѣсь собственно развивается основная мысль «Посланія.» Это цѣлая система саможизненнаго управленія Нѣмецкаго государства и Церкви, съ единствомъ и полнотою цѣлаго, съ послѣдовательностію частей; драматическая и разнообразная картина, въ которой гораздо легче постигнуть современныя отношенія, чѣмъ въ неистовыхъ взрывахъ дикаго патріотизма Ульриха Гуттена, который еще до Лютера изощрялъ языкъ и перо противъ злоупотребленій Римской куріи. (1) Совѣты Лютера направлены не столько на частности современнаго состоянія Нѣмецкаго народа и Церкви, сколько на всю совокупность средневѣковыхъ началъ, въ силу которыхъ Италія стѣснила свободу Германіи. 1) Всѣ князья, все дворянство и города должны запретить сборъ аннатовъ. Если папа нарушилъ святой договоръ, онъ потерялъ на нихъ право и заслужилъ наказаніе. Это былъ постоянный сборъ со всѣхъ ленъ Нѣмецкаго народа, въ чьихъ бы рукахъ онѣ ни находились. въ XV вѣкѣ утвержденный съ согласія императора и князей. Аннатами назывался онъ потому, что платимая сумма простиралась на половину доходовъ, получаемыхъ съ лены въ первомъ году ея пріобрѣтенія. Цѣлію сбора тогда же поставлено было накопленіе суммы для войны съ Турками, чтобы тягость военныхъ издержекъ падала не на однихъ дворянъ, а частію и на духовенство. «Это усердное приношеніе отъ лица всего народа для предпріятія святаго,»—говоритъ Лютеръ,—«папы употребили во зло; болѣе 100 лѣтъ собирали аннаты, не давая въ употребленіи ихъ никакого отчету, и наконецъ обратили въ обязательный источникъ доходовъ, обращающихся въ бездонный папскій

---

(1) Объ немъ см. Hagen, Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter, I, 433—456; 487—491; II, 47—30.—Ranke, Deutsche Geschichte I, 415—428.—Юргенсъ во многихъ мѣстахъ.

мѣшокъ. Папа собиралъ ихъ по двоякому праву: какъ ленный владѣлецъ, и какъ вождь Христіянскаго міра противъ невѣрныхъ. Имперскіе чины, собранные въ Аугсбургѣ 1518 года, повторяя жалобы народа, положенныя на бумагу за 8 лѣтъ, извѣстнымъ Яковомъ Вимфелингомъ, въ то время казавшіяся до того дерзкими, что сочинитель не осмѣлился ихъ напечатать, требовали не уничтоженія, а только ограниченія аннатовъ, и притомъ по добровольному соглашенію съ папой. «Папѣ,» — гласила записка чиновъ, — «какъ доброму отцу своихъ подданныхъ, должно бы поступать милостивѣе съ Нѣмецкими чадами.» Лютеръ же, дѣлая воззваніе къ народу съ тою главною мыслію, чтобы «не сдѣлаться виновнымъ въ погибели душъ, которыхъ правленіе Римлянъ бросаетъ въ объятія діаволу», съ перваго разу исключаетъ папу изъ участія въ преобразованіи, не миритъ выгодъ народныхъ съ папскими выгодами, а противопоставляя однѣ другимъ, требуетъ «уничтоженія аннатовъ въ силу императорскаго или всенароднаго узаконенія.» Если же нужно привести въ исполненіе добрую мысль о сборѣ денежной суммы противъ невѣрныхъ, совѣтуетъ «разъ навсегда хватиться за умъ, догадаться, что Нѣмецкій народъ и самъ, не хуже папы, можетъ хранить драгоцѣнный залогъ, потому что при деньгахъ всегда можно выставить достаточную ратную силу.» 2) Съ такою же смѣлостію совѣтуетъ Лютеръ дворянамъ прекратить стеченіе ленъ своего государства и монастырскихъ доходовъ въ руки папскихъ служителей и распредѣлить ихъ раздачу на вѣрныхъ основаніяхъ, не выходя изъ предѣловъ Германіи. А партизановъ посылать бы въ Рейнъ удить рыбу вмѣстѣ съ папскимъ проклятіемъ. Аугсбургскіе чины не уничтожили поочередныхъ мѣсяцевъ. Посланіе епископа Люттихскаго предлагаетъ императору, князьямъ и епископамъ отнестись къ святѣйшему папѣ и просить его объ ограниченіи вкравшихся безпорядковъ, въ полной увѣренности, что благонамѣренный пастырь поспѣшитъ удовлетворить ихъ справедливымъ жалобамъ и только въ противномъ случаѣ позволяетъ прибѣгнуть къ народному самоуправству. Лютеръ рубитъ съ плеча; онъ извѣрился великодушію папъ. «Давно созрѣли плоды папскихъ хищеній; давно пора уничтожить папскіе мѣсяцы и вырвать изъ челюсти Римской наши выкраденныя имѣнія. Если признанъ дѣйствительнымъ папскій законъ, по которому папа, на другой день по избраніи, утверждаетъ указомъ разграбленіе нашей собствен-

ности, то не гораздо ли больше обязательной силы получитъ законъ, который выдастъ императоръ Карлъ на другой день послѣ царскаго вѣнчанія, чтобы по всей Германіи ни одна болѣе лена не переходила въ Римъ черезъ папскіе мѣсяцы, а перешедшія возвращены были бы отъ Римскаго вора, на что имѣетъ онъ право силою меча гражданскаго.».

Въ такомъ же духѣ и остальные совѣты. 3) Положить императорскимъ указомъ, чтобы ни одинъ омофоръ не выписывался изъ Рима, и возстановить уставъ святѣйшаго знаменитаго Никейскаго Собора, что епископъ долженъ быть посвящаемъ двумя ближайшими архіереями, или митрополитомъ. Только въ случаѣ несогласія между епископами, просить разрѣшенія папы; а пустыми дѣлами не безпокоить святѣйшаго, не отнимать у него драгоцѣннаго времени, посвященнаго на молитву за все Христіянство. 4) Всѣ дѣла свѣтскія отчислить рѣшительно къ гражданскому вѣдомству. Римскимъ оффиціяламъ въ монастыряхъ завѣдывать только вѣру и нравственность. 5) Уничтожить незаконное представленіе ленъ въ означенныхъ случаяхъ, не обращая вниманія на проклятія папы. 6) Уничтожить изъятія (casus reservati), которыми Римскіе тираны опутываютъ бѣдныя совѣсти. 7) Ограничить наружное великолѣпіе Римскаго двора, чтобъ содержаніе его не ложилось всею тягостію на Нѣмецкую землю. 8) Отмѣнить страшныя клятвы, которыми епископы наши, вопреки всѣмъ правамъ, продавались въ безгласное рабство. Инвеститура во Франціи и другихъ государствахъ до сихъ поръ принадлежитъ королямъ; встарину тоже было у насъ; но послѣ долгой борьбы первосвященники удержали ее за собою. 9) Папѣ не имѣть власти надъ императоромъ; помазывать и вѣнчать его на царство, какъ слѣдуетъ, простому епископу; положить конецъ проклятой гордости, выражаемой во внѣшнихъ знакахъ подданства въ главѣ «Solite» и «Pastoralis,» въ дерзкомъ вымыслѣ о Константиновомъ дарѣ. 10) Запретить ему прилагать себѣ титулъ короля Неаполя и Сициліи. Императоръ не долженъ позволять такого разбоя, а разгнуть предъ папою Библію и молитвенники — здѣсь его настоящее царство. 11) Противъ цѣлованія ногъ. 12) Запретить богомолья въ Римѣ, или, по крайней мѣрѣ, ограничить ихъ строгимъ закономъ, чтобы странствованія этѣ не совершались безъ позволенія настоятеля общины. Папы повредили много и здѣсь своими ложными юбилеями, переводя ими въ карманы свои деньги

легковѣрныхъ поклонниковъ. 13) Остановить строенія нищенскихъ монастырей, запретить имъ проповѣдь и исповѣдь безъ особеннаго разрѣшенія епископа, общины, или правительства. Не трудно повѣрить, что Римскій престолъ не даромъ содѣйствовалъ ихъ размноженію, чтобы въ вѣчной борьбѣ ихъ съ Іерархіей уничтожалась возможность усиленія мѣстныхъ епископовъ, опасныхъ для Рима. 14) Разрѣшить браки мѣстныхъ епископовъ, 15) и свободный выборъ духовника. 16) Ограничить поминовенныя службы. 17) Уничтожить извѣстныя наказанія духовнаго права, на примѣръ: интердиктъ, анаѳему или отлученіе, употребляя ихъ только въ случаяхъ, указанныхъ самимъ Писаніемъ; всѣ прочія наказанія: suspensiones, aggravationes, reaggravationes, depositiones и другіе перуны, закопать въ землю на 10 сажень, чтобы не только названіе, но и самое воспоминаніе ихъ, истребилось съ лица земли. 18) Уничтожить всѣ праздники, оставивъ одно Воскресенье и перенося на него всѣ прочіе праздники Богоматери и Великихъ Святыхъ. 19) Ограничить степени родства; при вступленіи въ бракъ, чтобы все, что папа за деньги предоставлялъ себѣ разрѣшать въ одномъ Римѣ, разрѣшалось даромъ простыми священниками. Всѣ разрѣшенія, отпуски, письма обѣденныя, масляныя, исповѣдныя, всѣ духовныя сѣти папъ, благочестивый священникъ, начальникъ прихода, свободно попираетъ ногами. Посты оставить на произволъ каждому, не ограничивать Христіянской свободы въ отношеніи къ качеству пищи. Въ Римѣ смѣются надъ постами и намъ велятъ ѣсть масло, которымъ сами не станутъ натирать сапоговъ, а потомъ за деньги продаютъ намъ свободу употреблять всякую пищу. 20) Часовни и полевыя церкви разрушить, и обратить въ общую собственность нашихъ Церквей все продажное въ Римѣ.

Въ заключеніе проповѣдникъ обращается снова къ любимой Германіи. 21) Установить правильное распредѣленіе сборовъ для нищихъ, чтобы уничтожить бродяжничество, 22) оставляя старыя обители (Stifte) и царскія задушбины, назначенныя для приличнаго воспитанія благородныхъ юношей, которые, по Нѣмецкому обычному праву, не получаютъ наслѣдства. 23) Выгнать изъ Германіи всѣ папскія посольства съ ихъ привилегіями, разрѣшающія отъ обѣтовъ, договоровъ и клятвъ. 24) Искать примиренія съ Чехами, чтобы загладить вину беззаконнаго участія Нѣмцевъ въ сожженіи Гуса. 25) Истребить каноническое право, которое папа уловилъ во внутренній ковчежецъ своего сердца (scrinium

pectoris), управляемый папскими царедворцами. 26) статья, предложенное выше опровержение средневѣковаго преданія, что Нѣмцы обязаны папѣ императорскимъ титуломъ. 27) и 28) Пороки народные.

Окружное посланіе Лютера имѣло непосредственнымъ слѣдствіемъ уничтоженіе (секуляризацію) духовныхъ имуществъ. Оно первое вызвало всеобщее воздѣйствіе земельнаго Нѣмецкаго начала противъ чужеземнаго Романскаго вліянія. Честь этой народной побѣды безъ раздѣла принадлежитъ Лютеру, хотя духовныя имущества употреблены были вовсе не по его назначенію, а подверглись новому расхищенію свѣтскихъ владѣтелей. Онъ гордился побѣдой, съ одной стороны передъ Католиками, когда говорилъ, что Евангеліе возстановило правильное отношеніе между свѣтскою и духовною властію; что роли перемѣнились; что духовенство, прежде писавшее законы, теперь и само находится подъ игомъ закона; (1) съ другой, Нѣмецкимъ князьямъ, остававшимся вѣрными Западной Церкви, приводилъ на память энергическій силлогизмъ: князья, теперь намъ враждующіе, не имѣли бы правъ, которыми хвалятся, если бы не научились у насъ, потому что мы первые возвысили верховную власть, какъ состояніе, установленное Богомъ. (2) Такое же гордое сознаніе услугъ, оказанныхъ родной странѣ, выставлено имъ въ наставленіи духовнымъ, собраннымъ на Аугсбургскомъ сеймѣ, когда Нѣмецкое дворянство представило императору 400 жалобъ на духовенство, съ откровеннымъ признаніемъ, что если онъ не согласится отмѣнить безпорядковъ, то сами дворяне примутся за расправу, потому что терпѣніе ихъ истощилось. «Какъ вы думаете? Если бъ нашелся хоть одинъ проповѣдникъ, который развязалъ бы имъ руки, гдѣ было бы теперь духовенство? А вы помните, что ученіе мое уже было въ ходу; и оно не возмущало умовъ, а, напротивъ, убѣждало къ храненію мира, къ повиновенію власти; иль вы не помните, какъ вы сами превозносили его на первыхъ порахъ? Въ какомъ восторгѣ вы были, когда я первый ополчился на папу, расхищавшаго монастыри! Вы сидѣли покойно, какъ праздные зрители на стражѣ событій, ожидая возстановленія вашей епископской власти. Въ то время Лютеръ былъ мудрымъ учителемъ, когда онъ такъ бодро сокрушилъ индульгенціи; ибо прежде епископы и священники,

---

(1) Walch, V Объясн. 82 Пс. §. 2, 81, S. 1028—1073.
(2) Walch, V Объясн. 45 Пс. §. 195, S. 576.

терпѣливо выносили обиды монаховъ, которые на всей волѣ хозяйничали въ ихъ монастыряхъ и приходахъ, опираясь на папскія грамоты. Тогда не было ни одного учителя, ни въ Университетахъ, ни въ монастыряхъ, который сказалъ бы имъ: ««Что ты твориши?»» И Лютеръ былъ любимымъ героемъ, когда вымелъ начисто монастыри и приходы; когда подставилъ стремя епископамъ, а папѣ смѣло забросилъ перекладину подъ ноги; отъ чего же тогда не называли вы меня возмутителемъ?»

«А послѣ, когда возсталъ я на монастырскую жизнь и опустѣли обители, я не слыхалъ жалобъ ни отъ епископовъ, ни отъ священниковъ. Я знаю, что не могъ оказать имъ лучшей услуги, и теперь, конечно, на сеймѣ едва ли кто подастъ голосъ въ пользу возстановленія монаховъ. Имъ было весело, что Лютеръ выколотилъ ихъ епископскія мантіи, и никто изъ нихъ не потерпитъ, чтобы имъ снова всадили въ нее solche Wanzen und Läuse. А въ старину, какъ извѣстно, монахи правили Церковію; епископы сидѣли праздно и только красовались пустыми титулами. Сокрушивши монаховъ, я отрѣзалъ папѣ правую руку; я сдѣлалъ ученіемъ, чего не могла сдѣлать ни власть королей, ни мудрость высокихъ школъ; отъ чего же тогда не называли меня возмутителемъ?» (1)

Допросъ и сближенія продолжаются долго; мы не можемъ слѣдить за подробностями. Довольно, что Лютеръ положилъ начало раздѣленію двухъ властей, гражданской и свѣтской, въ лицѣ папы и прочихъ епископовъ, т. е., затронулъ самую чувствительную струну духовенства. Дальнѣйшія послѣдствія принадлежатъ исторіи реформаціи. А потому обратимъ вниманіе на вопросъ государственный, по скольку онъ отражается въ воззрѣніи Лютера.

Вникая въ сущность патріотическихъ сочиненій его, мы замѣчаемъ, что онъ всюду преслѣдуетъ двѣ великія цѣли: отторженіе Нѣмецкой земли отъ Италіи и единство народное. Первое стремленіе пришлось по сердцу Нѣмецкому племени; оно давно уже чаяло избавителя и, по первому вызову Лютера, вступило въ продолжительную борьбу, которой развязка до сихъ поръ еще предоставлена будущему. Во второмъ: убѣжденіе Лютера пришло во враждебное соприкосновеніе съ выгодами отдѣльныхъ сословій

(1) Walch, XVI, Vermahnung an die Geistlichen zu Augsburg 1530, §. 13—16, S. 1126—1128 и далѣе.

и положило начало другой борьбѣ проповѣдника съ народомъ, которая разрѣшилась не раньше, какъ у гробовой доски преобразователя. Реформація обозначаетъ въ Нѣмецкой исторіи эпоху разложенія стихій народной жизни, разъединеніе сословій, неразумнаго стремленія къ недозрѣлой свободѣ Нѣмецкаго Muthwillen, сопровождающаго паденіе папскаго авторитета. Но Лютеръ, ускоряя это послѣднее неутомимою дѣятельностію, старался тѣмъ сильнѣе связать разрозненные члены народнаго тѣла, привести ихъ къ сознанію великаго единства, дабы поставить Германію въ челѣ Европейскихъ народовъ. Это стремленіе вынесено изъ глубокаго изученія отечественной исторіи. Патріотическіе возгласы его проникнуты гнетущею скорбію объ утраченномъ единствѣ, о выродившихся потомкахъ нѣкогда славныхъ завоевателей Рима, глубокимъ отвращеніемъ къ своекорыстнымъ цѣлямъ князей, къ междоусобной войнѣ, къ мелочнымъ раздорамъ, повергающимъ Германію въ нравственное изнеможеніе (die uns Deutschen matt und müde machen, Deutschland hart beschweren und ausmergeln. (1) Онъ благоговѣлъ передъ памятью старыхъ императоровъ, достойно поддерживавшихъ величіе царской багряницы и славу народную. «Современные Нѣмцы—пигмеи передъ отжившими предками. Они назывались когда-то Hermanni, а теперь измѣнили характеръ вмѣстѣ съ названіемъ и стали Germani. Германія подъ властію одного Государя была бы непобѣдима; такъ было при императорѣ Генрихѣ: «Da stund es wohl in Deutschland.» За нимъ царствовали три Оттона со славой; они посрамили гордость короля Франковъ, который грозилъ имъ огромною ратью и хвалился, что высушитъ Рейнъ до дна. Теперь Германія лишается одна за другой своихъ лучшихъ областей.» (2)

Лютеръ, отвращаясь съ негодованіемъ отъ современной дѣйствительности, видитъ одно только средство исцѣлить народныя язвы, а именно, въ возстановленіи средневѣковой теоріи императорской власти во всемъ блескѣ и свѣжести ея юнаго развитія. Онъ — ревностный Гибелинъ, горячій заступникъ отжившаго величія царственныхъ потомковъ Карла Великаго. Въ могуществѣ слова и силѣ убѣжденія его можно сравнить въ этомъ случаѣ только съ другимъ представителемъ того же воззрѣнія въ средніе

(1) Walch, II, Объясн. 47 гл. Быт. стр. 13—11, §. 72, S. 2662.
(2) Walch, XXII, S. 2346, 2358.

вѣки—Италіянскимъ Гибелиномъ Дантомъ. Вѣчно носится предъ нимъ въ фантастическомъ величіи всемірная монархія Римская, купленная Нѣмецкою кровію и доблестію. Онъ вѣритъ въ возможность ея историческаго осуществленія въ свѣжемъ Нѣмецкомъ народѣ, преемникѣ всемірнаго владычества Римлянъ. Правда, онъ не скрываетъ отъ себя трудностей исполинскаго дѣла, видитъ даже несообразность его съ современными потребностями, но все же съ любовію возвращается къ старому, не довѣряя новизнѣ. «Мнѣ кажется, и государственное управленіе и служебная власть нуждаются въ Лютерѣ. Но я боюсь, чтобы имъ, вмѣсто Лютера, не выпалъ надолю Мюнцеръ. Такъ какъ нельзя ожидать для Римской имперіи управленія новаго, и пророкъ Даніилъ (II, 29) объявлялъ царю Вавилонскому, что одному Богу открыто, что подобаетъ быти по сихъ, то я не совѣтую его измѣнять, наказывать злоупотребленія, и къ язвамъ прикладывать пластырь. Можетъ быть Германія и созрѣла уже для преобразованія; но боюсь, не достойна ли она великаго наказанія! Я, слава Богу, не Мюнцеръ, и кто лучше меня въ состояніи произвести перемѣну, тому я охотно, отъ полноты сердца, приложу свой бѣдный «Pater noster»; лишь бы только счастливо прибавить: «Аминь!» (1) Политическое воззрѣніе Лютера представляетъ послѣднее развитіе основныхъ началъ, изъ которыхъ въ средніе вѣки подъ перомъ юристовъ сложилась теорія императорской власти: 1) Императоръ считался верховнымъ судьею, отъ котораго исходила всю полнота судебной власти. И Лютеръ признаетъ императорское право первенствующимъ, жалѣетъ въ «Окружномъ посланіи,» что обычное и туземное право становится выше законовъ императорскихъ, которые употребляются только по нуждѣ. 2) Нѣмецкій король считался прямымъ преемникомъ Римскихъ цесарей, именовалъ себя главою, заступникомъ и покровителемъ всего Христіянства. Въ Германіи было общее мнѣніе, что короли Христіянскихъ державъ, Испаніи, Англіи и Франціи, обязаны повиновеніемъ лицу императорскому, и разсуждали только о томъ, должны ли они понести наказаніе за неисполненіе этой обязанности, или могутъ быть оставлены въ покоѣ? (2) Лютеръ держится

(1) Walch, V, Объясн. 101 Пс. §. 192, S. 1283.

(2) «Hodie plurimi reges plus de facto, quam de jure Imperatorem in superiorem non recognoscunt et suprema jura imperii usurpant». Ranke, D. Gesch. I, 55.

почти того же мнѣнія. Онъ говоритъ, что «имперія Римская начала возвышаться во время Апостоловъ, а за 750 лѣтъ до его времени, при Карлѣ Великомъ, перешла къ Нѣмцамъ. У Карла было три сына; одному далъ онъ Германію, другому Францію, третьему Италію. Но Нѣмецкій король остался императоромъ. Если бъ и теперь императоръ владѣлъ Франціею, у него были бы и деньги и войско, и онъ могъ бы сдѣлать Туркамъ отпоръ.» (1) Италію же Лютеръ отчисляетъ рѣшительно къ имперскимъ владѣніямъ. Одному императору принадлежитъ право созывать вселенскіе соборы; помѣстные собирались безъ участія государя, по общему соглашенію нѣсколькихъ епископовъ; но великіе вселенскіе (universalia) самое названіе свое получили отъ того, что епископы сзывались изъ всѣхъ странъ непосредственно монархомъ, великой вселенской главой. Епископъ Римскій Сильвестръ, на зло всѣмъ папистамъ, не имѣя власти надъ Христіянскими общинами Азіи и Греціи, не могъ отъ своего полномочія созвать Никейскій соборъ, а если бы могъ, то, конечно, не назначилъ бы его такъ далеко за моремъ, гдѣ никто не признавалъ его власти, но придвинулъ бы его къ Италіи и Риму, и принудилъ императора явиться туда. Тоже можно сказать и о трехъ послѣдующихъ вселенскихъ соборахъ; не будь они созваны императорами: Граціяномъ, Θеодосіемъ Великимъ, Θеодосіемъ Младшимъ, Маркіяномъ, ни Римскіе, ни другіе епископы не принудили бы прочихъ къ повиновенію, ибо тогда настоятели прочихъ Церквей также мало заботились о Римскомъ епископѣ, какъ теперь Майнцкій, Кельнскій и Трирскій одинъ о другомъ. (2) Эта власть отъ императоровъ Римскихъ и Византійскихъ преимущественно перешла къ Государямъ Нѣмецкимъ. Отъ того Карлъ Великій созывалъ соборы въ Римѣ, Франкфуртѣ и во Франціи; сынъ его, Людовикъ, въ Ахенѣ, а за ними и многіе преемники ихъ. (3) Подражая похвальному примѣру предшественниковъ, начиная отъ Константина до Людовика I, Карлъ V предписалъ національный соборъ въ Нѣмецкой землѣ, имѣлъ право назначить и вселенскій, вопреки декреталіямъ папскимъ. (4) Постановленія

(1) Walch, XXII, 2367—2368.

(2) О Соборахъ и Церкви. Walch, XVI, §. 18—19, S. 2633—2654; §. 173; 2732. — О Папствѣ въ Римѣ, XVII, §. 34, 1300.

(3) Walch, XVII, §. 35, 1301. О Папствѣ въ Римѣ.

(4) Walch, XVII. §. 39, 1304. О Папствѣ въ Римѣ.

этого помѣстнаго Нѣмецкаго собора, по мнѣнію Лютера, должны быть обязательны и для Французскаго короля. Кто знаетъ, если бъ нашъ императоръ приложилъ усилія къ созванію такого собора, Богъ могъ бы обратить сердца и прочихъ монарховъ, которые, со временемъ, конечно приняли бы его рѣшенія. По крайней мѣрѣ, если бы приняло ихъ наше отечество, они распространились бы и въ другихъ государствахъ. (1)

Важнѣйшее право императора въ XV вѣкѣ, совершенно утративши дѣйствительное приложеніе, заключалось въ званіи верховнаго землевладѣтеля, общаго леннаго господина цѣлой Германіи. Отъ него исходило утвержденіе права собственности всякаго члена имперіи. Это право, какъ право, а не какъ дѣло, существовало до позднѣйшихъ временъ; въ одной юридической книгѣ XV столѣтія оно выражается такими словами: «Отними у насъ императорское право, и кто можетъ сказать: этотъ домъ, эта деревня, принадлежатъ мнѣ?» (2) Вотъ слова Лютера, принимающаго это право безъ всякаго ограниченія: «Христіанинъ долженъ быть членомъ гражданскаго общества, потому что онъ, по крайней мѣрѣ, тѣломъ и собственностію подчиненъ императору; но въ Христіанской жизни онъ не признаетъ другой власти, кромѣ Христовой; во внѣшней же все же поверженъ предъ императоромъ и связанъ его законами (unter den Kaiser geworfen und verbunden), по скольку онъ живетъ въ какомъ ни будь состояніи и званіи, имѣетъ домъ и имущество, жену и дѣтей, ибо все это принадлежитъ императору (denn solches ist alles des Kaiser), поэтому онъ обязанъ (soll und muss) исполнять его повелѣнія. Ты находишься подъ властію императора, по скольку называешься отцемъ, господиномъ и княземъ. Стало быть, власть императора простирается не только на свѣтскія отношенія, но и частную жизнь гражданина. (3) Христіанинъ имѣетъ плоть и кровь и долженъ заботиться объ ихъ сохраненіи, которое не относится къ управленію духовному (dem geistlichen Regiment), а къ пашнѣ и землѣ, принадлежащей императору. Вся внѣшняя жизнь принадлежитъ къ управленію свѣт-

(1) Walch, XVI, О Соборахъ и Церкви. §. 210, S. 2176.

(2) Ranke, D. Geschichte, I, 53.

(3) Walch, VII. Объясн. 5 гл. Матѳ. §. 246, S. 692. «Unser Haus, Hof, Weib, Kind und alles, was wir haben, ist unter des Kausers Schutz.» Walch, VIII. Объясн. 19 гл. Іоанна §. 51. S. 914.

скому. (1) «Императоръ,» — по мнѣнію Лютера, — «верховная глава ленной системы; отъ него въ нисходящемъ порядкѣ тянется длинная лѣствица гражданской іерархіи, короли, князья, графы, дворяне, мѣщане, крестьяне; отношенія между членами этой іерархіи ленныя и верховная власть въ послѣдней инстанціи сосредоточивается въ лицѣ императора.» (2) Мысли его объ этомъ предметѣ выражаются очень опредѣленно въ сочиненіи «О военномъ состояніи.» Тамъ, на вопросъ: «Изъ кого составляется войско въ Нѣмецкой имперіи?» Лютеръ предлагаетъ отвѣтъ: «Изъ такихъ подданныхъ, которые и безъ жалованья обязаны стоять за леннаго владѣльца имѣніемъ и жизнію, особенно дворянство и всѣ владѣющіе ленами отъ императора; потому что имѣнія, теперь состоящія во владѣніи графовъ и дворянъ, въ старину розданы ленами отъ Римлянъ и Римскихъ императоровъ на такомъ основаніи, чтобы владѣльцы ихъ всегда были готовы приходить на помощь императору въ полномъ вооруженіи съ извѣстнымъ числомъ вассаловъ и коней, смотря по важности помѣстья; помѣстья служили имъ вмѣсто жалованья, а потому и назывались ленными. Владѣнія этѣ наслѣдственны по волѣ императора, что весьма законно и искусно устроено въ Римской имперіи. Турецкій императоръ, какъ говорятъ, совершенно напротивъ, не терпитъ ни подручниковъ, ни графствъ, ни рыцарскихъ помѣстьевъ, ни ленныхъ владѣній наслѣдственныхъ; раздаетъ ихъ по произволу, безъ всякаго узаконеннаго порядка; отъ того и владѣетъ несмѣтными богатствами. И такъ дворяне не должны думать, что они получили свои владѣнія даромъ, какъ благопріобрѣтенныя, или случайно добытыя. Обязательства, съ ними сопряженныя и ленныя обязанности (Lehnpflicht), свидѣтельствуютъ ясно объ ихъ происхожденіи, какъ ссуженыхъ (gelichen) императорами, или князьями, показываютъ, что онѣ даны имъ не для тщеславья и мотовства, а для сохраненія родины, для всегдашней готовности защищать императора. Когда они хвалятся, что должны содержать коней, служить князьямъ, тогда какъ другіе избавлены отъ этой ноши, мы въ правѣ отвѣчать имъ: ««Это жалованное вамъ ленное помѣстье. Вы не даромъ продаете услуги. Другимъ развѣ мало заботъ при

(1) Walch, VII, 5 гл. Матѳ. §. 250, 257.

(2) Walch, X, Объ обязанностяхъ подданныхъ въ отношеніи къ правительству. §. 77 flg. S. 474 flg.

менѣе значительной собственности? Вы ли одни несете обязанности, которыя такъ рѣдко приходится вамъ исправлять? А если кажется тебѣ накладно, откажись отъ помѣстья. Найдутся охотники.»» Ленники не должны разбирать причинъ, почему глава ихъ воюетъ; ихъ дѣло сказать: ««Владѣлецъ мой требуетъ меня на войну, я прихожу къ нему именемъ Божіимъ, и знаю, что служу этѣмъ Богу и честнымъ образомъ заработываю жалованье, воюю не я, а Богъ и Государь; рука и тѣло мое только орудіе. На это указываетъ значеніе лозунга во время сраженія; крики: «««Императоръ! Франція! Брауншвейгъ! Люнебургъ!»»» (1)

«Главное правило вассала въ отношеніи къ ленному господину— безпрекословное повиновеніе во всемъ, что не прямо противно закону Божію. Отсюда неизмѣнный законъ: ««Wider die Oberperson kein Fechten, noch Streit, recht sein kann.»» Наоборотъ, ленный владѣлецъ можетъ вести войну съ вассаломъ (die Unterperson) и наказывать его только по законнымъ причинамъ; князья могутъ по праву воевать съ своими дворянами, императоръ съ своими князьями, въ случаѣ ихъ возмущенія. Но могутъ предложить вопросъ, какъ часто случается въ практикѣ: «««Можно ли терпѣть отъ леннаго владѣльца, чтобъ онъ былъ злодѣемъ, губилъ народъ и отечество и, говоря терминами, употребительными между дворянами: «Teufel, Veitstanz, Pestilenz, St. Anton, St. Kyrin»; я дворянинъ; не потерплю, чтобы тираннъ безстыдно ругался надъ моею женою, дѣтьми, имѣніемъ и честію?»» Отвѣтъ Лютера: «Богъ послалъ человѣка въ міръ, подъ владычество діявола, не наслаждаться райскимъ блаженствомъ, а на скорбную жизнь страдальца. Все сказанное,»—прибавляетъ онъ,—«относится къ подданнымъ всякаго рода. И какъ бунтовщику крестьянину законно отсѣкать голову, такъ и возмутителя графа, и даже владѣтельнаго князя, должно наказывать смертію.» (2)

Лютеръ, изложивъ, такимъ образомъ, ленныя отношенія, которыми каждое низшее сословіе обязано высшему и всѣ вмѣстѣ лицу императорскому, приписываетъ имъ особенную обязательную силу: 1) какъ непосредственно вытекающимъ изъ народнаго характера древнихъ Нѣмцевъ; 2) какъ освященнымъ Божественнымъ правомъ.

(1) Walch, X, §. 64—68, S. 611—614.
(2) Walch, X, О военномъ состояніи, §. 12—16; S. 596—599; — X, Обяз. подд. въ отн. къ правит. §. 77—80.

Относительно перваго Лютеръ указываетъ на имена старинныхъ Нѣмецкихъ вождей, и находитъ въ нихъ символическое изображенiе свойствъ, которыми красится идеалъ повелителя. На пр. въ Саксонскомъ нарѣчiи Ludewig, praesidium, arx populi; lud (Слав. людъ), wig, крѣпость, убѣжище во время опасности. Государь долженъ быть Людовикъ, т. е., прибѣжище и утѣха народа, охрана (Heger) страны и подданныхъ. Другое названiе Hermann, передѣланное въ Арминiя Римлянами, dux belli, вождь, идущiй впереди рати, готовый положить за нее жизнь. Отъ слова retten, Лютеръ выводитъ названiе Ritter (Retter) Спаситель во время опасности. (1)

«Но Слово Божiе украшаетъ царственную власть великими обѣтованiями. Она пользуется одинакими преимуществами Божественнаго установленiя съ семейною жизнiю. Древнiе ораторы блуждали во мракѣ; соглашаясь, что цѣль управленiя есть увеличенiе политической силы и благоденствiя державы, они не знали, къ какому источнику обратиться для ея достиженiя. Димосѳенъ, утомленный безполезными усилiями, пришелъ, къ тому, что покой смерти завиднѣе тревогъ общественнаго служенiя. Цицеронъ съ Юлiемъ Цезаремъ приписалъ случаю чудную силу, возводящую и низводящую государства самодержавно. Они искали рѣшенiя загадки въ естественныхъ силахъ своего разума. Но Соломонъ, идеалъ государя, учитель вдохновенный и опытный, первый высказалъ великую истину, что царь долженъ править именемъ Божiимъ. Онъ есть на землѣ живое олицетворенiе Божiе.»

«Верховная власть установлена Богомъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ не видимъ примѣра святаго, который бы не посвятилъ своей жизни государству, или семейству. Богъ воспитывалъ при дворахъ государей пророковъ, совѣтниковъ, мудрыхъ: Илiю, Елисея, Исаiю, Данiила, воздвигалъ и святыхъ царей: Давида, Соломона, Езекiю, самого Iоанна Крестителя приблизилъ къ царю (Марка, VI, 20.) Только Спаситель, ни въ чемъ не сходившiйся съ другими святыми, остался безбрачнымъ и уклонялся отъ власти; но и Онъ высоко уважалъ царственную власть и правительство.» (2)

«Государь, какъ орудiе Божiе, не долженъ довѣрять юристамъ и книгамъ законовѣдцевъ; не долженъ полагаться ни на мертвыя

---

(1) Walch, V, Объясн. 82 Пс. §. 47, S. 1031—1052.
(2) Walch, IV, Пѣсни Степеней объясненiе 127 Пс.

буквы, ни на живыя головы, но просить у одного Бога праваго постиженія смысла писаній, для мудраго управленія подданныхъ (1). Государь получаетъ вдохновеніе свыше; онъ долженъ подчинить свою волю указаніямъ Промысла; отъ того подданные не имѣютъ права обличать его; одинъ Богъ судья между земными богами. Онъ всегда, по слову псаломскому, стоитъ въ сонмѣ Боговъ, въ лицѣ проповѣдниковъ которые одни облечены властію учить и наказывать. Есть много лѣнивыхъ учителей, которые засыпаютъ въ бездѣйствіи, не думая напоминать царямъ ихъ обязанностей. Другіе ласкаютъ страстямъ ихъ, опасаясь за жизнь и за собственность; третьи изподтишка острятъ на нихъ языки. Нѣтъ! Въ самомъ сонмѣ боговъ, проповѣдникъ обязанъ обличать проступки ихъ, говорить имъ правду въ глаза. Онъ не придворный служитель, не рабъ черни; онъ слуга Божій и власть его простирается на владыкъ и рабовъ.» (2) Здѣсь не безъ противорѣчій!

«Строгое управленіе подданныхъ есть первое условіе государственной безопасности. Строгостію государь можетъ возбудить противъ себя сильныя ненависти, какъ и Давидъ, но не долженъ оказывать страха. Суровость закона опасно смягчать неумѣстнымъ милосердіемъ; ибо власть государя есть тяжкое бремя. Принимая ее на себя, царь долженъ помнить, что она исполнена зависти, ненависти, раздоровъ, неблагодарности, ухищреній явныхъ и тайныхъ враговъ. Онъ долженъ принимать ее какъ иго, возложенное на него Богомъ, и бодро нести свой царственный крестъ, ожидая спасенія отъ высшаго кормчаго. Какъ городскому начальству подобаетъ держать своихъ гражданъ въ покорности, такъ и государю дворянъ своихъ.» (3)

Притѣсненія правительства подданный переноситъ безъ ропота. Нерѣдко властитель невиненъ въ дурныхъ послѣдствіяхъ благонамѣренныхъ дѣйствій. Иному недостаетъ ума, при желаніи дѣлать добро. Всевѣдѣніе не дано человѣку; за то царь обязанъ принимать милостиво представленія подданныхъ. Правда, въ наше несчастное время,» — говоритъ Лютеръ, — «подданнаго, указывающаго на недостатокъ въ государственномъ управленіи, тотчасъ

(1) Walch, X, объ обяз. подд. къ правит. §. 65 flg. S. 463.

(2) Walch, V, Объясн. 28 Пс. S. 1028—1073, §. 18, 19, 24.

(3) Walch, IV, 127-й Пс. §. 175, 180, S. 2716—2718.

называютъ предателемъ. Но ты долженъ молчать — отъ Бога возмездіе!» (1)

Власть правителя народнаго точно также священна, какъ и естественная власть родителей, и духовная проповѣдника. Никакіе личные недостатки не освобождаютъ отъ обязанности повиновенія имъ, потому что самъ Богъ поставилъ ихъ во главѣ народовъ, семейства и паствы (2). Какъ проповѣдникъ въ области вѣры долженъ быть убѣжденъ въ святости своего служенія, такъ и государь долженъ вѣрить въ Божественное избраніе. Герцогъ Іоаннъ Саксонскій можетъ хвалиться, что поставленъ отъ Бога властителемъ подданныхъ. Онъ можетъ и долженъ гордиться, а потому и подписывается: «Божіею милостію.» (3)

Законныя отношенія подданныхъ къ верховной власти Лютеръ опредѣляетъ, въ сочиненіи: «О военномъ состояніи,» такими словами: «Смѣнить и исправить правительство, — двѣ вещи розныя. Уничтожить легко; исправить тяжело и загадочно. Одинъ Богъ можетъ сдѣлать спасительный переворотъ; но народъ нашъ не спрашиваетъ: будетъ ли лучше? а только жаждетъ перемѣны. Лягушки, наскучивъ чурбаномъ, получили наконецъ журавля. И наша чернь — отчаянный народъ; никто лучше тиранна не управитъ ею, какъ ошейникъ собакой. Отъ того всякій, желающій жить въ мирѣ съ совѣстью и творить угодное Богу, долженъ быть доволенъ верховною властію. Скажутъ: ««А если король, обязавшись клятвою передъ народомъ властвовать по извѣстнымъ условіямъ, не сохраняетъ ихъ, не законно ли будетъ лишить его власти? Примѣры такихъ представительныхъ правленій мы видимъ во Франціи и Даніи.»» Отвѣтъ: «Хорошо и благоразумно правительству дѣйствовать по силѣ законовъ, а не по личному произволу. Но если государь переступаетъ предѣлы своей власти и нарушаетъ народное право, твое ли дѣло сказать ему: ««Что ты творишь»»? Кто поставилъ тебя судьею надъ твоимъ государемъ? Не третья ли, высшая, посредствующая, власть должна стать между вами, призвать васъ къ суду и изречь приговоръ, — та власть, которая говоритъ: ««Мнѣ отмщеніе.»» Такъ, въ недавнее время король Датскій изгнанъ Любекомъ и приморски.

---

(1) Walch, I, Объясн. 21 гл. Быт. §. 296—101; S. 2204 flg.
(2) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. Кор. §. 19, S. 1200.
(3) Walch, VII, Объясн. 7 гл. Іоанна, §. 27—29, S. 2403—2405.

городами. Положимъ, онъ былъ не правъ предъ Богомъ и предъ народомъ, а правы Любчане. Но когда станемъ на судищѣ Христовомъ, не спроситъ ли Онъ: ««Любчане и Датчане! Кто далъ вамъ судъ и отмщеніе? Покажите печать моего имени и утвержденіе свыше!»» И судъ Божій не кончится ли такимъ приговоромъ: ««Вы, возмутители и святотатцы, за чѣмъ облекаетесь въ права мои? Вы оскорбили не человѣческое, а Божіе, величіе!»»

«Если бъ самоуправство было позволено, что сталось бы съ міромъ? Рабъ сталъ бы убивать владыку, дѣти родителей, ученики учителя. Хорошъ порядокъ въ управленіи міромъ!»

«Меня обвиняютъ въ ласкательствѣ князьямъ. Пусть шмели жужжатъ, какъ имъ угодно. Я думаю, лесть моя не слишкомъ понравится и тѣмъ, кому подносится.» (1)

Понятія Лютера о верховной власти отразились и въ глубокомъ благоговѣніи къ личности императора Карла. Любопытное явленіе представляютъ усилія Лютера согласить это чувство съ вѣроисповѣднымъ вопросомъ: Карлъ V какъ Католикъ — гонитель Евангелія; какъ императоръ—верховный покровитель всего Христіянства. Лютеръ, искусно выгораживая личность властителя отъ участія въ современныхъ событіяхъ, произноситъ судъ надъ человѣкомъ предубѣжденнымъ, но хранитъ въ неприкосновенности священный характеръ представителя Божія. «Наши противники,»—говоритъ онъ,—«исключая возлюбленнаго императора нашего, обманутаго наговорами, питаютъ къ намъ безотчетную ненависть.» (2) Во всѣ торжественныя минуты жизни своей Карлъ V является Лютеру орудіемъ воли небесной, дивнымъ питомцемъ Промысла. «Карлъ V, прославившійся такими побѣдами, признаетъ теперь, что всѣ его подвиги совершены не собственной мудростію, а благодатію Божіею. Когда онъ избранъ былъ въ императоры, папа, Французскій король и Венеція, смѣялись надъ выборомъ, полагая, что въ Карлѣ не будетъ ума государственнаго. И что же? Высокая мудрость, которою хвалились противники Римской имперіи, покрылась стыдомъ, императоръ вездѣ торжествуетъ; враги унижаютъ его, говоря, что ему сонному привалило счастіе; но это награда за его благочестіе. Онъ не полагался на ратную

(1) Walch, X, §. 34—41.
(2) Walch, Объясн. 5 гл. Матѳія, §. 181, S. 649.

силу, а, слѣдуя примѣру Іефѳая и Давида, приписывалъ Богу знаменитую побѣду при Павіи. (1) Въ 1530 году папа Климентъ VII всколыхалъ всѣ волны антихриста, сатана истощилъ свою силу, приславши тысячи діяволовъ въ Аугсбургъ, которые должны были воздвигнуть всѣхъ государей на нашу погибель. Ловцы діявола, папы и епископы, вызвали императора Карла, благородную и миролюбивую кровь, какъ сову, служившую имъ для беззаконнаго лова; но сему воспротивились кротость и незлобіе великаго монарха. Они положили покончить дѣло въ недѣлю и истребить Протестантовъ. Всѣ ожидали, что въ четыре недѣли Германія станетъ вверхъ дномъ. Неожиданная развязка была выше мудрости человѣческой. Враги наши ликовали, плясали, предавались восторгу, въ ожиданіи конца, когда будутъ купаться въ крови Протестантовъ. Одни не хотѣли дѣлиться ни съ кѣмъ неописанной радостію; другіе писали къ друзьямъ. «Salvator venit! Salvator venit!» Но они не нашли, чего искали, въ благочестивомъ императорѣ.» (2) Когда рушились надежды на полюбовное соглашеніе вѣроисповѣдныхъ распрей на Аугсбургскомъ сеймѣ, Лютеръ написалъ новое предостереженіе Нѣмцамъ, въ которомъ сильно порицалъ коварство, ослѣпленіе, наглость Католиковъ, а Карлу V читалъ настоящее похвальное слово: «Я прежде всего долженъ оправдать любезнаго императора, Карла, что касается его собственной личности. Онъ оказалъ себя на сеймѣ такимъ, что заслужилъ одобреніе и любовь всего міра, и мы, Протестанты, можемъ только хвалить его мудрую распорядительность. Онъ не хотѣлъ осудить нашего ученія, не смотря на настойчивость свѣтскихъ и духовныхъ князей. Онъ стоялъ, какъ скала, обсуживалъ дѣло миролюбиво и кротко, говорилъ даже, что видно ученіе противниковъ не совсѣмъ уже безсмысленно, когда столько великихъ, ученыхъ, благочестивыхъ мужей къ нему приложилось Онъ не хотѣлъ произносить приговора, не выслушавъ обвиненныхъ. Онъ приказалъ прочесть «Исповѣданіе вѣры» предъ всѣми чинами. Онъ вынудилъ у нихъ признаніе, что оно совершенно согласно съ Евангеліемъ, и что нельзя опровергнуть его Св. Писаніемъ. Онъ громко сказалъ предъ всѣми: «Если бъ духовные были праведны, они не

(1) Walch, IV, 127-й Пс. §. 145—147.

(2) Walch, IV, 124-й Пс. §. 55, S. 2548 flg. §. 45; 125-й Пс. §. 17; — Walch, VII. Объясн. 7 гл. Іоанна §. 39, §. 47, S. 2236 — 2240; — §. 157, S. 2296; — §. 230, S. 2354; — §. 258, S. 2371.—Объясн. 8 гл. Іоанна §. 212, S. 2526, и безчисленное множество мѣстъ.

нуждались бы въ Лютерѣ. Когда Маркграфъ Бранибόрскій поклялся, отъ лица императора и имперскихъ чиновъ, что они не пожалѣютъ ни родины, ни денегъ, ни жизни для истребленія враговъ, Карлъ V, хотя не обличилъ во лжи безумнаго витію, но отрекся за себя отъ участія въ его кровожадныхъ замыслахъ. Лютеру трудно оправдать императора, который все же довольно охотно приложился къ угрозамъ Католиковъ; онъ обвиняетъ его, какъ, за 10 лѣтъ, Льва X, невозможностію исполнить благія намѣренія въ такомъ множествѣ злодѣевъ, опутавшихъ его легковѣрную совѣсть. (1)

Но здѣсь начинается противорѣчіе. Какъ бы стыдясь своей слабости, онъ читаетъ сильную отповѣдь тому же императору Карлу. «По слову апостоловъ: ««Васъ послушати паче, нежели Бога, судите,»» Христіянинъ долженъ смѣло сказать Карлу: ««Если ты отрекаешься добровольно отъ обѣта крещенія и гонишь Христа, я, съ своей стороны, не могу хулить Бога, и гоненіемъ слова Его стяжать вѣчную адскую муку.»» (2) Чрезъ нѣсколько времени Лютеръ былъ поставленъ еще въ болѣе затруднительное положеніе. Союзъ Протестантовъ, ожидая нападенія отъ императора, хотѣлъ предупредить его собственнымъ наступательнымъ дѣйствіемъ, и требовалъ разрѣшенія Лютера. Онъ разрѣшилъ законную оборону въ дѣлѣ религіи; но поднять оружіе противъ лица императорскаго—противорѣчило самымъ основнымъ его убѣжденіямъ. Въ нерѣшительныхъ отвѣтахъ преобразователя читаемъ желаніе кое-какъ отдѣлаться отъ трудной отвѣтственности, но эта самая нерѣшительность вовлекла его въ грубыя противорѣчія. Когда Протестантскіе князья взялись за оружіе, мимо его разрѣшенія, онъ оправдывалъ ихъ возмущеніе слѣдующимъ отчаяннымъ силлогизмомъ: «Императоръ, какъ государь, не имѣетъ причины воевать съ Нѣмецкими князьями; онъ защищаетъ въ этомъ случаѣ папу, и князья наши справедливо рѣшили, что онъ не императоръ, а папскій служитель и воинъ. Императоръ Нѣмецкій не неограниченный государь съ самодержавною властію; онъ не можетъ смѣнять курфирстовъ и измѣнять форму правленія и величіе имперіи.» Такъ писалъ онъ въ 1539 году, предоставляя

(1) Walch, XXI, §. 47—57, S. 1985—1991.

(2) Ibid. §. 59, S. 1992.

законникамъ дальнѣйшее рѣшеніе вопроса (1); а въ 1520 году признавалъ того же Карла преемникомъ цесарей, переносилъ къ нему рѣшеніе дѣла, какъ нѣкогда поступилъ св. Аѳанасій съ пристрастнымъ рѣшеніемъ церковнаго суда. Въ 1545 году, въ Межиборской проповѣди, уже снова заступался за власть императорскую; совѣтовалъ Карлу, мимо епископовъ, оторвать отъ владычества Римскаго великолѣпныя задушбины старыхъ королей (2); въ сочиненіи же «О Папствѣ въ Римѣ,» вопреки прежнимъ своимъ наставленіямъ Смалькальденскому союзу, писалъ, что «когда императоръ даетъ лену изъ милости, то можетъ отнять ее въ наказаніе за проступокъ владѣльца. Такъ императоры: Фридрихъ, Лотаръ и Оттоны часто отнимали у князей прежде дарованныя имъ земли и снова возвращали, когда усматривали въ нихъ искреннее раскаяніе.» (3)

---

(1) Walch, X, S. 653—657.—Еще яснѣе выражается противорѣчіе въ 64 гл. Застольныхъ рѣчей Лютера.

(2) Walch, V, Объясн. 8-го Пс. §. 26—31, S. 365—368.

(3) Walch, XVII, §. 52, S. 1313—1314.

ГЛАВА II.

Дѣятельность Лютера по отношенію къ вѣрѣ.

Постепенный упадокъ государственной свободы Германіи въ продолженіи четырехъ столѣтій, предшествовавшихъ реформаціи, отразился плачевными послѣдствіями для развитія духовной жизни Нѣмецкаго племени. Въ первые вѣка Христіянства самая благотворная дѣятельность исходила изъ Рима на всѣ концы Европейскаго Запада, смиряя тѣлесную силу Нѣмецкаго человѣчества, заставляя служить побѣдителей распятому Богу. Пока Восточная Церковь спасала чистоту догмата отъ ереси Арія, Римская уже начинала великую дѣятельность, расширяя предѣлы царства Христова на Западѣ и Сѣверѣ. Но Западъ и Сѣверъ Европы въ то время состоялъ только изъ двухъ основъ: изъ остатковъ народонаселенія Римлянъ и Кельтовъ, давно уже сроднившихся въ языкѣ и обычаяхъ, и изъ новаго Скандинавскаго міра, который продолжалъ и окончилъ переселеніе народовъ на Западъ, высылая изъ глубокаго Сѣвера новыя вѣтви народа младенческаго, еще не причастнаго плодамъ Христіянства и Римскаго образованія. Естественно, что всѣ усилія Римскихъ епископовъ обратились на этихъ пришельцевъ. Здѣсь сказалось первое различіе въ духовномъ образованіи Славянскаго и Нѣмецкаго племени. Какъ большая часть Славянскихъ народовъ приняла даръ Христіянства отъ Константинополя, средоточія Восточной Церкви, такъ все Нѣмецкое племя, въ своихъ многочисленныхъ отрасляхъ, обращено проповѣдниками Рима, средоточія Западнаго. Правда въ Британіи первыя сѣмена просвѣщенія и вѣры занесены иноками Греческими, но эти начатки скоро уступили тяготѣющем увліянію Рима. Готы на Востокѣ получили крещеніе, но обязаны духовнымъ образованіемъ Римскимъ епископамъ, приложившимъ великія усилія къ побѣжденію ихъ Аріянскаго упорства. Франковъ, Тюринговъ, Баварцевъ, Фризовъ и Саксовъ не коснулось образованіе Восточное. Замѣчательна обширность предначертаній, въ которыхъ Римская

каѳедра сознала и заключила предѣлы своей духовной дѣятельности. Весь Западъ, въ первые вѣки Христіянства, вопреки Лютеру, представляется въ видѣ широкаго поля Евангельской проповѣди, на которомъ ратуютъ и съ неутомимою ревностію, достойною героевъ апостольскихъ, побѣждаютъ препятствія тѣлеснаго пониманія язычниковъ, благовѣстники священнаго города, и этой-то проповѣдію утвердилось ихъ несомнѣнное право на уваженіе Запада. Въ Римѣ, въ IV столѣтіи, Іеронимъ утверждаетъ примѣромъ своимъ жизнь иоческую; въ концѣ этого вѣка (374 г.) Мартинъ Турскій, уроженецъ Паннонскій, но воспитанный въ Италіи, переноситъ ее въ Галлію, и Галликанская Церковь при Валентиніянѣ признаетъ владычество Рима; въ V столѣтіи Бенедиктъ изъ Нурріи, съ благословенія папы, полагаетъ основаніе ордену Бенедиктинцевъ, которому принадлежитъ честь духовнаго завоеванія прочихъ Нѣмецкихъ племенъ. Въ концѣ VI столѣтія Григорій Великій отправляетъ Бенедиктинскаго аббата, Августина, съ нищими монахами, для обращенія Англосаксонцевъ, и къ концу VII столѣтія, всѣ государства Гептархіи уже исповѣдуютъ Христіянскую вѣру. Изъ Ирландіи въ VI столѣтіи, обращенной Галломъ и Колумбаномъ, исходятъ Бенедиктинцы, и въ началѣ VII обращаютъ Швейцарію.

Къ первой половинѣ VIII столѣтія относится дѣятельность великаго апостола Нѣмцевъ, Бонифація или Винфрида, Англосаксонца. Онъ всю жизнь посвятилъ распространенію истинной вѣры во внутренности материка Европейскаго. Тюрингія была главнымъ поприщемъ его дѣйствій. Въ трехъ путешествіяхъ, предпринятыхъ въ Римъ въ 718, 723, 738 годахъ при Григоріи II, Григоріи III, и Захаріи, Винфридъ торжественно утвердилъ свои отношенія къ папѣ, присягнувъ Григорію II за себя и преемниковъ, а равно за всѣхъ подчиненныхъ епископовъ, въ вѣчномъ повиновеніи каѳедрѣ Римской. Есть письмо его къ папѣ Захарію, въ которомъ онъ требуетъ разрѣшенія первосвященника на взиманіе податей съ языческихъ земледѣльцевъ Славянскихъ, поселенныхъ на земляхъ епископскихъ и монастырскихъ; а папа въ отвѣтѣ своемъ удивляется, что Винфридъ испрашиваетъ его разрѣшенія на такія бездѣлки. (1) Бонифацій умеръ смертію мученика въ

---

(1) «Hoc quidem consilio non indiget, dum rei causa est manifesta. Šafarik Slow. Star., str. 843, pozn. 28; въ Русск. перев. О. М. Бодянскаго т. II, кн. 3, стр. 22.

санѣ Майнцкаго архіепископа и папскаго легата. Его апостольство въ Нѣмцахъ, безспорно, одно изъ важнѣйшихъ событій ихъ исторической жизни, рѣшило надолго участь духовно порабощенной Германіи. Оно такъ крѣпко связало Германію съ Римомъ, что только насиліе Лютера, и то не вполнѣ, могло разрушить эту связь. Впрочемъ, вольное подчиненіе Бонифація папѣ было условлено высокимъ значеніемъ послѣдняго и необходимостію внѣшней поддержки въ верховной главѣ Христіянства. Изъ Рима давно уже струилась духовная жизнь; епископы Римскіе держались мудрой терпимости въ обращеніи язычниковъ, допускали употребленіе роднаго языка при богослуженіи, снисходили къ человѣческой слабости новообращаемыхъ варваровъ. Къ тому же и Франки, сильнѣйшее Нѣмецкое племя, распространившіе власть свою глубоко во внутренность материка, и въ то время обладавшіе Тюрингіею, съ благоговѣніемъ смотрѣли на папу. Въ слѣдствіе такихъ отношеній, Латинская вѣра съ VIII столѣтія утверждается въ Нѣмецкой землѣ на широкой основѣ, и въ продолженіе осьми вѣковъ ей суждено воспріять эту вѣру и сохранить ее непоколебимо до самаго Лютера; точно такъ, какъ нашей Россіи въ продолженіе осьми столѣтій и болѣе предоставлено было соблюсти Православіе во всей его чистотѣ. Въ XV столѣтіи, можно сказать утвердительно, владычество Католицизма ограничивалось одною только Германіею; Галликанская Церковь давно уже отдѣлилась отъ Римской, въ видѣ особенной общины, что подало поводъ Матѳію Парижскому въ XIV вѣкѣ сказать, что первый жезлъ владычества Римскаго сокрушился въ то время, когда Греки отдѣлились отъ Римской Церкви, за дарованіе папѣ свѣтской власти, а другой, когда Франки съ другими народами Запада отложились отъ Римскаго первосвященника. (1)

Такая исключительность развитія Католицизма въ Германіи условлена была особенными обстоятельствами ея обращенія, въ особенности же народнымъ характеромъ. Въ замѣнъ глубоко религіознаго смысла, которымъ поистинѣ могутъ гордиться Славянскіе братья, суевѣріе составляло отличительное свойство древняго

(1) De Carnal. abominatione, cap. 28, f. 404: «Secunda virga praecisa est a Domino primum tunc, quando Graeci, propter dotationem Papae, a Romana Ecclesia recesserunt. Dehinc amplius, quando etiam Franci cum aliis partium ocidentalium gentibus a Romano pontifice recesserunt.... Ecclesia Christianorum scissa est in tres partes: Ecclesiam Romanorum, Graecorum et Francigenarum.» Cap. 62, p. 444.

Нѣмца; оно выражалось и въ мрачномъ характерѣ его миѳологіи. Въ папѣ увѣковѣчилась для него идея судьбы гнетущей, таинственной силы, которая носится во всѣхъ поэтическихъ образахъ миѳологіи Нѣмецкой. Въ представленіяхъ Нѣмца Божество рисуется во враждебно фантастическихъ образахъ, которые побуждаютъ человѣка къ умилостивленію непріязненной силы кровавыми жертвами. Отсюда безчеловѣчный характеръ идолослуженія Нѣмцевъ; отсюда тайное сочувствіе поэзіи ихъ къ поэзіи Грековъ, которая одной стороной развивалась подъ вліяніемъ той же идеи; отсюда же идея фатализма, набрасывающая великую тѣнь на ученіе Лютера. Можетъ быть, говорю я, и въ папѣ Германія олицетворяла необходимость, вѣчно тяготѣющую надъ дикимъ сыномъ угрюмаго Скандинавскаго Сѣвера; по крайней мѣрѣ, къ этому взгляду близко подходитъ убѣжденіе Лютера, для котораго папа въ духовной жизни есть самое величавое и страшное проявленіе нечистаго духа.

Глубокое религіозное стремленіе признаютъ новѣйшіе писатели въ народномъ характерѣ Нѣмецкаго племени. Потребность въ религіи, опредѣляющей отношенія человѣка къ Божеству, составляетъ общую принадлежность какъ каждаго человѣка въ особенности, такъ и каждаго народа вообще. Но болѣе или менѣе благопріятныя посредствующія обстоятельства духовнаго воспитанія народа отражаются въ болѣе или менѣе значительной степени его религіознаго развитія. И здѣсь Славянское племя, какъ бы исключительно призванное къ духовной жизни, безспорно занимаетъ первое мѣсто. Ручательства высокаго религіознаго образованія, во всѣхъ его многочисленныхъ отрасляхъ, заключаются въ образѣ жизни, условившемъ черты народнаго характера, которыя предрасположили его къ Христіянству. Изъ патріархальнаго начала земледѣльческой жизни Славяне вынесли мирныя добродѣтели семейнаго крова, которыя въ старые дни доставили имъ славу образованнѣйшаго народа своего времени. Исторія ихъ до VI-го столѣтія скудна событіями внѣшними, за то богата внутреннимъ содержаніемъ. Человѣкъ, развиваясь извнѣ, по неволѣ жертвуетъ практической дѣятельности высшимъ духовнымъ образованіемъ; и наоборотъ, жизнь, сосредоточенная въ болѣе сжатыхъ размѣрахъ, одинокаго развитія, укрѣпляетъ черты народнаго духа, сообщаетъ особенную мощь и упругость характеру частныхъ лицъ и народовъ. Нѣмецкое племя въ продолжительномъ столкновеніи

съ Римской имперіей въ то время, когда классическій міръ представлялъ уже чувственную изнанку когда-то стройно развивавшейся жизни, сроднилось съ языческими основами древняго Рима, заимствовало отъ него только худое. Баснословныя богатства Италіи плѣняли чувственность Нѣмецкаго варвара, воспитывали корыстное чувство, страсть къ похищенію чужой собственности, къ потребленію чужаго труда. Зараза медленно, но сильно, обхватывала дикихъ сыновъ Сѣвера, поставленныхъ лицемъ къ лицу съ сокровищницей Рима, съ своей стороны поглотившаго всѣ богатства древняго міра. Такого вреднаго обмѣна не было для Славянскихъ народовъ; они знали о Римлянахъ большею частію только изъ разсказовъ Нѣмецкихъ сосѣдей. Можно сказать, что не только ихъ качества, но и самые недостатки въ смыслѣ житейскомъ, обнаруживаютъ особенное сочувствіе къ Христіянской идеѣ. Хваленая кротость, простодушіе, недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, вѣра въ высшую силу, благословляющую смиренные труды земледѣльца. Увлеченія неразумной жестокости Готовъ и Вандаловъ были чужды Славянамъ. Ихъ сношенія, большею частію торговыя, съ другими народами основаны были на чувствѣ уваженія къ правамъ человѣческимъ. Они ненавидѣли Нѣмцевъ, изъ которыхъ одинъ, по словамъ Іорнанда, для того только, чтобъ показать свое молодечество и внушить къ себѣ уваженіе, безъ милости прибилъ ко кресту взятаго имъ въ плѣнъ безвиннаго Антскаго государя, Божа, съ сыновьями и 70-ю вельможами.

Всѣ этѣ особенности отразились ярко и въ первыхъ вѣрователяхъ Евангельскихъ того и другаго народа. Нѣмецкіе Куниги принимаютъ Христіянскую вѣру изъ матеріяльныхъ выгодъ, либо, какъ Клодвигъ, въ видѣ торговой сдѣлки между обращаемымъ язычникомъ и Христіянскимъ Богомъ. Клодвигъ долго стыдился признать своимъ Богомъ того, кто имѣлъ родителемъ плотника. Радбодъ Фризскій, занося ногу въ купель крещенія, внезапно обращается съ вопросомъ къ священнику: «А гдѣ мои предки?» — «Въ аду,» — сказалъ простодушно крестившій, — «но ты можешь избавить ихъ своими молитвами.» — «Такъ я желаю лучше быть въ аду съ моими предками, нежели въ раю съ такими, какъ ты, — «отвѣчалъ Кунигъ и отвелъ ногу. Клодвигъ, получивши побѣду, заключилъ свой Христіянской подвигъ истребленіемъ родственниковъ. Съ другой стороны Хорваты и Сербы принимаютъ крещеніе

отъ папы Іоанна IV, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, съ пожертвованіемъ своей независимости, съ клятвеннымъ обязательствомъ не поднимать оружія на Византію, не начинать никогда наступательной войны ни съ какими сосѣдями. Въ Греческомъ житіи Булгарскаго епископа Климента сказано именно, что апостольскіе труды Кирилла и Меѳодія вынуждены были потребностію множества вѣрующихъ въ духовной пищѣ Слова Божія. Славяне, принимая Христіянство, искали познанія истины, поученія въ тайнахъ религіи. Владиміръ, недовольный суетою язычества, рѣшился отыскивать истину, не ослѣпился пристрастіемъ къ примѣру бабки, но тотчасъ изрекъ осужденіе на законъ Іудейскій и заклеймилъ презрѣніемъ Магометанскій. Любовь Христіянская чудно преобразила его существо. Замѣтимъ еще, что всѣ Нѣмецкія племена приняли вѣру Христову въ формѣ Аріянства, болѣе доступной ихъ человѣческому постиженію. Славяне всѣ безъ изъятія увѣровали въ тайну вочеловѣчившагося Бога. Никогда Аріянство не проникло ни къ одной изъ ихъ многочисленныхъ вѣтвей, иначе какъ въ дальнихъ отголоскахъ ученія Запада въ отдѣльныхъ еретическихъ сектахъ.

И такъ высокій характеръ ученія Христова не былъ понятъ Нѣмецкимъ язычникомъ. Онъ сплавился съ представленіями его прежней религіи, и въ этомъ смѣшеніи дѣйствовалъ во все продолженіе средняго вѣка. Этѣмъ объясняется безропотное перенесеніе духовнаго ига Католицизма, наложеннаго на его неразвившіяся убѣжденія. Достойно вниманія, что Христіянство въ Нѣмецкой землѣ приняло большею частію символическій образъ, увѣковѣчилось въ прекрасныхъ созданіяхъ искуства, въ которыхъ духовная идея религіи исчезала подъ внѣшними формами, служившими религіознымъ представленіемъ Католицизма. Въ великолѣпныхъ Готическихъ храмахъ Богъ Христіянскій являлся молящемуся въ суровомъ, недоступномъ, величіи; въ безчисленныхъ изображеніяхъ и рѣзныхъ и живописныхъ, наполнявшихъ внутренность храмовъ, выражалась для Западнаго человѣка необходимость посредниковъ между вѣчно карающимъ Богомъ и вѣчно падающимъ человѣкомъ. И это тѣмъ знаменательнѣе для духовнаго развитія Нѣмецкаго человѣчества, что оно смотрѣло на религію не съ легкомысленностію Италіянскаго безбожія, а со всею добросовѣстностію не шуточнаго постиженія вѣры. И въ разнообразіи символическихъ образовъ, его окружавшихъ, напрасно было бы

искать Искупителя, въ его утѣшительныхъ образахъ общенія съ грѣшниками, раздѣляющаго трапезу мытарей и отверженныхъ, источающаго благодѣянія страждущему человѣчеству. Тамъ все носило образъ разгнѣваннаго Моисеева Бога, истязующаго совѣсти на страшномъ судѣ. Картина послѣдняго дня, извлеченная изъ Твореній Бернарда, въ которой предъ лицемъ человѣчества, приговореннаго праведнымъ судомъ, Пречистая Матерь умоляетъ Сына о помилованіи и кажетъ Ему сосцы, а Сынъ Отцу Свои крестныя язвы, смѣнилась въ Германіи другою картиною Христа въ полукружіи радуги, сидящаго на Престолѣ Славы, и мечь и жезлъ исходятъ изъ устъ Его, для наказанія грѣшныхъ. Западный человѣкъ, окруженный такими картинами, олицетворялъ въ нихъ знакомую ему мысль предопредѣленія, тяготѣющаго надъ жизнію человѣка, въ лицѣ Бога карающаго, и папы, представителя Его на землѣ. Ужасно было состояніе Папства, въ которомъ учили, слышали, видѣли, читали одни лишь человѣческія постановленія, которыя, по сущности своей, могутъ погружать только сердце въ уныніе. Въ Папствѣ не было и капли благотворнаго ученія, утѣшающаго сердца; не было отрады измученной совѣсти, которая доходила до ужасовъ отчаянія. Проповѣдники только усиливали жажду оправданія, никогда не утоляя ее. За св. Бенедиктомъ поднялись нищенствующіе монахи и выросли въ семь орденовъ служителей Моисеева закона. Каждый годъ приводилъ съ собой новыхъ наставниковъ и новое бремя для совѣсти. Одинъ законъ зараждалъ другой, nam casus sunt infiniti; изъ каждаго извлекалось сто толкованій. Подобно судебнымъ вопросамъ, которые подъ руками законниковъ раздробляются до безконечности, подобно снѣжному шару, выростающему въ огромную лавину по мѣрѣ приближенія къ подошвѣ горы, возрастали и человѣческія узаконенія папства. Только разъ въ годъ, и то съ трудомъ, читали исторію страстей Христовыхъ. Въ монастыряхъ проводили жизнь въ уныніи; умирали въ мучительныхъ борeніяхъ совѣсти. (1) Въ Евангеліи, обращали вниманіе только на дѣеписаніе, разсказывали исторію страстей Христовыхъ, съ примѣсью разныхъ суевѣрій и постороннихъ ученій. Лучшими проповѣдниками считались тѣ, которые по цѣлымъ часамъ разсуждали о слезныхъ стенаніяхъ и вопляхъ Пресвятой Богородицы, говорили о мечахъ,

(1) Walch, IV, II. Стен. Пс. 126-й, §. 24; — I, §. 125, S. 328.

пронзившихъ ея сердце, безчеловѣчно добивали жестокосердіе Іуды, и этѣмъ наполняли лучшую часть проповѣдей своихъ. Если и удержаны были немногія черты Евангельской повѣсти, то скрадена простота Евангелія, необходимая для чистоты вѣры. Ничего не говорили простому народу о высокомъ значеніи страданій Спасителя, понесшаго грѣхи всего міра. Вотъ въ краткихъ чертахъ состояніе вѣры и совѣсти, оставленное Лютеромъ, пережившимъ ихъ на собственномъ опытѣ. Великимъ счастіемъ считаетъ онъ то обстоятельство, что въ Папствѣ не истребилось изображеніе распятаго Господа, что были благочестивые мужи, которые ставили на глаза умирающихъ Его утѣшительный образъ; къ этѣмъ ужасамъ угнетенія совѣсти присоединялись истязанія исповѣди, которыя Лютеръ справедливо сравниваетъ съ пыткой, какъ связанныя съ другимъ учрежденіемъ церковной власти, которая облекала св. инквизицію, и служителей ея, Доминиканцевъ, въ права испытанія совѣсти. При такомъ извращеніи Христіянскаго смысла, мертвящее начало Западной Церкви убило послѣднее чувство вѣры, которое могло храниться въ Германіи, какъ остатокъ прошедшаго, воспитанный прекрасными преданіями Церкви первоначальной. Народъ еще видѣлъ во храмахъ иконы Спасителя въ его славномъ сошествіи во адъ и побѣдѣ надъ смертію младенца Іисуса, попирающаго змія, Іоанна Крестителя, указывающаго перстомъ на агнца, но не понималъ уже таинственнаго смысла этѣхъ возвышенныхъ иносказаній. Онъ слышалъ духовныя пѣсни, развалины древняго Богослуженія, ведущія начало отъ Амвросія Медіоланскаго и Григорія Великаго, переложенныя въ стихи на Нѣмецкомъ языкѣ, украшенныя риѳмами, по обычаю Западной Церкви, но истинное значеніе ихъ было утрачено.

Богослуженіе явилось мертвою буквою, исполненіемъ пустаго обряда; не опредѣляя отношеній человѣка къ Богу, оставляло въ сердцѣ ужасающую пустоту. Повсемѣстное введеніе Латинскаго языка, сильнѣйшее нарушеніе правъ человѣческихъ на удовлетвореніе вѣроисповѣдной потребности изученіемъ Евангелія, въ Нѣмецкой землѣ явилось, кромѣ того, оскорбленіемъ народнаго права, страшной побѣдой языческаго Рима надъ Христіянской Германіей, орудіемъ распространенія въ ней Романской стихіи: «Настроили много прекрасныхъ, высокихъ, церквей и монастырей, «наполнили ихъ множествомъ драгоцѣнностей: образовъ, картинъ, «ваяній, богатыхъ облаченій. Для услажденія внѣшнихъ чувствъ

«устроили органы и струнныя орудія, безполезныя для истин«наго Богослуженія. Римскій антихристъ со всѣмъ своимъ воин«ствомъ питаетъ суевѣріе народа, поглощая сокровища вселенной. «Не то ли же это Богослуженіе, какое нѣкогда совершалось во «славу Молоха, которому приносились въ жертву младенцы, и, «чтобы родители не могли слышать раздирающихъ воплей дѣтей «своихъ, услаждали ихъ чувства свирѣлями и бубнами (2 Цар. «XXI, 6; XXIII, 10). Точно также наши духовные, убранствомъ «одеждъ, обаяніемъ пѣнія и музыкальныхъ орудій усыпляютъ «совѣсти тысячи и тысячи людей. (1) Вѣра почти совсѣмъ истре«билась въ Церкви Христовой отъ множества обрядовъ, отъ внѣш«няго блеска, отъ сектъ и орденовъ, которые безъ устали тер«заютъ свою грѣшную плоть во всѣхъ концахъ міра. Пышность «духовенства причиной того, что осталась только личина Еванге«лія, наружный лоскъ дѣлъ одного лицемѣрія и тѣнь Христіян«ства. Мы презираемъ Христа, страха ради намѣстника Его, че«ловѣка грѣховнаго (2 Сол. II, 3, 4; Матѳ. XXIV, 15). Храбрые «и богатые исполины, чудные епископы, ни священники, ни «князья, а слитые вмѣстѣ изъ блеска обоихъ сословій, которыхъ «мы величаемъ пробстами, дехантами, оффиціялами, викаріями, «владыками нашими, проповѣдываютъ святѣйшія права папы, «ученіе Аристотеля и естественнаго разума; они воздвигли Уни«верситеты, пожирающіе, посредствомъ учителей, украшенныхъ «громкими титулами, все, что ни возрождается св. крещеніемъ, «самыя избранныя головы, которыя могли бы служить столпами «и утвержденіемъ вѣры. Христіянскіе юноши выливаются, какъ «мутная, негодная вода на службу этѣмъ хищнымъ птицамъ, и «они не собираютъ въ ней драгоцѣнныя капли, а только ловятъ «доходы и деньги.» (2)

Служеніе святымъ обратилось въ грубое суевѣріе, дошло до отрицанія Божества. Ученіе Лютера, представляющаго себѣ совокупность святыхъ въ видѣ Христіянскаго Олимпа, находится въ тѣсной связи съ особенной формой, въ которой служеніе это проявилось въ Германіи. Онъ ревнуетъ противъ распредѣленія духовныхъ и тѣлесныхъ даровъ между святыми, давно уже бывшаго въ ходу во всей Западной Церкви, и со временемъ обратив-

(1) Walch, IV, 22 Пс. §. 272, S. 1780.

(2) Walch, IV, 22 Пс. §. 216—220; — VII Объясн. 6 гл. Матѳ. §. 18, S. 730; §. 32., 1013.

шагося въ систему священнослуженія. Но въ Нѣмецкой землѣ оно заимствовало особенные оттѣнки народнаго характера, проявившіеся въ тѣсной связи съ народнымъ словомъ: «Антонія «призывали противъ огня, Севастіяна и помощниковъ его, Мар«тина и Рохія, противъ моровой язвы. Многимъ святымъ припи«сывали разныя свойства по именамъ болѣзней и по сходству съ «названіемъ отвлеченныхъ понятій. Тоній, по созвучію съ Анто«ніемъ, избавляетъ отъ пламени. Рохій (отъ Rache) отъ мщенія и «гнѣва Божія. Бастіянъ (Pest) отъ заразы. Валентинъ (fallen) отъ «падучей болѣзни. Винцентій (finden) помогаетъ отыскивать про«пажи. Христофоръ спасаетъ отъ насильственной смерти. Св. Ла«врентію постятся, для безопасности отъ пожара. Въ день, посвя«щенный его памяти, не терпятъ въ домахъ и искры огня, а «разводятъ его въ другомъ мѣстѣ и тамъ готовятъ кушанья. Ум«ствуютъ такъ: Святый, испеченный на желѣзной рѣшеткѣ, за«мѣтивъ огонь, вспомнитъ страданія свои и накажетъ хозяина. «Служеніемъ святымъ мы дошли до того, что отнимаемъ у Бога «власть казнить насъ огнемъ и водою. Мы имѣемъ икону Фло«ріяна, изображеннаго выливающимъ воду на горячій огонь. «Больше знать намъ не нужно; мы придали его въ товарищи св. «Лаврентію. Св. Людовикъ, когда-то при жизни, изъ дурнаго пива «сдѣлалъ хорошее; по смерти, мы назначили его пивоваромъ и не «удѣляемъ ему другаго занятія. Въ сказаніи о св. Аннѣ намъ осо«бенно нравится то, что она доставляетъ богатство; мы бы не «стали ее уважать, приходящей съ пустыми руками. Изъ всего «житія ея, алчное око выбрало только одно обстоятельство, что «она обѣднявшему игроку возвратила богатства. По крайней мѣрѣ, «вмѣстѣ съ земными сокровищами, просили бы у нея духовныхъ «благъ. Нѣтъ! говоримъ мы, у насъ много святыхъ, доставляю«щихъ духовныя блага; у св. Анны попросимъ земныхъ. Скупцы «имѣли своего Бога, св. Эразма; беременныя женщины обраща«лись къ св. Маргаритѣ; она была ихъ богиня; одна могла даро«вать имъ плодъ чрева и обратить во благо болѣзни дѣторожденія. «Они думаютъ: «До Бога высоко!» Онъ меня не услышитъ, а «Маргарита поможетъ, потому что она заслужила это своими стра«даніями. Суевѣрный воинъ постится св. Марку, помощнику въ «браняхъ. Іуліянія и Отилія помогаютъ отъ глазъ; только больные «глазами ихъ уважаютъ. Аполлонія лѣчитъ зубную болѣзнь. Ни «кто не думаетъ объ ея продолжительномъ дѣвствѣ и пламенной

вѣрѣ. Схоластика повелѣваетъ громомъ. Всякое ремесло и сословіе имѣетъ особеннаго покровителя между святыми. Золотари св. Евлогія, сапожники Криспина и Криспиніяна, суконщики св. Севера, живописцы Луку, врачи Козму и Даміяна, юристы Ивона, учащіеся Екатерину. Раздѣляя земныя попеченія между святыми, мы возстановляемъ Пантеонъ. Но въ чемъ же состоитъ служеніе имъ? На добрыя дѣла и на вѣру ихъ мы не взираемъ. Никогда столько не отчуждаемъ мы сердца отъ Бога, какъ въ этѣ священные дни. Мы проводимъ ихъ, какъ Римляне, проводили свои Сатурналіи и Вакханаліи. Сидимъ до поздняго утра, играемъ и пьянствуемъ. Язычники не позорили такъ своихъ идоловъ. Епископамъ слѣдовало бы обратить на это вниманіе, и отставить всѣ праздники, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ совершается Богослуженіе и проповѣдь по слову Божію:, поста и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя (Ис. I, 14; Ам. V, 21). (1)

Сильнѣйшими опорами Католицизма въ Германіи служили Университеты и монастыри. И тѣ и другіе были дѣятельнымъ средствомъ наложенія однообразныхъ правительственныхъ формъ на всѣ государства Европейскаго Запада. Папа былъ живымъ средоточіемъ этого тѣла, по выраженію софистовъ, животворящее сердце, приснотекущій источникъ благодати, изливаемой въ Церковь заслугами Христа и Святыхъ Его. Отъ Него исходили всѣ жизненныя отправленія церковнаго тѣла. Малѣйшее потрясеніе во внутреннемъ организмѣ отзывалось сильнымъ ударомъ, направленнымъ въ сердце. Но только въ одной Германіи удалось по возможности наложить Италіянскія формы іерархіи и вызвать чуждыя народной жизни проявленія религіознаго духа, при помощи двухъ выше названныхъ союзниковъ. Одни, какъ руководители народнаго образованія, другіе какъ разсадники духовной жизни, поддерживали въ молодыхъ поколѣніяхъ благоговѣніе къ застарѣлымъ формамъ Католицизма. Латинская Церковь мало заботилась о внутреннемъ состояніи совѣсти; она допускала самый отъявленный атеизмъ, прикрываемый формами внѣшняго подчиненія церковному авторитету. Папы распорядились прекрасно, переводя въ свои руки всѣ средства общественнаго образованія. Университеты Нѣмецкіе, большею частію строившіеся отъ древней

(1) Walch, III, Пропов. о 10 запов. 1519, I запов. §. 75 — 121, S. 1720 flg. — Избр. мѣста изъ Второз. гл. 5, § 36, flg., 6-я §. 3, flg. S. 2552;—XII, §. 13, S. 1733. — XVI Апологія Меланхтона, §. 576, p. 1548.

Сорбонны, иные отъ Пражской Коллегіи, не пошли по слѣдамъ своихъ первообразовъ; отколовшись отъ единства съ народною жизнію, они только задерживали успѣхи развитія, какъ сильныя крѣпости въ рукахъ непріятельскихъ. Всѣ они находились подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ духовнаго начальства, не исключая и Эрфурта, въ которомъ хранились довольно значительныя противодѣйственныя начала, даже Виттембергскій, родившійся подъ вліяніемъ новыхъ началъ, нуждался въ папскомъ разрѣшеніи, безъ котораго Германія не признала бы дѣйствительности его существованія. Канцлерами постоянно были епископы, начальники значительныхъ округовъ; преподавателями исключительно Доминиканцы, записанные въ крѣпость Римскому первосвященнику. Преподаваніе не выходило изъ тѣснаго круга средневѣковой схоластики. «Высокія школы,»—говоритъ Лютеръ, —«gymnasia ephеborum et graecae gloriae; въ нихъ вяло преподается ученіе вѣры и царствуетъ бездушный слѣпой Аристотель, осилившій книгу живаго Бога. Пускай читаютъ его безвредныя книги, Риторику, Піитику, Логику; но да истребится всеконечно безбожная Иѳика, въ которой сказано прямо, что душа не безсмертна. Богословы закрыли Библію и изучаютъ мнѣнія схоластиковъ, тогда какъ это занятіе должно быть приготовительнымъ къ чтенію Библіи. У насъ, наоборотъ, Св. Писаніе провожаетъ до Баккалавра, доктора изучаютъ сентенціи. Библію позволено въ нѣкоторыхъ случаяхъ читать и мірянамъ; сентенціи—собственность одного духовенства. Св. Отцы, своими писаніями, хотѣли достойно ввести насъ въ широкое библейское поле; мы только удаляемся отъ него въ глубокую чащу человѣческихъ мудрованій, — словно люди, которые читаютъ указательные столбы на распутіяхъ и никогда не попадутъ на дорогу. Отцы посылаютъ дѣтей своихъ въ Университеты. Всѣ хотятъ быть магистрами; о пользѣ ученія никто и не думаетъ.» Отъ того Лютеръ не обинуясь называетъ Нѣмецкія высокія школы огромными адскими дверями, поглощающими лучшую надежду Христіянскаго міра. Онъ говоритъ знаменательно, указывая на внутреннюю связь государственныхъ отношеній съ вѣроисповѣднымъ вопросомъ. Когда власть Римской Церкви утвердилась на могуществѣ Нѣмецкой имперіи, невѣжественный народъ, обольщенный ложнымъ ученіемъ, оставилъ Евангеліе. Папскіе декреталіи поддерживали новый порядокъ вещей. Явились прузи — магистры и доктора Богословія и Законовѣденія —

двѣ опоры Папства. (1) Ни въ чемъ не сказалась такъ сильно безплодность науки, какъ въ умышленномъ отстраненіи Библіи въ Христіянскомъ ученіи. Лютеръ, 20 лѣтъ отъ роду уже, бывши магистромъ, не видалъ Библіи въ глаза. Карлштадтъ, старый докторъ и деканъ Факультета, черезъ 10 лѣтъ послѣ Лютера, принимается за чтеніе Библіи. Рѣдкіе знали о существованіи пророческихъ книгъ, и кто зналъ, не занимался ими, считая ихъ непонятными. Онъ увѣренъ былъ, по собственному сознанію, что все Евангеліе и всѣ посланія апостольскія содержатся въ церковной постиллѣ, то есть, въ воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ по уставу Латинскому. «Какъ удивился онъ,»—говоритъ простодушно Маттезій,—«когда, разсматривая книги Университетской библіотеки Эрфурта по ряду, онъ нечаянно наткнулся на Латинскую Библію и замѣтилъ, съ большимъ изумленіемъ, что въ ней текстъ несравненно обильнѣе вседневныхъ постиллъ, читаемыхъ въ Церкви и объясняемыхъ съ каѳедры. Оглядываясь въ Ветхомъ Завѣтѣ, онъ находитъ исторію Самуила и его матери Анны, и прочитываетъ ее съ жадностію и съ сердечною радостію и умиленіемъ. А какъ все прочитанное было для него новымъ, онъ начинаетъ вздыхать отъ глубины сердца и проситъ Бога сподобить его пріобрѣтенія такой книги въ собственное владѣніе. Въ Папствѣ Библію бросали подъ лавку; считали ее книгой еретиковъ; докторъ тогда только оправдывалъ высокое званіе, когда вносилъ свои вымыслы въ ученіе вѣры.» (2) «Я знаю, что я не лгу,»—прибавляетъ Лютеръ,—«потому что я выросъ между этимъ народомъ; все это видѣлъ своими глазами и слышалъ ушами. Мышенскій епископъ, Сангаузенъ, говаривалъ: «Есть книга, по имени Библія; когда читаешь ее, приходитъ на мысль, что въ Христіянской Церкви не все въ надлежащемъ порядкѣ.» На Аугсбургскомъ сеймѣ, 1530 года, кардиналъ Майнцкій, Альбрехтъ, прочитывалъ Библію; на вопросъ одного изъ совѣтниковъ, нечаянно вошедшаго въ комнату: «На какую потребу курфирсту такое занятіе?» онъ отвѣчалъ простодушно: «Я не знаю, что это за книга, потому что все, что въ ней ни написано, свидѣтельствуетъ противъ насъ.» (3) При такомъ направленіи общественнаго, воспитанія спрашивается:

(1) Walch, X, 25 ст. Окр. посл.—Walch, IV, 22 Пс. §. 264, S. 1775, flg.

(2) Walch, IV, Объясн. 10 Пс. §. 57, S 912.—XVI, §. 34, S. 1121. — Matthesius, I Predigt, S. 9

(3) Walch, XXII, с. 1, §. 26, S. 35.

какое понятіе о вѣрѣ могли имѣть люди простые, не посвященные даже въ тайны запутанной схоластики, а между тѣмъ лишенные въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій живаго слова евангельскаго? Правда, были и въ Германіи переводы Библіи на Нѣмецкій языкъ, предшествовавшіе цѣлымъ столѣтіемъ великому труду Лютера, но писанные такимъ варварскимъ языкомъ, что читавшіе не понимали. Маттезій разсказываетъ въ 13 проповѣди о жизни и ученіи Лютера, что онъ, въ молодости своей, видѣлъ изуродованную Нѣмецкую Библію (eine unteutsche deutsche Bibel), безъ сомнѣнія, переложенную съ Латинскаго, непонятную и неясную (dunkel und finster), потому что въ то время ученые не занимались Св. Писаніемъ. Отецъ его имѣлъ также Нѣмецкую постиллу, которая, кромѣ воскресныхъ Евангелій, содержала еще толкованія на нѣкоторыя части Ветхаго Завѣта, и молодой Маттезій читалъ ихъ съ восхищеніемъ. «Дорого далъ бы я,»—говорилъ отецъ его,—«чтобы только увидѣть полную Нѣмецкую Библію.» (1)

Что касается до монастырей, то первоначальное назначеніе ихъ въ Нѣмецкой землѣ было чисто практическое. Въ этомъ смыслѣ ихъ принимаетъ и Лютеръ, и даже желаетъ ихъ возстановленія. «Я не презираю,»—говоритъ онъ,—«обрядовъ церковныхъ «и монастырскихъ уставовъ; то было первою школою и наставле«ніемъ духовныхъ (ja das ist die erste Zucht und Unterwesung der «geistlichen gewesen), чтобы тотъ, кто вступалъ въ монастырь, пре«бывалъ въ послушаніи у настоятеля и учился не имѣть соб«ственности и не предпринимать ничего для себя, а былъ бы го«товъ служить всякому во всемъ. Въ то время монастыри были «настоящими школами, въ которыхъ Христіянская свобода упра«жнялась и изучалась на опытѣ, какими они были бы и теперь, «если бы сохранилась въ нихъ прежняя строгость устава. Лю«бовь и милосердіе были цѣлію этихъ обрядовъ.» (2) Въ сочиненіи «О монашескихъ обѣтахъ» онъ возводитъ такое устройство обителей къ первымъ вѣкамъ Христіянства и находитъ имъ подтвержденіе въ уставахъ апостольскихъ. «Мы видимъ въ древнѣй«шія времена Христіянства похвальный обычай поручать юношей

---

(1) Matthesius, S. 392.

(2) Walch, IV, Объясн. I Пс. §. 58, S. 298. Этимъ объясняется уваженіе Лютера къ обителямъ братства общаго житія. Въ 1532 году онъ ходатайствомъ своимъ спасъ Вестфальскую обитель въ Герфордѣ, которую городская дума хотѣла закрыть. Ullmann, Reformatoren, II, 191—192.

«до извѣстнаго возраста опытнымъ старцамъ, для поученія въ вѣрѣ «и послушаніи, по слову апостоловъ: ««Юніи повинитеся старцемъ (1 Петр. V, 5).» Отсюда обычай приглашать воспріемниковъ къ крещенію младенцевъ, для ихъ наставленія въ вѣрѣ. «Со временемъ устроены были Христіянскія школы, въ которыхъ воспитывались и дѣвицы, какъ читаемъ въ житіи св. «Агнесы. Эти школы были разсадниками монастырей и обителей «для тѣхъ, которые, по собственному влеченію, оставались въ нихъ «жить постоянно.» (1) «Отроки получали свободное содержаніе до «извѣстнаго возраста, когда становились способными ко всякаго «рода занятіямъ. Со временемъ, по единогласному свѣдѣтельству «церковныхъ историковъ, ихъ сочетали бракомъ для предохраненія отъ праздности, лѣни, бродяжничества.» (2) «Они приготовляютъ къ занятію государственныхъ должностей и къ служенію проповѣди.» (3) Такъ дѣйствительно было на Западѣ, согласно съ дѣловымъ его направленіемъ. Августиновы братства были свободными сборищами учащейся молодежи, которая не связывалась обѣтами безбрачной жизни и монастырскаго общежитія. (4) Въ Уставѣ блаженнаго Августина есть одно правило, по которому количество и качество пищи въ монастырѣ предоставляется свободному расположенію и естественной потребности иноковъ, въ случаѣ болѣзни приказывается прибѣгнуть къ совѣтамъ врача; «потому что не всѣ одинаковой силы, а потому и не «могутъ быть на одномъ содержаніи». (5) Государи покровительствовали монастырямъ, снабжали ихъ жалованными помѣстьями, доходы съ которыхъ шли на содержаніе наставниковъ, на умственное и нравственное воспитаніе юношей (6). Такъ было первоначально и въ Германіи. Первые монастыри, основанные въ Нѣмецкой землѣ св. Бонифаціемъ, носили неизмѣнный характеръ Христіянскихъ училищъ; при нихъ заводились книгохранилища; отъ нихъ исходило по всѣмъ направленіямъ образованіе умствен-

(1) Seckendorf, Comm. de Lutheran. c. 105, S. 257. «Hinc primum natae scholae Christianae... et his tandem collegia et monasteria pullulaverunt propter eos, qui perpetuo et libere in scholis istis manere volebant.» — Walch, XIX, S. 1903.

(2) Walch, XII, S. 2468.

(3) Walch, X, 13 я статья Окр. Посланія.

(4) Walch, X, О брачной жизни, §. 14, S. 700—Апологія Аугсб. испов. XVI, §. 120, S. 1328; §. 716, S. 1605.

(5) Walch, XVI, §. 214, S. 2760, О Соб. и Церкви.

(6) Walch, X, Объ обяз. родит. къ дѣтямъ §. 11, S. 494.—XII, S. 2468.

ное и религіозное, обращавшее дикіе лѣса и пустыни въ цвѣтущія селенія и нивы руками трудолюбивыхъ Бенедиктинцевъ, первыхъ насадителей духовной жизни и гражданственности въ Нѣмецкой землѣ. Но когда корыстное начало возобладало въ монашеской жизни на Западѣ, измѣнился характеръ обителей. (1) Съ Генриха III началось особенное размноженіе иноческихъ орденовъ. Бернардъ былъ первымъ великимъ поборникомъ отшельничества Германіи. Онъ произвелъ окончательное раздвоеніе между народною жизнію и исключительностію монастырскаго житія, хотя самъ былъ замѣшанъ во всѣ государственныя дѣла своего времени. Современникъ четырехъ императоровъ, 36 лѣтъ начальствуя Клервоской обителію, онъ основалъ въ Германіи до 160 монастырей Цистерціянскаго ордена. Онъ ограничилъ прежнюю свободу общежитія, постановивъ неизмѣннымъ закономъ обѣтъ пожизненнаго пребыванія въ обители. Въ XIII столѣтіи поднимаются Доминиканцы и Францисканцы, по выраженію Лютера, могучіе столпы владычества папы (des Pabsthums Columnae, die ruhmräthigen und herrlichen Atlanten und des Pabst Träger). (2) Непосредственно подчиненные папѣ, независимые отъ мѣстныхъ церковныхъ властей, наушники царей, распорядители ихъ совѣсти, они овладѣли общественнымъ преподаваніемъ и проповѣдію, и гибельно дѣйствовали на толпы народныя. Въ концѣ XV столѣтія, когда на всѣхъ концахъ Германіи заводились разсадники возраждавшагося классическаго изученія древнихъ, одни монастыри, огражденные тройными затворами, не отозвались на современные вопросы, а воспитывали упрямыхъ и суевѣрныхъ обожателей папы. Отсюда всенародная проповѣдь въ собственномъ смыслѣ въ средніе вѣка не существовала въ Германіи. Причина—употребленіе Латинскаго языка, доступнаго для одного духовенства; невѣжество большей части Братьевъ, которые хвалились названіемъ «fratres ignorantiae,» какъ признакомъ смиренія, преслѣдуя ревнивою ненавистію всякое умственное образованіе; наконецъ, недостатокъ людей, назначавшихся собственно для служенія слова, а

(1) Въ XIV и XV вѣкѣ уставъ блаж. Августина ожилъ во всей чистотѣ въ монастыряхъ Виндесгеймскихъ канониковъ и Уволльскомъ на горѣ св. Агнесы, основанныхъ Флоренціемъ Радевиномъ, начальникомъ братства свободнаго житія. Ullmann, Reformatoren, II, 94, 95, 131, flg. Въ послѣднемъ изъ нихъ жилъ (71 годъ) и умеръ Ѳома Кемпенскій.

(2) Walch, XXII, c. 30, §. 9, 11, S. 1454, 1456.

болѣе всего господствующая форма схоластики, даже въ краснорѣчіи духовномъ. Германія XIII и XIV в. представляетъ только отдѣльные примѣры проповѣдниковъ, бесѣдовавшихъ съ народомъ на родномъ языкѣ, и то большею частію мистиковъ, которыхъ дѣятельность не могла простираться на большинство народа, а вращалась въ тѣсномъ кругу обращенныхъ, стоявшихъ на высшей степени образованія. Епископы, погрязшіе въ свѣтскихъ отношеніяхъ, слагали обязанность благовѣстія на безвѣстныхъ монаховъ, обходившихъ города и селенія, съ продажною проповѣдію, которая невольно поражаетъ насъ своимъ грубо чувственнымъ свойствомъ. Иному городу приходилось довольствоваться недѣлею въ годъ, когда заходилъ въ предѣлы его странствующій монахъ-проповѣдникъ, такъ называемый terminarius или stationarius; дальнѣйшее пребываніе въ селеніи, или городѣ, откупалось дорогими деньгами. (1) Каковы были проповѣди? Можно судить изъ примѣровъ, предложенныхъ Лютеромъ. Лучшія предлагали народу частные случаи жизни Христовой, не касаясь Царства Благодати. (2) Доминиканцы, съ притязаніями на ученость, боялись, считали стыдомъ и даже нелѣпостію упоминать на каѳедрѣ имя Христово. Не говорили также ни о пророкахъ, ни объ апостолахъ, не приводили никогда ихъ писаній. Обыкновенный составъ духовнаго слова былъ слѣдующій: вопросъ изъ Скота, или Аристотеля, потомъ раздѣленія, различенія и вопрошенія. Ежедневно проповѣдывались новые вымыслы, обманы и мечтанія; изъ нихъ слагались настольныя книги для будущихъ проповѣдниковъ. Этѣ книги размножались до безконечности. (3) Никогда проповѣдь не начиналась съ Евангельскаго изреченія; выбирали положенія изъ Аристотеля, Платона, Сенеки, Сократа, заимствовали доказательства изъ древнихъ классиковъ, не гнушались сближеніями изъ языческой миѳологіи. Къ Евангельской повѣсти примѣшивали разныя басни «о старомъ ослѣ, о Дитрихѣ Бернскомъ, о синей уткѣ, о куриномъ молокѣ»; невѣжественные Францисканцы стучались во всѣ двери съ своими нелѣпыми побасенками и суевѣрными обрядами; народъ слушалъ съ жадностію ихъ нескладные разсказы и щедро оплачивалъ деньгами и естественными произведеніями. (4)

(1) Walch, XXII, c. 22, §. 38, S. 1001.
(2) Walch, IV, Объясн. 19 Пс. §. 7—11, S. 1473, flg.—Объясн. 22 Пс. §. 227, S. 1753.
(3) Walch, XXII, c. 7, §. 179, S. 522;—XVI, §. 53, S. 1140.
(4) Jürg, I, 200—202.—II, 551.

На каѳедрѣ проповѣдники позволяли себѣ неприличныя выходки; одинъ начиналъ свое слово припѣвомъ: «Поѣхалъ мужикъ по дрова;» другой приводилъ на память прошедшія оргіи; третій, въ присутствіи князя, прерывалъ свою проповѣдь для хозяйственныхъ распоряженій. (1) Разсужденія о нравственныхъ предметахъ приправлялись крѣпкими тѣлодвиженіями, которыя внушали почтеніе народу, когда увѣщанія словесныя оказывались несостоятельными. Всѣ эти отзывы Лютера о состояніи проповѣди подъ гнетущимъ игомъ Латыни сходятся въ малѣйшихъ чертахъ съ подобными же отзывами другихъ, уважаемыхъ современниковъ: аббата Тритгейма, Эразма, Маттезія, Миконія и прочихъ. Громкія жалобы раздавались въ мыслящей половинѣ народа, по мѣрѣ того, какъ возрастала жажда всеобщаго, неизбѣжнаго преобразованія. Не раньше, какъ въ исходѣ XV вѣка, духовное краснорѣчіе принимаетъ формы, болѣе соотвѣтствующія важности его назначенія, въ лицѣ Стразбургскаго проповѣдника Гейлера Кейзерберга, котораго великая популярная дѣятельность вызвала сильное противодѣйствіе существующимъ формамъ Латинской проповѣди, въ цѣломъ рядѣ молодыхъ дѣятелей, современниковъ и товарищей Лютера. Изъ школы Гейлера безъ сомнѣнія вышелъ и самъ реформаторъ, упоминающій объ немъ въ Застольныхъ рѣчахъ. (2) По крайней мѣрѣ въ нравственныхъ и вѣроисповѣдныхъ понятіяхъ Гейлеръ сравнительно близко подходитъ къ воззрѣнію Лютера. (3)

Эти два отношенія—отсутствіе всенародной проповѣди и безплодность общественнаго воспитанія, отразились печальными слѣдствіями для вѣроисповѣднаго состоянія Нѣмецкой земли. Къ концу XV вѣка огромное большинство народа теряло послѣднее чувство вѣры, закованной въ мертвыя формулы обрядовой набожности, и, что всего важнѣе, теряло потребность въ вѣрѣ, отказывалось отъ нея добровольно, какъ отъ чего-то лишняго, обременительнаго для нравственнаго произвола. Въ началѣ XVI, цѣлая паства, послѣ ежедневныхъ проповѣдей Лютера, въ продолженіе полугода

(2) Walch, XXII, c. 22, §. 27, S. 991.—§. 79, S. 1024.

(3) Walch, XXII, c. 22, §. 28, S. 995. Вопреки Юргенсу который говоритъ (II, 519), что онъ никогда не познакомился съ сочиненіями Гейлера, въ противномъ случаѣ не опустилъ бы упомянуть объ этомъ предшественникѣ Реформаціи.

(4) Сравни сказанное о Гейлерѣ въ Hagen, Literarische und religiöse Verhältnisse im Reformations Zeitalter, I, 122—128.

и больше, откупаетъ у Тецеля право грѣшить безнаказанно, и всенародно ссылается на отпускныя грамоты. Такого явленія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ человѣчества, такого заговора цѣлой народности противъ высшаго духовнаго начала, не представляетъ намъ исторія ни одного Европейскаго племени. Глубокая безнравственность съ плачевнымъ безвѣріемъ отличаетъ Нѣмецкій народъ при началѣ реформаціи. Вѣра въ Искупителя смѣняется вѣрой въ нечистую силу, безъ всякой возможности противодѣйствовать ея непріязненному вліянію на жизнь человѣческую. Самъ Лютеръ, воспитанный въ этѣхъ преданіяхъ, раздѣляетъ въ полной мѣрѣ суевѣріе своего народа; оно отражается въ странномъ воззрѣніи его на духовный міръ, въ которомъ онъ видитъ какую-то двойственность могущества, соревнованіе власти между Богомъ и діяволомъ. Міросозерцанію Лютера нельзя отказать въ особенной величавости, суровой поэтической красотѣ; оно вынесено имъ изъ глубины религіознаго духа; но сроднилось съ господствующими чертами народнаго воззрѣнія, въ которомъ діяволъ олицетворяется не во внутреннемъ противоборствѣ благодати Христовой, а въ видимыхъ знакахъ вездѣприсутствія въ мірѣ. Онъ развилъ до послѣднихъ ужасающихъ выводовъ слово Евангельское, которое духу злобы придаетъ названіе князя міра сего. Діяволъ, по опредѣленію Лютера, есть духъ вездѣсущій, который безпрерывно жаждетъ нашихъ слезъ и сердечныхъ капель крови, который старается испепелить насъ отчаяніемъ. (1) Два великія орудія его дѣйствій: міръ и совѣсть. Въ мірѣ онъ властвуетъ неограниченно. «Мы душей и тѣломъ, какъ пришельцы и странники, подлежимъ его владычеству,—въ обширной гостинницѣ, въ которой хозяиномъ діяволъ, хозяйкою міръ, а всѣ злыя похоти—прислужниками. Здѣсь, на землѣ, мы въ сердцѣ его царства и гостимъ на собственномъ дворѣ его; прислуживаетъ намъ его челядь. Онъ разсылаетъ то княжескихъ, то дворянскихъ чертей, и мы, несчастные, ночуемъ на станціи врага нашего, какъ въ вертепѣ разбойниковъ, и сражаемся съ нимъ въ его собственной крѣпости. Въ его власти все, что служитъ къ сохраненію жизни тѣлесной, воздухъ, пища, одежда. Онъ нагоняетъ на младенцевъ болѣзни. Черти летаютъ по воздуху въ видѣ облаковъ, шмелями роятся около насъ, въ безчисленномъ мно-

(1) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. Іоанн., §. 207, S. 439.

жествѣ являются и въ видимомъ образѣ пролетають небеса огненными драконами, въ лѣсахъ и въ водѣ прыгають козлами, заползаютъ въ болота и топи, убиваютъ и топятъ людей, особенно любятъ пустые дома, уединенные околодки; воздухъ и небо, насъ обнимающее, ими наполнено; они сидятъ тутъ и подкарауливаютъ человѣка. Убійства, рати, болѣзни, падежи скотскіе, бури и грады—все дѣйствіе діявола.» (1) Онъ выводитъ спящихъ людей изъ постели и ставитъ ихъ на краю пропасти, гдѣ только заступленіе ангеловъ можетъ спасти ихъ; онъ увлекаетъ дѣвицъ въ морскія бездны, оплодотворяетъ ихъ чрево, и снова выпускаетъ на свѣтъ Божій; похищаетъ младенцевъ и кладетъ въ колыбель свои собственныя дѣтища, которыя достигаютъ 20 лѣтняго возраста. (2) Лютеръ разсказываетъ, что онъ самъ видалъ часто діявола въ видѣ свиньи, или блуждающихъ огней, и опровергаетъ общее мнѣніе, что это души усопшихъ, приходящихъ къ живымъ за молитвой. Онъ вѣрилъ заклинаніямъ, приписывалъ нечистой силѣ свои собственныя болѣзни; обезьянъ и змѣй считалъ любимыми образами воплощенія бѣса, боялся привидѣній, покойниковъ. (3) Въ Виттембергскомъ монастырѣ сатана являлся ему ночью, послѣ ранней обѣдни, за чтеніемъ псалтыря, и три раза поднималъ шумъ въ очагѣ. На Вартбургѣ грызъ орѣхи, для него приготовленные, бросалъ скорлупы въ постелю его, съ шумомъ и трескомъ скатывалъ ведра внизъ по ступенямъ, загроможденнымъ крѣпкими чугунными цѣпями, хотя, впрочемъ, извѣстная басня о чернильномъ пятнѣ принадлежитъ къ позднѣйшимъ преданіямъ. Объ Аугсбургскихъ видѣніяхъ я говорилъ уже. Тоже могущество, которое Лютеръ приписываетъ діяволу въ естественномъ и нравственномъ мірѣ, еще въ большой мѣрѣ проявляется во вліяніи его на дѣла государственныя и вѣроисповѣдныя. Онъ ослѣпилъ сердца Второкрещенцевъ и Сакраментаріевъ, и приворожилъ ихъ къ обману; онъ дѣйствовалъ въ Мюнцерѣ; онъ набрасываетъ чары свои на Папистовъ; онъ ослѣпилъ Магомета;

(1) Walch, VIII, Объясн. 3 гл. Гал. §. 16, S. 1937.—VIII, Объясн. 18 гл. Іоанна §. 167—189, S. 910—911.—IX Объясн. 5 гл. I Пет. §. 25, S. 86—IX, О духовномъ оружіи, §. 48—50, S. 461 — 462; §. 65. S. 471; §. 68, S. 473. — VIII Объясн. 14 гл. Іоанна §. 90, S. 57» §. 184—187, S. 111—114.—XXII, c. 21, §. 10, S. 1097; §. 26, S. 1114; §. 51, S. 1121; §. 38, S. 1122—1122; §. 72, 1151; §. 107, 1182; §. 114.

(2) Walch, XVII, §. 77—78, S. 1155.

(3) Walch, XXII, §. 53, S. 1138; §. 70, 1149; §. 66, 1146; §. 99, S. 1175; — I, §. 94, S. 313: «Es müsste gar ein kühner Mann sein, der allein bei einem todten Leichnam bleiben konnte.»

язычники древняго міра были подъ властію діявола, а потому безъ изъятія подпали вѣчной погибели. (1) Въ Христіянствѣ ежедневно совершается борьба добрыхъ ангеловъ съ злыми, подъ начальствомъ Михаила архангела. Всѣ подобные имъ короли стоятъ подъ крѣпкою рукою этого міродержителя (*κοσμοκράτορ*); нашъ герцогъ Саксонскій имѣетъ своего діявола, который мѣшаетъ ему въ распространеніи Евангелія. Онъ всегда при Дворѣ. Всѣ благія дѣла государя совершаются по внушенію ангела, а злыя по внушенію діявола. На Аугсбургскій сеймъ всѣ епископы привели съ собой по столько бѣсовъ, сколько блохъ на собакахъ; но Богъ на выручку прислалъ еще болѣе ангеловъ. (2)

Эта крѣпкая вѣра Лютера во всеобъемлющее дѣйствіе нечистаго духа, особенно замѣчательна по связи ея съ народными убѣжденіями. Если взглядъ преобразователя, одухотворенный живою вѣрою въ благодатную силу страданій Спасителя, отгоняющихъ вражескую силу, не могъ отрѣшиться отъ инстинктивнаго страха и странныхъ предразсудковъ, вложенныхъ въ него воспитаніемъ! Если онъ, проповѣдникъ Евангелія, увѣренный въ чистотѣ и истинѣ своего ученія, находился попеременно подъ охраною небесной силы и подъ темнымъ вліяніемъ поднебеснаго духа, то что сказать о народѣ, который раздѣлялъ заблужденія Лютера, не умѣряя ихъ здравымъ Христіянскимъ смысломъ? 24-я глава Застольныхъ рѣчей посвящаетъ насъ въ страшныя подробности служенія бѣсу, повторявшагося въ то время на всѣхъ концахъ Нѣмецкой земли. Всѣ сословія народныя равномѣрно участвовали въ этомъ служеніи, дворяне еще болѣе простолюдиновъ. Конечно, Латинская Церковь освящала признаніемъ странныя повѣрія народа; но Фаустъ есть все таки созданіе чисто Нѣмецкое, независимо отъ религіи, его возраcтившей. Правда, у Славянъ были также повѣрья, и теперь еще не утратившія своего значенія; и у нихъ нечистая сила играетъ великую роль и имѣетъ значительное вліяніе на судьбу человѣка; но эта смѣсь языческихъ представленій о непріязненной силѣ, враждующей земнороднымъ, съ Христіянскимъ ученіемъ о діяволѣ, все же покорствуетъ религіозному началу Славянской жизни; мы признаемъ наважденіе

---

(1) Walch, XXII, §. 24, §. 134, S. 1200; §. 43, S. 1129;—VIII, Объясн. 3 гл. къ Галат. §. 20—21, S. 1959, flg.—§. 37, S. 1970;—XII, §. 19, S. 1489;—VIII, Объясн. 16. гл. Іоанна, §. 53—54, S. 308.

(2) Walch, X, Объ ангелахъ, §. 16—19, S. 1272—1274.—IX О дух. оружіи, §. 48, S. 461.

діявола, какъ наказаніе отступникамъ отъ благодати, признаемъ и возможность примиренія орудіемъ молитвы и покаянія. Этого примиренія Нѣмецкое человѣчество не признавало. Приведу нѣсколько былей, скрѣпленныхъ свѣдѣтельствомъ людей достовѣрныхъ, извѣстныхъ правдивостію между современниками. При Дворѣ императора Максимиліяна жило двое дворянъ, до того ненавидѣвшихъ другъ друга, что одинъ грозилъ другому убійствомъ. Въ одно утро одинъ изъ нихъ найденъ былъ въ постелѣ убитымъ. Подозрѣніе пало, естественно, на его товарища, тѣмъ болѣе, что мечь его найденъ въ ножнахъ окровавленнымъ. Взятый подъ стражу, онъ успѣлъ доказать свою невинность, представивъ свѣдѣтелей въ томъ, что онъ ночью не выходилъ изъ дома. Между тѣмъ онъ сознался, что видѣлъ во снѣ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ убиваетъ товарища, и лошадь его найдена въ стойлѣ дрожащей и взмыленой. На чемъ же рѣшаетъ императорскій каммергерихтъ? Онъ догадывается, что убійство совершено діяволомъ, и измѣняетъ смертную казнь въ вѣчное изгнаніе виновному за мысленное покушеніе на жизнь товарища. Такимъ образомъ діяволъ является полнымъ властелиномъ человѣческихъ дѣйствій, а человѣкъ уловленъ безсознательно въ его темное владычество. Такъ разсказано было это событіе Лютеру Саксонскимъ канцлеромъ, Брюкомъ. (1) Другое, еще болѣе разительное, случилось въ Мельбургѣ въ Тюрингской области, въ окрестностяхъ Эрфурта, и сообщено Лютеру Фридрихомъ Миконіемъ, который слышалъ его отъ очевидца и Мельбургскаго проповѣдника, Бекена. Одинъ свирѣльщикъ, промышлявшій искуствомъ своимъ на свадьбахъ, находился подъ вліяніемъ діявола, который грозилъ ему похищеніемъ за то, будто бы, что онъ въ веселомъ кружкѣ пилъ изъ длиннаго стакана вино, въ которое какой-то шутникъ примѣшалъ навозу. Несчастный каялся въ грѣхѣ своемъ; священникъ отчитывалъ его, укрѣплялъ въ искушеніяхъ словами Евангельскими, и, въ залогъ безопасности, отпустилъ ему на домъ животворящее тѣло и кровь. Но бѣднякъ не могъ разстаться съ мыслію, что діяволъ, хотя и не коснется души его, но никто не помѣшаетъ ему сдѣлать озлобленіе тѣлу его. Въ урочное время жилище свирѣльщика окружили знакомые въ полномъ вооруженіи; другіе не отходили отъ него, проводя съ нимъ дни и ночи

---

(1) Walch, XXII, c. 21. § 75, p. 1152.

въ неотступной молитвѣ и чтеніи Слова Божія. Въ воскресную полночь поднимается буря, тухнутъ свѣчи и при затворенныхъ дверяхъ нечистый духъ влетаетъ въ окошко и беретъ свою жертву, которая на другое же утро найдена мертвою въ близъ протекавшемъ ручьѣ. Таже исторія и съ тѣми же подробностями разсказана была Лютеру Юстомъ Меніемъ, какъ случившаяся въ Эйзенахѣ, въ 1516, или въ 1523 году, съ такимъ же свирѣльщикомъ, подпавшимъ вліянію нечистаго духа за то, что онъ потѣшалъ гостей на свадьбѣ невѣсты, обрученной другому; ни исповѣдь и причащеніе, ни соборная молитва священниковъ, не спасли несчастнаго, который въ назначенный часъ похищенъ былъ діяволомъ. Никто, въ цѣломъ околодкѣ, не сомнѣвался въ достовѣрности этой повѣсти, и Лютеръ выводилъ изъ нея заключеніе, что вѣра въ Іисуса Христа, крещеніе и евхаристія спасаютъ лишь отъ духовной смерти, но тѣло человѣка все же невозбранная добыча діявола, потому что онъ самаго Сына Божія возвелъ на крестъ. (1) Подобныя преданія въ Славянской народной поэзіи о волколакахъ, высасывающихъ кровь сонныхъ непріятелей, какъ порожденія поэтической фантазіи народа, находятъ естественное объясненіе въ историческихъ данныхъ о Вильцахъ или Волчкахъ, и въ Геродотовой повѣсти о превращеніи Невровъ въ волковъ. (2) Славяне наполняютъ также природу сверхъестественными существами; таковы наши: водяные, домовые и лѣшіе, у Западныхъ Славянъ еще болѣе: огненные змѣи или, такъ называемые, плены, блудники и блудннчки, водные мужи и жены, морены, черезпольницы, трясы; но въ высшей степени замѣчательно, что они не имѣютъ никакой связи съ Христіанскимъ ученіемъ о діяволѣ: это духи служебные, привязанные къ извѣстной стихіи природы; вліяніе ихъ вообще болѣе благодѣтельное, чѣмъ непріязненное, не касается духовнаго міра, а ощутительно только въ домашнемъ хозяйствѣ, въ чисто внѣшнихъ отношеніяхъ. Въ нихъ большею частію фантазія народа олицетворяла враждебныя, или полезныя, силы природы, его окружающей. Нѣкоторые изъ нихъ до того слабы и немощны, что нуждаются въ помощи человѣка, хотя и одарены высшимъ даромъ предвѣдѣнія грядущаго зла, или счастія. Преданія о Чернобогѣ, о Дясѣ, или Трясѣ, о злыхъ

(1) Walch, Ibid. S. 24, §. 79, 80, S. 1155—1158;—c. 25, §. 2, S. 1205 «Die Seele wird erlöset, doch muss der Leib des Teufels Mordstiche gewärtig sein.»

(2) Šafarik, Slow. star. I, 167; въ Русск. перев. О. М. Бодянскаго, I, кн. 2, стр. 327 и слѣд.

духахъ (Нижнелужицки врегинахъ) долетаютъ изъ глубокой старины до нашихъ временъ лишь въ отдаленныхъ неясныхъ отголоскахъ; Христіянство въ этомъ случаѣ одержало совершенную побѣду. Смолеръ, издатель Сборника Верхне и Нижне-Лужицкихъ народныхъ пѣсенъ, въ приложенномъ описаніи народныхъ повѣрій и остатковъ старинной Славянской Миѳологіи у Лужицкихъ Сербовъ, замѣчаетъ справедливо, что вѣра во враждебное дѣйствіе нечистыхъ духовъ совершенно исчезла въ народѣ, что ему не приписывается, какъ дѣлаетъ Лютеръ, болѣзненное состояніе тѣла, вообще, что не сохранилось въ преданіяхъ народа ни малѣйшаго слѣда независимаго существованія и дѣйствія внѣ человѣка. Человѣкъ не лишается нравственной свободы, удѣленной ему Христіянствомъ; онъ силой креста прогоняетъ нечистаго духа; онъ не боится его могущества, и только тогда становится добычею ада, когда добровольно ему предается. Въ Германіи XVI столѣтія все сверхъестественное, все враждебное въ природѣ олицетворяется въ страшномъ вездѣсущіи державнаго духа, которому жизнь человѣка предана въ беззащитную жертву, отъ котораго, по выраженію Лютера, нельзя отдѣлаться ни постомъ, ни крестомъ. Безполезность борьбы увлекаетъ суевѣрнаго Нѣмца въ ужасную крайность поклоненія діяволу. Лютеръ разсказываетъ объ одномъ Виттембергскомъ студентѣ, который на вопросъ его, какъ можетъ онъ жить, не боясь ни Бога, ни человѣковъ? Отвѣчалъ, что онъ записался на службу діявола такими словами: «Я отрекаюсь отъ вѣры въ Іисуса Христа и вступаю въ службу другому господину. (1) Въ 1538 году, въ Зюссенѣ, діяволъ похитилъ трехъ человѣкъ, предавшихся ему, въ самую Великую пятницу. (2) Одинъ дворянинъ, заключившій союзъ съ діяволомъ, промышлялъ безнаказанно разбоемъ, былъ взятъ подъ стражу, но, съ помощію своего покровителя, избавился отъ заключенія. Другой, по той же причинѣ, одерживалъ блестящія побѣды на турнирахъ и рыцарскихъ играхъ; потомъ покаялся и провелъ послѣдніе дни въ безмездномъ служеніи больнымъ. (3) На псовой охотѣ, устроенной однимъ дворяниномъ въ окрестностяхъ Виттемберга, Лютеръ и другіе гости видѣли своими глазами, какъ хозяинъ гнался за зайцемъ, и лошадь внезапно пала подъ всадникомъ,

(1) Walch, XXII, §. 103, S. 1179.
(2) Ibid. §. 73, S. 1151.
(3) Ibid. §. 81—82, S. 1158—1159.

а заяцъ поднялся на воздухъ, какъ привидѣніе бѣсовское. По этому случаю разсказанъ былъ анекдотъ о дворянахъ, перегонявшихъ другъ друга на скачкѣ, съ уговоромъ, что тотъ, кто отстанетъ, становится жертвой діявола, и бѣсъ въ самомъ дѣлѣ похитилъ на воздухъ отсталаго всадника. Въ другой разъ 8 зайцевъ, затравленныхъ въ Тюрингіи, на Герзельбергѣ, на другое утро обратились въ лошадиныя головы. (1) Во времена Лютера вся Германія вѣрила въ возможность совокупленія человѣка съ бѣсовскимъ отродіемъ и рожденіемъ дѣтей полу-діяволовъ, не отличавшихся видомъ отъ прочихъ людей. Въ XIV столѣтіи это повѣрье вызвало знаменитую буллу «Summis desiderantes» (1484 года), въ которой папа, Иннокентій VIII, объявляетъ, что дошло до свѣдѣнія его, будто въ нѣкоторыхъ областяхъ Верхней Германіи, а также въ архіепископствахъ Майнца и Кельна, люди обоего пола вступаютъ въ преступныя сношенія съ діяволами, и чарами своими препятствуютъ женскимъ родамъ, прозябенію земныхъ плодовъ, озлобляютъ разными муками людей и животныхъ. Въ слѣдствіе этого онъ облекаетъ двухъ Доминиканскихъ монаховъ и профессоровъ богословія, Шпренгеля и Институриса, въ полномочныя права сыщиковъ чародѣйства, и они, въ томъ же десятилѣтіи, издаютъ знаменитый «Malleus maleficarum,» въ которомъ обстоятельно говорится о колдовствѣ; духовнымъ и свѣтскимъ правителямъ дается подробный наказъ такъ называемыхъ Hexenprocesse. Кельнскіе богословы одобрили, императоръ Максимиліянъ утвердилъ, эту книгу жалованною грамотою. Аббатъ Тритгеймъ во многихъ сочиненіяхъ доказывалъ существованіе Магіи. (2) Преданія о бѣсовскихъ подкидышахъ сохраняются болѣе или менѣе во всѣхъ Славянскихъ народахъ, но въ Германіи онѣ глубоко сроднились съ народнымъ характеромъ, въ XVI вѣкѣ являются общими и обращаютъ вниманіе Нѣмецкихъ правительствъ. Въ городѣ Дессау Лютеръ совѣтовалъ самъ Ангальтскому князю утопить 12-лѣтняго мальчика, котораго считали исчадіемъ ада. Курфирстъ Саксонскій и мѣстные владѣльцы воспротивились исполненію казни. Лютеръ просилъ ихъ, по крайней мѣрѣ, установить ежедневныя моленія во храмахъ объ избавленіи отъ діявольскаго наитія, и проклятый мальчикъ умеръ черезъ два года. Въ Гальберштадтѣ

(1) Ibid. §. 21, S. 1110.
(2) Jürg, I, 210, 211.

былъ такой же подкидышъ (ein Wechselbald oder Kiskropf), до того прожорливый, что ему недоставало матери и пяти кормилицъ, и онъ мучился вѣчною жаждою. Отцу присовѣтовали снести чудовище въ Гоккельштадтъ, къ чудотворному образу Божіей Матери; но на дорогѣ, пока онъ проходилъ съ нимъ по какому-то мосту, бѣсъ изъ воды сталъ перекликиваться съ своимъ отродьемъ, и крестьянинъ съ омерзѣніемъ и ужасомъ бросилъ младенца въ рѣку. Лютеръ съ большой похвалой отзывается объ одномъ, по видимому, современномъ сочиненіи о вѣдьмахъ, находящихся въ плотскомъ совокупленіи съ діяволомъ: «Es hat einer von den succubis oder incubis fein geschrieben, denn es ist nicht seltsam.» Онъ запрещалъ совершать св. крещеніе надъ такими младенцами, «quos supponit Satan in locum verorum filiorum.» (1) Можно положить съ достовѣрностію, что такого рода преданія перешли отъ Нѣмцевъ къ сосѣднимъ Славянамъ Западной отрасли, у которыхъ онѣ по сю пору въ ходу, на что указываютъ чисто Нѣмецкія названія у Лужичанъ: *для домоваго*, Kubotćik—Нѣм. Kobold, *для водянаго* nykus (у Лютера nixen); наконецъ знаменитаго Dyterbernat или Dyter bénada, исполина и воздушнаго ловца, Дитриха Бернскаго. Приведу еще одно сближеніе, въ которомъ рѣзко выдается различіе въ духовномъ воспитаніи Нѣмецкаго народа и нашей древней Руси. Вѣра въ волхвованіе и колдовство во время оно была сильна и въ нашемъ народѣ, но ей противодѣйствовала правительственная власть и въ особенности Церковь. Воевода Янъ Вышатичъ вѣшалъ на Бѣлѣ Озерѣ обманщиковъ, которые обвиняли женщинъ въ истребленіи припасовъ; великодушный князь Глѣбъ, въ виду ослѣпленнаго народа, казнилъ изъ своихъ рукъ другаго обманщика въ Новѣгородѣ, съ которымъ не могла справиться церковная власть. Въ XIII вѣкѣ, епископъ Владимирскій, Серапіонъ, въ сильныхъ выраженіяхъ отвращаетъ народъ отъ обычая наказывать мнимыхъ волхвовъ сожженіемъ и другими ужасными казнями; Церковь наша истребляетъ въ народѣ суетную вѣру, которая приписывала общественныя бѣдствія вмѣшательству вражеской силы въ лицѣ колдуновъ и волхвовъ. Вспомнимъ славный отвѣтъ Воротынскаго Іоанну Грозному, обвинявшему его въ добываніи на него бабъ шепчущихъ: «Государь! Я не научился отъ прародителей своихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрить,

---

(1) Walch, XXII, §. 95—96, S. 1171—1173.—S. 43, §. 145, S 1779.

но Бога единаго хвалить, въ Троицѣ славимаго.» На Западѣ виновникъ и глава реформаціи не только самъ убѣжденъ въ существованіи чародѣевъ, но поощряетъ строгость гражданскаго суда въ наказаніи ихъ. Въ 1538 году Спалатинъ разсказывалъ ему объ одной Альтенбургской дѣвицѣ, очарованной вѣдьмой, и Лютеръ тотчасъ подаетъ голосъ въ пользу смертной казни послѣдней, безъ суда и распроса. Невѣроятно, до какихъ отвратительныхъ крайностей доходило суевѣріе просвѣщеннѣйшихъ современниковъ въ нелѣпой довѣрчивости къ разсказамъ о вѣдьмахъ, которыя портятъ своими чарами яица, масло и молоко, и какія предохранительныя средства употребляли они противъ этого мнимаго чародѣйства. «Съ такими колдуньями,»—говаривалъ Лютеръ,—«я поступалъ бы безъ милосердія, я охотно согласился бы сжечь ихъ своими руками.» (1)

Я сказалъ, что вѣра въ нечистую силу подавила въ Нѣмецкомъ народѣ благія сѣмена истиннаго Богопознанія, по той естественной связи, какая существуетъ между безвѣріемъ и суевѣріемъ. Сюда относятся: до безконечности размножившіяся странствованія на богомолье, упадокъ церковнаго благочинія въ безсиліи мѣстной іерархіи остановить злоупотребленія бродяжничества, искуственная святыня и мнимыя чудеса, плѣнявшія чувственность грубой поддѣлкой природы. (2) Общій обычай всего Христіянскаго Запада съ давнихъ временъ освятилъ путешествія въ Римъ на поклоненіе верховнымъ апостоламъ, въ Испанію къ мощамъ св. Іякова. Особенную заслугу полагали въ томъ, чтобы въ полномъ вооруженіи по лѣтнему жару совершить благочестивыя странствованія. Гибельныя послѣдствія ихъ для религіи и нравственности народа выражались въ изобрѣтенной самими Нѣмцами пословицѣ: «Кто въ первый разъ идетъ въ Римъ, тотъ ищетъ лукаваго, въ другой разъ находитъ его, а въ третій приводитъ съ собой.» «Теперь,»—прибавляетъ Лютеръ,—«народъ навострился до того, что разомъ совершаетъ всѣ три путешествія.» (3) Въ Германіи, по всѣмъ перекресткамъ выставлялась продажная святыня, привлекавшая любопытство и праздность. Похвальное узаконеніе Церкви не позволяло безъ особенной надобности отлучаться отъ своего прихода для какого бы то ни было богослуженія

(1) Walch, XXII, c. 25, S. 1204—1209.
(2) См. Апологію Меланхтона, XVI, §. 575, S. 1547.
(3) Walch, X, 12 ст. Окр. посл.

Но средневѣковой Германіи какъ будьто назначено было пережить на опытѣ все дурное, не сочувствуя ничему хорошему въ Западной Церкви. Вотъ какъ разсуждаетъ Лютеръ о множествѣ часовень или полевыхъ церквей, привлекавшихъ къ себѣ богомольцевъ: «Ихъ разводитъ діяволъ, чтобъ усилить корысть, подавить вѣру, ослабить приходскія церкви, дать страшную пищу порокамъ народнымъ. Гдѣ только есть образъ, даже образъ неосвященный, туда народъ стекается толпами. Церкви не освящаются для того именно, чтобъ продолжалось стеченіе народа. Какъ скоро храмъ освятится и образуется въ правильную приходскую церковь, народъ оставляетъ его и снова начинаетъ свои безконечныя странствованія. Онъ только отвыкаетъ отъ настоящей святыни, тратитъ время и деньги, оставляетъ семейство въ нищетѣ и опасности, а приходы пустѣютъ. Въ часовняхъ безпрестанно возводятъ новыхъ святыхъ, не въ прославленіе святости, въ которомъ не нуждается праведникъ, а для денежнаго сбора. Не то ли же нѣкогда происходило въ Іудейскомъ народѣ, когда завистливый діяволъ отвлекалъ народъ Божій отъ освященнаго самимъ Богомъ Іерусалимскаго храма на безчисленныя мѣста произвольнаго богослуженія? Но тогда, по крайней мѣрѣ, народъ Божій звучалъ во вдохновенномъ словѣ Пророковъ. Не даромъ Христіянская Церковь постановила, чтобы храмы освящались молитвой и словомъ. И если есть у тебя старая женщина, которая стала бы говорить, что она чувствуетъ влеченіе духа на богомолье, то послушайся совѣта друга: возьми дубовый крестъ, и освяти ей хорошими ударами спину; увидишь, какъ перстъ Божій прогоняетъ бѣсовъ.» (1) Знаменитыя сходбища были: Триръ, гдѣ казался народу нешвенный хитонъ Христовъ, Регенсбургъ, Гримская долина, vallis furoris, по буквальному переводу Лютера, въ епархіи Вюрцбургской,—вообще пустынныя мѣста, деревья, освященныя присутствіемъ явленной иконы. (2) Съ какою цѣлію народъ расходился по всѣмъ сторонамъ искать невѣдомой святыни? Съ смиреннымъ ли чувствомъ Русскаго паломника, который идетъ въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню, встрѣтить на мѣстѣ искупленія торжественный часъ воскресной полуночи, засвѣтить лампаду за Русскую землю? Съ самоотверженіемъ ли Русскаго богомольца, который безстрашно

(1) Walch, X, 20 ст. Окружн. посл. — III Объясн. I запов. §. 122—127.
(2) Walch, XVI, §. 31, S. 1139;—XXII, c. 5, §. 16, S. 362.

побѣждаетъ препятствія нищеты и дальняго странствованія, чтобы сложить свою лепту при гробѣ уважаемаго Святаго, и, возвращаясь по той же дорогѣ, укрѣпляется вѣрою, что ему сопутствуетъ невидимое благословеніе? «Какъ нѣкогда Іудеи,»—говоритъ Лютеръ,—«утренневали рано, возносили всесожженія, потомъ ѣли и пили и, расходясь попарно, предавались разврату (Исх. XXXII, 6), такъ было и въ папствѣ. Въ Крестопоклонную недѣлю народъ ходилъ по церквамъ за двѣ, за три мили отъ города, и когда въ городахъ не удавалось сходиться двоимъ для сквернодѣянія, они отправлялись на богомолье и удовлетворяли похоти подъ личиной служенія святымъ.» (1) Римская Церковь издавна славилась поддѣльной святыней; монастырь св. Киріяка въ Веймельбургѣ, не вдали отъ Эйслебена, привлекалъ къ себѣ много народу чудотворнымъ звономъ колокола, изгонявшимъ нечистаго духа. (2) Тѣже нелѣпые разсказы проповѣдниковъ, которые осмѣяны въ Бокаччіевомъ Декамеронѣ, повторялись въ Германіи, гдѣ заслуживали полную вѣру: показывались уголья св. Лаврентія, перо Михаила, вырванное во время единоборства съ діяволомъ, исподнее платье св. Франциска, сѣно, на которомъ лежалъ младенецъ Христосъ, борода Христова, млеко Пречистой Дѣвы и пр. (3) Здѣсь нельзя не припомнить одного весьма важнаго событія, приводимаго Гусомъ въ его сочиненіи о прославленной крови Христовой, гдѣ увидимъ великую разницу въ религіозномъ развитіи Германіи и современной Чехіи. Въ Вильзнахѣ, городкѣ Бранибора, показывалась чудотворная кровь Спасителя, прославленная цѣлительной силой. Два случая въ особенности способствовали исторической значительности этого мѣста. Какой то Генрихъ, вассалъ, вызвалъ на единоборство своего феодальнаго владѣтеля, Фридриха, и, посвятивъ оружіе свое животворящей крови въ Вильзнахѣ, убилъ противника. Другой случай: разбойникъ, убійца, заключенный въ темницу и приговоренный къ смерти, призвалъ на помощь Вильзнахскую кровь и разломалъ двери темницы. Съ тѣхъ поръ чудотворная кровь въ Вильзнахѣ сдѣлалась предметомъ особеннаго поклоненія ближнихъ Нѣмецкихъ областей, а равно и Чехіи, въ которой большинство народа исповѣдывало Латинскую вѣру. Первое противодѣйствіе злому суевѣрію исходитъ отъ Чеховъ. Петръ

(1) Walch, XXII, c. 5, §. 4, S. 552.
(2) Walch, XXII, S. 1107—1144.
(3) Hagen, II, 218.

изъ Аха, гражданинъ Пражскій (Petrzyko de Ach, civis Pragensis), о которомъ Гусъ говоритъ въ 1402 году, какъ уже объ умершемъ (bonae memoriae), рѣшился обнаружить дерзкіе обманы. Сухорукій, онъ пожертвовалъ въ Вильзнахъ, во славу животворящей крови, серебрянную рукавицу и, желая узнать, что станутъ говорить объ ней священники, остался тамъ цѣлыхъ три дня, и въ его присутствіи священникъ возгласилъ съ амвона: «Дѣти! Внемлите чуду!» Вотъ одинъ мѣщанинъ Пражскій исцѣлился силою крови Христовой, и, во свѣдѣтельство чуда, принесъ въ даръ серебряную рукавицу.»—Петръ изъ Аха, поднимая руку, съ негодованіемъ воскликнулъ: «О священникъ! Зачѣмъ обольщаешь народъ? Рука моя по прежнему осталась скорченною.» Въ началѣ XV столѣтія, по настоянію Гуса, посланнаго на слѣдствіе о мнимыхъ исцѣленіяхъ Вильзнахскихъ, Правительство Чешское запретило этѣ странствованія. (1) Во многихъ областяхъ Германіи языческія воспоминанія сохраняли рѣшительный перевѣсъ надъ Христіянскими обычаями; въ XIII вѣкѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, въ окрестностяхъ Эйслебена еще обращаемы были язычники, и до второй половины XV тамъ не было ни одной церкви, а только маленькія часовни. (2) Гусъ, проѣзжая Германію въ 1414 году, находилъ вездѣ самое грубое невѣжество; на всемъ протяженіи Баваріи онъ не встрѣтилъ ни одного крестьянина, который зналъ бы 10 заповѣдей; онъ платилъ за гостепріимство десятословіемъ, а индѣ, вѣроятно, по недостатку матеріяловъ для письма, чертилъ его на мукѣ. (3) Лютеръ два раза повторяетъ анекдотъ о крестьянинѣ, который отвѣчалъ священнику, много толковавшему ему о вѣчной жизни и о будущемъ блаженсовя усопшихъ: «Что намъ до неба, была бы мукà!» (4) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Крестьяне по селамъ, мѣщане по городамъ, дворяне вездѣ, живутъ такъ беззаботно, что не знаютъ ни слова ни о Богѣ, ни объ Евангеліи. Они мрутъ, какъ коровы, проживши какъ свиньи. Въ маленькомъ городкѣ Наумбургской области, во время свирѣпствовавшей тамъ чумы, умеръ священникъ; прихожане согласились не замѣщать его должности, чтобы

(1) Hist. et Mon. Hus, I, f. 160—161.

(2) Jürg. I, 205.

(3) «In quolibet hospitio pro recessionalibus do decem mandata hospiti, et aliculi applico in farina, et hospitae omnes cum viris valde grate suscipiunt me.» Ep. 3. I, f. 58.

(4) Walch, V, Объясн. 90 Пс. §. 164, S. 1147;—II Объясн. 25 гл. Быт. §. 208, s. 168.

не дѣлать лишнихъ издержекъ и умирали, по выраженію Лютера, какъ звѣри безъ таинствъ. (1) Онъ говоритъ въ застольныхъ рѣчахъ: «Мы проповѣдники предлагаемъ во храмахъ драгоцѣнную пищу, вѣчное блаженство, отпущеніе грѣховъ и благодать Божію, а они вздергиваютъ носъ и загребаютъ талеры. На что коровѣ мушкатный орѣхъ, когда она довольна соломой и сѣномъ?» Вотъ что говорятъ наши дворяне, крестьяне, мѣщане: «Пускай подходитъ Страшный Судъ! Пока его нѣтъ еще, давайте ѣсть, пить, безчинствовать, грабить, утопать въ наслажденіяхъ (geitzen, wuchern, huren, buben, saufen fressen); дѣло еще не къ спѣху (es hat keine Noth).» (2) Лютеръ выговариваетъ часто народу и дерзкія рѣчи, во время разлитія Лабы (Эльбы) и потопленія полей: «Коль и потопила ты хлѣбъ мой, такъ не потопила, по крайней мѣрѣ, червонцевъ.» Онъ строго обличаетъ безумный ропотъ крестьянъ на продолжительную непогоду, или засуху. (3) Считаю излишнимъ приводить сближенія съ Русскимъ народомъ. Его чудная преданность Промыслу Божію извѣстна всякому, кто хотя нѣсколько изучалъ его нравы въ безчисленныхъ положеніяхъ его земледѣльческой жизни; она можетъ съ перваго раза показаться безпечностію. Человѣкъ Русскій въ правильномъ состояніи общенія съ природой способенъ до извѣстной степени ко всѣмъ уклоненіямъ чувственности, но онъ до сихъ поръ сохраняетъ прекрасную черту племеннаго свойства; онъ благодаритъ Провидѣніе за доброе и за худое, онъ и въ голодной смерти не входитъ въ судъ съ своимъ Богомъ. Точно также противно его природѣ кощунство надъ святымъ; онъ не отдѣляетъ житейскихъ условій отъ высшаго начала вѣры; напротивъ, каждый шагъ хозяйственной жизни освящаетъ молитвой; въ глубокомъ соприкосновеніи религіи съ жизнію скрывается великое значеніе проповѣди, сопровождающей всю исторію внутренняго развитія Русскаго духа. Народъ Русскій и до сихъ поръ внимаетъ каждому слову проповѣдника съ смиренномудріемъ вѣры; когда слово Божіе раздается во храмахъ устами священнослужителя, онъ тѣснится къ амвону съ испытующимъ взоромъ; онъ ищетъ вразумленія, не скучаетъ бесѣдой о самыхъ высшихъ предметахъ религіознаго созерцанія. Лютеръ жаловался, что когда онъ начиналъ проповѣдывать, народъ весь расходится, и

(1) Walch, XXII, c. I, S. 27,—c. 22, §. 53, S. 1009; §. 155, S. 1073.
(2) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. Кор. §. 54, S. 1485.
(3) Walch, XXII, c. 4, §. 64, S. 502. §. 67, S. 305.

остается не болѣе 10, или 12 человѣкъ, которые слушаютъ его со вниманіемъ; когда онъ заводитъ рѣчь объ оправданіи человѣка, половина слушателей дремлетъ, другая кашляетъ, но всѣ оживляются, какъ скоро заговоритъ о чудесныхъ событіяхъ. Онъ часто во гнѣвѣ оставлялъ церковь, потому что пѣніе псалмовъ и молитвъ заглушалось болтовнею присутствующихъ. (1) «Въ церкви,— говоритъ Себастіянъ Брандъ, въ любимомъ сочиненіи народа, «Narrenschiff,» вышедшемъ въ концѣ XV столѣтія,—«въ праздники, во время воскреснаго богослуженія, мѣщане и купцы толкуютъ о торговыхъ дѣлахъ своихъ, священнослужители и причетники о войнѣ и другихъ новостяхъ, примѣшивая безбожныя шутки; дворяне и рыцари являются въ церковь съ цѣлой стаей соколовъ и собакъ, чтобъ наглядѣться на женщинъ и дѣвокъ.» Упадокъ религіознаго духа въ то время доходилъ до того, что Брандъ ожидаетъ скораго преставленія свѣта. Невѣжество современниковъ не мѣшаетъ имъ кощунствовать надъ самыми святыми истинами Христіянской религіи. Любопытные анекдоты, въ которыхъ выражаются понятія Нѣмецкихъ крестьянъ о таинствѣ Пресвятой Троицы, объ Евхаристіи и прочихъ, можно видѣть въ Шуткахъ Генриха Гебеля, Сборникѣ разсказовъ, извлеченныхъ изъ устъ народа въ началѣ XVI столѣтія.

При такомъ положеніи дѣлъ, естественно, что Германія до Лютера не выставила ни одного значительнаго дѣятеля, который могъ бы стать наравнѣ съ Гусомъ въ обширности дѣйствія и вліянія на человѣчество. Въ новѣйшее время нашлись писатели, которые старались выставить въ преувеличенномъ видѣ начатки противодѣйствія Латинскому ученію вѣры до Лютера. Во главѣ ихъ стоитъ Ульманнъ, котораго книга «Реформаторы до реформаціи» написана съ патріотической цѣлію объяснить преобразованіе Лютера чисто народными началами. Онъ говоритъ въ предисловіи: «Обращая вниманіе на то, что пріуготовило Лютера и другихъ героевъ реформаціи къ ихъ всемірно-исторической дѣятельности, мы увидимъ, что не образъ Гуса, Савонаролы, или подобныхъ имъ мучениковъ, не Виклефскія, или Гуситскія, мнѣнія, послужили къ духовному ихъ воспитанію, а совершенно другія стихіи Христіянской жизни въ религіи и богословіи, именно тѣ, которыя находимъ преимущественно у библейскихъ и здравомыслящихъ

(1) Walch, XXII, c. 9, §. 6, S. 541; c. 22, §. 19, S. 991; §. 80, S. 1025.

мистиковъ Германіи и Нидерландовъ въ концѣ XIV и въ теченіи XV вѣковъ, у менѣе извѣстныхъ богослововъ-эмпириковъ и литераторовъ, между которыми мирный, созерцательный Ступицъ для Лютера, и благородный Виттенбахъ для Цвинглія, послужили ближайшими и непосредственными проводниками. Если спросимъ далѣе, отъ кого преимущественно исходило воздѣйствіе Христіянскаго просвѣщенія и человѣческаго образованія, которыя въ продолженіе XV вѣка въ постепенно расширяющемся объемѣ и возрастающей силѣ тихо и незамѣтно проникали въ различные слои народные, возбуждая въ нихъ воспріимчивость къ слову и дѣйствіямъ реформаторовъ, то и тутъ нельзя указать на извѣстнѣйшихъ до-реформаціонныхъ героевъ, пожертвовавшихъ собою для цѣлаго, а скорѣе на скромныхъ мужей, которые въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, часто безвѣстные и безыменные, но все же дѣйствовали истинно образующимъ, назидающимъ и положительно оживляющимъ образомъ.» И нѣсколько далѣе: «Безспорно Германія, Швейцарія и Нидерланды явились средоточіемъ всемірно-историческаго движенія, которое называемъ мы Реформаціей. А потому достойно удивленія, и по истинѣ изумительно, отъ чего давно уже не сознали и не высказали ясно той истины, что въ теченіе вѣковъ говорено было объ Англійскихъ, Чешскихъ, Французскихъ и даже Италіянскихъ предшественникахъ реформаціи, но нигдѣ еще ни слова не сказано о Нѣмецкихъ. Не уже ли Лютеръ и Цвинглій съ единомышленниками, не уже ли мужи въ то же время возстающіе внизъ по Рейну и въ Нидерландахъ съ цѣлію очищенія вѣры, спали съ неба, какъ преобразователи, или заимствовали побужденія къ дѣятельности и самыя убѣжденія только съ чужбины? Уже по одному закону исторической преемственности, необходимо предполагать существованіе соотвѣтственныхъ связующихъ членовъ, мужей, очищающихъ путь; но и въ самомъ дѣлѣ извѣстны намъ весьма значительные предшественники реформаціи въ Германіи и Нидерландахъ, которые безспорно имѣли сильнѣйшее вліяніе на нашихъ реформаторовъ, чѣмъ иноземные. Ибо сказалъ ли гдѣ ни будь Лютеръ относительно вліянія на собственное религіозное и богословское развитіе объ извѣстнѣйшихъ чужеземцахъ, что сказано имъ о менѣе извѣстныхъ Верхне и Нижне-Нѣмецкихъ его соплеменникахъ? На пр., объ Іоаннѣ Везелѣ, что онъ изъ его сочиненій приготовилъ себя къ званію магистра; о Братьяхъ общаго житія, что они первые начали

Евангеліе; о Веселѣ, что могли бы подумать, если бы онъ прежде съ нимъ познакомился, что онъ всѣ части ученія своего почерпнулъ изъ него; о Таулерѣ, что ни на Латинскомъ, ни на Нѣмецкомъ языкѣ, нѣтъ болѣе здраваго и болѣе согласнаго съ Евангеліемъ ученія вѣры; о сочинителѣ Нѣмецкаго Богословія, что онъ ни у кого не нашелъ лучшаго опредѣленія о Богѣ, Христѣ, человѣкѣ и мірѣ; наконецъ о Ступицѣ, что онъ впервые возжегъ въ немъ Евангельскій свѣтъ, и что слова его залегли въ сердцѣ Лютера, какъ стрѣлы сильнаго. Ни о комъ изъ Нѣмецкихъ предшественниковъ реформаціи Лютеръ, сколько мнѣ извѣстно, не говоритъ ничего подобнаго.... Нигдѣ, какъ въ Германіи, особенно въ массахъ народныхъ, не работали съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, для просвѣтлѣнія Христіанскаго Богопознанія, для очищенія внутренней Христіанской жизни.» (1)

Полное опроверженіе парадокса Ульманна постараюсь предложить во второй части изслѣдованія. Здѣсь только нѣсколько словъ о вѣроисповѣдномъ движеніи Германіи до преобразованій Лютера.

Нѣмецкіе писатели принимаютъ три противодѣйственныхъ начала въ Германіи въ продолженіе средняго вѣка, и олицетворяютъ ихъ въ трехъ особенныхъ направленіяхъ, сходившихся въ одной и той же цѣли государственнаго и вѣроисповѣднаго освобожденія Нѣмецкой земли отъ владычества папы, а именно: 1) въ религіозномъ, 2) популярномъ или общенародномъ, 3) классическомъ или гуманистическомъ. Посмотримъ, на сколько въ каждомъ изъ этѣхъ направленій выражалась противодѣйственная мысль (оппозиціонная идея).

Превосходное изслѣдованіе Ульманна познакомило насъ ближе съ значительнѣйшими дѣятелями религіозной идеи въ Германіи въ XIV и XV вѣкахъ, Іоанномъ Гохомъ, Іоанномъ Везелемъ, Іоанномъ Веселемъ, и другими, менѣе извѣстными, Братьями общаго житія: Гергардомъ Гротомъ, Флоренціемъ Радевиномъ, Гергардомъ Цербольтомъ, Ѳомой Кемпенскимъ и Нѣмецкими мистиками. Но въ высшей стапени замѣчательно, что всѣ они, исключая послѣднихъ и Везеля, жили и дѣйствовали на почвѣ не чисто Нѣмецкой, а въ Нидерландахъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Парижскаго Университета. Оберисельская провинція и въ ней значительные города: Девейтеръ и Цволль,

(1) Ullman, S. VIII, X.

были поприщемъ дѣйствія начальниковъ Братства общаго житія. Гротъ учился въ Сорбоннѣ (1355 — 1358), въ 1378 году вывезъ изъ Парижа множество книгъ, назначенныхъ для обученія юношей новаго братства. Любимый ученикъ его, Флоренцій, въ 1360-хъ годахъ, обучался въ Пражскомъ Университетѣ, гдѣ могъ быть свѣдѣтелемъ современной дѣятельности извѣстнаго Милича; ректоромъ Девентерской школы при Радевинѣ былъ нѣкто Johannes Boheme, вѣроятно, Чехъ родомъ, что совершенно согласно съ тогдашней значительностію Пражской Коллегіи и славой образованія, которою пользовались Чехи въ XIV вѣкѣ при Карлѣ IV. Подъ его ректорствомъ образовались два значительныхъ дѣятеля братства: Гергардъ Цербольтъ и Ѳома Кемпенскій. Замѣчательное указаніе перваго (въ книгѣ о пользѣ чтенія Библіи на родномъ языкѣ), между прочимъ, на Русскихъ и другихъ Славянъ, имѣющихъ Св. Писаніе на своемъ языкѣ, свѣдѣтельствуетъ о ближайшемъ знакомствѣ его съ Славянскимъ міромъ. За исключеніемъ Гоха и Веселя, родившихся и дѣйствовавшихъ въ Сѣверно-Нидерландскихъ провинціяхъ (только Весель оставилъ слѣдъ своего пребыванія во внутренней Германіи, а имя Гоха не доходило никогда до свѣдѣнія Лютера), остается одинъ только Везель или Везалія, котораго дѣятельность относится собственно къ Нѣмецкой землѣ; но мы ниже увидимъ, что онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ учениковъ великаго Чешско-Моравскаго Братства, а потому служитъ лучшимъ проводникомъ отъ ученія Гусова къ протестантизму. Точно также вліяніе Гуса на Ступица, Пролеса, Гильтена, Адельманна и пр. засвѣдѣтельствовано частію ихъ собственнымъ признаніемъ, частію современными памятниками. Вообще Германія до Лютера, въ отношеніи къ умственному и религіозному образованію, представляетъ двѣ, совершенно отличныя одна отъ другой, половины. Юго-Западная полоса Нѣмецкой земли, всѣ мѣста по теченію Рейна, давно уже находились подъ вліяніемъ Французскаго и Италіянскаго просвѣщенія; тамъ были древнѣйшіе Университеты, которые всѣ обязаны началомъ своимъ общей матери, знаменитой Сорбоннѣ; тамъ, особенно къ сѣверу, въ областяхъ, сопредѣльныхъ Голландіи, сказалось наиболѣе протестовъ противъ іерархической власти Католицизма; тамъ собирались великіе церковные соборы XV столѣтія: Констанцкій и Базельскій. Другая большая половина Гермніи — восточная, южная и сѣверная ея полоса, сильно перемѣшанная съ Славянскими

основами, чуждаясь Европейскаго Запада, сроднилась съ Славянскимъ образованіемъ, которое въ XIV столѣтіи исходило изъ Праги, во всѣхъ отношеніяхъ счастливой соперницы Парижа. Саксонія, изстари Славянская почва въ обширномъ значеніи, Баварія, особенно сѣверная ея половина, вообще все теченіе Лабы и верховья Майна, отъ Магдебурга до Нюрнберга, въ XV вѣкѣ представляются обширнымъ поселеніемъ Моравскаго Братства. Въ Университетахъ Эрфурта и Лейпцига особенно сильно живетъ Славянское начало въ глухой борьбѣ съ Католичествомъ. Ученіе Гуситское, какъ увидимъ ниже въ IV отдѣлѣ, пустило здѣсь глубокіе корни, досягая обширными отраслями до самаго Рейна. Таким образомъ раздвоенная Германія не представляетъ въ средніе вѣки саможизненной духовной дѣятельности, и умственное и религіозное образованіе распространяется въ ней извнѣ, исходя изъ двухъ противоположныхъ сторонъ Европейскаго міра. Въ духовномъ развитіи средняго вѣка она играетъ значительную роль, какъ дѣвственная почва Католицизма, какъ обширное поле сраженія между Славянскимъ началомъ, медленно подвигающимся на Западъ, и Западно-Европейскимъ, которое силится пробить себѣ дорогу на Востокъ. И то и другое громитъ Латинство; но, дѣйствуя разнымъ оружіемъ, они сталкиваются враждебно и начинаютъ междоусобную брань, дающую временный отдыхъ Католической Церкви, и на цѣлое столѣтіе замедляющую паденіе ея на материкѣ Европейскомъ. Первое, могучее столкновеніе происходитъ на Констанцкомъ соборѣ; представители его: Герсонъ, герой умѣреннаго Католицизма, патріярхъ религіознаго образованія на Западѣ въ XV вѣкѣ, и Гусъ, Славянскій борецъ Православія. Вторымъ, менѣе значительнымъ дѣйствіемъ этой великой драмы, я назову инквизиціонный процессъ Іоанна Везаліи; развязкою — насильственную реформацію Лютера, какъ продолженное воздѣйствіе Православнаго начала.

Теперь, если обратимъ вниманіе на два остальныя противодѣйственныя начала, развившіяся въ Германіи, то увидимъ, что ни то, ни другое не только не служатъ проводникомъ къ настоящему религіозному преобразованію, но даже безсознательно поддерживаютъ выгоды Западной Церкви. И то и другое носятъ характеръ чисто отрицательный и дѣйствуютъ разрушительно на вѣроисповѣдное чувство. Начнемъ съ общенароднаго (die Volksmässige opposition). Оно выражается въ нѣкоторыхъ литературныхъ произве-

деніяхъ, запечатлѣнныхъ духомъ народнымъ. Сочинители большею частію вышли изъ низшаго сословія, но усвоивъ себѣ плоды классическаго образованія, они съ намѣреніемъ снисходятъ къ степени пониманія и къ младенческимъ представленіямъ простаго народа. Простодушіе, иногда слишкомъ грубое, кладетъ печать особенной занимательности на этѣ живыя картины, заимствованныя изъ вседневнаго обыхода народнаго быта. Ихъ общее свойство — ѣдкая сатира на всѣ современныя отношенія Церкви, то въ формѣ аполога, то въ видѣ отдѣльныхъ разсказовъ, округленныхъ въ поговоркѣ и притчѣ, то въ видѣ самобытнаго разсужденія отъ лица народа. Содержаніе исключительно направлено на грѣхи духовенства, на его соблазнительную жизнь, на его невѣжество и алчность. Иронія рѣзко восходитъ до главы Латинской іерархіи, а вращается въ болѣе тѣсномъ кругу низшаго духовенства, въ особенности орденскаго. Уже одно это направленіе свѣдѣтельствуетъ о безплодности противодѣйствія, которое ограничивается отдѣльными нападеніями на внѣшнюю жизнь, безъ высшаго отношенія къ вѣроисповѣдному вопросу. Это не глубокомысленная иронія Христіянскаго философа, исходящая изъ глубины религіознаго стремленія, а просто насмѣшливый юморъ здраваго смысла, поднимающаго на смѣхъ цѣлое сословіе, измѣнившее высокому своему назначенію. Отъ служителей Церкви насмѣшка переходитъ на самую Церковь, и здѣсь открывается глубокій упадокъ религіознаго духа въ кощунствѣ надъ догматами Христіянскими. Высшій цвѣтъ этой отрасли письменности представляютъ: Торжество Венеры и Шутки (facetiae) Генриха Бебеля, въ которыхъ безвѣріе идетъ рука объ руку съ страшнымъ невѣжествомъ.

Такое же искаженіе Христіянскаго начала отличаетъ третье противодѣйствіе, исходящее изъ ученаго сословія, такъ называемыхъ, гуманистовъ. Школа гуманистовъ зародилась въ Италіи. Когда схоластика уклонилась отъ первоначальнаго своего назначенія—обьяснять разумно одинокіе догматы, слить во едино убѣжденіе и вѣру, когда она стала служебнымъ орудіемъ Католицизма и наложила на Христіянскую догматику тяжелыя цѣпи хитросплетенной софистики, въ Италіи оказалось первое противодѣйствіе этой мертвенности науки—въ возобновленномъ изученіи классической древности. Первые плоды этого умственнаго завоеванія приложены къ правильному возстановленію и толкованію Библейскаго текста въ незабвенныхъ трудахъ Лаврентія Валлы. Въ XV

вѣкѣ класическій міръ, въ великихъ своихъ первообразахъ, до того обуялъ высокіе умы Италіянскихъ ученыхъ, что они потеряли изъ виду вопросъ богословскій, не имѣя даже времени заниматься Христіянской догматикой. Изящество древней поэзіи, неоспоримое превосходство здравой философіи Сократа, Платона, Сенеки и прочихъ, отвратило ихъ мало по малу отъ Христіянской мысли, зарытой подъ грубой корой полуязыческаго ученія схоластиковъ. Тѣже видоизмѣненія гуманизма по тѣмъ же причинамъ повторились въ Нѣмецкой землѣ. Эней Сильвій, во время путешествій по разнымъ областямъ и Университетамъ Нѣмецкимъ, положилъ начало возрожденію классической Словесности на неблагодарной почвѣ Германіи, дотолѣ коснѣвшей во мракѣ невѣжества. Сначала зародыши новой науки принимались довольно туго; потомъ молодое поколѣніе бросилось съ жаромъ на изученіе древности, и рѣшило побѣду надъ застарѣлыми формами схоластическаго преподаванія. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XV вѣка Германія не имѣетъ болѣе нужды обращаться къ старшей сестрѣ своей за сокровищами умственнаго образованія; она является обширнымъ разсадникомъ горячихъ защитниковъ классическаго міра; на всемъ протяженіи ея образуются ученыя общества двигателей новой мысли, и вся совокупность ихъ слагается въ великое братство, соединенное единствомъ выгодъ и любовными узами взаимнаго сочувствія и ненависти къ заступникамъ стараго порядка вещей. Дрингенбергеръ въ Шлетштадтѣ, Іоаннъ Дальбергъ съ помощникомъ Рудольфомъ Агриколой въ Гейдельбергѣ, Рейхлинъ, при дворѣ Эбергарда, Виртембергскаго графа, Богуславъ Лобковицъ изъ Газенштейна въ Чехіи, Григорій Геймбургъ и Вилибальдъ Пиркгеймеръ въ Нюренбергѣ, Гейлеръ Кейзерсбергъ въ Страсбургѣ, Генрихъ Бебель въ Тюрингенѣ, Матѳей Лангъ, кардиналъ Зальцбургскій, въ Австріи, Конрадъ Цельтесъ въ Вѣнскомъ Университетѣ, Эразмъ въ Роттердамѣ, Конрадъ Муціянъ, Руфъ съ цѣлой дружиной учениковъ и товарищей: Спалатиномъ, Лангомъ, Кротомъ Бубіяномъ, Эобаномъ Гессомъ, Ульрихомъ Гуттеномъ въ Готѣ и Эрфуртѣ, Мартинъ Поллихъ, Мельрихштадтъ и Ступицъ въ Виртембергѣ, и множество другихъ ученыхъ мужей подаютъ другъ другу руку, образуютъ средоточія умственной дѣятельности, къ которымъ примыкаютъ другія, менѣе значительныя, отрасли; странствующіе ученые заносятъ сѣмена просвѣщенія на мѣста дотолѣ безусловнаго преобладанія безплодной схоластики

Начало прекрасное—оживить науку примѣненіемъ къ жизни. Но исключительность вліянія древнихъ отразилась въ легкомысленномъ взглядѣ гуманистовъ на религію и жизнь. Началомъ зла была избитое сравненіе между нравственными уроками лучшихъ язычниковъ и Христіянскимъ ученіемъ. Эразмова изящная сладкорѣчивая насмѣшка не касается вѣры, хотя не щадитъ духовенства. Идеалъ Эразма—перевести религію въ жизнь, въ дѣятельное исполненіе закона любви, въ постоянную борьбу съ злыми страстями. Но въ отрѣшеніи нравственной жизни отъ высшаго, одухотворяющаго, начала вѣры таится зародышъ полуязыческихъ представленій о религіи, въ которыхъ Христіянство является только высшею степенью человѣческаго развитія. Отъ дальнѣйшихъ уклоненій предохранило его только глубоко развитое нравственное чувство; но тѣ изъ гуманистовъ, которые подчинились вліянію популярныхъ началъ, обнаруживаютъ совершенное равнодушіе къ откровенной Религіи. Отрѣшившись отъ авторитета преданій, они не выходятъ за предѣлы религіи естественной, признаютъ пантеистическое начало Божества, разлитаго по всей видимой природѣ.—«Ты дивишься,»—говоритъ Конрадъ Цельтесъ въ одной изъ своихъ одъ,—«отъ чего я въ Церкви не двигаю устами и не произношу молитвенныхъ словъ?—Отъ того, что Божество призираетъ во внутренность моего сердца. Ты дивишься, отъ чего я такъ рѣдко посѣщаю Церковь?—Богъ въ насъ самихъ; нѣтъ нужды созерцать его живописные образы въ храмахъ. Ты дивишься, отъ чего я такъ люблю просторъ полей и солнце, источающее теплоту?—Природа отражаетъ для меня возвышенный образъ Всемогущаго Бога; это достойнѣйшій храмъ Божества». (1) Муціянъ доводилъ до послѣднихъ крайностей это идеальное воззрѣніе на Божество. Онъ, по видимому, не признаетъ историческаго существованія Христова. По мнѣнію Муціяна, религія Христова существовала задолго до воплощенія Сына Божія; она есть предвѣчное достояніе всего человѣчества. По мнѣнію гуманистовъ, Христіянство сливается со всѣми другими проявленіями религіознаго духа у разныхъ народовъ. «Въ Алкоранѣ читаемъ,»—такъ пишетъ Муціянъ къ Урбану Регію: ««Кто кланяется вѣчному Богу и живетъ добродѣтельно, нѣтъ нужды, Іудей ли онъ, Христіянинъ ли, Магометанинъ ли, привлекаетъ благодать и становится причастнымъ блаженства»». Не новой одеждой, а хорошею жизнію, удовлетворяемъ Правосудію Божію.» О постахъ и другихъ Церковныхъ

(1) Hagen, I, S. 322.

уставахъ, объ отдѣльныхъ повѣствованіяхъ, преимущественно ветхозавѣтныхъ, онъ отзывался съ насмѣшкой, издѣвался надъ Церковною пѣснію: «Soli Deo gloria,» играя двусмысленностію перваго слова. (1) Но Муціянъ оцѣнилъ добросовѣстно разрушительное свойство своихъ вѣроисповѣдныхъ воззрѣній, а потому дѣлился ими только съ короткимъ кругомъ подобныхъ себѣ мечтателей, но тщательно скрывалъ ихъ отъ простаго народа, и безъ того уже склоннаго къ злоупотребленію свободы и въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ. «Отъ чего,» — говоритъ онъ, въ письмѣ къ Урбану Регію, — «отъ чего, при послѣднемъ нашемъ свиданіи, я велъ разговоры не совсѣмъ назидательные? Съ друзьями я охотно позволяю себѣ шутки; но мнѣ жаль, что я далъ волю языку своему, потому что тутъ сидѣлъ писарь, незамѣтно подслушавшій насъ. Я знаю: тайнами (mysteria) не должно дѣлиться съ народомъ, а либо вовсе умалчивать, либо облекать въ иносказаніе и притчи. Сохрани меня, Боже, соблазнять дѣвственныя (profanae) уши словами, которыхъ, по апостолу Павлу, не лѣть есть человѣку глаголати.» (2)

Опредѣлимъ въ короткихъ словахъ духовное состояніе Нѣмецкаго человѣчества въ началѣ XVI столѣтія. Истинно религіозная жизнь струится въ Германіи съ другихъ противоположныхъ сторонъ, съ востока и сѣверозапада, олицетворяемая въ двухъ Евангельскихъ общинахъ, изъ которыхъ въ одной преобладаетъ спокойное созерцаніе, въ другой дѣловая дѣятельность Апостольскаго благовѣстія. Народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, отягченъ суевѣріемъ, безумно ругается надъ Христіянской святыней, отъ которой съ намѣреніемъ отвела его лукавая политика Западной Церкви. Ученые, представители мыслящей половины народа, не сочувствуя дѣйствительности, переселяются мыслію и дѣйствіемъ въ отжившую древность, вливаютъ вино новое въ мѣхи истлѣвшіе. Сомнѣніе смѣющейся Епикурейской философіи покрываетъ густою сѣнью божественное начало вѣры. Отвратительная маска глумленія приростаетъ къ лицу какъ самыхъ даровитыхъ, такъ и самыхъ невѣжественныхъ, осмѣиваетъ всѣ современныя отношенія, все доброе и злое, разрушаетъ старое, не созидая новаго.

(1) Hagen, I, 323—334; Jürgens, I, 480.

(2) Сравните странное сужденіе Гагена о смыслѣ этого посланія, I, 330—331. Слѣдующіе за тѣмъ отзывы народа о Таинствѣ Троицы и объ Евхаристіи онъ считаетъ признакомъ вольнодумства, между тѣмъ какъ они обнаруживаютъ только глубокое невѣжество и суевѣріе.

Есть что-то ужасающее въ этомъ всеобщемъ отрицаніи самаго себя и всего окружающаго, которое рѣзкими чертами напоминаетъ намъ другое время въ исторіи человѣчества, когда умирающій политеизмъ безчеловѣчно добивалъ себя безпощадной насмѣшкой, но тѣмъ не былъ приведенъ къ сознанію и воспріятію гонимой истины. Возобладавшая чувственность во всѣхъ отрасляхъ жизни тѣлесной и духовной исторгаетъ у грубаго народа сознаніе необходимости втораго пришествія искупителя, вторичнаго понесенія грѣховъ всего міра въ крестномъ страданіи; и этой потребности нѣкоторымъ образомъ удовлетворяетъ мягкосердечная проповѣдь грядущаго преобразователя, которая не исцѣляетъ глубокихъ язвъ, а только покрываетъ ихъ всеочищающею силою жертвы Спасителя. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ, врачевство не могло зародиться внутри зараженнаго тѣла, а должно было притти извнѣ, изъ основъ, чуждыхъ мнимымъ противоборствующимъ началамъ, изъ которыхъ будто бы развилась реформація. Значеніе этого отрицательнаго противодѣйствія, не упрочивающаго и возсоздающаго, а разрушающаго, превосходно постигнуто Лютеромъ. «Уничтоженіе и упадокъ злоупотребленій давно уже были въ ходу, еще прежде ученія Лютера; потому что весь міръ утомился злоупотребленіями духовныхъ и враждовалъ имъ до такой степени, что можно было опасаться плачевнаго разоренія Нѣмецкой страны, если бъ оно не было предупреждено ученіемъ Лютера, возстановившаго вѣру во Христа и повиновеніе властямъ. Ибо никто не хотѣлъ терпѣть далѣе злоупотребленій, всѣ жаждали перемѣны; съ своей стороны духовенство не соглашалось сдѣлать уступки. Тогда произошелъ бы безпорядочный, бурный, опасный переворотъ (что и начато Мюнцеромъ), если бы не заступило ему путь стройное ученіе (eine beständige Lehre), и, безъ сомнѣнія, религія упала бы совершенно, и всѣ Христіяне обратились бы въ Епикурейцевъ.» (1)

И такъ реформаціи суждено было произойти отъ человѣка, который ничего не заимствовалъ отъ окружающаго міра, въ которомъ религіозное чувство возращено и окрѣпло въ одинокихъ страданіяхъ 15-лѣтней тяжелой борьбы, который съ перваго разу сталъ во враждебныхъ отношеніяхъ по всѣмъ противодѣйственнымъ стремленіямъ своего народа.

(1) Ср. Hagen, II, 1.

По мнѣнію Гагена, Лютеръ по тому явился средоточіемъ новаго движенія, что онъ на время соединилъ въ себѣ всѣ итоги трехъ противодѣйственныхъ началъ, которые и безъ того уже начинали сливаться во едино. Но сходство, находимое имъ между чертами характера Лютера и современными стремленіями, только внѣшнее и кажущееся. Лютеръ, можетъ быть, названъ представителемъ Нѣмецкой народности только по отношенію къ утраченному идеалу древней народной жизни, который онъ силился возсоздать въ дѣйствительности. Отъ народнаго начала онъ заимствовалъ только внѣшнее орудіе: простоту и грубость общедоступнаго изложенія. Положимъ, веселая, общительная сторона его качествъ была наслѣдіемъ народнымъ, но она сильно забита въ немъ монашеской жизнью, а послѣ расположеніе духа его и здравая логика, столько хваленая въ Лютерѣ, повиновались безчисленнымъ видоизмѣненіямъ понятій его о Благодати. Съ другой стороны между Лютеромъ и гуманистами съ самаго начала проведена глубокая раздѣльная черта потребностями, направленіемъ дѣятельности, религіознымъ свойствомъ. Они ставили сущность Христіянства въ исполненіи нравственнаго закона, впрочемъ, только въ теоріи; въ Лютерѣ преобладаетъ издавна догматическая особенность, воспитанная искренностію религіознаго стремленія, которое не довольствуется поверхностнымъ понятіемъ о сущности Христіянства. Еще до начала сношеній своихъ съ Эразмомъ, Лютеръ порицалъ его направленіе; взаимная недовѣрчивость ихъ, никогда не прекращавшаяся, со временемъ обратилась въ отъявленную вражду. Мы помнимъ вынужденый, осторожный отзывъ его о Рейхлинѣ, котораго дѣло онъ долженъ былъ считать своимъ, по тому уже, что оно касалось темной области схоластики и Доминиканцевъ. Пиркгеймеръ, въ своей Апологіи, включаетъ его въ число мужей, принадлежащихъ къ новому направленію; но тамъ же нашлось мѣсто и для Кохлея и Экка, и современники замѣчали, что выборъ означенныхъ лицъ не совсѣмъ былъ удаченъ. При началѣ препираній Лютера, Гуттенъ отчислялъ его въ ряды противниковъ, въ двухъ письмахъ къ графу Нускару и Пиркгеймеру (1518 года); радовался, что богословы начали ссориться между собою, въ надеждѣ, что это послужитъ въ пользу гуманистовъ. Петръ Мозелланъ, еще въ 1519 году, отзывался презрительно о полемикѣ Лютера; онъ считалъ ее праздной схоластической пере-

бранкой, отъ которой Христіанская вѣра ничего не выигрываетъ. (1) Точно также смотрѣлъ на нее Левъ X, глава гуманистовъ въ Италіи. Если въ послѣдствіи, когда вся Германія съ участіемъ обратила взоры на молодаго борца, большая часть гуманистовъ приложилась къ Лютеру, то это сближеніе условлено было единствомъ выгодъ относительно общаго врага Западной Церкви. Но и тогда Эразмъ весьма опредѣлительно отказывался отъ всякаго участія въ его начинаніяхъ. «Я сочувствую Лютеру,» — писалъ онъ къ Майнцкому курфирсту, въ ноябрѣ 1519 года, — «какъ доблестному мужу, чего не оспориваютъ и самые враги его, какъ человѣку, гонимому тѣми, которые, подъ предлогомъ смиренія, вооружаются на изящную литтературу. Давно уже негодуютъ они на процвѣтаніе классическаго языковѣдѣнія, которое тщательно разбираетъ источники и выводитъ на свѣтъ забытыхъ писателей древности. Еще до появленія Лютера, Доминиканцы силились подавить этѣ начатки. А теперь, когда вышли его сочиненія, они думаютъ, что нашли надежную точку опоры; они сливаютъ въ одинъ котелъ дѣло Рейхлина, Эразма и Лютера безъ всякаго разбора. Но что же общаго между изящной словесностію и дѣломъ вѣры? Что общаго между мною, Рейхлиномъ и Лютеромъ? Они ополчаются на Рейхлина, какъ знатока въ филологіи; на Лютера, потому что воображаютъ себѣ, что онъ искусенъ въ изящной словесности, между тѣмъ какъ онъ имѣетъ въ ней только поверхностныя познанія.» (2) И Лютеръ ни мало не оскорбился такой откровенностію, потому что, съ своей стороны, столь же откровенно отзывался объ Эразмѣ, что онъ не много разумѣетъ въ Богословской наукѣ. Въ изученіи Латинскихъ классиковъ онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ одно только средство къ критическому разбору Библейскаго текста, и съ этою цѣлію учился въ послѣдствіи по Гречески и по Еврейски. Въ послѣдніе годы жизни особенно предался изученію Еврейскаго языка, какъ самонужнѣйшаго для правильнаго разумѣнія Библіи, пренебрегая Латинскимъ, въ которомъ онъ далеко не дошелъ до чистоты и изящества Эразмовой рѣчи. При переводѣ Библіи больше всего былъ для него ощутителенъ недостатокъ язычныхъ познаній; онъ обращался за совѣтами къ болѣе опытнымъ, Спалатину и Меланхтону,

(1) Hagen, II, 13.
(2) Hagen, II, 35—38.

не разъ передѣлывалъ отдѣльныя части своего перевода; особенно Псалмы прошли чрезъ нѣсколько пересмотровъ. Лютеръ ясно выразилъ понятія свои о чисто посредствующемъ назначеніи языковѣдѣнія въ «Наставленіи Нѣмецкимъ городамъ объ устройствѣ училищъ.» «Въ три года,» — говоритъ онъ, — «теперь можно такъ повести воспитаніе мальчика, что онъ 15, или 18, лѣтъ гораздо ученѣе всѣхъ монастырей и Университетовъ въ томъ видѣ, въ какомъ существовали они до нашихъ временъ. Въ старину 20, 40 лѣтъ продолжалось ученіе, и учащійся не выносилъ знанія ни Латинскаго, ни даже Нѣмецкаго языка. Можетъ быть, возразятъ: «Мы не отвергаемъ необходимости школъ; но къ чему Греческій, Латинскій, Еврейскій языки? Развѣ нельзя изучать Библіи на родномъ словѣ?»» — Нѣтъ! Пренебрегая языками, мы разучимся и Евангелію. Живое тому доказательство наши Университеты и монастыри. Отъ слабаго языковѣдѣнія погрѣшили въ толкованіи текста Августинъ, Иларій, Бернардъ и другіе.» Отыскивать же въ древнихъ классикахъ правила жизни и нравственности, какъ дѣлали гуманисты, противорѣчило бы кореннымъ убѣжденіямъ Лютера, въ слѣдствіе которыхъ нравственное достоинство каждаго дѣла опредѣлялось исключительно его отношеніемъ къ вѣрѣ. Любимое слово Муціяна, которое онъ, конечно, могъ бы заимствовать не изъ Алкорана, а изъ дѣяній Апостольскихъ: «Во всякомъ языцѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду, пріятенъ Ему есть,» потому только не отвергнуто Лютеромъ, какъ Пелагіянское, что оно сказано было Апостоломъ; но за то онъ мастерски извратилъ его смыслъ въ толкованіи на посланіе къ Галатамъ (1) Юргенсъ приводитъ свѣдѣтельство Меланхтона и его собственное изъ рукописи Готской Библіотеки, что онъ еще въ Эрфуртѣ читалъ Римскихъ классиковъ, Цицерона, Виргилія, Плавта и Ливія, не просто для языка, а обращалъ вниманіе на внутренній смыслъ (consilium authoris) и извлекалъ изъ нихъ полезныя практическія наставленія. Дѣйствительно, это могло случиться только въ Эрфуртѣ, гдѣ въ то время

(1) Онъ говоритъ, что «Корнилій получилъ Духа Святаго не ради щедрыхъ милостынь, а какъ всѣ язычники, на которыхъ Духъ Святый сходилъ внезапно послѣ Апостольской проповѣди (Дѣян. X, 44), по вѣрѣ въ грядущаго (для него, какъ язычника) Спасителя. Какъ всѣ св. Отцы и Пророки В. Завѣта пріяли Духа Св. по вѣрѣ въ грядущаго Христа, такъ и въ отношеніи къ Корнилію, Христосъ, хотя уже пришедшій, былъ еще будущій, потому что онъ еще не былъ крещенъ, Значитъ, Лютеръ язычникамъ приписываетъ обѣтованіе о Мессіи, данное только Іудеямъ, и вѣру Корнилія во единого Бога смѣшиваетъ съ вѣрою во Христа.

замѣчаемъ усиленную дѣятельность гуманистовъ, которая могла и молодаго магистра, при всей исключительности его Богословскихъ занятій, привлечь къ изученію языческихъ писателей; оно было бы невозможно послѣ окончательнаго развитія его о Благодати. Если онъ позднѣе обращался съ любовію къ изреченіямъ древнихъ, то все же выбиралъ изъ нихъ самыя мудрыя, общеизвѣстныя истины нравственной жизни, которыя могли противодѣйствовать развивавшейся во всѣхъ сословіяхъ наклонности къ Епикурейству. Извѣстно, что гуманисты восхищались эротическими пѣснопѣніями древнихъ, и упражняли въ чтеніи ихъ молодыхъ юношей, согласно съ одностороннимъ взглядомъ своимъ на нравственную жизнь. (1) Лютеръ съ намѣреніемъ указывалъ на лучшихъ представителей древняго міра, какъ учителей человѣческой мудрости, которая одна и доступна язычнику, чтобы тѣмъ сильнѣе противоставить ее Божественной, извлекаемой изъ живыхъ страницъ Св. Писанія. «Цицеронъ и другіе превосходные мужи съ необыкновенной заботливостію исполняли свое призваніе въ жизни; но если заглянемъ во внутренность сердца ихъ, то увидимъ, что единственное побужденіе ихъ была временная слава: «Mentem tu sola peruris gloria!» Язычники, хотя и жили въ юдоли плача и скорби, но, не имѣя откровеннаго Слова, не могли понять, отъ чего родъ человѣческій повиненъ работѣ и закону тѣлесной смерти: они считали его естественнымъ закономъ природы, не постигая плотскими очами, что смерть наказаніе за грѣхъ. Измученный Димосѳенъ пришелъ къ заключенію, что покой смерти завиднѣе тревогъ общественнаго служенія. Цицеронъ и Цезарь приписали случаю чудную силу, возводящую и низлагающую земныя Державы. (2) Вообще въ сравненіи съ Христіянскимъ началомъ вся мудрость языческая представлялась ему высшимъ безуміемъ человѣческой гордости, посягательствомъ на смиренное царство Благодати, въ мнимомъ стремленіи Грековъ и Римлянъ достигнуть оправданія собственными дѣлами. «Гомеръ и Виргилій прославляютъ отвратительныхъ враговъ человѣчества, свирѣпыхъ убійцъ и тиранновъ, воспѣваютъ въ сладкой поэзіи ратные подвиги славолюбивыхъ героевъ и ужасы войны, которые достойно оплакивать кровавыми

(1) См. письмо Конрада Цельтеса у Гагена: I, 337; Енея Сильвія къ отцу, тамъ же, I, 82—84.

(2) Walch, V, Объясн. 51 (50 Пс.) §. 29 — 31, S. 688 — 689. — IV Пѣсни Степене[illegible], объясн. 127 Пс. о верховной власти.

слезами. Пѣвцы безбожныхъ эротическихъ гимновъ величаютъ стихами грѣхи человѣческіе. Лучшіе философы, Сократъ, Платонъ и другіе, ищутъ Бога глумленіями, не имѣютъ понятія о вѣрѣ, упованіи и любви Христіянской; они похожи на ворона, который летаетъ кругомъ ковчега, не находитъ мира внѣ его и не ищетъ успокоенія внутри. Служители собственной славы, язычники, не искали премудрости Божіей; всѣ великія дѣла ихъ невозвратно погибли (Рим. III, 23; V, 12); они на вѣки утратили блаженство, которое дается только за вѣру въ дѣйственность жертвы Христовой». (1)

Чего же искалъ Нѣмецкій народъ въ началѣ XVI столѣтія, обнаруживая во всѣхъ своихъ массахъ какую-то безпокойную дѣятельность и со дня на день возроставшую жажду къ преобразованію? Въ чемъ именно сошелся Лютеръ съ своими соплеменниками, и въ чемъ противусталъ его стремленіямъ?

Народъ искалъ свободы, въ обширномъ значеніи этого слова, искалъ благородной независимости отъ Римскаго ига въ государственномъ и церковномъ отношеніяхъ, искалъ освобожденія отъ тягостныхъ феодальныхъ обязанностей, а больше всего произвола религіознаго и нравственнаго въ самовольномъ отрѣшеніи отъ авторитета Евангельскаго. Реформація обозначаетъ въ Нѣмецкой исторіи пору общаго разложенія стихій народной жизни, разъединенія сословій Нѣмецкаго Muthwillen, или неразумнаго стремленія къ недозрѣлой свободѣ, которое не могло вызвать стройнаго преобразованія, а должно было разрѣшиться насильственнымъ переломомъ въ народной жизни, что и было уже нами показано выше (въ главѣ I-ой).

И такъ, вотъ великая точка соприкосновенія между Лютеромъ и его соплеменниками. Онъ привелъ въ исполненіе давнишнее желаніе народа — оторваться отъ Римскаго ига. Честь этой народной побѣды, обнаружившейся въ могучемъ воздѣйствіи волостнаго Нѣмецкаго начала противъ чужеземнаго вліянія даже тамъ, гдѣ удержалась Латинская вѣра, принадлежитъ ему преимущественно предъ прочими дѣятелями. А какъ государственная свобода Германіи отъ притязаній папы была главной и

(1) Jürg., I, 473—474. — Walch, X, Пропов. о добр. дѣлахъ, §. 159, S. 1619; — XII §. 20, S. 180. — «Viel Heiden haben ihre Kinder hübschen erzogen; aber es ist alles verloren, um des Unglaubens willen.»

единственной задачей первыхъ лѣтъ реформаціи, то отсюда понятно изступленное одушевленіе народа, провозгласившаго Лютера Нѣмецкимъ пророкомъ. Всѣ сословія находили свои выгоды въ полезномъ переворотѣ, который туземному духовенству развязывалъ руки, освобождая его отъ тягостной опеки Римскаго Двора, владѣтельнымъ князьямъ и могучимъ дворянамъ возвращалъ права покровительства надъ подвѣдомственными духовными ленами, (1) обѣднѣвшимъ дворянамъ средней руки давалъ нѣкоторымъ образомъ право на богатыя духовныя имѣнія, пожертвованныя когда-то ихъ предками въ пользу монастырей, а съ низшаго сословія слагалъ разомъ невыносимое бремя поборовъ въ пользу папской казны. Естественно, что всѣ разрозненныя выгоды, всѣ частныя противодѣйствія примкнули къ великому средоточію общаго народнаго движенія, во главѣ котораго стоялъ бѣдный, безвѣстный монахъ, внезапно вынесенный на широкое поле Европейской значительности. Весьма знаменательно постепенное распространеніе сочувствія къ Лютеру въ сословіяхъ народа. Пока Лютеръ ограничивался догматическимъ вопросомъ, ни епископы, ни князья, ни дворяне ему не содѣйствовали, но большинство простаго народа уже явно переходитъ на его сторону. Причина понятна; ему больше всѣхъ приходилось страдать отъ злоупотребленій прощъ. Карлъ Мильтицъ, папскій легатъ, въ концѣ 1518 года ѣхалъ въ Германію съ 70 грозными папскими грамотами къ князьямъ и епископамъ, въ твердой увѣренности, что ему выдадутъ Лютера безъ всякаго сопротивленія; но на дорогѣ, развѣдывая расположеніе умовъ, нашелъ половину на половину народонаселенія, преданнаго реформатору. Въ началѣ 1519 года, на Альтенбургскихъ совѣщаніяхъ съ нимъ, онъ откровенно жаловался ему, что онъ привязалъ къ себѣ всю вселенную и отвелъ сердца всѣхъ отъ папы. (2) Около того же времени Лютеръ, возвратившійся почти бѣглецомъ изъ Аугсбурга въ Виттембергъ, въ письмѣ къ Ступицу, свѣдѣтельствовалъ о всеобщемъ нерасположеніи къ нему Нѣмецкихъ князей; самъ Фридрихъ Саксонскій письменно отказался отъ всякаго участія въ судьбѣ его, и Лютеръ намѣренъ былъ ѣхать во Францію, чтобы не тяготить его долго своимъ

(1) См. дѣло по случаѣ избранія Ю. Пфлуга въ епископы Наумбурга. Walch, XVII, S. 81—225.

(2) Walch, XIV, Предисловіе Лютера къ 1-й части его Латинскихъ сочиненій, §. 25—27, S. 457—458.—Письмо Лютера къ Ступицу; Aurif., I, Ep. 97, f. 151.

присутствіемъ. (1) При Дворѣ Бранибόрскаго епископа предложенъ былъ вопросъ: «На чью помощь надѣется Лютеръ, продолжая дѣйствовать въ прежнемъ духѣ?» И послѣдовалъ отвѣтъ, что «Эразмъ и другіе ученые мужи Нѣмецкой земли — его единственная опора.» Стало быть, о народѣ не думали; по крайней мѣрѣ свѣдѣтельство важно, какъ отрицательное, противъ князей и епископовъ. (2) Но въ слѣдъ за народомъ и гуманистами поднимается высшее духовенство. Епископы начинаютъ догадываться, что они въ Лютерѣ найдутъ природнаго союзника въ борьбѣ за свою независимость отъ папскаго престола. Въ Швейцаріи Ситтенскій кардиналъ, графъ Герольсекъ, провѣдавъ объ опасностяхъ положенія Лютера, открыто предлагаетъ ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ. (3) На Лейпцигскомъ диспутѣ, лѣтомъ 1519 года, по замѣчанію одного современника, не присутствовалъ ни одинъ изъ окружныхъ епископовъ и аббатовъ. (4) За то народъ явно высказалъ свое сочувствіе Лютеру, и при томъ на почвѣ враждебной, въ владѣніяхъ строгаго Католика, Георга Саксонскаго. По требованію ректора Виттембергскаго Университета, князя Барнима Поморскаго, Лютеръ говорилъ проповѣдь въ Дворцовой церкви въ день св. Петра и Павла. Эккъ содержаніе ея называетъ чисто Гуситскимъ. (5) Стеченіе народа всякаго пола и возраста было такъ многочисленно, что онъ долженъ былъ проповѣдывать въ одной изъ прилежащихъ залъ; но вторично его уже не допустили къ каѳедрѣ. (6) Знаменитое Лейпцигское прѣніе умножило значительно число приверженцевъ Лютера. Отрицаніе первенства папы надъ прочими епископами возбудило вниманіе прочихъ прелатовъ, потому что прямо поддерживало ихъ выгоды. По крайней мѣрѣ, извѣстный Мозелланъ, въ письмѣ къ Эразму, свѣдѣтельствуетъ о чудномъ дѣйствіи этого прѣнія на самыхъ противниковъ Лютера, которые стали гораздо умѣреннѣе; между прочимъ о Трирскомъ епископѣ и избирателѣ, на рѣшеніе котораго

---

(1) Пис. къ Ступицу 1 Ноября, 1518. Aur. I, Ep. 68, f. 101.

(2) Пис. къ Спалатину 2 Дек., 1518. Aur. I, Ep. 73, f. 105.

(3) Пис. Фабриція Капитона къ Лютеру 18 Февраля, 1519. Tenzel. Bericht, S. 219.

(4) Описаніе Лейпцигскаго диспута д. Пфейферомъ, канцлеромъ курф. Сакс. Walch, XV, §. 11, S. 1439.

(5) Извѣстіе о диспутѣ, данное Экомъ Гохстратену, 24 Іюля, 1519. Walch, XV, §. 6. S. 1455. Письмо Экка къ двумъ Ингольштадтскимъ профессорамъ, 1-го Іюля, 1519. — Walch, §. 7, S. 1461.

(6) Пис. Лютера къ Спалатину въ Іюлѣ 1519. Aur. I, Ep. 114, f. 183, b.

Лютеръ, по согласію съ Мильтицемъ, перенесъ свое дѣло, что онъ весьма выгодно отзывался о реформаторѣ, и довольно презрительно о папскомъ авторитетѣ. (1) Съ тѣхъ поръ Нѣмецкіе епископы, одинъ за однимъ, начинаютъ втайнѣ покровительствовать ученію Лютера: кардиналъ Зальцбургскій, Матѳій Лангъ, извѣстный защитникъ гуманистовъ, епископъ Вюрцбургскій, Лаврентій Бибра и, преемникъ его, Конрадъ Тюнгенскій, епископъ Бамбергскій, Георгъ Лимбургскій, Аугсбургскій, Христофоръ Стадіонъ, Констанцкій, Базельскій, съ 1520 года даже Майнцкій кардиналъ. (2) Въ сатирѣ Пиркгеймера, Эккъ, Католикъ, свѣдѣтельствуетъ о безсиліи Доминиканцевъ и Лейпцигскихъ богослововъ, въ неравной борьбѣ съ Лютеромъ, сознается, что онъ вызванъ былъ на прѣніе завистію къ реформатору, которому сочувствуетъ уже вся Германія, а онъ только навлекъ на себя общее презрѣніе. (3) Между тѣмъ ученіе Лютера о Благодати оправдывающей, развиваясь съ ужасающей постепенностію, и въ проповѣди о добрыхъ дѣлахъ 1520 года, уже дошедшее до крайнихъ выводовъ, еще болѣе привлекало народъ, который видѣлъ въ немъ одну только чувственную изнанку. Сочиненія его расходились съ неимовѣрной быстротою. Фробеній, Базельскій типографщикъ, извѣщалъ его, отъ 14 Февраля, 1519, что книги его во множествѣ оттисковъ препровождаются во Францію, Испанію, Италію, Англію и Нидерланды, и всюду читаются съ жадностію. (4) На Франкфуртской ярмаркѣ 1520 года одинъ книгопродавецъ продалъ за себя 1400 экземпляровъ сочиненій Лютера, а сочиненія противниковъ его, Экка и Мурнера, употреблялись вмѣсто обертки. (5) Въ 1518 году, подъ именемъ Лютера вышло всего 20, въ 1519, 50, а въ 1520, уже 133 печатныхъ произведеній. (6) Базельскій проповѣдникъ, Каспаръ Гедіонъ, писалъ къ нему, въ Іюнѣ 1520 года: «Ученіе твое съ каждымъ днемъ привлекаетъ много душъ ко Христу. Твои Нѣмецкія сочиненія приносятъ много пользы: они приводятъ чернь, чрезвычайно воспріимчивую и гибкую, къ размышленію и сознанію обмана; она требуетъ

(1) Walch, XV, §. 12, S. 1424.
(2) Hagen, II, 90—97.
(3) Hagen, II, 54.
(4) Walch, XV, S. 1631—1633.
(5) Hagen, II, 97.
(6) Ranke, D. Geschichte, II, 79.

наставленія, сознаетъ благодѣянія твои. Не унывай, помощникъ! Будь нашимъ вождемъ! Мы будемъ твоею безсмѣнною ратію.» (1) Такія ободренія побуждали Лютера къ новымъ успѣхамъ. Въ предисловіи къ проповѣди о добрыхъ дѣлахъ, посвященномъ сыну Фридриха Мудраго, онъ такъ отвѣчаетъ на обличеніе противниковъ, что вся его дѣятельность ограничивается Нѣмецкими проповѣдями для неученыхъ мірянъ: «Дай Богъ, чтобъ я всю жизнь послужилъ къ пользѣ и исправленію хотя одного мірянина: я согласился бы на истребленіе всѣхъ своихъ книгъ и остался бы доволенъ однимъ этимъ подвигомъ. Полезно ли для Христіянства сочиненіе важныхъ и обширныхъ трудовъ, предоставляю судить другимъ; честь и славу оставляю достойнѣйшимъ, а самъ не стану стыдиться писать и проповѣдывать по Нѣмецки, для некнижныхъ мірянъ. Я никого не принуждалъ, не просилъ, ни слушать, ни читать мои проповѣди. Я свободно служилъ общинѣ тѣмъ, что мнѣ Богъ далъ; съ меня довольно, если и немногіе міряне прочтутъ мои книги съ душевною пользою.» (2) 1 Апрѣля, 1520 года, Фридрихъ Мудрый писалъ въ Римъ къ Валентину Дейтлебену, что «ученіе Лютера такъ глубоко укоренилось во многихъ сердцахъ въ Нѣмецкой земли, что если оно не будетъ опровергнуто основательными доводами, а только подавлено насиліемъ, то въ Германіи возникнутъ страшныя и гибельныя возмущенія.» (3) «У Лютера и на небѣ и на землѣ безчисленное множество приверженцевъ,» — пишетъ Адельманнъ къ Пиркгеймеру; — «такъ велика сила истины.» (4)

Въ началѣ 1520 года переходитъ на сторону Лютера многочисленное сословіе дворянъ. Объясненіе находимъ въ предисловіи къ толкованію на посланіе къ Галатамъ 1519 года, гдѣ Лютеръ расточаетъ громкія похвалы князьямъ и вельможамъ Нѣмецкимъ за то, что они, на Аугсбургскомъ Сеймѣ, сдѣлали правильное различие (recte, sancte et auguste discreverint) между Римскою Церковію и Римскою Куріею, и отказали въ уплатѣ 10-й, 20-й и 50-й части имущества, положенной Латеранскимъ Соборомъ. (5) Это былъ первый, похвальный отзывъ Лютера о Нѣмецкомъ Дво-

(1) Walch, XV, 1635.
(2) Walch, X, S. 1564—1565.
(3) Seckendorf, Comm. de Luth. I, S. 157.
(4) Hagen, II, 98.
(5) Walch, IV, Предисловіе на посл. къ Галат.—Seckendorf, Comm. de Luth. I, S. 115.

рянствѣ въ обширномъ значеніи этого слова. Гораздо знаменательнѣе содержаніе спорнаго сочиненія, изданнаго имъ въ началѣ 1520 года, противъ Августина Альфельда, Лейпцигскаго Францисканца. Здѣсь Лютеръ въ первый разъ настроиваетъ свое могущее слово на голосъ современной политики. Признавая еще, по крайней мѣрѣ, по видимому, верховную власть первосвященника, онъ уже смѣло жалуется на притѣсненія денежныя, на прим., что Майнцкая каѳедра на его собственной памяти купила у Римскаго престола 8 епископскихъ мантій, и за каждую внесла по 30,000 гульденовъ, не говоря о другихъ безчисленныхъ епископствахъ, прелатурахъ и ленахъ. Онъ дивится, что Германія, которой большая половина состоитъ изъ духовныхъ владѣній, не совсѣмъ еще обнищала отъ Римскихъ поборовъ. «Если Нѣмецкіе князья и дворяне,» — прибавляетъ онъ, — «въ скоромъ времени безстрашно не приложатъ рукъ къ прекращенію такихъ безпорядковъ, Германія или обратится въ пустыню, или посягнетъ на самоубійство. Я желалъ бы охотно, чтобы короли, князья, и все дворянство, приложили усилія, чтобъ заступить дорогу Римскимъ царедворцамъ, чтобъ оградить цѣльность епископскихъ паллій и ленъ. Возможно ли, что Римская алчность похищаетъ всѣ учрежденія нашихъ предковъ (unserer Väter Stifftung)? Развѣ мало въ нашемъ отечествѣ людей, которые въ нихъ нуждаются? Дай Богъ, чтобъ когда ни будь отверзлись наши очи. Аминь!» (1) Воззваніе дворянамъ есть мысль вступительная и заключительная всего сочиненія. Это значило влагать оружіе въ руки бѣдныхъ дворянъ, которые вскорѣ, опираясь на свѣдѣтельствѣ Лютера, и приступили къ расхищенію церковныхъ имуществъ. Знаменитый Францъ Зикингенъ, Пфальцкій дворянинъ, чрезъ посредство Ульриха Гуттена, немедленно предложилъ Лютеру свое покровительство и вѣрное убѣжище, въ случаѣ невзгоды, въ своихъ родовыхъ замкахъ. (2) Лѣтомъ, когда булла проклятія, по слухамъ,

---

(1) Walch, XVIII, §. 7, S. 1202; §. 124—126, S. 1256 — 1257. — Что окружное посланіе къ императору и дворянамъ есть прямое продолженіе сочиненія Лютера противъ Альфельда, и что оба писаны подъ вліяніемъ одной и той же патріотической идеи, видно изъ письма Лютера къ Спалатину безъ числа, но несомнѣнно въ началѣ 1520 года. Aur. I, Ep. 198, S. 290. Стало быть, мысль сдѣлать воззваніе ко всему Нѣмецкому дворянству, давно уже зародилась въ Лютерѣ, и онъ дѣлился ею съ приближенными, но исполненіе отлагалось, по причинѣ неблагопріятствующихъ обстоятельствъ.

(2) Два письма Гуттена отъ 20 Января и 28 Февр. 1120 года къ Меланхтону. Walch, XV, S. 1946—1947.

доходившимъ изъ Рима, изготовлялась стараніями Экка, и Лютеръ, постигая опасность своего положенія, при всеобщемъ умыніи умовъ, рѣшился искать убѣжища въ гостепріимной Чехіи, Зикингенъ повторилъ свое предложеніе, а Сильвестръ Шаумбургъ, Франконскій дворянинъ, просилъ его письменно не удаляться на чужбину, предлагая ему услуги свои и ста храбрыхъ дворянъ, заключившихъ между собою союзъ съ цѣлію оборонять его отъ всякихъ опасностей, пока дѣло его не будетъ рѣшено окончательно. (1) Лютеръ съ торжествомъ препровождаетъ это письмо къ Спалатину, съ просьбою представить его кардиналу св. Георгія, и объяснить ему, что теперь угрозы папскія ему ни по чемъ, потому что уже не въ Чехіи, а въ сердцѣ Германіи, нашлись великодушные мужи, готовые блюсти его безопасность противъ всѣхъ Италіянскихъ перуновъ. (2) А потому не совсѣмъ лишено основанія предположеніе двухъ Католическихъ писателей, Іезуита Мёнбура и Варильяса (lib. IV, 298), что Шаумбургъ и другіе дворяне по тому перешли на сторону Лютера, что желали возвратить себѣ старинныя дѣдины, когда-то пожертвованныя ихъ предками въ пользу монастырей. Секендорфъ, въ исторіи Лютеранства, возражаетъ слабо: 1) что никогда Лютеръ не промолвилъ ни слова о правѣ дворянъ прибрать къ рукамъ церковныя имѣнія; 2) что рыцарское или низшее дворянство не могло и имѣть притязаній на такія имѣнія, которыя большею частію принадлежали по праву владѣтельнымъ князьямъ и высшей аристократіи. И то и другое опровергается послѣдующими происшествіями. (3). Эти знаки участія отъ рыцарей побудили Лютера, въ виду приближавшейся изъ Италіи грозы, издать въ свѣтъ знаменитое окружное посланіе къ императору и всему правовѣрному дворянству Нѣмецкой земли (ad universam nobilitatem Germaniae). Расходъ сочиненія былъ изумителенъ; по мѣрѣ печатанія, оно шло на расхватъ, не менѣе 4000 оттисковъ. Пріобрѣтали его, разумѣется, тѣ, къ которымъ оно было надписано, т. е., дворяне. (4) Успѣхъ объясняется его содержаніемъ, которое по тому только не можетъ быть названо лестію

(1) Повѣсть Аврифабра и письмо Шаумбурга къ Лютеру въ Іюнѣ 1520 года, у Walch, XV, S. 1942—1943.

(2) Письмо Лютера къ Спалатину 10 Іюля, 1520 года. Aurif. I, Ep. 108, f. 272. b. — X, Seckendorf. Comm. I, 161.

(3) Seckendorf, Comm. I, 193 и приложенія, p. 169.

(4) Пис. Лютера къ Вячеславу Линку 20 Іюля, 1520 г. Aurif. I, Ep. 183, f. 275—276. — Пис. Лют. къ Лангу, 18 Августа, 1520. Ibid. Ep. 1487, S. 278. b.

могущественному сословію, что оно исходило изъ глубины убѣжденія сочинителя; впрочемъ, во всякомъ случаѣ превосходно служило его выгодамъ. А именно, въ третьей статьѣ, онъ совѣтуетъ снова дворянамъ прекратить стеченіе денъ незаконными средствами во всепоглощающій Римъ, и противостать въ этомъ случаѣ папѣ, какъ общему врагу и разорителю Христіянства, а въ 22-й, къ совѣту, ограничить строеніе нищенствующихъ монастырей, прибавляя знаменательную оговорку: не говорю о старыхъ обителяхъ (Stiffte) и соборахъ (Domen), назначенныхъ для того, чтобъ дворяне, которые, по Нѣмецкому обычному праву, не имѣютъ части въ отцовскомъ наслѣдіи, получали изъ монастырей обезпеченное содержаніе, занимались наукою и выходили оттуда людьми учеными и богословами.» А всѣ этѣ условія, какъ разъ приходидились къ Ульриху Гуттену, виновнику и главному распорядителю движенія, которое съ 1520 года начинаетъ обнаруживаться между дворянами. Эккъ понималъ всю важность совѣтовъ, предлагаемыхъ Лютеромъ. Въ возраженіи Лютеру старается внушить Нѣмецкимъ дворянамъ, что, подущая ихъ къ бунту противъ Римскаго епископа, Лютеръ вовсе не имѣетъ въ виду удѣлить имъ участокъ изъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Послѣдствія показали, что Эккъ былъ дѣйствительно правъ; но Лютеръ нуждается въ опорѣ дворянства, а потому, на первый случай, толкуетъ слова свои въ пользу его: «Страннымъ показалось мнѣ возраженіе Экка; я именно жалуюсь въ книгѣ своей, что церковныя имѣнія, учрежденныя дворянствомъ въ пользу неимущихъ членовъ своего сословія, поглощаются Римскими тунеядцами, и такимъ образомъ Нѣмецкіе дворяне лишаются насущнаго хлѣба, а Эккъ утверждаетъ наоборотъ, что я не поддерживаю выгодъ дворянства.» (1)

Повторяю: Окружное посланіе Лютера имѣло самое важное современное значеніе: 1) Оно заступается съ необыкновенной силой за власть императора и свѣтскихъ владѣльцевъ, за высшее и низшее духовенство, подтверждаетъ права всѣхъ сословій, уменьшая на столько же вліяніе папы. 2) Въ немъ таится зародышъ разъединенія двухъ могущественныхъ сословій: дворянства и первенствующаго духовенства. Правда, Лютеръ расширяетъ права туземныхъ епископовъ, отмѣняя покупку паллія, какъ внѣшняго

(1) Walch, XV, Lutheri Schrift von den neuen Eckischen Bullen und Lügen, 1520. §. 6, S. 1676.

подчиненія папѣ, и обязывая нищенствующихъ монаховъ, дотолѣ стоящихъ подъ крѣпкою рукою первосвященника, къ строгому повиновенію мѣстному духовному начальству. (1) Но, съ другой стороны, высшее духовенство теряетъ всѣ привилегіи своего сана и возводится къ первобытному идеалу апостольской нищеты и смиренія. 1) Разъединеніе свѣтской власти съ духовною въ лицѣ папы, распространяется и на всѣ прочія степени Латинской іерархіи. Епископъ, по мнѣнію Лютера, не долженъ быть свѣтскимъ владѣтелемъ. Конрадъ Тюнгенскій, какъ одно и тоже лицо, не можетъ быть вмѣстѣ герцогомъ Франконскимъ и епископомъ Вюрцбургскимъ, потому что тутъ происходитъ смѣшеніе двухъ разнородныхъ властей. Епископъ, какъ владѣтельный князь, не можетъ налагать на церковь никакихъ законовъ. Конрадъ, какъ герцогъ Франконскій, имѣетъ право повелѣвать своимъ подданнымъ, но не можетъ простирать этой власти на Христіянъ своей епархіи, которые стоятъ подъ рукою другихъ свѣтскихъ владѣтелей. (2) Этотъ примѣръ во всѣхъ отношеніяхъ прилагался къ другимъ прелатамъ Нѣмецкой земли, которыхъ свѣтскія владѣнія далеко не исчерпывали обширнаго объема ихъ духовной епархіи. Такъ Майнцкая каѳедра простиралась на значительную часть владѣній Саксонскихъ, и курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ имѣлъ право жаловаться на притязанія Майнцкаго и Магдебурскаго кардинала присвоить себѣ и свѣтскія привилегіи въ подвѣдомственномъ ему, какъ епископу, буркграфствѣ Галльскомъ. (3) 2) Но ограниченная уже такимъ образомъ епископская власть, лишается всякаго значенія новымъ ограниченіемъ въ пользу низшаго духовенства (Priesterschaft). «На зло папѣ и епископамъ,» — говоритъ Лютеръ въ 14-й статьѣ Окружн. посланія, — «я выскажу смѣло, что у меня на сердцѣ. По установленію Христа и Апостоловъ, каждый городъ долженъ имѣть своего настоятеля (Pfarrherrn) или епископа (Тит. I, 6), и этому епископу предоставленъ свободный выборъ супружеской, или безбрачной, жизни (I Тим. III, 2). Каждый городъ долженъ выбирать изъ общины благочестиваго, ученаго члена въ епископы, и

(1) 13 статья.

(2) Walch, XVI Lutheri Antwort auf die ihm zugeschickten Fragen von Menschensatzungen, 21 Jul. 1530. §. 6—7, S. 1207—1208.

(3) Walch, XVII, Churfürsts Joh. Friedr. zu Sachsen Schrift wider Julium Pflug, §. 112. sqq., S. 196.

пріобщить къ нему нѣсколько іереевъ и діяконовъ, брачныхъ, или безбрачныхъ, которые помогаютъ ему въ управленіи общиною, проповѣдію и совершеніемъ таинствъ: обычай, до сихъ поръ еще сохранившійся въ Греческой Церкви.» Священники, по мнѣнію Лютера, только помощники епископа, но не должны находиться въ безгласномъ повиновеніи его; напротивъ, при посвященіи, ни подъ какимъ видомъ «не должны обѣщать ему хранить цѣломудріе, и даже поставить ему на видъ, что онъ не имѣетъ никакого права этого требовать.» Всѣ привилегіи (casus reservati), въ слѣдствіе которыхъ прелаты и аббаты предоставили однимъ себѣ право разрѣшать на исповѣди тайные грѣхи меньшей духовной братіи, также отмѣняются Лютеромъ (въ статьѣ 15). «А потому,»—прибавляетъ онъ,—«если настоятель отнимаетъ у братьевъ свободу исповѣдывать тайныя грѣхопаденія, кому захотятъ, то я разрѣшаю имъ, по слову Божію, повѣрить ихъ любому брату и получить отъ него разрѣшеніе.» Тогда, по крайней мѣрѣ, Лютеръ не отвергалъ еще прямо священства; но въ книгѣ о Вавилонскомъ плѣненіи Церкви, изданной въ октябрѣ 1520 года, слѣдовательно, черезъ три мѣсяца, онъ уже не признаетъ другаго священства, кромѣ общаго служенія всѣхъ Христіянъ. 3) Равно отношенія епископовъ къ паствѣ значительно ограничиваются выборомъ, предоставленнымъ не мѣстной капитулѣ, а Христіянской общинѣ.

Теперь, если примемъ въ соображеніе, что священники большею частію поставлялись изъ неимущихъ дворянъ; что Лютеръ предполагаетъ раздать имъ духовныя лены, отнятыя у Римской куріи, не оставляя ни одной изъ нихъ на долю епископамъ, то отсюда увидимъ разрушительное начало, вложенное въ Окружное посланіе Лютера. Слѣдствія вполнѣ оправдываютъ мое положеніе. Отселѣ епископы либо прямо становятся во враждебныя отношенія къ Лютеру, либо держатся осторожнаго невмѣшательства, по той естественной причинѣ, что они меньше теряютъ при старомъ порядкѣ вещей; но, съ другой стороны, не хотятъ лишиться и выгоды новаго своего положенія, а искусно пользуются тѣмъ и другимъ. За то союзъ Лютера съ Нѣмецкимъ дворянствомъ утверждается на крѣпкой основѣ взаимной услужливости, а между свѣтскими и духовными властями происходитъ рѣшительное раздвоеніе, основанное на взаимномъ соперничествѣ. Отъ времени изданія буллы: «Exsurge, Domine,» до Вормскаго сейма, противоположныя

стихіи рѣзче и рѣзче высказываются въ современныхъ событіяхъ. Булла встрѣчена язвительными насмѣшками и вызываетъ открытое возмущеніе во всей учащейся молодежи и въ простомъ народѣ, уже боготворившемъ своего реформатора, по причинамъ, которыя будутъ указаны ниже; духовенство, въ большинствѣ своихъ членовъ, склоняется на сторону папы. Дворяне, въ лицѣ знаменитаго Гуттена, становятся грудью за Лютера; владѣтельные князья продолжаютъ ему враждовать за проповѣдь объ Евангельской свободѣ, которую народъ переноситъ мало по малу и на государственныя отношенія. Среди этого столкновенія разнородныхъ стихій одинъ человѣкъ остается какъ бы совершенно чуждымъ общему движенію. Это въ высшей степени занимательная полу-Испанская и полу-Нѣмецкая личность императора Карла. Воспитанный въ строгихъ преданіяхъ Католицизма, онъ мало сочувствуетъ новымъ открытіямъ исторической критики, которая, въ лицѣ Лютера и его счастливаго продолжателя, Гуттена, силится возвратить въ дѣйствительность давно исчезнувшія отношенія между папой и императоромъ. Природный союзникъ папы (1) по современнымъ отношеніямъ своей наслѣдственной державы, онъ обращаетъ ревнивую политику на утвержденіе императорской власти, не противъ папы, а противъ частныхъ стремленій сильныхъ феодаловъ.

Папская булла, принесенная Эккомъ, прибита во всѣхъ митрополіяхъ Нѣмецкихъ, въ Мышнѣ, Межиборѣ и Бранниборѣ. Одинъ только Бамбергскій епископъ принялъ живое участіе въ дѣлѣ Пиркгеймера, отлученнаго Эккомъ, въ качествѣ полномочнаго апостольского нунція, но подъ конецъ и онъ покорился рѣшенію папскому. Эйхштедтскій и Фризингенскій епископы издали строгія воззванія противъ Лютеровыхъ сочиненій. Майнцкій кардиналъ, на котораго пало подозрѣніе въ покровительствѣ новому ученію, сталъ явно преслѣдовать его приверженцевъ, по требованію Римской куріи выдать ей Гуттена головою, запретилъ продажу книгъ его въ своихъ владѣніяхъ. Отселѣ начинается его коварная политика въ отношеніи къ Лютеру. Во время его путешествія въ Вормсъ, онъ въ первый разъ вступаетъ въ роль предателя, которой съ тѣхъ поръ не измѣнялъ никогда. Епископъ Межиборскій, на смиренное оправдательное посланіе Лютера,

(1) Ranke, D. Gesch. I, 473.

отвѣчалъ бранною грамотою. Бранибурскій, который въ началѣ Лютеровой дѣятельности такъ явно склонялся на его сторону, объявилъ торжественно, что онъ не ляжетъ во гробъ спокойно, пока своими руками не возложить его на костеръ. И благонамѣренный Аугсбургскій епископъ склонился на сторону Экка, но большее усердіе въ буквальномъ исполненіи буллы выказали епископы: Мышенскій и Межиборскій. (1) На Вормскомъ сеймѣ все высшее духовенство, по свѣдѣтельству Лютера, настаивало на нарушеніе его опасной грамоты; (2) въ одномъ современномъ описаніи сейма, Майнцкій курфирстъ сравнивается съ Каіафой, Трирскій съ Пилатомъ. (3) Даже Ситтенскій кардиналъ, о которомъ сказано выше, что онъ предлагалъ убѣжище Лютеру и называлъ ученіе его чистымъ Евангельскимъ (Luther! Tu es vere Luther, i. e., lauter), является въ числѣ его противниковъ. (4)

Съ другой стороны народность Лютера ростетъ съ ужасающей для Западной Церкви быстротой. Онъ могъ среди толпы, ему преданной, и учениковъ, обожавшихъ его, не подвергаясь опасности, рѣшиться на дѣло, неслыханно дерзкое. 10 Декабря, 1520 года, онъ сжегъ «всѣ декреты, декреталіи, сексты, клементины, экстраваганты и буллу Льва X, съ другими сочиненіями записныхъ Католиковъ Экка и Эмзера,» (5) а на другой дена торжественно возгласилъ съ каѳедры, что никто не можетъ достигнуть спасенія, если отъ всего сердца не возненавидитъ Римскаго престола. (6) Въ Лейпцигѣ, городѣ ревностнаго Католика, Георга Саксонскаго, Эккъ не могъ найти безопасности отъ студентовъ,

---

(1) Seckendorf, Comm. I, 171. — Пис. Лют. къ Спалат. 4 Нояб. 1520: «Dux Georgius totus in me insanit cum suis sophistis et Episcopo Mersburgensi.... Compellam eos literis et vernacula Antibulla... Babenbergensis Episcopus recusavit bullam.» Aurif. I, Ep. 197, S. 287—289. — Walch, XV, 1905—1907. — Два письма Лютера къ Спалат. 8 Сент. и 4 Окт. Aurif. I, Ep. 193 и 194, S. 282, b, 284, b. — Walch, XV, 559-й Док. S. 2184, 560 Док. S. 2171. — Пис. Лют. къ Спалат. I, Ep. 203, f. 295, a;—къ нему же. Ibid. Ep. 209, f. 300, b; «Definitum aiunt apud episcopos Misnenses et Mersburgenses Bullam exequi» (21 Генв. 1521).... «plaustra librorum meorum exurunt. Ita insaniunt sancticuli illi.» Письмо къ Спалат. 27 Февраля, 1521, Aur. Ep. 214, f. 307, a.—Письмо къ Лангу, Aur. I, Ep. 217, f. 311, 312. — Hagen, II, 110.

(2) Walch, XXII, c. 55, §. 2, §. 2029.

(3) Passio D. M. Lutheri Karsthans et Kegelhans. Aur. II, f. 10—15.

(4) Ibid. — О Матѳіѣ Шейнерѣ, Ситтенскомъ епископѣ, см. Seckend. Comm. I, III; а письмо Фробенія къ Лютеру у Walch, XV, S. 1633.

(5) Письмо Лютера къ Спалатину. Aur. I, Ep. 202, f. 294.

(6) Walch, XV, S. 1926.

которые грозили ему поруганіемъ и смертію. (1) Булла, прибитая къ воротамъ города, сорвана и смѣшана съ грязью; тоже самое случилось и въ Деблинѣ съ надписью: «Гнѣздо осталось, а птицы повылетѣли.» (2) Въ Майнцѣ, кардинальской столицѣ, сожигавшіе сочиненія Лютера, подвергались великой опасности; легата Алландра едва не побили каменіемъ. (3) Въ Магдебургѣ, книга Эмзера прибита на площади непотребныхъ домовъ (подъ названіемъ «Sack» или «Pranger)», съ привѣшанными съ обѣихъ сторонъ розгами, символомъ казни, ему подобающей, и съ надписью: «Эта книга достойна такого мѣста.» (4) Въ Эрфуртѣ булла разорвана студентами въ клочки и брошена въ воду: «Nunc vere est bulla»,— прибавляетъ Лютеръ въ насмѣшку; городская дума молчитъ, Майнскій дворъ не смѣетъ прибѣгнуть къ насилію. (5) Настройство народныхъ умовъ всего лучше обозначаютъ безчисленныя присказки, ходившія въ черни. Въ одной изъ нихъ, подъ названіемъ разговора Кунца и Фрица, народъ опредѣляетъ свои отношенія къ Лютеру. «Вездѣ таже пѣсня,» —отвѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ на вопросъ товарища, въ какомъ положеніи дѣла реформатора? «У кого много пребендъ, тотъ враждуетъ ему и величаетъ еретикомъ, а нищая братья его обожаетъ.» Оба крестьянина утѣшаются надеждою, что будетъ время, когда свѣтъ возобладаетъ надъ тьмою, и отзываются въ самыхъ непочтительныхъ выраженіяхъ о противникахъ Лютера, особенно Эккѣ. (6) Во время путешествія въ Вормсъ, Лютеру случалось проповѣдывать по дорогѣ, и всякой разъ при огромномъ стеченіи народа. «Когда онъ въѣзжалъ въ городъ,» — говоритъ Миконій, — «народъ встрѣчалъ его за воротами; всѣ хотѣли видѣть дивнаго мужа, дерзнувшаго ополчиться на папу и на весь міръ. (7) Въ всенародной молитвѣ (litania Germanorum), сочиненной около этого времени, Лютеръ называется уже

(1) Письмо Мильтица къ Фабіану Фейлячу, Walch, XV, S. 1872,—1893.—Пис. Лют. къ Спалатину, Aur. I, Ep. 194, f. 284, b.

(2) Пис. Лют. къ Линку и Спалат. отъ 7 Марта, 1521 г. Aur. I, Ep. 218 и 219, f. 312—313.

(3) Пис. Лют. къ Стуницу отъ 13 Генваря, 1521 года. Aur. I, Ep. 207, f. 299, b. Hagen, II, 125.

(4) «In publico infamiae loco», гов. Лют. въ пис. къ Спалат. Aur. I, Ep. 215, f. 306, b, и къ Линку 7 Марта f. 312, b.

(5) Aur. I, 289.

(6) Hagen, II, 127—135.

(7) Walch, XV, S. 2172.

несокрушимымъ столпомъ Христіянской вѣры, народъ считаетъ его дѣло своимъ; молитъ Бога о сохраненіи его въ Вормсѣ отъ Венеціянскаго яда; объ утвержденіи въ благихъ намѣреніяхъ на пользу Лютера, храбраго Нѣмецкаго рыцаря, Ульриха Гуттена; о наставленіи на путь истины Глапіона, духовника императорскаго, не совсѣмъ хорошо къ нему расположеннаго и пр. Псаломъ заключается такими словами: «Лютеръ бѣденъ и немощенъ! Боже! напутствуй его!» (1) Видно, что путешествіе Лютера не просто поѣздка частнаго лица, а исторический путь представителя цѣлой народности. Его предстояніе Вормскому Сейму воспѣто въ Библейской повѣсти, получившей начало въ народѣ, гдѣ слово въ слово повторяется Евангельскій текстъ о предстояніи Христа Каіафѣ и Пилату, съ измѣненіемъ именъ и нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ. Лютеръ, разумѣется, вступаетъ въ отношенія Христовы.

Въ промежуточныхъ событіяхъ, отъ появленія буллы проклятія до Вормскаго сейма, окрѣпла связь реформатора съ Нѣмецкой аристократіей. Особенно низшее дворянство слагается въ одинъ великій союзъ для охраненія его, какъ вождя народности, и въ великій заговоръ противъ всего духовенства, отечественнаго и иноземнаго. Во всю вторую половину 1520 года Лютеръ велъ дѣятельную переписку съ рыцаремъ Зикингеномъ. Въ его крѣпкомъ замкѣ, Эберибургѣ, жилъ, послѣ изгнанія изъ Майнца, скиталецъ Гуттенъ, неутомимый поборникъ Нѣмецкой свободы, пожертвовавшій семейными связями и наслѣдственнымъ имуществомъ для общаго дѣла. По обнародованіи буллы, подвергавшей его одной участи съ Лютеромъ, онъ сошелся съ нимъ ближе, всюду, гдѣ только могъ, и словомъ и дѣломъ согрѣвалъ сердца патріотовъ, разносилъ славу Лютера. Онъ учредилъ свою собственную типографію, и оттуда высылалъ одно за однимъ, кипучія воззванія къ императору, князьямъ, духовенству, ко всѣмъ свободнымъ чадамъ Нѣмецкой земли. (2) Здѣсь вышла знаменитая булла ревущаго Льва съ язвительными примѣчаніями Гуттена и съ предисловіемъ къ возлюбленнымъ Нѣмцамъ. «Мечь папскій,» — говоритъ онъ, — повисъ надъ головой не одного Лютера, а всего народа: его дѣло есть общее дѣло цѣлой Германіи». (3) Въ слѣдъ за Гуттеномъ под-

(1) Walch, XV, S. 2179—2181.
(2) Hagen, II, 135—139.
(3) Walch, XV, 1691.

нимаются новыя лица, Гартмутъ изъ Кронберга пишетъ къ папѣ Льву X посланіе, гдѣ сравниваетъ истину съ ужаснымъ потопомъ, котораго не въ силахъ остановить человѣческія усилія, и проситъ первосвященника отречься отъ свѣтскаго владычества и передать его добродѣтельному императору, Карлу. Въ Бамбергской епархіи совѣтники епископа объявили Экку, что онъ безумный и достоинъ, чтобъ его утопили. Дворянинъ Розенау сказалъ ему въ глаза, что онъ по гробъ останется вѣренъ Лютеру, и буде Эккъ осмѣлится потребовать его къ отвѣту, или приступить къ насильственнымъ мѣрамъ, то онъ и въ самомъ Ингольштадтѣ, въ собственной приходской церкви, не укроется отъ его гнѣва. Все окружное дворянство было въ сильномъ негодованіи на Экка; со всѣхъ сторонъ освѣдомлялись въ Нюренбергѣ, до какой степени осмѣлится онъ простирать свое безстыдство. Въ современномъ сочиненіи торжествующій Гогстратенъ, Лупольдъ, одинъ изъ приверженцовъ новаго порядка вещей, грозитъ инквизитору, что если сочиненія Лютера будутъ преданы сожженію, дворяне въ своихъ замкахъ будутъ сами печатать по своему книги противъ духовнаго насилія — явный намекъ на современныя отношенія. (1) Дѣйствительно, Вормскій сеймъ былъ первымъ могучимъ столкновеніемъ двухъ великихъ сословій, вступившихъ въ открытую борьбу. Можно сказать утвердительно, что въ Вормсѣ вопросъ вѣроисповѣдный становится второстепеннымъ. Впереди всего вопросъ государственный. Дворяне и народъ соединенными силами вызываютъ на брань духовное вельможество, которое отказалось отъ единства съ народомъ и передалось измѣннически на сторону папы. Замѣчательно, что Вормскіе чины дѣлаютъ строгое различіе между Лютеромъ, какъ учителемъ вѣры, и Лютеромъ, какъ вождемъ возродившейся народности. (2) Они сопротивляются также императору, который слишкомъ явно хотѣлъ перенести и на Германію Испанскія свои отношенія. Задолго до открытія сейма, представители обѣихъ сторонъ готовятся къ великой народной битвѣ, выставляютъ своихъ лучшихъ бойцевъ. «Лютеръ долженъ быть осужденъ, хотя бы это стоило Германіи погибели,» — говорили паписты на каѳедрѣ и въ собраніяхъ народныхъ, торжествуя подъ державною охраною Карла. Испанцы позволяли себѣ явныя нарушенія народнаго

---

(1) Hagen, II, 126, 132.

(2) Ranke, D Gesch. I, 476.

права. Одинъ изъ нихъ отнялъ насильно у Ворнскаго книгопродавца буллу съ примѣчаніями Гуттена, потопталъ и смѣшалъ ее съ грязью. Придворный проповѣдникъ, съ вооруженною стражею, отобралъ у одного бѣдняка 80 экземпляровъ сочиненія Лютера о Вавилонскомъ плѣненіи, но окружные жители приспѣли на помощь и разогнали Испанцевъ. Испанскіе всадники Двора Королевскаго позволяли себѣ всякаго рода обиды природнымъ Нѣмцамъ; разъѣзжая по улицамъ и площадямъ невозбранно давили народъ, и не было на нихъ жалобы. (1) За то противодѣйствіе народнаго начала разразилось съ неслыханной силой на совѣщаніяхъ сейма. Государственные чины представили 105 жалобъ «Святой Римской Имперіи и всего Нѣмецкаго народа противъ Римскаго престола и преданнаго ему духовенства.» Въ самомъ дѣлѣ, сопротивленіе преимущественно исходитъ изъ свѣтскаго вельможескаго начала и направлено не столько на внѣшнихъ враговъ народнаго единства и славы, сколько на внутреннихъ крѣпкихъ поборниковъ папства. Эти жалобы можно бы назвать повтореніемъ Окружнаго посланія Лютера; въ нихъ разбираются тѣже вопросы и въ тойже послѣдовательности. Но они не выходятъ уже въ видѣ совѣтовъ отъ частнаго лица, а, разумно воспринятыя массами, предстаютъ снова въ видѣ грознаго требованія отъ лица всего народа. Изготовленіе ихъ, по несомнѣннымъ признакамъ, принадлежитъ дворянству, не придворнымъ блюдолизамъ, которые въ то время поднимали на смѣхъ простодушіе Лютера, а дворянству рыцарскому, большею частію безхлѣбному, готовому на томъ же сеймѣ вооруженною рукою поддержать свои требованія. На это указываетъ какъ общее содержаніе, такъ и частности нѣкоторыхъ жалобъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ младшимъ отраслямъ дворянскихъ родовъ, исключенныхъ изъ участія въ наслѣдствѣ. На пр.: «Хотя похвальныя установленія, утвержденныя папой и до сихъ поръ ненарушаемыя, утвердили большія обители (die grossen Stiffte) и соборныя церкви (viel Kathedralkirchen) за князьями, графами, господами, и дворянами (Edlen) на томъ основаніи, чтобы никто не принимался въ нихъ, кромѣ дворянскихъ дѣтей, но теперь царедворцы папскіе нарушаютъ ихъ смѣло, и получаютъ отъ папы пребенды въ вышеназванныхъ церквахъ, безъ всякаго разбору, хотя бы они были

(1) Пис. Германна Буша къ Гуттену 5 Мая, 1521 года, изъ Ворис. Walch, XV, S. 1952—1955.

и не дворянскаго честнаго рода.» Другая статья касается недвижимыхъ имуществъ свѣтскихъ владѣльцевъ. Чины требуютъ отъ главы имперіи запрещенія послѣднимъ отчуждать свою земельную собственность продажей духовнымъ; въ противномъ случаѣ, ежедневной продажей и обращеніемъ наслѣдственныхъ дворянскихъ имуществъ въ духовныя лены, могло бы случиться, что вся поземельная собственность со временемъ перейдетъ во владѣніе, а всѣ дворяне въ зависимость отъ духовенства. Бывали примѣры, что наслѣдственныя имѣнія дворянъ, умершихъ безъ завѣщанія, противъ всякаго права похищались епископами. Есть еще интересная жалоба, что богатые Бенедиктинскіе монастыри, основанные большею частію свѣтскими владѣльцами, графами и дворянами, отказываютъ странствующимъ дворянамъ (so ye zu zegten bey jnen ab und zureyten) въ ночлегѣ, угощеніи и кормѣ, съ особеннаго разрѣшенія духовныхъ начальниковъ, или берутъ за все деньги, противъ древняго похвальнаго и законнаго обычая; а преимущества этого рода (свободу отъ постоя) публично прибиваютъ къ монастырскимъ воротамъ, и такимъ образомъ платятъ неблагодарностію за полученныя благодѣянія. (1) Дальнѣйшія жалобы относятся къ злоупотребленіямъ духовнаго судопроизводства, простирающагося и на ленныхъ дворянъ въ дѣлахъ свѣтскаго вѣдомства. Большая половина жалобъ направлена на притѣсненіи простаго народа налогами, продажностію богослуженія и требъ, (даже мертвые обязаны откупать себѣ мѣсто покоя) отказомъ въ сообщеніи таинствъ, произвольными отлученіями, и другими безчисленными сѣтями для совѣсти.

Лютеръ на Вормскомъ сеймѣ былъ представителемъ этого направленія. Отъ того всѣ усилія духовенства клонились къ тому, чтобъ подвергнуть его участи Гусовой. Майнцкій кардиналъ ввелъ въ обманъ и Зикингена, уговоривъ его пригласить Лютера въ свой замокъ, Эбернбургъ, подъ предлогомъ готовящагося тамъ совѣщанія съ духовникомъ императорскимъ По всей дорогѣ разосланы гонцы на встрѣчу проповѣднику, съ порученіемъ разсѣять по народу слухи о состоявшемся будто бы въ Вормсѣ осужденіи Лютера, не смотря на врученную ему опасную грамоту. И все это сдѣлано съ цѣлію, чтобъ замедлить пріѣздъ его и послѣ обвинить въ ослушаніи императорской власти. Лютеръ, проникая

(1) Walch, XV, die Beschwerungen des Heil. Röm. Reyches und besonderlich ganz Teutschen Nation, S. 2068, 2074, 2075, 2082, 2086, 2089.

козни враговъ своихъ, медленно, но безстрашно приближался къ цѣли своего путешествія. Впрочемъ, если что ни будь можетъ уменьшить достоинство его вольнаго самоотверженія, и навести тѣнь на эту торжественную эпоху жизни его, то, конечно, увѣренность, или, по крайней мѣрѣ, несомнѣнная надежда на его безопасность, подъ прикрытіемъ рыцарскихъ щитовъ. Онъ зналъ, отправляясь въ Вормсъ, что его тамъ ожидаетъ могучее заступничество; что личная его безопасность искупается плачевнымъ раздвоеніемъ въ народѣ, и что представитель раздора — онъ самъ. Вотъ высокое преимущество Гуса, окруженнаго одними врагами, очистительной жертвы за единство народное. При Лютерѣ въ Вормсѣ дворянство составляетъ безсмѣнную стражу; оно караулитъ его входы и исходы, оберегаетъ его отъ всякой напасти. Когда онъ приближался къ городу, ему вышла на встрѣчу депутація Саксонскихъ дворянъ: Бернгардъ Ф. Гиршфельдъ, Іоаннъ Шотте, Альбрехтъ Минденау на шести лошадяхъ; 2000 народа провожало его въ палаты курфирста, гдѣ назначено было ему помѣщеніе вмѣстѣ съ совѣтниками, Фридрихомъ Тунау и Филиппомъ Фейличемъ. Невдали отъ него занималъ жилье Людовикъ Пфальцкій, который незадолго до того сильнымъ ходатайствомъ отстоялъ неприкосновенность его опасной грамоты. Ему было не безъизвѣстно, что прибытіе его озадачитъ Католиковъ и доставитъ торжество его сторонѣ. (1) Въ тотъ же вечеръ, говоритъ онъ, въ описаніи своихъ Вормскихъ дѣяній, жилище его наполнилось множествомъ графовъ, бароновъ, рыцарей, дворянъ, духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, которые до поздней ночи сходились привѣтствовать его и бесѣдовать съ нимъ (in imam usque noctem salutatus ac requisitus). (2) О чемъ бесѣдовали они, свѣдѣтельствуетъ Лютеръ въ Застольныхъ рѣчахъ: «Ни одинъ владѣтельный князь не пришелъ ко мнѣ, а только графы и дворяне, которые пристально смотрѣли на меня,—тѣ самые, которые вручили императору Карлу V 400 (?) жалобъ на духовенство, и просили отмѣнить злоупотребленія, въ противномъ случаѣ грозили прибѣгнуть къ самоуправству.» (3) Они говорили ему, что терпѣніе ихъ истощилось, и просили у него позволенія прибѣгнуть къ оружію. По крайней мѣрѣ,

---

(1) Пис. Вита Варбека къ Герцогу Іоанну Санс.—Walch, XV, 2183—2184.
(2) Walch, XV, S. 2297.—Cochlaei de actis et scriptis M. Lutheri, S. 50.
(3) Walch, XXII, S. 2028—2029.

черезъ 10 лѣтъ приводя эту сцену на память епископамъ, собраннымъ въ Аугсбургѣ, онъ прибавляетъ: «Какъ вы думаете? Если бъ нашелся хоть одинъ проповѣдникъ, который развязалъ бы имъ руки, гдѣ было бы теперь духовенство? А вы помните, что въ ту пору ученіе мое было въ ходу; и оно не возмущало умовъ, а напротивъ убѣждало законно къ храненію мира и къ повиновенію властямъ; не будь его, пошла бы потѣха.» (1) При такой сильной поддержкѣ, Лютеръ могъ съ спокойнымъ духомъ и лицемъ веселымъ итти на встрѣчу собранію Вормскому, но и тутъ на дорогѣ повсюду встрѣчали его одобренія. Знаменитый полководецъ Георгъ, Фрундбергъ, сказалъ ему, дружески ударивъ его по плечу: «Монахъ! монахъ! Ты идешь теперь такою дорогою, какою и мнѣ и самымъ храбрымъ вождямъ едва ли случалось итти въ самомъ жаркомъ пылу сраженія. Если ты правъ и увѣренъ въ себѣ, то ступай съ Богомъ и не унывай! Богъ не оставитъ тебя.» (2) По возвращеніи его домой, его снова посѣтили дворяне. «Учитель,» — говорили они, — «носится слухъ, что собираются сжечь тебя. Этому не бывать. Скорѣе сами погибнутъ.» Таже сцена повторилась послѣ втораго допроса: ему дали двухъ провожатыхъ, а дворяне вообразили себѣ, что его отводятъ подъ стражу и громко протестовали. (3) Пока предлагалось совѣщанію сейма письмо императора, въ которомъ онъ объявлялъ намѣреніе преслѣдовать еретика, по обычаю предковъ, всѣми возможными средствами, какъ бы въ противоположность этой немилости, Лютеръ снова принималъ посѣщеніе князей, графовъ, бароновъ, рыцарей, дворянъ, духовныхъ и свѣтскихъ; «а толпы народныя стояли кругомъ его дома и не могли на него наглядѣться.» (4) Изъ князей Спалатинъ видѣлъ у него ландграфа Гессенскаго, герцога Вильгельма Брауншвейгскаго, графа Вильгельма Геннебергскаго. Слѣдствіемъ этихъ посѣщеній былъ новый, великій заговоръ всего духовенства противъ епископовъ. Ночью, на городскихъ площадяхъ, рукой неизвѣстнаго, прибивались записки съ словами: «Горе народу, надъ которымъ царствуетъ отрокъ!» Указъ императорскій о запрещеніи Лютеровыхъ книгъ сорванъ съ церковныхъ дверей и подписано: «Блажени изгнаны правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное.» Въ толпѣ

(1) Walch, XVI, §. 13, S. 1127.
(2) Seckendorf, I, S. 235.
(3) Walch, XV, 2232—2234.
(4) Seckendorf, S. 232.

послышался голосъ, величавшій блаженнымъ чрево, его носившее. Къ воротамъ ратуши прибито объявленіе о заговорѣ 400 рыцарей противъ архіепископа Майнцкаго, и о готовомъ войскѣ 8000 крестьянъ противъ всѣхъ Романистовъ; но не было выставлено ни одного имени. Угроза кончалась троекратнымъ повтореніемъ Нѣмецкаго Bundshuh, которое Кохлей переводитъ: foedus populare, или conjuratio contra superiores. (1)

Здѣсь въ первый разъ въ государственномъ отношеніи Лютеръ является въ невыгодномъ свѣтѣ, принужденно разыгрываетъ роль сектатора и примѣромъ своимъ, нѣкоторымъ образомъ поощряетъ раздоры въ сословіяхъ народа. Его похожденія становились подозрительными и для лучшихъ друзей его. Послѣднія явныя оскорбленія величія императорской власти самъ неистовый Гуттенъ порицаетъ громко, называетъ зачинщиковъ людьми безразсудными, которые, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать своему реформатору, чрезъ мѣру вредятъ ему въ общественномъ мнѣніи. (2) Позднѣе Мюнцеръ обвинялъ его въ низкомъ ласкательствѣ передъ дворянами для того, чтобы сойти побѣдителемъ съ поля сраженія: «Что ты въ Вормсѣ стоялъ передъ сеймомъ,» — говорилъ онъ Лютеру, въ своемъ сочиненіи противъ нѣголюбивой плоти (1521 г.),—«этимъ обязанъ ты Нѣмецкому дворянству, которому ты медомъ подмазалъ уста, ибо оно навѣрное расчитывало, что ты въ своей проповѣди утвердишь за нимъ монастыри и обители, которыя теперь обѣщаешь князьямъ. Если бъ ты въ Вормсѣ оказалъ нерѣшительность, ты бы скорѣе былъ зарѣзанъ самими дворянами, чѣмъ выпущенъ на свободу: это всѣ знаютъ.» (3) Лютеръ и самъ замѣчалъ неловкость своего положенія, при которомъ папистамъ больше приходилось бояться, чѣмъ любимцу народному. Другъ законнаго порядка, онъ безъ намѣренія очутился на перепутьѣ противоположныхъ стремленій; напрасно стараясь соединить народъ къ одной высшей цѣли, былъ вынужденъ обстоятельствами высказать мнѣніе свое въ пользу сосословія, котораго дѣйствія въ то время были прикрыты наибольшой личиной законности. Но если ему не дано было стать съ самаго начала на счастливую точку равномѣрныхъ отношеній ко всѣмъ

(1) Cochlaei, S. 31—33.—Hagen, II, 147.—Ranke, I, 486.

(2) Пис. Гуттена къ Пиркгеймеру 1 Мая, 1521 г., изъ Эберибурга. — Walch, XV, 2322—2323.

(3) Hagen, 147.

разрядамъ народа, (это рѣдкое счастіе досталось въ удѣлъ преобразователю Чешскому), то нельзя не сознаться, что онъ не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, и позднѣе за правдолюбіе свое, подвергся мстительной ненависти тѣхъ самыхъ, которые боготворили его въ Вормсѣ.

Я разсмотрѣлъ въ подробности отношеніе Лютера къ его соплеменникамъ въ первую эпоху его реформаторской дѣятельности. До сихъ поръ, какъ мы видѣли, большинство народа ему сочувствуетъ и взаимная довѣрчивость между наставникомъ и паствой постепенно ростетъ. Но съ Вормскаго сейма стройный ходъ преобразованія перерождается мало по малу въ крайнее развитіе одностороннихъ началъ, изъ которыхъ каждое стремится къ исключительному господству. Вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ за шагомъ ломаются искуственные подмостки, послужившіе къ возвышенію Лютера: Лютеръ на Аугсбургскомъ сеймѣ далеко не то, что на Вормскомъ; онъ разсорился съ цѣлымъ народомъ, разсорился съ самимъ собою; пышныя надежды первыхъ лѣтъ реформаціи смѣнились мрачнымъ разочарованіемъ.

Какъ совершилась эта чудная перемѣна? Гагенъ, подробно разобравшій этотъ вопросъ, пришелъ къ заключенію, что Лютеръ самъ уклонился отъ первоначальнаго пути реформаціи, отъ общенародныхъ потребностей, вызвавшихъ ее въ началѣ XVI-го столѣтія. Исходная точка его воззрѣнія — мысль, что три оппозиціонныя начала, развивавшіяся медленно въ продолженіе средняго вѣка, нашли себѣ представителя въ Лютерѣ, и пока онъ оставался имъ вѣренъ, до тѣхъ поръ и реформація развивалась естественнымъ путемъ, а Лютеръ стоялъ во главѣ народнаго движенія. По мнѣнію Гагена, реформаціонныя начала воплотились, въ возможной чистотѣ, въ низшихъ сословіяхъ народныхъ, наиболѣе угнетенныхъ средневѣковымъ феодализмомъ. Сущность истиннаго преобразованія, котораго цѣлію и главнымъ итогомъ было бы единство государственное и образованіе народной Церкви (Deutche Volkskirche), (и то и другое въ наше время болѣе, нежели когда либо стало загадочнымъ), заключалась въ области вѣры—въ отрѣшеніи отъ всякаго авторитета, кромѣ Библейскаго, въ свободѣ совѣсти и въ правильной соразмѣрности между откровеніемъ и здравымъ человѣческимъ разумомъ; въ государственномъ отношеніи, въ уничтоженіи феодальныхъ обязанностей, лежавшихъ большею частію на черни, въ уваженіи къ человѣческимъ правамъ всѣхъ

сословій, въ ограниченіи власти сильныхъ вассаловъ въ пользу національнаго единства, которое выражалось въ видимомъ символѣ императорской власти. Лютеръ будто бы въ дальнѣйшемъ ходѣ реформаціи уклонился отъ того и другаго. Въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ разсорилъ Евангеліе съ естественными силами разума, отвлекъ Христіянское начало отъ внутренняго постиженія духомъ къ внѣшнимъ знакамъ, установленнымъ Церковію, и здѣсь подчинился вліянію Католичества; въ политическихъ приложился къ корыстнымъ цѣлямъ владѣтельныхъ князей имперіи и низкою лестію злоупотребленіямъ ихъ власти привлекъ къ себѣ большую половину послѣднихъ, но за то повредилъ несказанно единству народному. Живое ученіе вѣры обращено, такимъ образомъ, въ одностороннюю Hoftheologie, придворное богословіе, которое всегда раболѣпно склонялось предъ княжеской властію, но не боялось сравнивать простолюдина со скотомъ, или вещію, оправдывало вопіющія преступленія первой и унизило человѣческія права послѣдняго. «Реформація,»—говоритъ Гагенъ (II, 151),—«отселѣ обречена на служеніе княжескимъ выгодамъ, тогда какъ прежде служила собственно народнымъ; до сихъ поръ движеніе ея имѣло цѣлію ограниченіе чрезмѣрныхъ правъ частныхъ князей, утвержденіе государственнаго единства, возвышеніе императорской власти; теперь князья воспользовались ею для противоположныхъ цѣлей, для возвышенія своей княжеской власти, дали ей враждебное направленіе противъ единства имперіи, противъ могущества императора.»

Это мнѣніе, въ высшей степени одностороннее, не выдерживаетъ исторической критики. Оно основано на поверхностномъ разборѣ источниковъ, относящихся къ дѣятельности самого Лютера. Отрѣшившись отъ узкаго взгляда односторонняго Протестантства, который всѣ событія реформаціонныя возводитъ къ безусловному авторитету личности Лютера, и внѣ этой личности не признаетъ самостоятельнаго движенія народной мысли, сочинитель увлекся въ противоположную крайность; онъ поставилъ Лютера наряду съ другими побочными дѣятелями и отыскивалъ зерна реформаціи въ какомъ-то мечтательномъ стремленіи, исходившемъ изъ массы народной, въ правильной соразмѣрности между членами общества, управляемаго предвѣчными законами божественной и человѣческой мудрости — откровенія и философіи здраваго разума. Между тѣмъ и онъ сознаетъ, что это стремленіе не нашло

себѣ представителя ни въ одной могучей личности, которая воплотила бы въ себѣ всѣ его послѣдствія и повела бы ихъ стройнымъ путемъ всенароднаго преобразованія къ предположенной цѣли, не уклоняясь ни въ право, ни въ лѣво. Но мы уже видѣли, въ какихъ формахъ обнаруживалось народное противодѣйствіе до явленія Лютера: въ религію и во всѣ существующія отношенія оно вносило чисто отрицательное начало. Мы видѣли дальше, что противодѣйствіе этому разрушительному направленію зародилось извнѣ въ реформаціи, приготовленной и пущенной въ ходъ желѣзною волею и разумнымъ сознаніемъ одного лица, которое приступило къ ней съ готовыми средствами. Реформація въ сущности своей есть созданіе одного человѣка; она нуждалась въ помощникахъ, въ разумныхъ, но послушныхъ, орудіяхъ и счастливыхъ продолжателяхъ его предначертаній; но все же Лютеръ долженъ былъ оставаться живымъ средоточіемъ современныхъ событій. Онъ могъ дать ей ложное направленіе, которое и осталось за ней навсегда. Но въ томъ-то и состоитъ ея слабость, что она слишкомъ восприняла въ себя личность, а въ народномъ духѣ не нашла надежной опоры, которая могла бы отдѣлить сѣмя отъ плевелъ и предохранить совокупность народа отъ заблужденій лица. Тѣмъ не менѣе Лютеръ остался послѣдователенъ отъ начала до конца, не въ выводѣ итоговъ, которые по тому уже противорѣчили одинъ другому, что онъ личныя свои отношенія переносилъ на всю массу народа, а самъ по себѣ въ отвлеченномъ развитіи его убѣжденій, сосредоточенныхъ во внутреннемъ его существѣ. То, что было въ немъ исторической необходимостію, ученіе о безусловномъ спасеніи человѣка благодатію Божіею, перенесенное въ готовыхъ выводахъ, какъ сухая логическая формула, на всю совокупность народа, явилось въ немъ высшей аномаліей, и въ Лютерѣ вызывало необходимое противодѣйствіе, или нѣкотораго рода возвратъ къ такимъ убѣжденіямъ, отъ которыхъ онъ за себя лично отдѣлился на вѣки. Точно также свобода Евангельская, свобода совѣсти не могла переродиться въ немъ въ крайности необузданнаго произвола, потому что за нимъ лежалъ цѣлый грузъ прошедшаго и опытность смиряла увлеченія разума; въ народѣ же она отразилась въ легкомысленной самонадѣянности, которая нуждалась во внѣшней уздѣ церковнаго авторитета. Словомъ, народъ не созрѣлъ еще для поклоненія Богу духомъ и истиною, свободнаго отъ внѣшняго спасительнаго насилія церков-

наго благочинія, и Лютеру приходилось сводить концы путеводной нити, затерянной въ лабиринтѣ субъективныхъ воззрѣній, недоросшихъ до глубины сознанія. Отсюда законы стѣснительные для Христіянской свободы людей, которые не умѣли ею воспользоваться. Можно сказать утвердительно, что внутреннія противорѣчія и вредное вліяніе ученія Лютерова заключались не столько въ сущности его, сколько въ непримѣняемости къ народному характеру и нуждамъ.

Обращаюсь къ частностямъ, и прежде всего къ рѣшенію вопроса объ отношеніяхъ Лютера къ владѣтельнымъ князьямъ Нѣмецкой имперіи. Обвиненіе въ лести не новое; оно нѣсколько разъ повторялось въ устахъ какъ Католиковъ, такъ и Протестантскихъ диссидентовъ. Въ опроверженіе можно представить мощный силлогизмъ: Лютеръ ссорился со всѣми, слѣдовательно, не льстилъ никому. Отъ него доставалось всѣмъ сословіямъ народнымъ; кому онъ льстилъ нынче въ одномъ отношеніи, того завтра отдѣлывалъ по своему безпощаднымъ словомъ, которое презирало приличія и раскрашивало и безъ того уже горькую правду изобрѣтательностію нѣсколько циническаго воображенія. Обвиненія исходили большею частію отъ нарушителей общественнаго порядка, которые думали оправдывать свои уклоненія согласіемъ Лютера, а между тѣмъ находили въ немъ строгаго обличителя. Онъ присчитываетъ себѣ не въ малое достоинство охранительное свойство ученія своего, возстановившаго повиновеніе властямъ. Съ Вормскаго сейма онъ обращаетъ оружіе своего слова и противъ всякаго рода самоуправства. Весьма замѣчателенъ отрывокъ письма его къ Меланхтону, изъ Вартбургскаго замка по случаю безпорядковъ въ Эрфуртѣ. Пока Лютеръ спокойно возвращался съ сейма на родину, студенты ограбили ночью нѣсколько священническихъ домовъ за то, что деканъ Северіанъ, ревностный Католикъ, при всѣхъ вывелъ изъ церкви магистра Дракона, вышедшаго на встрѣчу отлученному Лютеру, во время проѣзда его черезъ городъ. Лютеръ не заступился за виновниковъ мятежа, не смотря на личныя ихъ къ нему отношенія. «Я удивляюсь,»—писалъ онъ,—«какъ Дума допускаетъ такіе безпорядки и старается скрыть ихъ. Правда, нужно держать на уздѣ неутомимыхъ гонителей Евангелія, но самоуправство (modus iste) навлекаетъ стыдъ и справедливое нареканіе (infamiam et justam repulsam) на нашу проповѣдь. Сильно оскорбляетъ меня это неумѣстное

изъятіе участія къ намъ (ista gratia hominum in nos). Не ясно ли видно отсюда, что мы еще не созрѣли быть достойными служителями слова Божія, и что сатана смѣется надъ нашими усиліями? О какъ боюсь я, чтобы смоковница, которая прежде суднаго дня только износила листвія, никогда не произращая плода, въ образѣ притчи не прилагалась и къ намъ. Правда! Мы проповѣдуемъ истину, но это только слова и листія, потому что поступки наши не соотвѣтствуютъ ученію.» (1) Предисловіе къ Нѣмецкому сочиненію объ исповѣди, посвященному Францу Зикингену, Лютеръ начинаетъ Библейской повѣстію изъ книги Іисуса Навина, что когда Богъ велъ народъ Іудейской въ Ханаанскую землю и избилъ всѣхъ туземцевъ съ царями ихъ, не было ни одного города, кромѣ Гаваона, который бы мирно предался Іудеямъ, ибо Господь укрѣпилъ сердце ихъ, яко не дастся имъ милость, но да потребятся, по слову Господню, бывшему Моисею (XI, 19, 20). Эту повѣсть онъ прилагаетъ къ современному положенію Латинскаго духовенства, которое видитъ общее къ себѣ нерасположеніе, и все же не ищетъ мира, не принимаетъ предложеннаго, а уповая на крѣпость свою, прибѣгаетъ къ насилію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лютеръ излагаетъ свои опасенія, чтобы выведенные изъ терпѣнія міряне не произвели повсемѣстнаго бунта и не истребили безъ милости духовныхъ тирановъ. Потомъ прибавляетъ: «Я не разъ предлагалъ миръ, вопіялъ и дѣйствовалъ, препирался, представалъ на судъ двухъ имперскихъ сеймовъ, — со мной не поступили по правдѣ, а дѣйствовали насиліемъ и хитростію, грозили мнѣ наказаніемъ. Приходитъ часъ, когда и они напрасно будутъ взывать о мирѣ. Я не въ силахъ остановить потока; я уступилъ имъ дорогу, и далъ имъ волю хозяйствовать на свободѣ. Не хотятъ они, захочетъ другой, который не будетъ, какъ Лютеръ, поучать ихъ словесно и письменно, а проучитъ ихъ дѣломъ.» (2) Въ этомъ мудромъ предостереженіи Католикамъ, пристрастный Кохлей видѣлъ только подущеніе къ бунту; (3) но оно не даромъ надписано къ главѣ Нѣмецкаго рыцарства, который давно уже помышлялъ объ оружіи и котораго Лютеръ старался заранѣе удержать отъ насилія. Въ послѣднихъ числахъ Февраля

(1) Aurif. I, Ep. 229, 230; f. 327, 329.
(2) Walch, XIX, 1016, 1017. 1 Іюня, 1521 года.
(3) Cochlaei, f. 40.

того же году, Лютеръ, въ грустномъ предчувствіи, писалъ къ Спалатину: «Всѣ догадываются, что будетъ въ Нѣмецкой землѣ возмущеніе, которое напомнитъ намъ ужасы Чешской междоусобной войны и разразится надъ нашимъ духовенствомъ. Я умываю себѣ руки (ego sine culpa sum); потому что всѣ усилія прилагалъ къ тому, чтобы Нѣмецкое дворянство не мечемъ, а мирными узаконеніями (non ferro, sed consiliis et edictis), въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго, положило конецъ притѣсненіямъ Романистовъ; ибо сражаться противъ безоружнаго духовенства все тоже, что острить оружіе противъ женъ и дѣтей. Но я боюсь, что ярость Романистовъ не попуститъ обуздать себя миромъ, и это упорство навлечетъ на нихъ вольныя бѣдствія.» (1) И къ Вячеславу Линку въ Мартѣ мѣсяцѣ того же года: «Я сильно боюсь (vehementer metuo), если князья не перестанутъ слушаться упрямой головы Георга Саксонскаго, чтобы не стало возмущенія, которое во всей Нѣмецкой землѣ погубитъ князей и правительства, и распространится на все духовенство. Такими красками рисуется предо мною будущность. Чернь всюду взволнована и стоитъ на стражѣ: она не хочетъ и не можетъ подчиниться насилію; Господь самъ наводитъ ожесточеніе на нашихъ князей; ослѣпленіе и насиліе ихъ истощатъ терпѣніе народное, и предъ мною уже носится образъ Германіи, утопающей въ крови. А потому молю тебя именемъ Божіимъ, возлюбленный Вячеславъ, молись съ нами вмѣстѣ, да станемъ предъ Богомъ оплотомъ за народъ въ грядущій день великаго гнѣва. Вещь не шуточная угрожаетъ намъ; а упрямая Дрезденская голова не обращаетъ вниманія на дѣло народное, лишь бы только удовлетворялась его закоренѣлая ненависть. Если можешь, приложи усилія, чтобы старѣйшины ваши уговорили князей поступать умѣренно, не прибѣгая къ насилію; они стараются погубить Лютера, а Лютеръ заботится объ ихъ сохраненіи. Не Лютеру, а имъ, готовится гибель; я говорю это вѣрно, по вдохновенію. Если гнѣвъ Божій отклоненъ быть не можетъ ни молитвами, ни совѣтами нашими, помолимся, по крайней мѣрѣ, чтобы нашъ Іосія почилъ въ мирѣ до этого времени.» (2) Когда обнаружились первые революціонные замыслы Гуттена, Лютеръ въ письмѣ къ Спалатину 1521 года тотчасъ произнесъ на него осужденіе, старался дѣй-

(1) Aurif. I, Ep. 214, f. 307, b.
(2) Aurif., II, f. 10.

ствовать и на него убѣжденіями: «Ты видишь, къ чему Гуттенъ стремится. Я не желалъ бы, чтобы Евангеліе защищалось оружіемъ и пролитіемъ крови; я писалъ къ нему въ этомъ смыслѣ. Словомъ сохранена Церковь, Словомъ должно совершиться ея воссозданіе; нерукотвореннымъ Словомъ сокрушится Антихристъ.» (1) Отношенія Лютера къ Карлштадту и другимъ сектаторамъ опредѣляются тою же чертою законности, которая проводится имъ чрезъ всѣ его, даже самыя незаконныя, дѣйствія. Онъ ненавидѣлъ открытую силу, и измѣнялъ этому правилу въ отношеніи къ тому же Карлштадту по тому только, что не видалъ другаго средства истребить злое сѣмя нарушителей общественнаго порядка. Онъ ненавидѣлъ ихъ больше Папистовъ, не по личнымъ своимъ отношеніямъ къ вождямъ сектаторовъ, а по тому, что разрушительный характеръ ученія ихъ всего болѣе вредилъ единству общаго дѣла. Онъ называлъ папу ангеломъ предъ Сакраментистами, потому что онъ никогда вполнѣ не уничтожилъ таинствъ, а только измѣнилъ образъ ихъ преподаванія; а еретики нападаютъ на самыя таинства, отрицаютъ Христа. (2) Тревожно смотрѣлъ онъ на Виттембергскіе безпорядки; онъ воротился противъ всякаго чаянія, противъ воли курфиста, презирая всѣ опасности въ то время, когда вся Германія на него ополчалась, когда имперская опала и папское проклятіе подтверждены были съ новою силою. Это было самая торжественная минута его жизни. Трудно оспорить геройское самоотверженіе Лютера, который возвращался въ свою мятежную общину, какъ человѣкъ, облеченный властію, какъ представитель всякой законности, какъ строгій судья непокорной паствы и временный союзникъ Папистовъ. Когда онъ, въ порывѣ благороднаго негодованія, обвинялъ своего курфирста въ малодушіи и маловѣріи; когда онъ торжественно отрекался отъ человѣческой помощи, а между тѣмъ именемъ Божіимъ повелѣвалъ Фридриху безпрекословно повиноваться императору Карлу, хотя бы это стоило жизни великодушному проповѣднику, хотя бы курфирстъ долженъ былъ разыграть при немъ роль палача, не льзя не видѣть во вдохновенномъ словѣ его какого-то высшаго отсвѣта Божественнаго посланничества. Въ это время буйнаго разгара народныхъ страстей одинокое слово проповѣдника звучитъ безстрастно съ знакомой каѳедры; оно возвѣщаетъ миръ и любовь Христіанскую; оно любовно

(1) Aurif. I, Ep. 232, f. 332.
(2) Walch, IX, Объясн. I Посл. Іоанна гл. 5, §. 23, S. 1228.

обличаетъ мятежниковъ, и слово его, облеченное силою, смиряетъ буйныя страсти. Содержаніе восьми проповѣдей, говоренныхъ имъ по этому случаю, (1) излагаетъ ученіе его о литургіи, обѣтахъ монашескихъ, постахъ, иконахъ и другихъ церковныхъ постановленіяхъ съ точки зрѣнія ложной Протестантской догматики. Защитники Карлштадта, между прочимъ Арнольдъ, въ исторіи ересей, можетъ быть, справедливо находили въ нихъ недостатокъ послѣдовательности, потому что Лютеръ признаетъ и обѣдни, и посты, и иконы, несогласными съ словомъ Евангельскимъ, а между тѣмъ строго запрещаетъ ихъ самовольное уничтоженіе. Но безпристрастный изслѣдователь долженъ разсматривать ихъ не съ догматической ихъ стороны, очевидно ложной; равно не съ точки зрѣнія строгаго сцѣпленія причинъ и дѣйствій, потому что къ жизненнымъ явленіямъ прилагать черствыя формулы логическаго мышленія есть самая высшая несообразность. Онъ долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на свободное проявленіе духа, какъ на выраженіе начала законности, которое проводится въ нихъ съ совершенной послѣдовательностію. Свѣтлая сторона ихъ заключается въ личности проповѣдника, который по тому уже великъ, что не измѣняетъ въ нихъ задушевнымъ, хотя и ложно понятымъ, убѣжденіямъ; великъ особенно въ сравненіи съ бездушною массою, которая не имѣетъ никакихъ убѣжденій, а дѣйствуетъ по внушенію страсти; великъ, какъ истинный представитель Евангельской свободы, которая требуетъ вѣры, не какъ внѣшняго дѣла насилія, а какъ плода внутренняго удостовѣренія, которая, исходя изъ чисто духовнаго начала, обуздываетъ движенія тѣлесности, притупляетъ жало оружія терпимостію Христіянскаго смиренія. Послѣдствія оправдали чистоту побужденій Лютера и законность его дѣйствій. Его самоотверженіе спасло Германію, и если не предупредило, по крайней мѣрѣ отсрочило великую крестьянскую войну, въ которой дикія страсти разлились бѣшенымъ потокомъ. Полнота его убѣжденія сказалась въ его всенародномъ посланіи, относящемся къ этому времени: «Діяволу хотѣлось бы возбудить тѣлесное возстаніе (eine leibliche Aufruhr), чтобъ посрамить духовное поклонниковъ Евангелія. Но тщетны всѣ его козни. Ему подобаетъ быть низложену однимъ духомъ устъ Божіихъ (2 Сол. 11, 8). Мы должны спокойно продолжать свои обличенія папѣ,

(1) Walch, XX, 1—101.

пока черная сторона его не обнажится предъ цѣлой вселенной. Словомъ больше сдѣлаешь, нежели сотней возстаній; насиліемъ только утверждается папская власть; но лишь только противоставишь ей свѣтъ Евангелія, она падаетъ сама собой. Смотрите на меня: не больше ли укоротилъ я папскую руку однимъ оружіемъ слова, безъ удара мечемъ, нежели до сихъ поръ всѣ князья и властители со всею своею силою? Вотъ вамъ завѣтъ мой. Разносите повсюду св. Евангеліе; обличайте ничтожество человѣческихъ постановленій; проповѣдуйте всюду, что жизнь Христіянская состоитъ въ вѣрѣ и любви. Еще два года, — и не найдется мѣсто, гдѣ стояло папство: оно исчезнетъ, какъ дымъ. Смотрите, какъ въ продолженіе одного года, пока мы дѣйствовали словомъ и писаніемъ, кукольныя комедіи папскія обличены предъ свѣтомъ, завѣса спала съ великаго зданія Римской Церкви; искуственный призракъ ея величія исчезъ! Она поетъ уже Илі! Илі! Скоро услышите надгробное слово: «Испусти духъ!» Такое-то благое начало діяволъ хочетъ испортить тѣлеснымъ возстаніемъ. Пусть Эккъ и Эмзеръ распускаютъ клеветы о предстоящемъ возстаніи, чтобъ посрамить нашу проповѣдь. Но этого не будетъ. Кто читаетъ и понимаетъ мое ученіе, тотъ не станетъ производить возмущеній; если же есть отступники, и они ссылаются на меня, то я чѣмъ виноватъ?» (1)

Не продолжая далѣе разбора отдѣльныхъ отзывовъ Лютера о взрывахъ народнаго волненія, предшествовавшихъ крестьянской войнѣ, мы можемъ изъ сказаннаго вывести слѣдующее заключеніе. Реформація Лютера съ самаго начала приняла характеръ охранительный. Направленная на развитіе идеи, она не касалась существующихъ учрежденій; строго настаивая на повиновеніи всякой власти, какъ установленной свыше, ограждала только свободу совѣсти въ дѣлѣ религіи, проповѣдуя терпѣніе, какъ плодъ Христіянской свободы, отъ внѣшнихъ житейскихъ условій, съ трудомъ и осмотрительностію разрѣшала даже законную оборону въ случаѣ угнетенія совѣсти. Послѣдняя мысль о томъ, что свобода Евангельская не препятствуетъ тѣлесной неволѣ, напротивъ торжествуетъ въ вольномъ служеніи закону, развита имъ во всей опредѣленности уже въ 1520 году въ книгѣ «О Христіянской свободѣ.» Но она тогда же превратно подѣйствовала на понятіе народа, какъ видно изъ обвиненія, возведеннаго на Лютера на Вормскомъ сеймѣ: (2)

(1) Walch X, §. 15, 415, §. 21, 419.
(2) Walch, XV, §. 30, S. 2311.

«народъ употреблялъ ее во зло, чтобы свергнуть съ себя иго и утвердиться въ непослушаніи», — новое подтвержденіе мысли, что вредное вліяніе ученія Лютера заключалось въ несообразности съ народнымъ характеромъ; что разрушительное начало исходило и прежде и послѣ начала реформаціи изъ среды самаго народа, и что ученіе Лютера съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ противодѣйствовало этому стремленію, которое безъ него развилось бы въ болѣе широкихъ размѣрахъ до самыхъ ужасающихъ крайностей. Мало того. Неоспоримо вліяніе народнаго духо и на самаго Лютера, который увлекался по неволѣ общественнымъ мнѣніемъ и дѣлалъ уступки, къ какимъ никогда не привело бы его личное убѣжденіе. Я имѣлъ уже случай замѣтить, что мысль объ уничтоженіи монастырей зародилась не въ немъ, и согласіе почти вынуждено у него стеченіемъ обстоятельствъ. Обѣдня въ Виттембергѣ отмѣнена безъ согласія и противъ воли его; тогда какъ всѣ ученики и друзья его переженились по первому вызову съ его стороны, какое-то инстинктивное чувство сохраненія законности привязывало его къ обѣту дѣвственности и къ монашеской рясѣ, давно имъ осмѣянной. Иконы до конца его жизни пользовались безсознательнымъ его уваженіемъ; трудно опредѣлить достовѣрно, отвергалъ ли онъ, или нѣтъ, поклоненіе имъ: такъ сильно развито было въ немъ охранительное начало порядка и послушанія авторитету. Не совсѣмъ лишена основанія мысль, что реформація, предоставленная исключительному его руководству, не раздражаемая противорѣчіемъ неблагодарныхъ гонителей и завистливыхъ учениковъ-соперниковъ, ограничилась бы навсегда только медленнымъ искорененіемъ зла, не касаясь церковнаго зданія. Но онъ самъ сознавалъ свое безсиліе противоставить разумное начало всемогущей силѣ обстоятельствъ, которыя влекли современниковъ во всѣ крайности голаго отрицанія, во всѣ ужасы внѣшняго и внутренняго безначалія. «Ты справедливо увѣщаваешь меня,» — писалъ онъ къ одному изъ друзей своихъ, — «не предаваться порывамъ посиѣшности и раздражительности. Я самъ замѣчаю это, но я не воленъ въ себѣ; меня влечетъ и погоняетъ какая-то сила, какой-то невѣдомый духъ». (1) По совѣщаніи съ друзьями, писалъ онъ къ другому въ 1521 году: «Я чувствую, что не могу, избѣгая соблазна, предлагать миръ отъ лица своего и отъ полноты

(1) Walch, IV, S. 1622.

убѣжденія. Я не мало предлагалъ его до сихъ поръ и одинъ; но вѣчно какая-то сила влекла меня въ современное движеніе; не чисто обратиться вспять (nec integrum remittere manum) неволя заставляетъ меня предоставить все дѣло на волю Божію и слѣдовать призыву ея (et me praebere ductilem), отдавши руль невѣдомому року (data flatibus et flucibus nave).» То была сила или лучше безсиліе народнаго духа, которое до извѣстной степени обуяло и его непреклонную личность.

Только съ этой точки зрѣнія представляется возможность безпристрастно оцѣнить отношенія Лютера къ сословіямъ народнымъ. Ускоряя въ началѣ XVI столѣтія паденіе папскаго авторитета, онъ могъ руководствоваться только однимъ желаніемъ — привести растерзанные члены народа къ сознанію великаго единства, дабы поставить Германію въ челѣ европейскихъ народовъ. Это стремленіе вынесено имъ изъ добросовѣстнаго изученія отечественной исторіи Его постоянная жалоба, — недостатокъ единства въ Нѣмецкой землѣ, постоянное сравненіе Германіи съ прекраснымъ конемъ, которому недостаетъ только опытнаго ѣздока. — Его патріотическіе возгласы, не въ одну только первую половину его дѣятельности, проникнуты гнетущею скорбію объ утраченномъ единомысліи, о выродившихся потомкахъ нѣкогда славныхъ завоевателей Рима, глубокимъ отвращеніемъ къ своекорыстнымъ цѣлямъ князей, къ междоусобной войнѣ, къ мелочнымъ раздорамъ, повергающимъ Германію въ нравственное изнеможеніе. Вездѣ питаетъ онъ глубочайшее уваженіе къ власти императорской, достойно охранявшей народную славу.

Тѣже ленныя права, какія, по словамъ Лютера, принадлежатъ императору въ цѣлой Германіи, составляютъ неотъемлемую собственность и владѣтельныхъ князей въ отношеніи къ дворянамъ, дворянъ въ отношеніи къ черни. Онѣ основаны на божественномъ установленіи властей придержащихъ, на апостольскомъ словѣ, предписывающемъ безусловное повиновеніе владыкамъ, не только за гнѣвъ, но и за совѣсть. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣлъ, вся тяжесть феодальныхъ обязанностей ложилась на низшее сословіе, и нельзя не сознаться, что отношенія его къ привилегированному сословію дворянства въ обширномъ значеніи этого слова, въ которыхъ оно обнимаетъ и владѣтельныхъ князей Нѣмецкой имперіи, дѣйствительно безчеловѣчны. Справедливо замѣчаніе Гагена, что Христіянская вѣра въ томъ видѣ, въ какомъ Лютеръ ее пропо-

вѣдывалъ, развязывала руки князьямъ и дворянству на самыя вопіющія злоупотребленія, между тѣмъ какъ Нѣмецкій простолюдинъ, обязанный безропотно переносить ихъ, утѣшается небомъ, которое должно вознаградить его нѣкогда за лишеніе земли, за страданія его. Правда, нельзя читать безъ отвращенія отзывы Лютера о бѣднякахъ, которыхъ человѣческія права, забитыя вѣковымъ рабствомъ, не нашли заступника въ человѣкѣ, называвшемъ себя гордо пророкомъ Германіи; что онъ, если только возможно, приложилъ еще каплю къ невыносимой тугѣ ихъ современнаго положенія. На примѣръ, въ объясненіи избранныхъ мѣстъ Второзаконія 1529 года: «Чѣмъ милостивѣе владыка съ рабами, тѣмъ менѣе оказываютъ они послушанія. Для свѣта нѣтъ ничего превосходнѣе, какъ суровое, строгое, крѣпкое правленіе Турокъ, и нѣкоторыхъ членовъ дворянства, снимающихъ съ плечь крестьянина послѣднюю одежду, сдирающихъ съ него послѣднюю шкуру. Когда отеческая благость Божія расточаетъ дары свои людямъ, неблагодарные забываютъ благодѣянія. Теперь Германія страдаетъ однимъ только недугомъ: ей слишкомъ хорошо (es geht ihm zu wohl), а правительство слишкомъ къ ней снисходительно (und die Obrigkeit zu gelinde). Въ Турціи правленіе гораздо благоустроеннѣе; когда служанка не хочетъ повиноватся, господинъ продаетъ ее за безцѣнокъ; новый владѣлецъ бьетъ ее безъ милосердія, какъ корову, или осла, безпрестанно ходитъ за нею съ бичемъ и напоминаетъ ей обязанности. Вообще правленіе гораздо суровѣе и надзоровъ бдительнѣе, чѣмъ въ Христіянскихъ державахъ. За то у Султана больше талеровъ, чѣмъ у нашихъ государей грошей; къ томуже величайшій порядокъ въ домоправительствѣ. Каждому Турецкому смерду назначено извѣстное количество пищи, питія и работы; сбывая хлѣбъ свой непозволеннымъ образомъ, онъ немедленно подвергаетстя тѣлесному наказанію, а если и то не поможетъ, господинъ не щадитъ и жизни раба.» (1)

Въ сочиненіи о военномъ состояніи Лютеръ говоритъ, что «чернь ублажать негодится, иначе она разыграется; лучше отнять у нея на 10 аршинъ, чѣмъ сдѣлать уступку на вершокъ; пусть лучше тираны сто разъ нарушаютъ права крестьянъ, чѣмъ народу одинъ разъ нарушить долгъ повиновенія. Ибо чернь не знаетъ границъ; въ каждомъ изъ нихъ по пяти тирановъ.» «Христосъ

(1) Walch, III, 6 гл. Второзак. §. 66—93, S. 2585 — 2591.

сказалъ: ««Царство мое не отъ міра сего.»» Я проповѣдую не о свѣтскомъ владычествѣ; я оставляю всѣ власти въ покоѣ; пусть будутъ тираннами: они воздадутъ отвѣтъ Богу; пусть дерутъ и грызутъ своихъ бѣдныхъ подданныхъ (schinden und fressen sie ihre arme Leute): мнѣ дѣла нѣтъ до ихъ отношеній; они не избѣгнутъ своего наказанія.» (1)

Конечно, для нравственнаго чувства, трудно найти что ни будь возмутительнѣе такой монополіи правъ человѣческихъ, но, вмѣстѣ съ Гагеномъ, выводить изъ нея заключеніе въ низкомъ поклонничествѣ князьямъ и владыкамъ, есть столь же возмутительная односторонность. Исторія должна мѣрить праведной мѣрой, не увлекаясь пристрастіемъ даже къ идеѣ. Конечно, той проповѣди любви и мира, которою Гусъ украсилъ предсмертные дни своихъ отношеній къ народу, мы напрасно стали бы искать у Лютера Онъ чувствовалъ, что слишкомъ много удѣлилъ уже на долю милосердія Божія въ ученіи своемъ о Благодати; онъ боялся излишняго мягкосердечія, и отказался отъ посредничества между народомъ и властію, поставивъ неизмѣннымъ мѣриломъ житейской мудрости высокое начало Христіянской свободы, указавъ страдальцамъ на царство небесное, на высшаго Возмездника, который тамъ принимаетъ труждающихся, осушаетъ слезы плачущихъ. Опредѣлимъ безпристрастно особенности положенія Лютера, и увидимъ, что онъ остановился въ благоразумныхъ предѣлахъ; что онъ больше этого сдѣлать не могъ народу, «который охотно принялъ бы «Евангеліе, если бъ оно освобождало отъ податей и налоговъ, отъ «повиновенія императору, князьямъ, графамъ и своимъ непосред«ственнымъ владыкамъ; если бъ оно давало имъ не только независимое положеніе, но и перемѣнило бы ихъ относительныя роли». (2) Трудно было высказать опасное слово. Когда человѣкъ заблудшій забывалъ свои отношенія къ Богу, развивая въ строгой опредѣленности свои права человѣческія, права народныя, права сословія, велико было со стороны проповѣдника указать ему на вѣчную жизнь. Въ противномъ случаѣ, что сталось бы даже съ единствомъ народнымъ? Къ чему привели бы не совсѣмъ еще погаснувшія надежды на стройное преобразованіе? Неразумное стремленіе къ свободѣ и Эпикуризму и безъ того уже прибывало въ

(1) Walch, X, §. 24, S. 586. — Walch VII, Объясненіе 8 гл. Іоанна, §. 200, S. 2516.
(2) Walch VII, Объясненіе 8-й гл. Іоанна, §. 200, S. 2516.

началѣ съ неудержимою силою. Проповѣдникъ сдѣлалъ уже слишкомъ большую уступку, застѣняя образъ правосуднаго Бога багряною ризою его милосердія. Онъ хорошо постигъ свой народъ, когда говорилъ: «Я знаю прекрасное средство въ одинъ часъ обратить вселенную. Спасителю стоило бы только обѣщать каждому по мѣшку золота, даже по одному гульдену, и дать позволеніе безчинствовать, воровать и разбойничать; тогда бы тотчасъ оказалось множество поклонниковъ Евангелія. Но быть гониму ради Христа, терпѣть поношенія, клевету и самую смерть, быть лишену насущнаго хлѣба — это слишкомъ хлопотливо.» Опытъ научилъ Лютера быть осторожнѣе; сословія, одно за другимъ, обманули его довѣренность. Именемъ Божіимъ увѣщавая ихъ къ сохраненію мира, онъ не нашелъ сочувствія въ себялюбивомъ стремленіи массы, которая добровольно удалялась отъ высшаго единства, проведеннаго чрезъ всѣ состоянія началомъ Христіянской свободы. Въ 1520 году онъ призывалъ дворянъ содѣйствовать великому дѣлу освобожденія Нѣмецкой земли; они первые обратили совѣты его къ своекорыстнымъ цѣлямъ сословія и подняли знамя возмущенія въ 1523 году. Тогда Лютеръ написалъ противъ нихъ сочиненіе «О свѣтскомъ начальствѣ,» въ которомъ говоритъ между прочимъ: «Въ прежнемъ посланіи къ Нѣмецкимъ дворянамъ я обозначалъ ихъ Христіанскія обязанности; но послѣдствія показали, какъ они воспользовались моими совѣтами. Теперь я постараюсь изложить, чего не должны они дѣлать, а именно: сдирать кожу съ простолюдина, презирать слово Божіе. Такіе люди прежде назывались злодѣями, а теперь слывутъ Христіянскими князьями. Таковы всѣ князья, управляющіе Нѣмецкой имперіей. Я не могу равнодушно смотрѣть на злоупотребленія ихъ власти; если я не побоялся ихъ идола, папы, который угрожаетъ мнѣ потерею неба и душевной погибелью, то еще меньше побоюсь этихъ мыльныхъ пузырей, которые грозятъ отнять у меня тѣло и землю. Такъ знайте же, князья и владыки! Истощилось долготерпѣніе Божіе, Міръ не таковъ уже, какимъ былъ прежде, когда вы погоняли и ловили людей, какъ дикихъ животныхъ.» (1) Эти сильные возгласы не принесли существенной пользы, а только увеличили неудовольствіе въ массахъ народныхъ. Враждебные первоосновы такъ сильно сказывались въ жизни, что умѣренная проповѣдь не

(1) Walch, X, S. 427 flg.

достигала благодѣтельной цѣли, а только раздражала возбужденныя страсти. Когда въ 1525 году обнаружились первые признаки крестьянскаго бунта, и возмутители обратились къ Лютеру съ покорною просьбою вступить въ посредничество между гонимыми и притѣснителями, онъ ни на волосъ не отступилъ отъ прежняго образа дѣйствія; сознавая величіе отвѣтственности, на него возлагаемой, не покривилъ душею въ это роковое мгновеніе. Во первыхъ, онъ обращаетъ обличительное слово на главныхъ виновниковъ предстоящаго бѣдствія. «Этимъ новымъ подаркомъ,»—говоритъ онъ,—«мы обязаны вамъ, князьямъ и дворянамъ, особенно же епископамъ, которые до сихъ поръ не перестаете свирѣпствовать противъ св. Евангелія, а въ свѣтскомъ владычествѣ грабите и десятствуете своихъ подчиненныхъ. Ваше упрямство и безразсудная гордость будетъ стоить вамъ жизни. Здѣсь видно опредѣленіе Божіе, что никто не хочетъ и не можетъ переносить долѣе ваши неистовства. Вы должны перемѣнить свое обращеніе; въ противномъ случаѣ погибнете насильственнымъ образомъ. Орудіемъ вашей погибели будутъ крестьяне, либо другіе исполнители казни. Положимъ, вамъ удастся избить возмутителей; но Богъ можетъ возставить другихъ, потому что онъ хочетъ поразить васъ — и поразитъ. Не крестьяне ополчились на васъ: самъ Богъ взыскиваетъ вашу неправду. По крайней мѣрѣ, вы сами должны воздать мнѣ свидѣтельство, что я цѣлыхъ три года одинъ проповѣдывалъ повиновеніе и строгій порядокъ, всѣми силами противился мятежу, уговаривалъ подданныхъ къ повиновенію вашей, хотя и тиранской и неистовой, власти, и если бъ я дѣйствовалъ съ корыстными видами, кто помѣшалъ бы мнѣ нынѣ приложиться къ крестьянамъ, оправдать начинанія ихъ? Но да сохранитъ меня Богъ отъ неправды! Умоляю васъ, друзей и враговъ: не презирайте настоящей грозы, не ради страха человѣческаго, а ради Божія страха! Когда Богъ простираетъ надъ человѣкомъ карающую десницу, онъ можетъ изъ камней воздвигнуть вамъ мстителей, онъ можетъ рукой одного возмутителя избить 100 крѣпкихъ дворянъ, со всею ихъ силою и желѣзными латами. Крестьяне выставили 12 статей, изъ которыхъ многія до того умѣренны и справедливы, что онѣ предъ Богомъ и міромъ вынимаютъ оружіе изъ рукъ вашихъ и по слову Псаломскому (106, 40) изливаютъ на васъ уничиженіе. Они требуютъ свободнаго благовѣстія Евангельскаго; они требуютъ тѣлесной ослабы; вы не смѣете отказать имъ въ удов-

летворенія. Что пользы вамъ, если бъ съ каждаго колоса на крестьянской пашнѣ сходило вамъ по золотому червонцу; когда бы довольство рождало лишь новыя требованія; когда бы вы потребляли оброки на роскошь въ одеждѣ, неумѣренность въ пищѣ и жизни? Напослѣдокъ, вѣдь надобно было бы ограничить издержки, когда бы ужь нечего было снимать съ крестьянскаго рубища?»

Послѣ этой могучей рѣчи, Лютеръ обращается къ другой половинѣ. «Вы жалуетесь, друзья мои, на притѣсненія. Справедливо. Князья и дворяне согрѣшили на небо и передъ вами; они достойны наказанія Божія. Но вамъ слѣдуетъ блюсти свѣдѣтельство совѣсти, что вы сохранили обязанности добрыхъ подвижниковъ. Чистая совѣсть даетъ вамъ утѣшительное обѣтованіе, что Богъ вамъ заступникъ и крѣпкій помощникъ. За временную скорбь и за смертныя болѣзни блюдется вамъ вѣнецъ правды, и души ваши водворятся со всѣми святыми. Въ противномъ случаѣ, положимъ, за вами осталась побѣда, но завѣтъ съ Богомъ нарушенъ, и душа и тѣло невозвратно погибли. Я обязанъ сказать вамъ слово истины, и презираю обличенія мятежныхъ умовъ, которые назовутъ меня лицемѣромъ. Вы величаете себя Христіанскою общиною и ставите мѣриломъ дѣйствій своихъ божественное право. Не принимайте же всуе имени Божія, потому что слово Божіе, устами Спасителя вѣщаетъ вамъ: «Всякъ пріемляй ножъ, ножемъ погибнетъ» (Матѳ XXVI, 25) и: «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется (Рим. XIII, 1), тѣмъ же Божію повелѣнію противляяйся, себѣ грѣхъ пріемлетъ.» Потомъ Лютеръ вычисляетъ всѣ тексты Писанія, въ которыхъ терпѣніе вмѣняется въ обязанность Христіянину; примѣръ І. Христа и апостоловъ, и заключаетъ: «Не отвергаю справедливости вашихъ требованій; не отрицаю возможности самоуправства, но прошу васъ, оставьте имя Христово въ покоѣ, не дѣлайте его покровомъ мятежнаго, не Христіянскаго намѣренія. Оно слишкомъ отяготѣетъ надъ вами, и я буду срывать съ васъ личину, словесно и письменно, чтобы знало правительство, что оно будетъ сражаться не съ Христіянской общиною, а съ языческимъ скопищемъ; чтобы знали и вы, что вы пріемлете ножъ, какъ язычники. Ибо Христіяне сражаются не мечемъ и оружіемъ, а крестомъ и страданіями, какъ вождь Христіянскаго воинства не пріемлетъ меча, а виситъ на древѣ, и побѣда ихъ заключается не въ обладаніи и силѣ, а сила ихъ въ немощи совершается.»

Вотъ начало, по мнѣнію Гагена, коварной политики, въ которую отнынѣ вступаетъ реформація Лютера. По крайней мѣрѣ трудно отказать въ безкорыстіи человѣку, который, не приставъ ни къ одной изъ тяжущихся сторонъ, подносилъ обѣимъ обличительную истину; еще труднѣе, когда послѣ начала крестьянской войны, онъ не склонился подъ знамена побѣдителей и остался вѣренъ данному слову, приложившись къ слабѣйшимъ. Въ сочиненіи противъ мятежныхъ и кровожадныхъ крестьянъ торжествуетъ желѣзная логика Лютера. Онъ начинаетъ съ оговорки, что въ прежнемъ своемъ наставленіи онъ не могъ произнести всей строгости суда надъ крестьянами, потому что они дѣйствовали подъ личиной законности и не отказывались отъ поученія. «Но не успѣлъ «я оглянуться, какъ они прибѣгаютъ уже къ кулачному праву; «ясно, что разумѣли они въ 12 своихъ предложеніяхъ подъ име«немъ Евангелія.» Лютеръ не прежде разрѣшаетъ суровость гражданскаго суда, какъ убѣдившись въ совершенной необходимости приступить къ насильственнымъ мѣрамъ. За тѣмъ онъ доказываетъ съ той же логической твердостію, что правительство обязано привести въ движеніе всю строгость своего полновластія, подъ опасеніемъ смертнаго грѣха, потому что оказывать неумѣстное милосердіе значитъ участвовать въ преступленіи, и вмѣстѣ съ преступникомъ подпадать осужденію. Истинный Христіянинъ долженъ скорѣе собственной рукою перебить сто возмутителей, чѣмъ на волосъ уступить ихъ требованіямъ. Лютеръ съ спокойною совѣстію приглашаетъ господъ рѣзать, давить, убивать невозбранно, потому что, по мнѣнію, изложенному выше, это война религіозная, настоящій крестовой походъ; умереть въ защитѣ праваго дѣла значитъ стяжать вѣнецъ мученическій.

Гагенъ собираетъ съ трудомъ доказательства въ подтвержденіе мысли своей, что Лютеръ, по окончаніи крестьянской войны, сознавая критическое свое положеніе, прибѣгнулъ къ мудрой политикѣ, спасавшей его не разъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни. Во первыхъ: онъ позаботился о примиреніи съ князьями, и старался, сблизиться съ ними тѣснѣе. Это предположеніе довольно натянутое. Отношенія Лютера къ кардиналу Альбрехту постоянно оставались враждебными; онъ соглашался на примиреніе съ нимъ, какъ побѣдоносный противникъ; никогда не переставалъ обличать его двоедушія и коварной политики; никто болѣе Лютера не вредилъ ему въ общественномъ мнѣніи. Точно также несправед-

лйво, что Протестанскіе князья приложились къ Лютеру послѣ крестьянской войны, для того, чтобъ воспользоваться выгодами его новой политической теоріи. Главные вожди Реформаторской стороны: Филиппъ Ландграфъ Гессенскій, Герцогъ Люнебургскій, Маркграфы Казимиръ и Георгъ Бранибórскіе, открыто перешли на сторону Лютера еще въ 1524 году; первый, кажется, болѣе по внутреннему убѣжденію, чѣмъ по расчетамъ политическимъ. (1) Наконецъ, совершенно неосновательно мнѣніе Гагена, что Лютеръ, послѣ крестьянской войны, во главѣ одного направленія реформаторскаго элемента, вдругъ выставляетъ новое начало безусловнаго повиновеиія правительственной власти. Это начало было высказано еще за два года въ сочиненіи о свѣтской власти, гдѣ Лютеръ только вѣру и совѣсть называетъ неотъемлемою собственностію всякаго Христіянина. «Если князь твой прикажетъ тебѣ повиноваться папѣ, вѣрить тому, или другому, ложному догмату, выдать переводъ Св. Писанія, ты въ правѣ отвѣчать ему ему: ««Я повинуюсь тебѣ во всемъ, что касается тѣла моего и имущества; повелѣвай, по власти, данной тебѣ на землѣ; но я не могу по заказу вѣрить такъ, или иначе, не могу выдать книгъ Св. Писанія, потому что ты въ этомъ случаѣ превосходишь предѣлы своей власти.»» Если онъ за этотъ отвѣтъ лишитъ тебя собственности: если накажетъ тебя за непослушаніе, благо тебѣ; благодари Бога, сподобившаго тебя понести гоненіе за Слово Его; перенеси безропотно жестокость неразумнаго властителя, его ждетъ воздаяніе.» Потомъ Лютеръ уговариваетъ жителей Мышенской области, Баваріи и другихъ областей не выдавать добровольно перевода Евангелія, потому что это значило бы предавать Христа Ироду; но не противиться, если исполнители приговора будутъ обходить дома и отбирать книги, ибо всякое насиліе должно терпѣть, не отражая насиліемъ. Все тотъ же неизмѣнный законъ Христіянской свободы, которая не терпитъ порабощенія духа, но терпитъ неограниченное господство установленной власти надъ тѣломъ и всѣми житейскими отношеніями. Крестьянская война не произвела никакой существенной перемѣны въ дѣловомъ его примѣненіи Лютеромъ по всѣмъ сословіямъ народнымъ. Онъ продолжалъ заступаться за человѣческія права утѣсненныхъ крестьянъ, угрожая

---

(1) Ranke, D. Gesch. II, 176—178.

гонителямъ наказаніемъ Божіимъ. (1) Съ другой стороны, возставивъ противъ себя все сельское народонаселеніе, ожидая смерти отъ разъяренныхъ крестьянъ, (2) онъ съ рѣдкою неустрашимостію обращаетъ оружіе свое на князей и дворянъ, обязанныхъ ему же своею побѣдою. Чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ лести, онъ переноситъ въ отношенія дворянства къ императору Карлу туже здравую логику, которая въ 1525 году проводится съ необыкновенной силой въ его понятіяхъ о возмутителяхъ, стоящихъ наровнѣ съ безсловеснымъ животнымъ, заслуживающимъ не состраданіе, а страшное возмездіе за мятежъ противъ власти, установленной Богомъ. Могучая насмѣшка приходитъ на помощь его здравому смыслу и доставляетъ торжество прямодушію Лютера въ свирѣпыхъ рѣчахъ противъ всѣхъ нарушителей общественнаго порядка. Въ объясненіи 117-го псальма и въ книгѣ о военномъ состояніи онъ выставляетъ на видъ князьямъ и дворянамъ унизительныя для чести цѣлаго сословія воспоминанія крестьянской войны, съ намѣреніемъ возбудить въ нихъ спасительный стыдъ и утвердить ихъ въ похвальномъ повиновеніи. (3)

Повторяемъ: Лютеръ въ государственномъ отношеніи представитель законнаго начала и двигатель народнаго единства. Въ противоположность частнымъ стремленіямъ сословій, которыя въ началѣ XVI столѣтія высказывались съ особенной силой, онъ раскрываетъ предъ современниками величавую картину благоустроеннаго государства, основаннаго на строгомъ соподчиненіи членовъ. Онъ всѣми силами противодѣйствуетъ исканію тѣлесной свободы, противополагая ей свободу Евангельскую, свободу духовную, которая заключается въ томъ, чтобы вѣровать во Христа, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, страдавшаго, распятаго, погребеннаго и воскресшаго. (4) Онъ подтверждаетъ тѣлесное рабство, какъ единственное средство удерживать массы народныя въ повиновеніи, называетъ его прекраснымъ, драгоцѣннымъ обычаемъ.(!) (5) Онъ читаетъ

---

(1) Walch, VII, Объясн. I Іоанна 1531 года, §. 218.

(2) Письмо Лютера къ канцлеру Майнцкому, Рюлю, и къ Вачесл. Линку. Walch, X, 860—864.

(3) Walch, V, 117-й пс. §. 18, 19, S. 1729; X, О военномъ сост. §. 43, flg. S. 598; V, 101-й пс. §. 52, flg. S. 1207 flg.

(4) Walch, VII, Объясн. 8-й гл. Іоанна §. 219—220, S. 2533; §. 229, S. 2540.

(5) Walch, III, Объясн. 30 гл. Быт. §. 16, S. 707.—VII, Объясн. 8 гл. Іоанна, §. 217, S. 2531.

сильныя отповѣди всѣмъ сословіямъ народнымъ; но весьма поучительно его глубокое благоговѣніе къ началу единодержавія въ лицѣ императора Карла. Онъ, какъ представитель Божества на землѣ, окруженъ недоступнымъ величіемъ; онъ принимаетъ вдохновеніе свыше; онъ не нуждается въ поученіяхъ даже духовныхъ наставниковъ; одинъ Богъ судья между земными богами. Первообразъ его Соломонъ, свыше облеченный премудростію. (1)

(1) Walch, V, Объясн. Соломонова Екклесіаста.

ГЛАВА III.

Дѣятельность Лютера богословская.

Въ противоположность государственнымъ воззрѣніямъ Лютера, его богословская дѣятельность носитъ въ себѣ зародышъ самоотрицанія и начало убійственное для нравственной жизни. Если онъ, съ одной стороны, хотя сколько ни будь противодѣйствовалъ стремленію къ равенству общественныхъ правъ между членами народа, то эта заслуга искупалась несоразмѣрно вреднымъ вліяніемъ на убѣжденія послѣдняго, несчастнымъ ученіемъ Лютера о Благодати. Здѣсь, въ своей односторонней догматикѣ, онъ какъ бы силится подавить благіе начатки возрождавшейся духовности; самъ не сознавая того, развиваетъ отчаянно странныя мнѣнія съ такой теплотой убѣжденія, что даже холодный изслѣдователь теряется въ узкой, но строго послѣдовательной, силлогистикѣ, на которой воздвигнута цѣлая система его вѣроученія. Существенный недостатокъ этой системы есть общая слабость Нѣмецкой натуры, разъединеніе съ жизнію въ вопросѣ, по преимуществу связанномъ съ жизнію, въ приложеніи вѣры къ Христіянской нравственности. Это высшее торжество отвлеченности теоретика Нѣмца, разсуждающаго совершенно правильно о вещи совершенно ложной, и высшее безсиліе дѣловаго смысла, когда нужно мысль перевести въ разумное сознаніе дѣйствіемъ, когда при первомъ соприкосновеніи съ миромъ сказывается ея несостоятельность и выходитъ наружу плачевное лжеумствованіе, лежащее въ ея основаніи. Наше дѣло—разсмотрѣть съ точки зрѣнія этого внутренняго противорѣчія характеръ ученія Лютера, не касаясь его догматической несообразности. Но предварительно замѣчу, что богословская дѣятельность его дробится на двѣ, совершенно отдѣльныя одна отъ другой, половины. Отъ 1520 до 1527 года простирается первая пора по

преимуществу всенародной проповѣди, словесной и письменной. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перемѣнившихся понятій о главномъ догматѣ оправданія человѣка, онъ излагаетъ народу всю полноту своего ученія о благодати, спасающей безъ участія дѣлъ. Онъ учитъ народъ, и въ тоже время поучается самъ, завлеченный самобытностью новаго взгляда до умышленнаго отрицанія необходимости дѣлъ, по мнѣнію Лютера, не только излишнихъ, но даже препятствующихъ чистому Богопознанію. Съ 1527 года или съ церковнаго осмотра, предпринятаго Лютеромъ по назначенію курфирста, онъ видимымъ образомъ умѣряетъ односторонность своего взгляда; въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, назначаемыхъ для большинства народа, старается возстановить утраченное равновѣсіе между вѣрой и нравственностію въ Христіянской анѳропологіи. Но главная особенность этой послѣдней поры его богословской дѣятельности есть отчужденіе отъ народа. До тѣхъ поръ онъ посвящалъ ему лучшую половину трудовъ своихъ; теперь онъ издаетъ Катихизисъ или краткое изложеніе вѣры, приводитъ всѣ главные выводы вѣроученія къ небольшому количеству несложныхъ формулъ, и этѣмъ ограничиваетъ свою популярную дѣятельность. Отселѣ труды его посвящены исключительно учено-литературному поприщу; къ 30-мъ годамъ XVI столѣтія относятся многотомныя толкованія почти на всѣ книги Св. Писанія ветхаго и новаго Завѣта, плоды кабинетныхъ трубовъ его, назначенные большею частію для ученаго міра и университетскаго преподаванія. Занимаясь ими не по обязаности, онъ даетъ волю мечтательному своему Богословію; противорѣчія, привходящія извнѣ, вызываютъ противодѣйствіе въ самомъ крайнемъ развитіи любимыхъ идей, разъ навсегда признанныхъ имъ за непогрѣшительныя; а потому по внѣшней формѣ онѣ принимаютъ большею частію характеръ полемическій; внутреннее содержаніе, обогащенное всѣмя плодами изумительной учености Лютера, служитъ единственнымъ матеріяломъ для критическаю разбора его догматическихъ мнѣній. Толкованіе на Посланіе къ Галатамъ 1539 года и объясненіе Книги Бытія, оконченное за два года до смерти, занимаютъ первое мѣсто между произведеніями послѣдней поры богословскихъ трудовъ его.

Исходная точка всей догматики Лютера есть ученіе его объ оправданіи. Оно приводится къ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) Человѣка оправдываетъ и спасаетъ одна вѣра въ І. Христа (sola

fides), безъ участія дѣлъ. 2) Добрыя дѣла для спасенія излишни. Вѣра постоянно принимается Лютеромъ въ самомъ одностороннемъ значеніи: въ смыслѣ увѣренности, что крестная смерть Спасителя несомнѣнно спасаетъ насъ отъ погибели и усвоиваетъ вѣрующему вѣчную жизнь. «Софисты,» — говоритъ Лютеръ, — «требуютъ вѣры, любовію образованной (fides caritate formata), т. е., вѣры, которая отъ любви получаетъ свой настоящій опредѣленный характеръ; напротивъ, вѣра есть такое познаніе, которое обнимаетъ вполнѣ невидимаго Христа; не любовь обрузуетъ ее, а Христосъ самъ даетъ ей образъ, краску и сущность. Наша правда не есть что либо, принадлежащее намъ, а Христосъ самъ, обнимаемый вѣрою въ сердцѣ человѣка, какъ драгоцѣнный камень, вправленный въ перстень. (1) Вѣра — не праздная, простая мечта, а живая, глубокая, утѣшительная и несомнѣнная увѣренность сердца въ грядущей славѣ; посредствомъ ея мы становимся однимъ духомъ со Христомъ. Паписты считаютъ ее простою мыслію о Божествѣ (ein kalter Gedanke im Herzen). Настоящая вѣра — не холодная мысль, а прилѣпленіе сердца къ плоти и крови, съ увѣренностію въ дѣйствительности ихъ для вѣчной жизни, полное обнятіе Христа умомъ и сердцемъ.» (2) Лютеръ возстаетъ противъ произвольнаго употребленія слова: вѣры, для обозначенія увѣренности въ историческомъ существованіи Христа; онъ называетъ вѣрою только убѣжденіе въ дѣйственности жертвы Христовой. «Есть два познанія Бога: одно естественное, извлекаемое изъ разума, поясненное и приведенное въ систему въ Моисеевомъ законѣ. Это познаніе не было чуждо язычникамъ мудрецамъ и юристамъ. Другое, откровенное, указываетъ очамъ человѣческимъ испорченность міра, лежащаго во злѣ, и тайну воплощенія Сына Божія, взявшаго на себя грѣхи всего міра и дающаго спасеніе и отпущеніе грѣховъ несомнѣнно увѣреннымъ, что онъ дѣйствительно спасаетъ отчаянныхъ грѣшниковъ. Это познаніе не естественное; оно прямо противорѣчитъ здравому разуму, который возмущается при мысли, что отпущеніе грѣховъ дается намъ даромъ, изъ одного милосердія, хотя мы и заслужили противное нашими великими и страшными грѣхами. Ему хотѣлось бы уменьшить бремя нашей грѣховности, представить грѣхи человѣческіе простительной слабостію (gematte Sünden),

(1) Walch, VIII, Объясн. 2 гл. Галат. §. 187, 188, 196, S. 1818 flg.

(2) Walch, VIII, Объясн. 17 гл. Іоанна, §. 214, S. 790; 6 гл. Іоанна, S. 321, S. 2092.

ничтожнымъ уклоненіемъ отъ правды, которое легко омыть соотвѣтствующими добрыми дѣлами безъ помощи Христовой. Святодѣйцы (die Werheiligen) хотя и исповѣдаютъ устами, что они грѣшники, но грѣхи ихъ не мучатъ, искушеній не имѣютъ, а надѣются сверхъ того принести предъ судище Христово заслуги своего монашества и получить особенную награду. Самъ Мойсей, не смотря на желаніе постичь откровеніе, не получилъ желаннаго. Папа остановился только на первомъ естественномъ познаніи Бога. Турки, Татары, Іудеи, Паписты, Язычники вѣруютъ также во единаго Бога, Творца неба и земли, налагающаго на насъ извѣстныя заповѣди, награждающаго и наказывающаго, смотря по заслугамъ. Но ученіе о Благодати, состоящее въ томъ, что всѣ мы родились въ грѣхахъ и не можемъ достигнуть блаженства иначе, какъ вѣрою въ Іисуса Христа, сына Божія, это не есть Мойсеево, а Евангельское познаніе Бога. Паписты, ограничиваясь историческимъ изображеніемъ страстей Христовыхъ, вообразили себѣ, что эта fides historica даетъ вѣчную жизнь. Излагая страданія Христовы безъ всякаго ученія вѣры, они мечтали, что вселили Христа въ свое сердце, но говорить и думать о Христѣ умѣетъ и діяволъ. Софисты любили разглагольствовать о томъ, что Христосъ сѣдитъ одесную Отца, исполняетъ Собою и небо и землю, что онъ сходилъ побѣдителемъ во адъ, а слѣдственно обитаетъ и въ сердцахъ человѣковъ. Они мечтали, что мы здѣсь на землѣ не блаженны и святы (вопреки слову Христову: вѣрующій во Христа имѣетъ животъ вѣчный, не будетъ имѣть, а имѣетъ), а только чаемъ блаженства, между тѣмъ какъ оно силою вѣры уже дается намъ на землѣ. Они не знали другаго соединенія съ Христомъ, какъ имѣть съ нимъ одинаковую волю и доказывать тождество это дѣлами. Между тѣмъ какъ соединеніе это обнаруживается въ полученіи блаженства еще въ тѣлѣ вѣрою въ очищающее дѣйствіе смерти Христовой.» (1)

Это ученіе, принимаемое во всей своей односторонности въ приложеніи къ нравственной жизни приводитъ къ гибельнымъ слѣдствіямъ: 1) Оно отвергаетъ, какъ противодѣйствіе благодати, какъ гордое сознаніе человѣческаго достоинства, всякое усиліе къ исполненію сколько возможно закона Христіянской нравственности.

(1) Walch, XII, §. 4, S. 2082.—VII, Объясн. 1 гл. Іоанна §. 365—366, S. 1625;—VIII, Объясн. 5 гл. Галат. §. 97, S. 2609; — IX, §. 13 — 14, S. 387—388; — VII, Объясн. 6 гл. Іоанна, §. 364—394, S. 2117—2132.

2) Оно уничтожаетъ въ самой основѣ идею Христіянской свободы, подчиняя жизнь Христіянина безусловному предопредѣленію. Въ самомъ дѣлѣ, если спасеніе зависитъ только отъ вѣры въ дѣйствительное усвоеніе оправданія Христова всякому вѣрующему, то гдѣ же будутъ предъосужденные? Между тѣмъ Лютеръ не опредѣляетъ степени вѣры, потребной для того, чтобъ привлечь благодать. «Эта вѣра,»—по мнѣнію его, — «не зависитъ отъ человѣка, но изливается свыше въ сердце его. Это даръ Божій, къ воспріятію котораго человѣкъ не можетъ предуготовить себя никакимъ усиліемъ воли. Когда Богъ производитъ въ насъ вѣру, это такое великое дѣло, которое равняется новому творенію неба и земли. Вѣра не есть произведеніе силъ человѣческихъ, но самъ Богъ творитъ ее въ насъ (schaffet), потому что Христосъ заслужилъ то своею кровію. Онъ для того въ славу свою и сѣлъ одесную Отца, чтобъ вселить въ насъ вѣру» (1) — мысль Августинова, доведенная до послѣднихъ итоговъ уничтоженія нравственной воли. «Поелику обѣтованіе Божіе обманывать не можетъ, то отсюда слѣдуетъ, что не можетъ быть вѣры безъ предшествующаго предопредѣленія, которое состоитъ не въ необходимости вѣры и дѣлъ соотвѣтственныхъ, а въ непреложности избранія Божія.» (2) Какъ возрожденіе вѣры въ падшемъ Адамѣ, такъ и сохраненіе и возращеніе ея есть дѣло исключительно произволенія Божія. Въ одномъ человѣкѣ вѣра слабѣе, въ другомъ совершеннѣе, смотря по тому, какимъ искушеніямъ она подвергается; но послѣдніе независимы отъ человѣка, и потому не могутъ препятствовать примиряющему дѣствію вѣры. «Какъ ни слаба наша вѣра, но все же мы вѣруемъ беспрекословно въ Господа Нашего Іисуса Христа и терпимъ за имя Его». «Хотя я «слабъ въ вѣрѣ, но имѣю того же Христа, тоже духовное сокровище, какъ и великій Святый; между нами различія нѣтъ; по вѣрѣ въ Распятаго мы всѣ совершенны. Это подобно тому, когда двое имѣютъ одно и тоже количество денегъ: одинъ бережетъ ихъ въ бумагѣ, другой за крѣпкими затворами, но сумма остается цѣла у обоихъ. Такъ и Христосъ для всѣхъ одинаковъ; хотя бы вѣра твоя была крѣпче моей, но Онъ не мѣняется (wir haben alles an ihm, wir habens mit einem starken oder schwachen Glauben gefasset). Я созерцаю Христа и слабою вѣрою взываю къ Нему: я увѣренъ, ибо

(1) Walch, IX, Объясн. 1 посл. Петр. §. 22, S. 640; §. 80, S. 679.
(2) Walch, IX, Объясн. 3 гл. Галат. §. 31, S. 151.

ты провѣщалъ: ««Вѣруяй въ Мя, имать животъ вѣчный.»» (1) «Человѣкъ, сознающій въ себѣ самые тяжкіе грѣхи, терзаемый совѣстію, тѣмъ не менѣе спасается вѣрою и тогда, когда онъ наиболѣе мучится сознаніемъ грѣховъ; самая слабая вѣра служить ему оправданіемъ.» (2) — Наконецъ 3) ученіе Лютера въ строгомъ смыслѣ разрѣшаетъ паденія самыя тяжкія, оговоркой, что дѣла не предстануть на судище Христово, что Спаситель ни на землѣ, ни на небѣ, никогда не облекается въ грозный характеръ судіи, а вѣчный заступникъ нашъ предъ Богомъ Отцемъ. «Христосъ нашу слабую вѣру, свыше ниспосланную въ сердце человѣка, пріемлетъ какъ совершенную и вмѣняетъ намъ въ оправданіе. (3) Въ силу вѣры этой грѣхи отпускаются, т. е., не уничтожаются, потому что не прекращаютъ своего дѣйствія въ мертвенномъ тѣлѣ, а не вмѣняются. Они прикрыты предъ Богомъ Отцемъ чрезъ ходатая Сына, который сталъ между правосудіемъ Божіимъ и грѣхами человѣческими. (4) Христіянинъ чрезъ вѣру становится причастнымъ крестной заслуги Спасителя; въ лицѣ Сына Божія онъ приноситъ удовлетвореніе на Древѣ, исполняетъ всю тяжесть закона; «онъ выше грѣха и закона, потому что въ сердцѣ его обитаетъ Христосъ, побѣдившій законъ. Когда совѣсть обличаетъ его, законъ призываетъ къ суду, онъ взираетъ на Христа, какъ Іудеи на мѣднаго Моисеева змія, и исцѣляется.» (5) «Онъ поднимаетъ очи на небо и видитъ Христа посредника и ходатая (Advokat), который молится за него Отцу въ такихъ выраженіяхъ: ««Отче! Я пострадалъ за него, за него же и заступаюсь. (6) Вѣрующій, принимая слово мое, не принадлежитъ уже міру, а мнѣ. А если онъ мой, я Владыка его и Спаситель, и нѣтъ сомнѣнія, Отче, что онъ принадлежитъ и Тебѣ, не только теперь, но и прежде былъ Твой, и Тобою пріобщенъ къ Моему избранному стаду.»» «Этѣмъ словомъ,» — продолжаетъ Лютеръ,—«Христосъ отнимаетъ рѣшительно всякій гнѣвъ и все, что ни есть ужаснаго на землѣ и на небѣ, и раскрываетъ надъ нами всемірный покровъ благодати и благословенія. Если ты прилѣпился Христу, ты, конечно, причисленъ къ сонму предъизбранныхъ отъ начала міра, потому что, въ противномъ случаѣ, ты не принялъ бы Откровенія.»

(1) Walch, VII, Объясн. 6 гл. Іоанн; §. 57—58.
(2) Ibid. §. 171—173, S. 2001—2005.
(3) Walch, VIII, 3 гл. Галат. §. 155, S. 2051.
(4) Ibid. 2 гл. Галат. §. 197, S. 1825.
(5) Ibid. §. 200, S. 1827; XXII, S. 576.
(6) Walch, IX, Объясн. 2 гл. 1 посл. Іоанна, §. 4, S. 933.

Отсюда характеръ соблазнительнаго мягкосердечія въ ученіи Лютера, какая-то страшная монополія Христіянину въ свободѣ грѣшить безнаказанно, прибѣгая постоянно къ готовому врачевству вѣры. Страхъ суда Божія не существуетъ для вѣрующаго; онъ застѣняется милосердіемъ Божіимъ. «Въ природѣ человѣческой,»—говоритъ Лютеръ,—«таится врожденный страхъ суда Божія и наказанія. Человѣкъ естественно умствуетъ: ««Ты грѣшникъ, а Богъ правосуденъ; слѣдственно, онъ враждуетъ тебѣ и готовитъ тебѣ наказаніе.»» Св. Отцы слова: Богъ правосудный (justus Deus) толковали человѣческимъ разумомъ: Богъ судитъ праведно и казнитъ грѣшника. И меня, когда былъ я молодымъ богословомъ, толкованіе это несказанно смущало и ужасало; до сихъ поръ содрагаюсь при мысли о праведномъ Богѣ.» (1) «Объясненіе это принято въ Папствѣ и оставляетъ въ сердцѣ потаенное негодованіе противъ Бога и правды его, которою онъ воздаетъ грѣшникамъ соразмѣрное грѣхамъ ихъ возмедіе. Понятію о правосудіи Божіемъ Паписты противополагали понятіе объ его милосердіи, которымъ спасаются вѣрующіе.» (2) Богословіе Лютера, какъ уже было мною замѣчено, считаетъ оба понятія тожественными. Подъ словомъ праведный разумѣетъ Христа, усвояющаго человѣку свою собственную праведность. Лютеръ ублажаетъ молодое поколѣніе, не зараженное ядовитымъ ученіемъ папы, къ которому самъ онъ издѣтства навыкъ до того, что блѣднѣлъ при одномъ имени Христовомъ. «Вы, юноши,»—говоритъ онъ, обращаясь къ слушателямъ,—«съ меньшимъ трудомъ приходите къ истинному богопознанію; потому что вы не потѣли въ огненной банѣ, приготовленной человѣческимъ ученіемъ папы.» (3) «Вы говорите: ««Если не исполнилъ всего закона, каюсь отъ сердца, но не стану сокрушаться до смерти, потому что не полагаюсь на собственную заслугу.»» (4) По ученію Лютера, человѣкъ, безвинно согрѣшившій въ Адамѣ, не имѣющій силы побороть грѣхъ, изволеніемъ премудрости и благости Божіей, снова получаетъ оправданіе и вѣчную жизнь человѣкомъ безгрѣшнымъ, (5) притомъ въ видѣ дара, подобно тому, какъ бы князь сказалъ подданному, ««Приходи ко мнѣ въ замокъ, я дамъ тебѣ сто червонцевъ.»» Чтобъ получить обѣщанное,

(1) Walch, V, Объясн. 51 (50) пс. §. 7, S. 707.
(2) Ibid. §. 339, S. 881.
(3) Walch, VIII, Объясн. 2 гл. Галат. § 359, S. 1927.
(4) Walch, V, 51-й Пс. § 249, S 834.
(5) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. Кор. §. 147, S. 1247.

я долженъ сходить, но награда дается мнѣ не за трудъ, а въ видѣ подарка, въ силу обѣщанія княжескаго.» (1) Очищеніе грѣховъ въ ученіи Лютера прѣдставляется Божественной индульгенціей, о которой впервые изъ ветхозавѣтнаго мрака взываетъ Давидъ, обращаясь молитвенно къ Богу: «Отврати лице твое отъ грѣхъ моихъ, и вся беззаконія моя очисти. Истреби (tilge) всѣ грѣхи мои прошедшіе, настоящіе и будущіе, потому что я грѣшу ежедневно; истреби ихъ въ конецъ, чтобъ мнѣ не впасть въ отчаяніе и не забыть твоего милосердія.» (2) «Въ увѣренности, что грѣхъ его не вмѣнится, Христіянинъ долженъ смѣло препираться съ закономъ, когда діяволъ смущаетъ его сознаніемъ грѣховности: «Мнѣ дѣла нѣтъ до угрозъ твоихъ, потому что ты гораздо тяжеле меня согрѣшилъ, пригвоздивъ ко кресту Сына Божія. Этотъ грѣхъ никогда тебѣ не простится; ты потерялъ имъ право вязать и наказывать грѣшныхъ, ибо самъ побѣжденъ и окованъ. Побѣду свою подарилъ намъ Христосъ, и ты не можешь вредить не Ему только, но и всѣмъ вѣрующимъ во имя Его во вѣки вѣковъ». (3)

Согласно съ этѣмъ воззрѣніемъ, Лютеръ видитъ въ Евангеліи только утѣшительное обѣтованіе, побѣдную проповѣдь надъ закономъ, смертію и адомъ, вовсе отвергая великую, нравственную половину благовѣстія Христова. Христосъ, по мнѣнію Лютера, не налагалъ никакихъ заповѣдей, напротивъ освобождалъ человѣка отъ служенія закону. Трогательны Его простыя бесѣды съ апостолами; Онъ говоритъ съ ними, какъ съ милыми чадами, не ставитъ имъ даже въ вину грѣховъ слабости. Онъ видитъ усилія ихъ увѣровать въ Него, и больше не требуетъ. Онъ отвергаетъ служеніе гордыхъ, великихъ святыхъ, призывающихъ Его сквозь призму собственныхъ подвиговъ, возносящихъ къ нему молитву отъ внутренняго самодовольства. Онъ налагаетъ молчаніе на гордыхъ Фарисеевъ, которые старались запутать Его хитрою рѣчію; божественной ироніей громитъ лицемѣріе ихъ; въ обращеніи же съ апостолами примѣняется къ ихъ младенческой вѣрѣ и разумѣнію, съ ними веселится и плачетъ, является въ средѣ ихъ какъ вѣрный учитель, какъ добрый отецъ семейсгва, находящій усладу въ бесѣдѣ съ своими чадами. Въ житіи апостола Петра сохранилось преданіе, что онъ

---

(1) Walch, XXII, c. 7 S. 152, S. 310.

(2) Walch, V, §. 270, S. 844.

(3) Walch, VIII, Объясн. 4-й гл. Галат. §. 41, S. 2384.

во всю жизнь проливалъ обильныя слезы, которыя прорѣзали глубокія черты на лицѣ его, вспоминая любовное, короткое обхожденіе Богочеловѣка съ апостолами. Христосъ и по воскресеніи своемъ говорилъ Маріи: «Поди, скажи братьямъ моимъ», говорилъ прославленнымъ уже существомъ своимъ. «Какъ братья, мы имѣемъ равное участіе въ Его наслѣдіи — въ побѣдѣ надъ грѣхомъ и смертію (Еѳес. II, 4—6; Кол. III, 34; I Кор. III, 22, 23; I Кор. VI, 2, 3.). Если есть въ тебѣ грѣхъ, за то братъ твой, Христосъ, не имѣетъ грѣха, а одну только правду; если ты добыча смерти, то онъ вѣчно живетъ. Онъ, воскресшій изъ мертвыхъ, возобладавшій всѣмъ, что на небѣ и на землѣ, зоветъ тебя братомъ: чего же боишься ты? Кто вѣритъ твердо обѣтованію, хотя бы весь былъ въ грѣхахъ, пока не отторгся Христа, не лишится блаженства.» (1) «Если вздумается тебѣ, что Христосъ, судья и учитель закона, который гнѣвается на тебя и требуетъ отчета, какъ провелъ ты жизнь свою, будь увѣренъ, что то не Христосъ, а лукавый. Писаніе рисуетъ Христа другими чертами, примирителемъ, посредникомъ и утѣшителемъ (Рим. VIII, 3, 32), чѣмъ Онъ и остается на вѣки.» (2) «Христосъ не имѣетъ обыкновенія вызывать грѣшниковъ къ отвѣту, а говоритъ имъ: ««Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы»» (Матѳ. XI, 28). Истинная вѣра не предается долгимъ размышленіямъ о томъ, много ли ты сдѣлалъ добрыхъ дѣлъ на твое оправданіе, или много ли грѣховъ на твое осужденіе, а просто заключаетъ: Хотя бы ты и много сотворилъ добра, но предъ Богомъ тѣмъ не оправданъ; и хотя бы и много нагрѣшилъ, то тѣмъ еще не осужденъ.» (3) Что касается до нравственныхъ заповѣдей Іисуса Христа, то онѣ для Лютера разрѣшаются въ слѣдующемъ выводѣ: «Я ничего другаго на васъ не накладываю, ничего другаго не требую, какъ только того, чтобы вы вѣрно обо Мнѣ проповѣдовали, чтобы хранили Мое слово и таинства, живя во взаимной любви и согласіи, вынося терпѣливо все противное, находящее на васъ Меня ради. Я не даю вамъ заповѣди, какъ рабамъ, которыхъ должно насиліемъ и угрозами принуждать къ исполненію; но прошу васъ какъ друзей, чтобы вы, изъ любви ко Мнѣ, соблюдали ихъ. Не налагаю на васъ

(1) Walch, VIII, Объясн. 20 гл. Іоанна, §. 52—64, S. 1017—1025.
(2) Ibid. Объясн. 4-й гл. Галат. §. 27, S. 2604.
(3) Ibid. 5 гл. Галат. §. 45, S. 2614.

тяжкаго бремени, множество жертвъ и богослуженій, не велю вамъ поститься и лежать на землѣ, вы сказали бы, что это слишкомъ трудно; не хочу быть Моисеемъ, который дѣйствуетъ ужасомъ и наказаніями. Какъ Адамъ въ раю получилъ запрещеніе вкушать отъ одного только древа, такъ и Я даю вамъ только заповѣдь и освобождаю отъ множества трудныхъ обязанностей, наложенныхъ на васъ Моисеемъ. Я говорю вамъ одно только, чтобъ вы любили другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, и вы должны это дѣлать, безъ вызова, по собственному влеченію духа. Я наложилъ на васъ одно только Евангеліе, Крещеніе и Таинства; это не заповѣдь, а сокровище, которое вы получили отъ Меня даромъ.» (1) Толкованіе это доводитъ буквально до самой исключительной индульгенціи, которая смываетъ грѣхи человѣка не подписью папы, а какой-то божественной прихотью. Христіянинъ Лютера пребываетъ въ чистомъ, святомъ и гордомъ уповаціи, упрямо и строптно (steif und trotziglich) опирается (lehnet sich) на Христѣ, противъ гнѣва и ужасовъ суда Божія.» (2) Онъ смѣло говоритъ: «Я не знаю ни смерти, ни ада; если жало смерти не притупилось, то пусть пожжетъ и поборетъ онъ прежде моего Господа; если не сокрушились еще врата адовы, то пусть проглотитъ онъ прежде Спасителя; если грѣхъ, законъ и совѣсть имѣютъ право осудить человѣка, то пусть прежде помѣряются силами съ Сыномъ Божіимъ. Wenn das geschehen ist, so will ich mich darnach auch lassen verdammen, fressen und verschlingen.« (3) Поелику Отецъ повергаетъ къ подножію Сына предвѣчныхъ враговъ его, грѣхъ и смерть, то значитъ угодно Ему, чтобы власть ихъ исчезла; Онъ не думаетъ ни казнить, ни судить насъ, какъ грѣшниковъ, повинныхъ осужденію смерти, а возлюбилъ насъ, какъ и Христосъ, и хочетъ сложить съ насъ и то и другое, ибо Отецъ для того именно покорилъ ему всяческая.» (4) «Богъ Отецъ не видитъ грѣха, который гнѣздится во внутреннемъ человѣкѣ, а видитъ его съ головы до ногъ обрызганнаго кровію Сына и омытаго водами крещенія. Это риза благодати и святости, въ которой предстаемъ мы предъ Отцемъ не собственнымъ существомъ, а во образѣ Сына. — Здѣсь высшая

(1) Walch, VIII, Объясн. 14-й гл. Іоанна, §. 257, S. 160. — 15 гл. Іоанна, §. 149 — 151, S. 402—404. — 4 гл. Галат. §. 33, 45; S. 2378, 2386, folg.
(2) Walch, 3 гл. Галат. §. 168, S. 2059.
(3) Ibid. 14 гл. Іоанна, §. 368, S. 224.
(4) Ibid. 15 гл. Кор. §. 188, S. 1277.

апоѳеоза человѣка въ изображеніи Троицы, въ которой Отцу угодно утѣшить созданіе, потому что онъ даетъ Духа Святаго; Сынъ утѣшаетъ, потому что проситъ о Духѣ; Духъ Святый самъ утѣшитель. Отъ Бога нѣтъ угрозъ, а только радость и утѣха Христіянамъ на землѣ и на небѣ.» (1)

Оригинальность этого взгляда повторяется съ особенной силой въ понятіяхъ Лютера о страшномъ судѣ и о каноническихъ книгахъ Св. Писанія. О первомъ онъ говоритъ утвердительно, что много выдумано басней о небѣ и мученіяхъ ада. Нужно разкрасить діявола и адъ самыми черными красками (man muss ihnen den Teufel schwarz und die Hölle heiss machen). (2) По мнѣнію Лютера, папа представилъ Христа судящимъ міру на страшномъ судѣ; до тѣхъ же поръ праздно сидящимъ на небѣ, въ ожиданіи суднаго дня. Отсюда, какъ средства умилостивленія Бога, объясняетъ онъ монашескіе обѣты и другія дѣла благочестія. «Но Христосъ,»—говоритъ онъ, — «не предстанетъ судьею на страшномъ судѣ, а спасителемъ; Онъ низложитъ всѣхъ, кто творилъ мнѣ зло на землѣ. Для меня Онъ не будетъ страшенъ, а утѣшителенъ, по тому что я защищаю правое дѣло. Служеніе Христово не судъ, а отпущеніе грѣховъ путемъ вѣры и благодати. Христіянамъ не должно проповѣдывать Христа, какъ будущаго судію, а говорить объ немъ, какъ объ искупителѣ. Только насильно противящіеся Его благодати повинны суду; но Онъ и тутъ отклоняетъ отъ себя судъ, и проклятіе грѣшниковъ есть страдательное дѣйствіе Его правосудія. Имъ судитъ слово Христово; они не восхотѣли благословенія и удалится отъ нихъ; восхотѣли клятвы, и пріидетъ къ нимъ.» (3) Но подъ именемъ грѣшниковъ Лютеръ разумѣетъ только невѣрующихъ «Плоды вѣры тѣ, что Христосъ перестаетъ быть судьею для человѣка (Іоан. III, 17); судьею Онъ будетъ только невѣрующимъ. «Онъ,»—по мнѣнію Лютера,—«раздѣлитъ овецъ и козлицъ, и первымъ скажетъ: ««Я не отрину тебя. Если ты вѣровалъ, что Я за тебя родился и умеръ, ты напрасно боишься;»» а козлищамъ: ««Идите въ вѣчный огонь, потому что вы не вѣровали въ Меня, убивали Моихъ Христіянъ, хулили слово Мое, отвергали Меня и Моихъ.»» (4) —

(1) Ibid. 14 гл. Іоанна, §. 281—284, S. 175—177.
(2) Ibid. 15 гл. Кор. §. 102, S. 1219.
(3) Walch, VII, Объясн. 8 гл. Луки, §. 60—71, S. 2424—2433.
(4) Ibid. 6 гл. Іоанна, §. 131—134, S. 1974—1977; §. 141, S. 1982.

Что касается Библіи, которую Лютеръ провозгласилъ единственнымъ правиломъ Христіянскаго вѣроученія, то авторитетъ ея по стольку казался ему непогрѣшителенъ, по сколько онъ видѣлъ въ ней подтвержденіе своей собственной непогрѣшительной личности. Сроднившись съ духомъ апостола Павла, котораго первые отзвуки о Благодати имѣли могучее дѣйствіе на односороннія его убѣжденія, онъ передѣлалъ ученіе его на собственный ладъ; противорѣчія, открывшіяся немедленно при такомъ насильственномъ извращеніи смысла, между разными частями евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, не обуздали непреклонной экзегетики Лютера, а только побудили его подвергнуть всѣ книги Библейскія новой повѣркѣ съ точки зрѣнія его исключительной критики. Заблужденія его состояли именно въ томъ, что онъ съ самаго начала не искалъ поученія во всей совокупности богодухновенныхъ книгъ Св. Писанія, а съ готовой идеей подъискивалъ въ Библіи все, подходившее къ его собственному взгляду, прочее же все отвергалъ безусловно. Никто болѣе Лютера не подлежитъ нареканію, возводимому имъ на противниковъ въ произвольномъ извлеченіи (das Herauszwacken) извѣстныхъ выраженій и текстовъ писаній, которыя съ перваго взгляда особенно ему полюбились и на которыхъ основано все ученіе Лютера. Извѣстно, съ какимъ упрямствомъ опирался онъ на словѣ Евангельскомъ: «Всякъ вѣруяй въ Сына Божія, имать животъ вѣчный;» или: «Праведникъ отъ вѣры живъ будетъ;» или: «Не оправдится человѣкъ отъ дѣлъ закона, но только вѣрою Іис. Христовою.» За то, къ какимъ натяжкамъ прибѣгаетъ онъ для объясненія словъ того же апостола, которые прямо наносятъ ударъ его узкому воззрѣнію. Всѣ прочіе тексты, извлеченные изъ другихъ евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, онъ либо проходитъ молчаніемъ, либо не удостоиваетъ возраженія. (1) За то въ толкованіи Павловыхъ онъ истощаетъ всю свою изобрѣтательность, чтобы спасти любимую теорію. Въ доказательство, какъ неловки выходили его объясненія, приведемъ два мѣста изъ XIII главы (ст. 2) 1-го посланія къ Коринѳяномъ. 1) «Аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любви же не имамъ, ничтоже есмь.» Объясненію этого текста посвящена цѣлая проповѣдь Лютера, въ которой сплетеніе софизмовъ — лучшее доказательство безсилія его

---

(1) На пр. Луки X, 28; Матѳ. XIX, 17. Дан. IV, 24.—Walch, VIII, Объясн. 2 гл. Галат. §. 210, S. 1857.

шаткой теоріи. Ему предстоитъ рѣшеніе трудной задачи: согласить слова апостола, допускающаго возможность существованія вѣры въ отвлеченіи отъ практической дѣятельности, съ собственнымъ взглядомъ, въ которомъ истинная вѣра нераздѣльна съ ея проявленіемъ въ жизни. На это предлагаетъ онъ три объясненія: 1) либо апостолъ не говоритъ здѣсь о вѣрѣ Христіянской, нераздѣльной съ любовію, а просто о вѣрѣ въ Бога и въ могущество Божіе, по которой и Іудѣ, діяволу между учениками, дано было творить чудеса; 2) либо объ истинной вѣрѣ, но впадающей въ искушеніе гордости; 3) либо, чтобъ изобразить всю необходимость любви, апостолъ приводитъ примѣръ невозможнаго, предположеніе несбыточное. Преимущественно въ послѣднемъ объясненіи погрѣшаетъ его упрямая логика. Принимая предположеніе Лютера, все же ясно, что Лютеръ смѣшалъ предыдущее съ послѣдующимъ, положительный періодъ съ условнымъ, поставляя невозможность въ томъ, что вѣра не можетъ существовать безъ любви, между тѣмъ какъ она состояла бы, по ясному смыслу реченія апостольскаго, въ томъ, что вѣра не можетъ творить чудеса, безъ любви соотвѣтствующей. Лютеръ умствуетъ такъ: «Если бъ было возможно, что я, имѣя вѣру, способную переставлять горы, не имѣлъ бы любви (что невозможно), я былъ бы ничтоженъ; между тѣмъ какъ настоящій смыслъ въ такомъ случаѣ: если бъ возможно было, чтобы я одной вѣрой, не имѣя любви, переставлялъ горы (но это не возможно), какая была бы отъ того польза?» (1) «Другое мѣсто: «Нынѣ пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія; больши же сихъ любы.» По мнѣнію Лютера, апостолъ подъ словомъ больши разумѣлъ продолжительнѣе, ибо любовь остается вѣчно, а вѣра короче и меньше, потому что не выходитъ за предѣлы временной жизни, и объясняетъ это сравненіемъ: «Такъ можно сказать, что и Христіянство на землѣ больше Христа, не въ отношеніи къ достоинству, а къ большему распространенію; ибо Христосъ три года пребывалъ въ Палестинѣ, а Христіянство разошлось по вселенной. Такъ и любовь длиннѣе и шире вѣры и надежды; ибо вѣра имѣетъ только отношеніе къ Богу, и то въ земной жизни, а любовь отношеніе къ Богу и ближнимъ и притомъ вѣчное. Тѣмъ не менѣе какъ Христосъ выше

(1) Walch, XII, §. 8—11, S. 569 — 571. — Мнѣніе Лютера доводится ad absurdum слѣдующимъ сближеніемъ: по аналогіи съ первымъ стихомъ этой главы слѣдовало бы предположать, что Апостолъ и вѣщаніе языкомъ человѣческимъ безъ любви считалъ невозможнымъ.

Церкви, такъ вѣра цѣннѣе любви.» (1) Таже слабость истолкованія обнаруживается въ объясненіи текста ап. Павла: «О Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра, любовію поспѣшествуема» (Галат. V, 6) — онъ переводитъ слово: поспѣшествуема, словомъ дѣятельная (der Glaube, durch die Werke thätig), т. е., приведенная въ дѣйствіе дѣлами любви (2), — и текста Іякова: «Обратившій грѣшника отъ заблужденія пути его покрыетъ множество грѣховъ,» — по мнѣнію Лютера, не искупитъ собственные, а покроетъ чужія немощи покровомъ Христіянской любви, (3) составивъ себѣ ограниченное, исключительное понятіе о сущности Евангелія, какъ «проповѣди или вѣсти о благодати и милосердіи Божіемъ, пріобрѣтенномъ и усвоенномъ намъ смертію Спасителя, не столько писанной и заключенной въ извѣстныхъ Евангельскихъ книгахъ, «сколько устнаго благовѣстія и живаго слова, огласившаго нѣкогда и продолжающаго свободно оглашать всю вселенную,» Лютеръ «рѣшительно отвергалъ его, какъ книгу закона, содержащую много полезныхъ ученій, какъ по сю пору думали. Оно не побуждаетъ насъ къ совершенію оправдывающихъ дѣлъ, а возвѣщаетъ «благодать Божію, усвоенную намъ даромъ безъ нашей заслуги. «Сущность безпримѣснаго Евангелія есть проповѣдь о благодати. «Отсюда можно рѣшить, какія книги и ученія принадлежатъ къ «Евангельскимъ. Что не носитъ однобразнаго характера проповѣди «о Благодати, то отрицай безъ зазрѣнія совѣсти, какъ бы свято «оно ни казалось.» (4) Руководствуясь этѣмъ правиломъ, Лютеръ не дѣлаетъ различія между 4-мя Евангеліями и посланіями апостольскими, считая однимъ непрерывнымъ Евангеліемъ все, что написано апостолами. Онъ ставитъ трехъ первыхъ Евангелистовъ несравнено ниже апостола Павла, «потому что они большею частію «ограничиваются описаніемъ исторической части дѣяній и чудесъ «Іисуса Христа; но благодать Христову никто не описываетъ такъ «вдохновенно, какъ ап. Павелъ, преимущественно въ посланіи къ Римляномъ.» (5) Смѣлость такого сужденія пугала самаго Лютера;

---

(1) Walch, XII, §. 34, S. 580.

(2) Walch, VIII, Объясн. 5 гл. Галат. §. 84—90, S. 2637—2641. Переводъ этотъ принадлежитъ Өразму, какъ говоритъ самъ Лютеръ. Walch, IX, 5 гл. Галат. §. 54, S. 277.

(3) Walch, XII, §. 29, S. 801. Гагенъ приводитъ замѣчательный примѣръ добросовѣстной экзегетики Лютера изъ его сочиненія о рабской волѣ противъ Өразма. Hagen, III, 179—180.

(4) Walch, IX, Предисловіе къ толков. 1 посл. Петрова.

(5) Ibid.—Walch, VII, Объясн. 6 гл. Іоанна, §. 265, S. 2061.

онъ отзывался двусмысленно объ относительномъ достоинствѣ апостольскихъ писаній. Въ толкованіи на 5-ю главу Матѳея 1532 года, на безпрерывно повторяющіяся въ Евангелистахъ наставленія о Христіянской нравственности, онъ замѣчаетъ: что «Матѳей, Маркъ и Лука не говорятъ о высшемъ догматѣ вѣры, какъ Іоаннъ и Павелъ. Такъ и должно быть въ Христіянствѣ: сначала утвержденіе вѣры, потомъ уроки Христіянской жизни. Такъ какъ Іоаннъ Богословъ исчерпалъ до дна высокую мудрость истиннаго Богопознанія, а потому справедливо называется высшимъ Евангелистомъ, то прочіе занялись второстепеннымъ догматомъ, чтобы и онъ не пришелъ въ забвеніе. Іоаннъ совершеннѣе въ одномъ, Матѳей, Маркъ и Лука въ другомъ. (1) Лютеръ не замѣчалъ въ своемъ сужденіи прямаго противорѣчія съ хронологической послѣдовательностію четырехъ благовѣствованій. Въ другихъ мѣстахъ онъ отзывается еще смѣлѣе. «Въ посланіяхъ Павловыхъ Евангеліе свѣтлѣе и чище, чѣмъ въ четырехъ Евангелистахъ, потому что они описали жизнь и бесѣды Христовы, которыхъ не понимали до сошествія на нихъ Духа Святаго. А Павелъ не касается жизни Христовой, за то ясно показываетъ, для чего Онъ явился, и какъ воспользоваться Его ученіемъ. Ибо что такое Евангеліе, какъ не проповѣдь о томъ, что Христосъ принесъ Себя въ жертву за человѣка, и что всѣ, въ него вѣрующіе, дѣйствительно получаютъ спасеніе!» (2) Въ этомъ сужденіи, кромѣ односторонней догматики, нельзя не видать особенности развитія Лютера, направленной на одну отвлеченность, враждебной историческому изученію, которому онъ съ жаромъ было предался въ началѣ своей дѣятельности и постепенно возвращался къ нему, въ послѣдніе годы жизни, отъ исключительности догматическаго взгляда. 1-е посланіе апостола Петра онъ называетъ одной изъ благороднѣйшихъ книгъ Новаго Завѣта и чистымъ Евангеліемъ (3), а соборное посланіе Іуды книгой не апостольской. Доказательства предложены въ объясненіи этого посланія. Мѣсто объ Енохѣ, говоритъ Лютеръ (въ ст. 14 и 15), не находящееся въ Св. Писаніи Ветхаго Завѣта, не можетъ свидѣтельствовать противъ подлинности его, потому что и ап. Павелъ (2 Тим. III, 8) называетъ по имени двухъ противниковъ Моисея, о

(1) Walch, VII, §. 146, S. 621.
(2) Walch, XII, §. 41, S. 760.
(3) Въ предисловіи къ толкованію въ IX, 7 Вальха.

которыхъ не говоритъ Библейское бытописаніе; но посланіе Іуды: 1) почти буквальное повтореніе втораго посланія Петрова; 2) изъ ст. 17 и 18 видно, что сочинитель не включаетъ себя въ число апостоловъ Христовыхъ, а говоритъ объ нихъ, какъ о проповѣдавшихъ задолго до него; изъ чего Лютеръ заключаетъ, что оно писано другимъ благочестивымъ мужемъ и ученикомъ апостольскимъ, который заимствовалъ содержаніе изъ посланія Петрова. (1) Самое полнее и рѣзкое сужденіе объ относительномъ достоинствѣ Новозавѣтныхъ книгъ есть слѣдующее: «Такъ какъ святый Іоаннъ описываетъ мало дѣяній Христовыхъ, за то подробно излагаетъ его проповѣди, и наоборотъ, другіе Евангелисты предлагаютъ много дѣяній и мало бесѣды Его, то Евангеліе отъ Іоанна есть единое чистое, истинное и главное благовѣствованіе (das einige zarte rechte Hauptevangelium) и несравненно выше прочихъ. Такъ точно и посланія ап. Павла и Петра далеко превосходятъ означенныхъ трехъ Евангелистовъ. Словомъ, св. Евангеліе отъ Іоанна и первое его посланіе, всѣ посланія Павловы, въ особенности къ Римляномъ, Галатомъ, Ефесеемъ и первое посланіе Петрово — вотъ книги, свѣдѣтельствующія о Христѣ. (2) Ниже всѣхъ стоитъ, по мнѣнію Лютера, посланіе Іякова. Всего болѣе соблазняло его въ этомъ посланіи извѣстное слово апостола, которое наносило смертельный ударъ искуственному ученію Лютера: «Вѣра безъ дѣлъ мертва есть.» Противорѣчіе это открылось ему при самомъ началѣ его реформаторской дѣятельности. Въ Латинскомъ объясненіи положеній, защищенныхъ имъ на Лейпцигскомъ диспутѣ въ 1519 году, онъ уже прямо говоритъ, что посланіе Іякова вовсе не соотвѣтствуетъ апостольскому величію (ganz unter der Apostolischen Majestät) и не выдерживаетъ сравненія съ апостоломъ Павломъ. (3) Позднѣе тоже сужденіе повторяется во всѣхъ сочиненіяхъ Лютера; на примѣръ, въ одной проповѣди: «Посланіе Іякова, которое прежде уважалось, «выше всѣхъ прочихъ, есть самое низкое и собственно не принад«лежитъ апостолу, хотя и заключаетъ въ себѣ хорошія наставле«нія, но не вполнѣ согласно съ чистотою вѣры (noch allenthalben der «rechten Apostolischen Art und Schlags); характеръ истинно Хри«стіянскаго ученія есть проповѣдь о воскресеніи, главномъ догматѣ

(1) Walch, IX, S. 1322—1339.
(2) Walch, XIV, S. 105.
(3) Walch, XVIII, S. 910. Петра, §. 18, S. 640.

«вѣры. Отсюда понятно, что мнимое посланіе Іакова не есть на«стоящее произведеніе апостола, потому что въ немъ не говорится «ни слова объ этомъ существенномъ догматѣ.» (1) «Въ сравненіи «съ прочими, оно настоящее соломенное посланіе (eine recht stro«herne Epistel), потому что не можетъ быть высшаго противорѣчія, «какъ между словами: «Вѣра оправдываетъ и не оправдываетъ.» — «Кто берется примирить эти два положенія, тому я охотно усту«плю свой баретъ и признаюсь въ своемъ невѣжествѣ. Я считаю его «апокрифическимъ, и вотъ мои доказательства: 1) оно, вопреки «Павлу и другимъ посланіямъ, приписываетъ дѣламъ оправдываю«щую силу; 2) имѣя притязанія на поученіе Христіянъ, во всемъ «своемъ продолженіи, не упоминаетъ ни разу о страданіяхъ, вос«кресеніи и судѣ Христовомъ. Правда, оно нѣсколько разъ назы«ваетъ Христа по имени, но объ ученіи его не говоритъ ничего, а «только о холодной вѣрѣ въ Бога.» (2) Все, даже хорошее въ этомъ посланіи, по мнѣнію его, не принадлежитъ сочинителю, а заимствовано изъ другихъ апостоловъ. (3) Но видно, что совѣсть мучила Лютера; потому что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи онъ часто ссылается на тексты посланія Іакова, изъ чего заключить можно, что онъ подъ конецъ или перемѣнилъ, или умѣрилъ рѣзкость сужденія, (4) тѣмъ болѣе, что даже ревностные послѣдователи ему не сочувствовали. (5) Въ одной проповѣди онъ даже обвиняетъ Папистовъ въ неправильномъ толкованіи текста: «Вѣра безъ дѣлъ мертва,» но не предлагаетъ на то никакихъ доказательствъ. (6)

Лютеръ не могъ не замѣтить, что, при такомъ одностороннемъ постиженіи вѣры, нарушено имъ правильное отношеніе между двумя существенными частями Христіянскаго ученія, вѣрой и любовію. Онъ старался возстановить соразмѣрность, не отрѣшаясь отъ узкаго взгляда, и только запуталъ вопросъ. Въ полномъ

(1) Walch, XII, 766, 769.—IX Объясн. 1 посл. см. еще II, объясн. 21 гл. Бытія, §. 6, S. 2225.

(2) Walch, XIV, S. 105.

(3) «Auch hat St. Jacob in seiner Epistel ohne Zweifel nicht aus seinem Geist, sondern wie er es von den Aposteln gehöret sehr hübsch und fein gesagt. II, 10. Walch, VIII, Объясн. 5 гл. Галат. §. 110, S. 2654.

(4) Walch, II, S. 1590, 1689, 2131, 2137, 2129 и т. д. — X, 1493, 1613; XIX, §. 138, S. 1883.

(5) Вальхъ, издатель его сочиненій; Секендорфъ: «in quo vix habet hodie, qui eum sequantur.» Comm. I. 134;—Карлштадтъ постоянно защищалъ противъ Лютера посланіе Іакова. Hagen, II, 254—255.

(6) Walch, XII, §. 7, S. 280.

видѣ его сочиненій предлагается нѣсколько частныхъ рѣшеній вопроса объ отношеніи вѣры къ дѣламъ, хотя тѣсно связанныхъ между собою тождествомъ главной мысли, въ строгомъ смыслѣ представляющихъ весьма значительныя видоизмѣненія ея, по развитію времени и обстоятельствъ, въ которыхъ выставлялась та, или другая, теорія. Главное рѣшеніе заключается во всеобъемлющемъ дѣйствіи вѣры, которой Лютеръ не понималъ въ ея отвлеченномъ существованіи, въ отрѣшеніи отъ любви Христіянской. Вѣра въ понятіяхъ Лютера—высшая духовная сила, обнимающая все существо человѣка. Въ этомъ соприкосновеніи его съ началомъ Божественнымъ, всякое дѣло по необходимости должно, быть чисто, совершенно и свято, и вѣра не терпитъ Закона по тому что естественно, безъ понужденія, изливается въ добрыхъ дѣлахъ. «Когда въ Евангеліи (говоритъ Лютеръ) обѣщается возмездіе коемуждо по дѣломъ, то здѣсь, подъ словомъ дѣла, разумѣются не собственно поступки, а нравственная сила, побуждающая къ ихъ исполненію, ибо въ нравственномъ мірѣ ни одно дѣло совершиться не можетъ безъ предшествующаго побужденія сердца, безъ участія разсудка, воли и всей совокупности душевныхъ силъ, а въ слѣдствіе этого и воздаяніе соразмѣряется съ волей, разсудкомъ и направленіемъ сердца, какъ дѣйственной причиной всякаго дѣла (der Affect, der Wille). Отсюда явствуетъ, что человѣкъ долженъ быть праведенъ прежде совершенія дѣла. Итакъ, если правое помышленіе (die rechte Vernunft) дѣлаетъ и лице самое праведнымъ, и дѣла суть только отраженіе воли, то отсюда слѣдуетъ законъ нравственный философіи: «Доброе дѣло безъ побужденія добраго не имѣетъ значенія,» и человѣкъ становится праведенъ однимъ только внутреннимъ существомъ безъ дѣлъ и прежде дѣлъ. Что мы назвали разумомъ и побужденіемъ внутреннимъ въ философіи нравственной, то въ дѣлѣ религіи есть даръ небесный, сверхъестественный разумъ, который называется вѣрою. Какъ въ мірѣ физическомъ дерево приноситъ плодъ, и плода не будетъ, если корень безсоченъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, если соки душевные не хороши, не послѣдуетъ и добраго дѣла; а въ богословіи если нѣтъ сока вѣры и Богопознанія, то и дѣло безъ вѣры есть грѣхъ. И какъ дерево хорошо прежде плода и безъ плода по однимъ своимъ сокамъ, такъ и нравственный человѣкъ хорошъ прежде дѣлъ и безъ дѣлъ по однимъ силамъ души. Такъ Христіянинъ праведенъ безъ дѣлъ любви одной только вѣрой

Паписты заблуждаются въ томъ, что они смѣшиваютъ оправданіе вѣры съ оправданіемъ дѣлъ. У нихъ дѣла не плодъ вѣры; они учатъ творить ихъ прежде познанія Христова. Вѣра должна обожать дѣла человѣка и сдѣлаться съ ними однимъ духомъ и плотію (ein Kuche), какъ во Христѣ Божество съ человѣчествомъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Лютеръ объясняетъ это сравненіемъ съ раскаленнымъ желѣзомъ, въ которомъ огонь несліянно и нераздѣльно проникаетъ металлъ. Нельзя сказать солнцу: «Ты должно свѣтить;» грушевому дереву: «Ты должно родить груши, а не другіе плоды;» три и семь должны равняться десяти. Все это дѣлается само собой по природѣ вещей. Точно также не возможно предписывать вѣрѣ соединиться съ дѣлами, ибо истинная вѣра по сущности своей не можетъ не сказываться въ праведной жизни; она воздержаться не можетъ, являетъ себя (bricht heraus) въ добрыхъ дѣлахъ; въ противномъ случаѣ она не правдивая, а либо погасшая, либо вымышленный призракъ. Она даетъ человѣку силу благотворенія и отнимаетъ возможность дѣлать зло. Пресыщенный вѣрою въ Благодать Божію, ты не можешь пребывать празднымъ; любовь къ Богу и духовная радость не даютъ тебѣ покоя; ты стремишься дѣлать все, чѣмъ только можешь возблагодарить и прославить творца. Тутъ исчезаютъ всѣ заповѣди и различіе дѣлъ, нѣтъ принужденія и насилія, а сладостное стремленіе къ благотворенію, каковы бы ни были дѣла, драгоцѣнны, или ничтожны, малы, или велики, коротки, или продолжительны. (1)

Чтобъ оцѣнить безпристрастно это ученіе, припомнимъ себѣ прежде современное положеніе Католической Церкви, которая хотя и ставила оправданіе человѣка въ зависимость отъ благодати и вѣры, но, съ другой стороны, нарушила гармонію между внутреннимъ побужденіемъ сердца и наружнымъ исполненіемъ дѣла. Въ ученіи Софистовъ (meritum de congruo et de condigno) размѣрялось съ математической точностію количество дѣлъ, потребныхъ для удовлетворенія правосудію Божію, для предрасположенія человѣка къ благодати и, такимъ образомъ, дѣло спасенія выставлялось въ видѣ количественнаго уравненія между массой добрыхъ

(1) Walch, VII, §. 108—117, S. 468. — VII Объясн. 6-й гл. Іоанна §. 136, S., 1978. — VIII, Объясн. 3-й гл. Галат. VII, §. 275—276, S. 2135; §. 306, S. 2155.—XXII, c. 13 §. 11—12; S. 717—718; c. 12, §. 67, S. 689 — 690; XII, §. 11, S. 176; §. 15, S. 178; §. 33, S 188 и пр. безчисленныя мѣста.

поступковъ, потребныхъ для оправданія грѣшника, и числомъ единичныхъ преступленій закона, препятствующихъ дѣйствію Благодати. Добро измѣрялось не внутреннимъ отношеніемъ къ сердцу, а безусловной оцѣнкой его субъективнаго достоинства. Дѣла милосердія и самоотверженія считались дѣлами оправдывающими, хотя бы онѣ совершались только наружно для исполненія закона, а не съ любовію, какъ отраженіе высшаго Блага. Въ противоположность этому ученію, которое не истребляло корня грѣха, а ставило праведность въ чисто наружномъ исполненіи заповѣдей, или лучше въ избѣжаніе ихъ нарушеній, развивалось ученіе Протестантизма, которое начиналось съ одухотворенія сердца и опредѣляло достоинство всякаго дѣла чистотой побужденія (die fromme Gesinnung), вызывающаго къ свободному благотворенію, безъ ожиданія муки, или страха суда. По закону исторической необходимости, крайность мертвеннаго оправданія закономъ въ Церкви Латинской вызывала другую крайность безжизненнаго понимания вѣры, отвлеченной силы души, поглотившей дѣятельную силу воли. Тѣже самыя противорѣчія уже сказались одинъ разъ въ духовномъ развитіи Западнаго человѣчества, въ ученіи Пелагія и Августина; Лютеръ пошелъ по слѣдамъ втораго; но противодѣйствіе Протестантизма было несравненно обширнѣе и дѣйствіе его долговѣчнѣе. Вѣра въ понятіяхъ Лютера явилась съ такимъ всеобъемлющимъ свойствомъ, котораго она никогда не имѣла, исполненіемъ всѣхъ законовъ, вѣчною правдою, умерщвленіемъ плоти. (1) Она одна можетъ пѣть пѣснь еще прежде побѣды, вопіять радостно, когда еще не пришла помощь. Человѣкъ вѣрою получаетъ отъ Бога все, во что вѣруетъ, потому что вѣра не обманываетъ; когда не предстоитъ ему возможности спастись, онъ вѣруетъ, и вѣра спасаетъ его невѣдомыми путями Промысла. (2) Она оправдываетъ и самый грѣхъ, въ ученіи Лютера, «грѣхи искушенія вѣры, и если мы при грѣхахъ пребываемъ въ ней неуклонно, то мы дошли до высшей степени вѣры.» (3) Премудрость Божія всѣхъ сотворила повинными противленію, да всѣхъ помилуетъ (Рим. XI, 32), т. е., по объясненію Лютера: «Дары Божіи, сосредоточенные въ одномъ человѣкѣ, даютъ ему опасное сознаніе своего достоинства; онъ близокъ къ ожесточенію

(1) Walch, IV, 22 Пс. Объясн. 2 Пс.
(2) Walch, IV, 22 Пс. Объясн. 20 Пс. §. 42, S. 1573.
(3) Walch, III, Объясн. 20 гл. Исхода, S. 103—105, S. 1597—1598.

сердца, которое разрѣшаетъ самъ Богъ, вовлекая его въ какой ни будь тяжкій грѣхъ, и грѣхомъ избавляетъ его отъ работы грѣху.» (1) Лютеръ повторяетъ слова Августина, который дѣлаетъ чудное различеніе между понятіями: «Не грѣшить,» и «не имѣть грѣха.» Въ комъ грѣхъ не властвуетъ, т. е., кто не повинуется желаніямъ плоти, тотъ не грѣшитъ; но въ комъ нѣтъ и желаній, тотъ не имѣетъ грѣха. Точно также дѣлать добро есть тоже, что не ходить по желаніямъ плоти; но исполнять добро (gutes thun und vollbringen) — не имѣть и желаній. Положеніе это особено страшно въ своихъ выводахъ: Плотскія похоти не исполняются (werden nicht vollbracht), когда и совершаются въ жизни (wiewohl sie geschehen), а равно и добрые дѣла не исполняются, хотя бы на самомъ дѣлѣ и совершались. Человѣкъ, по скольку онъ ходитъ по духу, святъ и праведенъ и не грѣшитъ; но другою частію своего бытія онъ имѣетъ еще тѣлесныя похоти, и плоть его посягаетъ на грѣхъ, и все же самъ онъ, какъ ходящій по духу, не имѣетъ грѣха. Въ этой чудной двойственности одного и того же лица, и грѣшнаго и праведнаго въ одно и тоже мгновеніе дѣйствія, примиряются, по мнѣнію Лютера, два стиха Іоанновы: «Аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ,» и: «Всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть» (1 Іоанна I, 8; III, 9). Всѣ святые имѣютъ грѣхъ, по скольку плоть ихъ грѣшитъ; но сами праведны по дарованію благодати, которая исцѣляетъ ихъ духъ и грѣхъ претворяетъ во благо. (2) Эта страшная монополія вѣры вовсе отвлекаетъ врутреннее состояніе духа отъ внѣшнихъ дѣлъ человѣка, не подвергающихъ его осужденію. Существенный недостатокъ этого взгляда заключается въ произвольномъ распространеніи значенія вѣры, поглотившей любовь и надежду. Сухая логическая формула поставлена на мѣсто дѣйствительности. Дѣятельная сила воли подчинена безусловно божественной силѣ внутри человѣка, лишена свободы самосознанія и дѣйствія. Безнадежность спасенія въ безграничной области свободнаго дѣланія замѣнилась въ ученіи Лютера неподвижностію вѣры и ложнымъ успокоеніемъ въ невѣдомомъ предопредѣленіи Божіемъ. На вѣру, отвлеченную силу души, переносится бесознательно практическая дѣятельность. Апостолъ, по мнѣнію Лютера, не говоритъ,

(1) Walch, IV, Объясн. 5 Пс. §. 179—184, S. 545—550.
(2) Walch, IX Объясн. 5 гл. Галат. §. 99—100, S. 311; §. 133—137, S. 326—327.

что любовь дѣятельна, а считаетъ ее страдательнымъ орудіемъ вѣры; но кто не знаетъ, что орудіе само по себѣ неспособно дѣйствовать, если мастеръ не управляетъ его движеніями? Всякое дѣло, по Лютеру, чадо вѣры, т. е., твореніе Бога, живущаго внутри человѣка. Вѣрою условливается не только возможность зарожденія благой мысли внутри человѣка, по слову апостола: «Всяко, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть,» но и возможность ея проявленія въ жизни, по совершенно произвольному толкованію Августиновой школы; между тѣмъ какъ дѣло не всегда же слѣдуетъ за благимъ начинаніемъ, точно также, какъ мысль не всегда облекается въ слово. Нарушеніе гармоніи между мыслію и дѣйствіемъ и самое дѣйствіе обратило въ голое отвлеченіе, въ неразвившійся зародышъ нравственной силы. «Давать есть, конечно, плодъ любви, но не самая любовь. Любовь, даръ духовный, который двигаетъ сердце, не одну руку, который очищаетъ сердце, а не опоражниваетъ кошелекъ, не истощаетъ имѣнія, необходимаго для поддержанія собственной жизни.» — Лютеръ готовъ остановиться на этомъ зародышѣ, какъ видно изъ слѣдующаго за тѣмъ опредѣленія любви. «Она есть собственно сладкое, пріятное ощущеніе сердца и благосклонность къ нашему ближнему, которая иногда бываетъ соединена съ разнаго рода дѣйствительными благодѣяніями.» (1) Вѣра поглощаетъ любовь, исключаетъ и Христіянскую надежду, несомнѣнной увѣренностію въ грядущемъ спасеніи; ибо только разлученіе вѣры отъ любви въ ихъ самобытномъ, независимомъ другъ отъ друга, существованіи и дѣйствіи, даетъ мѣсто надеждѣ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи ученія Лютера, внутреннія противорѣчія, изъ которыхъ слагается это ученіе, обнаруживаются въ странномъ воззрѣніи на Христіянскую нравственность. Предложу главные выводы. Божественное домостроительство раздѣляется на два великихъ отдѣла, на управленіе духовное и управленіе міромъ. Къ первому относится исключительно духовная жизнь человѣка, т. е., вѣра, спасающая безъ участія дѣлъ. Ко второму: всѣ житейскія отношенія, внѣшняя жизнь, не исключая, и нравственной Христіянина. Первая имѣетъ цѣлію только вѣчное блаженство, спасеніе души и загробную жизнь; вторая земную, со всѣми ея принадлежностями. Представитель первой Евангеліе или благая вѣсть объ оправданіи человѣка вѣрою въ благодать; на стражѣ второй стоитъ

(1) Walch, IX, Объясн. 4 гл. 1 Пос. Іоанна, §. 32, S. 1199.

законъ во всѣхъ безчисленныхъ его проявленіяхъ: гражданскій, обрядовый, нравственный, безъ различія свѣтскаго права, и Богописанныхъ скрижалей 10 заповѣдей, (1) другими словами: вѣра вполнѣ отдѣляется отъ нравственной жизни. Лютеръ относитъ ее къ управленію небесному (das himmlische Regiment), а всякое внѣшнее дѣло къ управленію свѣтскому (das irdische Regiment). Полнота духовной жизни Христіянина, которая одна опредѣляетъ его отношенія къ Богу, не заключается, по ученію Лютера, въ правильной соразмѣрности между дѣлами и вѣрой, а состоитъ исключительно въ вѣрѣ, которая носится высоко и широко надъ внѣшнею святостію, надъ всякими дѣлами. «Unsere Werke und Leben lass hienieden in diesem Regiment bleiben, und eine irdische Frömmigkeit heissen, und dieses Lebens geniessen, und mit demselbigen aufhören, diess aber ist eine himmlische und göttliche Frömmigkeit.» (2) Царство Христово не заходитъ за предѣлы спасенія души человѣческой отъ грѣха, смерти и ада, дабы человѣкъ могъ достигнуть блаженства въ вѣчной жизни. (3) Вѣра и ученіе вѣры чрезъ проповѣдниковъ—вотъ Царство Христово. Христіянская нравственность исключена изъ этого царства, потому что не приводитъ къ спасенію и относится къ управленію свѣтскому. Отдѣленіе вѣры отъ дѣлъ было прямымъ итогомъ этого догмата Лютерова объ оправданіи, которое исключало дѣла изъ участія въ духовной жизни и низводило ихъ на степень вседневныхъ житейскихъ занятій. Одухотвореніе вѣры прелагаетъ человѣка въ состояніе благодати, не живое и дѣйственное, а присущее ему и въ совершенномъ бездѣйствіи. Она обнимаетъ, какъ пламя, все внутреннее его существо, и всякой шагъ существа, возрожденнаго вѣрою, тѣмъ самымъ уже становится святъ. Не нужно, чтобы достоинство дѣла сотвѣтствовало величію вѣры. Лютеръ не принимаетъ различія дѣлъ, какъ выраженія большей, или меньшей, степени вѣры, потому что вѣра принадлежитъ лицу; въ лицѣ же, объятомъ огнемъ божественнымъ, всякое дѣло, даже самое ничтожное, должно горѣть святостію. Малый огонь жжетъ не меньше большаго;

---

(1) «Gesetz ist Gesetz, es sei nun vou Ceremonien oder Gerichtshandeln oder moralis, so von Natur ins Herz gepflanzt ist als die 10 Gebete. Was nicht Gnade ist, ist gewisslich Gesetz, es gehöre gleich zum weltlichen Regiment, oder zur Kirchenordnund, oder zun 10 Geboten.» — Walch, XXII, c. 12, §. 92, S. 649; §. 75, S. 696.

(2) Walch, VIII, Объясн. 17 гл. Іоанна, §. 54, S. 696.

(3) Ibid. Объясн. 20 гл. Іоанна, §. 28, S. 1001.

солнце въ теченіи своемъ равно посѣщаетъ и прекрасныя мѣста и самыя грязныя. Мало того: вѣра всѣ вещи дѣлаетъ добрыми, даже смерть и всѣ бѣдствія; невѣріе — злыми и вредными (auch das Leben und Gott selbst). А для того, чтобы вѣра тогда могла сохранить безпримѣсную свою чистоту, ясно, что человѣку надлежитъ избирать дѣла безразличныя, въ которыхъ мысль его не могла бы возвыситься до желанія угодить Богу ихъ исполненіемъ. Таковы обыкновенныя отправленія вседневной жизни во всѣхъ состояніяхъ.

Отчисливъ вѣру и нравственность къ двумъ, совершенно отдѣльнымъ, разрядамъ мірового управленія, Лютеръ поссорилъ Законъ съ Евангеліемъ, раздѣляя насильственно естественное ихъ соподчиненіе. Тогда какъ въ мірѣ духовномъ, Благодать и Законъ идутъ рука объ руку, соединенными силами, руководя человѣка къ блаженству, Лютеръ одной предоставилъ исключительное владычество надъ духомъ, другому подчинилъ одно тѣло. «Ты долженъ такъ различать Законъ отъ Евангелія,» — говоритъ онъ, — «чтобы отчислить Евангеліе къ Царству Небесному, а Законъ оставить здѣсь, на землѣ; правду Евангельскую называть небесной и божественной, правду Законную земною и человѣческою.» (1) Совѣсти, этому вѣрному истолкователю дѣлъ человѣка, нѣтъ дѣла до Моисеева Закона. Совѣсть должна быть независима отъ Закона, и повиноваться должно ему одно только тѣло. Совѣсть и тѣло должны отдѣляться одно отъ другаго въ помышленіи и сердцѣ; совѣсть, когда чувствуетъ грѣхъ и страшится, пусть думаетъ: ««Ты теперь на землѣ, а потому заставляй лѣниваго осла работать, служить и нести свое бремя, т. е., подчини тѣло и уды его Закону; но когда будешь восходить на небо, оставь на землѣ осла съ его ношей и бременемъ. (2) Рабы должны оставаться съ осломъ у подошвы горы; Исаакъ съ отцемъ Авраамомъ пусть одинъ взойдетъ на гору; т. е., Законъ долженъ властвовать (herrschen und walten) надъ тѣломъ и ветхимъ человѣкомъ; тѣло пусть будетъ подъ рукою Закона, пусть выноситъ его мученія и язвы, но брачное ложе, въ которомъ покоится одинъ Христосъ, Моисей да не оскверняетъ своими законами, а тѣмъ болѣе папа смрадными постановленіями; другими словами: Законъ не касается совѣсти.» (3) Такимъ образомъ нрав-

(1) Walch, VIII, Объясн. 2-й гл. Галат. §. 137, S. 1788.
(2) Ibid. §. 138, S. 1789; §. 310, S. 1898.
(3) Walch, Объясн. 4-й гл. Галат. §. 117, S. 2429;—IX, О Христіан. ученіи, §. 6, S. 495.

ственный Законъ Моисеевъ, переходя въ область, ему совершенно чуждую, теряетъ свое настоящее свойство. Изгоняя его изъ духовной жизни, Лютеръ понимаетъ, однако, что онъ не можетъ относиться къ естественной сторонѣ человѣка, а потому искусно обходя его значеніе, и удерживая только названіе закона, превращаетъ его то въ обрядовый, то въ гражданскій. Смѣшеніе нравственнаго Закона съ обрядовымъ проходитъ чрезъ все толкованіе Лютера на «Посланіе къ Галатамъ.» Противоположеніе, которое дѣлаетъ апостолъ между Закономъ и Евангеліемъ, по толкованію Іеронима, относится къ обрядовому Закону Іудеевъ; Лютеръ опровергаетъ учителя Церкви на томъ основаніи, что и обрядовый Законъ Моисеевъ былъ точно также святъ и установленъ Богомъ, какъ и 10 заповѣдей, и даже по явленіи Христовомъ не потерялъ своей дѣйствительности, (1) ссылается на самое слово: «Дѣло Закона,» не полагая различія между дѣлами, на пр., 6 и 7-й заповѣди и благочестивыми упражненіями, предписанными въ Законѣ обрядовомъ. (2) Смѣшеніе нравственнаго Закона съ гражданскимъ часто повторяются въ сочиненіяхъ Лютера. На пр., мы должны повиноваться Закону, но кстати и во время. Когда Моисей стоитъ на горѣ и лицемъ къ лицу бесѣдуетъ съ Богомъ, онъ не подвластенъ Закону, равно не налагаетъ Закона и не судитъ по немъ; но лишь сходитъ съ горы, тотчасъ дѣлается законодателемъ и управляетъ народомъ по Законамъ. (3) Въ управленіи свѣтскомъ должно требовать строгаго повиновенія Закону, безъ всякаго отношенія къ Евангелію, совѣсти, благодати, отпущенію грѣховъ, небесному оправданію и самому Христу, а руководствоваться только Моисеемъ, Закономъ и дѣлами, чтобъ соблюдалось строгое различіе между Закономъ и Евангеліемъ, и каждый оставался на мѣстѣ, ему подобающемъ» (4) «Когда дѣло не доходитъ до совѣсти, и когда нужно исполнять предъ міромъ обязанности своего званія, кто бы ты ни былъ, проповѣдникъ ли, или лице правительственное, семьянинъ, учитель, учащійся, тутъ не время слушать Евангелія, а только Законъ. (5) Вообще, подъ понятіемъ закона Лютеръ разумѣетъ

(1) «Иначе,»—говоритъ Лютеръ,—«Христіане поступили бы дурно, сохранивши Пасху и Пятидесятницу, которыя св. Отцы установили въ первоначальной Церкви по образцу Моисеева Закона.» Walch, VIII, Объясн. 4-й гл. Галат. §. 316, S. 2552.

(2) Walch, VIII, Объясн. 2-й гл. Галат. §. 163, S. 1803.

(3) Ibid. I. 130, S. 1785.

(4) Ibid. I. 139, S. 1790.

(5) Ibid. I. 143, S. 179 .

сводъ обязанностей человѣка не какъ Христіянина, а какъ члена гражданскаго общества. Все, что не принадлежитъ Благодати, будетъ ли то управленіе свѣтское (als judicialia), или церковное (als ceremonialia), или 10 заповѣдей. (1) Они всѣ одинаковы какъ по обязательной силѣ, такъ и по обьему и времени дѣйствія. Лютеръ очевидно приписываетъ одному и тому же закону два дѣйствія, принадлежащія двумъ видамъ его, совершенно различнымъ, когда говоритъ, что Законъ (т е., 10 заповѣдей) имѣетъ два назначенія, духовное и тѣлесное. «Духовное есть сокрушеніе сердца и приготовленіе къ проповѣди о милосердіи; другое тѣлесное совершается въ общественной жизни, когда предупреждается, или наказывается, имъ нарушеніе права: мечемъ, висѣлицей, или колесованіемъ. Законы и права установлены Богомъ для охраненія общественной безопасности и всего нужнаго для поддержанія временной жизни. Законъ въ высшей степени необходимъ для обузданія грубыхъ, дикихъ, мятежныхъ сыновъ человѣческихъ.» — «Права императорскія суть внѣшнія постановленія, потому что относятся къ предметамъ, служащимъ временной жизни: къ деньгамъ, имѣніямъ, наслѣдству, убійствамъ, разбоямъ, нарушеніямъ браковъ и пр. О такого же рода предметахъ говоритъ и вторая скрижаль 10 заповѣдей. Отсюда видно, — заключаетъ Лютеръ, — что Законъ Моисеевъ занимается только свѣтскими отношеніями (weiter nichts schaffet und ausrichtet, denn nur allein was weltlich ist und in die Welt gehöret), т. е., даетъ мнѣ знать, что худаго въ мірѣ, какъ внѣшнемъ, такъ и духовномъ». (2) Въ письмѣ къ доктору Барнессу о разводѣ Генриха VIII-го съ Екатериною Аррагонскою Лютеръ говоритъ, что законъ гражданскій былъ вмѣстѣ и нравственнымъ (Второз. XXV), потому что имѣлъ цѣлію сохраненіе родоваго имущества, слѣдовательно, пользу семейную и общее благо, точно такъ какъ обработывать землю и стараться объ улучшеніи земледѣлія есть дѣйствительно законъ и гражданскій и нравственный, имѣя въ виду общественную пользу. А потому въ Христіянствѣ и нравственный и гражданскій Законъ Моисея отмѣняются оба.» (3) Во всѣхъ предложенныхъ примѣрахъ чисто внѣшнее назначеніе Закона гражданскаго смѣшивается съ духовнымъ

(1) Walch, §. 160—161, S. 1802.

(2) Ibid. Объясн. 3-й гл. Галат. §. 443, 445, S. 2249—2250; §. 464, S. 2262; §. 548, S. 2312;—4-й гл. Галат. §. 18—19, S. 2368.

(3) Walch, XVII, §. 11, S. 272—273.

назначеніемъ нравственнаго, и страхъ человѣческаго наказанія съ правосудіемъ Божіимъ.

Я сказалъ выше, что прямымъ слѣдствіемъ отрѣшенія вѣры отъ дѣлъ была вражда между Закономъ и Евангеліемъ, утвержденная Лютеромъ. Законъ въ ученіи Лютера равносиленъ проклятію; онъ выноситъ на себѣ наказаніе, заслуженное человѣкомъ за безпрерывное его нарушеніе. Въ Христіянской жизни, которая вся опирается на милосердіи Божіемъ, на проповѣди о примиряющей Благодати, Законъ, какъ вѣчный палачь измученной совѣсти, не имѣетъ участія. «Христосъ и Законъ не могутъ владычествовать вмѣстѣ надъ совѣстію (принимаемой въ частномъ значеніи Лютера, какъ зеркало вѣры); проповѣди о Благодати не возможно ужиться съ проповѣдію о Законѣ; оба вмѣстѣ не могутъ оправдывать и приводитъ человѣка къ блаженству: либо Законъ уступаетъ Христу, либо Христосъ изгоняется изъ сердца Закономъ. Здѣсь нѣтъ средины; должно прилѣпиться къ одному исключительно и отвергнуть другаго. Какъ скоро Законъ сошелся съ разумомъ (который не въ силахъ постичь сокровища Благодати), вѣра уже лишилась своей дѣвственности и чистоты. Нѣтъ вещи, которая бы сильнѣе враждовала вѣрѣ, какъ Законъ; и какъ чистая дѣва сохраняетъ свою непорочность, не касаясь мужа, такъ и совѣсть Христіянина не должна касаться Закона.» (1) Законъ—живой обличитель грѣха, и Моисей, представитель Закона (der Gesetztreiber), въ самостоятельномъ воззрѣніи Лютера являются орудіями крестнаго страданія Спасителя, по скольку Онъ принялъ на себя грѣхи человѣческіе, и Христіянинъ обязанъ говорить объ нихъ съ презрѣніемъ и ненавистію, какъ о распинателяхъ своего Господа. «Когда идетъ дѣло объ оправданіи, отзывайся о Законѣ, какъ можно презрительнѣе, подражая апостолу Павлу, который съ намѣреніемъ его унижаетъ, называя немощными стихіями, или мертвящею буквою. Другіе апостолы не имѣютъ обыкновенія говорить такъ презрительно о Законѣ; и кто занимается Боговѣдѣніемъ, тому слѣдуетъ обратить вниманіе преимущественное на эту особенность Павлову. Самъ Христосъ назвалъ его избраннымъ сосудомъ, а потому далъ ему отборныя уста и способъ выраженія, отличный отъ прочихъ апостоловъ. По сему въ размышленіяхъ о Благодати укажи путь отъ себя Моисею. Не

(1) Walch, VIII, Объясн. 1-й гл. Галат. §. :, S. 1567; §. 140, S. 1655; 2-й гл. §. 128, S. 1784;—3-й гл. §. 596, S. 2338.

бойся ужасовъ и обличеній закона, въ увѣренности, что всѣ онѣ уничтожены и сняты Христомъ (weggenommen und aufgehoben); старайся забыть о существованіи законодавца; имѣй къ нему подозрѣніе, какъ къ высшему еретику, какъ къ человѣку осужденія, который хуже папы и діявола, потому что Христосъ съ Моисеемъ ужиться не можетъ; когда Христосъ, новый гость, вступаетъ въ святилище сердца, Моисей очищаетъ жилище. (1) Моисея съ закономъ его,—говоритъ Лютеръ,—я знать не хочу, потому что онъ врагъ Христовъ, и Онъ скажетъ мнѣ на Страшномъ судѣ: «Ты понялъ меня, какъ должно,» и окажетъ мнѣ благоволеніе. (2) Въ этомъ чудномъ забвеніе Закона, въ безтрепетномъ предстояніи грѣшника предъ Богомъ, заключается, — по мнѣнію Лютера, — высшая мудрость Христіянина. (3)

Но законъ, расходясь съ Евангеліемъ во времени и въ поприщѣ дѣйствія, имѣетъ особенное свое назначеніе въ Христіянской жизни. По мнѣнію Лютера, онъ начинаетъ духовное воспитаніе человѣка и служитъ приготовленіемъ къ Благодати: его дѣло привести Христіянина къ самосознанію или къ той спасительной истинѣ, что всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей (Рим. III, 23; Пс. XIV (13), 1, 3; LI (50), 6); что кончина рабства грѣховнаго — смерть; что никто собственными силами не можетъ избавиться отъ грѣха (Рим. VII, 23; VI, 21; III, 20); проклятое самообольщеніе (der Gutdünkel) окружаетъ сердце человѣка, какъ стѣна адамантовая; Законъ и есть тотъ губительный молотъ, который разсѣкаетъ стѣну; трусъ, огонь и буря, отъ которой разсѣдаются горы и скалы ожесточенія сердца. Этого ужаса Закона, знаменуемаго духомъ великимъ и крѣпкимъ, трусомъ и огнемъ, въ которомъ не было Господа, не могъ вынести самъ пророкъ Илія; онъ покрылъ лице свое милотію; но когда гроза перешла, насталъ мирный вѣтерокъ и гласъ хлада тонка, и тамо Господь (3 Цар. XIX, 11—13). Полное прообразованіе этого дѣйствія Закона явилось на Синайской горѣ. Іудейскій народъ считалъ себя чистымъ и праведнымъ, тѣмъ болѣе, что и Моисей велѣлъ ему очиститься и тѣлесно, вымыть одежды, удержаться отъ женъ, достойно приготовиться къ третьему дню. Но лишь только сыны

(1) Walch, VIII, Объясн. 4-й гл. Галат. §. 23—27, S. 2571—2575;—3-й гл. §. 613, S 2348;—2-й гл. §. 262, S. 1672.
(2) Walch, XXII, c. 12, §. 17, S. 654.
(3) Walch, VIII, §. 9, S. 1545.

Израилевы увидѣли страшный образъ горы, которая дымилась до самаго неба, черныя тучи и молнію среди мрака ночнаго, и послышался трубный звукъ, они ужаснулись, отказались бесѣдовать съ Богомъ и выбрали Моисея въ посредники. Къ чему послужило ихъ очищеніе? Никто не осмѣлился стать лицемъ къ лицу съ величіемъ и славою Божіею. Святодѣйцы (die Werkheiligen) также гордятся своими дѣлами до извѣстнаго времени, не чувствуютъ ни страха, ни искушеній, считаютъ себя на лонѣ Самаго Господа, Его любимыми чадами и наслѣдниками обѣтованій. Но только стоитъ прогремѣть п рунамъ и прозвучать великому млату пробужденія совѣсти, они также отступаютъ назадъ, какъ Іудеи отъ Синайской горы. Когда такимъ образомъ совѣсть устрашена Закономъ, ученіе Евангельское о милосердіи сладостно проникаетъ въ душу, прогоняетъ отчаяніе проповѣдію о Христѣ, пришедшемъ въ міръ благовѣстити нищимъ, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе (Ис. LXI, 1). Скорбь не должна доходить до отчаянія. Какъ скоро живо почувствуешь немощь свою, дѣло Закона кончается и начинается царство Евангелія: «Дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои (Матѳ. IX, 2.). «Вотъ настоящее различіе между Закономъ и Евангеліемъ; оно строго должно соблюдаться, чтобы все Христіянское ученіе оставалось чистымъ и свободнымъ отъ заблужденій. Кто умѣетъ найти раздѣльную черту между обличеніемъ Закона и утѣшеніемъ вѣры, тотъ разгадалъ уже трудную задачу спасенія человѣка.» (1) Грѣшники самонадѣянные, пресыщенные гордымъ сознаніемъ праведности, о которыхъ пророкъ сказалъ, что у нихъ чело мѣдное и сердце желѣзное, нуждаются въ перунахъ закона (Апок. II, 27; XIX, 15); но трости надломленной Богъ не сокрушитъ, и льна курящагося не угаситъ (Ис. XI, 2—3). Грѣшникъ, уличенный совѣстію, обращается отъ закона къ Евангелію. (2) Царство Закона и Благодати олицетворяется въ аллегорической картинѣ земли и неба съ воздвигнутыми на нихъ двумя сѣдалищами, раздѣленными бездной или воздушнымъ пространствомъ. Престолъ судейскій (der Richterstuhl) вмѣстѣ съ Закономъ и временной жизнью утвержденъ на землѣ; сдѣсь святые и грѣшники равно влачатъ тягость дѣлъ и трудовъ своихъ, нѡ складываютъ ихъ у престола суда, гдѣ равно

(1) Walch, VIII, Объясн. 2-й гл. Галат. §. 191 flg., S., 1821 flg.;—3-я гл. §. 428—471, S. 2239—2267; §. 525, S. 2300; §. 553, S. 2315.

(2) Walch, IX, §. 15, S. 421.

осуждаются и добрыя и злыя дѣла, ибо и тѣ и другія смрадъ предъ Богомъ; но вѣра одухотворенная, легкая, перелетаетъ бездну и освящается прикосновеніемъ престола Благодати (der Gnadenstuhl). Тогда только вѣра чиста, когда духовныя очи твои различаютъ ясно два престола, чистое небо Благодати съ его звѣздною твердію, т. е., дѣлами Христовыми, и землю съ ея деревьями и зеленью, подъ которою разумѣются люди со всѣмъ своимъ дѣланіемъ. Кто добровольно бѣжитъ къ престолу суда, тотъ объ него разобьется: это святые надменные; они прикованы къ грозному сѣдалищу, и судъ надъ ними уже совершился. А вѣрующіе уклоняются подъ сѣнь Благодати, и все нечистое въ нихъ очищается, какъ капля воды на жгучемъ солнцѣ. Они говорятъ съ душевнымъ сознаніемъ: «Какъ бы я ни жилъ прекрасно предъ людьми, но все, что я дѣлалъ, или что опустилъ, все доброе и злое, пусть останется внизу у престола суда; я отказываюсь отъ того и другаго подъ кровомъ престола Христова.» (1) Здѣсь и по смерти продолжается тоже отрѣшеніе вѣры отъ дѣлъ, какое Лютеръ принимаетъ при жизни. Оправданы ли, осуждены ли будутъ дѣла человѣка на Страшномъ Судѣ, онъ уже совлекъ ихъ съ себя вмѣстѣ съ смертной одеждой и испарился въ одной чистой вѣрѣ, которая останется въ отчизнѣ и получила заранѣе вѣнецъ милосердія, прежде страшнаго дѣйствія правосудія Божія. Конечно, не такъ представляетъ намъ кончину міра Евангеліе. Оно говоритъ, что всякій пріиметъ, яже съ тѣломъ содѣла или блага, или зла, что всѣ части существа человѣческаго, и душа, и тѣло, и вѣра, и дѣла сростутся во едино и услышатъ оправдывающій, или обличающій, голосъ судіи.

Не смотря на такое обособленіе вѣры, она, въ ученіи Лютера, налагаетъ оковы на чисто человѣческое развитіе, на отношенія свѣтскія. Это плачевное заблужденіе произошло, какъ необходимое слѣдствіе насильственнаго разрыва между идеализированной вѣрой и Христіянской нравственностію, отчисленною къ управленію свѣтскому. При такомъ раздвоеніи, не могла удержаться справедливая теорія, самимъ Лютеромъ выставленная, по которой Христіянинъ, какъ свѣтское лице и какъ членъ Царства Христова, представляетъ двѣ отдѣльныя личности. «Въ Христіянствѣ,»—говоритъ Лютеръ,—«нѣтъ различія сословій, состояній и званія. Каждый изъ насъ

(1) Walch, IX, о Христ. жизни, §. 35—73; §. 42—13, S. 550, 552, 555—556.

обязанъ сказать: «Христіянство мое остается между Богомъ и мною; сдѣсь я долженъ дать Богу отчетъ въ моей жизни; но есть еще отношенія свѣтскія, налагающія на меня другія обязанности.» Христіянинъ самъ по себѣ переноситъ обиды; облеченный въ званіе правителя, не выпускаетъ изъ рукъ меча правосудія. Человѣкъ во Христѣ не долженъ стяжать богатства; семьянинъ собираетъ запасы на прокормленіе семьи и людей.» (1) Теперь, какъ согласить съ этѣмъ строгимъ разграниченіемъ свѣтскихъ и Христіянскихъ обязанностей теорію Лютера, въ которой послѣднія, т. е., практическій законъ Христіянскій, дѣла милосердія и самоотверженія, не входятъ въ расчетъ человѣка съ Богомъ и совѣстію, а принадлежатъ къ общественнымъ его отношеніямъ? Никто болѣе Лютера не смѣшивалъ человѣка общественнаго съ Христіяниномъ какъ въ нравственномъ мірѣ, такъ и въ государственныхъ отношеніяхъ. Въ первомъ амальгама Царства Христова съ царствомъ міра сего доводитъ его до самыхъ ужасающихъ итоговъ униженія святости. Казалось бы, что по нравственному уложенію Лютера, вѣра, чтобъ сохранить свою дѣвственность, должна непремѣнно сосредоточиться въ самыхъ низкихъ занятіяхъ жизни. Во первыхъ, свобода, управляющая дѣйствіями Христіянина, ограничена правиломъ Лютера, что подъ именемъ добрыхъ дѣлъ разумѣются исключительно дѣла **призванія**, налагаемыя на человѣка тѣмъ, или другимъ, состояніемъ. Разумѣется, дѣла Христіянской нравственности, перенесенныя изъ высшей области духа въ земныя условія, по необходимости, подчинились послѣднимъ въ распредѣленіи по состояніямъ. Такихъ состояній Лютеръ принимаетъ только три, и въ нихъ сосредоточиваетъ все исполненіе нравственнаго закона: 1) въ управленіи Церкви отношенія духовныхъ наставниковъ къ Христіянской паствѣ, съ уничтоженіемъ различія, полагаемаго священнымъ помазаніемъ между мірянами и духовенствомъ, обращаются въ сословное различіе проповѣдниковъ (Pfarrherrn) и прочаго Христіянскаго стада. По ученію Лютера, всѣ Христіяне равны предъ Богомъ, всѣ священники Бога Вышняго общеніемъ вѣры и таинствъ. Но есть нѣкоторые члены общины, болѣе опытные, которые, за недосугомъ, или неумѣніемъ прочихъ, принимаютъ на себя важныя обязанности наставленія паствы и совершенія Таинствъ. И такъ первое состояніе Христіянской жизни есть **состояніе**

---

(1) Walch, VII, Объясн. 6-й гл. Матѳея, §. 90—94, S. 785 flg.

Церковныхъ учителей, избираемыхъ общиною по взаимному соглашенію членовъ и утверждаемыхъ властію правительственною; обязанность ихъ — служеніе проповѣди (der Predigtstuhl, das Predigtamt, Seelsorge и пр., такъ называемый Lehrstand). 2) Взаимныя отношенія членовъ гражданскаго общества, соподчиненіе сословій одного другому и всѣхъ вмѣстѣ верховной власти опредѣляются государственнымъ управленіемъ или состояніемъ Правительственнымъ (das weltlitche Regiment-Herrschaft und Obrigkeit der Wehrstand); его обязанность—охраненіе общественной безопасности, сущность—верховная власть со всѣми соподчиненіями. 3) Наконецъ, частная жизнь, отношенія членовъ семейства, состоящія въ томъ, что хозяинъ, имѣющій частную собственность, доставляетъ трудомъ пропитаніе семейству das unterste Regiment, der Nährstand); послѣдняя степень есть жизнь земледѣльца, не имѣющаго домашней челяди, а одну только землю-кормилицу. Необходимое условіе этого третьяго состоянія — брачная жизнь. И такъ служеніе проповѣди, верховная власть и состояніе брачное, суть три Христіанскія званія въ собственномъ смыслѣ, три главныя опоры человѣческой жизни. Всѣ онѣ установлены Богомъ, первое и третье въ раю, при самомъ твореніи человѣка, второе при размноженіи общества, происшедши само собою, утверждено также Богомъ. Округленная такими рамами, жизнь Христіанская исчерпывается тремя состояніями, внѣ которыхъ человѣкъ не долженъ искать пищи своей дѣятельности, а исполнять дѣла призванія, каждый въ своемъ состояніи. Между тѣмъ тотъ же Лютеръ въ другомъ мѣстѣ говоритъ знаменательно: «Христіянство (der christliches Stand) есть такое свободное поприще, которое не привязано ни къ одному состоянію, sondern ist über alle Stände, in allen Ständen, und durch alle Stände. Можно жить въ бракѣ, или безъ брака; можно имѣть Христіанскаго супруга, можно имѣть и языческаго. Кто живетъ въ бракѣ, тотъ пусть остается въ немъ; кто не женатъ, тотъ пусть и остается имъ, т. е., не дѣлаетъ себѣ непремѣннаго закона изъ того и другаго. Можно быть и монахомъ, можно и міряниномъ. Можно быть священникомъ, можно и инокиней. Міряninъ не постригайся въ монахи; монахъ, не дѣлайся мірскимъ человѣкомъ, т. е., не подчиняй своей совѣсти тому, или другому, закону, а оставайся тѣмъ, чѣмъ онъ есть, лишь бы вѣра пребывала чистою и неприкосновенною.» Здѣсь прекрасно выраженъ основной законъ Христіанской свободы, возможность спасенія во всѣхъ

состоніяхъ, независимость духовной жизни отъ всякаго внѣшняго распредѣленія. Но этотъ «gemeine Christenstand» есть прямое отрицаніе его трехъ «Christenstände,» въ которыхъ общность Христіянскаго быта раздробляется на нѣсколько частныхъ проявленій и внѣ ихъ не признается возможность жизни по вѣрѣ. Онъ противорѣчитъ и воззрѣнію Лютера на монашенство, въ которомъ онъ видитъ безвѣріе и отсутствіе всѣхъ трехъ состояній: а) удаленіе отъ общаго Христіянскаго братства; б) мятежъ противъ власти правительственной; в) отрицаніе семейства. (1) Въ частностяхъ повторяется таже несообразность. Въ каждомъ состояніи, истинно святыя дѣла милосердія и самоотверженія красуются на ряду съ мелочными занятіями, относящимися къ удовлетворенію житейскихъ потребностей; а чтобъ хотя нѣсколько возвысить достоинство этѣхъ послѣднихъ надъ уровнемъ болѣе чѣмъ низкой посредственности, принимается въ расчетъ вѣра лица совершающаго, которая, съ своей стороны, сглаживаетъ различіе между самыми высшими и самыми ничтожными проявленіями человѣческой воли. До 1520 года реформаторъ обращаетъ оружіе на дѣла Христіянскаго благочестія или лучше лицемѣрія, какимъ онѣ явились дѣйствительно въ Западной Церкви, покорившей духовное начало внѣшней обрядности, и противополагаетъ ихъ истинно великимъ дѣламъ милосердія и самоотверженія. Такъ въ проповѣди о ростахъ, 1519 года, ученіе о добрыхъ дѣлахъ предлагается имъ во всей чистотѣ, хотя и подведенное уже подъ законы его тѣсной теоріи. «Что дается живымъ членамъ Тѣла Христова, нищей братіи, то у насъ не называется милостынею, а только что дается на камни и дерево. Посланники Римскіе по всей вселенной собираютъ подаянія на строеніе храма Верховныхъ Апостоловъ и платятъ богатыми индульгенціями. Но берегись, Христіянинъ! Богъ не спроситъ тебя на Страшномъ Судѣ, сколько денегъ оставилъ ты въ завѣщаніи на строеніе церквей, хотя я и этого не отвергаю, а скажетъ: «Взалкахся, и не дасте ми ясти; вожжадахъ, и не напоисте мене.» Тамъ взыщется милосердіе къ нищимъ. Св. Амвросій и Павлинъ сплавляли нѣкогда чаши и всю церковную утварь и раздавали нищимъ. А теперь что? — Благо тебѣ, Римъ! Хотя денегъ для тебя уже мало въ Германіи, но у нея довольно чашъ,

(1) Walch, I, Объясн. 18-й гл. Быг. §. 111, S. 1751; 21-й гл. §. 13, S. 2064; — IV, Объясн. 22 пс. §. 531 flg., S. 1811; — 121-й пс. §. 4, S. 2453; 132-й пс. §. 131, 132, S. 2945; — V, Объясн. 2-го пс. §. 284 flg. S. 237.

сосудовъ и окладовъ, и всѣ будутъ твоими. [1] Но въ 1520 году, въ проповѣди о добрыхъ дѣлахъ, ученіе Лютера вступаетъ въ открытую вражду съ дѣятельной стороной Христіянства. Тамъ уже высказаны дерзкія мысли, что въ «въ вѣрѣ исчезаетъ различіе дѣлъ, большихъ или малыхъ, кроткихъ или продолжительныхъ, въ большомъ или маломъ количествѣ. Ибо дѣла угодны Богу не сами по себѣ, а по вѣрѣ, присущей и дѣйствующей въ нихъ одинаково. Изъ сего слѣдуетъ, что Христіянинъ, живя по вѣрѣ, не нуждается въ учителѣ нравственности, sondern, was ihm vorkömmt, das thut er, und ist Alles wohl gethan; 2) что угодныя Богу и истинно святыя дѣла суть: исправлять ремесла и дѣлать все нужное для пропитанія тѣла, или общественной пользы, и 3) что понятія о добрыхъ дѣлахъ не должно стѣснять, полагая ихъ только въ молитвѣ, постахъ и милостынѣ (Эккл. IX, 7, 8; Пс. 83, 5; 33, 2; I Кор. X, 31; Кол. III, 17). [2] Всѣ послѣдующія сочиненія предлагаютъ однообразное развитіе этѣхъ основныхъ началъ. Любопытно исчисленіе истинно добрыхъ дѣлъ Христіянскихъ, вмѣняемыхъ въ непремѣнную обязанность каждому, смотря по тому состоянію, въ какомъ зародилъ его Богъ. Онѣ касаются почти исключительно свѣтской стороны человѣка, его отношеній общественныхъ, и только тѣмъ отличаются отъ этѣхъ послѣднихъ, что окрашены блѣднымъ оттѣнкомъ Христіянскихъ заповѣдей смиренія, кротости. Но собственно дѣлъ милосердія и сомоотверженія, составляющихъ сущность закона 10 заповѣдей, мы въ нихъ не находимъ; каждому званію приписанъ особенный разрядъ добродѣтелей, въ которыхъ исчезло высокое единство Христіянской свободы. Правда, законъ всемірной любви и самоотверженія не рѣдко выражается Лютеромъ во всей чистотѣ его правильнаго разумѣнія. «Міръ думаетъ, что достаточно изрѣдка давать подаяніе. Но должно быть сильнѣйшее побужденіе въ сердцѣ, а именно: сознаніе того, что ближній намъ чадо Божіе по избранію; что мы должны во всемъ помогать ему, во всемъ понести его бремя. Та любовь истинная, которая принимаетъ на себя стыдъ, поношеніе и всѣ озлобленія нашего ближняго по слову Христову. (Матѳ. XXV, 45). [3] Но въ примѣненіи къ частнымъ проявле-

(1) Walch, X, §. 18, 19, 25, S. 978—1025.—См. еще Walch, IX, 5-й гл. Галат. §. 76, S. 299, 1519 года.

(2) Walch, X, §. 2, 4, 8—10, 21, 48; §. 1566, 68, 70, 77, 1590.

(3) Walch, IX, Объясн. 5 гл. 1 посл. Іоанна. §. 5—6. S. 1215.

ніямъ Христіянской жизни, этотъ законъ внезапно низводится на степень каррикатурнаго смѣшенія съ хозяйственными условіями жизни. Вотъ полный сводъ Христіянскихъ обязанностей каждаго состоянія, извлеченный изъ разныхъ сочиненій Лютера въ продолженіе 20 лѣтъ или болѣе, ибо онъ постоянно оставался вѣренъ всей странности такого воззрѣнія. «Въ Церкви папистовъ мы не имѣли понятія объ истинно добрыхъ дѣлахъ; насъ учили, что они состоятъ въ произвольно выбираемыхъ каждымъ дѣлахъ благочестія; теперь же, когда мы крещеніемъ и Евангеліемъ пришли къ познанію истиннаго свѣта, мы такъ проповѣдуемъ: Добрыя дѣла суть заповѣданныя самимъ Богомъ, дѣла призванія человѣка. Слуга творитъ добрыя дѣла, когда вѣруя въ Бога, повинуется господину. Онъ силою вѣры сдѣлавшись праведнымъ, ведетъ жизнь по вѣрѣ, живетъ чисто и умѣренно, служитъ ближнему, вычищаетъ конюшню, задаетъ кормъ лошадямъ; онъ ѣдетъ себѣ по дрова и поетъ; если владыка строптивъ, онъ терпитъ неправды въ ожиданіи вѣчности. Дѣла этѣ, совершаемыя въ сознаніи долга и съ вѣрою въ Сына Божія, сіяютъ предъ лицемъ Божіимъ, передъ Ангелами и всею Церковію. Служанка творитъ добрыя дѣла, когда, вѣрная призванію, исполняетъ волю владычицы, выметаетъ комнаты, готовитъ кушанье, доитъ коровъ, моетъ и чиститъ дѣтей—прекрасныя, святыя дѣла, не смотря на презрѣнную наружность, святѣе и драгоцѣннѣе постовъ, бдѣній и власяницъ Картезіянца. Святая супружница живетъ цѣломудренно, повинуется мужу, занимается хозяйствомъ, ходитъ за дѣтьми. Мужчина исправляетъ безукоризненно службу, вступаетъ въ супружество, наблюдаетъ порядокъ въ домоправительствѣ, повинуется начальству, въ отношеніи ко всѣмъ наблюдаетъ правила чести, безъ ропота переноситъ слабости строптивой жены, непокорность грубой челяди. (1) Во всѣхъ этѣхъ дѣйствіяхъ, по мнѣнію Лютера, проводится святой законъ Христіянской любви; въ естественной плотской привязанности матери къ дѣтямъ, жены къ мужу, онъ видитъ лучшее исполненіе заповѣди милосердія къ ближнему, забывая Слово Христово, что и грѣшники

---

(1) Walch, IX, о Христ. упованіи §. 41—48, S. 615—619; I Объясн. Быт. §. 131—157, S. 1306—1308; — 17 гл. §. 204 flg., S. 1595 flg., §. 259—260, S. 1615;—18 гл. S. 117, S. 1752; §. 170—177, S. 1773 flg. — VII Объясн. 5-й гл. Матѳ., §. 67, S. 372; — VIII Объясн. 3-й гл. Галат. §. 615, S. 2349; — 5 гл. §. 172, S. 2694; — 6-я гл. §. 58, S. 2807 и пр. — XII, §. 5, S. 2036.

тоже творятъ. (1) Слѣдующее мѣсто еще выразительнѣе: «Каждый, исполняя призваніе, больше приноситъ пользы себѣ, чѣмъ другимъ. Плотникъ строитъ сто, или больше, домовъ, между тѣмъ какъ для себя нуждается только въ одномъ. Крестьянинъ пашетъ землю больше на пользу другимъ, чѣмъ себѣ. Портные и сапожники шьютъ другимъ больше платьевъ и сапоговъ, чѣмъ себѣ. Такъ, что Богъ и въ внѣшнихъ житейскихъ отношеніяхъ явилъ себя любовію и великою мудростію, насадилъ ее въ сердцѣ, гдѣ собственно и должно искать ея.» (2) Стало быть, Лютеръ отыскиваетъ истинную святость въ страдательномъ исполненіи обязанностей, налагаемыхъ извѣстнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, въ какомъ-то хозяйственномъ расчетѣ наемника: но она отвергается въ лицѣ Франциска, героя дѣятельной Христіянской жизни въ Латинской Церкви, или Бернарда, высокаго образца пустынножительства. Особенно перваго Лютеръ постоянно преслѣдовалъ ревнивою ненавистію, называлъ его человѣкомъ безсмысленнымъ, однимъ изъ тѣхъ безразсудныхъ философовъ, которые отрицаютъ всякую собственность и видятъ въ этой мечтѣ сущность всего Евангелія, между тѣмъ какъ оно говоритъ о важнѣйшемъ предметѣ оправданія человѣка. «Простякъ Францискъ считаетъ Евангеліе какою-то Платоновою республикою, которая предписываетъ законы общественной жизни.» (3) Въ посрамленіе гордости великихъ святыхъ, особенно пустынножителей, нарушившихъ своимъ удаленіемъ отъ свѣта (такъ думаетъ Лютеръ) законъ Христіянской любви и смиренія, онъ постоянно приводитъ два примѣра: 1) Антонія Великаго, «который хотѣлъ сосредоточиться въ своей собственной святости; но Богу угодно, чтобъ благочестіе выказывалось «въ отношеніи къ людямъ; онъ извлекаетъ изъ пустыни святаго «отшельника и посылаетъ въ Александрію поучаться примѣру простаго ремесленника.» Антоній находитъ кожевника съ женою за работой. На вопросъ: «Какъ служишь ты Богу?» Кожевникъ отвѣчаетъ: «Я исправляю свое ремесло; никого не обманываю; вставая, молю Бога даровать всѣмъ царство небесное, а одному мнѣ мученія ада.» 2) Второе преданіе извлечено изъ житія св. Пафнутія, который, получивъ откровеніе Божіе о праведности двухъ женщинъ,

(1) Walch, IX, Объяснен. 4-й гл. 1 пос. Іоанна §. 39, S. 1028; — VIII, Объясн. 5-й гл. Галат. §. 177, S. 2697; X. О брачной жизни, 1522 года, §. 47—48, S. 726 flg.

(2) Walch, IX, Объясн. 5-й гл. пос. Іоанна §. 7, S. 1217.

(3) Walch, I, §. 13, S. 1253.

вопросилъ ихъ о жизни ихъ. Онѣ отвѣчали: «Мы повинуемся мужьямъ, исправляемъ при нихъ супружескія обязанности, родимъ дѣтей, не ссоримся между собою и правимъ хозяйствомъ.» Святый не хотѣлъ продолжать испытанія, и тотчасъ сказалъ имъ: «Это добрая жизнь; оставайтесь при занятіяхъ вашего званія.» (1) Обхожу всю обширную полемику Лютера противъ монашества, въ которомъ онъ отыскивалъ сильно развитую основу Пелагіянскую. (2) Вообще, безразличность всякихъ дѣлъ, совершаемыхъ вѣрующимъ, не смотря на большее, или меньшее, усиліе воли при ихъ совершеніи, принимаются Лютеромъ и, что всего замѣчательнѣе, ученіе это развивается съ особенной ясностію и опредѣленностію въ проповѣдяхъ всенародныхъ, относящихся къ первой половинѣ его реформаторской дѣятельности. Народъ ловилъ съ жадностію его смѣлые парадоксы, которые и во всей совокупности ученія Лютерова оттѣняются рѣзкими чертами ложно понятой святости, а взятые отдѣльно, являются высшимъ уклоненіемъ отъ чистоты духовнаго постиженія вѣры. Гибельно должны были дѣйствовать на большинство его слушателей выраженія, подобныя слѣдующимъ: «Если дѣла приводятъ къ блаженству, то и яблоки и груши имѣютъ оправдывающую силу;» или: «Не дѣлайте ни одного добраго дѣла для того, чтобы постоянно дѣлать добро; не будьте никогда ни святы, ни благочестивы, чтобы быть постоянно святыми и благочестивыми!» Въ объясненіи текста Премудр. Сына Сирахова: «Боящійся Господа сотворитъ благое» (XV, 1—7) говоритъ: «Какъ велико утѣшеніе вѣрующаго, что онъ во мгновеніе ока можетъ сотворить все благое (wie voll guter Werke, wirst du so schnell); что ради страха Божія вся твоя жизнь становится праведною. Ѣсть, пить, ходить, стоять, смотрѣть, слушать, спать и бодрствовать: все хорошо предъ Богомъ.» Въ объясненіи посл. къ Римл. XII, 1, 7: «Духъ приноситъ жертву духовную,» т е., съ любовію и наслажденіемъ безъ страха суда, туне, безъ ожиданія заслуги, чести и мзды, ни временной, ни безконечной. Ибо все, что ни дѣлается, какъ бы ни было грубо наружно, тѣлесно и видимо, становится духовнымъ, когда исходитъ изъ духа и совершается духомъ, такъ что и пища

(1) Walch, IX, 5 гл. посл. Іоаннова, §. 5—3, S. 1215—1216;—XIX, §. 170, S. 1897;—XII, §. 56, S. 102; §. 5, S. 2036.

(2) Walch, VII, Объясн. 2-й гл. Іоанна, §. 4—12, S. 2214; 2218;—8 гл. Іоанна, §. 40, S. 2412, §. 119, S. 2461; §. 121, 2462; §. 125, 2464; — 4 гл. Галат. §. 18, S. 2597; 3 гл. §. 51, S. 1979;—17 гл. Іоанна, §. 62, S. 700, и т. д.

и питіе, когда совершаются въ духѣ, есть дѣло духовное. Въ объясненіи текста Ап. Павла: «Всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отметно» (I Тим. IV, 4): ѣсть, пить, жениться и посягать творенія Божіи, и все хорошо, что бы ни говорили Бернардъ, Василій, Іеронимъ, Доминикъ и другіе св. отцы и учители. Дѣла Христіянъ не имѣютъ ни вида, ни времени, ни мѣста, какъ бы ни назывались они: ѣсть, пить, спать, бдѣть, ходить, стоять, говорить, молчать, работать, находиться въ бездѣйствіи и пр., все это дѣла драгоцѣнныя, потому что совершаются во имя Господа Іисуса. Пять юродивыхъ дѣвъ были дѣвы, но тѣмъ не избѣжали осужденія. Вдовица, принесшая двѣ лепты, сдѣлала больше другихъ, не смотря на богатыя ихъ приношенія. Дѣло жены грѣшницы (Луки VII, 37) выше всѣхъ дѣлъ Фарисейскихъ. Не возможно ни постичь различія дѣлъ человѣческихъ, ни судить ихъ; мы должны одинаково чтить и хвалить ихъ, не отдавая ни одному преимущества.» Въ объясненіи 1—3 и 13 ст. 29 главы Бытія: «Проливать кровь, умирать, воинствовать въ борьбѣ съ діяволомъ, великое дѣло; но когда вѣруешь, и естественныя плотскія дѣла также угодны Богу; ѣшь ли ты, или пьешь, покоишься, или бодрствуешь: такъ велика сила вѣры. Мы должны благодарить Бога, который открылъ намъ, что мы творимъ угодное Ему, даже когда спимъ, ѣдимъ, пьемъ, посягаемъ, когда мужъ, жена и дѣти живутъ вмѣстѣ, управляютъ челядью, доятъ козъ и пр. Въ этѣхъ дѣлахъ мы должны упражняться, ибо хотя онѣ и не имѣютъ наружнаго блеска высокихъ подвиговъ, но совершаются чуднымъ лицемъ, которое по вѣрѣ наслѣдуетъ Царство Небесное.» Особенно важно то обстоятельство, что Лютеръ именно черни Нѣмецкой проповѣдывалъ сытость чрева и сна. Или въ примѣненіи къ нисшему, рабочему сословію. «Служить ближнему мы должны по тому, что живемъ на землѣ. Мы можемъ исполнять эту заповѣдь плотничаньемъ, садоводствомъ, молотьбой и другими внѣшними дѣлами. Только тотъ Христіянинъ, кто вѣруетъ во Христа. Не дѣлающему, вѣрующему же во оправдающаго нечестива, вмѣняется вѣра его въ правду (Рим. IV, 5); только то дѣло доброе, которое истекаетъ изъ чистаго вѣрующаго сердца. Одинъ ударъ цѣпомъ въ молотильнѣ предъ Богомъ имѣетъ не меньше достоинства, чѣмъ цѣлый псалтырь, пропѣтый Картезіянскимъ монахомъ. Когда слуга видитъ, что полезно его господину: чистить конюшню, кормить лошадей, пахать землю; такія дѣла драгоцѣннѣе

всякихъ подвиговъ Картезіянца.» (1) Подъ бременемъ этой унизительной святости, падаютъ настоящіе законы Христіянской нравственности; какъ будьто вѣра непремѣнно должна унижать человѣка и возвышать механическій трудъ до понятія святости.

Вѣра вторгается въ ученіи Лютера и въ государственныя отношенія. Отсюда мѣсто, занимаемое Христіяниномъ въ гражданскомъ обществѣ, опредѣляется ложно. Подъ гнетомъ этой мысли Лютеръ выставилъ положеніе, въ разрѣзъ противоположное его собственной государственной теоріи, а именно, что Христіянинъ совершенно свободенъ отъ повиновенія гражданскимъ законамъ, ибо чадамъ Божіимъ, членамъ Царства Христова, есть другое, небесное начальство. «Христіяне, управляемые словомъ Божіимъ, не нуждаются вовсе въ управленіи свѣтскомъ. Если бы міръ состоялъ изъ однихъ Христіянъ, мы не имѣли бы нужны въ гражданской расправѣ. Но по невозможности воплощенія на землѣ Царства Христова, Богъ подчинилъ нечестивыхъ власти Правительства, а вѣрующихъ предоставилъ себѣ и управляетъ ихъ собственнымъ словомъ. Мы, Христіяне, свободны отъ всякаго рода законовъ, но должны повиноваться начальству изъ любви къ ближнимъ, слабѣйшимъ, для ихъ соблазна.» (2) Сдѣсь Христіянская свобода изъ внутренней области переселяется въ жизнь общественную и опредѣляетъ неправильно отношенія человѣка къ верховной власти. Ошибка произошла отъ сліянія двухъ сторонъ бытія человѣка, отъ желанія воплотить всего Христіянина тамъ, гдѣ должна проявляться одна только часть его существа. Между тѣмъ понятно, какое вредное вліяніе могли имѣть на большинство народа подобныя наставленія Лютера, въ противоположность къ собственнымъ его убѣжденіямъ, выраженнымъ неоднократно въ другихъ сочиненіяхъ. Тажецѣльность Христіянскаго бытія переносится Лютеромъ во внѣшнюю жизнь, когда онъ требуетъ отъ всякаго человѣка, живущаго въ мірѣ, страдательнаго перенесенія всякой обиды, исходящей отъ другихъ членовъ общины и направленныхъ на его собственность. По мнѣнію Лютера, «гражданская власть должна ограждать права собственности всякаго Христіянина, но безъ жалобы, или вызова съ его стороны. Если онъ отъ нея не получитъ

(1) Walch, XXII S. 422—XII, §. 5, S. 487; —§. 10, S. 264; §. 7, S. 428; — XXII, S. 9; — XII, §. 32, S. 530; — §. 56, S. 102; — 11, §. 34, S. 688; § 57, S. 702; — XII §. 24, S. 402; — §. 14, S. 1473; — §. 5, S. 2036; — §. 26, S. 2096.

(2) Walch, IX, Объясн. 2-й гл. 1 пос. Петрова. §. 73 flg., S. 733; X, §. 38, S. 452.

удовлерворенія, то долженъ терпѣть всѣ возможныя насилія и поруганія.» «И это ученіе,»—продолжаетъ Лютеръ,—«не есть только совѣтъ Христовъ ревнующимъ о совершенствѣ, какъ суесловятъ лжемудрецы, а общая непремѣнная заповѣдь всѣмъ Христіянамъ, чтобы ты зналъ, что всѣ тѣ — язычники и ложно красуются именемъ Христіянъ, кто защищаетъ честь и собственность свою предъ судомъ.» (1) Эта мечтательная заповѣдь, разумѣется, могла бы имѣть приложеніе въ такомъ только случаѣ, если бы міръ воротился къ чистотѣ первобытнаго его сотворенія. Она исключаетъ восможность правильнаго общественнаго развитія, отнимая у гражданской власти единственное средство предотвращать и наказывать злоупотребленія неблагонамѣренныхъ членовъ общества; уничтожаетъ и священное право собственности, потому что Лютеръ и заповѣдь данную юношѣ: «Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣнія твоя,» распространяетъ на всѣхъ Христіянъ. Она противовѣчитъ и слову Спасителя, который самъ, предъ судомъ Пилата, изрекъ священный законъ самосохраненія: «Аще отъ міра сего было бы царство мое, слуги мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ Іудеемъ,» и по тому только самъ ему не послѣдовалъ, что царство его было не отъ міра сего. Та же ошибка повторяется въ смѣшеніи 12, такъ называемыхъ, совѣтовъ Евангельскихъ съ общими заповѣдями; и тѣ и другіе Лютеръ считаетъ равно обязательными для всѣхъ Христіянъ. Во всемъ Евангеліи онъ допускаетъ одну тольку заповѣдь, данную Христомъ и Апостолами въ видѣ совѣта: это заповѣдь о цѣломудріи: «Суть скопци, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго.» (2) Между тѣхъ нельзя не сознаться, что буквальное исполненіе заповѣдей: о подставленіи ланиты ударяющему, о раздачѣ нищимъ имѣнія, о безмездномъ заимодавствѣ, не совсѣмъ легко въ общественной жизни. Задача Христіянина состоитъ въ возможномъ примиреніи этѣхъ обязанностей съ условіями свѣтскаго и семейнаго быта, а трудность этой задачи была одной изъ главныхъ причинъ, зародившихъ пустынножительство. Люди, стремившіеся къ житію Ангельскому, по невозможности согласить его съ житейскою мудростію, добровольно отрекались отъ міра. Лютеръ уничтожилъ эту свободу вольнаго отрѣшенія отъ житейскихъ условій, и подъ именемъ Христіянской

---

(1) Walch, X, Объ обяз. подд. въ отн. къ верх. власти, §. 30—31, S. 447—448.
(2) Walch, XII, §. 90, S. 581.

свободы внесъ совершенно противное начало насилія во всѣ проявленія человѣческой жизни. Отсюда главный характеръ его ученія какой-то фатализмъ религіозный и нравственный. Въ немъ вѣра не дружится съ свободнымъ развитіемъ силъ человѣческихъ, а сковываетъ разумъ и волю неподвижностію мысли и дѣйствія. Исторія, въ ученіи Лютера, есть чистое воплощеніе идеи предопредѣленія, тяготѣющаго надъ жизнію всего человѣчества. Всякое сильное проявленіе личности есть мятежъ противъ Бога, заключившаго человѣка въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ исполненія обязанностей въ томъ или другомъ состояніи, сословіи, возрастѣ. Міръ, въ представленіи Лютера, есть великая монополія лицъ, на которыхъ безотчетно падаетъ избраніе Божіе; они облечены силою и мудростію и ходятъ во свѣтѣ; всѣ прочіе тянутся за ними во мракѣ и, въ безполезныхъ усиліяхъ достигнуть ихъ высоты, только искажаютъ свой человѣческій образъ. Дабы сѣмя избранныхъ не оскудѣвало между людьми, Богъ отъ времени до времени являетъ счастливцевъ, которые свѣтомъ своего посланничества озаряютъ большую полосу исторіи человѣчества. Только двумя родами людей наполнена вселенная: избранниками Божіими и посланцами діявола, неискусными подражателями первыхъ (Wunderleute Gottes, samt ihren Affen, und Wunderleuten des Teufels).» (1) «Свѣтъ есть больное тѣло съ зараженною кожею. Здоровые герои рѣдко и дорого достаются людямъ отъ Бога; но свѣтъ не можетъ безъ нихъ обойтись, чтобы люди не обратились въ дикихъ животныхъ. Въ мірѣ одно только рубище и нищенство (Flickwerk und Bettelei); онъ настоящая больница, въ которой людямъ не достаетъ мудрости и мужества, т. е., счастія и силы Божіей; потому-то мы должны подшивать и чинить эту ветхую ризу (flicken und pletzen), искать помощи въ буквахъ и книгахъ, поучаться изъ рѣчей и примѣровъ героевъ, быть учениками нѣмыхъ учителей — книгъ, никогда, впрочемъ, не достигая совершенства отжившихъ образцевъ, а вѣчно держась ихъ, какъ точекъ опоры, пока Богъ снова не воздвигнетъ здороваго героя, или посланника, при которомъ все въ государствѣ цвѣтетъ въ тишинѣ и покоѣ. При жизни его боятся, уважаютъ и любятъ, а по смерти воздвигаютъ ему безсмертный памятникъ воспоминанія. А если больной членъ захочетъ подражать ему, онъ становится язвою міра.» (2) Стало быть, Лютеръ отыскиваетъ

(1) Walch, V, Объясн. 101-го псальма §. 41.
(2) Walch, §. 48.

первообразъ совершенства въ отдѣльныхъ примѣрахъ, завѣщанныхъ исторіею, а не во всей совокупности общечеловѣческаго развитія, въ которомъ каждый человѣкъ не безжизненный сколокъ съ безцвѣтнаго образа, а живая единица съ самобытною дѣятельностію. Но спрашивается: Кто же этѣ избранники, и какъ сознать въ себѣ ясные признаки Божественнаго предопредѣленія? Человѣкъ ни какими усиліями ума, или воли, не можетъ приспособить себя къ такому избранію; оно дается даромъ, какъ милость небесная. Дарованія посрамляются Богомъ, который, по недовѣдомымъ цѣлямъ своего промысла, украшаетъ избраніемъ своимъ недостойныя орудія. Признакъ избранія, по мнѣнію Лютера, есть счастіе, удача во всѣхъ предпріятіяхъ, тамъ, гдѣ, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ, должно выходить противное. Примѣрами служатъ извѣстные первообразы, и каждому здравому герою соотвѣтствуетъ въ исторіи несчастный подражатель. Первообразъ полководца — Аннибалъ, который по тому былъ героемъ, что самъ Богъ сотворилъ его мастеромъ въ военномъ искуствѣ. Другой, равный ему въ дарованіяхъ и мужествѣ, не могъ бы совершить его подвиговъ. Типъ избранника Божія въ наукѣ гражданскаго права есть рыцарь Фабіянъ Фейличъ. Онъ не былъ докторомъ правъ, но, выслушавъ дѣло, изрекалъ всегда самое мѣткое опредѣленіе, между тѣмъ какъ другой не дошелъ бы до его выводовъ самымъ добросовѣстнымъ изученіемъ дѣла. Онъ не былъ ученымъ и образованнымъ юристомъ, а сотворенъ на то Богомъ. Первообразъ главы государства — Киръ, Ѳемистоклъ, Александръ Великій, Августъ, Веспасіянъ, Карлъ V, Фридрихъ Мудрый. (1) Послѣдній одинъ изъ великихъ чудодѣйцевъ Божіихъ (er der Wundermänner Gottes einer gewesen und geschaffen) былъ сотворенъ на мирное правленіе государствомъ; онъ слылъ въ свое время свѣтомъ міра (lux mundi) въ Римской имперіи. Онъ заставлялъ совѣтниковъ своихъ рѣшать дѣла, а самъ перерѣшалъ ихъ въ противную сторону, и никто не могъ уличить его въ несправедливости. Это искуство не дано ему ни ученіемъ, ни воспитаніемъ, а врождено ему отъ природы (es steckte zuvor in ihm). Вельможи старались не разъ обуздать его непреклонный умъ, но Фридрихъ былъ себѣ на умѣ; онъ отвергалъ не рѣдко самые умные совѣты своихъ приближенныхъ. Почему онъ такъ дѣлалъ, про то знаетъ Богъ одинъ, потому что онъ былъ

---

(1) Walch, §. 23, §. 49.

изъ посланниковъ Божіихъ. Было много людей, которые хотѣли поравняться съ нимъ мудростію, но они не были сотворены Фридрихами, а только неискусно подражали ему, оставаясь болтливыми Форміонами. Колокольчики звенѣли у нихъ на ушахъ и на шеѣ: за полмили отъ нихъ раздавался ихъ голосъ. Они походили на ословъ и свиней, которые приложили бы свои неуклюжія лапы къ звучнымъ струнамъ арфы, потому что какъ скоро появится человѣкъ избранный, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ правленіи, дьяволъ не медля приводитъ на рынокъ своихъ обезьянъ.» Побѣды избранника Кира дарованы Богомъ (Ис. XLV, 1, 2.) Благополучное царствованіе Августа было особеннымъ дарованіемъ Божіимъ; другіе, которые хотѣли итти по стопамъ его, не достигли желаемаго. Можетъ быть, у язычниковъ было больше государей мудрыхъ, чѣмъ у Іудеевъ; можетъ быть, ихъ правленіе и законы были совершеннѣе, но они не были избраны; ихъ не велъ Богъ. ([1]) Они и сами пришли къ заключенію, что никогда чудодѣйца не можетъ быть безъ особеннаго вдохновенія свыше (sine afflatu), хотя и много было мужей высокаго ума и испытанной мудрости. ([2]) Они замѣчали не безъ удивленія, что одинъ человѣкъ отличался особеннымъ счастіемъ передъ другими, что нерѣдко все удавалось такому, который и въ половину, или даже въ семь разъ, уступалъ въ разумѣ, силѣ и мудрости другимъ, отъ которыхъ по справедливости должно было ожидать лучшаго успѣха, но которые, со всею своею мудростію, не умѣли ни начать, ни покончить. Они называли случаемъ эту чудную силу (fortuna) и сдѣлали изъ нея Божество.» ([3]) И такъ ограниченный взглядъ реформатора воплощаетъ чудодѣйственную силу Божію въ человѣкѣ, присущую въ невозмущаемомъ успѣхѣ его земныхъ начинаній, а «во всѣхъ великихъ духовныхъ и тѣлесныхъ дарахъ человѣка: въ мудрости, краснорѣчіи, богатствѣ и пр. видитъ истыя орудія діявольскаго тиранства, которыми мы служимъ бѣсу и укрѣпляемъ на землѣ его царство. ([4]) Неудостоенные избранія Божія не должны давать свободы смѣлымъ предначертаніямъ, потому что Богъ не благо-

(1) Walch, IV, Объясн. 127-го пс. §. 7, 76, S. 2628, 2664.

(2) Walch, V, 101-й пс. §. 74, S. 1218.

(3) Ibid. §. 149.

(4) Walch, IX, §. 31, S. 401.

словитъ ихъ успѣхомъ. Димосѳенъ и Цицеронъ, при всѣхъ великихъ своихъ дарованіяхъ, не принадлежали къ числу избранниковъ Божіихъ, потому что ничто не удавалось имъ въ государственной жизни. Цицеронъ если бы умѣрилъ порывы своего генія, былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, какъ великій ораторъ, и ему не прокололи бы языка. Казалось, дѣла должны были принять оборотъ, какой назначила имъ напередъ его высокая мудрость; но безумцы Марій и Антоній посрамили буйствомъ своимъ его свѣтлыя соображенія. (1) Юлій Цезарь, если бы положилъ мѣру желаніямъ своимъ, избѣжалъ бы плачевной участи. Въ новой исторіи къ числу несчастныхъ подвижниковъ, по мнѣнію Лютера, принадлежалъ Сигизмундъ, искусный, многоразумный, благочестивый, императоръ; но ни мудрость, ни могущество его не увѣнчались успѣхомъ. (2)

Это воззрѣніе на исторію принадлежитъ не собственно Лютеру; оно выкроено по мѣркѣ Августинова взгляда на исторію Церкви, которая дѣлится на сонмъ предопредѣленныхъ по избранію, независимому отъ личныхъ заслугъ избираемыхъ, и предосужденныхъ по отверженію, сыновъ царствія, и сыновъ діявола. Но приложеніе этой теоріи ко всѣмъ проявленіямъ дѣловой, частной и государственной жизни въ XVI вѣкѣ, обозначаетъ, какъ нельзя лучше, безжизненность ученія Лютерова. Въ объясненіи Соломонова проповѣдника, это послѣднее предлагается во всей совокупности выводовъ, которыми человѣкъ долженъ руководствоваться на пути жизни. Дидактическій тонъ Экклесіаста пришелся по сердцу Лютеру. Мысль этой книги религіозно-нравственная: царь Соломонъ, мудрѣйшій изъ всѣхъ царей земныхъ, въ собраніи Двора своего излагаетъ правила житейскаго опыта. Сдѣсь видимъ грустное разочарованіе человѣка, утомленнаго бурями жизни, прошедшаго черезъ всѣ земныя мытарства, человѣка, который не вмѣстилъ величія дара, испрошеннаго имъ у Бога, уклонился отъ мудрости, и снова возвратился къ ней на закатѣ жизни, когда уже нагота міра разоблачилась передъ свѣтлымъ взоромъ, устремленнымъ въ вѣчность. Въ Соломонѣ видимъ совершеннѣйшій идеалъ человѣка, который утратилъ райское совершенство и долженъ трудами достигать до утраченнаго. Онъ въ своей бурной жизни бросался во всѣ

(1) Walch, V, Объясн. Соломон. Экклесіаста 2-я главы §. 48—49.
(2) Ibid. 101, ис. §. 72.

области человѣческаго развитія, съ твердою вѣрою въ непреложность избранія Божія, и великая задача мудрости разрѣшилась для него такъ негаданно, сознаніемъ, выстраданнымъ въ школѣ опыта и разувѣреній, что сердце человѣка земнаго не въ состояніи носить премудрости Божіей. Экклесіастъ есть не столько предостереженіе старца младенцу отъ соблазновъ житейскихъ, сколько указаніе того узкаго пути, по которому безпрерывно, по стопамъ Соломона, должны стремиться новые подвижники отъ колыбели до гроба, за коимъ живетъ уже Премудрость Божія въ своемъ неприступномъ величіи. Мудрѣйшій изъ смертныхъ превосходно описываетъ свои царственные труды, окружаетъ себя державнымъ величіемъ, произведеніемъ его богатства и разума, и кончаетъ глубокою скорбію о суетѣ мірской. Онъ исчерпалъ до дна всѣ тайны человѣческой мудрости; онъ могъ сказать отъ глубины сознанія, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, но онъ не рѣшилъ на землѣ окончательной цѣли бытія человѣческаго. Эта скорбь знаменательна: она признакъ души высокой, которая во всѣхъ созданіяхъ своихъ старалась воплотить божественный даръ, и увидѣла безсиліе своихъ начинаній. Вотъ первая половина Экклесіаста, которая, исторгая у него сильные возгласы противъ земной суеты, приводитъ его къ жизни загробной. Послѣдняя мысль оживляетъ все содержаніе Экклесіаста и даетъ ему высшее. религіозное значеніе. По другая его половина относится исключительно къ человѣку земному. Она рисуетъ картину жизни премудраго, который видитъ предъ собой лишенія и скорби и, однако, выбираетъ себѣ достойную цѣль въ мѣру возраста совершеннаго и человѣческихъ силъ своихъ. Этой картинѣ соотвѣтствуетъ другая картина жизни безумнаго, который слабѣетъ въ виду угрожающихъ бѣдствій и обрекаетъ себя на ничтожество. Премудрымъ Соломонъ оставляетъ свой собственный, великій примѣръ; безумцевъ приглашаетъ предаться сладостному самозабвенію. Смотрите, говоритъ онъ, вси дніе мудраго болѣзней и ярости попеченіе ему; лишеніе покоя и пищи, забвеніе по смерти, — удѣлъ его на землѣ. Умретъ премудрый, и безумный возобладаетъ трудомъ, которымъ трудился онъ и мудрствовалъ подъ солнцемъ, чувствуя всю тугу болѣзней, понесенныхъ его державнымъ помысломъ; онъ завидуетъ вѣчному покою усопшихъ. Съ другой стороны—соблазнительная картина земнаго рая, т. е., беззаботной чувственной жизни, въ которой чаша радостей выпивается до дна, пока врата ада не растворились для принятія жертвы.

Человѣкъ посредственный увлечется невольно красотою этой картины; но человѣкъ съ сильной душею поклонится величавымъ трудамъ исполина, и пойдетъ по тѣсному пути, имъ проложенному. Благо ходити въ домъ плача, неже ходити въ домъ пира; блага ярость паче смѣха; сердце мудрыхъ въ дому плача, а сердце безумныхъ въ дому веселія—вотъ раскрытіе таинственной аллегоріи, въ которой побѣда окончательно рѣшается въ пользу премудраго, хотя видимое торжество и остается за человѣкомъ тѣлеснымъ.

Посмотримъ теперь, какую мысль отражаетъ для Лютера Экклесіастъ Соломона. «Нѣтъ болѣе мудрости въ поднебесной,»—говоритъ онъ, — «какъ каждому жить въ своемъ званіи со страхомъ Божіемъ и прилежаніемъ, не возмущаться духомъ, когда успѣхъ не соотвѣтствуетъ предначертаніямъ; довольствоваться жребіемъ, какой Богъ удѣляетъ намъ и средствами, которыя у насъ подъ руками, по Нѣмецкой пословицѣ «Wie es Gott füget, daran mir gnüget.» Соломонъ наказываетъ ненасытность сердца человѣческаго, которое, не довольствуясь дарами Божіими, стремится къ чему-то невѣдомому, къ славѣ и великому имени, какъ будьто расчитываетъ на вѣчную жизнь. Люди на зло себѣ отравляютъ жизнь свою гнетущими заботами. Соломонъ, по мнѣнію Лютера, совѣтуетъ человѣку, еже есть изрядно, еже ясти, и пити, и видѣти благостыню во всемъ (Эккл. V, 17—18). Онъ хочетъ, чтобы мы проводили жизнь кратковременную въ веселіи и спокойствіи сердца: «Пріиди, яждь въ веселіи хлѣбъ твой, и пій во благѣ сердца вино твое; во всяко время да будутъ ризы твоя бѣлы, и елей на главѣ твоей да не оскудѣетъ.» Въ Экклесіастѣ Лютеръ видитъ Провидѣніе, идущее на перекоръ всѣмъ великимъ замысламъ земнородныхъ, наказывающее гордость мысли и воли. И это отчасти наслѣдіе Блаж. Августина. «Господи,» — говоритъ онъ, — «ты праведно постановилъ, чтобы каждое безпокойное сердце въ самомъ себѣ находило вѣчную муку. Истинный Христіянинъ умѣетъ цѣнить дары твои, понимать ихъ важность, и зная, отъ сколькихъ скорбей ты избавилъ его, тѣмъ сильнѣе благодаритъ тебя за настоящее.» — «Высшая мудрость,» — по словамъ Лютера,—«все поручить Богу alles Gott heimstellen), не мучить и не терзать себя собственными помышленіями, а слѣдовать Премудрому, который изрекъ великое слово житейскаго опыта: «Пускай міръ идетъ, какъ ему суждено; ты не можешь измѣнить его порядка.» (1) Лучшее правило не искать ничего отъ себя, а принимать

(1) Walch, V, Эккл. Предисл. 2022, §. 17, 2025, §. 21; 1 гл. §. 18, 22, 24, 28 и пр.

что даруетъ Богъ. Если хочешь имѣть миръ и счастіе, ожидай ихъ отъ Бога. Даетъ ли Онъ смѣхъ и веселіе, принимай ихъ, не обращаясь къ слезамъ, какъ дѣлаютъ лицемѣры, которые считаютъ великою святостію плакать всегда, забывая, что всему время. Даетъ ли Богъ блага земныя, пользуйся ими; отказываетъ ли Онъ тебѣ въ пищѣ,—постись; даетъ ли славу, не отрекайся; насылаетъ ли бѣдствіе, перенеси его; налагаетъ ли узы, терпи заключеніе. Словомъ. и веселіе и покой, и безмятежная старость и исполненіе всѣхъ даровъ Божіихъ, даются намъ не такъ, какъ хотимъ мы, а какъ Богу угодно. Что можемъ сдѣлать, то должны сдѣлать; чего не можемъ, оставить; камень, который не можемъ поднять, не сдвинуть съ мѣста.» [1] Мысль Лютера, по видимому, благочестивая, но въ примѣненіи къ дѣловой жизни ни болѣе, ни менѣе, какъ голословная. Стѣснять дѣятельность существа разумнаго ожиданіемъ какихъ либо особенныхъ откровеній Божественныхъ, или указаній Промысла, обнаруживаетъ не только ограниченное, но и плоское пониманіе, осуждающее, какъ гордое искушеніе Промысла, свободное развитіе умственныхъ силъ. Неподвижность, безстрастіе духовное, вызываемыя этѣмъ страннымъ нравоученіемъ, обрекаютъ человѣка на самую жалкую посредственность, воспитываютъ мелочное себялюбіе удаленіемъ отъ общечеловѣческихъ интересовъ. Но самыя себялюбивыя цѣли заключаются въ такіе тѣсные предѣлы труда механическаго, что жизнь человѣка буквально низводится на степень животнаго удовлетворенія тѣлесныхъ потребностей. Человѣкъ живетъ только въ настоящемъ, не заботясь о будущемъ. [2] Трудъ совершается имъ въ потѣ лица, не съ разумною цѣлію возвысить жребій потомства, или, по крайней мѣрѣ, увеличить матеріяльное благосостояніе; это трудъ неблагодарный, приковывающій къ землѣ для того, чтобъ извлечь изъ нея пропитаніе. Отсюда частныя сравненія человѣка, живущаго въ мірѣ, въ какомъ бы то ни было званіи, съ земледѣльцемъ, который сѣетъ и пашетъ въ спокойствіи сердца, а потомъ предается беззаботному сну, оставляя будущее на волю Божію. [3] Еще выразительнѣе сравненіе съ вьючнымъ животнымъ, которое исправляетъ работу страдательно, не заботясь о будущемъ; такъ и мы должны исполнять,

(1) Walch, 2 гл. §. 5, 2073; §. 11, S. 2075.
(2) Ibid. §. 54.
(3) Ibid, 4 гл. §. 29, S. 2162.

что случится у насъ подъ рукою, всѣ невзгоды, насылаемыя Богомъ, переносить безропотно, и въ временной жизни преслѣдовать одну только задачу—работать каждый согласно съ призваніемъ, чтобъ опезпечить себѣ кусокъ хлѣба (und sollen dieses Lebens nicht anders brauchen, denn dass wir arbeiten, Jeder seinem Berufe nach unsern Theil und Stück Brod davon haben.» (1) И этѣ наставленія прилагаются одинаково ко всѣмъ состояніямъ, къ поселянину наровнѣ съ государемъ. «Всѣ ищутъ улучшить свое состояніе, увеличить могущество и богатство. У всѣхъ въ головѣ Александръ Великій, который не могъ помириться и на цѣлой вселенной. Иной великій властитель лишаетъ себя покоя и пищи, отходитъ ко сну съ тяжелою думою, встрѣчается съ нею при пробужденіи, и днемъ и ночью заботы грызутъ его сердце. Не много такихъ, которые искренно поручаютъ Богу заботы правленія. (2) Посмотришь, сидитъ премудрый король, или князь, и расчитываетъ дѣло по пальцамъ; юристы приносятъ книги закона, и находятъ въ нихъ право, написанное четко и безъ ошибки; потомъ вельможный совѣтникъ, у котораго голова расходится отъ избытка премудрости, находитъ въ естественномъ правѣ вѣрнѣйшее основаніе дѣлу; наконецъ, всѣ вмѣстѣ гудятъ въ большой колоколъ; епископъ, прелатъ, богословъ кладетъ довершеніе дѣлу свѣдѣтельствомъ слова Божія. И сидятъ четыре столпа государства, которые сдержали бы небо на плечахъ, если бы Богу угодно было уступить подобное распоряженіе. Никто не проситъ совѣта свыше.» (3) Стало быть, по мнѣнію Лютера, и правитель народа долженъ сидѣть, склавши руки, ожидая вразумленія свыше, въ видѣ особеннаго откровенія. «Богъ не хочетъ позволить намъ, тварямъ, править по своему; онъ хочетъ властвовать неограниченно; въ противномъ случаѣ мы вознесли бы державу нашу выше небесъ.» (4) «Для чего озлобляетъ онъ (kränket) человѣка безчисленными заботами и попеченіями? Отъ чего подвергаетъ опасности жизнь его въ управленіи государствомъ, въ семейной жизни, въ трудахъ ремесленника? Для того, чтобы сохранить въ силѣ свою первую заповѣдь: «Азъ есмь Господь Богъ твой;» чтобы всѣ боялись Его, и не обращались бы къ иному

---

(1) Ibid. 2 гл. §. 62 S: 2105.
(2) Ibid. 2 гл. §. 21, §. 52, §. 69, S. 2110.
(3) Walch, V, 101 пс. §. 10, S. 1184.
(4) Ibid. Ѳкил. 2 гл. §. 48.

Богу.» (1) Сдѣсь унижается величіе Христіянскаго Бога. Судьба древнихъ, какъ Провидѣніе Лютера, постоянно враждуетъ свободному развитію личности. Она вмѣшивается въ событія міра, съ неистовою радостію преслѣдуетъ все великое въ жизни. Таковъ fatum древнихъ, таковъ и Богъ по Лютеру, чтобы тварь не восхитила первенства у Творца, который гонитъ все великое и украшаетъ дарами своими все недостойное. Вспомнимъ еще разъ слово Спасителя: «Царство мое не отъ міра сего.» Его смиренное поприще не замѣтно совершалось въ то время, когда вселенная покорилась императору Августу. Онъ безгласно предсталъ суду Пилата, чтобы исполнить всякую правду. Богъ непосредственно являетъ свое присутствіе только въ царствѣ вѣры, въ дѣлѣ спасенія. Въ исторіи развитія человѣческаго, въ общественной жизни дѣйствуютъ люди, и Богъ уже не руководитъ ихъ, какъ нѣкогда народъ Израильскій, постоянными и непосредственными откровеніями. Сила Божія присуща только въ направленіи событій, согласно съ невѣдомыми цѣлями Промысла; но свобода дѣйствія и исполненіе принадлежитъ исключительно земному дѣятелю. Исторія начинается тамъ, гдѣ кончается вѣра. Она началась съ паденія Адама, съ перваго сильнаго проявленія свободной воли въ созданіи разумномъ; въ раю она была бы невозможна.» (2)

Я изложилъ въ возможно короткомъ обзорѣ главный вопросъ ученія Лютерова, не касаясь догматической его стороны, а останавливаясь преимущественно на его значеніи нравственномъ, въ примѣненіи къ народу. Мы видѣли, сколько разрушительныхъ

(1) Ibid. 3 гл. §. 21, S. 2130.

(2) До какой степени простиралось въ ученіи Лютера вторженіе вѣры во внѣшнія отношенія, видно еще изъ многихъ отдѣльныхъ примѣровъ. Попеченіе отца семейства доставлять дѣтямъ честнымъ трудомъ значительное наслѣдство онъ считаетъ грѣхомъ. Walch, XXII, 330. Продажу хлѣба по выгодной цѣнѣ, даже выгодный расходъ печатныхъ книгъ, считаетъ также хищеніемъ. Walch XXII, §. 111, S. 333. Сохранять вино въ погребахъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, значитъ отнимать у другихъ благословеніе и дары Божіи. Ibid. 335. Горные промыслы, по мнѣнію Лютера, — желаніе исторгнуть у Бога Его сокровенныя блага. Кто беретъ 5 процентовъ, грѣшитъ противъ Бога. Хотя бы ссуда денегъ подъ 10 проц. все таки приносила значительную выгоду заемщику, но Св. Писаніе повелѣваетъ рѣшительно взаимъ давать безъ ожиданія возврата. — Walch, X, §. 23, S. 1033.—Онъ вооружается на поручительство (Bürgschaften) въ торговыхъ оборотахъ, и хотя считаетъ ихъ полезнымъ и по видимому дѣломъ Христіянской любви, но за то несогласнымъ съ заповѣдію, которая повелѣваетъ возлагать упованіе но одного Бога. Въ примѣръ предлагается событіе изъ Ветхозавѣтной Исторіи, когда Іуда поручился отцу своему, Іякову, за цѣлость младшаго брата, Веніямина, и наказанъ былъ за гордость свою. — Walch, X, О торговлѣ, 1524 года. S. 1090—1123.

основъ вложено Лютеромъ въ это ученіе, въ противоположность охранительному характеру его политическихъ теорій. Какъ же оно отразилось въ народѣ? Самыми гибельными послѣдствіями для вѣры и нравственности. Въ 1527 году Лютеръ предложилъ курфирсту Саксонскому, Іоанну Фридриху, устроить церковный осмотръ въ его владѣніяхъ. Осмотрщиками назначены, между прочими, Лютеръ и Меланхтонъ. Они ужаснулись, встрѣчая повсюду нищету духовенства, грубое невѣжество народа и отчасти его духовныхъ наставниковъ. Въ предисловіи къ малому Катихизису, изданному Лютеромъ по возвращеніи, онъ такими словами описываетъ глубокое паденіе вѣры въ странахъ, имъ осмотрѣнныхъ: «Написать Катихизисъ, привести его въ бѣдную, простую, ничтожную форму, принудила меня жалкая, несчастная необходимость, испытанная мною незадолго до того, когда былъ я визитаторомъ. Господи Боже мой! Какихъ дѣйствій не насмотрѣлся я! Простой народъ рѣшительно ничего не знаетъ о Христіянскомъ ученіи, особенно по деревнямъ, гдѣ даже много приходскихъ священниковъ, къ наставленію народа неспособныхъ, и, однако, всѣ называютъ себя Христіянами, всѣ крещены и принимаютъ Св. Тайны. Ни одинъ не знаетъ ни молитвы Господней, ни Символа вѣры, ни 10 заповѣдей; живутъ, какъ скоты безсмысленные, и, однако, не успѣло появиться Евангеліе, уже мастерски научились употреблять во зло Христіянскую свободу.» Видно, что Лютеръ не ожидалъ въ народѣ такого невѣжества; все видѣнное и слышанное имъ произвело въ немъ сильное потрясеніе и заставило раздуматься о причинахъ. Отнынѣ онъ измѣняетъ совершенно образъ дѣйствій въ отношеніи къ народу. Онъ понялъ, что проповѣдь его о Благодати — орудіе опасное въ рукахъ грубой черни: замѣчаніе, давно уже повторявшееся въ устахъ Католиковъ, и еще въ 1517 году сдѣланное Георгомъ Саксонскимъ. (1) Два Катихизиса, большой и малый, были первымъ и самымъ значительнымъ противодѣйствіемъ исключительности его ученія. Здѣсь, кромѣ заглавія книги и имени ея сочинителя, ни одна черта не напоминаетъ намъ любимыхъ мыслей преобразователя. Христіянская свобода, до сихъ поръ краеугольный камень церковнаго устройства новой Евангельской общины, въ отношеніи къ народу вовсе отвергнута. Проповѣдникамъ вмѣняется въ непремѣнную обязан-

(1) Jurg. III, 300.

ность сохранять постоянно однѣ и тѣже внѣшнія формулы для преподаванія ученія вѣры. «Молодой и глупой народъ должно учить всегда въ однихъ и тѣхъ же словахъ; въ противномъ случаѣ неизбѣжны заблужденія; ученіе Христіянское должно преподаваться ему одинъ годъ, какъ другой, въ однихъ выраженіяхъ, не измѣняя ни малѣйшаго слова. Избери любую формулу преподаванія и оставайся при ней постоянно. Отче нашь, Символъ вѣры и Заповѣди заставляй ихъ учить наизусть, повторять за собою отъ слова до слова. Кто не хочетъ учиться, того не допускать къ св. Причастію; дѣтей его оставлять не крещенными; словомъ, отчуждать его отъ всѣхъ дѣлъ Христіянской свободы. Родителямъ и господамъ отказывать ему въ пропитаніи, угрожать ему изгнаніемъ изъ родины. Когда хорошо ознакомятся съ текстомъ, объясняй имъ смыслъ каждой заповѣди коротко и отчетливо, придерживаясь также неизмѣнной формулы преподаванія. Не принуждай никого къ принятію Таинства, но безпрестанно напоминай, что кто не приступаетъ къ Причастію, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, презираетъ Христа и добровольно отрекается отъ его избраннаго стада.» Выборъ той или другой формулы Лютеръ оставляетъ на произволъ самимъ проповѣдникамъ, но видно, не слишкомъ полагаясь на ихъ усердіе, или умѣнье, предлагаетъ ихъ самъ въ Катихизисѣ, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Правила исповѣди и самое вопрошеніе кающихся, молитвы при началѣ всякаго дѣла, утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и послѣ, также помѣщены въ Катихизисѣ, съ приказаніемъ, выучивать ихъ наизусть и повторять по данной формѣ безъ перемѣны. Въ большомъ Катихизисѣ Лютеръ размѣряетъ всякій шагъ Христіянской жизни; на каждый случай предписываетъ либо молитвы, либо благочестивыя изреченія; въ сильныхъ выраженіяхъ обличаетъ народъ, который изъ всей Евангельской проповѣди извлекаетъ только одно необузданное своеволіе. Отселѣ законъ Христіянской терпимости смѣняется противоположнымъ закономъ религіознаго самоуправства, какого никогда не бывало и въ западной Церкви. Свобода опущенія наружныхъ, по мнѣнію Лютера, дѣлъ благочестія либо вовсе отмѣняется, либо значительно ограничивается. 1) Свобода въ постахъ. До сихъ поръ соблюденіе постовъ, установленныхъ Церковію, считалось насиліемъ совѣсти, и народъ, отвергая ихъ, думалъ творить угодное Богу. Теперь Лютеръ въ обьясненіи V гл. Матѳея, разбирая подробно вопросъ о постахъ, отвергаетъ ихъ только въ томъ видѣ, въ какомъ

соблюдались они въ Латинскомъ духовенствѣ за обѣдомъ съ 10 или 20 блюдами разомъ, съ лучшею рыбою, заграничными пряностями и превосходнымъ виномъ, а къ вечеру съ такимъ жирнымъ запасомъ, что чрево звучитъ барабаномъ; но оправдываетъ самый обычай, установленный св. Отцами съ хорошею цѣлію. Онъ принимаетъ два рода постовъ похвальныхъ и полезныхъ: одинъ, который называетъ гражданскимъ, установленный правительствомъ, какъ всякое другое распоряженіе, отнюдь же не въ видѣ Христіянскаго подвига. «Я желалъ бы, чтобы императоръ, или князья, постановили одинъ, или два раза въ недѣлю не ѣсть и не продавать ничего мяснаго; это было бы распоряженіе полезное, потому что предовращало бы дороговизну, необходимое слѣдствіе обжорства. Я желалъ бы еще, чтобы разъ въ недѣлю насъ обязали не ѣсть ничего, кромѣ хлѣба и воды, чтобы научить насъ, Нѣмцевъ, жить умѣреннѣе, особенно молодое поколѣніе.» Другой, церковный общій постъ, который слѣдовало бы постановить въ извѣстные дни, на примѣръ: въ навечеріи Пасхи, Сошествія Духа Святаго, и Рождества Христова, опять же не въ видѣ особеннаго богослуженія, а для упражненія Христіянъ, какъ мѣру внѣшняго порядка, для молодаго поколѣнія, чтобъ ознаменовать извѣстные праздники проповѣдію и благодарнымъ воспоминаніемъ событій Христовой жизни. Можно бы установить постъ по пятницамъ черезъ весь годъ, какъ особенно достопамятному дню въ Христіянствѣ, впрочемъ, не иначе, какъ по единодушному соглашенію Церкви. Настоящій же постъ,— по мнѣнію Лютера,—состоитъ въ обузданіи плоти умѣренностію относительно всѣхъ пяти чувствъ. Въ высшей степени замѣчательно при этомъ случаѣ указаніе на древнихъ Отцевъ, которые ничего не ѣли цѣлый день, спали мало, изнуряли плоть воздержаніемъ. (1) Сравнивши это свѣдѣтельство съ ученіемъ, изложеннымъ въ 8 проповѣдяхъ противъ Карлштадта въ 1523 году, видимъ, что Лютеръ умѣрилъ значительно рѣзкость сужденія своего о постахъ и почти возвратился къ древнему постановленію Церкви. 2) Такую же перемѣну замѣчаемъ въ ученіи о праздникахъ и другихъ церковныхъ обрядахъ. Первое предположеніе о Нѣмецкой обѣднѣ сдѣлано Лютеромъ еще въ 1523 году, въ слѣдствіе множества жалобъ на произвольно устанавливаемыя богослуженія (über die mancherlei der neuen Messen, dass ein jeglicher ein eigenes macht). (2)

(1) Отъ 1532 года. Walch, VII, §. 62—71, S. 782.
(2) Walch, X, S. 265.

Самый Служебникъ послѣдовалъ въ 1526 году, съ подробнымъ распредѣленіемъ богослуженія и проповѣди по всѣмъ днямъ недѣли. (1) Въ объясненіи 111-го псалма онъ велитъ праздновать Пасху по старой памяти (zum alten Gedächtniss); въ объясненіи 110-го признаетъ даже похвальный обычай облачаться въ св. ризы. «Этѣми внѣшними знаками,» — говоритъ Лютеръ, — «св. Отцы древней Церкви прекрасно знаменовали обязанности епископскаго и пресвитерскаго сана. Шапка двуостроконечная, оканчивающаяся на верху въ маломъ крестикѣ, съ двумя сзади спущенными лентами, означаетъ разумѣніе обоихъ Завѣтовъ, соединеніе ихъ во Христѣ и свободное развѣваніе смысла Писанія посредствомъ проповѣди. (2) 3) Свобода опущенія исповѣди. Во вторую пору реформаторской дѣятельности исповѣдь возвращена ко всей строгости ея совершенія въ Западной Церкви. Только приходскіе священники и болѣе просвѣщенные люди имѣютъ право приступать къ Евхаристіи безъ предварительной исповѣди. Это право отнимается у народа вмѣстѣ съ свободнымъ избраніемъ духовника между всѣми членами общины. «Молодой глупой народъ должно и воспитывать иначе, чѣмъ испытанныхъ въ вѣрѣ и просвѣщенныхъ людей. Они не должны быть допускаемы къ Таинству, не явившись предварительно къ приходскому священнику (Pfarrherr) и не подвергнувшись отъ него въ испытаніи вѣры и совѣсти.» (3) 4) Свобода вступленія въ бракъ, ограниченная въ каноническомъ правѣ безчисленными законами, стѣсняется снова гражданскими постановленіями. «Я предоставляю рѣшеніе частныхъ случаевъ брака гражданскимъ законамъ,» — говоритъ Лютеръ.—«Если по церковному уставу запретить вообще супружества въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, то я и этѣмъ доволенъ, ибо ради грубыхъ, дикихъ людей, презирающихъ Евангеліе и употребляющихъ его во зло для своихъ наслажденій, я желалъ бы запретить имъ пятое, шестое и седьмое колѣно, потому что они не стоятъ ни свободы, ни утѣшенія. Ради отчаяннаго, злаго, неблагодарнаго свѣта, не можетъ быть лучшаго управленія міромъ, какъ Турокъ и Папы, а еще превосходнѣе непосредственное владычество самаго діявола. Свѣтъ недостоинъ имѣть и строку полезныхъ и кроткихъ законовъ, недостоинъ и глазами увидѣть благочестиваго

(1) Walch, X, S. 268—272.

(2) Walch, V, Объясн. 111-го пс. §. 3.—110 пс. §. 159, S. 1447. — VIII, 4 гл. Галат. §. 187, 187, 188, S. 2471.

(3) Walch, X, Наставл. приходскимъ священникамъ §. 53, S. 1937.

владыку; только гибельные и безчеловѣчные законы тирановъ годятся для свѣта, который не терпитъ правленія кроткаго и настоящихъ законовъ.» ([1]) 5) Самое важное право: свобода толковать слово Божіе, предоставленная имъ прежде 9-лѣтнему ребенку, который право судитъ по вѣрѣ, ([2]) устранено окончательно новымъ церковнымъ устройствомъ, въ которомъ проповѣдникъ или приходской священникъ возносится надъ своею Христіянскою общиною ужасною духовною силою, присвоенною ему положеніемъ. Займемся подробнѣе послѣднимъ вопросомъ, потому что въ немъ преимущественно выражаются отношенія Лютера къ народу, во вторую пору его преобразовательной дѣятельности.

Съ уничтоженіемъ іерархіи священства, сообщаемаго помазаніемъ или рукоположеніемъ, какъ сказано выше, Лютеръ уничтожалъ и значеніе духовенства какъ сословія, уничтожалъ всякое различіе между мірянами и клиромъ, въ благодати священства и въ привилегіяхъ церковнаго сана. А такъ какъ различіе это въ Церкви первоначально основано было на превосходствѣ духовныхъ даровъ, сообщаемыхъ преемственнымъ рукоположеніемъ, то имъ весьма естественно опредѣлялись отношенія священниковъ къ паствѣ, какъ духовныхъ наставниковъ, свыше одаренныхъ премудростію. Лютеръ призналъ общее духовное священство (das geistliche Priesterthum) всѣхъ Христіянъ. Христосъ, высшій Іерей, самимъ Богомъ помазанный: 1) принесъ себя въ жертву за родъ человѣческій; 2) молился за насъ на крестѣ; 3) возвѣстилъ намъ Евангеліе. Этѣ три служенія священства онъ сообщилъ и каждому члену своего тѣла. Всѣ Христіяне, равно святые, единствомъ крещенія и таинствъ, всѣ священники Бога Вышняго, получили уже просвѣщеніе Духа и не требуютъ ни отъ кого поученія. Но здѣсь само собой представлялся вопросъ: если нѣтъ различія духовныхъ даровъ между отдѣльными членами Христіянской общины, то кто же возметъ на себя служеніе проповѣди? ([3]) Лютеръ не слишкомъ замысловато рѣшаетъ противорѣчіе. Различіе между проповѣдникомъ Евангельской церкви и общиною полагается общественнымъ званіемъ, въ которое онъ облеченъ. Всѣ священники, но не всѣ проповѣдники; всѣ Христіяне, но не всѣ

---

(1) Walch, Наст. проп. въ дѣлахъ брака, §. 98, 102, S. 254—958; X, §. 17, S. 711.
(2) Walch, XII, — §. 17—21, S. 1959—61.
(3) Walch, IX, Объясн. 2-й гл. 1-го посл. Петрова §. 15—21 S. 700—704.

учители. Общественное призванie къ проповѣди совершается выборомъ общины и утвержденiемъ власти правительственной. Безъ этого внѣшняго утвержденiя (Befehl) недѣйствительно внутренее призванie или влеченie духа къ служенiю проповѣди (Beruf). (1) Гражданское распоряженie замѣняетъ благодать священства и изводитъ на избираемаго освященie Духа. Апостолы призваны къ служенiю проповѣди непосредственно самимъ Iисусомъ Христомъ, равно и пророки Ветхозавѣтные. «Въ наше время,» — говоритъ Лютеръ,— «Господь призываетъ служителей слова чрезъ людей. Апостолъ Павелъ призвалъ Тимоѳея и Тита; ученики апостольскiе, въ свою очередь, призвали епископовъ, епископы позднѣйшихъ потомковъ до нашихъ временъ.» И хотя Лютеръ признаетъ неизмѣннымъ этотъ способъ избранiя до конца мiра, (2) но тутъ же самовольно замѣняетъ епископское рукоположенiе простымъ распоряженiемъ власти гражданской. «Если Государь, или правительство, призоветъ кого либо къ служенiю проповѣди, то избранiе будетъ также посредственное, и этотъ способъ избранiя нынѣ единственный для всей Церкви послѣ исключительнаго избранiя апостоловъ, которые не дерзнули назначить отъ себя преемника Iудѣ, отпавшему, а просили указанiя Божiя.» (3) «Призванie власти гражданской, въ противоположность рукоположенiю священства, потому дѣйственно,»— по мнѣнiю Лютера,—«что въ немъ выражается воля и избранiе Божiе. Орудiемъ правительства Богъ изрекаетъ свое назначенie быть проповѣдникомъ тому или другому члену общины, а что такъ должно быть, по тому только вѣрно, что оно есть, что оно существуетъ на дѣлѣ. Ибо если бы Богу угодно было измѣнить распоряженie правительства, и назначить другаго проповѣдника вмѣсто меня, онъ указалъ бы на перваго, а меня заставилъ бы молчать и слушать другаго. Но такъ какъ я дѣйствую словомъ, значитъ, Богъ допускаетъ мое служенie, и ты долженъ повиноваться мнѣ, какъ истинному учителю и апостолу Божiю. (4) Если правительство назначило меня проповѣдникомъ, я долженъ гордиться его назначенiемъ, какъ истиннымъ и божественнымъ, потому что повелѣнie Божie возвѣщается мнѣ изъ устъ моего государя. По

(1) Walch, X, О священiи имени Божiя, §. 14—23, S. 1831—1807.
(2) Walch, VIII, Обьясн. 1 гл. Галат. §. 18, S. 1575.
(3) Ibid. §. 19, 25, S. 1576—1580.
(4) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. I Кор. §. 68, S. 1191; §. 71, S. 1193.

просьбѣ одного или двухъ гражданъ, я не рѣшился бы проповѣдывать; но если лице правительственное, облеченное властію, приглашаетъ меня, я обязанъ принимать его просьбу за признаніе свыше. (1) Призванный этѣмъ путемъ, проповѣдникъ становится лицемъ общественнымъ (persona publica), и рѣшеніе его не какъ Мартина, а какъ доктора Лютера, имѣетъ силу рѣшенія цѣлой общины, или даже всей Христіянской Церкви; такъ точно какъ гражданинъ Тарсійскій не имѣетъ значенія, а св. Павелъ, призванный къ служенію апостольскому, просвѣщаетъ вселенную.» (2) Лютеръ замѣчалъ не безъ сожалѣнія неосновательность своей теоріи, лишенной внутренней логической силы, потому что она постоянно противополагала Божественное наставленіе Апостоловъ и ихъ преемниковъ чисто внѣшнему дѣйствію власти гражданской, тѣмъ болѣе, что противники его, Сакраментисты, особенно Карлштадтъ и Цвинглій, были гораздо послѣдовательнѣе его въ этомъ случаѣ, оставаясь вѣрными прежней системѣ, что всѣ члены общины, свыше облеченные Духомъ, не имѣютъ нужды для проповѣди ни въ какомъ человѣческомъ утвержденіи. Онъ старался, по крайней мѣрѣ, спасти свою личность, ссылаясь уже не на выборъ его въ проповѣдники мѣстнымъ начальствомъ, а на утвержденіе въ степени доктора въ 1512 году отъ лица папы, главы Христіянства. (3) Онъ жалѣлъ и о древнемъ уставѣ апостольской Церкви, въ которой служители слова и таинствъ назначались по жребію, (4) и утѣшался только мыслію, что и имъ предложенный способъ избранія, по волѣ правительства, также основанъ на древнемъ обычаѣ; но въ томъ и въ другомъ случаѣ все же умалчивалъ о посвященіи, боясь слишкомъ явнаго противорѣчія. Во всякомъ случаѣ весьма замѣчательно, что онъ нѣкоторымъ образомъ принимаетъ и Епископское рукоположеніе, потому что въ обрядѣ поставленія проповѣдниковъ, имъ сочиненномъ, возложеніе рукъ на главу избираемаго совершается Суперинтендентомъ или старѣйшимъ пресвитеромъ, вмѣстѣ съ молитвою о нисхожденіи Духа Святаго. (5)

Объемъ духовной власти проповѣдника, избраннаго общиною и утвержденнаго верховною властію, ничѣмъ не разнится отъ іерархическаго значенія Латинскаго духовенства, или лучше

(1) Ibid. 1 гл. Галат. §. 21, 23, S. 1578—79.
(2) Walch, VII, Объясн. 8 гл. Іоанна, §. 76—78, S. 2435—37.
(3) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. 1 Кор. §. 78, S. 1199.
(4) Ibid., 1 гл. Галат. §. 24, S. 1580.
(5) Walch, X, S. 1874—1879.

сказать, во многихъ отношеніяхъ его превосходитъ. 1) Лютеръ подтверждаетъ съ новою силою разъединеніе власти гражданской съ духовною, признаетъ совершенную свободу и независимость проповѣдниковъ отъ всякаго вмѣшательства свѣтскаго начальства въ духовную область вѣры и совѣсти. Это послѣднее совершается только однажды, при утвержденіи, но далѣе не простирается. «Папы, епископы, Второкрещенцы, гонялись за свѣтскою властію, добивались владычества въ области, чуждой призванію ихъ. Съ другой стороны государи, князья и дворяне, даже мѣщане и сельскіе жители, вторгаются въ духовное вѣдомство приходскихъ священниковъ. Но правительство свѣтское носитъ только желѣзный мечъ гражданскаго права; проповѣдникъ носитъ жезлъ и духовный мечъ слова Божія.» Послѣднее право во всѣхъ отношеніяхъ завиднѣе перваго, признавая за проповѣдникомъ безусловное владычество надъ совѣстію Христіянской паствы, и сдѣсь государь (исключая лица императорскаго, которое не подлежитъ суду человѣческому) нисходитъ на степень послѣдняго подданнаго. Я говорю безусловное, потому что однимъ изъ существенныхъ правъ проповѣдника Лютеръ считаетъ свободное обличеніе и духовное наказаніе, доходящее снова, какъ въ Западной Церкви, до ужасовъ отлученія отъ Церкви или анаѳемы. «Молодые дворяне,» — говоритъ Лютеръ, — «князья и юристы присвоиваютъ себѣ незаконное право учить проповѣдниковъ, принуждать Христіянъ къ принятію Таинствъ по ихъ разумѣнію. Кулачное право хотѣло бы переродиться въ духовную силу; земные владыки желали бы возобладать Церковію и каѳедрою проповѣдниковъ, и сдѣлать служителей Слова своими низкопоклонниками. Въ такомъ случаѣ я уступаю мѣсто свое сатанѣ, потому что самозванцы дерзко привлекаютъ къ себѣ мечъ Слова и Духа, и выгоняютъ изъ храма не торжниковъ, а истинныхъ учителей и проповѣдниковъ. Этѣ мѣры теперь въ общемъ ходу: вездѣ на церковныхъ вратахъ вы найдете приказы и распоряженія, чтобы міряне не принимали Евхаристіи подъ обоими видами.» (1) Основываясь на правѣ обличенія свѣтскихъ владѣтелей, Лютеръ смѣло вступаетъ въ борьбу съ Георгомъ Саксонскимъ, и изъ своего Виттембергскаго прихода мещетъ перуны въ Лейпцигскаго тирана. «Благодатію Божіею изрядный докторъ св. Писанія, надѣюсь, что не менѣе честно и добросовѣстно исправляю служеніе

(1) Walch, VII, Объясн. 2-й гл. Іоанна, §. 28—33, S. 1742, flg.

Христіянской проповѣди и душеспасенія, какъ онъ свое княжеское. Но да не жалуется онъ на оскорбленіе своей княжеской чести. Въ отвѣтъ тѣмъ, которое желали бы, чтобы я щадилъ Герцога, скажу смѣло, что я уже излишне щадилъ его ради славнаго дома Саксонскаго.» (1) «Богъ единый, по ученію Лютера, стоитъ вѣчно въ сонмѣ боговъ (земныхъ государей) въ лицѣ священниковъ и проповѣдниковъ, которымъ дана власть обличать и наказывать. Есть много лѣнивыхъ учителей, которые засыпаютъ въ бездѣйствіи; есть много ядовитыхъ льстецовъ, которые льстятъ тому или другому сословію; есть много злорѣчивыхъ, которые изподтишка острятъ языки. Нѣтъ! Въ самомъ сонмѣ боговъ, проповѣдникъ долженъ обличать беззаконія, говорить правду въ глаза. Онъ не придворный служитель, онъ не рабъ черни, онъ слуга Божій, и власть его равно простирается надъ властителями и надъ рабами. (2) Значитъ, Лютеръ своимъ проповѣдникамъ даетъ смѣло права которыя въ тоже время отнимаетъ у папы и Латинскаго духовенства.

2) Церковное устройство, предложенное Лютеромъ, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ Латинскую іерархію. По ученію Лютера, Христіянская церковь, или общество вѣрующихъ, не терпитъ сосредоточенія духовной власти въ лицѣ могущественныхъ Іерарховъ, а должна быть распредѣлена на приходы или общины самой умѣренной величины. Въ каждомъ изъ этѣхъ приходовъ всѣ дѣла церковнаго управленія, проповѣдь и совершеніе таинствъ поручаются въ полное вѣдомство настоятелю (Pfarrherr), епископу (надзирателю), или пресвитеру (сеніору, старѣйшинѣ); между начальниками отдѣльныхъ приходовъ не существуетъ взаимнаго соподчиненія; независимые одинъ отъ другаго, они управляютъ подвѣдомственною общиною со всѣмъ полномочіемъ папъ. Всякое вмѣшательство въ дѣла постороннихъ приходовъ запрещается строго, а наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ этой общинной или лучше олигархической формы правленія поручается мѣстнымъ начальствамъ. Первообразъ такому правленію Лютеръ находитъ въ примѣрѣ Христа и апостоловъ. «Христосъ всего чаще проповѣдывалъ въ Капернаумѣ; тутъ была его каѳедра. (3) Апостолъ Павелъ не хотѣлъ проповѣдывать въ мѣстахъ, гдѣ прежде его дѣйствовали

(1) Walch, V Объясн. 82 Пс. S. 1028—1075. §. 18—24.

(2) Walch, VII Объясн. 6 гл. Іоанна, §. 100, S. 2159.

(3) Walch, Объясн. 5, 6, 7, гл. Матѳ. §. 1—5, S. 531.

словомъ другіе апостолы (Рим. XV, 20; 2 Кор. X, 15—16). (1) Послѣ апостоловъ никто не посланъ былъ на всемірную проповѣдь; всякій епископъ и священникъ имѣетъ особенную епархію, или приходъ; апостолъ Петръ потому и называетъ ихъ клиромъ, что каждому поручена часть народа, и никто безъ согласія и вѣдома его не долженъ осмѣлиться ни открыто, ни тайно учить его паству. Равно проповѣдникъ Евангельскій не долженъ возвѣщать Слова Божія въ приходѣ Паписта, или еретика, безъ особеннаго его разрѣшенія. Если же въ какомъ ни будь городѣ, или приходѣ Паписты и Лютеране препираются о важныхъ предметахъ, и каждая сторона ссылается на св. Писаніе, Лютеръ совѣтуетъ своимъ отступить добровольно, если народъ ихъ не слушаетъ. Если же споръ не прекратится по общему согласію, потребно вмѣшательство власти правительственной, которая обязана принудить къ молчанію неправую сторону, по примѣру Константина Великаго, поручившаго Пробу разобрать прѣніе Аѳанасія Великаго съ Аріемъ. И подавно, когда споръ идетъ о предметахъ, не касающихся сущности вѣры, на пр., объ обрядахъ, не основанныхъ на св. Писаніи и не запечатлѣнныхъ чудесами и кровію мучениковъ, правительство должно рѣшительно понудить тяжущихся къ миру, потому что любовь Христіянская выше обрядовъ. (2) Тоже правило Лютеръ примѣняетъ къ себѣ. «Я не долженъ, не призванный, проповѣдывать ни въ Лейпцигѣ, ни въ Магдебургѣ, хотя бы я слышалъ, что тамъ проповѣдуютъ ереси; мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ; пускай говорятъ, что хотятъ; гдѣ я ничего не посѣялъ, тамъ ничего не могу пожинать. (2) Даже, если бы дошло до моего свѣдѣнія, что лжеучители вводятъ въ заблужденіе Христіянскія души, а я могъ бы словомъ своимъ избавить ихъ отъ мученій ада, и тогда бы мнѣ слѣдовало отдать все дѣло на волю Божію, потому что Богъ, когда хочетъ, можетъ возстановить имъ вѣрныхъ служителей (Матѳ. IX, 38).» (3) Нѣтъ нужды говорить о безчисленныхъ нарушеніяхъ, какія позволялъ себѣ Лютеръ: онъ чувствовалъ самъ незаконность ихъ, и считалъ необходимымъ очистить въ нихъ совѣсть предъ современниками. Слово, говоренное имъ въ Галлѣ въ 1545 году, онъ

(1) Walch, V, Объясн. 82 Пс. §. 52—65. — Walh, VII Объясн. 2 гл. Іоанна, §. 56, S. 1761.

(2) Wlch, VII, Объясн. 8 гл. Іоанна, §. 31, S. 2406.

(3) Walch, VII, Объясн. 1 гл. Галат. §. 19, S. 1577.

начинаетъ съ того, что проповѣдуетъ безъ нужды, зная, что тамошняя община имѣетъ много прилежныхъ и ученыхъ служителей слова; но извиняется желаніемъ показать свое единомысліе съ ними. (1) «А что я во всемъ мірѣ проповѣдую письменно, хотя устная проповѣдь дозволена мнѣ въ одномъ Виттембергѣ, то дѣлаю я не охотно; противъ воли возведенный въ санъ учителя въ св. Писаніи, по повелѣнію императора и съ дозволенія папы, я началъ, какъ докторъ, объяснять слово Божіе въ Университетѣ, и не имѣю права теперь измѣнять своей клятвенной присягѣ. (2) «Такимъ образомъ сосредоточеніе Западной Церкви, опиравшееся на внѣшнемъ единствѣ правительственныхъ формъ и наружномъ однообразіи догматовъ, разлагается въ особномъ характерѣ Протестанскихъ церквей. При всемъ томъ, не смотря на внѣшнее различіе, въ основаніи тому и другому лежитъ одно и тоже начало личности, съ тою только разницей, что въ Западной Церкви духовное единство вѣры приносится въ жертву прихотливому авторитету одного человѣка, а въ Протестанскихъ общинахъ разрѣшается въ безчисленномъ множествѣ частныхъ ученій. По крайней мѣрѣ, Латинская церковь дѣйствовала откровенно, подчиняя открыто единомысліе вѣры насилію формы, если и не соотвѣтствовавшей свойству истинной Церкви, но за то изумительно стройной и величавой, и здѣсь разгадка несокрушимаго могущества Римскаго колосса, Протестантская же, въ самомъ зародышѣ разчленилась на множество чуждыхъ другъ другу отдѣловъ и, принявши въ себя полицейское начало порядка и дисциплины, уничтожила въ самой основѣ понятіе Церкви, какъ всемірнаго общенія вѣрующихъ. Правда, Лютеръ мечталъ о возможномъ однообразіи вѣроученія въ общей массѣ приходовъ, и старался достигнуть этой цѣли, уничтоживъ обязательную силу церковныхъ обрядовъ и приводя Христіянское ученіе въ тѣсные предѣлы двухъ или трехъ, упрощенныхъ до невозможности, догматическихъ формулъ. (3) Но право свободнаго толкованія Библіи, признанное во всей полнотѣ за начальниками отдѣльныхъ приходовъ, и Лютеровъ любимый конекъ, что въ дѣлѣ вѣры Христіянинъ долженъ твердо стоять за свои убѣжденія, не уступая противникамъ

---

(1) Ibid. S. 1865.

(2) Walch, V, 82 nc.

(3) Walch, VIII, 2 Галат. §. 95, S. 1761; X гл. 1 пос. Петр. §. 89—90, S. 684, 2 гл пос. §. 6, S 865.; XII, §. 15, S. 1535.

ни одной черты, потому что вѣра выше любви, и дѣло идетъ не о сохраненіи внѣшняго мира или согласія, а объ вѣчномъ спасеніи, заключали въ себѣ зародышъ самаго страшнаго разъединенія и вѣроисповѣднаго безначалія, котораго гибельныя плоды созрѣли еще во второй половинѣ XVI столѣтія. Полицейскимъ учрежденіемъ о неприкосновенности каждаго прихода, столь противнымъ кроткому духу всемірнаго обличенія, которое нѣкогда связывало всѣ части Вселенской Церкви любовнымъ союзомъ Христіянскаго братства, воспитана строптивая личность Протестантскихъ общинъ, духъ раздора и ненависти, упрямая настойчивость, которая ставила совершенство вѣры въ щепетильной привязанности къ буквальному смыслу того или другаго догмата въ его безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ. Это ретивое притязаніе на первенство, источникъ безчисленныхъ страданій себялюбивой личности Лютера, есть единственное наслѣдіе, оставленное Протестанской Церкви ея основателемъ.

3) Наконецъ, въ отношеніи къ общинѣ власть проповѣдника естественно перерождается въ религіозное самовластіе. Самодержавный распорядитель вѣры и совѣсти, приходскій священникъ Протестанской общины чуть, чуть не облекается снова во всѣ права самой страшной духовной инквизиціи. Какъ согласить это начало іерократическое съ уничтоженіемъ самой іерархіи? Виттембергскіе богословы выставили положеніе, что человѣкъ, послѣ паденія, не только утратилъ первобытное совершенство, но что духовныя силы его подверглись совершенному искаженію, такъ что разумъ представляетъ одно уклоненіе отъ истины, воля одно поползновеніе къ злому. (1) Жизнь человѣка, отягчаемая, съ одной стороны, гоненіями враговъ, съ другой вѣчными укоризнами совѣсти, которыя приходятъ отъ діявола, есть скорбный путь отъ колыбели до гроба. Древніе изобразили ее въ поэмѣ о Тондалѣ, которому предстояло шествіе по узкому мосту въ два, или три, вершка ширины съ тяжелой ношей, подъ нимъ зіяла пропасть, наполненная сѣрой и жупеломъ, въ которой гнѣздились драконы; на встрѣчу ему шелъ человѣкъ, которому онъ долженъ былъ уступить дорогу. Представленная въ такомъ видѣ жизнь человѣческая является какимъ-то предвкушеніемъ ада. Примиреніе съ Богомъ совершается вѣрой; но вѣра входитъ въ человѣка только внѣшнимъ слухомъ.

(1) Walch, VII, §. 342 flg., S. 1918.

Въ словѣ и таинствахъ его возрожденіе, котораго онъ не можетъ найти въ своей собственной, искаженной, природѣ. Вѣра дается какъ особенный даръ, какъ откровеніе свыше, и проникаетъ во внутренняго человѣка извнѣ, безсознательно, какъ бы нечаянно, посредствомъ устнаго слова. «Духъ Святый ниспосылается въ сердца вѣрующихъ, и это совершается безъ всякихъ видимыхъ знаковъ и откровеній; когда мы слушаемъ слово, тогда сердце наше просвѣщается и воспламеняется устною проповѣдію.» [1] Эта проповѣдь установленіе божественное; она замѣняетъ непосредственныя откровенія, она сама постоянное откровеніе. Лютеръ такъ высоко уважаетъ устное слово, что считаетъ его первоначальнымъ и единственнымъ способомъ сохраненія истинной вѣры отъ самаго сотворенія міра. Всѣ божественныя изреченія въ Ветхомъ Завѣтѣ приписываетъ патріархамъ и пророкамъ, подвигнутымъ Духомъ Божіимъ. Обличеніе Каину въ братоубійствѣ послѣдовало не собственно отъ лица Божія, а отъ Адама, котораго устами Самъ Богъ говорилъ. Слово Божіе, повелѣвавшее Ною войти въ ковчегъ, было послѣднимъ завѣтомъ остававшагося еще въ живыхъ, по счисленію лѣтъ, Маѳусала. «Гдѣ только можно, я предпочитаю объясненіе это всякому другому, въ прославленіи проповѣди, прибавляетъ сдѣсь Лютеръ. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что Богъ не всегда являетъ себя человѣку чудесно и въ особенныхъ откровеніяхъ преимущественно тамъ, гдѣ установлена постоянная проповѣдь (das ordentlice Predigtamt) съ тою именно цѣлію, чтобы Богъ, посредствомъ ея, могъ бесѣдовать съ человѣкомъ, учить, наставлять, утѣшать его. [2] Всѣ откровенія, бывшія Аврааму, по Лютеру, сообщены ему Симомъ или Мельхиседекомъ. Когда Ревекка, почувствовавъ играніе младенцевъ, пошла вопрошать Господа, Лютеръ относитъ вопрошеніе къ тому же патріарху Симу. Тѣмъ болѣе въ Новомъ Завѣтѣ, когда заключился рядъ откровеній явленіемъ самаго Бога во плоти, Богъ говоритъ съ человѣкомъ только посредствомъ устнаго слова. По Лютеру апостолъ Петръ, сказавши Спасителю, что у него глаголы живота вѣчнаго, показывалъ тѣмъ, что онъ не столько прилѣплялся къ лицу Сына Божія, сколько къ слову его. [3] При чтеніи и слушаніи св. Писанія необходимо откровеніе Духа Святаго, который

---

(1) Walch, Объясн. 4 гл. Галат. §. 58, S. 2594; 14 гл. Іоанна, §. 410, S. 269; — VII, 2 гл. Іоанна, §. 78, S. 1770.
(2) Walch, I, §. 4—5, S. 803—301. — V, Объясн. 23 Ис. §. 65, S. 409.
(3) Walch, VII, Объясн. 6 гл. Іоанна, §. 510, 2197.

одинъ можетъ дать читающему и слушающему свѣтъ разумѣнія. Но Духъ Святый не даетъ его иначе, какъ посредствомъ проповѣди и ученія, развѣ по особенному чуду, какое совершилось, на примѣръ, надъ Апостолами въ день Пятидесятницы.» (1) Одинъ Богъ, безъ устнаго слова, недоступенъ, какъ желѣзная стѣна; чѣмъ болѣе человѣкъ усиливается взять ее приступомъ, тѣмъ болѣе наноситъ себѣ вреда.» (2) Только устное слово можетъ прогнать волхвованіе діявола, обнаруживающееся въ упорномъ отрицаніи истины. Когда слово Божіе не только возвѣщается проповѣдникомъ, но и принимается вѣрою слушателя и проникаетъ въ сердце его, тогда происходитъ настоящее послушаніе вѣры (auditus fidei). (3) Смотрѣть на небо и ожидать откровеній безумно; слово Божіе единственный путь и лѣствица, ведущая къ небу, по которой Духъ Св. нисходитъ на вѣрующихъ. И въ Дѣяніяхъ читаемъ, что всѣ слушавшіе проповѣдь ап. Петра немедленно получали Духа Святаго. Allein das Hören bringet den H. Geist mit sich. (4) По этому случаю Лютеръ велъ нескончаемую перебранку съ послѣдователями Карлштадта и Цвинглія, которые отвергали чудотворную силу устнаго слова, презирали даже Евангеліе, называя его мертвою буквою, и хвалились непосредственными откровеніями. (5) «Христосъ,»—говоритъ онъ,—«осуждаетъ мечтателей, которые ждутъ ниспосланія Духа Святаго отъ Господа съ неба. Родъ невѣрный, знаменія не дастся ему. Если бы проповѣдь не продолжалась непрерывно въ Христіяской Церкви, крещеніе, евхаристія и истинное Богопознаніе не могли бы въ ней сохраниться. Какъ могли бы онѣ удержаться безъ всенароднаго слова? Частное изученіе и молитва въ этомъ случаѣ были бы недостаточны. Но Богъ, по милости своей, во все продолженіе папства воздвигалъ проповѣдниковъ и распространялъ свое слово, которое изъ устъ одного входило въ уши другаго.» (6) Уваженіе къ устному слову Лютеръ доводитъ до униженія Евангелія, принимаемаго въ настоящемъ значеніи, какъ письменной повѣсти о жизни и ученіи Спасителя; онъ какъ будьто считаетъ его недостаточнымъ и требуетъ въ допол-

(1) Walch, VIII, Объясн. 16 гл. Іоанна §. 157, S. 578.
(2) Ibid. Галат. S. 1699.
(3) Ibid. 3 гл. Галат. §. 29—30, S. 1966.
(4) Walch, IX, Объясн. на пос. къ Тимоѳею, §. 37, S. 514.
(5) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. 1 Кор. §. 46, S. 1177.
(6) Walch, VIII, Объясн. 14 гл. Іоанна, §. 332—333, S. 205,—VI, 1 гл. Іоанна, §. 117 flg., S. 1469 flg.

неніе ему живаго вѣщанія проповѣдника. «Законъ,» — говоритъ онъ,—«начертанный на двухъ скрижаляхъ, былъ мертвою буквою, которая не простиралась дальше самихъ скрижалей, и мало дѣйствовалъ на человѣка; а Евангеліе свободно раздается по воздуху въ живомъ словѣ учителя, а потому и дѣйствительнѣе въ обращеніи народовъ. По этой причинѣ Христосъ самъ ничего не предалъ письму, а только отверзалъ уста свои. Апостолы также не много писали, за то много дѣйствовали живымъ словомъ. Въ Церкви Папистовъ, наоборотъ, оскудѣло благовѣстіе·слова, а книгописанію не было конца. (1.) Отсюда важное значеніе проповѣдниковъ, какъ посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ въ Протестанской Церкви. Лютеръ возвратилъ Евангеліе Западному человѣчеству, но, въ награду за то благодѣяніе, присвоилъ себѣ право даровать его, какъ опасное орудіе для незрѣлаго ума его соотечественниковъ, изъ собственныхъ рукъ; Евангеліе не больше прежняго стало достояніемъ міряръ; оно доходило до нихъ не иначе, какъ изъ устъ проповѣдниковъ. Тоже право невозбранно искажать смыслъ Евангельскій, которымъ прежде съ такою свободою пользовалось духовенство Латинское, дано Лютеромъ привилегированной кастѣ его проповѣдниковъ, какъ людямъ, исполненнымъ Духа Святаго.» Хотя бы ангелъ сошелъ съ неба и сталъ воскрещать мертвыхъ, ты не долженъ вѣрить ему. Держись моего слова, держись каѳедры проповѣдника и таинствъ,» — говоритъ Богъ Протестантовъ. «Только тутъ ты найдешь меня. Я вхожу въ твое сердце и говорю съ тобой.» (2) «Проповѣдникъ творитъ страшное чудо служеніемъ своимъ, т. е., словомъ и таинствами онъ приводитъ тебя къ вѣрѣ, избавляетъ отъ вѣрной смерти и, въ замѣнъ того, даетъ тебѣ вѣчную жизнь. (3) Проповѣдники, избранные гражданскою властію, которой рѣшеніе, какъ сказано выше, есть признакъ Божественнаго посланничества, заблуждаться не могутъ,» потому что Христосъ ниспосылаетъ на нихъ Духа, который утверждаетъ ихъ въ истинѣ вѣры и даетъ имъ право судить другихъ. Онъ Духъ истины, дѣлаетъ ихъ не только бойцами и побѣдителями въ борьбѣ съ еретиками, но и съ великими учителями, которыхъ судъ въ дѣлахъ вѣры будетъ рѣшительный. (4) Истинный

(1) Walch, XII, S. 16, S. 1570.
(2) Walch, VII, Объясн. 7 гл. Матѳ. §. 157, S. 941.
(3) Ibid. §. 162, S. 947.
(4) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. Іоанна, §. 248, S. 465.

Христіянинъ не можетъ проповѣдывать ложно, потому что Христосъ не допускаетъ его до заблужденій.» (1) Но Благодать Божія, по ученію Лютера, дѣйствуетъ въ проповѣдникахъ независимо и отъ личнаго ихъ недостоинства, или даже невѣрія Сдѣсь кладется послѣдній камень къ ѳеократическому зданію Протестанскихъ учителей. «Если самъ проповѣдникъ, какъ человѣкъ недостойный, не получаетъ сокровища слова, имъ проповѣданнаго, то все же причастникомъ его становится, кто съ вѣрою его принимаетъ. Каіафа, хотя былъ архіерей нечестивый и Богоубійца, но тѣмъ не менѣе силою своего званія чудесно пророчествовалъ (Іоанна XI, 51). Должно отличать лице отъ служенія; мы преклоняемся передъ ученіемъ и съ благоговѣніемъ принимаемъ его, не взирая на лице проповѣдника.» (2) Сила устнаго слова равняется таинственной силѣ крещенія и евхаристіи, потому что, по мнѣнію Лютера, еретики, отвергая ее, дѣлаютъ тоже, что называя крещеніе простою водою, а евхаристію хлѣбомъ и виномъ. (3) Но спрашивается: какъ можно отдѣлить лице проповѣдника отъ служенія словомъ? Служитель Таинства, недостойно его совершающій, все же остается безсознательнымъ проводникомъ Благодати; мы вѣримъ въ возможность этого чуда; потому что въ лицѣ его непосредственно дѣйствуетъ Богъ; но служитель слова, лице живое и дѣятельное; онъ долженъ самъ проникнуться истиною, чтобъ передать служитетелямъ. Въ противномъ случаѣ онъ будетъ непогрѣшителенъ. Какъ папа, человѣкъ грѣшный, когда изрекаетъ опредѣленіе отъ имени Церкви, заблуждаться не можетъ, такъ и проповѣдникъ, когда восходитъ на каѳедру, исполняется духа и говоритъ слово Божіе. По крайней мѣрѣ, въ лицѣ Римскихъ епископовъ, хотя и недостойныхъ представителей Церкви, Западное человѣчество училось уважать преданія Церкви и священный характеръ рукоположенія апостольскаго. Ученіе Лютера исключаетъ даже внѣшнее украшеніе и возноситъ самую личность проповѣдника надъ всею Христіянскою Церковію. Авторитетъ преданія, значеніе Іерархіи, видимое преемство апостольскаго служенія и даровъ Благодати, смѣняется Іерократіей, безусловнымъ владычествомъ самозванцевъ Евангельскихъ. Въ отношеніи къ этѣмъ послѣднимъ все прочее Христіянское стадо

(1) Walch, VII, къ 38 ст. 7 гл. Іоанна.
(2) Ibid. §. 166, S. 950.
(3) Ibid. Объясн. 7 гл. Іоанна, §. 187, S. 2321.

низводится на степень безгласнаго подданства; оно не можетъ ни судить, ни обличать своихъ духовныхъ наставниковъ, а должно вѣрить ихъ вдохновенному слову, какъ гласу Евангельскому, принимать съ уваженіемъ и самыхъ недостойныхъ священниковъ. «Богъ призвалъ насъ Духомъ Святымъ,» — говоритъ Лютеръ о себѣ и своихъ проповѣдникахъ, — «и украсилъ насъ несравненно высшими дарами, нежели прочихъ. Мы можемъ хвалиться съ ап. Павломъ, что Богъ намъ снова явилъ св Евангеліе и, такимъ образомъ, благословилъ нашу проповѣдь, что все же за нами останется слава возобновленнаго ученія вѣры. Словомъ, каковы бы ни были (kurz, wir sein, wie wir wollen), но они должны принимать Евангеліе, разрѣшеніе и Евхаристію отъ своихъ приходскихъ священниковъ и призванныхъ проповѣдниковъ, и если имъ дорого душевное спасеніе, не презирать божественнаго чиноначалія. (1) Какъ бы ты ни былъ святъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы слово твое было святѣе и заслуживало болѣе вѣры, чѣмъ моя проповѣдь. Намъ дѣла нѣтъ до того, что скажетъ св. Павелъ, праведный мужъ, а что скажетъ рабъ и апостолъ Христовъ. Я не спрашиваю, святъ ли ты, а что проповѣдуешь и отъ кого призванъ къ проповѣди? (2) Овцы должны знать голосъ пастыря; закрыть очи и уши на все постороннее, не обольщаться величіемъ, святостію и мудростію чужихъ учителей. Какъ скоро паства обнаружитъ сомнѣніе къ словамъ проповѣдника и желаніе повѣрить ихъ чужими свѣдѣтельствами, она уже уклонилась отъ пастыря.» (3) Подчиненіе общины простирается до того, что ни одинъ ея членъ не имѣетъ права принимать къ себѣ въ домъ проповѣдника чужаго прихода, и отцамъ семейства, какъ бы изъ милости, позволяется учить вѣрѣ своихъ домочадцевъ.» (4) Этотъ образъ мыслей Лютера всего рѣзче выраженъ въ посланіи къ Эбергарду Ф. Д. Такнену, чиновнику Вартбургскому, и къ другимъ городамъ Нѣмецкой земли противъ странствующихъ проповѣдниковъ. Тамъ, между прочимъ, возстановлено даже различіе проповѣдниковъ и мірянъ и разбирается текстъ ап. Павла (I Кор. 14, 30): «Аще ли иному откроется сѣдящу, первый да молчитъ.» Лютеръ отрицаетъ свободу каждаго члена общины

---

(1) Walch. VIII, Объясн. 15 гл. 1 кор. §. 68, S. 1191.
(2) Ibid. Объясн. 17 гл. Іоанна, §. 167, S. 775.
(3) Ibid. Объясн. Дѣян. §. 7, S. 1033.
(4) Walch, VII, 5, 6, 7 гл. Матѳ. §. 1—5, S. 534.

возражать проповѣднику и облекаться въ права его, на томъ основаніи, что апостолъ говоритъ сдѣсь о пророкахъ учителяхъ, а не о народѣ учащемся. Онъ извлекаетъ изъ апостольскихъ словъ старинный порядокъ общественной проповѣди въ Церкви первоначальной, а именно, что учители или пророки сидѣли между народомъ, и одинъ, или два, прочитывали текстъ писанія, такъ точно какъ и въ Церкви Латинской по большимъ праздникамъ двое читаютъ Евангеліе, одинъ за другимъ, на распѣвъ, да и самое пѣніе распредѣляется въ антифонахъ на два клироса попеременно. Другой проповѣдникъ, почувствовавшій влеченіе духа, объяснялъ текстъ, прочитанный, или пропѣтый, третій дополнялъ его проповѣдь разными текстами и примѣрами изъ святаго Писанія, какъ сдѣлали Іяковъ (Дѣян. XV) и Павелъ (Дѣян. XIII), но все же въ совершенномъ единомысліи. «Теперь,» —прибавляетъ Лютеръ,—«такой порядокъ не можетъ быть возстановленъ, потому что народъ слишкомъ дерзокъ и грубъ, да и между приходскимъ священникомъ, проповѣдникомъ и капелланомъ могло бы завязаться соблазнительное словопрѣніе. Образцовая была бы проповѣдь, если бы всякой получилъ право прерывать рѣчь проповѣдника и входить въ состязаніе съ учителемъ. Споръ могъ бы сдѣлаться общимъ; подъ конецъ и женщины стали бы препираться между собою, и собраніе вѣрующихъ обратилось бы въ настоящую ярмарку.» (1)

Я сказалъ выше, что первая особенность второй половины преобразовательной дѣятельности Лютера есть ограниченіе Христіянской свободы въ примѣненіи къ народу. Вторая особенность— значительное ограниченіе догмата о безусловномъ оправданіи вѣрою. Уже въ Катихизисахъ ученіе вѣры предлагается совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ въ Богословскихъ или Университетскихъ сочиненіяхъ Лютера. Согласно съ простыми понятіями черни, онѣ обнимаютъ въ особенности нравственную жизнь человѣка и даютъ ему полезныя практическія наставленія. Не слишкомъ останавливаясь на высокихъ тайнахъ воплощенія и воскресенія Христова, Лютеръ посвящаетъ обширный отдѣлъ объясненію Заповѣдей и Молитвѣ Господней. Каждую заповѣдь толкуетъ подробно, примѣнительно къ порокамъ народнымъ. Догматъ Благодати до того ограниченъ, что обращается совершенно въ ученіе умѣреннаго Католицизма. За преступленія заповѣдей Катихизисъ грозитъ наказаніемъ; за

(1) Walch, XX, §. 1—29, 2074—2088.

исполненіе обѣщаетъ милосердіе Божіе и благодать. (1) Еще разительнѣе перемѣна въ наставленіи приходскимъ священникамъ, писанномъ за годъ до смерти Лютера. Тамъ, между прочимъ, сказано, что «настоятели приходовъ слишкомъ много проповѣдуютъ объ отпущеніи грѣховъ, не говоря ни слова о покаяніи, хотя безъ покаянія не бываетъ и отпущенія. Отъ такой проповѣди происходитъ ложное мечтаніе народа, что онъ уже получилъ отпущеніе, что дѣлаетъ его самонадѣянным и безнаказаннымъ. Проповѣдники толкуютъ о яденіи мяса и другихъ ничтожныхъ обрядахъ, умалчивая вовсе о покаяніи. «Вожди слѣпіи, оцѣждающіи комары, вельблуды же пожирающе.» (Матѳ. XXIII, 24). Должно чаще и прилежнѣе приглашать людей къ покаянію, ужасая ихъ страхомъ суда Божія. Предъ грубымъ простолюдиномъ самое названіе вѣры скрывать подъ именами покаянія, заповѣди, закона и страха Божія. 10 заповѣдей объяснять прилежно, грозить наказаніемъ Божіимъ въ случаѣ ихъ неисполненія. Особенно возставать на любодѣяніе, пьянство, завистъ и ненависть, грозить наказаніемъ въ будущей жизни. Не пускаться въ глубокомысленныя разсужденія о достоинствѣ дѣлъ. Достаточно учить народъ, что Богъ требуетъ добрыхъ дѣлъ и даетъ награду за ихъ совершеніе. Естъ проповѣдники, которые только и знаютъ что говорятъ: ««Добрыя дѣла не даютъ предъ Богомъ заслуги»». Гораздо бы лучше имъ, вмѣсто праздныхъ возгласовъ, побуждать людей къ добродѣтели, оставляя въ сторонѣ всякія строгія разграниченія. Прежде всего должно внушать грубому народу, что Богъ строго наказываетъ всякаго рода грѣхи, на прим., непочтеніе къ власти родительской. Ибо многіе, услышавъ, что ради вѣры отпускаются всѣ согрѣшенія, сами вымышляютъ себѣ собственную вѣру и считаютъ себя совершенными праведниками, а это внушаетъ имъ самонадѣянность и излишнюю безпечность. Это ложное плотское успокоеніе (Sicherheit) хуже всѣхъ заблужденій, бывшихъ до нашего времени. Вотъ судъ, который Богъ изрекаетъ на проповѣдниковъ, внушающихъ людямъ спокойствіе духа, много говорящихъ о вѣрѣ и прощеніи грѣховъ Благодатію и ничего о покаяніи, страхѣ и судѣ Божіемъ: «Цѣляху сотреніе людей моихъ, уничижающе и глаголюще: ««Миръ, миръ, и гдѣ естъ миръ?»» (Іер. VI, 14). Лютеръ допускаетъ и поклоненіе Святымъ, не какъ заступникамъ, а по

(1) Walch, X, S. 9, fg.

скольку выражается въ нихъ образъ божественной благодати и милосердія, по скольку Святые служатъ спасительнымъ образцемъ настоящей вѣры и дѣлъ. Равно изъ Библейскихъ книгъ выбираетъ для объясненія въ школахъ такія, въ которыхъ наиболѣе преподается ученіе о добрыхъ дѣлахъ; прежде всѣхъ Евангеліе отъ Матѳея, потомъ оба Посланія къ Тимоѳею, Посланія Іоанна Богослова и Соломоновы притчи. Другихъ книгъ учители не должны объяснять, дабы не отягощать незрѣлаго разума юношей высокими и трудными для разумѣнія книгами: Пророка Исаіи, Посланія къ Римляномъ, Евангелія отъ Іоанна и пр.» (1)

Этотъ внезапный переворотъ въ образѣ дѣйствія Лютера въ отношеніи къ народу привелъ многихъ Нѣмецкихъ писателей къ заключенію, не совсѣмъ основательному, что Лютеръ въ дальнѣйшемъ развитіи своей реформаціи возвратился незамѣтно къ убѣжденіямъ Католицизма. Уже Ранке въ своей Исторіи реформаціи опровергаетъ вскользь это мнѣніе; но Гагенъ съ особенной силой выставляетъ тѣ внутреннія противорѣчія въ воззрѣніи Лютера, которыя условлены были возобновленнымъ вліяніемъ Католической Церкви и еретическихъ мнѣній въ особенности на ученіе его о Благодати. (2) По его замѣчанію, отъ 1527 до 1530 года продолжаются усиленныя искушенія Лютера, доходившаго до ужасовъ отрицанія богочеловѣчества Христова. Его переписка этого времени свѣдѣтельствуетъ о болѣзненномъ настройствѣ воображенія. Но это было вовсе не воздѣйствіе Католицизма, или Протестантскихъ отступниковъ, которые именно около этого времени вели самый дѣятельный споръ съ Лютеромъ; то было внутреннее противорѣчіе, давно уже затаенное въ сердцѣ преобразователя и усиленное вреднымъ вліяніемъ его ученія на духовное развитіе народа. Что это дѣйствительно такъ, доказываютъ его собственныя свѣдѣтельства о бывшихъ ему явленіяхъ бѣса во плоти, передаваемыя съ такимъ простодушіемъ и откровенностію, что трудно рѣшить, была ли то просто игра разстроеннаго воображенія, или и въ самомъ дѣлѣ подшучивало надъ нимъ бѣсовское царство. Во всѣхъ подобныхъ явленіяхъ діяволъ постоянно принимаетъ роль обличителя совѣсти и возмущаетъ шаткое убѣжденіе Лютера сомнѣніями въ истинѣ догмата объ оправданіи.

(1) Walch, X, S. 1902—1977.
(2) Hagen, III, S. 406.

«Я говорю по опыту»;— взываетъ Лютеръ,—«мнѣ хорошо знакомы хитрыя уловки діявола, какъ онъ умѣетъ и искру ничтожнаго грѣха раздуть въ душѣ въ огромное адское пламя, облекаться въ ангела свѣтла и внушать безнадежность. Извращая образъ ходатая нашего, Господа, онъ приводитъ въ ужасъ совѣсть человѣка, выставляя на видъ какой ни будь текстъ св. Писанія, или слово крещенія, наноситъ такой мѣткій ударъ запуганной совѣсти, что она надолго убѣждается въ истинѣ его внушеній. (1) Міръ будетъ ненавидѣть и истреблять, «мня службу приносити Богу»; всѣ будутъ считать это праведной казнію еретику. Къ суду міра приложится и обличительный голосъ совѣсти, которая будетъ смущать васъ сомнѣніемъ: «Кто знаетъ, правильно ли твое ученіе?» Когда діяволъ говоритъ мнѣ: «Смотри, сколько зла надѣлало твое ученіе,» я отвѣчаю ему: «А что добра произвело оно?» О! Онъ великій краснобай; онъ умѣетъ сдѣлать изъ сучца бревно; никогда не былъ онъ такъ гнѣвенъ на меня, какъ теперь; я хорошо его чувствую. Я знаю, что защищаю правое дѣло, но наважденіе не отступаетъ. Христосъ и Евангеліе неизмѣнны; я отречься отъ нихъ не могу.» (2) Въ 1533 году Лютеръ говорилъ друзьямъ своимъ: «Всякую ночь, когда просыпаюсь, я чувствую присутствіе діявола. Онъ мучитъ меня вопросомъ: «Кто велѣлъ тебѣ проповѣдывать Евангеліе такъ, какъ ни одинъ человѣкъ не проповѣдывалъ его въ продолженіе столькихъ столѣтій? Что, если Богу это не угодно, и ты понесешь вину осужденія столькихъ тысячь душъ?» Въ другой разъ діяволъ смущалъ его текстомъ посланія Апостола Павла къ Тимоѳею до такой степени, что сердце его готово было разстаять. Онъ обвинялъ его въ упраздненіи монастырей, приводя ему на память слово апостола (1 Тим. V, 11) о юныхъ вдовицахъ: «Егда разсвирѣпѣютъ противу Христа, посягати хотятъ, имущыя грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася,» и т. д. «Потерявши Евангеліе,»—говоритъ Лютеръ,—«я принужденъ былъ сражаться съ нимъ оружіемъ Закона; онъ загналъ меня въ уголъ, такъ что мнѣ некуда было податься. Со мною былъ въ то время докторъ Букенгагенъ; я разсказалъ ему свои искушенія. Когда же и онъ обнаружилъ сомнѣніе и сталъ колебаться, я пришелъ въ неизъяснимый ужасъ и мучился цѣлую ночь. На другой день недоумѣнія

(1) Walch, XXII, S. 408.
(2) Ibid. S. 520, 672.

мои рѣшились въ пользу Евангелія.» (1) Чудна эта борьба самообольщенія съ совѣстію, олицетворяемая въ бѣсовскихъ видѣніяхъ, и мучительная безвѣстность напрасно ожидаемой развязки. Борьба эта продолжается съ перемѣнною силою отъ 1522 года до начала четвертаго десятилѣтія. Начало ея совпадаетъ естественно съ началомъ проповѣди о Благодати. По крайней мѣрѣ, Лютеръ 4 Декабря, 1542 года, говорилъ въ откровенной бесѣдѣ съ друзьями, что искушеніе отчаянія и страха суда, происходящее отъ невозможности помирить съ правосудіемъ Божіемъ безусловное спасеніе вѣрующаго, онъ впервые почувствовалъ за 20 лѣтъ. До 1527 года утихли терзанія совѣсти. «Я такъ былъ покоенъ,»—говоритъ Лютеръ,—«что вступилъ даже въ бракъ;» но послѣ церковнаго осмотра онѣ возобновились съ новою силою и не покидали его до позднѣйшихъ временъ. (2) Въ 1541 году онъ говоритъ объ нихъ, какъ о прошедшихъ, по отдаленнымъ воспоминаніямъ, присовокупляя, что они доводили его до искушеній самоубійства. (3) Вѣроятно, къ этому времени относится послѣднее видѣніе діявола, котораго Лютеръ отразилъ побѣдоносными доводами и указалъ ему путь отъ себя. Онъ пришелъ къ нему утромъ и, воздвигая съ одра, сталъ состязаться съ нимъ по обыкновенію. Первое обличеніе относилось къ грѣховности «Лютера. Это не новость. Скажи мнѣ что ни будь свѣжѣе!» — безстрашно отвѣчалъ проповѣдникъ. Второе касалось монастырей, упраздненныхъ усиліями Лютера. Но равнодушіе истязуемаго обезоружило діявола. «Я всею душею прилѣпился теперь къ догмату объ отпущеніи грѣховъ»:—такъ заключаетъ Лютеръ сердечную исповѣдь;—«только и думаю объ немъ денно и нощно, и все помышленіе мое обращено къ Іисусу Христу, моему единственному Спасителю, который принесъ удовлетвореніе за грѣхи мои и искупилъ меня своею кровію. Я отрицаю надъ собою всякую власть Закона и діяволовъ. Блаженъ человѣкъ, кто можетъ увѣровать во отпущеніе грѣховъ.» (4) Но Лютеръ дѣлился душевными страданіями своими съ небольшимъ числомъ приближенныхъ; въ отношеніи же къ міру всегда заключался въ недоступной исключительности своихъ убѣжденій, ограничивая ихъ разными оговорками

---

(1) Walch, S. 1141, 1176.
(2) Ibid. S. 1263.
(3) Ibid. S. 1191.
(4) Ibid. S. 1190.

въ примѣненіи къ народу, но никогда не отрекаясь ни отъ малѣйшей іоты ученія, прояснившаго подзаконную мглу Католицизма. «Другихъ привелъ я къ блаженству,» — писалъ онъ гордо къ Гергарду Вискамнію 1-го Генваря, 1528 года, — «себя ли не могу спасти?....» Его непреклонность обуздала и слабодушнаго Меланхтона; послѣдній никогда не могъ помириться на мысли, что спасеніе дается исключительно вѣрой, но въ тоже время безъ дѣлъ невозможно достигнуть блаженства, а между тѣмъ въ общественной дѣятельности упрямо настаивалъ на этомъ ученіи, о которомъ онъ Лютеру говорилъ неоднократно въ глаза, что оно основано на осязательномъ противорѣчіи. Роковая минута возможнаго сближенія съ Латинскою Церковію настала въ 1530 году на Аугсбургскомъ сеймѣ. Историческая переписка Лютера и Меланхтона, главнаго представителя Протестантской стороны на этомъ сеймѣ, лучше всего открываетъ намъ внутреннюю слабость вождей Протестантскихъ. Изнемогая духомъ, въ виду приближающейся грозы отъ Католиковъ, терзаемый внутренними сомнѣніями, Меланхтонъ оплакиваетъ кровавыми слезами утраченное единомысліе вѣры; ему бы хотѣлось исключить изъ своей Апологіи роковое слово: **одна вѣра** (sola fides) спасаетъ; но строптивый Лютеръ ревниво оберегаетъ сокровище вѣры, имъ завоеванной; его испытующій взоръ устремленъ постоянно на дѣйствія его подручника; письмо за письмомъ приходитъ изъ Кобурга отъ главы Протестантовъ, вызывая къ грозной отвѣтственности запуганнаго Меланхтона; его движенія скованы этой страшной опекой; онъ готовъ заглушить голосъ совѣсти, лишь бы только успокоить взволнованные помыслы Лютера. Тщетно льстилъ онъ Католикамъ, стараясь внушить имъ въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, что Лютеране въ сущности держатся Римскаго вѣроученія. Тщетно старался онъ, сколько возможно, доказывать мнѣніе свое свидѣтельствами Церковныхъ учителей, а равно декреталіями папскими. Латиняне наказали презрѣніемъ его двоедушіе. Лютеръ, съ своей стороны, громко обличалъ его вѣроломство. Къ концу засѣданій, когда Католики, видя уклончивость Меланхтона, отказались рѣшительно отъ всякихъ уступокъ съ своей стороны, а Имперскіе города, приступившіе къ Протестанскому союзу, стали громко обнаруживать негодованіе на двусмысленное поведеніе своего представителя, Лютеръ въ послѣдній разъ приложился къ мнѣнію ихъ, и Меланхтонъ уступилъ окончательно. «Ты видишь,» — писалъ къ нему Лютеръ, —

единеніе вѣры есть вещь невозможная, если папа не откажется отъ всего папскаго. Довольно, что мы изложили свое исповѣданіе, и добровольно просили о мирѣ. Но можно ли надѣяться обратить нечестивыхъ на путь истины? Вы затѣяли чудное дѣло — согласить папу съ Лютеромъ; но папа не хочетъ, а Лютеръ не проситъ. Всѣ ваши труды оказываются тщетными. Если же вы, противъ воли обоихъ, успѣете въ своихъ начинаніяхъ, то и я послѣдую вашему примѣру и постараюсь примирить Христа съ Веліяломъ. Но я знаю: Христосъ, который до сихъ поръ былъ вашею крѣпостію, направитъ васъ и небесною мудростію, и Италіянскія козни ничего противъ васъ не возмогутъ. Господь, положившій начатокъ, приложитъ и довершеніе. Ему поручаю васъ отъ глубины сердца. Благодать Божія да будетъ съ вами. Аминь.» (1) Упорство его одержало побѣду. Роковое мгновеніе прошло безъ возврата. Къ 30-мъ годамъ относятся именно тѣ сочиненія Лютера, въ которыхъ онъ до послѣднихъ крайностей развилъ ученіе свое о Благодати, а Меланхтонъ раболѣпно вторилъ знакомому голосу своего повелителя. (2)

И такъ сущность втораго періода реформаторской дѣятельности Лютера заключается въ ограниченіи Христіянской свободы и рѣзкаго ученія о Благодати оправдывающей. И то и другое произвело совершенное отчужденіе народа отъ реформатора. Всѣ сословія вооружились противъ іерократической власти Протестанскихъ проповѣдниковъ, каждое по личнымъ цѣлямъ, всѣ вмѣстѣ по общему чувству ревнивой ненависти къ привилегированной кастѣ. Съ точки зрѣнія Лютеранскаго догмата, уравнивавшаго Христіянскія права всѣхъ крещенныхъ и вѣрующихъ, безъ различія духовенства всѣхъ и міранъ, онѣ были гораздо послѣдовательнѣе Лютера, который, противъ всякаго права, навязывалъ на нихъ духовное владычество приходскихъ священниковъ, и притомъ не щадилъ самолюбія паствы, прибѣгая къ словамъ и мѣрамъ насилія. Дворянство первое возвысило голосъ, предлагая вопросъ: «Къ чему намъ еще проповѣдники? Если бы ихъ не было вовсе, мы и безъ нихъ уже знаемъ, что можно получить оправданіе и блаженство только Іисусомъ Христомъ.» За тѣмъ поднялись и крестьяне, которые нѣсколько рѣзче опредѣлили свои

(1) Walch, XVI, S. 1082 flg. — S. 1698, 1700.
(2) Cм. Walch, XXII, c. 13, §. 13, S. 721.

отношенія къ Лютеру: «Что проповѣдуетъ намъ этотъ безумецъ? Къ чему исполнять его повелѣнія? Мы не хуже его попадемъ въ царство небесное; путь къ небу намъ также знакомъ, какъ и ему.» (1) Отселѣ между Лютеромъ и всѣми народными сословіями завязалась распря, въ которой сила народнаго духа вступала въ права свои противъ личнаго начала, внесеннаго въ реформацію Лютеромъ и развиваемаго съ каждымъ годомъ въ болѣе рѣзкой противоположности къ народнымъ движеніямъ. Строптивая личность преобразователя чуждалась всякой уступки общественному мнѣнію, и въ неравной борьбѣ съ народными толпами отражала открытую силу оружіемъ насмѣшки и презрѣнія. «Ни одинъ дворянинъ (Scharrhaus), крестьянинъ, мечтатель и еретикъ не получитъ Христа и Евангелія,»—гордо говаривалъ Лютеръ,»—если напередъ не вопроситъ меня и не приметъ моего слова, если я не дамъ отвѣта утвердительнаго (dass ich ja dazu sage), или и всякій истинный проповѣдникъ.» «Нѣтъ,»—возражали обиженные,—«вы хотѣли бы снова возстановить господство и воцариться на упраздненномъ престолѣ духовнаго тиранства, какъ до сихъ поръ сидѣлъ на немъ папа; терпѣніе наше уже истощилось; — въ такомъ случаѣ мы лучше остались бы подъ владычествомъ папы.» (2) Побѣда не могла оставаться сомнительною, тѣмъ болѣе, что каждое сословіе вносило корыстные виды въ свои отношенія къ новому Лютеранскому духовенству, а между тѣмъ личина законности была на ихъ сторонѣ. Владѣтельные князья и дворяне воспользовались раздоромъ между народомъ и проповѣдниками, для окончательнаго присвоенія себѣ монастырскихъ и церковныхъ имѣній; городское и сельское народонаселеніе отказалось отъ денежной платы на содержаніе приходскихъ священниковъ. Разумѣется, духовное безначаліе не могло остаться безъ гибельныхъ послѣдствій для вѣры и нравственности, и Лютеръ рисуетъ самыми яркими красками плачевное состояніе народа, предавшагося всѣмъ уклоненіямъ необузданнаго своеволія. Къ числу самыхъ драматическихъ эпизодовъ его сочиненій относятся тѣ, въ которыхъ предлагается пышная роспись порокамъ народнымъ, и первое мѣсто между ними занимаетъ скупость и алчность, низкое стремленіе къ денежнымъ выгодамъ. «Помню время,»—говоритъ Лютеръ,—«когда я дивился, почему св.

(1) Walch, VII, Объясн. 8 гл. Іоанна §. 114, S. 2458; §. 128, S. 2466.
(2) Ibid. Объясн. 7 гл. Матѳ. §. 39—41, S. 867 flg.

Павелъ такъ убѣдительно требуетъ отъ Христіянскихъ общинъ, чтобъ онѣ содержали духовныхъ наставниковъ и проповѣдниковъ. Въ Папской Церкви я видѣлъ, какъ всѣ полными руками сносили богатства въ монастыри, и духовенство обладало, наконецъ, лучшими городами и землями во всемъ Христіянствѣ. Я думалъ тогда, что гораздо полезнѣе отвращать Христіянъ отъ чрезмѣрныхъ подаяній, дабы не увеличивать алчности духовенства. Во время оно, отчина св. Петра (того самаго апостола, который, по собственному сознанію, не имѣлъ при жизни ни золота, на серебра) возрасла до того, что папа сдѣлался императоромъ, кардиналы и епископы королями и князьями вселенной. Теперь уже болѣе не удивляюсь, когда вижу бѣдныхъ проповѣдниковъ Евангелія, лишенныхъ насущнаго хлѣба. Я не хотѣлъ бы, чтобъ Виттембергъ имѣлъ такую же злую молву, какъ Коринѳъ, который во время голода отказывалъ въ хлѣбѣ нищимъ святымъ Іудейскимъ; но видно таково уже произволеніе Божіе. Виттембергъ ежегодно платилъ монахамъ болѣе 10,000 гульденовъ, кромѣ папскихъ повинностей. Нѣтъ такого селенія, которое, при всей своей бѣдности, не платило бы монахамъ отъ пяти до десяти гульденовъ. Теперь проповѣдники, лишенные дневнаго пропитанія, обращаются къ болѣе выгоднымъ ремесламъ, а народъ, лишенный Евангельской проповѣди—въ дикихъ животныхъ. Апостолъ говоритъ Христіянамъ: «Аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, «велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ» (1 Кор. IX, 11)? А что теперь дѣлаютъ получившіе духовныя блага? Они узнали, что одна вѣра во Христа оправдываетъ, и что, слѣдовательно, не нужно давать ничего священникамъ. (1) Я не удивился бы, если бы Германія давно погибла подъ ударами Турокъ, или Татаръ, за адское, ужасное забвеніе и презрѣніе великой благодати Божіей. Чудо, какъ земля еще носитъ насъ и солнце не скрываетъ лица своего, тогда какъ за нашу неблагодарность достойно и праведно небесамъ почернѣть и землѣ осолиться (Пс. 106). Куда ни взглянешь, вездѣ видишь потопъ ужасныхъ примѣровъ неблагодарности къ св. Евангелію во всѣхъ сословіяхъ. Нигдѣ нѣтъ ни одного города, или общины, которые содержали бы на собственный счетъ своихъ церковнослужителей. Городъ съ четырьмя, или пятью, стами жителей, который до сихъ

(1) Walch, VIII, Объясн. 6 гл. Галат. §. 65—75. S. 2812—19. — 11, Объясн. 29 гл. Быт. §. 36, 1811; — VII Объясн. 8 гл. Іоанна, §. 114, S. 2458; — XII, §. 19, S. 1245.

поръ былъ въ состояніи платить по 5, 6, 700 гульденовъ однимъ только нищенствующимъ монахамъ, не считая доходовъ епископовъ и оффиціяловъ, который и теперь еще на разные предметы роскоши бросаетъ на вѣтеръ не менѣе 1000 гульденовъ, не можетъ заплатить 100 или 200 гульденовъ на хорошее училище, или каѳедру проповѣдника. Духовенству отдавали мы города и замки; теперь не можемъ доставить безбѣднаго содержанія тремъ благочестивымъ служителямъ алтаря.» Лютеръ разбираетъ всѣ сословія по ряду; онъ начинаетъ съ князей. (1) «Когда сельскому священнику должно вручить десятину и другіе доходы и принудить народъ заплатить ему узаконенную сумму, или прибавить 30 гульденовъ къ его содержанію, Протестантскіе князья говорятъ, что жадныхъ поповъ ничто не можетъ насытить, что Паписты ихъ обманули, а Лютеране заведутъ еще больше. Гнѣвные князья и епископы оставляютъ Турокъ въ покоѣ; съ этой стороны стѣна слишкомъ тверда и плоть слишкомъ крѣпокъ. Другое дѣло, бѣдный гражданинъ, или несчастный священникъ и проповѣдникъ, который терпитъ жестокую нужду; тутъ стѣна колеблется и плоть преклоняется; тутъ левъ преслѣдуетъ мышь; тутъ всѣ они становятся храбрыми рыцарями предъ людьми, и крестоносцами предъ Богомъ. Такими вельможами наполнена нынѣ Германія; они храбрятся въ распивочныхъ и острятъ оружіе противъ нищихъ беззащитныхъ людей. Какіе же свиньи и дикіе звѣри мы, Нѣмцы, что въ насъ не найдешь ни одного благороднаго чувства! Если найдешь еще князя, который содержитъ отъ щедротъ своихъ и кормитъ священнослужителей, то сердце такого, конечно, тронуто Духомъ Святымъ; остальные всѣ — хищники. Князья и епископы извлекаютъ не малую выгоду изъ Евангельской проповѣди. Они богатѣютъ хищеніемъ церковныхъ имуществъ, но притѣсненнымъ церковнослужителямъ не даютъ ничего. Когда бѣдному приходскому священнику нужна рубашка, всѣ отказываются отъ пожертвованія. (2) Правительства и чиновники папскіе недостойно обращаются съ нами, когда мы просимъ на бѣдность, называютъ насъ алчными, а тѣ, которые при княжескихъ дворахъ и въ городахъ, придумываютъ новыя средства разорять приходы и притѣснять несчастныхъ церковно-

(1) Walch, XII, §. 16,—17, S. 1258; — II Объясн. 35 гл. Быт. §. 61, S. 1557; — V, 127 Пс. §. 3, S. 1862; — VIII, Объясн. 4 гл. Галат. §. 98, S. 1762.

(2) Walch, III, Объясн. 4-й гл. Второзак. §. 67, S. 2197. V, 1. Псал. Объяснен. 109 Пс. §. 56, S. 88; — II, 59 гл. Бытія. §. 57, S. 1812; §. 54, S. 1821.

служителей, получают награду за свою бережливость и достигают высоких почестей, если только разумѣютъ искуство мучить нищее духовенство, этѣхъ хищныхъ птицъ и гарпій.» Лютеръ находитъ много даже и при дворѣ своего покровителя, герцога Іоанна Саксонскаго, не смотря на усилія его поддержать благосостояніе училищъ и приходскихъ священниковъ; княжескій даръ, проходя черезъ ихъ хищныя руки, съ великимъ трудомъ и усиліемъ достигаетъ своего назначенія. Изъ другихъ Нѣмецкихъ князей Лютеръ хвалитъ постоянно герцога Саксонскаго, Генриха, брата и преемника ненавистнаго ему, Георга, и выставляетъ въ примѣръ подражанія другимъ его мудрое слово: «Не могу же оставить безъ пропитанія священниковъ моего княжества»; постоянно преслѣдуетъ хищнаго Майнцкаго кардинала, присвоившаго себѣ Гальское аббатство, и самаго Карла V, который долго защищалъ духовныя имѣнія, но увидавъ, что всѣ князья попеременно похищаютъ монастыри и лены, самъ началъ занимать их и оторвалъ Утрехтское и Люттихское епископство отъ хитона Христова. (1)

Еще болѣе князей дворяне притѣсняли пасторовъ и имѣли къ тому болѣе средствъ, находясь съ ними въ ближайшихъ непосредственныхъ сношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ неосторожное слово Лютера поощрило и богатыхъ и бѣдныхъ дворянъ, и графовъ и рыцарей, къ расхищенію церковныхъ имуществъ, незаконныя присвоенія ленъ продолжались съ возрастающей силой; упраздненіе монастырей пришло на помощь господствующей системѣ поборовъ. Лютеръ тщетно старался поправить ошибку прежнихъ лѣтъ реформаціи, преградить дальнѣйшіе грабежи. Отобраніе духовныхъ имуществъ совершалось противно всѣмъ его предначертаніямъ, хотя вышло непосредственно изъ его собственной работы. Предположенное имъ назначеніе духовныхъ имуществъ вовсе не входило въ земельныя цѣли Нѣмецкаго вельможества. Лютеръ постоянно требовалъ распредѣленія бывшихъ епископскихъ и монастырскихъ ленъ по тремъ главнымъ отраслямъ народнаго хозяйства: 1) для содержанія приходскихъ священниковъ и устроенія училищъ; для вспоможенія бѣднымъ студентамъ, вообще для благодѣтельныхъ цѣлей общественнаго воспитанія и приготовленія людей способныхъ къ служенію проповѣди.

(1) Walch, II Объясн. 31 гл. Быт. §. 54, S. 925—927, 28 гл. Быт. §. 213, S. 661; §. 205, S. 657;—41 гл. Быт. §. 149, S. 983;—XVII, c. 4, §. 72, 95, S. 325.

2) Для устроенія общественной кружки въ пособіе всѣмъ неимущимъ: а) сиротамъ и дѣвицамъ для честнаго замужства; б) обѣднявшимъ дворянамъ, согласно благой цѣли завѣщателей; в) бывшимъ монахамъ, которые оставляютъ упраздненные монастыри и нуждаются въ обезпеченіи, пока не вступятъ въ какое ни будь Христіянское состояніе. 3) Для другихъ общественныхъ цѣлей, заведенія больницъ, устроенія путей сообщенія, укрѣпленія городовъ и пр. Во всякомъ случаѣ всѣ бывшія монастырскія и епископскія лены, для предохраненія отъ хищничества вельможъ и дворянъ, Лютеръ совѣтуетъ отдать въ полное распоряженіе владѣтельному князю, для того, чтобы раздача ихъ происходила законнымъ порядкомъ и не повторились бы беззаконія самоуправства, совершавшагося въ подобныхъ обстоятельствахъ въ Чехіи. Всѣ духовныя лены, по мнѣнію Лютера, оставить въ пожизненномъ владѣніи настоящихъ владѣльцевъ; по смерти же этѣхъ послѣднихъ, никому болѣе не отдавать ихъ. Изъ нищенствующихъ монастырей сдѣлать школы для воспитанія дѣтей обоего пола; всѣ прочія обратить въ общественныя зданія. При такомъ порядкѣ вещей всѣ приходы имѣли бы значительную общественную сумму и можно бы избѣжать трехъ великихъ бѣдствій: 1) нищенства; 2) злоупотребленій анаѳемы, налагаемой папой на духовныя имѣнія, и 3) ростовства. (1)

Теперь, какъ воспользовались дворяне совѣтами Лютера? Только въ Лесникѣ на Мульдѣ, небольшомъ городкѣ во владѣніяхъ Саксонскаго Курфиршества, установленъ, согласно съ предположеніемъ его, совѣтъ старѣйшинъ изъ выборныхъ города и деревень, принадлежащихъ къ приходу. Сдѣсь заведена общая кружка для храненія всѣхъ доходовъ съ монастырскихъ имѣній, съ земель, когда либо пожертвованныхъ завѣщателями съ документами самихъ завѣщаній и всѣхъ поборовъ съ крестьянъ и ремесленниковъ наличными деньгами, либо естественными произведеніями. 10 членовъ выбранныхъ изъ всѣхъ сословій (2 дворяннна, 2 совѣтника, трое мѣщанъ и трое крестьянъ) завѣдываютъ общею кассою. Заведены писцовыя книги съ обозначеніемъ всѣхъ имѣній какъ движимыхъ, такъ и не движимыхъ, вошедшихъ въ составъ городской собственности; всѣ публичныя зданія, училища и Богоугодныя зданія,

(1) Walch, X, уставъ о приходѣ Лесницкомъ, S. 1148—1177; XVI, S. 2056, 2220—2227; 2390—92;—XVII, S. 432—450; 892—894; Seckendorf, Comm. I, 349—553; 445, и пр.

заведенія, всѣ подаянія неимущимъ прихожанамъ, находятся подъ вѣдомствомъ городскаго совѣта. Изъ городскихъ доходовъ выдается жалованье приходскому священнику (Pfarrherr), проповѣднику (Prediger) и приходскому учителю (Schulmeister), выбираемому по распоряженію первыхъ. Виновникомъ и душею такого учрежденія былъ преимущественно извѣстный рыцарь Севастіянъ Котерицъ, о которомъ Лютеръ отзывается съ большимъ уваженіемъ. Впрочемъ, примѣръ этотъ былъ единственный; онъ остался безъ подражанія. Въ письмѣ къ ландграфу Гессенскому, Лютеръ обращаетъ вниманіе князя на его дикое дворянство (wilder Adel), которое по тому ненавидитъ Евангеліе, что привыкло грабить въ свою пользу всѣ церковныя помѣстья. (1) Положеніе сельскихъ священниковъ, поставленныхъ въ непосредственую зависимость отъ гордыхъ бароновъ, если вѣрить Лютеру, было самое жалкое. Дворяне ненавидѣли приходскихъ священниковъ, какъ духовныхъ наставниковъ и какъ представителей умственнаго образованія. Они утверждали, что проповѣдники сельскіе—лишнее бремя, потому что изъ книгъ можно научиться не хуже, чѣмъ въ церкви отъ священника; что ихъ можно терпѣть только по старой привычкѣ, но плату имъ назначенную употреблять на что ни будь лучшее. (2) «Освободившись отъ папскаго ига,»—говоритъ Лютеръ,—«они притѣсняютъ тѣхъ самыхъ, которые доставили имъ эту свободу. Они воображаютъ себѣ, что знаютъ Евангеліе лучше ап. Павла, попираютъ ногами проповѣдниковъ, обличающихъ беззаконія ихъ, и наказываютъ ихъ, какъ возмутителей. (3) Богъ выбираетъ изъ нихъ немногіе драгоцѣнные камни, слагающіе Его собственный перстень; огромное большинство принадлежитъ къ булыжникамъ, которыми діяволъ выкладываетъ мостовую, ведущую во адъ. (4) Эти хищники (Scharrhausen) воображаютъ себѣ, что имя ученаго недостойно вниманія ихъ. Оставь ихъ и обратись къ ученымъ и благочестивымъ дворянамъ, каковы были покойные: графъ Георгъ Вердгеймъ, Гансъ Ф. Шварценбургъ, Георгъ Ф. Фрундебергъ, изъ живыхъ: Бернардъ Ф. Мила, Евстафій Шлибенъ. Но какъ не уважать всего дворянства ради нѣкоторыхъ благородныхъ членовъ его? И на прекрасномъ деревѣ Нѣмецкаго дворянства есть червоточина; другіе

(1) Walch, X, 890.
(2) Walch, IV Объясн. 6 гл. Второзак. §. 33, S. 2366.
(3) Walch, VII, Объясн. 8 гл. Іоанна, §. 256—261, S. 2337;—XXII, S. 2155.
(4) Walch, X, объ искупленіи, §. 8. S. 1311.

недозрѣлые плоды его преждевременно падаютъ; но кто станетъ хулить за то самое дерево?» (1).

Но тѣ, которымъ болѣе всѣхъ приходилось страдать отъ духовнаго насилія Протестантскихъ проповѣдниковъ, городское и сельское народонаселеніе, мѣщане и крестьяне, вымещали на нихъ болѣе прочихъ злоупотребленія ихъ власти. Къ нимъ относятся самые рѣзкіе возгласы Лютера. Съ мѣщанами онъ постоянно воюетъ за исключительное стремленіе ихъ къ матеріяльнымъ выгодамъ, за отвращеніе къ книжному просвѣщенію. Въ 1530 году онъ пишетъ къ жителямъ Нюренберга наставленіе, гдѣ возноситъ до небесъ ихъ знаменитую школу и укоряетъ ихъ въ нежеланіи пользоваться удобствами умственнаго образованія. «Нюренбергъ,»—говоритъ онъ,—«свѣтитъ во всей Германіи, какъ солнце между звѣздами и луною; это разсадникъ превосходный, устроенный съ великими издержками по лучшему плану воспитанія, снабженный преподавателями, которые ни въ чемъ не уступаютъ высокой школѣ Парижа. Одна бѣда, что, при лучшихъ учителяхъ, никто не хочетъ учиться.» «На что намъ посылать дѣтей въ училища,» — говорили богатые граждане?—«Будетъ съ нихъ, если умѣютъ читать и вести счетъ; у насъ довольно Нѣмецкихъ книгъ.» «Нѣтъ,» —возражаетъ Лютеръ,—«Нѣмецкія книги пусть дома читаютъ простолюдины; городъ не можетъ быть наполненъ одними купцами; для проповѣди, суда и управленія гражданскими и духовными, для сношенія съ чужими державами, нужно всестороннее знаніе языковъ и наукъ. Если писаніе и наука погибнутъ въ Германіи, что останется въ ней, какъ не дикая пустыня, наполненная Турками, или Татарами, и толпа дикихъ звѣрей?» Для того, чтобъ вѣрнѣе подѣйствовать на ихъ убѣжденія, Лютеръ прельщаетъ ихъ вещественными выгодами. «Доселѣ,»—говоритъ онъ,—«родители считали себя счастливыми, когда дѣти ихъ выходили священниками; право служить обѣдню ставили выше Маріи и Ангеловъ. Теперь гдѣ же искать проповѣдниковъ слова, какъ не между гражданами, которыхъ Богъ наградилъ семействомъ? Не вѣкъ же будутъ жить старики и некѣмъ будетъ ихъ замѣнить. Способные пусть готовятся къ служенію проповѣди; другихъ, менѣе способныхъ, должно, по крайней мѣрѣ, учить по Латини, читать и писать. Не всѣ проповѣдники, доктора и магистры; потребны и такіе, которые учили бы Еван-

(1) Walch, X, 520;—XXII, 2156—7.

гелію и Катихизису молодой грубый народъ, а рано совершали бы крещеніе и преподавали таинство. Смотрите! Сколько приходовъ и училищъ лежатъ въ запустѣніи и каждый день упраздняются! Что это, какъ не поварни и погреба, приготовленныя Богомъ для твоего сына, безъ всякихъ стараній съ его стороны? Когда былъ я студентомъ, въ Саксонскомъ княжествѣ, помнится, было не меньше 800 приходовъ. Если такъ, и къ каждому приходу приписано, по крайней мѣрѣ, два церковнослужителя, проповѣдникъ, діяконъ и пономарь, не считая капеллана, прислужника, приходскаго учителя и его товарищей, то на одну Саксонію требуется не менѣе 4000 ученыхъ, изъ которыхъ въ теченіе 10 лѣтъ вымираетъ третья часть, а едва ли въ половинѣ всей Нѣмецкой имперіи найдешь 4000 студентовъ. Въ три года, если правительство не обратитъ вниманія на жалкое состояніе школъ, гдѣ возьмешь проповѣдниковъ, школьныхъ учителей и пр.? Всѣ университеты: Эрфурта, Лейпцига и въ другихъ городахъ, даже дѣтскія школы лежатъ въ запустѣніи, и только ничтожный Виттембергъ подаетъ еще добрый примѣръ.» Еще отвратительнѣе была отъявленная вражда между сельскими жителями и невѣжественными проповѣдниками, поставленными во главѣ ихъ умственнаго и религіознаго воспитанія. Стоитъ только прочесть немногіе отзывы Лютера о тѣхъ и другихъ, чтобъ увидѣть, до какой степени невѣжества и одичалости дошли народныя массы въ самую цвѣтущую пору реформаціи. Неизмѣнные эпитеты Нѣмцевъ въ сочиненіяхъ Лютера: die tollen Deutschen, die harten, ungezâhmten, wilden Leute, ein barbarisches grobes Volk, das narrische Volk Deutschlands. (1) Онъ не безъ зависти указываетъ своимъ соотечественникамъ на примѣръ Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ, которыхъ Евангельская община представляла въ XVI вѣкѣ верхъ совершенства церковнаго устройства, а въ сочиненіи о Нѣмецкой обѣднѣ 1522 года говоритъ о большинствѣ народа, что онъ еще не имѣетъ вѣры, еще не созрѣлъ для Христіянства, при Богослуженіе стоитъ, разиня ротъ, и смотритъ (das stehet und gaffet), какъ на невиданное зрѣлище, точно такъ, какъ будьто бы мы совершали Богослуженіе на чистомъ полѣ, среди Турокъ, или язычниковъ. «Здѣсь не можетъ быть и рѣчи»—продолжаетъ Лютеръ,—«о благоустроенной общинѣ, въ которой можно бы управлять Христіянами по Евангелію, а развѣ только о побужденіи

(1) Walch, IV, Объясн. 22 пс. с. 265, 266, S. 1775.

къ вѣрѣ и Христіянству. Не безъ отношенія къ примѣру Братьевъ, описываетъ онъ внѣшнее устройство настоящей Евангельской Церкви и считаетъ ее невозможною въ Нѣмецкой землѣ. Сдѣсь Богослуженіе не должно бы совершаться явно на площади; а тѣ, которые искренно стремятся къ Христіянству и хотятъ сердцемъ и устами исповѣдывать Евангеліе, должны бы вписать имена свои въ особенную книгу и собираться въ общественномъ зданіи для молитвы и чтенія, для принятія таинствъ и другихъ дѣлъ Христіянскихъ. Если бы мы имѣли людей, которые обнаружили бы желаніе вступить въ такое Христіянское братство, не трудно было бы привести въ исполненіе это церковное устройство. Но я еще не могу устроить такой общины или собранія. У меня нѣтъ людей, къ тому способныхъ; не многіе изъявляютъ на то желаніе. Пускай до времени останется общественное Богослуженіе предъ народомъ, для упражненія юношей и проповѣди. Ибо мы, Нѣмцы, дикій, грубый, неистовый народъ, который трудно подчинить порядку.» (1) Проповѣдники были немногимъ лучше паствы: слѣпые вожди слѣпаго народа, они были призваны продолжать и окончить великое дѣло преобразованія Германіи. Разсуждая о Таинствѣ Троицы въ объясненіи послѣднихъ словъ Давида, (2) Люгеръ сознается, что «подобныя умствованія слишкомъ высоки и неудобопонятны (scharf oder subtil) для Нѣмецкаго ума и не должны бы выходить изъ тѣснаго круга школьнаго преподаванія. Впрочемъ,»—прибавляетъ онъ,—«полезно и необходимо, чтобы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, въ особенности приходскіе священники, проповѣдники и наставники, учились размышлять и говорить по Нѣмецки объ этихъ существенныхъ догматахъ нашей вѣры. Если же это покажется имъ слишкомъ труднымъ, то пусть остаются съ дѣтьми при Катихизисѣ.» Если самъ преобразователь честилъ такъ большинство проповѣдниковъ, то понятно негодованіе народа, котораго душевное спасеніе поставлено въ зависимость отъ такихъ недостойныхъ учителей, которые сами не имѣли понятія объ основныхъ началахъ Христіянской вѣры. Отношенія между обоими сословіями, при всѣхъ усиліяхъ Лютера, разумѣется, не могли быть основаны на взаимной пріязни

(1) «Denn wir Deutschen sind ein wild, roh, tobend Volk, mit dem nicht leichtlich ist etwas anzufangen, es treibe denn die höchste Noth.» Walch, X, S. 263 flg.

(2) Walch, IV, §. 69, S. 2839.

и уваженіи, и побѣда не могла не остаться на той сторонѣ, которая имѣла превосходство вещественной силы. «Нынѣ бѣдный сельскій священникъ,»—говоритъ Лютеръ,—«есть самое презрѣнное существо; не найдемъ ни одного крестьянина, который бы не считалъ его отребіемъ рода человѣческаго и не попиралъ бы его ногами, чему теперь, къ сожалѣнію, встрѣчаемъ много примѣровъ. (1) Свѣтъ наполненъ людьми изъ дворянъ, горожанъ и крестьянъ, которые не только не даютъ ничего на содержаніе бѣднымъ приходскимъ священникамъ, но еще обираютъ и мучатъ ихъ, и ничего лучшаго не желали бы, какъ выморить ихъ голодомъ и истребить съ лица земли. Каждый крестьянинъ, кто только умѣетъ перечесть пять по пальцамъ, прибираетъ къ рукамъ всѣ бывшія монастырскія пашни, луга и лѣса. Діяволъ шепчетъ имъ на ухо: «Не должно допустать проповѣдниковъ до злоупотребленія власти.» Они слишкомъ хорошо знаютъ, что это несбыточно, что свѣтская власть отчуждена отъ проповѣдниковъ, потому что ни одинъ изъ нихъ въ приходѣ не имѣетъ частной собственности, а только временный гость въ деревняхъ, приписанныхъ къ приходу, и что если двое, или трое, соберутся съ силами и заведутся домкомъ для вдовъ и сиротъ, послѣ нихъ остающихся, то прочая огромная половина ихъ—нищіе, и несравненно ниже любаго крестьянина, потому что на 10 флоринахъ далеко не уѣдешь. Таковы всѣ нынѣшніе Евангельскіе ученики. Посмотришь на нихъ: всѣ Христіяне и высоко чтутъ слово истины, но проповѣдниковъ, его возвѣщающихъ, ненавидятъ, какъ нѣкогда Іерусалимъ, избивавшій пророковъ. Если бы они отнимали у насъ только деньги, мы бы слова не молвили; но теперь, подъ личиной Евангелія, совершаются такіе разбои (solch scharren, kratzen, schinden und schaben, geizen, nehmen, stehlen und rauben), что мнѣ за народъ становится стыдно. Словомъ, церковь представляетъ нынѣ плачевное зрѣлище (ein jämmerlich Ansehen), потому что служители слова, при такой отъявленной ненависти горожанъ и крестьянъ, едва не умираютъ голодною смертію. Служеніе проповѣди погибнетъ и безъ меча тирановъ (das Evangelium wird ausgehungert werden).» (2) Если вѣрить Лютеру, то сельскіе священники не уходили ни

(1) Walch, V, Объясн. 45 пс. §. 198, S. 577.

(2) Walch, VII, Объясн. 5 гл. Матѳ., §. 65, S. 570, — 6 гл. Іоанна, §. 6, S. 1898;—X Наставл. о проповѣди противъ ростовъ; §. 85—86, S. 1077—1080; — XXII, c. 4. §. 89, S. 320; IV, Объясн. 132 пс., §. 88—89, S. 2926;—122пс., §. 86—87, S. 2504;—XXII, c. 12, §. 48, S. 677.

отъ насмѣшекъ, ни отъ побоевъ. (1) Этотъ порядокъ вещей продолжался равномѣрно до самой смерти Лютера. Еще въ Эйслебенѣ, за нѣсколько недѣль до смерти, онъ обличалъ крестьянъ за похищеніе скудной собственности приходскихъ священниковъ. (2) Положеніе Протестанской Германіи было ужасно; въ одномъ Вюрцбургскомъ епископствѣ 400 приходскихъ церквей отказались рѣшительно отъ всякой платы на содержаніе проповѣдниковъ. (3) Послѣдніе, не имѣя средствъ къ существованію, либо пускались въ другія занятія, либо заражались пороками народа, съ которымъ жили, и забывали свое назначеніе. (4) Эта взаимная ненависть между мірянами и духовенствомъ угрожала совершеннымъ разложеніемъ стихій народной жизни, паденіемъ всякаго религіознаго и нравственнаго чувства. Лютеръ предвѣщаетъ неблагодарному народу участь Іудеевъ и страшное наказаніе Божіе. «Смотрите,»—писалъ онъ въ 1531 году,—«сохранится ли черезъ 20 лѣтъ въ Германіи ученіе Евангельское? Какъ скоро нынѣшніе благочестивые проповѣдники сойдутъ съ поприща общественнаго служенія, настанутъ другіе, которые будутъ дѣлать угодное діяволу. Смотрите, какъ быстро исчезаетъ Евангеліе между дворянами въ селахъ и городахъ, а въ большихъ имперскихъ оно уже вовсе исчезло. Народъ толпится только въ питейныхъ домахъ; до слова Божія мы не охотники; мы думаемъ, что оно останется до скончанія вѣка. Нѣтъ! Придетъ время, когда мы взыщемъ его и— не обрящемъ, когда захотимъ вырыть изъ земли теперешнихъ служителей слова; тогда увидятъ крестьяне, что они сдѣлали. Врачей и юристовъ довольно для управленія міромъ, а на одного юриста потребно 200 проповѣдниковъ. Въ Саксоніи герцогу Іоанну довольно 20 законниковъ, а нужно 1800 священниковъ, по одному на каждое селеніе. Богъ накажетъ презрѣніе къ слову. Служеніе проповѣди не можетъ не остаться въ мірѣ, если не истинное, то искаженное, и Турки имѣютъ свое Богослуженіе и своихъ церковнослужителей. Въ настоящее время Богъ даритъ намъ цѣлое море своего слова. Онъ даетъ намъ даромъ ученіе всѣхъ возможныхъ языковъ и всѣ свободныя науки, но за свѣтомъ Евангель-

---

(1) Walch, IV, Объясн. 125 пс., §. 5, S. 2519—20.

(2) Walch, XXII, S. 62.

(3) Walch, VII, Объясн. 6 гл. Іоанна, §. 8, S. 1899.

(4) Walch, IV, 125-й пс., §. 27—30, S. 2531; — XXII, §. 91, S. 521.

скимъ послѣдуетъ великая тьма, а потомъ, въ скоромъ времени, настанетъ Страшный Судъ.» (1)

Съ другой стороны гибельные слѣдствія ученія Лютерова о вѣрѣ оправдывающей безъ участія дѣлъ не могли быть отвращены ни какими усиліями преобразователя умѣрить, сколько возможна, исключительность этого взгляда. Народъ остался вѣренъ данному ему направленію, тѣмъ болѣе, что Лютеръ самъ никогда не отрицалъ своей прежней дѣятельности, и усиленныя понужденія его къ добрымъ дѣламъ давали право народу обвинять его въ непослѣдовательности, и безъ зазрѣнія совѣсти оставаться при старомъ порядкѣ вещей. Мракъ невѣжества, обнимавшій Нѣмецкое человѣчество до XVI столѣтія, ни сколько не прояснился во время реформаціи Лютера. Глубокое равнодушіе ко всему высокому и таинственному въ Христіянской религіи не уменьшилось, не смотря на торжественные возгласы его о Благодати, не смотря на ученіе, преимущественно направленное на загробную жизнь человѣка. Тщетно старался онъ дѣйствовать на чувственность народа, чтобъ возбудить въ немъ стремленіе къ вѣчности, плѣняя его грубое воображеніе картинами земнаго довольства и матеріяльныхъ утѣхъ. «Только пожелай,» — говоритъ онъ въ объясненіи XV-й главы 1 Посл. къ Коринѳяномъ, — «и небо оросить тебя золотомъ и блестящими червонцами, Лаба (Эльба) будетъ струиться жемчужинами и дорогими каменьями, земля изнесетъ всю роскошь растительности: подойди къ любимому дереву, и оно одѣнется серебряными листьями, золотыми яблоками и грушами, а полевая трава и цвѣты будутъ сіять, какъ чистый изумрудъ и чудныя маргариты всякаго рода.» «Народъ,»—по собственному выраженію Лютера,—«продолжалъ жить по вѣрѣ своей; они оставались свиньями, жили какъ свиньи, умирали какъ свиньи.» (2) «Что вы слушаете поповскіе басни?» такъ переговаривались между собой крестьяне; — «Неужели ты вѣришь, что въ твоемъ туловищѣ живетъ другое существо? (Meinest du, dass noch ein Kerl in diesem stecke?) Любезный! Когда помремъ, ничто не оживитъ насъ; когда истлѣетъ тѣло, погибнетъ вмѣстѣ и душа.» Такіе же разговоры ведутъ и дворяне (Junker Hans vom Adel) и военные люди: «Если думать о смерти и вѣрить въ будущую жизнь, кто пойдетъ на войну? Поживемъ здѣсь

---

(1) Walch, VII, Объясн. 7 гл. Іоанна, §. 157, S. 2307;—XXII, S, 23—25, 32—33, 125—126.
(2) Walch, VIII, Объясн. 15 гл. 1 Кор., §. 204, S. 1291.

въ довольствѣ и сытости, пока жизнь продлится; кто знаетъ, какова будетъ тамъ?» Другіе, которые хотятъ быть еще умнѣе, смѣются надъ безуміемъ тѣхъ, кто проповѣдуетъ о вѣчной жизни, и говорятъ: «Надобно быть вовсе празднымъ человѣкомъ, чтобы сокрушаться о будущемъ.» Укажу на любопытный образчикъ доказательствъ, приводимыхъ чернью противъ вѣчной жизни. «Когда всѣ мертвые воскреснутъ, какія будутъ у нихъ тѣла? Когда соберется ихъ безчисленное множество, кому прокормить весь этотъ сонмъ? Откуда возмутъ они столько быковъ, барановъ и свиней, чтобы всѣ были сыти? (1) Эразмъ смѣялся надъ усиліями Лютера разсѣять грубыя заблужденія народа, который отдѣлывался отъ проповѣдниковъ неподражаемымъ силлогизмомъ, что онъ не имѣетъ нужды молиться, потому что, «давая хлѣбъ приходскимъ священникамъ, имѣетъ право требовать отъ нихъ и молитвы, и что съ туго набитымъ карманомъ богатому купцу нѣтъ дѣла до Евангелія, и онъ не поссорится за небо съ Господомъ Богомъ.» (2) Лютеръ самъ, конечно, не налагалъ хулы на свой народъ, когда въ глубокомъ отчаяніи обвинялъ его въ совершенномъ бебожіи. «Вѣра черни (des Pöbels Glaube) есть вѣра суетная и не можетъ быть названа вѣрою, ибо то несомнѣнно (denn dass ist gewiss), что народъ не вѣритъ въ Бога Отца, Сына и Св. Духа.» (3) Съ безвѣріемъ соединялось и паденіе нравственности, не поддерживаемой ни сознаніемъ долга, ни страхомъ Божіимъ. Нѣтъ такого порока, котораго Лютеръ не нашелъ бы въ каждомъ сословіи: общая принадлежность всѣхъ сословій народныхъ: Богохуленіе, гоненіе Евангелія, мстительность, взаимная ненависть и зависть, воровство и разбой, торжествующій безнаказанно; проповѣдь уже не въ силахъ остановить господствующихъ наклонностей: міръ идетъ къ худшему; человѣчество быстрыми шагами приближается къ судному дню. Особенно рѣзко развитая черта народнаго характера, сребролюбіе, продающее совѣсть за деньги, съ страшною силою обуяла Германію. Князья и дворяне пускаются въ низкіе торговые промыслы, заводятъ мельницы и пивоварни, покровительствуютъ порокамъ народнымъ изъ низкихъ цѣлей своекорыстія; во время голода

(1) «Es sind gute alberne Leute gewesen, Christus und Paulus, die sagen, es soll noch ein Leben nach diesem sein.» Ibid. §. 238, 239, 255, 272, S. 1313—1342.

(2) Walch, IX, Объясн. 3 гл. 1 посл. Іоанна, §. 28, S. 1149.;—VII, Объясн. 7 гл. Матө., §. 47, S. 873.

(3) Walch, XXII, c. 7, §. 66, S. 444.

продаютъ хлѣбъ за высокую цѣну; (1) крестьяне до того привязаны къ золоту, что равнодушно провожаютъ глазами хлѣбъ, уносимый волнами разлившейся Лабы, забывая, по выраженію Лютера, что «золотомъ питаться нельзя.» (2) Ростовство умножается въ неудержимомъ поступаніи впередъ. Въ 1540 году безбожные мытари ежегодно берутъ на Лейпцигской ярмаркѣ 30, на Наумбургской 40 процентовъ; съ милліона флориновъ ежегоднаго росту 400,000, и въ одинъ годъ разоряютъ сильнѣйшихъ владѣтелей Германіи. (3) Необузданная молодость не уважаетъ ни святости браковъ, ни священной воли родителей; одинъ изъ начальниковъ Протестантскаго союза, Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, предходитъ соблазнительнымъ примѣромъ двуженства. Не входя въ подробности отвратительной картины народныхъ пороковъ, обрисованной Лютеромъ съ такимъ ужасающимъ безпристрастіемъ, приведу только нѣсколько собственныхъ свѣдѣтельствъ его, въ подтвержденіе мысли, что разрушительное свойство ученія его много способствовало нравственной порчѣ. Въ 1529 году, въ объясненіи 6-й главы Второзаконія, Лютеръ писалъ, въ предостереженіе народу: «Теперь мы свободны; ни одинъ законъ насъ не связываетъ ни постами, ни праздниками. Тѣмъ болѣе должно остерегаться, чтобы свобода не обратилась въ своеволіе, чтобы мы не возгордились, какъ будьто бы ужъ не нуждаемся въ Богѣ, а напротивъ чаще воспоминали прошедшее и благодарили Бога, извлекшаго насъ изъ папской темницы.» (4) Наставленія его оказались безуспѣшными. Черезъ три года, въ объясненіи Пѣсни Пѣсней, онъ говоритъ о народѣ: «Чернь, которая умѣетъ лишь на словахъ пересказать главные догматы нашего исповѣданія, а склонна ко всѣмъ грѣхамъ, на самомъ дѣлѣ и не думаетъ объ Евангеліи, но стала гораздо хуже, нежели прежде (sein jetzt viel ärger, denn zuvorhin).» (5) Въ толкованіи на 7-ю главу Евангелія отъ Іоанна 1531 года: «Я никакъ не могъ думать, что мы такъ скоро забудемъ плачевное состояніе, въ какомъ находились при папахъ. Мы живемъ припѣваючи, какъ будьто бы вѣкъ наслаждались настоящей свободой.» (6) Въ объясненіи перваго Посланія

(1) Walch. XXII, S. 328.
(2) Ibid., S. 326.
(3) Walch, X, Настав.л. проповѣдникамъ противъ ростовщиковъ, S. 1036 flg; — XVII, §. 31, S. 1774.
(4) Walch, III, §. 107, S. 2004.
(5) Walch, IV, Объясн. 126 пс. §. 41.
(6) Walch, VII, §. 387, S. 2129.

Іоаннова: «Въ папствѣ мы жили нѣкоторымъ образомъ въ наружномъ Іудействѣ, которое все же лучше язычества; ибо первое имѣетъ отъ Бога и происхожденіе и заповѣди внѣшняго благоустройства. А теперь, освободившись отъ папы, люди погрязли въ язычествѣ; никто не дѣлаетъ добра, никто не молится.» (1) Въ Застольныхъ рѣчахъ: «Удивительно и вмѣстѣ прискорбно, что съ тѣхъ поръ, какъ чистое ученіе Евангелія вышло снова на свѣтъ Божій, міръ сдѣлался хуже. Всѣ употребляютъ свободу Христіянскую только къ плотскому своеволію, какъ будьто каждому дана возможность дѣлать все, что угодно. Отъ того царство діявола и владычество папы, относительно внѣшняго управленія, есть самое лучшее для испорченнаго міра. Ученіе о Благодати внушаетъ ложную самонадѣянность; узнавши, что есть другая загробная жизнь, люди довольствуются временною, а вѣчную оставляютъ Господу Богу. (2) Научившись Евангелію, мы крадемъ, обманываемъ, объѣдаемся и пьянствуемъ и предаемся всѣмъ возможнымъ порокамъ. Мы говоримъ: ««Свободный о Христѣ, я могу дѣлать, что мнѣ угодно, могу продавать свое въ три дорога; если я не достигну блаженства дѣлами, то къ чему довать милостыни?»» Мы обращаемъ свободу духа въ своеволіе плоти. Пусть знаютъ гордые презрители закона, которые никому не служатъ, а только обманываютъ, что они уже утратили свободу Христову и стали слугами діявола, въ семь разъ худшими, нежели прежде, подъ владычествомъ діявола, потому что сатана, едва изгнанный, возвратился къ нимъ съ 7 бѣсами, злѣйшими, нежели онъ самъ» (Матѳ. XII, 45; Луки XI, 25—26). (3) Въ одной проповѣди Лютеръ укоряетъ народъ въ умышленно превратномъ толкованіи текста апостола Павла (Римл. V, 20): «Законъ привниде, да умножится прегрѣшеніе; идѣже бо умножися грѣхъ преизбыточества Благодать.» «Если такъ,»—говорила грубая чернь,—«то давайте спокойно усиливать грѣхъ, чтобы тѣмъ обильнѣе получить Благодать.» (4) Обличительный голосъ Папистовъ постоянно преслѣдовалъ Лютера, какъ главнаго виновника плачевныхъ послѣдствій ученія о Благодати для нравственности народа: «ибо лишь только послышались первые звуки Евангелія, тотчасъ возникли разныя

(1) Walch, IX, 5 гл. §. 30, S. 1234.
(2) Walch, XXII c. 4, S. 60, S. 200.
(3) Walch, III, Объясн. 9 гл. Второзак. §. 10. S. 2727; — VIII, Объясн. 5 гл. Галат. §. 153, S. 2682.
(4) Walch, XII, §. 1, S. 1000.

секты и ереси; исчезло благочиніе церковное; люди стали жить на всей волѣ своей, какъ будьто бы уничтожены всѣ права и законы»; и Лютеръ съ стѣсненнымъ сердцемъ признаетъ справедливость обвиненія. «Дѣйствительно,» — говоритъ онъ, — «во всѣхъ сословіяхъ возникло своеволіе, пороки и ужасы, несравненно болѣе прежняго, когда въ особенности чернь обуздывалась порядкомъ чиноначалія и тугой законовъ; теперь она разыгралась, какъ конь безъ узды. Она презираетъ законы церковные, тяготѣвшіе прежде надъ нею, и употребляетъ во зло излишнюю кротость гражданскихъ властей. Крестьяне, во время бунта, разрушали замки и монастыри, осушали княжескіе погреба; они требовали раздѣла чужихъ имѣній, а свои хотѣли удержать при себѣ; то была Христіянская свобода Христіянской братіи.» (1) Самое гибельное порожденіе Лютерова ученія была извѣстная секта Антиномовъ или Законоборцевъ. Родоначальникъ ихъ, Іоаннъ Агрикола, родился въ Эйслебенѣ, въ 1492 году, въ Виттембергѣ занимался науками, подъ непосредственнымъ руководствомъ Мартина, присутствовалъ при Лейпцигскомъ прѣніи 1519 года, на Аугсбургскомъ сеймѣ 1530, а въ 1537, послѣ церковнаго осмотра въ Саксонскихъ владѣніяхъ, онъ вступилъ въ явную распрю съ Меланхтономъ, который, въ изданномъ имъ руководствѣ для приходскихъ священниковъ, настаивая на ученіе заповѣдей, высказалъ мысль, что покаяніе должно начинаться съ сокрушенія совѣсти и страха Божія. Агрикола находилъ въ этомъ словѣ противорѣчіе съ ученіемъ Лютера, что истинное покаяніе начинается съ вѣры. Ударъ былъ искусно направленъ на самую сущность реформаторскаго ученія, и заключалъ въ себѣ первый зародышъ будущихъ соблазнительныхъ распрей объ отношеніи вѣры къ закону, и первое мѣткое указаніе на внутреннюю несообразность ученія о Благодати. Лютеръ спѣшилъ подавить начатки гибельной ереси, сознавая себя не безъ ужаса ея главнымъ виновникомъ, и бросая безпокойный взоръ въ будущее. Въ Виттембергѣ Агрикола пользовался его особенной милостію и благорасположеніемъ курфирста, но не отсталъ отъ прежнихъ замысловъ, а въ 1538 году выставилъ главныя положенія Законоборческой ереси подъ заглавіемъ: «Positiones inter fratres sparsae.» По ученію Антиномовъ, покаяніе не должно извлекаться изъ ученія

(1) Walch, V. Объясн. 2 пс. §. 15, S. 114. — XII, §. 7, S. 2060. — XVI противъ возмут. крестьянъ, §. 6. S. 94.

заповѣдей, а единственно изъ страданій и смерти Спасителя; ибо Христосъ (Луки XXIV, 26), для того сказалъ ученикамъ, что ему «подобало пострадати и внити въ славу свою», чтобы во имя его проповѣдывалось въ мірѣ покаяніе и отпущеніе грѣховъ. А равно (Іоанн. XVI, 8) «духъ,» а не законъ, «обличитъ міръ о грѣсѣ», и послѣдній завѣтъ Богочеловѣка предъ вознесеніемъ былъ не понужденіемъ къ проповѣди о Законѣ, а относился къ Евангелію: «Шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари» (Мар. XVI, 15). Апостолъ Павелъ, сказавъ Христіянамъ: «Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ...... со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте» (Филип. II, 5, 12), также показываетъ, что покаяніе, которое онъ называетъ страхомъ и трепетомъ, должно извлекаться не изъ закона, а ихъ благодарнаго воспоминанія о Христѣ Іисусѣ. Наконецъ изъ проповѣдей ап. Павла и Варнавы (Римл. III, 20; Дѣян. XIII, 38) Антиномы доказывали, что законъ исключается вовсе изъ ученія Христова. Если Духъ Святый непосредственно изливается на Христіянъ, и человѣкъ оправдывается вѣрою безъ дѣлъ закона (Рим. III, 28), то и нѣтъ нужды проповѣдывать Законъ Моисеевъ, ни въ началѣ, ни въ срединѣ, ни въ концѣ оправданія, что совершенно противно слову Христову и примѣру апостоловъ, низводившихъ однимъ словомъ Благодати на язычниковъ Духа Святаго въ видимомъ образѣ,—ставить законъ одной изъ существенныхъ частей ученія объ оправданіи. Проповѣдники, утверждающіе, что Евангеліе должно быть возвѣщаемо единственно тѣмъ, которыхъ сердца напередъ сокрушены перунами Закона, по мнѣнію Антиномовъ, извращаютъ смыслъ простыхъ и ясныхъ словъ Спасителя. Ибо какъ твердо должно держаться буквальнаго смысла таинственныхъ словъ: «Сіе есть тѣло мое,» такъ точно и буквальнаго смысла завѣта Христова: «Шедше, проповѣдите Евангеліе, крестяще.» Законъ только обличаетъ грѣхъ, безъ посредства Духа Святаго, и обличаетъ въ вѣчное осужденіе; Христіяне же нуждаются въ ученіи, облеченномъ высшею силою не только наказывать, но и оправдывать; а таково единственно ученія Евангелія, которое проповѣдуетъ вмѣстѣ и покаяніе и отпущеніе грѣховъ. Оно возвѣщаетъ гнѣвъ Божій съ небесе, но въ тоже время и правду отъ вѣры въ вѣру; оно есть покаянная проповѣдь, приложенная къ отрадному обѣтованію; разумъ не въ силахъ постигнуть ея; она познается только откровеніемъ.

Лютеръ ужаснулся быстрому развитію Антиномической ереси. Опаснѣе всего была тѣсная, внутренняя связь ея съ ученіемъ преобразователя, которой Законоборцы и не думали скрывать; напротивъ, ссылаясь на разныя мѣста его сочиненій, отыскивали въ нихъ точки опоры и вмѣстѣ указывали на противорѣчія, въ нихъ заключающіяся. Они ссылались, въ подтвержденіе своего мнѣнія, 1) на отрицаніе Лютеромъ апостольскаго происхожденія соборнаго посланія Іякова, потому что оно принуждаетъ угрозами Закона къ исполненію того, что, по ученію другихъ апостоловъ, достигается только любовію; 2) на объясненіе псаломскаго текста (XVIII, 1) «Небеса повѣдаютъ славу Божію,» гдѣ, по словамъ Лютера, отрицается обязательная сила Моисеевыхъ заповѣдей; 3) на извѣстныя уже намъ положенія, извлеченныя изъ разныхъ истолковательныхъ твореній, на пр.: «Какъ далеко отстоитъ земля отъ неба, такъ мало должно быть общенія между закономъ и совѣстію; законъ простираетъ свою силу только на тѣлесные уды, на внѣшнія занятія и упражненія; но кто считаетъ его нужнымъ для оправданія, тому будетъ онъ осужденіемъ.» Слѣдующія положенія Агриколы еще прямѣе указываютъ на ученіе Лютера, какъ только усиленное повтореніе самыхъ рѣзкихъ его выраженій, въ особенности въ толкованіи на Галат.: а) Законъ недостоинъ называться словомъ Божіимъ; въ Евангельской проповѣди не должно быть и рѣчи объ его нарушеніи, а только о страстяхъ Сына Божія. б) Если ты весь погрязъ въ грѣхахъ самыхъ страшныхъ и хранишь вѣру, ты уже на пути къ блаженству. в) Христіянинъ, который общится съ Моисеемъ, предаетъ себя діяволу; Моисею подобаетъ смертная казнь г) Десятословіе или нравственный законъ Моисеевъ принадлежитъ къ гражданскому управленію, отнюдь же не къ каѳедрѣ проповѣдника.» Близко подходящія къ тому мнѣнія, мы находимъ въ разныхъ сочиненіяхъ Лютера. Съ первымъ положеніемъ можно сравнить слова Лютера: «Wenn es den Handel von der Gerechtigkeit vor Gott betrifft (т. е., когда дѣло идетъ объ Евангеліи, въ которомъ Христосъ, по мнѣнію Лютера, никогда не является законодателемъ, а только животодавцемъ), rede von Gesetz aufs allerverächtlichste.» Со вторымъ: «Wenn es möglich wäre, einen Ehebruch im Glauben zu begehen, so ware ist nicht Sünde.» Съ третьимъ: «Weise Mosen mit seinem Gesetze nur ferne von dir, hatte ihn verdächtig, als den ärgsten Ketzer, als des Herrn Christi Feind, der noch ärger sei, denn der Pabst und Teufel selbst.» Съ четвертымъ: «Das Gesetz Mosis weiter

nichts schaffet und ausrichtet, denn nur allein was weltlich ist und in die Welt gehöret.» (1) Лютеръ не могъ отрицать разительнаго сходства между ученіемъ Антиномовъ и собственными выраженіями, взятыми отдѣльно; и по смерти его многочисленныя секты, отроившіяся отъ Антиномовъ: Интеримисты, Адіафористы, Маіористы, по свѣдѣтельству Николая Амсдорфа (въ предисловіи къ толкованію Лютера на XVIII-ю главу Іоанна), ссылались именно на реформатора, говоря: «Кто учитъ, что добрыя дѣла для блаженства необходимы, тотъ пишетъ и говоритъ противъ доктора Лютера, блаженной памяти, потому что онъ пишетъ вездѣ, и въ особенности въ объясненіи посланія къ Галатомъ, что добрыя дѣла не только излишни, но для спасенія и вредны.» (2) Положеніе Мартина было самое затруднительное; ему предстояло очистить себя отъ подозрѣнія въ законоборствѣ, не только предъ Католиками, но и предъ умѣренными Протестантами, и подавить ужасную ересь, которая давно уже дѣйствовала въ большой части народа, въ неразвившейся формѣ. Онъ немедленно вооружился на Іоанна Агриколу, и въ 1538 году, въ пяти прѣніяхъ, доказалъ всю ложность и вредное свойство Антиномической ереси. Сдѣсь онъ въ подробности развиваетъ ученіе о различіи между Закономъ и Евангеліемъ, о назначеніи того и другаго закона, какъ обличителя совѣсти, указателя грѣха и гнѣва Божія, Евангелія, какъ успокоенія сокрушеннаго и смиреннаго сердца. «Законоборцы,»—говоритъ онъ,—«отрицаютъ грѣхъ, покаяніе и самого Бога. Ибо если грѣхъ не служитъ къ осужденію человѣка, то онъ лучше правды и живота вѣчнаго; потому что мы въ такомъ случаѣ не нуждаемся въ ходатайствѣ Сына и въ примиреніи съ правосудіемъ Божіимъ. Если Христіянинъ не нуждается въ ученіи Закона (lex non est docenda), то давайте ѣсть, пить, веселиться, подражая примѣру Епикурейцевъ, испивая до дна чашу радостей нынче, не заботясь о завтрешнемъ днѣ. Ибо законъ, жало грѣха, уничтоженъ, а слѣдовательно разрушена смерть и сокрушены врата ада, не драгоцѣнною кровію Спасителя, а безсиліемъ грѣха—осудить человѣка. Уничтожена и Молитва Господня, въ которой мы исповѣдуемъ ежедневно устами, что мы грѣшники предъ Закономъ; прося объ священіи имени

(1) Walch, VIII, 5 гл. Галат. §. 23, S. 2311;— XIX, «Disputation über die Frage: «Ob die Werke zur Rechtfertigung gehören?» a. 1520, 10-е положеніе, S. 1724; VIII, S. 2371;—XXII, c. 12, §. 17, S. 654;—VIII, 4 гл. Галат. §. 19, S. 2368 u. s. w.

(2) Walch, VIII, S. 802.

Божія, сознаемся, что оно еще не довольно святится между людьми ;прося о пришествіи царствія Божія; сознаемся, что мы не совсѣмъ еще избавились отъ владычества діявола; прося о совершеніи воли Божіей, исповѣдуемъ устами и сердцемъ, что мы ослушники заповѣдей и остаемся должниками предъ правосудіемъ Божіимъ. Отрицается слово Христово: «Не мните, яко пріидохъ разорити законъ; не пріидохъ разорити, но исполнити» (Матѳ. V, 17). Отрицается отвѣтъ Фарисею, изложившему двѣ великія заповѣди нравственнаго закона: «Сіе сотвори, и живъ будеши» (Лук. X, 28). Отрицаются всѣ угрозы и прещенія закона, которыми наполнено Евангеліе, такъ что смѣло сказать можно, что отъ самаго начала міра не являлись такіе наглые люди, какъ нынѣшніе Законоборцы , которые не терпятъ закона въ управленіи Церкви, а отсылаютъ его въ Городскую Думу. Можно стереть мертвую букву съ скрижали закона; но кто вырветъ изъ совѣсти неизгладимую рукопись живаго закона, въ сердцѣ начертаннаго? Церковь Папистовъ извратила понятіе о покаяніи сомнѣніемъ о дѣйственности Благодати, безчисленными дѣйствіями частнаго удовлетворенія; но несравненно опаснѣе еретики, которые, вооружаясь на законъ, не терпятъ и покаянія. Благодать и отпущеніе грѣховъ не дѣлаетъ грѣшниковъ самонадѣянными, а кладетъ имъ въ руки оружіе къ ежедневной побѣдѣ надъ грѣхомъ, закономъ и смертію чрезъ посредство Спасителя. А вѣра Законоборцевъ походитъ на вѣру бѣсовъ, потому что и они непрестанно исповѣдуютъ Христа Сыномъ Бога живаго (Лук. IV, 34; VIII, 28); ихъ должно избѣгать, какъ самыхъ вредныхъ учителей, которые развязываютъ на всякіе грѣхи и соблазны, которые не Господу Іисусу Христу, а чреву работаютъ (Рим. XVI, 18) и ищутъ, безумные, угождать страстямъ человѣковъ, прибытка ради и славы.»

Къ дальнѣйшему препиранію съ магистромъ Эйслебенскимъ, Лютеръ старался сколько возможно очистить себя отъ подозрѣнія въ единомысліи съ отвратительной сектой, которая умышленно ссылалась на его значеніе и красила себя его именемъ. Онъ проситъ Эйслебенскаго проповѣдника, Каспара Гюттеля, истреблять по возможности эту мысль въ народѣ и, оставаясь при чистомъ ученіи, побуждать грѣшниковъ къ покаянію не однимъ только сладостнымъ воспоминаніемъ заслуги Христовой, а также спасительнымъ ужасомъ Закона. Въ оправдательномъ посланіи на обвиненіе Агриколы въ несправедливыхъ на него нареканіяхъ

Лютера, онъ обличаетъ двоедушіе Законоборца, который съ намѣреніемъ принималъ на себя личину согласія съ Протестантскимъ ученіемъ на Аугсбургскомъ сеймѣ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе оправдать свои вымыслы мнимымъ согласіемъ Лютера и другихъ реформатовъ. «Мнѣ дивно.»—говоритъ Лютеръ,—«какъ могутъ приписывать отрицаніе Закона, когда состоитъ на лицо мое объясненіе Десятословія, ежедневно проповѣдумое въ нашихъ церквахъ, не говоря уже объ исповѣданіи Апологіи и другихъ сочиненіяхъ; когда ходятъ по рукамъ Протестантовъ безчисленныя изображенія 10 заповѣдей, живописныя, печатныя; когда дѣти повторяютъ его безпрестанно, и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, такъ что трудно придумать новое средство привести ихъ въ сознаніе народа, къ сожалѣнію, слишкомъ мало ихъ исполняющаго; и самъ я, при всей своей старости и учености, ежедневно, какъ малолѣтный, повторяю ихъ отъ слова до слова. Все это такъ осязательно, что если бъ даже кого ни будь соблазнили мои сочиненія, то все же достаточно усиленныхъ занятій моихъ Катихизисомъ, чтобъ возбудить недовѣрчивость ко мнимому Антиномическому направленію Лютера. Правда, я училъ и продолжаю учить, что должно грѣшниковъ побуждать къ покаянію, приводя имъ на память страданія Христовы, дабы они видѣли, какъ сильно Богъ возненавидѣлъ грѣхъ, когда Сынъ Божій самъ принужденъ былъ пригвоздить его ко кресту. Это ученіе не мое, а св. Бернарда, или лучше всего Христіянства, всѣхъ апостоловъ и пророковъ. Отсюда не слѣдуетъ, что я отвергаю Законъ. Но положимъ даже, будьто я говорилъ, что ученіе Закона не должно преподаваться въ Христіянской Церкви; и въ такомъ случаѣ я лишился бы права на довѣріе учениковъ, потому что я постоянно защищалъ и противное мнѣніе и, стало быть, самъ себѣ явно противорѣчилъ.» (1)

Отсюда видно, что Лютеръ хорошо умѣлъ оцѣнить характеръ своего ученія и его отношеніе къ народнымъ потребностямъ. Не принося въ жертву своихъ убѣжденій призыву обстоятельствъ, онъ допускаетъ, однако, противорѣчія въ своей собственной дѣятельности; сознавая ложное ея направленіе, спасаетъ только чистоту своихъ намѣреній. «Что я сгоряча (in der erste) такъ сурово говорилъ и писалъ противъ Закона (слова Лютера въ Застольныхъ рѣчахъ),

(1) Всѣ подробности извлечены изъ Вальха, XX, S. 2014—2073.

произошло отъ того, что Христіанская Церковь страдала подъ игомъ человѣческихъ узаконеній, а имя Христово было забыто. Я хотѣлъ избавить истерзанныя совѣсти отъ духовнаго рабства Евангельскимъ словомъ. Но я никогда Закона не отвергалъ.» (1) Съ каждымъ годомъ росло въ немъ сознаніе, что народъ не созрѣлъ еще для проповѣди о Благодати въ томъ видѣ, въ какомъ онъ щедро расточалъ ее на первыхъ порахъ отдѣленія отъ Западной Церкви; но онъ продолжалъ проповѣдывать, считая это роковою обязанностію учителя Евангельскаго. Онъ говорилъ, что хотя бы это производило вредное дѣйствіе на нравственность, все же онъ обязанъ возвѣщать Благодать, по повелѣнію Христову, въ то же время прилежно занимаясь десятью заповѣдями. (2) Противорѣчіе открывалось само собою и вызывало въ немъ нравственное утомленіе безплодными усиліями согласить мнимый долгъ проповѣдника съ духовнымъ назиданіемъ. Напрасно старался онъ убѣдить себя въ томъ, что въ догматѣ о спасеніи вѣрою безъ участія дѣлъ не таится зародышъ отрицанія Закона; потому что какъ вѣра приноситъ съ собой отпущеніе грѣховъ, то невозможно быть истиннымъ Христіаниномъ и вѣрующимъ тому, кто открыто и нераскаянно живетъ во грѣхахъ. Ибо гдѣ жизнь плотская, тамъ нѣтъ покаянія, нѣтъ и отпущенія грѣховъ, нѣтъ и вѣры; и кто вѣруетъ, тотъ живетъ въ постоянной борьбѣ со грѣхомъ, пока не одержитъ побѣду. (3) Въ недоумѣніи, на что рѣшиться, онъ говорилъ, что трудно попасть на путь истинной проповѣди. Возвѣщать ли ученіе Закона, какъ было при Папствѣ, оскорбляется величіе Божіе и смущается совѣсть; проповѣдывать ли Благодать и Христа, похотствуетъ плоть и гнѣвается Папская Церковь». (4) Подъ конецъ жизни сомнѣнія Лютера разрѣшились въ пользу проповѣди о Законѣ. «Я совѣтовалъ бы нынѣ начинать проповѣдь прочтеніемъ текста, продолжать въ видѣ молитвы, заключать увѣщаніемъ къ доброй нравственности и Христіанской жизни. Это было бы лучшею проповѣдію для огромнаго большинства народа. Только для бѣдныхъ, сокрушенныхъ совѣстей, чувствующихъ гнѣвъ Божій противъ грѣха (а много ли такихъ?), не совсѣмъ оставлять утѣшительное слово Евангелія. (5) Такъ какъ плоть наша постоянно немощна

(1) Walch, XXII, c. 12, §. 55, S. 681.
(2) Ibid. §. 61, S. 684.
(3) Walch, VIII, Объясн. 16 гл. Іоанна §. 104, S. 535.
(4) Walch, XXII c. 4, §. 62, S. 301.
(5) Walch, XXII c. 22, §. 119, S. 1018.

и лукава, то и должно постоянно проповѣдывать Законъ и Десять Заповѣдей, дабы упрямые, дикіе, безбожные люди и лицемѣры заключены были въ немъ, какъ въ темницѣ, пока не возчувствуютъ стремленія къ Благодати. Теперь время такое, что должно гремѣть и бросать перуны Закона противъ самонадѣянности, въ которой погрязла большая половина народа.» (1)

Сдѣсь оканчиваю разсужденіе объ отношеніяхъ Лютера къ соплеменникамъ и о нравственномъ вліяніи проповѣди его на всю массу народа и на каждое сословіе въ отдѣльности. Прѣніе съ Антиномами доводитъ его до гробовой доски. Въ толкованіи на Книгу Бытія полемика съ Папскою Церковію отзывается лишь въ отдаленныхъ отголоскахъ; отселѣ Протестантская Церковь ведетъ междоусобную распрю съ выродившимися отъ нея безобразными сектами; въ неравной борьбѣ постепенно слабѣетъ измученный Лютеръ и гаснетъ его духовная сила. Подъ конецъ бурной жизни онъ возвращается скорбно къ точкѣ исхода; сила народнаго духа одержала побѣду надъ строптивою личностію, погубившей себя гордою мечтою — наложить на него себялюбивой отпечатокъ собственнаго духа. Глубокою грустію исполнены предсмертные возгласы Лютера: лишившись довѣрія и любви народа, нѣкогда славный пророкъ Германіи, исполняетъ послѣднюю черту пророческаго служенія; онъ предвѣщаетъ паденіе вѣры, возвращеніе ужасовъ папскаго владычества, возстаніе лжепророковъ и лжепроповѣдниковъ, страшныя бѣдствія народнаго безначалія. «Мы, по милости Божіей, очистили ученіе вѣры; но за нами вскорѣ послѣдуютъ другіе учители, которые отвергнутъ истинное оправданіе и снова воспримутъ достоинство дѣлъ и человѣческія постановленія. Какъ скоро Мюнцеръ и Второкрещенцы замѣтили, что мы отвергаемъ дѣла и учимъ о духѣ, они тотчасъ употребили во зло ученіе наше, отвергли слово и таинства. За ними послѣдовали Законоборцы, которые учатъ, что грѣхи всѣ отпущены, что не должно ни обличать, ни наказывать ихъ, ни страшить человѣка призракомъ закона. Они еще гласно не проповѣдуютъ своего лжеученія, а только ищутъ опоры ему, но уже прямо ссылаются на слово апостола: «Ни едино убо нынѣ осужденіе сущымъ о Христѣ Іисусѣ» (Римл. VIII, 1), и употребляютъ во зло прекрасное слово Іоанна: «Всякъ рожденный отъ Бога

---

(1) Walch, XXII, c. 12, §. 22, S. 659; §. 86, S. 705.

грѣха не творитъ, яко сѣмя его въ немъ пребываетъ; и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть». (1 Іоанна III, 9) Они мечтаютъ, что Церковь также праведна и безукоризненна, какимъ былъ нѣкогда Адамъ въ раю и, подъ личиной упованія на милосердіе Божіе, исполняютъ всѣ свои прихоти. Въ послѣднее время Евангеліе обняло бы всю вселенную, если бы не преградили ему дорогу сектаторы и папа. Ни Латинскіе князья не ополчились бы на насъ съ такою страшною силою, если бы изъ нашей среды не вышли отступники. И если міру суждено еще продлить свое скудное существованіе, то помяните слово мое, что чистое Богопознаніе погибнетъ безъ возврата. Останется имя Христово, но возстанутъ еретики и сектаторы, и обольстятъ народъ ложными знаменіями и ученіями, которыхъ нѣтъ въ св. Писаніи. Люди слѣпые, до конца міра будутъ свирѣпствовать противъ поклонниковъ истины.» (1) Грустно подумать, что Лютеръ прощался съ міромъ въ увѣренности, что Страшный Судъ не далекъ, что настало послѣднее время, возвѣщенное Апокалипсисомъ. Мысль о скоромъ преставленіи свѣта всегда была присуща ему: въ счастливые дни своей проповѣди, онъ видѣлъ въ папѣ антихриста, а въ Церкви Папистовъ находилъ всѣ признаки близкаго пришествія Суда Христова; но все же считалъ себя отдаленнымъ отъ роковаго дня, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько столѣтій, и предвѣщалъ конецъ міра къ 2000-му по Р. X. (2) Но когда воздѣйствовало ученіе еретиковъ, когда Лютеръ увидѣлъ, съ какой ужасающей быстротой возрастаютъ пороки и нечестіе современниковъ, онъ перенесъ прещенія Апокалипсиса на собственную Церковь и на любимую Германію; онъ боялся дожить до послѣдняго дня. «Проповѣдь моя,»— говорилъ онъ,—«походитъ на гласъ вопіющаго въ дремучемъ лѣсу; отзвукъ возращается къ нему, не проникнувъ за густую чащу; такъ и теперь никто не хочетъ признать Христа своимъ Богомъ. Евангеліе въ настоящее время можно сравнить съ человѣкомъ при последнемъ издыханіи. Ему едва достаетъ силъ произнести нѣмѣющимъ языкомъ слова. ««Господи! Въ руцѣ твои предаю духъ мой.»» Такъ и мы послѣднее слабое движеніе Евангелія, исповѣдающее Іисуса Христа. За нами, не болѣе, какъ лѣтъ черезъ пять, или шесть,

(1) Walch, I, Объясн. 24 гл. Быт. §. 85, §. 85, S. 2499; XXII; S. 28;—VII, Объясн. 6 гл. Іоанна, §. 491—492, S. 2187; III Объясн. 18. гл. Исход., §. 22, S. 1482; IV Объясн. 10 пс., §. 91, S. 936.

(2) Walch, IX, Объясн. 1 гл. пос. Петр. §. 78, S. 677 — 4 гл §. 13, S. 801; — 3 гл. 2 пос. Петр. §. 10, S. 901;—XXII, S. 198 flg. — Matthesius, 12 Pred.; S. 545, 551 flg.

послѣдуетъ Страшный Судъ: такъ велики грѣхи, нечестіе и лукавство міра.» (1) Къ страшному чаянію кончины міра присоединялось безотрадное сознаніе понесенныхъ безъ пользы трудовъ и усилій для проповѣди неблагодарному народу; самъ Лютеръ говаривалъ, что двухъ, или трехъ, проповѣдей ученыхъ Католиковъ достаточно, чтобы привлечь снова къ Латинской Церкви его Виттембергскую паству; (2) и внутреннія угрызенія, которыя олицетворялись уже не въ тѣлесномъ присутствіи діявола, а въ обличительномъ голосѣ совѣсти, что онъ противъ воли содѣйствовалъ утвержденію новаго порядка вещей, и соблазнилъ народъ ученіемъ о Благодати. «Если бы я зналъ въ началѣ своей проповѣди, что народъ заплатитъ мнѣ такою неблагодарностью, десятью конями не привлекли бы меня на каѳедру.» Вотъ слова Лютера, передаваемыя въ Застольныхъ рѣчахъ: (3) «Если бы пришлось мнѣ теперь снова объяснять народу книгу Бытія, я бы иначе распорядился, потому что кто хочетъ учить другихъ и самъ понимать эту книгу, тотъ долженъ обогатиться запасомъ жизненной опытности и оглядѣться хорошенько въ мірѣ. Огромное большинство нераскаянныхъ грѣшниковъ я оставилъ бы подъ игомъ папы. Вѣдь ученіе Евангелія имъ въ прокъ нейдетъ, а только приводитъ къ злоупотребленію свободы; но истерзаннымъ и отчаяннымъ совѣстямъ, я сталъ бы исключительно проповѣдывать утѣшеніе Евангелія. Проповѣдникъ долженъ прежде всего познакомиться съ міромъ, убѣдиться, что онъ собственность діявола и не ожидать отъ него исправленія. Онъ не долженъ быть такимъ простодушнымъ агнцемъ, какимъ былъ я, который вѣрилъ не на шутку въ незлобіе міра и полагалъ, что при первомъ звукѣ Евангелія всѣ соберутся подъ кровъ его и примутъ его съ восторгомъ. Теперь только узналъ я съ душевнымъ прискорбіемъ, какъ жестоко обманулся.» (4) Этотъ тяжелый грузъ душевныхъ страданій,—скорбная отплата за обаянія временной славы въ протекшей молодости,—провожалъ его до могилы. Вѣчный труженикъ вѣроисповѣдной свободы, онъ уже не могъ избавиться отъ гнетущаго чувства, которое подтачивало медленно его жизненныя силы; онъ чаялъ смерти, какъ ослабы тѣлесной, какъ

(1) Walch, XXII, c. 7. §. 65, S. 444; c. 12, §. 27, S. 665.
(2) Walch, VII, Объясн. 7-й. гл. Матѳ. §. 108, S. 914.
(3) Walch. XXII, S. 31.
(4) Walch, XXI, c. 22, §. 95, S. 1054.

разрѣшенія скорбей душевныхъ на лонѣ Отца небеснаго. Смерть постигла его въ Эйслебенѣ, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ онъ родился и омытъ водами крещенія. Послѣднія минуты его страдальческой жизни исполнены пламенной вѣры въ заслугу Искупителя. «Отче Небесный, Боже и Отче Нашего Господа Іисуса Христа, Боже отрады и мира,»—взывалъ онъ въ послѣднемъ воздыханіи,—«благодарю тебя, что ты открылъ мнѣ твоего возлюбленнаго Сына, въ котораго вѣрую, котораго исповѣдывалъ предъ людьми, котораго любилъ и славилъ я, пріими духъ мой съ миромъ! Отче Небесный! Совлекая земную храмину тѣла, я вѣрю несомнѣнно, что пребуду вѣчно съ тобою, и что никто не вырветъ меня изъ твоей десницы!» 18 Февраля, въ три часа утра, 1546 года, онъ тихо скончался, въ упованіи на Сына Божія и на ученіе, имъ проповѣданное. (1) Человѣкъ не въ правѣ предварять судъ Божій своимъ близорукимъ судомъ. Для насъ, Православныхъ, Лютеръ въ общественномъ служеніи останется вѣчно начальникомъ ереси, возмутителемъ церковнаго мира. Но мы не имѣемъ права налагать хулу безусловную на личность того же Лютера, въ одинокомъ развитіи его душевныхъ силъ. Строптивость и гордая исключительность мнѣній воспитана въ немъ нетерпимостію Западной Церкви, извратившей благородныя начинанія его въ дѣлѣ мирнаго преобразованія. Дальнѣйшія уклоненія условлены были естественно его духовнымъ состояніемъ; возмездіе постигло его еще на землѣ, въ томъ, что было ему всего дороже, въ безукоризненности побужденій, въ добромъ имени вѣрнаго учителя Евангелія, въ свѣдѣтельствѣ собственной совѣсти. Безстрашный обличитель пороковъ народныхъ, онъ прослылъ, и слыветъ еще до нынѣ, угодникомъ страстей человѣческихъ. Такъ назвали его уважаемые современники, такъ привыкла называть его и наша Православная Русь. Между тѣмъ главный источникъ его заблужденій и плачевнаго раздвоенія съ народомъ заключался въ односторонности его личнаго развитія, въ невозможности примѣнить къ нуждамъ современнаго человѣчества темное и запутанное ученіе о Благодати (der finstern Hader über der Gerechtigkeit des Glaubens, какъ называетъ его Меланхтонъ). Онъ слишкомъ много довѣрялъ своимъ силамъ, слишкомъ много искренности народа въ стремленіи къ истинѣ. Но Лютеръ, съ младенческой вѣрой въ возможность направить современное

(1) Matthesius, 14 Pred., S. 155—159.

человѣчество къ благимъ цѣлямъ Провидѣнія, соблазнилъ народъ обольстительной проповѣдію милосердія Божія; а народъ самъ, давно уже склонный къ злоупотребленію свободы, обманулъ благородную довѣренность Лютера, вручившаго ему Евангеліе на языкѣ родномъ. Слова преобразователя: «Wie schändlich bin ich betrogen!» налагаютъ пятно безславія и укоризны на его непокорную паству. По крайней мѣрѣ, Германіи, возвеличенной Лютеромъ, Германіи, съ которой онъ охотно дѣлился успѣхами своей ревнивой личности, не слѣдовало поднимать на смѣхъ его простодушія. Справедливой оцѣнкой трудовъ, понесенныхъ имъ для славы народной, строгимъ, но безпристрастнымъ, судомъ надъ увлеченіями его себялюбивой личности, современная Германія прочнѣе бы утвердила любовный союзъ между народомъ и преобразователемъ, и смирила бы гордыя притязанія послѣдняго, который не могъ не сознать своего превосходства надъ окружавшимъ ничтожествомъ. Но она не умѣла понять роднаго сокровища; вскруживъ ему голову нежданнымъ сочувствіемъ, она отшатнулась съ презрѣніемъ и насмѣшкой отъ мнимаго апостола, когда онъ вступилъ въ права обличителя и не на шутку перенесъ на себя отношенія Ветхозавѣтныхъ пророковъ. Корень зла таился въ отсутствіи духовнаго единомыслія съ обѣихъ сторонъ. Но Лютеръ, оканчивая свои расчеты съ міромъ, соболѣзновалъ о потомствѣ и оставлялъ ему, въ видѣ предсмертнаго завѣта, спасительное предостереженіе отъ ложнаго мудрованія разума. «Адамъ,»—говоритъ Лютеръ въ толкованіи на книгу Бытія,—«лишился блаженства безполезнымъ глумленіемъ о тайныхъ путяхъ Провидѣнія. О какъ счастливъ былъ бы нашъ праотецъ, если бъ онъ, вперивъ очи на Слово Божіе, не протянулъ руки къ запрещенному плоду! Но ему хотѣлось изслѣдовать тайну произволенія Божія,—и сдѣлался добычею смерти. Теперь Богъ открываетъ намъ волю свою, чрезъ Сына, въ Евангеліи, а мы отвращаемся отъ древа жизни къ другимъ заповѣднымъ деревьямъ. Наша общая человѣческая слабость, — когда заключены двери неба и рая, и Ангелъ приставленъ къ нимъ съ огненнымъ мечемъ,— стремиться проникнуть за сокрытую завѣсу. Христосъ сказалъ намъ въ Евангеліи: «Бога никтоже видѣ нигдѣ же,» и, однако, Богъ, по безпредѣльной милости своей, явился намъ въ Словѣ, дабы исполнить хотѣніе наше, стремящееся къ Богопознанію. Онъ представилъ намъ видимое подобіе, сказавши: ««Сей есть Сынъ Мой воз любленный; кто слушаетъ слово его и крестится, тотъ

вписанъ въ книгу животную. Эту волю мою я открываю вамъ черезъ Сына, котораго вы можете видѣть своими глазами и осязать своими руками.»» «Вотъ что хотѣлъ я сказать въ предостереженіе многимъ, потому что по смерти моей многіе извлекутъ мои книги изъ праха забвенія и, ссылаясь на нихъ, станутъ доказывать ими свои заблужденія и разные вымыслы. Правда, я говорилъ, между прочимъ, что все **необходимо** и **должно совершиться**; но я же прибавилъ къ тому, что должно взирать на **откровеннаго** Бога. Но они обойдутъ безъ вниманія эти свидѣтельства, и будутъ осылаться только на тѣ, въ которыхъ говорится о Богѣ **сокрытомъ**. Я прошу васъ помнить, вы, которые слушаете меня нынѣ, что я отвлекалъ васъ отъ опасныхъ мечтаній и сокрытыхъ путей промыслителя, а указывалъ на Сына Божія, въ которомъ все благоволеніе Отчее. Вотъ чему училъ я во всѣхъ своихъ книгахъ, и теперь еще вѣщаю живымъ словомъ. **Я невиненъ въ послѣдствіяхъ.**» (1)

Лютеръ предвидѣлъ будущія уклоненія Нѣмецкой науки. Подъ конецъ жизни онъ уже не проповѣдуетъ свободы совѣсти, не ссорится съ Закономъ, не успокоиваетъ человѣка непреложностію предопредѣленія Божія, а возвращается къ младенческому любомудрію вѣры и требуетъ плѣненія разума въ послушаніе Слову. Отрекаясь отъ лжеумствованій пытливаго ума, онъ крѣпко стоитъ на основѣ Богочеловѣчества Христова и расторгаетъ всякую связь между собою и будущими мыслителями Нѣмецкими. Теперь, если вспомнимъ странныя формы, въ какихъ развивалась Христіянская мысль непосредственно до Лютера въ кругу гуманистовъ, и послѣдующія завоеванія Нѣмецкой философіи, то уже этѣмъ однимъ утверждается несомнѣнное право Лютера на уваженіе человѣчества.

(1) Walch, II, Объясн. 26 гл. Быт. §. 159—165, S. 268—270.

ОТДѢЛЪ III.

ОТНОШЕНІЯ ГУСА КЪ НАРОДУ И ЕГО УЧЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Состояніе Православія въ Чехахъ до Гуса.

Конечно, болѣе утѣшительное явленіе высокой религіозной идеи и глубокимъ сопроникновеніемъ личности съ духомъ народнымъ, представляетъ намъ біографія Гуса, въ связи съ современной исторіей Чехіи.

Въ немногихъ словахъ можно опредѣлить различіе между общественной дѣятельностію Гуса и Лютера. Лютеръ—воспитанникъ Западной Церкви и отступникъ. Гусъ—питомецъ народа, издавна нерасположеннаго къ Риму. Ученіе Лютера возращено одинокимъ сознаніемъ и почти насильственно пересажено на почву народную преобразователемъ. Ученіе Гуса, выросши среди народа и въ правильной формѣ Христіянской догматики, отнюдь же не въ видѣ преобразованія, возвратилось къ тому же народу. Лютеръ съ вопросомъ вѣроисповѣднымъ соединялъ и вопросъ государственный; Гусъ, истинный учитель Евангелія, остался въ предѣлахъ чисто религіозной дѣятельности. Рѣшеніемъ этѣхъ трехъ вопросовъ опредѣляются вполнѣ отношенія Гуса къ народу. Разберемъ ихъ отдѣльно.

Что касается перваго, то онъ обнимаетъ всю вѣроисповѣдную исторію Чехіи отъ крещенія Боривоя, во второй половинѣ X столѣтія, до самаго Гуса. Это время глухой борьбы Православія съ Латинскою Церковью, самый занимательный и вмѣстѣ самый загадочный вопросъ въ исторіи Западно-Славянскихъ народовъ. Совершенно удовлетворительное рѣшеніе его въ пользу, или не въ пользу, преемственнаго сохраненія Греко-Восточныхъ преданій въ Чехіи, при теперешнемъ состояніи исторической критики, почти не

возможно, если не будутъ открыты новые пояснительные источники, или, по крайней мѣрѣ, разработаны старые, относящіеся къ XV, XVI и первой четверти XVII столѣтія. Въ это время преимущественно занимались вопросомъ о Православіи ученые Гуситы, обнаружившіе явное сочувствіе къ Греческой Церкви и, пользуясь важными современными памятниками, до насъ не дошедшими, спасли отъ забвенія многія событія, не оставляющія никакого сомнѣнія въ сильномъ развитіи Православія въ Догуситской исторіи Чехіи. Этотъ кругъ сочиненій, исключительно Богословскихъ, или Церковно-историческихъ, относящихся къ цвѣтущей порѣ Гуситства и Чешскаго Братства до страшной побѣды Католичества, въ началѣ 30-лѣтней войны (въ 1621 году), еще вовсе не разработанъ. Послѣ битвы на Бѣлой Горѣ, вопросъ о Православіи у Чеховъ отходитъ въ число историческихъ парадоксовъ, благодаря Мудрой предусмотрительности Католиковъ, которые всѣми возможными средствами истребляли въ народѣ воспоминаніе о немъ. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ казалось имъ истребленіе книгъ Чешскихъ писателей: что, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, не удалось Латинской Церкви, совершено съ желаннымъ успѣхомъ лукавыми Іезуитами, въ систематически-жестокомъ гоненіи на все Гуситское. Вмѣстѣ съ словомъ народнымъ уморили и преданія старины. Іезуиты первые занялись критической разработкой богатыхъ матеріяловъ исторіи Чешской и, располагая одни сокровищами древней письменности, передѣлывали на свой ладъ историческія событія. Вліяніе Протестантства на Чешскихъ Гуситовъ можетъ быть еще сильнѣе, чѣмъ гоненія Іезуитовъ подѣйствовало на самобытность народнаго духа и цѣльность народныхъ преданій. Ученіе Лютера, выросшее на почвѣ, враждебной Славянству, какъ твореніе могучей личности безъ всякой связи съ прошедшимъ, отзывавшееся съ ненавистію о церковномъ преданіи, какъ человѣческомъ вымыслѣ, вносило въ Христіянскую догматику характеръ чистаго отрицанія общепринятыхъ формъ ея въ Западной Церкви, характеръ исключительно противодѣйственный. Оно могло въ извѣстной мѣрѣ пригодиться Европейскому Западу, преимущественно Германіи, въ которой послѣднее чувство вѣры забито было политикой Рима, но оно не могло открыть ничего новаго Славянскимъ Братьямъ, которые въ то время обладали высшимъ религіознымъ образованіемъ и кой-чему научили и самаго Лютера. Реформаторы XVI столѣтія не стыдились признавать себя учениками Гуса; Лютеръ

во всѣхъ отношеніяхъ отдавалъ превосходство общинѣ Братьевъ предъ дикими Нѣмцами. Не болѣе какъ черезъ столѣтіе Чешскіе Братья начинаютъ сливаться съ Протестанскими сектами. Это сближеніе, въ нѣкоторыхъ общинахъ вынужденное, но въ большинствѣ народа только слѣдствіе нерасчетливой ненависти къ Латинскому Западу, говоритъ о глубокомъ паденіи народнаго духа, о возрастающемъ равнодушіи къ преданіямъ отцевъ. Перерождаясь въ Протестантовъ, Чехи становились въ непріязненныя отношенія и къ Греко-Восточной Церкви. Правда, въ XVII вѣкѣ, въ числѣ изгнанниковъ Чешскихъ, нашлось нѣсколько дѣлателей на поприщѣ науки, которые разсматривали завѣтный вопросъ съ такой же любовію и одушевленіемъ, какъ и Гуситы прошедшаго столѣтія, но, къ сожалѣнію, изслѣдованія ихъ, скудныя историческими данными, для науки безплодны. Огромный перевѣсъ силы оставался за учеными Іезуитами, и они безъ труда побѣдили слабое сопротивленіе отживающаго Православія Когда въ народѣ подавлены были послѣднія воспоминанія гонимой вѣры, настало темное владычество Нѣмецкаго Католичества. Умолкли бранные клики народа великодушнаго; затихла отчаянная борьба Славянской стихіи съ Нѣмецкою; настала пора духовнаго изнеможенія, тяжелаго застоя въ народной жизни. И, однако, память о Православіи, какъ господствовавшемъ нѣкогда исповѣданіи въ Чешскомъ народѣ, не совсѣмъ погасла, и въ концѣ XVIII столѣтія, при первыхъ слабыхъ начаткахъ возраждавшейся критики, вызвала новыя литературныя явленія, правда, только въ ограниченномъ кругѣ немногихъ ученыхъ. Разсуждали о томъ, существовало ли когда ни будь въ Чехіи Богослуженіе на Церковно-Славянскомъ языкѣ? Отступничество и обращеніе знаменитаго Добровскаго есть примѣръ поучительный для науки: его закоренѣлая ненависть къ Славянской Православной литургіи подъ конецъ жизни обратилась въ изступленное одушевленіе въ пользу гонимой. Между тѣмъ еще гораздо прежде, въ первой четверти XVIII столѣтія, трудолюбивый Ланфанъ коснулся вопроса о судьбахъ Православія въ Чешскомъ народѣ; его мнѣніе нашло отголосокъ въ безпристрастныхъ изслѣдованіяхъ Нѣмецкихъ ученыхъ. Въ новѣйшей исторической литературѣ у Чеховъ замѣтно особенное сочувствіе, хотя и не совсѣмъ ясно высказанное, къ тому воззрѣнію, которое считаетъ Православіе исконною вѣрою Чешскаго народа. Недаромъ Шафарикъ посвятилъ подробное изученіе Славянскимъ первоучителямъ;

недаромъ воздвигнутъ въ Прагѣ великолѣпный памятникъ Кириллу и Меѳодію. Въ Чешскомъ Архивѣ и въ Исторіи Палацкаго много важныхъ указаній на Православный характеръ религіозныхъ движеній Чехіи до Гуса. Въ недавнее время эта мысль и у насъ получила право гражданства. Первый пустилъ ее въ ходъ г. Бодянскій, въ статьѣ, помѣщенной въ 1-ой книжкѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1846 г.: ««Поиски въ Познанской Библіотекѣ»», потомъ въ сочиненіи: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ» (Москва 1855), и въ изслѣдованіи преосвящ. Филарета, еписк. Рижскаго, нынѣ архіепископа Харьковскаго, «Кириллъ и Меѳодій», въ 4-ой кн.: «Чтеній» 1847 г., а въ 7-й за 1848 годъ, въ статьѣ г. Елагина: «Объ исторіи Чехіи, Франца Палацкаго,» мысль о преемственномъ сохраненіи Православія въ Чешскомъ народѣ развита съ большей подробностію, но безъ точнѣйшихъ указаній на современные памятники. Въ заключеніе укажу на собственную статью, помѣщенную въ 8-й книжкѣ «Чтеній» того же года, гдѣ приведены, по возможности, всѣ главныя свидѣтельства средневѣковыхъ Чешскихъ лѣтописцевъ о Православныхъ обрядахъ и обычаяхъ, отъ введенія Христіянской вѣры въ Чехію до появленія Гуса.

Не входя въ подробности этого вопроса, привожу только главные выводы сравнительнаго изученія памятниковъ. Въ 871 году Паннонскій архіепископъ, Меѳодій, обращаетъ Чеховъ, дотолѣ язычниковъ, къ Христіянской вѣрѣ по Греческому обряду, крестивши Чешскаго князя, Боривоя, и супругу его, Людмилу, съ дѣтьми и вельможами. Не ранѣе, какъ черезъ 25 лѣтъ Латинская вѣра получила доступъ въ эту страну, дотолѣ исключительно Православную, въ слѣдствіе государственныхъ переворотовъ. Отъ X до XI вѣка продолжается борьба гонимаго Православія съ постепенно возрастающимъ въ силѣ Католичествомъ. Представитель борьбы, съ одной стороны, Чешскій народъ, съ другой духовенство Латинское. Особенность религіознаго развитія Славянскихъ племенъ —оставаться вѣрными слову Евангельскому въ томъ видѣ, въ какомъ оно первоначально возвѣщено имъ на языкѣ родномъ. Первое впечатлѣніе слова Божія на новообращаемыхъ Славянскихъ язычниковъ, разумно принимаемое вѣрой, утверждало ихъ въ неуклонномъ исповѣданіи религіи, духовно ихъ просвѣтившей. Отсюда объясняется ревнивое пристрастіе Чеховъ къ Восточному Православію, которое успѣло проникнуть въ сознаніе народное въ

послѣдней четверти IX столѣтія, обходя мирно города и селенія въ кроткомъ словѣ смиренныхъ проповѣдниковъ. Съ другой стороны безъ этого разумнаго постиженія вѣры остались бы непонятными великодушныя усилія народа — отстаивать каждый шагъ Православія противъ натисковъ враждебнаго Латинства. Сочувствіе народа къ Греко-Восточной вѣрѣ выражалось преимущественно: въ Евхаристіи подъ обоими видами, въ бракѣ духовныхъ, въ сохраненіи Греко-Славянской іерархіи и проповѣди на языкѣ народномъ, даже и по уничтоженіи Славянской литургіи. Весьма замѣчательно, что до самаго Гуса, при всѣхъ невзгодахъ Православнаго Богослуженія, не умолкало орудіе его.—Церковно-Славянская проповѣдь. Пустынножитель Прокопій получилъ свое воспитаніе въ Вышеградскомъ училищѣ, гдѣ, по выраженію современнаго стихотворенія, процвѣтала славная школа Славянскаго языка; а лѣтописецъ Сазавскій, для точнѣйшаго опредѣленія этой Славянской грамоты, прибавляетъ, что она изобрѣтена и установлена нѣкогда святѣйшимъ Кирилломъ епископомъ. Церковная пѣснь: «Hospodine, pomiluj ny!» до сихъ поръ поемая въ Чешскихъ церквахъ, избраніе одного, или двухъ, Православныхъ священниковъ въ каноники соборнаго Витова храма, Богослуженіе по Греческому обряду, совершавшееся въ особомъ придѣлѣ храма на Вышеградѣ до короля Владислава II, и нѣсколько отдѣльныхъ именъ (приводимыхъ источниками), по преемству отъ Кайха, перваго настоятеля совѣта пресвитеровъ при Боривоѣ, — свѣдѣтельства не маловажныя въ пользу постояннаго сохраненія Греко-Славянскаго Богослуженія и проповѣди. Извѣстно, что въ Православной Церкви, особенно у Славянскихъ народовъ, проповѣдь считалась первою обязанностію священнаго сана; подтвержденіе тому мы находимъ во всей древней Русской жизни, постоянно напутствуемой духовнымъ словомъ святителей и благочестивыхъ отшельниковъ. Въ Чехіи одна только проповѣдь могла увѣковѣчить воспоминанія гонимой религіи, когда правительство приложилось окончательно къ Западной Церкви, а Латинскіе епископы неутомимо поддерживали ея выгоды. Православіе, изгнанное изъ городовъ, нашло твердую точку опоры въ сельскомъ народонаселеніи и въ замкахъ вельможъ. Коменскій и Странскій говорятъ о многочисленныхъ собраніяхъ въ глуши лѣсовъ, гдѣ совершалось приношеніе подъ обоими видами. Образовались особенныя средоточія въ Чехіи, гдѣ Православіе пустило глубокіе корни. Таковы города Жатецъ и Сланый, окрестности Табора,

округъ Прахинскій и проч. Въ XIV вѣкѣ, тѣснимое со всѣхъ сторонъ, но любимое народомъ, Православіе приходитъ къ сознанію силы своей. Вельможи, которые еще въ 1249 году привѣтствовали короля Вячеслава I-го Церковно-Славянскимъ возгласомъ: «Господи, помилуй!» открыто переходятъ къ вѣрѣ отцевъ; подъ ихъ покровительствомъ приходскіе священники селъ и домовые замковъ, служатъ обѣдни и преподаютъ таинства не по обряду Латинскому. По этому случаю происходитъ явное раздвоеніе между панами и Латинскимъ епископомъ; побѣда остается за первыми. Верховная власть, въ лицѣ Карла IV, принимаетъ участіе въ народной борьбѣ: императоръ, въ своемъ новомъ Уложеніи, «Maiestas Carolina», провозглашаетъ Католическую вѣру единственною въ Чехіи; еретиковъ и отступниковъ предаетъ суду инквизиціи. Онъ призываетъ въ новооснованный Пражскій Университетъ иностраннныхъ докторовъ, которые возстають противъ Греческой ереси причащенія подъ обоими видами. Не смотря на сильныя мѣры правительства, стихія народная одерживаетъ блистательное торжество; она вынуждаетъ устройство Еммаусскаго монастыря съ Церковно-Славянскимъ Богослуженіемъ; и сдѣсь, не смотря на угрозы Карла IV, утверждается Евхаристія подъ обоими видами. Въ лицѣ Милича Православіе проникаетъ съ неудержимою силою въ олатиненную Прагу. Онъ явно возстаетъ на Латинскую Церковь, зоветъ папу антихристомъ, разсылаетъ вѣрныхъ учениковъ по всѣмъ окрестнымъ Славянскимъ державамъ. Ученикъ его, Матѳій изъ Янова, всенародно, съ дозволенія архіепископа, совершаетъ Богослуженіе по Греческому обряду въ Вышеградской церкви королевскаго замка, и 12 лѣтъ сряду преподаетъ народу тѣло и кровь Христовы. По смерти Матѳія Латыняне съ новыми силами вооружаются на Православныхъ. Среди ужасовъ гоненія только ростетъ духовная сила защитниковъ истины: «они продолжаютъ причащаться по обычаю отцевъ во внутренности домовъ, въ лѣсахъ и вертепахъ.» Когда и тутъ гоненіе не прекращается, «начинаютъ и сами ходить съ оружіемъ въ рукахъ многолюдными толпами». Тогда-то Янъ Гусъ, ученикъ Матѳія Парижскаго или изъ Янова, вступаетъ въ служеніе проповѣди въ знаменитой Виѳлеемской часовнѣ.

Вотъ перечень самыхъ главныхъ событій вѣроисповѣднаго движенія Чехіи до начала XV столѣтія. Но событія тогда только получаютъ значеніе, когда оживляются мыслію. Обозрѣніе ихъ

приводитъ насъ къ темъ выводамъ. Оно показываетъ: 1) глубокое сочувствіе Чеховъ къ вѣроисповѣдному вопросу, исключительно занимающему толпы народныя въ продолженіе многихъ столѣтій. Въ этой чертѣ вѣроисповѣдной они сходятся съ восточными и южными братьями своими, Славянами. Тоже чувство вѣры и глубокаго убѣжденія въ сознанной истинѣ (veritas agnita, по выраженію Гуса), дѣйствующее упрочивающимъ и охранительнымъ образомъ въ древней жизни Русскаго народа, въ Чехіи, по обстоятельствамъ, принимаетъ противодѣйственный государственный характеръ, и укрѣпляетъ черты народнаго духа въ борьбѣ съ чужими началами. И вездѣ, въ самыхъ важныхъ мгновеніяхъ религіозной жизни Чеховъ, на первомъ планѣ являются не частные дѣятели, а великая личность народа въ неразрывномъ единствѣ основныхъ убѣжденій и народнаго духа. Только массы народныя отъ начала до конца остаются вѣрными преданіямъ предковъ; только онѣ хранятъ неизмѣнно святые зародыши, завѣщанные стариною, и уже къ нимъ постепенно примыкаютъ другіе оторванные члены народнаго тѣла, вельможи и рыцари. Явленіе это однообразно проходитъ чрезъ всю исторію Чехіи. Какъ въ XI-мъ столѣтіи, въ счастливыя времена, когда верховная власть въ лицѣ Ольдриха и Вячеслава, покровительствовала Православію, народъ стремился толпами къ св Прокопію наслаждаться его духовной бесѣдой, такъ въ XIV-мъ ст., при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, проповѣдь Милича привлекала тысячи восторженныхъ слушателей. Этѣмъ прямодушіемъ въ исповѣданіи вѣры и стойкостію въ убѣжденіяхъ, Чехи заслужили у современниковъ названіе народа по преимуществу Христіянскаго (populus Christianissimus) и похвальные отзывы самыхъ заклятыхъ враговъ. 2) Но потому-то именно и возможно было преемственное сохраненіе вѣроисповѣдныхъ преданій отъ Меѳодія до Гуса въ Чешскомъ народѣ. Когда оскудѣли средства общественнаго преподаванія, когда исчезло Вышеградское училище Церковно-Славянской грамоты, и книги Кирилловскія истреблены Нѣмецкими монахами, вошедшими во владѣніе Сазавскою обителію, тогда, въ самомъ народѣ, открылся разсадникъ духовнаго образованія. Рядомъ съ громкой іерархіею Латинской Церкви, съ Пражскими епископами и архіепископами, идетъ непрерываемая, хотя никѣмъ и не замѣченная, цѣпь Православныхъ священниковъ. Преданіе сохранило имена Павла Кайха при Боривоѣ, Легомила при Вячеславѣ I, Простивоя при Болеславѣ, Іоанна Моравскаго и Генриха

Лубенскаго при королѣ Янѣ, Болегоста, Мыслибора, съ четырьмя товарищами, ходатайствовавшими у папы Григорія о возвращеніи роднаго языка при Богослуженіи. Въ одномъ спискѣ житія св. Кирилла Философа, приписано, какъ Войтѣхъ изсѣкаетъ правовѣрныя епископы и попы. Имена Прокопія, Милича и Матѳія Парижскаго сохранила исторія; всѣ трое, что весьма замѣчательно, священствовали въ одномъ и томъ же храмѣ, св. Климента, столь важнаго по отношенію къ св. Кириллу Философу. Не говорю о священникахъ, которые въ разныя времена подвергались гоненіямъ Западной Церкви за то, что не хотѣли отказаться отъ брачной жизни. Имена всѣ чисто Славянскія. Ясно, что они выходили изъ среды народной, и не имѣли ничего общаго съ Латинскимъ духовенствомъ, состоявшимъ почти исключительно изъ Нѣмецкихъ выходцевъ. Рукоположеніе они могли принимать, какъ позднѣе Чешскіе Братья, отъ Латинскихъ епископовъ, и потомъ возвращаться на родину къ гонимымъ братьямъ. Что такъ бывало на самомъ дѣлѣ, доказательствомъ тому служитъ Миличъ. Они-то преподавали народу Евхаристію и прочія таинства по обряду Греко-Восточному, и проповѣдывали слово Божіе на языкѣ родномъ. У нихъ, вѣроятно, хранилось Церковно-Славянское переложеніе Библіи, что дало возможность и Гусу пользоваться Кирилловскимъ переводомъ, когда онъ дѣлалъ новый изводъ Чешскій. (1) Ясно, что хранилось въ народѣ преданіе о старинной вѣрѣ отцевъ, отличной отъ вѣры Латинской, и что это преданіе идетъ въ непрерывномъ рядѣ явленій отъ Меѳодія до Гуса. Но мы имѣемъ положительныя доказательства, что Гусъ въ самомъ дѣлѣ воспитанъ былъ въ этомъ преданіи. Прежде всего несомнѣнно, что онъ былъ непосредственнымъ ученикомъ Матѳія Парижскаго, о которомъ и отзывался, какъ объ учителѣ; что онъ былъ знакомъ съ его сочиненіями, потому что въ его собственныхъ книгахъ встрѣчаются выписки изъ доступныхъ намъ сочиненій Матѳія изъ Янова. Потомъ императоръ Сигизмундъ предъ лицемъ собора призналъ его продолжателемъ ереси Яна Милича и Матѳія Парижскаго. «Я былъ еще отрокомъ,» —говорилъ онъ, — «когда зародился этотъ расколъ, и начался въ землѣ Чешской, и вотъ до какой степени онъ усилился и распространился.» (2) Укажу еще на собственное свѣдѣтельство Гуса. «Во всѣ предшествующіе вѣка

(1) Palacky, Gesch. v. Böhm III, 299—300. — Dějiny nár. česk. III, 1, str. 142—143.
(2) Ibid, S. 356, p. 463. — Dějin. n. česk. III, 1, str. 192, pozn. 295.

нашей жизни,»—говорить онъ, въ сочиненіи противъ Англичанина Стокеса,—«земля наша постоянно славилась твердостію Чешскихъ мужей въ Православной вѣрѣ (1) до такой степени, что истинный Чехъ никогда не выказалъ себя упорнымъ еретикомъ. Болѣе прямыхъ свѣдѣтельствъ мы не имѣемъ; но сдѣсь ученіе Гуса должно говорить за него. Очевидно, что подъ именемъ Православной вѣры онъ не могъ разумѣть ученія Западной Церкви, не впадая въ самое явное и нелѣпое противорѣчіе съ самимъ собою. 3) Самый важный выводъ, извлекаемый изъ обозрѣнія вѣроисповѣдныхъ событій Чешской исторіи, есть именно Греко-Славянскій характеръ вѣроисповѣднаго броженія въ Чехахъ. Правда, имя Греческой Церкви встрѣчается только въ позднѣйшихъ источникахъ, на что и ссылались противники, но явленія религіозной жизни народа, засвѣдѣтельствованныя современными памятниками, такъ вполнѣ совпадаютъ съ Православной идеей, что даютъ право отчислить ихъ къ явленіямъ Церкви Греко-Восточной. Далѣе, характеръ ученія Гусова и преданія господствующей Гуситской Церкви, черезъ Гуса естественно связанныя съ предшествующей эпохой, отнимаютъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ ученіи Гуса отозвались вопросы Православія, до тѣхъ поръ занимавшіе его соотечественниковъ; если въ народѣ сказалось сочувствіе къ этѣмъ вопросамъ, а Церковь Гуситская, Церковь непосредственныхъ учениковъ преобразователя, продолжала существовать подъ тою же вѣрою, то вопросъ о Православіи въ Чехіи рѣшенъ окончательно. И такъ разсмотримъ прежде всего въ главныхъ чертахъ ученіе Гуса, потомъ отношенія къ нему современниковъ и ближайшаго потомства.

(1) «Fama Christianissimi regni Bohemiae semper retroactis temporibus firmitate orthodoxae fidei in viris Bohemis germinavit continue».

ГЛАВА II.

Ученіе Гуса.

Историческая литература всего, писаннаго объ Реформаціи въ продолженіе трехъ прошедшихъ столѣтій и въ началѣ текущаго, могла бы наполнить цѣлую библіотеку классическими сочиненіями и монографіями. Нѣтъ другаго вопроса въ исторіи, на который бы такъ постоянно направлено было вниманіе изслѣдователей, какъ по обилію частныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ его, такъ и по особенной занимательности и всегдашней новости главнаго, предстающаго каждому съ новой, еще не разсмотрѣнной, стороны. Но о Гусѣ, виновникѣ реформаціи XVI-го столѣтія, мы не имѣемъ ни одного сочиненія, хотя сколько ни будь соотвѣтствующаго требованіямъ современной науки. Заблужденіе, давно уже получившее право гражданства въ наукѣ, заблужденіе, которое признаетъ въ немъ не болѣе, какъ второстепеннаго дѣятеля, продолжателя прежнихъ ересей, въ смыслѣ Западной Церкви, безъ всякаго самостоятельнаго характера, продолжаетъ дѣйствовать и нынѣ въ избитомъ мнѣніи Нѣмецкихъ писателей, что Гусъ былъ предшественникомъ Реформаціи, что онъ не развившійся Протестантъ. Всякое новое литературное явленіе по этой части представляетъ не что иное, какъ утомительное повтореніе старины безъ прочныхъ доказательствъ, при самомъ поверхностномъ изложеніи событій и изслѣдованіи источниковъ. Латинская Церковь положила начало; послѣдующіе писатели, начиная съ Ланфана, кладутъ довершеніе этой условной теоріи, въ которой стираются постепенно жизненныя черты Славянской личности Гуса. Въ высшей степени странно разсуждать о какомъ бы то ни было дѣятелѣ безъ отношенія къ народу, его воспитавшему, безъ связи съ прошедшимъ; а таковы именно всѣ тощія изслѣдованія о Гусѣ, которыми можетъ похвалиться современная критика. Французское голословіе, согласно съ духомъ партіи, нынѣ господствующей, восторгается изуродованнымъ Гусомъ, прошедшимъ чрезъ всѣ движенія страсти людей, которые мало думаютъ о невмѣшательствѣ науки и вносятъ въ нее свои политическія теоріи. Они лучше постигли себялюбивый характеръ реформы Лютеровой, и противополагаютъ ему характеръ всемірнаго братства и любви Христіянской въ ученіи. Гуса Но не въ области религіи, а въ области государственной жизни, можно отыскивать въ

Лютерѣ начало раздора и отрицанія существующаго, потому что Лютеръ на столько же занимался политикой, на сколько и религіей; но находить зародышъ всѣхъ послѣдующихъ политическихъ переворотовъ въ незлобивомъ Гусѣ, который въ проповѣди, чисто Евангельской, отклонялъ отъ себя все земное, который, располагая всей нравственной и матеріяльной силой своего народа, добровольно отдалъ себя на жертву, безславно для науки, а еще болѣе прискорбно для Славянскаго сердца. Нѣтъ, и въ самомъ Лютерѣ, при явномъ раздвоеніи съ верховною властію, ученіе Евангелія не могло обратиться въ возмутительную проповѣдь; еще менѣе въ чистомъ сердцѣ Славянина и въ подражаніи подвигу Богочеловѣка могли таиться коварные замыслы нарушить миръ человѣчества. Я смотрю на дѣятельность Гуса съ точки зрѣнія, единственно правильной, какъ на дѣятельность исключительно религіозную, чуждую всякихъ земныхъ отношеній. Это полный сводъ Христіянскаго вѣроученія, изложенный, большею частію, въ живомъ словѣ проповѣди. Характеръ его, по моему мнѣнію, нельзя опредѣлить вѣрнѣе, какъ возвращеніемъ Католицизма къ преданіямъ Церкви Апостольской, съ сильнымъ воздѣйствіемъ Греко-Восточнаго начала. Я и не думаю утверждать, что Православіе въ ученіи Гуса явилось въ формахъ чисто Греко-Восточныхъ или Греко-Россійскихъ. Формы мѣняются у всѣхъ народовъ, смотря по обстоятельствамъ мѣста и времени, сущность же заключается въ духѣ Православія, явившагося въ ученіи Гуса во всей чистотѣ временъ Апостольскихъ. Не имѣя возможности возстановить Православія въ Чехіи, какъ оно было введено въ нее Бл. Меѳодіемъ, онъ вознамѣрился возстановить его въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ видѣ Вселенской Церкви. Онъ вѣрилъ въ возможность возсоздать въ XV-мъ вѣкѣ Каѳолическую Церковь, въ которой Римскій епископъ занималъ бы мѣсто не главы Церкви и викарія Іисуса Христа, а простаго епископа, какимъ онъ и былъ первоначально. Можетъ быть, если бы обстоятельства были благопріятнѣе, если бы Римское вліяніе, по крайней мѣрѣ, уравновѣшивалось Византійскимъ, и если бы Константинополь самъ не искалъ на Западѣ помощи, Гусъ съ радостію бросился бы въ объятія матери своей—Церкви Греко-Восточной, какъ сдѣлали Гуситы при Рокицанѣ. Но то была уже высшая степень развитія, когда защитники старины поняли, что возстановленіе Вселенской Церкви, управляемой однимъ духомъ Вѣры и Благодати, есть дѣло несбыточное; что призывать его можно только въ молитвахъ; что

между Римскимъ антихристомъ (1) и Церковію Апостольскою не можетъ быть общенія. Такъ думали Гуситы второй половины XV-го вѣка; но Гусъ не могъ еще дойти до такого обособленія Церкви, а потому въ ученіи его мы найдемъ вліяніе Запада въ счастливомъ равновѣсіи съ преданіями Востока. Бл. Августинъ, имѣлъ на него обширное вліяніе, но вліяніе не безусловное; онъ заимствовалъ во всѣхъ частяхъ его ученіе о Церкви, ни сколько не сочувствія крайностямъ ученія его о Благодати. Не рѣдко риѳмованные Латинскіе гимны приводятся имъ въ доказательство какого ни будь Православнаго догмата. Онъ не усомнился самой Церкви придать названіе Римской въ обширномъ смыслѣ, признавая за Римомъ первенство надъ всѣми городами вселенной. Но подъ внѣшнимъ сходствомъ скрывается глубокое внутреннее различіе. Это покажутъ подробности догматики Гуса, къ обозрѣнію которой приступаю теперь.

Главный источникъ сочиненій Гуса—его Monumenta. Онѣ заключаютъ въ себѣ не менѣе 30 разсужденій на разные Богословскіе вопросы, проповѣди, толкованія на книги Библейскія. Вычислю главныя въ порядкѣ лѣточислительномъ. Самое первое: проповѣдь о тѣлѣ Христовомъ, 1401. (2) Второе: О прославленной крови Христовой, 1402 года, по соображенію событій, подавшихъ поводъ къ его написанію; нѣсколько проповѣдей, говоренныхъ въ палатахъ архіепископскихъ къ собранному духовенству 1403—1406 и далѣе. Въ Маѣ 1410 года, по случаю сожженія Виклефовыхъ книгъ, Гусъ защищалъ сочиненіе Виклефа о Пресвятой Троицѣ. Сюда же, конечно, относится и разсужденіе о томъ, что книги еретиковъ должно читать, а не жечь. 10 Февраля 1411 года Гусъ проповѣдывалъ противъ безъименнаго противника, подкинувшаго ему на каѳедру записку съ опроверженіемъ двухъ мѣстъ одной изъ предшествовавшихъ его проповѣдей. Въ Сентябрѣ того же года Гусъ держалъ Университетское прѣніе противъ Стокеса. 1412 и 1413 годы самые богатые литературными произведеніями Гуса. Въ 1412 онъ отвѣчалъ на три вопроса, предложенные ему въ Оломуцѣ: а) Должно ли вѣрить въ Папу? б) Можно ли спастись безъ устной исповѣди? в) Получили ли спасеніе нѣкоторые изъ Египтянъ, потопленныхъ съ Фараономъ въ морѣ, или изъ Содомитянъ,

(1) Такъ называлъ папу и Кн. К. К. Острожскій въ посланіи къ Братьямъ.
(2) Hist. et. Mon. Hus. — De sacr. corp. et sangu. Dom., I, 39, на оборотѣ.

истребленныхъ огнемъ и жупеломъ, и каково о томъ мнѣніе церковныхъ учителей (Tractatus de tribus dubiis factis in Holomutz). Въ началѣ того же года онъ вооружался на каѳедрѣ противъ Пльзненскаго проповѣдника, утверждавшаго, что худшій священникъ гораздо угоднѣе Богу достойнѣйшаго мірянина, и что онъ послѣ первой обѣдни становится творцемъ своего Бога, приношеніемъ безкровной жертвы. Послѣдняя половина 1412 года посвящена Гусомъ защищенію нѣкоторыхъ положеній Виклефа, изъ числа 45 осужденныхъ (Defensio quorundam articulorum J. Vuicleph; de decimis, de ablatione bonorum temporalium a clericis). Въ Іюнѣ происходило знаменитое прѣніе объ прощахъ (Adversus indulgentias papales, sive quaestio de cruciata Papae Ioannis XXIII), и произнесена другая проповѣдь противъ крестовой буллы, возбудившая гоненіе городской думы противъ Гусовыхъ учениковъ. Къ 1413 году относятся пять знаменитыхъ твореній Гуса: О шести заблужденіяхъ (De sex erroribus), начертанное на стѣнахъ Виѳлеемской часовни противъ 8 докторовъ, разсужденіе о Церкви, противъ Стефана Палеча и Станислава изъ Зноима. По пріѣздѣ въ Констанцъ написано имъ, въ теченіе ноября мѣсяца 1414 года, разсужденіе О необходимости Причащенія подъ обоими видами: De sanguine Christi, sub specie vini a laicis sumendo), а въ темницѣ, въ разныя времена, много мелкихъ сочиненій, о которыхъ сказано выше, между прочимъ о Таинствѣ тѣла и Крови Христовыхъ (De sacramento corporis et sanguinis Domini), нѣсколько другихъ сочиненій Гуса; не означенныхъ годами я опускаю. Кромѣ толкованія на Библейскія книги, замѣчательны еще два разсужденія: О страсти Христовой (De passione Christi), и О почитаніи иконъ (De imaginum adoratione), и то и другое помѣщенно во второмъ томѣ его «Monumenta». На основаніи этихъ источниковъ изложу въ главныхъ чертахъ догматическое содержаніе ученія Гусова.

Гуса на Констанцкомъ соборѣ обвиняли въ неправильномъ ученіи о Таинствѣ Троицы. Отвѣтъ на обвиненіе находимъ въ слѣдующихъ словахъ его.

«Прибѣгаю къ безконечному могуществу Бога Отца, къ безпредѣльной премудрости Сына Божія, къ неистощимому милосердію Духа Святаго, воздавая славу и честь со всею матерію Церковію Богу Единому по существу, Троичному въ лицахъ, Троицѣ несо-

творенной, благословенной и животворящей, началу, продолженію и концу всякой твари.»

«Различіе ипостасей обозначается въ словѣ Апостола Павла (Рим. XI, 36): «изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая». Отецъ ни отъ кого не исходитъ; Сынъ Божій родится отъ одного Отца; Духъ Святый общимъ дуновеніемъ (per communem spirationem) отъ перваго и втораго лица.» (1)

Не смотря на это послѣднее, трудно рѣшить утвердительно, какого мнѣнія держится Гусъ на счетъ исхожденія Духа Святаго. Сообщеніе Духа Святаго вторымъ лицемъ Св. Троицы посредствомъ дуновенія (spiratio): «И сіе рекъ, дуну: пріимите Духъ Святъ,» должно строго различать отъ вѣчнаго исхожденія (processio) Духа Святаго отъ одного Отца, которое принимаютъ и Чешскіе Братья. Да и самъ Гусъ говоритъ, что «все изъ Отца, и черезъ Сына, и въ Духѣ Святомъ (ex ipso Patre, et per ipsum Filium, et in ipso Spiritu Sancto sunt omnia),» и прямо называетъ Духа «Св. Даромъ Отца.» (2) Какъ бы то ни было, но то несомнѣнно, что Гусъ не далъ себѣ яснаго отчета въ отличіи Греческой Церкви отъ Западной въ исповѣданіи этого догмата, и не занимался этимъ вопросомъ.

Онъ признавалъ всѣ семь Таинствъ Христіянской религіи, Это доказываютъ безчисленныя свѣдѣтельства въ его сочиненіяхъ. Записные Католики, Еней Сильвій съ послѣдователями, смѣшивали его съ Таборитами, принимавшими только пять таинствъ. Сомнѣніе могло бы быть допущено только въ отношеніи къ миропомазанію и елеосвященію. Но о первомъ (de Chrismate) Гусъ говоритъ, какъ объ таинствѣ въ сочиненіи о десятинахъ, поставляя его непосредственно за Крещеніемъ; (3) о второмъ въ толкованіи на соборное посланіе Іаковле, на которомъ основано установленіе этого Таинства. (4)

Ланфанъ и Нѣмецкіе писатели признали ученіе Гуса о Таинствахъ совершенно тождественнымъ съ Латинскимъ ученіемъ. Флате говоритъ именно, что Гусъ не вооружается на Таинства

(1) De Trinitate, f. 105. — De sufficientia legis Christi ad regendam ecclesiam. S. 44.—De mandatis Domini, f. 29, на оборотѣ.

(2) «Ex immensitate doni Patris, quod est Spiritus Sanctus de Ecclesia.»

(3) De decimis, f. 134.

(4) Hist et Mon. Hus. II, f. 149.

Западной Церкви, что онъ держится безпрекословно ученія Римскаго. Это мнѣніе неосновательно. Латинская Церковь вносила понятіе личности въ духовное значеніе Таинства. Она не отдѣляла лица совершающаго отъ дѣйствія совершаемаго, и переносила на служителя Таинства благодатную силу самаго Таинства. Отсюда важное значеніе священства, дающаго помазанному сверхъестественную силу, каковъ бы ни былъ человѣкъ, на которомъ почило помазаніе. Мы видѣли выше, въ жизнеописаніи Лютера, что это мнѣніе входило въ число существенныхъ догматовъ Запада, и высказано весьма опредѣленно въ настольномъ твореніи Беля. Лютеръ, отвергая власть священника, творить Тѣло Божіе и низводить благодать своей собственной личностію, возстанавливаетъ ее въ другой области, въ служеніи проповѣди. Онъ слишкомъ много подчиняетъ идею Таинства устному слову, когда говоритъ, что завѣтъ Христовъ: «Сіе творите въ мое воспоминаніе,» значитъ проповѣдуйте обо мнѣ. (1) Онъ признаетъ служеніе проповѣди (das Predigtamt) дѣйствіемъ, одинаковымъ въ таинственной силѣ съ Крещеніемъ, Евхаристіей, разрѣшеніемъ. (2) Противъ этого значенія личности въ совершеніи Таинства вооружается Гусъ. Онъ съ особенной силой указалъ на Божественное происхожденіе Таинствъ, и выразилъ мысль, что Таинство и при посредствѣ недостойныхъ священниковъ низводитъ благодать Божію на принимающаго. Недостоинство лица ни въ какомъ случаѣ не уменьшаетъ дѣйствительности Таинства, ибо Таинство совершается силою Божіею, и священникъ есть только орудіе. Здѣсь является всемогущество Божіе, совершающее великое и чистое дѣло (valde dignum et mundum opus) крещенія, разрѣшенія, посвященія и пр. черезъ посредство недостойнаго и нечистаго служителя (per indignum et immundum ministrum), кѣмъ бы ни преподавались Таинства въ Церкви Христовой, достойнымъ ли, или недостойнымъ служителемъ; но какъ таинственно оживотворяетъ ихъ Духъ Святый, который нѣкогда во времена Апостольскія являлъ себя въ видимыхъ знаменіяхъ, то сила Таинства ни увеличивается личной заслугой праведныхъ преподавателей (dispensatorum), ни уменьшается недостоинствомъ злыхъ, потому что «ни насаждаяй есть что, ни напаяй,

---

(1) Walch, I. Объясн. 24 гл. Быт. §. 71, S. 2493.

(2) Walch, I, 17 гл. Бытія §. 153—156, S. 1571; V Объясн. 51 Пс. §. 211, S. 811.

но возращаяй Богъ.» (1 Кор. III, 7). (1) А если такъ, то гдѣ же участвуетъ личность священника въ совершеніи Таинства? Поистинѣ, онъ самый ничтожный помощникъ Божій (revera, modicus est adjutor Dei).» (2) Мысль эта отдѣльно проводится Гусомъ черезъ каждое Таинство; на ней основано опроверженіе имъ процъ (индульгенцій), преимущественно въ Крещеніи и Миропомазаніи. По словамъ Св. Григорія (Quaest. 1 cap.) священникъ нисходитъ на степень простаго орудія, потому что въ нихъ Благодать Божія дѣйствуетъ особенно таинственнымъ образомъ (operatur discretius). Относительно Таинства Евхаристіи, Гусъ возстаетъ противъ книги: «Звѣзда духовенства (Stella clericorum)», въ которой высокая почесть приписывалась священникамъ за преимущество творить тѣло Христово во время обѣдни, и ссылается на слово Августина (de corpore Christi); въ Каѳолической Церкви Таинство Тѣла и Крови не совершается ни больше, ни меньше отъ того, что служитель Таинства хорошъ, или дуренъ, потому что оно совершается не заслугою освящающаго, а словомъ Спасителя и силою Духа Святаго. (3)

Въ приложеніи къ Таинству покаянія, тотъ же, чисто посредствующій характеръ священника исключаетъ высокое преимущество, присвоенное Латинскимъ духовенствомъ разрѣшать отъ вины и казни (a poena et culpa), въ прощахъ или, такъ называемыхъ, индульгенціяхъ.

Мы видѣли выше, что право раздавать проци существенно противорѣчитъ таинственной силѣ покаянія, потому именно, что оно переноситъ на папскую личность непосредственно — власть низводить Благодать, отпускающую грѣхи. Гусъ смотритъ на индульгенціи не столько какъ на сокровище Церкви, находящееся въ непосредственномъ распоряженіи папы, сколько на злоупотребленіе Таинства, поставленнаго въ зависимость отъ произвола лицъ совершающаго. Предложу въ короткихъ словахъ его мнѣнія объ этомъ предметѣ.

«Одна только Троица имѣетъ верховную безусловную власть (potestas autentica), которая, въ лицѣ Іисуса Христа, переходитъ и на его человѣчество (subautentica). Епископы пользуются только распорядительною (instrumentalis) или служебною (ministerialis) властію, состоящей въ предварительномъ принятіи свѣдѣтельства

(1) Mon. Hus, De decimis, I, f. 134.
(2) Ad scr. 8 Doct., I, f. 307.
(3) Adv. praedic. Plzn. I, f. 145.—De decimis, I. 134.

совѣсти, и въ заключительномъ приговорѣ или рѣшеніи на основаніи исповѣди. Когда Христосъ велѣлъ прокаженнымъ показаться священникамъ, и они очистились еще на пути, то отсюда слѣдуетъ, по замѣчанію Іеронима, что не священники очищаютъ грѣхи, а что имъ предоставлено только испытаніе совѣсти, для правильной оцѣнки духовнаго состоянія кающагося. Естественно, что они только истолкователи (interpretes) и орудія (ministri) воли Божіей, открывающей, или закрывающей, для человѣка двери Царствія Божія. Вотъ по мнѣнію Гуса значеніе словъ: «Пріимите Духъ Святъ: имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, а имъ же держите, держатся». Но этѣмъ ни мало не дается священникамъ безусловнаго неограниченнаго полновластія, которое такъ часто смущаетъ Христіянъ и приводитъ ихъ къ рабскому страху.

Смертный грѣхъ изгоняетъ изъ души Благодать, дѣлаетъ грѣшника повиннымъ вѣчному осужденію, отлучаетъ его отъ общества вѣрующихъ. Для оправданія его потребны: 1) безконечное могущество, потому что, по словамъ Августина, легче сотворить міръ, чѣмъ оправдать грѣшника; 2) безконечное милосердіе, замѣняющее недостаточность покаянія: отъ того Іудеи роптали на Іисуса, говоря: «Кто можетъ отпускать грѣхи, кромѣ Бога?» и Іоаннъ Креститель, предвидя будущую надменность клира, взывалъ: «Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра».

Слѣдуютъ возраженія: «Если Богъ одинъ отпускаетъ и вяжетъ, то для чего же сказано было Апостоламъ: «Пріимите Духъ Святъ»... и въ какомъ смыслѣ священникъ можетъ вязать и рѣшить?»

Отвѣтъ Гуса: «Вяжетъ и священникъ, налагая епитимью; рѣшитъ и священникъ, снимая ее и допуская очищенныхъ къ Таинству. Онъ можетъ вязать и рѣшить не произвольно, а согласно съ духовнымъ состояніемъ кающихся—разрѣшать только заслуживающихъ, удерживать грѣхи нераскаянныхъ. И такъ разрѣшеніе грѣховъ раздѣляетъ Богъ между собой и своимъ служителемъ. Только онъ одинъ можетъ разрѣшить ожесточеніе сердца — первый шагъ къ покаянію. Самъ и черезъ священника разрѣшаетъ узы вѣчнаго осужденія: Самъ чрезъ обращеніе сердца, посредствомъ священника чрезъ устную проповѣдь; наконецъ, орудіемъ священника даетъ ему залогъ будущаго спасенія (въ епитимьѣ и причащеніи Таинству).

Ясно, что Богъ, отъ вѣка предопредѣляющій, прежде Самъ отпускаетъ грѣхи на небѣ, чѣмъ служитель Церкви разрѣшаетъ

ихъ на землѣ; ибо собственно прощеніе грѣха принадлежитъ ему единому; видимое же разрѣшеніе священника есть только обнародованіе, приведеніе въ гласность (promulgatio) рѣшенія Божія.

И такъ заблуждается духовенство, приписывающее себѣ власть вязать и рѣшить по произволу (ad suum votum), безъ предварительнаго рѣшенія на небѣ. Но сказано: ««Еже аще свяжете на земли, будетъ послѣ связано на небеси.»» Богохульно утверждать, что папа можетъ прощать оскорбленіе, нанесенное величію Божію, и что Богъ допускаетъ такое вторженіе въ собственную власть. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы допустить непогрѣшительность папы, иначе онъ могъ бы заблуждаться, и, вмѣстѣ съ нимъ, Судъ Божій былъ бы неправеденъ.

Одинъ Богъ не можетъ не знать, кому должно отпустить согрѣшеніе. А всякой намѣстникъ его на землѣ можетъ быть ослѣпленъ пристрастіемъ, или обманутъ невѣдѣніемъ. Такъ, если онъ не даетъ разрѣшенія изъ побужденій гнѣва, или корысти, человѣку, истинно кающемуся, или если за деньги даетъ разрѣшеніе нераскаянному, или, наконецъ, если, на основаніи ложной исповѣди, оправдываетъ лицемѣра. Во всѣхъ этихъ случаяхъ видимое дѣйствіе власти оказывается несостоятельнымъ; и если священникъ и кающійся вѣрятъ въ дѣйствительность его, и тотъ и другой заблуждаются странно. Ибо ищущій разрѣшенія долженъ чувствовать сокрушеніе сердца, съ твердымъ намѣреніемъ отстать отъ грѣха. Кто умышленно остается въ ожесточеніи грѣха, того всѣ священники міра не въ состояніи очистить отъ грѣха добровольнаго; равно весь соборъ духовенства безсиленъ связать смиренное и сокрушенное сердце.»

Другое возраженіе (изъ канона «Solitae de majoritate et obedientia) папы Иннокентія: «Спаситель, сказавши Петру и, въ лицѣ Петра, всѣмъ преемникамъ его: ««Еже аще свяжеши.... (quodcunque ligaveris),»» не допускалъ никакихъ исключеній.»

«Но могъ ли Петръ разрѣшить нераскаяннаго, когда (Дѣян. VIII, 22) самъ сказалъ Симону: ««Покайся о злобѣ твоей и молися Богу, аще убо отпустится ти помышленіе сердца твоего.»» Могъ ли онъ разрѣшить бракъ вопреки слову Божію? ««Еже Богъ совокупи, человѣкъ да не разлучаетъ.»» Могъ ли онъ разрѣшить грѣхъ Іуды, сына погибельнаго? И такъ Слово Христово не даетъ произвола священникамъ. Христосъ не сказалъ: ««Всѣ, кого захотите, или вздумаете, связать, или разрѣшить, а кого дѣйствительно свяжете, или

разрѣшите, согласно съ правдою и милосердіемъ.»» Какъ бы сказалъ Христосъ Петру и прочимъ Апостоламъ: ««Кого ты обяжешь законнымъ удовлетвореніемъ за грѣхъ, тотъ останется должникомъ и предъ моимъ правосудіемъ.»» И наоборотъ: ««Кто дѣйствительно заслужилъ у тебя прощеніе грѣховъ, тотъ не будетъ задержанъ и предъ Моимъ судомъ.»» ««Еже аще свяжеши,»» слова эти прямо указываютъ на грѣшника нераскаяннаго; ««Еже аще разрѣшиши»» — на искренно кающагося.» (1)

Воззрѣніе Гуса, отличное отъ Католическаго, не имѣетъ ничего общаго и съ Лютеранскимъ. Лютеръ, по возвращеніи изъ Аугсбурга въ 1518 году, читалъ двѣ проповѣди, въ которыхъ доказывалъ, что нужно только вѣровать, чтобъ получить разрѣшеніе; что человѣку требующему разрѣшенія отъ священника и, слѣдовательно, сознающему себя грѣшникомъ, священникъ не имѣлъ права отказывать въономъ. Съ 1525 года онъ утверждаетъ за своимъ духовенствомъ право отлученія отъ Церкви, право лишать нераскаянныхъ не только Евхаристіи, но и христіянскаго погребенія.

Важнѣйшій вопросъ въ ученіи Гуса о Таинствахъ, какъ извѣстно, вопросъ объ Евхаристіи подъ обоими видами. До сихъ поръ въ наукѣ преобладаетъ мнѣніе, что Гусъ мало причастенъ былъ общему движенію Чешскаго народа въ пользу этого догмата Греческой Церкви, и приложился къ нему только изъ государственныхъ видовъ въ Констанцкой темницѣ. Представители этого мнѣнія въ XVIII столѣтіи: Ланфанъ, въ новѣйшее время Палацкій и нѣкоторые другіе. Но собственныя свѣдѣтельства Гуса и ясныя показанія писателей ближайшихъ ко времени Гуса: Енея Сильвія, Лютера, Теобальда, Коменскаго, несомнѣнно доказываютъ: 1) что Гусъ Причащеніе подъ обоими видами считалъ совершенно необходимымъ не только для священниковъ, но и для міранъ, по слову Христову и согласно съ обычаемъ первоначальной Церкви; 2) что онъ собственно, а не Якубекъ изъ Стрибра, явился возстановителемъ этого догмата послѣ Матѳія Парижскаго; 3) что онъ съ самаго начала своего богословскаго поприща занимался этимъ вопросомъ, и тогда уже признавалъ законность и пользу Причащенія подъ обоими видами, не проповѣдуя о ней по тому только, что предполагалъ ее общеизвѣстною. Увидимъ ниже, на сколько обнаруживается вліяніе

(1) De Ecclesia, cap. 10. — Adv. indulg. papales, I, f. 181 sqq. — De sex erroribus, I, f. 192 sqq. — Adv. scr. 8 Doct. I, S. 300 sqq.

Греческой Церкви въ привязанности Чеховъ къ этому догмату, и откуда заимствовали его Протестанты. (1)

Считаю излишнимъ доказывать вѣру Гуса въ пресуществленіе. Она засвѣдѣтельствована общимъ признаніемъ Собора, засвѣдѣтельствована всѣми сочиненіями Гуса о Таинствѣ Евхаристіи. Приведу одно только мѣсто, которое можетъ служить отвѣтомъ на всѣ обвиненія: «Несомнѣнно должно вѣрить, что каждый священникъ, какъ достойный, такъ и недостойный, дѣйствительно произнесеніемъ въ литургіи установленныхъ словъ, какъ орудіе Божіе, претворяетъ хлѣбъ въ самое истинное тѣло Христово, а вино въ Его пречистую кровь. Я говорю какъ орудіе: ибо священникъ словами и властію І. Христа совершаетъ тоже пресуществленіе, какъ совершилъ Христосъ собственными словами и собственной властію.» И далѣе: «Этого мнѣнія держался я и прежде священства моего, такъ проповѣдывалъ и писалъ я въ самомъ началѣ его, какъ явствуетъ изъ сочиненія моего о тѣлѣ Христовомъ, писанномъ въ первомъ году моей проповѣди (1401-мъ); тоже самое ученіе преподовалъ я и въ Пражскомъ Университетѣ въ 1409 году, объясняя сентенціи Петра Ломбарта. И такъ да проститъ Богъ всемогущій врагамъ моимъ, возведшимъ на меня клевету предъ Римскою Церковію, будьто я проповѣдывалъ, что священникъ, пребывающій въ смертномъ грѣхѣ, не въ силахъ освятить даровъ и совершить Таинство. Правда, я говорилъ только, и теперь говорю, что такой священникъ, хотя и не возбраняетъ сошествію Духа Святаго, но совершаетъ Таинство недостойно и безъ заслуги (non digne et meritorie) и въ судъ себѣ (sibi in praejudicium), потому что презираетъ имя своего Бога. Сынъ Божій словомъ своимъ, посредствомъ пресуществленія (per transsubstantiationem), прелагаетъ хлѣбъ въ истинное тѣло Свое, а вино черезъ пресуществленіе въ истинную кровь Свою.» (2)

Таинство Покаянія, по ученію Гуса, состоитъ непремѣнно изъ трехъ частей: сокрушенія (contritio), исповѣди (confessio) и удовлетворенія (satisfactio).

Сокрушеніе есть внутренняя скорбь о грѣхѣ содѣянномъ; потому что грѣхомъ человѣкъ утратилъ благодать Духа святаго, дружбу Спасителя и общеніе со всѣми святыми.

(1) Подробный разборъ доказательствъ предложенъ мною въ статьѣ: «Православіе у Чеховъ», помѣщ. въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1848 г.», и отдѣльно стр. 69—85.

(2) De Coena Domini, I, 39—40.

Исповѣдь состоитъ въ разоблаченіи грѣховъ (recognitio peccatorum) предъ Богомъ и предъ священникомъ; она должна быть явственная (plana), дабы священникъ могъ ее понимать, и полная (integra), дабы умышленно не утаевать грѣха.

Третья и заключительная часть покаянія есть удовлетвореніе Богу смиреніемъ себя (humiliando se), сокрушеніемъ (affligendo se), возвращеніемъ ближнему, ему принадлежащаго (reddendo sibi, quae sua sunt). Согласно съ этимъ дѣленіемъ, Гусъ признаетъ три вида удовлетворенія: молитву, постъ и милостыню, соотвѣтствующія тремъ главнымъ грѣхамъ, заражающимъ міръ: гордости, которая оскорбяетъ величіе Божіе; сластолюбію, которымъ человѣкъ грѣшитъ противъ собственнаго существа, и алчности, которая либо неправедно удерживаетъ мзду, либо прямо похищаетъ чужое. (1) Въ другомъ мѣстѣ Гусъ признаетъ, что удовлетвореніе имѣетъ многоразличные виды; что оно можетъ совершаться либо сильнымъ сокрушеніемъ сердца, либо постомъ, молитвой и милостыней, или вообще какимъ либо дѣйствіемъ, угоднымъ Богу и полезнымъ для Церкви. И такъ удовлетвореніе, о которомъ Гусъ говоритъ, не иное что, какъ наша епитимья. (2)

Что Гусъ признавалъ устную исповѣдь (confessio auricularis), не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ самъ потребовалъ въ темницѣ духовника и получилъ отъ него разрѣшеніе; хотѣлъ, какъ извѣстно, еще разъ исповѣдываться предъ постомъ. Въ письмѣ къ одному священнику онъ предписываетъ даже правила исповѣди. Наконецъ подробно говоритъ о правѣ духовника, налагать наказаніе, но проситъ его не выходить изъ предѣловъ умѣренности. (3) Не смотря на то, Кохлей, въ Исторіи Гуситовъ, обвиняетъ его въ отрицаніи исповѣди, основываясь на сочиненіи его: De tribus dubiis, гдѣ Гусъ рѣшаетъ утвердительно вопросъ, предложенный ему, вѣроятно, съ намѣреніемъ, какимъ ни будь Чехомъ Католикомъ: «Возможно ли спастись человѣку безъ исповѣди смертному священнику?» (4) Онъ доказываетъ возможность спасенія безъ устной проповѣди, въ случаѣ нужды, изъ примѣра Евангельскаго мытаря, и свѣдѣтельствъ, церковныхъ учителей, на пр., Златоуста (въ кн. О сокруш. сердца), Августина, Магистра Сентенцій, и проч. Цѣль Гуса обличить излишнюю крутость духовенства Латинскаго, отказывавшаго въ

(1) De poenitentia, 1, 37 на об.
(2) Ad. scr. 8 Doct., c. 9, f. 308 на обор.
(3) Ad scr. 8 Doct., c. 10, f. 310, 323 на об., 324.
(4) Cochlaei, Hist. Hussit. p. 26.

вѣчномъ спасенiи тѣмъ, которые, по обстоятельствамъ мѣстнымъ, или физическимъ, лишены были возможности исповѣдываться передъ священникомъ. Явный намекъ на жестокосердiе Римскихъ прелатовъ въ заключительныхъ словахъ: «quae temeraria esset impietas et diabolica condemnare». Гусъ говоритъ только объ однихъ частныхъ случаяхъ: о младенцахъ, глухонѣмыхъ, объ умирающихъ насильственною смертiю, о живущихъ въ пустыняхъ, или въ плѣну у язычниковъ; а потому употребляетъ частицу de, а не ex (въ оборотѣ: patet, de patribus veteris legis, de pueris etc.). Подобное же различiе полагалъ онъ между исключительно духовнымъ (spiritualis) и таинственнымъ (sacramentalis), т. е., тѣлеснымъ вкушенiемъ Евхаристiи. Для спасенiя только первое совершенно необходимо; но гдѣ можно соединить и то и другое, послѣднее становится стольже необходимымъ условiемъ спасенiя, по установленiю Церкви. (1)

Признавалъ ли Гусъ въ числѣ догматовъ законность поклоненiя святымъ,—вопросъ любопытный. Католики обвиняли его въ отрицанiи святыхъ и необходимости поклоненiя имъ и Божiей Матери. Но Гусъ передъ смертiю, въ изложенiи вѣры своей (de fidei suae elucidatione) призываетъ противъ клеветниковъ «Пречистую Дѣву, Матерь Спасителя, возстановительницу рода человѣческаго, Царицу Небесную, благодатiю превосходящую Ангельское естество, преблаженную паче всѣхъ торжествующихъ на небесахъ, отъ полноты которой, по выраженiю Бернарда, всѣ болящiе получаютъ исцѣленiе, скорбящiе утѣшенiе, грѣшники разрѣшенiе, праведные благодать, Ангелы радость, Сынъ Божiй плоть человѣческую, вся Троица славу. И такъ да посрамятся враги мои, или лучше враги своихъ собственныхъ душъ, возведшiе на меня клевету, будьто я говорилъ, что Пречистая Дѣва родила Господа не Приснодѣвою, а по закону естества, между тѣмъ какъ непреложное Писанiе, проповѣданное мною въ присутствiи многихъ тысячь народа, говоритъ ясно, что Ангелъ Господень возвѣстилъ во снѣ Iосифу зачатiе Iисуса по наитiю Духа Святаго. И не одно это Писанiе о преславномъ зачатiи и рождествѣ Спасителя я проповѣдывалъ людямъ, но училъ ихъ и Символу вѣры, и велѣлъ расписать его на стѣнахъ Виѳлеемской часовни на родномъ языкѣ: а тамъ говорится въ слухъ всему Христiанству, что единородный

(1) De corpore Christi, I, f. 167.

Сынъ Божій Іисусъ Христосъ воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, посредницы и нѣкоторымъ образомъ причины воплощенія, страстей и воскресенія Христова, и, въ слѣдствіе того, искупленія всего рода человѣческаго.» ([1])

Въ другой разъ Гусъ высказалъ мысли свои о Пресвятой Богородицѣ, въ сочиненіи противъ Пльзненскаго проповѣдника, въ отвѣтъ на извѣстное мнѣніе Католической Церкви, что худшій священникъ достойнѣе Матери Господа, потому что, если блаженна Богоматерь, однажды родивши Христа, то гораздо блаженнѣе всякій священникъ, который творитъ ежедневно своего Господа (въ пресуществленіи даровъ), и можетъ творить его, когда только захочетъ.

На эту выходку Гусъ отвѣчаетъ: «Такъ какъ Дѣва Марія лице единственное послѣ Христа, выше всѣхъ ликовъ Ангельскихъ и всякой твари величіемъ чистоты своей, которою она удостоилась родить и воспитать Спасителя, подражать Его жизни, присутствовать при страстяхъ Его, то ясно, что священникъ, позволяющій себѣ этѣ дерзкія рѣчи, хочетъ стать наровнѣ съ Іисусомъ Христомъ.» Гусъ отвергаетъ безуміе не праздными возгласами, а со всѣмъ простодушіемъ младенческой вѣры, тѣмъ болѣе, что это мнѣніе, повторяемое не рѣдко въ проповѣдяхъ, пользовалось общимъ довѣріемъ и превосходно служило выгодамъ Латинскаго духовенства. «Если меньшій въ Царствѣ небесномъ больше Іоанна Крестителя, то что же сказать о Матери Божіей, большей въ Царствѣ Небесномъ послѣ Христа, въ сравненіи съ грѣшнымъ священникомъ? О! если бы самъ верховный Апостолъ обличилъ высокомѣріе этихъ сомозванцевъ собственнымъ смиреніемъ! Они, конечно, согрѣшили тяжеле того Фарисея, который выставлялъ заслуги свои предъ мытаремъ. Отъ чего же не отрицаютъ они заслуги Матери Божіей, которою она получила высокое право ходатайства за кающихся грѣшниковъ? Отъ чего призываютъ Пречистую Дѣву въ молитвахъ: «Сподоби насъ, рабовъ твоихъ, Господи, предстательствомъ преблагословенной и славной Приснодѣвы Маріи, избавиться отъ настоящія нужды и насладиться вѣчнымъ блаженствомъ?» или: «Мать Благодати! Мать Милосердія! Защити насъ отъ врага, заступи насъ въ часъ смертный!» Видишь ли, безбожный священникъ, ты смѣешь просить заступленія Пресвятой Богородицы, а на землѣ отъ гордаго и несытаго сердца возносишь себя надъ Царицею

(1) Hist. et Monum. Hus. I, 51 на обор.

міра, владычицей ангеловъ и вратами Небесными, надъ Пречистою Дѣвою, во чревѣ которой совершилось таинственное обрученіе божества съ человѣкомъ и Церкви Святой съ Сыномъ Дѣвы, къ которому призванъ и ты недостойный!»

За тѣмъ приводятся 37 подложныхъ стиховъ Овидія, которыхъ самый языкъ обличаетъ средневѣковое происхожденіе, гдѣ воспѣвается воплощеніе Бога Слова и великая заслуга Богородительницы. Гусъ стыдитъ духовенство примѣромъ язычника, какъ нѣкогда женщина, воздвигшая гласъ отъ народа, посрамила гордость священниковъ, Фарисеевъ и книжниковъ, словами: «Блаженно чрево, родившее Тя, и сосца, яже еси ссалъ,» и оканчиваетъ благочестивыми размышленіями и величаніемъ Богородицы.

Укажу еще на событіе изъ жизни наперсника Гусова, Іеронима Пражскаго, свѣдѣтельствующее о высокомъ уваженіи его къ Матери Божіей. Гуситскій историкъ, Лаврентій изъ Бржезовы, сообщаетъ, что когда Іеронима вели вонъ изъ Констанца на мѣсто казни, онъ громко воспѣлъ Символъ вѣры, а потомъ молитву Богородицѣ: «Благословенна ты въ женахъ», и, обращаясь къ народу, говорилъ по Нѣмецки: «Милыя дѣти! Какъ я пѣлъ предъ вами теперь, такова моя вѣра!» (1)

Нельзя опустить безъ вниманія въ обоихъ упомянутыхъ свѣдѣтельствахъ Гуса ссылки на св. Бернарда и св. Ансельма, которые въ Западной Церкви отличились особенно благоговѣйнымъ усердіемъ въ прославленіи Дѣвы Маріи. Лютеръ, высоко уважавшій Бернарда за живую вѣру въ Спасителя, упрекаетъ его и Ансельма именно въ томъ, за что Гусъ его хвалитъ, и называетъ виновникомъ суевѣрнаго Богослуженія, установленнаго Западной Церковію въ честь Богоматери. Въ его собственныхъ, непочтительныхъ отзывахъ о Богородицѣ, замѣчаемъ рѣзкую противоположность съ вдохновенными воззваніями Гуса. Гусъ укоряетъ Католиковъ въ оскорбленіи величія Богоматери, въ униженіи заслуги ея. Лютеръ, напротивъ, въ перенесеніи на нее величія и славы, подобающей одному Богу. Гусъ называетъ Пречистую Дѣву посредницею между Богомъ и человѣкомъ, виновницей искупленія падшаго Адама, существомъ, вознесеннымъ превыше Ангеловъ и всего сотвореннаго; Лютеръ ревнуетъ противъ всякаго участія ея въ дѣлѣ спасенія, указываетъ на особенность Ап. Павла и Іоанна, которые, по мнѣнію его, не слишкомъ распространяются о высокой заслугѣ Дѣвы Маріи.

(1) Letopisowé wálky Husitské M. Wawřince z Březowé, str. 21, по рукописи О. М. Бодянскаго.

«Первый, говоря объ Ней мимоходомъ, какъ будьто съ намѣреніемъ называетъ ее просто женою (Гал. IV, 4), что оскорбило многихъ учителей Церкви, которые во всякомъ случаѣ считали приличнѣе названіе Дѣвы. Но Павелъ, говоритъ Лютеръ, занимаясь высшимъ догматомъ оправданія человѣка, не обращалъ на это вниманія. И Іоаннъ Богословъ, въ противоположность пространной повѣсти Евангелиста Луки о рожденіи Спасителя отъ Дѣвы Маріи, при описаніи воплощенія Божія, не упоминаетъ даже о Матери. Чѣмъ выше духомъ Апостолъ, тѣмъ прилежнѣе смотритъ онъ на плодъ Богоматери, а не на самую Богоматерь, и устремляетъ и наше вниманіе на единый свѣтъ истины. Конечно, Божія Матерь была чистая, святая Дѣва, благословенная въ женахъ, какъ величалъ Ее Ангелъ и какъ сама Она говоритъ въ своей пѣсни: «Отнынѣ ублажатъ мя вси роди.» Мы высоко уважаемъ Пречистую Дѣву, но она не страдала за насъ, не распялась за насъ; Христосъ искупилъ насъ своими страданіями и молился за насъ на крестѣ» (Евр. V, 7.). А Паписты, въ описаніи страстей, говоря о Христѣ, проповѣдывали и о Богородицѣ, какъ дарованной Имъ Матери всему Христіянству.» (1) Лютеръ старается сколько возможно отдѣлить лице воплотившагося Бога; выискиваетъ мѣста въ св. Писаніи, гдѣ Христосъ, занятый служеніемъ проповѣди, по видимому, отрекается отъ плотской привязанности къ матери, на пр., на бракѣ въ Канѣ Галилейской: «Что есть мнѣ и тебѣ, жено?» или словами: «Жено! Се сынъ твой»; съ намѣреніемъ отдаляетъ Ее отъ креста (такъ думаетъ Лютеръ), чтобъ показать, что мы въ немъ одномъ должны сосредоточить упованіе наше. Гусъ, совершенно напротивъ, указываетъ на пророчества Ветхозавѣтныя о Богоматери; сколько возможно представляетъ ее существомъ нераздѣльнымъ съ человѣчествомъ Сына ея на землѣ, съ Божествомъ сына Божія на небѣ Онъ приводитъ, вопреки Лютеру, стояніе ея при крестѣ и участіе въ страданіи Спаса уязвленнымъ сердцемъ. Онъ взываетъ, съ женою Евангельскою: «Блажено чрево, носившее Спаса; блаженны сосцы, его воскормившіе! блаженна Марія, виновница нашего спасенія (quae omnibus salvandis profuit)! Блаженна Богородительница, зачавшая единороднаго сына, котораго имѣетъ обще съ Богомъ Отцемъ, (quem habet communem cum Deo Patre), а потому покрыта особенной славой паче всѣхъ человѣкъ.» Вообще Гусъ отвергаетъ слишкомъ

(1) Walch, VII, Объясн. 1 гл. Іоанна, §. 258, S. 1554. — VIII, Объясн. 19 гл. Іоанна, S. 102, S. 971. — 4 гл. Галат. XXII, с. 7, §. 10, S. 395.

тѣлесное пониманіе Западной Церкви о Богоматери; за то возстановляетъ ея духовное значеніе въ Христіянствѣ, какъ высокой предстательницы міра, сохранившееся по преимуществу въ нашей Православной Церкви и въ Русскомъ народѣ.

Почитаніе святыхъ въ ученіи Гуса является въ формѣ противодѣйственной характеру Западной Церкви. Въ этой послѣдней поклоненіе святымъ отмѣчено какимъ-то мрачнымъ, суровымъ оттѣнкомъ. Потерявши изъ виду мысль о духовномъ союзѣ между членами Церкви, земной и небесной, она не могла смотрѣть на отжившихъ праведниковъ, какъ на бывшихъ членовъ воинствующей Церкви. Она положила въ основу понятію святости мысль о совершенной безгрѣшности, о порабощеніи естества человѣческаго законамъ безплотнаго міра и отвергла подобострастіе святыхъ служителей Божіихъ ихъ грѣшнымъ сожителямъ на землѣ. Отъ того-то основная мысль служенія святымъ — общеніе между вѣрующими Церкви, подвизающейся въ мірѣ, и прославленными Церкви, торжествующей на небесахъ, communio Sanctorum Апостольскаго Символа — отвергнуто Западной Церковію. Отъ того служеніе святымъ въ Католической Церкви приняло характеръ символической чувственности; дабы умилостивить страшныхъ свѣдѣтелей славы Божіей, долженствующихъ судить нѣкогда міру, Церковь земная раболѣпствовала предъ ними, отдѣляя поклоненіе святымъ отъ служенія Богу. Заповѣдь о подражаніи святымъ приведена въ забвеніе, невозможность достигнуть духовнаго совершенства, до котораго достигли они, успокоивала легковѣрныя совѣсти. Этимъ рабскимъ служеніемъ Церковь земная насильственно разрѣшала союзъ любви и единства съ небесными гражданами. Матѳій Парижскій, описывая это странное раздвоеніе Церкви земной и небесной, выставляетъ его въ цѣломъ рядѣ противоположностей, въ которыхъ неподражаемо схвачены оттѣнки гражданскаго чиноначалія, внесеннаго Западной Церковію во всемірное общеніе святыхъ. Они (духовенство Запада) преслѣдуютъ святыхъ сожителей, благоговѣютъ предъ тѣми же святыми прославленными; такова природа надменныхъ: они грозны для слабыхъ, раболѣпны предъ сильными. Они отнимаютъ послѣднюю деньгу у святыхъ сожителей; святыхъ отшедшихъ, которые ни въ чемъ не нуждаются, одѣваютъ шелкомъ и дорогими каменьями. Прославляютъ прославленныхъ, потому что сами стараются показать себя славными предъ всѣми сожителями, какъ временщики, приковавшіе стопы свои къ

князьямъ и владыкамъ, чтобы отблескъ славы послѣднихъ отразился и на нихъ. Нищихъ святыхъ на землѣ презираютъ, считая безславнымъ хвалиться немощію Іисуса Распятаго. Они не ревнуютъ по славѣ святыхъ небесныхъ, напротивъ красятся заслугами и хвалятся ихъ святыми останками, но завидуютъ славѣ ихъ на землѣ. Они похожи на лукавыхъ покупщиковъ, которые хулятъ товаръ покупаемый, а купленный хвалятъ. Похожи на Римлянъ, которые убивали царей своихъ, и потомъ причисляли ихъ къ сонму боговъ и воздвигали имъ статуи. Похожи на язычниковъ, которые приносили въ жертву дѣтей своихъ, и ублажали, какъ мучениковъ.» (1)

Гусъ въ ученіи своемъ о святыхъ не выпускаетъ изъ виду члена Апостольскаго Символа: «Вѣрую въ общеніе святыхъ (credo communionem Sanctorum).»—«Святая Церковь,»—говоритъ онъ, — «въ обѣихъ частяхъ своихъ, торжествующей и воинствующей, имѣетъ единство любви и взаимнаго содѣйствія (habet communionem juvaminis et amoris); потому что святые, предопредѣленные къ вѣчной жизни, соединены въ одно великое цѣлое единствомъ тѣла и духа, вѣры, крещенія и Таинствъ и союзомъ любви (Ефес. IV, 3 — 7). Святые въ отчизнѣ помогаютъ избраннымъ въ Церкви воинствующей и радуются ихъ покаянію и праведной жизни (vita meritoria); блаженные, на землѣ подвизающіеся (beati viantes), въ отличіе отъ святыхъ на небѣ (sancti in patria), съ своей стороны, молитвами, постами и милостынями и другими дѣлами Христіянскаго благочестія, помагаютъ усопшимъ святымъ пролетѣть истязанія мытарствъ и водвориться скорѣе въ небесной отчизнѣ. Исповѣдуя сердцемъ и устами эту вѣру въ общеніе святыхъ, я молю милосердаго Спаса, отпустить согрѣшенія тѣмъ, которые обвиняли меня явно, или тайно, въ отрицаніи заступленія святыхъ, какъ въ отношеніи къ подвизающимся на землѣ, такъ и въ отношеніи къ усопшимъ, въ надеждѣ живота вѣчнаго (quod ego negarem Sanctorum suffragia, et respectu viantium et respectu in gratia mortuorum), потому что я знаю ученіе Христово, что каждый членъ Церкви помогаетъ другому (какъ видно изъ примѣра Хананеянки и сотника, которые живою вѣрою испросили здравіе, первая дочери, другой отроку)». (2) Такимъ образомъ Гусъ возводитъ молитвы по усопшимъ и призываніе святыхъ къ одному началу взаимнаго служенія удовъ тѣла Христова. Не то ли же дѣлаетъ

(1) De Mysterio iniquitatis Antichristi, c. 23, Mon. Hus, I, f. 459—460.

(2) De fidei suae elucidatione I, f. 51.

и наша Православная Церковь, когда прежде всего возсылаетъ молитвы за усопшихъ святыхъ, а потомъ и сама прибѣгаетъ къ посредствующимъ молитвамъ прославленныхъ? Но Гусъ, принимая общеніе святыхъ, не впадаетъ въ крайность воззрѣнія Лютера, который названіе святаго признаетъ однозначащимъ съ названіемъ Христіянинъ, и приписываетъ его безъ различія всѣмъ Христіянамъ, какъ людямъ, получившимъ единое крещеніе, сохраняющимъ единую вѣру, и слушающимъ слово Божіе, для всѣхъ одинаковое. Заблужденіе Лютера основано на ложномъ понятіи святости, опредѣляемой не заслугой добродѣтельной жизни, а вѣрой и общеніемъ Таинствъ. «Ап. Павелъ»,—говоритъ Лютеръ,—«въ посланіяхъ своихъ всѣхъ Христіянъ именуетъ святыми (1 Тим. V, 10), какъ собственнымъ именемъ, и обычай этотъ долго хранился въ Церкви первоначальной; и, въ самомъ дѣлѣ, если вѣрующіе во Христѣ называютъ другъ друга святыми, то это дѣлается въ славу Божію, и тутъ гордости нѣтъ. Хотя мы и грѣшники и немоществуемъ плотію, но если прилѣпимся къ Христу, пребываемъ въ крещеніи Его, уповаемъ на кровь Его, то Онъ закрываетъ нашу немощь и нечистоту и дѣлаетъ насъ предъ Богомъ святыми и чистыми. Въ этомъ смыслѣ мы вѣруемъ въ Святую Христіянскую Церковь, т. е., въ собраніе Святыхъ (communionem Sanctorum), а не прилагаемъ это названіе къ однимъ только усопшимъ святымъ. (1) До сихъ поръ насъ обманывали, никогда не проповѣдуя намъ объ единственной святости вѣрою въ великую жертву Христову, и говоря объ однихъ усопшихъ святыхъ, на небѣ живущихъ; между тѣмъ какъ слово Божіе подъ именемъ святыхъ разумѣетъ только живыхъ Христіянъ. Ему нѣтъ дѣла до мертвыхъ, лежащихъ въ землѣ. Такъ и мы должны называть святыми только нашихъ сожителей, которые имѣютъ слово Христово и исповѣдуетъ его, хотя бы они были грѣшные, слабые люди (elende, schwache Menschen), безъ особенныхъ признаковъ святости. Мы утверждаемъ, что истинные святые Христовы должны быть настоящими, сильными грѣшниками (gute starke Sünder); они не должны стыдиться просить ежедневно прощенія грѣховъ въ молитвѣ Господней». (2) Такое же, или, по крайней мѣрѣ, близкое къ тому, изображеніе святости находимъ у предшественника Гусова, Матѳія Парижскаго. По его мнѣнію, святые, пока не отрѣшились отъ тѣла, дѣлаютъ скверну

---

(1) Walch, VIII, Объясн. 14 гл. Іоанна, §. 441—443, S. 269—271.
(2) Ibid. 17 гл. Іоанна, §. 197—199, S. 779—781.

передъ Богомъ (faciunt abominationem contra Jesum); потому что во всѣхъ ихъ дѣйствуетъ грѣхъ и они носятъ съ собой постоянно постыдныя слабости (infirmitates turpes), которыя и самыя добрыя дѣла и святыя добродѣтели ихъ обращаютъ въ скверну предъ Божественной чистотой. Но этого не бываетъ по слову апостола: ««Ни едино убо нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ»» .... Они не хотятъ общенія между свѣтомъ и тьмою, не смѣшиваютъ въ сердцѣ своемъ мудрованій плоти и діявола съ святыми внушеніями Духа; а потому духъ Христа распята сострадаетъ (compatitur) ихъ немощамъ, покрываетъ грѣхи ихъ и не вмѣняетъ имъ беззаконій (Псал. 31, 1).» (1) Такой совмѣстности скверны грѣховной съ высшею святостію Гусъ не признаетъ, а полагаетъ послѣднюю, какъ сказано выше, въ добродѣтельной жизни (vita meritoria). По мнѣнію его человѣкъ, преступающій заповѣди, лишается благодатнаго общенія святыхъ и пріобщается діяволамъ (sanctis omnibus privatur et daemonibus associatur). (2) Нечестивые изгнаны изъ сонма предопредѣленныхъ, и только избранный добрый Христіянинъ (electus bonus christianus), по силѣ общенія между святыми, приноситъ пользу другимъ членамъ Церкви; нечестивый (criminosus) только вредитъ подвизающимся на землѣ (obest vianti). Степепь святости, дающей человѣку смертному право на это названіе, опредѣляется въ слѣдующемъ положеніи Гуса: «Святый, не прошедшій еще вратами смерти, можетъ имѣть только грѣхи несмертные (Sanctus mortalis peccatis irretitus vendalibus)». А что разумѣетъ онъ подъ именемъ peccatum veniale, можно видѣть изъ опредѣленія противоположнаго, въ сочиненіи О смертномъ грѣхѣ. Смертными грѣхами, peccata mortalia, называются тѣ, которые повергаютъ человѣка въ духовную смерть, лишая его благодати Духа святаго. Человѣкъ, пока соблюдаетъ заповѣди Божіи, пребываетъ въ благодати; преступая ихъ, умираетъ духовно. И такъ смертный грѣхъ есть всякое преступленіе заповѣди. И хотя ихъ безчисленное множество, но всѣ они приводятся къ семи главнымъ видамъ: гордости, алчности, сладострастію, зависти, объяденію, гнѣву и лѣни духовной. Эти виды грѣховъ плотскихъ и духовныхъ называются смертными, когда приводятся въ исполненіе; когда остаются только въ мысляхъ и чувствованіяхъ—грѣхами простительными (paccata venialia).

(1) De Carn. abomin. c. 34, f. 413. — De perfectione Evangelio, c. 3—4, f. 419, 451.
(2) De Mandatis Domini, I, f. 50 на обор.

Стало быть, необходимое условіе святости, какъ Гусъ ее понимаетъ, заключается не въ одной только борьбѣ съ возможностію частныхъ паденій, а въ совершенной чистотѣ жизни, въ побѣдѣ надъ грѣховными помыслами, (1) стало быть, въ возможномъ совершенствѣ для человѣка тѣлеснаго.

Полное преображеніе существа человѣка совершается только по смерти. Святые прославленные, по мнѣнію Гуса, стоятъ на высшей степени приближенія къ Богу. «Они имѣютъ свыше могущество и высшіе дары отъ Царя славы, пребывая во славѣ, чѣмъ какіе имѣли въ земной страдальческой жизни (in miseria dum vivit).» (2) Имъ принадлежатъ великія обѣтованія Спасителя: ««Еже аще разрѣшиши на земли, будутъ разрѣшена на небеси,»» т. е., по толкованію Бл. Августина: ««Я, Господь, и всѣ чины небеснаго воинства, и всѣ святые въ славѣ, присно славящіе Бога, вмѣстѣ со мною, подтвердятъ рѣшеніе ваше»». Они будутъ нѣкогда судить міру на страшномъ судѣ.» (3). Прекрасно разсуждаетъ Гусъ и о томъ, въ чемъ состоитъ блаженство святыхъ, на небѣ прославленныхъ: «Блаженство или вѣчная жизнь святыхъ состоитъ въ ясномъ созерцаніи трехъ лицъ Божества, въ постиженіи человѣчества Христова. Отъ этого лицезрѣнія раждается любовь всесовершенная къ Богу; отъ любви раждается радость. За постиженіемъ, любовію, радостію, слѣдуетъ совершенное успокоеніе (quietatio) или высшее, ни съ чѣмъ не сравнимое, услажденіе святыхъ въ Божественномъ Существѣ. Всѣмъ же прочимъ, что уготовано любящимъ Бога, святые наслаждаются по волѣ преблагословенныя Троицы.» (4)

Православное служеніе святымъ заключается: 1) въ ихъ призываніе на помощь, и 2) въ поклоненіи мощамъ. Гусъ принимаетъ и то и другое безъ всякихъ ограниченій. О заступленіи святыхъ, кромѣ выше приведенныхъ свѣдѣтельствъ, укажу еще на два: «Если святый, на землѣ живущій, не свободной отъ грѣха, можетъ благочестивой молитвой принести пользу (obtinere suffragium) передъ Господомъ Богомъ другому, даже цѣлой воинствующей Церкви, какой безумецъ осмѣлится сказать, что, пребывая во славѣ съ Христомъ, онъ не можетъ этого сдѣлать?» (5) «Мы никого болѣе

(1) De pace, I, f. 52, на об.
(2) De fidei suae elucidatione, I, 51 на об.—De peccato mortali, I, 56.
(3) De fidei suae elucidatione, I, 51, на об.
(4) De decimis I, 134, на об.
(5) De mandatis Domini, I, 51.

не можемъ просить о прощенiи грѣховъ, какъ Всемогущаго Бога и Господа нашего Iисуса Христа; но въ тоже время должна возсылаться молитва къ ходатаiницѣ Пресвятой Дѣвѣ Марiи, Матери нашего Спасителя, и ко всѣмъ гражданамъ неба, (ad suffragatricem..... et ad omnes coeli cives), да, предстательствомъ ихъ, Всемогущiй Богъ проститъ намъ грѣхи наши (ut eorum intercessionibus Deus indulgeat nostras culpas). Въ знакъ сего, въ каждой молитвѣ къ святымъ, преимущественно призывается Богъ, и народъ ожидаетъ отъ него помощи при посредствующей молитвѣ святаго (ut ad orationem talis sancti populus adjuvetur). А въ знакъ того, что это совершается чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, Христа Iисуса, молитвы этѣ оканчиваются обыкновенно воззванiемъ къ Господу». (1) Сдѣсь призыванiе святыхъ согласно съ Православнымъ ученiемъ мирится съ единымъ ходатайствомъ Сына Божiя. Но Гусъ замѣтилъ особенную наклонность Западной Церкви къ исключительному служенiю святыхъ, безъ отношенiя къ Богу, и прямо называетъ это идолопоклонствомъ. По его ученiю, «одному Богу подобаетъ полоненiе (λατρεία), святымъ только служенiе (δουλεία; приносить поклоненiе кому бы то ни было значитъ вѣровать въ него. И такъ пусть вѣруютъ и покланяются существу сотворенному, кто не хочетъ вѣровать въ единого Бога и Ему покланяться. Истинные же поклонники да кланяются Богу духомъ и истиною. Сдѣсь заслуживаютъ порицанiе тѣ, которые болѣе полагаются на помощь Божiей Матери, нежели самого Господа, и особенно тѣ, которые, по особенной любви къ тому, или другому святому (qui diversis Sanctis affecti), грѣшатъ противъ Господа, надѣясь единственно на помощь святыхъ». (2)

О поклоненiи мощамъ Гусъ говоритъ подробно въ возраженiи на Крестовую Буллу. (3)

«Есть три рода мощей: 1) тѣлеса святыхъ, о которыхъ гововоритъ Августинъ: ««Мы не только не должны презирать, но высоко уважать тѣлеса святыхъ, которыя духъ Святый, пока они жили, употреблялъ какъ орудiя для всякаго дѣла благаго.»» И Бл. Iеронимъ (въ 57 посланiи): ««Мощи святыхъ должны быть предметомъ уваженiя вѣрующихъ.»» 2) Другой родъ мощей—Евхаристiя, оставленная вѣрующимъ въ воспоминанiе Страстей, Воскресенiя и Воз-

(1) Ad. scr. 8. Doct, c. 9, f. 508.
(2) Explicatio in 117 Psalm. II, f. 420.
(3) Monum. Hus. I, f. 190—191.

несенія Господа, во оставленіе грѣховъ. По этому Евхаристія еще болѣе, чѣмъ мощи прочихъ святыхъ, должна быть предметомъ особеннаго благоговѣнія вѣрующихъ. [1] 3) Наконецъ слова Христовы, спасеніе и жизнь для вѣрующихъ, суть тѣже святые останки, о которыхъ сказалъ Исаія Пророкъ (1, 9): «„Аще не бы Господь оставилъ намъ сѣмене, яко Содома были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ."»

Говоря о мощахъ святыхъ, Гусъ вооружается противъ обычая, въ Западной Церкви не рѣдкаго, выставлять на показъ поддѣльную святыню и обирать богомольцевъ. Въ немъ говоритъ сдѣсь чистая ревность по славѣ Божіей, которая еще болѣе преслѣдуетъ злоупотребленія, чѣмъ защищаетъ начало, зная, что ничто такъ гибельно не дѣйствуетъ на вѣру народа, какъ обольщеніе, или соблазнъ. «Должно проповѣдывать народу,» — говоритъ Гусъ, — «чтобъ онъ остерегался обмановъ подъ личиной святости. Потому что мощи святыхъ не должны выставляться для денежнаго сбора. Объ этомъ говоритъ и Бернардъ: „О ужасное злоупотребленіе! О страшное беззаконіе выставлять останки святыхъ для денежнаго прибытка! Праведниковъ, которые при жизни отказались отъ всякой собственности, заставляютъ нищенствовать по смерти." И Іоаннъ Златоустъ (Homelia 24): „Мощей не должно чествовать деньгами, потому что мученики вовсе не радуются, когда поклоненіе имъ стоитъ нищимъ кровавыхъ слезъ. Гдѣ же тутъ справедливость обогащать усопшихъ, и отнимая отъ крова несчастныхъ, приносить въ жертву Богу? Это значитъ, дѣлать Бога участникомъ ужаснаго насилія."» Злоупотребленія эти усилились до такой степени, что папа Иннокентій (въ 3 кн. Декретал.) полагаетъ закономъ: «„Такъ какъ обычай выставлять на показъ и продажу мощи святыхъ очень много вредилъ и вредитъ Христіянству, то мы запрещаемъ показывать или выставлять для прибытка древнія мощи, гдѣ бы то ни было, исключая раки, въ которой они почиваютъ. Новооткрытымъ мощамъ поклоненіе запрещается прежде признанія и утвержденія властію Римскаго первосвященника. Начальники мѣстныхъ церквей должны принять строгія мѣры, чтобъ богомольцы, приступающіе къ поклоненію мощамъ, не обольщались ни лож-

[1] Этимъ свѣдѣтельствомъ устраняются всякіе споры о томъ: признавалъ ли Гусь необходимость тѣлеснаго поклоненія Дарамъ, которое отвергали Табориты, не признававшіе пресуществленія.

ными чудесами, ни подложными грамотами, какъ часто случается во многихъ мѣстахъ, ради сквернаго прибытка.»»О если бы»,—прибавляетъ Гусъ отъ себя, — «о если бы священники, промышляющіе этимъ обманомъ, обращали внимiе на папское узаконеніе, а благочестивые, съ своей стороны, приводили его на память въ общественной проповѣди, въ обличеніе обманщиковъ!» Еще прежде Гуса Матѳій Парижскій, въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, проповѣдывалъ противъ соблазна; но, возставая на злоупотребленіе, онъ коснулся и самаго вѣрованія. (1) Гусъ, съ мудрой умѣренностію, обличаетъ обманы; чтобы, съ другой стороны, не подать повода къ отрицанію самаго догмата, въ тоже время исповѣдуетъ вѣру свою въ необходимость поклоненія мощамъ. «Прекрасно было со стороны проповѣдника, полагая преграду злоупотребленію, возстановлять въ народѣ чистую вѣру, напоминать священникамъ ихъ святыя обязанности». (2)

Приводить новыя доказательства въ пользу мнѣнія, что Гусъ признавалъ законность и необходимость почитанія святыхъ, считаю излишнимъ. Лучшимъ доказательствомъ служатъ его сочиненія, исполненныя свѣдѣтельствъ св. Отцевъ Церкви Восточной и Западной, непреложныхъ свѣдѣтелей истины. Между тѣмъ какъ Матѳій Парижскій позволялъ себѣ не рѣдко кощунствовать надъ чудесами святыхъ, Гусъ занимался съ любовію ихъ житіями. Онѣ составляли его любимое чтеніе въ молодости. Онъ упоминаетъ въ письмахъ своихъ о Великомученицѣ Маринѣ, жившей въ обители въ мужескомъ образѣ. Многія чудеса святыхъ, заимствованныя изъ древнихъ житій, онъ приводитъ въ доказательство мнѣній своихъ, и притомъ такія, которыя болѣе другихъ могли подать поводъ къ кощунству невѣрующихъ. Этѣ свѣдѣтельства изъ жизни св. Мартина и Варѳоломея ставятся имъ на ровнѣ съ примѣрами, заимствованными изъ св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. (3) Его чистая душа чуждалась обмана; онъ говорилъ, какъ думалъ, и отыскивать въ его откровенной исповѣди какихъ ни будь скрытыхъ намѣреній было бы въ высшей степени недобросовѣстно. Полныя любви отношенія его къ паствѣ и довѣріе къ нему народа устраняли всякій поводъ къ какимъ бы то ни было недоразумѣніямъ.

---

(1) De Carn. abominat. c. 39, f, 469.

(2) «Caute sunt honoranda Sanctorum corpora, ne, propter cleri avaritiam, committatur error et idolatria.» Explic. sup. Ps. 116.

(3) De Sangu. Christi glorificato, I, f. 161.

Съ ученіемъ Гуса о святыхъ находится въ тѣсной связи ученіе его объ иконахъ. Мы имѣемъ цѣлое разсужденіе Гуса, посвященное этому предмету. Протестантскій издатель подвелъ его подъ заглавіе, которое менѣе всего соотвѣтствуетъ его содержанію: «Сочиненіе противъ поклоненія иконамъ (Contra imaginum adorationem)», хотя и написанное слишкомъ умѣренно. Я не имѣю его подъ руками, но вотъ драгоцѣнная выписка, сдѣланная изъ него сочинителемъ Констанцкаго собора: «Предъ иконой Спасителя и всякаго святаго (vel alia cujuscunque sancti) люди могутъ законно (licite) преклонять колѣна, молиться, дѣлать приношенія, зажигать свѣчи (genua flectere, orare, offerre, candelas ponere); пусть такъ и дѣлаютъ (et sic faciant), впрочемъ, не во имя самой иконы (non tamen in nomine imaginis), но во имя того, кто на ней изображенъ; потому что самая икона не изображенія ради, а ради лица изображеннаго, становится предъ молящимися рѣзная, или живописная.» (1) Это мнѣніе ни въ чемъ не различествуетъ отъ Православнаго ученія и сходится съ положеніями самыхъ уважаемыхъ Латинскихъ учителей. (2) Мы знаемъ также, что Виѳлеемская церковь, по распоряженію Гуса, расписана была изображеніями. Ему снилось въ темницѣ Констанцкой, что Латинскіе епископы и священники разломали всѣ иконы Спасителя, въ ней находившіяся (3). Изъ того же свѣдѣтельства мы знакомимся ближе съ его образомъ мыслей на счетъ значенія иконъ въ Христіянской Церкви. Въ толкованіи сна, предложенномъ рыцаремъ Хлумомъ и одобренномъ Гусомъ, иконы Спасителя являются прекраснымъ символомъ жизни Христовой, видимымъ напоминовеніемъ Христіянскихъ обязаностей. Это благочестивыя Христіянскія книги, написанныя, вмѣсто буквъ, лицами и картинами. (4) Стало быть, лучшая, просвѣщеннѣйшая половина Чешскаго народа, вмѣстѣ съ Гусомъ въ XV вѣкѣ, умѣряла чувственное поклоненіе Католиковъ свѣтлымъ Христіянскимъ взглядомъ, и сходилась въ этомъ вполнѣ съ Православною Церковію. Въ высшей степени замѣчательно, что просвѣщенные Католики этого времени жаловались на множество картинъ (picturae), и иконъ, испещрявшихъ Латинскія церкви, какъ поводъ къ соблазну людей некнижныхъ, на чрезмѣрное умноженіе святыхъ и

(1) Monum. Hus, II, 343. — Lenfant, I, p. 417.
(2) На пр., Герсона въ объясненіи 10 заповѣдей (I, p. 245).
(3) 44-е Письмо, приведенное въ жизни Гуса.
(4) Православный Катихизисъ, 1843, стр. 142.

праздниковъ, вообще на возобладавшую чувственность во внѣшнемъ устройствѣ Церкви (1), а современные еретики въ смыслѣ Западнаго Католичества, требуя уменьшенія иконъ, для избѣжанія языческихъ представленій о вѣрѣ, ссылались на чистоту Греческой Церкви, которая держится въ этомъ случаѣ мудрой умѣренности. (2) Противъ этой чувственности Западной Церкви, угрожавшей не просто духовнымъ суевѣріемъ, а уклоненіемъ въ самыя грубыя формы язычества, ревнуетъ и Гусъ, въ сочиненіи: «О вредномъ вліяніи человѣческихъ преданій (De pernicie traditionum humanarum)», которое можетъ быть приписано ему съ вѣроятностію, какъ сдѣлалъ Оттонъ Брунсфельскій, который, впрочемъ, издалъ, подъ именемъ Гуса, большую часть сочиненій Матѳія Парижскаго. Допуская живописныя и даже рѣзныя изображенія, Гусъ возстаетъ на пластическій характеръ изваяній Христа и святыхъ, призывавшій на помощь искусство, чтобы согрѣть холодную оболочку ихъ, ослѣплявшихъ наружнымъ блескомъ легковѣріе поклонниковъ. Онъ громко порицаетъ Латинскихъ богослововъ, утвердившихъ письменнымъ закономъ давнишнее обыкновеніе Церкви. Сдѣсь Гусъ, какъ и вездѣ, играетъ роль умѣреннаго представителя того направленія, которое, въ крайнемъ развитіи и съ свойственными ему рѣзкими формами, олицетворилось въ Матѳіи Парижскомъ. «Большая разница», — говоритъ онъ, — «высказать то, или другое, мнѣніе условно (disputative) и въ схоластическихъ сочиненіяхъ, или высказать его въ проповѣди простому народу съ амвона, соблазняя младенцевъ о Христѣ увѣреніемъ, что должно кланяться статуямъ. Что могъ сказать Ѳома Аквинскій, того не должно вводить въ общее обыкновеніе, и еще менѣе обращать въ церковное постановленіе. Кромѣ вреднаго вліянія на вѣру народа, это особенно дурно и потому, что подаетъ поводъ язычникамъ и Іудеямъ смѣяться надъ Христіянами, называть ихъ идолопоклонниками — и трудно опровергнуть справедливое обвиненіе.» (3). Гусъ говоритъ сдѣсь прямо о статуяхъ, изсѣченныхъ изъ камня и дерева, или

---

(1) Lenfant, Hist. du Conc. de Const., p. 419.

(2) Изъ разсужденія безъименнаго автора противъ книги Якубка изъ Стрибра (въ Сборникѣ Фонъ деръ Гардта), гдѣ, между признаками еретическихъ сектъ, между прочимъ, встрѣчается слѣдующее умствованіе: «qu'il ne faut point avoir d' images dans les Eglises, pour éviter l' idolatrie, comme font les Grecs, qui ont peu d' images». Lenfant, Hist. du cons. de Const. p. 268—70.

(3) Hist. et Mon. Hus, I, de pernicie traditionum humanarum, c. 4, f. 445.

изваянныхъ изъ металла (statuae ligneae atque lapideae, argenteae et ceterae hujusmodi), отнюдь же не объ иконахъ. Между тѣмъ пристрастіе Протестанскихъ писателей отыскиваетъ сдѣсь отрицаніе послѣднихъ. По мнѣнію Флате и Гольцгаузена, Гусъ отвергаетъ ихъ, какъ чистое идолопоклонство.

Какъ разсуждалъ Гусъ о священномъ преданіи? Онъ насчитываетъ пять источниковъ познанія истины: св. Писаніе, особенное откровеніе свыше, преданіе, разумъ непогрѣшающій и неложное свѣдѣтельство тѣлесныхъ чувствъ. (1)

Первенство принадлежитъ, разумѣется, Откровенію письменному. Благоговѣніе къ Библіи Гусъ доказалъ самымъ дѣломъ, изучивши ее совершенно, зная книги ея почти наизусть. По крайней мѣрѣ, безъ всякихъ пособій, онъ на Соборѣ безстрашно предлагалъ духовенству состязаніе на св. Писаніи, приводилъ его въ доказательство, рѣдко ошибаясь въ выраженіяхъ и въ счетѣ главъ. «Въ Евангеліи содержится все, что нужно знать и во что нужно вѣровать для достиженія блаженства. Одно Писаніе непогрѣшительно; все черпаетъ истину изъ этого единственнаго источника жизни.» (2) На возраженіе Палеча, что св. Писаніе есть вещь неодушевленная, а книга безмолвная, Гусъ отвѣчаетъ съ насмѣшкой негодованія: «Читалъ ли ты, что гласитъ эта безмолвная книга (Іоанна X, 36)? «Не можетъ разоритися Писаніе, Его же отецъ святи и посла въ міръ.» Если ты называешь св. Писаніемъ однѣ мертныя буквы, или слова, начертанныя, ты пошелъ вспять, обращаясь отъ живаго смысла къ безжизненнымъ знакамъ. Нѣтъ! Это самое слово въ день страшнаго суда будетъ судить человѣка, различая между овцами и козлищами. И торжественный судъ подтвердитъ другое живое писаніе, святые Божіи, «яко посланія Христовы, написанныя не чернилами, а духомъ Бога жива на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ» (2 Кор. III, 3). Св. Писаніе было единственнымъ поприщемъ, на которомъ сражался нашъ проповѣдникъ, на которомъ онъ былъ истинно непобѣдимъ. Противники знали великаго бойца Евангельскаго: они избѣгали открытаго единоборства, извращали смыслъ

---

(1) «Scriptura, revelatio, autoritas eccelesiae, infallibilis ratio, sensualis experientia». Replica contra Stokes I, f 108 на концѣ.—De Sanguine Domini I, 56 на об., 160, 9—11 строка; 162 на об., въ началѣ.—De Decimis I, 125 на об. Ad. scr. Stanislai, I, 265 на об. и 78 на об.

(2) De sufficientia legis Christi ad regendam Ecclesiam I, f. 44—48.—Explicatio in 7 Epistolas canonicas II, f. 168—169.—Explicatio in Ep. Petri, II, f. 388.

писанія и заслужили отъ него презрѣнное названіе поддѣльщиковъ. (1) Всѣ сочиненія, всѣ состязанія съ противниками, всѣ школьныя прѣнія, Гусъ начиналъ постоянно освященною рѣчью: «Свѣдѣтельствуюсь, что не хочу утверждать ничего противнаго Писанію закона Христова, или его Божественной волѣ. Стою крѣпко на несокрушимой основѣ, на камнѣ вѣры, который есть путь, и истина, и животъ, на Господѣ Іисусѣ Христѣ. (2) Прежде чѣмъ защищать что либо противное канонической истинѣ (veritati credibili), я готовъ, въ упованіи на помощь Господню, подвергнуться страшной смерти, готовъ положить душу свою за законъ Христовъ, ибо вѣрю несомнѣнно, что онъ во всѣхъ частяхъ своихъ постановленъ совѣтомъ благословенныя Троицы и возвѣщенъ міру святыми Божіими людьми во спасеніе рода человѣческаго». (3) Это было убѣжденіе глубокое, вынесенное изъ отеческихъ преданій и повѣренное опытомъ жизни. Оно проникало все существо проповѣдника, и уста исповѣдывали немолчно, чѣмъ сердце было преисполнено, что онъ повторялъ безстрашно предъ костромъ Констанцкимъ.

Достаточность закона Христова для управленія воинствующей Церкви, признанная Гусомъ и выставленная имъ въ заглавіи одного сочиненія, не исключаетъ существованія другаго источника истины, преданія въ обширномъ смыслѣ. Гусъ называетъ его церковнымъ авторитетомъ и причисляетъ къ нему всѣ уставы Вселенскихъ Соборовъ, писанія древнихъ Учителей Церкви, сочиненія новыхъ, даже папскія постановленія, согласныя съ св. Писаніемъ. Только это послѣднее условіе даетъ имъ обязательную силу, по извѣстному слову блаж. Августина, что «все, находящееся внѣ каноническихъ книгъ, нуждается въ повѣркѣ Евангеліемъ». Преданіе человѣческое имѣетъ право на уваженіе только тогда, когда согласно съ закономъ Евангельскимъ, потому что въ этомъ послѣднемъ заключается всякое знаніе, для блаженства необходимое; и все, что узнаетъ человѣкъ внѣ Писанія, если вредно, заранѣе осуждено въ немъ; если полезно, заранѣе предписано. (4)

Гусъ вѣрилъ въ постановленія Вселенскихъ Соборовъ; онъ говорилъ, что къ Евангелію, праву Божественному, потому что оно получило начало отъ одного Бога, установленное словомъ

(1) Ad. scr. Paletz. 1, f. 290.
(2) Adv. indulg. pap. 1, f. 174.
(3) De sufficientia legis Christi, 1, f. 45.
(4) Ibid. f. 47.

и примѣромъ Христовымъ, пріобщается и право духовное (jus canonicum), установленное отцами Церкви (a praelatis Ecclesiae), для обузданія ослушниковъ священными правилами. Таково объясненіе догматовъ вѣры на св. Соборахъ (ut sunt articuli fidei in sanctis Synodis vel Conciliis explanati). Онъ объясняетъ это сравненіемъ: подобно тому, какъ одинъ человѣкъ измѣняетъ наружную форму, смотря по различію одеждъ и другихъ принадлежностей, такъ одинъ и тотъ же законъ Евангельскій, изложенный просто въ Евангеліи, можетъ быть истолкованъ другими словами, но не въ противномъ смыслѣ (aliter, sed non contrarie) отцами, Церкви. А потому духовное право не противорѣчитъ Евангелію.» (1) Изъ вселенскихъ Соборовъ Гусъ уважалъ въ особенности четыре первыхъ, опираясь на словѣ св. Григорія, считающаго ихъ равносильными четыремъ Евангельскимъ книгамъ; (2) точнѣйшихъ указаній на прочіе мы не имѣемъ. Онъ не отвергалъ и позднѣйшихъ на Западѣ, по сколку уставы ихъ согласны съ св. Писаніемъ: «Veneror omnia Concilia generalia, de quanto consonant legi Dei». (3)

За Соборами слѣдуютъ писанія св. Отцевъ. Гусъ смотритъ на нихъ, какъ на толкователей слова Божія, неизмѣнныхъ спутниковъ и самое вѣрное пособіе при чтеніи и изученіи Библіи. Правда, онъ выставилъ положеніе, что св. Отцы заслуживаютъ вѣру, посколько не противорѣчатъ Евангелію; но положеніе это не только не увлекло его въ мудрованія разума, а утверждало его еще болѣе въ глубокомъ къ нимъ уваженіи. Приведу только нѣсколько главныхъ свѣдѣтельствъ. Прежде всего, мнѣнія учителей Церкви для Гуса равносильны Евангелію, потому что онъ не отдѣляетъ одного отъ другаго. Напр., въ оборонѣ нѣкоторыхъ положеній Виклефа: «Кто боится всемогущаго Бога, не дерзаетъ поступать, въ чемъ бы то ни было, противно Евангелію, апостоламъ, пророкамъ и уставамъ св. Отцевъ.» (4) Тамъ же: «Кто живетъ согласно съ закономъ Христовымъ; кто проповѣдуетъ не ложь, не суетное, вымышленное и апокрифическое ученіе, а законъ Христовъ и мнѣнія св. Отцевъ (sed legem Christi et sanctorum Doctorum sententias), тотъ, конечно, посланный Богомъ церковнослужитель. (5) Въ сочи-

---

(1) Ibid. f. 48.
(2) De libris haereticorum legendis, I, 102, на об.
(3) De fidei suae elucidat., I, f. 48, на об.
(4) Mon. Hus. I, 11, на об.
(5) Ibid. 115.

неніи противъ 8 Докторовъ Гусъ говоритъ, что онъ опровергалъ крестовую буллу Іоанна XXIII-го свѣдѣтельствами св. Писанія и св. Отцевъ (dixi, quae mihi ex Scriptura et Sanctorum sententiis occurrerunt)». (1) Тамъ же, «Я вѣрю авторитету св. Учителей Церкви; не полагаюсь на собственный разумъ, а опираюсь на словѣ главы Церкви, Іисуса Христа, св. Апостоловъ и св. Отцевъ.» (2) Вспомнимъ послѣднее слово умиравшаго Гуса къ окружающему народу: «Проповѣдь моя имѣла главною цѣлію возвѣщать людямъ покаяніе и оставленіе грѣховъ, согласно съ ученіемъ Евангельскимъ и толкованіями св. Отцевъ (secundum veritatem Evangelii et expositionem sanctorum Doctorum)». Онъ совѣтовалъ ученикамъ своимъ при чтеніи Библіи прибѣгать къ толкованіямъ св. Отцевъ. Къ магистру Мартину онъ писалъ: «Читай прилежнѣе Библію, и въ особенности Новый завѣтъ. Если встрѣтишь что ни будь непонятное, прибѣгай немедленно къ толкователямъ (statim recurre ad expositores), если только можешь имѣть ихъ подъ руками. Кланяйся вѣрнымъ братіямъ моимъ о Христѣ; сообщи имъ завѣтъ мой поучаться прилежно въ законѣ Господнемъ и смирять мудрованія разума (ut humiliter sapiant), держаться не собственнаго толкованія, а мнѣній Святыхъ (et non utantur glossis propriis, sed Sanctorum)». (3) Вотъ мудрые совѣты, которые Гусъ давалъ своей паствѣ, лишая ее права свободнаго толкованія Библіи, столь щедро расточаемаго Лютеромъ на первыхъ порахъ Реформаціи. И Церковь Гуситская свято хранила завѣтъ основателя. Прекрасно умствуетъ о достоинствѣ церковныхъ учителей знаменитый Утраквистъ и преемникъ ученія Гусова во всей его чистотѣ, Рокицана. «Должно вѣрить Святымъ и суду Каѳолической Церкви въ предметахъ, которыхъ слово Божіе не излагаетъ подробно. Что стали бы дѣлать невѣрующіе, если бы жили во времена апостольскія, когда Евангеліе еще не было возвѣщено вселенной? Они не повѣрили бы проповѣди отдѣльныхъ апостоловъ, на томъ основаніи, что она не нашла еще мѣста въ писаніяхъ Новозавѣтныхъ. Отъ чего же вѣрятъ они Іеронимову переводу Библіи съ Греческаго на Латинскій языкъ? Отъ чего не отвергаютъ и Ветхаго и Новаго Завѣта? Отвергая писанія св. Отцевъ, они впадаютъ въ безчисленныя противорѣчія. Излишнее мудрованіе вовлекаетъ ихъ въ безразсудность, излишняя осторож-

(1) Ad. scr. 8 Doct. 1, f. 293.
(2) Ibid. c. 5, f. 302.
(3) Ep. 28, I, f. 66.

ность въ излишнюю дерзость; остерегаясь обольщенія, они считаютъ обманщиками святыхъ мужей, въ которыхъ живетъ духъ Божій, духъ истины; уклоняясь отъ нихъ, вѣрятъ испорченному разуму и духу лжи, обуявшему ихъ. Христосъ Іисусъ для того именно даровалъ первоначальнымъ святымъ (primis sanctis) духъ Евангельской истины, чтобы мы вѣрили имъ несомнѣнно.» (1) Совершенно другія наставленія давалъ Лютеръ своимъ послѣдователямъ. «Мой совѣтъ молодымъ богословамъ»,—писалъ онъ, въ толкованіи на книгу Бытія, — «читать сочиненія старыхъ учителей съ осторожностію и разборчивостію (mit Bedenken und kalt), потому что они часто даютъ волю воображенію и личному произволу. Не говорю объ нашихъ епископахъ, которые не имѣютъ ничего, кромѣ титула, и заслуживаютъ скорѣе названіе разорителей Церкви. Я разумѣю древнихъ епископовъ, сильныхъ словомъ и дѣломъ (die eines heiligen Lebens und der Lehre sein gewaltig gewesen). Все, что найдешь въ нихъ не согласнаго съ истиной и противорѣчащаго настоящему смыслу, отвергай смѣло, не обольщаясь громкимъименемъ и значеніемъ Отцевъ и Учителей Церкви. Правда, то были великіе мужи, но все же люди, которые могли заблуждаться, и заблуждались. Извѣстно, что между призваніемъ Апостоловъ и святыхъ Отцевъ великая разница. Отъ чего же хотимъ мы писанія св. Отцевъ поставить на ровнѣ съ писаніями «Апостольскими?» (2)

Впрочемъ, если бы мы не знали образа мыслей Гуса о достоинствѣ Церковныхъ учителей, то собственныя сочиненія его, въ которыхъ выписки изъ писаній св. Отцевъ наполняютъ не сравненно большую половину изложенія, служили бы лучшимъ ручательствомъ въ пользу его. Извѣстно, что онъ такъ прилежно изучалъ богословскую письменность, что многое изъ учителей Церкви зналъ наизусть; на пр., въ сочиненіи О вечерѣ Господней, приводя свѣдѣтельства Августина и Григорія Великаго, Гусъ проситъ извиненія читателей, если не передаетъ ихъ буквально, «потому что писалъ въ темницѣ, безъ пособія книгъ». (3) Нѣтъ ни одного писателя Церкви на Востокѣ и Западѣ, который бы не участвовалъ своими твореніями въ духовномъ воспитаніи Гуса. Онъ, можно сказать, вмѣстилъ въ себѣ весь цвѣтъ развитія Восточнаго и Западнаго Христіянства, и трудно сказать, которое изъ нихъ оставило

---

(1) Tractatus M. I. Rokyzanae de 7 Sacramentis Ecclesiae, въ Cochlaei Hist. Hussit., p. 471—472.
(2) Walch, I, Объясн. 1-й гл. Быт. §. 184,—S. 219—221; 339 flg.
(3) De Coena Domini, I, 39, на об.

болѣе слѣдовъ въ сочиненіяхъ; конечно, если принять въ соображеніе послѣдніе итоги, перевѣсъ останется на сторонѣ Запада. Причина естественна. Писанія Восточныхъ учителей становились съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе чуждыми Западной Церкви; Гусъ жалуется, что онъ не могъ достать одного творенія Іоанна Златоустаго, (1) котораго содержаніе, впрочемъ, было ему извѣстно; значитъ, книги этѣ мало по малу переводились на Западѣ, или хранилися въ плохихъ переводахъ Латинскихъ. За то Церковные писатели Запада всѣ были унего подъ руками; между ними и бл. Августинъ, отличившійся самой обильной письменной дѣятельностію, которая обнимаетъ всѣ догматы вѣры и всѣ возможные случаи Христіянской жизни, занимаетъ первое мѣсто: «B. Augustinus, Doctor Ecclesiae praecipuus.» (2) Вообще на Западѣ первенствуютъ четыре учители Церкви (sancti majores Doctores Ecclesiae): Григорій, Августинъ, Амвросій, Іеронимъ (3); изъ Восточныхъ: Діонисій Ареопагитъ, Кипріянъ, Аѳанасій, Евсевій, Кириллъ, Дамаскинъ, Григорій Богословъ, менѣе прочихъ Василій Великій, болѣе всѣхъ Іоаннъ Златоустъ. Уваженіе Гуса къ послѣднему едва ли не превосходитъ уваженіе къ самому Августину. Его изреченіямъ придается особенный рѣшительный вѣсъ; онѣ дѣлаютъ излишнимъ всякое другое свѣдѣтельство. Нельзя опустить безъ вниманія и того обстоятельства, что учителю Запада дается почти всегда названіе блаженнаго, Златоусту почти исключительно названіе святаго. Хотя названія beatus и sanctus въ Латинской Церкви употреблялись безъ различія одно вмѣсто другаго, но такое распредѣленіе ихъ Гусомъ между двумя представителями Востока и Запада было, конечно, слѣдствіемъ привычки, въ которой можно предполагать вліяніе Православія. Вообще, нельзя не видать чего-то особеннаго въ отношеніяхъ Гуса къ свѣтилу Востока всякій разъ, какъ приходится ему объ немъ говорить. Если на обвиненіе Католиковъ, что Гусъ принадлежитъ къ сектѣ Вальдейцевъ, потому что допускаетъ значеніе одной Библіи, отвергая свѣдѣтельства испытанныхъ учителей Церкви, если Гусъ на обвиненіе это отвѣчаетъ, какъ будьто съ намѣреніемъ словами Августина: «И мнѣ самому вѣрить не должно, если сказанное мною не основано на священномъ Писаніи,» то въ другомъ случаѣ

(1) Ad. scr. 8 Doct. c. 7, f. 305.

(2) De sufficientia legis Christi, I, 46;—Ad. scr. Paletz, I, 257, на об. и нѣсколько разъ въ сочиненіи о Церкви.

(3) Ad. scr. 8 Doct., c. 2, f. 294, на об., c. 8, f. 307, на об.

приводя въ доказательство того же Августина и повѣряя его Златоустымъ, онъ, конечно, не безъ умысла прибавляетъ: «Пусть воніетъ, сколько угодно, пусть отвергаетъ, кто осмѣлится, этѣхъ Святыхъ.» (1) Антономазанія, весьма обыкновенная для имени Златоуста: «os aureum, sanctum os aureum,» вмѣсто «Chrysostomus», въ устахъ Гуса получаетъ великую важность. (2) Обращаясь къ нему не такъ часто, какъ къ Августину, Гусъ съ особенной любовію выписываетъ изъ него обширные тексты, какъ будьто любуется его краснорѣчіемъ, соединеннымъ съ истинно необъятною глубиною Христіянской мысли. Онъ смотритъ на Августина, какъ на высшаго догматическаго учителя, посвятившаго себя исключительно ученію вѣры; Златоусту отдаетъ преимущество въ названіи великаго святаго философа, (3) какъ мудрому истолкователю книгъ св. Писанія, какъ боговдухновенному писателю Церкви по преимуществу. (4) Но еще несравненно знаменательнѣе уваженіе къ нему не какъ къ учителю вѣры, а какъ къ свѣтилу Церковныхъ іерарховъ, какъ къ великому пастырю Христіянской Церкви. Названіе великаго святаго патріярха (magnus, sanctus patriarcha) въ устахъ Гуса, громко проповѣдывшаго всемірное равенство Христіянскихъ епископовъ, заключаетъ въ себѣ неложное признаніе первенства его между святителями. (5) Великая заслуга его, по мнѣнію Гуса, состоитъ въ непреклонной твердости духа, съ которой онъ вынесъ гоненіе епископовъ и оградилъ отъ соблазна ввѣренную ему паству. Онъ великъ не столько, какъ мученикъ святыхъ убѣжденій, а какъ добрый подвижникъ и пастырь, который умѣлъ соблюсти невредимыми души словесныхъ овецъ. «Сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе,»—говоритъ Златоустъ, который, вмѣстѣ съ народомъ, ему подчиненнымъ, вынося смиренно отлученіе епископовъ, свободно проповѣдывалъ истину, а народъ слушалъ и, такимъ образомъ, словомъ и дѣломъ свободно защищалъ правду, дабы не сдѣлаться измѣнникомъ истинѣ и не оказаться на Страшномъ судѣ предателемъ Господа Іисуса Христа. (6) Сдѣсь нельзя не замѣтить

(1) Ad. scr. 8 Doct. c. 2, f. 294, на об.—De Decimis, I, f. 130.
(2) De sufficienti legis Christi, I, 47, на об. — Ad. scr. 8 Doct., c. 7, f. 306, etc.
(3) De Decimis, I, f. 130.
(4) Ad. scr. 8 Doct. c. 7, f. 306: «Haec verba (Christi) cum sententia Chrysostomi, qui Domino jussjurante pensaverit».
(5) De Decimis, I, f. 129 на об.
(6) Defensio articul. Vuicleff I, f. 113, на об. — De Decimis I, f, 120, на об. — Replica contra Stokes I, f. 109.

разительнаго сходства съ личными отношеніями Гуса къ народу и Западной Церкви. И онъ наставлялъ свою паству не словомъ однимъ, а преимущественно добрымъ примѣромъ; и онъ полагалъ свою славу въ сочувствіи къ нему народа, въ предохраненіи его отъ ложныхъ ученій, въ добромъ отвѣтѣ за него на Страшномъ Судѣ. Въ одномъ изъ писемъ, посланныхъ изъ Констанцкой темницы, Гусъ извѣщаетъ свою Пражскую паству о сожженіи книгъ своихъ по рѣшенію Собора, и приводитъ на память примѣръ Златоуста. «Хотя два собора іерарховъ провозгласили его еретикомъ, однако, Богъ милосердый по смерти обнаружилъ обманъ. Имѣя предъ глазами этотъ примѣръ, берегитесь оставлять мои книги нечитанными, страха ради человѣческаго, или выдать противникамъ на сожженіе.» (1) Вообще, образъ Цареградскаго патріярха, какъ ревнителя вѣры и обличителя ересей, постоянно носится въ воспоминаніи Гуса; онъ находитъ въ немъ разительныя пророчества о Церкви Латинской. Говоря о различіи между жизнію апостоловъ и новаго духовенства: папъ, кардиналовъ, епископовъ, онъ ссылается на Златоустово толкованіе текста Матѳея: «Внемлите отъ лживыхъ пророкъ (VII, 15), гдѣ описаны внѣшніе признаки ереси и, между прочимъ, сказано слѣдующее: «Подобно тому, какъ обезьяна имѣетъ всѣ очертанія тѣла человѣческаго и во всемъ подражаетъ ему, но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ она была человѣкомъ, такъ и еретики подражаютъ чиноначалію Церкви, но все же далеки отъ понятія Церкви. Вотъ слова Златоуста,»—говоритъ Гусъ,—«и кто сравнитъ его мнѣніе съ словами Спасителя: ««Егда узрите мерзость запустѣнія, стоящу на мѣстѣ святѣ»».... тому не трудно узнать по плодамъ, кого разумѣетъ Іоаннъ Златоустъ подъ именемъ еретиковъ. Богъ вѣдаетъ, какъ велико число обезьянъ, по мнѣнію Златоуста, занимающихъ церковныя должности, которымъ меньшія обезьяны приносятъ поклоненіе подъ именемъ святѣйшихъ отцевъ (tanquam patres sanctissimi et reverendissimi (названіе папы и кардиналовъ).» (2) И такъ, устами Гуса (что въ высшей степени замѣчательно) Восточная Церковь, въ лицѣ высшаго своего представителя, обличаетъ въ ереси свою Западную сестру и прилагаетъ къ ней слово прещенія Евангельскаго.

Въ какомъ смыслѣ Гусъ признавалъ участіе разума въ дѣлѣ вѣры? Не въ смыслѣ свободнаго толкованія Слова Божія, а въ

(1) Ep. 13, 1, 61.
(2) Ad. scr. 8 Doct., c. 7, f. 105, на об., 306.

смыслѣ разумнаго сознанія какой ни будь истины, почерпнутой изъ Евангелія и свѣренной съ толкованіями учителей Церкви. «Я удостовѣрился священнымъ Писаніемъ и Церковнымъ авторитетомъ, слѣдовательно, свѣдѣтельствомъ разума, которое рѣшаетъ сомнѣніе невѣрующихъ. (1) Разумность (rationabilitas) каждаго богословскаго положенія, по мнѣнію Гуса, заключается въ возможности доказать его св. Писаніемъ. Миръ и единство возрастали бы въ Церкви, если бы паства смотрѣла только на истину и повѣряла основательность папскихъ грамотъ закономъ Божіимъ, извлекая отсюда правила, какъ поступать ей разумно (rationabiliter)», потому что въ св. Писаніи заключается вся сила богословскаго доказательства (demonstratio theologica); ему одному подобаетъ вѣра слѣпая, младенческая (humiliter fidem, i. e., credulitatem Scripturae Sacrae adhibeo); слѣдовательно, разумъ въ ученіи Гуса не участвуетъ дѣятельно въ познаніи истины; онъ долженъ только стараться понять смыслъ Писанія; ибо начало послушанія, по Августину, есть желаніе уразумѣть повелѣнное: ««яко мудрымъ глаголю, судите вы, еже глаголю»» (Кор. X, 15). Только тамъ, гдѣ вносится въ дѣло вѣры авторитетъ человѣческій, разумъ вступаетъ въ права своя, повѣряя повелѣнное собственною совѣстію и св. Писаніемъ, по слову апостола: ««Вся искушающе, добрая держите»» (1 Сол. V, 20) (2)

Отъ чисто догматическихъ вопросовъ ученія Гусова, перехожу къ ученію о Церкви въ обширномъ смыслѣ, подробно изложенному въ важнѣйшемъ твореніи его: «De Ecclesia.» Разсужденіе это, вызванное незаконными дѣйствіями Латинскаго духовенства противъ послѣдователей Гусовыхъ въ 1413 году, по назначенію своему препирательное, излагаетъ подробно и съ логической послѣдовательностію понятія Гуса о церкви Вселенской и его отношенія къ папѣ. По времени, когда оно писано, и по цѣли его написанія, оно заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ первое систематическое опроверженіе теоріи папы и лучшее доказательство сочувствія сочинителя къ Греческой Церкви. Наукообразное изложеніе чрезвычайно облегчаетъ изслѣдователю изученіе частныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ его. Изложу содержаніе его въ возможно короткомъ обзорѣ.

«Святая Вселенская Церковь есть сонмъ всѣхъ предопредѣленныхъ отъ вѣка, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Начинаясь

---

(1) «Certificatus sum ex Scriptura et auctoritate Ecclesiae et per consequens ratione, tollenti dubitationem discredentis». De sangu. Domini, I, f. 156, на об.

(2) Ad. scr. 8 Doct., c. 2, f. 296.

съ творенія міра, она, продолжается до суднаго дня, Каѳолическая, потому что члены ея разсѣяны по лицу вселенной. Таинственное тѣло Христово по слову апостола: «Того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его». Она дѣлится на три части: на воинствующую (militans), дремлющую (dormiens) и торжествующую (triumphans). Первая есть сонмъ предопредѣленныхъ, странствующихъ (viantes) на пути къ отчизнѣ; она называется воинствующею по тому, что ведетъ борьбу Христову (exercet Christi militiam) противъ плоти, міра и діявола. Вторая есть сонмъ предопредѣленныхъ, страдающихъ въ чистилищѣ (in purgatorio patiens). Третью составляютъ покоющіеся въ отчизнѣ блаженные, которые на стражѣ Христовой одержали окончательную побѣду надъ діяволомъ. Христосъ, по смиренію своему, посѣтилъ всѣ три Церкви: пупъ земли обитаемой (umbilicum nostrae habitabilis), живя 33 года въ Іерусалимѣ; адъ, въ которомъ очищались отцы (limbum, in quo patres purgati sunt); наконецъ, во славѣ вознесся на небо и сѣде одесную Отца (1). Церковь называется Апостольскою по тому, что Апостолы утвердили ее ученіемъ Христовымъ и собственной кровію. Единство ея основано на единствѣ предопредѣленія, потому что всѣ отдѣльные члены ея составляютъ едино по общенію въ будущемъ блаженствѣ. Это относится къ Церкви на небесахъ, на землѣ же единство ея состоитъ въ единеніи вѣры и любви».

Въ этомъ опредѣленіи Церкви, какъ видно, одни только предуставленные (praedestinati) причислены къ членамъ ея. Предосужденные (praesciti) исключены изъ благодатнаго общенія Церкви, но только въ отношеніи къ будущей жизни. Сдѣсь, на землѣ, они витаютъ съ праведными, потому что Богъ ожидаетъ ихъ обращенія. Царство небесное подобно мрежѣ, закинутой въ море и извлекающей рыбы всякаго рода. Оно призываетъ къ спасенію и мудрыхъ и юродивыхъ, и сильныхъ и немощныхъ; но какъ добрыя рыбы отдѣляютъ отъ прочихъ, такъ избранные пріемлются въ селенія славы, отверженные извергаются во тьму кромѣшнюю. Церковь есть великое гумно, въ которомъ до конца міра пшеница смѣшана съ плевелами, предопредѣленные съ предосужденными.

(1) De Ecclesia, cap. 2. Сдѣсь рѣшаются всякіе споры о значеніи чистилища въ ученіи Гуса. Это наши мытарства. Чистилище Гуса есть вовсе не чистилище Католиковъ; 1) оно соотвѣтствуетъ сошествію Христову во адъ, а Католики сдѣлали строгое различіе между чистилищемъ и адомъ; 2) состояніе душъ по смерти сравнивается съ состояніемъ душъ Ветхозавѣтныхъ праведниковъ, избавленныхъ Христомъ отъ ада.

Но при концѣ видимаго міра Ангелы Божіи соберутъ пшеницу отъ плевелъ. Тогда окажется различіе между членами тѣла Христова и членами діявола.

Какой существенный признакъ условливаетъ различіе между предопредѣленными и предосужденными? Названія этѣ ввели въ заблужденіе Бонньшоза и Гольцгаузена, которые, въ слѣдъ за Констанцкимъ Соборомъ и Лютеромъ, отыскивали въ ученіи Гуса безусловность Благодати въ дѣлѣ спасенія. Это не было анахронизмомъ, потому что знаменитый современникъ нашего Гуса, канцлеръ Парижскій, Іоаннъ Герсонъ, и, нѣсколько прежде его, реформаторъ Англійскій, Виклефъ, задолго до Лютера, защищали въ своихъ сочиненіяхъ ученіе о благодати Августина. Но Гусъ разумѣлъ предопредѣленіе въ настоящемъ Православномъ значеніи этого слова, а именно въ томъ, что Богъ, предвидя, какъ люди будутъ располагать свободною волею, согласно съ предвѣдѣніемъ назначаетъ однимъ награду, другимъ наказаніе, предопредѣляетъ къ блаженству, или предосуждаетъ. Въ этомъ смыслѣ предопредѣленіе существенно противорѣчитъ понятію фатализма или безотчетнаго избранія и отверженія, основаннаго со стороны человѣка на шаткомъ понятіи вѣры. Оно признаетъ свободное дѣйствіе воли, и ставитъ спасеніе въ зависимость отъ образа ея проявленія въ жизни. Гусъ нѣсколько разъ говоритъ, что папа, не исполняющій обязанностей своего сана, не подражающій жизни Спасителя, не только не можетъ быть главою воинствующей Церкви, но, какъ предосужденный, не принадлежитъ и къ числу истинныхъ членовъ ея. Въ отвѣтѣ на 31-ю обвинительную статью, предложенную ему на третьемъ слушаніи Собора, онъ говоритъ, что дурной и предосужденный папа (Papa malus et praescitus) не можетъ хорошо исполнять обязанности своего сана, потому, что для этого необходима чистота нравственная (sit bonus moraliter). Изъ безчисленныхъ примѣровъ, сюда относящихся, можно вывести заключеніе, что Гусъ предопредѣленіе праведника, или предосужденіе грѣшника, ставилъ въ прямую зависимость отъ дѣлъ человѣка. Сильнѣйшее доказательство противъ него заимствовано изъ сочиненія о Церкви, гдѣ, по видимому, защищается мнѣніе, близкое къ ученію Лютера. «Дѣла человѣческія распредѣляются на два отдѣла: на добродѣтельныя и порочныя. Если человѣкъ добродѣтеленъ, то все, что онъ ни дѣлаетъ, есть плодъ добродѣтели; если порочень, то всякое дѣло его—дѣло порочное.» (1) Самъ

(1) «Divisio immediata humanorum operum est, quod vel sunt virtuiosa, vel vitiosa. Patet quia, si

Лютеръ на Лейпцигскомъ пръніи (1) находитъ въ этихъ словахъ подтвержденіе своей теоріи, состоящей въ томъ, что всякое дѣло человѣка, пребывающаго въ состояніи Благодати, угодно Богу; а всякое дѣло, совершаемое внѣ Благодати, хотя бы въ сущности оно было и доброе, грѣхъ предъ Богомъ. Заблужденіе Лютера поддерживалось объясненіемъ этого положенія, предложеннымъ Гусомъ на Констанцкомъ Соборѣ: «Какъ смертный грѣхъ, который мы называемъ порочностію, заражаетъ всѣ дѣйствія человѣка, такъ добродѣтель оживотворяетъ всѣ дѣла праведника до такой степени, что пребывающій въ Благодати, по словамъ Августина, Григорія и другихъ, замаливаетъ и заслуживаетъ (orare et mereri) даже и во снѣ и въ какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ. И въ Евангеліи сказано: ««Если око»», т. е., побужденіе, ««твое будетъ просто»», т. е., чисто отъ примѣси грѣховной, то и ««все тѣло твое»», или совокупность дѣяній, ««будетъ свѣтло»», другими словами, богоугодно. (2) Сдѣсь Лютеръ понятія добра и зла разумѣетъ не въ настоящемъ безусловномъ значеніи ихъ, а разсматриваетъ въ связи съ Благодатію, которая и безразличное дѣло обращаетъ во благо присутствіемъ своимъ въ человѣкѣ, и нравственно доброе дѣло въ богословски порочное, какъ скоро отсутствуетъ въ его совершеніи. Гусъ совершенно напротивъ ставитъ сущность добра, или зла въ практическомъ ихъ проявленіи въ жизни, такъ что навыкъ къ добру, какъ дѣйствующая причина, прелагаетъ человѣка въ состояніе Благодати, и навыкъ ко злу удаляетъ отъ него Благодать. Что Гусъ сообщеніе Благодати считалъ именно слѣдствіемъ усилій человѣка къ ея достиженію, въ этомъ удостовѣряетъ насъ дальнѣйшее развитіе его основной мысли. Онъ ссылается на слово апостола Павла въ I посланіи къ Коринѳяномъ (XVI, 14). «Вся вамъ любовію да бываютъ», и выводитъ изъ него заключеніе: «весь образъ дѣйствованія (totus modus vivendi) по закону любви (per caritatem) есть добродѣтельный, весь образъ дѣйствованія внѣ закона любви (praeter caritatem), порочный, потому что Богъ самъ говорилъ людямъ во Второзаконіи: «Кто сохранитъ заповѣди мои, тотъ благословится въ дому и на пашнѣ, во входахъ и исходахъ, во снѣ и бдѣніи; кто нарушитъ ихъ, тотъ будетъ проклятъ во всякомъ дѣлѣ». И если,

---

homo est vitiosus, et agit quicquam, tunc agit vitiose. Et si est virtuosus, et agit quicquam, tunc agit virtuose». De Ecclesia c. 19, f. 238, на об.

(1) Walch XV, 1131.

(2) Hist. Sanct. Mart., f. 18.

по слову Григорія, и сонъ святыхъ угоденъ Богу, тѣмъ болѣе имѣетъ заслуги дѣйствіе, исходящее отъ воли (quanto magis actio, procedens a voluntate, non vacat merito) и, слѣдовательно, добродѣтельное (et per consequens virtuosa)». Ясно, что достоинство всякаго дѣло, по мнѣнію Гуса, измѣряется усиліемъ воли, приложенной къ его совершенію. Вообще, правильное отношеніе вѣры къ дѣламъ неоднократно высказано Гусомъ. Въ разсужденіи «О десяти заповѣдяхъ» онъ говоритъ, что «такъ какъ безъ вѣры невозможно угодить Богу, то Христіянинъ прежде всего долженъ истинно вѣрить, а потому, познавая заповѣди, совершать ихъ на самомъ дѣлѣ; (1) и въ 8 главѣ сочиненія «О Церкви»: «Грѣшитъ противъ вѣры, кто слабѣетъ въ примѣненіи щита ея къ добродѣтельной жизни; онъ имѣетъ твердую вѣру (habet firmum habitum credendorum), но въ жизни порочной уклоняется отъ совершенія заслуживающаго дѣла (ab actu operis meritorii deficit)». (2)

И такъ, предопредѣленіе Гуса, основанное на заслугѣ человѣка, въ сущности отлично отъ предопредѣленія Лютера, основаннаго какъ мы видѣли выше, на безотчетномъ избраніи Божіемъ. Оно можетъ быть названо предопредѣленіемъ только въ отношеніи къ всевѣдѣнію Божію, которое предусмотрѣло отъ вѣка, кто по дѣламъ своимъ окажется достойнымъ блаженства, кто осужденія; въ отношеніи же къ самому человѣку, оно не болѣе, какъ праведное возмездіе Божіе за дѣла совершенныя Въ фатализмѣ Лютера ожиданіе награды для всѣхъ одинаковой предваряетъ заслугу, отсутствіе которой искупается вѣрой. По мнѣнію Гуса, ни одинъ человѣкъ, безъ особеннаго откровенія свыше, не можетъ знать, написанъ ли онъ въ книгѣ животной: Лютеръ отвергаетъ, какъ признакъ невѣрія, сомнѣніе въ угодности Богу, не только служенія Ему вѣрою, но и лица служащаго. (3) Отсюда понятна закоренѣлая ненависть Лютера къ самому понятію, praedestinatio. (4) Оно предполагаетъ возможность противнаго, а предосужденія Лютеръ не допускалъ, потому что предопредѣленіе вѣры получили у него всѣ Христіяне безъ исключенія. Заблужденіе его перешло къ Протестанскимъ писателямъ, (5) которые считаютъ

---

(1) Mon. Hus. I, f. 29, на об.

(2) Ibid. I, f. 20.

(3) Walch, VIII, Объясн. 14 гл. Іоанна, §. 437, S. 267, и пр.; 15 гл. Іоанна, §. 65—72, S. 245—348.

(4) Walch, XII, §. 6, S. 2361; §. 3, S. 2366,

(5) Holzhausen, I, S. 307 flg.

возможность предосужденія нѣкоторыхъ членовъ Церкви несовмѣстною съ правосудіемъ Существа Всеблагаго. Они видятъ въ немъ недовѣдомое дѣйствіе произволенія Божія, въ слѣдствіе котораго, какой-то Божественной прихотію одни причисляются къ избраннымъ, другіе къ отверженнымъ. Ихъ соблазняетъ особенно утвержденіе Гуса, что «Всевѣдующій Богъ, положившій все мѣрой и вѣсомъ, предуставилъ число спасаемыхъ, которое остается неизмѣннымъ и прежде и послѣ суднаго дня, что Богъ **хочетъ** предопредѣленнымъ доставить вѣчное блаженство, а предосужденныхъ **обрекаетъ** на вѣчный огонь»; (1) что есть, стало быть, люди, которые еще прежде рожденія осуждены на погибель; но они забываютъ, на сколько самъ человѣкъ, злоупотребленіемъ свободной воли, участвуетъ въ исполненіи на немъ праведнаго суда Божія: «Много званныхъ, но мало избранныхъ».

Подробности ученія Гусова приводятъ къ тѣмъ же выводамъ. Предопредѣленіе собственно бываетъ одно, приводящее къ вѣчному блаженству (gratia consummata secundum praedestinationem) людей, если не вовсе безгрѣшныхъ, то, по крайней мѣрѣ, свободныхъ отъ грѣха смертнаго. Они находятся въ постоянномъ благодатномъ соединеніи съ Богомъ, которое Гусъ называетъ коренной Благодатію (gratia radicalis); предосужденіе также бываетъ одно для людей, заслужившихъ его смертными грѣхами и, слѣдовательно, находящихся внѣ Благодати. Но къ числу предуставленныхъ (praedestinati) принадлежатъ и тѣ грѣшники, которые раскаяніемъ, или особеннымъ дѣйствіемъ милости Божіей, возвратились въ лоно Церковное: таковъ Павелъ, прежде гонитель Христа, потомъ избранный апостолъ; таковъ Петръ, отлучившій себя на время отъ Церкви трикратнымъ отверженіемъ и очистившій грѣхъ свой слезами. Есть другіе люди, которые сдѣсь, на землѣ, удостоились особеннаго избранія Божія (gratia secundum justitiam praesentem), но, по недостатку долготерпѣнія, не достигли вѣнца; въ нихъ состояніе преходящей благодати (gratia fluens adventicia) уступаетъ предвѣчному осужденію. Самый яркій примѣръ: отступникъ Іуда, которому званіе апостола не помѣшало навлечь на себя осужденіе сына погибельнаго. Вездѣ на первомъ планѣ въ

---

(1) «Deus omnisciens, qui omnia in mensura, pondere et numero posuit, praefinivit, quot homines finaliter sunt salvandi». De Eccl., c. I, f. 197, —cap. 4, f. 203, на об. «Deus praescitum vult habere ignem perpetuum»; c. 4., f. 205, на об.

ученія Гуса собственная заслуга, которая привлекаетъ избраніе; но послѣднее сокрыто отъ взоровъ человѣческихъ, потому что внѣшніе признаки слишкомъ обманчивы. Отсюда Церковь въ собственномъ смыслѣ составляетъ таинственное тѣло Христово, въ которомъ до конца видимаго міра равномѣрно участвуютъ всѣ земнородные, одинаково призываемые къ спасенію, пока Страшный Судъ не отдѣлитъ овецъ отъ козлищъ. (1)

Посмотримъ теперь, что такое Христіянская Церковь въ ученіи Лютера. «Церковь Лютера также разсѣяна по всему пространству вселенной; не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, она есть единая; ее составляютъ всѣ вѣрующіе въ Бога Отца Всемогущаго, въ Іисуса Христа, распятаго за насъ и воскресшаго; однообразно возсылающіе къ Богу молитву Господню, имѣющіе одинаковое слово и Таинства, живущіе въ однихъ и тѣхъ же святыхъ состояніяхъ. (2) Церковь называется общеніемъ святыхъ (communio Sanctorum), потому что кто вѣруетъ во Христа, становится святъ, какъ и онъ самъ; онъ усвоенъ Христу и освященъ Его кровію. Крещеніе и вѣра прививаетъ его ко Христу; онъ приноситъ плоды не свои, а Христовы. Уста и языкъ его, исповѣдающіе слово Божіе, суть языкъ и уста Богочеловѣка; рука, простертая на служеніе ближнему — десница Христова. Отъ того всѣ члены Церкви, и грѣшные и праведные, равны предъ Богомъ. Только еретики, Донатисты и Манихеи, Оригенъ, Іеронимъ и Паписты населяли Церковь святыми безгрѣшными, дабы она не имѣла ни порока, ни скверны. Но Церковь во временной жизни имѣетъ только начатки, а не исполненіе духа. Только на небѣ, по словамъ Августина, ожидать можно той Церкви, которая не нуждается въ молитвѣ Господней: «И остави намъ долги наша». Возродившись въ новую жизнь, мы стали наслѣдниками обѣтованія; мы равны апостоламъ Петру и Павлу, равны Богоматери и всѣмъ святымъ въ достоинствѣ и чести; и имъ надобно было возродиться; Спасителю также дорого стоило мое искупленіе, какъ искупленіе апостоловъ. Прежде того они также низко стояли, какъ и прочіе люди; послѣ того мы вознеслися также высоко, какъ и они. Сила Благодати въ насъ одинакова; они превзошли насъ единственно въ вѣрѣ. Богъ допускаетъ паденія въ святыхъ,

(1) См. de Ecclesia, стр. 3—6.—Третій допросъ Гуса въ Hist. Sanct. Mart., статьи 1 — 8, f. 15, на об., 16.

(2) Walch, VIII, Объясн. 16 гл. Іоанна, §. 20, S. 488; XII, §. 22, S. 1180.

чтобы показать, что и они такой же плоти и крови, какъ и прочіе люди, чтобы мы не отчаявались. Утѣшительны паденія святыхъ *для* измученныхъ совѣстей, грозны *для* лицемѣровъ. Моисей, Самсонъ, Давидъ, Петръ и Павелъ, и другіе великіе мужи, исполненные Духа Святаго, падаютъ тяжко; Іовъ и Іеремія проклинаютъ день рожденія; Илія и Іона, наскучивъ жизнію, просятъ смерти у Бога. Нѣтъ такаго паденія, которое не могло бы искупиться возстаніемъ; нѣтъ такого крѣпкаго стоянія, которое бы не было близко къ паденію. Унижаясь предъ святыми, какъ земля передъ небомъ, мы оскорбляемъ величіе Божіе и слишкомъ приближаемъ ихъ ко Христу. Всѣ люди грѣшники; Богъ одинъ Святъ, и мы вѣрующіе святы, потому что Христосъ за насъ освятилъ насъ и облекъ насъ въ свою святость. Между членами Церкви различія нѣтъ. Образецъ Христіянина—мытарь Евангельскій. Церковь свята не безгрѣшностію членовъ, а потому что ей дано право вѣрить въ отпущеніе грѣховъ. Вся святость ея въ Іисусѣ Христѣ, а не въ ней самой». (1)

Въ 7-й Главѣ de Ecclesia Гусъ начинаетъ борьбу противъ Западной Церкви, для насъ особенно важную по отношенію къ Греческой.

«Если Христосъ одинъ глава св. Церкви вселенской, а всѣ предопредѣленные—таинственое тѣло ея»,—такъ начинаетъ Гусъ,—«то остается рѣшить, Римская ли Церковь (въ тѣсномъ значеніи) есть эта самая вселенская Церковь, невѣста Христова? Конечно, если вѣрить Буллѣ: «Extravagans» папы Бонифація VIII, гдѣ сказано: «Церковь единая, имѣетъ единое тѣло, единую главу (а не двѣ, какъ чудовище) Христа, намѣстника Христова Петра, и преемника Петрова, по слову Спасителя: ««Паси овцы моя, (всѣхъ безъ изъятія)»»; и такъ если Греки, или другіе народы, не признаютъ себя ввѣренными апостолу Петру и преемникамъ оного, то они тѣмъ самымъ не признаютъ себя паствой Христовой, по словѣ, Спасителя: ««Едино стадо и единъ пастырь.»» А потому объявляемъ»,— такъ кончается Булла,—

(1) Walch, IX, объясн. 1 гл. 1 Петр., §. 64, S. 669; 2 гл. §. 57, S. 724; — 1 гл. 2 Петр. §. 39, S. 855; — 2 гл. 1 Іоан. §. 63, S. 962; — VIII объясн. 15 гл. Іоанна, §. 85, S. 358; — V объясн. 51 и 117 Псал. IX объясн. 1 гл. Галат. §. 19, S. 27 — VIII, объясн. 5 гл. Галат. §. 258, S. 2746; — IX объясн. 1 гл. 1 Петр. §. 15, S. 638; — III, объясн. 27 гл. Быт. §. 24—26, S. 650; — IV, объясн. 8, Петр. §. 83—85, S. 796; — VIII объясн. 2 гл. Галат. §. 110 — 115, S. 1774—1776; — V, 51, Псал. §. 55, S. 724 sqq. — VIII объясн. 14 гл. Іоанна, §. 373, S. 226; — 15 гл., §. 89, S. 301.

что подчиненіе Римскому первосвященнику есть необходимое условіе спасенія всякой душѣ человѣческой.

«Заключеніе ложное»,—отвѣчаетъ Гусъ;—«ибо Римская Церковь, по ученію Латинскихъ лжемудрецовъ, имѣетъ главой папу, а тѣломъ — коллегію кардиналовъ. Но такая Церковь не есть Святая Каѳолическая и Апостольская, потому что папы и кардиналы далеко не включаютъ въ себѣ всецѣлаго сонма предопредѣленныхъ».

Замѣтимъ исходную точку всего препиранія Гуса. Онъ берется доказать ложность Бонифаціевой Буллы, которая распространяетъ владычество Западной Церкви надъ всѣми частными, между прочимъ и надъ Греческою. Главная цѣль его отстоять настоящее значеніе Вселенской Апостольской Церкви, но съ особеннымъ указаніемъ на Восточную ея половину. Перехожу къ подробностямъ.

Первенство Западной Церкви основано на извѣстномъ обѣтованіи, данномъ Спасителемъ Апостолу Петру: ««Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго.»» (Матѳ. XVI, 18—19).

Оспоривая это мнимое первенство, Гусъ, что весьма замѣчательно, старается изъ самыхъ Декреталій извлечь доказательства, что подъ именемъ Церкви Христовой, необоримой для ада, разумѣется не Латинская, какъ частная община, а Церковь Вселенская, которой отдѣльныя части равны между собою. Вотъ разсужденіе Гуса:

«Св. Петру, представителю Церкви Вселенской (gerenti Universalis personam ecclesiae), на исповѣдь вѣры: ««Ты еси Христосъ, сынъ Бога живаго,»» Спаситель отвѣчалъ обѣтованіемъ блаженства ему и всей Церкви (Petro et soli S. Ecclesiae) за смиренное и постоянное исповѣданіе Божества Сына Божія. Изъ словъ Спасителя явствуетъ, что Церковь эта едина Христова, святая, по Гречески καθολική, по Латинѣ universalis, сверхъ того ἀποστολική, какъ основанная на камнѣ Христѣ, и утвержденная ученіемъ и смертію апостоловъ.

Эта самая Церковь, говоритъ Гусъ, по моему мнѣнію и называется Римскою. Ибо сказано въ Декреталіяхъ (dist. 21): ««Хотя частныя Церкви по всей вселенной составляютъ единую невѣсту Христову, однако св. Римская Каѳолическая и Апостольская многими соборными постановленіями вознесена надъ всѣми другими; она не имѣетъ скверны, или порока, но благодатію Божіею никогда не удалялась отъ преданій Апостольскихъ, и не подчинялась

еретическимъ ученіямъ». Сдѣсь, очевидно, подъ именемъ Римской разумѣется Латинская Церковь въ тѣсномъ значеніи; но Гусъ притворяется непонимающимъ; онъ переноситъ это названіе на Церковь вселенскую, основываясь на противорѣчіяхъ въ самихъ Декреталіяхъ. «Если Римская Церковь не должна имѣть ни порока, ни скверны», — говоритъ Гусъ, — «то она, конечно не папа съ коллегіей и со всею ихъ челядью (cum sua familia et suis domesticis), потому что мы знаемъ изъ самихъ Декреталій, что папа можетъ грѣшить, и нерѣдко грѣшилъ (19 dist. Anastasius и 40 dist: Si Papa); на пр., какимъ образомъ могла бы пребыть непорочной эта мнимая Римская Церковь въ лицѣ извѣстнаго папы Іоанна (Агнесы), родившаго на папскомъ престолѣ? Что сказать и о другихъ папахъ еретикахъ и низложенныхъ за разнаго рода злодѣйства (enormitates)?

Иронія Гуса торжествуетъ въ заключительной мысли. «И такъ, если по Декреталіямъ Римская Церковь имѣетъ первенство надъ всѣми другими, то ясно, что она-то и есть всецѣлая Церковь воинствующая, которую Богъ возлюбилъ преимущественно предъ каждой отдѣльною частію. Мы вѣруемъ, что она наша матерь, разсѣянная по всѣмъ племенамъ и языкамъ, какъ Декреталіи учатъ согласно съ св. Отцами. Она-то въ пѣсни Амвросія и Августина исповѣдуетъ Бога по всей вселенной; объ ея умиреніи, храненіи и единеніи, непрестанно молимся въ первой ектеніи литургіи (in canone missae primo). Впрочемъ, не отвергаю», — прибавляетъ онъ, въ видѣ уступки, — «что между отдѣльными ея членами въ порядкѣ чиноначалія (in comparatione majoritatis) первенствуетъ папа съ коллегіей, но въ такомъ только случаѣ, если онъ, отклоняя самолюбивое исканіе первенства, служитъ матери своей дѣйствительнѣе и смиреннѣе прочихъ. Въ противномъ случаѣ онъ становится преемникомъ Іуды предателя, и коллегія прямо противоположна смиренному сонму Апостоловъ.» (1)

На какомъ основаніи Вселенская Церковь получила названіе Римской? Въ рѣшеніи этого вопроса Гусъ обнаруживаетъ особенное сочувствіе къ церковной исторіи и уваженіе къ преданіямъ Церкви первоначальной, утвердившей за Римскимъ патріархомъ право старѣйшинства въ засѣданіяхъ соборныхъ.

«Прежде Римскою Церковію называлась собственно община вѣрующихъ, находившаяся въ повиновеніи Римскаго епископа! въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ и Антіохійская, Алексан-

(1) De Ecclesia, cap. 7; cap. I, f. 196 на об., строка 8.

дрійская и Константинопольская (признаніе четырехъ патріяршествъ). Въ этомъ частномъ значеніи общины извѣстной страны, или города, встрѣчается названіе Церкви въ писаніяхъ Апостольскихъ: I Петр. I, 1; V, 13; Рим. XVI, 16, 23; 1 Кор. I, 2; I Солун. I, 1 и пр. Христіянская Цекровь началась въ Іудеѣ, и первая церковь называлась Іерусалимскою (Дѣян. VIII, 1); вторая была Антіохійская, основанная св. Петромъ, утвержденная Варнавой и Павломъ, и имя учениковъ впервые замѣнено въ ней именемъ Христіянъ (Дѣян. XI, 25, 26). И такъ св. Церковь Христова процвѣтала первоначально въ Іерусалимѣ, во время странствованія Христа и апостоловъ, потомъ въ Антіохіи, подъ предсѣдательствомъ (tempore cathedrationis) св. Петра, потомъ уже въ Римѣ, во время проповѣди и страданій апост. Петра и Павла. И потому хотя Церковь Христова началась въ Іудеѣ, и глава Церкви, Христосъ, пострадалъ въ Іерусалимѣ, но названіе Римской перешло на всю Церковь разумно по тремъ причинамъ: 1) Христосъ зналъ, что язычники, находившіеся подъ Римскимъ владычествомъ, сядутъ на мѣстѣ Іудеевъ, упорно отринувшихъ благодать (Рим. XI, 1). 2) Ни одинъ городъ не можетъ выставить такого многочисленнаго воинства мучениковъ, откуда названіе мѣста перешло на поборниковъ. Прилично было Церкви, которой многія отдѣльныя части зародились въ Римѣ, и которая сама возрастала побѣдно между язычниками, назваться именемъ столицы языковъ священнаго Рима. 3) Богъ хотѣлъ показать, что ни мѣсто, ни древность, но утвержденіе вѣры полагаетъ основаніе Церкви. Въ противномъ случаѣ Церковь должна бы называться по имени древнѣйшихъ столицъ. Впрочемъ, если не ради мѣста языкъ, на языка ради мѣсто Господь избра (2 Маккав. V, 19), то совершенно все равно называть Церковь Христову по имени каждаго мѣста, въ которомъ живутъ вѣрующіе. Какъ и самъ Христосъ, Назорей по зачатію, могъ бы называться Виѳлеемскимъ по рождеству, Капернаумскимъ по множеству, совершенныхъ въ Капернаумѣ, чудесъ, Іерусалимскимъ по славной страсти и воскресенію». (1)

Весьма замѣчательно это уваженіе Гуса къ Риму апостольскому, возрастающее по мѣрѣ отвращенія къ папскому. Какъ скоро Гусъ заговоритъ о послѣднемъ, продолжается таже иронія, которую мы замѣтили выше въ разборѣ Декреталій. Въ 12-й главѣ,

(1) Cap. 7, 207—208.

послѣ разныхъ отступленій, онъ возвращается снова къ Бонифаціевой Буллѣ. «Справедливо»,—говоритъ онъ,—«заключеніе Буллы, что подчиненіе Римскому первосвященнику есть необходимое условіе спасенія для всякой души человѣческой, потому что никто не можетъ спастись, не признавая надъ собой власти Іисуса Христа, а онъ-то и есть настоящій Римскій первосвященникъ (Romanus Pontifex), какъ глава вселенской и всѣхъ частныхъ Церквей (I Петр. II, 25; Евр. VII, 23—27). Вотъ святѣйшій верховный Римскій епископъ, ««сѣдящій одесную Отца и всегда съ нами сый, во вся дни до скончанія вѣка»». Онъ, какъ Богъ неописанный, всюду являетъ свое присутствіе; Онъ креститъ Духомъ Святымъ и «вземлетъ грѣхи міра» (Іоан. 1, 29); Онъ связываетъ бракъ неразрывно (Матѳ. IX); Онъ поставляетъ священниковъ (Апок. 1, 6,); Онъ совершаетъ Таинство Евхаристіи (Луки XXII, 19); Онъ укрѣпляетъ вѣрныхъ обѣтованіемъ: ««Азъ дамъ вамъ уста и премудрость, ей же не возмогутъ противовѣщати вси, противляющіися вамъ»» (Лук. XXI, 15); Онъ пасетъ овецъ своихъ словомъ, примѣромъ и тѣломъ своимъ; Онъ неусыпно стоитъ на стражѣ паствы своей, и ««не воздремлетъ, храняй Израиля»». Онъ уготовилъ намъ легкій путь къ отчизнѣ. Онъ истинный папа, ««отецъ будущаго вѣка, чудный совѣтникъ»». У насъ нѣтъ другаго первосвященника, потому что: 1) человѣчество Іисуса Христа неподчинено ни какому земному начальству. Богъ даровалъ ему имя, ««еже паче всякаго имени, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ, и земныхъ и преисподнихъ»». 2) Богоматерь, Креститель, ап. Петръ со всѣми святыми на небѣ, естествомъ человѣки, не подлежали иному первосвященнику, и папа Климентъ слишкомъ далеко простеръ свою власть, когда Буллою повелѣваетъ Ангеламъ неба ввести въ вѣчное блаженство освобожденную имъ отъ чистилища душу богомольца Римскаго, чтобы не сдѣлалась она добычею ада. Не такъ возносились апостолы, на прим., великій Боговидецъ и возлюбленный ученикъ Христовъ, который, конечно, стоитъ выше нынѣшнихъ папъ, и особенно Климента, не повелѣвать хотѣлъ Ангелу, а, падши къ ногамъ его, поклониться ему, и Ангелъ, возбраняя ему, велѣлъ кланяться одному Богу.

Апостолъ, въ 7 и 9 гл. Посл. къ Евреямъ, раскрывая черты священства Христова, указываетъ въ немъ верховнаго первосвященника и пастыря душъ, въ которомъ находитъ свое довершеніе (consummatio) все множество прочихъ священниковъ. Вотъ почему и апостолы не дерзали именовать себя святѣйшими папами,

главами Церкви Вселенской, или всемирными первосвященниками, но, имѣя съ собою верховнаго первосвященника до скончанія вѣка, смиренно называли себя рабами Христовыми и служителями Церкви, и этотъ святой обычай сохранялся до времени Григорія Великаго. Въ одномъ изъ декретовъ своихъ (dist. 92) онъ говоритъ: «Въ заглавіи грамоты вашей вы приложили мнѣ гордое названіе ««вселенскаго папы»». Прошу Святѣйшество ваше впредь не оказывать мнѣ чести неподобающей. Не въ громкомъ имени, а въ праведной жизни, я ищу своей славы, и не считаю честію отличіе, въ которомъ братья мои унижаются. Честь моя — есть слава Церкви Вселенской, честь моя есть крѣпкое стояніе братьевъ. Меня почитаютъ достойно, когда каждому отдѣльному члену воздаютъ должную почесть. Оставимъ слова, воздымающія личность (quae unitatem inflant) и оскорбляющія любовь». Не такъ думаютъ новѣйшіе первосвященники, въ которыхъ сознаніе неправды усиливаетъ гордость. Не даромъ Африканскій соборъ (dist. 99) положилъ, чтобы епископъ старшаго патріярхата не назывался ни главою священниковъ, ни верховнымъ священникомъ, и подавно не величался Вселенскимъ, или Римскимъ, первосвященникомъ. Теперь все это пришло въ забвеніе отъ гордости папы, отъ лести и алчности подданныхъ, отъ слѣпаго обольщенія простаго народа». (1)

Опредѣливши значеніе Церкви Вселенской, Гусъ точнѣе разбираетъ вопросъ о мѣстѣ, занимаемомъ въ немъ Римскою каѳедрою, папою и кардиналами: разбираетъ его отрицательно, въ видѣ опроверженія осьми докторовъ Богословскаго факультета; утвердительно, въ идеѣ о равенствѣ всѣхъ епископовъ.

Папа не есть глава Церкви, и коллегія кардиналовъ не есть тѣло Церкви Вселенской, потому что предопредѣленіе, дающее право быть членомъ ея, скрывается въ тайнѣ предвѣдѣнія Божія. Стало быть, папа и подавно не можетъ называться главою не только Вселенской, но и какой ни будь частной, а развѣ служителемъ Церкви и намѣстникомъ Христовымъ, если онъ достойно исполняетъ обязанности своего сана и подражаетъ нравамъ и жизни Апостола.

На возраженіе, что папа есть видимая или тѣлесная глава Церкви, а Христосъ невидимая, Гусъ отвѣчаетъ, что «это замѣчаніе праздное. Должно прежде доказать, что папа дѣйствительно

(1) Cap. 12. f, 218—219.

можетъ быть главою Церкви, и что Христосъ есть глава только невидимая, тогда какъ мы знаемъ, что Онъ принялъ на себя плоть человѣческую и обѣщалъ Апостоломъ пребывать съ ними вѣчно. Онъ гораздо ближе къ намъ, нежели папа, отдаленный на цѣлыя сотни миль, и управляетъ воинствующей Церковію безъ препятствій мѣстнаго разстоянія и безъ временнаго начальника, папы. Любопытно было бы предложить докторамъ рѣшеніе вопроса, была ли дѣйствительно папша Агнеса главою Церкви, какъ думало современное духовенство, или Церковь два года слишкомъ оставалась *'ακέφαλος*? И какъ бываетъ она безъ главы въ промежутокъ отъ смерти одного папы до избранія новаго? Послѣднее противники объясняютъ нелѣпостію: «какъ одушевленное сложное тѣло можетъ прожить безъ головы короткое время, сохраняя жизненныя силы, такъ и Церковь безъ папы». Нѣтъ! Церковь безъ главы оставаться не можетъ, потому что глава ея и есть Спаситель выше всѣхъ, Церкви, которая есть тѣло его, управляющій ею непогрѣшительно, сообщающій ей духовное движеніе и смыслъ. Нѣтъ причины, чтобъ Церковь, которая въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ при Агнесѣ пребыла безъ главы, не теряя благодатнаго соединенія со Христомъ, въ лицѣ многихъ отдѣльныхъ членовъ, чтобы Церковь и болѣе продолжительное время не пребыла обезглавленною лишеніемъ папы, потому что Христосъ и безъ этихъ чудовищныхъ главъ можетъ лучше управлять Церковію черезъ вѣрныхъ священниковъ своихъ, разсѣянныхъ по лицу вселенной. Вообще, Христосъ есть самая достаточная глава Церкви, что доказало трехсотлѣтнее ея процвѣтаніе до начала владычества папскаго». (1)

Кардиналы не составляютъ тѣла Каѳолической Церкви, потому что это послѣднее состоитъ изъ цѣлаго сонма предопредѣленныхъ. Апостолъ въ 1-мъ Посл. къ Коринѳяномъ (гл. XII, 12 и сл.), говоря о единствѣ тѣла Христова, не ограничиваетъ его одними апостолами, вычисляя разныя степени Христіянскихъ подвижниковъ, сравниваетъ ихъ съ различными членами тѣла человѣческаго. Не лучше ли главою Церкви назвать І. Христа, отдѣльныхъ предопредѣленныхъ членами, а всю совокупность ихъ тѣломъ Церкви Вселенской, держась мудраго Августинова слова: «То, конечно, не тѣло Господне, что не пребудетъ съ нимъ вѣчно»; а мы не знаемъ, сохраниться ли вѣчно коллегія кардиналовъ, и дай Богъ, чтобъ отдѣльные члены ея

(1) Ad scr. Stan. I, f. 277, на об., 283, на об.

еще причтены были къ тѣлу Церковному. Если блаж. Августинъ боялся оскорбить величіе Божіе, называя Христа человѣкомъ Господнимъ, то не гораздо ли оскорбительнѣе для величія сына Божія называть человѣка главою воинствующей Церкви, когда это имя предоставлено, какъ неотъемлемая собственность, второму лицу Св. Троицы? Какъ имѣютъ ученые, не опираясь на словѣ Божіемъ, величать папу главою, а коллегію тѣломъ, когда Христіянину достаточно вѣровать, что есть единое братство спасаемыхъ силою заслуги Богочеловѣка, главы Церкви Вселенской, не прибѣгая непосредственно къ какому бы то ни было верховному намѣстнику его на землѣ? Такъ многіе спаслись въ Іудеи, Ефіопіи, Азіи вѣрою во Христа по ученію апостольскому, хотя и не признавали главою св. Петра, или даже и вовсе не слыхали о немъ».

Какое же мѣсто, по мнѣнію Гуса, занимаетъ Римская Церковь въ ряду прочихъ Церквей, и папа съ кардиналами въ ряду прочихъ епископовъ?

По ученію Гуса, «всѣ епископы Церкви Вселенской равны между собою». Доказательство можно прочесть въ сочиненіяхъ о Церкви противъ Палеча и Станислава. Онѣ особенно важны, какъ излагаемыя съ очевиднымъ намекомъ на Восточную Церковь. Приведу ихъ сокращенно.

«Два текста Писанія, на которыхъ Латинская Церковь основываетъ первенство ап. Петра предъ прочими: 1) ««Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь мою»», и 2) ««Паси овцы моя»». Гусъ опровергаетъ, основываясь на древнихъ Церковныхъ учителяхъ. Что касается перваго, онъ держится совершенно буквально толкованія блаж. «Августина. Прежде всего», — говоритъ онъ, — «самъ Спаситель Христосъ есть то основаніе или краеугольный камень, на которомъ построена Церковь (Іоанн. XV, 5; Лук. VI, 48; 1 Кор. III, 11; X, 4). На немъ, какъ на положенномъ основаніи, апостолы продолжали ее созидать. Это основаніе и есть тотъ камень правды, о которомъ сказалъ Христосъ: ««На семъ камени созижду Церковь мою»», т. е., на семъ камени, котораго ты исповѣдалъ, называя меня сыномъ Бога живаго, на мнѣ самомъ созижду Церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей. Не слово petra образовалось изъ Petrus, а на оборотъ, точно также какъ имя Христіянинъ произошло отъ Христа, но не обратно Если бы названіе камня относилось къ апостолу, Христосъ сказалъ бы ему: «« Ты еси

petra, а не Petrus»». Такимъ краеугольнымъ камнемъ сами апостолы прямо называютъ Христа (1 Пет. II, 4). (1)

Что касается втораго, то Гусъ возражаетъ, что и это доказательство болѣе говоритъ противъ папы, нежели въ пользу его. Христосъ, сказавъ Петру: «Паси овцы моя», ни мало не даетъ ему права быть главою Церкви, а только пастыремъ словесныхъ овецъ, какъ примѣромъ жизни, такъ и словами ученія, но овцы тѣмъ не менѣе остались Христовыми. По этому самъ апостолъ именуетъ себя не болѣе, какъ старцемъ и служителемъ Христовыхъ страстей (1 Петр. Y, 1). (2) Притомъ, Христосъ не поручаетъ ему всѣхъ овецъ своего стада, потому что до многихъ изъ нихъ во времена апостольскія ни слово проповѣди, ни примѣръ добродѣтельной жизни Петровой не дошелъ ни посредственно, ни непосредственно. Онъ пасъ немногихъ овецъ дому Израилева, которыхъ обратилъ къ покаянію словами пророческими. Онъ пасъ еще словесное стадо Христово въ Антіохіи и въ Римѣ, не всѣхъ, а тѣхъ только, которыхъ Христосъ непосредсвенно покорилъ его проповѣди. И такъ какъ нельзя заключать: ««Петръ пасъ овецъ Христовыхъ, слѣдовательно: Петръ пасъ всѣхъ овецъ безъ изъятія»», такъ точно не слѣдуетъ: ««Римскій епископъ есть пастырь словеснаго стада, слѣдовательно, Римскій епископъ пасетъ все стадо Христово»». Отъ такого пасенія не былъ исключенъ ни одинъ изъ апостоловъ, включая Павла и исключая Іуду». (3)

Изъ прочихъ доказательствъ о равенствѣ власти апостоловъ важнѣйшія слѣдующія:

«Полнота власти», — говорятъ доктора, — «не можетъ раздробляться между многими лицами, изъ которыхъ каждое имѣло бы первоначальную и верховную полноту власти управлять и пасти словесное стадо. Но мы болѣе вѣримъ славному мученику, Кипріяну, котораго высоко уважалъ Августинъ (24 q. 1 cap.), что Христосъ, по воскресеніи своемъ, далъ равную власть всѣмъ апостоламъ, а по смерти ихъ на мѣсто ихъ возстали епископы. И такъ не сомнѣнно, что всѣ апостолы получили отъ Христа одинаковую полноту власти, въ правѣ вязать и рѣшить и исправлять всякое духовное дѣло въ Церкви воинствующей. Потому что обѣтованіе Спасителя: ««Елико аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси»», дано было сообща

(1) De Ecclesia, c. 9, f. 209—210.
(2) Ad. scr. Paletz, I, f. 257, на об.
(3) Ad. scr. Stan. I, f. 282.

всѣмъ апостоламъ (Матѳ. XVIII, 18). Въ противномъ случаѣ Онъ не сталъ бы посылать ихъ по одиначкѣ на проповѣдь въ отдаленныя области. Ибо прочіе апостолы не относились къ Петру, какъ верховному представителю власти Церковной, изъ своихъ участковъ. Напротивъ, изъ повѣствованія Павлова (Галат. II, 6 — 15), видно: 1) что Богъ не пріемлетъ лица человѣка; и Петръ не могъ получить преимущественной власти предъ другими апостолами, на томъ основаніи, что онъ былъ епископомъ Римлянъ. 2) Что Петръ, Іяковъ и Іоаннъ, мниміи столпы, т. е., пользовавшіеся особеннымъ уваженіемъ между учениками, ничто же привозложиша ап. Павлу, т. е., что не они сообщили ему власть и умѣнье Евангельской проповѣди, и что Павелъ, по собственному сознанію, проповѣдывалъ безъ позволенія Петра. 3) Что между апостолами не бывало въ ходу отличія свѣтскаго и названія святѣйшихъ отцевъ. Такъ Іяковъ, епистокъ Іерусалима, прославленный смертію, не даромъ ставится выше Петра, и верховные апостолы: Іяковъ, Петръ и Іоаннъ, исповѣдали Варнаву и Павла своими братьями, и дали имъ десницы общеніе, не называя себя ихъ главами, владыками или учителями. 4) Павелъ изъ ревности противусталъ въ лице Петру, убѣдившись, «яко зазоренъ бѣ», и защищалъ противъ него Евангельскую свободу Церкви. Не должно опускать безъ вниманія: 1) что Петръ не дерзнулъ самовластно назначить Матѳія, а вмѣстѣ съ другими апостолами и другими святыми молился, чтобы Господь показалъ ему, кого должно выбрать (Дѣян. I, 23 — 26); 2) на соборѣ апостольскомъ Іяковъ подаетъ свое мнѣніе независимо отъ св. Петра: «изволися апостоломъ и старцемъ со всею Церковію» (XV, 6, 22); 3) апостолы въ Іерусалимѣ услышавъ, что Самарія приняла слово Божіе, послали къ нимъ Петра и Іоанна (VIII, 14), для утвержденія народа въ вѣрѣ. А нынѣ откажется ли преемникъ Петровъ отъ самовластнаго избранія епископовъ, неизвѣстныхъ народу, безъ вопрошенія Божія? Подчинитъ ли мнѣніе свое другому епископу? Согласится ли быть посланъ однимъ изъ своихъ кардиналовъ, прообразующихъ прочихъ апостоловъ, на проповѣдь Евангельскую въ Чехію, съ которой онъ болѣе получаетъ доходу, нежели Петръ получалъ съ Самаріи?» (1)

Ап. Павелъ, въ 1 гл. Посл. къ Галатамъ, свѣдѣтельствуетъ, что онъ, по обращеніи своемъ, не тотчасъ пошелъ въ Іерусалимъ къ

(1) Ad. scr. Stanislai, c. 4, I. f. 280—281.

первѣйшимъ его апостоламъ и проповѣдывалъ въ Аравіи. Не прежде какъ черезъ три года вошелъ онъ въ Іерусалимъ, дабы видѣть Петра, и пробылъ тамъ 15 дней, но никого не видалъ изъ апостоловъ, кромѣ Іякова, Брата Господня. Потому что, какъ самъ говоритъ, онъ сдѣланъ апостоломъ ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ, отъ котораго принялъ благовѣствованіе въ непосредственномъ откровеніи (I, 1, 11, 12), «споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова ему въ языки» (II, 8). Равно и Ѳома поставленъ въ епископы Индіи самимъ Іисусомъ Христомъ. Такъ и прочіе апостолы получили призваніе викаріята непосредственноотъ самаго Господа. Потому что Христосъ, когда возносился на небо, всѣмъ вмѣстѣ сказалъ: «Шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари (Марк. XVI, 15). Дадеся ми всяка власть на небеси и на земли; шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ, и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь». (Матѳ. XXVIII, 18—20).

Источникъ Благодати и Святѣйшая Глава Церкви не наложилъ на членовъ ея тяжкой обязанности обращаться за 1000 миль къ прибѣжищу, о которомъ доктора суесловятъ; напротивъ, онъ разослалъ апостоловъ по всѣмъ концамъ вселенной, повелѣвая имъ, Господу поспѣшствующу, учить языки, не прибѣгая къ Петру. Каждый изъ нихъ получилъ одинаково Духа Святаго (Іоанн. XX, 33) для просвѣщенія и наставленія на путь жизни вѣчной, избранной паствы Христовой въ урочной странѣ. «Не вы меня избрасте,»—возглашаетъ Спаситель,—«но азъ избрахъ васъ, и положихъ васъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ.» (Іоанн. XV, 16), и, какъ будьто предвидя недоумѣніе апостоловъ, что дѣлать каждому изъ нихъ, если встрѣтится сомнѣніе въ ученіи вѣры, прибавилъ: «Да его же аще просите отъ отца, во имя мое, дастъ вамъ,» давая разумѣть тѣмъ, что имъ должно прибѣгать непосредственно къ Богу Отцу.

Такъ и сдѣлали апостолы: они разошлись по Европѣ, Азіи и Африкѣ; по всей землѣ обитаемой пронеслось вѣщаніе ихъ; они учили посредственно и непосредственно всѣ племена и народы. Христосъ не указалъ ни одному изъ нихъ особенной области; нѣкоторые прошли съ Евангеліемъ царствія болѣе странъ. Ап. Павелъ, паче всѣхъ потрудившійся, лично обошелъ и обратилъ многія области. Каждому апостолу и его намѣстнику дано было право

обратить ко Христу столько странъ и народовъ, сколько силы позволятъ, и Христосъ не разграничилъ между ними судебной власти. Онъ не сказалъ Петру: «Поди, и отдѣльно проповѣдуй міру всему, и стѣсняй предѣлы Евангельской проповѣди прочихъ апостоловъ». Вѣрнѣе, что духъ повелѣлъ Павлу выйти на обширною ниву язычниковъ, Петру остаться въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ заблудшаго дому Израилева; но и тотъ и другой, и всѣ прочіе ученики и намѣстники ихъ, обязаны предъ всякой душей человѣческой сообщить своей дѣятельности самое полезное направленіе. Ясно, что всѣ и каждый были истинными преемниками Іисуса Христа и пастырями словеснаго стада, и что ихъ преемниками и намѣстниками были святые епископы, которые и нынѣ, живя благочестиво и праведно въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ упованіи вѣчной жизни, пасутъ овецъ Христовыхъ, будутъ ли то епископы, или и простые священники (sive sint episcopi, sive sacerdotes simplices), лишь бы они соблюдали законъ Евангельскій.'

Смиренные помазанники Христовы, имѣя великаго Архіерея, Христа, прибѣгаютъ къ нему съ прошеніемъ помощи во время благопотребное. Ибо такъ научилъ ихъ апостолъ возлагать упованіе на Спасителя, а не на св. Петра. «Имуще Архіерея велика, да приступаетъ съ дерзновеніемъ къ престолу Благодати». Вотъ та вселенская, святая, непорочная Римская Церковь, которой вѣрные чнены не имѣютъ нужды прибѣгать къ папѣ и кардиналамъ». (1)

Выслушавъ доказательства Гуса о равенствѣ власти апостоловъ и, въ лицѣ ихъ, епископовъ, спросимъ самихъ себя, къ какому общему выводу приводятъ насъ главныя мысли ученія Гуса, которыя послѣ легли въ основаніе реформаціи Лютера? Вносилъ ли онъ, какъ увѣряетъ Гольцгаузенъ, разрушительное начало Виклефо-Гуситское въ преобразованіе Церкви? Отрицалъ ли Іерархію и объективное значеніе духовнаго сана въ Католическомъ смыслѣ, внося въ идею священства субъективное достоинство личностей? Отсѣкалъ ли, какъ Лютеръ, всю папскую Церковь отъ единства всемірнаго Христіянскаго братства, какъ предстательницу полуіудейскаго и полуязыческаго, начала, которое продолжало жить въ лицѣ папы въ Каѳолической Церкви? Признавалъ ли, какъ Лютеръ, епископа Римскаго антихристомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, звѣремъ Апокалипсиса, василискомъ Церкви Христовой и язвою

(1) Ad. scr. Stanislai, c. 5, f. 278.—Ad. scr. Steph. Paletz, f. 261. — Ad. scr. Stanislai, c. 9, f. 284, на об.

міра? (1) Справедливо ли воззрѣніе Ульманна, отчисляющаго Гуса къ мужамъ исключительно дѣла, къ практическимъ поборникамъ религіозной идеи, наровнѣ съ Іеронимомъ , Жижкой, Савонаролой и прочими? Можно ли называть его дѣятельность единственно браннымъ натискомъ на злоупотребленія Церкви, разрушеніемъ стараго, безъ совмѣстнаго лучшаго новаго?

Гусъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить , одаренъ былъ глубокимъ историческимъ смысломъ. Онъ любилъ формы, завѣщанныя Церковнымъ преданіемъ. По этому онъ не только признавалъ три степени Іерархіи: епископа, священника и діякона, но не отвергалъ и древняго раздѣленія Церкви на большіе отдѣлы, извѣстные подъ именемъ патріярхатовъ. Церковное чиноначаліе условливается видимымъ преемствомъ даровъ Благодати, независимо отъ личнаго достоинства членовъ Іерархіи; какъ скоро вносится личность въ характеръ священства, уничтожается значеніе таинства. Гусъ, самъ священникъ, отстаивалъ независимость Церковнаго значенія отъ характера лицъ, облеченныхъ въ званіе правителей Церкви. Подражаніе жизни апостоловъ, по ученію Гуса, входитъ, конечно, въ число непремѣнныхъ обязанностей сановниковъ Церкви, и условливаетъ дѣйствительность премничества ихъ отъ Христа и апостоловъ; уклоненіе отъ пути Евангельскаго вовлекаетъ ихъ въ грѣхъ Іуды предателя, который становится ихъ первообразомъ, а они его истыми преемниками. Въ первомъ случаѣ они истинные члены Тѣла Христова, св. Каѳолической Церкви; во второмъ—настоящіе члены антихриста и сонма предосужденныхъ. Но видимое управленіе Церкви не имѣетъ ничего общаго съ таинственнымъ странствованіемъ (viatio) членовъ ея къ небесной отчизнѣ. И потому ложно мнѣніе Гольцгаузена, что представленіе о Церкви, какъ сонмѣ предопредѣленныхъ, исключаетъ возможность ея правильнаго устройства на землѣ, потому что право принадлежать къ ея членамъ зависитъ единственно отъ внутренняго существа человѣка, не опираясь на видимыхъ знакахъ. Церковь, какъ собраніе вѣрующихъ, ищущихъ царства небеснаго, совершаетъ теченіе къ животу вѣчному, независимо отъ внѣшнихъ переворотовъ; она торжествуетъ въ гоненіи, когда нарушены всѣ условія существованія ея, какъ Іерархическаго Тѣла, управляемая державною рукою невидимаго кормчаго. Но Церковь, какъ община

(1) Предисловіе Лютера къ сочиненіямъ Гуса.

нуждается въ законахъ, учрежденіяхъ, ограждающихъ ея внутреннюю безопасность, въ соподчиненіи членовъ. Во главѣ ея можетъ стоять человѣкъ недостойный; но это не освобождаетъ другихъ низшихъ членовъ отъ обязанности повиновенія во всемъ законномъ (in omnibus licitis), т. е., согласномъ съ закономъ Евангельскимъ».

Такъ смотритъ и Гусъ на внѣшнее устройство Церкви, сознавая необходимость Іерахіи, какъ видимаго представителя власти Христа на землѣ. Приведу знаменательныя слова его, уничтожающія всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. «Вѣрные, со всей вселенной въ видимомъ человѣческомъ обществѣ (in conversatione humana visibili), должны прибѣгать къ св. Римской Церкви, чрезъ посредство видимыхъ и осязательныхъ частей этой Церкви, каковы папа и кардиналы. Но вѣрующіе не должны смотрѣть на нихъ, какъ на первоначальниковъ (respicere principaliter) и прибѣгать къ этѣмъ лицамъ, по ихъ человѣческому естеству (tales personas, in se humanas), но чрезъ посредство ихъ къ самой формѣ и формальной сущности самой Римской Церкви (ad formam et formale esse). Эта форма въ нихъ и черезъ нихъ управляетъ правовѣрными во всѣхъ Каѳолическихъ и Церковныхъ дѣлахъ». (1) Другими словами: лица Іерархіи имѣютъ верховную правительственную власть въ дѣлахъ Церкви, независимо отъ собственной личности, а по благодати преемственнаго рукоположенія, по праву духовнаго сана. Противники Гуса обвиняли его въ подущеніи народа къ ослушанію власти сановниковъ Церкви. Гусъ отклоняетъ отъ себя обвиненіе, ограничивая повиновеніе предѣлами законнаго требованія, согласно съ словомъ Евангельскимъ, и самъ говоритъ, что «Церковь воинствующая, имѣя главою одного Іисуса Христа, имѣетъ и вѣрныхъ намѣстниковъ его на землѣ, простыхъ ли іереевъ, или епископовъ, упасающихъ ее словомъ Евангелія, по благодати, дарованной свыше Главою (ex capitis gratia)». (2) Прилагая къ собственнымъ ученикамъ различіе между видимымъ управленіемъ Церкви и невидимымъ дѣйствіемъ Промысла, пріобщающаго, или отсѣкающаго, видимыхъ членовъ отъ сонма предопредѣленныхъ, Гусъ говоритъ не менѣе опредѣлительно: «Если разумѣть то послѣдованіе закону Христову, которое состоитъ въ словесномъ исповѣданіи Евангельской истины, (si de sequela tenendi scripturam Evangelicam in veritate intelligit), то мы смѣло назовемъ

(1) Ad scr. Stan., c. 9, f. 281, на об.
(2) Ad scr. Paletz, f. 260, на об., 263.

себя истинными послѣдователями Христовыми, а потому и Евангельскимъ клиромъ. Если же дѣло идетъ о дѣятельномъ исповѣданіи слова Божія праведной жизнію (sequela meritoria), то мы не увѣрительно и не самонадѣянно (non praesumptuose vel temerarie), а уповательно (speranter) считаемъ себя послѣдователями закона Христова. Мы надѣемся, и въ надеждѣ хвалимся названіемъ клира Евангельскаго, хотя никто изъ насъ не можетъ знать утвердительно, достоинъ ли онъ избранія, или отверженія. Я разумѣю тѣхъ только, которыхъ собственная совѣсть не обличаетъ въ грѣхѣ». (1)

Признавая Іерархію, Гусъ признавалъ равенство всѣхъ епископовъ, хотя, впрочемъ, въ порядкѣ управленія одинъ, по необходимости, подчиняется другому, старѣйшему. Къ числу епископовъ апостольскихъ преемниковъ принадлежитъ и Римскій первосвященникъ, викарій свят. Петра, одинъ изъ тѣхъ (unus de illis), которымъ сказано слово Спасителя: ««Еже аще свяжете на земли», и т. д. Въ слѣдствіе этого, Гусъ считалъ себя обязаннымъ къ повиновенію папѣ; оправдывался передъ кардиналами въ ослушаніи власти Григорія XII; ослушался Александра V только по законнымъ причинамъ; вызванный на судъ Іоанномъ XXIII, представилъ своихъ прокураторовъ. Вообще онъ признаетъ папу старшимъ епископомъ, потому что находитъ въ преданіи Церкви слѣды предпочтительнаго уваженія св. Петру, оказаннаго ему другими апостолами. На пр.: Діонисій (De divinis nominibus, cap. 3) называетъ его верховнымъ апостоломъ (verticalem seu capitaneum), а въ книгѣ страданій ап. Петра и Павла сообщаетъ повѣствованіе о послѣднемъ словѣ, сказанномъ Павломъ св. Петру, когда обоихъ вели на мученіе: «Миръ тебѣ, основаніе Церквей»! И Августинъ величаетъ его первымъ апостоломъ, также и Буллы Римскихъ епископовъ, Маркелла и Анаклета. На основаніи этѣхъ свѣдѣтельствъ, Гусъ допускаетъ преимущество почести, отнюдь же не первенство власти св. Петра, и объясняетъ его превосходствомъ его добродѣтелей: 1) Вѣрой, которая живо и дѣйственно сказалась въ отвѣтѣ Петровомъ: «Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго», и вызвала отъ Искупителя обѣтованіе блаженства, а передъ крестною смертію засвѣдѣтельствованіе вѣры Петровой: «Я молился за тебя, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты, нѣкогда обратясь, утверди братьевъ твоихъ». 2) сми-

(1) Ibid., f. 260, на об.

реніемъ, которымъ Петръ отличался по преимуществу предъ другими апостолами, посвящая себя служенію Церкви. Онъ смиренно пошелъ въ Іоппію и пробылъ тамъ нѣсколько времени у кожевника Симона (Дѣян. IX, 43); позванный изъ Іоппіи Корниліемъ, смиренно отошелъ въ Кесарію (X, 23); на соборѣ Іерусалимскомъ смиренно согласился на мнѣніе Іякова (XV, 22); обличенный апостоломъ Павломъ (Галат. II), смиренно перенесъ укоризну. Въ этомъ смиреніи особенно, по мнѣнію Гуса, утверждается право на первенство (majoritatem) его передъ другими апостолами, по слову Христову: «Смиряяй себя, вознесется». (1) По мнѣнію Гуса, папа—старшій епископъ, по праву преемства отъ старшаго апостола; онъ старшій и по тому уже, что его каѳедра въ Римѣ, котораго имя Гусъ переноситъ и на всю Каѳолическую Церковь. Предѣлы власти его обозначаются Гусомъ въ такихъ выраженіяхъ: «Онъ непосредственый викарій І. Христа и верховный священникъ (supremus sacerdos) сдѣсь, на землѣ, въ отношеніи къ служенію и сану (ratione officii), имѣющій власть суда, наказанія преступленій и грѣховъ, отлученія даже князей и властителей, но не иначе, какъ законнымъ судомъ и предшествующимъ увѣщаніемъ; право разрѣшать отъ грѣховъ силою власти ключей или давать прощи (индульгенціи), въ настоящемъ значеніи этого слова; но туже самую власть имѣетъ и всякій епископъ, съ тою разницею, что въ папѣ она, по соглашенію Церкви, въ слѣдствіе разумныхъ причинъ, является въ болѣе обширныхъ размѣрахъ (Licet in Papa sit potestas ex rationabili causa et consensu Ecclesiae plus laxata)». (2) Нельзя не воздать заслуженной чести благоразумію Гуса, который, не смотря на личныя свои отношенія къ папѣ, не уступилъ движенію страсти и не преслѣдовалъ его свирѣпою ненавистію, какъ въ послѣдствіи Лютеръ въ оскорбительномъ названіи антихриста. (3)

---

(1) De Eccl. c. 9, f. 222.

(2) De credere, f. 170;—Ad. scr. 8 Doct., c. 11, f. 311, на об., 312 и т. д.

(3) Ланфанъ, въ Исторіи Констанскаго собора, несправедливо обвиняетъ Гуса въ пристрастныхъ отзывахъ о Римской Куріи, въ особенной суровости и ожесточеніи слова, неприличныхъ для христіянина, въ особенности для священника, въ увлеченіяхъ личности и въ названіи папы антихристомъ. Это основано на заблужденіи, которое было общимъ въ XV-мъ вѣкѣ, и только въ новѣйшее время открыто Палацкимъ и Флате. А именно: вся вторая половина перваго тома «Historia et Monumenta Hus», изданная въ 1524 году, съ предисловіемъ Оттона Брунсфельскаго къ Лютеру подъ именемъ Гуса, несомнѣнно принадлежитъ Матѳію Парижскому. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ разсужденій,

Повторяю: весьма значительно благоговѣніе Гуса къ Риму апостольскому, уваженіе къ папѣ, какъ епископу Рима, по скольку живетъ въ немъ воспоминаніе св. апостола. Оно свѣдѣтельствуетъ о любовной привязанности Гуса къ церковному преданію, ко всему, что носитъ на себѣ отблескъ первобытной Апостольской Церкви. Но изнанка священнаго Рима въ современномъ состояніи папства поражаетъ его глубокимъ негодованіемъ, и сдѣсь-то съ особенной силой сказалось его задушевное чувство, которое опредѣлило его отношеніе къ Восточному Православію. Всею своею дѣятельностію увлекаемый къ Западу, Гусъ тѣмъ не менѣе съ любовію обращался къ родному Востоку, отдаленному отъ него и пространствомъ и временемъ, но близкому по воспоминаніямъ народа, его воспитавшаго. Онъ читаетъ сильныя отповѣди преемникамъ св. Петра, уклонившимся отъ своего первообраза къ безнравственой жизни, въ сребролюбіи, въ гордомъ исканіи свѣтскаго могущества, въ опущеніи святыхъ обязанностей апостольскаго служенія и проповѣди. Недаромъ приводитъ онъ слово Восточнаго учителя, въ которомъ можно видѣть намекъ на современныя отношенія Запада, при объясненіи текста: «Сребра и злата нѣсть у мене, но еже имамъ, сіе ти даю: во имя І. Х. Назорея востани и ходи! Эту власть творить чудеса потеряли тѣ, которые погнались за серебромъ и золотомъ» (Златоустъ). Опускаю всю великую нравственную часть его проповѣди, преимущественно направленную на Римскаго первосвященника, и укажу только на тѣ немногія, но драгоцѣнныя, свѣдѣтельства, въ которыхъ сказалось его отвращеніе

имѣющихъ главнымъ предметомъ описаніе Западной Церкви, какъ тѣла Антихриста. De anatomia membrorum, de regno populo, vita et moribus, de mysterio iniquitatis Antichristi, de revelatione Christi et Antichristi, и пр. Тамъ находимъ дѣйствительно чудовищное изображеніе Западной Церкви въ разчлененіи тѣла Антихриста. Голова его — Римскій первосвященникъ; волось — чувственныя страсти, гнетущія Церковь; хребетъ образуютъ монахи, руки — легаты престола Апостольскаго, ноги — нищенствующая братья. Это отвратительное изображеніе гораздо ближе къ воззрѣнію Лютера и всей Реформатской Церкви, признающей папу представителемъ языческаго начала, внесеннаго въ Христіанство, чѣмъ къ умѣреннымъ представленіямъ Гуса, который не осмѣлился никогда отрицать Христіанскаго характера Западной Церкви. Ученіе о папѣ, какъ объ Антихристѣ, есть цѣлая система, возникшая въ средніе вѣки, согласно съ современнымъ мистицизмомъ; оно встрѣчается у Вальденцевъ, Бичующихся, Бегардовъ, Виклефа, Матѳія Парижскаго, и переходитъ къ Лютеру, какъ бы по преемству. Гусъ смягчилъ это названіе впервые, сдѣлавъ родовымъ, отдѣляя его отъ идеи великаго Антихриста, который долженъ быть при концѣ видимаго міра. Это не epitheton perpetuum для папы; онъ только недостойныхъ папъ называетъ членами Антихриста, какъ и всякихъ другихъ противниковъ Христа, въ противоложность предъизбраннымъ членамъ Церкви или тѣла Христова.

къ Папскому Западу, въ противоположность Православному Востоку.

Уже Ланфанъ, разбирая причины осужденія Гуса на Констанцкомъ соборѣ, удивляется кротости, съ которою поступили отцы Собора, присудившіе Гуса къ костру, съ отвратительною сектою Бичующихся. Въ самомъ дѣлѣ, надобно было внушить немаловажныя опасенія Римской Куріи, чтобы перещеголять во мнѣніи Собора и въ строгости наказанія самихъ Бичующихся и прослыть опаснѣйшимъ еретикомъ, какіе когда либо являлись со времени Рождества Христова. По мнѣнію Ланфана, главная Гусова ересь заключалась въ томъ, что Римская Церковь не есть мать и глава Каѳолической, что папа и кардиналы не существенно необходимые члены послѣдней, и что она легко могла бы безъ нихъ обойтись, не нарушая цѣльности своей и единства. Но послѣднее доказывалъ въ знаменитѣйшемъ своемъ сочиненіи: «De auferibilitate Papae ab Ecclesia», и самъ виновникъ сожженія Гуса; оно повторялось неоднократно въ устахъ многихъ еретиковъ. Отъ чего же ни съ однимъ изъ нихъ не поступлено было такъ строго, какъ съ проповѣдникомъ Чешскаго народа? Причины не раскрыты въ соборныхъ дѣяніяхъ; имя Греческой ереси ни разу не упомянуто было на трехъ истязаніяхъ Гуса, и весьма естественно, по тому что и прежде и послѣ того Латинская Церковь постоянно держалась одного и того же образа дѣйствія, скрывая тщательно все Православное, дабы истребить его въ воспоминаніи Чеховъ; такъ причисленіе св. Прокопія, Православнаго пустынножителя въ Чехіи, къ лику Римскихъ святыхъ, и основаніе Славяно-Еммаусскаго монастыря во имя Меѳодія и Войтѣха императоромъ Карломъ, были вѣрными отголосками однообразной политики. Причины должно отыскивать въ сочиненіяхъ Гуса, въ его полемической дѣятельности противъ Западной Церкви. Тамъ найдемъ объясненіе, которое не было новостію для духовенства, послѣ отчаянной борьбы Чешскаго народа съ Римомъ за религіозную свободу, объясненіе сочувствія Гуса къ Восточной Церкви. Есть въ Гусѣ что-то, похожее на противорѣчіе, когда онъ, изложивъ теорію папской власти, какъ преемственной отъ высшаго апостола, Петра, рѣшительно отрицаетъ это преемство въ современной Латинской Церкви, не смотря на собственное свѣдѣтельство, что личное достоинство папы не входитъ въ расчетъ его Іерархическаго значенія. Но мнимое противорѣчіе рѣшается тѣмъ, что папская

Церковь слишкомъ явнымъ соблазномъ и очевиднымъ уклоненіемъ отъ пути Апостольскаго, на виду у вѣрныхъ учениковъ Каѳолической, лишилась всякаго права на законное наслѣдіе св. Петра. Сдѣсь теорія раздружилась съ дѣйствительностію. Новѣйшіе первосвященники, не имѣющіе, по выраженію Гуса, и искры прежней святости, (1) совершенно нарушили порядокъ управленія Церковію, ни въ чемъ не напоминая великихъ предшественниковъ, похожіе на самозванцевъ, на викаріевъ Антихриста.

Когда начался, по мнѣнію Гуса, великій расколъ въ Каѳолической Церкви, и кто былъ виновникомъ онаго? Лютеръ св. Григорія Великаго называлъ послѣднимъ Римскимъ епископомъ; первымъ папою преемника его, Сабиніяна, имѣвшаго намѣреніе сжечь книги предшественика, который такъ громогласно проповѣдывалъ равенство отдѣльныхъ частей Каѳолической Церкви. Гусъ выводитъ начало плачевныхъ событій, нарушившихъ единеніе Церкви отъ Константинова вѣка. Триста лѣтъ отъ воплощенія Бога Слова блаженствовала Церковь подъ управленіемъ благочестивыхъ епископовъ, не оскорблявшихъ любовнаго союза мира гордыми притязаніями о первенствѣ (2). Въ отвѣтъ на положеніе 8-е доктора, что, для порядка управленія Церковію, необходимо тѣлесное присутствіе папы, преемника св. Петра и 12 кардиналовъ, преемниковъ прочихъ апостоловъ, Гусъ отвѣчаетъ прекрасно: «Христосъ есть глава, совершенно достаточная (caput sufficientissimum), что доказало трехсотлѣтнее существованіе Церкви и больше, когда она процвѣтала въ мирѣ, и законъ Христовъ не оскудѣвалъ въ управленіи Церковію, когда благочестивые священники преподавали его народу, согласно съ мнѣніями святыхъ учителей, писавшихъ по внушенію Духа Святаго (instinctu Spiritus Sancti), каковы были: святые Августинъ, Іеронимъ, Григорій, Амвросій, ниспосланные свыше для поученія міра послѣ апостоловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ Августинъ принесъ Церкви болѣе пользы, нежели многіе папы, а въ ученіи стоялъ выше, чѣмъ всѣ кардиналы, начиная отъ первыхъ даже до нынѣшнихъ. Эти четыре учителя болѣе достойны названія истинныхъ викаріевъ апостольскихъ, нежели папа (modernus Papa) съ своими кардиналами, которые не просвѣщаютъ народа ни жизнію святою, ни чистымъ ученіемъ. Тоже

(1) «Moderni Pontifices, in quibus scintilla non cernitur sanctitatis». De Ecclesia c. 12, f. 219, на об.

(2) De Eccl. c. 15, f. 221, l. 1—1.—Ad. scr. Stanislai.

должно сказать и о другихъ святыхъ (Церкви Восточной), объ Іоаннѣ Златоустѣ, Григоріи Богословѣ, Іоаннѣ Дамаскинѣ, Діонисіѣ Ареопагитѣ, которые, по вдохновенію Духа Святаго (docti a Spiritu Sancto), просвѣщали Церковь ученіемъ и жизнію. (1) Въ то благословенное время не было папы въ Латинскомъ значеніи этого слова; святые епископы, не бывши никогда Римскими первосвященниками, носили это названіе. Іеронимъ, въ 8 письмѣ къ Августину, именуетъ его папой святымъ и блаженнымъ. Августинъ, въ 18 письмѣ къ Павлину, называетъ Амвросія, въ 10-мъ Аврелія, блаженными папами. (2) Въ 301 году совершился великій переворотъ: императоръ Константинъ (такъ думаетъ Гусъ, согласно съ общимъ повѣріемъ въ средніе вѣки) установилъ папу и кардиналовъ. Опираясь на человѣческомъ происхожденіи папства, Гусъ находитъ въ немъ воздѣйствіе языческаго начала, съ указаніемъ на слово Спасителя: «Царіе языкъ господствуютъ ими; вы же не тако» (Лук. XXII, 25). Онъ вѣритъ преданію, что въ самое время надѣленія слышались въ воздухѣ гласы Ангельскіе: нынѣ вылился ядъ во святую Божію Церковь. (3) Съ тѣхъ поръ дѣйствительно, по мнѣнію Гуса, начались всѣ бѣдствія Церкви. Прежде надѣленія Римскаго первосвященника, начавшагося въ 301 году, ни одинъ Римскій епископъ не поднималъ оружія, не волновалъ народа въ свою оборону, а смиренно переносилъ изгнаніе и муки. Но лишь только утвердилось его свѣтское могущество, начались войны, роскошь и алчность, ересь, распри и зависть, оскудѣли миръ, смиреніе, нищета, вѣра, согласіе, любовь и Евангельская проповѣдь, за немногими исключеніями; изсякли и вѣнцы мученическіе въ Римскихъ первосвященникахъ (martyrium exstinctum est), по свѣдѣтельству лѣтописцевъ». (4) «Отъ начала IV-го вѣка до нашихъ временъ (слова Гуса) каждое столѣтіе ознаменовано важною распрею между Римскими папами; Гусъ насчитываетъ до 15 значительныхъ переворотовъ въ престолонаслѣдіи папскомъ, до великаго раскола въ исходѣ XIV столѣтія, (5) замѣчаетъ справедливо, что привилегія Кесаря поставила Римскихъ первосвященниковъ въ странное положеніе (in perplexitatem).

(1) De Eccl. c. 15, f. 224, на об.
(2) Ad. scr. Stan., c. 3, f. 273, на об.
(3) Ad. scr. Stan., c. 12, f. 290, на об.—De Eccl., c. 16, f. 250, на об.
(4) Ad. scr. 8 Doct, c. 16, f. 321.
(5) De Ecclesia, c. 16, f. 230.

На вопросъ императора: «Не они ли въ могуществѣ власти и первенствѣ превосходятъ всѣхъ смертныхъ?» Они должны отвѣчать утвердительно, потому что на этомъ основана сущность значенія папы. Петръ и Павелъ не сказали бы того о себѣ, потому что власть ихъ была не отъ Кесаря». (1)

Въ чемъ преимущественно, по мнѣнію Гуса, оказались вредныя слѣдствія надѣленія? Въ произвольномъ расширеніи предѣловъ Римской каѳедры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ измѣненіи понятія о Церкви, перенесеннаго отъ общества вѣрующихъ на лице папы и кардиналовъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого насильственнаго переворота было непріязненное вторженіе папы въ предѣлы духовной власти епископовъ, дотолѣ во всемъ ему равныхъ и отъ него независимыхъ. Это сосредоточеніе власти въ рукахъ одного, на счетъ мѣстныхъ епископовъ, по мнѣнію Гуса и Матѳія Парижскаго, было главной причиной отторженія Востока. Весьма замѣчательно, что оба учителя, представляющіе рѣзкую противоположность въ догматическихъ мнѣніяхъ, сошлись въ совершенномъ единомысліи во всемъ, что касается Греческой Церкви. Вотъ свидѣтельство магистра Парижскаго, въ одномъ изъ сочиненій его, изданныхъ Оттономъ Брунсфельскимъ: «Первый жезлъ владычества Римскаго сокрушился, когда Греки отдѣлились отъ Римской Церкви, за дарованіе папѣ свѣтской власти (quando Graeci propter dotationem Papae a Romana Ecclesia recesserunt). (2) Всѣ бѣдствія начались тогда, когда папа привлекъ къ себѣ всѣ бенефиціи и церковныя должности, и сталъ заниматься произвольной раздачей ихъ и привилегій, распространяя по всей Церкви множество новыхъ чиновъ (alios ordines excogitando), съ изъятіемъ отъ власти непосредственныхъ начальниковъ (a suis immediatus praepositis exempti). Со временъ безумнаго надѣленія началась пышность и роскошь владыкъ—кардиналовъ и самаго папы, обладателей тучныхъ бенефицій, ими выдуманныхъ и раздаваемыхъ по произволу.... мало по малу получили начало всѣ громкіе титулы духовныхъ лицъ: названія аколита, иподіякона, діякона, пресвитера, не дававшія права на бенефиціи, пришли въ совершенное презрѣніе. Выродившіеся служители Божіи, нисходя къ занятіямъ самымъ презрѣннымъ въ Куріяхъ богатыхъ сановниковъ, покрывались позоромъ, забывъ высокое достоинство царственнаго священства. Началось

(1) Ibid., c. 15, f. 220.
(2) De carn. abomin., c. 28, f. 404.

неуваженіе низшихъ священниковъ къ высшимъ, отвращеніе настоятелей къ своимъ подчиненнымъ; ослабѣло благочиніе церковное и рушились отношенія родителей къ дѣтямъ. На примѣръ: когда низшіе духовные имѣли притязаніе на занятіе какой либо должности, они получали ее не отъ мѣстныхъ епископовъ, которые обязаны имѣть за ними надзоръ и поставлять ихъ непосредственно своею властію, но въ Римѣ отъ папы, который слишкомъ отъ нихъ удаленъ и не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о жизни ихъ и личномъ достоинствѣ. Отъ того низшее духовенство не обращаетъ никакого вниманія на своего непосредственнаго епископа. Извративши порядокъ церковнаго чиноначалія, прелаты разорвали естественное и необходимое соподчиненіе между членами Церкви, святые узы повиновенія и гармоническія отношенія (unionem harmoniacam) подчиненныхъ къ начальникамъ.... Тогда-то начался великій расколъ и великое потрясеніе въ папствѣ, во всемъ духовенствѣ и въ Церкви Вселенской. И Вавилонъ великій, т. е, Церковь плотскихъ Христіянъ, распалась на части: на Церковь Греческую, Римскую и Армянскую (in Ecclesiam Graecorum, in Ecclesiam Romanorum et in Ecclesiam Arminensem, vel Romanorum, Graecorum et Francigenarum». (1)

Точно также смотритъ и Гусъ на Римскую Церковь, въ томъ видѣ, въ какомъ устроилась она послѣ Константинова вѣка. 1) Онъ признаетъ ее только въ первоначальномъ значеніи, какъ соподчиненную, вмѣстѣ съ другими, св. Каѳолической Церкви; 2) рѣшительно отвергаетъ папу и кардиналовъ въ современномъ значеніи, какъ представителей великаго раскола между Востокомъ и Западомъ, и 3) отдавая предпочтеніе устройству Греческой Церкви, отрицаетъ всякое подчиненіе Чехіи Римскому первосвященнику.

Относительно перваго, Гусъ дѣлаетъ строгое различіе между Римскою Церковію и Римскою Куріею. Принимая за точку исхода преимущество Рима и Верховныхъ Апостоловъ въ Каѳолической Церкви, онъ прилагаетъ названіе Римской Церкви въ тѣсномъ значеніи старѣйшей каѳедрѣ Христіянскаго міра, т. е., преемственной власти апостоловъ Петра и Павла, поставленныхъ во главѣ этой каѳедры, названіе же Римской Куріи собственно папѣ и кардиналамъ, какъ новому установленію позднѣйшихъ временъ. (2) Первой во всемъ подобаетъ повиновеніе; второй, если папы и

(1) Ibid. c. 30, f. 407—409; c. 62, f. 441.
(2) De Ecclesia, c. 16, f. 229.

кардиналы со всею Римскою Куріею предписываютъ что либо несогласное съ истиною, вѣрнымъ не слѣдуетъ повиноваться. (1) Но Римская каѳедра не имѣетъ уже апостольскихъ мужей, которые проповѣдывали бы законъ Божій и право судили предметы духовные. Она обратилась въ Римскую Курію, которую Латинскіе доктора напрасно называютъ наставницею Церквей; въ этомъ совѣтѣ нечестивыхъ, на этомъ сѣдалищѣ губителей, возсѣдаютъ нынѣ фарисеи и книжники; они любятъ преждесѣданія на сонмищахъ, т. е., въ соединеніи Церквей (in ecclesiarum aggregationibus); тотъ хочетъ быть кардиналомъ, другой патріархомъ, третій архіепископомъ, и зватися отъ человѣкъ: «Учителю, учителю!» (2) Римской Куріи принадлежатъ всѣ новые вымыслы, утвердившіе могущество папы: продажа прощъ (индульгенцій), непогрѣшительность папы, отлученіе цѣлыхъ странъ и народовъ. «Въ св. Писаніи», — говоритъ Гусъ, — «не находимъ, чтобы святые говорили другъ другу: «Я отпускаю тебѣ грѣхи, я разрѣшаю тебя отъ грѣховъ». Никто изъ нихъ не давалъ прощъ отъ вины и казни на извѣстное число дней и лѣтъ. Я искалъ, и до сихъ поръ отыскиваю, кто бы изъ святыхъ раздавалъ когда индульгенціи, и не нахожу; и наши доктора, которые считаютъ столѣтіями древность установленія прощъ св. Отцами, не смѣютъ приписывать имъ положительнаго происхожденія за тысячу, триста, двѣсти, или даже сто лѣтъ. Не называютъ также по имени установителей. А почему? Потому что они сами не знаютъ, когда начались индульгенціи, не знаютъ и св. Отцевъ, которые бы установили ихъ. Отъ чего же отпуски, столь спасительные для человѣчества, дремали въ продолженіе тысячи и болѣе лѣтъ? Отъ того, вѣроятно, что въ то время изысканность сребролюбія не получила еще своего довершенія». (3) «Въ Римской Куріи», — по мнѣнію Гуса, — «получили начало три опоры владычества папы: обычай налагать на невинныхъ Христіянъ обвиненіе въ ереси, и подвергать ихъ сожженію, по приговору невѣжественныхъ, или пристрастныхъ, судей, обычай отлучать отъ Церкви человѣка невиннаго, и по своему произволу прекращать Богослуженіе въ цѣломъ народѣ; обычай провозглашать гонителемъ Церкви того, кто

---

(1) Ibid., f. 228.
(2) C. 18, f. 254, на об.
(3) Adv. indulg. Pap., f. 187.

полагаетъ преграду ихъ отъявленной алчности». (1) Черезъ 1000 лѣтъ послѣ Верховныхъ апостоловъ, когда разрѣшились узы діавола и духовенство утучнилось благами міра сего, начался интердиктъ. Въ 1154 году Адріанъ папа первый наложилъ запрещеніе на всю Римскую область за одного раненаго кардинала. Александръ III въ 1159 году обложилъ интердиктомъ королевство Англію. Целестинъ III (въ 1182) упоминаетъ о запрещеніи. Иннокентій (1199) обнародовалъ во многихъ изъ своихъ декреталій, потомъ Бонифацій VIII, Иннокентій IV и Климентъ V въ Секстѣ и Клементинахъ, распространили понятіе объ интердиктѣ. Теперь, по мѣрѣ того, какъ духовенство распаляется въ алчности и пышности міра, умножаются и запрещенія. (2) Таковъ давній обычай (stylus) Римской Церкви и Куріи; но, Боже мой! отъ какой Церкви ведетъ онъ начало? Конечно, не отъ Апостольской. Скажите, доктора, отъ какого апостола, отъ какого святаго, явившагося послѣ апостоловъ, ведется это преданіе? Или это установленіе Іисуса Христа, вѣчной Главы св. Церкви, отлучать народъ отъ общенія Таинствъ, лишать его Христіянскаго погребенія? По этому Римскому стилю, всѣ разумныя существа подлежать повелѣніямъ Куріи; въ экстравагантѣ Бонифація VIII, Римскому первосвященнику повинуется всякая душа человѣческая; повинуются ангелы въ буллѣ Климента V. Стало быть, если отлученный Янъ Гусь, прошедши вратами смерти, уклонится къ небесному Іерусалиму (что возможно для могущества Божія), то и небо должно подпасть отлученію папскому, по точному смыслу толкованія буллы?» (3) Вѣрно соблюдая различіе между Римскою Церковію и Куріею, Гусь, на обвиненіе 8 докторовъ, что онъ уклоняется отъ ученія св. Римской Церкви, матери всего Христіянства, отвѣчаетъ такъ: «Развѣ въ томъ только, что я порицаю алчность Римской Куріи и другіе пороки, противорѣчащіе жизни Христовой. (4) Но трудно доказать, что священники, порицающіе злоупотребленія папы, кардиналовъ и Куріи отъ ревности въ преобразованіи Церкви, ополчаются на св. Римскую Церковь. Можетъ священникъ Христовъ говорить осторожно и кротко о нечестіи

(1) Ad scr. 8 Doct., c. 12, f. 313, на об.
(2) De Eccl., c. 23, f. 252.
(3) Ibid., f. 254.
(4) Ad scr. Paletz, f. 260, на об.

Куріи Римской, оставаясь при должномъ уваженіи къ матери Церкви. Св. учители: Августинъ, Іеронимъ, Амвросій, Григорій, Бернардъ, Златоустъ, Исидоръ и другіе святые, порицали нечестіе епископовъ и духовенства, пребывая вѣрными чадами Церкви Христовой. (1) Поскольку судъ произносится согласно съ непогрѣшимымъ Писаніемъ, человѣкъ обязанъ подчиниться приговору судіи. По этому и я готовъ подвернуть себя наставленію не только престола Апостольскаго, т. е., папы и кардиналовъ, какъ называютъ ихъ доктора, но и всякому частному лицу, произносящему праведный судъ. Но если Римская Курія, или тѣ, которые занимаютъ мѣсто апостоловъ, захотятъ произнести приговоръ не по слову Писанія, кто согласится признать его истиннымъ? Мы знаемъ, что папы заблуждаются часто, произнося неправедный судъ, по невѣдѣнію, или пристрастію». (2)

Отвергая опредѣленія Куріи, Гусъ отвергаетъ и лица, ее составляющія, отрѣшается и отъ Западной Церкви, поскольку поддерживаетъ она притязанія папы. Имя папы онъ возводитъ къ первоначальному значенію его въ Каѳолической Церкви; другаго не признаетъ. «Названіе папы», — говоритъ онъ, въ сочиненіи противъ Палеча, — «не заимствовано изъ св. Писанія, но введено язычниками. Если же докторъ разумѣетъ подъ именемъ папы человѣка, вознесеннаго славою паче всѣхъ человѣкъ, то папою будетъ только Христосъ, верховный Первосвященникъ и Епископъ душъ, и другаго подобнаго нѣтъ. (3) Въ противномъ случаѣ папою можетъ называться каждый епископъ, по законному преемству отъ Христовыхъ апостоловъ». «Если Палечъ называетъ непосредственнымъ викаріемъ Іисуса Христа того, кто поставленъ въ духовное служеніе никѣмъ инымъ, какъ непосредственно самимъ Іисусомъ, то одинъ только Петръ съ другими апостолами и безъ Матѳія можетъ быть къ тому причисленъ, но ни одинъ папа не имѣетъ этого права. Либо докторъ называетъ непосредственнымъ викаріемъ Христовымъ того, кто имѣетъ высшую власть въ духовномъ служеніи, тогда столько же было бы викаріевъ, сколько законныхъ папъ, т. е., законныхъ преемниковъ апостольскихъ. (4) Я допускаю, что подъ именемъ папы разумѣется тотъ

(1) Ad scr. Stan., f. 279, на об.
(2) Ibid., f. 262; — Ad scr. Stan., c. 10; f. 277, на об., 278.
(3) Ad. scr. Paletz, f. 256, на об.
(4) Ad scr. Paletz, f. 281.

духовный епископъ, который выше и совершеннѣе всѣхъ замѣняетъ Христа, какъ дѣлалъ Петръ по Его вознесеніи. Но если папой назовется всякое лице, которое Западная Церковь признаетъ Римскимъ епископомъ (quaecunque persona, quam Occidentalis Ecclesia acceptat pro Romano Episcopo) для верховнаго рѣшенія всѣхъ дѣлъ Церковныхъ, для самовластнаго распоряженія вѣрующими (ad praecipiendum fidelibus quicquid voluerit), это будитъ злоупотребленіемъ названія папы, потому что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы допустить, что и невѣжественный міряninъ и еретикъ могутъ быть папами. Примѣры бывали въ Церьовной исторіи: для перваго Константинъ, который, прошедъ противъ всякаго права священныя степени, также внезапно низложенъ съ престола и всѣ распоряженія его отмѣнены около 707 года. Григорій, который, по незнанію грамоты, пріобщилъ себѣ въ соправители другаго, а народъ, недовольный тѣмъ, избралъ третьяго, и всѣ трое низложены императоромъ. Еретикомъ былъ папа Либерій, посланный Константіемъ въ изгнаніе за покровительство Аріанамъ. Когда же, съ согласія императора, Римское духовенство поставило, вмѣсто его, правовѣрнаго папу Феликса, который, въ слѣдствіе рѣшенія Соборнаго, отставилъ Аріанскихъ пресвитеровъ, Урзація и Валента, Либерій, вызванный изъ заточенія, вступаетъ снова на папскій престолъ, вооруженною рукою занимаетъ Церкви св. Петра и Лаврентія и подвергаетъ мученію папу Феликса съ православными священниками». Гусъ отвергаетъ и способъ избранія папы коллегіею кардиналовъ, какъ дѣйствіе чисто человѣческаго распоряженія, въ которомъ благодать не участвуетъ, потому что не дано человѣку передавать кому бы то ни было полноту духовной власти и высшую степень приближенія къ Богу, опредѣляемую только личной заслугой предопредѣленнаго. (1) Пусть же папа и кардиналы покажутъ высокую власть, имъ будьто бы Богомъ дарованную, въ обращеніи невѣрныхъ, исцѣленіи больныхъ, въ изгнаніи нечистаго духа словомъ, или посланіями, какъ дѣлали апостолы. Пусть покажутъ ученіемъ и праведной жизнію,—и дѣйствіе обнаружитъ причину. (2) Но въ томъ-то и является великая разница между жизнію и властію апостоловъ и нынѣшнихъ папъ, что и бѣсы могли бы отвѣчать послѣднимъ: «Мы знаемъ Христа,

(1) De Ecclesia, c. 15, f. 220;—Ad. scr. Paletz, f. 259;—Ad. scr. Stanislai, c. 5, f. 274; c. 6, f. 279, на об.
(2) Ad scr. Stan., c. 6, f. 280, на об.

знаемъ Петра и Павла, и прочихъ апостоловъ; а вы кто такіе?»» (Дѣян. XIX, 15). (1)

О кардиналахъ Гусъ разсуждаетъ въ сочиненіи противъ Станислава изъ Зноима въ такихъ выраженіяхъ: «Совершенно необходимо для спасенія вѣрить, что 12 апостоловъ, по вознесеніи Господа, были его истинными и очевидными намѣстниками. Но вовсе не необходимо вѣрить, что 12 кардиналовъ, установленныхъ не на основаніи Евангелія (praeter Scripturam Christi), суть истинные и законные преемники коллегіи прочихъ апостоловъ. И такъ, если папа по видимому (videtur colorem habere) и есть намѣстникъ св. Петра, потому что, какъ извѣстно, занимаетъ мѣсто его въ городѣ Римѣ, и поставленъ отъ человѣкъ въ служеніе апостола, то гораздо труднѣе доказать (multo obscuriorem habent colorem), что теперешніе кардиналы—намѣстники прочихъ апостоловъ, потому что: 1) не всѣ они саномъ священники, какъ были апостолы; 2) они не исходятъ на проповѣдь и не крестятъ язычниковъ, какъ дѣлали первые; ни одинъ изъ нихъ не проповѣдуетъ въ Ахаіи съ Андреемъ, въ Индіи съ Матѳіемъ, въ Еѳіопіи съ Матѳеемъ, въ Ефесѣ съ Іоанномъ, въ Іерусалимѣ съ Іаковомъ старшимъ, въ Индіи съ Ѳомою, въ Фригіи съ Филиппомъ, въ великой Индіи и Персіи съ Варѳоломеемъ, Симономъ и Іудою. Никто не пронесъ слово Божіе въ Испанію съ Іаковомъ младшимъ, никто не проходилъ Греціи съ апостоломъ Павломъ, и даже не величаетъ себя его намѣстникомъ, потому что Павелъ не входитъ въ число дванадесятыхъ апостоловъ. И такъ; поелику «не во всю землю изыде вѣщаніе» проповѣди кардиналовъ, то и преемство и намѣстничество ихъ въ отношеніи къ апостоламъ, покрыто особеннымъ мракомъ, потому что ни прочіе люди, ни сами кардиналы не знаютъ, кто изъ нихъ кому именно изъ апостоловъ служитъ преемникомъ и викаріемъ истиннымъ и очевиднымъ. (2) И если Христосъ сказалъ ученикомъ своимъ: «Радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ» (Лук. X, 20); или: «Сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома» (Матѳ. XIX, 28), то отсюда не слѣдуетъ, чтобы этѣ слова относились и ко всякому папѣ и ко всѣмъ кардиналамъ, потому что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы допустить, что всякій папа и всякій кардиналъ вписанъ въ книгу животную, и въ день суда сядетъ на одномъ изъ двѣнадцати

(1) Ad. scr. 8 Doct., c. 7, f. 305, на об., c. 8, f. 307.
(2) Ad. scr. Stan., c. 2, f. 271.

престоловъ судейскихъ. А это противорѣчитъ словамъ Станислава, допускающаго совмѣстность верховной полноты власти въ коллегіи съ смертнымъ грѣхомъ, подобно тому, какъ пребывало апостольство въ Іудѣ предателѣ; между тѣмъ какъ извѣстно, что ни одинъ предосужденный не написанъ въ книгѣ животной вмѣстѣ съ апостолами». (1) Еще замѣчаніе: «Латинскіе доктора безъ доказательствъ библейскихъ дѣлятъ коллегію кардиналовъ на три разряда: на высшій: епископовъ, средній: пресвитеровъ, и низшій: діяконовъ. Это чистое противорѣчіе, потому что всѣ апостолы были епископами, и общая обязанность ихъ состояла въ благовѣстіи Евангелія, въ крещеніи народа, въ поставленіи пресвитеровъ и діяконовъ. Притомъ между ними не бывало дѣленія на высшихъ, среднихъ и низшихъ, по слову Христову: «Иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга; И, иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ» (Мат. XX, 26); стало быть, Христосъ, совершенно иначе распредѣлилъ коллегію своихъ апостоловъ; и порядокъ между кардиналами, очевидно, заимствованъ не изъ Евангелія, а отъ примѣра язычниковъ (a gentili exemplo)». (2)

Опредѣливъ съ такою необыкновенною ясностію личныя свои отношенія къ Латинской іерархіи, Гусъ переноситъ ихъ и въ современныя отношенія Церкви, съ особеннымъ примѣненіемъ къ своему народу. Онъ призываетъ молитвенно отъ глубины сердца возвращеніе благословеннаго единства Каѳолической Церкви и совершеннаго равенства отдѣльныхъ частей ея, соединеннаго съ самостоятельнымъ управленіемъ: «Богъ всемогущій и всеблагій,» — говоритъ онъ, — «можетъ отмѣнить привилегію, данную папѣ царемъ Константиномъ, и возвратить свою Церковь къ равенству между первосвященниками, какъ было прежде нажданія. Онъ уничтожилъ преемство Ветхозавѣтныхъ священниковъ, Фарисеевъ и книжниковъ, со всѣми преданіями ихъ, за то, что они не сохранили закона Господня, по слову Христову: «Отъимется отъ васъ царствіе Божіе, и дастся языку, творящему плоды его» (Мат. XXI, 43). Развѣ укоротилась десница Господня, что Онъ не можетъ отвергнуть папу и кардиналовъ и поставить на мѣсто ихъ другую іерархію, которая будетъ назидать Церковь безъ громкихъ титуловъ? Что дивнаго, если Богъ всемогущій, умерщвляя (morti-

(1) Ad. scr. Stan., c. 7, f. 281.
(2) Ibid., c. 12, f. 290, на об.

ficans) папу и кардиналовъ, впрочемъ, не отнимая у нихъ вѣчной жизни, если заслуживаютъ, допуститъ Церковь свою воинствовать тѣмъ же порядкомъ, какъ прежде, по всей вселенной, безъ этихъ мнимыхъ столповъ (sine illis cardinibus), повелитъ ей быть управляемой, какъ она управлялась во время оно, сообразно съ всесовершеннымъ закономъ своимъ, и возставитъ епископовъ и священниковъ, которые будутъ прилежно пасти его стадо благовѣстіемъ Евангелія, молитвою и примѣромъ жизни святой? (1) Благословенъ Христосъ, верховный Римскій первосвященникъ, который далъ благодать свою вѣрнымъ, что они и безъ видимаго Римскаго первосвященника могутъ достигнуть небесной отчизны подъ высшимъ его руководствомъ! Ибо кто осмѣлится сказать, что въ два года и пять мѣсяцовъ мнимаго правленія папши Агнесы, ни одинъ человѣкъ не достигнулъ блаженства; что по смерти одного папы, въ промежутокъ времени до избранія новаго, никто изъ умирающихъ не можетъ спастись? Благословенъ Богъ всемогущій, который такъ устрояетъ свою Церковь воинствующую, что не отъ папы, а отъ главы Христа, зависитъ ея духовная жизнь, и если обуяетъ папа, если даже сдѣлается еретикомъ, то все же Церковь остается вѣрной невѣстой Господа». (2)

Впрочемъ, не одной только молитвою, не однимъ желаніемъ сердца, участвуетъ Гусъ въ достиженіи благодатнаго единства и умиренія Церкви, а, согласно съ этою цѣлію, направляетъ и всю свою дѣятельность. Чего онъ искалъ, къ чему онъ стремился въ преніи съ Западомъ, выражается ясно въ его собственныхъ словахъ въ сочиненіи «О Церкви»: «Ложно обвиненіе, на насъ возводимое, будьто бы ищемъ отвратить народъ отъ истиннаго повиновенія. Наше намѣреніе: 1) чтобы народъ былъ единый и управлялся однообразно закономъ Христовымъ (concorditer regulatus); 2) чтобы противухристіянскія установленія не обуяли народа и не отдѣлили его отъ Христа, а чтобы царствовалъ безпримѣсный законъ Іисуса Христа съ соотвѣтственными обычаями народа, сообразными съ этѣмъ закономъ (cum consuetudine populi, ex lege Domini approbata); 3) чтобы духовенство жило во всей чистотѣ соблюденія Евангельскихъ заповѣдей, отложивъ въ сторону роскошь, алчность и пышность; 4) наша сторона желаетъ и проповѣдуетъ, чтобы Церковь воинствующая, по частямъ, на которыя

(1) De Ecclesia, c. 15, f. 224, на об., 225, на об., 226.
(2) De Ecclesia, c. 23, f. 254;—Ad. scr. Paletz, f. 261, на об.

распредѣлилъ ее Богъ (secundum partes, quas ordinavit Dominus), составлялась изъ священниковъ Христовыхъ, соблюдающихъ законъ его во всей чистотѣ, изъ князей міра сего (ex mundo nobilibus), побуждающихъ къ его сохраненію, и изъ простолюдиновъ (vulgaribus), служащихъ и тѣмъ и другимъ по закону Христову. Ласкательство предъ прелатами и страхъ, нагоняемый на нашу сторону, выражаются въ обвиненіи противниковъ, что мы стараемся привести вѣрный народъ къ ослушанію высшему духовенству, къ неуваженію папскаго, епископскаго, священническаго и вообще духовнаго сана. Благословенъ Христосъ Іисусъ, что они не осмѣлись наложить на насъ клевету въ неповиновеніи Господу, служеніе которому есть царственное». ([1]) Другими словами: Гусъ требуетъ самобытнаго существованія и управленія народною Церковію, огражденнаго цѣльностію и любовнымъ единствомъ ея составныхъ частей. Онъ отрицаетъ, какъ незаконное, всякое вмѣшательство папы въ дѣла постороннихъ епархій. Строгое распредѣленіе округовъ, которое весь Западъ Европы подчинило вѣдомству (jurisdictioni) Римскаго первосвященника, по мнѣнію Гуса, вышло первоначально отъ Римской Куріи (a capite et fronte Romanae Curiae). «Несправедливо»,—говоритъ онъ,—«что епископъ, или начальникъ (Rector) какой ни будь частной Церкви не имѣетъ права служить проповѣдію Слова Божія жителямъ другой епархіи; напротивъ, когда есть надежда, что онъ принесетъ болѣе пользы въ чужомъ приходѣ, онъ долженъ оставить на время собственный и безмездно приступить къ служенію чужаго. ([2]) Но вмѣшательство папы въ церковныя дѣла чужихъ епархій имѣетъ въ виду не духовное назиданіе вѣрующихъ, а денежные сборы посредствомъ легатовъ. Посольство Александра V въ Чехію не носило характера посольства апостольскаго; онъ, слыша въ своей Куріи, что Чехія приняла слово Божіе, прислалъ въ нее не Петра и Іоанна, для молитвы и низведенія Духа Святаго на слышащихъ слово возложеніемъ рукъ, а прислалъ какихъ-то отступниковъ съ повелѣніемъ остановить благовѣстіе Слова Божія въ Чешской столицѣ. ([3]) Стоитъ только сличить такія посольства съ святыми Апостольскими, чтобъ убѣдиться, что легаты Куріи Римской, приходящіе съ великою пышностію и съ корыст-

(1) De Eccl., c. 17, f. 251.
(2) Ad scr. Stan., c. 5, f. 278, на об.
(3) Ad scr. 8 Doct., c. 5, f. 297, на об., 298.

ными видами, суть легаты неправды. (1) Отсюда Гусъ выводитъ непремѣнный законъ благочинія церковнагó, въ примѣненіи къ собственной родинѣ, всѣми силами препятствовать дипломатическимъ сношеніямъ съ Римскою Куріею. «Богъ видитъ», — говоритъ онъ,—«что если бы въ мое время, какимъ ни будь чудомъ, явилось отъ Куріи Римской посольство въ Апостольскомъ духѣ, я съ радостію воспѣлъ бы на встрѣчу ему церковную пѣснь: «Граждане Апостольскіе и служители Божіи прибыли нынѣ, нося свѣтильники и просвѣщая отечество, возвѣстить миръ языкамъ и освободить народъ Божій»». Но такіе легаты, къ сожалѣнію, не посылаются въ наше отечество, а приходятъ съ другими условіями, такъ что, кто можетъ преградить имъ путь, и не дѣлаетъ того, навлекаетъ на цѣлый народъ неисчислимый вредъ. (2) Такимъ нарушителямъ церковнаго мира, народъ долженъ указывать путь отъ себя, какъ сдѣлали Угры съ кардиналомъ Бонифація IX, посланнымъ низложить съ престола короля Сигизмунда и возвести Ладислава, короля Апуліи. Легатъ принужденъ воротиться съ пустыми руками, потому что нарушилъ порядокъ церковный (turbaverat statum Ecclesiae) въ Далматіи и Угріи, пришедши не съ благовѣстіемъ мира, а съ перунами отлученія». (3) Самостоятельное управленіе Церковію, по мнѣнію Гуса, преимущественно должно выражаться въ свободномъ выборѣ епископа, безъ вниманія къ стѣснительнымъ распоряженіямъ папы. «Если бы папѣ вздумалось», — говоритъ Гусъ, — «отъ полноты своей власти, поручить управленіе паствой епископу, недостойному носить высокое званіе, по причинѣ безнравственной жизни, или невѣжества въ законѣ Господнемъ, или, наконецъ, по незнанію роднаго языка той страны (nec non propter idiomatis populi inexperientiam), которая поручается его управленію, ясно, что онъ не долженъ исполнить приказанія папы. А равно и народъ не долженъ принимать его въ пастыри, потому что и къ свинному стаду не приставляютъ негоднаго пастуха». (4) Очевидный намекъ на современное положеніе Чехіи. Въ другомъ мѣстѣ Гусъ прямо говоритъ, что «Чешскій народъ не имѣетъ епископа, испытаннаго въ законѣ Господнемъ, искуснаго въ Евангельской проповѣди на языкѣ родномъ, живущаго праведно, цѣломудренно и благо-

(1) Ibid., c. 4, f. 298, на об., 299.
(2) Ibid., f. 299, на об.
(3) Ibid., c. 11, f. 311.
(4) De Eccl., c. 21, f. 245.

честиво». (1) Начальникъ епархіи долженъ охранять ввѣренную ему паству отъ злоупотребленій посторонних властей, побуждать къ тому же приходскихъ священниковъ. Во время Гуса большая половина народа защищала этотъ основной залогъ церковнаго управленія, противъ незваннаго вмѣшательства Римскаго престола, (2) издавна привыкшаго продавать епископскій санъ, отъ полноты своей власти, людямъ недостойнымъ и стѣснять свободное Богослуженіе и проповѣдь буллами, или дѣйствіемъ церковнаго суда, (3) до того, что безъ воли первосвященника не могъ быть поставленъ и титулярный епископъ (nullatensis, по Чешски plaиу). (4) «Ясно»,—говоритъ Гусъ,—«что ослушаніе папѣ, уклоняющемуся отъ пути истины, есть повиновеніе Господу. Призываю въ свѣдѣтели міръ весь, что папская раздача бенефицій распространяетъ въ Церкви наемниковъ на огромное пространство, со стороны папъ даетъ случай величать въ нихъ излишне намѣстническую власть. (5) Въ слѣдствіе этого, Гусъ даетъ добрый совѣтъ прекратить сношенія съ папой, потому что не онъ одинъ получилъ ключи царства небеснаго, принадлежащіе всей воинствующей Церкви, согласно съ распредѣленіемъ отдѣльныхъ частей ея (secundum partes ad hoc habiles); (6) потому что лучшій наставникъ для Церкви—обѣтованный Духъ истины, котораго не нужно отыскивать въ предѣлахъ далекаго Рима, или Іерусалима, какъ всюду присущаго и наполняющаго собою вселенную»; (7) потому что Церковь вездѣ, гдѣ собраны двое, или трое, во имя Христово, и апостолы, а за ними и святые, подкрѣпляемые этѣмъ обѣтованіемъ, долгое время управляли Церковію безъ расколовъ и ересей, пока возрастающее могущество папы не положило начала раздорамъ. (8) Апостольское сѣдалище въ городѣ Римѣ не составляетъ необходимаго условія существованія Церкви, потому что Римъ можетъ погибнуть, на подобіе Содомы, но Христіанская Церковь будетъ стоять до скончанія вѣка». (9) Папа Анаклетъ называлъ Римскій престолъ

(1) Ad scr. Stan., c. 5, f. 278, на об.
(2) Ad scr. 8 Doct., c. 1, f. 291.
(3) Ad scr. Stan., c. 3, f. 274, на об.
(4) De Ecclesia, c. 18, f. 236, на об,
(5) Ad scr. Stan., c. 7, f. 281, на об.
(6) Ibid., c. 9, f. 284, на об.
(7) Ad scr. Stan., c. 8, f. 283.
(8) Ibid., f. 283, на об., c. 9, f. 285.
(9) De Eccl., c. 18, f. 237, на об.

вереею и князем (caput et cardo), употребляя сравненіе, какъ дверь вращается на петляхъ, такъ властію сѣдалища Римскаго, по распоряженію Господа, управляются всѣ прочія Церкви. «Довольно съ него»,—прибавляетъ Гусъ иронически,—«хорошо управлять самимъ собою и своими кардиналами (cardinibus), потому что, какъ на каждой петлѣ двигается одна только дверь, такъ и для нихъ достаточно быть управляемыми собственнымъ ученіемъ и властію, оставляя въ покоѣ прочія Церкви». (1)

Отвращаясь отъ Рима, Гусъ, во многихъ мѣстахъ, выражаетъ сочувствіе къ Грекамъ. Мы уже видѣли выше, что онъ оспариваетъ доказательства Римлянъ на подчиненность Греческой Церкви верховной власти первосвященника. Есть свѣдѣтельства еще болѣе ясныя. Въ сочиненіи «О Церкви» Гусъ говоритъ, что «есть много вѣрующихъ, которые ничего не знаютъ о Римѣ, о папѣ и кардиналахъ, и преимущественно отрицаютъ значеніе папы, какъ истиннаго преемника св. Петра, и кардиналовъ, какъ священниковъ изъ рода Левитовъ». (2) Въ отвѣтъ на положеніе Палеча, что Церковь не можетъ дробиться на нѣсколько частей, по числу папъ, оспаривающихъ другъ у друга первенство, Гусъ говоритъ, что «Церковь воинствующая, разсѣянная по всей вселенной, гдѣ только есть вѣрующіе, дробится не на три, а на многія, части, изъ которыхъ слагается вся ея цѣльность (dividitur multipliciter in partes, ipsam universalem Ecclesiam integrantes), а потому, если два, или три, или многіе въ Индіи, Греціи, Испаніи, или другой какой бы то ни было области, будутъ собраны во имя Христово, какъ возбранить имъ названіе Христіянской общины и самыхъ вѣрныхъ Христіянъ»? Онъ приводитъ въ доказательство слова Іеронима, въ посланіи къ Евандру пресвитеру: «Не должно полагать различія между Церковію Римскою и Церковію Вселенскою: и Галлія, и Британія и Африка, и Персія, и Востокъ, и Индія, и всѣ варварскіе народы, кланяются одному Христу, соблюдаютъ одинъ законъ истины. Если споръ зайдетъ о достоинствѣ, то Вселенская выше одного города; гдѣ бы ни былъ епископъ, въ Римѣ ли, въ Константинополѣ, въ Александріи, онъ вездѣ одинакого достоинства, одного и того же священства». (3) Въ сочиненіи противъ 8 докторовъ онъ смѣется надъ буллами папы, посыланными

(1) De Eccl., f. 256, на об., 257.
(2) Ibid., c. 16, f. 228, на об.
(3) Ad scr. Pal, f. 260, на об.

въ цѣлый міръ, по выраженію Латинянъ. «Докторамъ бы не слѣдовало»,—говоритъ онъ,—«распространять дѣйствіе ихъ на такое огромное протяженіе, потому что я слышалъ, что Французы и Англичане не хотѣли принять ихъ, да и Греки бы имъ не повѣрили (et Graeci illis non crederent), и многія бы царства ихъ осмѣяли, но Чехи, пугливѣе ослицы Валаамовой, приняли ихъ безъ сопротивленія». (1) Онъ считаетъ усиленіе папы послѣ наданія, главной причиной отторженія Грековъ. Сколько заблужденій возстало въ Церкви съ тѣхъ поръ преимущественно, какъ папа процвѣлъ не въ смиренной ризѣ Христовой, а въ царской багряницѣ, читаемъ въ лѣтописяхъ и въ дѣяніяхъ папскихъ. Во свѣдѣтельство чего возрасли многія ереси и расколы въ Церкви воинствующей съ тѣхъ поръ, какъ усилился папа. А потому, не только Греки соблазняются первенствомъ этой главы (non solum Graeci scandalizantur in illo capite), но, при раздорахъ, возникшихъ между самими папами, началось раздвоеніе въ народѣ. (2) Спаситель, не желая тяготить невыносимою ношею св. Вселенскую Церковь въ ея отдѣльныхъ членахъ, не утвердилъ ни въ Римѣ, ни въ другомъ какомъ либо городѣ исключительнаго прибѣжища вѣрныхъ и разослалъ по всему міру апостоловъ, изъ которыхъ каждый могъ поставлять епископовъ и пресвитеровъ, не прибѣгая къ Петру; ибо до человѣческаго постановленія, утвердившаго привилегіи папы и императоровъ, вѣрные Христіяне (Christi fideles) не обязывались прибѣгать къ папѣ и кардиналамъ. И теперь еще, женихъ Христосъ не принуждаетъ вѣрныхъ, разсѣянныхъ по вселенной, обращаться къ папѣ, какъ не обращаются нынѣ Инды и Греки, о которыхъ не должно думать, что они достойны осужденія (sicut nec recurrunt Indi et Graeci, de quibus absit credere, quod singuli sint damnandi)». (3) Говоря объ апостольской проповѣди, Гусъ, подобно Матѳію Парижскому, отдавалъ предпочтеніе Грекамъ: «Апостолы непосредственно, или посредственно, просвѣщали всѣ племена и народы: Грековъ, Латинянъ и варваровъ». (4) Еще въ 1405 году, слѣдовательно, въ самомъ началѣ его богословскаго поприща, если вѣрить обвиненіямъ, на него возводимымъ, Гусъ утверждалъ, что какъ Церковь, по случаю великаго раскола. не имѣетъ болѣе

(1) Ad scr. 8 Doc., c. 1, f. 293.
(2) Ad scr. Stan., c. 7, f. 279.
(3) Ibid., c. 9, f. 285.
(4) Ibid., c. 5, f. 278.

истинной главы, то должна жить по примѣру Грековъ, не признающихъ папы. (1)

Обозрѣвши догматическія мнѣнія Гуса, и въ особенности его отношенія къ Риму, спросимъ самихъ себя: въ какой связи находились они съ религіознымъ движеніемъ въ Чехахъ, предшествовавшимъ явленію Гуса? Въ самой естественной, судя по характеру ученія Гуса, близкаго къ Православію, и въ особенности по слѣдствіямъ его для народа. Сличимъ главные виды вѣроисповѣднаго противодѣйствія Чеховъ Римскому престолу до начала XV столѣтія: Евхаристію подъ обоими видами, богослуженіе и проповѣдь на родномъ языкѣ, отрицаніе Латинской Іерархіи, съ коренными вопросами ученія Гусова, и увидимъ совершенное тождество. Потребности народа живо отозвались во всенародной проповѣди Чешскаго учителя. Сдѣсь съ самаго начала не могло быть того раздвоенія между проповѣдникомъ и паствой, которое отразилось въ плачевныхъ событіяхъ Нѣмецкой реформаціи. Ученіе Гуса не имѣло притязанія на новость, на возстановленіе лучшаго, но утраченнаго, порядка вещей; оно только собирало въ стройное цѣлое всѣ народныя вѣрованія и предлагало ихъ въ богословской системѣ разумному сознанію слушателей. Совершенно другое въ ученіи Лютера. Преобразователь Нѣмецкій проповѣдывалъ такое ученіе, о которомъ самъ говорилъ, что оно потеряло чистоту свою непосредственно послѣ апостоловъ, искажалось въ продолженіи 1400 лѣтъ, и въ новѣйшее время снова выведено на свѣтъ Божій его собственной проповѣдію. Гусъ, на обвиненіе противниковъ, что онъ вводитъ заблужденія новыя, отвѣчалъ превосходно: «Я не слѣдую Вальденской ереси, а истинѣ Господа Іисуса Христа; не слѣдую сектѣ Армянской, а ученію апостоловъ». (2) И дѣйствительно, ученіе Гуса не поражаетъ насъ особенной новостію своихъ положеній; мы слышимъ въ немъ отголосокъ какихъ-то родственныхъ звуковъ; оно опирается всѣми частями своими на ученіе апостоловъ и церковныхъ учителей. А потому въ отношеніи къ большой половинѣ Чешскаго народа, оно, въ собственномъ смыслѣ, не было преобразованіемъ, потому что не вносило новаго элемента въ религіозную жизнь, а только пробуждало старинныя воспоминанія, свѣжо хранившіяся въ извѣстной части народа. Оно по тому

(1) Lanfant, Hist. du conc. de Basle, 1, 52.
(2) Ad scr. 8 Doct., f. 302.

не могло называться по имени какой ни будь частной Церкви отрицаніемъ Латинской, или возвращеніемъ къ Греческой, что вело начало свое отъ того благодатнаго времени, когда еще не было строгаго дѣленія между той и другой, когда обрядовое различіе исчезало въ общности преданій апостольскихъ. Вѣра Христова, возвѣщенная во всей чистотѣ апостольскаго исповѣданія въ новопросвѣщенной Меѳодіемъ Чехіи, какъ вѣра, гонимая въ продолженіе столѣтій Латинскою Церковію, въ ея постепенномъ уклоненіи отъ истины, окрѣпла въ разумномъ сопротивленіи народа, оставшагося вѣрнымъ преданію отцевъ: она возрастила и Гуса, котораго жизнь и ученіе носитъ на себѣ яркій отпечатокъ единства и всемірной любви, соединявшей Христіянскія общины временъ, ближайшихъ къ апостоламъ. Церковь торжествующая въ гоненіи, (а такова была Чешская Церковь учениковъ Меѳодія), сохраняетъ естественно неизмѣнныя формы своего первобытнаго существованія, потому что гоненіе укрѣпляетъ вѣру, заставляя привязываться сердцемъ къ гонимому. Отсюда понятно, почему ученіе Гуса по видимому мало сочувствуетъ современности, а возводитъ всѣ противорѣчія къ давно прошедшимъ временамъ апостольскаго единомыслія. Его препираніе съ папой не отзывается наукообразнымъ изложеніемъ Лютера; на ней лежитъ печать особенной торжественности; это живой отголосокъ того церковнаго стиля, которымъ учители Церкви побораля возникавшія ереси. Изъ этого отношенія къ прошедшему объясняется, почему Гусъ, обнаружившій признаки живаго сочувствія къ Греческой Церкви, не сказалъ послѣдняго слова народу, по видимому, его ожидавшему, не призналъ себя прямо единомышленникомъ Православія, не протянулъ руки къ братскому соединенію съ Греками, какъ сдѣлали лѣтъ черезъ сорокъ его послѣдователи, объясняется, почему Гусъ гонялся за возстановленіемъ Апостольской Церкви, съ всемірною проповѣдію, съ обращеніемъ язычниковъ, безъ строгаго распредѣленія епархій. Ему Христіянская Церковь представляется все тѣмъ же нераздѣльнымъ полемъ Евангельской проповѣди, какимъ было она во времена апостоловъ. Инды, Еѳіопы, Сарацины и Греки стоятъ на одинаковыхъ степеняхъ постиженія вѣры, по отношенію къ той же апостольской проповѣди, просвѣщавшей вселенную (1). Но, съ другой стороны, въ отно-

(1) А какъ Апостольская Церковь во всей чистотѣ сохранилась только во время Гуса и наше въ Церкви Греческой Православной, которая отъ первой отличается

шеніи къ Латинскому Западу, ученіе Гуса является настоящимъ преобразованіемъ, какъ первое наступательное движеніе стороны, дотолѣ державшейся только оборонительно. Гусъ самъ усилія свои положить предѣлы злоупотребленіямъ папы объясняетъ искреннимъ желаніемъ преобразовать, реформировать Церковь (ex affectu reformationis Ecclesiae). (1) То было, послѣ Виклефа, первое стройное возстаніе противу первенства папы и Западной Церкви, выраженное въ литературныхъ произведеніяхъ. Но оно исходило изъ совершенно другаго источника, нежели дѣятельность Виклефа, не смотря на усилія Запада пріобщить ее къ прежде бывшимъ явленіямъ еретическихъ сектъ. Вопросъ о вліяніи Виклефа на Гуситское движеніе въ Чехіи, послѣ новѣйшихъ изслѣдованій о первомъ, можно считать окончательно рѣшеннымъ. Не говоря уже о значительной разницѣ въ догматическихъ мнѣніяхъ Гуса и Виклефа, племенное начало, рѣзко выдающееся въ богословской дѣятельности того и другаго, утверждаетъ между ними цѣлую бездну. Преобразованіе Церкви, предложенное Виклефомъ, носитъ по преимуществу государственный характеръ. Религіозное значеніе папы, нарушившаго правильное отношеніе между епископами, остается у него въ сторонѣ; онъ отрицаетъ только свѣтское могущество, присвоенное духовенству Константиновымъ вѣномъ. Въ ученіи Виклефа, выросшемъ изъ чисто народныхъ началъ, заключается зародышъ будущей реформаціи Генриха VIII. Коренное начало, которое легло въ основаніи послѣдней, что король—

одинмъ лишь имѣемъ, даннымъ ей по тому народу, который наиболѣе потрудился для нея, касательно распространенія и сохраненія чистоты ученія Христова непосредственными учениками и послѣдователями его, то отсюда само собою вытекаетъ, что Гусъ, ратуя за первую, ратовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и за вторую: та и другая для него были безразличны. Память объ этой Апостольской Православной Церкви никогда не истреблялась между Чехами: Гусъ посвятилъ свою дѣятельность на болѣе сильное проявленіе ея въ жизни своего народа. Съ одной стороны, признавая ее единою истинною Церковію, а съ другой болѣе, что бы она, съ теченіемъ времени, не уступила натиску своей соперницы, Церкви Латинской, извращенной злоупотребленіями своего духовенства, преимущественно папъ, Гусъ полагалъ обязанностью каждаго истиннаго сына Церкви истинной заботиться о преобразованіи первой посредственно и непосредственно. Употребляя названіе «Церковь Апостольская», онъ обнаружилъ тѣмъ глубокій тактъ въ отношеніи къ Латинянамъ: это названіе не обижало ихъ гордости, менѣе щекотило ихъ самолюбіе, было полемъ, на которомъ легче и скорѣе всего могли сойтись два противника. Въ миролюбивомъ стремленіи своемъ онъ соглашался даже называть ее Церковію Римскою, но не въ современномъ значеніи этого имени, а въ томъ, въ какомъ можно было ее величать такъ, по его мнѣнію, безъ обиды кому бы то ни было. См. выше, стр. 316 и слѣд. *Издат.*

(1) Ad scr. Stan., c. 6, f. 279, на об.

глава Церкви, во всей опредѣленности еще не высказано Виклефомъ; но уже подготовлены имъ всѣ условія будущаго владычества государства надъ Церковію: 1) отнятіе недвижимой собственности у духовенства; 2) преобразованіе Церкви не духовенствомъ, а черезъ посредство правительства, короля и парламента. Оставляя священникамъ только обязанность проповѣдывать и толковать мірянамъ Евангеліе, онъ отнимаетъ у нихъ наблюденіе за порядкомъ церковнымъ, допускаетъ вторженіе власти гражданской въ самые догматы вѣры, считаетъ его не только позволеннымъ, но даже законнымъ и необходимымъ. Поклонникъ Англійской аристократіи, Виклефъ не раздражаетъ и Рима. Не даромъ Католики заклеймили его позоромъ двукратнаго отреченія; а сочиненія его, исполненныя противорѣчій, остались живымъ памятникомъ шаткости его вѣрованій. Низшіе слои народные, которымъ онъ польстилъ на время надеждой освобожденія отъ ига епископовъ, перешли еще въ болѣе тягостную зависимость отъ свѣтской аристократіи. А потому возстаніе крестьянъ, которое приписывало ему духовенство, искавшее случая обвинить его предъ гражданскою властію въ нарушеніи общественнаго порядка, ни мало не причастно его реформаціи.

На сколько участвовало ученіе Лоллардовъ и Виклефа въ религіозныхъ движеніяхъ Европейскаго материка? Для полнаго рѣшенія этого вопроса необходимо подробное изученіе всей современной исторіи церковной и политической. Латинская Церковь во всѣ времена охотно связывала Гуситскій переворотъ съ предшествующими событіями Реформаціи Англійской. «Отвратительная ересь Виклефистовъ и Чешскихъ Гуситовъ, превосходящая въ жестокости всѣ ереси протекшихъ столѣтій, усилилась въ наши дни»,— говоритъ усердный Католикъ, Кохлей. (1) Нѣмецкіе писатели единогласно признаютъ непосредственную связь между ученіемъ Виклефа и ученіемъ Гуса. Но еще Ланфанъ справедливо замѣтилъ, что послѣднее несравненно умѣреннѣе перваго и гораздо менѣе отступаетъ отъ ученія Римскаго. Совершенно наоборотъ, Гуситы Пражскіе вѣру свою называютъ вѣрой отцевъ: они просили Юрія Подѣбрадскаго не отдавать преимущества священникамъ, вводящимъ Римской обрядъ, и не подвергать гоненіямъ тѣхъ, которые слѣдуютъ вѣрѣ отцевъ. «Безславно предпочитать чужіе обычаи

(1) Hist. Hussit., p. 240.

преданіямъ отеческимъ». (1) Прокопъ великій, вождь Таборитовъ, ученый представитель ихъ на Базельскомъ соборѣ, не можетъ удержать своего негодованія, когда кардиналъ-предсѣдатель называетъ его еретикомъ. На состязаніи въ Краковѣ между Гуситами и Католиками, о которомъ повѣствуетъ Длугошъ, Табориты, на увѣщаніе короля Польскаго обратиться къ истинной вѣрѣ, отвѣчали: «Мы слѣдуемъ прямому пути Евангелія и нашихъ отцевъ, пути долго не познанному, но въ наше время открывшемуся, и будемъ слѣдовать ему неуклонно, пока не докажутъ намъ ложности его Вселенскимъ соборомъ». Сдѣсь, вопреки усиліямъ Западной Церкви, окрестить ихъ новою Виклефскою ересью, Гуситы, считаютъ себя настоящею Церковію, преемственно хранящею преданія отцевъ Церкви первоначальной. Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что Гусъ многому научился у Виклефа и постоянно защищалъ его мнѣнія. Какое же отношеніе между обоими?

Въ концѣ XIV столѣтія между Чехіею и Англіею завязались тѣсныя сношенія, по случаю брака дочери Карла IV съ Ричардомъ II. Сопровождавшіе ее Чехи долго оставались при Британскомъ дворѣ, по свѣдѣтельству Вальсингама, который жалуется на безстыдство этѣхъ иноземцевъ. Въ свою очередь, ученые Англичане наѣзжали во множествѣ въ Парижскій Университетъ, достигшій въ то время Европейской значительности. Можно полагать съ вѣроятностію, что Виклефъ переписывался съ Матѳіемъ Парижскимъ. (2) Когда сочиненія Виклефа сдѣлались извѣстными на материкѣ? По замѣчанію Палацкаго, еще до конца XIV столѣтія происходили, по всей вѣроятности, въ Прагѣ сильныя прѣнія о положеніяхъ Виклефа, потому что Щитный упоминаетъ о распряхъ между докторами Университета о догматѣ пресуществленія. (3) Важнѣе всего въ этомъ случаѣ собственное свѣдѣтельство Гуса. Въ сочиненіи противъ Англичанина Стокеса (1411 года) онъ говоритъ, что Оксфордскій Университетъ имѣетъ и читаетъ

(1) Ibid., 8. 337.

(2) Это предположеніе Ланфана, основанное на письмѣ Виклефа къ Гусу, сохранившемся въ нѣкоторыхъ источникахъ. См. приложенія къ монографіи Кеппена о Моравскихъ Братьяхъ, гдѣ письмо это приведено въ подлинникѣ, а въ переводѣ въ Исторіи Констанцкаго собора. Письмо это, безъ сомнѣнія, искажено, потому что надписано къ Гусу, который, въ годъ смерти Виклефа, былъ только 17 лѣтній ученикъ.

(3) Palacky, G. v. Böhm.. III, 190, Anm. 238. Dějiny nár. česk. III, 1, str. 39, pozn. 58.

творенія Виклефа около 30 лѣтъ, а онъ самъ и члены Пражскаго Университета около 20 и болѣе лѣтъ; слѣдовательно, въ Чехіи онѣ сдѣлались извѣстными около 1390 года, и Гусъ читалъ ихъ, не бывши еще баккалавромъ. ([1]) Этѣмъ опровергается разсказъ Теобальда, что Іеронимъ, ученикъ и другъ Гуса, впервые познакомилъ его съ сочиненіями Виклефа, привезенными имъ изъ Англіи, въ 1402 году, и что Гусъ, не имѣвшій объ нихъ ни какого понятія, просилъ его либо сжечь, либо бросить ихъ въ рѣку Велтаву, какъ еретическія, чтобъ онѣ не попались въ руки нововводителей. Изъ словъ Гуса видно, что онѣ въ продолженіе 10 лѣтъ читались свободно Университетомъ, не подвергая читавшихъ подозрѣнію въ ереси, потому что первое ихъ осужденіе въ Прагѣ послѣдовало не ранѣе 1403 года. Какія именно сочиненія Виклефа распространены были въ Чехіи? Діалогъ, Тріалогъ и книга De realibus universalibus. О первой говоритъ Гусъ въ возраженіи Стокесу, о послѣднихъ Теобальдъ, что онѣ привезены Іеронимомъ. ([2]) Достовѣрно извѣстно, что Гусъ перевелъ Тріалогъ съ Латинскаго на Чешскій языкъ и посвятилъ переводъ Іодоку Моравскому. Кохлей, сообщающій это извѣстіе, прибавляетъ, что Гусъ повсемѣстно, и устно и письменно, разглашалъ достоинство сочиненій Виклефа, перевелъ и другія книги его на Чешскій языкъ и, въ видѣ подарка, разсылалъ ихъ къ знатнымъ Чехамъ и Моравамъ. ([3]) Изъ прочихъ 16 книгъ, сожженныхъ архіепископомъ Сбинкомъ, только пять содержанія богословскаго (De incarnatione Verbi, De Trinitate, Super Evangelia Sermones, Decalogus, De corpore Christi); остальныя, по словамъ самаго Гуса, относятся къ области Логики, Философіи, Математики, Иѳики. ([4]) Писатели, которые старались тѣснѣе связать ученіе Гуса съ ересью Виклефа, приписывали ему нечаянное знакомство съ сочиненіями послѣдняго, и всю послѣдующую дѣятельность его, направленную на духовенство и Церковь, объясняли естественно вліяніемъ Англійскаго реформатора. Въ доказательство приводили ложную мысль о постепенномъ развитіи антиіерархическихъ убѣжденій Гуса, о замѣтномъ совершенствованіи въ его богословско-литературныхъ произведеніяхъ ([5]). Но исторія показываетъ, что книги

(1) Hist. et Mon. Hus., I, f. 108.
(2) Theob., Hussitenkr. I, p. 9.
(3) Cochlaei, Hist. Hussit., p. 15. — Heller, Hieronymus v. Prag, S. 28.
(4) Appellatio Hus ad Papam, I, f. 90, 91.
(5) На пр., Флате, который слишкомъ много вѣритъ Кохлею.

Виклефа, одно изъ лучшихъ достояній современнаго ученаго міра, давно уже были собственностію Пражскаго Университета; что онѣ составляли предметъ академическихъ диспутовъ между магистрами и докторами, въ которыхъ принимали участіе всѣ, хотя сколько нибудь значительные, члены Университета: кромѣ Гуса и Іеронима, Якубекъ изъ Стрибра, Андрей изъ Чешскаго Брода, Палечъ, Станиславъ изъ Зноима и много другихъ. Этѣ споры могли касаться и области вѣры, но, судя по большинству сочиненій Виклефа, извѣстныхъ въ Чехіи, обращались преимущественно около схоластическихъ вопросовъ двухъ школъ: реалистовъ и номиналистовъ. Это могли быть обыкновенныя прѣнія, какими почти исключительно занимались Университеты средняго вѣка, безъ ближайшей связи съ современнымъ религіознымъ вопросомъ. Въ Чехіи особенная важность придана сочиненіямъ Виклефа Западной Церковію уже послѣ начала богословской дѣятельности Гуса; во всякомъ случаѣ, обвинить его въ сочувствіи къ Виклефу было бы въ высшей степени недобросовѣстно, потому что первое разсужденіе его (1401 г.) «О Тѣлѣ Христовомъ,» подробно разбираетъ вопросъ о пресуществленіи, и сдѣсь защищается мнѣніе, противное Виклефу, который не вѣрилъ въ дѣйствительное присутствіе Тѣла и Крови Христовыхъ въ видимыхъ символахъ хлѣба и вина. Значитъ, Гусъ, давно уже имѣвшій подъ руками сочиненіе Виклефа тогоже содержанія (De corpore Christi), не слишкомъ слѣпо довѣрялъ своему мнимому учителю, а въ сочиненіяхъ Якубка изъ Стрибра не видать и слѣдовъ вліянія Виклефа. Если въ послѣдствіи Гусъ занимался предпочтительно обороной его положеній противъ незаконнаго дѣйствія Церковной власти, то это объясняется, съ одной стороны, чертой правдолюбія въ его характерѣ, съ другой, отношеніями къ Пражскому Университету, котораго привилегіи были нарушены самовластнымъ вмѣшательствомъ архіепископа. На первомъ осужденіи 45 статей, Гусъ, какъ извѣстно, не защищалъ ихъ безусловно, а только обличалъ обвинителя, магистра Гибнера, въ подлогѣ небывалыхъ статей. (1) На второмъ собраніи магистровъ, докторовъ и студентовъ 1408, по самому достовѣрному свидѣтельству одного изъ присутствовавшихъ магистра, Яна изъ Прибрама, Гусъ, вмѣстѣ съ прочими, осудилъ два, или три, положенія Виклефа

---

(1) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 1, S. 195, Anm. 252.—Dějin. nár. česk. III, 1, str. 44, pozn. 72.

относительно таинства Евхаристіи; (1) да и послѣ, вездѣ, гдѣ ни приходилось Гусу говорить объ немъ, онъ нигдѣ не признавалъ его непогрѣшительнымъ, но и не порицалъ отъявленнымъ еретикомъ? На пр., въ сочиненіи противъ Стефана Палеча: «Сознаюсь, что я готовъ защищать справедливыя мнѣнія Виклефа, не по тому, что онѣ принадлежатъ ему, а поскольку онѣ основаны на св. Писаніи. Если же онъ въ чемъ ни будь заблуждался, то я нисколько не намѣренъ подражать ни ему, ни другому кому либо въ его заблужденіи (2); надобно умѣть между шипами выбирать прелестныя розы». (3) На Констанцкомъ соборѣ онъ съ такимъ же мудрымъ безпристрастіемъ опредѣлилъ свои отношенія къ Виклефу. Вообще же, до самаго 1410 года, онъ ни въ проповѣдяхъ, ни въ сочиненіяхъ не упоминалъ объ имени Англійскаго преобразователя, и ограничивался самыми слабыми протестами противъ осужденія книгъ его, на которое возставалъ по тому только, что осуждавшіе не дали себѣ труда сдѣлать правильный разборъ предложенныхъ статьямъ, и доказывать ложность ихъ св. Писаніемъ. Въ то время героями оппозиціи были отступники: Палечъ и старшій докторъ Станиславъ изъ Зноима, съ любовію защищавшіе истину ученія Виклефова. Послѣ сожженія книгъ архіепископомъ Сбинкомъ, Гусъ, въ первый разъ всенародно принимаетъ на себя роль защитника ихъ, и до 1413 года преслѣдуетъ цѣль свою съ неутомимой ревностію. Честь Университета была сильно затронута истребленіемъ книгъ, насильно отобранныхъ у докторовъ и магистровъ и сожженныхъ, не смотря на протесты Университета. Еще болѣе затронута честь государства подозрѣніемъ въ ереси, потому что книги, осужденныя нѣсколько разъ въ другихъ Католическихъ державахъ, стали распространяться во всѣхъ сословіяхъ Чешскаго народа, какъ плодъ запрещенный. Этѣми двумя отношеніями опредѣляются всѣ послѣдующія препиранія Гуса съ Латинскою Церковію за сожженіе книгъ. Въ жалобѣ къ папѣ, въ защищеніи книги о Пресвятой Троицѣ, въ возраженіи Стокесу, Гусъ отвѣчаетъ на обвиненіе въ ереси правильнымъ силлогизмомъ, что если чтеніе книгъ еретическихъ влечетъ за собою участіе въ ереси, то все Христіянство, отъ первыхъ вѣковъ своего существованія, подпадаетъ этому нареканію, потому что Августинъ, Іеронимъ,

(1) Mon. Hus, I, f. 264.
(2) Ad. scr. Stan., c. I, f. 267. — Replica contra Stokes, f. 108, v. v.
(3) M. Joannis de Przibram, Bohemi, de professione fidei Catholicae, et errorum revelatione, an. 1428, у Кохлея стр. 22 и 48, 513, 539.

Амвросій и Беда совѣтуютъ знакомиться съ книгами еретиковъ, дабы не грѣшить противъ вѣры невѣдѣніемъ и, отдѣляя сѣмя отъ плевелъ, предохранить себя отъ паденій примѣромъ еретиковъ. И Іоаннъ Златоустъ не хотѣлъ приложиться, безъ доказательствъ несомнѣнныхъ, къ приговору, произнесенному надъ книгами Оригена епископами и духовенствомъ. «По какому же праву, безъ тщательнаго разбора, истреблять такое множество книгъ философскаго содержанія ко вреду Университета и къ униженію Чешской державы? Отъ чего же не сожгли они книгу Аристотеля о небѣ и мірѣ, которая вся направлена противъ перваго догмата нашей вѣры, противъ перваго стиха Бытія: «Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю?»» Отъ чего не истребили и Физику Аристотеля, гдѣ осмѣивается мнѣніе Платона о сотвореніи міра? И книгу сентенцій М. Петра Ломбарда, въ которой содержится множество заблужденій? Сдѣсь таится что-то невѣдомое, что побудило ихъ сжечь именно книги М. Іоанна Виклефа, и пощадить другія. Выходите же къ отвѣту, виновники сожженія, покажите явныя ереси въ сочиненіи о Троицѣ, изложите разумныя причины, побудившія васъ къ такому поступку?» (1)

Причины заключались въ лукавой политикѣ Рима, которая силилась отвлечь вниманіе народа отъ Православнаго вопроса и, выставляя на первомъ планѣ сочиненія Виклефа, старалась насильственнымъ образомъ объяснять нововведенія Гуса этѣмъ постороннимъ вліяніемъ. Она успѣла нѣкоторымъ образомъ въ своемъ намѣреніи, потому что молва о Виклефской ереси въ Чехіи пронеслась по окрестнымъ державамъ и соблазнила многихъ легковѣрныхъ. Но Чехія и Моравія не могли поддаться обману, потому что слышали проповѣдь Гуса и могли оцѣнить безпристрастно его отношенія къ Виклефу. Гусъ, съ своей стороны, умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, чтобъ нанести ударъ Латинскому духовенству. Съ 1410 года получили начало всѣ сочиненія, писанныя имъ въ пользу Виклефа. А такъ какъ все дѣло касалось преимущественно членовъ Университета, то онъ, въ разборѣ 45 положеній, какъ можно менѣе дѣлился съ народомъ своими открытіями, а дѣлалъ ихъ предметомъ академическихъ споровъ въ Коллегіи Карла. (2) Такимъ образомъ, въ продолженіе первой

(1) Actus pro defens. libri de Trinitate, I, f. 107.

(2) По обыкновенію, общему въ ученомъ сословіи, призывая на совѣщаніе докторовъ и сосѣднихъ Университетовъ. De ablatione temporalium a clericis, I, f. 117, на об.

половины 1412 года, онъ защищалъ преимущественно четыре положенія Виклефа: 1) Тѣ, которые опускаютъ обязанность проповѣди, изъ страха отлученія папскаго, будутъ судиться на Страшномъ Судѣ, какъ предатели Господа. 2) Позволено діякону, или пресвитеру, проповѣдывать безъ особеннаго разрѣшенія папы, или Католическаго епископа. 3) Десятины суть чистыя милостыни. 4) Духовенство не должно имѣть частной недвижимой собственности. Изъ всѣхъ разсужденій Гуса, три диспута, на которыхъ разсматривались вышеозначенныя положенія, всѣхъ болѣе отзываются средневѣковой схоластикой, а это объясняется весьма естественно чисто ученымъ ихъ назначеніемъ.

Ясно, что отношенія Гуса къ Виклефу были условлены не тождествомъ догматическихъ мнѣній, а необходимостію, въ которую онъ былъ поставленъ Латинскою Церковію — точнѣе опредѣлить ихъ, дабы не подать и народу повода къ соблазну. Не сочувствіе Виклефу, потому что Гусъ прибѣгалъ къ очевиднымъ натяжкамъ для того, чтобы умѣрить, сколько возможно, его рѣзкое воззрѣніе на многія истины вѣры, а особенная черта правдивости побудила его познакомиться ближе съ сочиненіями предшественика, на которыя онъ до тѣхъ поръ не обращалъ особеннаго вниманія. Она повторилась и въ его послѣдователяхъ, Прибрамѣ и Рокицанѣ, изъ которыхъ въ особенности первый, не смотря на личныя отношенія къ Западной Церкви, выискивалъ съ большими натяжками всѣ тѣ скудныя мѣста въ сочиненіяхъ Виклефа, которыя могли послужить къ его оправданію передъ строгимъ судомъ духовенства. Къ этой главной причинѣ присоединилась другая, не менѣе важная—спасти честь любимаго Университета и славу королевства, обнесеннаго злонамѣренными агентами Куріи Римской. Во всякомъ случаѣ, Латинское духовенство болѣе проиграло, нежели выиграло отъ своихъ притязаній на Гуса. Вся часть его ученія, которая касается свѣтской власти духовныхъ, не столько носитъ на себѣ яркіе слѣды ученія Виклефа, сколько цѣликомъ перенесена изъ послѣдняго и вскорѣ воздѣйствовала въ Чехіи въ борьбѣ свѣтскаго начала аристократіи съ безусловнымъ дотолѣ преобладаніемъ клира. Она положила начало общему отобранію церковныхъ имуществъ на материкѣ Европейскомъ, и кровавыя явленія, сопровождавшія бранныя чудеса Таборитовъ, были первымъ, отчаяннымъ взрывомъ вѣковой борьбы, которая силилась, съ одной стороны, возвратить духовенство къ первоначаль-

ному назначенію его въ Церкви Апостольской, съ другой, поддержать сокрушавшійся колосъ іерократіи Запада.

Оборона Виклефа, споры съ докторами за осужденіе статей его, отрицаніе свѣтскаго могущества папы и вообще духовенства, подчиненіе послѣдняго въ дѣлахъ свѣтскихъ верховной правительственной власти въ лицѣ короля—если обратимъ вниманіе въ особенности на послѣдствія ихъ для жизни народной—принадлежатъ, конечно, къ числу важнѣйшихъ сторонъ всенародной дѣятельности Гуса, но отходятъ въ ряды второстепенныхъ явленій его реформаціи, какъ скоро поставимъ ихъ въ соотношеніе съ великой догматической и церковно-исторической частію его ученія. Правда, Гусъ первый съ особенной ясностью выразилъ мысль о чисто духовномъ назначеніи священства, о разъединеніи свѣтской власти съ духовною въ лицѣ высшихъ сановниковъ Церкви. По мнѣнію его, пять главныхъ обязанностей священнаго сана: 1) истинная проповѣдь Евангелія Христова; 2) непрестанная молитва за народъ; 3) безмездное совершеніе и преподаваніе Таинствъ; 4) глубокое изученіе св. Писанія; 5) жизнь примѣрная. (1) Вотъ наставленіе, посланное имъ изъ Констанца одному священнику Пражскому: «Возлюбленный братъ! Нелѣностно проповѣдуй Евангеліе, твори дѣло добраго благовѣстника; не забывай своего призванія, трудись, какъ вѣрный воинъ Христовъ. Прежде всего живи благочестиво и свято; за тѣмъ учи вѣрно и истинно. Будь образцемъ для другихъ въ благодѣланіи, дабы не терпѣть укоризны отъ паствы; обличай грѣхи, приводи на память вѣчное блаженство, проповѣдуй прилежно, но кротко, и съ мудрымъ разумѣніемъ Писанія; не утверждай сомнительнаго, дабы не подпасть осужденію противниковъ, которые рады случаю чернить ближняго и ругаться надъ служителемъ Божіимъ; побуждай къ исповѣданію вѣры и къ причащенію тѣлу и крови Христовымъ подъ обоими видами, дабы истинно кающіеся тѣмъ чаще приступали къ Таинству». За тѣмъ слѣдуютъ сильные возгласы противъ общенія съ женщинами, увѣщаніе къ одиночеству, къ непрестанной проповѣди противъ хищнаго звѣря, сластолюбія». (2) Тотъ же характеръ въ рѣчахъ Гуса къ современному духовенству. Онъ нападаетъ на основные столпы могущества духовнаго сана: на его властолюбіе,

(1) De quinque officiis sacerdotis. His. et Mon. Hus. I, f. 154.
(2) Ep. 9, I, 59, на об.

на превратныя отношенія къ мірянамъ, на святокупство, на пышность, богатство и свѣтскую власть; особенно поражаетъ его возмутительный обычай Латинскаго клира облекаться въ воинскіе доспѣхи, ополчаться на брань, проливать кровь непріятелей на полѣ битвы. (1) «Есть высшая духовная брань, совершаемая не съ мечемъ въ рукѣ, а съ молитвой въ устахъ. Только смиреніемъ, служеніемъ и высокой терпимостію священникъ стоитъ выше мірянъ. (2) Христосъ никогда не сражался мечемъ вещественнымъ, и учениковъ своихъ отклонялъ отъ того же. (3) И апостолы не сопротивлялись гонителямъ, повелѣвая особеннымъ правиломъ, чтобъ епископъ, пресвитеръ и діяконъ, дерзнувшій поднять руку на кого бы то ни было, на вѣрнаго, или невѣрнаго, немедленно лишенъ былъ священства. Іеронимъ брань епископа полагаетъ въ ученіи и молитвѣ за народъ и воспрещаетъ ему тѣлесную брань. Амвросій въ письмѣ къ Валерію пишетъ трогательно. «Я не могу покинуть паствы своей; принужденный сражаться, не умѣю владѣть оружіемъ; молитвы и слезы—единственные доспѣхи служителя Божія». Григорій Великій отказывается посылать рабовъ своихъ на войну съ Лонгобардами, чтобы не сдѣлаться невиннымъ орудіемъ чьей бы то ни было смерти. А теперь Римскій епископъ крестовыми буллами посылаетъ на смерть цѣлыя тысячи народа. (4) Церковь, собраніе вѣрующихъ, имѣетъ два меча: духовный и свѣтскій. Она дѣлится на духовенство и паству, чтобы церковнослужители не сражались за себя лично, а поручали это дѣло мірянамъ, призваннымъ къ защитѣ закона и Церкви. Въ особенности оскорбляютъ величіе Божіе споры священниковъ за свѣтскія владѣнія. Христосъ нѣсколько разъ уклонялся отъ гоненія враговъ, верховные апостолы въ Римѣ усмирили возмущеніе народа противъ Нерона. Апостолы Андрей и Іоаннъ терпѣніемъ обезоружили народъ, готовый отплатить ихъ мучителямъ. Если и папа желаетъ побѣдить враговъ своихъ, то пусть возстанетъ на нихъ оружіемъ молитвы, по слову Христову: «Царство мое не отъ міра сего»». Напрасно говорятъ, что это обязанность однихъ только избранныхъ. Въ священствѣ, высшемъ дарѣ духовномъ, не можетъ быть отверженныхъ. Что противно Церкви Апостольской, противно и

(1) Ad scr. 8 Doct., c. 12, f. 313.
(2) Adv. indulg. pap. f. 176. — Ad. scr. 8 Doct., c. 13, f. 316.
(3) De suffic. legis Christi, f. 48. — Adv. indulg. pap., f. 176.
(4) Ad scr. 8 Doct., c. 13, f. 315, на об. — Adv. indulg. pap., f. 177, на об. и т. д.

новому духовенству; иначе не сохранялся бы въ немъ непрерывный законъ Евангельскій. Запрещеніе распрей о свѣтскихъ владѣніяхъ есть добрый совѣтъ для мірянъ, но священный долгъ для духовныхъ». (1) А потому Гусъ предлагаетъ упраздненіе церковныхъ имуществъ, привязывающихъ къ міру ихъ обладателей. Въ обширномъ разсужденіи объ этомъ предметѣ, онъ излагаетъ 44 причины, на основаніи которыхъ свѣтскіе владѣльцы могутъ законно отбирать имѣнія у духовенства, въ случаѣ ихъ употребленія во зло. Еще важнѣе законъ о подчиненіи духовной власти гражданской во всемъ, что выходитъ изъ предѣловъ чисто религіозныхъ обязанностей. «Цари и всякое земное начальство, какъ служители Бога, поставлены отъ него въ отмщеніе злымъ; они должны взыскивать неправду съ погрѣшающаго духовенства, потому что если Богъ далъ право царямъ управлять по закону Евангельскому, то онъ далъ имъ и средства защищать свою власть, а слѣдовательно и наказывать грѣхи духовенства. Такъ Веспасіянъ и Титъ, по соизволенію и внушенію Божію, разорили священство и храмъ Іерусалимскій; и императоръ Карлъ IV, обуздывая развратныхъ священниковъ, дѣятельнымъ образомъ защитилъ законъ Господень и истребилъ гонителей онаго. А потому Богъ всемогущій и даровалъ ему счастіе и славу земную, а по смерти, какъ твердо надѣемся, блаженство небесное». (2)

Конечно, то были рѣчи неслыханныя съ тѣхъ поръ, какъ утвердилось могущество духовнаго сословія на развалинахъ другихъ общественныхъ стихій Европейскаго Запада. Но онѣ принадлежатъ не собственно Гусу и не входятъ въ его отношенія къ народу. Гусъ мало занимался вопросомъ о свѣтской власти духовныхъ, объ ея отношеніяхъ къ прочимъ сословіямъ, къ верховной власти. Онъ касался ея, поскольку излишнее развитіе ея вредило духовному характеру Евангельскаго священства. Вопросъ политическій всегда подчинялся исключительности его религіознаго воззрѣнія, согласно съ преобладающею чертою народнаго духа. Гусъ по преимуществу занимался догматомъ, и въ опредѣленіи его нуждался во всестороннемъ знаніи исторіи Церкви. Вотъ собственно великая заслуга его передъ потомствомъ и внутренняя связь съ народомъ, для котораго преданія Церкви составляли единственное

(1) Adv. indulg. pap., f. 178, на об.
(2) Contra occult. adversar. I, f. 136 sqq.

сокровище, потому что только на нихъ опирались скудные остатки пятивѣковыхъ воспоминаній о процвѣтавшемъ когда-то Православіи въ Чехіи. За это вся догматическая часть ученія Гуса есть его собственное созданіе. Приготовленная трудомъ добросовѣстнымъ, она отъ первой до послѣдней строки отражаетъ неизмѣнныя убѣжденія испытаннаго бойца, который ничего не заимствовалъ отъ обстоятельствъ, кромѣ внѣшней формы своихъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, въ религіозномъ развитіи Гуса трудно провести раздѣленіе на періоды, которое прилагается съ такою послѣдовательностію къ богословскому поприщу Лютера. Безъ означенія годовъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить лѣточислительный порядокъ разсужденій Гусовыхъ: такъ онѣ отъ перваго до послѣдняго связаны единствомъ религіозной идеи, и каждое могло бы стать на мѣсто другаго. Флате, относительно догмата пресуществленія, замѣтилъ значительное видоизмѣненіе въ воззрѣніи Гуса; но именно сдѣсь выражается особенная стойкость и упругость его въ исповѣданіи разъ навсегда сознанной истины. Объ этомъ догматѣ и о соединенномъ съ нимъ чисто посредствующемъ значеніи священника при совершеніи Таинства мы уже видѣли выше свѣдѣтельство Гуса, что онъ постоянно держался одного мнѣнія, какъ въ 1401 году, при началѣ богословско-литературнаго поприща, такъ въ 1409 году, въ то переходное время, когда начиналось ближайшее знакомство его съ Виклефомъ, такъ, наконецъ, и въ темницѣ, гдѣ ужасъ ожиданія смерти не поколебалъ его твердости, напротивъ, твердость его одержала блестящую побѣду надъ кознями противниковъ въ чистотѣ исповѣданія этого догмата. Палацкій и Гизелеръ доказываютъ, съ своей стороны, что Причащеніе подъ обоими видами возстановлено уже въ отсутствіе Гуса Якубкомъ изъ Стрибра; а Гусъ приложился къ этому догмату изъ пріязни къ возстановителю и для предотвращенія расколовъ въ народѣ. Въ подробномъ разборѣ этого вопроса, я, въ другомъ мѣстѣ, старался доказать, вопреки Чешскому исторіографу: 1) что честь возстановленія Евхаристіи подъ обоими видами, если только она нуждалась въ возстановителѣ, принадлежитъ не Якубку, а Гусу; 2) что Гусъ еще въ первомъ своемъ сочиненіи «О тѣлѣ Христовомъ» указывалъ несомнѣнные признаки знакомства своего съ этѣмъ догматомъ, а можетъ быть тайно и совершалъ его. Наконецъ, въ отрицаніи первенства папы и Западной Церкви, послѣдующія мысли, развитыя имъ въ состязатель-

ныхъ сочиненіяхъ противъ 8 Докторовъ, ни сколько не рѣзче выражаютъ его отношенія къ папѣ, нежели первыя попытки въ 1403 году, когда онъ требовалъ уничтоженія папства, въ подражаніе Грекамъ. Извѣстіе это предлагается въ такомъ загадочномъ свѣтѣ, что трудно опредѣлить его настоящее отношеніе къ 9-му положенію Виклефа: «По смерти Урбана VI, не нужно выбирать новаго папы, а должно жить по собственнымъ законамъ, какъ живутъ Греки (more Graecorum, sub legibus propriis)». Странно было бы предполагать возможность заимствованія со стороны Чеха, когда въ собственномъ отечествѣ его, такъ недавно еще совершалось, въ Вышеградской церкви св. Климента, православное богослуженіе Матѳія Парижскаго по Греческому обряду, при которомъ Гусъ могъ присутствовать, не будучи уже ребенкомъ. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно совпаденіе двухъ преобразователей, столь отличныхъ одинъ отъ другаго, въ сочувствіи къ Греческой Церкви, которое въ Виклефѣ могло быть случайнымъ, но въ Гусѣ явилось плодомъ историческихъ воспоминаній. Сдѣсь можно бы, и съ вѣроятностію, отыскивать новую черту, поясняющую его отношенія къ Виклефу. Не отъ того ли такъ упорно защищалъ онъ истину 45 положеній, что въ нихъ заключались такіе, которые принадлежали къ числу задушевныхъ его убѣжденій? Какъ бы то ни было, но въ сочиненіяхъ Гуса не видать постепенности догматическаго развитія, но онъ равно отъ начала до конца стоитъ на одной и той же умѣренной степени пониманія Церковной исторіи. Иначе и быть не могло, если допустить всемогущее вліяніе народныхъ вѣрованій на его убѣжденія, прежде нежели онъ выступилъ на поприщѣ литературномъ. Въ немъ сказалась упругость народнаго духа, которая сломила неравныя силы Католицизма, и, сохранивши цѣльность преданій отеческихъ, завѣщала ее любимцу народному. Гусу пришлось только разработывать богатые матеріялы, подготовленные пятью вѣками исторической жизни Чеховъ.

Дѣйствительно, значеніе Гуса въ исторіи Чешской опредѣляется высокою воспріимчивостію къ драгоцѣннымъ залогамъ духовной жизни Чешскаго племени, которые въ XV вѣкѣ едва ли устояли бы противъ усиленнаго напора иноплеменнаго, если бы не сосредоточились въ лицѣ одного человѣка, въ высшей степени приспособленнаго къ постиженію и разумному воспріятію народныхъ потребностей. Въ началѣ XV вѣка, послѣ великаго гоненія, воздвигнутаго Западною Церковію на поклонниковъ Православія,

настало время открытой борьбы, которой суждено было рѣшить жизненный вопросъ всего прошедшаго Чехіи. Средства къ борьбѣ были готовы въ усилившейся ненависти народа ко всему Нѣмецкому, въ общемъ неудовлетвореніи, которое проникало народныя массы, въ готовности стать подъ знамена перваго опытнаго вождя. Въ то время въ Чехіи было много знаменитыхъ мужей, стоявшихъ въ явномъ противодѣйствіи къ Западной Церкви. Станиславъ изъ Зноима громко проповѣдывалъ свое уваженіе къ Виклефу. Іеронимъ Пражскій нарочно для того ходилъ въ Англію, чтобы вступить въ ближайшія отношенія съ Оксфордскимъ Университетомъ и познакомиться ближе съ ученіемъ Виклефа. Якубекъ изъ Стрибра еще прежде Гуса обличалъ ничтожность человѣческихъ преданій и продолжалъ мистическое ученіе Милича и Матѳія изъ Янова о царствѣ Антихриста. Гусъ позже всѣхъ вышелъ на поприще общественнаго служенія всенародною проповѣдію. Но первый шагъ его уже указывалъ въ немъ будущаго знаменитаго дѣятеля. Въ 1391 году, какой-то военный сановникъ, любимецъ Вячеслава IV, Янъ Мюльгеймъ изъ Пардубицъ, и Пражскій мѣщанинъ, подъ названіемъ Крижъ, разсудили, по вдохновенію Божію, что хотя въ Прагѣ множество храмовъ, устроенныхъ для общественнаго Богослуженія, но нѣтъ ни одного, исключительно назначеннаго для проповѣди слова Божія; проповѣдники же, говорящіе на Чешскомъ языкѣ, принуждены скрываться въ домахъ и скитаться по дебрямъ. Для того, чтобы вѣрные жители Праги могли сходиться по буднямъ и праздникамъ для слушанія всенародныхъ проповѣдей въ особенно на то опредѣленное мѣсто, (такъ сказано въ современной грамотѣ на основаніе Виѳлеемской часовни),—вышеупомянутые граждане купили мѣсто, удобное для построенія храма, близъ приходской церкви св. апостоловъ Пражскихъ, Филиппа и Іякова и, назвавъ его Виѳлеемомъ, одарили богатыми приношеніями. Потомъ построили тутъ часовню во имя младенцевъ, убіенныхъ Иродомъ, и изъ собственнаго имущества назначили приличное содержаніе для двухъ настоятелей (Rectores) этой часовни и проповѣдниковъ на родномъ языкѣ, предоставивъ себѣ и своимъ преемникамъ потомственное право—представлять кандидатовъ на званіе ея настоятелей. Строеніе храма утверждено согласіемъ папы, короля Вячеслава, епископа Пражскаго, Іоанна Вольфрама, и приходскаго священника церкви св. Апостоловъ, къ которой и приписана Виѳлеемская часовня.

Эта послѣдняя назначена не только для одной Праги, но и для всѣхъ вѣрныхъ жителей королевства Чешскаго. Благочестивое намѣреніе основателей, вынужденное народной потребностію, благословилось успѣхомъ. «Всѣ Чехи,» — говоритъ Гусъ, — «питаютъ великую любовь и великое благоговѣніе къ Виѳлеемскому храму, и со всѣхъ сторонъ королевства стекаются во множествѣ для принятія въ немъ духовной пищи слова Божія». (1) Въ 1402 году, 14 Марта, по отреченіи магистра Стефана изъ Колина, Магистръ Янъ Гусъ заступилъ его мѣсто, (2) и тотчасъ послѣдовали на него жалобы къ архіепископу Вольфраму; значитъ, что онъ съ самаго начала созналъ обязанности своего сана вовсе не такъ, какъ предполагало Латинское духовенство, утвердившее согласіемъ своимъ основаніе часовни. Какъ молодость Гуса сливается съ Пражскимъ Университетомъ, такъ послѣднія 15 лѣтъ его зрѣлаго мужества неотторгаемо прикованы къ скамьѣ проповѣдника. Къ исторіи этой часовни относятся самые драматическіе эпизоды жизни его. На нее направлены были всѣ гоненія враговъ его; она возбуждала опасенія и въ отдаленномъ Римѣ, гдѣ уже рѣшено было ея упраздненіе, и только предстательство королевы Софіи, покровительницы Гуса, спасло невинное орудіе его проповѣди. (3) Въ послѣдствіи, Гусъ до того сроднился съ этой часовней, что считалъ ее своею собственностію и отъ себя назначилъ въ нее преемникомъ себѣ священника Пражскаго, Гавлика. Бальбинъ сравнивалъ ее съ Карѳагеномъ, а Гуса съ Юноной, которая такъ возлюбила городъ, посвященный преимущественно служенію ей, что покинула для него древній, знаменитый Самосъ. «Hic illius arma, hic currus fluit,» — прибавляетъ историкъ, въ ознаменованіе народной любви, которую Гусъ умѣлъ пріобрѣсть себѣ исключительно ежедневными проповѣдями на родномъ языкѣ. (4) Гоненія, которымъ подвергалась эта часовня, по выраженію Сильвія, «templum haud ignobile», не столько направлены были на личность самаго Гуса, потому что Латиняне выбирали для нихъ самое удобное время, отсутствіе Гуса изъ Праги, сколько на Богослуженіе, совершавшееся тамъ, по ясному свидѣтельству Кохлея, (5) не по обряду Латинскому (contra ritum

(1) Appellatio Hus ad Papam, 1, f. 91, на об.

(2) Starj letopisowé.

(3) Palacky, Gesch. v. Böhm. III, 258, Anm. 317. — Dějiny. nár. česk. III, 1, str. 104, pozn. 175.

(4) Balb., Epitome, p. 415.

(5) Cochlaei, Hist. Hussit. l. 3, p. 154.

S. Ecclesiae). Память Гуса жила въ соборномъ храмѣ его послѣдователей до самыхъ позднѣйшихъ временъ, когда изсякли преданія славы Гуситской въ эпоху религіознаго изнеможенія Чехіи. Теобальдъ въ XVII вѣкѣ видѣлъ святыню Гуситскую и оставилъ намъ подробное ея описаніе, въ которомъ особенно замѣчательны слѣдующія черты. «Невдали отъ Коллегіи Лазаря стоитъ Виѳлеемская часовня. Это широкая, не слишкомъ высокая, со сводами церковь, въ которой хоронятся многіе Нѣмцы, особенно изъ Нюренберга; тамъ стоитъ еще каѳедра (der Predigtstuhl), не круглая, а четвероугольная; на правой сторонѣ ея изображенъ: Маг. Іеронимъ, прикованный къ столбу; въ срединѣ Янъ Гусъ, окруженный палачами, изъ которыхъ одинъ бросаетъ въ огонь его книги, другой облаченія; по лѣвую руку изображенъ св. Іоаннъ въ котлѣ, обливаемый сверху кипящей смолою. Взойти на эту каѳедру нельзя иначе, какъ выходя изъ церкви, чрезъ самую дверь, оставя вправѣ часовню, гдѣ лежатъ: облаченіе Гусово изъ чернаго бархату, и рака, по преданію, одного изъ младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ». Слѣдуетъ описаніе раки ...... «Выходя изъ часовни, поднимаешься по лѣстницѣ, откуда ходъ, съ одной стороны, къ администратору Пражской епархіи, съ другой къ двери, ведущей къ каѳедрѣ, на которой проповѣдывалъ Гусъ. На лѣвой сторонѣ ея еще стоитъ скамья, почти совершенно истлѣвшая, на которой сиживалъ проповѣдникъ. Разноплеменные богомольцы отрѣзываютъ отъ каѳедры стружки, до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно продѣть кулакъ. Поднимаясь еще выше этажемъ, приходишь къ комнатѣ или вѣрнѣе клѣти, гдѣ жилъ магистръ Янъ Гусъ. Въ ней только два окошка, пропускающія свѣтъ.» (1)

Отъ чего же слава Гуса, при самомъ началѣ его проповѣди, затмила всѣхъ его сверстниковъ? Отъ чего любовь народа досталась ему безъ раздѣла? И прежде его въ Виѳлеемской часовнѣ проповѣдывали люди безвѣстные, которыхъ имена не дошли до потомства. Любопытное, и въ высшей степени поучительное, явленіе представляютъ отношенія къ нему всѣхъ мужей, стоящихъ во главѣ противодѣйствія: Якубка изъ Стрибра, Іеронима, Прибрама и прочихъ, которые послѣ, во второмъ десятилѣтіи XV вѣка, играютъ первенствующую роль въ вѣроисповѣдномъ движеніи Чеховъ. Съ того времени, какъ впервые раздался голосъ проповѣдника, до

(1) Theobaldi, Hussitenkrieg, I, S. 34—35.

торжественнаго мгновенія, когда закрылись уста его въ предсмертномъ славословіи Бога, очи народа устремлены на одного Гуса; всѣ прочіе дѣятели исчезаютъ съ поприща дѣйствія, или теряютъ свою самобытность, въ соприкосновеніи съ его могучею личностію. Между тѣмъ эта личность нисколько не выдается впередъ, вопреки Палацкому, не ищетъ соблазнительнаго шума одобреній народныхъ; добровольно удаляется изъ Праги, когда, ради присутствія Гуса, должно прекратиться въ ней Богослуженіе; изъ глуши изгнанія признаетъ ничтожность своихъ начинаній, признаетъ незаслуженное первенство другихъ проповѣдниковъ, которыхъ «орлиной полетъ далеко превосходитъ смиренную походку ручнаго животнаго». И, однако, исторія идетъ наперекоръ его простодушнымъ увѣреніямъ. Пока живъ былъ Гусъ, гдѣ бы онъ ни былъ, въ изгнаніи ли, или въ темницѣ, около него, какъ вождя народнаго, постоянно собираются всѣ его совмѣстники; они ожидаютъ отъ верховнаго приговора его рѣшенія важнѣйшаго вопроса во всей послѣдующей религіозной жизни народа. Обратимъ вниманіе на отдѣльныя личности. Іеронимъ Пражскій, мужъ дѣла по преимуществу, участвуетъ въ современныхъ событіяхъ, поскольку присутствіе его необходимо для Гуса, поскольку теорія нужно проявляться въ дѣйствительности. Его жизнь предстаетъ намъ въ современныхъ источникахъ слишкомъ отрывочною и загадочною. Значительные пробѣлы въ ней дополняются, сколько возможно, только изъ жизни Гуса. Только въ Пражскомъ Университетѣ изумительная ученость его даетъ ему право выступать самостоятельнымъ дѣятелемъ; на площади, въ жизни народной, онъ красится только свѣтлыми отблесками Гусовой славы. Во время отсуствія Гуса, источники молчатъ и объ Іеронимѣ: ему, какъ будьто недостаетъ силъ на самобытное дѣйствованіе. Въ самыя торжественныя мгновенія Гусовой жизни, въ изгнаніи Нѣмецкихъ докторовъ и студентовъ, въ оборонѣ Виклефа, въ борьбѣ съ продавцами прощъ, онъ играетъ вездѣ второстепенную роль, приводитъ въ исполненіе предначертанія учителя; уклоняясь отъ него, предается неистовствамъ, грубымъ увлеченіямъ тѣлесной силы. Въ темницѣ только близость возлюбленнаго поддерживаетъ его упадающія силы, и только горестное воспоминаніе измѣны укрѣпляетъ Іеронима въ какомъ-то дикомъ безчувствіи къ предстоящей казни. Ученость его, по сказанію современниковъ, превосходившая вчетверо ученость Гуса; его увлекательное краснорѣчіе, подвигнув-

шее цѣлый соборъ представителей Церкви и засвѣдѣтельствованное, какъ какое-то диво, знаменитымъ Поджи, не согрѣвають народа. (1) Его безпокойная дѣятельность смиряется предъ кроткимъ словомъ незлобиваго, самоотверженнаго, Гуса. Тоже можно сказать и о прочихъ двигателяхъ народной мысли въ началѣ XV столѣтія. До самой казни Гуса, они только являются въ числѣ его поклонниковъ; имена ихъ однообразно наполняютъ списки членовъ Университета въ его торжественныхъ собраніяхъ, гдѣ первенство все таки безспорно принадлежитъ Виелевемскому проповѣднику. Чѣмъ объяснить это, поистинѣ изумительное, явленіе?

Разгадка таится въ свойствѣ проповѣди Гусовой, въ глубокомъ соприкосновеніи съ потребностями народа. Чехіи XV столѣтія нужно было сосредоточиться въ избыткѣ своихъ духовныхъ силъ; избѣгая безполезной растраты ихъ въ одинокихъ взрывахъ противъ Западной Церкви, громившей ее всей тяжестью своихъ всемірныхъ перуновъ, собрать во едино богатый запасъ накопившихся матеріяловъ пережитаго прошедшаго, вступить въ борьбу неравную съ хладнокровіемъ искуснаго бойца, который размѣряетъ силу удара съ силой сопротивленія. Готовившійся переломъ не могъ обойтись безъ страшныхъ потрясеній въ народной жизни; для будущаго обновленія нужны были твердыя ручательства въ прошедшемъ. Въ Чехіи не было іерархіи, кромѣ Латинской; не было ученія вѣры, засвѣдѣтельствованнаго письменными памятниками, кромѣ Латинскаго. Чтобы зналъ народъ, за что будетъ онъ сражаться; чтобы было на что опереться его разумному сознанію, нужно было развить стройную систему вѣроученія, приспособленную къ его потребностямъ, и вручить ее храненію священно-служителей. Чтобъ приготовить и матеріяльныя силы народа къ отраженію крестоносцевъ Латинскихъ, надобно было привести растерзанныя сословія къ сознанію великаго единства вѣры и взаимныхъ выгодъ; надобно было облегчить соединеніе ихъ, напомнивъ каждому изъ нихъ его Евангельскія обязанности.

И такимъ-то полнымъ представителемъ народныхъ нуждъ явился Гусъ въ началѣ XV столѣтія. Всѣ условія, потребныя для

(1) «Quem (Hieronymum) et quadruplo doctiorem Joanne Hus existimabant (ученые собора)». Cochlaei, Hist. Hussit., pag. 72. ... «Acutus (Hieronymus) et disertus habebatur, tandemque in scholis, quam Hus in templis palmam ab auditoribus habebatur». Dubrav. Hist. Bohm. I. 23. Герсонъ говоритъ ему на соборѣ: «Hieronyme! Tu, quum esses Parisiis, putabas te esse angelum cum eloquentia tua». Hist. et Mon. Hus, II, f. 523.

духовнаго вождя въ предстоящей брани, сошлись въ счастливомъ равновѣсіи, въ рѣдкой соразмѣрности, въ его всеобъемлющей дѣятельности. Онъ постигъ и выполнилъ свое великое назначеніе: въ жизни очистить путь грядущему поколѣнію, приготовить зародыши стройнаго преобразованія народной Церкви. Предчувствуя, что онъ не жилецъ сдѣшняго міра, онъ считаетъ проповѣдь роковою обязанностію; онъ спѣшитъ передать соотечественникамъ основные итоги пятивѣковаго развитія ихъ духовной жизни. «Молю васъ, братья, будьте готовы къ борьбѣ; уже начались козни антихриста; уже занимается заря кровавой брани». Все поприще его отъ водворенія въ Виѳлеемской часовнѣ до Констанцкаго костра, есть неуклонное шествіе къ предназначенной цѣли. Ни враждебныя обстоятельства, ни козни гонителей, ни угрозы Западной Церкви, не своротили его съ прямаго пути безмезднаго служенія народу. Не силой меча, даже не силою слова, а могуществомъ воли и убѣжденія, онъ низлагалъ враговъ своихъ. Когда слово его залегло глубоко въ живомъ сознаніи боготворившаго его народа, тогда онъ уклонился отъ міра, чтобы въ мирѣ почить отъ трудовъ оконченнаго подвига. Совершилось служеніе родинѣ; но великая мысль еще требовала великой жертвы, и Гусъ съ радостію положилъ за нее свою побѣдную голову. Только начинались болѣзни его родной страны, и первая живучая рана для нея была казнь подвижника; но Гусъ просвѣтленнымъ взоромъ созерцалъ уже лучшее будущее. Онъ предвѣщалъ соплеменникамъ, что имъ будетъ великая радость черезъ тридцать лѣтъ; что Констанцкій соборъ не перейдетъ за предѣлы Чехіи; что многіе члены его скорѣе тамъ найдутъ свою смерть, нежели вынудятъ у народа хотя одно изъ его сочиненій. Въ свѣтломъ чаяніи грядущаго искупленія, онъ съ спокойной насмѣшкой взиралъ на огонь, который истреблялъ его книги въ Констанцѣ, который скоро долженъ былъ истребить и его самаго. Онъ съ гордостію бросалъ въ лицо исполнителей казни великое слово самосознанія: «Я проповѣдывалъ истину согласно съ Евангеліемъ и св. Отцами. Могу ли соблазнить своимъ отреченіемъ столько душъ, напитанныхъ мною чистѣйшимъ ученіемъ вѣры, огражденныхъ отъ козней сатаны? Да не будетъ того!»

Гуса можно по справедливости назвать первовиновникомъ религіознаго преобразованія Чехіи. Вся богословская, литературная и устная дѣятельность его была смиреннымъ подвигомъ Христіянскаго благовѣстника. Великое значеніе проповѣди его состояло,

безспорно, въ ея всеобъемлющемъ свойствѣ. Она обнимала не одну только Прагу, а всю его родину, и въ ней всѣ слои народные. Тогда какъ Лютеръ, заключалъ предѣлы своей дѣятельности въ тѣсныхъ границахъ Виттембергскаго прихода, и противъ воли содѣйствовалъ раздробленію Германіи на множество сектъ и расколовъ, всѣ Чехія была обширнымъ полемъ Евангельской проповѣди Гуса, весь Чешскій народъ его любезною паствою. Она высылала къ нему отвсюду своихъ представителей въ Виѳлеемскую часовню; но Гусъ и самъ, по всѣмъ областямъ и городамъ ея, разносилъ свою проповѣдь. Въ двукратномъ удаленіи изъ Праги, онъ обходилъ города и селенія; мы видимъ его попеременно то на родинѣ, въ южной сторонѣ Чехіи, въ окрестностяхъ Табора, въ Прахинскомъ и Бехинскомъ округахъ, то на сѣверо-западѣ, въ Козьемъ Городкѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ въ житницѣ, и множество народа изъ окрестностей, особенно изъ города Усти, стекалось на его проповѣдь. (¹) Онъ находился въ письменныхъ сношеніяхъ со всѣми значительными городами Чехіи и Моравіи: съ Католической Пильзной, съ Прахатицами, Лунами, съ Голомуцемъ Моравскимъ. Въ сочиненіи «О трапезѣ Господней»,—писанномъ въ Костанцкой темницѣ, изложивъ вкратцѣ свое исповѣданіе вѣры, онъ самъ говоритъ: «Такъ училъ, говорилъ и писалъ я въ Пражскомъ Университетѣ; такъ проповѣдывалъ и по всему королевству Чешскому, особенно въ Прагѣ, Евангеліе Іисуса Христа. (²) Я болѣе 12 лѣтъ трудился между вами въ благовѣстіи слова, какъ Богъ мнѣ свѣдѣтель»,—писалъ онъ къ Пражанамъ, во время изгнанія,—«и высшимъ утѣшеніемъ для меня было, когда я видѣлъ ваше усердіе въ слушаніи Евангелія, и замѣчалъ истинное и чистосердечное покаяніе многихъ. (³) Слыша объ успѣшномъ возрастаніи въ васъ слова Божія, я благодарю Бога, возлюбленные, и молю его даровать вамъ совершенное разумѣніе; надѣюсь на его милосердіе, что онъ довершитъ благое дѣло, въ васъ начатое, и не попуститъ васъ уклониться отъ истины. (⁴) Я желаю жить для тѣхъ, которые терпятъ насиліе и нуждаются въ проповѣди слова Божія; а потому и проповѣдую, и совершаю служеніе не

(1) Starj letopisowé. Приложеніе 2-е, стр. 471.
(2) Hist. et Mon. Hus., I, f. 38, на об.
(3) Ep. 13, f. 99, на об.
(4) Ep. 6, I, f. 95, на об.

въ одной только Прагѣ, зная, что такова о мнѣ воля». (1) Въ другомъ письмѣ изъ того же изгнанія: «Молите Бога о мнѣ, чтобы онъ сподобилъ даровать мнѣ благіе успѣхи въ благовѣстіи своего слова, на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предстоитъ тому потребность, въ городахъ и мѣстечкахъ, въ селеніяхъ, крѣпостяхъ, на поляхъ и въ лѣсахъ, гдѣ только могу я принести пользу, чтобы дарованіе Божіе не оказалось во мнѣ тщетнымъ.» (2) Къ жителямъ Лунъ изъ Праги: «Хотя я, возлюбленные, и не видалъ васъ тѣлесными очами, а только внутренними, но слышу о вашей твердости въ вѣрѣ и о любви къ Евангелію Христову. Я знаю, что Спаситель соединилъ васъ въ одномъ духѣ вѣры, любви, мира и слушанія слова Божія, такъ что ваше согласіе и единодушіе, паче всѣхъ прочихъ городовъ Чехіи, сокрыто въ моей утробѣ. Молю васъ, возлюбленные, хотя лично незнаемый вами, но вѣрный служитель спасенія вашего въ Богѣ, любите другъ друга, пребывайте въ единомысліи и не попускайте лукавому разъединить васъ, какимъ бы то ни было образомъ». (3) «Кто воспрещаетъ проповѣдь слова Божія»,—говорилъ онъ, съ очевиднымъ намекомъ на буллы Александра V,—«тотъ не мудрствуетъ о Христѣ Іисусѣ, который самъ, проповѣдуя и дѣломъ и словомъ въ синагогахъ, въ весяхъ, на площадяхъ, въ полѣ, на берегу и на морѣ, ученикамъ своимъ повелѣлъ проповѣдывать на кровляхъ». (4) На обвиненіе Католиковъ, что онъ не хотѣлъ выдать магистрамъ своихъ сочиненій и обольщалъ народъ ложнымъ ученіемъ, Гусъ отвѣчаетъ: «Я открыто говорилъ предъ всѣми; я училъ въ школахъ и въ Виѳлеемскомъ храмѣ, гдѣ сходятся магистры, баккалавры, студенты и люди простые; я украдкой не говорилъ ничего. Вопросите о мнѣ слышавшихъ». (5) Прощальное письмо его, передъ отъѣздомъ въ Констанцъ, хотя и имѣетъ въ виду любимую Прагу, но надписано: ко всѣмъ вѣрнымъ Чехомъ ихъ вѣрнымъ проповѣдникомъ (per me fidum concionatorem vestrum). «Возлюбленные братья»,—такъ гласитъ оно,—«Вы знаете, что я съ давнихъ лѣтъ наставлялъ васъ въ истинной вѣрѣ, уча васъ словомъ Господнимъ, а не ложнымъ ученіемъ, противнымъ вѣрѣ Христовой. Я всегда искалъ, ищу и

(1) Ibid., f. 97.

(2) Ep. 13, I, f. 100.

(3) Ep. 14, f. 100, на об.

(4) De Trinitate, f. 106, на об.

(5) Ad scr. 8 Doct., c. I, f. 292, на об.

буду искать, пока жизнь моя продлится, спасенія вашего. Враги стараются подавить слово истины, восхитить отъ васъ Евангеліе Христово, которое я проповѣдывалъ вамъ, совратить васъ съ пути спасенія. Вспомните прежде всего оскорбленіе, наносимое тѣмъ величію Божію; вспомните униженіе, въ которое повергаютъ лицемѣры вашъ славный народъ; вспомните личное озлобленіе, неправедно на васъ налагаемое. Но, все принимая съ радостію, побѣждайте терпѣніемъ. Какъ бы діяволъ ни смѣялся надъ вами, какъ бы антихристъ ни ругался вамъ, вы побѣдите его, только любите слово Господне, защищайте его всѣми силами, Богомъ вамъ данными. И мнѣ сатана грозитъ уже нѣсколько лѣтъ, но онъ не коснулся души моей, возложившей надежду на Бога, и съ каждымъ днемъ возрастаетъ во мнѣ духовная радость. Молите Бога за гонителей, предавшихъ меня въ руки враговъ моихъ, наложившихъ на меня узы. Васъ, Пражане, особенно заклинаю Богомъ, любите храмъ Виѳлеемскій; старайтесь, сколько Богу будетъ угодно, чтобы не оскудѣвала въ немъ проповѣдь. За него прогнѣвался на насъ сатана; противъ него возбудилъ онъ канониковъ и приходскихъ священниковъ, потому что въ немъ сокрушился оплотъ сатаны. Но я твердо надѣюсь, что Богъ, пока нужно будетъ, сохранитъ эту святую обитель, и чрезъ другихъ проповѣдниковъ, успѣшнѣе, чѣмъ мною недостойнымъ, возраститъ въ немъ обильные плоды своего слова». (1) Сдѣсь превосходно сказался характеръ всенародной дѣятельности Гуса, и притомъ враждебной Западной Церкви и Латинской Іерархіи. За то и на Констанцкомъ соборѣ Гусъ вынесъ отвѣтственность за распространеніе ереси (по понятіямъ собора) не въ одной Прагѣ, но и во всемъ королевствѣ. Онъ предсталъ обличителемъ Запада за цѣлый народъ. Въ посланіи своемъ къ Сигизмунду, Чешскіе и Моравскіе вельможи свѣдѣтельствовали, что Маг. Янъ Гусъ добровольно вызвался ѣхать на Констанцкій соборъ, съ цѣлію отвѣчать на обвиненія, направленныя не столько на него, сколько на цѣлый Чешскій народъ; что онъ готовъ на этомъ соборѣ защищать и очистить себя и всѣхъ своихъ Чеховъ (se suosque Bohemos omnes) отъ ложнаго подозрѣнія въ ереси, отвѣчая свободно на всѣ возраженія; что онъ желаетъ привести въ извѣстность ученіе свое (замѣтимъ, не передъ однимъ только Латинскимъ Западомъ, а) передъ всѣми,

---

(1) Ep. 2, I, 57. — Ep. 8, 59. — Ep. II, f. 61, на об.

во Христа вѣрующими; что не только королю Сигизмунду, но и всей Чехіи (universae Bohemiae), причинится великое зло, если праведный человѣкъ пострадаетъ невинно. (1) Вся Чехія и Моравія, въ лицѣ самыхъ знатныхъ вельможъ своихъ, воздавала Гусу свѣдѣтельство въ томъ, что онъ жилъ у нихъ безукоризненно (apud nos vixisse). (2) «Общественная жизнь этого великаго мужа»,—свѣдѣтельствовалъ, съ своей стороны, Пражскій Университетъ»,—въ отношеніи къ Богу и къ людямъ, была поприщемъ зрѣлаго мужества (extitit maturior), достойнымъ уваженія всѣхъ Христіянъ. Его частная жизнь, отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ не укрывавшаяся отъ свѣта общей извѣстности, до того красилась святыми нравами, что никто изъ насъ не смѣетъ обличить ее ни въ малѣйшемъ нарушеніи заповѣдей. Насъ поражала удивленіемъ высокая богословская мудрость учителя (magistralis intellectus); онъ быстрѣе всѣхъ принимался за перо, превосходнѣе всѣхъ отвѣчалъ, въ проповѣди слова Божія явился усерднѣе и возвышеннѣе всѣхъ (ferventior et melior ceteris)». (3)

Другая черта Гусовой проповѣди общность, которою обнимаетъ она всѣхъ членовъ народа, равно призывая ихъ къ участію въ великомъ дѣлѣ готовящагося преобразованія. Прекрасныя отношенія его къ верховной власти, къ духовенству, народу отразились и въ словѣ его. Сдѣсь, въ области Евангельской проповѣди, совершалъ онъ сближеніе между членами общества. Въ высшей степени замѣчательно, что всѣ сословія, до тѣхъ поръ преслѣдовавшія одинокія цѣли, подвигнутыя могуществомъ слова его, соединились теперь въ общемъ чувствѣ взаимной пріязни. Въ отношеніяхъ Гуса къ народу едва ли можно замѣтить послѣдовательность постепенно прилагающихся къ нему, или отлагающихся отъ него, элементовъ, которая такъ ясно проводится въ началѣ преобразованія Лютера. Постоянно враждовала ему вся Латинская половина народа; а мы уже знаемъ, что она состояла почти исключительно изъ высшаго духовенства и Нѣмецкихъ обитателей Чехіи; все же родное и своеязычное съ самаго начала приложилось къ нему въ сознательномъ единодушіи. Причина понятна. Гусъ не

(1) Ep. 59, I, f. 76.
(2) Ep. 60, I, f. 76, на об.
(3) Ep. 65, I, f. 89.

развивалъ въ своей проповѣди земныхъ отношеній политическаго дѣятеля; не касался ни государственныхъ, ни финансовыхъ отношеній Чехіи къ папѣ; въ его проповѣди, религіозно-нравственной, не слышимъ отголоска современныхъ политическихъ вопросовъ. Правда, число приверженцевъ его росло каждодневно; но сочувствіе ихъ къ Гусу опредѣлялось не какой ни будь единовременной уступкой частнымъ выгодамъ того или другаго сословія, а прочнымъ союзомъ одинаковыхъ убѣжденій, которыя сглаживали всѣ мелкія противоположности. Уже въ жалобѣ къ папѣ, по случаю приговора архіепископа о сожженіи книгъ 1410 года, въ рядахъ единомышленниковъ Гуса, кромѣ членовъ Университета, находимъ вельможъ, пановъ, жителей областей, округовъ, городовъ, крѣпостей, мѣстечекъ и деревень, многія лица правительственныя, начальниковъ общинъ и множество всякаго званія людей, духовныхъ и свѣтскихъ. (1) Можетъ быть справедливо, что съ 1412 года начинается общее корыстное возстаніе всего сословія дворянскаго противъ Западнаго духовенства въ приведеніи въ дѣйствіе предначертанія Гусова объ отнятіи церковныхъ имуществъ. Правда, въ сочиненіи «De ablatione temporalium a clericis», устами Гуса раздаются такія же жалобы, какія послѣ въ Германіи на Вормскомъ сеймѣ, что если всѣ имѣнія, когда либо пожертвованныя королемъ Чешскимъ, или вельможами, въ пользу духовенства, отходятъ въ мертвый капиталъ папскій, то король Чешскій не есть король цѣлой Чехіи, вельможи не свѣтскіе владѣльцы, потому что слишкомъ четвертая часть королевства перешла во владѣніе духовныхъ. А какъ съ каждымъ днемъ ростетъ имущество духовенства, отходя отъ вельможъ, пановъ и другихъ свѣтскихъ людей, то когда ни будь вся поземельная собственность можетъ перейти въ руки перваго, какъ случилось на Рейнѣ. (2) Но связь между Гусомъ и Чешскими вельможами была основана на другихъ, болѣе важныхъ, соображеніяхъ. Мы замѣтили уже съ XIII столѣтія постепенное возвращеніе вельможъ, дотолѣ державшихся Западной Церкви, къ родному началу. Въ началѣ XIV-го, какъ сказано въ лѣтописи, одинъ изъ нихъ жарко поспорилъ съ епископомъ, обнаруживая больше готовности обратиться къ язычеству, чѣмъ остаться при Католичествѣ. То была давнишняя вражда, условленная

(1) His. et Mon. Hus., I, 89.

(2) De abl. tempor., I, 122, на об.

разномысліемъ въ вѣрѣ; къ тому же духовныя имѣнія отбирались свѣтскою властію и прежде, при Карлѣ IV, и Гусъ, съ своей стороны, вовсе не имѣлъ въ виду передачу ихъ въ руки свѣтскихъ вельможъ. Онъ громко порицалъ неумѣренное исканіе богатствъ и земнаго могущества, обращая народъ къ духовнымъ помышленіямъ о жизни вѣчной; а преемники его ограничили особенными узаконеніями право свѣтскихъ владѣльцевъ присвоивать себѣ церковныя имѣнія. Какъ бы то ни было, но къ концу его поприща, не большинство народа, а цѣлый народъ стоитъ за любимаго проповѣдника, совершенно противно Лютеру, уносившему съ собою въ могилу презрѣніе и ненависть всѣхъ сословій народа. Доказательство рѣдкой привязанности цѣлаго племени къ возстановителю его духовной жизни легко прослѣдить въ современныхъ и позднѣйшихъ источникахъ. Сдѣсь, на первомъ мѣстѣ, стоитъ народъ въ собственномъ смыслѣ, низшій слой общества. Въ письмѣ къ Пражанамъ, 1411-го года, Гусь уже увѣренъ въ силѣ этой любви, неизмѣнной, какъ самая вѣра, въ которой почерпнула она свою силу. «Вы изъ любви ко мнѣ охотно свидѣлись бы со мною, какъ съ вашимъ ближнимъ, и я желалъ бы васъ видѣть и проповѣдывать вамъ слово Божіе». (1) Во время преній объ прощахъ (индульгенціяхъ) въ Коллегіи Карла, ректоръ Университета, напрасно старался удалить чернь, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не въ состояніи понять спора, имѣющаго происходить по Латини. Народъ остался, и кончилъ громкимъ изъявленіемъ своей благодарности Гусу, едва не побивши каменіемъ одного изъ возражателей. По свѣдѣтельству Теобальда, студенты провожали Іеронима въ торжественномъ шествіи; народъ, весь безъ исключенія, шелъ за Гусомъ. Все многолюдное сословіе ремесленниковъ, не смотря на потери, понесенныя удаленіемъ промышленныхъ Нѣмцевъ, боготворило Виѳлеемскаго пастыря. Онъ изъ темницы просилъ магистра Мартина «передать усердный поклонъ его учителямъ и возлюбленнымъ о Христѣ братьямъ, сапожникамъ, портнымъ и писцамъ, убѣждая ихъ къ вѣрному храненію закона Господня и отклоняя отъ мудрованія разума». (2) Одинъ изъ нихъ, Полякъ, портной, благодарилъ его со слезами за то прекрасное

(1) Ep. II, I, f. 99.
(2) Ep. 28, f. 66.

ученіе, въ которомъ Гусъ наставилъ его. (1) Стало быть, любовь народа была не просто изступленнымъ увлеченіемъ черни, привязанной всегда къ новизнѣ, а сознательнымъ чувствомъ уваженія и нѣжной пріязни благодарной паствы къ учителю. Каждый изъ нихъ читалъ и переписывалъ Гусовы книги; каждый изъ нихъ занимался усердно и чтеніемъ Библіи и Богословскими прѣніями. (2) Въ то время, какъ ученіе Гуса возбуждало живѣйшее сочувствіе въ Польшѣ, при дворѣ Владислава Ягайла, и королева Ядвига вторила Чешской Софіи, Поляки, принадлежавшіе къ Виѳлеемской братіи (socii, ad Bethlehem pertinentes), раздѣляли съ туземцами искренюю привязанность къ Гусу. На Констанцкомъ соборѣ они, къ удивленію Гуса, принимали больше участія въ судьбѣ заключеннаго, чѣмъ природные Чехи. (3) Особенно любопытныя явленія представляютъ въ Чехіи женщины, наполняющія ряды самыхъ пламенныхъ приверженцевъ Гуса. Послѣ казни трехъ юношей, Станислава, Мартина и Яна, когда Магистръ понесъ тѣла ихъ въ Виѳлеемскую церковь, въ сопровожденіи многочисленной толпы народа, по сказанію современника и очевидца, «паны и паньи шли за ними съ великимъ рыданіемъ и плачемъ, съ великимъ благоговѣніемъ провожая ихъ къ могилѣ, жалѣя объ нихъ, какъ казненныхъ неправедно». (4) Участіе женщинъ въ этомъ событіи засвѣдѣтельствовано самимъ Гусомъ. (5) По словамъ Кохлея (свѣдѣтеля, въ высшей степени пристрастнаго, но важнаго по множеству данныхъ), «послѣ сожженія Виклефовыхъ книгъ, ученики Гуса: кожевники, портные, сапожники и разнаго рода ремесленники, прилежные слушатели его всенародныхъ проповѣдей, читая усердно (fervide legentes) св. Писаніе, въ переводѣ на родномъ языкѣ, по наущенію Гуса, вступали въ словопрѣнія съ священниками. И не только мужчины, но и Бегарды и другія женщины дошли до такой степени безстыдства и наглости, что вздумали разсуждать о св. Писаніи, входить въ состязанія съ пресвитерами, даже сочинять книги. Объ одной изъ нихъ я прочелъ слѣдующее въ старинной

(1) Ep. 53, f. 68, на об.

(2) Ep. 28—29, f. 66.

(3) Ep. 51, I, f. 74 sq.

(4) Starj letopisowé, str. 18.

(5) См. выше.

книгѣ какого-то безъименнаго Чеха. Эта женщина Іезавель, свирѣпствуя въ страшныхъ угрозахъ противъ служителей Божіихъ, возноси св. Писаніемъ не Церковь святую, а собственную секту, суеслювитъ, что во всѣхъ состояніяхъ, въ духовномъ по преимуществу, исключая Гуситовъ, не найдетъ никого, кто захотѣлъ бы жить благочестиво и въ страхѣ Божіемъ, и проповѣдывать слово Евангелія въ Духѣ святомъ. Разсужденіе это было принято съ особеннымъ уваженіемъ единомышленниками обоего пола; всѣ читали благоговѣйно твореніе женщины, которая умѣла защитить истину ученія Гуса и его послѣдователей съ дивнымъ остроуміемъ и глубокомысленной мудростію»; (1) свѣдѣтельство важное, потому что Бегарды, которыхъ Католики не даромъ сливали съ Гуситами, отличались особенной преданностію къ Греческой Церкви. Они въ XII вѣкѣ указывали на нее, какъ на первообразъ чистоты Апостольской. (2) Между тѣмъ лѣтописцы подъ 1318 годомъ приводятъ извѣстіе, что они наводнили всю Чехію, распространяясь по всѣмъ городамъ въ безчисленномъ множествѣ, и Матѳій Парижскій свѣдѣтельствуетъ, что въ его время послѣдователей истинной вѣры, чуждавшихся Западной Церкви, называли Бекардами и Турлупинами. (3) Изъ сказаннаго ясно, что проповѣдь Гусова нашла самыхъ жаркихъ послѣдователей въ рядахъ простаго народа, отличавшагося высокимъ книжнымъ образованіемъ, которое осталось законнымъ наслѣдствіемъ всѣхъ позднѣйшихъ Гуситовъ, даже наиболѣе уклонившихся отъ ученія Гусова. Табориты такъ коротко знакомы были съ св. Писаніемъ, что приводили въ проповѣдяхъ наизусть обширные тексты. (4) Они знакомы были съ Латинскою, Греческою и Еврейскою письменностью. Жижка раздѣлилъ между Братьями, какъ сокровище неоцѣненное, рѣдкія книги, найденныя имъ въ обозѣ бѣжавшаго короля, Сигизмунда. (5) Еней Сильвій, посѣтившій ихъ Таборъ въ 1451 году, не можетъ нади-

(1) Cochlaei, Hist. Hussit., pag. 18—19.

(2) Flathe, I.

(3) De carn. abom., c. 30, f. 408, на об.

(4) Dubrav., Hist. Boh., l. 26, p. 677.

(5) Theobald., Hussitenkr. I, S. 289.

витья любви ихъ къ книжному просвѣщенію: «Perfidum hoc genus, hoc solum bonum habet, quod litteras amat». (1) «Да устыдятся Италіянскіе священники!»—говоритъ онъ въ порывѣ чистосердечія, не смотря на всю ненависть къ кровожадной, по словамъ его, сектѣ,—«между которыми рѣдкій кто прочелъ и Новый Завѣтъ, хотя разъ въ жизни; у Таборитовъ же не найдешь и послѣдней женщины, которая не умѣла бы возражать изъ всей Библіи, какъ Ветхаго, такъ и Новаго, Завѣта». (2) Тотъ же упрекъ, по всей справедливости, можно бы обратить на Германію, современную Лютеру.

Кромѣ простаго народа, дворянство и духовенство стояло за Гуса. Онъ одинъ, въ 1405 году, могъ тронуть раскаяніемъ ожесточенное сердце разбойника, рыцаря Зуля. Онъ проповѣдывалъ въ окрестностяхъ города Усти, подъ непосредственнымъ покровительствомъ тамошнихъ пановъ; но это не мѣшало и простому народу и среднему сословію восторгаться его проповѣдію; изъ города Усти, изъ числа его слушателей, вышелъ суконникъ Пытель, одинъ изъ первыхъ основателей Табора. (3) Заступничество вельможъ и пановъ за него на соборѣ извѣстно. Смерть его подала знакъ къ образованію союза 452 вельможъ, открыто отложившихся отъ Западной Церкви. Дворяне, и богатые и бѣдные, одинаково любили его. (4) Эта любовь сказалась въ безстрашномъ свѣдѣтельствѣ благороднаго рыцаря изъ Хлума, въ полномъ присутствіи членовъ собора и императора: «Я—бѣдный дворянинъ и, однако, берусь безъ труда, въ продолженіе цѣлаго года, охранять Гуса отъ всякаго насилія. Теперь, что же сказать о другихъ вельможахъ, ему преданныхъ, которые владѣютъ крѣпкими замками, и въ каждомъ изъ нихъ могли бы свободно защищать его на неопредѣленное время, даже противъ соединенныхъ силъ королей Чешскаго и Угорскаго?» Память его чтилась особенно въ сословіи рыцарей. Жижка изъ Троцнова всю жизнь свою посвятилъ великой задачѣ отмстить за сожженіе Гуса и

(1) Aen. Sylv., Ep. 124.

(2) «Pudeat Italiae sacerdotes, quos ne semel quidem novam legem constat legisse, apud Taboritas vix mulierculam invenias, quae de novo Testamento et veteri respondere nesciat» De vita Alfonsi, l. II.

(3) Stařj letopisowé, прилож. 2-е, стр. 471.

(4) Ep. 59, f. 76.

Іеронима. Бальбинъ разсказываетъ, что однажды, задумавшись надъ страшнымъ событіемъ, онъ былъ спрошенъ королемъ Вячеславомъ о причинѣ печали. «Государь!»—отвѣчалъ Жижка,—«сильно смущаетъ меня неправда, съ какою поступлено противъ согражданъ моихъ на Констанцкомъ соборѣ. «Любезный!»—возразилъ Вячеславъ,—«ни я, ни ты, не можемъ отмстить за эту неправду; впрочемъ, если встрѣтится тебѣ случай, соберись съ силами, отмсти за своихъ Чеховъ!» Это слово, какъ искра, заброшенная въ сердце юноши, оказалась пророчествомъ. (1) Король, какъ извѣстно, въ тайнѣ покровительствовалъ проповѣднику; королева выбрала его въ духовники. Все низшее, собственно Чешское, духовенство стояло за Гуса. Въ отвѣтъ на свѣдѣтельство Палеча, что все духовенство, какъ Чехіи, такъ и всего Христіянства, предано Западной Церкви, Гусъ дѣлаетъ оговорку: «За насъ стоятъ немногіе бѣдные священники (nos paucos et pauperes sacerdotes habemus fautores)». (2) Но это малое число возрасло вскорѣ въ огромное, когда еще прежде изгнанія Палеча, все большинство приходскихъ священниковъ склонилось на сторону Гуса, повиновавшись прежде прелатамъ изъ страха лишиться своихъ бенефицій. Палечъ зналъ хорошо расположеніе духовныхъ, когда, въ постановленіяхъ мѣстнаго собора въ Прагѣ, старался подтвердить изгнаніе Гуса такой оговоркой: «Не слѣдъ духовенству Пражскому судить поступки собора».

Въ чемъ же заключалась внутреняя сила Гусовой проповѣди? Гдѣ искать объясненія той чудной народности, о которой враги его отзывались съ робкою ненавистію, заклиная его именемъ Божіимъ умѣрить невыносимую гордость? «Несытымъ сердцемъ возносясь, какъ Богъ земной (такъ писалъ къ нему Палечъ), опираясь на могущество своихъ надменныхъ апостоловъ, ты стремишься, словно конь необузданный. Ты употребляешь во зло могущество свое надъ народомъ, съ неслыханнымъ отъ вѣка высокомѣріемъ». (3) Гусъ умѣлъ превосходно разгадать потребности отдѣльныхъ сословій. Возстанавливая человѣческія права угнетенныхъ, онъ отдавалъ каждому должное. Но еще лучше постигъ великую

(1) Balb. Ep. 1., p. 424.

(2) Ad scr. Paletz, f. 264.

(3) Cochlaei, Hist. Hussit., pag. 39.

язву народнаго тѣла—отсутствіе единомыслія, при общемъ разложеніи общественныхъ началъ. Силой слова Евангельскаго онъ смирилъ увлеченія строптиваго произвола; умѣлъ связать всѣхъ членовъ народа союзомъ любви и общностію святыхъ убѣжденій; покорилъ своекорыстныя цѣли ихъ торжествующему единству вѣры. Чуждый лицепріятію рабской лести и самолюбію ревнивой личности, онъ ставилъ всѣхъ наровнѣ предъ закономъ Евангелія, сохраняя свободу служителя истины въ безстрашномъ обличеніи пороковъ. «М. Янъ Гусъ», — писали высшіе паны Чехіи и Моравіи (числомъ 54), пораженные ужасомъ при вѣсти о казни его, —«мужъ добрый, праведный, училъ и насъ и нашихъ подданныхъ (nos et subditos nostros) закону Евангельскому и пророческимъ книгамъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, согласно съ толкованіями св. Отцевъ, постоянно убѣждая насъ противоборствовать ересямъ, словомъ, писаніемъ и дѣломъ побуждая насъ къ міру и взаимной любви». (1) Вся полнота его духа вылилась въ завѣщаніи, писанномъ въ темницѣ, за нѣсколько недѣль до смерти. (2) Сдѣсь онъ въ послѣдній разъ обнимаетъ свѣтлымъ взоромъ всю совокупность народа, и посылаетъ лобзаніе мира своимъ вѣрнымъ братьямъ о Христѣ Іисусѣ. «Магистръ Янъ Гусъ,»—такъ гласитъ завѣщаніе,—«всѣмъ вѣрнымъ Чехамъ, возлюбившимъ Бога, желаетъ жить и умереть въ благодати Божіей и достигнуть вѣчной жизни, аминь. Вы всѣ, стоящіе во главѣ прочихъ, богатые и бѣдные, возлюбленные и вѣрующіе! Молю васъ, повинуйтесь Богу, величайте слово его и, слушая прилежно, исполняйте въ жизни. Молю васъ, прилѣпляйтесь къ истинѣ слова Божія, которую я проповѣдывалъ вамъ устно и письменно, по св. Евангелію и толкованіямъ св. Отцевъ. Молю васъ, если кто либо во всенародной проповѣди, или въ частныхъ бесѣдахъ, или въ писменныхъ трудахъ моихъ, читалъ, либо слышалъ, противное истинѣ Божіей, тому не слѣдовать, хотя совѣсть моя чиста предъ Богомъ и вами. Молю васъ, если кто либо замѣтилъ легкомысліе въ моихъ бесѣдахъ и нравахъ, не подражать тому, а молиться за меня Богу, да отпуститъ мнѣ грѣхъ невѣдѣнія. Молю и заклинаю васъ именемъ Божіимъ, вѣрные паны, любите добрыхъ священниковъ, трудящихся на нивѣ Господней и, по возможности, охраняйте ихъ отъ

(1) Ep. 62, I, f. 78.

(2) 10 Іюня, 1415 г., Ep. II, I, f. 60.

притѣсненій. Для того Богъ возвеличилъ земную долю вашу, и, мнится мнѣ, настанетъ великое гоненіе въ королевствѣ Чешскомъ на вѣрныхъ служителей Божіихъ, если Богъ самъ не приложитъ руки своей черезъ свѣтскихъ владѣльцевъ, которыхъ онъ больше духовныхъ просвѣтилъ въ познаніи закона своего. Молю васъ, остерегайтесь отъ ложныхъ учителей и безбожныхъ священниковъ, о которыхъ Спаситель сказалъ, что они волки хищные, подъ личиною агнцевъ. Молю васъ, владыки, обращайтесь милостиво съ своими бѣдными подданными, управляйте ими по правдѣ. Молю васъ, ремесленники, упражняйтесь прилежно въ своихъ ремеслахъ, въ страхѣ Божіемъ. Молю Васъ, рабы, учители, живите благочестиво, наставляйте въ истинной вѣрѣ учениковъ своихъ, учите ихъ прежде всего страху Божію, упражняйте въ честномъ трудѣ, для славы Божіей, для пользы государства и собственнаго спасенія. Молю васъ, студенты высокой школы, и всѣ прочіе учащіеся во всемъ полезномъ, повинуйтесь наставникамъ, подражайте имъ, имѣя въ виду славу Божію и пользу общественную. Молю васъ всѣхъ вмѣстѣ, благодарите великодушныхъ заступниковъ моихъ на соборѣ, Чешскихъ, Моравскихъ и Польскихъ пановъ, особенно Дубу и Хлума. Молю васъ еще разъ, приносите молитвы за короля Сигизмунда, за вашего и моего государя, за супругу его, королеву Софію, да пребудетъ съ ними и съ вами Господь милосердый, нынѣ и присно въ вѣчной жизни, аминь. Благодарю ихъ за милости, за любовь ко мнѣ и участіе въ судьбѣ моей. Цѣлуйте всѣхъ друзей моихъ, и знаемыхъ и незнаемыхъ. Никого не называю по имени, чтобъ не казаться лицепріятнымъ, чтобъ иные не думали, что я не сохраняю ихъ въ памяти, или не люблю ихъ всей силой любви, какую заслужили они. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь»! (1)

Сдѣсь собственно оканчивается рѣшеніе моей задачи. Я старался очертить, сколько могъ, двѣ великія личности, о которыхъ можно сказать, что онѣ не умѣстились въ пространствѣ одного столѣтія, потому что отблескъ славы каждой изъ нихъ освѣщаетъ обширную полосу человѣчества. Лютеру нужно было послѣдовать за Гусомъ, чтобъ начать новую эпоху развитія, на развалинахъ старой, которая не могла привиться на почвѣ Западно-

(1) Ep. II, 18—20, 21—25, I, f. 60 — 65.

Европейской. Народное значеніе того и другаго сливается съ ихъ всемірнымъ значеніемъ и опредѣляетъ степень участія, принятаго двумя Европейскими народностями въ духовномъ развитіи человѣчества. Перехожу къ заключительному отдѣлу, въ которомъ мысль о Православной особенности ученія Гусова получитъ окончательное рѣшеніе въ раскрытіи степени вліянія, какое дѣйствительно имѣли на Лютера вѣроисповѣдныя движенія Чехіи.

ОТДѢЛЪ IV.

ВЛІЯНІЕ ГУСА И ЧЕШСКАГО ВѢРОИСПОВѢДНАГО ДВИЖЕНІЯ НА ЛЮТЕРА И ВООБЩЕ НА НѢМЦЕВЪ.

ГЛАВА I.

Вліяніе Гуса на Лютера и отзывы Лютера о Гусѣ.

Гуситское движеніе отозвалось во всей Германіи современно началу его въ его Славянскомъ отечествѣ. Еще при жизни Гуса, какъ видно изъ описанія его путешествія въ Констанцъ, Нѣмцы съ любопытствомъ слѣдили за ходомъ вѣроисповѣдныхъ событій въ сосѣдней Чехіи. Изгнанные Нѣмецкіе студенты принесли въ новооснованный Лейпцигскій Университетъ достовѣрныя свѣдѣнія о первыхъ зародышахъ ученія Гусова, а, можетъ быть, и первыя сѣмена Гуситства. По крайней мѣрѣ, замѣчательно въ высшей степени общее сочувствіе къ Гусу, сказавшееся на всѣхъ его перепутьяхъ къ Швейцаріи, не только въ народѣ, но въ священникахъ и даже въ ученомъ сословіи. Много способствовали тому путешествія Іеронима. Епископъ города Лоди, въ рѣчи, произнесенной имъ на 21-мъ засѣданіи собора, 30 Мая 1416 года, прямо обвинялъ его въ томъ, что молва объ ереси его разнеслась по цѣлой Германіи. «In Anglia, in tota Bohemia, in Francia, in Ungaria, in Polonia, in Lituania, in Russia, in Italia et in tota Allemania de haeresi tua pervolavit infamia». (1) И дѣйствительно, въ 1410 году, возвращаясь изъ Польши, Іеронимъ долго дѣйствовалъ въ Угріи, про-

---

(1) Cochlaei, Hist. Hussit., l. III, pag. 136.

повѣдывалъ въ Остригомѣ (Гранѣ) и Будинѣ (Будѣ, Нѣм. Offen), оттуда перешелъ во владѣнія Австрійскія, и въ Вѣнѣ, по происскамъ духовенства Угорскаго, заключенъ въ темницу, откуда бѣжалъ, въ Сентябрѣ, послѣ 14 дней заключенія. Но, кажется, онъ и прежде путешествовалъ по Нѣмецкимъ землямъ. По свѣдѣтельству Теобальда, онъ въ Гейдельберскомъ и Кёльнскомъ Университетахъ получилъ степень магистра. Въ 1406 году, по рукописнымъ источникамъ города Гейдельберга, онъ былъ еще тамъ и занимался Богословскими прѣніями. (1) Между тѣмъ другіе источники оспориваютъ пребываніе его въ этомъ городѣ въ 1406 году, потому что есть слѣды думать, что онъ въ то время въ Прагѣ участвовалъ въ схваткѣ между Гуситами—Чехами и Латинянами—Нѣмцами. (2) Какъ бы то ни было, но пребываніе и дѣятельность Іеронима въ Германіи не подвержены ни какому сомнѣнію.

Послѣ Гуса и Іеронима, въ первой половинѣ XV столѣтія, Табориты продолжали распространять Гуситское ученіе, разнося оное съ оружіемъ въ рукахъ по всѣмъ окрестнымъ странамъ. Не входя ни въ какія подробности, укажу только на одно обстоятельство. Возможно ли, чтобы горсть Жижкиныхъ и Прокоповыхъ ратниковъ обращала въ бѣгство огромныя ополченія короля Сигизмунда однимъ страхомъ своего имени? Необходимо предполагать особенное сочувствіе въ Нѣмцахъ къ религіозной мысли, которой Табориты были носителями, чтобъ объяснить себѣ бранныя чудеса непобѣдимой дружины, предъ которой Нѣмцы обращали тылъ, не смотря на папскіе перуны свирѣпаго Мартина V, и подъ начальствомъ такихъ полководцевъ, каковъ былъ Юліянъ кардиналъ. Въ сочиненіяхъ Лютера много важныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Онъ говоритъ, что «на многихъ мѣстахъ Нѣмецкой земли постоянно носилась молва объ Іоаннѣ Гусѣ (das Mummeln von Joh. Huss) и безпрестанно усиливалась, пока и онъ не покорился общему мнѣнію (bis ich auch darein gefallen)». (3) Въ другомъ мѣстѣ: «Къ чему было кровожаднымъ тиранамъ Констанцкимъ поступать такъ безчеловѣчно съ умершимъ сожженнымъ Гусомъ и бросать въ Рейнъ его пепелъ? Робкая совѣсть ихъ боялась его невинности; они выдумали страшную казнь,

(1) Ullmann, I, 375.

(2) Theobald., Hussitenkr. I, 12.—Balb., p. 418.

(3) Walch, XV, Von den neuen Eckischen Bullen und Lügen, 1520, §. 35, S. 1687.

чтобъ подѣйствовать ужасомъ на бѣдныхъ мірянъ и подавить истину насиліемъ и страхомъ. И все безполезно; истина выходитъ наружу; на зло Папистамъ, и камни возопіютъ противъ Гусовыхъ палачей. Вотъ уже сто лѣтъ, какъ Паписты противодѣйствуютъ вліянію Гуса, и чѣмъ болѣе противодѣйствуютъ, тѣмъ сильнѣе оно выражается, и становится явнымъ, что дѣло Гусово—дѣло—святое, а дѣло Констанцкаго собора—дьявольское; истина не хочетъ и не можетъ укрыться. Не довольно ссылаться на значеніе собора: должно привести доказательства, чтобъ заставить молчать противниковъ и удовлетворить насъ самихъ». (1) Еще въ другомъ мѣстѣ, разбирая дѣйствія Западной Церкви въ отношеніи къ предшествующимъ преобразователямъ, Лютеръ доходитъ до Гуса: «Какъ Паписты побѣдили Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго на Констанцкомъ соборѣ, давно извѣстно и признано; мнѣ не нужно ссылаться ни на письмо Флорентинца Поджи, ни на громкую и единодушную молву, которой не могли потушить никакіе папы и Университеты, напротивъ, магистры сами тайкомъ переговариваются о томъ между собою». (2)

Ясно, что Германія вовсе не оставалась равнодушною къ вѣроисповѣдному движенію, которое въ XV столѣтіи нанесло такой чувствительной ударъ Западной Церкви. Укажу на нѣсколько случаевъ, которые несомнѣнно доказываютъ сильное воздѣйствіе ученія Гусова почти всюду въ Нѣмецкой землѣ. Всѣ, сколько ни будь замѣчательныя, личности, которыми Германія можетъ гордиться, какъ предшественниками Реформаціи, отъ него заимствовали побужденія къ дѣятельности, враждебной Католичеству. Баварія, особенно сѣверо-восточная ея полоса, прилежащая къ Чехіи, была изстари Славянскою почвою. Въ первой половинѣ VIII столѣтія св. Бонифацій заселилъ владѣнія Вюрцбургскаго епископства и Фульденскаго монастыря Славянскими язычниками. Въ IX и X стол. Славяне занимали не только Вунсидельскій, Вальдсаскій, Тиршенрейтскій и Берновскій края, (которые до XI стол. принадлежали Чехамъ), но и окрестности рѣкъ: Набы, Радницы и верхняго Майна, около Байрейта, Бамберга, Вюрцбурга, Нюрнберга, Аншпаха, отъ чего края этѣ въ грамотахъ средняго вѣка часто

(1) Walch, §. 32, S. 1386; 35, 1688.

(2) Walch, XV, Отвѣтъ Лейденскимъ и Кёльнскимъ магистрамъ, §. 16, S. 1606.

называются землею Славянскою (terra Slavorum). (1) Сдѣсь именно сказалась сильная наклонность къ Гуситству. Вспомнимъ пріемъ, сдѣланный въ Нюрнбегѣ его основателю; тамъ хранились преданія устныя о разныхъ событіяхъ жизни послѣдняго, собранныя послѣ историкомъ Теобальдомъ. Мы видѣли выше, что многіе Нѣмцы хоронились въ Виѳлеемской часовнѣ, вѣроятно, приверженные къ ученію Гуса. Самаго Теобальда Бальбинъ упрекаетъ въ пристрастіи къ еретику. Въ Бамбергѣ, въ 30-хъ годахъ XV вѣка, въ славную пору Таборитской дружины, мѣщане всѣ исключительно склонялись къ ученію Гуса. Городская Дума сочла нужнымъ вынудить у нихъ обѣщаніе клятвенное не приступать къ мнимой ереси. Въ окрестностяхъ Аншпаха, Ротенбурга, Нейштадта, Виндегейма, около 1446 года, какой-то Фридрихъ Мюллеръ проповѣдывалъ Гуситскія мнѣнія и нашелъ много сочувствія въ народѣ. Ученіе его обратило вниманіе и мѣстнаго епископа; 130 человѣкъ отъявленныхъ приверженцевъ Мюллера приведены плѣнными въ Вюрцбургъ и принуждены къ отреченію. (2) Въ высшей степени замѣчательно появленіе какого-то Чеха въ епархіи Вюрцбургской около 1476-го года. Родомъ изъ Чехіи (что показываетъ названіе его въ современныхъ источникахъ: Hans Böheim или Behem), занятіемъ пастухъ и свирѣльщикъ или бубенщикъ (Pauker, Pfeifer, у Тритгейма: tympanista et pastor porcorum), онъ сталъ проповѣдывать въ деревнѣ Никласгаузенѣ, на рѣкѣ Таубергъ, не вдали отъ города Вертгейма. Ученіе Яна есть крайнее выраженіе изступленныхъ мнѣній Таборитовъ, какими передаетъ ихъ, на пр., Лаврентій изъ Бржезовы. Онъ говорилъ, что «подходитъ послѣднее время; что гнѣвъ Божій грозитъ всему роду человѣческому; что всѣ люди повинны осужденію». Какъ Табориты только въ пяти городахъ полагали возможнымъ спасеніе избранныхъ, такъ и Янъ Чехъ, приглашалъ всѣхъ къ покаянію въ долинѣ Тауберга, и только тамъ, по словамъ его, Богоматерь принимаетъ поклоненіе вѣрующихъ. Онъ выразилъ основной законъ Таборитской общины, что «при наступленіи послѣдняго дня исчезнетъ всякое земное владычество, всѣ люди будутъ доживать свои дни въ единеніи всемірнаго братства». Удары его были направлены преимущественно на духовенство, на роскошь папы и богатыхъ епископовъ. Онъ

(1) Šafarik, Slow. starož. I, str. 917; въ Русскомъ переводѣ Бодянскаго Слав. древн. II, кн. I, стр. 277.

(2) Hagen, I, 169—170.

отвергалъ Латинское вѣроученіе, чистилище, отлученіе папское, все человѣческія установленія Западной Церкви. Современники прямо называли его послѣдователемъ Гуса: старая Нюренбергская хроника Крейцера говоритъ, что онъ принялъ ученіе свое отъ одного изъ Гусовыхъ учениковъ. Тритгеймъ говоритъ о какомъ-то Фринцисканскомъ монахѣ; старѣйшіе памятники о какомъ-то Бегардѣ, съ которымъ Янъ Чехъ находился будто бы въ тѣсныхъ сношеніяхъ и получалъ отъ него наставленія. Все указываетъ на ближайшую связь съ миссіонерами Братьевъ, которые въ то время высылали во всѣ окрестныя страны проповѣдниковъ для распространенія своего ученія. Проповѣдь юноши имѣла неслыханные успѣхи: изъ восточной Франконіи, Баваріи и Швабіи, даже Эльзаса и Рейнскаго побережья, изъ Фульды и Гессена, изъ Тюрингіи, Саксоніи и Мышенской области, стекались во множествѣ слушатели; ремесленники оставляли рабочія, крестьяне полевыя работы, безъ позволенія господъ; другаго привѣтствія не было между сходившимися, какъ «братья и сестры»; до 30,000 собиралось на проповѣдь Яна. Рудольфъ Шернбергъ, епископъ Вюрцбургскій, узнавъ о предположенномъ нашествіи фанатиковъ на епископскій городъ, разогналъ ихъ военною силою и взялъ въ плѣнъ самого проповѣдника. Янъ Чехъ погибъ на кострѣ, не вдали отъ Вюрцбурга, и пепелъ его, какъ нѣкогда Гусовъ, брошенъ въ близъ протекающій Майнъ. Но память о чудномъ юношѣ, который слылъ между современниками пророкомъ и посланникомъ неба, сохранилась до позднѣйшихъ временъ. Севастіянъ Брантъ упоминаетъ о немъ въ своемъ «Narrenschiff». (1)

Рейнская область усѣяна была поселеніями Гуситовъ. Въ Буллѣ противъ Базельскаго собора, 1431 года, Евгеній IV указываетъ, между прочимъ, и на то обстоятельство, что въ самомъ Базелѣ, а равно и въ окрестностяхъ, жители заражаются во множествѣ Гуситскою ересью. Около Гейдельберга дѣйствовалъ въ 20-хъ годахъ XV вѣка нѣкто Іоаннъ Дрендорфъ изъ Шлибена. Лютеръ называетъ его Дрендорфъ и приводитъ въ прикосновеніе съ Гусомъ. Саксонскій дворянинъ, поставленный въ Прагѣ въ священники, неизвѣстно, въ слѣдствіе какихъ обстоятельствъ «онъ явился въ городкѣ Пейнебергѣ, вооружалъ жителей противъ наложеннаго на нихъ отлученія, проповѣдывалъ Евхаристію подъ обоими

---

(1) Ullmann, Reformation, I, 1-е приложеніе, стр. 421 — 446.

видами, но схваченъ въ Гейльброннѣ на Неккарѣ и въ Гейдельбергѣ, присужденный къ костру инквизиціонной коммиссіей, сожженъ въ Вормсѣ, 3-го Февраля, 1425 года. Таже участь постигла, въ 1426 году, въ Шпейерѣ, еретика Петра Турнау, а въ 1458 въ Страссбургѣ Фридриха Рейзера Тунауера или Дунайскаго, по мѣсту рожденія. Этотъ послѣдній въ Чешскомъ плѣну воспламенился ученіемъ Гуса и поставленъ въ священники; проповѣдывалъ ересь Гуситскую въ тайныхъ собраніяхъ единомышленниковъ, въ городахъ Вюрцбургѣ, Гейльброннѣ, Пфорцгеймѣ, Базелѣ, опровергалъ вѣно Константина Великаго; въ Страсбургѣ схваченъ Доминиканцами и погибъ на кострѣ со многими приверженцами нисшаго и средняго сословія. (1)

Побережье Лабы и Салы, исконная Славянская почва, рано подчинилось вліянію Гуситства. Между верхней Унструтой и Виперой находились въ старину многочисленныя поселенія Славянъ и, собственно такъ называемая, Славянская жупа (Winidongau). (2) Сдѣсь сказалось сильное сочувствіе къ Гусу во время Констанцкаго собора, а во время Базельскаго Графы Гонштейнъ, Штольбергъ и Шварцбургъ соединились между собою, для окончательнаго истребленія Гуситской ереси въ своихъ владѣніяхъ, лежащихъ весьма близко къ родинѣ Лютера. Въ 1465 году сожжены въ монастырѣ Валькенридскомъ два мужа изъ Брандероде и Саксы. Въ 1517 году Валькенридскій монахъ, приступившій къ ученію Гуса, оставилъ обитель, а въ 1526 году сожженъ на кострѣ въ городкѣ Верденѣ (3) Важнѣйшимъ средоточіемъ оппозиціонныхъ элементовъ въ XV вѣкѣ явился знаменитый Эрфуртъ. Тамошній Университетъ получилъ сильное приращеніе послѣ выѣзда Нѣмецкихъ магистровъ изъ Праги. Сдѣсь, по близкому сосѣдству съ Чехами, господствовали, какъ и въ Тюрингіи, значительныя секты еретиковъ, Вальденцы, Бичующіеся, Бегарды. Сдѣсь, по закону противоположностей, должны были развиться два крайнія выраженія религіозной идеи, которыя въ то время продолжали бороться и словомъ и оружіемъ; ученіе Латинское вошло во враждебное соприкосновеніе съ новымъ Гуситскимъ началомъ, не только въ ученыхъ преніяхъ Университета, но и на площади во всенародной проповѣди. Во время Гуситскихъ войнъ городъ

(1) Ullmann, I, 375—376. — Walch XV.
(2) Šafarik, Starož. I, 917.
(3) Jürgens, III, 14.

приведенъ былъ въ оборонительное положеніе. Духовенство и богатые граждане жалѣли издержекъ для этой цѣли; они отстаивали свои выгоды, которыя должны были пострадать неминуемо въ случаѣ разрушенія города Таборитскими полчищами; тѣмъ сильнѣе склонялись на сторону послѣднихъ низшіе слои народные, которые могли только выиграть при вѣроисповѣдномъ переворотѣ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ Гуситской войны Эрфуртская городская дума опасалась за весь простой народъ вліянія распространявшейся ереси. Университетъ, основанный въ исходѣ XIV столѣтія, имѣлъ уже своихъ депутатовъ на Констанцкомъ соборѣ. Одинъ изъ нихъ, докторъ Іоаннъ Захарія, памятенъ по отношенію къ судьбѣ преобразователя Чешскаго. Въ половинѣ XV вѣка одинъ изъ преподавателей Эрфуртской школы, Іоаннъ Гагенъ, писалъ спорныя сочиненія противъ Гуситской ереси (до насъ не дошедшія, но отмѣченныя въ «Словарѣ церковныхъ писателей», аббата Тритгейма: «Contra errores Bohemorum; De communione sub utraque specie; De doctrinis peregrinis cavendis»), что несомнѣнно доказываетъ существованіе ея въ этѣхъ предѣлахъ. (1) Дѣятельность знаменитаго Везеля, въ половинѣ XV вѣка, проливаетъ яркій свѣтъ на вопросъ о судьбахъ Гуситства въ Германіи. Въ библіотекѣ Эрфуртскаго Августинскаго монастыря хранились сочиненія Гуса, съ которыми Лютеръ познакомился тамъ въ первый разъ. Erfordia Praga! знаменательная поговорка, сохраненная Лютеромъ, указываетъ также на сильное развитіе Гуситскаго начала въ этомъ городѣ и, вѣроятно, во всей окрестной странѣ. (2) Въ намѣреніи нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ курфистовъ избрать императоромъ короля Юрія Подѣбрадскаго вмѣсто бездарнаго Фридриха, Эрфуртскій Университетъ принималъ дѣятельное участіе. Когда же въ 1465 году папа Павелъ II отлучилъ отъ Церкви короля Чешскаго, отъявленнаго Утраквиста, а Юрій, съ своей стороны, перенесъ дѣло къ Вселенскому собору, то Майнцкій архіепископъ и князья Бранибορскій и Мышенскій, вопросивши Университеты Лейпцига и Эрфурта, достоитъ ли начать съ нимъ войну по желанію папы, получили въ отвѣтъ, что Римскому первосвященнику не подобаетъ обходиться такъ круто съ Чешскимъ народомъ. Наконецъ, въ исходѣ XV-го столѣтія, докторъ Іоаннъ

---

(1) Ullmann, I, 248.

(2) Aurif., I, Ep. 229, f. 327.

Перенннгъ, Эрфутскій проповѣдникъ, спасаясь къ Чешскимъ Гуситамъ отъ гоненій Латинянъ, попался въ плѣнъ къ Альбрехту Саксонскому и, отданный въ руки епископа Мышенскаго, умеръ въ темницѣ. (1)

Кромѣ трехъ названныхъ средоточій Гуситскаго движенія въ Германіи, намъ извѣстно еще нѣсколько значительныхъ личностей, которыхъ антиіерархическое направленіе въ XV и XVI столѣт. было условлено ближайшимъ знакомствомъ съ ученіемъ самаго Гуса. Что книги его, по крайней мѣрѣ, особенно важныя, въ отдѣльныхъ спискахъ ходили по рукамъ частныхъ людей въ Германіи, въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣніи. Чешскіе и Моравскіе Братья, равно и Чашники, считали самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, къ распространенію своихъ мнѣній, присылку книгъ и священниковъ, поставленныхъ въ Чехіи. Примѣры послѣднихъ мы уже видѣли; разумѣется, они возвращались въ Германію не съ пустыми руками, а вѣроятно, съ сочиненіями Гуса и другихъ представителей Чешскаго раскола. Книга «О Церкви» доставлена Лютеру при письмѣ отъ двухъ Пражскихъ священниковъ. Но мы имѣемъ самое вѣрное доказательство, что въ Германіи и безвѣстные люди занимались сочиненіями Гуса. Въ письмѣ Іеронима изъ Эндорфа къ Сигизмунду Дитрихштейну, Штирскому воеводѣ, о буллѣ проклятія на Лютера, принесенной въ Германію Экомъ, встрѣчаемъ нѣсколько строкъ переводныхъ изъ Гусова сочиненія «О Церкви», но безъ указанія на подлинникъ; приведу, для повѣрки, Латинскій текстъ Гуса и Нѣмецкій переводъ Іеронима. Въ 15 главѣ «De Ecclesia», разбирая преданіе объ имперіи Римской, уступленной будьто бы Нерономъ св. Петру, Гусъ прибавляетъ: «Utinam Petrus, si fuisset voluntas Dei, dixisset: «Ego tuam concessionem non accipio, quia dum fui Romanus Episcopus, reliqueram omnia, et a Nerone dominationem super Roma non optavi, et ea non indigeo, et video, quod meis posteris multum nocet; impedit enim eos in praedicatione Evangelii, in oratione salutari, in completione mandatorum Dei et consiliorum, et facit plurimos superbere». Въ письмѣ Эндорфа ..... So ist doch zu gedennkhen, wo Sanct Peter leiblich entgegen gewest, er het gesprochen: Ich nym dein Zuestellung nit an. Wann die weil ich Römischer Bishof gewesen bin, hab ich all Ding verlassn und vom Nerone khain hershung uber Rom begert, und darff Ir nit, sonnder sehe, das

(1) Jürg., I, 330 — 338.

sy meinen nachkhommen vil shadt, dann sy irret dieselben an der Preig des Evangelii an hailsamen bet, und an erfüllung der gebot Gottes, macht sich gross zu ubernemen, und hochfart zu ubn». (1) Нельзя сказать утвердительно, откуда заимствовалъ этѣ слова переводчикъ, изъ особеннаго ли списка сочиненія «О Церкви», или печатнаго изданія Лютера, незадолго до того вышедшаго въ свѣтъ; но во всякомъ случаѣ видно, съ какою охотою читались и изучались творенія Гуса.

Изъ предшественниковъ Лютера по отношенію къ Гусу замѣчательны слѣдующіе: 1) Іаковъ изъ Юттербока (1383—1465), современникъ Гуса, профессоръ Эрфуртскаго Университета, обнаруживающій въ своихъ сочиненіяхъ общее всему Западному человѣчеству стремленіе къ преобразованію Церкви, а въ ученіи объ прощахъ, сколько извѣстно, значительно отходящій отъ общепринятой теоріи въ Церкви Латинской. Весьма замѣчательно, что онъ учился въ Краковѣ и въ тамошней Академіи получилъ степень доктора, потомъ долгое время проживалъ въ Прагѣ, какъ самъ говоритъ о себѣ въ разсужденіи объ отпускахъ: «In solenni monasterio aulae regiae degebam prope civitatem Pragensem, ubi abundantissimae indulgentiae in reliquiarum ostensione conferebantur»;— стало быть, прежде начала Гуситской войны. Онъ могъ быть свѣдѣтелемъ прѣнія Гусова объ индульгенціяхъ 1412 года въ Прагѣ; ему было тогда 29 лѣтъ. (2) 2) Іоаннъ Везель или Везалія, 1481, находившійся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Чешскими и Моравскими Братьями и исповѣдывавшій догматъ Восточной Церкви объ исхожденіи Духа Святаго. 3) Андрей Пролесъ (1429 — 1503), родомъ изъ Дрездена, игуменъ Вернигеродской обители, викарій Августинскаго ордена въ Тюрингіи и Саксоніи около 1450 года, по словамъ Лютера, мужъ великой славы и пламенной вѣры, заживо прославленный святостію. Онъ памятенъ любопытнымъ преданіемъ о розѣ доктора Іоанна Захаріи, полученной, въ увѣковѣченіе побѣды надъ Гусомъ, на Констанцкомъ соборѣ. Пролесъ, взглянувши однажды на картину Захаріи, съ розой поверхъ докторскаго барета, какимъ изображался онъ по всѣмъ Августинскимъ монастырямъ, нечаянно проронилъ слово въ Конвентѣ: «Я не хотѣлъ бы носить украшеніе, купленное

(1) Hist. et Mon. Hus, I, f. 22?. — Walch, XV, S. 19?5.
(2) Ullmann, I, 231.

такою цѣною», и на вопросъ Ступица: «Что это значитъ?» отвѣчалъ разсказомъ о предательскомъ поступкѣ Захаріи, уличившаго Гуса его собственной Библіей. «Изъ сего видно»,—прибавляетъ Лютеръ, передающій намъ это извѣстіе,—«что и Андрей Пролесъ держался того мнѣнія, что съ Іоанномъ Гусомъ поступлено несправедливо, и что Захарія, если не принесъ покаянія, повиненъ вѣрному осужденію, не смотря на временную славу. (1) 4) И Ступицъ, по свѣдѣтельству Лютера, раздѣлялъ тоже мнѣніе (2) 5) Лютеръ охотно приводитъ въ соприкосновеніе съ Гусомъ и извѣстнаго Эйзенахскаго проповѣдника, **Гильтена**, который въ 1500-хъ годахъ доживалъ въ темницѣ послѣдніе дни за смѣлое обличеніе современнаго духовенства. Юргенсъ считаетъ весьма вѣроятнымъ знакомство его съ ученіемъ Вальденцевъ, а можетъ быть и съ книгами Гуса. Меланхтонъ, въ своей Апологіи, величаетъ его свѣдѣтелемъ истины въ Церкви Папистовъ, познавшимъ и проповѣдывавшимъ ученіе объ оправданіи вѣрою и о добрыхъ дѣлахъ, а равно о св. Евхаристіи въ первоначальной его чистотѣ. Лютеръ въ Застольныхъ рѣчахъ, говоря о неправедномъ сожженіи Гуса, прибавляетъ: «Теперь наступило время отмщенія за Гуса, по пророчеству **Іоанна Гильтена**, Францисканца въ Эрфуртскомъ монастырѣ, удавленнаго на нашей памяти». (3) 6) **Іоаннъ Греффенштейнъ**, преподаватель Эрфуртскаго Университета, котораго въ 1520 году уже не было въ живыхъ, **мужъ ученый и благочестивый**; онъ говаривалъ Лютеру, ученику своему, что Іоаннъ Гусъ не былъ уличенъ доказательствами изъ св. Писанія, а погибъ въ слѣдствіе тайнаго соглашенія членовъ собора, какъ пишутъ иныя Дѣянія, т. е., что члены совѣщались между собою тайкомъ, и Гусъ, по приговору невѣжественныхъ тиранновъ: «Placet», казненъ безъ уликъ, безъ суда и доводовъ». (4) 7) Кромѣ того у всѣхъ людей благонамѣренныхъ, по свѣдѣтельству Лютера, постоянно хранилось преданіе о томъ, что съ нимъ поступили неправедно и беззаконно: «Tale omni tempore bonorum virorum judicium fuit, quod illata ei sit vis et injuria». Лютеръ слыхалъ отъ достовѣр-

(1) Предисловіе къ Гусовымъ письмамъ.— **Walch**, XV, Von den neuen Eckischen Bullen und Lugen, §. 55, S. 1687. — **Walch**, XVI, §. 6—8, S. 2561 — 65.—XXII, c. 58, §. 5, S. 2068. — **Aurif.** II, f. 242, пис. Лют. къ Спалат. 1521 г.

(2) **Walch**, XVI, S. 2568. «Cui judicio D. Staupitius quoque suffragatus est». Предис. къ Гусовымъ письмамъ.

(3) **Walch**, XXII, c. 27, §. 135, S. 1405.

(4) **Walch**, XV, §. 51, S. 1617.

ныхъ свѣдѣтелей, что и императоръ Максимиліанъ не рѣдко отзывался объ Гусѣ въ такихъ выраженіяхъ: «He, he! fecerunt bono illi viro injuriam!» (1)

Назову еще нѣсколькихъ современниковъ Лютера, но ранѣе его выступившихъ на поприще письменное. Бернардъ Адельманнъ изъ Адельманнсфельда (род. 1457 г.), въ письмахъ къ Богуславу Газенштейну изъ Лобковицъ, извѣстному двигателю просвѣщенія въ Чехіи, отъ 1494 года, защищаетъ Гуситскія мнѣнія: Евхаристію подъ обоими видами, и бракъ духовенства. (2) Еразмъ Роттердамскій пишетъ въ посланіяхъ своихъ, что Гусъ хотя и сожженъ, но не уличенъ. Адольфъ Страссбургскій, написавшій «Собраніе шутокъ (Facetiae)», по образцу Бобеля, приводитъ мнѣнія Чеховъ объ индульгенціяхъ: «Когда укоряютъ Чеховъ въ презрѣніи къ прощамъ, они отвѣчаютъ: «Есть два рода ковчеговъ. Въ одномъ заключается сокровище Христово и заслуга Его; этотъ ковчегъ безконеченъ и неистощимъ; другой принадлежитъ папѣ; въ той же мѣрѣ, какъ первый неистощимъ, послѣдній никогда не наполнишь». (3) Но между тѣмъ, какъ большинство ученыхъ мужей, стоящихъ во главѣ письменнаго и вѣроисповѣднаго движенія Германіи въ исходѣ XV и началѣ XVI столѣтій, сильно склонялось на сторону Гуса, другая, меньшая половина, чуждалась Гуситовъ, какъ еретиковъ. Таковы: Тритгеймъ, Вимфелингъ, Цальтесъ, Богуславъ Газенштейнъ, даже Гуттенъ въ началѣ своего поприща. Въ письмахъ темныхъ людей (Epistolae virorum obscurorum), которыя, по всей вѣроятности, писаны имъ, 1516—1517 г., Доминиканцы жалуются на общее сочувствіе Германіи къ Рейхлину и всѣмъ Гуманистамъ, и грозятъ, буде папа и кардиналы порѣшатъ дѣло въ ихъ пользу, приступить къ союзу съ Гуситами; (4) самъ же онъ то сдѣлалъ не раньше Лейпцигскаго состязанія, въ которомъ открыто призналъ себя поклонникомъ Гуса, и всѣ Гуманисты къ нему приложились. Такъ, въ небольшомъ сочиненіи: «О способѣ производить слѣдствія надъ еретиками», безыменный сочинитель приводитъ Гуса и Іеронима, не уличенныхъ въ ереси св. Писаніемъ, а сожженныхъ по суду св. Римской Церкви, мѣрила

(1) Предисл. къ Гусов. письмамъ.

(2) Hagen, I, 174, 305.

(3) Hagen, I, 406.

(4) Ibid. 305, 447.

вѣры. Прямое вліяніе Лютера видно изъ другаго выраженія того же отрывка. «Спрашивается, какъ объяснить эту странность, что св. Церковь въ продолженіе 1300 лѣтъ до Констанцкаго собора, обходилась безъ казней, огнемъ и мечемъ, а нынѣ не можетъ быть управляема безъ казни еретиковъ, не смотря на то, что въ то время насчитывали множество ересей, а въ настоящее почти нѣтъ ни одной, кромѣ Чешской»? — Таже мысль встрѣчается почти въ тѣхъ же словахъ въ сочиненіяхъ Лютера. (1) Въ другомъ отрывкѣ неизвѣстнаго писателя: «Совѣщаніе Кёльнскихъ богослововъ противъ друзей Нѣмецкой земли и свободныхъ наукъ», Стенторъ, одинъ изъ присутствующихъ, подаетъ свое мнѣніе, что «Лютеръ,—новый Гусъ, и сожженіе его было бы великой услугой, оказанной Церкви. Предстоитъ одна только опасность: ученіе Лютера, какъ нѣкогда ученіе Гуса, все же останется въ силѣ». Въ отрывкѣ: «De corrupto statu Ecclesiae», сочинитель, по всей вѣроятности, Гуттенъ, говоритъ, что «Лютера упрекаютъ напрасно во введеніи Чешской ереси, потому что враги его и сами гораздо хуже Чеховъ. Въ сатирѣ Пирнгеймера: «Застроганный Эккъ», также говорится объ Лютерѣ, какъ послѣдователѣ Гуса. (2)

Переходимъ къ самому Лютеру.

Въ отношеніяхъ Лютера къ Гусу можно прослѣдить три періода постепеннаго къ нему приближенія, по мѣрѣ удаленія отъ Западной Церкви. Молодость Лютера протекаетъ въ наслѣдственной ненависти къ еретику, котораго воспоминаніе такъ живо хранилось въ народѣ. До 1518 года онъ вооружается однообразно на секту Пикардовъ (такъ назывались въ Германіи Чешскіе Братья), и не столько въ письменныхъ трудахъ, сколько въ проповѣди, передъ народомъ, для того, вѣроятно, чтобъ противодѣйствовать общему въ массахъ сочувствію къ ученію Гуса. Въ первомъ отдѣлѣ я уже коснулся его отношеній къ Пикардамъ; теперь разберу ихъ подробнѣе. Главная причина негодованія его противъ Чешскихъ еретиковъ заключается въ ихъ отчужденіи отъ Западной Церкви, въ то время, когда Лютеръ находился въ рядахъ ея вѣрныхъ сыновъ. Такъ, въ одной проповѣди, относящейся, по всей вѣроятности, къ 1517 году, Лютеръ говоритъ объ общинѣ Братьевъ:

(1) Hagen, II, 42, на об.. — Walch, IV, V. d. neuen Eckischen Bullen und Lügen, §. 51, S. 1685. — Grund und Ursache aller Artikel, durch die römische Bulle verdammt; ст. 33, §. 224, S. 1855.
(2) Hagen, II, 46, 51, 65.

«Тѣ, которые самовольно отчуждаютъ себя отъ единенія и порядка чиноначалія Церкви Вселенской, напрасно хвалятся высокими откровеніями и высокими подвигами, каковы наши Пикарды и другіе упрямые еретики. Послушаніе лучше жертвы безумныхъ». (1) Въ примѣненіи къ нимъ же сказано Лютеромъ въ объясненіи заповѣдей: «Условная отговорка еретиковъ, что они проповѣдуютъ ученіе свое по внутреннему убѣжденію въ истинѣ онаго и съ божественной ревностію, но это и служитъ къ вящшему ихъ осужденію. Ревность ихъ есть плодъ гордости. Они не принимаютъ ни отъ кого наставленій, а сами себѣ хотятъ быть наставниками (Рим. X, 2; Гал. V, 10; I, 8). Глубоко затаена въ нихъ надменность; не сознавая ее въ себѣ, они красятъ ее мнимой личиной чистоты убѣжденій. Потому что истинное убѣжденіе никогда не бываетъ безъ страха; оно недовѣрчиво къ самому себѣ, всегда готово уступить другимъ, не смотря на увѣренность въ истинѣ». (2) Въ объясненіи 110-го псальма, 1518 года, Лютеръ отчитываетъ сильныя отповѣди Чешскимъ и Моравскимъ Братьямъ. (3) «На землѣ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ высокій, богатый разумъ (hochreiche, sinnige Vernuft), преимущественно, когда онъ вдается въ область духовныхъ предметовъ Боговѣдѣнія и самопознанія. Легче выучить грамотѣ существо неразумное, чѣмъ объять премудрость премудрыхъ, и тѣмъ привести ихъ къ познанію истины. Таковы ослѣпленные сосѣди наши, Чехи, бѣдный, жалкій народъ (das elende, erbärmliche Volk), которые внесли свѣтильникъ разума въ область Слова Божія, и видятъ все, кромѣ разума, потому что премудрость Божія утаена отъ разумныхъ, а требуетъ не слѣпаго, но чистаго, ока младенца (Іоанн. IX, 39). Гдѣ худоумный нуждается въ одномъ учителѣ, тамъ умъ высокій имѣетъ нужду въ десяти». (4) Въ проповѣдяхъ, говоренныхъ народу 1516 и 1517 годовъ въ Виттембергскомъ соборѣ, при объясненіи 10 заповѣдей, онъ вооружается, кромѣ того, и на отдѣльные догматы ихъ исповѣданія. Возставая на исключительность служенія святымъ въ Католической Церкви, Лютеръ въ то же время защищаетъ поклоненіе святымъ, противъ мнѣній Пикардовъ. «Безсмысленные (Чешскіе еретики) не должны думать, что

(1) Walch, XII, S. 2221.
(2) Walch, III, 8 запов., §. 4,—5.
(3) См. выше.
(4) Walch, V, Объясн. 110 пс., §. 21—22.

я защищаю ихъ мнѣніе, которымъ они, по невѣжеству и оскорбительной гордости, обличають насъ, Нѣмцевъ, въ близкомъ къ идолопоклонству почитаніи святыхъ. Въ доказательство этого мнѣнія они собираютъ разные тексты Писанія, въ которыхъ запрещается поклоненіе кому бы то ни было, развѣ единого Бога. И чтобы усилить къ намъ ненависть въ своихъ единомышленникахъ, они искусно обходятъ тѣ мѣста въ Св. Писаніи, гдѣ воздается поклоненіе Давиду, Соломону и прочимъ, извращаютъ свѣдѣтельство Библіи и лукаво поносятъ Богослуженіе наше. Они учатъ крестьянъ, что должно кланяться одному Богу, и хвалятся этѣмъ открытіемъ, какъ будьто бы мы когда либо отвергали эту старую истину; хотя въ тоже время имъ нельзя отрицать, что часто воздаешь почести и какъ будьто возносишь молитву къ царскимъ слугамъ о предстательствѣ предъ царемъ» (Іов. V, 1; Пс. 132, 1; Быт. XLVIII, 16). (1)

Тѣже отношенія къ Братьямъ продолжаются во время спора объ прощахъ (индульгенціяхъ). Говоря о чистилищѣ, онъ возстаетъ на Пикардовъ (der verdriessliche Pighardus), отвергающихъ преданіе Западной Церкви. (2) Съ ужасомъ воспоминая о наказѣ продавцамъ индульгенцій, гдѣ, за покупку отпуска, обѣщаются четыре благодатные дара, Лютеръ обращается къ Тецелю: «Стыжусь за противника, что онъ не побоялся издать эту книгу въ виду четырехъ окрестныхъ Университетовъ: жалѣю также, что сосѣднимъ еретикамъ, Пикардамъ, представился, наконецъ, удобный случай, справедливо поносить Римскую Церковь, когда они слышатъ, что въ ней проповѣдываютъ такіе ужасы. (3) Опровергая общее мнѣніе Запада, что заслуга Христова есть сокровище Церкви, онъ снова указываетъ на Чешскихъ еретиковъ: «Я и прежде не разъ говорилъ, что утверждать что-либо въ ученіи вѣры безъ достаточнаго основанія въ словѣ Божіемъ, значитъ подвергать Церковь насмѣшкамъ еретиковъ. Пикарды, не признающіе надъ собою власти Римской Церкви, не обратятъ вниманія на папскую прихоть; они потребуютъ богословскихъ доводовъ и доказательствъ разумныхъ». (4) Въ первыхъ состязательныхъ сочиненіяхъ съ Эккомъ еще чаще упоминаются Чешскіе Братья, на

(1) Walch, III, объясн. 1 запов., §. 138, на об., S. 1759.
(2) Walch, XVIII, Resolut., 355.
(3) Ibid. 459.
(4) Ibid. 485.

примѣръ, въ Астерискахъ: «Я не вѣрю схоластикамъ, если мнѣніе ихъ не основано на церковныхъ учителяхъ. А таково мнѣніе Экка о заслугѣ и недостоинствѣ. Чтобъ не быть принужденнымъ отвергнуть чистилище, вмѣстѣ съ Пикардами—Чехами, на основаніи мѣста, приводимаго ими изъ Екклесіяста, онъ выдумываетъ собственныя свои объясненія». (1) И нѣсколько далѣе: «Если Эккъ не на шутку вѣритъ, что усвоеніе церковныхъ молитвъ за живыхъ и усопшихъ не состоитъ исключительно въ волѣ Божіей, то мнѣ страшно слышать такую ересь не отъ Жида, не отъ Турка, не отъ Чешскаго еретика, а отъ Католическаго богослова». (2) Эккъ, въ «Обелискахъ», разбирая отдѣльно 95 положеній, во второй половинѣ ихъ находитъ вліяніе Чеховъ (sie schmecken nach Böhmerland); и Лютеръ одно это предположеніе находитъ въ высшей степени для себя оскорбительнымъ. «Какое названіе»,—говоритъ онъ,—«можетъ выдумать зависть для любви и милосердія къ ближнему, какъ не самое худшее? Но я повторяю еще разъ: будь Эккъ въ числѣ серафимовъ и ангеловъ, онъ все же останется заклятымъ врагомъ милосердія и обольстителемъ бѣднаго народа, называя Чешскою ересью проповѣдь любви Христіянской». (3)

Отвращенію Лютера, не къ сектѣ Бегардовъ, какъ думаетъ Юргенсъ, будьто бы сильной въ окрестностяхъ Виттемберга, а къ Чешскимъ Пикардамъ, соотвѣтствуетъ ненависть къ Гусу, въ первый періодъ его богословскаго поприща. Вотъ свѣдѣтельство Лютера изъ позднѣйшей поры жизни, въ толкованіи на посланіе ап. Павла къ Галатамъ. «Такъ высоко уважалъ я значеніе папы, что считалъ смертнымъ грѣхомъ отступленіе отъ него въ малѣйшемъ предметѣ вѣры. Въ этой безбожной мечтѣ я видѣлъ въ Іоаннѣ Гусѣ такого проклятаго еретика, что считалъ тяжкимъ грѣхомъ передъ Богомъ и думать о немъ, а изъ ревности по папѣ самъ согласился бы подложить къ костру его дрова, камни и огонь, если не самимъ дѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, желаніемъ и сердечной готовностью». (4) Въ примѣчаніяхъ къ первому посланію апостола Павла къ Тимоѳею повторяется тоже свѣдѣтельство: «Какъ св. Павелъ долго не зналъ ученія вѣры, такъ

(1) Asterisci, 817.
(2) Ibid., 828.
(3) Ibid., 841.
(4) Walch, VIII, Объясн. 1 гл. Галат. §. 192, S. 1688.

и я долгое время не былъ знакомъ съ ученіемъ Гуса. Я содрогался при одномъ имени еретика и не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда въ первый разъ, въ одиночествѣ, прочелъ его рукописную проповѣдь». (1) Но эта святая простота не въ силахъ была устоять противъ новыхъ впечатлѣній, которыя, приходя извнѣ, невольно и съ неудержимою силою влекли его къ примиренію съ великою тѣнію его предшественника. Постоянная молва, хранившаяся, по его же словамъ, между всѣми людьми благородными о невинности Гуса, не могла не производить сильнаго вліянія на его неразвившіяся убѣжденія. Наставники, имъ уважаемые, Ступицъ и Греффенштейнъ, противодѣйствовали, конечно, не разъ, слѣпой, безсознательной ненависти Лютера къ Гусу, и нельзя думать, чтобы внушенія ихъ оставались совершенно безплодными. Рано зараждается въ немъ глухая борьба между ранними представленіями угрюмаго Католичества и болѣе мирными чувствами правдолюбиваго Христіянина. По крайней мѣрѣ, Греффенштейнъ дѣйствовалъ на него въ Эрфуртскомъ Университетѣ, въ то время, когда онъ не былъ еще не только докторомъ, но и священникомъ, слѣдовательно, ранѣе 1507 года. (2) Съ этѣмъ указаніемъ вполнѣ совпадаетъ другое, въ послѣсловіи къ изданнымъ имъ, въ 1537 году, письмамъ Гуса изъ Констанцкой тюрьмы. «Лѣтъ тридцать назадъ (стало быть, въ 1507 году)»,—говоритъ реформаторъ,—«я слышалъ отъ многихъ противниковъ Гуса, и при томъ отъ великихъ богослововъ, единодушное признаніе, что Гусъ былъ мужъ отлично ученый и превосходилъ, въ глубинѣ разумѣнія, всѣхъ докторовъ во всемъ соборѣ». Все это должно было возбудить въ молодомъ богословѣ желаніе познакомиться ближе съ ученіемъ Гуса. Вотъ драматическое описаніе этого событія, предложенное самимъ Лютеромъ. «Во время оно, въ Эрфуртѣ, когда я былъ еще новичкомъ въ богословскихъ занятіяхъ, мнѣ случайно попалась книга проповѣдей Іоанна Гуса, въ монастырскомъ книгохранилищѣ. Прочитавши заглавіе на переплетѣ: «Sermones Joannis Hus», я былъ завлеченъ любопытствомъ и желаніемъ узнать, какіе именно догматы распространялъ ересіархъ, и по какому случаю книга эта могла спастись отъ пожара и храниться въ публичной библіотекѣ. Читая, — я не вѣрилъ глазамъ; — меня

(1) Jurg., I, 584.
(2) Walch, XV, 1687.

поражало какое-то непостижимое изумленіе; я спрашивалъ себя: «За что же, наконецъ, подвергся сожженію такой великій мужъ въ объясненіи и толкованіи Библіи, столь искусный и глубокомысленный?» Но имя Гуса покрыто было такимъ позоромъ, что я не на шутку боялся, буде случится мнѣ произнести его съ уваженіемъ, что небо разразится надо мною и солнце померкнетъ. А потому, закрывши книгу, я отошелъ съ уязвленнымъ сердцемъ (saucio corde), утѣшая себя такими помышленіями: «Можетъ быть, онъ писалъ это прежде, нежели уклонился въ еретическія заблужденія». Въ то время я не зналъ еще подробностей дѣяній собора, его осудившаго». (1) То же самое, и почти въ тѣхъ же словахъ, повторилъ онъ въ предисловіи къ «Исповѣданію Братьевъ», въ 1535 году. Случайно напавши на книги Гуса и нашедши въ нихъ чистое и мощное толкованіе св. Писанія, я изумился, отъ чего папа и Констанцкій соборъ сожгли великаго, незабвеннаго мужа. Въ ужасѣ закрылъ я книгу, боясь, не таится ли подъ медомъ ядъ, въ уловленіи моей простоты; такъ сильно владычествовало надо мною еще безуміе папы и соборный авторитетъ».

Эта нерѣшительность Лютера въ сужденіяхъ о Гусѣ продолжается до временъ, ближайшихъ къ Лейпцигскому состязанію. (2) Враждебныя его отношенія къ Чешскимъ Пикардамъ отнынѣ уже не могутъ служить мѣриломъ его отношеній къ Гусу. Его, родоначальника Братьевъ, онъ могъ считать настоящимъ послѣдователемъ Западной Церкви; но ихъ, во множествѣ уклонившихся отъ ученія Гуса, настоящими еретиками, потому что мнѣнія ихъ до

---

(1) Hist. et Mon. Hus. I, предисловіе; въ переводѣ, Walch, XVI, §. 9, S. 2564.

(2) «Тому, кто извлекъ меня изъ чрева матери»,—говоритъ онъ,—«угодно было явить мнѣ сына погибели. Я много спорилъ и бесѣдовалъ съ учеными мужами, съ которыми сводилъ меня случай. Я боялся, чтобы свѣтъ, котораго присутствіе я ощущалъ въ себѣ, не оказался мракомъ: такъ мало я довѣрялъ себѣ, ради пространства, величія и глубины могущества папскаго, о которомъ я до тѣхъ поръ искренно вѣрилъ, что оно управляется Духомъ Святымъ и заблуждаться не можетъ. Мало по малу, по частямъ, становился я крѣпче, пока, вызванные косвенными легкими моими нападеніями, Папписты, какъ дикія волны морскія, начали изрыгать собственную хулу. Тутъ-то возъимѣлъ я подозрѣніе къ папѣ, сталъ презирать его и, наконецъ, когда собственные защитники его обнажили его предо мною, призналъ его мерзостію на мѣстѣ святѣ. Тогда возрадовалось сердце мое и, озираясь кругомъ, я сталъ признавать настоящими святыми и мучениками мнимыхъ еретиковъ, осужденныхъ и погубленныхъ папой, прежде чѣмъ могъ познакомиться съ ихъ Христіанскими сочиненіями и исповѣданіемъ. О прочихъ я думалъ, что они или не уличены, или заблуждались по слабости, которую нужно было вмѣнить имъ во благо», и пр. Это справедливо въ особенности въ примѣненіи къ Гусу.

разрыва Лютера съ Римскою Церковію дѣйствительно противорѣчили задушевнымъ его убѣжденіямъ. При всемъ томъ мимолетное, но, вѣроятно, не разъ смущавшее его помышленіе, что соборъ поступилъ беззаконно съ праведнымъ мужемъ, могло, и должно было, охладить его преданность къ Западной Церкви и расположить въ пользу гонимой общины послѣдователей Гуса. Въ самомъ дѣлѣ, не сочувствуя догматическимъ убѣжденіямъ Братьевъ, онъ, какъ новый Еней Сильвій, отдаетъ превосходство ихъ высокой учености и религіозному духу предъ невѣжествомъ и ограниченностію религіознаго пониманія Нѣмцевъ. Посредствующія обстоятельства постепенно укрѣпляли его въ чувствѣ уваженія къ Гусу. Тецель (стр. 348) сообщаетъ извѣстіе о любопытномъ посольствѣ, отправленномъ къ Лютеру, въ началѣ его состязанія съ Тецелемъ. Въ числѣ приверженцевъ Гуса, присутствовавшихъ на Констанцкомъ соборѣ, находился Силезскій помѣщикъ, Сигизмундъ Цедлицъ, изъ стараго дома Нейкирхенскаго. Сынъ его, Георгъ, наслѣдовалъ отъ отца уваженіе къ памяти Гуса. Когда разгласился споръ Лютера съ Тецелемъ, 74-лѣтній старецъ, почти современникъ Базельскаго собора, пережившій и самаго Лютера (онъ родился въ 1444, умеръ въ 1552, окруженный потомками въ четвертомъ колѣнѣ и огромнымъ семействомъ изъ 180 человѣкъ), услышавъ, что монахъ Виттембергскій началъ проповѣдывать противъ Церкви Папистовъ, отправилъ къ нему, въ 1518 году, двухъ пословъ привѣтствовать молодаго витязя и спросить у него: «Онъ ли тотъ лебедь, о которомъ пророчествовалъ Іоаннъ Гусъ?» Лютеръ отвѣчалъ: «Не знаю; время покажетъ, что суждено мнѣ Господомъ Богомъ». Латинская Церковь сама указала ему на ближайшую связь съ реформаторомъ Чешскимъ, о которой самъ онъ не смѣлъ и подумать Лютеръ, ни въ объясненіи положеній (resolutiones), ни въ проповѣди объ прощахъ и Благодати, ни разу не упоминаетъ объ Гусѣ. Тецель, въ опроверженіи того и другого, прибѣгаетъ къ натяжкамъ, чтобъ насильно связать его мнѣнія съ ученіемъ Гуса и имѣть, такимъ образомъ, право причислить его къ Чешскимъ еретикамъ. На примѣръ: «Еретики, когда хотятъ распространить въ народѣ свои заблужденія, отвергаютъ прежде всего учителей Церкви, писавшихъ когда либо противъ ереси, защищаемой ими. Такъ дѣлали и Виклефъ и Гусъ; послѣдній считалъ излишнимъ не только удовлетвореніе за грѣхъ, но и сакраментальную исповѣдь, и проповѣдывалъ въ этомъ духѣ народу, за что и при-

сужденъ къ костру приговоромъ Констанцкихъ отцевъ». Тоже самое повторяется въ опровержении 6-го положенія Лютера. «Словами этого положенія»,—говоритъ Тецель,—«когда-то еретики, Виклефъ и Гусъ, опровергали необходимость исповѣди и удовлетворенія, почему въ нѣкоторыхъ странахъ и до сихъ поръ священникъ не налагаетъ на кающихся епитимьи, а отпускаетъ ихъ съ миромъ, только бы они возъимѣли рѣшимость никогда не грѣшить». (1) На этѣ обвиненія Лютеръ не отвѣчалъ ни слова: молчаніе знаменательное; онъ не смѣетъ называть Гуса еретикомъ; съ другой стороны, еще, не будучи знакомъ съ его сочиненіями, не берется и защищать его. Къ концу 1518 года вся Германія пророчила ему судьбу Чешскаго мученика. На перепутьѣ въ Аугсбургъ, въ Веймарскомъ монастырѣ Францисканцевъ, какъ повѣствуетъ Миконій (стр. 30), монахи излагаютъ ему свои опасенія, что онъ будетъ сожженъ, и Лютеръ отвѣчаетъ шутя: «Крапивой, пожалуй; огнемъ, слишкомъ жарко!» Но Лютеръ самъ до 1519 года не обнаруживалъ еще явнаго сочувствія Чехамъ, и не вступалъ съ ними ни въ какія сношенія. Когда появленіе Мильтица, папскаго нунція, встревожило Фридриха Мудраго и заставило его отказаться отъ участія въ судьбѣ преобразователя, Лютеръ задумалъ искать убѣжища не у Чешскихъ Гуситовъ, какъ послѣ, а въ отдаленной Франціи. (2)

Въ 1519 году начинается для Лютера новая пора перемѣнившихся отношеній къ Гусу. Онъ еще не даетъ себѣ права очистить его отъ подозрѣнія въ ереси, но признаетъ справедливыми многія мнѣнія его, осужденныя на Констанцкомъ соборѣ. Какъ совершилась эта перемѣна? Астерисками Лютера оконченъ былъ продолжительный споръ о прощахъ. Въ бытность Лютера въ Аугсбургѣ, Эккъ посѣтилъ его, и, напомнивъ ему старинную дружбу, просилъ его посредничества въ порѣшеніи состязаніемъ старинняго спора между имъ и Карлштадтомъ о Благодати и участіи свободной воли въ дѣлѣ спасенія. Когда Лютеръ изъявилъ согласіе, Эккъ немедленно возвѣстилъ всему ученому міру предстоящее прѣніе въ 13 положеніяхъ, имъ обнародованныхъ. Лютеръ, вообще не слишкомъ ободрявшій богословскіе споры, какъ средство не достигнуть истины, а развѣ пощеголять безплодной ученостію, самъ не намѣренъ былъ принимать никакого участія

(1) Walch, XVIII, S. 539, 545, 553.
(2) Aurif., I пис. Лютера къ Спуницу. Ep. 69, f. 101, v. v.

въ готовившемся пренiи между двумя богословами. Но какъ удивился онъ, когда въ положенiяхъ Экка, назначенныхъ къ препиранiю въ Лейпцигѣ 4 Iюля 1519 года, онъ прочелъ новый вызовъ лично себѣ, въ положенiяхъ, направленныхъ на его собственное ученiе, гораздо болѣе, чѣмъ на схоластическiе выходки его товарища. Главное изъ нихъ было 13-е, касавшееся первенства папы̀ между епископами, въ которомъ Лютеръ въ то время начиналъ сомнѣваться. Въ порывѣ негодованiя, онъ рѣшился принять предложенный вызовъ, и въ письмѣ къ Боденштейну (въ Февралѣ 1519 года), изливается въ горькихъ упрекахъ на низкое чванство прежняго друга. (1)

Такимъ образомъ завязывался споръ несравненно важнѣе предшествовавшей схоластической перебранки по поводу продажи отпусковъ. И сдѣсь снова Западная Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, вынесла Лютера на широкое поле, давно уже задуманной, но все еще не начатой, реформацiи. 13-мъ положенiемъ Лейпцигскаго диспута Эккъ крѣпко затягивалъ узелъ, отселѣ неразрѣшимый, между Гусомъ и Лютеромъ. Дѣло въ томъ, что сомнѣнiе въ Латинскомъ догматѣ первенства папы надъ всѣми епископами, зародилось въ Лютерѣ отъ чтенiя соборныхъ дѣянiй Констанцкихъ, гдѣ, между прочимъ, на третьемъ слушанiи, разбирается мнѣнiе Гуса о человѣческомъ происхожденiи папской власти. Замѣчательно, что Эккъ, выставляя для пренiя съ Лютеромъ 13-ое положенiе: «Мы отрицаемъ, что Римская Церковь не имѣла первенства надъ всѣми другими до папы Сильвестра; напротивъ, сидящаго на престолѣ св. Петра признаемъ его преемникомъ и вселенскимъ намѣстникомъ I. Христа», (2) не проронилъ ни слова о Гусѣ, равно и въ отвѣтномъ посланiи на письмо его къ Карлштадту, также ни слова о Гусѣ и Чехахъ, а только обличенiе безпокойному богослову, который хочетъ нарушить миръ и единство Церкви, отвергая первенство папы, и раздуваетъ старый пепелъ въ новое пламя. (3) Но Лютеру, испытанному бойцу, довольно и этого намека, чтобы понять настоящiй смыслъ обличенiй противника. Онъ отвѣчаетъ ему въ такихъ выраженiяхъ: «Что Эккъ поноситъ меня Чехомъ и еретикомъ, говоря, что я раздуваю старый

(1) Walch, XV, S. 965—969.
(2) Id. XVIII, S. 863.
(3) 14 Марта 1519 года. Walch, XV, S. 969.

пепелъ въ огонь, это показываетъ только его обычную скромность. Но знай, благосклонный читатель, что я, ради владычества папы, не намѣренъ презирать единодушнаго ободренія столькихъ вѣрующихъ въ Италіи, Германіи, Франціи, Испаніи, Англіи и другихъ государствахъ. Я не могу, ради Римской Церкви, отвергать владычество Іисуса Христа и въ Индіи и на Востокѣ. Такъ знай же, читатель, что къ положеніямъ Іоанна Гуса многіе причисляютъ и то, что первенство папы основано на Императорскомъ правѣ, какъ ясно пишетъ и Платина. А я говорилъ, что это первенство доказывается не императорскимъ, а папскими декретами. Да и Латеранская Церковь воспѣваетъ духовные гимны о томъ, что она стала матерью всѣхъ прочихъ Церквей, равно и папскими и императорскими узаконеніями; стало быть, по мнѣнію Экка, и Церковь сама должна слыть Гуситскою и раздувать старый пепелъ въ новое пламя. А такъ какъ она поетъ эту пѣснь по приказанію папы, съ согласія всѣхъ кардиналовъ, въ городѣ Римѣ, и по всей вселенной, то ясно, что и папы, и кардиналы, и вся Латеранская Церковь, раздуваютъ Гуситскую золу, и одинъ только Эккъ остается правовѣрнымъ Католикомъ». (1)

Въ этомъ письмѣ мы читаемъ, съ одной стороны, желаніе очистить себя отъ подозрѣнія въ Гуситской ереси, подозрѣнія, во всякомъ случаѣ, весьма основательнаго; съ другой, откровенное признаніе, что мысль его о равенствѣ всѣхъ частей Церкви вселенской, и о человѣческомъ происхожденіи папства, есть именно наслѣдіе Гуса. Первые признаки сомнѣнія Лютера въ верховномъ владычествѣ папы высказаны вскользь, въ письменныхъ отвѣтахъ кардиналу-легату въ Аугсбургѣ, гдѣ онъ старается доказать равенство между всѣми апостолами: а) обличеніемъ, послѣдовавшимъ св. Петру отъ ап. Павла (Гал. II, 14); б) первенствомъ Іакова младшаго на Іерусалимскомъ соборѣ (Дѣян. XV, 13); в) текстомъ 1 пос. къ Коринѳяномъ (XIV 30): «Аще ли иному откроется сѣдящу, первый да молчитъ». (2) А въ Аугсбургскихъ дѣяніяхъ, вышедшихъ въ Октябрѣ 1518 года, Лютеръ сообщаетъ извѣстіе, что отрицаніе первенства папы привело Каетана въ сильное негодованіе, и онъ ссылался на декреталію папы Пелагія (Dist. 21), утверждающую

(1) Walch, XV, S. 975—977.
(2) Aurif. I, Ep. 63, f. 88.

первенство Римской Церкви надъ прочими. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаются Лютеромъ первыя доказательства общаго равенства всѣхъ Христіянскихъ Церквей. Этѣ доводы: 1) что болѣе 800 лѣтъ по вознесеніи Господа ни одна Восточная Церковь не повиновалась епископу Римскому; 2) что Григорій Великій запретилъ называть себя Вселенскимъ первосвященникомъ; 3) что не апостолъ Петръ поставилъ прочихъ апостоловъ и, въ слѣдствіе этого, преемнику Петрову не присвоено право поставлять преемниковъ прочихъ апостоловъ; 4) что слова Христовы: «И дамъ ти ключи царства небеснаго; еже аще свяжеши на земли», и т. д., въ лицѣ Петра сказаны всѣмъ апостоламъ вмѣстѣ. Все это указываетъ на ближайшее знакомство съ сочиненіями Гуса. ([1]) Указаніе Лютера на Индію и Восточную Церковь имѣетъ, конечно, не случайное только сходство съ словами Гуса: «Ad Papam non recurrunt Indi et Graeci». Ничто не противорѣчитъ предположенію, что Лютеръ могъ въ 1518 году познакомиться ближе съ сочиненіями Гуса противъ Палеча и Станислава, откуда могла быть заимствована большая часть выше приведенныхъ доказательствъ противъ первенства папы, хотя самъ онъ не говоритъ ничего ни въ пользу, ни противъ этого мнѣнія. Въ первой половинѣ 1519 года, готовясь къ опроверженію Экка на Лейпцигскомъ прѣніи, Лютеръ, разумѣется, не остановился на изученіи одного Гуса, а занялся изслѣдованіемъ первоначальныхъ источниковъ преданія церковнаго, папскими декреталіями, церковной исторіей Платины и проч. Для насъ особенно важно совпаденіе Гуса съ Восточною Церковію въ перемѣнившемся воззрѣніи Лютера.

На сколько сочиненія Гуса послужили Лютеру на самомъ состязаніи въ опроверженіи первенства папы, будетъ указано ниже, когда перейду къ разбору его отношеній къ Греческой Церкви. Теперь займусь исключительно его отношеніями къ Гусу въ томъ видѣ, въ какомъ развиты онѣ на Лейпцигскомъ прѣніи.

Эккъ началъ прѣніе, послѣ общаго опредѣленія вопроса, немедленнымъ указаніемъ на ересь Виклефа, не признающаго первенства Западной Церкви надъ прочими. ([2]) Онъ какъ будьто манитъ противника на широкое, еще невоздѣланное, поле Гуситства. Лютеръ, съ своей стороны, не принимаетъ вызова и ни слова не

(1) Walch, XV, S. 750.
(2) Walch, XV, S. 1072.

ни о Виклефѣ, ни о Гусѣ. Напрасно ожидая отвѣта, Эккъ уже прямо выводитъ Гуситскую ересь на поприще богословскаго состязанія. Въ пятомъ оборотѣ прѣнія онъ заключаетъ свои доказательства такимъ отступленіемъ: «По этому въ числѣ вредныхъ и еретическихъ мнѣній I. Виклефа находимъ и слѣдующее: ««Для спасенія не необходимо вѣрить, что Римская Церковь выше всѣхъ прочихъ»». А равно между заблужденіями Іоанна Гуса приводитъ слѣдующія: «1) Петръ не былъ и не есть глава Римской Каѳолической Церкви. 2) Нѣтъ ни малѣйшаго основанія вѣрить въ необходимость духовной главы, управляющей Церковію, которая бы постоянно сопутствовала Церкви воинствующей. 3) Папская власть установлена императоромъ. Сознаюсь, что Чехи, въ упорной оборонѣ своихъ заблужденій, не упускаютъ ссылаться на тѣ доказательства, на которыхъ опирается докторъ, какъ можно видѣть въ исповѣданіи вѣры, предложенномъ ими на Базельскомъ соборѣ, и въ другомъ прѣніи, происходившемъ, въ присутствіи короля и имперскихъ чиновъ, между Іоанномъ Дубровницкимъ и служителемъ неправды, Іоанномъ Рокицаной. А потому, я прошу извиненія у почтеннаго доктора, если враждую Чехамъ (не истинно вѣрующимъ, а еретикамъ), какъ врагамъ Церкви, и упоминаю объ нихъ въ настоящемъ прѣніи, потому что вчерашнее положеніе доктора о человѣческомъ происхожденіи первенства Западной Церкви, по бѣдному моему разумѣнію, очень близко подходитъ къ ихъ заблужденіямъ, и, какъ носится слухъ, они и сами очень радуются этому сходству. Впрочемъ, я замѣтилъ это только мимоходомъ, и буду ждать отвѣта на вышесказанное».

Иронія Экка не могла остаться безъ желанныхъ послѣдствій. Лютеръ, до сихъ поръ хранившій упорное молчаніе во всемъ, что касалось Гуситовъ, теперь, завлеченный горячностію спора, выступаетъ открыто защитникомъ Гуса, но съ большими ограниченіями, умѣряющими знаменательный смыслъ его первыхъ признаній.

«Прежде всего»,—говоритъ онъ,—«я хочу опровергнуть клевету доктора, который старается пріобщить меня къ Чешскимъ еретикамъ, и даже называетъ меня ихъ покровителемъ. Я прошу его пощадить мою честь, не дѣлать изъ меня Чеха. Мнѣ ненавистенъ всякій расколъ. Чехи неправы, отрываясь самовольно отъ единства съ нами, хотя бы право Божественное говорило за нихъ; ибо высшее право есть любовь въ единеніи духа».... За тѣмъ отступленіе къ Греческой Церкви.... Послѣ длиннаго объ ней разсу-

жденія, Лютеръ обращается снова къ Гуситамъ. «Если почтенному доктору Чехи такъ ненавистны, то что мѣшаетъ ему вступить съ ними въ открытый бой, писать противъ нихъ? Мнѣ дивно, что въ такомъ множествѣ враговъ и хулителей Чеховъ, не нашлось до сихъ поръ ни одного человѣка, который изъ братской любви къ заблуждающимся, потрудился бы опровергнуть ихъ ересь, во славу св. Римской Церкви». (1)

Послѣ краткаго отдыха, Лютеръ снова вступаетъ въ рѣчь.

«Почтенный докторъ привелъ, въ видѣ возраженія, еретическія мнѣнія Виклефа и Гуса и слова Бонифація, ихъ осуждающаго. Отвѣчаю какъ прежде: 1) Чешскаго раскола я не хочу и не могу оправдывать, а защищаю только Греческую Церковь въ продолженіи 1400 лѣтъ; ея ли держатся Чехи, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. 2) Несомнѣнно, что (2) между положеніями Гуса, или и вообще Чеховъ, есть много вполнѣ Православныхъ и Евангельскихъ, которыхъ Вселенская Церковь осудить не можетъ. Между прочимъ одно: «Есть единая Вселенская Церковь». Оно осуждено лицемѣрами, какъ ложное, между тѣмъ какъ вся Церковь взываетъ въ Апостольскомъ символѣ: «Исповѣдую Единую Соборную Церковь». Этотъ высокій догматъ считаютъ они между Гусовыми положеніями. Другое: «Для спасенія не нужно вѣрить, что Римская Церковь выше другихъ». Я и не спрашиваю, принадлежитъ ли оно Гусу, или Виклефу? Съ меня довольно, что Григорій Назіанзинъ, Василій Великій, Епифаній, Кипріанъ и безчисленное множество Греческихъ епископовъ, получили спасеніе и, однако, не вѣрили первенству Рима». (3)

Экку только того и хотѣлось, чтобы Лютеръ склонился на его просьбу, сказать свое мнѣніе о Чехахъ. Опровергая его по пунктамъ, онъ прежде всего приводитъ учителей Запада, писавшихъ противъ ереси Чешской: 1) Констанцкихъ отцевъ; 2) Іоанна Дубровницкаго, отвѣчавшаго Чехамъ на соборѣ Базельскомъ; 3) Францисканца Іоанна Капистранскаго; 4) Нѣмца, Николая Кузанскаго.

---

(1) Ibid. 13, 1107—1114.

(2) О внезапности впечатлѣнія, произведеннаго на слушателей этимъ нежданнымъ признаніемъ, свидѣтельствуетъ М. Себаст. Фремель, присутствовавшій на диспутѣ: «Auf einmal D. M. Luther diese Worte saget zum D. Ecken, der ihn hart beschweret mit dem J. Hussen. «Lieber H. Doctor! Non omnes articuli Hussitici sunt haeretici». Darauf sprach Herzog Georg mit lauter Stimme, laut, das mans übers ganze Auditorium hörete: Das walt die Sücht, und schüttelt den Kopf, und setzet beide Arme in die beide Seiten. Das habe ich selber gehöret und geschen».— Walch, XV, p. 1430.

(3) Walch, XV, 1114—1115.

Потомъ переходитъ къ Православнымъ, по мнѣнію Лютера, догматамъ Гуса; притворяется глубоко оскорбленнымъ этѣмъ нежданнымъ признаніемъ; доказываетъ, что Гуситы, ободренные его покровительствомъ, и слыша, что Констанцкій соборъ осудилъ неправедно два положенія Гуса, воспользуются случаемъ отвергнуть и прочія шаткія постановленія онаго.

Лютеръ повторяетъ безстрашно свое прежнее мнѣніе, что между осужденными статьями Гуса есть нѣсколько вполнѣ правовѣрныхъ: «1) Есть Единая Святая Вселенская Церковь, собраніе предопредѣленныхъ. 2) Св. Вселенская Церковь есть только единая, какъ едино собраніе предопредѣленныхъ. Этѣ два положенія принадлежатъ не собственно Гусу, а дословно выписаны изъ Августинова толкованія на Евангеліе отъ Іоанна. 3) Два естества, Божественное и человѣческое, соединяются въ одномъ Христѣ. 4) Дѣла человѣческія раздѣляются на благія и злыя: дѣла добродѣтельнаго— благи; дѣла порочнаго — злы. Поэтому, прибавляетъ Лютеръ, доктору, изъ одного уваженія къ чести собора, слѣдовало бы допустить, что онъ этѣхъ статей, особенно третьей, о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, осудить не могъ, но что онѣ вставлены какимъ ни будь обманщикомъ. Къ тому же и самый соборъ не всѣ статьи, осужденныя имъ, подводитъ подъ общій разрядъ еретическихъ, а иныя называетъ ложными, другія дерзкими, третьи состязаніе возмутительными». (1)

Состязаніе еще долго тянулось въ утомительномъ словопрѣніи о чистилищѣ, прощахъ и другихъ схоластическихъ вопросахъ. По окончаніи его, Лютеръ, въ Августѣ того же 1519 года, издалъ письменное объясненіе всѣхъ 13 положеній, согласно съ обѣщаніемъ, даннымъ Экку на прѣніи. Сдѣсь онъ коснулся мимоходомъ и положеній, извлеченныхъ изъ допроса Гусова на Констанцкомъ соборѣ, но не видать, чтобъ онъ сдѣлалъ какія ни будь новыя открытія. Сочиненія Гуса по прежнему ему незнакомы. Неправильное разумѣніе четвертаго положенія (о распредѣленіи дѣлъ человѣческихъ на благія и злыя, безъ посредствующихъ безразличныхъ), вовлекаетъ его въ первыя заблужденія на счетъ истиннаго смысла ученія Гусова. Доказавъ справедливость его положенія, что папа не есть глава всѣхъ Церквей по праву Божественному, онъ прибавляетъ въ общихъ словахъ: «Есть другія справедливыя мнѣнія Гуса, осужденныя на соборѣ, которыми я займусь, когда

(1) Подробности см. Walch, XV, p. 1132—1178.

противникъ вложитъ мнѣ въ руку оружіе. Ибо тутъ докажу я, собственными словами собора, что Гусъ и не думалъ отрицать папскаго званія въ лукавомъ первосвященникѣ, одержимомъ смертнымъ грѣхомъ, хотя кровожадные судьи поставили ему въ вину небывалую ересь. Пускай зовутъ меня покровителемъ Чеховъ. Я привожу собственныя слова собора, которыми хвалятся противники. Мнѣ подобаетъ безъ страсти, безъ лицепріятія, защищать истину и обличать ложь. Если я не нравлюсь противникамъ, подъ именемъ Христіянина, пускай величаютъ меня, пожалуй, хотъ Туркомъ». (1) Изъ этихъ словъ видно, что исторія Гуса на Констанцкомъ соборѣ уже во всей подробности извѣстна Лютеру, но онъ еще не смѣетъ приступить къ совершенному оправданію Гуса, по недостатку матеріяловъ, хотя отрывки изъ сочиненій Чешскаго реформатора, какъ видно изъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ, и какъ выше замѣчено, давно уже находились у него подъ руками.

Этѣмъ обьясненіямъ (resolutiones super propositionibus, Lipsiae disputatis) предпослано письмо къ Спалатину, отъ 15 Августа 1519 года, которое, вмѣстѣ съ другимъ объясненіемъ, представленнымъ Карлштадтомъ и Лютеромъ 18 Августа Курфирсту Саксонскому, (2) можетъ служить настоящею мѣрою современныхъ отношеній его къ Западной Церкви и къ Чехамъ. Всѣ усилія его направлены къ тому, чтобы доказать свѣдѣтельствомъ самыхъ Католиковъ на Констанцкомъ соборѣ истину положенія Гусова о человѣческомъ установленіи папства, не основанномъ на правѣ Божественномъ. Доказательства вообще слабы. Лютеръ хочетъ оправдывать Гуса, оставаясь въ мирѣ съ Западною Церковію; отсюда естественныя противорѣчія. (3) По всему видно, что онъ уступилъ только движенію страсти, коснувшись на прѣніи вопроса Гуситскаго. Онъ еще считаетъ высшимъ для себя оскорбленіемъ названіе, придаваемое ему противникомъ, еретика и покровителя Чеховъ. (4) Враги Лютера замѣтили его слабую сторону и старались воспользоваться его двоедушіемъ и нерѣшительностію, чтобъ повредить ему въ общественномъ мнѣніи. Между тѣмъ какъ хитрый Эккъ всюду разглашалъ его Чешскимъ еретикомъ и возбуждалъ противъ него Римскую Курію, новый противникъ чернилъ его, съ другой стороны,

---

(1) Walch, XVIII, 873.
(2) Walch, XV, S. 1553—1551.
(3) Walch, XV, 1557 — 1579; — Aurif., 1. Ep. 115, f. 185 — 197.
(4) Письмо Лютера къ Спалат. отъ 15 Авг. Walch, XV, §. 5, S. 1583.

стараясь подавить возраставшее къ нему сочувствіе Чеховъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще по окончаніи Лейпцигскаго спора Герцогъ Георгъ Саксонскій говорилъ Лютеру наединѣ, что Чехи сильно на него полагаются, считая его самой надежной опорой. (1) На самомъ прѣніи, по свѣдѣтельству Экка, присутствовало много подосланныхъ Чешскихъ Пикардовъ, которые всѣ утверждали, что Лютеръ великій защитникъ Евангельскій, ни въ чемъ не уступающій Гусу. (2) Этому сочувствію, опасному для Церкви Латинской, рѣшился противодѣйствовать секретарь Саксонскаго Герцога, Іеронимъ Эмзеръ. 14-го Августа 1519 онъ писалъ къ Д. Жаку, администратору Пражской епархіи и Лютомерицкому пробсту письмо, въ которомъ внушалъ всѣмъ Чешскимъ диссидентамъ, что Лютеръ и не думаетъ за нихъ заступаться, что онъ на Лейпцигскомъ прѣніи осудилъ самовольное отпаденіе ихъ отъ Западной Церкви, и объявилъ громогласно, что онъ никогда не одобрялъ и не одобритъ такаго поступка. «Хотя прѣніе это»,—такъ продолжалъ Іеронимъ,—«вообще мало послужило къ назиданію, а только раздражило противниковъ, но всеже имѣло ту пользу, что Лютеръ самъ, безспорно ученѣйшій мужъ, такъ на отрѣзъ, съ такою твердостію и основательностію, посрамилъ ожиданія Чеховъ, укоряя ихъ съ великимъ негодованіемъ въ упорномъ сопротивленіи папѣ». (3)

Лютеръ немедленно вооружился на Эмзера. Отвѣтное посланіе, вышедшее въ томъ же Августѣ мѣсяцѣ: «Ad Aegocerotem Emseranum M. L. responsio», онъ начинаетъ такими словами: «Кто бы подумалъ объ Эмзерѣ, что онъ когда ни будь выступитъ вѣрнымъ защитникомъ Лютера и, непрошенный, и очень не кстати, вздумаетъ спасать его имя отъ нареканія въ Чешской ереси? О дивное чудо! Между тѣмъ какъ безумный Эккъ разглашалъ меня Чехомъ, еще болѣе враждебный мнѣ Эмзеръ доказывалъ совершенно противное. Кто вселилъ духъ раздора между обоими? Кто внушилъ Эмзеру такую услужливость въ отношеніи къ Лютеру? Что же мнѣ дѣлать? Принять ли молча двусмысленную похвалу? Въ такомъ случаю я отрекаюсь отъ всего, чему училъ я, признаю побѣду за врагомъ истины, Эккомъ, и становлюсь настоящимъ еретикомъ. Не принимать—тогда становлюсь покровителемъ Чеховъ, во мнѣ-

(1) Ibid. §. 21, S. 1356.

(2) Walch, XV, S. 1457. Пис. Экка къ Инголынт. профессорамъ: Георгу Гауну и Францу Буркарду, 1 Іюля 1519 года.

(3) Пис. Эмзера къ Жаку, Walch, XVIII, 1479—80.

нія народа и паствы»... Нерѣшительность Лютера продолжается: онъ колеблется между той и другой стороной. Онъ повторяетъ съ новой силою, что не хочетъ быть покровителемъ Чеховъ, не оправдываетъ ихъ заблужденій раскола; но отсюда не слѣдуетъ, что догматы, имъ защищаемые, ложны, потому только, что одобрены Чешскими еретиками. «Чехи»,—говоритъ онъ,—«исповѣдуютъ таинства св. Писанія и учителей Церкви; исповѣдуютъ Христа и святыхъ; ненавидятъ алчность, развратъ, сребролюбіе, гордость духовныхъ; принимаютъ всѣ догматы истинной вѣры. Неужели все это ересь, потому что одобрено Чехами? Если правда, что Чехи ежедневно приносили за меня общественныя молитвы, пока я состязался въ Лейпцигѣ съ Эккомъ, значитъ, они сочувствуютъ мнѣ именно въ томъ, что защищалъ я на преніи. По твоему, стало быть, это и есть заблужденія, въ которыхъ имя мое служитъ покровомъ для Чеховъ и даетъ имъ поводъ называть меня ихъ покровителемъ. Не думаешь ли ты, что Чехи не люди, а какіе-то звѣри, и что они не скажутъ тебѣ: ««Къ чему противорѣчишь самъ себѣ, козерогъ (Aegoceros)? Мы хвалимъ ученіе того самаго Мартина, котораго и ты признаешь Православнымъ. Что общаго между нами и ересью?»» Не трудно понять, что если Чехи сочувствуютъ мнѣ, то не собственно мнѣ, а ученію! Если послѣднее ты считаешь истиннымъ, то самъ воздаешь свѣдѣтельство правовѣрію Чеховъ, потому что они всенародно молились за истину. Такъ пусть же застенаетъ Римъ, пусть разсвирѣпѣетъ Эккъ, несчастный защитникъ Римской Церкви и Апостольскаго престола, ложно и неправедно провозгласившій Чеховъ еретиками! Пускай они будутъ еретиками; но когда они молятся за истину, смѣешь ли ты называть Богослуженіе ихъ еретическимъ? Пора кончить комедію между Римлянами и Чехами, пора говорить о тѣхъ и о другихъ безпристрастно. Я желалъ бы, чтобы Римскій папа былъ старшимъ, чтобы его уважали всѣ прочіе; и я недоволенъ отторженіемъ Чеховъ. Но чтобы Римской папа получилъ старшинство по праву Божественному, этому я ни въ какомъ случаѣ не могу вѣрить. Мое мнѣніе есть мнѣніе собора Никейскаго, который и Римскіе папы считали равносильнымъ Евангелію». (1)

Это посланіе Лютера, при всей умѣренности взгляда, еще не совсѣмъ утвердившагося въ познаніи истины, можно считать новою степенью приближенія къ Гусу. Но въ концѣ 1519 года Гусъ

(1) Walch, XVIII, 1489—1531.

окончательно торжествуетъ надъ Римскою Церковію въ воззрѣніи Лютера. Тутъ онъ впервые познакомился съ знаменитѣйшимъ разсужденіемъ Гуса «О Церкви». Молва о Лейпцигскомъ состязаніи, дошедши до Праги, побудила умѣренную сторону Гуситовъ «pod oboje» или, такъ называемыхъ, Утраквистовъ, то есть, Чашниковъ, вступить съ нимъ въ непосредственныя сношенія. 16-мъ Іюля означено письмо Яна Подушки, священника у св. Богородицы ante laetam curiam, 17-мъ другое письмо, Вячеслава Роздѣловина, пробста Карловой Коллегіи, къ Лютеру. Подушка писалъ къ нему, называя его Мартиномъ, возлюбленнымъ братомъ. «Хотя я лично съ тобой незнакомъ, и никогда не видалъ тебя, но знаю по духу; потому что у меня перебывали въ рукахъ многія твои сочиненія, въ которыхъ открывались черты твоей личности. Мы удивляемся тебѣ, по тому уже, что ты, среди множества гонителей Евангельской истины, не боишься свободно и открыто проповѣдывать ученіе Христа и апостоловъ, не обращая вниманія на хулу злорѣчивыхъ, которые все, несогласное съ ними, величаютъ ересью безъ разбора. Отъ сердца желаю тебѣ успѣха, возлюбленный братъ, единственное лице во всей Германіи, которое не только проповѣдуетъ истину (т. е., законъ І. Христа и древнихъ учителей, во всей чистотѣ и безъ примѣси человѣческихъ постановленій—Богословіе, къ сожалѣнію, слишкомъ забытое въ настоящіе время), но и бодро противустаешь всему, несогласному съ духомъ Христова ученія. Прошу и умоляю тебя, не скрывать Благодати, присущей въ тебѣ во спасеніе многихъ. Богъ поставилъ тебя стражемъ народа своего; преслѣдуй враговъ Христіянства, какъ ты уже началъ! Помощь небесная тебя не оставитъ. Многіе вѣрные и боголюбивые Чехи молятся за тебя день и ночь. Объ одномъ прошу тебя: остерегайся, когда будешь защищать Христа отъ антихриста, не сдѣлаться добычей послѣдняго! Онъ имѣетъ тысячу средствъ вредить вѣрнымъ; онъ напрягаетъ лукъ свой сострѣляти непорочнаго въ тайныхъ». Еще замѣчательнѣе другое письмо: «Пока я перелистывалъ, любезный Мартинъ Лютеръ, твои сочиненія и бесѣдовалъ объ тебѣ въ кружку короткихъ, нечаянно явился органщикъ Яковъ, одинъ изъ твоихъ обожателей, и разсказалъ намъ все, происходившее въ послѣднее время между тобою и Экkомъ. Трудно высказать радость, съ какою услышалъ я о славной побѣдѣ твоей надъ схоластическимъ и Аристотелевымъ Богословіемъ Экка. Онъ же сообщилъ мнѣ, что ты

очень желаешь имѣть сочиненія Гуса, апостола Чеховъ, чтобы познакомиться ближе съ личностію этого мужа, не по общей только молвѣ и ложному донесенію собора, а изъ собственныхъ его сочиненій, истиннаго зеркала души человѣческой. Охотно посылаю разсужденіе «О Церкви», его преимущественно предъ всѣми другими: 1) потому, что я читалъ нѣсколько положеній, защищенныхъ тобою въ Лейпцигѣ противъ старыхъ и новыхъ ересей; ты найдешь ихъ и въ этой книжечкѣ, по виду, ничтожномъ, но желанномъ тобою, подаркѣ; 2) потому, что при жизни онъ, можетъ быть, за одну эту книгу вынесъ отъ всѣхъ прелатовъ гоненія, ненависть, проклятія и клевету, пока не сожжемъ безвинно на Констанцкомъ соборѣ. Довольно. Прибавлю еще знаменательно. Что былъ нѣкогда въ Чехіи Янъ Гусъ, то ты, Мартинъ, теперь въ Саксоніи. Молись и мужайся о Господѣ и остерегайся людей; не отчаявайся, когда назовутъ тебя еретикомъ и отлученнымъ, потому что и Христосъ и апостолы страдали, и нынѣ страдаютъ всѣ, хотящіе жить благочестиво о Христѣ Іисусѣ». (1)

Письма отправлены были въ Іюлѣ, но получены въ Октябрѣ, какъ узнаемъ изъ свѣдѣтельства Лютера въ посланіи къ Ступицу, вечеромъ наканунѣ св. Франциска, т. е., Октября 3-го. «Я сейчасъ получилъ изъ Чешской Праги письма отъ двухъ священниковъ изъ числа Утраквистовъ, коротко знакомыхъ съ свящ. Писаніемъ, вмѣстѣ съ книжкою Іоанна Гуса, мною еще не читанной (quem nondum legi). (2) Они уговариваютъ меня къ терпѣнію и твердости; по мнѣнію ихъ, я проповѣдую чистое ученіе вѣры. Они удивительно подражаютъ Эразму, какъ въ содержаніи, такъ и въ слогѣ; письма ихъ дошли до меня черезъ дворъ нашего герцога, и присланы мнѣ Спалатиномъ; тамъ все уже извѣстно». (3) 15 Октября Лютеръ отпускаетъ назадъ Спалатинова посланца, какъ думаетъ Гизелеръ, того же самаго Чеха, который привезъ ему книгу «О Церкви», съ письмомъ такого содержанія: «Мы все обдѣлали съ твоимъ Чехомъ, человѣкомъ истинно образованнымъ, какъ увидишь самъ и прочтешь; я вручилъ ему всѣ мои сочиненія, Филиппъ (Меланхтонъ) продиктовалъ ему письмо въ присутствіи всей нашей братіи въ монастырѣ». (4)

---

(1) Walch, XV, S. 1627—1631.
(2) Новое доказательство, что были такія, которыя онъ читалъ.
(3) Aurif, I, Ep. 124, f. 210.
(4) Ibid. Ep. 124, f. 215.

Между тѣмъ какъ Лютеръ съ жаромъ предался изученію Гуса, Эккъ, стараясь вредить ему всѣми возможными мѣрами, обратился письменно къ Фридриху Мудрому и объяснялъ ему всю важность обороны Гуса, предпринятой Лютеромъ на Лейпцигскомъ прѣніи. «Мнѣ все равно»,—писалъ онъ изъ Ингольштадта, 8 Ноября 1519,—«защищаетъ ли онъ, или нѣтъ, статьи Гусовы противъ собора; но выслушайте, какъ они снова возопили противъ неправеднаго сожженія ихъ учителя. Извѣстно, что они радуются его ученію; что они молились за него въ общественныхъ собраніяхъ, что многіе изъ нихъ присутствовали тайкомъ при Лейпцигскомъ прѣніи. (1) Онъ всюду распускалъ слухи о дѣятельной перепискѣ между Лютеромъ и Гуситами Чешскими». (2) Около 20 Декабря самъ реформаторъ писалъ къ Лангу въ Эрфуртъ, что въ Виттембергѣ появилось разсужденіе какого-то Чеха, весьма ученое, на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, противъ тиранства Римской Куріи; а 25 Декабря къ Спалатину, что священники Мышенскіе, вмѣстѣ съ Эмзеромъ, ищутъ убить его, въ надеждѣ совершить тѣмъ угодное Богу, потому что Чехи, какъ носятся слухи, величаютъ его своимъ покровителемъ. (3) И въ самомъ дѣлѣ, весьма подозрительно, что Лютеръ именно въ эту пору усиленныхъ сношеній съ Славянскими сосѣдями, подалъ въ первый разъ голосъ въ пользу Евхаристіи подъ обоими видами. Въ проповѣди, говоренной имъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, Лютеръ изъявлялъ желаніе, чтобы Церковь постановила Вселенскимъ соборомъ преподаваніе двухъ видовъ Евхаристіи мірянамъ, безъ различія съ священниками. 27 Декабря, Георгъ Саксонскій писалъ къ Фридриху Мудрому, въ навечеріи великаго дня (24 Декабря): «Я читалъ печатную проповѣдь Д. Лютера на Таинство св. Евхаристіи. Я пересмотрѣлъ ее самъ и отдалъ на разсмотрѣніе другихъ ученыхъ. Всѣ рѣшили единогласно, что она писана вся въ Пражскомъ духѣ, заключаетъ въ себѣ много соблазна и ересей, и тѣмъ болѣе опасна, что она расходится въ простомъ народѣ, переведенная на Нѣмецкій языкъ. Многіе думаютъ, что изображеніе чаши на этой книжкѣ должно служить символомъ соединенія съ Чашниками. Знаю достовѣрно, что Лютомерицкій священникъ съ двумя горожанами былъ у

(1) Walch, XV, §. 58, S. 1565; §. 65, S. 1573.

(2) Въ своей expurgatio, какъ обличаетъ его въ томъ Лютеръ. Walch, XV, 1405.

(3) Aurif., I, f. 224—225.

Лютера, и пересылается съ нимъ посольствами; а они, какъ извѣстно, отъявленные еретики. Знаю также неложно, что съ тѣхъ поръ, какъ говорена эта проповѣдь, прибавилось въ Чехіи 600 исповѣдниковъ Причастія подъ обоими видами. Эккъ распускалъ другіе, еще болѣе знаменательные, слухи: что Лютеръ родился въ Чехіи, воспитанъ въ Прагѣ, выросъ на Виклефовыхъ книгахъ, по собственному сознанію отца его. Толковали имя его изъ языка Чешскаго; два символа Таинства, изображенныхъ въ заглавіи проповѣди, считали знакомъ для единомышленныхъ Чеховъ; къ довершенію соблазна, замѣчали на чашѣ изображеніе двухъ гусей, по сходству съ названіемъ Гуса. Лютеръ, въ письмѣ къ Спалатину, отъ 14-го Генваря 1520 года, и въ объясненіи проповѣди, отвѣчаетъ хладнокровно на всѣ обвиненія, и въ отзывахъ о Чехахъ не измѣняетъ прежней системѣ дѣйствія мѣшать похвалу съ укоризною. Изложивъ свою родословную, онъ говоритъ, что никогда не былъ въ Чехіи и ближе не подходилъ къ ней, какъ въ городѣ Дрезденѣ; что всѣ его родственики живутъ въ Эйзенахѣ и, конечно, никто изъ нихъ не согласился бы признать его, кто внукомъ, кто племянникомъ, кто дядей, если бы они хотя сколько ни будь подозрѣвали родителей его въ Чешскомъ происхожденіи. Что касается до изображенія Чаши, то Лютеръ отвѣчаетъ насмѣшкой: «Мнѣ, право, некогда прежде печатанія осматривать, какіе рисунки, какого рода буквы, чернила и бумагу выбираютъ печатчики. Говорятъ еще, что я принималъ посѣщенія Чеховъ и переписывался съ ними. Отъ души жалѣю, что Чехи не приходятъ ко мнѣ и не пишутъ; я сталъ бы принимать ихъ радушно и ласково; но то же самое сдѣлалъ бы и въ отношеніи къ Туркамъ, Жидамъ и язычникамъ, еще болѣе въ отношеніи къ врагамъ моимъ. Этого мало: будь я такъ ученъ и такъ праведенъ, какъ полагаютъ противники, я бы лично отправился въ Чехію и постарался пріобщить ее, сколько возможно, къ единенію съ Римскою Церковью, не словами проклятій, а проповѣдію мира и благословенія. Замѣчу еще, что Чехи слывутъ еретиками, не по тому что принимаютъ два вида Причастія, ибо Римская Церковь никогда не видала въ томъ ереси, допуская употребленіе Чаши Чешскимъ мірянамъ. Это было бы хулою на Евангеліе І. Христа, по тому, что Евхаристія установлена имъ первоначально въ двухъ видахъ, и вся Церковь, по всей вселенной, нѣсколько вѣковъ сохраняла этотъ обычай. Такъ думаютъ только невѣжи, которые не въ

силахъ состязаться съ Чехами на св. Писаніи, и, отдѣлываясь отъ нихъ только бранными словами, возбудили въ народѣ желаніе принимать оба вида, особенно на Чешской границѣ. Но такъ какъ Христосъ не поставилъ Таинства Причащенія необходимымъ условіемъ спасенія для всѣхъ безъ изъятія, то я и не думаю оправдывать Чеховъ за то, что они не покорились насилію Рима и не удовольствовались однимъ только видомъ. Но, съ другой стороны, если Чехи такъ слабы въ вѣрѣ, что они не могли безъ соблазна приступить къ Латинскому догмату, то намъ слѣдовало съ Римскою Церковію, по примѣру Павла (Рим. XIV, 1), сдѣлать уступку ихъ немощи и не клеймить ихъ названіемъ еретиковъ. Они неправы, настаивая на необходимость двухъ видовъ; неправы и мы, считая два вида ересью. Ни съ той, ни съ другой стороны сдѣсь ереси нѣтъ, а только расколъ, и въ такомъ случаѣ они должны приступить къ полюбовному соглашенію, или съ общаго согласія сохранять каждая преданіе отеческое, какъ празднованіе Пасхи въ старину двоилось на Востокѣ и Западѣ, но не подавало поводу къ взаимнымъ раздорамъ. А что Чехи опираются на слові Христовомъ: ««Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ» (Іоанн. VI, 53), это не есть доказательство. Христосъ не говоритъ сдѣсь о самомъ Таинствѣ, а о вѣрѣ въ дѣйствительность онаго. Доказательства Латинянъ—недостатокъ вина во многихъ странахъ и опасность — не менѣе слабы. Но вотъ общее правило для всѣхъ Христіянъ: «терпяще другъ другу любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира» (Ефес. IV, 2—3).

«О Чешской ереси»,—продолжаетъ Лютеръ,—«я слышу, что она дробится на три разряда: 1) Пикардовъ, которые въ соблазнительной книгѣ, читанной мною, не только настаиваютъ на совершенную необходимость двухъ видовъ, но и отвергаютъ дѣйствительное присутствіе Тѣла и Крови Христовыхъ. Этѣхъ Чеховъ я считаю еретиками, и много касался ихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Боже милостивъ буди имъ грѣшнымъ! Вторая сторона зоветъ себя Ямниками. Ихъ вѣра мнѣ неизвѣстна, а потому и не берусь судить объ нихъ. Третья слыветъ pod obojé, и я знаю ихъ только по свѣдѣтельству противниковъ моихъ, что они отходятъ отъ нашего вѣроученія только въ двухъ видахъ Причастія. Если это правда, то они не еретики, а только тщепенцы (schismatici). Я совѣтовалъ бы и Чехамъ и Римлянамъ не упорствовать долѣе,

а соединиться въ любовномъ согласіи. И сдѣсь любовь наша должна бы искать пользы душевной для братьевъ, а не владычества; Чехи, съ своей стороны, не собственнаго произвола и прихоти, а единства и повиновенія власти Но я слышу, что Чехи во время раскола присвоили себѣ церковныя имущества, а наши духовные требуютъ ихъ возвращенія. И тѣ и другіе не правы. Прискорбно, что преходящія блага ставятъ выше любви и единства». (1)

Черезъ двѣ недѣли Лютеру снова пришлось отвѣчать на приказъ епископа Мышенскаго, Іоанна Шлейница, отъ 24 Генваря, 1520, всему духовенству подвѣдомственной ему епархіи, отбирать у читающихъ проповѣдь Лютера и всѣми мѣрами противодѣйствовать вліянію ереси. (2) «Три подкупленныхъ сочинителя Окружнаго посланія епископскаго», — говоритъ Лютеръ, — «къ немалому униженію Римскаго вѣса и въ подкрѣпленіе Чешскаго раскола, осуждаютъ Евхаристію подъ обоими видами, ссылаясь единственно на послѣдній Римскій Соборъ, надъ которымъ смѣются въ самой Италіи и подавно въ Нѣмецкой землѣ. Они не замѣтили, что тѣмъ самымъ признаютъ истиннымъ ученіе Чеховъ отъ начала раскола до новѣйшихъ временъ. Мнѣ грустно, что такіе люди берутся писать противъ Чешскихъ заблужденій, забывая, что за горами живутъ также люди, и ребяческимъ голословіемъ только поддерживаютъ упрямство раскольниковъ. Сознаюсь, если бъ родился я Чехомъ, и мнѣ предложили бы такія нелѣпыя возраженія подъ грознымъ именемъ епископа, я повѣрилъ бы общей молвѣ о пьяномъ сочинителѣ Нѣмцѣ. Напрасно приводятъ они и слово писанія: «Послушаніе наче жертвы». Не этѣмъ ли текстомъ и Чехи обличаютъ насъ въ гораздо высшемъ непослучаніи Евангелію? Это значитъ влагать оружіе въ руки противниковъ и обнаженной головой отражать ихъ удары. И я писалъ противъ Чеховъ, и еще намѣревался писать; но жалкій возражатель вынимаетъ изъ рукъ готовое перо. Не отвергаю постановленій собора; но мнѣ досадно на этѣхъ невѣжъ, неумѣстнымъ и ничтожнымъ своимъ возраженіемъ выставляющихъ насъ въ посмѣшище Чехамъ, которые требуютъ отъ насъ свѣдѣтельствъ Евангелія и древнихъ Учителей, а мы имъ подносимъ лишь новыя изобрѣтенія новыхъ людей. Впрочемъ, они не должны еще хвалиться побѣдою; есть между нами

(1) Walch, XIX, p. 553—561. — Aurif., I, Ep. 139, f. 227 sqq.

(2) Walch, XIX, p. 561—563.

другіе ученые мужи, которые совѣтуютъ употребленіе одного вида Причастія, и готовы представить на то доказательства». (1)

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, Лютеръ говорилъ еще чистымъ Католикомъ. Ни любовныя къ нему отношенія Чеховъ, ни слабѣющія связи съ Латинскою Церковію, не склоняли его къ окончательному примиренію съ Славянскими сосѣдями. Онъ чуждался ихъ по стариннымъ воспоминаніямъ, или, можетъ быть, до окончательнаго разрыва съ Римомъ, осторожно скрывалъ свои убѣжденія. Впрочемъ, всего вѣроятнѣе, что онъ говорилъ искренно, и дѣлая мудрое различіе между основателемъ Церкви Гуситской, и ея позднѣйшими членами, не одобрялъ уклоненій послѣднихъ отъ ученія Гусова. Лютеръ могъ помириться съ великою тѣнію своего предшественника, потому что она не могла уже развѣнчать его собственнаго величія; а современные Гуситы и Чешскіе Братья, опредѣляя чистоту ученія Лютерова, большимъ или меньшимъ

(1) Ibid. p. 564—586.—Замѣтимъ, что изо всѣхъ обвиненій Экка, Лютеръ оставляетъ безъ отвѣта только одно: о Славянскомъ происхожденіи его фамильнаго прозвища. Охотно вѣримъ, что ни Лютеръ, ни родители его не были Чехами; но нельзя утверждать того же объ его отдаленныхъ предкахъ. Эйслебенъ, Мансфельдъ лежали на границѣ великаго племени Сербовъ, котораго мелкія вѣтви: Нудичи, Жирмунты, Житичи, Сусельцы, занимали нѣкогда все правое побережье Салы, въ сосѣдствѣ значительной жупы Сербиште, извѣстной нынѣ подъ названіемъ Цербста. Эго сильное племя, рано покоренное Франками, не могло не смѣшаться съ ближними сосѣдями, и поселенія ихъ покрывали, безъ сомнѣнія, большую часть лѣваго берега Салы. Мы видѣли выше (Отд. I), доказательства присутствія сильныхъ Славянскихъ элементовъ въ окрестностяхъ Виттемберга. Въ исходѣ XV столѣтія еще нападали на Лужицы могущественныя вѣтви Славянъ (W a l c h, XVII, §. 73, S. 183). Въ области прежнихъ Древанъ доселѣ хранятся остатки Славянскаго языка. Въ Славянскомъ происхожденіи имени Мöлча — мѣсторожденія отца Мартинова, не усомнится ни одинъ безпристрастный изслѣдователь. Вспомнимъ названіе жупы Muritz или Möritz въ грамотѣ герцога Генриха 1171 года, на такъ называемомъ—Muritzer—See; названіе другой жупы Mortha въ соплеменной вѣтви въ Западной Ѳракіи; цѣлую вѣтвь Морачанъ, часто упоминаемую въ лѣтописяхъ Средняго вѣка, на рѣкѣ Лабѣ, у Дѣвина, не въ слишкомъ большомъ отдаленіи на сѣверъ отъ родины Лютера. Мöлча, не имѣющая корня въ Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, есть, безъ сомнѣнія, олатиненная Морава (Морица, Морча, Молча, Мöлча, т. е., плавная въ плавную, р въ л, и дальнѣйшее стяженіе уменьшительнаго) Имя Лютера удовлетворительно объясняется изъ Славянскихъ нарѣчій. Эккъ объяснялъ его изъ Чешскаго, вѣроятно, словомъ luty, указывающимъ на великое племя Лютичей или Велетовъ, впрочемъ, слишкомъ отдаленное отъ родины Лютера. Лютеръ самъ трудился надъ объясненіемъ своего имени и доказывалъ его Нѣмецкое происхожденіе. «Lotharius и Lutherus»,— говорилъ онъ,—«слова однозначащія; имя это въ большомъ ходу у насъ, особено у Саксонцевъ, и означаетъ властителя или владыку людей. «Denn das Sachsische Wort Lude ist so viel als Leute, Menschen. Her, so viel als Herr, Dominus». Саксонцы и до сихъ поръ имя Лотаря называютъ Lydher или Ludher (Jurg. I, 12). Думалъ ли Лютеръ, что онъ самъ такъ удовлетворительно докажетъ намъ полу-Славянское происхожденіе своего имени, въ которомъ названіе покореннаго люда слито во едино съ именемъ побѣдителя? Мышенско-Нѣмецкое нарѣчіе, въ которомъ Лютеръ началъ и покончилъ свою Реформацію, испытало сильное вліяніе Славянскаго языка. См. Cestopis J. Kollara, 1843, str. 101.

сходствомъ съ своимъ исповѣданіемъ, вовсе не намѣрены были искать въ немъ наставника, и даже, какъ сказано выше, остерегали его отъ заблужденій. Лютеру не могла нравиться эта тягостная опека; онъ старался удержать за собой старѣйшинство, котораго Братья съ своей стороны не могли уступить. Оскорбленное самолюбіе Лютера продолжало дѣйствовать въ постоянномъ недоброжелательствѣ къ представителямъ Братьевъ, даже тогда, когда онъ давно превзошелъ ихъ въ крайности вѣроисповѣдныхъ понятій. Теперь же къ этой причинѣ присоединились еще неразвившіяся убѣжденія полу-Католика, полу-Протестанта, который шагъ за шагомъ проходилъ историческій путь, давно уже пройденный Чехами, и перенимая у нихъ давнишнія преобразованія въ области вѣры, стыдился сознаться въ заимствованіи. Преимущественно въ сужденіи объ Евхаристіи подъ обоими видами открывалось младенческое разумѣніе Лютера, еще во многомъ опутаннаго предразсудками Католичества. Такихъ оборотовъ суждено было совершить ему нѣсколько до конечнаго отдѣленія отъ Церкви. Впрочемъ, въ его раздвоеніи съ Чехами въ настоящее время участвовало не столько догматическое разногласіе, сколько стремленіе къ всемірному единству Церкви, задача жизни великаго Гуса, давно уже отвергнутая огромнымъ большинствомъ его послѣдователей. Мы помнимъ, что нигдѣ эта мысль о единой Вселенской, Апостольской Церкви не легла такъ ясно на вдохновенныхъ страницахъ учителя Чешскаго, какъ въ разсужденіи «О Церкви». Занимаясь чтеніемъ онаго, Лютеръ слышалъ вѣрный отголосокъ собственной мысли, а потому естественно завлекался этѣмъ занятіемъ. Въ Ноябрѣ 1519 года, когда начиналъ уже знакомиться съ книгою Гуса, онъ писалъ знаменательно къ Экку: «Теперь я знаю несравненно болѣе православныхъ мнѣній Іоанна Гуса, чѣмъ на Лейпцигскомъ состязаніи, и когда ни будь укажу и на нихъ». (1) Въ Февралѣ 1520 года, съ удивленіемъ писалъ къ Спалатину: «Представь себѣ, что я, безъ вѣдома, проповѣдывалъ и защищалъ досего дня всѣ мнѣнія Гуса, равно и Ступицъ. Словомъ, всѣ мы Гуситы, сами не зная того. Наконецъ, самъ Павелъ и Августинъ ни въ чемъ ни различествуютъ отъ ученія Гуса. Смотри, пожалуй, въ какую бездну ниспали мы безъ руководства учителя Чеш-

(1) Walch, XV, S. 1392.

скаго (vide monstra, quaeso, in quae venimus sine duce et doctore Bohemico). Я внѣ себя отъ изумленія, и не знаю, что думать, познавая страшныя судьбы Божіи надъ человѣчествомъ, помышляя, что самая свѣтлая Евангельская истина, всенародно сожженая сто лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ считается осужденною и никто не смѣетъ ее исповѣдать». (1) Въ началѣ Марта онъ уже окончилъ чтеніе Гуса, и занимался изданіемъ его книги «О Церкви», какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ письмо его къ Спалатину: «Посылаю тебѣ Іоанна Гуса. Если хочешь, прочти его, и прочитавши, пришли назадъ; его мужество и ученость не только нравятся, но и служатъ предметомъ удивленія для всѣхъ». 2000 экземпляровъ изданы Ѳомой Ансельмомъ. (2)

Вотъ ясное указаніе самаго Лютера, что чтеніе Гуса просвѣтило его умственный мракъ и, глубокимъ отвращеніемъ къ виновникамъ казни Гусовой, ускорило разрывъ его съ Римомъ. Въ отвѣтѣ на извлеченіе еретическихъ статей изъ его собственныхъ книгъ, начатое Лейденскимъ Университетомъ, по настоянію Экка, въ концѣ 1519, и оконченное Кельнскимъ въ началѣ 1520 года, имена Гуса и Іеронима въ первый разъ являются страшилищами Западной Церкви. (3) Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и отношенія Лютера къ Чешскимъ Гуситамъ. Что онъ имѣлъ намѣреніе искать въ Чехіи убѣжища отъ буллы проклятія, приготовлявшейся въ Римѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, узнаемъ мы изъ свѣдѣтельства Аврифабра (4) и письма рыцаря Шаумбурга (около 10 Іюня), гдѣ онъ просилъ Мартина не обращаться къ Чехамъ, у которыхъ нѣкоторые ученые мужи во время оно испытали много непріятностей, и союзомъ съ ними только увеличили опасность своего положенія. (5) Въ посланіи Лютера къ императору и дворянамъ Нѣмецкой земли (изданномъ въ послѣднихъ числахъ Іюля), о которомъ самъ онъ писалъ къ Вячеславу Линку, что оно въ высшей степени оскорбитъ Римскую курію, вся 24-я статья посвящена памяти Гуса

(1) «Ego prae stupore nescio, quid cogitem, videns tam terribilia Dei judicia in hominibus, quod veritas Evangelica apertissima jam publice plus 100 annis exusta, pro damnato habetur, nec licet hoc confiteri». De Wette, Ep. 208.

(2) Aurif., I, Ep. 160, f. 251, об.

(3) Walch, XV, §. 16, S. 1606.

(4) Ibid., S. 1941.

(5) Ibid. S. 1943.—Seckendorf, Comment. de Lutheran. I, p. 161.—Aurif., I, Ep. 180. Лют. къ Спалат. отъ 10 Іюля 1520.

и оправданію его послѣдователей. «Пора, давно пора»,—пишетъ Лютеръ,—«правдиво и безпристрастно заняться Чешскимъ вопросомъ, позаботиться о соединеніи съ Чехами, чтобы разъ навсегда положить конецъ страшному злорѣчію, клеветамъ и ненависти съ обѣихъ сторонъ. Я первый, по крайнему моему разумѣнію, предложу свой совѣтъ, въ ожиданіи лучшаго. 1) Должно сознаться, что Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій сожжены въ Констанцѣ, вопреки папской, Христіянской, императорской опасной грамотѣ и клятвенному обѣщанію, чѣмъ нарушена заповѣдь Божія и Чехи доведены до высшей степени ожесточенія. И хотя они и могли перенести терпѣливѣе отъ нашихъ эту тяжкую обиду и нарушеніе правды, но все же они не были обязаны освятить согласіемъ своимъ сожженіе Гуса, напротивъ, должны и теперь пожертвовать жизнію скорѣе, чѣмъ оправдывать вѣроломное нарушеніе грамоты. И такъ, при всемъ упорствѣ Чеховъ, все же за однимъ папою остается вина всѣхъ несчастій, заблужденія и кровопролитія со временъ Констанцкаго собора.

Я не берусь ни судить, ни оправдывать Гуса, хотя собственный разумъ мой еще не нашелъ въ немъ никакихъ заблужденій; съ другой стороны, я вѣрю охотно, что нельзя ожидать безпристрастія отъ тѣхъ самыхъ судей, которые измѣнили данному слову, руководимые, конечно, не духомъ святымъ, а развѣ духомъ нечистымъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что духъ святый никогда не дѣйствуетъ на нарушеніе закона Божїя, равно не трудно понять, что измѣнить обѣщанію, хотя бы оно дано было не только еретику, а и самому діяволу, есть не что иное, какъ нарушеніе заповѣди. Неоспоримо также, что Іоанну Гусу и Чехамъ дана была опасная грамота, и она же нарушена сожженіемъ Гуса. Я не хочу славить Іоанна Гуса святымъ мученикомъ, какъ дѣлаютъ Чехи; но я не могу не сознаться, что съ нимъ поступлено несправедливо и ученіе его осуждено противъ всякаго права. Страшны и непостижимы судьбы Божіи!

Я говорю только одно: еретикъ ли онъ, или нѣтъ, но сожженіе его есть неправда, вопіющая къ небу, и принуждать Чеховъ сознаваться въ противномъ есть лучшее средство навсегда отдалить примиреніе. Еретиковъ должно уличать не огнемъ, а писаніемъ, какъ дѣлали старые учители Церкви; въ противномъ случаѣ палачи были бы ученѣйшими докторами на свѣтѣ. Императоръ и князья Нѣмецкіе должны отрядить въ Чехію

благочестивыхъ, ученыхъ и умныхъ епископовъ, отнюдь же не кардиналовъ и не папскихъ легатовъ и инквизиторовъ, которые славятся совершеннымъ невѣжествомъ въ дѣлѣ вѣры, и нисколько не ищутъ спасенія душъ, они жевиновники всѣхъ Констанцкихъ несчастій. Выборные послы должны на мѣстѣ изслѣдовать вѣрованія Чеховъ и придумать средства соединить, по возможности, всѣ ихъ секты въ одну. Сдѣсь папѣ надлежитъ отказаться на время отъ собственной власти и, по уставу Христіянскаго собора Никейскаго, позволить Чехамъ выбрать изъ среды своей архіепископа Пражскаго котораго могъ бы поставить или Голомуцкій епископъ въ Моравіи, или Остригомскій (Гранскій) въ Угріи, или Гнѣзненскій въ Польшѣ, или Дѣвинскій (Магдебургскій) въ Германіи; двухъ епископовъ достаточно для его посвященія, какъ было во времена Кипріяна. Папа не долженъ препятствовать избранію епископа; въ противномъ случаѣ онъ волкъ и тираннъ, и проклятіе его можно отразить новымъ проклятіемъ. Пражскій архіепископъ долженъ смотрѣть за строгимъ храненіемъ вѣры и слова Божія, не навязывая на Чеховъ всѣхъ Римскихъ обрядовъ и догматовъ, не принуждая ихъ къ оставленію Евхаристіи подъ обоими видами, но строго наблюдать, чтобъ изъ за этого догмата не возникли несогласія въ паствѣ. Онъ долженъ внушать ей, что нѣтъ грѣха и въ принятіи Таинства подъ однимъ только видомъ; равно облаченія священниковъ нисколько не относятся къ сущности вѣры. Если бъ я зналъ, что Пикарды только въ томъ заблуждаются на счетъ Евхаристіи, что, отвергая пресуществленіе, принимаютъ все же дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христовыхъ, я бы и ихъ не отвергнулъ, а пріобщилъ бы къ стаду епископа Пражскаго. Всѣ прочія разногласія могли бы исчезнуть сами собою, при попечительномъ управленіи пастыря. Присутствіе его необходимо для возстановленія мира, нарушеннаго Римскимъ тиранствомъ». (1)

Немедленно по окончаніи окружнаго посланія въ Августѣ и Сентябрѣ, Лютеръ занялся разсужденіемъ о Вавилонскомъ плѣненіи Церкви, вышедшимъ въ началѣ Октября 1520 года. (2) Кохлей говоритъ, что прежде обнародованія буллы Льва X, Лютеръ, выписавъ изъ Чехіи, чрезъ монастырскую братію, книги Виклефа и Гуса, многое изъ нихъ заимствовалъ и помѣстилъ въ книгѣ,

(1) Walch, X, §. 126—135, S. 572—377.
(2) Walch, XIX, Предисл. S. 2.—Seckend., I, p. 165.—Aurif., I, Ep. 194, f. 285 v. v.

изданной имъ подъ названіемъ: «De captivitate Babylonica Ecclesiae». (1) То было первое сочиненіе, направленное противъ догматовъ Церкви Латинской, и сдѣсь же, въ первый разъ, Евхаристія подъ однимъ видомъ осуждается, какъ произвольное установленіе Римскихъ тиранновъ, безъ согласія Церкви, т. е., народа Божія, какъ настоящая ересь. Изложивъ доказательства въ пользу необходимости двухъ видовъ Причастія, а именно, слово Спасителя при установленіи Таинства: «Пійте отъ нея вси», Лютеръ прибавляетъ, съ очевиднымъ намекомъ на источникъ, откуда почерпнуто имъ доказательство: «Сознаюсь, что я, побѣжденный этѣмъ доводомъ, для меня неопровержимымъ, не читалъ, не слыхалъ и не нашелъ ничего, чтобы могъ возразить на него. Вотъ причины, удержавшія меня отъ приговора надъ Чехами, которые, каковы бы ни были въ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ имѣютъ на своей сторонѣ и слово и дѣйствіе І. Христа. Они не спрашиваютъ, что приснилось противникамъ, а что говоритъ объ этомъ Писаніе, и слово Писанія—могучій перунъ, ихъ оправдывающій. Если изъ двухъ враждебныхъ сторонъ приложить къ которой ни будь названіе ереси, то еретиками и отщепенцами (haeretici et schismatici) будутъ не Чехи, не Греки, а вы, Римляне, которые гордо ссылаетесь на собственный вымыселъ, вопреки ясному слову Божію. (2) Возражаютъ напрасно, что ап. Павелъ повелѣлъ принимать Евхаристію подъ обоими видами не всей Каѳолической Церкви, а одной только Церкви въ Коринѳѣ. Допустимъ и это; и въ такомъ случаѣ, Греки и Чехи имѣютъ право на своей сторонѣ, ибо они составляютъ отдѣльныя Церкви, и не противорѣчатъ ап. Павлу, допускающему оба вида Причастія. Но могъ ли апостолъ допустить что либо, противное установленію Христову? А потому, противопоставляю тебѣ, Римъ, и всѣмъ твоимъ ласкателямъ слова Христовы и Павловы, въ оборону Грековъ и Чеховъ, и повторяю: отказывать мірянамъ въ двухъ видахъ Причастія безбожно и беззаконно. Этого и ангелъ сдѣлать не можетъ, не только что папа, или соборъ. Если ссылаетесь на Констанцкій соборъ, то мнѣ позволено отвѣчать вамъ значеніемъ Базельскаго, допустившаго противное Чехамъ, послѣ многихъ переговоровъ какъ свѣдѣтельствуютъ о томъ соборныя дѣянія». (3) Ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Въ

(1) Cochlaei, De actis et scriptis M. L., f. 21.
(2) Walch, XIX, §. 19—27, S. 19—21.
(3) Ibid., §. 23—29, S. 22—27.

сочиненіи противъ новой подложной Экковой буллы, изданномъ въ концѣ Октября, Лютеръ торжественно, предъ лицемъ всей Германіи, оправдываетъ Чешскаго мученика. «Эккъ», — говоритъ онъ, — «какъ истинный Романистъ, утверждаетъ опять, что на Констанцкомъ соборѣ не нарушена клятва, данная Гусу и Іерониму. Хорошо! Если мучитъ васъ любопытство, то и я, разъ навсегда, скажу напрямикъ свое мнѣніе объ этомъ соборѣ: 1) Въ то время, на Лейпцигскомъ преніи, я не читалъ еще Іоанна Гуса; въ противномъ случаѣ я оправдалъ бы не нѣсколько, а всѣ статьи, осужденныя въ Констанцѣ; и этого мнѣнія держусь я теперь, прочитавши благородную Христіянскую книгу многоразумнаго Іоанна Гуса, **какихъ не писалось въ продолженіи 400 лѣтъ**; она вышла въ свѣтъ произволеніемъ Божіимъ, во свѣдѣтельство истины и посрамленіе всѣхъ, ее осудившихъ. Это положенія не Гуса, а Христа, Павла и Августина, основанныя на самыхъ неопровержимыхъ доводахъ, въ чемъ долженъ сознаться всякій, кто только прочтетъ ее. О дай, Богъ, чтобы и я сподобился пострадать за такую истину, и хотя бы она стоила мнѣ тысячу разъ жизни, я не отрекся бы ни отъ одного положенія ея. Я не хочу возвеличить тѣмъ Гуса и провозглашать его мученикомъ, потому что не дошелъ до такой степени дерзости, чтобы возводить во святыхъ, какъ дѣлаетъ папа съ слѣпыми папистами. Я знаю, что Богъ страшенъ и неисповѣдимъ въ судьбахъ своихъ; что и праведникъ можетъ выстрадать злую муку, и все же никто не вѣдаетъ, на что обрекаютъ его судьбы Божіи. **Но въ очищеніе моей совѣсти, я умываю руки отъ крови неповинной, противъ всѣхъ предателей, дабы они знали, какъ сами они отвергаютъ и распинаютъ Христа».** (1)

Съ совершеннымъ отдѣленіемъ Лютера отъ Западной Церкви начинается третья пора его отношеній къ Гусу, пора обожанія послѣдняго, какъ истиннаго предшественника и настоящаго виновника Нѣмецкаго преобразованія. Отселѣ всѣ отзывы Лютера о Гусѣ проникнуты глубокимъ благоговѣніемъ. Прежде всего доведу до конца историческую часть его отношеній къ Гусу и Чехамъ, а потомъ укажу настоящее мѣсто, занимаемое Гусомъ въ ряду предъуготовителей его реформаціи. Римскій Дворъ хорошо понималъ всю опасность сближенія Лютера съ Чехами, противъ

(1) Walch, XV, S. 1683 sqq.

воли его, совершеннаго Эккомъ и другими неудачными побор-никами Латинства. Папская булла старалась возбудить въ Нѣмецкомъ народѣ чувство славолюбія старинными воспоминаніями преданности Западной Церкви; самого же Лютера выставляла отъявленнымъ врагомъ Нѣмецкой народности, указывая преимущественно на союзъ его съ Чехами, давнишними противниками Рима и Нѣмецкаго Запада. «Возстани Боже, во гнѣвѣ твоемъ»,—писалъ Левъ X, съ выраженіемъ глубокой скорби,—«суди прю твою; помяни поношеніе твое, еже отъ безумнаго весь день. Приклони ухо твое къ моленію моему (Пс. 73, 22; 87, 3), ибо возстали лисы, губящія винограды (П пѣсн. 2, 15); возсталъ вепрь отъ дубравы, и уединеный дивій пожираетъ его (Пс. 79, 14). Возстаньте, св. Петре и Павле, противъ новаго Порфирія, возстани сонмъ всѣхъ святыхъ, возстань вся Церковь Божія! Ибо мы собственными глазами видѣли и читали великія и многія ереси, заключающія въ себѣ заблужденія Грековъ и Чеховъ, въ последнее время вновь распущенныя въ славномъ народѣ Нѣмецкомъ, и это тѣмъ съ большею скорбію, что мы и предки наши всегда любили Нѣмцевъ, искони самыхъ пламенныхъ искоренителей ереси. Свѣдѣтелями тому — похвальные законы Нѣмецкихъ императоровъ во славу св. Церкви и въ посрамленіе еретиковъ; свѣдѣтелемъ тому вѣроломство безбожныхъ Гуситовъ, Виклефа и Іеронима Пражскаго, наказанное на Констанцкомъ соборѣ; свѣдѣтелемъ тому, такъ часто проливавшаяся кровь Нѣмцевъ въ бою съ отступниками Чехами». За тѣмъ вычисляется 41 заблужденіе Лютера, большею частію съ очевиднымъ намекомъ на Гуситскую ересь. Лютеръ, дотолѣ считавшій буллу подложною, убѣдившись въ ея подлинности, послѣ краткаго опроверженія въ Ноябрѣ 1520, издалъ пространный отвѣтъ на всѣ, приведенныя въ ней ереси, въ Генварѣ 1521 года. 30-я гласила такъ: «Нѣкоторыя положенія Гуса, осужденныя въ Констанцѣ, суть самыя правовѣрныя, истинныя и Евангельскія, которыхъ и все Христіянство осудить не можетъ». Ошибся, ошибся, читатель»,—отвѣчаетъ Лютеръ въ другой разъ,—«и какъ прежде говорилъ, такъ и нынѣ повторяю, не нѣкоторыя только, а всѣ положенія Гуса, вполнѣ Христіянскія, и сознаюсь, что папа съ своими поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ настоящій Антихристъ, осудилъ, вмѣстѣ съ Гусомъ, св. Евангеліе, и поставилъ на мѣсто его ученіе адскаго змія. И въ этомъ я готовъ стать къ отвѣту, гдѣ слѣдуетъ и, съ помощію Божіею, берусь

доказать свое положеніе». Въ отвѣтъ на 33-ю статью: «Сожженіе еретиковъ противно духу Святому», Лютеръ снова указываетъ на Гуса и Іеронима. «Я говорилъ только объ еретикахъ; но Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ были Христіяне благочестивые, сожженные отступниками и Антихристами, Папистами. Ради св. Евангелія, и по примѣру ихъ, Римскій папа, съ своими инквизиторами, жегъ другихъ Христіянъ на многихъ мѣстахъ; довольно указать на Савонаролу Доминиканца, сожженнаго во Флоренціи, по повелѣнію Александра VI-го». (1) Въ объясненіи 22 Псалмовъ Лютеръ около этого времени воздаетъ тоже блестящее свѣдѣтельство правовѣрію Гуса. «Во очищеніе совѣсти моей, дабы, въ грозный часъ смерти и на страшномъ судѣ, не воздать отчета за безбожное и безотвѣтное молчаніе, я исповѣдую и свѣдѣтельствую нынѣ предъ всякимъ, кто читаетъ, или слышитъ, это признаніе, предъ небомъ и землею, что тѣ статьи, которыя я въ Лейпцигѣ исповѣдалъ истинными Евангельскими догматами Христіянской вѣры, а именно: что вселенская Церковь есть сонмъ предопредѣленныхъ, и всѣ положенія, вытекающія изъ этого главнаго, осуждены на соборѣ безотчетно и беззаконно. Свѣдѣтельствуюсь и исповѣдаю, что Констанцкій соборъ, что касается осужденія этѣхъ статей, былъ скопищемъ дьявольскимъ (conciliabulum Satanae); я отлучаю, отвергаю и осуждаю всѣхъ и каждаго, кто присутствовалъ при этомъ соборѣ и утвердилъ приговоръ его своимъ согласіемъ, или же одобреніемъ, кто бы онъ ни былъ, папа ли, епископы, или князья, все равно, дабы мнѣ не осквернить и не запятнать моихъ рукъ въ крови праведника. Еще свѣдѣтельствую предъ всѣми, что если Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій сожжены только ради этѣхъ статей и ученія (какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ), то съ ними поступлено беззаконно, то папа и клевреты его величайшіе и самые жестокіе убійцы Христа и гонители Церкви его. Призываю каждаго во свѣдѣтели моего исповѣданія, кто ни будетъ читать его. Въ Лейпцигѣ я еще не зналъ настоящаго смысла этѣхъ статей, но уже видѣлъ, что внѣшняя форма ихъ выраженія вполнѣ согласна съ Христіянской вѣрою. По этой причинѣ я и не могъ настоящимъ образомъ опровергнуть превратнаго смысла, придаваемаго имъ льстецомъ и ласкателемъ папы. Теперь же, когда мы

(1) D. M. L. Grund und Ursache aller Artikel, so durch die R. Bulle unrechtlich verdammt worden. Walch, XV, S. 1847—1853.

имѣемъ въ рукахъ самую книгу Гуса, я вижу изъ связи мыслей, что значеніе словъ его вполнѣ Христіянское». (1)

На Вормскомъ сеймѣ съ особенной силой воскресли воспоминанія Констанцкаго собора и, какъ уже разъ замѣчено мною, спасли безстрашнаго Лютера отъ участи Гусовой. Самъ отвѣтчикъ не совсѣмъ равнодушно смотрѣлъ на эту особенность своего пребыванія въ Вормсѣ, которая разительнымъ сходствомъ съ пребываніемъ Гуса въ Констанцѣ, не могла не заставить преемника Сигизмундова задуматься надъ прошедшимъ и предохранить себя отъ такого же будущаго. Первые намеки сдѣланы были въ отвѣтномъ посланіи Лютера на вопросъ курфирста, что будетъ онъ дѣлать, если императоръ позоветъ его въ Вормсъ? (21 Дек. 1520 года). «Пріѣду»,— пишетъ Лютеръ къ Спалатину,—«и если не могу явиться здоровый, пріѣду больной. Потому что зовъ императора равносиленъ для меня призыву Божію. Молю Бога объ одномъ, чтобы начало его славнаго царствованія не обагрилось кровію моею, или кого бы то ни было, въ защиту неправаго дѣла. Я желалъ бы погибнуть отъ руки однихъ Романистовъ, безъ участія Карла. Ты помнишь, какія бѣдствія постигли короля Сигизмунда послѣ казни Гуса; какъ неудачны послѣ того были всѣ его начинанія; какъ онъ умеръ, бездѣтный; какою жалкою смертію погибъ внукъ его, Ладиславъ; какъ потомство его изсякло въ первомъ колѣнѣ; какъ жена его, импер. Варвара, покрылась безславіемъ, и прочее по ряду. Если же такъ должно быть, то да будетъ воля Господня. Аминь!» (2) Съ своей стороны, враги Лютера дѣйствовали также на юнаго Карла, побуждая его къ истребленію ереси достохвальнымъ примѣромъ короля Сигизмунда. Въ Ноябрѣ 1520 года вышла рѣчь подъ вымышленнымъ именемъ Ѳомы Радина, Доминиканца, къ князьямъ и народамъ Нѣмецкимъ, въ которой Лютеръ и Меланхтонъ узнали немедленно складъ рѣчи Эмзера. (3) Она выхваляетъ умъ и ученость Мартина, порицаетъ непомѣрную гордость и свирѣпыя выходки его

(1) Walch, IV, Объясн. 16 Пс., §. 40—41, S. 1218.—То были Университетскія лекціи Лютера, читанныя по Латини. Писаны, по свѣдѣтельству самого Лютера, отъ 1517 до 1521. Въ приложенномъ къ нимъ письмѣ къ курф. Саксонскому, онъ говоритъ, что дочиталъ до 22 пс. и долженъ былъ итти на Вормскій сеймъ, и уже, по окончаніи сейма, прибавилъ объясненіе 22 пс. въ Вартбургскомъ уединеніи. См. Пред. къ IV тому Вальха.

(2) Aurif., I, Ep. 205, f. 296.

(3) Aurif., I, Пис. Лютера къ Спалат. 4 Ноября 1520 и 27 Февраля 1521, I Ep. 197 и 214, f. 288—507.

противъ Римскаго престола, отыскиваетъ противорѣчія въ его сочиненіяхъ, приписываетъ ему заблужденія Виклефа, Гуса, Марсилія Фицина и пр., укоряетъ его преимущественно въ ненависти къ Доминиканцамъ, въ которой онъ будьто бы подражаетъ примѣру Гуситовъ, разрушившихъ до основанія монастырь Проповѣдниковъ въ Клатовахъ, наконецъ, молитъ святыхъ отвратить отъ Германіи грядущія бѣдствія, и либо смягчить свирѣпые помыслы преобразователя, либо, для умиренія Церкви, ускорить конецъ его. Пока Меланхтонъ отвѣчалъ на обвиненія Эмзера, Лютеръ продолжалъ сношенія съ Чехами. Онъ писалъ къ Спалатину 17 Февраля 1521 года: «Одинъ Чешскій юноша прислалъ ко мнѣ разсужденіе, гдѣ, въ 18 пунктахъ, старается доказать, что апостолъ Петръ никогда не былъ въ Римѣ; но доказательства слабы. Чехи прислали ко мнѣ мои объясненія 10 Заповѣдей и Молитвы Господней, изданныя у нихъ на родинѣ, на языкѣ Чешскомъ; они сильно преуспѣваютъ въ словѣ Божіемъ. (1) Въ отвѣтѣ Ланцелоту Политу (Амвросію Контарину), монаху Доминиканскаго ордена, вышедшемъ 1-го Апрѣля 1521 года, Лютеръ не упускаетъ случая упомянуть о любимыхъ витязяхъ своихъ. Прилагая къ папѣ слова пророчества Даніилова (VIII, 25): «На пагубу многимъ возстанетъ», онъ говоритъ: «Сюда относится то, что папа открыто осудилъ слово Божіе въ Констанцѣ, въ лицѣ Іоанна Гуса, и до сихъ поръ упорствуетъ во враждѣ противъ Духа Святаго». (2)

Лютеръ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ отправился въ Вормсъ. «На дорогѣ»,—говоритъ простодушно Миконій,—«очень многіе не совсѣмъ удачно утѣшали его, говоря, что если на сеймъ собралось такое множество кардиналовъ и епископовъ, то его непремѣнно сожгутъ въ порошокъ, какъ сдѣлали съ Гусомъ» (p. 73). И дѣйствительно, легатъ Алеандеръ предупредилъ его появленіе рѣчью, произнесенною въ полномъ собраніи сейма, съ явнымъ намекомъ на Гуситскую и Греческую ереси въ ученіи Лютера. (3) Немедленно по прибытіи Лютера въ городъ, 16 Апрѣля 1521, императорскіе совѣтники дали совѣтъ Карлу V погубить еретика, ссылаясь на примѣръ Сигизмунда. Отвѣтъ императора увѣковѣченъ преданіемъ. (4) На открытомъ и частномъ допросахъ, Лютеръ свѣд-

(1) Ibid. Ep. 212, f. 303.
(2) Walch, XXIII, §. 298, 307, S. 1934, 1939.
(3) Walch, XV, 2038.
(4) Ibid., 2185.

тельствовалъ, что онъ порицалъ не всѣ соборы, а единственно Констанцкій, осудившій положенія Гуса; Христіянская Церковь— собраніе вѣрующихъ, предопредѣленныхъ къ блаженству, а слѣдовательно и членъ Апостольскаго Символа: «Вѣрую во Единую Святую Соборную Христіянскую Церковь». Онъ объявилъ торжественно, что если на будущемъ соборѣ повторится осужденіе Констанцкихъ статей, то онъ не будетъ молчать, потому что слово Божіе выше уставовъ человѣческихъ. (1) Императоръ, съ своей стороны, клялся торжественно въ неизмѣнной вѣрности матери Церкви. Въ извѣстномъ эдиктѣ 8-го Мая 1521 года противъ книгъ и ученія Д. Лютера, противъ всѣхъ приверженцевъ и послѣдователей его, сказано: «Онъ не стыдится открыто хулить св. соборы, преимущественно оскверняетъ нечистыми устами Констанцкій, называя его, въ посрамленіе всей св Церкви и народа Нѣмецкаго, сатанинскимъ скопищемъ, присутствовашихъ на немъ и осудившихъ на казнь еретика І. Гуса, предка нашего, короля Сигизмунда, и Имперскихъ князей—антихристами, посланцами діявола, убійцами и Фарисеями; все осужденное на соборѣ считаетъ совершенно святымъ, и дошелъ до такой степени безумія, что передъ всѣми хвалится: «Если Гусъ еретикъ, то Лютеръ въ десятеро противъ него». (2) Послѣдствія эдикта извѣстны — продолжительное заключеніе Лютера въ Вартбургскомъ замкѣ.

Сдѣсь, въ уединеніи, въ жестокихъ страданіяхъ неудовлетворенной дѣятельности и глубоко оскорбленнаго народнаго чувства, укрѣпляется духъ преобразователя къ предстоящей борьбѣ, созрѣваютъ первые плоды одинокаго Богомыслія, въ которыхъ имя Гуса подъ перомъ обращается въ жестокую укоризну Римскимъ тиранамъ. Такъ, въ объясненіи 22-го (21) Псальма, Лютеръ пишетъ, что «на Констанцкомъ соборѣ истина, какъ говорится, побита на голову, осмѣяна и попрана ногами, въ лицѣ святаго мужа, Іоанна Гуса, котораго Паписты осудили какъ еретика и сожгли, и поставили мерзость папскихъ законовъ на мѣстѣ святѣ». (3) Въ отвѣтѣ Эмзеру, который, еще прежде осужденія Лютера, въ

(1) Ibid. Описаніе предстоянія Лют. въ Ворисѣ предъ Импер. и чинами, §. 34 — 51, S. 2213—17.

(2) Walch, XV, §. 13, S. 2269. — См. Walch, XIX, Отвѣтъ Лютера на предлож. вопросы въ Ворисѣ, S. 1256.

(3) Walch, VI, §. 277, S. 1783.

новомъ воззваніи приглашалъ императора къ истребленію ереси. (1) Лютеръ говоритъ: «За проповѣдь слова Божія сожжены въ Констанцѣ Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій, потому что ученіе ихъ затронуло могущество волковъ и козлищъ, и произвело возмущеніе, такъ что на совѣщаніи между папой и кардиналомъ, какія преграды положить распространенію Евхаристіи подъ обоими видами, Флорентинскій кардиналъ возопилъ: ««Пускай ѣдятъ и пьютъ, что хотятъ, лишь бы только не думали о преобразованіи Церкви»». А потому, хотя Эмзеръ и выводитъ на свѣтъ Аристотеля, но я лучше желаю безславія Гуса, чѣмъ Аристотелевой славы; пускай возметъ себѣ на долю безстыднаго язычника и предоставитъ мнѣ Гуса, который нынѣ, благодатію Божіею, воздвигнутъ отъ мертвыхъ и гораздо сильнѣе истязуетъ убійцъ своихъ, папу, съ его клевретами, нежели смущалъ ихъ при жизни. И хотя бы папа со всѣми своими обманщиками истаялъ съ досады и злобы, но онъ долженъ слышать обличительный голосъ Гуса: ««Убійцы Христовы! Вы можете проливать неповинную кровь, но не помѣшаете ей взывать къ небу о мести: только по смерти Авеля начались съ особенной силой мученія братоубійцы. И я надѣюсь, по волѣ Божіей, больше причинить бѣдствія въ мірѣ по смерти, чѣмъ въ продолженіе всей моей жизни»». Мнѣ дѣла нѣтъ до пророчества о какомъ-то монахѣ, который долженъ обольстить вселенную своимъ ученіемъ. Ученіе святыхъ апостоловъ я ставлю выше ложныхъ пророковъ. Не такъ училъ папа съ своими тираннами. Гусъ доказалъ это, и я, съ помощію Божіею, докажу еще лучше». (2)..... «Обманомъ осуждены на соборѣ Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій; убійцы, не находя возраженій правдивыхъ, истолковали превратно ихъ мнѣнія, какъ ясно свѣдѣтельствуютъ о томъ ихъ творенія и книги». (3).... «Ты пишешь, что въ наше время необходимо жечь еретиковъ, потому что книгопечатаніе легко размножаетъ заблужденія, чего прежде не было; но ты забылъ, что Гусъ и Іеронимъ сожжены въ Констанцѣ прежде изобрѣтенія книгопечатанія». (4) Въ замѣчаніяхъ на буллу «Coenae Domini», вышедшую во время Вормскаго Сейма, 28 Марта, въ великій четверкъ, Лютеръ приводитъ (въ 1522 г.) слова псалом-

---

(1) Seckend., I, прилож. p. 121.
(2) Walch, XVIII, S. 1556.
(3) Ibid. S. 1564.
(4) Ibid. S. 1641.

скія: «Преклонится грѣшный и падетъ, внегда ему обладати убогими» (Пс. 9, 31), и прилагаетъ ихъ къ сожженію Гуса, одного изъ убогихъ, котораго слава сто лѣтъ таилась подъ мракомъ. (1) Въ сочиненіи объ исповѣди, надписанномъ Зикингену (1521), снова упоминаетъ онъ объ Гусѣ. «Слово Божіе говоритъ ясно, что никто не можетъ отпускать грѣховъ, если не будетъ имѣть Духа Святаго. Пускай говорятъ, что эта статья Виклефа, или І. Гуса, осужденная въ Констанцѣ. Осуждать не довольно, нужно доказывать». (2) Въ книгѣ о злоупотребленіи Литургіи, писанной въ Вартбургѣ въ томъ же 1521 году, обращается къ Папистамъ съ такими словами: «Идите, вопросите совѣта Богохулителей въ Парижѣ и Лейденѣ, а мы низложимъ ваше священство, ибо оно не отъ Бога, потому что преслѣдуетъ единое спасительное служеніе духа и слова." Для того-то и осудили вы статью Гуса, постановивъ, что не слѣдуетъ принимать отъ всякаго проповѣдь о Христѣ, а весь міръ долженъ слушать ученіе діявольское изъ вашихъ хульныхъ устъ». (3) О Вормскомъ соборѣ, пошедшемъ по слѣдамъ Констанцкаго, отзывается съ негодованіемъ. «Ты знаешь»,—писалъ онъ, въ 1522 году, къ Гартманну Кронбергу,—«что неразумное осужденіе истины Божіей на Вормскомъ сеймѣ, есть общій грѣхъ всей Нѣмецкой земли. Богъ мнѣ свѣдѣтель, я боюсь, что слово Евангельское исчезнетъ въ Германіи, что Господь ниспошлетъ на нее ожесточеніе и слѣпоту, о которой страшно подумать; потому что Нѣмецкій народъ уже слишкомъ погрѣшилъ противъ истины. Онъ впервые осудилъ въ Констанцѣ Евангеліе, и пролилъ кровь неповинную, кровь Іоанна Гуса и Іеронима; потомъ, въ Вормсѣ и Гейдельбергѣ, кровь Драмсдорфа и многихъ другихъ; не говорю уже о Майнцѣ и Кёльнѣ; весь Рейнскій потокъ обагренъ кровію. О несчастное племя! Долго ли быть тебѣ палачемъ Антихриста надъ святыми пророками Божіими?» (4)

Между тѣмъ какъ папа, Адріанъ VI, грамотою, посланной на Нюренбергскій Сеймъ, 1522 года, въ трогательныхъ выраженіяхъ увѣщавалъ Нѣмецкій народъ къ подражанію великому дѣлу предковъ, достойно наказавшихъ въ Констанцѣ Іоанна Гуса и Іеронима

(1) Walch, XV, S. 2166.—Unterricht der Beichtkinder über seine verbotene Bücher, XV, §. 12, S. 2290.

(2) Walch, XIX, §. 63, S. 1051.

(3) Walch, XIX, §. 48, S. 1332.

(4) Aurif., II, f. 105—107.

Пражскаго, которые (по выраженію грамоты) снова **ожили** въ Лютерѣ и пользуются особеннымъ его уваженіемъ, (1) Лютеръ, возвратившійся въ Виттембергъ, (въ Мартѣ 1522 года) вступилъ въ явныя сношенія съ Чехами. Въ 1521 году вышелъ въ Англіи, а въ 1522 году въ Нѣмецкомъ переводѣ Эмзера и въ Германіи отвѣтъ Генриха VIII, на книгу Лютера о Вавилонскомъ плѣненіи Церкви. Король обвинялъ преобразователя въ низкомъ ласкательствѣ предъ Чешскою чернію, съ намѣреніемъ приготовить себѣ друзей отъ маммоны неправды, и вѣрное убѣжище въ гостепріимной странѣ, въ случаѣ невзгоды на родинѣ. (2) Не успѣлъ еще Лютеръ отвѣчать пресловутому **защитнику** вѣры, когда въ исходѣ Іюня явилось къ нему посольство отъ Братьевъ: Іоаннъ Горка и Михаилъ Вейссъ—привѣтствовать его и пригласить къ единенію. (3) Послы отправлены были къ Лютеру Павломъ Сператомъ, Моравскимъ проповѣдникомъ: они приносили свое исповѣданіе и требовали у него разрѣшенія на разные догматическіе вопросы. Подробности узнаемъ изъ двухъ писемъ Лютера къ Павлу Сперату и къ Спалатину, отъ 4-го Іюля 1522 года. «На вопросы, присланные ко мнѣ съ послами Вальденцевъ»,—писалъ онъ къ Сперату,—«отвѣчаю такъ: «Я желалъ бы, чтобы они вовсе не предлагались, какъ безполезные и опасные для простаго народа, потому что неопредѣленностію и голословностію (ruditate et levitate) только отвращаютъ отъ сущности Христіянскаго ученія, отъ вѣры и любви.... Но чтобъ не думали неразумные, что я не могу отвѣчать на вопросы ихъ, скажу свое мнѣніе: а) Я думаю, что поклоненіе Христу въ Евхаристіи есть дѣло совершенной свободы. Кто имѣетъ вѣру и любовь, тотъ не можетъ грѣшить, хотя бы и не кланялся; и наоборотъ, кто не имѣетъ ея, тотъ грѣшитъ и кланяясь. Потому что поклоненіе вѣры состоитъ въ томъ, когда обнимаешь всѣмъ сердцемъ Того, Чье тѣло и кровь несомнѣнно присутствуетъ въ Таинствѣ. Сдѣсь конецъ Православію. Ибо никто, конечно, изъ Братьевъ не отрицаетъ дѣйствительнаго присутствія тѣла и крови Того, Кому приносится поклоненіе Если же кто пожелаетъ изслѣдовать, какимъ образомъ Божество присутствуетъ въ Таинствѣ, тѣхъ обличай за излишнее любопытство, дабы

(1) Walch, XV, S. 2549.

(2) Walch, XIX, §. 9, S. 177.

(3) Gieseler, Kirchengesch., III, 1 Abth'., S. 438.

соблюсти ихъ въ смиренномудріи вѣры и въ чистомъ разумѣніи Таинства. Такой же отвѣтъ предлагаю и на второй вопросъ: б) Что именно заключается подъ видомъ Хлѣба: одно ли Тѣло Христово, или вмѣстѣ и пречистая Кровь? Видишь самъ, какъ безполезно посвящать грубый народъ въ этѣ богословскія тонкости, не способствующія къ утвержденію вѣры, а только умножающія расколы? Для вѣры довольно знать, что подъ видомъ хлѣба предлагается Тѣло, подъ видомъ вина—пречистая Кровь Христа живаго и царствующаго; а какимъ образомъ Кровь соприсутствуетъ Тѣлу и Тѣло Крови въ каждомъ раздѣльномъ видѣ, вопросъ безполезный. в) Такимъ же образомъ разрѣшить можно и третій вопросъ: о поклоненіи Богу, во Святыхъ обитающему, поклоненіи, совершенно свободномъ. Мы читаемъ (1 Кор. XIV, 25), что и невѣрный падетъ ницъ и поклонится Богу во Святыхъ, когда услышитъ ихъ пророчествующихъ. И Авраамъ трехъ Ангеловъ видѣлъ, а одному Господу поклонился; и что другое и мы сами дѣлаемъ, другъ друга честію больше творяща, какъ не поклоняемся Богу, въ насъ обитающему? И такъ совершенно свободно призывать Бога въ твари, или внѣ твари, потому что «Я исполняю и небо и землю»,—глаголетъ Господь. Та вѣра никогда не можетъ грѣшить, которая во всемъ ищетъ и пріемлетъ одного Бога». (1) Письмо это писано подъ вліяніемъ прежняго недоброжелательства къ Братьямъ, на которыхъ онъ все еще смотрѣлъ, какъ на еретиковъ. Впрочемъ, изъ письма къ Спалатину видно, что онъ, отпуская пословъ на родину, имѣлъ уже болѣе выгодное понятіе объ исповѣданіи Братьевъ. «Ко мнѣ пріѣжали послы Пикардовъ, совѣщаться со мною о вѣрѣ своей. Я нашелъ ученіе ихъ почти совершенно чистымъ, но не одобряю употребленія темныхъ и неудобопонятныхъ реченій (obscurae phrases et barbarae), вмѣсто яснаго текста писанія. Потомъ соблазняетъ меня и то, что они считаютъ безполезнымъ крещеніе младенцевъ, и, однако, крестятъ ихъ, и подвергаютъ новому крещенію переходящихъ отъ насъ. Наконецъ, что они принимаютъ 7 Таинствъ. Они одобряютъ еще безженство священниковъ, хотя и не ставятъ его непремѣннымъ закономъ для всѣхъ. Такъ трудно найти во всемъ мірѣ совершенную чистоту Евангельскаго ученія. Истинно ли мнѣніе ихъ объ отношеніи вѣры къ дѣламъ, не могу еще рѣшить,

---

(1) Aurif., II, p. 71—73.

но сомнѣваюсь сильно; въ Евхаристіи и Крещеніи не погрѣшаютъ, развѣ только въ словахъ. (1)

Какъ Чешскіе Братья искали союза съ Лютеромъ, такъ Лютеръ, въ свою очередь, искалъ союза съ умѣренными Гуситами, Утраквистами или Чашниками. 15 Іюля 1522 года онъ писалъ грамоту, весьма замѣчательную къ князямъ и сановникамъ, собраннымъ на Пражскомъ сеймѣ. «Хотя бы и не подобало моему ничтожеству»,— говоритъ онъ въ началѣ,—«обращаться къ такимъ знаменитымъ мужамъ, но важность вопроса побуждаетъ меня отрѣшиться отъ всякихъ приличій. До насъ дошли слухи, что многіе изъ вашихъ намѣрены снова приложиться къ престолу погибельному Римскаго тиранства, не находя другаго средства удовлетворить всеобщему желанію мира. Во время оно, и мнѣ ненавистно было Чешское имя, когда я не видалъ еще въ папѣ Антихриста; но съ тѣхъ поръ, какъ возсіяло Евангеліе, я надѣюсь, не безъизвѣстно и вамъ, что я съ такимъ рвеніемъ защищалъ отдѣленіе ваше отъ папства, что никто изъ васъ, конечно, не понесъ всей туги позорнаго вашего имени въ той степени, въ какой я выношу ее; ибо сколько разъ до сего дня меня обличали въ происхожденіи Чешскомъ, въ намѣреніи искать убѣжища въ Чехіи? (Явный намекъ на послѣднее обвиненіе короля Англійскаго). И дѣйствительно, я не опустилъ бы случая побывать въ Чехіи, не спасаться въ ней отъ гоненій, а взглянуть на васъ, узнать вашу вѣру. Но я не хочу давать поводъ врагамъ моимъ хвалиться побѣдой своей надъ Евангеліемъ, называть меня измѣнникомъ, покинувшимъ родныя знамена, хотя нынѣ, благодатію Божіею, имя ваше въ почетѣ у благороднѣйшихъ Нѣмецкихъ вельможъ, что даетъ мнѣ право надѣяться на скорое соединеніе Чеховъ и Нѣмцевъ въ единомысліи духа Евангельскаго, лишь бы мы до времени съ Христіянскою терпимостію снисходили ко взаимнымъ недостаткамъ. Нельзя измѣнить всего вдругъ и насильственно; мы должны черезъ добрыхъ благовѣстниковъ подготовлять постепенно соединеніе обоихъ народовъ во Христѣ единомъ. Есть между вами расколы; правда, ихъ запрещаетъ апостолъ, но вамъ не удастся уничтожить ихъ соединеніемъ съ Римомъ; напротивъ, подъ Римскимъ владычествомъ они разовьются съ ужасною силою. А развѣ ихъ нѣтъ между нами? Одни Нищенствующіе монахи распались на семь орденовъ, Минориты

(1) Ibid., f. 78—79.

на столько же, и Святѣйшій папа питаетъ раздоры, боясь выше всего единенія вѣры. Никогда Чешскія секты не могутъ сравниться съ безконечнымъ дробленіемъ Папистовъ. Другаго врачевства противъ раскола не можетъ быть, какъ чистое благовѣстіе Евангелія. Если народа нельзя удержать отъ измѣны, то, по крайней мѣрѣ, вы приложите усилія, чтобы не осуждались два вида Причастія; по крайней мѣрѣ, вы сами, не налагайте хулы на невинную кровь вашихъ Гуса и Іеронима, съ ихъ ученіемъ вѣры. Этого двойнаго предательства усильно требуетъ отъ васъ кровожадная блудница; она не приметъ, она не можетъ принять, васъ въ свое лоно спокойно, иначе, какъ подъ этѣмъ условіемъ. А кто рѣшится на предательство, того я назову предъ Богомъ и предъ людьми измѣнникомъ Христу Богу. По крайней мѣрѣ, я и наши не выдадимъ Гуса, и еслибъ вся Чехія отъ него отреклась, онъ будетъ нашимъ, но тогда кровь его будетъ на васъ. И такъ молю васъ, пребывайте въ отрицаніи діявола, въ которомъ стояли до сихъ поръ пролитіемъ крови сыновъ своихъ, не налагайте безславія на наше Евангеліе. Не бойтесь, если все между вами не бываетъ, какъ должно. Если вы Галаты, отыщется Павелъ, который воззоветъ васъ и исцѣлитъ ваши язвы; только сами не поддавайтесь тиранству. Молю Господа Іисуса Христа просвѣтить сердца ваши и направить ихъ къ полнотѣ Боговѣдѣнія. Аминь». (1)

Того же числа (15 Іюля, 1522 года) Лютеръ писалъ къ одному изъ богатыхъ помѣщиковъ Чешскихъ, Графу Себастіяну Шлику, пересылая къ нему свой отвѣтъ на возраженіе короля Англійскаго. «Вотъ уже слишкомъ три года, какъ яростные Паписты обвиняютъ меня въ соединеніи съ Чехами, ликуютъ и вопіютъ: «Еретикъ приложился къ еретикамъ». Три раза я становился предъ ними, предсталъ и на Вормскій сеймъ, хотя зналъ уже, что императоръ, къ вѣчному стыду Германіи, нарушилъ опасную грамоту. Но въ этѣ три года ни одинъ изъ Папистовъ не явился къ намъ въ Виттембергъ, хотя власть императора ручалась за ихъ безопасность. И они же смѣютъ хвалиться побѣдой и трубить повсюду о предполагаемомъ будьто бы мною бѣгствѣ. И король Англійскій разноситъ туже молву своей книгой; онъ думаетъ, эта послѣдняя тогда только одержитъ побѣду, когда Лютеръ спасется въ Чехію. Бѣдная голова! Но я, при всемъ желаніи видѣть Чеховъ

(1) Aurif., II, f. 85—86.

и на мѣстѣ изслѣдовать вѣру, столь ненавистную папѣ, доселѣ удерживался, и буду удерживаться, отъ путешествія къ нимъ, не по тому, чтобъ я боялся позора ихъ имени, какъ нечистой пѣны, которою злобные Паписты, противъ всякаго права, окалили благородное племя (ибо Чехи, по самымъ законнымъ причинамъ, покинули кровожадныхъ тирановъ, по сожженіи праведнаго Гуса и осужденіи Евхаристіи подъ обоими видами). Нѣтъ, не по тому не ѣду я въ Чехію, ибо знаю, что безславіе Чешскаго имени есть честь предъ Богомъ, а по тому, что Христосъ велѣлъ мнѣ оставаться на стражѣ и мучить чудища папскія. Онъ хочетъ, чтобы они очистились собственнымъ ядомъ и истаяли въ собственной злобѣ. Но я помышляю о другомъ бѣгствѣ въ Чехію; я хочу сочиненіями своими, съ Божіею помощію, очистить Чеховъ отъ вѣковаго безславія и заклеймить всесвѣтнымъ позоромъ имя Папистовъ. Пишу къ тебѣ, великодушный витязь; къ тебѣ прежде всего направляю стопы свои; потому что владѣнія твои пограничны съ Германіею; черезъ нихъ совершу я теченіе свое по всей вашей родинѣ. Такимъ образомъ, я не только спасусь бѣгствомъ въ Чехію, но и буду жить въ ней постоянно. Твой благодушный пріемъ благословитъ начало моего бѣгства и будетъ похвальнымъ примѣромъ для прочихъ Чешскихъ вельможъ». (1)

Пропаганда, начатая Лютеромъ, продолжалась успѣшно и во весь 1521-й годъ. Каменскій (въ Исторіи о тяжкихъ гоненіяхъ Церкви Чешской, гл. 28, стр. 79) говоритъ, что появленіемъ Лютера, перуна Божія, нѣкоторые Чашники, какъ бы пробужденные отъ сна, приложились къ его чистому ученію и охотнѣе стали посылать іереевъ своихъ на посвященіе въ Виттембергъ, нежели прежде въ Римъ. Это было прямымъ слѣдствіемъ новаго посланія Лютера къ совѣту и общинѣ города Праги о томъ, какъ должно избирать и поставлять церковнослужителей. Онъ начинаетъ съ того, что послѣ многихъ и частыхъ приглашеній писать къ нимъ объ этомъ предметѣ, любовь Христіянская побудила его

(1) Walch, XIX, p. 347.—251. Къ этому же году относится письмо Силезскаго герцога Карла къ Лютеру (29 юня), въ которомъ тотъ жалуется послѣднему, что проклятіе, наложенное папой на прадѣда его, Короля Чешскаго, Подѣбрада, за догматы Гуса, тяготѣетъ на потомствѣ его до 4-го рода, и проситъ Лютера острить по прежнему языкъ и перо противъ злоупотребленій Папистовъ. Отвѣтъ Лютера, о которомъ онъ самъ говоритъ, до насъ не дошелъ.—Seckendorf, I, p. 336. Но въ слѣдующемъ 1523 году, онъ упоминаетъ со славой о королѣ Георгѣ и Мюнстербергскихъ герцогахъ, съ явнымъ намекомъ на эту переписку.—Walch, X, §. 22, S. 1829.

склониться на общее желаніе. За тѣмъ слѣдуетъ повѣсть: «Съ тѣхъ поръ, какъ діяволъ одержалъ побѣду и Чешская держава опустѣла, вы, по изгнаніи епископовъ и священниковъ, принуждены были ежегодно обращаться къ Италіи и покупать у Папистовъ поставленіе священнослужителей. Римскіе же епископы, считая васъ еретиками, не даютъ вамъ священниковъ. Не говоря уже о трудахъ и издержкахъ, съ которыми сопряжены отдаленныя странствованія среди непріятелей и иноплеменниковъ, сколько злыхъ обычаевъ, сколько душевныхъ болѣзней, выносите вы ежегодно изъ Рима? Пословица не даромъ говоритъ, что Нѣмецкій высѣльникъ годился бы въ попы Чешскіе. Отсюда пустота и Вавилонское смѣшеніе въ благородномъ королевствѣ Чешскомъ, гдѣ всякій учитъ по своему; самозванцы принимаютъ на себя роль священниковъ: одни покупаютъ приходы, другіе сами навязываются. Лучше бы вовсе не имѣть вамъ служителей слова, и каждому отцу семейства читать дома Евангеліе своимъ домочадцамъ. И какъ единодушное вѣрованіе всѣхъ странъ и народовъ допускаетъ мірянамъ крещеніе младенцевъ, то мой совѣтъ вамъ не прибѣгать вовсе къ священникамъ, хотя бы вы во всю свою жизнь лишены были счастія вкушать Евхаристію. Іудеи въ Вавилонскомъ плѣну, не имѣя возможности итти въ свой возлюбленный Іерусалимъ, для приношенія молитвы и жертвъ, не утратили тѣмъ слова вѣры, хотя и вздыхали о градѣ Божіемъ. И у васъ семьянинъ, лишаемый Евхаристіи тиранствомъ папы, если бы сталъ воздыхать о лишеніи Таинства, конечно былъ бы оправданъ.

Вамъ не только грѣшно предъ Богомъ, но позорно и предъ людьми, искать и принимать поставленіе отъ вашего врага, который сжегъ Іоанна Гуса и Іеронима, который жаждетъ вашей погибели, который донынѣ безъ конца и безъ мѣры хулилъ васъ позорнымъ названіемъ еретиковъ, котораго преступные замыслы стоили благороднѣйшей крови сыновъ вашихъ. И кровавый тираннъ не стыдится неправды своей, не раскаевается въ невинно пролитой крови, не возвращаетъ вамъ похищеннаго имени Христіянъ. Онъ не жалѣетъ и о крови Нѣмецкой, столько лѣтъ проливаемой тщетно въ бою съ вами за неправое дѣло; до сихъ поръ желѣзное чело его ищетъ вашей погибели, дабы померкла послѣдняя искра, которая свѣтитъ во мракѣ его беззаконій.

Не боитесь ли вы нововведеній? Но отъ чего же вы не боялись ихъ, когда одни противились папѣ и дерзали на все,

ради Гусовой памяти. Борьба ваша съ папой, не была ли неслыханной новостію, которой и нынѣ еще не можетъ надивиться вселенная? Стыдитесь цѣловать руки того, кто обагрилъ свои собственныя неповинною кровію вашего Гуса, припадать къ ногамъ того, кто самихъ васъ попираетъ ногами!» (1)

Посланіе Лютера имѣло, по видимому, желанный успѣхъ. Собранные въ Прагѣ чины королевства, въ присутствіи уважаемыхъ церковнослужителей, Павла Сперата, Бенедикта Оптата, Вячеслава Лютомышльскаго, Яна Харпы и 20 магистровъ Университета, начертали основныя положенія будущаго преобразованія Церкви Гуситской. Предположено уничтожить преданіе обѣдни, возношеніе Даровъ, освященіе плодовъ и другіе обряды. Администраторомъ Пражской Церкви pod oboje выбранъ Гавлъ Цагера, священникъ у Божіей Матери Тынской. Учившись долгое время въ Виттембергѣ, Цагера лично знакомъ былъ съ Мартиномъ, о которомъ отзывался всегда съ уваженіемъ, какъ о великомъ орудіи Божіемъ; отъ него, по словамъ Каменскаго, исходило увѣщаніе Лютеру написать къ Чехамъ послѣднюю грамоту, возвысившую его въ званіе начальника Церкви Гуситской.

Но одушевленіе было только минутное; сила народнаго духа немедленно вступила въ права свои. Мстительный феодальный характеръ преобразованія Лютерова не приходился къ терпимости кроткой общины Чашниковъ. Вѣрные рукоположенію апостольскому, они, большею частію, приложились къ Римскому престолу. Виновникомъ новаго переворота былъ тотъ же, по словамъ Коменскаго, предатель Цагера. Въ 1525 году онъ писалъ отъ лица Консисторіи къ папскому легату, что Чешская земля, опираясь на крѣпкой основѣ всемірной вѣры, до сихъ поръ, какъ неподвижная высокая скала, возмогала надъ всѣми крушеніями различныхъ ересей, тяжестью которыхъ колеблются сосѣднія Нѣмецкія области, и какъ маякъ указываетъ надежную пристань всѣмъ, плавающимъ по бурному морю религіозныхъ волненій». (2) Сдѣсь, въ послѣдній разъ рѣшался вопросъ о возможности Православнаго ученія совмѣстить неприкосновенность Чеховъ съ правительственнымъ

(1) Walch, X, S. 1808—1875.

(2) O těžkých protjwenstwjch cyrkwé české, str. 80 — 82. — Лютеръ писалъ объ немъ къ Гаусману: «Gallum Bohemorum portentum novi, Deus conterat studia ejus, qui nobis sic illusit».— Aurif., II, 270, v. v.

подчиненіемъ Риму. Чашники, признавая папу первосвященникомъ, тѣмъ не менѣе ограждали цѣльность своего исповѣданія отъ Латинства. Но предначертанія ихъ не сбылись. Сѣмя раздора, заброшенное Лютеромъ въ ихъ стройную общину, отразилось въ печальныхъ послѣдствіяхъ. Окрѣпшія связи съ Римскимъ престоломъ, корыстная опека Западной Церкви противъ выродившихся Гуситовъ, сгладили мало по малу черты различія между вѣрными Чашниками и сынами Запада. Лучшая половина Церкви Гуситской переродилась, съ одной стороны, въ Лютеранъ и Кальвинистовъ, съ другой снова подпала насилію Рима. (1) Послѣдній ударъ нанесенъ ей уставомъ собора Тридентскаго, допустившаго, въ видѣ уступки, общеніе Чаши, и избраніемъ Латинскаго Архіепископа.

Такъ кончились, въ 1525 году, переговоры Лютера съ умѣренными Гуситами, сверхъ всякаго чаянія, совершеннымъ неуспѣхомъ. Но сношенія съ Чешскими и Моравскими Братьями продолжались, постепенно слабѣя, до самой смерти его. Въ 1523 году Братья прислали ему Катихизисъ свой, въ Латинскомъ и Нѣмецкомъ переводахъ, сдѣланныхъ епископомъ или сеніоромъ Лукой, по желанію Лютера, сообщенному устно посламъ ихъ. Ему преимущественно хотѣлось узнать догматъ Братьевъ о Таинствѣ Евхаристіи. Въ присланномъ Катихизисѣ, по прежнему, соблазнило его мнѣніе, что Христосъ не присутствуетъ въ таинствѣ самостоятельно и естественно и что дарамъ покланяться не слѣдуетъ. Онъ писалъ къ Николаю Гаусманну: «Пикарды держатся такого мнѣнія о Таинствѣ, что Христосъ не присутствуетъ тѣлесно подъ видомъ хлѣба (какъ говорятъ иные, что видѣли младенца и кровь), а духовно и таинственно, т. е., что видимо вкушая хлѣбъ, невидимо, хотя и дѣйствительно, принимаешь тѣло Сидящаго одесную Отца. (Отрицаніе пресуществленія). Дарамъ не кланяются они на томъ основаніи, что Христосъ, по мнѣнію ихъ, не присутствуетъ въ нихъ тѣлесно, а только невидимо». (2) По этому случаю Лютеръ и самъ написалъ къ нимъ цѣлое разсужденіе подъ заглавіемъ: «О поклоненіи Таинству тѣла и крови, къ возлюбленнымъ друзьямъ моимъ, Чешскимъ и Моравскимъ Братьямъ, слывущимъ Вальденцами». (3) Оно начинается такъ: «Я устно слышалъ отъ вашихъ

(1) Gieseler, Kirchengesch. III, I Abthl., S. 144—145.
(2) Auri f., II, i. 68.
(3) Walch, XIX, 1593—1630.

пословъ, что вы вѣрите единодушно дѣйствительному присутствію въ Таинствѣ плоти и крови, той самой, которая родилась отъ Дѣвы Маріи и висѣла на древѣ. Но въ присланномъ мнѣ Катихизисѣ этотъ вопросъ надлежащимъ образомъ не поясненъ, а потому я и не велѣлъ переводить его по Нѣмецки, боясь погрѣшить противъ смысла Латинскаго подлинника». Далѣе Лютеръ излагаетъ свое собственное мнѣніе на счетъ Евхаристіи и всѣ возможныя ереси въ ученіи объ этомъ Таинствѣ. «Должно вѣрить въ истину дѣйствительнаго присутствія тѣла и крови, остерегаясь значенія символа въ словахъ: «Сіе есть». Поклоненіе Дарамъ онъ также оправдываетъ по самой святости Божества, въ нихъ заключающагося, хотя ставитъ его несравненно ниже поклоненія внутренняго. Потомъ переходитъ къ достоинствамъ и недостаткамъ Апологіи Братьевъ. Правовѣрнымъ считаетъ онъ догматы ихъ: 1) о Пресвятой Троицѣ; 2) о воплощеніи одного Сына Божія; 3) объ Единой Христіянской Церкви и о власти ключей, т. е., власти разрѣшать отъ грѣховъ и возвѣщать Евангеліе, присвоенной каждому вѣрующему; 4) отрицаніе папы, епископовъ и человѣческихъ преданій; 5) отрицаніе чистилища, литургіи, монашества; 6) ходатайство одного Сына Божія, безъ посредствующихъ молитвъ Богоматери и Святыхъ. Недостатки находитъ: 1) въ исповѣданіи Таинства Евхаристіи (какъ сказано выше, отъ недоразумѣнія); 2) въ крещеніи младенцевъ, не по вѣрѣ и молитвѣ церковной, а по будущей вѣрѣ самихъ крещаемыхъ, когда придутъ въ возрастъ; 3) въ признаніи всѣхъ семи таинствъ, когда слово Божіе, по его мнѣнію, принимаетъ ихъ только два: Крещеніе и Трапезу Господню; 4) въ запрещеніи церковнослужителямъ возвѣщать слово Божіе по вступленіи въ бракъ, предоставленномъ, впрочемъ, на произволъ каждаго; 5) въ неправильномъ понятіи объ отношеніи вѣры къ дѣламъ. «Мнѣ кажется»,—говоритъ Лютеръ, — «по выраженіямъ Апологіи вашей, что вы все еще слишкомъ много приписываете дѣламъ; и хотя я не знаю, на сколько мнѣніе ваше подходитъ къ истинѣ, но вижу, что вы выражаетесь не совсѣмъ ясно и не даете разумѣть, что одной только вѣрѣ, безъ участія дѣлъ, принадлежитъ оправданіе, жизнь и блаженство. Вы еще соблазняетесь текстомъ ап. Павла, что любовь выше вѣры, и текстомъ Іакова, что вѣра мертва безъ дѣлъ». Онъ упрекаетъ ихъ далѣе въ пренебреженіи языковѣдѣнія, необходимаго для правильнаго толкованія Библіи. Впрочемъ, отдаетъ превосходство ихъ церковному благочинію и

Евангельской жизни, преимущественно въ сравненіи съ Нѣмцами. «Мы еще не можемъ достигнуть такого благочинія въ преподаваніи Евхаристіи подъ обоими видами, такого правильнаго упражненія въ вѣрѣ и нравственности, какое у васъ. Унасъ все еще зелено (res adhuc apud nos crudae sunt) и подвигается медленно; но молитесь за насъ!... Я хотѣлъ воздать вамъ свѣдѣтельство, что община ваша несравненно ближе къ Евангелію, нежели всѣ другія, извѣстныя мнѣ. Слыша, что вы, по милости Божей, ведете святую, благочестивую, непорочную жизнь, не предаетесь распутству, объяденію и пьянству, не хулите имени Божія проклятіями и суетной божбой, не хвалитесь всенароднымъ развратомъ, какъ мы; напротивъ, каждый питается отъ труда рукъ своихъ, гдѣ только можетъ; и нѣтъ у васъ праздныхъ чревоугодниковъ и пьяницъ, какъ между нами; и нищіе не остаются безъ помощи; зная это, я почелъ Христіянской обязанностью указать вамъ на слабую сторону вашей внутренней жизни, по вѣрѣ. Мы, живущіе посреди Содомы, Гоморры и Вавилона, не имѣетъ возможности, безъ особеннаго чуда, довести внѣшнюю Христіянскую жизнь до того совершенства и безукоризненности; за то у насъ свѣтитъ истинное, чистѣйшее ученіе Евангелія, какъ яркое свѣтило въ родѣ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ. Мы желали бы сообщить его всѣмъ, а равно отъ всѣхъ принимать наставленіе, котораго и ожидаемъ отъ васъ. Аминь»!

Въ слѣдствіе этого, въ 1524 году, тотъ же Іоаннъ Горка, явился снова посланникомъ отъ общины Братьевъ, дабы точнѣе познакомиться съ церковнымъ устройствомъ юной Протестанской Церкви. Разумѣется, онъ не могъ найти въ Германіи, чего искалъ. Не далѣе какъ въ 1523 году сдѣлано было Лютеромъ первое предположеніе объ устройствѣ однообразнаго Богослуженія. До тѣхъ поръ каждый служилъ свою собственную обѣдню, по закону Христіянской свободы, но вопреки всѣмъ законамъ Христіянскаго благочинія. Между тѣмъ Лютеръ не переставалъ отзываться довольно обидно о пристрастіи Братьевъ къ родному языку. Сознаваясь самъ въ невозможности учредить въ Германіи настоящую Церковь, или собранія Евангельскія для всенароднаго Богослуженія, по невѣжеству, грубости и невѣрію простаго народа, онъ съ завистью смотрѣлъ на строгое благочиніе церковнаго устройства, какъ выражался, Пикардовъ, и въ замѣнъ того вооружался усильно на презрѣніе ихъ къ священнымъ языкамъ древности. «Яжелалъбы», — писалъ онъ въ 1523 году, — «воспитать такихъ юношей, которые могли бы приносить

пользу и иноплеменникамъ, объясняться съ чужими народами на языкѣ, имъ понятномъ, дабы не было съ нами того же, что съ Вальденцами Чешскими, до того уловившими вѣру свою въ свой народный языкъ, что никто не можетъ быть посвященъ въ тайны ихъ исповѣданія, не зная ихъ языка. Но Духъ Святый не такъ устроилъ благовѣстіе Евангелія. Онъ не повелѣлъ всѣмъ языкамъ сходиться въ Іерусалимъ и учиться Еврейскому. Онъ ниспослалъ на апостоловъ дарованіе всѣхъ языковъ». Тѣже мысли, въ примѣненіи къ Братьямъ, повторились въ посланіи Лютера къ думнымъ совѣтникамъ и начальникамъ всѣхъ Нѣмецкихъ городовъ въ 1524 году. «Я не могу похвалить Братьевъ Вальденцевъ за презрѣніе ихъ къ языкамъ. Ибо если бы даже ученіе ихъ было совершенно истинно, и тогда бы они по необходимости подвергались частымъ ошибкамъ въ толкованіи текста, и не имѣли бы возможности защитить свою вѣру отъ заблужденій. Притомъ, исповѣданіе ихъ такъ темно, такъ сосредоточено въ самомъ себѣ (so auf eine eigene Weise gezogen), что я сомнѣваюсь въ возможности соблюсти его въ чистотѣ. Ибо очень опасно о дѣлахъ вѣры говорить инымъ языкомъ, нежели какимъ Господь самъ благоволилъ открыться намъ въ Словѣ». (1) Обидный тонъ Лютера и самъ по себѣ не могъ нравиться представителю Братьевъ, но между ними еще произошла размолвка и за догматы вѣры, и они разстались съ неудовольствіемъ. Братья на цѣлыхъ 8 лѣтъ прекратили сношенія съ Лютеромъ и вступили въ переговоры съ Карлштадтомъ и Цвингліемъ. Въ томъ же 1524 году вышло Чешское возраженіе на всѣ замѣчанія Лютера относительно догматовъ, найденныхъ имъ неправовѣрными. (2) Сдѣсь, между прочимъ, защищались мнѣнія Карлштадта и Цвинглія объ Евхаристіи. Это было время для Лютера самое тревожное; вся Германія волновалась въ ожиданіи Крестьянской войны; Сакраментисты возстали съ удвоенной силой; Цагера и большая часть Утраквистовъ отлагались отъ Лютера; Братья въ первый разъ стали въ враждебныя къ нему отношенія. Въ Генварѣ 1525 года Лютеръ пишетъ къ Гаусману: «Я отвѣчалъ Карлштадту въ двухъ книгахъ, въ которыхъ и Пикарды прочтутъ мое мнѣніе. Я не читалъ еще возраженій ихъ, потому что былъ

(1) Walch, X, S. 263—268; X, S. 538 sqq., 551.

(2) Gieseler, I, 3 Abthl., S. 440.

слишкомъ занятъ. (1) Въ этѣхъ двухъ книгахъ Лютера мы узнаемъ одно изъ знаменитѣйшихъ его сочиненій: «Противъ небесныхъ пророковъ (Wider die himmlischen Propheten)», во второй части котораго подробно опровергается заблужденіе Карлштадта на счетъ Евхаристіи.

Непріязненныя отно енія къ Гуситамъ не мѣшали Лютеру всею душею предаться изученію Гуса. Эту пору ближайшаго знакомства съ его сочиненіями я назову третьей (и послѣдней) порой его отношеній къ преобразователю Чешскому. Въ 1524 г. Оттонъ Брунсфельскій, Страсбургскій врачъ, издалъ, подъ именемъ Гуса, нѣсколько сочиненій Матѳія Парижскаго, найденныхъ имъ въ книжныхъ сокровищахъ покойнаго Гуттена, и посвятилъ ихъ Мартину. Въ предисловіи онъ говоритъ, что цѣлыхъ 800 лѣтъ не писано было ни одной книги, болѣе соотвѣтствующей нуждамъ настоящаго времени. Гуса называетъ мужемъ прославленнымъ вѣрою, святостію и ученостію паче всѣхъ старинныхъ учителей, однимъ изъ тѣхъ, конечно, которые предстоятъ престолу Божію и убѣлили ризы свои въ крови Агнца. Лютеръ съ благодарностію принялъ подарокъ и писалъ къ Оттону, 17 Октября 1524 года: «Радуюсь, что Іоаннъ Гусъ, истинный мученикъ Христовъ, въ наше время выходитъ на свѣтъ и достойно прославляется святость его, на зло Папистамъ. О, если бы имя мое было достойно принять посвященіе великаго мужа и стать во главѣ изданія его сочиненій! Я боюсь только собственныхъ, незаслуженныхъ, похвалъ; впрочемъ, по милости Божіей, до того привыкъ уже къ папскимъ проклятіямъ, что равнодушно смотрю въ этой жизни и на проклятія и на благословенія. Продолжай начатое; что отыщешь еще, напечатай, чтобъ слава Гуса могла возсіять полнымъ блескомъ (ut plane canoniseturs)». (2) Въ сочиненіи противъ канонизаціи епископа Мышенскаго, Бенно, 1524 года, онъ сравниваетъ настоящее время съ Констанцкимъ соборомъ, гдѣ и осуждали праведныхъ и возвышали грѣшниковъ; сожгли Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго, истинныхъ мучениковъ и святыхъ чадъ Божіихъ, а возвысили Ѳому Аквинскаго, источникъ и основаніе всѣхъ ересей, заблужденій и истребленія Евангелія. Такъ и нынѣ, папа Адріанъ

(1) Aurif., II, f. 270.

(2) Hist. et Mon. Hus. I, f. 333—336.—Aurif., II, f. 56?.

сжегъ въ Брюсселѣ Іоанна и Генриха, а Бенкона причислилъ къ лику святыхъ». (1) Во время Аугсбургскаго сейма, 1530 года, Лютеръ укрѣпляетъ малодушнаго Меланхтона воспоминаніемъ объ Гусѣ. «Безпокойства, гнетущія тебя, происходятъ не отъ важности современныхъ вопросовъ, а отъ невѣрія, ибо тѣже вопросы раздавались несравненно живѣе при Іоаннѣ Гусѣ и многихъ другихъ, чѣмъ въ настоящее время». (2) Такія же наставленія даетъ и Бренцію»: Филиппъ слишкомъ много заботится о водвореніи общаго мира и о потомствѣ, слишкомъ мало оставляя на долю промыслителя Бога. Не посрамляетъ ли Богъ человѣческихъ начинаній? Когда Паписты сожгли Іоанна Гуса въ Констанцѣ, они думали: ««Папа вознесется, какъ Богъ»», и никогда папство не было въ большемъ презрѣніи, какъ именно послѣ собора». (3) Истомленный безполезнымъ ожиданіемъ развязки, Лютеръ пишетъ изъ Кобурга къ Юсту Іонѣ. «Я желалъ бы погибнуть на этомъ соборѣ, какъ погибъ Іоаннъ Гусъ на Констанцкомъ». (4) Послѣ окончанія сейма, въ предостереженіи Нѣмцамъ (Warnung an seine lieben Deutschen), приводитъ на память Германіи унизительную роль, разыгранную ею на Констанцкомъ соборѣ. «Да благословитъ васъ Господь такимъ же успѣхомъ, какимъ онъ нѣкогда благословилъ вашихъ предковъ, когда они нарушали клятву, данную праведному мужу, Іоанну Гусу, и противъ всякаго закона и права вступили въ войну съ добрыми Чехами; когда папа лукаво отдавалъ ихъ на жертву; когда Нѣмцы искупали прихоть его своею кровію, гибелью женъ и дѣтей, потерею жизни и собственности, и боролись противъ Божественной правды. Но Богъ можетъ воздвигнуть новаго Іуду Маккавея, который низложитъ оружіе Антіоха, какъ Чехи разъ наказали уже вѣроломство наше въ кровавомъ бою». (5) Когда возникала мысль о созваніи новаго собора, Виттембергскіе Богословы, между прочимъ и Лютеръ, остерегали Курфирста Саксонскаго отъ опрометчиваго согласія на осуществленіе этой мысли по старымъ образцамъ, преимущественно гибельнымъ примѣромъ Констанцкаго. «Мы не нуждаемся»,—писалъ Лютеръ въ 1533 году,—«въ соборахъ на старый ладъ, папа еще менѣе насъ;

(1) Walch, XV, §. 5, S. 2774.
(2) Walch, XVI, S. 1092, пис. Лют. къ Меланх. 26 Іюня, 1530.
(3) Пис. Лют. къ Бренцію 30 Іюня, 1530.—Walch, XVI, 1080.
(4) 21 Іюля, 1530.—Walch, XVI, 2845.
(5) Walch, XVI, §. 17, S. 1968.

потому что на соборѣ Констанцкомъ слишкомъ достаточно постановлено было, каковъ долженъ быть порядокъ въ ученіи и жизни Папистовъ. Мы знаемъ, что за предначертаніемъ послѣдовало и исполненіе: лились рѣки крови Нѣмецкой и Чешской; многія тысячи Христіянъ истреблены огнемъ и мечемъ, и до сихъ поръ гоненіямъ не видать конца; къ чему же еще новый соборъ по старому образцу?... Можетъ быть папа ищетъ такого же осуществленія новаго въ междоусобной Нѣмецкой войнѣ, какого удалось ему прежде достигнуть въ кровавомъ бою между Нѣмцами и Чехами». (1) Въ 1537 году члены Смалькальденскаго союза, при продолжающихся переговорахъ между Павломъ III и императоромъ, приводили на память послѣднему позорное нарушеніе опасной грамоты Гуса, по проискамъ Римскаго двора. (2) Самъ Лютеръ старался открыть глаза Нѣмецкимъ князьямъ на счетъ предстоящаго собора, познакомивъ ихъ ближе съ исторіею Гуса. Съ этою цѣлію онъ позаботился о переводѣ на Нѣмецкій языкъ нѣкоторыхъ Чешскихъ писемъ Гуса (3), посланія Чешскихъ и Моравскихъ вельможъ къ собору по смерти подвижника, и описанія предсмертныхъ минутъ его, сдѣланнаго очевидцемъ, и напечаталъ въ 1537 году, съ предисловіемъ и послѣсловіемъ, написанными къ членамъ будущаго собора. «Кто читаетъ, или слушаетъ, письма этѣ»,—говоритъ Лютеръ,—«если есть въ немъ хотя искра разсудка и совѣсти, тотъ легко увидитъ, какими высокими дарами Духа Святаго украшенъ былъ Іоаннъ Гусъ, тотъ мужъ, который такъ Христіянски училъ и писалъ, такъ рыцарски боролся съ искушеніями смерти, такъ терпѣливо и смиренно все переносилъ, и наконецъ такъ мужественно подвергался позорной казни за истину, между великими и сильными земли, собранными со всей вселенной, одинъ, какъ агнецъ, посреди лютыхъ волковъ. Если онъ еретикъ, то, конечно, не было еще во всей подсолнечной ни одного Христіянина, ибо по какимъ еще плодамъ узнавать настоящаго Христіянина, какъ не по этѣмъ плодамъ вѣры Іоанна Гуса?

Величайшее зло его состояло въ томъ, что онъ училъ: «Если папа человѣкъ нечестивый, то онъ глава Церкви по сану, но не по предопредѣленію. «Ему надобно было сказать: «Нечестивый папа все же святъ и непогрѣшителенъ, и всякое слово его равносильно

(1) Ibid., §. 5 S. 2276, XIX, 1716—1717, §. 159—160.
(2) Ibid., S. 2457.
(3) Въ Hist. et Mon. Hus, по счету 112, 13, 11, 14, 62.

догмату вѣры. Вотъ чего хотѣлось добрымъ отцамъ Констанцкаго собора, которые и сами низложили трехъ папъ; но никто не осмѣлился возложить ихъ за то на костеръ. Іоаннъ Гусъ, сказавъ тоже самое, пострадалъ за истину.

Причина спора извѣстна: папа разослалъ индульгенціи по всему міру и, обѣщая немедленное водвореніе въ небесной отчизнѣ богомольцамъ, умирающимъ на дорогѣ въ Римъ, строжайше заказывалъ Ангеламъ (какъ Богъ земной) въ мигъ препровождать души ихъ въ обители неба. Противъ этой страшной хулы возопилъ въ Прагѣ Іоаннъ Гусъ, священникъ въ Виѳлеемской часовнѣ, и обличилъ проповѣдниковъ, отвергая такое полномочіе папы. Коснувшись его непогрѣшимости (а въ то время эта ересь была ужаснѣе отрицанія самаго Бога), онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, и назвалъ нечестиваго папу недостойнымъ служителемъ Церкви: Da schrieen alle Säue wider ihn, sträubeten die Bürsten auf dem Rücken, wetzeten die Rüssel und liefen zusammen, bis sie ihn verbrannten.

Все прочее приноситъ великую честь осужденному. Ибо и самые противники его воздаютъ ему блестящія свѣдѣтельства, къ сожалѣнію, слишкомъ забытыя, которыхъ одно воспоминаніе, если бы и ослѣпленнымъ глазамъ ихъ дано было видѣть, должно бы навести на нихъ краску стыда.... Если тотъ, кто въ полномъ присутствіи духа, въ ожиданіи смерти, призываетъ Іисуса, Сына Божія, за насъ пострадавшаго, и съ такимъ терпѣніемъ и вѣрою за такое святое дѣло предаетъ свое тѣло огню..... Если тотъ, говорю я, не заслуживаетъ имени великодушнаго и доблестнаго страстотерпца Христова, то кто же спасется?.. Ибо самъ Христосъ говоритъ: «Всякъ, иже исповѣсть мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ» (Матѳ. 10, 32). Что сказать еще? Римскій первосвященникъ многихъ причисляетъ къ лику святыхъ, о которыхъ не знаетъ, не принадлежатъ ли они скорѣе къ сожителямъ ада? Гуса повергаетъ въ преисподнюю, того, кому безспорно приготовлена обитель въ небѣ.

Вотъ что хотѣлъ сказать я, въ предостереженіе богословамъ будущаго собора. Ибо и Констанцкіе отцы, конечно, не думали, что возстанетъ нѣкогда человѣкъ, который обличитъ ихъ словомъ и писаніемъ, а Іоанну Гусу поклонится, какъ святому. И теперь власть ихъ не больше той, какую имѣли они за 100 лѣтъ; ибо

тотъ, кто сидѣлъ на судищѣ въ то время, сидитъ и нынѣ, и они должны уступить ему мѣсто». (1)

Въ 1532 году возобновились сношенія Лютера съ Чешскими Братьями. Но обѣ стороны сознали ясно невозможность прочнаго соединенія. Правда, Лютеръ написалъ предисловіе къ «Исповѣданію вѣры», врученному Братьями маркграфу Георгу Браниборскому, опекуну молодаго короля ихъ, Людовика, и издалъ его въ Виттембергѣ въ 1533 году. Это было слѣдствіемъ сближенія его съ Сеніорами Братства, которые передѣлали прежній переводъ своей Апологіи, вышедшій на Нѣмецкомъ языкѣ въ Цюрихѣ 1532, съ большими ограниченіями въ пользу Цвингліева ученія объ Евхаристіи. Въ предисловіи Лютеръ говоритъ, что онъ долго не въ состояніи былъ понимать ихъ ученія, слишкомъ неясно выраженнаго; но послѣ многихъ переговоровъ убѣдился, наконецъ, въ совершенномъ согласіи съ собственнымъ, а именно, что въ Таинствѣ Причащенія принимаются дѣйствительное тѣло и кровь. «Послѣ этого», — прибавляетъ Лютеръ, — «я сталъ снисходительнѣе къ нимъ, тѣмъ болѣе, что они во всѣхъ прочихъ догматахъ вѣры не отступаютъ отъ истины, и издалъ ихъ «Исповѣданіе», дабы содѣйствовать соединенію съ ними. Правда, ученіе ихъ приведено въ такую систему, которая въ ясности изложенія далеко не можетъ сравниться съ нашей Апологіей, строго разграничивающая благодать и дѣла и каждому разряду приписывающая отдѣльный кругъ дѣйствованія. При всемъ томъ, прошу всѣхъ, кто прочтетъ Апологію Братьевъ, молиться объ единомысліи духа и вѣры, а кто останется ею недоволенъ — вмѣнить имъ смиреніе въ заслугу, не сокрушать надломленной трости, и не гасить тлѣющаго свѣтильника. Ибо и всѣмъ намъ далеко еще до совершенства». (2) Но и эта снисходительность Лютера все же отзывалась оскорбительнымъ притязаніемъ на первенство, которое мѣшало соединенію съ Братьями, столь же упорно стоявшими на своемъ. Въ 1531 и 1536, два года сряду, пріѣзжали къ Лютеру посланники Братьевъ. Подробности мало извѣстны. Въ послѣдній разъ въ 1542 году они отправили въ Виттембергъ Сеніора Іоанна Августу, который и прежде находил-

---

(1) Walch, XVI, S. 2535 —2566.— Hist. et Mon. Hus. I, предисловіе Лютера. — См. еще свидѣтельства объ Гусѣ: Walch, XVI, S. 2568, 2774; Walch, XVII, S. 1281; Walch, XXII, S. 1381.

(2) Walch, XVI, S. 306. — Gieseler, 441—442.

ся въ личныхъ сношеніяхъ съ Лютеромъ. Послѣдній откровенно признался Августѣ, какъ ему жаль, что онъ сначала своей реформы всѣхъ безъ различія допускалъ къ Евхаристіи, и не завелъ у себя того же порядка, какой существуетъ въ церковномъ устройствѣ Чешскихъ Братьевъ. Спутники Сеніора: священникъ Георгій Израиль и Іоакимъ Простиборъ изъ дворянъ, жаловались Лютеру, что большая часть Братьевъ переходятъ къ его исповѣданію на томъ основаніи, что въ немъ можно найти тоже чистое ученіе Евангелія, не подчиняясь строгому благочинію и порядку церковному, и что община ихъ терпитъ отъ того великій уронъ. «Между тѣмъ»,—говорили они,—«конечно и ты не оправдываешь отсутствія церковнаго благочинія, напротивъ, очень часто отзывался похвально о нашемъ чиноначаліи». Въ заключеніе предлагали вопросъ: «Можетъ ли быть терпимо такое злоупотребленіе Евангелія»? Лютеръ отвѣчалъ имъ въ полномъ собраніи богослововъ: «Папство не можетъ сокрушиться иначе, какъ сверженіемъ ига суевѣрій и насилія совѣсти; но такъ какъ міръ бросается слѣпо въ противную крайность, то и онъ видитъ необходимость противодѣйствовать злу возстановленіемъ церковнаго благоустройства. Задача трудная, къ которой намѣренъ онъ приступить при первомъ удобномъ случаѣ, теперь же папа все путаетъ снова предположеніемъ о будущемъ соборѣ». Братья возразили, что они ничего добраго не ожидаютъ отъ такаго положенія дѣлъ, какое существуетъ у Нѣмцевъ, пока въ Университетахъ и школахъ тако много будутъ обращать вниманія на науку и такъ мало на совѣсть. Предъ отъѣздомъ ихъ изъ Виттемберга, гдѣ пробыли они двѣ недѣли, Лютеръ еще разъ принялъ ихъ ласково и, въ знакъ единенія, протянувъ имъ руку, сказалъ: «Будьте вы апостолами Чеховъ; я же, съ своими, буду апостоломъ Нѣмцевъ. Совершайте тамъ дѣло Христово, сколько позволятъ вамъ силы! Мы будемъ продолжать его сдѣсь, по возможности». Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 3 Окт. 1542 года, онъ писалъ къ тому же Августѣ: «Увѣщаваю тебя во Христѣ пребывать съ нами до конца въ единеніи духа и вѣры и бороться словомъ и молитвою противъ вратъ адовыхъ». (1)

Къ какимъ же послѣдствіямъ привело сближеніе Лютера съ послѣдователями Гуса: Каликстинцами и Чешскими Братьями?

(1) Кöррен.

Первоначально, оно основано было на обоюдномъ сочувствіи, условленномъ общностью отношеній къ Риму; потомъ обратилось во взаимную недовѣрчивость, при соблюденіи внѣшнихъ формъ согласія и мира; по смерти Лютера выродилось въ безконечное препираніе съ разными Протестантскими сектами на всѣхъ точкахъ столкновенія ихъ съ Братьями. Въ частныхъ бесѣдахъ, особенно подъ конецъ жизни, Лютеръ отзывался съ особеннымъ недоброжелательствомъ о Гуситахъ всѣхъ исповѣданій. На вопросъ одного изъ близкихъ своихъ, можно ли безъ грѣха принимать причащеніе въ Чехіи отъ Гуситовъ, или Пикардовъ? онъ отвѣчалъ отрицательно, «потому что Гуситы приложились къ папѣ и уже не слѣдуютъ Гусу, а Пикарды совершаютъ Евхаристію не всенародно въ церкви, а по домамъ, въ тайныхъ сходбищахъ». (1) Въ другомъ мѣстѣ, совершенно на оборотъ, Лютеръ спорилъ съ природнымъ Чехомъ объ обязанности повиновенія папѣ, и защищаетъ законъ послушанія, вопреки Чешскимъ Вальденцамъ, которые, по мнѣнію его, не дѣлаютъ различія между началомъ и злоупотребленіемъ. (2) Причина взаимнаго недоброжелательства таилась въ глубокомъ различіи во внутреннемъ характерѣ обѣихъ Церквей. Высокая терпимость Гуситовъ не могла дружиться съ мелочнымъ фанатизмомъ брезгливыхъ сектаторовъ; сочувствіе къ церковнымъ преданіямъ Апостольской и Греческой Церкви постоянно отвращало ихъ отъ союза съ новымъ Протестантизмомъ, отрѣшавшимся болѣе и болѣе отъ всякаго историческаго авторитета; наконецъ, практическій характеръ ихъ Христіянскаго ученія, естественно, противорѣчилъ безплодности Нѣмецкой Богословской науки, не воплощавшей теоріи въ жизни. Ученіе Лютера должно было разрушительно дѣйствовать на Гуситскую Церковь, основанную на совершенно другихъ началахъ Христіянской вѣры и церковнаго благоустройства; онѣ вмѣстѣ существовать не могли; одно по необходимости уничтожало другое. Это оказалось въ послѣдствіи, когда, при усиленномъ воздѣйствіи на гонимыхъ Гуситовъ, съ одной стороны распространяющагося Протестантизма, съ другой сосредоточеннаго въ силахъ своихъ Католицизма, они мало по малу лишились самостоятельности, сливаясь насильственно съ тѣмъ и другимъ.

(1) Walch, XXII, S. 924—926.

(2) Ibid. S. 931.

Три черты различія, указанныя мною, рѣзко выдаются на всемъ историческомъ пути столкновенія ихъ съ главными дѣятелями Нѣмецкаго преобразованія. Мы помнимъ, съ какимъ восторгомъ отзывались они объ Лютерѣ, когда онъ на Лейпцигскомъ состязаніи съ честію отстаивалъ апостольскую чистоту Греческой Церкви, и какъ внезапно отъ него отложились, когда реформація его проложила себѣ новый путь всеобщаго отрицанія, существующаго на развалинахъ церковнаго авторитета. Гоненія и насилія, начавшіяся со времени Лютеровой пропаганды, на которую жаловались представители Чеховъ при послѣднемъ свиданіи съ реформаторомъ, ознаменовали невольное соединеніе Братьевъ съ враждебными Протестантскими сектами, особенно въ Польшѣ, послѣднемъ убѣжищѣ гонимыхъ Гуситовъ. Превосходное изображеніе этой борьбы, болѣе народной, чѣмъ вѣроисповѣдной, можно прочесть въ «Исторіи Гельветическихъ исповѣданій въ Польшѣ, соч. Іос. Лукашевича», и въ «Исторіи Польской Реформаціи, графа Вал. Красинскаго». Наконецъ, внутреннее различіе живаго ученія вѣры Гуситовъ и сухаго логическаго остова Богословскаго построенія Лютера, сознано было всѣми главными представителями Нѣмецкой Реформаціи. (1) Оно было неизсякаемымъ источникомъ страданій для себялюбивой личности Лютера, которая и сама извѣрилась въ пользу и истину своихъ начинаній, но не могла отказаться отъ любимаго ученія объ оправданіи вѣрою безъ участія дѣлъ. Оно слишкомъ ясно было указано Лютеру и другимъ сотрудникамъ его пріѣзжавшими въ Германію Чехами. Но Лютеръ упорно стоялъ на голословномъ признаніи, что ученіе вѣры, имъ проповѣданное, есть самое чистое, хотя самъ сознавался, что этотъ Евангельскій свѣтъ горитъ одиноко въ густомъ мракѣ всеобщаго невѣрія и развращенія народа. Съ неподражаемымъ простодушіемъ выразилось это противорѣчіе въ свѣдѣтельствѣ, которое влагаетъ въ уста его Ласицкій, благородный Полякъ, одинъ ихъ сочинителей «Исторіи Братьевъ». Со

---

(1) Посолъ Чешскихъ Братьевъ, Сеніоръ Матѳій Эритрей, посланный въ 1511 году къ Страсбургскимъ богословамъ, сообщилъ имъ подробности церковнаго устройства Братьевъ. Буцеръ не могъ удержаться отъ слезъ, и сказалъ, обращаясь къ товарищамъ: «Это не земное, а небесное чиноначаліе».—Lasitii, De Ecclesiastica disciplina, moribus et institutis Fratrum Bohemorum. Amstel. 1660, l. 8, S. 158.

временъ апостоловъ не возстало людей, которыхъ Церковь такъ близко подошла бы къ апостольской чистотѣ и устройству, какъ Чешскіе и Моравскіе Братья. И если они не превосходятъ насъ въ чистотѣ ученія, за то далеко превзошли насъ въ стройномъ чиноначаліи Церкви и въ благословенномъ управленіи своими общинами. Сдѣсь мы признаемъ за ними первенство во славу Божію и во имя истины. Ибо нашъ Нѣмецкій народъ еще не хочетъ подчиниться игу благочинія». ([1]) Въ Застольныхъ Рѣчахъ Лютеръ часто хвалилъ Вальденцевъ «за цѣломудренную, непорочную жизнь, за борьбу съ злыми похотями, за внѣшній порядокъ и благочиніе». Но къ похвалѣ присоединилъ порицаніе: «Они только что мучатъ себя исполненіемъ закона, и хотя презираютъ вымышленныя дѣла благочестія Папистовъ, но все же они святодѣйцы и никогда не имѣютъ спокойной совѣсти. Они не разумѣютъ ученія объ оправданіи, приписываютъ спасеніе не одной Благодати, а совокупности вѣры и дѣлъ. Они заблуждаются: 1) въ томъ, что ставятъ оправданіе въ зависимость отъ вѣры, преображаемой дѣлами любви. (fides formata); о правдѣ же, усвояемой вѣрою, не имѣютъ понятія; 2) не разумѣютъ силы слова Божія, что Богъ посылаетъ намъ Благодать и воззываетъ насъ спасительнымъ словомъ, прежде нежели мы начинаемъ вѣровать и дѣлать добро». ([2]) Это было послѣднее слово Лютера относительно Братьевъ. Между тѣмъ уважаемые писатели Запада прямо свѣдѣтельствовали, что одно только самолюбіе и ложный стыдъ мѣшали ему сознаться въ противномъ, при всемъ искреннемъ желаніи снять образецъ съ церковнаго устройства Братьевъ для управленія собственной Церкви. ([3])

При такихъ отношеніяхъ къ Гуситской Церкви любопытно узнать, какое значеніе приписывалъ Лютеръ ея основателю въ ряду предшественниковъ своего преобразованія, и въ чемъ именно подчинился вліянію его? Мы уже видѣли мнѣніе Ульманна, который ставитъ Гуса на ряду съ другими практическими поборниками Христіанской идеи (относительно вліянія на Лютера), но не приписываетъ ему никакого прямаго вліянія на развитіе его

---

(1) Ibid.

(2) Walch, XXII, §. 65—67, S. 1578—1581.

(3) Salig въ «Исторіи Аугсбургскаго исповѣданія».

догматическихъ убѣжденій. Укажу вкратцѣ на тѣхъ богословско-литтературныхъ дѣятелей, которые въ разныя времена имѣли на Лютера болѣе или менѣе значительное вліяніе. Прежде отдѣленія отъ Рима, его главнымъ наставникомъ, главнымъ пособіемъ при изученіи Августина, является Герсонъ. Уваженіе къ этому мужу, котораго имя стало стягомъ особенной Богословской системы, наравнѣ съ великими схоластиками средняго вѣка, отразилось и въ большомъ Катихизисѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Бернардомъ и Гусомъ, составляетъ тріумвиратъ самыхъ уважаемыхъ, по мнѣнію Лютера, церковныхъ учителей. (1) Онъ ставилъ его несравненно выше не только схоластиковъ: Скота, Ѳомы, Рихарда, Оккама и прочихъ, но и самыхъ отцевъ (2) «Онъ былъ лучшій во мракѣ Папистовъ (такъ опредѣляетъ достоинство его реформаторъ); онъ первый началъ вооружаться на папу, хотя самъ еще ясно не сознавалъ вопроса, но дошелъ до того, что ослушаніе папѣ не считалъ смертнымъ грѣхомъ, съ оговоркой, если оно совершается не изъ презрѣнія». (3) Изученію Герсона Лютеръ, по видимому, посвятилъ преимущественно переходную пору отдѣленія отъ Церкви; въ состязательныхъ сочиненіяхъ 1517 и 1518 годовъ встрѣчаются весьма частыя указанія на Герсона, (4) чѣмъ и навлекъ на себя отъ противниковъ названіе Герсониста. Кромѣ Герсона Лютеръ временно восхищался проповѣдями Нѣмецкаго мистика, Таулера, хотя особеннаго вліянія ихъ на практическій смыслъ предполагать невозможно (5) Какъ бы то ни было, но уже Ульманнъ замѣтилъ, что его усиленныя занятія Таулеромъ относятся ко времени, когда онъ и не думалъ еще о сопротивленіи Церкви, преимущественно къ 1516 году. Къ той же переходной эпохѣ его богословской дѣятельности относится знакомство съ Лаврентіемъ Валлой, Вильгельмомъ Оккамомъ Парижскимъ, Іяковомъ Фабромъ Этапльскимъ, Пико де Мирандола, Везелемъ, Рейхлиномъ, Эразмомъ. (6) Съ 1519 года начинается изученіе Гуса. Ульманнъ предполагаетъ особенное влія-

---

(1) Walch, X, §. 281, S. 160.—Walch, XXII, S. 864.
(2) Walch, XXII, c. 58, §. 9, S. 2071.
(3) Ibid. c. 27, §. 40, S. 1337.
(4) Walch, XVIII, Resolut. 329, 333, 341 u. s. w.
(5) Jurg. III, 248—261.
(6) Walch, XVIII, 401—492.—Walch, XV, S. 1602—1606.—Aurif., I, f. 27, 32, 34.

ніе на Лютера его чисто Нѣмецкихъ предшественниковъ, но не приводитъ на то никакихъ доказательствъ. Не должно опускать безъ вниманія, что коренное начало догматики Лютера о безусловномъ оправданіи вѣрою прямо противорѣчитъ религіозному воззрѣнію собственно Нѣмецкихъ предъуготовителей Реформаціи; она привилась преимущественно на почвѣ Романской, развита Герсономъ и Виклефомъ. Да и въ послѣдствіи крайнее выраженіе ея въ Кальвиновомъ ученіи отозвалось не въ Германіи, а въ Гугенотахъ Французскихъ. Нѣмецкая философія постоянно до Лютера чуждалась этой односторонности и ставила совершенство Христіянкой жизни въ дѣятельномъ исполненіи заповѣдей. Не говорю уже о Гуманистахъ, ближайшихъ предшественникахъ и современникахъ Лютера (каковы: Цельтесъ, Эразмъ и другіе), которые съ самаго начала стали въ прямое противодѣйствіе къ этому ученію; но и собственно посвятившіе себя религіозному вопросу, литтературные дѣятели, начиная съ старѣйшихъ, нисколько не сочувствовали такому отвлеченному пониманію вѣры. Оно было собственно наслѣдіемъ Лютера, его наличнымъ капиталомъ, подготовленнымъ всею совокупностію религіозныхъ впечатлѣній, на него дѣйствовавшихъ, укрѣпленныхъ извнѣ изученіемъ Августина и Герсона. Сущность ученія Гоха и Ступица есть вѣра, осуществленная дѣлами любви. Весьма знаменательно изреченіе Гоха, приводимое Ульманномъ: «Пусть другіе хвалятся познаніемъ слова; наше высшее любомудріе есть познаніе дѣла (scientia fiendorum); не учители закона, а совершители будутъ оправданы. Иное желать добра, иное дѣлать добро. Внутреннимъ стремленіемъ вѣры желаемъ и избираемъ благое; наружнымъ исполненіемъ совершаемъ доброе». (1) Тоже правильное отношеніе вѣры къ дѣламъ повторяется однообразно и въ ученіи Нѣмецкихъ мистиковъ, Братьевъ общаго житія у Вейзеля, Гейлера, Кейзерсберга, Феликса, Геммерлина. Одинъ только Вессель ближе подходитъ къ воззрѣнію Лютера, (2) но именно съ Весселемъ онъ познакомился позже всѣхъ, когда ученіе его о Благодати уже развилось до послѣднихъ крайностей. Перейдемъ теперь къ собственнымъ свидѣтельствамъ Лютера объ его отношеніяхъ ко всѣмъ мужамъ сопротивленія,

(1) Ullmann, Reform. I, 36, 104.
(2) Ibid. II, 508—531.

предшествовавшимъ его появленію. О Гохѣ онъ не упоминаетъ ни разу, и нѣтъ никакихъ доказательствъ знакомства его съ сочиненіями Гоха, изданными въ первый разъ въ 1521 году. (1) О Везелѣ упоминаетъ четыре раза: 1) въ 1418 году въ объясненіи положеній, гдѣ касается его отреченія на инквизиціонномъ процессѣ; 2) въ 1520 мимоходомъ въ отвѣтѣ на положенія Лейденскихъ и Кельнскихъ богослововъ; 3) въ письмѣ къ Спалатину отъ 23 Марта 1521 года, гдѣ толкуетъ истинный смыслъ одного изъ парадоксовъ его о значеніи словъ: «Да пріидетъ царствіе Твое»,—въ Молитвѣ Господней; 4) въ 1539, въ сочиненіи о Соборахъ и Церкви: «Магистръ Іоаннъ Везалія (бывшій проповѣдникъ въ Майнцѣ, управлявшій Эрфуртскимъ Университетомъ, чрезъ свои книги, изъ которыхъ и я приготовился къ сану Магистра) потому только былъ осужденъ инквизиторами Доминиканцами, что онъ не хотѣлъ сказать: «Credo Deum esse», а говорилъ: «Scio Deum esse». (2) Но Юргенсъ справедливо замѣтилъ, что книги Везеля, сохранившіяся въ высокой школѣ Эрфурта, были, конечно, не антиіерархическія, истребленныя инквизиціоннымъ судомъ, а книги ексегетическія въ духѣ Западной Церкви. И дѣйствительно, Фалькенштейнъ говоритъ въ исторіи Эрфурта, что толкованія Везеля на сентенціи Петра Ломбарда получили въ послѣдствіи особенную значительность въ тамошнемъ Университетѣ. (3) Но положимъ даже, что Лютеръ, приступая къ спору съ Тецелемъ, руководствовался разсужденіемъ Везеля противъ прощъ, какъ думаетъ Ульманнъ, приводящій сходныя положенія у того и другаго; все же несравненно болѣе разительнаго сходства между сочиненіемъ Везеля и академическимъ прѣніемъ Гуса, подъ тѣмъ же заглавіемъ; а притомъ, если примемъ въ соображеніе обширныя сношенія Эрфуртскаго проповѣдника съ Чешскими и Моравскими Братьями, съ которыми онъ переписывался не только частными письмами, но и пересылался сочиненіями о разныхъ Богословскихъ предметахъ, и чуть ли не былъ однимъ изъ епископовъ общины Братьевъ, какъ прямо обвинили его на Вормскомъ судѣ, то ближайшее знакомство его съ сочиненіями Гуса перестаетъ быть загадкой. Отъ Весселя Лютеръ ничего не заимствовалъ, какъ самъ говоритъ

(1) Ibid. I, 149—162.

(2) Walch, XVIII, 401;—XV §. 14, S. 1105;—Aurif., II, 205, v. 1.—Walch, XVI, §. 192, S. 2745.

(3) Ullmann, I, 258.

въ предисловіи къ нѣкоторымъ отрывкамъ его сочиненій, вышедшихъ въ Баклѣ въ 1522 году. «Выходитъ на свѣтъ Вессель или Василій, Нидерландецъ изъ Грёнингена, мужъ дивнаго разума, рѣдкаго высокаго духа, богодухновенный по истинѣ, какъ и я, получившій ученіе свое не отъ человѣкъ; и еслибы я прежде читалъ его, противники могли бы обвинить Лютера, что онъ почерпнулъ все изъ Весселя, до такой степени сходится духъ нашъ въ единомысліи». (1) Вліяніе Ступица было случайное; его наставленіями впервые возсіялъ свѣтъ Евангельскій въ стѣсненномъ подзаконными узами сердцѣ Мартина; онъ памятенъ въ жизнеописаніи Лютера посредствующей примиряющей ролью, между страданіями безпомощнаго инока и уклоненіями строптиваго преобразователя. Остается одна только книга, имѣвшая безспорно значительное вліяніе на общій ходъ развитія религіознаго самосознанія Лютера. «Нѣмецкое Богословіе (die Deutsche Theologie)», неизвѣстнаго сочинителя, составляло любимое чтеніе Лютера. Задолго до разрыва съ Западной Церковію, въ предисловіи къ изданію ея, сдѣланному имъ еще въ 1516 году, онъ называетъ ее благородною книгою, бѣдною изложеніемъ и человѣческой мудростію, но за то несравненно драгоцѣннѣйшею глубиною Божественнаго разумѣнія, и прибавляетъ: «Ни одна книга, послѣ Библіи и Августина, не открыла мнѣ такъ превосходно отношеній Бога и Христа къ человѣку». (2) Изъ этихъ словъ ясно, съ какой стороны она возъимѣла вліяніе на юнаго богослова, какъ книга мистическая, какъ живое противодѣйствіе безплодной схоластикѣ. А потому историческое значеніе ея во вліяніи на Лютера ограничивается также переходной порой; послѣ 1519 года, онъ, по видимому, уже болѣе не занимается мистикою, и даже получаетъ къ ней отвращеніе болѣе и болѣе, привязываясь къ буквальному смыслу Писанія. Когда Лютеръ выступилъ на поприще литературное противникомъ Рима, она уже совершила свое дѣйствіе; для борьбы съ величавымъ колоссомъ, ему нужна была болѣе твердая опора въ знакомствѣ съ другими, несравненно важнѣйшими, матеріялами всеобъемлющей, догматической оппозиціи Риму, и тутъ-то начинается изученіе Гуса.

Ульманнъ предлагаетъ вопросъ: «Сказалъ ли Лютеръ, относительно вліянія на собственное его религіозное и богословское развитіе, объ извѣстнѣйшихъ чужеземцахъ (а слѣдоват., и объ Гусѣ)

(1) Aurif., II, f. 89;—Walch, XIV, S. 220.
(2) Walch, XIV, 200.—Ullmann, II, 253—256.- Jurg, III, 261—270.

что-либо, подобное тому, что сказалъ онъ о менѣе извѣстныхъ верхне и нижне-Нѣмецкихъ его соотечественникахъ?» Конечно, если обратить вниманіе на одностороннее развитіе догмата объ отношеніи Божества къ человѣчеству—отвѣтъ отрицательный; хотя и сдѣсь побочныя занятія Нѣмецкимъ Богословіемъ и Таулеромъ, внушенія Ступица и другихъ подобныхъ, только пришли на помощь его собственному, въ то время уже развившемуся, сознанію необходимости Благодати, слѣдовательно, ничего не приложили самостоятельнаго къ совокупности его религіознаго развитія. Но въ общей массѣ его преобразовательской дѣятельности, имѣвшей цѣлію низложеніе Римскаго владычества и Латинской іерархіи, возстановленіе всей чистоты Апостольскаго ученія, Гусъ играетъ несравненно важнѣйшую, первенствующую и, можно сказать, единственную роль. Сдѣсь Лютеръ сказалъ объ немъ то, чего не могъ сказать ни о комъ другомъ безъ оскорбленія истины. Онъ назвалъ его прямымъ предшественникомъ, непосредственнымъ виновникомъ своей реформаціи; онъ праздновалъ торжественное воскресеніе отъ мертвыхъ втораго Авеля; онъ славу его называлъ всемірною, обличенія папѣ грозными перунами, отъ которыхъ и въ самомъ Римѣ становится жутко первосвященнику. Съ какою-то дикою радостію выставляетъ онъ имя его въ укоризну Западной Церкви, а, самъ съ простодушіемъ младенца, кланялся великой тѣни его, безъ стыда и укора называя себя Гуситомъ. Приведу нѣсколько самыхъ важныхъ свѣдѣтельствъ изъ разныхъ эпохъ его жизни въ подтвержденіе сказанному. «Іоаннъ Гусъ сто лѣтъ и болѣе слылъ самымъ страшнымъ еретикомъ, отъ того, что коснулся тройной тіары. Богохуленіе и другіе пороки не навлеки бы на него наказанія, какого стоило ему нападеніе на трехвѣнчанную главу папы. Но все таки осталась его пѣсенька; во все это время не переставали роптать на неправедное его осужденіе. Мало того, въ самыхъ Университетахъ должны были сознаться, что правда на сторонѣ его; и враги его говорятъ, что онъ не былъ уличенъ, а что поступлено съ нимъ беззаконно. Какая же польза теперь отъ сожженія его? Онъ стоитъ увѣнчанный честію; Богъ приходитъ и говоритъ: ««Гдѣ Іоаннъ Гусъ?»» И онъ утаиться не можетъ. На зло врагамъ своимъ зовется святымъ, а они—убійцами праведника». (1) «Папа съ своими осудилъ и сжегъ Іоанна Гуса и многихъ другихъ; но Богъ

(1) Ibid., §. 67, S. 1634;—§. 81, S. 1641, 94-й пс., §. 31, S. 61.

не забылъ ихъ, и самъ папа принужденъ проповѣдывать память ихъ въ буллѣ своей на Великій Четверкъ. Не смотря ни на какія проклятія, вопли, свирѣпство, неистовство и грамоты за папскою печатію, Гусъ постоянно стоялъ впереди и во славѣ. Ни епископы, ни Университеты, ни короли, ни князья, не возмогли противъ него, чего никогда еще не бывало ни съ однимъ еретикомъ. Единый, праведный, убіенный Авель, казнитъ живаго Каина, папу, со всѣми клевретами его, какъ еретиковъ, отступниковъ, убійцъ, Богохулителей, смѣясь надъ ихъ безсильною злобою (1) Могли ли надѣяться когда нибудь Авель и Гусъ при жизни исполнить вселенную славою своего имени? Нынѣ по смерти имя ихъ произносится съ благоговѣніемъ на всѣхъ мѣстахъ, на всѣхъ каѳедрахъ проповѣдниковъ; оно не сходитъ у насъ съ языка; оно читается во всѣхъ книгахъ, живетъ повсемѣстно. Вотъ неоцѣннѣнное преимущество: вся тварь должна знать, что Авель и Іоаннъ Гусъ были люди благочестивые; звѣзды должны поклоняться имъ; убійцы ихъ пасть къ ихъ ногамъ, и все же тщетно молить о помилованіи. (2) Богъ черезъ 100 лѣтъ слишкомъ воздвигъ отъ мертвыхъ ученіе Гуса и сотворилъ ему истинную пятидесятницу. Кровь его непрестанно вопіетъ къ небу, пока не сотрется въ конецъ могущество папы. (3) Человѣкъ вѣрующій, если и погибнетъ насильственною смертію, если и преданъ будетъ сожженію, и прахъ его развѣется вѣтромъ, какъ прахъ Іоанна Гуса, непремѣнно воскреснетъ и получитъ вѣчную жизнь. Ему суждено быть владыкой вселенной; но на это потребны очеса вѣры, потому что сдѣсь на землѣ онъ страдаетъ; за то, какъ Авель и Гусъ воцарится въ земли живыхъ. (4) Такъ Іоаннъ Гусъ осужденъ былъ задолго до нашего времени на позорную смерть, и Написты мечтали, что имя его истребится въ конецъ; а теперь, на зло имъ, оно оглашаетъ вселенную, не только Римъ, но и міръ весь сталъ ему тѣсенъ (Rom selbst und schien die ganze Welt ist ihm zu enge geworden, und ist dennoch kein Aufhören da)». (5)

(1) Walch., V, объясн. 112 пс., §. 61, S. 1650; Объясн. 37 пс., §. 50, S. 25.

(2) Walch, V, Объясн. 112 пс., §. 62, S. 1651.

(3) Walch, V, объясн. 4-й гл. Еккле. §. 10, S. 2148; Объясн. 118 пс., §. 107, S. 1786.

(4) Walch, VII, Объясн. 3 гл. Іоанна, §. 1, S. 1872; S. 1313; —8 гл. Іоанна, §. 161, S. 2487.

(5) Walch, VII, Объясн. 16 гл. Матѳ., §. 106, S. 468; §. 79, S. 773; —VIII, Объясн. 15 гл. I Кор. §. 26, S. 1435; —X, О гоненіи за Евангеліе, §. 2, S. 2262; —XXII, гл. 75, §. 2, S. 2242.

Вотъ великое значеніе Гуса въ ряду предшественниковъ и предуготовителей Реформаціи. Лютеръ прямо называетъ его «главнымъ виновникомъ оной, первымъ сокрушителемъ папства, возстановителемъ чистаго ученія Евангелія. «Папство низложено кровію Іоанна Гуса...... сожигая его на соборѣ, Папистьі торжествовали, въ увѣренности, что теперь-то утвердилось величіе папы; но онъ никогда не былъ въ большемъ презрѣніи, какъ именно съ этой поры...... Гусъ больше зналъ, нежели міръ весь; но осужденъ безвинно. Съ тѣхъ поръ папство стало клониться къ упадку. Констанцъ, нынѣ бѣдный, ничтожный городокъ. Богъ наказалъ его за то, что граждане его въ оружіи и разныхъ доспѣхахъ провожали святаго Гуса къ костру........ Какъ въ видимой природѣ изъ сѣмени рождается дерево, такъ бываетъ и съ Евангеліемъ. Іоаннъ Гусъ былъ зерномъ или сѣмянемъ; онъ долженъ истлѣть, погребенный въ землѣ; но отъ него зараждаются могучія отрасли. Гусъ вырубилъ и искоренилъ изъ винограда Христова нѣсколько терній, волчцовъ и пней; онъ обличилъ злоупотребленія и соблазны Папистовъ; а я, Д. М. Лютеръ, вступилъ на ровное, чистое, воздѣланное поле и окончательно низринулъ папство. Слово Гуса, имъ проповѣданное, проломило преграды и просвѣщаетъ міръ весь ... Великимъ чудомъ было сохраненіе въ папствѣ многихъ существенныхъ частей ученія Христова: Символа вѣры, Молитвы Господней, Крещенія, Евхаристіи. Особенная сила Божія проявилась въ мужахъ, прилѣплявшихся къ этому ученію. Къ тому же, Богъ, отъ времени возставлялъ Богобоязненныхъ ученыхъ мужей, открывалъ имъ слово свое, давалъ имъ и силы къ открытому обличенію ложныхъ наростовъ и злоупотребленій, вкравшихся въ Церковь, Таковы: Іоаннъ Гусъ и другіе. Гусъ первый провозгласилъ папу Антихристомъ; ему безъ раздѣла принадлежитъ эта честь. Папа въ то время былъ въ такой чести и славѣ, что, при одномъ мановеніи его, короли и владыки преклоняли колѣна. Но по смерти Гуса, его постигло такое возмездіе, какого лучше не могло бы пожелать и сердце самаго Гуса. Онъ согласился бы сто разъ пожертвовать жизнію, если бы могъ предвидѣть при жизни такой плачевный исходъ могущества папы. Ибо папство съ тѣхъ поръ стало тотчасъ клониться къ паденію и оплоты его сокрушаться одинъ за другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ниже и презрѣннѣе папства въ настоящее время въ

глазахъ Христіянъ? И чѣмъ больше, тѣмъ пуще, пока оно вовсе не исчезнетъ». (1) Послѣ такихъ ясныхъ свѣдѣтельствъ самаго Лютера, провозглашающаго Гуса отцемъ своей реформаціи, нужно ли еще, вмѣстѣ съ Ульманомъ, отыскивать въ сочиненіяхъ Гоха, или кого бы то ни было изъ второстепенныхъ дѣятелей, начало противоборственнаго преданія, ведущаго преемственно до самаго Лютера?

Перехожу къ частностямъ. Лютеръ, какъ извѣстно, изучалъ не всѣ сочиненія Гуса. Ему были доступны немногія, тѣ самыя, на основаніи которыхъ Констанцкіе отцы изрекли приговоръ. А потому, сужденія его о заслугахъ и ученіи Гуса во многомъ неполны, отрывочны и несправедливы, но въ общей массѣ приблизительно вѣрны. «Гусъ»,—говоритъ онъ,—«нападалъ преимущественно только на жизнь Папистовъ; онъ не совершенно постигъ еще значеніе папства, а казнилъ только нѣсколько частныхъ злоупотребленій и судилъ лице папы, по жизни его. Мы преимущественно вооружаемся на ученіе папы, отъ жизни его не переносимъ заключенія на лице, а ученія ради провозглашаемъ его Антихристомъ. (2) Гусъ ни на волосъ не отступилъ отъ ученія папскаго (er ist vom Pabstthum nicht eines Fingers breit gewichen), а только обличалъ порочную жизнь Папистовъ. Онъ не погрѣшилъ противъ папства, какъ и Христосъ не сдѣлалъ никакого зла Фарисеямъ, и все же безвинно казненъ. Онъ не отрицалъ ходатайства Святыхъ, не отвергалъ приношенія безкровной жертвы, принималъ 12 совѣтовъ Евангельскихъ». (3) Заблужденіе Лютера понятно въ устахъ человѣка, который не могъ и не далъ себѣ труда изслѣдовать строго отношенія Гуса къ Западной Церкви, и не слишкомъ хорошо понималъ внутреннее различіе въ духовномъ характерѣ обѣихъ Церквей, Восточной и Западной. Дѣйствительно, отрицаніе всей обрядовой стороны Католичества и всей совокупности догматовъ, несовмѣстимыхъ съ одностороннимъ пониманіемъ Лютера о дѣйственности жертвы Христовой, было исключительнымъ

---

(1) Walch, X, §. 2, S. 2282.—X, О духовномъ искушеніи, S. 2007;—XXII, c. 58, §. 10, S. 2073;—c. 12, §. 65, S. 686;—VIII, Объясн. 17-й гл. Іоанна, §. 28, S. 681;—XXII, c. 7, §. 91, S. 461;—V, Объясн. 112 пс. §. 71, S. 1636;—II, объясн. 49-й гл. Быт., §. 99, S. 2868.

(2) Walch, XXII, c. 22, §. 103—104, S. 1037—1038, S. 2069;—V, Объясн. 2 пс., §. 25, S. 118;—XXII, c. 27, §. 142, S. 111.

(3) Walch, XXII, c. 27, §. 135, p. 1405;—V, Объясн. 2 пс., §. 25, p. 118;—XXII, c. 55, §. 4, S. 1513, c. 27, §. 103, S. 1379.

завоеваніемъ Нѣмецкаго преобразователя. Но въ чемъ же отразилось неоспоримое вліяніе Гуса и Церкви Гуситской на убѣжденія Лютера? Въ томъ, что было самаго благороднаго и умѣреннаго въ его начинаніяхъ, и если бы приведено было въ исполненіе, могло бы способствовать къ возсоединенію Латинства съ Восточною Церковію. Замѣтимъ прежде всего, что Гусъ у Лютера былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые умѣли соединить живую вѣру въ Искупителя съ добрымъ подвигомъ жизни. При первомъ знакомствѣ съ его сочиненіями, Лютеръ думалъ найти въ нихъ подтвержденіе мысли своей о безусловномъ оправданіи вѣрою, объ уничтоженіи свободной воли, (1) но послѣ убѣдился въ противномъ. И, однако, Гусъ, не смотря на то, что уловленъ былъ, по словамъ Лютера, въ заблужденіе о достоинствѣ дѣлъ (2), явилъ высокія чудеса вѣры, обнаружившія въ немъ присутствіе Духа Божія. «Въ то время»,—говоритъ Лютеръ,—«искушеніе вѣры было несравненно сильнѣе и опаснѣе, чѣмъ въ настоящее. Церковь казалась близкой къ паденію, и однако, Богъ исполнилъ Гуса и Іеронима силою Духа Святаго до такой степени, что одинъ человѣкъ осмѣлился противостать собору представителей великихъ народовъ Европы и защищать противъ нихъ слово Божіе. Я дивился не разъ, какъ святый мужъ могъ одинъ стоять противъ папы, императора и всего собора, гдѣ ни одна душа за него не предстательствовала, а всѣ наперерывъ осуждали и проклинали его. Не думаешь ли ты, что часто въ темницѣ ему небо казалось съ овчинку? И, однако, онъ долженъ былъ побѣдить уныніе свое тѣмъ самымъ словомъ, какимъ и Христосъ утѣшалъ себя: «Я одинъ — и все же не одинъ, потому что Отецъ со мною». Онъ былъ мужъ ученый и благочестивый, какъ видно изъ его книги «О Церкви». Онъ умиралъ не какъ Второкрещенецъ, а какъ истинный Христіанинъ. Мы видимъ въ немъ Христіанскую слабость, но она тотчасъ смѣняется силою Божіею, его воздвигающею. Борьба плоти и духа во Христѣ и въ Гусѣ представляетъ зрѣлище сладкое и поучительное. Гусъ ощущалъ въ себѣ могучее присутствіе Духа Святаго, напаяющаго человѣка истиннымъ познаніемъ Сына Божія. Когда вели его на мученіе, онъ исповѣдывалъ, что одна только вѣра во Христа спасаетъ отъ гибели и, бодрымъ и

(1) Walch, XVIII, S. 856—86*.
(2) Walch, XXII, c. 37, §. 68, s. 1580.

трезвеннымъ сердцемъ возопилъ къ Богу: «Христе, Сыне Бога живаго, за насъ пострадавшій, умершій и воскресшій, помилуй мя грѣшнаго!» Никогда бы не могъ онъ сказать этѣхъ словъ, если бъ не былъ упоенъ виномъ Духа Святаго». [1] Стало быть, Гусъ производилъ умиряющее дѣйствіе на суроваго Лютера; а чудное сочетаніе въ немъ пламенной вѣры въ искупительныя страсти Спасителя, съ исполненіемъ заповѣдей и ученіемъ о необходимости дѣлъ, конечно, не разъ наводило реформатора на мысль о несостоятельности собственной теоріи. Собственно же отъ ученія Гусова, или преданія Церкви Гуситской Лютеръ заимствовалъ: 1) Евхаристію подъ обоими видами; 2) ученіе о единой вселенской Церкви, съ равенствомъ сподчиненныхъ частей, и 3) особенное сочувствіе къ Греческой, проявлявшейся во всѣ роковыя минуты его Реформаціи.

Что касается перваго (Евхаристіи), то мы уже видѣли историческій ходъ развитія мыслей его объ этомъ предметѣ, въ которомъ трудно оспорить вліяніе Чеховъ, не смотря на собственное отреченіе Лютера. Но, кромѣ того, есть слѣды думать, что ему не безъизвѣстно было и сочиненіе Гуса: «О необходимости причащенія Чаши для мірянъ и духовныхъ». Оттуда видимымъ образомъ заимствовано многое, повторяющееся въ разсужденіи Лютера объ Евхаристіи подъ обоими видами. Сдѣсь честь возстановленія полноты Таинства безъ раздѣла приписана Гусу. «Ни въ папскихъ соборахъ, ни въ декреталіяхъ, ни въ Церковной исторіи, не читаемъ ни слова объ отнятіи Чаши. Этотъ обычай вкрался въ Христіянскую Церковь, какъ и другія безчисленныя суевѣрія. И ни одинъ папа, ниже Римская Церковь не содѣйствовали къ его исправленію, пока не возсталъ на него Іоаннъ Гусъ, въ Чешской землѣ. Тутъ духовенство возбудило гнѣвъ папы на проповѣдника. Оно хотѣло дать силу закона укоренившемуся злоупотребленію изъ зависти и ненависти, чтобы Іоанну Гусу не досталась честь возстановленія прежняго порядка въ преподаваніи Таинства. Съ тѣхъ поръ распря о Причащеніи подъ обоими видами постоянно усиливалась у Чеховъ и до нашихъ временъ, съ дозволенія самаго папы». За тѣмъ слѣдуютъ доказательства необходимости Чаши, и первое изъ нихъ

---

(1) Walch, X, О духовномъ искушеніи, S. 2007;—II, Объясн. 49 гл. Быт, §. 244—45, S. 2946;—VIII, Объясн. 16 гл. Іоанна, §. 269, S. 650;—XXII, с. 38, §. 5, S. 2069; §. 10, S. 2075;—с 37, §. 66, S. 1580.

свѣдѣтельство папы Геласія: «Comperimus» (De consc. dist. 2) — и въ сочиненіи Гуса стоитъ на первомъ мѣстѣ.

Еще яснѣе заимствованіе въ опроверженіи Лютеромъ папской теріи. До временъ ближайшаго знакомства съ Гусомъ, Лютеръ вѣрилъ первенству Западной Церкви и Римскаго Первосвященника. Равенство всѣхъ частей Церкви и всѣхъ епископовъ между собою, съ такимъ успѣхомъ защищенное на Лейпцигскомъ состязаніи, есть наслѣдіе Гуса. Проводникомъ къ этой мысли, какъ мы уже видѣли, была 12 статья, осужденная на третьемъ соборномъ допросѣ Гуса: «Dignitas papalis a romanis imperatoribus orta est». Когда послѣ чтенія книги «О Церкви», по собственному сознанію Лютера, открылось ему настоящее значеніе перваго положенія: «Tantum una est Sancta Ecclesia Catholica sive Universalis», тогда и онъ началъ прямо опровергать теорію папы, ссылаясь на Гуса. Въ оправданіи 40 еретическихъ мнѣній, извлеченныхъ изъ сочиненій Лютера папскою буллою, преимущественно 25 положенія: «Римскій епископъ, преемникъ св. Петра, не есть намѣстникъ Христовъ, поставленный Богомъ надъ всѣми частными Церквами вселенной», Лютеръ, большею частію, повторяетъ доказательства Гуса, и не скрываетъ источника, откуда онъ ихъ заимствовалъ. «Сюда, защитники папы!»—говоритъ онъ,—«рѣшайте вопросъ: твердыня ваша разрушена; ибо слово Христово: ««Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь мою»» (Матѳ. XVI, 18),—единственная ваша опора, теперь измѣнила вамъ. Папство низложено; ибо доказано, что слово Христово больше говоритъ въ нашу пользу, чѣмъ противъ насъ. Если ты, папа, раскусишь орѣхъ; если съумѣешь доказать свою ложь, то я назову тебя папой, установленнымъ Богомъ. Все это сдѣлалъ Іоаннъ Гусъ, а не Лютеръ (Dies alles hat Johannes Hus gethan, und nicht Luther), какъ сказано: ««Усопшій праведникъ осуждаетъ живыхъ нечестивцевъ»». Въ оправданіи 26-й статьи: «Слово Христово: ««Еже аще свяжеши на земли»», и т. д., простирается только на тѣхъ, которые связаны были Петромъ»; читается новое указаніе на Гуса. «Папѣ хотѣлось бы извратить смыслъ этого слова, поставивъ себя на мѣсто верховнаго судіи, Бога. Такъ случилось во времена Гусовы, когда онъ приказывалъ ангеломъ возвести въ обители неба души умиравшихъ на дорогѣ въ Римъ богомольцевъ. Противъ этого страшнаго высокомѣрія и болѣе чѣмъ діявольской гордости вооружился Іоаннъ Гусъ, и пожертвовалъ жизнію; за то папскіе трубы умолкли, и болѣе не раздавались

до нашихъ временъ». Въ Застольныхъ Рѣчахъ повторяется слово въ слово доказательство Гуса противъ первенства папы, какъ главы Христіянства: «Папа не есть глава Христіянской Церкви; въ противномъ случаѣ Церковь была бы чудовищемъ о двухъ головахъ, потому что Христосъ несомнѣнно есть глава ея, какъ говоритъ св. Павелъ. (1) Въ состязательныхъ сочиненіяхъ противъ Ютербоцкихъ Миноритовъ и Амвросія Катарина защищаются многія положенія Гуса, извлеченныя изъ его разсужденія о Церкви. (2) Лютера до конца жизни смущало беззаконное осужденіе члена апостольскаго Символа вѣры на Констанцкомъ соборѣ подъ названіемъ: первой статьи Іоанна Гуса: «Есть только Единная святая Вселенская Церковь». (3) Въ объясненіи 2-го псальма онъ такъ вычисляетъ заслуги предшественника: «Гусъ спорилъ о первенствѣ папы и говорилъ, что папа не есть верховная глава Христіянства, что процъ продавать не слѣдуетъ, что чистилища нѣтъ; потому что онъ видѣлъ, что и тѣмъ и другимъ только обманываютъ легковѣрныхъ и производятъ соблазнительный торгъ». (4) Стало быть Лютеръ самъ себѣ явно противорѣчилъ, когда, въ другомъ мѣстѣ, говорилъ совершенно напротивъ: «Св. Іоаннъ слишкомъ мало затронулъ папство, и только началъ слабый зародышъ Евангельскаго ученія. Я сдѣлалъ впятеро больше, и все же боюсь, не слишкомъ ли мало. Іоаннъ Гусъ не отрицаетъ (?), что папа верховное лице во всемъ мірѣ; онъ только доказываетъ, что нечестивый папа не можетъ быть членомъ св. Христіянской Церкви, хотя и должно терпѣть его, какъ тиранна. А я, — хотя бы самъ Петръ апостолъ сидѣлъ нынѣ въ Римѣ,—отрицаю упорно, что папа выше всѣхъ прочихъ епископовъ по установленію Божественному. Папство есть вымыселъ человѣческій; всѣ Церкви равны между собою и единство ихъ заключается не въ видимомъ сосредоточеніи власти въ лицѣ одной мнимой главы, а по словамъ апостола, въ единствѣ вѣры крещенія, а въ такомъ случаѣ всѣ приходы вселенной равны между собою». (5) Мысль Гусова, къ сожалѣнію, доведенная Лютеромъ до отрицанія Христіянскаго характера Западной Церкви!

---

(1) Walch, XV, S. 1854, 1847; — XXII, c. 27, §. 51, S. 1341.—Hist. et Mon. Hus. I De Ecclesia.

(2) Walch, XVIII, S. 1007 sqq.

(3) Walch, V, Объясн. 118 пс. §. 116, S. 1793.

(4) Ibid. §. 25, S. 118.

(5) Walch, XV, §. 213, S. 1847—48.

Если бы Лютеръ остановился на благоразумной срединѣ отрицанія папы, какъ верховнаго первосвященника, какъ главы Христіянства, на какой стоялъ онъ свободно въ 1519 году, на Лейпцигскомъ прѣніи; если бы отрѣшеніе отъ древнихъ церковныхъ преданій не повело его далѣе по пути преобразовательскихъ уклоненій, ему открывалась бы сама собой надежная точка опоры для примиренія Востока съ Западомъ. Но онъ слишкомъ заключился въ одностороннемъ воззрѣніи на папство, какъ отрицаніе вѣры, какъ высшее развитіе Пелагіянизма, и выпустилъ изъ виду вопросъ историческій. Преданіе не могло устоять противъ дерзкаго признанія Лютера, что непосредственно послѣ апостоловъ затмилось ученіе Евангелія, и началось владычество Антихриста; что онъ первый, послѣ тысячелѣтняго мрака, вывелъ снова забытое Евангеліе на свѣтъ Божій. Отсюда странный взглядъ его на исторію Церкви. Въ воззрѣніи Лютера исторія Церкви однообразно проходитъ отъ начала міра до позднѣйшихъ временъ, раздѣляясь на двѣ огромныя половины: на царство вѣры и благодати съ одной, царство тьмы и невѣрія съ другой стороны. Въ основѣ дѣленія положена мысль Августина: объ оправданіи вѣрою безъ участія дѣлъ. Истинная Церковь хранилась въ той части потомства Адамова, которая вѣрила твердо, что спасеніе должно совершиться не собственными усиліями, а единственно благодатію Божіею и ходатайствомъ Іисуса Христа. Противоборство этому догмату составляетъ сущность Церкви Антихриста. Борьба обѣихъ наполняетъ однообразно все обширное поле церковно-библейской и церковной исторіи. «Наша вѣра не новая»,—говоритъ Лютеръ;—она проповѣдывалась за 15 столѣтій, когда родился Христосъ, и за 5 тысячелѣтій до его Рождества; а вѣра Папистовъ началась за 200, или 300, лѣтъ, со времени Римскихъ соборовъ, гдѣ все, что приходило имъ въ голову, получало законную силу непреложнаго догмата. (1) Наша вѣра современна началомъ своимъ сотворенію міра. Она началась въ раю, немедленно послѣ паденія Адама и Евы; но тутъ же началась и борьба Благодати съ невѣріемъ кровавою жертвою Авеля. (2) Каинъ и Авель—первообразы будущей Церкви. Высшій, мудрѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ, первенецъ святыхъ прародителей, Каинъ, выше всѣхъ потомковъ украшенный дарами

(1) Walch, XII, §. 25, S. 1864.
(2) Walch, VIII, Объясн. 16 гл. Іоанна §. 45 — 46, S. 503 — 504.

природы, за невѣріе свое извержен изъ царства, униженный Авель получаетъ наслѣдіе. (1) Между тѣмъ, какъ Адамъ и Евва учили и проповѣдывали вѣру въ Богочеловѣка Христа, побѣдителя грѣха смерти и діявола своимъ чадамъ и внукамъ по 7-го патріярха, Еноха, въ продолженіе 500 лѣтъ; когда діяволъ, черезъ Каина и потомковъ его, сильно искушалъ Христіянскую Церковь, и кораблецъ Христовъ, волнуемый бурею, совсѣмъ уже начиналъ исчезать подъ водами; тогда Богъ послалъ въ міръ другаго проповѣдника, Еноха, который, вмѣстѣ съ старымъ Адамомъ, спасалъ чистоту вѣры въ размножавшемся человѣческомъ родѣ. Послѣ Еноха Богъ воздвигнулъ Ноя до всемірнаго потопа, когда Церковь подверглась сильнѣйшему искушенію вѣры и весь міръ отступилъ, исключая 8 человѣкъ, въ которыхъ Сынъ Божій сохранилъ и возставилъ вѣру спасающую. Богъ долженъ былъ омыть лице грѣшной земли, чтобъ защитить отъ насилія невѣрующихъ проповѣдника истинной вѣры, благочестиваго Ноя. Такъ проповѣдь живо кипѣла во времена патріярховъ въ устномъ словѣ Адама, Еноха и Ноя. Въ лицѣ Сима и Хама открылось старое дѣленіе Церкви. Авраамъ, Исаакъ, всѣ пророки, цари, Давидъ, Езекія и пр. до самаго Іисуса Христа, проповѣдывали одну эту вѣру въ ходатайство Сына Божія, спасающее безъ участія дѣлъ. Утѣшительно видѣть Христіянину, какъ одинъ и тотъ же Христосъ постоянно управлялъ своею Церковію, и всѣ волны діявольскія сокрушались объ эту скалу, весь міръ языческій: царства Египтянъ, Ассиріянъ, Вавилонянъ и Персовъ, потомъ Грековъ и Римлянъ. Лютеръ смотрѣлъ и на язычество, какъ на «отрицаніе Благодати спасающей, какъ на общее стремленіе человѣчества угождать дѣлами своими тому или другому Богу, избавиться отъ грѣха и смерти собственнымъ произвольнымъ Богослуженіемъ, безъ ходатайства Сына Божія, какъ то доказываютъ всѣ дѣеписанія и книги язычниковъ». Та же странная ошибка въ лѣтосчисленіи повторяется и въ сужденіи Лютера объ Іудеяхъ, въ которыхъ онъ видитъ то же упорное противодѣйствіе Благодати Христовой, тотъ же зародышъ Пелагіянизма. «Наконецъ явился Христосъ. Его пришествіе въ міръ, какъ исполненіе проповѣди Ветхозавѣтной, какъ воплощеніе Слова, прежде невидимаго, но также сильно дѣйствовавшаго въ истинной Церкви», — по мнѣнію

(1) Walch, XII, §. 12, S. 877.

Лютера,—«не составляетъ новой поры въ исторіи Церкви. Его проповѣдь есть продолженіе прежней, завѣщанной цѣлому ряду новозавѣтныхъ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, которые устремляли всю свою дѣятельность на защиту словомъ и дѣломъ предвѣчнаго ученія о спасеніи вѣрой. Церковь Ветхозавѣтная была таже Христіянская Церковь; мы точно также вѣримъ и проповѣдуемъ»,—говорилъ Лютеръ,—«какъ вѣрили праотцы, Адамъ, Авель, Енохъ, Ной, Авраамъ, и пророки: Моисей и Давидъ, были истинные Христіяне, ни въ чемъ не уступавшіе Іоанну и Павлу. Если всѣ они пили отъ духовнаго камня, камень же бѣ Христосъ; если Христосъ руководилъ ихъ въ пустынѣ и крестилъ ихъ духовно, то они не могли не быть Христіянами въ строгомъ значеніи этого слова». Онъ находитъ у Моисея еще болѣе яркія свѣдѣтельства о св. Троицѣ, нежели въ Новомъ Завѣтѣ. По вознесеніи І. Христа продолжается съ новою силою древняя борьба Благодати съ невѣріемъ. Первое гоненіе чернаго діявола продолжалось около 300 лѣтъ: страдали мученики за проповѣдь вѣры; преслѣдовали Римляне, гордые святодѣйцы, противники Благодати, какъ превосходно изобразилъ ихъ Бл. Августинъ въ своей книгѣ «О градѣ Божіемъ». Ярость на Христіянъ дошла до того, что въ одинъ день, орудіемъ Римской имперіи, казнено 70 т. проповѣдниковъ истины. То было гоненіе чернаго діявола, прообразованное первымъ искушеніемъ Іисуса Христа въ пустынѣ, когда діяволъ говоритъ ему: «Аще Сынъ еси Божій, рци, да и каменіе сіе хлѣбы будутъ» (Матѳ. IV, 3). Это тотъ діяволъ, который въ первые вѣка Христіянства искушалъ вѣрующихъ алчбой и жаждой, болѣзнями, скорбію, тѣлесными нуждами. Второй свѣтлый діяволъ ведетъ Сына Божія не во внутренность храма, а ставитъ его на кровлѣ и силится низвергнуть его избранное стадо ложнымъ толкованіемъ Евангелія. Лишь только Константинъ обратился къ истинной вѣрѣ, тотчасъ возстали еретики, не юные ученики, Евіонъ и Керинѳъ, а главные еретики: Аріяне, Македоніяне, Манихеи и пр. Никто не возставалъ на Божество перваго лица св. Троицы; за то началась постоянная брань съ Сыномъ Божіимъ: Манихей вооружился на Его человѣчество; Арій на Его божество; Несторій на Его ипостась; Евтихій на естество; Гельвидій на чистоту его рождества. Этотъ діяволъ былъ гораздо опаснѣе перваго. Онъ оставилъ внѣшнюю Церковь въ покоѣ, допустилъ Христіянъ, особенно пастырей и учителей Церкви, содѣлаться мудрыми, святыми, учеными; снабдилъ ихъ

внѣшними благами отъ щедрости Римскихъ императоровъ. Они возлюбили покой, и потеряли ревность; наслаждаясь внѣшнимъ миромъ, мало по малу оставили благовѣстіе Слова. Со временемъ они потеряли истинный смыслъ Писанія и стали задавать себѣ странные вопросы о вѣрѣ, искажать произвольно ученіе о Благодати, подводить его подъ свои человѣческія толкованія. Такимъ-то путемъ сатана, облеченный въ ангела свѣтла, вывелъ ихъ изъ пустыни на кровлю высокаго храма. Они пали, и въ паденіи своемъ увлекли Христіянство въ страшныя ереси. Напрасно св. Константинъ вооружался на Арія и изгналъ его изъ страны своей; діяволъ вскорѣ освободилъ свое чадо и обуялъ весь міръ до того, что въ цѣломъ Востокѣ, кромѣ двухъ благочестивыхъ епископовъ, Иларія и Аѳанасія, не осталось ни одного человѣка, незараженнаго Аріевымъ ядомъ. Съ тѣхъ поръ Христіянская Церковь на Востокѣ никогда вполнѣ не могла побѣдить его, и черезъ 300 лѣтъ, бѣсъ Магометъ явился продолжателемъ ереси Арія. Трудно было устоять противъ свѣтлаго діявола; ибо кто не соблазнится, когда онъ разгибаетъ Христіянскую книгу и шепчетъ на ухо: «Такъ гласитъ Писаніе; такъ самъ Богъ говоритъ». И, однако, Христіянство вынесло и это опасное время, и вѣра спасена смиренною проповѣдію тѣхъ Христіянъ, которые въ простотѣ сердца держались буквальнаго смысла Писанія. Но вотъ настало третье ужаснѣйшее искушеніе вѣры, время Антихриста. Тутъ-то діяволъ явился уже не чернымъ, убійственнымъ, не мудрымъ, опирающимся на словѣ Божіемъ; онъ явился божественнымъ, величавымъ, онъ сталъ выдавать себя за Бога и говорить человѣку, какъ нѣкогда самому Сыну Божію: «Сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишися» (Матѳ. IV, 9). Это было послѣднее ужасное время. Когда св. Отцы, поразившіе бѣса въ бѣлой одеждѣ, положили главы свои, и народъ утомился богословскими прѣніями, послѣдовало гибельное равнодушіе; всѣ отложились отъ слова Божія, оставили его въ сторонѣ; начались произвольныя богослуженія. «Величавое проявленіе третьяго бѣса», — по мнѣнію Лютера, — «папская Церковь». «Со времени св. Петра», — говоритъ Лютеръ, — «ни одинъ папа не проповѣдывалъ Евангелія, ни одинъ не оставилъ по себѣ труда письменнаго, запечатлѣннаго духомъ апостольскимъ. Папа Григорій былъ святой человѣкъ; не таковы его проповѣди; такъ что, по моему мнѣнію, Римскій престолъ отмѣченъ какимъ-то особеннымъ проклятіемъ Божіимъ.

Никто не совмѣстилъ въ себѣ всей совокупности свойствъ настоящаго Антихриста въ такой полнотѣ и съ такимъ лукавствомъ, какъ папа. Были отдѣльные противники Христа, которые вооружались на него по частямъ; но папа есть полный Антихристъ, противоборствующій всему Христу. Ибо существенный догматъ нашей вѣры есть тотъ, что Христосъ—оправданіе наше. Кто еретичествуетъ противъ ипостаси Христовой, не столь опасенъ, какъ тотъ, кто отнимаетъ у насъ Благодать, отрицая заслугу Христову. Осталась личина вѣры; сохранилось Писаніе, таинства, папа вѣритъ въ пришествіе Христово для спасенія міра, исповѣдуетъ устами заслугу Христову, но въ тоже время выдумываетъ новыя условія жизни и собственныя удовлетворенія, которыхъ главная цѣль — доказать недостаточность жертвы Христовой для оправданія грѣшника. Такъ дѣлалось цѣлыхъ 900 лѣтъ, въ продолженіе коихъ умолкла проповѣдь о Христѣ, и никто не осмѣлился обличать хуленія папы. Пелагіянская ересь, низложенная Ветхозавѣтною проповѣдію, Новозавѣтнымъ словомъ Христа и апостоловъ, по рожденіи Пелагія, сокрушенная снова Августиномъ, въ лицѣ папы окончательно воцарилась на мѣстѣ святѣ. Служеніе Христу смѣнилось служеніемъ святымъ; монахи принуждали несчастныхъ ложиться въ гробъ въ монашеской шапкѣ, подъ опасеніемъ вѣчнаго проклятія; начались обѣдни, какъ жертвы, приносимыя Богу за грѣхи человѣка, гдѣ вторые распинался Христосъ». Во всемъ Христіянскомъ Богослуженіи, во всѣхъ благочестивыхъ обычаяхъ, Лютеръ видитъ однообразно проведенную мысль — купить спасеніе дѣлами у гнѣвнаго Бога. «Римская Церковь воплотила въ себѣ Пелагіянскую ересь, и принудила къ принятію ея всѣхъ своихъ чадъ. Университеты открыто преподавали ее; князья и весь міръ за ней слѣдовали; слабыя попытки въ Парижѣ побороть ее остались безплодными; и Пелагій по праву получилъ названіе a pelago, — его ересь есть море, поглотившее міръ весь. Діяволъ показуетъ себя, яко Богъ есть; и это третье искушеніе вѣры продлится до страшнаго суда. Чернаго діявола смирилъ Константинъ; свѣтлаго благочестивые цари и епископы; отъ третьяго не избавитъ ни какая земная сила: Самъ Христосъ сокрушитъ его духомъ устъ своихъ. И хотя въ папствѣ Христіянская Церковь не имѣла всенародной проповѣди о Христѣ, какъ единомъ ходатаѣ, но и въ великой ночи вселенной, Богъ чудесно возвращалъ вѣру многихъ, другимъ открывалъ свою истину на смертномъ одрѣ. Такъ спасся

Бернардъ, когда передъ смертію овладѣло имъ отчаяніе въ угодности Богу всѣхъ его подвиговъ — исповѣдалъ смиренно величіе жертвы Христовой. Всѣ прочіе невозвратно погибли, несчастные! умиравшіе съ молитвою на устахъ, чтобы Богъ простилъ имъ не грѣхъ невѣдѣнія, а нарушеніе папскихъ уставовъ. Только въ наше время Христосъ наложилъ руку на діявола и, въ лицѣ своей Церкви, отгоняетъ словомъ Своимъ: «Иди за мною, сатана!» (Матѳ. IV, 10). Евангеліе снова, черезъ насъ явленное Богомъ, неблагодарному міру, срываетъ съ лица его величавую маску, и показываетъ Христіянамъ во всей отвратительной его наготѣ. Антихристъ слабѣетъ въ сердцахъ вѣрующихъ, сокрушенный устами младенцевъ и ссущихъ. Намъ остается ожидать только славнаго пришествія Господа, когда папа низверженъ будетъ въ адскую бездну. И страшный судъ близокъ». (1)

Вотъ въ сокращеніи исторія Церкви, какою представлялъ себѣ ее Лютеръ. Картина, безспорно, поэтическая, но въ которой недостатокъ историческаго изученія, подведеннаго подъ любимую теорію его о Благодати, вовлекъ его въ грубыя погрѣшности. Слѣдя внутреннюю борьбу свѣта съ тьмою въ Церкви Папистовъ, Лютеръ вовсе опустилъ безъ вниманія Восточную Церковь, коснувшись поверхностно борьбы ея съ Аріянскою ересью и распрей о первенствѣ съ Западомъ. Дѣятельность Лютера, принявъ слишкомъ одностороннее направленіе, согласно съ полемическимъ характеромъ, сосредоточила всѣ свои свои силы въ отрицаніи папства, и отразилась въ узкомъ взглядѣ его на многія части преданія церковнаго, которыя могли быть оцѣнены безпристрастно только добросовѣстной повѣркою Запада образцами Востока. Поклоненіе святымъ, литургія, монашество, никогда не облеклись бы въ глазахъ его въ противухристіянскій характеръ отрицанія вѣры, если бы онъ познакомился ближе съ правильною формою

(1) Walch, VIII, Предисловіе къ толкован. Галат. XII, с. 13, S. 1574 sqq. §. 4, S. 1617; — V Объясн. 110 пс. — 118 пс., §. 75 — 78, S. 1765 — 1767. — III Объясн. посл. словъ Давида; — IX, Объясн. 1 Петров. §. 34—38, S. 649 — 651; — Объ обяз. подд. къ правит. §. 24, S. 442; — XII, Проповѣдь, говоренная въ Смалькальденѣ 1537 г. на Матѳ. IV, I—II, о трехъ искушеніяхъ Іисуса Христа и Церкви Его, S. 1686—1701; —XXII, с. 7, §. 26, S. 411; — IV Объясн 22 пс. §. 236 — 226, S. 1758 sqq. — X Исповѣд. вѣры въ Смалькальденѣ, §. 1 — 14, S. 1205 — 1214; — X, О … Ангелахъ, §. 26, S. 1301; — IX, Объясн. 2 гл. 2 Петр. §. 57, S. 892; — IX, Объясн. 3 гл. 1 Петр. §. 7 — 38, S. 817—831; — IX, Объясн. 1 Іоан. §. 41, S. 1157, §. 15, 17, S. 1014 — 1016; §. 56—58, S. 958—60; — §. 70, S. 966; — IV, Объясн. 17 пс. §. 77 — 79; S. 1314; — VIII, Объясн. 4-й гл. Галат. §. 196, S. 2475.

ихъ проявленія въ Церкви Восточной; никогда бы не отзывался онъ съ такою ненавистію о литургіи заздравной и поминовенной, если бы не преслѣдовали его, какъ призракъ, ужасныя картины Италіянскаго кощунства, смутившія его въ продажномъ богослуженіи Рима; монашество не окрасилось бы такимъ черными оттѣнкомъ раздраженнаго легковѣрія, если бы онъ могъ отрѣшиться, хотя на мгновеніе, отъ соблазнительной внутренности Западныхъ монастырей и изучать идею монашества въ его Восточной колыбели; самая папская Церковь не предстала бы ему въ полуязыческомъ, полуіудейскомъ свѣтѣ, если бы преданія Восточной сестры ея приходили на помощь его раздраженному помыслу своимъ примиряющимъ противодѣйствіемъ. Увлеченный страстью, преобразователь не былъ способенъ къ спокойному наблюденію, которое одно могло остановить его въ пору на краю всеобщаго неразборчиваго отрицанія и добраго и худаго. Вотъ великая разница въ историческомъ воззрѣніи Гуса и Лютера на современныя и давнопрошедшія событія религіозной жизни на Западѣ. Вопросъ о первенствѣ папы, объ отношеніяхъ Рима къ Византіи, о равенствѣ власти епископовъ, вопросъ, которымъ Лютеръ занимался съ такою любовію въ пору, ближайшую къ Лейпцигскому прѣнію, потерялъ для него половину своей занимательности въ послѣдствіи, когда онъ, отвергнувъ священство, преданіе, авторитетъ учителей Церкви, смотрѣлъ на великія распри между Востокомъ и Западомъ, условившія вселенской расколъ, съ точки зрѣнія черстваго догматика; когда, весь погрузившись въ созерцаніе Благодати и въ темную область недовѣдомыхъ путей Божественнаго домостроительства, покрывалъ умышленнымъ презрѣніемъ великую драму религіозной жизни Христіянскихъ народовъ, какъ смѣшную комедію, какъ суетное игрище страстей человѣческихъ. (1) Поздно разгадалъ онъ безжизненный характеръ своей отвлеченной догматики, подъ конецъ жизни снова предался изученію Церковной исторіи и, возвращаясь къ точкѣ исхода, старался, но тщетно, наполнить бездну, которая увлекала его за собою съ неудержимою силою. Въ ребяческихъ выходкахъ Іеронима, въ праздномъ риторствѣ Златоуста, въ самомъ монашествѣ, онъ сталъ подозрѣвать тогда что-то высшее, чего прежде не замѣчалъ въ предубѣжденномъ своемъ фанатизмѣ; тогда возвратилось уваженіе къ древнимъ учителямъ и любовное сочувствіе

(1) Walch, IV, объясн. 7 пс. §. 37, S. 707.

къ Греческой Церкви. Позднее раскаяніе! Сухое ученіе вѣры уже погребено было въ многотомныхъ плодахъ его трудовой жизни; мечтательная теорія папства была уже построена; отреченіе не могло совершиться безъ самоотрицанія и духовнаго самоубійства. И онъ до конца жизни ругался безумно надъ священнымъ Римомъ и предавалъ проклятію свою Папскую Церковь, истощая до дна свою желчную насмѣшку. Въ воззрѣніи Лютера папа есть то чудовище, о которомъ сказалъ Даніилъ, что оно противится Богу боговъ, которое Павелъ называетъ человѣкомъ беззаконія, сыномъ погибели, Греческій 'αρκτόλυκος, Нѣмецкій Baerwolf, животное, обладаемое духомъ нечистымъ, другими словами, антихристъ, предтекущій судному дню. (1) «Когда спросятъ тебя, признаешь ли папу главою? отвѣчай смѣло: главою злодѣевъ и нечестивцевъ. У тебя подъ руками Апостольскій текстъ: «Въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, возбраняюще женитися, удалятися отъ брашенъ» (1 Тим. IV, 1, 3). Папа запретилъ бракъ и пищу: стало быть, онъ-то и есть настоящій антихристъ; что Христосъ заповѣдуетъ, то папа запрещаетъ. Христосъ говоритъ: «Грѣха нѣсть»; папа говоритъ: «Грѣхъ». (2) «Римскій епископъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался папой, 600 лѣтъ слишкомъ, ничего не дѣлалъ, кромѣ пролитія крови: онъ стравливалъ королей и князей, дабы прослыть намѣстникомъ Божіимъ, полу-Богомъ, полу-человѣкомъ, выше ангеловъ неба и діяволовъ ада, какъ прообразуетъ его тройное владычество надъ небомъ, землею и адомъ». «Римская Церковь»,—по мнѣнію Лютера,—«не благородная половина вселенской, а великая вавилонская блудница, облеченная въ червленицу, сѣдящая на звѣрѣ червленномъ, пьяная кровію мучениковъ, испещренная хульными именами». (Откров. XVII) (3) «Папская вѣра буквально низводится имъ на одну степень съ язычниками, Іудеями, Турками. Она носитъ всѣ признаки ученія Антихристіянскаго; внѣшней личиной, сохраненіемъ Таинствъ и Евангелія, какимъ-то чудомъ удержавшихся въ Церкви Папистовъ, обольщаетъ сердца; въ лицѣ ложныхъ святыхъ своихъ творитъ даже знаменія и чудеса. Но сущность ученія папскаго враждебна Христу. «Потому что, какъ скоро утрачена основа оправданія вѣрою, всякое ученіе теряетъ Христіянской характеръ, все равно, обращается ли человѣкъ къ служенію закону, или къ поклоненію идоламъ; все равно, монахъ

(1) Walch, X, §. 56, S. 687.

(2) Walch, IX, Объясн. 1 гл. 1 Петр., §. 50, S. 778.

(3) Walch, X, Посланіе къ изгнаннымъ жителямъ Лейпцига §. 30—31, S. 2241.

ли онъ, Іудей ли, Турокъ ли, или Второкрещенецъ. Каждый выбираетъ отдѣльное служеніе Богу, которое считаетъ самымъ удобнымъ для достиженія блаженства. Такія понятія о Богѣ имѣютъ всѣ люди, непросвѣщенные вѣрою: Написты, Іудеи, Магометане; между ними только внѣшняя разница въ лицахъ, въ мѣстахъ и образѣ Богослуженія, но въ сердцѣ одинакія мысли о Божествѣ. Дурно дѣлаютъ Паписты и Турки, что ссорятся между собою о вѣрѣ и богослуженіи изъ пустыхъ ребяческихъ игрушекъ и обрядовъ, когда въ сущности они защищаютъ одно и тоже начало. Алкоранъ Турокъ, Талмудъ Іудеевъ, Декреталіи папы, одинаково враждуютъ съ Христіянской Библіей. Они имѣютъ то общаго, что ищутъ Бога въ безполезномъ глумленіи, теряя изъ виду посредника, І. Христа. Но Богъ недоволенъ мертвою вѣрою Іудеевъ, Язычниковъ, Турокъ, Папистовъ, признающихъ его творцемъ неба и земли. И Іудеи и Турки наравнѣ съ папою хвалятся вѣрою во единого Бога, а надъ нами смѣются, обвиняя насъ въ многобожіи. Къ тому же и Турки принимаютъ рожденіе Христа отъ дѣвы, распятіе и воскресеніе, но ограничиваются исторической вѣрой, отвергая посредничество его Благодати въ спасеніи грѣшныхъ. Паписты, Іудеи и Турки вѣруютъ во единого Бога, судію неумытнаго, требующаго отъ насъ добрыхъ дѣлъ во искупленіе злыхъ. Какъ Турки не хотятъ отстать отъ своихъ умовеній, такъ Паписты держатся за свое монашество. По этому папу ожидаетъ одна судьба съ Магометомъ—вѣчное мученіе ада». Въ другихъ мѣстахъ Лютеръ ставитъ Папистовъ еще ниже Турокъ; «послѣдніе признаютъ Христа, по крайней мѣрѣ, пророкомъ, а папа, признавая, по видимому, Его Божество, отрицаетъ въ немъ силу Божественную». Въ противоположность языческой Церкви Папистовъ, онъ приписываетъ по преимуществу названіе Христіянъ себѣ и послѣдователямъ, возстановившимъ ученіе Евангелія въ полномъ блескѣ апостольской чистоты. (1)

(1) Walch, VII, Объясн. 1-й гл. Іоанна, §. 370—372, S. 1628 sqq.; VIII, Объясн. 3 гл. Галат. §. 540, S. 2308; — 4 гл. §. 133 — 153; S. 2442 — 2451; — VII, Объясн., 1 гл. Іоанна, §. 135, S. 1480; §. 365, S. 1625, sqq.; — VIII, Объясн. 15 гл. Кор. §. 37, 1461; VII, Объясн. 5 гл. Іоанна, §. 2, S. 1867; — 8 гл. §. 99, S. 1450; — VIII, 14 гл. Іоанна, §. 176, S. 1073; — 16 гл. §. 54, S. 509; — 15 гл. Кор. §. 4, S. 1490; — VIII, 1 гл. Галат. §. 54 — 59, S. 1597 — 1602; VII, 1 гл. Іоан. § 13, S. 1335; §. 18, S. 1838; — 5 гл. Іоан. § 25, S. 1882; §. 29, S. 1887; 6 гл. §. 51, S. 1927; §. 204, 289, 299, S. 2073—78; §. 191, S. 2019 sqq.; — 1 гл. Іоанна, §. 120, S. 1171.

ГЛАВА II.

Отношенія Лютера къ Православному Востоку.

Отвращаясь отъ возмутительнаго изображенія папства, какъ продолженія языческой идеи въ нѣдрахъ Христіанской Церкви, взглянемъ на другую картину, болѣе мирную и утѣшительную—на его отношенія къ Православному Востоку. Замѣтимъ прежде всего, что вопросъ о соединеніи съ Греческой Церковью всегда былъ живымъ вопросомъ на Западѣ. Извѣстны всѣ усилія Рима достигнуть этой цѣли, не въ духѣ любви и всемирнаго единенія, а изъ корыстнаго желанія утвердить вселенское владычество папы. Но въ концѣ XIV и въ XV столѣтіи къ Римской пропагандѣ присоединились еще другія условія сближенія съ Греками. Давно уже еретики въ нападеніяхъ своихъ на Римскую Церковь, указывали съ завистью на апостольскую чистоту Византійской. Въ числѣ общихъ признаковъ, приписанныхъ Латинскими Канонистами всякаго рода еретикамъ, читаемъ, между прочимъ, слѣдующіе: «Не должно имѣть въ Церквахъ иконъ, для избѣжанія идолопоклонства, какъ дѣлаютъ Греки, имѣющіе мало иконъ; Греческая вѣра лучше Римскаго обряда; должно служить Литургію на квасномъ хлѣбѣ, какъ дѣлаютъ Греки». (1) Но злоупотребленія Западной Церкви возрасли до такой степени, въ XIV вѣкѣ, что самые поборники папской системы, самые записные Католики, указывали на стихію Греческую въ сочиненіяхъ противниковъ, и приводили Восточную Церковь въ образецъ Западной, слишкомъ явно уклонявшейся отъ апостольской чистоты. Петръ Алльяко, въ сочиненіи «О преобразованіи Церкви», приводитъ свѣдѣтельство Гумберта Романскаго, что одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ расколу Греческому были жалобы на Римскую Церковь въ поборахъ, отлученіяхъ и декреталіяхъ. (2) Стало быть, первое противодѣйствіе Западу вышло изъ чисто апостольскаго духа смиреннаго Православія. Великіе защитники представительной системы, современники Констанцкаго собора, не могли не замѣтить

(1) Lenfant, Hist. du conc. de Const. I, 268 — 270.
(2) Ranke, Deutsche Gesch. im Zeitalter der Reformation I, S. 236.

необоримаго противорѣчія между верховной и судебною властію собора и олицетвореніемъ той же власти, при отсутствіи Собора, въ лицѣ Римскаго первосвященника. Первая предполагала совершенное равенство соподчиненныхъ властей, т. е., частныхъ епископовъ, и сдѣсь Византійская Церковь съ стройнымъ управленіемъ невольно обращала вниманіе просвѣщеннѣйшихъ сыновъ Запада, которые и сами догадывались, что папа—единственный камень претькновенія, при общихъ безплодныхъ усиліяхъ положить конецъ, такъ называемому, Восточному расколу. Къ тому же идея вселенскаго собора, не полнаго, безъ участія Восточной половины Церкви вселенской (ибо титулярные епископы Рима въ глазахъ самихъ Католиковъ были болѣе или менѣе смѣшною комедіею), также заставляла искать сближенія съ Греческой; а Греціи, охранявшей ревниво свое Православіе, при всѣхъ государственныхъ буряхъ, не нужно было собора; она взыскана была самимъ Западомъ. Проводникомъ этого вліянія издавна служила Славянская держава на Западѣ, въ которой Православіе пустило глубокіе корни. Въ Чехіи, въ концѣ XIV столѣтія, уже не въ глухомъ противодѣйствіи народа, а открыто, въ Университетѣ, боролись двѣ Церкви: Карлъ IV приглашалъ въ свою Академію ученыхъ Франціи и Италіи для опроверженія Евхаристіи подъ обоими видами, какъ ереси Греческой. Отсюда понятно, какого рода драма разыгрывалась на первомъ великомъ соборѣ XV столѣтія, гдѣ Гусъ явился защитникомъ Восточнаго догмата, а Іеронимъ обвиненъ прямо въ томъ, что, во время пребыванія своего въ Литвѣ, въ 1413 году, сопутствовалъ Витовту въ походѣ на Витебскъ, и когда на встрѣчу побѣдителю вышли жители города, Католики съ мощами и Русскіе, въ глазахъ самаго князя, усерднаго Католика, при всѣхъ оставилъ Латинянъ и примѣшался къ толпѣ Православныхъ; далѣе, что въ самомъ Витебскѣ онъ несказанно соблазнилъ Миноритовъ, называя тамошнихъ Русскихъ Православными Христіанами, посѣщалъ Богослуженіе Греческихъ храмовъ, прикладывался къ Русскихъ мощамъ, принималъ Таинства по обряду Греко-Восточному, съ колѣнопреклоненіемъ, и старался самаго Витовта обратить къ Православію; тоже самое повторялъ и въ Псковѣ, не смотря на прадставленія Виленскаго епископа. (1) Развязка этой

(1) Cochlaei, Hist. Husit, 23 и 24 обвинит. статьи, l. III, pag. 126.—Palacky, Gesch. v. Böhm., III.

драмы, по видимому, совершилась на Флорентійскомъ соборѣ. Но именно сдѣсь съ особенной силой сказалась внутренняя слабость Католичества и невозможность примиренія, какъ религіознаго насилія, котораго никогда не чуждалась Римская Церковь. Константинополь падалъ подъ ударами Магомета II-го, но Православіе торжествовало на трехъ отдѣльныхъ точкахъ, въ замѣнъ сокрушившагося оплота на Югѣ. Оно утверждалось въ Россіи, при Василіи Темномъ. Церковь Гуситская, пораженная проклятіемъ на Флорентійскомъ соборѣ, торжественно соединялась съ Греческой, какъ истинной матерію, по рѣшенію народнаго сейма и мѣстнаго собора въ Прагѣ, за годъ до взятія Константинополя. Въ сердцѣ Германіи, въ Эрфуртѣ, Іоаннъ Везель проповѣдывалъ догматъ Восточной Церкви объ исхожденіи Духа святаго отъ одного Отца. (1) Въ аппелляціи Геймбурга отъ папы къ собору, въ которомъ отрицается первенство папы между апостольскими преемниками по праву Божественному, Θедоръ Делій, отыскивалъ также вліяніе Восточнаго и Чешскаго яда. (2) Феликсъ Геммерменъ, въ сочиненіяхъ противъ папской Куріи, жаловался па безбрачіе духовенства и отдавалъ предпочтеніе обычаю Греческой Церкви. (3) Въ концѣ XV вѣка Римская Церковь и Нѣмецкихъ Гуманистовъ обвиняла въ сочувствіи къ Греческой схоластикѣ, между прочимъ инквизиторъ Гохштрассенъ, обвинялъ Рейхлина въ занятіяхъ Греческой литтературой, языкомъ, враждебнымъ исповѣданію Римскому, матеріею всѣхъ заблужденій, его и сообщниковъ его называлъ Греческими раскольниками. (4) Въ началѣ XVI столѣтія Германія, (что весьма замѣчательно) считала Чеховъ приверженцами и послѣдователями Церкви Восточной, и Латинская Церковь сама, какъ видно изъ примѣра Геймбурга, распространяла это повѣрье, отступивъ въ этомъ случаѣ отъ прежней лукавой политики. Отсюда понятно, что первое столкновеніе Лютера съ Чехами на столько же сблизило его съ Восточною Церковію. И дѣйствительно, въ послѣсловіи къ Аусгбургскимъ дѣяніямъ, изданнымъ въ октябрѣ 1518 года, Лютеръ въ первый разъ касается Греческой Церкви, при разборѣ вопроса о первенствѣ папы. «Латиняне»,—говоритъ онъ, «не считаютъ Христіянами тѣхъ, которые не кланяются Римскому

(1) Ullmann, I, 388, 394, 416.
(2) Ibid. S. 225.
(3) Ranke, I, S. 355.
(4) Hagen, I, S. 365, 366.

папѣ. Они исключаютъ изъ Церкви Христовой болѣе чѣмъ за 800 лѣтъ Христіянъ всего Востока и Африки, никогда не признававшихъ надъ собой власти Римскаго папы». (1) Въ спорѣ съ Іеронимомъ Дунгерсгеймомъ, въ началѣ 1519 года, Лютеръ, по видимому, еще признаетъ первенство Римскаго епископа, но съ оговоркой: «Хотя и не знаю, какимъ образомъ защитить это положеніе противъ Грековъ; ибо если признаю верховную власть его по праву Божественному, то по необходимости наложу ересь на Кипріяна, Аѳанасія, Григорія, и всѣхъ Восточныхъ епископовъ». (2) Въ письмѣ къ Спалатину, предъ Лейпцигскимъ прѣніемъ, прямо отрицаетъ первенство Западной Церкви надъ прочими; потому что никогда Византійская или Греческая Церковь, никогда Антіохійская, Александрійская и Египетская, не стояли подъ Римскою и не принимали поставленныхъ ею епископовъ. И нынѣ еще Христіяне, живущіе въ Турціи, Персіи, Индіи и Скиѳіи, не признаютъ надъ собой власти Римской». (3)

На Лейпцигскомъ состязаніи, согласно съ обѣщаніемъ, даннымъ Спалатину, Лютеръ прямо выступаетъ защитникомъ Греческой Церкви. Сколько онъ нерѣшителенъ и осторожень въ защищеніи Гуса, столько, напротивъ, свободенъ и безстрашенъ въ защищеніи Грековъ. «Я не спорю»,—говоритъ онъ,—«что если бы вѣрующіе со всего міра согласились между собою признавать папу верховнымъ епископомъ, соглашеніе это имѣло бы законную силу. Но этого никогда не было и не будетъ, потому что Греческая Церковь и до сего дне не изъявила на это согласія, и все же не подлежала за то обвиненію въ ереси. Если же говорить о первенствѣ какой ни будь Церкви, то это первенство принадлежитъ неоспоримо Іерусалимской? Эккъ, оскорбленный признаніемъ Лютера, проситъ его не смѣяться надъ нимъ, приводя въ образецъ Грековъ и Восточныхъ Христіянъ, которые, въ отпаденіи отъ Римской Церкви отложились въ то же время и отъ Христіянской вѣры. «Нѣтъ!»—отвѣчаетъ Лютеръ,—«никто не осмѣлится назвать Восточныхъ Христіянъ отщепенцами; напротивъ, прошу Д. Экка, по хваленой скромности своей, пощадить столько тысячь святыхъ; ибо Греческая Церковь стояла и до нашихъ временъ, и, безъ сомнѣнія,

(1) Walch, XV, S. 750.
(2) Aurif., I, Ep. 91, f. 148, на об. — Walch, XVIII, S. 021.
(3) Walch, XV, S. 987.

будетъ стоять, потому что Христосъ получилъ въ одержаніе свое не одну только Римскую почву, но и всѣ концы земли и въ достояніе себѣ всѣ народы». (Пс. 2, 8).

Сдѣсь прѣніе принимаетъ болѣе важный характеръ и мало по малу вытѣсняетъ всѣ прочія спорныя статьи. Эккъ отвѣчаетъ, что Греки не только съ давнихъ временъ слывутъ отщепенцами, но и ересіархами (haereticissimi) во многихъ предметахъ вѣры: въ ученіи о Духѣ Святомъ, объ исповѣди, о ложности трехъ Евангелистовъ (?) и о прочихъ безчисленныхъ догматахъ, хотя они часто и оказывали Западной Церкви притворное повиненіе, на пр., при Евгеніи IV на Флорентійскомъ соборѣ. А потому въ Турціи не могутъ спастись ни одни Христіяне, исключая немногихъ монаховъ, вѣрныхъ преданіямъ Рима».

Л. — «Мнѣ дивно, какъ докторъ позволяетъ себѣ называть Грековъ злыми еретиками, когда во всемъ Христіянствѣ не было лучшихъ писателей, какъ въ Греческой Церкви. А что онъ лукаво ссылается на Чешскую ересь и позволяетъ себѣ разныя другія обиды, это я предоставляю софистамъ, и считаю недостойнымъ важнаго Богословскаго прѣнія». Замѣтимъ, что Эккъ не промолвилъ ни слова о Чехахъ; но Лютера обличаетъ собственная совѣсть.

Э. — «Согласенъ, что Греки нѣкогда были очень ученые и вѣрные Христіяне, когда они признавали Римскую Церковь первопрестольною. Но когда изъ зависти и высокомѣрія отложились отъ Рима, то впали въ ужасныя заблужденія и потеряли вѣру и Царство».

Л. — «Подумай, не въ высшей ли степени беззаконно исключать изъ Церкви столько тысячь мучениковъ и святыхъ, возращенныхъ Греческою въ продолженіе 1400 лѣтъ, когда они уже царствуютъ во славѣ на небѣ? Къ тому же, Греческая Церковь до нашихъ временъ никогда не получала изъ Рима епископовъ, и если бы то было установленіемъ Божественнымъ во всѣ времена, то всѣ епископы Александрійскіе и Византійскіе, и самые святые, какъ то: Григорій Назіянзинъ и другіе, были бы Чешскими еретиками, а это—страшное Богохуленіе. Заключеніе отъ потери царства на вѣру совершенно неправильно: вѣрѣ нѣтъ дѣла до земнаго могущества (такой же отвѣтъ въ 1451 году, на подобное возраженіе, дали Табориты Енею Сильвію). Я не защищаю Чешскаго раскола, а только Греческую Церковь, въ продолженіе 14

протекшихъ столѣтій; ея ли держатся Чехи, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. И какъ докторъ преслѣдуетъ меня Чехами, которыхъ расколъ продолжается не болѣе ста лѣтъ, такъ я поставляю ему на видъ 14 вѣковъ существованія Восточной Церкви, лучшей части вселенской.

Э. — Старыхъ Грековъ и св. мучениковъ и я постоянно хвалилъ; но докторъ смѣшиваетъ святыхъ Грековъ съ еретиками и отщепенцами, чтобъ защитить вѣроломство послѣднихъ подъ личиной Отцевъ.

Л. — Но кто же можетъ оспорить, что при разрушеніи Константинополя жили добрые Христіяне въ Имперіи Греческой, и многіе изъ нихъ приняты были въ Италію? Такъ пусть же докторъ укажетъ на раскольниковъ и еретиковъ между Греками!

Э. — А развѣ Несторій, Македоній, Евтихій, Акакій, Іоаннъ Константинопольскій, не были начальниками ересей? Правда, послѣ долгаго упорства, Греки обѣщали покорность при Евгеніи IV на Флорентійскомъ соборѣ, но снова оказались предателями. И если бы Греки не были отщепенцами и еретиками, мы не имѣли бы рѣшительнаго опредѣленія всей Католической вѣры, которое обличаетъ ихъ въ ереси; или, можетъ быть, докторъ не знаетъ, что Ѳома написалъ цѣлую книгу о заблужденіяхъ Грековъ?

Л. — Но еретики Несторій и пр. не составляютъ Восточной Церкви. И Латинская Церковь имѣла своихъ еретиковъ: Пелагіянъ, Манихеевъ, Ельпидіевъ и прочихъ. Но кто же дерзнетъ, ради нѣсколькихъ отступниковъ, клеймить отверженіемъ цѣлую Церковь?

Сдѣсь споръ прерывается Гуситскимъ вопросомъ. На самомъ концѣ прѣнія Эккъ возвращается еще разъ къ Греческой Церкви. «Совѣтую доктору признать Римскаго папу верховнымъ епископомъ, какъ исповѣдали самые Греки, императоръ, патріархъ и чины, обязавшись повиновеніемъ Риму, 2 Ноября, 1439 года, дабы способствовать умиренію Церкви». (1)

Въ оправдательномъ посланіи къ курфирсту Саксонскому, на обвиненія Экка, 13 Августа, 1519, Лютеръ еще съ большимъ уваженіемъ отзывается о Греческой Церкви. «Эккъ защищалъ пер-«венство папы jure divino, я возражалъ ему Восточною Церковію,

(1) Walch, XV, S. 1074 — 1195. — См. еще объясн. 13-го положенія на Лейпц. прѣнія. Walch, XVIII, S. 970, 1016, 1018.

которая цѣлыхъ 1400 лѣтъ никогда не стояла подъ Римскою. Если бъ положеніе Экка было справедливо, то великіе учители Церкви: Василій, Назіянзинъ, Аѳанасій, Златоустъ и другіе, подпали бы осужденію, по тому, что правили безъ отношенія къ Римскому престолу. На это Эккъ отвѣчалъ безстыднымъ ругательствомъ, что Греки всѣ безъ изъятія rebelles, schismatici и haeretici; я никогда не слыхивалъ такого дерзкаго, наглаго хуленія св. Церкви Восточной; между тѣмъ какъ въ самыхъ канонахъ славится Греція и Восточная Церковь, и никто не налагалъ на нее никогда укоризны. Правда, были въ ней еретики: Аріяне, Македоніяне и пр., но и въ Западной Церкви были Манихеи, Пелагіяне, и ради Іуды не должно хулить Христа и Апостоловъ». (1)

На Лейпцигскомъ состязаніи важно совпаденіе вопроса Гуситскаго съ Греко-Восточнымъ. Опроверженіе папской теоріи, какъ на самомъ прѣніи, такъ и въ пояснительныхъ ему сочиненіяхъ, могло быть заимствовано какъ изъ допроса Гусова на третьемъ слушаніи собора, такъ преимущественно изъ разсужденій противъ Палеча и Станислава. Многія частности слишкомъ явно указываютъ на знакомство съ этѣми послѣдними. Таково разсужденіе о папѣ, видимой, и о Христѣ, невидимой главѣ Церкви. «По смерти папы безъ главы Церковь не можетъ оставаться (acephala); почему же и при жизни папы не считать Христа единственною главою? Церковь не нуждается въ сугубомъ начальствѣ». (2) Мы помнимъ подробное разсужденіе Гуса о томъ же предметѣ. Еще яснѣе, заимствованіе въ любимой, не разъ повторяющейся, мысли Лютера: «До сихъ поръ еще не подчинены Римскому папѣ Персы, Инды, Скиѳы и всѣ Христіяне Восточные. Или думаешь, что тамъ нѣтъ Христіянъ, и что царство Христово ограничивается только Римомъ, не наполняя вселенной?» Это можно сравнить съ извѣстнымъ свѣдѣтельствомъ Гуса: «Et nec nunc fideles, per universum orbem sparsos, artat Christus sponsus recurrere ad Papam, sicut nec recurrunt Indi et Graeci, de quibus absit credere, quod singuli sint damnandi». (3) Отселѣ, что весьма замѣчательно, Греки и Чехи не

(1) Walch, XV, §. 18 — 19, S. 1538; §. 21, 29. sqq.
(2) Walch, XVIII, S. 1047.
(3) Walch, XVIII, S. 1040. — Лютеръ (Walch, XVIII, 372) прямо выводитъ распрю о Греческой Церкви на прѣніи изъ 12 статьи, 3-го слушанія Гуса. — Walch, XVIII, Отвѣтъ Эмзеру, S. 1522. — Hus. Hist. et Monum., I, S. 285.

раздѣльны у Лютера, какъ защитники одной и той же религіозной идеи. Такъ нѣсколько разъ въ сочиненіи противъ Эмзера, особенно въ книгѣ противъ Францисканца Августина Альфельда (въ Мартѣ 1520 года), гдѣ выводятся, и наши предки, говоритъ онъ: «Камень, на которомъ воздвигнута Церковь, знаменуетъ не папскую власть, а необходимую вѣру. Что не истребилось могущество папы, хотя многіе и силились его сокрушить, это не показываетъ еще побѣды надъ врагами ада; ибо точно также сохранилась и Греческая Церковь, и всѣ прочіе Христіяне по всей вселенной. Точно такъ пребываютъ до сихъ поръ Москвитяне и Чехи. Вопросъ заключается въ томъ: Римское папство, нынѣ, по видимому, спокойно обладающее верховною властію надъ всѣмъ Христіянствомъ, есть ли установленіе божественное, или человѣческое? И, въ слѣдствіе этого, можно ли, безъ нарушенія правды сказать, что всѣ прочіе Христіяне во всемъ мірѣ еретики и отступники, хотя бы они сходились съ нами въ Крещеніи, Евхаристіи, Евангеліи и всѣхъ прочихъ догматахъ вѣры, съ одной только разницей, что они не въ Римѣ поставляютъ священниковъ своихъ и епископовъ, и не даютъ себя дурачить, какъ Нѣмцы, покупающіе за деньги своихъ пастырей Церкви, каковы: Москвитяне, Бѣлоруссы, Греки, Чехи и другія великія державы міра? Этѣ послѣдніе вѣруютъ какъ мы, крестятъ какъ мы, проповѣдуютъ какъ мы, живутъ какъ мы, уважаютъ и папу, но не платятъ ему денегъ за поставленіе епископовъ; не вѣрятъ его процамъ, булламъ, грамотамъ и всей продажной святынѣ Римской; охотно приняли бы благовѣстіе Евангелія отъ папы, или посланниковъ папскихъ, но до сихъ поръ не сподобились такого благодѣянія. Я думаю, этѣ народы не только не еретики и отступники, но, можетъ быть, лучшіе, чѣмъ мы, Христіяне. Носятся слухи, что Русскіе просили быть приняты въ единеніе Римское, но св. пастыри Рима не иначе хотѣли пасти свое новое стадо, какъ обязавъ его вѣчнымъ платежемъ сколькихъ-то сотень тысячь червонцевъ. Пасомые не захотѣли такого пастбища и отвѣчали: «Если Христосъ покупается деньгами, то останемся лучше по прежнему, и дождемся времени, когда и сами предстанемъ на небо передъ вѣчнымъ Первосвященникомъ»». (1) Въ сочиненіи о Вавилонскомъ плѣненіи Церкви, какъ мы уже видѣли, Лютеръ торжественно

(1) Walch, XVIII, §. 95, S. 1214; §. 2. S. 1199; — §. 125, S. 1257.

оправдываетъ Грековъ и Чеховъ, а Римлянъ называетъ отщепенцами и еретиками. Въ Генварѣ 1521 года, въ опроверженіи Буллы проклятія, отзывается снова съ любовію о Грекахъ и Чехахъ. Защищая 16-ю мнимую ересь объ Евхаристіи подъ обоими видами, излагаетъ сперва богословскіе доводы, потомъ переходитъ къ исторіи: «Противъ Римскаго папы говоритъ, кромѣ Павла, и древній обычай всего Христіянства по всей вселенной, который длится и нынѣ у Грековъ. Повторяю опять: Греки и Чехи въ исповѣданіи этого догмата не еретики, не раскольники, а самые Христіянскіе и самые благочестивые послѣдователи Евангелія на землѣ. И въ настоящемъ трудѣ моемъ умоляю ихъ, ради Христа, не измѣнять своимъ вѣрованіямъ, не обольщаться превратными законами Римскаго тиранна и антихриста». Въ оборонѣ 25 статьи: «Римской епископъ, преемникъ св. Петра, не поставленъ Христовымъ намѣстникомъ надъ всѣми Церквами вселенной», Лютеръ говоритъ такъ: «Пускай владычествуетъ надъ міромъ; мнѣ до этого дѣла нѣтъ; но я не позволю ему: 1) извращать слово Божіе для доказательства своего права; 2) порицать, хулить, проклинать Грековъ и всѣхъ, не стоящихъ подъ рукою его, какъ не Христіянъ. Ибо вѣра Христова не привязана къ папѣ и Риму. Если же камень—папская власть, а созиданіе на немъ—послушаніе папѣ, то какимъ же образомъ врата адовы возмогли надъ Римскою Церковію, и все Христіянство отложилось отъ папы: Греки и Чехи, Африка и цѣлый Востокъ?....» И нѣсколько далѣе: «Все это доказалъ Іоаннъ Гусъ, а не Лютеръ». Въ оправданіи 37 статьи: «Св писаніе не говоритъ о Чистилищѣ»—новое указаніе на Грековъ. «Кто не вѣритъ Чистилищу, не долженъ считаться еретикомъ, если во всемъ прочемъ не отступаетъ отъ слова Божія, какъ дѣлаетъ Греческая Церковь». (1) Въ сочиненіи противъ Амвросія Катарина (1 Апр. 1521 г.), Лютеръ считаетъ особеннымъ дѣйствіемъ промысла блестящую побѣду, одержанную папствомъ, не смотря на сопротивленіе всей Греціи. (2) На Вормскомъ Сеймѣ легатъ Алеандеръ, вычисляя ереси Лютера, между прочимъ коснулся Чистилища, и, въ доказательство истины этого догмата, приводя Флорентійское соединеніе

(1) Luth. Grund und Ursache aller Artikel, Walch, XV, §. 153 — 154, 176, 180, S. 1819—1832, §. 244, S. 1861.
(2) Walch, XVIII, §. 280, S. 1921.

предъявилъ и Буллу Евгенія IV, и присовокупилъ, что, не смотря на частное сопротивленіе нѣсколькихъ Восточныхъ епископовъ, вся Греція единогласно признала первенство папы. Но совѣтники Курфиста Саксонскаго письменно отвѣчали на эту грамоту, отвергая подлинность акта и привѣшенной къ оному печати императора Греческаго, отрицая всякое участіе Германіи въ этомъ мнимомъ Вселенскомъ соборѣ. (1) Стало быть, въ началѣ XVI столѣтія, въ Германіи не одинъ только Лютеръ склонялся на сторону Грековъ, но и многіе примѣромъ Востока оправдывали свои отношенія къ папѣ.

Послѣ Вормскаго сейма трудно отыскивать въ сочиненіяхъ Лютера свѣдѣтельства въ пользу Греческой Церкви. Для него настала пора всеобщаго опроверженія стараго, пора основанія собственной Церкви, которая взирала враждебно на всѣ преданія исторической давности и, можетъ быть, потому только съ гордостію опиралась на Ветхозавѣтномъ, преимущественно допотопномъ, авторитетѣ, что слишкомъ мало имѣла ручательствъ въ Христіянской старинѣ. Отсюда понятны стремленія Лютера связать свою юную, безпомощную, недозрѣлую Церковь съ перво-Евангеліемъ по изгнаніи изъ рая, съ предвѣчною тайною воплощенія, общностію Христіянской идеи. Въ Вартбургскомъ уединеніи Лютеръ еще разъ, въ объясненіи 22 (21) псальма, оправдываетъ отдѣленіе Грековъ отъ Западной Церкви. «Тиранство нашего Ровоама было причиной отпаденія 10 колѣнъ народа Израильскаго, всей Церкви Восточной, отторгшейся отъ Римскаго деспота, и, можно надѣяться, что въ ней сохранилось, по крайней мѣрѣ, 7000 мужей, которые не хотѣли поклониться Ваалову идолу». (2) Свѣдѣтельство это было послѣднее. Въ гордой мечтѣ своей, что немедленно послѣ апостольской проповѣди исказились Христіянскія черты истинной Церкви: что все великое, мудрое, святое, вся Іерархія Востока и Запада, постоянно враждовала смиренію вѣры, съ тѣхъ поръ особенно, какъ кончились гоненія язычниковъ, и что онъ, послѣдній членъ гонимой Церкви праведниковъ, т. е., ищущихъ оправданія вѣрою, возстановилъ Евангеліе во всей чистотѣ, Лютеръ писалъ осужденіе на всю Христіянскую древность». Богъ за невѣріе отнялъ Евангеліе

(1) Walch, XV, S. 2038 — 2042.

(2) Walch, IV, §. 282, S. 1787. — Впрочемъ, еще ранѣе сейма онъ отзывался не совсѣмъ похвально о распряхъ между Римскою Церковію и Византійскою. См. Walch, IV, 2 Пс. §. 38—41, S. 328 sqq.; 7 Пс. §. 31, S. 707 и т. д.

у Восточныхъ народовъ и далъ имъ Магомета съ его Алкораномъ; Западнымъ народамъ далъ папу и съ нимъ всѣ ужасы царства антихристова». (1) Вотъ главная мысль, на которой основано воззрѣніе его на исторію Церкви. Она утвердилась въ немъ преимущественно въ первыхъ годахъ реформаціи, когда онъ съ особеннымъ жаромъ защищалъ свою проповѣдь о Благодати. Но въ 30-хъ годахъ замѣтенъ возвратъ, какъ вообще къ болѣе умѣренному взгляду на предметы вѣры, такъ преимущественно къ преданіямъ Церкви Восточной. Отвращаясь отъ Рима, онъ отыскивалъ соединенія съ Востокомъ, по крайней мѣрѣ, призывалъ его всею силою желаній своихъ. Не даромъ называлъ онъ Константинополь благороднымъ городомъ (die edle Stadt); не даромъ сравнивалъ его съ новой, обращенной къ чистотѣ Христіянства, Германіей. «Духовный Іерусалимъ, начавшійся въ видимомъ, разсѣянъ нынѣ по всѣмъ концамъ вселенной. Онъ можетъ быть въ Вавилоніи, Турціи, Татаріи, въ Россіи, Индіи, Германіи, гдѣ только есть люди, имѣющіе Евангеліе и вѣрующіе во Христа. Діяволъ не можетъ помѣшать владычеству Христа во вселенной. Въ Константинополѣ и во всей Турціи есть Христіяне также точно, какъ и въ Римѣ; потому что тамъ Нѣмцы имѣютъ особенный храмъ, гдѣ Евангеліе преподается на языкѣ родномъ, хотя тамъ Христіяне не такъ чисты и тверды, какъ въ другихъ мѣстахъ. Если бы всѣ Христіяне признавали Христа единственнымъ свѣтомъ, мы имѣли бы вездѣ одно исповѣданіе, учили бы и проповѣдывали вездѣ одинаково. Единомышленные съ нами были бы наши Восточные братья. Пришелъ бы кто ни будь изъ предѣловъ Вавилона, услышалъ бы проповѣдь нашу, и сказалъ бы: ««И я вѣрую также, какъ вы»». Пришелъ бы и я въ Турцію, къ какому ни будь Христіянину, услышалъ бы его проповѣдающимъ Христа, единого свѣтильника, и воздалъ бы свѣдѣтельство истинѣ его ученія. Отъ того-то всѣ мы и называемся Христіянами, чтобы исповѣдывать Христа единымъ путемъ къ жизни вѣчной. Пускай другіе зовутся Францисканцами, Доминиканцами, Картезіянцами, Папистами, Магометанами, они все же останутся блудящими огнями, которые ночью обольщаютъ путника обманчивымъ свѣтомъ». (2) Не даромъ Лютеръ отдаетъ превос-

(1) Walch, V, Объясн. 110 пс. §. 233—234. — XII, §. 50, S. 922. XXII, S. 21, 85, 141, 172, 1975.

(2) Walch, XXII, S. 176; — VIII, 4 гл. Галат. §. 286; S. 2555; — XXII, S. 687; — VIII, Объясн 1 гл Іоанна, §. 54, S. 1479, sqq. — См. еще, XXII, S. 2336.

ходство учености и мудрости Восточнымъ Отцамъ предъ Западными. [1] Въ другомъ мѣстѣ, ссылается на обычай Греческой Церкви, гдѣ въ старину пресвитеры проповѣдывали вмѣсто епископовъ въ присутствіи ихъ. [2] Въ послѣднихъ спорныхъ сочиненіяхъ противъ папы онъ возвращается совершенно къ точкѣ исхода, относительно первенства папы во всемъ Христіянствѣ. «Епископы: Александрійскій, Іерусалимскій, Константинопольскій, и всѣ прочіе епископы во всей Греціи и на Востокѣ, никогда не были подъ властію папы и теперь отъ него независимы», [3]—писалъ онъ въ 1538 году, въ сочиненіи «О подложномъ Константиновомъ вѣнѣ». Тоже самое повторялъ онъ и въ предисловіи къ Смалькальденскому исповѣданію вѣры. «Святая Церковь, по крайней мѣрѣ, первые 500 лѣтъ, существовала безъ папы, и до сихъ поръ Церковь Греческая и другія Христіянскія общины Церквей на Востокѣ имѣютъ своихъ священнослужителей, независящихъ отъ папы». [4] Въ 1545 году, въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій его о папствѣ въ Римѣ, еще болѣе прямое свѣдѣтельство, приводящее на память счастливыя времена Лейпцигскаго спора: «Паписты и сами знаютъ, что св. Кипріянъ, Августинъ, Иларій, Амвросій, Іеронимъ, Діонисій и множество святыхъ епископовъ по всей вселенной ничего не знали о папствѣ и не стояли подъ властію Римской Церкви. Они знаютъ и сами, что суевѣрное папство осуждаетъ, какъ еретиковъ, всѣхъ св. Отцевъ и соборы всѣхъ Христіянъ, какіе были въ продолженіе 1500 лѣтъ и еще есть и нынѣ между племенами Востока». [5]

Но, кромѣ приведеныхъ сужденій о Греческой Церкви, которые могли быть условлены общностію непріязненныхъ отношеній къ Риму, Лютеръ и вся Протестантская Церковь, ему современная, прибѣгала къ авторитету Восточной, въ затруднительныя минуты постепеннаго отрѣшенія отъ Латинскихъ догматовъ въ спорныхъ предметахъ вѣры. Она чувствовала необходимость опереться на церковномъ преданіи, оправдывала свои уклоненія примѣромъ уважаемаго Востока. Начнемъ съ брачной жизни духовныхъ.

(1) Walch, I, Объясн. 1 гл. Быт. §. 70, S. 45.

(2) Wider den f lschgenannten geistlichen Stand des Pabsts und der Bischoeffe, Walch, XIX §. 138, S. 901.

(3) Walch, XVI, S. 2507; — XXII, S. 1422.

(4) Ibid. S. 2341, 2372.

(5) Walch, XVII, S, 1322. 1333, 2334.

Бартоломей Бернгарди Фельдкирхенскій, въ Апологіи, представленной курфирсту Саксонскому, ссылается на примѣръ Иларія и Спиридона Кипрскаго, и на древній обычай, сохранившійся до нынѣ въ Греческой Церкви». (1) Межиборскій епископъ, въ допросѣ, сдѣланномъ двумъ Протестантскимъ священникамъ въ Шенбахѣ и Бухѣ (1523 г.), вступившимъ въ бракъ, вопреки Римскимъ законамъ, обвиняетъ ихъ также въ подражаніи Грекамъ. (2) Объ Евхаристіи подъ обоими видами говоритъ Меланхтонъ въ Апологіи Аугсбургскаго исповѣданія, что она сохраняется и по нынѣ въ Греческой Церкви; была когда-то и въ Римской или Латинской, по свѣдѣтельству Кипріяна и Іеронима. Самъ Лютеръ изъ Кобурга, совѣтуя главамъ Протестантовъ на Аусгбургскомъ сеймѣ, не уступать въ этомъ догматѣ насилію Католиковъ, прибавляетъ: «Христосъ установилъ его; все Христіянство единодушно сохраняло его многія сотни лѣтъ, въ ознаменованіе чего онъ блюдется и нынѣ въ Греческой Церкви, и въ мірѣ долженъ сохраниться, по крайней мѣрѣ на нѣсколькихъ мѣстахъ, «да не отпадетъ слово Божіе» (Римл. IX, 6). Въ замѣчаніяхъ на эдиктъ императорскій послѣ Аугсбургскаго сейма, Лютеръ говоритъ, что всѣ прочія Церкви во всемъ мірѣ, исключая Папистовъ, все Христіянство принимаетъ Причастіе подъ обоими видами. Когда начались переговоры Протестантскихъ чиновъ съ королемъ Англійскимъ, отступившимъ отъ Западной Церкви, Саксонскіе послы, между прочимъ, Миконій, выставили въ Лондонѣ три главные догмата, «три основныхъ столпа тиранства и суевѣрія папскаго», при которыхъ ученіе вѣры никогда не можетъ очиститься и владычество Римскаго епископа не можетъ искорениться», а именно: запрещеніе двухъ видовъ Причастія, брака духовныхъ и потаенную обѣдню (Stillmesse). Опровергая ихъ по одиначкѣ, они всюду ссылались на Греческую Церковь. Доказавши необходимость Причащенія чаши изъ ученія Христова и обычая Церкви первоначальной, они прибавляютъ: «Къ тому же и Греческая Церковь до сихъ поръ сохранила два вида Причастія; она противоборствовала въ этомъ папскому тиранству и никогда не подчинила себя духовному насилію. И исторія свѣдѣтельствуетъ, что и въ Германіи и во многихъ государствахъ и областяхъ (указаніе на Чеховъ), сохранялось истинное употребленіе таинства, пока

(1) Walch XV, S. 2357.
(2) Ibid. S. 2823, — Walch, XVI, S. 1243.

не было подавлено перунами Римскими». Генрихъ VIII отвѣчаетъ, что образъ употребленія двухъ видовъ Причастія въ Греческой Церкви достовѣрно не извѣстенъ, потому что вся Греція, страдая подъ игомъ Турецкимъ, не имѣетъ свободы исповѣдывать Христа. Слово Божіе всенародно не проповѣдуется; народъ не сзывается къ службѣ колокольнымъ звономъ; не совершаются также обычныя молитвословія съ предпесеніемъ хоругвей. Къ тому же, и тамъ въ великую пятницу священникъ и весь народъ причащаются подъ однимъ видомъ хлѣба (?), въ ознаменованіе того, что пречистая кровь Христова пролилась въ этотъ день на крестѣ за наше спасеніе. Подобныя возраженія не стоили никакого опровершенія: почти всѣ они — чистое незнаніе, что знать слѣдовало бы, принимаясь за перо съ цѣлію спорить».—Въ сочиненіи о папствѣ въ Римѣ (1545 года) Лютеръ ревнуетъ противъ папскихъ соборовъ, въ которыхъ осуждаются, какъ еретики, Христіяне, въ продолженіе 1400 лѣтъ принимающіе два вида Причастія, а императору вмѣняется въ обязанность преслѣдовать, убивать и жечь Христіянъ, сохраняющихъ этотъ обычай въ Индіи, Персіи и на цѣломъ Востокѣ. (1)

Въ вопросѣ о литургіи, всего чаще указанія на Грековъ. Лютеръ, въ проповѣди о Новомъ Завѣтѣ, говоритъ, что «при первомъ установленіи Таинства, апостолы, а за ними долгое время и всѣ Христіяне, служили обѣдню во всей простотѣ, пока не начались отдѣльные обряды, одни у Римлянъ, другіе у Грековъ». Но, такъ какъ чинъ литургіи, чѣмъ ближе подходитъ къ первой литургіи Христовой, тѣмъ чище и превосходнѣе, то мы не можемъ хвалиться передъ Русскими, или Греками, какъ будьто мы только одни служимъ истинную обѣдну. Почему бы и Нѣмцамъ не служить ея на своемъ языкѣ, по примѣру Латинянъ, Грековъ и другихъ народовъ?» Извѣстно, что всего болѣе соблазняло послѣдователей новаго ученія въ Латинской обѣднѣ: 1) отнятіе у міряиъ причащенія чаши и богослуженіе, совершаемое однимъ священникомъ, безъ народа присутствуюшаго, въ противность слову общенія, communio, положенному въ основаніе литургіи апостольской; 2) усвоеніе литургіи, исключительно назначенной къ преподаванію Таинства, въ пользу живымъ и усопшимъ, какъ жертва не благодарственная (Евхаристія, Dankopffer), а умилостивительная, приносимая отъ лица священнослужителя, въ какомъ случаѣ, она, по мнѣнію Лютера и всей его Церкви, отходила въ разрядъ, такъ

(1) Walch, XVI, S. 1353, 1701, 2032; -XVII, S. 273 311, S. 2188; XIX, S. 1523—24.

называемыхъ, opera operata, т. е., добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ для полученія блаженства. Всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ, что въ высшей степени замѣчательно, Протестанты отыскивали противодѣйствія въ Греческой Церкви. Когда въ бытность Лютера въ Вартбургскомъ замкѣ, въ 1521 году, уничтожена Латинская обѣдня въ его приходѣ, Виттембергскіе депутаты, въ оправдательномъ посланіи къ Фридриху Мудрому, ссылались на Грековъ. «До временъ Кипріяна»,—говорили они,—«хранился первый, старинный обычай Причащенія подъ обоими видами; онъ хранится до сихъ поръ во всей Греціи и Церкви Восточной; тамъ служатъ обѣдню, какъ служили Апостолы. А что нынѣшній Латинскій совершенно новый, доказательствомъ тому служитъ все Миланское епископство, которое вовсе не имѣетъ главной части канона Латинскаго, такъ что ни одинъ Римлянинъ не можетъ служить по Миланскимъ служебникамъ. Самъ Лютеръ, проѣзжая Миланомъ и намѣреваясь служить, остановленъ былъ торжественнымъ объявленіемъ тамошнихъ священниковъ: «Nos sumus Ambrosiani». Что мы не служимъ частныхъ обѣденъ (missae privatae),—говоритъ Меланхтонъ въ Апологіи,—«а одну всенародную, это не противорѣчитъ общей Христіянской Церкви. Ибо въ Греческихъ церквахъ до сихъ поръ не служатъ потаенныхъ обѣденъ, но по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всенародныя». Это все указаніе на старинный церковный обычай. Такое назначеніе обѣдни, Меланхтонъ выводитъ изъ настоящаго смысла Греческаго слова: «литургія», и продолжаетъ: «Греческій чинъ литургіи не усвоиваетъ ее въ видѣ удовлетворенія усопшимъ, потому что въ тоже время усвоиваетъ ее и всѣмъ патріярхамъ, пророкамъ, апостоламъ. Изъ сего явствуетъ, что Греки приносятъ въ своей литургіи жертву благодарственную, но не удовлетвореніе за казни Чистилища. Ибо они, конечно, не думаютъ объ искупленіи пророковъ и апостоловъ отъ муки Чистилища, а только возносятъ благодареніе, вмѣстѣ съ ними, за высокія вѣчныя блага, дарованныя намъ, наравнѣ съ ними». Лютеръ, какъ извѣстно, оправдалъ Апологію, и самъ въ тоже время указывалъ на литургію Амвросія и Греческій чинъ. Еще подробнѣе защищали мнѣніе это послы Протестантовъ въ переговорахъ съ королемъ Англійскимъ. «До временъ св. Григорія (папы) не было потаенныхъ обѣденъ, какъ явствуетъ изъ многихъ свѣдѣтельствъ, въ особенности изъ Златоустова: «Священникъ да предстоитъ алтарю, допуская однихъ къ причащенію,

отлучая другихъ»,—и изъ старыхъ служебниковъ, гдѣ предписывается младшимъ іереямъ и діяконамъ принимать Причащеніе отъ предстоятеля. Этотъ обычай, какъ слышно, хранится и нынѣ въ Греческихъ приходскихъ церквахъ, гдѣ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ совершается литургія общенародная, и не знаютъ потаенныхъ обѣдень. «Греческая Церковь,—«прибавляютъ послы,—«была въ этомъ случаѣ гораздо счастливѣе Латинской, сохранивъ лучшій способъ преподаванія Таинства: 1) тѣмъ, что она не раздѣлила, подобно Латинской, двухъ видовъ Причастія, и 2) не приняла потаенныхъ обѣдень. И мы думаемъ, что то была одна изъ главныхъ причинъ, почему она не признала верховной главой Каѳолической Церкви епископа Римскаго, виновника богохульнаго ученія и почти всѣхъ злоупотребленій, введенныхъ въ Церковь». На все это Генрихъ VIII отвѣчалъ, что «если и при всенародной торжественной литургіи, все же никто изъ присутствующихъ не причащается, кромѣ священника, она становится той же частной обѣдней; потому что»,—прибавляетъ онъ знаменательно,—«и между Греками, гдѣ, по вашему, служится только воскресная и праздничная литургія, причащается рѣдко кто изъ народа, какъ слышали мы отъ достовѣрныхъ мужей, присутствовавшихъ при Греческомъ богослуженіи. Надлежитъ ли священнику опустить совершеніе литургіи, когда изъ народа, сошедшагося къ богослуженію въ праздникъ, никто не намѣренъ приступить къ Таинству? И такъ, если вы оправдываете литургію безъ причащенія присутствующихъ, лишь бы только она совершалась при стеченіи народа, причащающагося духовно, то необходимо оправдать и частную обѣдню, гдѣ священникъ одинъ олицетворяетъ въ себѣ всю Христіянскую Церковь, иначе не будетъ послѣдовательности». (1) Ясно, что Протестанты воздавали свѣдѣтельство Апостольской чистотѣ Православія, и даже прибѣгали къ натяжкамъ, чтобъ доказать свое единомысліе съ свѣтозарнымъ Востокомъ. Съ своей стороны, противники судили ихъ отъ собственныхъ устъ и обличали примѣромъ того же Востока. Отъ чего же и нынѣ Протестантская Церковь не приложится ко мнѣніямъ своихъ патріярховъ? Вѣдь это было не частное изъявленіе чувства того или другаго проповѣдника? Это было общимъ признаніемъ, которое легло въ Апологіи, настольномъ

(1) Walch, XIX, S, 1287—1280; —XV, S. 2351; —XXII, S. 897, 1515; —XVI, S. 1522, 1576, 1597, 1600, 1707; XXII, c. 35, §. 4, S. 1513.

кодексѣ ихъ шаткихъ вѣрованій. Передъ нимъ смирилась и самая строптивость Лютера; оно вышло отъ Меланхтона, самаго умѣреннаго и самаго ученаго изъ ихъ представителей.

Если, въ заключеніе, спросимъ самихъ себя, къ чему послужили герою Нѣмецкой Реформаціи знакомство съ Славянскимъ преобразователемъ и сближеніе съ Чехами? Отвѣтъ на готовѣ. Это знакомство было не случайное; оно условлено было не столько историческою преемственностію явленій, вытекающихъ одно изъ другаго, сколько особеннымъ дѣйствіемъ Промысла въ неисповѣдомыхъ судьбахъ религіозной жизни человѣчества. Что-то роковое постоянно сближало этѣхъ двухъ человѣкъ, столь различныхъ духомъ, свойствами, вѣрованіями, отдѣленныхъ въ пространствѣ и времени всею бездной историческаго призванія двухъ великихъ народностей. Не даромъ говорилъ Лютеръ, что «значеніе Гуса несравненно важнѣе по смерти, чѣмъ могло быть при жизни, мирно оконченной въ Чехіи». Въ трехъ великихъ мгновеніяхъ Лютеровой жизни совершилось преображеніе Гуса. Онъ указалъ преобразователю истинное значеніе папства и разорвалъ оковы, привязывавшія его къ Западной Церкви. Онъ спасъ его въ Вормсѣ, въ торжественнѣйшую минуту его бытія; онъ обратилъ его Нѣмецкую физіономію къ отдаленному Востоку, и тѣмъ отвращалъ его отъ скользкаго пути реформаціи въ одинокомъ развитіи его Западной личности. Этѣ три задачи могъ совершить только Гусъ, а не кто другой изъ предшественниковъ Лютера. Онъ былъ посланъ ему въ невидимые спутники, руководить, наставить, предохранить его отъ заблужденій. Онъ дѣйствовалъ на него примирительно, а Лютеръ обратилъ его въ орудіе казни. Онъ не понялъ учителя, или лучше, не захотѣлъ итти по его указаніямъ. Въ его реформаціи есть что-то недодѣланное, чего онъ самъ не въ силахъ былъ довершить, а завѣщалъ потомству. Въ новѣйшее время Нѣмецкая наука взялась пополнить его созданіе, обратившись съ жаромъ къ изученію Гуса, пока, однако жь, безплодному. Желательно, чтобъ она не остановилась на полдорогѣ, или не обратилась вспять, заглядываясь слишкомъ на своеземные образцы, пуще же всего была бы безпристрастной, безъ чего всуе будетъ трудиться надъ прочнымъ созданіемъ. Въ вѣроисповѣдной жизни не намъ, Славянамъ, принимать наставленія отъ Нѣмцевъ нынѣ, когда мы, въ лицѣ Гуса, давали ихъ уже Лютеру за три столѣтія.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ II.

Отношенія Гуса и Лютера къ соплеменникамъ.

ГЛАВА I.

Стр.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ОТДѢЛЪ III.

Отношенія Гуса къ народу и его ученіе.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ОТДѢЛЪ IV.

Вліяніе Гуса и Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія на Лютера и вообще на Нѣмцовъ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.